This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P.S|aw 17.6.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

23 Sept — 23 Oct, 1897.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXI. — ТОМЪ CCCLXI. — 1/13 СЕНТЯБРЯ 1897.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1897

Digitized by Google

791 b/2 P Slav 176.25
~~Slav 30.2~~

1897, Sept 23 – Oct 23.
Sewer fund.

2561

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 9-Я.

СЕНТЯБРЬ, 1897.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1897.

Стр.

I.—ЭКЗОТИКИ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая: I-XIX.—**Гр. Евг. В. Сальяса** 5

II.—ЖЕНСКІЕ МЕДИЦИНСКІЕ КОЛЛЕДЖИ въ Англіи и С.-Америкѣ. — Изъ поѣздки зимою 1895-1896 г.—IV-VI.—Окончаніе.—**О. Л.** 88

III.—КЪ СВѢТУ.—Разсказъ арестанта.—Съ галицко-русскаго.—**Ив. Франка**. . 104

IV.—СУДЬБА ПУШКИНА.—**Владиміра Соловьева** 131

V.—„ГЛАСЪ НАРОДА". — „Vox populi". Roman von Konrad Telmann.—XXI-XXVIII.—Окончаніе.—**А. Б—г—** 157

VI.—РЕФОРМАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ КИТАѢ.—I.—**П. Попова** 206

VII.—ПУТЕШЕСТВІЯ ЗА ГРАНИЦУ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.—I-II.—**А. Н. Пыпина**. 244

VIII.—КАРЛЪ МАРКСЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.—II.—**Л. З. Слонимскаго** 288

IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Kennst du das Meer.—II. Изъ осеннихъ мелодій.—**В. Саводникъ**. 308

X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Новое обостреніе продовольственнаго вопроса.—Легенды и дѣйствительность.—Мнимая *негосударственность* земства. — Попытка реабилитаціи „лукояновцевъ".—Распространеніе области дѣйствій фабричнаго законодательства.—Сверхъ-урочныя работы по закону 2-го іюня.—Инструкціи и правила, предусмотрѣнныя этимъ закономъ.—Новыя законодательныя мѣры. 313

XI.—ПЕРВЫЯ ЧАСТНЫЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ. — По личнымъ воспоминаніямъ. — **И. К.** 336

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новое международное положеніе и франко-русскій союзъ. — Упадокъ германской гегемоніи и возможныя французскія иллюзіи.—Политическія дѣла въ Англіи.—Смерть испанскаго министра-президента Каповаса-дель-Кастильо 350

XIII.—НОВЫЕ ЗОЛОТЫЕ ПРІИСКИ ВЪ С.-АМЕРИКѢ.—Письмо изъ Калифорніи.—**П. А. Тверского**. 363

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Имп. Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Т. II.—Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Т. I.—Русскій сѣверъ, А. П. Энгельгардта.—Изданіе Историч. Общества при Имп. Москов. Университетѣ. Годъ I.—Т.—Новыя книги и брошюры 371

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. G. Deschamps, La Vie et les Livres, sér. 4.—II. H. Bérenger. La Proie.—III. Ad. Brisson, Portraits intimes, sér. 3.—**З. В.** 388

XVI.—ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ БУСЛАЕВЪ.—Некрологъ.—**А. Н. Пыпина**. . . 405

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Неудобство неумѣренныхъ восторговъ.—Катковъ, изображаемый какъ „Прометей", „Титанъ" и „Пророкъ", какъ спаситель и просвѣтитель Россіи.—Полное собраніе передовыхъ статей Каткова.—Одинъ изъ эпигоновъ славянофильства.—Раздвоющійся писатель. — Невѣроятная программа. — Первыя извѣстія о торжественномъ въѣздѣ Ихъ Величествъ въ г. Варшаву 411

XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЕ.—Отъ С.-Петербургскаго Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" 428

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Письма Иннокентія, митрополита московскаго и коломенскаго, кн. 1, собран. Ив. Барсуковымъ.—Что нужно для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи? Д. П. Малютина.—Султанъ и державы, Малькольма Макъ-Колля.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и послѣднюю четверть года въ 1897 г.

(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки).

Digitized by Google

ЭКЗОТИКИ

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Exotique"—Etranger au pays. Qui ne croit pas dans son pays.
Vocabulaire de 'Académie Française.

I.

Въ сырой и пасмурный, но теплый ноябрьскій вечеръ, несмотря на приближеніе полуночи, Парижъ еще сіялъ и шумѣлъ. День природы давно кончился и угасъ, но день людской только кончался, и гудя, постепенно замиралъ.

На улицахъ, за исключеніемъ большихъ бульваровъ, становилось все пустыннѣе. Омнибусы на половину пустые дѣлали послѣдніе концы, и на свободныхъ скамейкахъ ихъ имперіаловъ уже виднѣлись спящіе блузники и чернорабочіе, запоздавшіе по домамъ послѣ трудового дня... Въ иныхъ улицахъ уже запирались лавки, тушился огонь въ окнахъ.

Наоборотъ, на бульварахъ толпа сгустилась отъ выходящихъ кучками и вереницами изъ театровъ... Около Оперы былъ разъ[illegible]ъ, но много народу съ ступеней сіяющаго зданія переходило [illegible]щадь пѣшкомъ и наполняло ближайшія большія кафе. Въ [illegible]тѣ прочихъ были мужчины во фракахъ, сопровождавшіе дамъ [illegible]легантныхъ туалетахъ, шубкахъ и накидкахъ, но безъ шляпъ. [illegible]это были парочки, которыхъ не оцѣнитъ по достоинству [illegible]ько иностранецъ. На „лѣвомъ берегу" или „съ той стороны [illegible]ы", какъ называютъ парижане Сенъ-Жерменское предмѣстье

Digitized by Google

и Латинскій кварталъ, жизнь затихала еще замѣтнѣе. Только въ одной изъ старыхъ узкихъ улицъ было сильное движеніе. Одинъ изъ стариннѣйшихъ аристократическихъ домовъ въ глубинѣ двора ярко сверкалъ огнями, а его монументальныя ворота аркой съ громаднымъ гербомъ на порталѣ были раскрыты настежъ.

Большія ландо и одноконныя каретки фіакровъ со всѣхъ концовъ Парижа съѣзжались въ узенькую улицу и, двигаясь шагомъ, въѣзжали во дворъ, а затѣмъ выѣзжали снова и устраивались вереницей вдоль тротуаровъ.

Дворъ былъ достаточно освѣщенъ, но казался темнымъ сравнительно съ сіяньемъ, которое разливалось за большимъ домомъ. Окна дома или, какъ принято называть, „отеля“, выходившія съ этой стороны въ большой садъ со столѣтними деревьями, сіяли вдесятеро сильнѣе, такъ какъ здѣсь были всѣ гостиныя и большой танцовальный залъ, сверкавшіе отъ массы электрическихъ лампочекъ.

Въ этомъ отелѣ, принадлежащемъ два столѣтія одному и тому роду бретонскихъ графовъ, жилъ теперешній представитель ихъ, виконтъ Кергаренъ съ молоденькой женой, женившійся около двухъ лѣтъ тому назадъ на иностранкѣ. Кергарены принимали еще только вторую зиму и это былъ ихъ первый большой балъ вновь начинающагося сезона. Въ ихъ средѣ ихъ балъ бывалъ всегда выдающимся явленіемъ, благодаря роскоши и массѣ приглашаемыхъ.

Весь наличный составъ Сенъ-Жермена бывалъ обязательно здѣсь на лицо, не исключая кого-либо изъ принцевъ Орлеанскаго дома, но кромѣ того въ числѣ членовъ старинной аристократіи, орлеанистовъ, карлистовъ, прежнихъ легитимистовъ, или новыхъ, именующихся нынѣ: „Les Blancs d'Espagne“, у нихъ появлялись люди совсѣмъ не принадлежащіе къ этой средѣ. Тутъ бывало равно много общественныхъ тузовъ и видныхъ личностей, которыхъ создалъ новый государственный строй и новыя вѣянія, новыя времена.

Въ великолѣпномъ отелѣ, видавшемъ въ своихъ стѣнахъ Людовика XV, теперь обѣдали, играли въ карты или танцовали люди, присутствіе которыхъ предки Кергарена сочли бы оскорбленіемъ не только въ дальнія времена Людовика XVI, но и во дни Наполеона I или реставраціи. Это были представители двухъ новыхъ силъ, „міръ финансовъ“ и „міръ печати“. Старая, но теперь могучая, и новая, быстро окрѣпшая—двѣ великія державы.

Кромѣ того, у Кергареновъ была масса хорошихъ знакомыхъ и друзей изъ такой среды, которая во время дно совсѣмъ не

Digitized by Google

существовала, а теперь существуетъ повсюду, особенно же въ крупныхъ центрахъ. Эту среду, блестящую, богатую и крайне пеструю, или разнокалиберную, создалъ локомотивъ. Но онъ же поэтому и не позволилъ этой средѣ явиться и существовать гдѣ-либо въ одномъ пунктѣ Европы. Еще недавно это были представители народовъ одной части свѣта, но теперь... всѣхъ пяти...

Викóнтъ Кергаренъ не принадлежалъ къ банальному типу золотой молодежи Сенъ-Жермена. Неглупый малый, независимый, очень богатый и ожидающій еще получить отъ старика дяди, Кергарена, и титулъ и огромное состояніе,—недолго веселился въ Парижѣ и удовлетворялся балами, визитами или бульварами и театрами. Въ двадцать три года онъ уже началъ путешествовать, побывалъ вездѣ, гдѣ легко можно было побывать, заглянулъ и туда, гдѣ, по увѣренію его соотечественниковъ, странствовать и мудрено, и опасно. А именно: въ Марокко и Тунисѣ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ. Когда онъ разсказывалъ о своемъ послѣднемъ путешествіи—о Ташкентѣ и Самаркандѣ, то парижскіе друзья проникались особымъ уваженіемъ къ его отвагѣ и самоотверженію.

Но въ этихъ путешествіяхъ, случайно попавъ два года тому назадъ въ Яссы и задержавшись здѣсь среди зимы, онъ тоже случайно встрѣтился на какомъ-то концертѣ съ семнадцатилѣтней Елизаветой Турдза, младшей дочерью мѣстнаго аристократа и крупнаго политическаго дѣятеля. Несмотря на протестъ старика дяди и даже угрозы лишить наслѣдства, молодой викóнтъ женился на красавицѣ румынкѣ, увѣряя дядю, что она такъ воспитана и такъ великолѣпно говоритъ по-французски, что въ ней чужеземнаго нѣтъ ничего. Онъ увѣрялъ шутя дядю:

— Elle est plus parisienne, que Paris même!

И дѣйствительно, молодая викóнтесса, переселившись изъ Яссъ въ Парижъ, сама перестала за одну зиму вѣрить, что не родилась на берегахъ Сены. Съ ней случилось то, что̀ бываетъ съ извѣстными растеніями. Пересаженныя съ одной почвы на другую, они ростутъ и цвѣтутъ на славу и только иногда, впослѣдствіи, принимаютъ нѣкоторыя характерныя формы, чуждыя первоначальному виду.

Отель викóнтессы Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, какъ иностранки, собственно молдаванки, сталъ преимущественнымъ средоточіемъ экзотическаго общества, состоящаго изъ новыхъ номадовъ новыхъ временъ, кочующихъ во всѣхъ краяхъ міра, исключая своего.

Вѣроятно, благодаря этому элементу, вечера и балы Кергá-

Digitized by Google

реновъ славились въ Парижѣ, какъ самые оживленные. Только старики сенъ-жерменцы, бывая у виконтессы, подшучивали надъ господствующимъ въ ея салонахъ французскимъ языкомъ: „c'est du français internationalisé"!—говорили они. Одинъ изъ „безсмертныхъ" пошутилъ даже, что на большомъ пріемѣ или балѣ у Кергареновъ можно услыхать семь и восемь французскихъ языковъ, настолько различныхъ, что разговаривающіе часто другъ друга не вполнѣ понимаютъ.

II.

Около полуночи отель Кергаренъ былъ переполненъ гостями, балъ разгорался. Несмотря на большіе размѣры всѣхъ комнатъ, на обширность танцовальнаго зала, было все-таки тѣсно и жарко. Въ залѣ танцовали вальсъ на небольшомъ свободномъ пространствѣ, а для кадрили молодежи приходилось обращаться къ уличнымъ полицейскимъ мѣрамъ—тѣснить и осаживать публику.

Вся эта элегантная толпа составлялась здѣсь изъ двухъ элементовъ: французы и иностранцы. Первые дѣлились на аристократію и разночинцевъ; вторые—на заѣзжихъ и осѣдлыхъ или какъ ихъ прозвали: les éxotiques de Paris. Въ этой пестрой толпѣ, поэтому, рядомъ съ господствующимъ курьезнымъ французскимъ языкомъ слышались во всѣхъ углахъ всевозможные рѣчи, діалекты, оригинальные носовые и гортанные звуки.

Когда съѣздъ кончился, хозяйка, высокая и стройная брюнетка, съ большими черными глазами, но съ густыми бровями, какъ усы юноши, и черезъ-чуръ полными губами, которыя мѣшали ей быть истой красавицей, перешла въ угловую маленькую гостиную, гдѣ отдѣльно собралась кучка близкихъ знакомыхъ. Усѣвшись въ кружокъ, мужчины и женщины весело болтали. За исключеніемъ одного англичанина и одного француза, всѣ остальные были соотечественниками между собой—русскіе.

На диванѣ, въ оригинальномъ нѣжно-фіолетовомъ туалетѣ, отдѣланномъ фіалками, сидѣла баронесса Фуртъ-фонъ-Вертгеймъ, русская нѣмка по отцу и мужу, москвичка по мѣсту рожденія, но католичка. Это была женщина, лѣта которой сразу было трудно опредѣлить, но, однако, далеко за тридцать, если не всѣ сорокъ. А между тѣмъ, она была настолько еще моложава и красива, благодаря чудному цвѣту лица, глубокимъ темно-сѣрымъ глазамъ и милой улыбкѣ, что ея никто не причислялъ къ пожилымъ женщинамъ.

Около нея на маленькомъ золоченомъ стульчикѣ примостился

Digitized by Google

почти съ опасностью сорокалѣтній толстякъ, типическій брюнетъ съ жирнымъ, будто опухшимъ лицомъ, гладко-остриженный „на нѣтъ“, что̀ скрадывало его большую плѣшь на маковкѣ, и тщательно обритый. Его типичность произношенія, голосъ и манера говорить, частить, все ясно свидѣтельствовало о его семитическомъ происхожденіи. Это былъ журналистъ Жакъ Мойеръ, натурализованный французъ и акклиматизованный парижанинъ. Онъ вкрадчиво и подобострастно объяснялъ что-то баронессѣ полушопотомъ. Она смотрѣла въ его мигающіе глаза своими добрыми и тихими глазами въ упоръ и пристально и въ нихъ сквозило снисходительное пренебреженіе.

Въ углу близъ камина помѣстились рядомъ на диванчикѣ очень юный блондинъ и его жена, смуглая какъ цыганка. Этого почти юношу, но уже женатаго, всякій легко призналъ бы здѣсь за барона Вертгейма по чрезвычайному сходству съ моложавой матерью.

Недавно обвѣнчанные Вертгеймы не разлучались и въ гостяхъ, но вели себя почти какъ дѣти, и на нихъ всѣ такъ и смотрѣли.

Съ другой стороны камина, на кушеткѣ, въ красивомъ полулежачемъ положеніи, которое именуется позой „покинутой Аріадны“, граціозно пристроилась, облокотясь на вышитую подушку, молодая женщина, графиня Нордъ-Остъ, бросавшаяся въ глаза оригинальностью и изяществомъ своей внѣшности. Сѣровато-золотистые, вьющіеся волосы, синіе глаза съ зеленоватымъ отблескомъ и поразительно бѣлыя, нѣжныхъ очертаній плечи и руки дѣлали изъ нея настоящую красавицу.

Графиня Кора, какъ ее звали всѣ уменьшительнымъ отъ имени Клеопатра, была истая русская, рожденная княжна Черниговская, но по типу ее легко можно было принять и за англичанку, и за голландку. За то ея мать была, какъ говорится, темнаго происхожденія и неизвѣстной національности, если не финляндка. Дочь уродилась внѣшностью въ мать, но была вдесятеро красивѣе ея. Около графини Коры сидѣлъ на маленькомъ табуретѣ хорошо извѣстный во всемъ Парижѣ спортсменъ, графъ Вячеславъ Загурскій, представитель уже третьяго поколѣнія обрусѣвшихъ поляковъ. Загурскій былъ извѣстенъ прежде всего какъ богачъ, хотя говорили въ Парижѣ, что такъ какъ онъ уже лѣтъ семь страшно соритъ деньгами, то врядъ ли надолго хватитъ у него средствъ. Во-вторыхъ, Загурскій былъ извѣстенъ своей красотой. Но это былъ не славянскій типъ; онъ походилъ скорѣе на южанина. Нѣкоторые увѣряли, что это чистѣйшій типъ корсиканца. Смуглый брюнетъ, съ короткими вьющимися черными какъ смоль волосами,

Digitized by Google

съ красивыми узкими глазами, отличавшимися страннымъ выраженіемъ, называемымъ по-русски „поволокою“. У такихъ глазъ взглядъ сладко томный, добрый, иногда упорный, проницательный, но незлобивый. Взглядъ, говорятъ, всегда сводящій съ ума очень юныхъ дѣвушекъ и уже пожилыхъ дамъ.

Загурскій болталъ больше всѣхъ, разсказывалъ свой подъемъ съ компаніей англичанъ на Монбланъ, затѣмъ сталъ подымать на смѣхъ польскую азбуку, говоря, что нелѣпо для одного звука употребленіе трехъ и четырехъ буквъ.

— И все это изъ ненависти къ Россіи,—говорилъ онъ.— Взяли бы русскую азбуку, если языкъ такой же.

Вообще онъ всегда демонстративно относился къ Польшѣ.

Въ углу комнаты сидѣлъ, не вступая въ разговоръ, красивый молодой человѣкъ лѣтъ тридцати на видъ. Его каштановые волосы были гладко причесаны, почти прилизаны въ пластъ, а темно-русая бородка была острижена по модѣ à la Henry III. Въ лицѣ его, правильномъ и выразительномъ, была нѣкоторая суровость, какъ отпечатокъ энергіи и силы воли. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ былъ будто озабоченъ и особенно задумчивъ. Онъ не спускалъ глазъ съ дверей, какъ бы ожидая появленія кого-то... Только одинъ разъ, при взрывѣ смѣха отъ чего-то сказаннаго Загурскимъ, онъ оглянулся на гостей, приглядѣлся къ графу и проговорилъ мысленно:

„Ты и не предчувствуешь, что, можетъ быть, сегодня съ тобой случится. Да. Тебя... Другихъ никого нѣтъ“.

Молодой человѣкъ былъ англичанинъ, собственно ирландецъ, и католикъ, въ то же время феній, но жилъ въ Парижѣ уже очень давно. Хотя имя его было звучное—Ліонель, но фамилія была вульгарно простая,—Френчъ. За то онъ носилъ титулъ баронета и считался, съ его же словъ, дальнимъ родственникомъ лордовъ Вестминстеровъ и Марльборо. Впрочемъ, нѣкоторые англичане аристократы увѣряли, что это ничего не доказываетъ, можетъ быть и выдумкой и правдой, точно такъ же, какъ какой-нибудь monsieur Langlais случайно можетъ, конечно, быть дальнимъ родственникомъ какого-нибудь Монморанси или Ларошфуко.

Френчъ сидѣлъ между двухъ молодыхъ людей, французомъ, по имени Дю Кло Д'Ульгатъ, и русскимъ, княземъ Черниговскимъ, братомъ красавицы графини. Они болтали, но онъ сурово молчалъ.

Все время приглядываясь къ дверямъ, онъ, наконецъ, вдругъ встрепенулся и всталъ. По анфиладѣ комнатъ приближалась маленькая фигурка дѣвушки и за ней пожилой человѣкъ во

Digitized by Google

фракѣ со звѣздой. Когда они появились въ дверяхъ, хозяйка быстро встала и особенно любезно встрѣтила ихъ. Это были русскіе. Молодая дѣвушка, сирота, Любовь Скритицына, съ дядей опекуномъ.

— Quelle surprise!.. Давно ли, monsieur Дубовскій?..—спросила хозяйка.

— Сегодня утромъ съ курьерскимъ. Прямо съ бала въ Зимнемъ дворцѣ и на вашъ балъ,—отвѣчалъ пожилой господинъ и прибавилъ:—Позвольте прежде всего поцѣловать ваши ручки, за покровительство и патронажъ моей Любочкѣ въ мое отсутствіе.

— Ахъ, я была такъ рада съ Эми выѣзжать!—отозвалась виконтесса.—И потомъ cela me posait, какъ серьезную женщину, если мнѣ довѣряютъ молодыхъ дѣвушекъ.

Вновь прибывшій Дубовскій поздоровался со всѣми какъ съ хорошими знакомыми и только съ однимъ Ліонелемъ Френчемъ раскланялся холодно, едва тронувъ его руку.

Его племянница, которую съ дѣтства всѣ звали англійскимъ именемъ „Amy“, была встрѣчена особенно радушно. Молодая дѣвушка! особенно миніатюрная и маленькая ростомъ, которую, еслибы не длинное платье, можно было принять за тринадцатилѣтнюю дѣвочку, быстро и фамильярно перездоровалась со всѣми. Только съ молодымъ англичаниномъ поздоровалась она какъ-то особенно. Повидимому, холодно, а взглядъ ея сказалъ другое, но только не всѣмъ, а ему одному.

И Любовь Скритицына, или Эми, сказавъ каждому что-нибудь пріятное, обратилась къ хозяйкѣ:

— Pardon. Это будетъ невѣжливо... Но я буду стараться сократить то, что̀ хочу сказать.

И она заговорила съ баронессой, съ графиней и Загурскимъ на своемъ родномъ языкѣ. Но этотъ родной ея языкъ, т.-е. русскій, звучалъ особенно. Если бы здѣсь оказался вдругъ какой-либо ея соотечественникъ, не зажившійся за границей, а недавно выѣхавшій впервые изъ предѣловъ родины, то онъ очень удивился бы этому странному русскому языку и оригинальному произношенію нѣкоторыхъ буквъ.

Эта русская молодая дѣвушка произносила: „тэпэръ, конэтшно, отшэнъ карашо“... Вмѣсто „вы“ и „мы“ она говорила „ви“ и „ми“. Вмѣсто слова „счастливый“ она сказала: „шастеливи“. Кромѣ того она говорила русскимъ переводнымъ языкомъ: „Я это слышала сказать, говорить“ (je l'ai entendu dire). „Я вижу, вы мнѣ хотите“ (vous m'en voulez). И многое въ этомъ родѣ.

Слушавшіе ее замѣчали ея произношенія, но не удивлялись.

Digitized by Google

Оно было въ средѣ ихъ не первымъ образчикомъ. Эми разсказала, что обѣдала у соотечественниковъ, очень забавныхъ, только-что пріѣхавшихъ въ Парижъ и нанявшихъ себѣ квартиру... Но гдѣ! Въ улицѣ Du faubourg St. Denis!.. Цѣлая семья, отецъ, мать, сынъ и двѣ дочери... Фамилія ихъ—Простаковы. Люди крайне богатые. Первый разъ въ Европѣ, совсѣмъ дикіе. Спрашиваютъ: магазины Лувра въ самомъ ли дворцѣ помѣщаются?

Вотъ что̀ сообщила она какъ свѣжую и любопытную новость.

— И чрезъ васъ они заявятъ претензію войти въ нашъ кругъ,—сказала графиня Нордъ-Остъ.

— Да. Но что же? Они—assez bien. Притомъ le papa сказалъ мнѣ, что у него состояніе въ полмилліона.

— У васъ, mam'zelle Эми, у одной почти столько же,—замѣтила баронесса.—Однако, вы не считаете себя богачкой.

— Н-нэтъ,—отозвалась Скритицына наивно и просто и прибавила по-французски: — говорятъ, что это немного... Но мнѣ больше не надо. Вообще деньги совсѣмъ ненужны. Это предразсудокъ.

— Très joli!—воскликнулъ Загурскій.

— Деньги счастья не даютъ,—какъ бы извинилась она.—А несчастье приносятъ.

— Да... Я нѣчто такое, будучи семи лѣтъ, переписывалъ изъ книги въ тетрадь, когда учился писать...—комически-серьезно заговорилъ Загурскій.—И долженъ сказать, что я выучился это писать, но не выучился этому вѣрить... За то я люблю поговорку: „бѣдность есть мать всѣхъ пороковъ“. А девизомъ, правиломъ въ жизни я поставилъ себѣ: Dix millions. Si non...

— Le suicide?—воскликнула Эми.

— Vingt!—добавилъ Загурскій.

Всѣ разсмѣялись, дружно и громко, какъ еслибы это была самая тонкая и замысловатая острота.

— Вы бы тогда, графъ, стали богачомъ на цѣлыхъ десять лѣтъ,—вступилась баронесса Вертгеймъ.—Загурскій, смѣясь, перешелъ къ ней на диванчикъ и что-то шепнулъ. Она укоризненно покачала головой, какъ на ребенка за шалость. Мойеръ тотчасъ поднялся и присоединился къ хозяйкѣ. Съ ней Мойеръ разговаривалъ всегда на ея родномъ языкѣ. Проживъ всю юность въ Бухарестѣ, онъ даже выдавалъ себя за румына по происхожденію.

— Вы мнѣ обѣщали, виконтесса, что я увижу у васъ сегодня американку съ сотней милліоновъ.

— Да. Увидите. Она непремѣнно пріѣдетъ... Часъ назадъ

Digitized by Google

я перестала ее ждать. А теперь знаю, что она будетъ... навѣрно.

— Почему... Вы судите будто по признакамъ, по какому-то особому барометру.

— Именно,—улыбнулась молодая румынка своими пунцовыми пухлыми губами.—Магнитъ, притягивающій миссъ Скай—здѣсь... Она, всякій день бывая у него, все-таки не пропуститъ случая видѣться и вечеромъ.

— Кто такой?—оживился журналистъ.

— Чужая тайна... Какъ же мнѣ ее выдать... Впрочемъ, извольте... Онъ теперь сѣлъ въ карты играть. Покуда... Какъ она явится—онъ броситъ карты... Іодакъ...

— Скульпторъ Іодакъ? Здѣсь? Мнѣ бы очень хотѣлось его видѣть. Но что же общаго между ними? Онъ вѣрно дѣлаетъ ея бюстъ и chemin faisant влюбился?..

— О, нѣтъ... Въ немъ слишкомъ много эстетическаго чувства, чтобы рѣшиться на первое... Бюстъ миссъ Скай? Oh, Dieu! Ея лицо изъ бѣлаго мрамора?

И виконтесса добродушно разсмѣялась.

— Какъ понять, виконтесса? Oh, Dieu или odieux?

— Увидите... Нѣтъ... Въ натурѣ, впрочемъ. Ça passe encore? У нея большіе и добрые глаза. Un air doucereux.

— Doucereux est souvent—fade.

— Нѣтъ. Она мила и симпатична... Но тотъ же носъ, или тотъ же ротъ—изъ мрамора?.. Іодакъ не рѣшился бы. Нѣтъ, она просто беретъ у него уроки.

Въ эту минуту молодой человѣкъ съ оливковымъ цвѣтомъ лица и щелками вмѣсто глазъ подошелъ къ хозяйкѣ дома съ глубокимъ поклономъ. Онъ только-что пріѣхалъ. Это былъ секретарь японскаго посольства, виконтъ Фушигама.

III.

Журналистъ прошелъ въ комнату, гдѣ играли въ карты. Зеленыхъ столовъ оказалось не мало, и за которымъ былъ скульпторъ—узнать было мудрено... Мойеръ завидѣлъ двухъ знакомыхъ за вторымъ столомъ, подошелъ и поздоровался.

— Monsieur le baron,—произнесъ онъ, вѣжливо кланяясь передъ однимъ изъ трехъ партнеровъ.

Это былъ пожилой и плотный господинъ, смахивавшій на военнаго, бѣлокурый, съ большой плѣшью во все темя, съ предлинными усами и съ особенно добродушнымъ выраженіемъ лица.

Digitized by Google

Онъ оглянулся и небрежно подалъ руку... На мгновенье, при видѣ Мойера, лицо его стало суровѣе.

— Сегодня я могу, баронъ, исполнить мое обѣщаніе... Дать вамъ объясненіе насчетъ замѣтки, которую напечатали у насъ въ газетѣ. То, о чемъ мы говорили послѣдній разъ,—правда.

— C'est bon!—кратко отозвался этотъ свысока и какъ бы говоря: „Хорошо! Послѣ. Не здѣсь"!

Это былъ баронъ Герцлихъ, банкиръ, полу-русскій, полунѣмецъ, въ дѣйствительности еврей, родомъ изъ Познани, но воспитанный въ Петербургѣ.

Онъ былъ крупной личностью въ финансовомъ мірѣ, не столько количествомъ своихъ милліоновъ, которыхъ было около двадцати, сколько особымъ, такъ сказать, интернаціональнымъ или космополитическимъ характеромъ его банкирскаго дѣла. У него были связи и дѣла во всѣхъ главныхъ столицахъ Европы, а на петербургскомъ денежномъ рынкѣ онъ былъ даже авторитетомъ.

Мойеръ хотѣлъ уже отойти, чтобы, встрѣтивъ кого-либо изъ знакомыхъ, попросить указать ему скульптора.

Но въ то же мгновенье баронъ Герцлихъ обернулся къ своему правому партнеру и вымолвилъ:

— Если бы вы, мой милый Іодакъ, дѣлали статуи такъ же точно, какъ вы въ карты играете, то, божусь вамъ...

И онъ махнулъ рукой съ шутливымъ отчаяніемъ.

Мойеръ глянулъ и узналъ, вспомнилъ... Онъ видѣлъ портретъ артиста въ „Иллюстраціи"... Предъ нимъ былъ тридцатилѣтній на видъ человѣкъ, черный какъ смоль, съ большой окладистой бородой и съ длинными волосами по плечамъ.

„Надо съ нимъ познакомиться, если „она" у него всякій день въ мастерской,—думалось ему.—Расхвалить его въ газетѣ, и онъ приметъ въ распростертыя объятья".

Мойеръ сталъ около играющихъ и обратился къ третьему партнеру, своему недавнему знакомому, русскому.

— Вамъ не везетъ, mon cher monsieur Hastings.

— Malheureux au jeu, heureux en amour!—отозвался, смѣясь, сухопарый господинъ и самодовольно глянулъ изъ-за своихъ золотыхъ очковъ.

— Это въ наши-то годы!—выговорилъ Герцлихъ по-русски.—Васъ, Машоновъ, могила исправитъ.

Старикъ, названный двумя разными фамиліями, разсмѣялся и замурлыкалъ въ шутку:

— Знаете: Les femmes, le jeu, les belles—voilà...

— Что вы?—перебилъ его венгерецъ.—Это новая арія ва-

Digitized by Google

шего сочиненія. Поется: Le vin, le jeu, les belles, voilà tous mes amours!

— Совершенно вѣрно, — заявилъ Мойеръ, обращаясь къ нему изысканно вѣжливо и назойливо вмѣстѣ.—Pardon... Позвольте имѣть честь представиться первому скульптору нашихъ дней. Жакъ Мойеръ, журналистъ.

Артистъ приподнялся и подалъ руку.

— Да. Первый въ Европѣ. Правда!—воскликнулъ Гастингсъ-Машоновъ.—А вотъ, monsieur Мойеръ, тоже первый полемистъ нашихъ дней... Ужасно люблю я читать васъ, когда вы съ кѣмъ свяжетесь браниться... Ваше перо одновременно un pinceau et un levier... Право. И кисть, и ломъ или обухъ.

— Даже иногда pince-monseigneur,—процѣдилъ баронъ Герцлихъ сквозь зубы и презрительно.

Мойеръ сильно сконфузился, глаза его прыгнули, но онъ разсмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ, какъ еслибы шутка была очень мила и ему нравилась. Однако онъ тотчасъ же отошелъ и говорилъ мысленно: „Увидимъ, увидимъ, кто пересилитъ! Деньги—сила... Но и я тоже своего рода богачъ и силачъ, благодаря перу“.

Проходя большую гостиную, Мойеръ встрѣтилъ графа Загурскаго, который велъ подъ руку въ танцовальный залъ молодую, худощавую даму, въ великолѣпномъ кружевномъ туалетѣ и всю, казалось, сплошь усѣянную брилліантами, и на груди, и на рукахъ, и на головѣ, и даже на поясѣ. Загурскій любезничалъ съ ней по-англійски.

Вотъ она! — подумалъ журналистъ. — Навѣрно она, американка“.

И онъ отправился узнавать, дѣйствительно ли это такъ.

Въ то же время венгерецъ Іодакъ спрашивалъ у своихъ партнеровъ, что̀ за господинъ съ нимъ сейчасъ познакомился.

— Un bravo fin de siècle,—улыбнулся Герцлихъ въ отвѣтъ.

— Что̀ вы хотите сказать?

— А, вотъ, прежде были наемные бра̀ви или спадацины. Хоть бы въ венеціанской республикѣ. Теперь этихъ вотъ... нанимаютъ—безъ ножа зарѣзывать.

— Охъ, что̀ вы! За что? Онъ милый малый, полезный,— вступился Машоновъ.

— Себѣ самому.

— Теперь всѣ журналисты раздѣляются на два сорта,—на публицистовъ и на публичныхъ мужчинъ,—съострилъ Машоновъ. —Но все-таки вы ужъ очень... Pince-monseigneur?! Помилуйте!

Digitized by Google

Стариннымъ французскимъ словомъ можно его пожалуй назвать: Pince-sans-rire. Это прозвище, впрочемъ, въ наше время ко всѣмъ приложимо. Но monseigneur?!..

— Про кого вы?.. Теперь только Орлеанскіе принцы съ этимъ титуломъ,—началъ-было Іодакъ благодушно и наивно.

Но Герцлихъ и Машоновъ такъ разсмѣялись, что онъ запнулся, удивленный смѣхомъ.

— Pince-monseigneur, мой милый ваятель,—объяснилъ баронъ, —это такая отмычка или вѣрнѣе инструментъ у мошенниковъ, все отворяющая и все отмыкающая, отъ дверей и шкатулки до самаго хитраго замка и запора.

Между тѣмъ журнальный „публичный мужчина", какъ его окрестилъ Гастингсъ-Машоновъ, обошелъ всѣ комнаты, узналъ, что дѣйствительно видѣлъ американку, и задержался теперь у буфета,—онъ пилъ шампанское маленькими глотками, закрывая лицо стаканомъ и рукой, и весь обратился въ слухъ. Онъ былъ озадаченъ до послѣдней степени, но внутренно радовался. Къ нему, какъ къ рыболову, навертывалась на удочку и клевала настоящая золотая рыбка.

Близъ него, не обращая на него вниманія, стояла красавица графиня Нордъ-Остъ, а рядомъ съ нею и спиной къ Мойеру— графъ Загурскій. Они говорили тихо, вѣрнѣе, перебрасывались словами, изъ которыхъ только нѣкоторыя долетали до слуха журналиста. Но этого малаго было довольно, чтобы заставить его внутренно ликовать. Онъ разслышалъ:

— Нисколько не ревность! Я сказала, что это глупо... Всякая юбка...

— Тебя запереть... да... Еслибы я былъ твой мужъ... Мужчина имѣетъ право...

— Женщина, отдающая и себя, и все... Все: свободу, привычки... Наконецъ, состояніе... Ты съ ума сходишь!..—воскликнула вдругъ графиня и оглянулась кругомъ себя.

— Ты сходишь,—отозвался Загурскій, тоже озираясь.

Повернувшись, онъ увидѣлъ около себя Мойера и насупился, но лицо журналиста было настолько благодушно, задумчиво и разсѣянно, что Загурскій успокоился.

— Vous finirez un jour, ma bonne, par quelque grosse boulette,—выговорилъ онъ назидательно и, повернувшись на каблукахъ, двинулся въ гостиную.

Графиня, сумрачная, осталась одна около буфета съ чашкой чая и глубоко задумалась. Мойеръ, незнакомый съ ней, поглядывалъ на нее исподлобья, и наблюдалъ, и невольно любовался красавицей,

Digitized by Google

ея глазами съ зеленоватымъ отблескомъ, ея бѣломраморными плечами и руками, наконецъ, пышнымъ бюстомъ...

Въ ней ясно замѣчалось сдерживаемое волненіе, порывъ, пылъ страстной женщины, которую сейчасъ разсердили или оскорбили. И видно было по морщинкѣ между тонкихъ бровей, по ея прижатой нижней губѣ, закушенной острыми зубками, что съ этой женщиной надо быть осторожнымъ. Она не изъ мягкихъ какъ воскъ, не изъ тѣхъ, что comme du pain blanc, а напротивъ, изъ тѣхъ красивыхъ, дикихъ звѣрковъ или птицъ, которые сами не хищники, не нападаютъ, но страшны и опасны при самооборонѣ.

Графиню вывелъ изъ задумчивости Дубовскій, подошедшій къ буфету за стаканомъ лимонада.

— Царица бала... и одна!—сказалъ онъ по-русски.

— Полноте, Владиміръ Ивановичъ,—вдругъ отозвалась графиня Кора досадливо.—Было время, а теперь... Вѣдь мнѣ скоро тридцать лѣтъ...

— Скоро? Черезъ три или четыре года. Вы называете это скоро?

— Конечно. Давно ли я стала свободна и пріѣхала въ Парижъ. А вѣдь этому уже три года. Кажетъ—три мѣсяца.

— Ну, а графу Нордъ-Остъ эти три года, вѣроятно, показались тридцатью годами,—усмѣхнулся Дубовскій.

— Quelle idée! Онъ воспитываетъ рысаковъ, беретъ призы... Кутитъ и пьянствуетъ въ ресторанахъ петербургскихъ. Съ танцовщицами, съ разными Нитушами, Маскоттами, Булоттами.

— Только „Прекрасной Елены“ ему не хватаетъ,—лукаво улыбнулся старикъ, зная, что это прозвище дали графинѣ въ Парижѣ.

— Не люблю я, когда меня такъ называютъ! — отозвалась она сурово.

— Ну, а что же разводъ?.. Все тянется?..—подхватилъ онъ сочувственно, чтобы загладить ошибку.

— Да, я перестала настаивать... Мнѣ и такъ хорошо. Главное мнѣ удалось выхлопотать—séparation de biens, на основаніи приказа свыше. А séparation de corps само собой существуетъ уже фактически.

— Но вѣдь замужъ нельзя... Вы могли бы снова выйти за какого-нибудь политическаго крупнаго дѣятеля... за посланника, министра. Имѣть блестящее общественное положеніе.

— Мегсі. Я не честолюбива. Притомъ, замужество и супружеская жизнь—это та же воинская повинность. Я отбыла свой срокъ, обучилась и освободилась...

Digitized by Google

— Батюшки! Это что̀ за чучело! — вдругъ воскликнулъ Дубовскій.

И онъ глазами показалъ на подходившаго къ буфету пожилого господина, крайне невзрачнаго на видъ, низенькаго роста, рыжеватаго, который велъ подъ руку красивую сестру хозяйки, пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, типическую румынку.

— Это? Сатиръ!—разсмѣялась графиня. — Онъ появился за ваше отсутствіе. Прежде всего, это, изволите видѣть, испанецъ, во-вторыхъ, грандъ, въ-третьихъ, завидная партія. Имя его— Д'Оканья. Впрочемъ, онъ, какъ говорится, „six fois duc", да кромѣ того, у него милліона два, три... Женихъ! Но онъ никогда не женится. Его спеціальность—ухаживать исключительно за дѣвочками не старше пятнадцати лѣтъ. А самому навѣрно подъ шестьдесятъ.

Въ залѣ раздались звуки ритурнеля. Готовился котильонъ... Графиня Кора вспомнила что-то и ахнула. Она обвела глазами всю комнату... У дверей, держа складную шляпу въ обѣихъ рукахъ, точно подносъ, стоялъ на кривыхъ ногахъ оливковый молодой человѣкъ, виконтъ Фушигама.

Графиня сдѣлала ему знакъ вѣеромъ. Онъ бросился къ ней.

— Вы танцуете котильонъ?..

— Нѣтъ, графиня, — улыбнулся японецъ и безгубый ротъ его раздвинулся до ушей.—Моя дама не пріѣхала...

— Я васъ приглашаю... Мы съ вами танцуемъ. Сейчасъ... Только перчатку надѣну.

И она начала весело болтать съ японцемъ и медленно натягивать перчатку на правую руку, очевидно умышленно запаздывая около буфета. Прошло минуты три, и изъ гостиной появился графъ Загурскій и прямо подошелъ къ ней. Глаза его, веселые, будто говорили: „Ну, прошелъ гнѣвъ"?

Но Кора, будто не видя его, взяла виконта Фушигама подъ руку.

— Позвольте, графиня,—произнесъ Загурскій по-французски. Это котильонъ начинается.

— Я и иду въ залу съ моимъ кавалеромъ.

— Но... pardon, comtesse. Вы, стало быть, забыли, что...

— Ступайте, приглашайте вашу красавицу изъ степей Саванны, monsieur le comte!

— Послушай, ты дѣлаешь глупости. Я дирижирую. Мнѣ дама необходима!—воскликнулъ Загурскій по-русски.

— Графъ!—строго выговорила Кора.—Вспомните, что теперь здѣсь русскихъ человѣкъ десять.

Digitized by Google

— Сумасшедшая женщина!—добродушно и небрежно вымолвилъ Загурскій и, дернувъ плечами, отвернулся.

Онъ снова прошелъ въ гостиную въ недоумѣніи и, случайно встрѣтивъ виконтессу, заявилъ ей, что у него нѣтъ дамы, что онъ забылъ пригласить.

— Хороши вы!.. А еще дирижеръ! Теперь невозможно найти. Всѣ приглашены.

Послѣ десяти минутъ поисковъ и справокъ оказалось, что дѣйствительно свободной дамы нѣтъ.

— Ба! Вотъ онъ, якорь спасенія! — воскликнулъ Загурскій. —Une idée lumineuse. Меня спасетъ милѣйшая баронесса.

И онъ быстро приблизился къ баронессѣ Вертгеймъ, разговаривавшей съ сыномъ и невѣсткой какъ-то странно тихо и строго, будто мораль читала имъ обоимъ.

Загурскій пригласилъ ее, прямо объясняя, въ чемъ дѣло.

— Вы шутите... Я уже три года котильона не танцовала. Кадриль еще пожалуй бы.

— Только еще чрезъ пятнадцать лѣтъ имѣете вы право перестать. Спасите! У меня дамы нѣтъ.

— Если васъ надо спасти—другое дѣло.

И она, видимо довольная, взяла его руку.

— Вамъ стыдно будетъ со мною. Если я не старуха,—сказала она,—то все-таки une femme sur le retour.

— Да... конечно... Vous retournez à tourner les têtes!—тихо отозвался Загурскій, улыбаясь и заглядывая ей въ глаза.

IV.

При первыхъ звукахъ ритурнеля котильона, англичанинъ Френчъ поднялся, подалъ руку Эми Скритицыной и они двинулись въ залу чрезъ всю анфиладу комнатъ. Во всѣхъ гостиныхъ точно также поднимались и двигались пары. Они попали въ цѣлую вереницу, но шли молча, не говоря ни слова. Англичанинъ казался еще пасмурнѣе. Когда они достигли большой бѣлой залы, со стѣнами подъ мраморъ, съ великолѣпными пятью люстрами, Френчъ провелъ свою даму въ противоположный отъ дверей уголъ. Это былъ самый глухой и уютный уголокъ залы, гдѣ можно было смѣло надѣяться спокойно говорить, ибо выбирать будутъ меньше и рѣже.

Едва только Френчъ и Эми сѣли на стулья, какъ оживленно заговорили по-англійски.

Digitized by Google

— Когда же вы рѣшительно, категорически объяснитесь съ дядей?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Но, право, мнѣ сердце и разумъ говорятъ, что не надо спѣшить. Мнѣ кажется, что надо пріучить его къ этой мысли,—задумчиво отозвалась она.

— Что же тогда вы ему сказали?

— Я сказала, что вы мнѣ очень нравитесь, повидимому вы за мной ухаживаете, что отношенія наши не свѣтскія, а нѣсколько серьезнѣе; что мы, постоянно видаясь, не болтаемъ о пустякахъ, а ведемъ серьезные разговоры.

И Эми улыбнулась; Френчъ тоже, но иронически.

— Ну, и что же? Онъ не спросилъ у васъ, что значатъ эти постоянныя бесѣды и мое ухаживанье за вами?

— Нѣтъ! Онъ вообще думаетъ, что вся молодежь, которая вращается въ нашемъ кружкѣ, молодежь различныхъ національностей, не женихи для меня. Онъ по прежнему, какъ я вамъ уже говорила, все мечтаетъ о томъ же моемъ прежнемъ претендентѣ.

— Но это нелѣпо!—воскликнулъ Френчъ.— Коль скоро вы два раза отказали человѣку, то это доказываетъ, что вы не можете быть его женой. Да, наконецъ, онъ вѣроятно давно и самъ отъ этой мысли отказался. Изъ-за самолюбія. Ему никогда и на умъ не придетъ сдѣлать третье предложеніе.

— Почему же? Это очень часто бываетъ.

— Въ Россіи!—прибавилъ Френчъ.

— Да, въ Россіи! Развѣ въ Англіи иначе?

— О, конечно нѣтъ... Отказъ въ рукѣ—все-таки обида.

— Не знаю... У насъ часто бываютъ случаи, что человѣкъ дѣлаетъ дѣвушкѣ три и четыре раза предложеніе и наконецъ она соглашается за него выйти замужъ.

— Тогда это un pis aller. Она соглашается съ отчаянія, что не нашла другого, но вы вѣдь не въ такомъ положеніи. Но не въ этомъ дѣло, miss Amy. Дѣло въ томъ, что вы мнѣ обѣщали, какъ пріѣдетъ вашъ дядя изъ Россіи, прямо заявить ему ваше рѣшеніе выходить за меня... Вы этого не сдѣлали и, слѣдовательно, никогда не соберетесь сдѣлать... Такъ вѣдь? Никогда не рѣшитесь? Никогда ничего не будетъ?

Эми молчала и потупилась. Френчъ тяжело дышалъ отъ крайняго возбужденія.

„Пора!—мысленно повторялъ онъ. И, поднявъ голову, онъ прибавилъ про себя:—Какъ разъ! Сама судьба! Вотъ онъ“!

Digitized by Google

Въ эту минуту оказывался ихъ чередъ. Къ нимъ быстро подошелъ графъ Загурскій со словами:

— Voyons. Каждый разъ надо всѣмъ напоминать. Скажите, котильонъ для васъ—une danse ou bien une occasion pour comploter?

Графъ выговорилъ это добродушно, казалось, думая о чемъ-то другомъ, и уже двинулся далѣе, чтобы поднять еще двѣ пары, когда вдругъ за нимъ глухо раздалось:

— Imbécile!

Эми, вставшая со стула, ахнула и снова почти упала на стулъ. Загурскій обернулся, остолбенѣлъ и сталъ озираться. Онъ слышалъ слово ясно, но не понималъ, откуда оно донеслось, кто его сказалъ и кому. Но когда глаза его, бѣгавшіе по ближайшимъ лицамъ, остановились на лицѣ Френча, то онъ вспыхнулъ... Лицо англичанина доказывало, что слово было произнесено имъ, а взглядъ, упорный и злой, мѣрившій Загурскаго съ головы до пятъ, показалъ, къ кому слово относилось.

Загурскій усмѣхнулся и наклонилъ слегка голову, какъ бы говоря: „хорошо“! Френчъ точно также кивнулъ головой. Они почти незамѣтно раскланялись, какъ бы прощаясь послѣ чего-то, ими условленнаго. Френчъ протянулъ руку къ Эми, чтобы танцовать, но она не поднималась со стула и очевидно забыла, что ихъ чередъ.

— Это ужасно! Что вы сдѣлали! Это ужасно!

— Что дѣлать,—вдругъ сорвалось съ языка. Я знаю, онъ—добрѣйшій малый и никакой задней мысли у него не было. Я ему не далъ договорить этой его всегдашней фразы: „comploter contre mon repos“.

— Но какъ же вамъ не стыдно? Англичанину? Вы вѣдь хвастаетесь своимъ хладнокровіемъ и самообладаніемъ! Это ужасно! —воскликнула снова Эми и приложила платокъ къ лицу, которое все зарумянилось отъ волненія.

— Наша очередь!—произнесъ Френчъ.

— Нѣтъ. Не до того. Останемтесь!

— Это неловко, miss Amy. Видите, насъ ждутъ. Пойдемте!

Эми черезъ силу поднялась. Френчъ охватилъ рукой ея талію и они двинулись тихимъ вальсомъ въ три темпа.

— Это ужасно!—все повторяла шопотомъ молодая дѣвушка.

Когда они сдѣлали свой туръ, началась какая-то фигура въ три пары, затѣйливая и длинная, и продолжалась довольно долго. Во время этой фигуры Эми, дѣлая chaine, встрѣтилась съ хозяйкой дома и быстро проговорила:

Digitized by Google

— Самое важное дѣло! Страшно важное! Сейчасъ случилось... Мнѣ надо вамъ сказать два слова!

— Послѣ ужина!—отозвалась виконтесса.

— Хорошо, но непремѣнно сегодня. Не забудьте попросить послѣ ужина вашего мужа задержать дядю. А мы уйдемъ переговорить...

Хозяйка, дѣлая фигуру, успѣла уже шага за два кивнуть головой, но ея серьезное лицо доказывало, что она озадачена тѣмъ, какого рода дѣло до нея у русской молодой дѣвушки. Лицо Эми было страшно встревожено, и виконтесса ломала себѣ голову.

Случайно встрѣтивъ хлопотавшаго и бѣгавшаго распорядителя котильона, она остановила его.

— Графъ, скажите, въ качествѣ вершителя судебъ всѣхъ танцующихъ, не приключилось ли что-нибудь сейчасъ съ m-lle Скритицыной?

Но офранцузившаяся румынка произнесла, какъ и всегда, фамилію Эми настолько оригинально, что Загурскій не понялъ.

— Съ m-lle Aimée, племянницей Дубовскаго?

— А?.. Скритицына! Съ ней? Не знаю... совершенно не знаю...

Но при этомъ лицо Загурскаго изъ беззаботнаго стало вдругъ настолько сурово-серьезнымъ, что женщина тотчасъ же догадалась.

— Ничего не случилось?—произнесла она вызывающе.—Почему же вашъ голосъ измѣнился и вашъ взглядъ тоже?

— Простите,—холодно отозвался онъ.—Я обязанъ этого не знать, т.-е. не говорить.

И поклонившись, графъ быстро отошелъ въ сторону. Хозяйка постояла нѣсколько мгновеній на мѣстѣ, размышляя и соображая. Чутье свѣтской женщины не обмануло ее: въ этомъ важномъ дѣлѣ, которое встревожило Эми, очевидно, играетъ свою роль и Загурскій. Кто же еще?

— Ба!—воскликнула она вдругъ.—Quelle sotte que je fais! Навѣрно ея „предметъ“, son amoureux.

Между тѣмъ Загурскій, отойдя, снова хлопоталъ, дирижируя и командуя; при этомъ онъ былъ какъ-то особенно фамильяренъ со всѣми дамами. Видно было, что онъ ихъ общій любимецъ. Постороннему наблюдателю показалось бы страннымъ, что онъ всѣмъ женщинамъ постоянно и одинаково заглядывалъ въ глаза, улыбаясь.

При свѣтскомъ воспитаніи, но равно и нѣкоторомъ образованіи, Загурскій былъ истымъ салоннымъ львомъ. Путешествуя

Digitized by Google

всю свою жизнь повсюду, и даже побывавъ въ Индіи и Японіи, онъ не могъ не быть интереснымъ. Кромѣ того, у него была слава отчаяннаго и неодолимаго сердцеѣда. Называли очень многихъ женщинъ съ крупными именами, которыя были серьезно неравнодушны къ нему. Четыре его авантюры надѣлали даже много шуму. Кромѣ того, онъ дрался на дуэли нѣсколько разъ, и однажды съ принцемъ королевской крови. И говорили, что это было тоже изъ-за женщины, т.-е. его жены. При этомъ Загурскій былъ спортсменъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и, конечно, чтобы быть таковымъ, надо было не только обладать особенной натурой, но быть даже даровитымъ. Загурскій великолѣпно стрѣлялъ изъ пистолета, точно такъ же дрался на шпагахъ, былъ отличный циклистъ и, наконецъ, замѣчательный пловецъ, переплывшій на пари Женевское озеро изъ Вевé въ Сенъ-Жанъ-Гольфъ. Что касается до его игры въ теннисъ, то про нее та же самая виконтесса Кергаренъ выразилась: „Игра графа въ теннисъ, да это музыка"! — И она опредѣляла, какая это музыка: „это на половину Лючія, на половину Карменъ".

Разумѣется, въ экзотическомъ кружкѣ Парижа Загурскій былъ первымъ кавалеромъ и распорядителемъ танцевъ на балахъ.

Графъ дирижировалъ какъ артистъ. Всякій разъ выдумывалъ онъ новыя фигуры, иногда замысловатыя и трудныя,— при чемъ происходила неизбѣжная веселая путаница,—иногда простыя, но милыя фигуры, остроумныя и смѣшныя. На этотъ разъ онъ былъ, однако, не въ ударѣ. Его не тревожила выходка Нордъ-Остъ. Уже не первый разъ они ссорились, и онъ привыкъ къ мщенію съ ея стороны. Ему было досадно, что ссора произошла не вовремя. Кора будетъ дуться и „будировать" дня три-четыре, какъ всегда, а между тѣмъ завтра, именно завтра, у него до нея просьба... Неотложное дѣло. Что касается до этой дикой, нелѣпой и необъяснимой выходки англичанина, то это, можетъ быть, еще и устроится.

Его дама, приглашенная теперь случайно, женщина, которую онъ зналъ уже года три и съ которой былъ даже друженъ, тотчасъ замѣтила, что ему какъ-то не по себѣ.

— Неужели вы не въ духѣ потому, что танцуете со мной, старухой?—спросила баронесса вдругъ, смѣясь неестественнымъ смѣхомъ.

— Богъ съ вами, баронесса. Да я готовъ пригласить васъ сейчасъ на всѣ котильоны всей зимы. И потомъ... какая страсть все повторять: старуха, старуха! Вѣдь это напрашиваться на увѣреніе въ противномъ. Вы знаете, что вы прелестны, сто разъ

Digitized by Google

прелестнѣе многихъ молодыхъ дѣвушекъ и дамъ, несмотря на тридцать лѣтъ съ хвостикомъ.

— Съ длиннымъ хвостомъ, касающимся сорока.

— И это я слышалъ милліонъ разъ. И всегда отвѣчалъ, что въ васъ влюбиться не только можно, но должно...

И Загурскій, оскаливая жемчужные зубы подъ вьющимися усами, глянулъ въ глаза баронессы. А она въ сотый разъ прочла въ этомъ взглядѣ, что онъ лжетъ. Эти глаза всегда говорили ей: „Ты пожилая... Для меня ты не женщина, а пріятель... Я тебя очень люблю и уважаю".

А между тѣмъ эта женщина, считавшая Загурскаго въ числѣ своихъ близкихъ друзей, такъ смотрѣла подчасъ ему въ глаза, что красавецъ-графъ думалъ: „Я знаю давно, что ты въ меня влюблена, но, моя милая, je ne suis pas pour vous autres".

Когда Загурскій, показавъ новую фигуру и наладивъ ее, вернулся къ своей дамѣ, баронесса снова спросила тоже:

— Qu'est-ce qui vous chipote? Что-то есть. Сердитесь вы на графиню?

— Какой вздоръ! Развѣ мнѣ привыкать къ этой взбалмошной женщинѣ. Вы сами знаете, мы ссоримся и миримся десять разъ въ недѣлю. Да и еще такъ ли. Помните сцену у васъ, когда она бросилась на меня съ хлыстомъ и чуть не уподобила меня на вѣки гугеноту Гизу le Balafré.

— Pardon, графъ, Гизы были всѣ яростные католики, а этотъ le Balafré былъ...

— Au nom de Dieu!—воскликнулъ графъ.—L'histoire et moi...

— Враги заклятые?

— Да, чортъ съ ней. Я дѣйствительно не въ духѣ, потому что сейчасъ вспомнилъ, что завтра мнѣ платить деньги, которыхъ у меня нѣтъ. Пустяки. Только семь тысячъ франковъ. Но ихъ — нѣтъ.

— Діанѣ Д'Альбрэ?

— Ахъ, полноте... Это выдумка. Сплетня. Я просто ея хорошій знакомый. Платить надо кредитору, и неумолимому.

— Завтра въ полдень деньги будутъ у васъ.

— Vrai!—воскликнулъ Загурскій.—Ну, баронесса, это такъ мило съ вашей стороны, что я словъ не нахожу... Vous êtes adorable.

Баронесса ничего не отвѣтила, только поглядѣла ему въ глаза. Онъ прочелъ въ нихъ что-то... все то же...

„Знаю. Знаю. Давно,—произнесъ онъ мысленно. — Будь у тебя милліонъ, или два, и я бы не задумался ни на минуту.

Digitized by Google

Но у тебя нѣтъ ни денегъ миссъ Скай, ни красоты Коры, ни забавности Діаны. Да еще нѣтъ и того, что̀ есть у нихъ трехъ равно... молодости. Вотъ еслибы ты милліоны своего друга Герцлиха изловчилась какъ-нибудь"...

Но Загурскій не договорилъ; худая и блѣдная молодая дѣвушка съ кроткимъ свѣтлымъ взглядомъ, вся сверкающая брилліантами, какъ-то скромно и мило подошла къ нему, выбирая для фигуры. Она улыбнулась, и два ряда длинныхъ зубовъ сразу уничтожили пріятное впечатлѣніе, производимое ея глазами и ея граціозной походкой.

Это, разумѣется, была та же американка, миссъ Скай, количество милліоновъ которой уже сосчитала давно и объявила на весь Парижъ бульварная пресса, а теперь изрѣдка извѣщала публику объ ея туалетахъ, пріѣздахъ и отъѣздахъ. Въ дѣйствительности, даже сама миссъ Ирма Скай не могла хорошенько знать, сколько у нея милліоновъ въ данный моментъ. Это зависѣло отъ колебаній биржи и отъ многихъ предпріятій, въ которыхъ она, какъ „фирма", участвовала, хотя лично вовсе не занималась дѣлами.

Когда графъ кончилъ фигуру съ симпатичной милліонершей, за которой онъ въ этотъ вечеръ началъ ухаживать, то, вернувшись на свое мѣсто, выговорилъ, смѣясь:

— Что̀ мнѣ на умъ пришло. Надо посовѣтовать Корѣ женить нашего Ваську на янки въ юбкѣ. Онъ—свѣтлѣйшій князь, а у нея билліонъ или трилліонъ... Вотъ будетъ пара... Она дура, онъ идіотъ.

— А вы бы сами женились на ней. Это проще и легче.

— Какая вы злая!

— Я полагаю, что Кора для васъ то же, что были многія до нея, и будутъ впредь... Не любовь же къ ней — мѣшаетъ...

Загурскій дернулъ плечомъ и не отвѣтилъ.

— Вотъ и женитесь на милліонахъ. И остепенитесь. Или продолжайте потихоньку. Отъ такой жены, какъ эта миссъ, не трудно укрываться.

— Я никогда не женюсь, вы это знаете. Вотъ еслибы у васъ были милліоны этой миссъ, то... Не знаю.

— Полноте глупости говорить.

— Я не лгу. Ей-Богу, — искренно выговорилъ Загурскій.

— И голосъ еще какой правдивый, будто искренній?..

— Потому что это правда. Сущая правда. Честное слово, баронесса. Я бы вамъ измѣнялъ всякій день, и васъ обожалъ... Именно за этакій бракъ. Спокойный, веселый.

Digitized by Google

Котильонъ кончился. Зала опустѣла... Гости переполнили двѣ большія комнаты, выходившія окнами на внутреиній дворъ. Здѣсь былъ накрытъ ужинъ на десяткахъ столовъ.

V.

Послѣ ужина молодежь бросилась снова въ залъ, и начался сумасшедшій вальсъ l'enterrement du bal. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже начался общій разъѣздъ. Графъ Загурскій, давно покинувъ свою даму, продирался въ толпѣ и, обходя всѣ комнаты, искалъ глазами хозяина дома. Виконтъ оказался у дверей на лѣстницу, гдѣ вереницей двигались уѣзжающіе гости. Онъ раскланивался и благодарилъ.

— Pardon!—сказалъ, улыбаясь, Загурскій.—Я васъ оторву на секунду отъ важнаго дѣла, для пустяковъ... Но оно спѣшно. Могу я разсчитывать на васъ въ одномъ дѣлѣ?

— Конечно. Что прикажете, — отозвался любезно виконтъ.

— У меня неожиданный сюрпризъ. Поединокъ... Я хочу васъ просить быть моимъ секундантомъ.

Лицо Кергарена вдругъ измѣнилось и стало холодно и сумрачно. Онъ сдвинулъ брови.

— Особыхъ хлопотъ не будетъ! — заговорилъ Загурскій.— Мы не будемъ заниматься всякой формалистикой, какъ дѣлаютъ ваши соотечественники. Мы — и я, и мой противникъ — иностранцы.

— Простите меня, mon cher monsieur,—заговорилъ виконтъ сурово-вѣжливо.—Я, ревностный и убѣжденный католикъ, поставилъ себѣ правиломъ никогда не участвовать въ поединкахъ ни въ качествѣ дѣйствующаго лица, ни въ качествѣ помощника въ смертоубійствѣ.

Загурскій сильно смутился, опѣшилъ и не зналъ, что сказать. Онъ былъ видимо озадаченъ отказомъ.

— Извините, — проговорилъ онъ глухо.

— Мнѣ очень жаль... Во всемъ всегда готовъ служить вамъ, но не въ такомъ дѣлѣ... Впрочемъ, вы легко найдете секунданта... въ Парижѣ. Даже здѣсь, сейчасъ...

И виконтъ, воспользовавшись приближеніемъ своего мажордома, обратился къ нему съ какимъ-то подробнымъ приказаніемъ... Оно было не нужно, но давало поводъ и возможность Загурскому отойти.

Едва Кергаренъ остался одинъ, какъ, ухмыляясь, сталъ бормотать:

Digitized by Google

„Excusez du peu! Une affaire d'honneur. Кажется, изъ всѣхъ честныхъ дѣлъ у вашего брата только эти остались".

Завидя случайно жену, провожавшую до лѣстницы старуху герцогиню, его тетку, виконтъ сдѣлалъ ей знакъ. Она простилась и подошла. Онъ улыбался странно.

— Что съ тобой? — спросила виконтесса по-французски.

— Со мной прелестный случай,—отвѣтилъ онъ по-румынски, оригинально произнеся слова языка, которому обучила его жена.

— Что-нибудь дурное?—встревожилась виконтесса, зная, что на ея родномъ языкѣ мужъ объясняется въ экстренныхъ случаяхъ, чтобъ не быть понятымъ окружающими.

— Меня сейчасъ позвалъ въ секунданты графъ Загурскій.

— Въ секунданты? Онъ? Тебя! Тогда я все понимаю...

— Да. И я отказалъ наотрѣзъ.

— Какъ же ты объяснилъ отказъ?..

— Религіей. Обѣщаніемъ, даннымъ себѣ?..

— И онъ повѣрилъ.

— Конечно, нѣтъ... Но это не наше дѣло... Но каковъ мѣдный лобъ! Эти господа воображаютъ, что если я позволяю имъ у себя ѣсть и пить и танцовать, то я стану также компрометировать себя для нихъ, защищая ихъ якобы поруганную честь.

— А если онъ узнаетъ потомъ, что ты и самъ дрался разъ, и былъ два раза секундантомъ.

— Ну, что же? Скушаетъ... и впредь будетъ осторожнѣе.

Виконтесса хотѣла что-то снова возразить, но въ это мгновеніе къ ней быстро подошла Скритицына.

— Вездѣ уже часъ васъ ищу...—тревожно заговорила она.

— Идемте скорѣе... Я васъ тоже искала...—отозвалась виконтесса.

И обѣ двинулись въ ту же угловую гостиную. Здѣсь никого не было.

— Я уже знаю, въ чемъ дѣло, ma chère mademoiselle Aimée, —сказала хозяйка.

— Знаете? Какимъ образомъ! Кто вамъ сказалъ?

— Я догадалась... — заявила виконтесса, чтобы выгородить своего мужа. — Но все-таки разсказывайте.

Въ нѣсколькихъ словахъ Скритицына передала все. Виконтесса выслушала, задумалась, а потомъ произнесла:

— Ничего, мы это устроимъ. Я знаю кое-кого, кто имѣетъ вліяніе на графа, и просто не позволитъ, запретитъ ему драться, даже заставитъ принять—et c'est immense—извиненіе. Но вотъ

Digitized by Google

бѣда, надо намъ найти кого-нибудь, кто бы точно такое же вліяніе имѣлъ на Френча, а я такового или таковую не знаю.

Эми хотѣла что-то сказать, запнулась и промолчала.

— Вы не знаете такой личности? — спросила виконтесса.

— Нѣ-ѣтъ! — протянула Эми.

— Очень жаль! У меня была одна личность на примѣтѣ, а теперь и этой нѣтъ.

— Почему? — удивилась Эми. — Гдѣ же она?

— Была — и нѣтъ! Я разсчитывала обратиться за помощью, чтобы повліять на Френча, къ вамъ,—лукаво улыбнулась виконтесса.

Эми вспыхнула, помолчала, но затѣмъ вдругъ обняла виконтессу, поцѣловала ее, и слезы брызнули у нея изъ глазъ... Наступило мгновенное молчаніе, послѣ котораго виконтесса шепнула:

— Chère amie, я давно это знала! Быть можетъ, даже прежде васъ догадалась, когда еще вы сами не догадывались. Мы—дѣвушки юга—менѣе наивны, нежели вы — дѣвушки сѣвера. Вы агнцы неповинные предъ нами. Я увѣрена, что дѣвушка сѣвера можетъ быть отчаянно влюблена давно и не знать этого; мы же — дѣвушки юга—думаемъ, что влюблены, прежде, чѣмъ это еще случилось. Ну, что же, успокойтесь! Заключимъ союзъ. Отвѣчайте мнѣ за повиновеніе Френча, а я вамъ ручаюсь за повиновеніе Загурскаго. Я призову себѣ на помощь его повелительницу! Впрочемъ, это такой исключительный персонажъ, что можно будетъ найти за разъ трехъ повелительницъ, изъ коихъ одна—знаменитая актриса одного изъ бульварныхъ театровъ. Я даже по правдѣ не знаю, къ которой изъ трехъ прежде всего обратиться. Я думаю, къ той, которая была у меня на балѣ.

Въ это же время около буфета появился графъ Загурскій, быстро выпилъ стаканъ оршада и, двинувшись къ лѣстницѣ, нечаянно наткнулся на возвращавшагося въ домъ Мойера. Они перебросились нѣсколькими словами и разстались. Графъ двинулся-было снова, но вдругъ остановился. Нѣчто внезапно пришло ему на умъ.

„Не все ли равно“!—подумалъ онъ.

И вернувшись, онъ взялъ подъ-руку журналиста и вымолвилъ:

— M-r Moyer, я къ вамъ съ большой просьбой!

— Что прикажете? — отозвался тотъ съ особенной вѣжливостью и почти съ почтительнымъ поклономъ.

— Между порядочными людьми подобныя дѣла рѣшаются, кажется, всегда очень быстро. Позвольте мнѣ быть краткимъ,

Digitized by Google

безъ предисловія, sans avant-propos et sans préambules. Сдѣлайте мнѣ честь быть моимъ секундантомъ?

— Весь къ вашимъ услугамъ! Когда и у кого прикажете быть?

— Этого я еще не знаю и прошу васъ тотчасъ же спросить это у г. Ліонеля Френча.

— Ба!..—выговорилъ Мойеръ, широко раскрывая ротъ.

— А что? Отчего вы такъ удивились?

Мойеръ отлично зналъ, что̀ заставило его произнести это восклицаніе и разинуть ротъ, но сказать это графу было невозможной безтактностью дурно-воспитаннаго человѣка. Да, наконецъ, и слишкомъ долго было бы разсказывать то, что̀, какъ молнія или двѣ молніи, пронеслось въ головѣ Мойера.

Первое, что̀ мелькнуло въ его головѣ, было, что графъ Загурскій—великолѣпный стрѣлокъ изъ пистолета и великолѣпный боецъ на шпагахъ. И Мойеру подумалось:

„Ну, не желалъ бы я быть на мѣстѣ твоего противника“!

А затѣмъ, когда Загурскій назвалъ своего противника, посылая Мойера узнать, кто будетъ его секундантомъ, то въ головѣ журналиста мелькнула другая молнія: „А Френчъ на пятнадцати шагахъ рѣжетъ пулей игральную карту, стоящую ребромъ. Про него ходитъ шутка, что онъ на двадцати пяти шагахъ попадаетъ въ женскій волосъ, приклеенный на бѣлой бумагѣ, но при томъ условіи, чтобы волосъ принадлежалъ брюнеткѣ и молодой дѣвушкѣ, а не блондинкѣ и не замужней“.

„Что̀ же это будетъ?—спросилъ себя Мойеръ.—Un massacre des... coupables“—съострилъ онъ.

Когда послѣдніе запоздавшіе гости двигались изъ гостиныхъ на парадную лѣстницу, Френчъ, оставивъ свою даму, на мгновеніе отлучился, чтобы заранѣе отыскать свою шляпу-клякъ и быть готовымъ проводить Дубовскаго съ племянницей до передней. Въ ту минуту, когда Френчъ переглядывалъ почти дюжину складныхъ шляпъ на окнѣ танцовальной залы, къ нему подошелъ толстякъ и отрекомендовался:

— Жакъ Мойеръ! Къ вашимъ услугамъ! Журналистъ, сотрудникъ газеты „Mappemonde“, подписывающійся псевдонимомъ Domino bleu. Извините за этотъ длинный титулъ!

— Ліонель Френчъ, баронетъ!—произнесъ англичанинъ холодно, сообразивъ, зачѣмъ появился лично незнакомый ему господинъ, котораго однако онъ зналъ въ лицо и по фамиліи.

— Я посланъ графомъ Загурскимъ узнать у васъ...

Digitized by Google

— Имя моего секунданта? Извините. Но у меня его нѣтъ еще.

— Какъ нѣтъ!—удивился Мойеръ.—Это однако...

— Дѣло произошло въ началѣ котильона,—отвѣтилъ Френчъ свысока, а когда онъ кончился, начался ужинъ, который окончился сейчасъ. Такимъ образомъ вы понимаете, что кромѣ моей дамы, mademoiselle Aimée Скритицыной, мнѣ некого было пригласить въ секунданты. Вообще это хорошая привычка не спѣшить сужденіемъ своимъ,—прибавилъ онъ небрежно.

— Pardon, ради Бога! Я не зналъ, что вы танцовали, простите! — разсыпался въ извиненіяхъ Мойеръ, кланяясь, улыбаясь и жестикулируя, какъ если бы его слово: „однако", было ужасной невѣжливостью. И онъ думалъ: „Il prend la mouche facilement, celui-là".

— Впрочемъ, погодите!—выговорилъ Френчъ, потирая себѣ лобъ и перечисляя мысленно своихъ знакомыхъ. Но, однако, почему-то ни одинъ не казался ему подходящимъ.

— Diable! — нетерпѣливо произнесъ онъ и почти топнулъ ногой. Помолчавъ еще нѣкоторое время, онъ быстро выговорилъ:

— А, отлично! Онъ, можетъ быть, даже еще и не уѣхалъ. Знаете ли вы Дю-Кло-Д'Ульгата?

— Знаю немного.

— Ну, вотъ. Я ему ни слова не говорилъ еще, но впередъ увѣренъ въ немъ. Знаете что̀, формальности въ сторону. Я спѣшу. Но если вы не спѣшите домой, спуститесь къ виконту въ кабинетъ, гдѣ теперь многіе курятъ. Если вы найдете тамъ Д'Ульгата, то исполните два порученія: первое отъ меня, а второе отъ себя. Скажите ему, въ чемъ заключается моя просьба, а затѣмъ уже совѣщайтесь. Я даю ему чрезъ васъ всѣ полномочія.

— Мы составимъ протоколъ и тогда...

— О, это лишнее. C'est trop français. Мы съ графомъ иностранцы. Никакихъ оффиціальностей и quasi-законностей въ незаконномъ дѣлѣ совсѣмъ не нужно.

Минутъ черезъ десять Мойеръ, спустившійся внизъ въ отдѣльные аппартаменты хозяина, гдѣ курили и пили шампанское во время бала, увидѣлъ молодого Д'Ульгата среди веселой мужской компаніи. Онъ объяснился. Они отошли въ сторону и, объяснившись, назначили себѣ на утро свиданіе для переговоровъ.

Между тѣмъ виконтъ Кергаренъ все провожалъ, стоя въ дверяхъ на лѣстницѣ, послѣднихъ уѣзжавшихъ.

Неказистый пожилой, но суетливый и громко говорящій го-

Digitized by Google

сподинъ съ вышитымъ шолкомъ орденомъ на отворотѣ фрака, остановился съ нимъ и началъ восторженно говорить о невѣсткѣ виконта, Маріи Турдза.

Виконтъ слушалъ молча и наконецъ вымолвилъ нетерпѣливо:

— Enfin, je vois, что вы бы, герцогъ, очень были довольны, еслибы у васъ была такая дочь.

Господина какъ бы ожгло... И простившись, онъ двинулся по лѣстницѣ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и спустился высокій и худой князь Черниговскій.

— Un drole de pistolet,—провожалъ его глазами Кергаренъ.—Почти идіотъ, а формы и манеры придворнаго временъ Людовика XV.

И переведя глаза на группу лакеевъ, дожидавшихся внизу своихъ господъ съ платьемъ на рукахъ, виконтъ вдругъ изумился.

— Какой красавецъ! Ба! И лакей? Какова фигура, статура, лицо!—Черезъ нѣсколько минутъ простившаяся съ нимъ миссъ Скай спустилась и красавецъ лакей накинулъ на нее соболью шубку...

— Diable! C'est même compromettant!—проворчалъ виконтъ, добродушно смѣясь.

VI.

Часу въ четвертомъ ночи, возвращаясь домой съ дядей въ закрытомъ ландо, Эми все время молчала, какъ убитая. Разстояніе отъ дома Кергареновъ до ихъ квартиры за Елисейскими-Полями, около Тріумфальныхъ воротъ, было не маленькое. Нѣсколько разъ Дубовскій заговаривалъ съ племянницей, но она отвѣчала кратко, а затѣмъ, когда самъ онъ, уже въ Елисейскихъ-Поляхъ, началъ подремывать, Эми вдругъ обратилась къ дядѣ съ вопросомъ:

— Скажите, когда дерутся на дуэляхъ, то всегда на пистолетахъ или на шпагахъ?

— Что ты? Гдѣ? Кто?—отозвался Дубовскій спросонья и на второй вопросъ племянницы отвѣчалъ, смѣясь:—А я уже во снѣ видѣлъ, что иду по Невскому и встрѣчаю Соколинскаго. И онъ меня поздравляетъ съ тѣмъ, что я назначенъ командиромъ кавалергардскаго полка. Чортъ знаетъ, что иной разъ можетъ присниться! Ты про что это?

И въ третій разъ Эми раздражительно повторила тотъ же вопросъ.

— Дуэли? Да это какъ угодно! Можно хоть на кинжалахъ, коли охота!—шутливо отозвался Дубовскій.—А больше, конечно,

Digitized by Google

на пистолетахъ, т.-е. у насъ. А французы предпочитаютъ на шпагахъ.

— А что опаснѣе?

— Ну, это опять зависитъ отъ того, кто дерется! Шпагами чаще попадаютъ по противнику, а изъ пистолета рѣже. За то рѣдко да мѣтко! Ужъ коли изъ пистолета кого зацѣпятъ, такъ носовымъ платочкомъ не отдѣлаешься. А здѣсь я одного барина видѣлъ, у него указательный палецъ въ перчаткѣ. Спрашиваю: обрѣзались перочиннымъ ножомъ? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: „извините, опросталъ дѣло чести". Они вѣдь говорятъ: „vider"... Слово хорошее, потому что у нихъ „vider une affaire d'honneur" по большей части надо перевести по-русски: переливать изъ пустого въ порожнее. Вѣдь тутъ въ Парижѣ всякій день дуэли: сойдутся, поковыряютъ малость другъ друга, завяжутъ носовымъ платкомъ —и готово. А у насъ на моей памяти бывали дуэли первый сортъ! Сойдутся двое, да оба на мѣстѣ и останутся.

Вернувшись домой, въ квартиру въ бель-этажѣ большого дома на улицѣ Ваграмъ, Эми тотчасъ же легла въ постель, но, конечно, долго не могла глазъ сомкнуть. Когда она заснула, то на улицѣ уже началось движеніе омнибусовъ, ломовыхъ и фіакровъ. Конечно, она волновалась и думала все объ одномъ и томъ же: о неожиданной стычкѣ Френча съ Загурскимъ, которая свалилась какъ снѣгъ на голову.

Въ продолженіе всего ужина, насколько позволяла обстановка, она два раза принималась уговаривать Френча просто-напросто извиниться передъ Загурскимъ, такъ какъ въ его фразѣ не было ничего оскорбительнаго. Онъ намекнулъ только на то, что для нихъ, быть можетъ, котильонъ есть средство спокойно поболтать вмѣсто того, чтобы танцовать.

Френчъ, повидимому, самъ былъ внутренно согласенъ, что неправъ и неумѣстно обидѣлся и вспылилъ, но идти извиняться было, по его мнѣнію, немыслимо. Въ концѣ концовъ онъ согласился условно. Онъ попросилъ Эми тотчасъ же переговорить съ дядей объ ихъ бракѣ. Если дядя согласится, онъ пойдетъ извиняться передъ графомъ Загурскимъ самымъ позорнымъ образомъ; если же тотъ не согласится, то онъ будетъ драться и поставитъ самыя тяжелыя условія, при которыхъ, по всей вѣроятности, одинъ изъ противниковъ останется на мѣстѣ. Френчъ объяснилъ:

— Несерьезный поединокъ есть самое возмутительное шутовство. По поединкамъ людей я сужу о нихъ. Я прервалъ сношенія съ однимъ изъ моихъ друзей вслѣдствіе его поединка. Онъ дрался на самыхъ легкихъ условіяхъ. Оба противника оста-

Digitized by Google

лись цѣлы и невредимы. Подобныхъ людей я не считаю порядочными, а съ непорядочными я близокъ быть не желаю. Не дерись или дерись на смерть! Если остался живъ, то случайно или по волѣ Божьей. Я дрался два раза: одинъ разъ убилъ своего противника, во второй разъ ранилъ настолько опасно, что онъ и теперь еще хвораетъ и лечится; а тому уже прошло лѣтъ пять. Итакъ, пускай рѣшитъ этотъ вопросъ вашъ дядя, а отчасти и ваше краснорѣчіе!—улыбнулся Френчъ, глядя Эми въ глаза своими красивыми, но суровыми глазами. И въ его взглядѣ она прочла, что онъ убѣжденъ въ томъ, что многое, если не все, отъ нея вполнѣ зависитъ.

Теперь Эми спрашивала себя среди безсонницы, дѣйствительно ли это зависитъ отъ нея, и отвѣчала себѣ вопросомъ.

„Что сказала бы мама"?..

Эми любила Френча и, конечно, первой любовью...

Тому назадъ болѣе полугода, она познакомилась на одномъ изъ баловъ съ молодымъ человѣкомъ, который сразу понравился ей. Онъ поразилъ ее своей внѣшностью, красивой и элегантной, а затѣмъ привлекъ къ себѣ симпатичностью натуры. Въ этомъ человѣкѣ Эми нашла оригинальное сочетаніе серьезности не по лѣтамъ, даже суровости, съ дѣтской мягкостью сердца, съ твердыми религіозными убѣжденіями и — главное, удивившее дѣвушку,—съ готовыми, давно зрѣло обдуманными отвѣтами на все на свѣтѣ.

Казалось, для Френча въ этомъ мірѣ не было ничего имъ не анатомированнаго, не узнаннаго до мелочей и не причисленнаго къ тому или другому мѣсту или уголку его кругозора. Широкъ ли былъ этотъ кругозоръ и правильно ли освѣщались всѣ жизненные вопросы, которые такъ легко и твердо рѣшалъ Френчъ, судить было, конечно, не восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, получившей самое поверхностное образованіе.

Во всякомъ случаѣ сурово изящный молодой человѣкъ, свѣтскій, но сдержанный во всемъ, долженъ былъ ей нравиться по ея характеру. Вдобавокъ, это была именно ея первая любовь, если не считать маленькое увлеченіе, когда ей было всего четырнадцать лѣтъ, первымъ теноромъ миланской оперы, котораго одно русское семейство, ей близкое, имѣло неосторожность ради нея приглашать пѣть на вечерахъ.

До сихъ поръ жизнь Эми прошла самымъ заурядным и въ то же время самымъ необыкновеннымъ образомъ. Ея мать, урожденная Дубовская, вышла замужъ за богача, ярославскаго помѣщика, Скритицына, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужъ

Digitized by Google

жества у нея родилась дочь, которую, конечно, она принялась обожать. Но вскорѣ послѣ рожденія Эми у Анны Ивановны вдругъ появилась хроническая болѣзнь, которая развивалась туго, но все-таки подвигалась впередъ—чахотка.

Борисъ Борисовичъ Скритицынъ—человѣкъ съ такой холодной кровью, что не только не любилъ двигаться, но не любилъ даже говорить, прожилъ всю свою молодость послѣ университета въ своемъ имѣніи и въ городѣ Ярославлѣ. Послѣ женитьбы точно также Скритицыны жили въ деревнѣ, изрѣдка заѣзжая въ городъ или навѣдываясь мѣсяца на два зимнихъ въ Москву.

Тѣхъ, кто ѣздилъ за границу, Скритицынъ звалъ прямо и коротко: „шатуны“ и „пустозвоны“. И вдругъ однажды докторъ объявилъ, что Аннѣ Ивановнѣ надо ѣхать въ Москву или Петербургъ, созвать консиліумъ и рѣшить, что дѣлать, такъ какъ положеніе ея становилось серьезно.

Въ Москву Скритицынъ собрался, хотя не тотчасъ же. Но въ Москвѣ разразилась надъ нимъ настоящая гроза. Консиліумъ докторовъ и одна московская, да и всесвѣтная, знаменитость рѣшили единогласно, что больной нуженъ климатъ юга, чтобы пріостановить, если не излечить болѣзнь. На сѣверѣ, по ихъ увѣренію, дни ея были бы сочтены.

Скритицынъ, разумѣется, отпустилъ жену съ дочерью прямо въ Ниццу, но былъ въ такомъ нравственномъ состояніи, какъ если бы между нимъ и женой произошелъ разрывъ и она бы потребовала развода. И съ этого года началась истинно-цыганская жизнь Скритицыной съ ребенкомъ дочерью. Сначала ей было скучно за границей и она радовалась приближенію лѣта, чтобы ѣхать на три и четыре мѣсяца къ мужу въ имѣніе, старинное и красивое, но затѣмъ понемногу втянулась въ эту жизнь и спустя лѣтъ пять, однажды, стала вызывать мужа въ Тироль, не желая ѣхать сама въ Россію.

Борисъ Борисовичъ отказался наотрѣзъ вдругъ попасть въ число шатуновъ и пустозвоновъ и не поѣхалъ. Правда, что одновременно съ этимъ въ его великолѣпной усадьбѣ играла уже большую роль дѣвушка Глаша, дочь садовника. Вслѣдствіе отказа Скритицына, на этотъ разъ супруги не видѣлись около двухъ лѣтъ. Отношенія ихъ, дѣлаясь все холоднѣе, пришли наконецъ къ той точкѣ, послѣ которой начинается уже непріязнь и враждебныя дѣйствія.

И Анна Ивановна, женщина практическая, знавшая, конечно, все подробно о житьѣ-бытьѣ своего супруга, начала смущаться. Въ наше время нетрудно потребовать и получить разводъ. И

Digitized by Google

вдругъ, будучи по мужу очень богатой женщиной, она можетъ очутиться съ небольшой пенсіей, чтобы мыкаться по заграничнымъ гостинницамъ съ ребенкомъ. А въ усадьбѣ явится новая барыня, изъ горничныхъ, новая госпожа Скритицына. При этомъ надо честь отдать Скритицыной, что она боялась не за себя. Она знала, что ей даже и на югѣ остается прожить какихъ-нибудь три-четыре года, но ее страшила мысль, что дѣвочка Эми можетъ быть или чрезвычайно богатой невѣстой, или нищей, смотря по тому, что̀ теперь пожелаетъ какая-то Глафира Спиридоновна, у которой къ тому же фамилія угрожающая—Прыткина.

Эти заботы о дѣвочкѣ, которой не было тогда и десяти лѣтъ, настолько смущали Анну Ивановну, что вліяли и на ея здоровье.

VII.

Однажды въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда Скритицына съ дочерью мирно, но и пріятно, съ небольшимъ кругомъ знакомыхъ, грѣлась подъ теплыми лучами солнца на Іерскихъ островахъ, пришло письмо съ русскими марками и съ черной рамкой. По почерку Скритицына увидала, что письмо отъ ея брата, Владиміра Ивановича Дубовскаго. Конечно она испугалась, а двѣнадцатилѣтняя, умная, бойкая и уже имѣвшая вліяніе на мать, Эми взяла письмо въ руки и заявила:

— Дайте, мама, я прочту прежде и вамъ скажу!

Анна Ивановна согласилась. Дѣвочка взяла письмо, улыбаясь, разорвала конвертъ и начала читать французское посланіе дяди. Но едва только она прочла про себя нѣсколько строкъ, какъ вдругъ вскрикнула, уронила письмо на полъ и бросилась на шею къ матери.

— Что̀ такое?—вскрикнула Анна Ивановна.

— Папа, папа!—закричала дѣвочка.

Но слезъ у дѣвочки не было, испуга на лицѣ тоже не было, было только огромное удивленіе. Несмотря на свою сравнительную слабость, Скритицына оттолкнула ребенка, сама поднялась, нагнулась и взяла письмо. Когда она прочла первыя строки, она опустила руку съ письмомъ на колѣни:

— Quelle sort! Quelle sort!.. Эминька, поцѣлуй меня!

И женщина начала горячо цѣловать въ лицо и въ волосы, и въ шею свою обожаемую дѣвочку, совершенно забывъ на нѣсколько мгновеній о безтактности поступка. Первый порывъ былъ

Digitized by Google

не порывомъ горя, а порывомъ радости и счастія не отъ сухости сердца, а отъ любви къ ребенку.

Дубовскій извѣщалъ о внезапной смерти зятя Скритицына отъ разрыва сердца. Практическій человѣкъ прибавлялъ, что никакого завѣщанія и никакихъ даже мелкихъ распоряженій покойнымъ не сдѣлано, такъ какъ онъ думалъ о смерти менѣе, чѣмъ кто-либо.

Прочтя и перечтя раза два письмо брата, Анна Ивановна поняла, что все состояніе, очень большое и въ идеальномъ порядкѣ, принадлежитъ всецѣло и нераздѣльно ея Эми. Съ этого дня Анна Ивановна стала особенно богомольной. Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя вѣруютъ въ Бога, любятъ Бога и обращаются къ Нему съ горячей молитвой только тогда, когда онѣ счастливы. Когда онѣ несчастливы, онѣ доходятъ до кощунства и при этомъ совершенно искренно.

Съ этого дня жизнь Скритицыной съ дочерью нѣсколько измѣнилась. Онѣ продолжали жить, кочуя изъ одного мѣста въ другое, но въ предѣлахъ теплаго климата, лѣтомъ сѣвернѣе, доходя до Швейцаріи, зимою южнѣе, доходя до Неаполя. Но теперь онѣ жили гораздо шире. Опекунами надъ Эми были назначены, конечно, мать и дядя. Въ дѣйствительности всѣмъ сталъ завѣдывать Владиміръ Ивановичъ, переселившись въ ярославскую усадьбу.

Оказалось по приведеніи всего въ извѣстность, что покойный почти ничего не тратилъ на себя, знаменитой Глашѣ подарилъ за все время двѣ тысячи рублей, что при его состояніи было грошомъ, и, посылая женѣ на прожитіе около десяти тысячъ рублей, весь остальной доходъ откладывалъ. Теперь, помимо имѣній, нашлись и капиталы.

Дубовскій писалъ сестрѣ въ одномъ изъ писемъ:

„Твоя Любочка будетъ одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ россійскихъ“...

Это письмо, въ которомъ ничего не было особенно интереснаго, Анна Ивановна не спрятала въ ящикъ письменнаго стола, какъ дѣлала съ другими письмами, а положила въ ящикъ ночного столика и почти ежедневно, ложась спать, вынимала его оттуда и при свѣчкѣ читала эти двѣ строчки.

Смерть мужа и обезпеченная будущность Эми благотворно подѣйствовали на женщину. Она стала, повидимому, крѣпнуть, оправляться, была гораздо бодрѣе и веселѣе, но это были нервы. Въ дѣйствительности болѣзнь шла своимъ чередомъ, несмотря

Digitized by Google

на благотворную обстановку, и черезъ два года женщина заснула сразу на вѣкъ, какъ часто бываетъ съ чахоточными.

Смерть Скритицыной, конечно, измѣнила судьбу Эми. Она должна была по закону перейти подъ попеченіе опекуна дяди. За послѣднее время Дубовскій пріѣзжалъ три раза за границу повидаться и якобы полушутя, полусерьезно отдать отчетъ въ управленіи имѣніями и дѣлами несовершеннолѣтней племянницы. Теперь, вызванный изъ Россіи, онъ явился тотчасъ же, и когда тѣло покойной было перевезено въ Россію и похоронено на одномъ изъ монастырскихъ кладбищъ Москвы, Эми послѣдовала за дядей въ ярославскую усадьбу.

Осень прошла сносно для дѣвочки, главнымъ образомъ благодаря гувернанткѣ, мистриссъ Какстонъ, и благодаря возможности ѣздить верхомъ, чего никогда не разрѣшала изъ боязни мать и тотчасъ же разрѣшилъ дядя. Но затѣмъ наступила суровая зима. Это былъ первый ударъ. Затѣмъ самолюбивая и избалованная Скритицыной англичанка послѣ всякихъ препирательствъ съ Дубовскимъ дошла до цѣлаго сраженія и объявила, что не останется ни минуты въ домѣ. Владиміръ Ивановичъ отвѣчалъ на это, что если она останется на вторую минуту, то будетъ выброшена за шиворотъ въ окошко. Эми, пораженная, плакала такъ, какъ плакала всего два раза въ жизни.

И русская зима въ одиночествѣ съ глыбами сугробовъ, съ вьюгами, съ яркимъ, страшно-яркимъ солнцемъ, отъ котораго морозъ еще пуще пробираетъ спину, такъ подѣйствовали на Эми, что она немножко измѣнилась лицомъ, немножко похудѣла, стала глядѣть какъ-то пугливо, будто была насторожѣ, будто ждала какую бѣду.

Ей, проведшей всю жизнь между югомъ Франціи или Швейцаріи и сѣверомъ Италіи, эта жизнь показалась чѣмъ-то ужаснымъ, нестерпимымъ до боли, пугающимъ сердце. Если бы человѣкъ здоровый проснулся вдругъ однажды въ гробу еще не закрытомъ, то вѣроятно перепугался бы такъ же, какъ перепугалась, но и продолжала ощущать этотъ испугъ ежедневно молоденькая Эми.

Если бы былъ кто-нибудь тутъ, то вѣроятно предупредилъ бы дядю, что для дѣвочки этихъ лѣтъ подобное нравственное состояніе можетъ даже подѣйствовать на здоровье.

По счастію, въ концѣ зимы явился въ имѣніе тотъ же другъ —докторъ Рудокоповъ, который изъ любви и привязанности къ покойной Скритицыной считалъ долгомъ изрѣдка узнавать, что подѣлываетъ Эми, которую онъ зналъ и любилъ съ девятилѣтняго

Digitized by Google

возраста. И вотъ ему исповѣдалась искренно Эми; но если бы она даже не сказала ни слова доктору, то умный и проницательный человѣкъ, опытный эскулапъ сразу бы самъ все увидѣлъ, узналъ и понялъ.

Когда докторъ заговорилъ съ Дубовскимъ, то тотъ очень удивился, но тотчасъ же охотно согласился не морить и не томить дѣвочку въ россійской усадьбѣ.

— Кабы мнѣ найти какую почтенную даму или семейство хорошее, я бы ее сейчасъ съ удовольствіемъ отпустилъ во всѣ Швейцаріи, какія только на свѣтѣ есть!—отозвался онъ.—А съ компаньонкой не хорошо.

— Я вамъ это устрою!—отвѣтилъ Рудокоповъ.—И хотя теперь на дворѣ весна, а тамъ и лѣто, но, право, лучше отпустить Любовь Борисовну. Всякому растенію надо рости на той почвѣ, на которой Господь велѣлъ. Я знаю, что пересадочныя, акклиматизованныя или, какъ говорятъ, экзотическія растенія есть фальшь. Пересадите его съ одной почвы, оно и на другой процвѣтаетъ, да смотришь, оно ни то, ни сё—и гіацинтъ, и какой-то лукъ-парей. Но что же дѣлать, если Любовь Борисовна была чуть не съ рожденія француженка, потомъ швейцарка, въ юношескіе годы—итальянка и опять француженка. Гдѣ же ей вдругъ въ четырнадцать-то лѣтъ или пятнадцать сдѣлаться тверитянкой, костромичкой или ярославкой.

И Эми снова очутилась за границей. Сначала одна безъ дяди, въ русскомъ семействѣ, жившемъ въ Швейцаріи, а затѣмъ вмѣстѣ съ Дубовскимъ, который, пріѣхавъ, быстро привыкъ и полюбилъ „заграницу“, особенно Парижъ. Главнымъ образомъ на него подѣйствовало то, что онъ почувствовалъ себя чѣмъ-то инымъ: онъ сталъ здѣсь, на чужой сторонѣ, „un personnage“, чего не было на родинѣ.

VIII.

На другой день Эми, почти не спавшая всю ночь, поднялась около полудня. Быстро одѣвшись, она еще быстрѣе напилась кофе и затѣмъ, побывавъ у дяди, поздоровавшись съ нимъ, вернулась тотчасъ въ свою спальню. Тутъ она подошла къ крайнему угловатому окну. На подоконникѣ въ ящичкѣ лежало болѣе двухъ дюжинъ разноцвѣтныхъ маленькихъ фуляровъ, отъ чернаго и бѣлаго до ярко пестрыхъ. Были платки и полосатые, бѣлое съ чернымъ, съ краснымъ... черное съ краснымъ, съ желтымъ и т. д.

Digitized by Google

Эми взяла синій платокъ и пунцовый и повѣсила ихъ рядомъ на рамѣ, гдѣ были въ рядъ вбитые гвоздики. И сдѣлавъ это, она стала пытливо приглядываться чрезъ улицу къ окнамъ третьяго этажа большого дома, который былъ какъ разъ напротивъ. На одномъ изъ оконъ тотчасъ же появился желтый платокъ, а рядомъ пестрый.

Эми сняла свои платки долой и кликнула горничную...

— Скажите мнѣ, когда дядюшка со двора выѣдетъ?—сказала она.

— Monsieur уже выѣхалъ сейчасъ.

— Хорошо. Ступайте и скажите консьержу, что если меня кто-либо будетъ спрашивать, то не принимать.

И когда горничная вышла, Эми вывѣсила на окно одинъ черный платокъ.

На окнѣ противоположнаго дома появился снова отвѣтъ телеграфа или семафора, состоящій изъ четырехъ платковъ.

Эми улыбнулась и тотчасъ замѣнила на своемъ окнѣ черный —бѣлымъ.

Черезъ десять минутъ горничная появилась въ ея комнатѣ и доложила:

— Господинъ Френчъ.

— Попросите подождать.

Эми присѣла къ туалету и, поправивъ прическу, приглядѣлась къ себѣ въ зеркалѣ и выговорила:

— Ужасный видъ. Усталый, старый. Не слѣдовало его звать изъ-за кокетства... Но не до того! Нельзя время терять.

Между тѣмъ въ гостиной уже ожидалъ молодую дѣвушку суровый англичанинъ. Онъ былъ спокоенъ наружно, но въ глазахъ его противъ воли отражалось то, что было на душѣ—крайнее волненіе и возбужденіе, которыя онъ, казалось, всячески старался сдерживать.

Когда Эми вышла къ нему, онъ взялъ ея руку, медленно поднесъ къ губамъ своимъ, не нагибая головы, и два раза поцѣловалъ, нѣжно глядя ей въ глаза.

— Ну-съ. Зачѣмъ приказали вы явиться?—спросилъ онъ, когда они сѣли.

— Боже мой! Все тоже... Просить васъ...

— Но вы знаете, что это невозможно...

— Пустое! Одно неумѣстное самолюбіе...

— Женщины судятъ такія дѣла часто по-своему, по-женски.

— Но вы же неправы. Вы оскорбитель, а не оскорбленный. Съ какой стати вы придрались къ невинной фразѣ...

Digitized by Google

Френчъ молчалъ.

— Скажите. Объясните... Вѣдь вы сознаетесь, что нелѣпо придрались, вспылили изъ-за пустяковъ и сказали ненужную дерзость... Такъ вѣдь?..

— Оставимте этотъ разговоръ, miss Amy,—рѣзко отозвался Френчъ.

— Не могу я оставить...—воскликнула дѣвушка горько.— И вы знаете, почему...

— Почему?—холодно и строго произнесъ онъ.

— Почему?.. Потому что... Потому что вы можете быть убиты.

— Что же вамъ?

— Это... этотъ вопросъ глупъ... Это шутка...

— Нѣтъ, миссъ Эми... Нѣтъ... Я говорю правду, а не шучу,—вдругъ страстно заговорилъ онъ.—Вы! А не я... Вы смѣетесь и шутите самыми святыми вещами... Или вы издѣваетесь, лукаво играете комедію. Вы знаете, какъ я безумно люблю васъ... Вы давно отвѣчали мнѣ, что тоже любите меня и, будучи совершенно независимы, какъ сирота, тотчасъ же по пріѣздѣ дяди объявите это ему... Сдѣлали вы это?.. Нѣтъ! Вы оттягиваете и лукавите...

— Избави Богъ... могу ли я...

И Эми заплакала.

— Ну, просто банально кокетничаете... И вотъ, чтобы прекратить это, я рѣшился на отчаянное средство. Или я буду вскорѣ вашимъ мужемъ, или буду убитъ... Смерть прекратитъ нравственныя пытки, которыхъ я уже не въ состояніи болѣе выносить. Если я погибну, то могу сказать—отъ милой руки. Вы меня посылаете на поединокъ съ бреттеромъ и, стало быть, вы меня убьете...

— Этого никогда не будетъ...—воскликнула Эми.—Я сегодня же объяснюсь съ дядей... Сегодня же...

— А если онъ не согласится... Запретитъ вамъ и думать о бракѣ со мной?

— Тогда... Тогда увидимъ. Подумаемъ и рѣшимъ.

— Что?

— Рѣшимъ, что остается дѣлать.

— Останется только одно, miss Amy.

— Что?

— Выходить за меня противъ его воли. Бѣжать и вѣнчаться.

— Да... Но прежде надо все-таки... Онъ согласится...

— А если онъ не согласится?

Digitized by Google

— Почему же?

— Не отвѣчайте—воскликнулъ онъ нервно—вопросомъ на вопросъ... Не уклоняйтесь отъ прямого и честнаго отвѣта... Я спрашиваю: если вашъ дядя откажетъ въ своемъ согласіи на нашъ бракъ, рѣшитесь ли вы вѣнчаться тайно отъ него?

Эми потупилась и молчала.

— Я жду отвѣта три дня, mademoiselle. Вы это слышите. Три дня—послѣ отказа г. Дубовскаго—даю я вамъ для рѣшенія моей участи...

Френчъ поднялся, горячо поцѣловалъ руку дѣвушки и быстро вышелъ изъ комнаты.

Эми, оставшись одна, глубоко задумалась и безпомощно понурилась. Долго ли она просидѣла такъ, она не знала. Ее привелъ въ себя голосъ лакея, доложившаго:

— Графиня Нордъ-Остъ!

Молодая дѣвушка удивилась. Она была хорошо знакома съ этой соотечественницей, но, однако, графиня была у нея не болѣе двухъ разъ съ визитомъ. Для замужней женщины, про которую говорили одни, что она вдова, а другіе, что она въ разводѣ съ мужемъ, Эми не могла быть ни сверстницей, ни пріятельницей.

Принимая графиню, Эми тотчасъ замѣтила въ лицѣ молодой и красивой женщины необычное и нѣсколько загадочное выраженіе лица. Графиня была будто крайне разсержена чѣмъ-то: въ дѣйствительности, тревога выражалась такъ на ея лицѣ.

— Извините меня, m-lle Amy,—начала она,—если я рѣшаюсь говорить съ вами объ одномъ щекотливомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе щекотливомъ, что я по неволѣ должна задать вамъ нѣсколько вопросовъ, которыхъ не имѣю никакого права дѣлать. А вы имѣете полное право не только не отвѣчать, но даже удивиться моей дерзости. Я предпочла обратиться къ вамъ прямо, чѣмъ говорить съ вашимъ дядей. Скажите мнѣ, что такое для васъ г. Френчъ? Близкій знакомый, или другъ, или... больше? Вы меня понимаете... И ради Бога не отвѣчайте мнѣ, что это не мое дѣло,—я сама знаю это, но мнѣ необходимо нужно, чтобы вы отвѣчали.

Эми начала-было догадываться, но подумала:

„Не можетъ быть... какое ей дѣло до графа Загурскаго?.. Онъ за ней ухаживаетъ. Только“...

— Скажите мнѣ, графиня, прямо и откровенно, зачѣмъ вамъ нужно знать, что для меня... для насъ!—поправилась она—г. Ліонель Френчъ?

Digitized by Google

— Извольте! Вы знаете, что̀ вчера на балѣ произошло между вашимъ кавалеромъ и графомъ! Ну, вотъ, я въ качествѣ лица, интересующагося нѣсколько судьбой Загурскаго, желала бы разстроить эту нелѣпость. Вѣдь они хотятъ драться...

— Да, я знаю!

— Знаете? Ну, въ такомъ случаѣ вы мнѣ отвѣтили на мои вопросы. Если Френчъ рѣшился повѣдать вамъ то, что̀ мужчины въ данномъ случаѣ скрываютъ ото всѣхъ и даже отъ матерей и сестеръ, то слѣдовательно...—графиня запнулась и прибавила: —слѣдовательно, онъ вполнѣ въ вашихъ рукахъ и вы можете помочь мнѣ разстроить этотъ поединокъ. Стало быть, я не ошиблась, Френчъ почти женихъ вашъ?

— О, нѣтъ!—воскликнула Эми.

— Полноте! Дѣло серьезное! Намъ не до глупыхъ свѣтскихъ условій. Предположимъ, что не женихъ, ну, просто человѣкъ, который вамъ нравится и будетъ вашимъ женихомъ. Вы, конечно, желали бы тоже разстроить этотъ поединокъ. Но желаетъ ли онъ — и насколько? Подумайте, Загурскій, какъ вы знаете, мастеръ во всемъ, что̀ дѣлаетъ. Онъ беретъ призы и на скачкахъ, и на велосипедѣ, и на рапирахъ... и, я вамъ навѣрное говорю, стрѣляетъ великолѣпно. Можете ли вы заставить Френча извиниться передъ Загурскимъ? Вы этимъ спасете человѣка, которымъ вы интересуетесь! Если же я являюсь заступницей Загурскаго, то потому, что боюсь для него простой случайности, возможной при поединкахъ.

Эми, конечно, обрадовалась, что ей въ лицѣ графини явилась нежданно помощница, и рѣшилась послѣ недолгаго колебанія объяснить совершенно искренно, въ какихъ отношеніяхъ находится къ Френчу.

— Графиня, вотъ вамъ вся правда! Я должна переговорить съ дядей. Вы знаете, что я, какъ несовершеннолѣтняя, нахожусь подъ опекой и не имѣю права выйти замужъ за кого бы мнѣ вздумалось безъ согласія опекуна. А ждать совершеннолѣтія еще долго. Именно сегодня я должна говорить съ дядей, и вотъ вамъ правдивый, искренній отвѣтъ. Если дядя согласится на мой бракъ съ Френчемъ и онъ будетъ объявленъ моимъ женихомъ, то тотчасъ же отправится къ графу и извинится, какъ онъ выражается шутя, самымъ позорнымъ образомъ. Если же дядя откажетъ, то г. Френчъ пойдетъ на все и даже поставитъ условія, ужасныя и для себя, и для своего соперника.

И у Эми при этихъ словахъ выступили слезы на глазахъ. Графиня смутилась точно также. Въ дѣйствительности красавица

Digitized by Google

знала многое, чего не знала молодая дѣвушка. Она успѣла уже узнать, какого рода поединокъ долженъ состояться между двумя великолѣпными стрѣлками.

Который изъ двухъ будетъ убитъ и именно убитъ — сказать было нельзя, такъ какъ оба стрѣляютъ великолѣпно.

Послѣ недолгаго молчанія обѣихъ взволнованныхъ женщинъ первая заговорила графиня.

— Когда же это рѣшится? Когда же вы будете говорить съ вашимъ дядей?

— Сейчасъ же!—отозвалась Эми.

— Но что вы думаете, что вы предполагаете? Какъ онъ отнесется къ вашему браку?

— Совершенно не знаю, графиня! Дядя—человѣкъ не упрямый, но... не знаю, какъ сказать... У него пунктики. А его теперешняя idée fixe—чтобы я вышла замужъ за одного человѣка, который уже два раза сватался за меня. Дядя все надѣется, что я наконецъ соглашусь. И вотъ съ этой надеждой онъ носится, и эта надежда помѣшаетъ ему, пожалуй, согласиться.

Графиня уѣхала, прося Эми написать ей два слова тотчасъ же послѣ объясненія съ Дубовскимъ.

IX.

Владиміръ Ивановичъ Дубовскій, всякій день вставая довольно рано, занимался писаньемъ писемъ. Корреспонденція у него была большая, обусловленная его занятіями, и при этомъ еще на трехъ языкахъ: на французскомъ и нѣмецкомъ, кромѣ русскаго. Затѣмъ, позавтракавъ, онъ аккуратно всякій день выѣзжалъ изъ дому и возвращался лишь къ обѣду.

Теперь, вернувшись изъ Россіи, онъ началъ тотъ же образъ жизни.

Эми раза два уже давно спросила у дяди, какія у него дѣла и чѣмъ онъ занятъ, но онъ отвѣчалъ уклончиво; а только однажды сказалъ:

— Такъ, Любочка, пустяки! Хотя въ случаѣ чего, при Божьей помощи, эти пустяки могутъ оказаться очень серьезными. Я могу въ одинъ прекрасный день сдѣлаться вдвое богаче, чѣмъ ты сама.

Что это значило — разумѣется, молодая дѣвушка понять не могла. Въ дѣйствительности у Дубовскаго были дѣла особаго рода и, такъ сказать, опаснаго, да кромѣ того, опаснаго не

Digitized by Google

столько для него, сколько для молодой дѣвушки. Онъ игралъ на биржѣ парижской и берлинской, прихвативъ немного и петербургскую.

Имѣя крошечное состояніе, онъ года два назадъ проигрался и, сохранивъ за собой свое маленькое имѣніе, уплатилъ деньгами питомицы. Затѣмъ онъ сталъ выигрывать и сталъ играть шибче. Съ полгода назадъ онъ опять проигрался, но надѣялся отыграться. Проигрышъ былъ пустой сравнительно съ состояніемъ Эми.

И вотъ именно ради этой игры на деньги опекаемой имъ племянницы онъ и уговорилъ ее очень легко согласиться на продажу ея имѣній въ Россіи, въ томъ числѣ и ярославской родовой вотчины, и имѣть состояніе въ видѣ чистогана. Когда хлопоты по имѣніямъ прекратились, онъ уже всей душой отдался игрѣ.

Будучи человѣкомъ неглупымъ и будучи человѣкомъ честнымъ, онъ однако началъ играть шибче и шире. Онъ какъ будто не сознавалъ, что иногда ставитъ на карту всю жизнь и будущность Эми и, конечно, свою честь.

За послѣднее время въ Парижѣ Дубовскій былъ особенно въ духѣ, потому что былъ въ сильномъ выигрышѣ, а выигрышъ явился, какъ онъ думалъ, вслѣдствіе того, что онъ близко сошелся съ личностью, помогавшею ему своими совѣтами и указаніями. Это былъ баронъ Герцлихъ. Дубовскій когда-то служилъ, былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и въ должности церемоніймейстера, разумѣется, членъ петербургскаго высшаго круга, съ большой родней и большими связями. Однако, прослуживъ уже въ трехъ министерствахъ, онъ ни въ одномъ не достигнулъ важнаго поста, какъ желалъ онъ, желала родня и ожидали многіе.

Впрочемъ, лѣтъ десять назадъ онъ было-достигъ мѣста губернатора, но его прозвали послѣ этого „калифъ на часъ“, такъ какъ назначенный управлять губерніей въ Поволжьѣ, онъ черезъ шесть мѣсяцевъ покинулъ свой постъ по прошенію. Въ Петербургѣ родня и знакомые говорили ему потомъ:

— Какъ же это вы такъ, Владиміръ Ивановичъ?

— Чортъ его знаетъ!—извинялся онъ, дѣлая кислую физіономію.

Онъ былъ уволенъ собственно за излишнее усердіе. Въ городѣ тщетно разыскивался скрывавшійся у кого-то политическій преступникъ, которымъ интересовались въ Петербургѣ... Губернаторъ взялся за дѣло самъ... И совершилось нѣчто удиви-

Digitized by Google

тельное... Въ самый моментъ исполненія дѣло казалось совершенно простымъ, а потомъ оказалось, что оно не просто.

По тайному доносу „неизвѣстнаго", губернаторъ въ сопровожденіи полиціймейстера и городовыхъ нагрянулъ ночью въ одно зданіе и все его обыскалъ до мышиныхъ норокъ. При этомъ онъ поднялъ на ноги всѣхъ полуодѣтыхъ, полусонныхъ и перепуганныхъ... всѣхъ, кто только былъ въ этомъ зданіи... института благородныхъ дѣвицъ.

А между тѣмъ Дубовскій былъ не глупый человѣкъ. Но онъ былъ изъ породы тѣхъ людей, которые не должны быть самостоятельны, должны зависѣть, быть исполнителями воли другихъ, даже въ жизни. Имъ нуженъ прямой начальникъ и по службѣ, и по существованію. Имъ нуженъ отецъ, братъ, жена, другъ... кто-нибудь... Какъ только Дубовскій и ему подобные начинаютъ дѣйствовать самостоятельно, они вертятся какъ флюгера или упорно идутъ прямо къ глупому, нелѣпому или опасному.

Когда служебная карьера не удалась, Дубовскій твердо рѣшилъ разбогатѣть и кинулся въ разныя аферы, при чемъ, не имѣя состоянія, сдѣлался наперсникомъ, вѣрнѣе, наемникомъ и ширмами богатыхъ аферистовъ русскихъ, иностранцевъ и евреевъ. Его выставляли впередъ, пользуясь его связями и родней, чтобы получить разрѣшеніе въ высшихъ сферахъ на концессію желѣзной дороги, на поставку чего-либо въ казну, на разрѣшеніе какого-либо учрежденія, какого-либо общества на паяхъ...

И хлопоча усердно, служа этимъ дѣльцамъ вѣрой и правдой, Дубовскій за десятокъ лѣтъ мытарствъ не нажилъ ни гроша... Его какъ-то особенно искусно, хотя совсѣмъ просто, „выкуривали" изъ дѣла, когда оно было уже на мази.

Когда умерла сестра и онъ попалъ въ опекуны къ богатой племянницѣ, онъ занялся ея дѣлами и бросилъ аферы... Но это продолжалось не долго. Мечта разбогатѣть снѣдала его. Онъ давно якобы зналъ, какъ и гдѣ можно навѣрное легко и быстро разбогатѣть. Но на это были нужны средства, которыхъ у него не было. Теперь они явились. Не свои—но все же у него въ рукахъ. Ловко обойдя законы объ опекѣ, онъ продалъ всѣ имѣнія племянницы и, распоряжаясь чистоганомъ, окунулся въ биржевую игру.

Иногда ему приходило на умъ, что бываютъ случаи, что люди проигрываются и разоряются въ пухъ и прахъ. Ну, вдругъ таковое приключится и съ нимъ?

И на это у Дубовскаго былъ отвѣтъ, было утѣшеніе. Въ его Любочку влюбленъ давно и уже сватался—и даже собственно два

Digitized by Google

раза — богачъ и милый малый, нѣкто князь Соколинскій, одинъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ Малороссіи. Любочка отказала наотрѣзъ и теперь слышать объ немъ не хочетъ. Но если приключится бѣда какая... то тогда она по неволѣ пойдетъ за него. А князь поклялся ни на комъ не жениться, покуда она не замужемъ. Вотъ развѣ она вдругъ за кого другого соберется... Это будетъ ударомъ, если онъ, Дубовскій, до тѣхъ поръ не успѣетъ разбогатѣть... Вѣдь замужней надо все сдать съ рукъ на руки. А сдать въ порядкѣ трудно. Да кромѣ того лишиться возможности пробовать счастья...

Однако этого послѣдняго обстоятельства — любви и брака — Дубовскій не боялся. Питомица его ни разу, нигдѣ, никѣмъ не увлеклась. Мужчины для нея будто не существуютъ.

Во всякомъ случаѣ опекунъ рѣшилъ разбогатѣть и не иначе, какъ играя на биржѣ. А покуда онъ былъ доволенъ тѣмъ, что онъ за границей „крупный сановникъ“, благодаря звѣздѣ и исключительно громкой визитной карточкѣ, гдѣ стояло: „En fonction de Maître de Cour de Sa Majesté l'Empereur de Russie“. Для „заграницы“ это было нѣчто въ родѣ министра императорскаго двора. Когда же приходилось Дубовскому объяснять иностранцамъ свое званіе, онъ объяснялъ туманно и старался скользить на деталяхъ...

X.

Когда дядя вернулся домой, Эми встрѣтила его съ рѣшительнымъ видомъ и заявила, что должна объясниться съ нимъ по крайне важному дѣлу, и къ тому же неотложному. Племянница была настолько взволнована, что дядя даже немножко испугался. Пройдя за нею въ ея маленькую собственную гостиную, онъ усѣлся и, приглядываясь къ лицу молодой дѣвушки, выговорилъ:

— Ты меня, право, пугаешь! Вижу — происшествіе, но какое, что? Какое можетъ быть у тебя важное дѣло? Это за мое отсутствіе, что-ли, стряслось?..

— Очень важное, дядюшка! Важнѣе и быть не можетъ въ жизни.

— Господи помилуй! — воскликнулъ Дубовскій. — Говори скорѣй!

— Я...—начала Эми. — Я...—повторила она снова,—и не знала, съ какого предисловія начать.

Но вдругъ, должно быть, подъ вліяніемъ того же чувства,

Digitized by Google

изъ-за котораго трусы кидаются на войнѣ въ самое горячее мѣсто свалки, она выговорила:

— Я полюбила человѣка... Я встрѣтила, полюбила и желала бы за него идти замужъ...

— Кто? Что? Когда? — произнесъ Дубовскій почти тупымъ голосомъ, а затѣмъ, оправившись, прибавилъ разумнѣе: — Кто это? Какимъ образомъ?

Эми назвала Френча. Дубовскій вытаращилъ глаза. Все лицо его вытянулось, ротъ раскрылся, оголяя два ряда великолѣпныхъ, какъ жемчугъ, зубовъ, которые стоили болѣе тысячи франковъ. Нѣсколько мгновеній онъ не могъ произнести ни слова.

— Англичанинъ?—произнесъ онъ наконецъ.—Это тотъ, который на биржѣ здѣшней...

И онъ запнулся.

— Любочка, да я ей Богу... Ты, должно быть... Скажи по совѣсти, ради шутки все это? Не пугай зря!

Видя растерянность дяди, Эми тоже смутилась. Оказалось ясно, что ихъ двѣ точки зрѣнія на одного и того же человѣка помѣщались какъ бы въ центрахъ двухъ различныхъ полушарій. Ихъ мнѣніе объ одномъ и томъ же человѣкѣ было мнѣніемъ двухъ антиподовъ.

Эми тотчасъ поняла, какъ много придется положить труда и настойчивости, чтобы добиться своего. А у нея не хватитъ силы и умѣнья.

Дубовскій, придя немного въ себя, заговорилъ, и довольно краснорѣчиво, что съ нимъ бывало рѣдко. Онъ сталъ доказывать племянницѣ, что она или со скуки, или подъ вліяніемъ какой-нибудь скверной бабы-дуры, или вслѣдствіе какого-либо особеннаго легкомыслія, котораго онъ въ ней никогда не замѣчалъ, увлеклась человѣкомъ не только неподходящимъ, неровней, но одной изъ тѣхъ личностей, которыхъ видимо-невидимо разсыпано по всему свѣту. Наконецъ, ему, да и племянницѣ тоже, совершенно неизвѣстно, что это за личность, этотъ англичанинъ со странной, даже вульгарной фамиліей.

— Очевидное дѣло, — кончилъ Дубовскій, — что это ловкій молодой человѣкъ, какъ говорятъ въ Россіи, „ловкачъ“. Онъ пронюхалъ, что у тебя большое, и даже, пожалуй, очень большое приданое, что ты сирота, что у тебя, кромѣ опекуна-дяди, нѣтъ никого. А дядя-опекунъ имѣетъ надъ тобой власть только до извѣстной поры и до извѣстной степени. Вотъ онъ и примѣрился, прицѣлился, изловчился и попалъ въ цѣль. Нахалъ порядочный!—вскрикнулъ онъ, но видя, что при этомъ словѣ лицо

Digitized by Google

Эми стало сурово, онъ тотчасъ же прибавилъ: — Не сердись, я иначе судить не могу! Во всякомъ случаѣ, въ такихъ дѣлахъ спѣшить нельзя. Ты сказала—спѣшное дѣло. Помилуй, кто же спѣшитъ жениться или замужъ выходить?

— Страшно спѣшное, дядюшка!—тревожно выговорила Эми.

— Почему же?

Эми подумала и, поколебавшись нѣсколько мгновеній, объяснила дядѣ всю правду. Молодая дѣвушка была будто увѣрена, что дядя взглянетъ на исторію Френча съ Загурскимъ тѣми же глазами, какими смотрѣла и она, но оказалось, что два антипода снова разошлись во мнѣніяхъ.

— Именно ловкачъ!—пробурчалъ Дубовскій, какъ бы себѣ самому.—Ловко подведено! Если, молъ, не пойдете за меня замужъ сегодня, то завтра я буду убитъ. Скажите пожалуйста! Вотъ они какіе развелись на свѣтѣ, не даромъ мы въ парижскихъ стѣнахъ и среди парижскихъ человѣковъ живемъ! Передовое мѣсто! Жениться ли, нажиться ли, убить ли кого,—все здѣсь творится по самому послѣднему фасону. Я бы здѣсь издавалъ модный журналъ не платьевъ, а убѣжденій, мнѣній, поступковъ и преступленій. И во всякомъ нумерѣ давалъ бы, напримѣръ, самую послѣднюю модель и послѣднюю выкройку какого-нибудь распоротаго живота. Вы, молъ, до сихъ поръ стрѣляли изъ револьверовъ или рѣзали по горлу. Анъ, вотъ, поглядите, вновь старая хорошая мода вернулась, ножищемъ по животу крестъ на крестъ хватить, или треугольничекъ, какъ изъ арбуза вырѣзать. Гораздо скорѣе, проще и вѣрнѣе.

Дубовскій задумался съ тревожнымъ лицомъ и много ли прошло времени—онъ не зналъ, когда услыхалъ голосъ Эми.

— Итакъ, дядюшка, что же вы мнѣ скажете?

— Какъ что я скажу? Да я уже часъ говорю!

— Стало быть, вы на этотъ бракъ никогда не согласитесь?

— Дуракъ бы я былъ, подлецъ бы я былъ, кабы согласился! Наконецъ, подумай сама, если бы ты говорила объ этомъ, какъ о дѣлѣ, которое должно рѣшиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, я бы сталъ надѣяться на то, что ты сама образумишься. А ты еще хочешь рѣшить сейчасъ же—вынь да положь. Потому что ловкачъ такъ все подстроилъ, что, видите ли, завтра можетъ быть убитъ.

Эми перемѣнилась въ лицѣ и заплакала, затѣмъ она закрыла лицо платкомъ и вдругъ плачъ перешелъ въ рыданія.

— Любочка, Любочка, дорогая моя!—Дубовскій вскочилъ съ мѣста, и, сѣвъ на диванчикъ около племянницы, онъ началъ ее

Digitized by Google

всячески уговаривать и убѣждать тѣми словами, въ которыхъ обыкновенно не бываетъ ничего убѣдительнаго. Онъ просилъ одного—по крайней мѣрѣ хоть обождать. А именно обождать-то было и невозможно.

Дубовскій кончилъ тѣмъ, что предложилъ племянницѣ взяться за дѣло самому, т.-е. за дѣло примиренія враговъ, ручаясь заранѣе за успѣхъ. Затѣмъ онъ обѣщалъ собрать тотчасъ всякаго рода справки о Фреичѣ, узнать по крайней мѣрѣ, что̀ тотъ за человѣкъ, откуда, такъ какъ ему мерещилось въ англичанинѣ что-то не совсѣмъ хорошее.

Послѣ цѣлаго часа убѣжденій и просьбъ Дубовскому удалось нѣсколько успокоить племянницу, а затѣмъ, быстро отобѣдавъ съ ней вдвоемъ, онъ тотчасъ же собрался по дѣлу своей питомицы.

Прежде чѣмъ собираться разстроивать поединокъ, Дубовскій отправился въ англійское посольство къ знакомому старшему секретарю, чтобы узнать отъ него, какая у нихъ въ амбассадѣ репутація этого молодого англичанина, который, бывая въ высшемъ свѣтѣ Парижа, не могъ не быть имъ извѣстенъ. Свѣдѣнія, полученныя имъ отъ секретаря, были крайне смутны. Въ посольствѣ было извѣстно то, что̀ онъ зналъ и безъ того.

Молодой человѣкъ, умный, образованный, чрезвычайно приличный, чрезвычайно красивый, съ глупой фамиліей, вращающійся по своимъ дѣламъ въ финансовомъ мірѣ Парижа и имѣющій сношенія съ финансистами Англіи, но, конечно, не въ качествѣ банкира или богача, а въ качествѣ, быть можетъ, чего-то въ родѣ агента. А агенты въ этихъ сферахъ бываютъ разныхъ категорій. Отъ агента, который завтра станетъ самъ банкиромъ, до агента, получающаго по тысячѣ франковъ въ годъ—цѣлая пропасть.

Изъ амбассады Дубовскій проѣхалъ къ графу Загурскому, нашелъ его собирающимся на вечеръ и сталъ объясняться на особый ладъ. Стычка двухъ молодыхъ людей произошла болѣе или менѣе изъ-за его племянницы и поэтому даетъ ему право вмѣшаться въ это дѣло и просить обѣ стороны примириться, хотя бы потому, чтобы не компрометировать отчасти молодую дѣвушку. Все-таки молва можетъ разнести по всему Парижу, что стычка произошла якобы по винѣ молодой дѣвушки. Во всякомъ случаѣ имя ея будетъ замѣшано.

Загурскій очень вѣжливо, но и очень холодно заявилъ Дубовскому, что онъ крайне сожалѣетъ, но не можетъ удовлетворить его просьбу. Въ данномъ случаѣ его роль пассивная: онъ

Digitized by Google

былъ оскорбленъ, поэтому обязанъ требовать удовлетворенія и не воленъ ни въ чемъ. Единственное, на что онъ готовъ согласиться—это отнестись мягко, если противникъ явится съ извиненіемъ.

Загурскій прибавилъ, что если дѣйствительно это дѣло такъ непріятно Дубовскому, то онъ долженъ начать съ г. Френча.

— Быть можетъ, потомъ я все-таки свое возьму и проучу черезчуръ дерзкаго англичанина, но по совершенно иному какому-нибудь поводу и не сейчасъ, а черезъ мѣсяца два или три, и тогда имя Любови Борисовны не будетъ замѣшано.

— Но скажите, наконецъ, графъ, что же это за дуэль? Вѣдь въ ней смысла нѣтъ, — заявилъ Дубовскій. — Я самъ былъ молодъ. Братъ служилъ въ гвардіи. Помню, у него чуть-чуть не состоялась дуэль, которую я разстроилъ... Но тамъ былъ поводъ... Клевета. А это что же такое!

— Оскорбленіе, нанесенное безъ мотива нахаломъ!—отвѣтилъ Загурскій. — Это очень часто бываетъ, Владиміръ Ивановичъ. Къ несчастію!

— Да кто онъ такой собственно. Или „что“ онъ?

— Кто? Френчъ?..— разсмѣялся графъ. — А это все равно, еслибы въ Москвѣ жилъ французъ и назывался: monsieur Roussky.

— Знаю. Знаю... Я не про фамилію... А что онъ такое? Какъ онъ попалъ въ общество? Зачѣмъ его пускаютъ? Кабы не пускали, такъ...

И Дубовскій кончилъ мысленно:

„Такъ и Любочка бы за него замужъ не собралась“.

— Видите ли, Владиміръ Иванычъ... Въ наше время, чтобы попасть въ высшій кругъ, нужно имѣть или имя родовитое,—ну, вы и я... Или деньги — Герцлихъ еврей... или мѣдный лобъ— Френчъ.

— Ахъ, Герцлихъ прекраснѣйшей души человѣкъ! — воскликнулъ Дубовскій.—Это... это святой человѣкъ.

— Не спорю. Но попалъ онъ въ faubourg Saint Germain и въ нашъ русскій кружокъ не за свою душу и не за свою святость, а изъ-за своихъ милліоновъ. Ну-съ, а Френчъ попалъ потому, что онъ прилично одѣтъ, умѣетъ танцовать, умѣетъ глядѣть сфинксомъ... умѣетъ краснорѣчиво умалчивать, когда нужно.

— Какъ такъ?..

— Молчать умѣетъ. Вотъ онъ ни разу никому не сказалъ, что онъ родня чуть не самой королевѣ Викторіи... А въ обществѣ всѣ это говорятъ. Откуда взялось? Да онъ же пустилъ стороной. А самъ молчитъ.

Digitized by Google

— Не слѣдовало бы допускать въ порядочное общество всякаго проходимца!—воскликнулъ Дубовскій.—Тогда бы и не было глупыхъ скандаловъ, незаслуженныхъ оскорбленій. Чѣмъ, напримѣръ, вы вызвали его дерзость?..

Загурскій молчалъ...

— Вѣдь вы, говорятъ, сказали, что онъ пригласилъ на котильонъ Любочку, чтобы разговаривать, а не танцовать. Что же тутъ такого?

— Вотъ что, Владиміръ Иванычъ... По совѣсти я ужъ, такъ и быть, вамъ скажу,—разсмѣялся Загурскій.—Я, видите ли, бывалый, многое видалъ и испыталъ, живя всю жизнь за границей... Ну и я вамъ скажу... Френчу надо драться... Понимаете? Надо. Необходимость. Онъ выбралъ меня, чтобы привязаться зря и сдѣлать дерзость, зная, что я этого такъ не оставлю. Ну, его цѣль и достигнута.

— Да зачѣмъ же надо-то?..

— Ну, Владиміръ Ивановичъ, это, я думаю, только онъ одинъ знаетъ. Даже его подушка не знаетъ... потому что только подушки молодыхъ дѣвушекъ знаютъ, о комъ или о чемъ онѣ по ночамъ вздыхаютъ.

Дубовскій задумался, засопѣлъ и, наконецъ, выговорилъ:

— Знаете что, графъ? Я къ нему самому поѣду—все это разъяснить.

Загурскій не отвѣтилъ. Дубовскій всталъ и простился.

Несмотря на позднее время, Дубовскій рѣшилъ отправиться къ Френчу, котораго собственно зналъ мало, часто видѣлъ увивающагося вокругъ Любочки, но не обратилъ на него особеннаго вниманія. Въ данномъ случаѣ на Дубовскаго напала какая-то слѣпота. Ему никогда ни на одно мгновеніе не пришло на умъ, что племянница можетъ увлечься какимъ-нибудь иностранцемъ, какими въ Парижѣ хоть прудъ пруди.

Выйдя отъ Загурскаго и рѣшивъ тотчасъ же на всякій случай попытать счастья—ѣхать къ Френчу, Дубовскій вдругъ остановился въ недоумѣніи и удивленіи.

„Адресъ? Гдѣ онъ живетъ“?

Конечно, это было ему неизвѣстно.

Подумавъ, онъ вдругъ вспомнилъ и обрадовался. Герцлихъ однажды дѣлалъ маленькій мужской вечеръ, на немъ присутствовалъ и Френчъ. На другой день Герцлихъ жаловался, что ужасно усталъ, отдавая визиты и развозя карточки вчерашнимъ гостямъ. Очевидно, что баронъ можетъ сообщить ему адресъ англичанина.

Digitized by Google

XI.

„Что сказала бы мама“?—преслѣдовало Эми. А между тѣмъ у нея подъ рукой былъ въ Парижѣ старый другъ, глубоко чтившій память ея матери, какъ человѣкъ многимъ ей обязанный. Эми знала, что и ее онъ искренно любитъ. Это былъ Рудокоповъ.

Молодая дѣвушка рѣшилась написать доктору, что тотчасъ же проситъ его пріѣхать ради важнаго дѣла.

Обыденнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинальнымъ общественнымъ явленіемъ былъ докторъ Адріанъ Николаевичъ Рудокоповъ, бывшій московскій студентъ, гимназистъ провинціальнаго города и деревенскій малышъ Андреяшка въ дѣтскіе годы. Онъ явился на свѣтъ сыномъ мужика самаго трущобнаго мѣста тверской губерніи, которое, будучи за сто верстъ отъ Николаевской дороги, было глушью пуще, чѣмъ какой-нибудь уголокъ пермской или вятской губерніи.

И вотъ изъ этой-то глуши не бѣжалъ, а ушелъ съ согласія отца двѣнадцатилѣтній Андреяша, чтобы учиться. Если отецъ—неглупый мужикъ и со средствами—согласился, то исключительно потому, что сынъ—молодецъ на всѣ руки во всемъ, что ни къ чему не было пригодно, былъ совсѣмъ ледащимъ и въ косьбѣ, и въ пахотѣ, и во всякомъ важномъ мужицкомъ дѣлѣ. Не мало, однако, помогъ сосѣдній небогатый помѣщикъ, который, подмѣтивъ въ мальчуганѣ недюжинный умъ, страстную любовь къ чтенію всякихъ печатныхъ клочковъ, которые попадались ему подъ руку, убѣдилъ мужика „испробовать“ сына. Онъ предложилъ свою посильную помощь послать мальчика учиться всего на одинъ годъ. Этотъ годъ доказалъ, что Андреяшѣ слѣдовало идти дальше.

Прохожденіе курса въ гимназіи и университетѣ не было простымъ существованіемъ, а отчаянной битвой.

Если къ чьей-либо жизни приложить пресловутое выраженіе „борьба за существованіе“, то, конечно, къ жизни той категоріи людей и той среды, изъ которой выбился Рудокоповъ. Это была отчаянная борьба и битва не за кусокъ хлѣба, а „за книгу“. Кусокъ хлѣба на Руси у всякаго на подачу руки. А „книга“ для иного—еще за китайской стѣной!

Какъ прошла его жизнь, есть явленіе почти исключительно русское, отчасти новое, невѣдомое на западѣ. Это нѣчто въ родѣ чернорабочаго съ юношескихъ лѣтъ и молодости до зрѣлости. Никакая фабричная работа въ шестнадцать часовъ за сутки не можетъ сравниться съ этой своего рода страдой.

Digitized by Google

Путь, который прошелъ Рудокоповъ, Данте не зналъ, иначе включилъ бы его въ свою „Божественную Комедію“. На этомъ пути, гдѣ идетъ масса, толкая другъ друга, давя, падая, усѣивая трупами дорогу, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ процентовъ не достигаютъ цѣли, десять процентовъ проклинаютъ достигнутую цѣль, десять процентовъ достигаютъ и пожинаютъ дорогіе плоды, про которые можно сказать, что они достались „себѣ дороже“ и что врядъ ли этотъ свѣтъ, если не свѣчка, стоитъ игры, истомившей и истерзавшей душу и тѣло.

Съ четвертаго класса гимназіи Адріанъ Рудокоповъ уже самъ себя содержалъ. Отецъ отказался высылать уплату на содержаніе сына, такъ какъ помѣщикъ, помогавшій, умеръ. Приходилось, кончивъ третій классъ, возвращаться къ сохѣ или къ косѣ, или идти въ приказчики въ лавочку, именуясь грамотнымъ парнемъ.

На пятнадцатомъ году Адріану пришлось учить другихъ, чтобы учиться. И такъ продолжалось чуть не десять лѣтъ: началъ это четвероклассникъ, а кончилъ медикъ пятаго курса. Будучи однимъ изъ первыхъ учениковъ почти все время въ гимназіи, ему немудрено было достать уроки въ губернскомъ городѣ при рекомендаціи начальства, но въ Москвѣ оказалась такая страшная конкурренція, что два или три раза дѣльный, умный, даже талантливый въ преподаваніи студентъ едва не погибъ.

Однако Рудокоповъ отбылъ свое обученіе блестящимъ образомъ, благодаря именно тому, что былъ сынъ и внукъ мужиковъ, былъ изъ свѣжаго матеріала, т.-е. здоровякъ. Окончивъ университетъ и сдавъ экзаменъ на лекаря, онъ бросилъ уроки и началъ усиленно дѣлать то, что уже дѣлалъ года съ два, т.-е. писать всякаго рода статейки въ періодическую прессу, конечно по медицинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ писать диссертацію.

Черезъ года полтора по выходѣ его изъ университета возникла страстная полемика, переполошившая весь медицинскій міръ двухъ столицъ. Главный переполохъ произошелъ оттого, что въ одной небольшой газетѣ появился нѣкто, добровольно примкнувшій къ полемикѣ въ видѣ третейскаго судьи подъ псевдонимомъ „Укротитель“.

Авторъ этихъ статей не только принялся критиковать медицинскій русскій міръ, но онъ, по словамъ даже профановъ, попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Несмотря на всѣ старанія многихъ, въ продолженіе цѣлой зимы не удалось узнать, кто былъ авторъ. Видно только было, что „Укротитель“, конечно, медикъ.

Полемика эта закончилась тѣмъ, что „Укротителя“ назвали

Digitized by Google

въ большой газетѣ по имени, раскрывъ безсовѣстнымъ образомъ псевдонимъ. Названный оказался довольно извѣстнымъ докторомъ и тотчасъ же протестовалъ, привелъ всяческія доказательства, что называть его авторомъ статеекъ „Укротителя“ есть клевета или месть и безсовѣстная ложь. Тогда авторъ по неволѣ самъ назвался и оказалось имя, которое было никому неизвѣстно, за исключеніемъ профессоровъ-медиковъ. Но съ этого дня „Укротитель“ Рудокоповъ сталъ въ медицинскомъ мірѣ извѣстенъ почти наравнѣ съ знаменитостями. Разумѣется, у него явилась масса враговъ въ Москвѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ завелось и много заглазныхъ друзей.

Въ это время очень богатая барыня собиралась изъ Россіи въ теплые края, посылаемая консиліумомъ докторовъ. Ей нуженъ былъ непремѣнно домашній врачъ, конечно молодой человѣкъ, которому не придется бросать своихъ пріобрѣтенныхъ паціентовъ и, стало быть, вѣрный, отвоеванный кусокъ хлѣба.

Барыня эта была Скритицына.

Какая-то московская знаменитость, докторъ изъ числа покровителей Рудокопова, предложилъ его, какъ талантливаго врача, умнаго и просвѣщеннаго человѣка.

Такимъ образомъ, Адріанъ Николаевичъ Рудокоповъ, выбравшись на гладкую дорогу, случайно попалъ на другую, еще болѣе торную и широкую. Ему приходилось на полномъ содержаніи при большомъ жалованьѣ ѣхать въ Швейцарію, Францію и Италію съ очень милой и доброй женщиной и ея маленькой дѣвочкой.

Разумѣется, черезъ какихъ-нибудь полгода Рудокоповъ былъ любимцемъ Скритицыной, а маленькая Эми обожала Адріана Николаевича.

И сынъ тверского мужика, отличный врачъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень образованный человѣкъ, оказался въ Европѣ вполнѣ свободнымъ, чтобы заниматься чѣмъ угодно.

Цѣлые дни онъ могъ посвящать теперь на то, что̀ ему нравилось, и, разумѣется, страстно продолжалъ работать. Въ занятіяхъ медициной Рудокопову дальше было идти собственно некуда. Спеціальность избрать онъ не хотѣлъ. Онъ сталъ заглядывать въ другія сферы и, наконецъ, понемногу сталъ уже заниматься тѣмъ, что̀, казалось бы, было медику и не въ лицу. Вскорѣ онъ зналъ наизусть всѣ европейскія картинныя галереи, за исключеніемъ испанскихъ, и былъ тонкимъ знатокомъ живописи, былъ любителемъ-коллекціонеромъ старинныхъ гравюръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ его отецъ, мужикъ Миколай Миколаичъ,

Digitized by Google

уже не жилъ въ той же деревнѣ. Онъ купилъ себѣ маленькое имѣньице въ Старицкомъ уѣздѣ и сталъ помѣщикомъ. Сынъ Андреяша прислалъ ему въ подарокъ десять тысячъ рублей. Рудокоповъ могъ послать отцу и больше, но рѣшилъ, что это принесетъ старику только вредъ, что отцу слѣдуетъ оставаться въ своей тарелкѣ или на своемъ шесткѣ.

Между тѣмъ у самого Рудокопова черезъ нѣсколько лѣтъ былъ уже капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Случилось это очень просто. Жалованье, получаемое у Скритицыной, онъ почти до копѣйки откладывалъ и кромѣ того все то общество, въ которомъ вращалась семья и не одна только русская колонія, но и иностранцы, сдѣлали изъ Рудокопова своего доктора. Нашлись французы и англичане, которые настолько довѣрились русскому доктору, что письменно совѣтовались съ нимъ Богъ вѣсть на какомъ разстояніи.

Случалось, что Рудокопову приходилось, взявъ отпускъ у Скритицыной, изъ Италіи летѣть въ Англію къ больному паціенту, изъ Англіи заѣхать въ Бельгію, наконецъ однажды пришлось съѣздить на югъ Испаніи къ герцогу д'Оканья. Не мало собралось въ Гренадѣ испанскихъ эскулаповъ, въ томъ числѣ одинъ французъ, но герцогъ, смущенный своимъ недомоганіемъ, выписалъ своего amigo russo.

Такъ какъ всѣ паціенты Рудокопова всевозможныхъ національностей были люди крайне богатые, то жатва была обильная, причемъ, конечно, вполнѣ заслуженная. Знающій свое дѣло врачъ, благодаря долгимъ и усиленнымъ трудамъ, казалось, будто освѣтилъ добытое новымъ свѣтомъ.

— Чтобы быть хорошимъ докторомъ, все нужно!—говорилъ Рудокоповъ и прибавлялъ, не улыбаясь и не моргнувъ бровью:—близкое знакомство мое съ господами до-рафаэлистами не мало помогло мнѣ два раза при постели двухъ тяжко больныхъ.

Конечно, у доктора и въ этой средѣ экзотической были враги, вслѣдствіе того, что, посвятивъ всѣ часы своей жизни на самообразованіе, ему некогда было, да и на умъ не пришло удѣлить хоть нѣсколько минутъ въ день на самовоспитаніе. У него не было формы и такта. Онъ бывалъ рѣзокъ и грубоватъ.

Въ Рудокоповѣ ярко сказывался мужикъ и сказывался трояко: ясностью и свѣжестью мысли, угловатостью и рѣзкостью движеній, мягкостью и теплотой сердечныхъ вспышекъ.

Черезъ года два или три послѣ того, что Рудокоповъ поступилъ домашнимъ врачомъ къ Скритицыной, онъ могъ уже покинуть свою должность и зажить самостоятельно, будучи меди-

Digitized by Google

комъ раздушенной интернаціоналки, но онъ привязался и къ матери, и къ дочери. Послѣ смерти матери Скритицыной онъ, конечно, не могъ слѣдовать за Дубовскимъ и остался во Франціи.

За это время Рудокоповъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Россію, нѣсколько разъ по цѣлому мѣсяцу пробывалъ въ Москвѣ. Съ особеннымъ чувствомъ, съ какимъ-то щекотаніемъ гдѣ-то тамъ... далеко... около сердца проѣзжалъ онъ по Моховой или мимо Екатерининской больницы. Съ теплымъ, хорошимъ чувствомъ, не проклиная никого и ничего, вспоминалъ онъ, какъ бился студентомъ, въ особенности на третьемъ курсѣ, когда нежданно потерялъ два урока предъ самымъ взносомъ платы.

Рудокопову, уже извѣстному въ медицинскомъ мірѣ нѣсколькими блестящими статьями, стали предлагать вступить на профессорское поприще, но Адріанъ Николаевичъ былъ уже человѣкъ зараженный, онъ уже пропитался чѣмъ-то, слоняясь нѣсколько лѣтъ по Европѣ, и чувствовалъ, что не уживется ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, а еще того менѣе въ провинціи. Онъ все собирался ѣхать въ Россію, но продолжалъ оставаться тѣмъ, чѣмъ окрестилъ съ насмѣшкой другихъ—кочевникомъ и экзотикомъ.

XII.

Получивъ записку отъ „Любочки", какъ Рудокоповъ давно привыкъ звать Скритицыну заглазно, онъ тотчасъ же явился къ ней.

— Ну, что за важное дѣло?—спросилъ онъ, входя.—Если хотите перемѣнить портниху, то я вамъ адреса новаго дать не могу.

— Ахъ, Адріанъ Николаевичъ, не шутите!.. Я голову теряю...

И по лицу Эми докторъ увидѣлъ, что дѣйствительно съ ней произошло что-то особенное и серьезное.

— Говорите. Говорите скорѣе...—тревожно произнесъ онъ, садясь.—Вы знаете, какъ я васъ люблю, какъ любилъ вашу матушку, какъ много ей обязанъ... Я за васъ въ огонь и въ воду, Любовь Борисовна.

Эми, путаясь, кой-какъ, неправильно, то забѣгая впередъ, то возвращаясь, разсказала другу все. Какъ бы исповѣдалась предъ нимъ.

Рудокоповъ слушалъ внимательно и становился все мрачнѣе.

— Что же вы мнѣ скажете?—спросила она наконецъ.—Что посовѣтуете?

Digitized by Google

— Теперь? Ничего.

— Какъ!?—изумилась Эми.

— Теперь поздно, Любовь Борисовна.

— Какъ поздно?

— Да. И вы обидѣли меня. Слѣдовало за мной послать давно. Не только прежде объясненія съ Владиміромъ Иванычемъ, но даже прежде объясненія съ этимъ англичаниномъ. Надо было попросить меня узнать его самого, узнать, кто и что онъ прежде, чѣмъ сказать: люблю. А теперь поздно. Что я могу, когда я совершенно не знаю, что это за человѣкъ! Я знаю про него, что у него острая бородка à la Henry III, что онъ похожъ на „Миньона", сорвался съ какой-нибудь картины изъ галереи версальской или луврской. А честный ли онъ человѣкъ, порядочный, достойный васъ, могущій составить ваше счастье... или же онъ пролѣзъ въ это экзотическое интернаціональное общество. Онъ—Френчъ, tout court... Невѣдомо откелева. Прохожій человѣкъ. Безъ сапогъ. А у васъ полъ-милліона. И онъ это пречудесно знаетъ.

— Ахъ, полноте, Адріанъ Николаевичъ!—воскликнула Эми. —Еслибы вы его знали...

— Вотъ, вотъ... Еслибы я его зналъ, то этакаго всего зря бы и не говорилъ. Или бы превозносилъ его, или бы доказательно доказывалъ, что онъ жуликъ.

— Жуликъ? Что это...

— Такое слово. Хорошее... Ну, мошенникъ, что-ли.

— Послушайте, ради Бога... Мнѣ не до шутокъ...—стала умолять Эми.—Вы другъ. Мой лучшій другъ и единственный.

— Это вѣрно, Любовь Борисовна. Оттого вамъ и слѣдовало, прежде чѣмъ полюбить этого невѣдомаго британца, меня позвать, спросить...

— Ахъ, Адріанъ Николаевичъ! Да развѣ это возможно? Я узнаю васъ въ этихъ словахъ. Да развѣ знаешь, что начинаешь любить, развѣ знаешь, когда и какъ это случится, случилось. Смотришь, вчера ничего не было, сегодня что-то непонятное, а завтра... завтра конецъ всему... Вотъ какъ со мною было. До отъѣзда дяди въ Петербургъ я имъ интересовалась, а теперь... теперь...

— Теперь поздно?

— Вернуться? Да. Поздно.

— И совѣтоваться со мной поздно.

— Но ваше мнѣніе... не объ немъ... Ваше мнѣніе: рѣшаться ли такъ вѣнчаться?.. Это скандалъ!

Digitized by Google

— Ахъ, полноте! Не это скандалъ!—воскликнулъ Рудокоповъ. —Рѣшать свою судьбу самой — не скандалъ. Вѣнчаться безъ гостей, букетовъ и поздравленій — не скандалъ. Не въ этомъ дѣло. Еслибы вы собрались бѣжать отъ дяди, я самъ бы побѣжалъ вмѣстѣ съ вами, но,—поймите,—зная, кто третій бѣжитъ около насъ. А теперь я этого третьяго не знаю. Мы съ нимъ, пожалуй, прибѣжимъ... къ позору, обману и, главное,—горю! Къ несчастью всей вашей жизни!

— Познакомьтесь съ Френчемъ ближе, и вы полюбите его.

— Когда же?

— Хоть сегодня.

— А завтра побѣжимъ? Полноте, Любовь Борисовна. Чтобы выходить замужъ или совѣтовать другу выходить—надо съ этимъ „предметомъ“ нѣсколько пудовъ соли съѣсть. Вы все еще ребенокъ! Вотъ что ужасно. Ребенокъ и сирота! Безъ призора. Владиміръ Ивановичъ большой грѣхъ на душу взялъ, что поселился съ вами въ этомъ Вавилонѣ, бросилъ васъ въ этотъ разношерстный бомондъ, гдѣ всѣ языцы земные, развѣ только каракалпаковъ нѣтъ. А самъ летаетъ... чортъ знаетъ гдѣ и зачѣмъ. Вотъ вы, дитя, и собрались замужъ за перваго ловкаго „экзотика“, которому понравились ваши деньги.

Рудокоповъ замолчалъ и глубоко задумался.

Эми грустно тоже молчала, но была смущена мыслью.

Онъ говоритъ то же, что и дядя! Да неужели же есть такіе люди? Если и есть, то онъ, Ліонель, конечно, не такой. Никогда!

— Вотъ къ чему ведетъ это кочеваніе!—выговорилъ вдругъ Рудокоповъ.

— Ахъ, Адріанъ Николаевичъ! Что пустяки, что серьезное дѣло—вы все свое. Le même refrain.

— Да-съ. Но по неволѣ. Потому что этотъ рефрэнъ, или припѣвъ, вѣрный, истинный. И этотъ рефрэнъ—не русское „ай люли, люли“! А напротивъ, грустный, похоронный, ужасный. И вотъ теперь на васъ оправдывается то, что я сто разъ, тысячу разъ говорилъ вашей покойной матери и говорю теперь вамъ.

— На мнѣ оправдывается?

— Да. Конечно. Жили бы въ Россіи, въ Москвѣ, хоть въ Петербургѣ—вы бы не собрались замужъ за какого-нибудь британца или бразильянца.

— А вышла бы за князя Соколинскаго,—разсердилась Эми.

— Зачѣмъ за Соколинскаго. Не одни Соколинскіе въ Россіи, есть и хорошіе люди, надо полагать.

Digitized by Google

— Я знаю, что есть и Рудокоповы. Но одни изъ нихъ меня не полюбятъ, а за другихъ...

— Ну, говорите... За другихъ, въ родѣ меня... вы сами не пойдете. Понятно. Я не человѣкъ съ извѣстной точки зрѣнія. Я—медикъ, ученый. Я добрый и честный. Но я не человѣкъ. Я сухарь, даже... даже кирпичъ. А тѣ Рудокоповы, которые не кирпичи, а только честные и хорошіе люди, они всѣ васъ полюбятъ. Вы—идеальная русская дѣвушка. А русскія дѣвушки—первыя дѣвушки въ мірѣ. Что же вы, судите сами.

— Многоцѣнный брилліантъ, когинуръ въ нѣкоторомъ родѣ? — пошутила Эми.

— Да, когинуръ. Да и больше... Тотъ, что въ коронѣ королевы Викторіи,—усмѣхнулся докторъ. — Самый, говорятъ, большущій на свѣтѣ. И еслибы вы не были съ дядюшкой кочевниками, то были бы теперь давно замужемъ за хорошимъ орловскимъ или тамбовскимъ черноземнымъ молодымъ землевладѣльцемъ. За такимъ человѣкомъ, у котораго есть кровь, свой и дорогой съ дѣтства, свои мысли и желанія, свое дѣло, полезное себѣ и другимъ; своя вѣра въ отечество и людей, своя религія... Да все, все свое...

— А въ насъ развѣ этого нѣтъ?

— Конечно, ничего нѣтъ, Любовь Борисовна. Ничего. Случится, въ кафѣ на Итальянскомъ бульварѣ бросили бомбу анархисты—вы охаете и волнуетесь. А случись самая отчаянная бѣда въ Россіи, вы узнаете это черезъ три дня на балѣ и передаете, спокойно прибавляя: figurez vous, on prétend que Moscou... Ну, провалилась, что-ли, сквозь землю. И вамъ на это наплевать.

— Неправда. Я люблю Россію...

— Перестаньте, не злите меня!—вскрикнулъ Рудокоповъ.— Вы любите Россію? Господи помилуй! Фраза это одна. Вы любите ее какъ тотъ баринъ, что любилъ дѣтей въ минуты, когда они ревутъ или шалятъ. Потому что ихъ тогда тотчасъ уводятъ или уносятъ изъ комнаты. Вотъ ваша любовь, кочевниковъ-экзотиковъ. Да я не про русскихъ однихъ говорю. Про всѣхъ. Вотъ хотъ бы тотъ же глупый гишпанецъ Оканья, похожій на чухонца. Тоже миссъ Скай, которая ненавидитъ свою Америку, давшую ей, однако, милліоны. И вотъ Френчъ, вѣроятно, такой же... Не то французъ, не то Богъ вѣсть что... Человѣкъ, проклинающій Великобританію.

— Онъ — ирландецъ. Поймите.

— Феній... Да вы всѣ своего рода феніи. Каждый изъ васъ по отношенію къ своему государству—фрондёръ. И что же вы-

Digitized by Google

ходитъ: родины нѣтъ. Нынче здѣсь, завтра у чорта на куличкахъ. Крова родного нѣтъ. Нынче гостинница, завтра квартира, послѣ завтра wagon-lit, и опять гостинница. Дѣло ваше—отдавать здѣсь деньги, заработанныя или добытыя въ Пензѣ или Костромѣ, обогащать богатыхъ, когда дома нужда и нищета и застой во всемъ. У васъ даже религіи нѣтъ. Скажите, сколько разъ въ году попадаете въ церковь?

— Каждое воскресенье...

— Въ свою...

— Гдѣ можно, въ свою.

— А-га! Гдѣ можно. А гдѣ нельзя? И въ католическую, и въ протестантскую ходите? Можетъ быть, иной разъ и въ синагогу заходите? Вездѣ, молъ, можно Богу молиться. Можно. Правда. Можно и въ своей комнатѣ молиться. Но это хожденіе по чужимъ храмамъ, киркамъ да костеламъ... ну, не по душѣ оно мнѣ. Уважаю англичанина за то, что ему въ нашей церкви молиться Богу и на умъ нейдетъ... Предложите, скажетъ: shocking. Да. Кочевники. Новые номады! Новые калмыки. Еще хуже. У тѣхъ свои кибитки, а у васъ и того нѣтъ.

— А вы? Вы! Адріанъ Николаевичъ! Каждый разъ я вамъ это повторяю. Покажите примѣръ собой.

— Я... Что я... Я временно... По неволѣ, — вдругъ задумчиво отозвался онъ.—Вотъ скоро уѣду, куплю имѣніе въ Чухломѣ, и буду пахать.

— Я это давно слышу... — разсмѣялась Эми, и прибавила серьезно:—Но, однако, довольно спорить, Адріанъ Николаевичъ. О дѣлѣ моемъ подумайте. Я голову теряю.

И лицо Эми стало сразу грустнымъ.

— Что-жъ... Вижу, что теряете, потеряли. Но, повторяю: поздно. Что я могу сдѣлать! Я его не знаю, и за него ни говорить, ни дѣйствовать не стану. Одно скажу—не кидайтесь. Обождите. Осмотритесь. Не губите себя поспѣшностью. Мы живемъ на свѣтѣ одинъ разъ. Подумайте объ этомъ. Одинъ разъ, выѣхать погулять на свѣтъ Божій изъ вѣчной тьмы, да тотчасъ сломить себѣ шею.—Помолчавъ, Рудокоповъ прибавилъ:—Дайте мнѣ три дня срoку. Можетъ быть, я что-нибудь и надумаю.

XIII.

На слѣдующій день, около полудня, Дубовскій останавливался у подъѣзда одного изъ большихъ домовъ улицы Taitbout. Это былъ, однако, не отдѣльный отель или барскій домъ, а простой

Digitized by Google

домъ съ нѣсколькими квартирами въ четырехъ этажахъ. Только подъѣздъ этотъ сбоку былъ отдѣльнымъ, и велъ въ отдѣльную большую квартиру, занимавшую весь бель-этажъ.

Здѣсь жилъ Герцлихъ, у котораго было, по свѣдѣніямъ биржи, пятнадцать милліоновъ въ однѣхъ французскихъ бумагахъ. А говорили, что ихъ собственникъ имѣетъ замки, виллы въ Германіи и земли въ Россіи.

У барона Герцлиха были банкирскія конторы въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ и Константинополѣ. Баронъ, 60-лѣтній человѣкъ, но бодрый, сильный, всегда здоровый, всегда въ хорошемъ расположеніи духа, но всегда спокойный, даже невозмутимый въ своемъ хладнокровіи, былъ хорошо извѣстенъ во всѣхъ столицахъ Европы. Въ Парижѣ, гдѣ онъ поселился и жилъ почти безвыѣздно послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ, онъ былъ извѣстенъ какъ крупный, искусный и счастливый финансистъ, но былъ равно извѣстенъ какъ „чистый“ человѣкъ и добрый человѣкъ.

Знаменитая и пресловутая Панама захватила, замарала и погубила не мало изъ его товарищей, но не могла не только зацѣпить, но даже коснуться барона, его дѣлъ и его репутаціи.

Дубовскій встрѣтилъ Герцлиха въ передней во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Среда, къ которой принадлежали Загурскій, Герцлихъ, да и самъ Дубовскій, въ серединѣ зимы въ Парижѣ рѣдко бывали въ сюртукахъ и черныхъ галстухахъ.

Герцлихъ, увидя Дубовскаго, почему-то обрадовался и не только не объявилъ, что онъ спѣшитъ, а объявилъ, что радъ, если Дубовскій заставитъ его остаться дома, такъ какъ онъ ѣдетъ на оффиціальный скучнѣйшій завтракъ.

— Тамъ, какъ и вездѣ, будетъ тоска безумная! Пожалуйте. Мы проведемъ часъ или полтора гораздо пріятнѣе у меня.

Дубовскій остался и объяснилъ, что его дѣло собственно въ двухъ словахъ: не знаетъ ли баронъ адреса Френча?

Баронъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ своему камердинеру, а тотъ сейчасъ же сбѣгалъ въ переднюю и, найдя въ записной книгѣ требуемый адресъ, принесъ его написаннымъ на листкѣ. Дубовскій взялъ листокъ въ руки и сталъ машинально вертѣть въ рукахъ.

— Знакомы ли вы, Владиміръ Ивановичъ, съ новымъ министромъ финансовъ?.. Вѣдь вы всѣхъ знаете въ Петербургѣ... Я бы тогда обратился къ вамъ съ просьбой, важной для моихъ... скажу даже—для „нашихъ“ съ вами дѣлъ, или дѣла о выкупѣ

Digitized by Google

въ казну... — Герцлихъ не договорилъ и прибавилъ: — Что съ вами?

Дубовскій, прочитавшій адресъ на листкѣ, сидѣлъ пораженный. Улица была — его улица, Avenue de Wagram. Но этого мало. Нумеръ его дома былъ четный, а нумеръ дома англичанина нечетный, но стояли оба дома окно въ окно. Дубовскій вдругъ испугался.

„Что же это?—подумалось ему.—Это ужъ не ловкачъ, это, пожалуй, мастеръ-виртуозъ. Оставалось только нанять квартиру въ одномъ этажѣ съ нами, да въ каменной стѣнѣ проломать потайную дверь, да и бывать у Любочки въ гостяхъ, когда вздумается".

Видя смущеніе Дубовскаго, Герцлихъ, конечно, освѣдомился, въ чемъ дѣло и что такое тревожитъ друга. Этотъ сталъ отнѣкиваться, говорить, что „ничего особеннаго — пустяки", но баронъ мягко, добродушно, съ оттѣнкомъ искренняго сочувствія, заставилъ его подумать, что одна голова хороша, а двѣ лучше.

Онъ зналъ барона Герцлиха давно, игралъ на биржѣ, такъ сказать, подъ его попечительствомъ, и наивно ожидалъ сдѣлаться богатымъ человѣкомъ, благодаря совѣтамъ барона, которымъ, однако, зачастую не слѣдовалъ, увлекаясь въ пылу игры. Многое, о чемъ они совѣщались и что предпринимали, оставалось въ тайнѣ между ними. Что же изъ того, если у нихъ явится еще одна тайна — нелѣпое увлеченіе Любочки?

И Дубовскій неожиданно для себя разсказалъ все, что его смущало, до малѣйшихъ подробностей. Герцлихъ выслушалъ, насупился, и казалось, что онъ буквально того же мнѣнія на все приключеніе. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія онъ выговорилъ:

— Кажется, я могу вамъ помочь!

— Какъ?—воскликнулъ Дубовскій. — Разстроитъ дуэль тотчасъ же?

— Дуэль — чортъ съ ней! Разстроить бракъ, а дуэль не трудно! Кажется, почти навѣрное я могу вамъ помочь.

— Какъ я вамъ буду благодаренъ, баронъ! — воскликнулъ Дубовскій, свѣтлѣя лицомъ.

На вопросъ его, что и какъ можетъ сдѣлать Герцлихъ, этотъ отозвался, смѣясь:

— Не совсѣмъ я... А я направлю васъ къ одному человѣчку, а онъ можетъ очень многое. И вы сами его знаете, но вслѣдствіе извѣстной неопытности и наивности, извините меня, въ качествѣ русскаго барина, вы мало обратили вниманія на

Digitized by Google

этого человѣка и не сошлись съ нимъ такъ, какъ могли бы сойтись. А этотъ человѣкъ—золото истинное. И хотя бы вотъ сейчасъ вновь у меня доказательство въ рукахъ, насколько этотъ человѣкъ бываетъ полезенъ. Сколько уже разъ обращался я къ нему, прося услужить по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, въ самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ.

— Кто же это такой?

— А это...

И такъ какъ Герцлихъ съ Дубовскимъ говорили по-французски, то баронъ сказалъ:

— M-r Georges Hastings!

— Что вы?! — изумляясь, отвѣтилъ Дубовскій по-русски. — Егоръ Егоровичъ!

— Ну да, Егоръ Егоровичъ!—отозвался Герцлихъ по-русски, но съ страннымъ характернымъ акцентомъ.

Изъ-за этого акцента онъ и предпочиталъ французскій языкъ русскому.

— Но что же онъ тутъ можетъ, помилуйте!—изумился Дубовскій.

— Онъ можетъ все во многихъ и многихъ дѣлахъ. Повторяю вамъ, познакомьтесь съ нимъ ближе! Это—воплощенная omnipotentia. Этотъ человѣкъ можетъ замѣнить для иного цѣлую массу сношеній и связей. Лучше знать его одного, чѣмъ знать въ какой-нибудь столицѣ близко десять-пятнадцать семействъ высокопоставленныхъ людей.

— Да полноте, что вы!—изумился Дубовскій.

— Вѣрно! Я вамъ это сто разъ говорилъ, но вы всегда относились какъ-то шутя или думали, что я преувеличиваю. А вотъ теперь по поводу приключенія съ вашей племянницей я вамъ докажу или, вѣрнѣе, онъ самъ вамъ докажетъ, что онъ, какъ говорятъ русскіе, рука владыка, или по древнему: omnipotentia.

Дубовскій горячо поблагодарилъ барона и, побесѣдовавъ немного о дѣлахъ, о биржѣ—уѣхалъ довольный и болѣе спокойный.

Между тѣмъ, покуда русскій сановникъ и биржевой игрокъ хлопоталъ вслѣдствіе приключенія съ племянницей и нечаянно напалъ на важнаго помощника, Эми оказалась нежданно совершенно въ такомъ же положеніи въ тотъ же самый день.

Пріѣхавъ къ графинѣ Нордъ-Остъ, объяснившись съ ней и разсказавъ все, Эми попросила ея совѣта, какъ быть въ виду если не отказа дяди, то все-таки несогласія. Графиня, конечно, была очень мало заинтересована тѣмъ, удастся ли Эми Скрити-

Digitized by Google

цыной выйти замужъ за англичанина. Единственное, что̀ ее озабочивало и тревожило, былъ поединокъ.

Поговоривъ немного, и графиня, и Эми замолчали и задумались. И тишина долго царила въ комнатѣ. Лицо красавицы-графини стало совершенно сумрачнымъ, и наконецъ послѣ долгихъ размышленій она сказала:

— Вотъ что̀, Любовь Борисовна! мы ничего вдвоемъ не придумаемъ и ничего не сдѣлаемъ. Вы хотите спасти человѣка вамъ близкаго; я хочу спасти человѣка, который... какъ бы вамъ сказать?—мнѣ не близкій, но очень близкій одной женщинѣ, которая для меня все равно что сестра. Если бы вы были замужней женщиной, я бы вамъ сказала все до мелочей, но этого не нужно. Хотите ли вы меня послушаться?

— Еще бы, графиня! Я, какъ утопающая, готова схватиться за соломинку, а я увѣрена, что вы не соломинку предлагаете.

— Пожалуй да, пожалуй нѣтъ, а кажется мнѣ, что нѣтъ. Во всякомъ случаѣ это или соломинка, или настоящій морской канатъ, на которомъ можно прицѣпить цѣлый корабль.

Графиня разсмѣялась, но странно звенящимъ, сухимъ смѣхомъ. Видно было, что ей далеко не до шутокъ.

— Вотъ мое предложеніе! Располагаете ли вы собою, какъ вамъ вздумается, по собственной волѣ, или должны просить позволенія у вашего дяди?

— Совершенно располагаю сама.

— Такъ что можете сейчасъ же ѣхать со мной въ гости?

— Конечно, графиня!

Нордъ-Остъ приказала закладывать карету и попросила позволенія заняться на секунду собой въ спальнѣ pour un brin de toilette. Несмотря на тревожное душевное состояніе, графиня пробыла въ своемъ будуарѣ немножко менѣе часа и вышла вновь въ гостиную, какъ всегда красивой, юной и блестящей женщиной, не имѣющей, казалось, лѣтъ. Ей было и двадцать семь, и девятнадцать, смотря по тому, въ какомъ она находилась настроеніи духа или въ какомъ туалетѣ.

Золотисто-рыжеватая, съ молочно-бѣлой кожей лица и рукъ, графиня, въ черномъ бархатномъ платьѣ, которое ложилось на ней тяжелыми складками, казалась положительно дѣвушкой, не достигшей двадцати лѣтъ.

— Куда же мы ѣдемъ?—спросила Эми.

— Къ вашей хорошей знакомой, съ которой вы сегодня, я надѣюсь, сойдетесь окончательно и которая не только поможетъ намъ обѣимъ, но спасетъ насъ обѣихъ. Это женщина умнѣйшая

Digitized by Google

и на всѣ руки, женщина опытная, дальновидная, проницательная, однимъ словомъ, у нея всѣ тѣ качества, которыхъ у насъ съ вами нѣтъ. Это—баронесса Фуртъ.

— Я ее не знаю!—почти воскликнула Эми.

— Какъ не знаете? Мы обѣ вчера вмѣстѣ съ ней разговаривали.

Эми изумленнымъ взоромъ глядѣла на графиню.

— Что съ вами? Вспомните! Мы вчера втроемъ говорили у виконтессы Кергаренъ въ маленькой гостиной, помните, по-русски?

— Баронесса Вертгеймъ?!—воскликнула Эми.

— Ну, да! Ахъ, вы зовете ее иначе! Вы правы! Я по старой привычкѣ зову ее иначе. Ея фамилія—Фуртъ-фонъ-Вертгеймъ. Ну, ѣдемте!

Въ каретѣ Эми по своей природной правдивости и откровенности заявила графинѣ, что ея дядя почему-то считаетъ m-me Вертгеймъ странной и темной личностью, которая пролѣзла въ общество.

— Quelle idée!—воскликнула графиня.—Не она пролѣзаетъ, а къ ней всѣ лѣзутъ. Кто только у нея не бываетъ! Недавно пріѣзжій китайскій посланникъ былъ у нея съ визитомъ. Одинъ изъ орлеанскихъ принцевъ, каждый разъ, что бываетъ въ Парижѣ, заѣзжаетъ къ ней.

— Вотъ какъ!

— Наконецъ, она самая добрая женщина, какую я когда-либо встрѣчала. Многіе ей многимъ обязаны. Да зачѣмъ далеко ходить. Я ей такъ многимъ обязана, что во вѣкъ не сосчитаюсь.

— Vrai?—дивилась Эми.

— Наконецъ, я вамъ повторяю, это—умнѣйшая женщина. А въ такихъ случаяхъ, какъ наше общее съ вами теперешнее дѣло, баронесса—неоцѣненный человѣкъ...

И послѣ мгновеннаго молчанья графиня прибавила, смѣясь:

— У нея одинъ порокъ. Но ужасный. Quelque chose de monstrueux.

— Что такое?..

— Спросите лучше: кто такой? Это ея дочь, которую всѣ зовутъ „Кисъ-Кисъ“, а она не кошечка, она скорѣе — щенокъ, пантера.

— Она вѣдь почти еще ребенокъ,—замѣтила Эми.

— Ей нѣтъ еще шестнадцати лѣтъ. Правда. Но на дѣлѣ иногда кажется, что ей двадцать пять и болѣе.

— Почему?

— Она развита не по лѣтамъ, эта soit disant „кошечка“.

Digitized by Google

— Тѣмъ лучше, графиня.

— Нѣтъ. Вы меня не понимаете. Впрочемъ оставимъ этотъ разговоръ. Я, какъ другъ баронессы, не должна дурно говорить даже объ этомъ дьяволенкѣ, се diablotin.

— О, о!—воскликнула Эми удивленная. — За что вы такъ ее называете?

Въ эту минуту карета повернула въ узкую улицу, въ концѣ которой виднѣлся Люксембургскій садъ, и графиня вмѣсто отвѣта выговорила:—Nous y voilà!

XIV.

Карета миновала большой порталъ стариннаго стиля и въѣхала въ узкій и длинный дворъ въ родѣ корридора. Стѣны двухъ сосѣднихъ домовъ, выходящихъ на улицу и сдавившихъ этотъ въѣздъ, были сверху до низу сплошь покрыты сѣрой сѣтью вѣтвей плюща, теперь безъ листвы.

Было очевидно, что у этого стариннаго отеля былъ когда-то широкій дворъ и экономическія соображенія нашего времени заставили домовладѣльца затѣснить его постройкой двухъ доходныхъ домовъ на улицу, гдѣ были квартиры и внизу магазины.

Баронесса Вертгеймъ жила на широкую ногу и все доказывало, что у нея большія средства. А между тѣмъ ходили слухи, что у нея нѣтъ никакого состоянія. Нѣкоторые говорили что она живетъ на счетъ богача Герцлиха. Большинство считало это возмутительной клеветой. Дальновидные люди шутили, что при массѣ клеветъ, находящихся въ обращеніи, подобно денежнымъ знакамъ, и правда легко сойдетъ за клевету.

Юный сынъ баронессы недавно женился на бѣдной дѣвушкѣ изъ русскаго семейства съ Кавказа, но, поселившись отдѣльно отъ матери, зажилъ, казалось, еще шире, чѣмъ она сама. Молодые Вертгеймы давали блестящіе балы.

Баронъ Герцлихъ, не стѣсняясь, при всѣхъ говорилъ Вертгейму „ты“ и „Фрицъ“.

Все это было загадкой, удивительной, ибо необъясненной. Но парижанъ ничѣмъ не удивишь.

Баронессу Юлію Фуртъ-фонъ-Вертгеймъ хорошо зналъ весь high life Парижа, давъ ей фамилію собственнаго сочиненія: la baronne de Vertème.

Баронессѣ было уже тридцать семь лѣтъ, хотя на видъ она казалась молодой и интересной „бальзаковской женщиной“, благодаря правильнымъ чертамъ и чистому цвѣту лица безъ единой

Digitized by Google

морщинки... Только кой-гдѣ блестѣвшіе серебряные волосы могли предательски выдавать ея года.

Во всякомъ случаѣ, баронесса еще недавно внушила серьезную страсть одному юному испанцу изъ парижскаго посольства и съ трудомъ отдѣлалась отъ этого неудобнаго поклонника, который грозился застрѣлиться.

Въ своей средѣ баронесса считалась замѣчательно умной женщиной и ея боялись. Репутацію эту она пріобрѣла чрезвычайной ловкостью, а отчасти и смѣлостью въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины теряются и бросаются за помощью друзей и пріятельницъ.

За то если она сама никогда не обращалась за помощью, къ ней многіе шли за совѣтомъ и поддержкой, и въ мелочахъ, и въ серьезныхъ вещахъ. Вдобавокъ всѣ посылали другъ друга. Это будто вошло въ привычку.

— Il faut consulter la baronne,—заявлялось всѣми, и всякій зналъ, о комъ именно идетъ рѣчь. А между тѣмъ женщина, игравшая видную роль въ пестрой космополитической средѣ, была темнаго происхожденія, про нее говорили: „Elle n'est pas née du tout".

Когда-то, около двадцати лѣтъ назадъ, молодая дѣвушка лѣтъ семнадцати, дочь учителя, обрусѣлаго нѣмца, съ фамиліею Шмидтъ, кончила курсъ въ московскомъ пансіонѣ, гдѣ отецъ давалъ уроки, и тотчасъ же поступила гувернанткой въ домъ пожилой княгини-вдовы, жившей въ глуши приволжской губерніи. Пробывъ здѣсь съ полгода, она при посредствѣ стариннаго пріятеля отца перешла на другое мѣсто прямо въ Петербургъ. Здѣсь она попала въ среду полу-русскую, полу-нѣмецкую, гдѣ были и богатые негоціанты, и видные чиновники.

Благодаря красивому лицу и извѣстной долѣ кокетства, въ особенности благодаря чрезвычайной скромности, не природной, а искусно сыгранной, она всѣмъ нравилась: и мужчинамъ, и женщинамъ, и старымъ, и молодымъ.

Обладая отъ природы умѣньемъ нравиться, она развивала и изощряла въ себѣ этотъ даръ, ожидая, что онъ, какъ капиталъ, принесетъ проценты.

И у юной Юліи Шмидтъ тотчасъ же явились поклонники, въ числѣ которыхъ даже оказались два преображенца, — одинъ собственникъ банкирской конторы и одинъ директоръ хозяйственнаго департамента.

Однако эти поклонники вскорѣ поставили ее, въ качествѣ гувернантки и компаньонки при взрослыхъ дѣвушкахъ, въ неловкое

Digitized by Google

положеніе. Мать этихъ дѣвушекъ косо смотрѣла на подобнаго рода успѣхи своей гувернантки. Вдобавокъ дочери ея были очень дурны собой, а Юлія была красива.

Вскорѣ пришлось покинуть мѣсто и взять другое. Здѣсь, въ этой новой семьѣ, старшій сынъ — отчаянная голова — влюбился въ Юлію, хотя она въ этомъ была нисколько не виновата. Произошла цѣлая исторія. Отецъ молодого человѣка почти выгналъ ее въ одинъ прекрасный вечеръ, и она очутилась въ какихъ-то грязныхъ меблированныхъ комнатахъ.

Недѣли двѣ или три она искала новое мѣсто, нашла его у нѣмцевъ-негоціантовъ и послѣ сравнительно избраннаго общества, гдѣ были гвардейцы и attachés d'ambassade, она попала въ среду торговыхъ агентовъ, путешествующихъ приказчиковъ, магазинщиковъ.

Не прошло года послѣ ея пріѣзда въ Петербургъ, какъ она чувствовала уже, несмотря на молодость, какую-то крайнюю усталость отъ подобнаго рода жизни. Она ясно видѣла, что гувернанткой быть не можетъ. Лучше сдѣлаться самой приказчицей, кассиршей или чѣмъ-либо, гдѣ явится относительная самостоятельность, гдѣ не будутъ отъ зари до зари понукать, попрекать и по первому поводу выгонять на улицу, какъ горничную.

За это время, съ самаго пріѣзда въ Петербургъ, около Юліи былъ пожилой уже человѣкъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, который былъ знакомъ съ ея отцомъ съ юношества. Когда-то оба были вмѣстѣ въ петербургской нѣмецкой школѣ. Это былъ нѣкто г. Фуртъ, который, покуда Шмидтъ давалъ уроки рисованія, занялся торговлей и сталъ почти однимъ изъ главныхъ оптовыхъ поставщиковъ Петербурга и провинціи, по одной спеціальности — аптекарскіе товары.

Вѣроятно дѣло это было выгодное, такъ какъ у Фурта явилось состояніе, явился собственный домъ въ Петербургѣ. Къ пятидесяти годамъ онъ бросилъ торговлю, сдѣлался видной личностью въ средѣ германской колоніи и, ничѣмъ не занимаясь, жилъ доходами.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ уже не былъ, какъ прежде, г. Фуртъ: онъ былъ баронъ Фуртъ-фонъ-Вертгеймъ. И было не мало людей, которые удивлялись этому превращенію и недоумѣвали, откуда вдругъ явилось баронство и вторая фамилія. Однако это было вѣрно. Фуртъ устроилъ это дѣло въ Остзейскомъ краѣ и во всякомъ случаѣ по бумагамъ своимъ сталъ числиться такъ. Говорили, что бездѣтный родственникъ формально передалъ ему титулъ и имя.

Digitized by Google

Когда юная дочь друга Шмидта явилась въ Петербургъ, баронъ Вертгеймъ занялся ея судьбой, часто видѣлся съ ней и при всѣхъ ея треволненіяхъ, перемѣнахъ мѣстъ и всякихъ бѣдахъ былъ всегда около нея, утѣшалъ ее и помогалъ всячески. Не будь барона въ Петербургѣ, Юлія окончательно пропала бы.

Молодая дѣвушка сознавалась себѣ, что этотъ покровитель ей антипатиченъ и внѣшностью, да отчасти и характеромъ. Это былъ маленькій, худенькій человѣчекъ, крайне некрасивый вѣроятно и въ молодости, а теперь ему было уже полъ-столѣтія. Онъ былъ недалекій, необразованный, практическій человѣкъ, кругозоръ котораго кончался дальними улицами Петербурга. Жизнь прошла въ томъ, чтобы скопить капиталъ и купить домъ на Васильевскомъ Островѣ, а затѣмъ начать копить, чтобы купить другой домъ на томъ же Васильевскомъ Островѣ.

Женатъ Фуртъ-фонъ-Вертгеймъ не былъ, жилъ одиноко. Онъ боялся женитьбы, да и не до того ему было, некогда было объ этомъ думать.

Когда въ Петербургѣ появилась дочь его прежняго товарища и пріятеля, то Вертгеймъ сразу почему-то взглянулъ на нее совершенно иными глазами, какъ еслибы она была или его родственницей, или давнишней знакомой. По мѣрѣ того, что Юлія Шмидтъ билась въ Петербургѣ, Вертгеймъ все болѣе привязывался къ ней на свой ладъ. Была минута и онъ хотѣлъ предложить ей сдѣлаться его пріемной дочерью, но затѣмъ, невѣдомо какъ и почему, Юлія пріемная дочь, рисовавшаяся его воображенію, стала рисоваться совершенно иначе: „Юліей-женой“. Быть можетъ, Вертгеймъ и пробирался бы осуществить эту мечту, но нежданный случай помогъ. Юлія, принявъ новое мѣсто гувернантки у какого-то генерала въ Царскомъ-Селѣ, должна была покинуть его домъ внезапно... Дѣти генерала-вдовца бесѣдовали, гуляли, спали и проводили время со своей нянюшкой, а ей поэтому приходилось проводить весь день съ глазу на глазъ съ самимъ генераломъ. Послѣдствіемъ этого было скоропостижное, но страстное объясненіе въ любви, клятвы и слезы, угрозы, проклятія и такая галиматья, что Юлія, надѣвъ шляпку и жакетку, выскочила изъ дому какъ сумасшедшая. И, взявъ поѣздъ, она очутилась въ Петербургѣ—безъ вещей, у друга отца, съ мольбой о защитѣ.

Вертгеймъ всячески успокоивалъ молодую дѣвушку, предложилъ остаться у него, пока будутъ вытребованы и привезены ея вещи, но затѣмъ на слѣдующій же день онъ сдѣлалъ Юліи предложеніе.

Молодая дѣвушка не сразу поняла, что онъ говоритъ и

Digitized by Google

чего хочетъ. Однако это настроеніе и эти мысли къ вечеру измѣнились.

Вертгеймъ, взволнованный, сталъ краснорѣчивъ и горячо, ясно, убѣдительно доказывалъ юной Юліи, что онъ предлагаетъ ей не то счастье, о которомъ она могла мечтать, какъ молодая дѣвушка, а иное—простое, мѣщанское, банальное, но все-таки счастье, спокойствіе, кровъ. Онъ не требуетъ любви, а требуетъ только уваженія и дружбы.

Намыкавшись по разнымъ семействамъ, гувернантка стала баронессой Фуртъ-фонъ-Вертгеймъ. Четыре года прожила она съ мужемъ въ Петербургѣ и постарѣла на десять лѣтъ. Этотъ супругъ съ перваго дня сталъ ей отвратителенъ съ головы до пятъ всячески, и ко всему прибавилась сумасшедшая ревность, но ревность скотская. Мужъ ревновалъ ее даже къ тѣмъ лакеямъ, которыхъ нанималъ, иногда дѣлалъ ей сцены за то, что она „какъ-то странно“ разговаривала съ извозчикомъ, на которомъ они ѣхали, „какъ-то странно“ смотрѣла на того дворника, у котораго она спрашивала адресъ.

Какимъ образомъ она вынесла эти четыре года совмѣстной жизни, она не могла сама себѣ объяснить. Другая бѣжала бы черезъ полгода. Единственное, что̀ останавливало ее, были двое дѣтей: мальчикъ и дѣвочка. Но на пятый годъ невыносимаго существованія баронесса взяла за руки сына и дочь и вышла изъ дому мужа, чтобы въ него не возвращаться.

Однако этотъ рѣшительный шагъ не повелъ ни къ какой катастрофѣ, не повелъ даже и къ хлопотамъ и непріятностямъ. Баронесса твердо рѣшила требовать у мужа если не оффиціальнаго законнаго развода, то жизни врозь. Она готова была бороться изо всѣхъ силъ, стать нищей, снова идти въ гувернантки и компаньонки, но не возвращаться къ нему. Обошлось, однако, все просто и благополучно, къ ея немалому удивленію.

Баронъ не погнался за ней, а сталъ требовать возвращенія ему только одного сына и обѣщалъ выдавать деньги на ея существованіе съ дочерью. Какой психологическій процессъ произошелъ въ душѣ и сердцѣ Вертгейма, осталось для нея покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ дѣйствительности, ревность измучила самого ревнивца и онъ уже жалѣлъ свою прежнюю холостую и одинокую жизнь.

Баронесса прожила года два въ Петербургѣ, но не видѣлась ни разу съ мужемъ, за то часто видала сына и часто посылала къ отцу дѣвочку Лину съ нянюшкой. Но затѣмъ она переѣхала

Digitized by Google

въ Швейцарію, отдала дочь въ пансіонъ и поселилась сама около нея на берегу Женевскаго озера.

И вотъ здѣсь, въ Веве, въ русскомъ семействѣ она однажды случайно встрѣтилась и познакомилась съ банкиромъ барономъ Герцлихомъ.

Это знакомство почему-то быстро перешло въ сближеніе. Полуразведенный баронъ Герцлихъ, соломенный вдовецъ, и соломенная вдова фонъ-Вертгеймъ сошлись въ силу того, что̀ именуется „Wahlverwandschaft“, или „affinité élective“, или сродство духовное.

Судьба снова захотѣла толкнуть молодую еще женщину, менѣе 30-ти лѣтъ, въ объятія такого же пожилого человѣка, какъ ея мужъ. Любви, какъ понимала ее баронесса, быть не могло, и хотя она чувствовала себя способной даже на пылкую и беззавѣтную страсть, но, видно, приходилось примириться съ жизнью. Во всякомъ случаѣ, она не могла равнодушно отнестись къ Герцлиху уже потому, что онъ, влюбившись въ нее вдругъ, сталъ любить пылко и глубоко и наконецъ сталъ обожать, боготворить свою Юлію.

Да и ей, послѣ Вертгейма, къ Герцлиху не трудно было привязаться. Когда-то онъ былъ красивъ и теперь недуренъ собой. Благодаря воздержной жизни, онъ былъ сравнительно моложавъ, былъ крайне добръ, образованъ и уменъ, пожалуй даже очень уменъ, наконецъ былъ самаго ровнаго характера и не имѣлъ понятія о томъ, что̀ такое ревность, и считалъ ревнивцевъ маньяками.

Онъ разсуждалъ просто: „Если любишь женщину, то, предполагается, уважаешь ее, а если уважаешь, то не можешь оскорблять подозрѣніями“.

Баронесса съ дѣвочкой переселилась въ Парижъ и, получая отъ Герцлиха очень крупныя деньги на жизнь, появилась въ интернаціональномъ экзотическомъ обществѣ, гдѣ стала играть роль милой, симпатичной и еще красивой femme de Balzac.

Разумѣется, самъ Герцлихъ былъ настолько корректный человѣкъ, такъ осторожно велъ себя по отношенію къ баронессѣ, что за нѣсколько лѣтъ въ русской колоніи Парижа существовали только сомнѣнія, только далекія подозрѣнія на ихъ счетъ...

Впрочемъ „милой“ баронессѣ и „добрѣйшему“ барону экзотики—сами не святые—по неволѣ прощали то, что̀ подозрѣвали...

Отношенія эти съ каждымъ годомъ все крѣпли, и еслибы между ними не было двухъ лицъ, его жены и ея мужа, то, конечно, онъ давно бы подумалъ о бракѣ. Но если баронесса могла

Digitized by Google

еще развестись съ мужемъ, то жена Герцлиха и вся ея семья, жившіе въ Пруссіи, согласія на разводъ не давали и грозили барону какимъ-то страшнѣйшимъ скандаломъ, если онъ затѣетъ разводиться.

Въ чемъ заключались угрозы семьи жены, Герцлихъ, откровенный съ баронессой во всемъ, никогда объяснить не рѣшился. Она знала только одно, что Герцлихъ боится и разведенной жены, и ея семьи.

— Я честный человѣкъ, Юлія, — говорилъ онъ. — На мнѣ нѣтъ ни единаго пятна, потому что я всегда боялся грязи. А вотъ поэтому я и жены съ ея семьей боюсь...

Баронесса съ своей стороны вовсе не мечтала выйти замужъ за Герцлиха. Это не измѣнило бы ея положенія въ смыслѣ спокойствія существованія. Единственное, о чемъ она мечтала, было имѣть сына около себя, вырвать его изъ рукъ полуманьяка-отца. Наконецъ и это удалось. Уполномоченный ею адвокатъ, петербургская знаменитость, ловко взялся за дѣло и года съ два назадъ уладилъ все съ больнымъ, почти умирающимъ Вертгеймомъ. И наконецъ существованіе прежней Юліи Шмидтъ наладилось, стало вполнѣ свѣтлое и счастливое. И дочь и сынъ, уже женатый, были съ ней вмѣстѣ въ Парижѣ.

Прежняя гувернантка и дочь бѣднаго учителя, собиравшаяся однажды покончить съ собой съ отчаянія, могла жить беззаботно.

Казалось, что большаго требовать отъ жизни было бы мудрено. Ей тридцать семь лѣтъ! Жизнь прошла. Да, конечно! Но за всю жизнь она никогда никого не любила, потому что не пришлось. А любить она хотѣла! Неудовлетворенная жажда, которая томила ее въ продолженіе лѣтъ двадцати, — эта жажда осталась еще и теперь.

Это странное, неугомонное чувство засыпало и пробуждалось. Еще только года два-три назадъ, оно, казалось, совсѣмъ заснуло, стушевалось, исчезло... И вдругъ теперь всплыло и ужасно, устрашающимъ порывомъ, сказывалось опять.

XV.

День, въ который графиня Нордъ-Остъ собралась къ баронессѣ, былъ пріемный день, и большая гостиная была полна ежеминутно смѣняющимися гостями. Одни уѣзжали, другіе появлялись.

За то въ сосѣдней маленькой гостиной близъ стола съ чаемъ

Digitized by Google

и тульскимъ самоваромъ — напоказъ — собрались „свои“, или les intimes хозяйки.

Здѣсь всѣхъ забавлялъ болтливый и суетливый гость.

Это былъ коренастый человѣкъ лѣтъ пятидесяти слишкомъ, средняго роста, но маленькое брюшко скрадывало его ростъ. Голова его всегда свѣтилась, потому что рыжеватые волоса были тщательно гладко прилизаны и эта прическа смахивала на парикъ. Совсѣмъ красные усы, слегка подстриженные, торчали иглами и по справедливости походили на щеточки зубочистки, какъ выразилась про нихъ дочь баронессы.

Вдобавокъ лицо этого некрасиваго человѣка было усѣяно веснушками. Свѣтло-сѣрые глаза, хотя большіе, живые и быстрые, но какіе-то всегда масляные, имѣли странное выраженіе, которое многимъ молодымъ женщинамъ дѣйствовало непріятно на нервы, было гадко и противно.

На мизинцѣ его лѣвой руки сіялъ и сверкалъ громадный черный брилліантъ, который цѣнили тысячъ въ двѣсти франковъ. На бортѣ сюртука былъ вышитъ шолкомъ оригинальный крестъ ордена „Калатравы“. Въ фигурѣ этого человѣка бросались въ глаза прежде всего его неказистость и банальность. Помимо стана и чертъ лица, его смѣхъ-блеянье, его угловатые жесты, а въ особенности его походка на раздвинутыхъ, будто кривыхъ ногахъ—все было вульгарно.

Графиня Нордъ-Остъ удачно окрестила его „сатиромъ“.

А между тѣмъ этотъ человѣкъ велъ свой древній родъ— одинъ изъ самыхъ древнихъ кастильскихъ — прямо отъ побочнаго сына (родословная говорила: „сына лѣвой руки“) Фердинанда, „очень католическаго короля обѣихъ Кастилій и побѣдителя мавровъ“.

Въ гербѣ этого рыжеватаго испанца стоялъ девизъ: „Tambien muy Catolico“ (Тоже очень католическій)!

Это былъ грандъ, герцогъ, маркизъ и графъ. Полное его прозваніе на испанской визитной карточкѣ гласило: Fernando, Duque d'Ocana, Marques de Los Helos, Conde d'Orihuéla, del Castillo Viejo y de la Mancha. По испанскому произношенію это выходило: Д'Оканья, де-Лосъ Элосъ, д'Оріуэла, дель Кастильо Вьехо и де-ла-Манча. Всѣ его предки безъ исключенія носили имя Фердинанда или вкратцѣ: „Фернанъ“.

Если Фернанъ Оканья утерялъ свое физическое наслѣдіе, т.-е. національный типъ, благодаря бабушкѣ-фламандкѣ и матери-американкѣ, то не утерялъ наслѣдія вещественнаго. Все состояніе, большая часть котораго была еще приданымъ за пра-

Digitized by Google

бабкой изъ знаменитаго рода герцога Альбы, которая стала герцогиней Д'Оканья—все было цѣло и въ порядкѣ.

По политическимъ убѣжденіямъ, не личнымъ, а въ силу традиціи и семейныхъ преданій, герцогъ былъ карлистомъ. Этимъ онъ объяснялъ свое вѣчное отсутствіе изъ отечества и пребываніе зимой въ Парижѣ, лѣтомъ на водахъ и купаньяхъ Франціи.

И если „сатиръ" ни разу лично не участвовалъ ни въ одномъ возстаніи герильясовъ, ни разу за свою жизнь не обнажалъ меча за Донъ-Карлосовъ, то жертвовалъ деньги, и послѣднее карлистское движеніе обошлось ему въ полъ-милліона франковъ.

Въ маленькой гостиной было шумно и весело.

Герцогъ былъ на этотъ разъ особенно въ духѣ отъ присутствія виконтессы Кергаренъ съ сестрой, юной Маріей, за которой онъ ухаживалъ нѣсколько назойливо и вульгарно.

Дочь баронессы, тоже еще не достигшая полныхъ 16-ти лѣтъ, разливала чай и перешептывалась съ Гастингсомъ Машоновымъ, ея другомъ. Тутъ же были и сидѣли отдѣльно молодой Вертгеймъ съ женой. Глупый и добродушный князь Черниговскій сидѣлъ, глядя на всѣхъ поочередно и молчалъ, покуда къ нему не присоединился Дю Кло Д'Ульгатъ.

Наконецъ, совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ, усѣвшись на низенькомъ диванчикѣ, тихо разговаривали между собой два оригинальныхъ субъекта. Мужчина высокій и плотный, чистый геркулесъ, съ вьющимися волосами, лежащими гривой на плечахъ, черными какъ смоль,—это былъ Іодакъ. Слишкомъ крупныя черты лица, толстыя губы, какъ у негра, правильный, но большой и мясистый носъ, пухлыя щеки—все мѣшало ему быть красавцемъ, но однако помогало выдѣляться изъ толпы.

Іодакъ былъ извѣстенъ въ Парижѣ своими бюстами и одной статуей, получившей награду на выставкѣ въ Салонѣ лѣтъ съ пять назадъ. Статуя, изображавшая полуобнаженную дѣвушку въ рубищѣ, съ горделивой грустью въ позѣ и взорѣ, называлась: „Metz — la Pucelle". Но главнымъ образомъ артистъ былъ извѣстенъ бюстами-портретами, за которые бралъ страшно дорого.

Теперь онъ дѣлалъ бюстъ хозяйки дома и поэтому чаще являлся у нея въ гостяхъ.

Около него—геркулеса и цыгана—сидѣла американка, желтоволосая и блѣднолицая, какъ говорится, бѣлобрысая, но милая по взгляду и манерѣ говорить.

Миссъ Скай, круглая сирота, всегда жила въ Европѣ, проводя весну въ Римѣ, зиму въ Парижѣ, лѣто и осень всегда въ горахъ, въ Швейцаріи, Тиролѣ или въ Пиренеяхъ, гдѣ у нея

Digitized by Google

были свои собственныя виллы. Состояніе двадцати-семи-лѣтней американки изъ Иллинойса было велико для соотечественниковъ ея, а поэтому колоссально для европейцевъ.

Какъ ни богатъ былъ потомокъ герцоговъ Оканья чуть не со временъ изгнанія мавровъ изъ Испаніи, а miss Irma Skay,— отецъ которой былъ въ юности кочегаромъ, а въ старости архимилліонеромъ и даже однажды кандидатомъ на президентство,— могла однимъ доходомъ нѣсколькихъ лѣтъ купить у герцога главные его замки на берегахъ Тахо или Гвадалквивира.

Миссъ Ирма, хотя и очень ограниченная дѣвушка, была однако сравнительно образованная. Она воспитывалась не въ отечествѣ своемъ, а въ Швейцаріи, въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ и владѣла хорошо французскимъ и нѣмецкимъ языками. Она много читала, знала хорошо европейскую литературу, и живо интересовалась всѣми выдающимися новыми произведеніями словесности. Наконецъ сама она писала втайнѣ отъ всѣхъ и была авторомъ нѣсколькихъ повѣстей и разсказовъ, крайне плохихъ, напечатанныхъ въ Лондонѣ на ея счетъ и конечно не замѣченныхъ публикой. Она подражала Уйда, подъ псевдонимомъ „Oyes“.

Однако для нея литература была забавой, а главнымъ занятіемъ и истиннымъ призваніемъ была скульптура... Она душой и разумомъ, уже лѣтъ пять, отдалась ваянію. Однако, работая усидчиво и настойчиво, она достигла теперь лишь такихъ успѣховъ, которые другой натурѣ, болѣе даровитой, дались бы въ годъ.

За эту зиму миссъ Скай занималась въ мастерской именно Іодака, и пока она старалась овладѣть искусствомъ своего учителя уловлять сходство, этотъ венгерецъ безъ роду и племени, „богема“ чистой воды, старался овладѣть сердцемъ ученицы и уловить ея американскіе милліоны.

Однако ни тому, ни другому дѣло не удавалось и конечная цѣль стремленій и трудовъ не приближалась. Обоихъ брало отчаяніе. Скульпторъ же за послѣднее время былъ темнѣе ночи, такъ какъ „идіотъ“ князь Черниговскій не отходилъ отъ милліонерши, а она съ нимъ становилась все проще и милѣе.

XVI.

Появленіе въ „чайной“ графини Коры и Эми оживило общество. Разговоръ сталъ-было общимъ, но вскорѣ всѣ снова разбились на парочки и тріо и бесѣдовали кто о чемъ.

Digitized by Google

Эми стала говорить съ явившимся вслѣдъ за ней барономъ Герцлихомъ, который никогда не пропускалъ пріемные дни баронессы. Герцлихъ бывалъ какъ бы демонстративно.

Графиня прислушивалась по очереди ко всѣмъ, но изрѣдка насмѣшливо поглядывала на дочь баронессы, Лину или „Кисъ-Кисъ", любезничавшую съ Гастингсомъ-Машоновымъ.

Затѣмъ, она стала прислушиваться къ тому, что̀ говорили миссъ Скай и венгерецъ, но разслышать всего не могла. Братъ ея сидѣлъ молча около нихъ. Она подозвала его движеніемъ руки.

— Basile! О чемъ этотъ тараканъ напѣваетъ милліонершѣ? —спросила она по-англійски, чтобы не быть понятой близко къ нимъ сидѣвшими Машоновымъ и молодой баронессой.

— Nothing!—отвѣтилъ князь добродушно-глупымъ голосомъ.

— Ахъ, Васька! Вѣдь ты же слушалъ ихъ?

— Право, ничего, не знаю. Понять нельзя. Онъ говоритъ, что презираетъ мужчинъ, которые не могутъ добиться того, чего хотятъ. Что если онъ захочетъ выстроить въ одну ночь дворецъ или храмъ, то выстроитъ... Я не знаю... So silly...

— Ну, а она? Она что̀ говоритъ?..

— Она... Она, видишь ли...—И князь Черниговскій разсмѣялся тоже добродушно и тоже глупымъ смѣхомъ, но тихимъ и приличнымъ.

— Ну, говори...

— Она, по моему, Кора, его боится.

— Nonsense!—отозвалась графиня, дернувъ плечомъ.

— Боится! Я тебѣ говорю.

— Да какъ? Чего? Съ тобой вѣдь, Васька, отчаянье говорить. Объяснись.

— Да боится... Какъ же я скажу? Ну, его боится. Да и я бы сталъ бояться, кабы онъ на меня этакъ глядѣлъ. Такъ и кажется, схватитъ съ чайнаго, вотъ, стола, ножикъ, да и бросится рѣзать. Да вдобавокъ онъ меня ревновать вздумалъ.

— Indeed? Ну, что же? Пусть ревнуетъ.

И графиня прибавила смѣясь и шопотомъ уже по-русски:

— И пускай... А ты не упускай Скай.

Князь, Васька, замоталъ головой.

— Она, говорю тебѣ, за меня не пойдетъ!—отвѣтилъ онъ снова по-англійски.

— Why not? Nonsense!—вразумительно выговорила графиня. —Я ей объясняла, что мы Рюриковичи, что ты—свѣтлость. И она отлично поняла и цѣнитъ. Лишь бы только влюбилась, а

Digitized by Google

тамъ... Знаешь пѣсенку: „Women are great fools, hen wthey're in love". А ты пойми, что въ Россіи такого состоянія нѣтъ. Ты бы сталъ первый богачъ. У нея доходу, говорятъ, милліонъ въ годъ!—прибавила она.

— Это парижскія выдумки. Въ годъ? It is stupid!

— Ну, полъ-милліона...

Князь ничего не отвѣтилъ и улыбался чему-то.

Двадцати-трехъ-лѣтній молодой человѣкъ считался въ кружкѣ своемъ полнымъ идіотомъ. А между тѣмъ этотъ „идіотъ" ни разу никогда не сказалъ и не сдѣлалъ ни одной глупости. Онъ былъ дѣйствительно очень простъ, но корректность его поведенія и элегантность его фигуры выкупали неразуміе. Онъ былъ живымъ доказательствомъ того, какъ важна въ жизни „форма".

По цѣлымъ днямъ пропадая изъ дому, князь бывалъ Богъ вѣсть гдѣ, зналъ весь Парижъ и никогда ничего худого или глупаго съ нимъ не случилось. Состояніе свое онъ не моталъ, тратилъ аккуратно свой доходъ въ двадцать тысячъ и никогда не сдѣлалъ ни одного гроша долгу. Ко всему, однако, онъ относился какъ-то безучастно и безстрастно. Такъ же относился онъ теперь и къ миссъ Скай, которая была съ нимъ очень мила, не зная и не замѣчая его идіотизма.

Жениться на ней? И да, и нѣтъ! Пожалуй, да. Пожалуй, нѣтъ.

Графиня отослала князя обратно къ американкѣ и стала снова озираться на всѣхъ. Загурскаго, боявшагося встрѣтиться здѣсь съ Френчемъ, не было, а безъ него она всегда какъ-то засыпала въ обществѣ. Она стала опять приглядываться къ дочери хозяйки, шептавшейся съ Машоновымъ и хихикавшей такъ, какъ если бы разговоръ ихъ былъ совершенно неприличенъ.

„О чемъ старикъ можетъ напѣвать этой дѣвчонкѣ"?—подумала она.

Графиня не выносила эту дѣвушку-подростка и почти ненавидѣла. Эта платила тѣмъ же пріятельницѣ своей матери. Прислушиваясь къ нимъ, графиня ничего понять не могла, но вдругъ послѣ паузы она услыхала:

— Наша „Belle Helène" не въ духѣ!—сказалъ Гастингсъ-Машоновъ.

— Париса нѣтъ!—отозвалась молоденькая баронесса.—Вышла бы за него замужъ, если не можетъ часу безъ него пробыть.

— Она бы и рада, да онъ не женится. А коли женится, то станетъ Менелаемъ.

Графиня страшно вспыхнула.

Digitized by Google

— On ne parle pas de corde dans la maison... des pendues, —вдругъ выговорила графиня рѣзко. И она нарочно оттѣнила ударенiемъ слова: „des pendues", произнеся такъ, чтобы опредѣлился и женскiй родъ.

— Pardon!—воскликнулъ Гастингсъ. — Вы напрасно подслушиваете, графиня. А я только сказалъ, что женатые Парисы, говорятъ, тоже дѣлаются въ свой чередъ Менелаями,—лукаво ухмыляясь, процѣдилъ онъ.

— Вотъ что, cher Егоръ Егоровичъ,—вдругъ заговорила графиня шопотомъ, но запальчиво.—Древняя исторiя завѣщала намъ два женскiе типа одной эпохи, Елену и Пенелопу. Почемъ знать... Если бы мужъ Елены былъ Улиссъ, а мужъ Пенелопы Менелай, то, право, неизвѣстно, не перемѣнились ли бы онѣ ролями. Повѣрьте мнѣ. Прежде чѣмъ бросать камень въ насъ, соломенныхъ вдовъ, поглядите поближе... вглядитесь внимательно въ супруга такой вдовы... Изъ сотни случаевъ девяностодевять покажутъ вамъ, что мотивъ на лицо. Отъ мужа-Улисса съ Парисомъ не убѣжишь... Для мужа-Менелая десять лѣтъ за рукодѣльемъ не просидишь. Ну, вотъ, глядите!—прибавила графиня.— Если вотъ этотъ когда-нибудь женится, что сдѣлаетъ его жена?

И она показала на ходившаго по гостиной герцога Оканья вмѣстѣ съ юной красавицей румынкой. Онъ хорохорился, франтовато шагалъ на своихъ выгнутыхъ ножкахъ и тараторилъ безъ конца, сыпля комплименты.

Марiя Турдза только смущалась и поглядывала на всѣхъ, какъ бы ожидая или прося помощи.

Между тѣмъ молоденькая баронесса съ прозвищемъ Кисъ-Кисъ вскочила и отошла еще при словахъ графини „des pendues", понявъ отлично, о комъ рѣчь.

Гастингсъ, выслушавъ покорно тираду графини, выговорилъ:

— А все-таки грѣхъ вамъ при дочери намекать на ея мать.

— Я и про себя сказала.

— Про себя всякiй имѣетъ право... А при дѣвочкѣ говорить...

— Хороша дѣвочка. Годами—да. Впрочемъ, я ей ничего новаго не сказала. Да есть ли еще для нея что новое на свѣтѣ, ей неизвѣстное?

Гастингсъ-Машоновъ видимо озлобился и ждалъ перемѣнить разговоръ.

— Да. Иной не повѣритъ, что Оканья испанецъ,—произнесъ онъ, наконецъ, громко и почти въ упоръ проходившему мимо герцогу съ румынкой.

Digitized by Google

— Je comprend le russe!—театрально воскликнулъ этотъ, приблизясь, почти подскочивъ къ нему.—Вы говорите обо мнѣ!.. Видите. Я отгадалъ. Vous venez de dire: Povre! Pauvre Ocana d'Espagne! И правда, я „бѣдный" Оканья, несчастный. Съ тѣхъ поръ, что увидалъ огненные глаза mamzelle Marie, которые жгутъ всѣхъ и сожгли меня.

Юная Турдза сконфузилась и поглядѣла на графиню чуть не съ мольбой избавить ее отъ ея кавалера. Кора догадалась, конечно, но не пришла на помощь. Обернувшись къ Гастингсу, она вымолвила громко по-русски:

— Тоже изъ древняго міра... Только изъ миѳологіи. Сказать нельзя... На всѣхъ языкахъ тоже. Я скажу наоборотъ, а вы переставьте два слога: „Тиръ" и „Са". Только копытъ не хватаетъ. И замѣтьте, cher Егоръ Егоровичъ: въ эти годы ухаживаетъ этакъ за дѣвочкой, и пошло, и цинично вмѣстѣ. Ей гадокъ, да и другимъ противно смотрѣть.

— Mercі. Это я знаю, въ чей огородъ! — отозвался Гастингсъ, кисло ухмыляясь.

Въ то же время баронъ Герцлихъ вполголоса разговаривалъ съ молодымъ Вертгеймомъ въ углу гостиной.

— Я справлялся объ этой замѣткѣ, подписанной „Nemo",— говорилъ Вертгеймъ по-нѣмецки, какъ всегда говорилъ онъ съ барономъ:—Мойеръ увѣряетъ, что имъ это очень непріятно, что они въ редакціи не доглядѣли и она проскользнула. Если хотите, онъ настоитъ, чтобы они что-нибудь сказали, объяснились, извинились...

— Нѣтъ, что ты! Вѣдь это еще хуже!—воскликнулъ Герцлихъ.—Но какіе свиньи! Я не знаю, что дѣлать—платить дальше, дать требуемыя этимъ „Nemo" десять тысячъ, или ужъ ни гроша никому никогда не давать.

— Лучше дать, баронъ,—сказалъ Вертгеймъ.

— Тогда пойдетъ дальше и выше... Бездонной бочкой... Дойдетъ до требованія пятидесяти и т. д. до второго пришествія или во всякомъ случаѣ до моего отшествія на тотъ свѣтъ. Сколоты! Брави и спадацины конца вѣка. Хуже венеціанскихъ! Тѣ сзади изъ-за угла, въ маскѣ, убивали и бросали трупъ въ лагуны или въ Canal Grande. А эти рѣжутъ не дорѣзывая, чтобы когда оправится жертва — опять рѣзать... Это инквизиція или застѣнокъ...

— Ну, а если купить „Mappemonde"?

— Придется купить, всѣхъ ихъ разогнать, а затѣмъ себя въ газетѣ защищать тѣмъ же способомъ, око за око, инсинуація

Digitized by Google

за инсинуацію, клевета за клевету. Вотъ опять скажу: въ Россіи не то... Тамъ публичныхъ мужчинъ и шантажистовъ въ прессѣ нѣтъ.

— Покуда?—улыбнулся Вертгеймъ.

— Что̀ будетъ послѣ насъ, lieber Fritz, намъ все равно.

И Герцлихъ, сумрачный, простился съ хозяйкой и собрался. Вертгеймъ съ женой послѣдовалъ его примѣру. Они вышли вмѣстѣ.

— На что тебѣ понадобилось семь тысячъ къ спѣху?—спросилъ баронъ въ передней.

— Мнѣ?

— Ну, да; твоя мать ихъ у меня взяла послѣ бала у Кергареновъ.

— А-а?—странно произнесъ молодой баронъ и прибавилъ:—Это мама, вѣроятно, хочетъ мнѣ одинъ сюрпризъ сдѣлать. Уплатить за меня.

И молодой человѣкъ не зналъ, что̀ солгать.

— Ну, стало быть, я сдѣлалъ une indiscrétion. Не говори ничего матери и сдѣлай видъ удивленнаго сюрпризомъ,—разсмѣялся добродушно баронъ и вышелъ на улицу.

— Опять что-нибудь?—спросила его жена.

— Ну да... Но какъ же мама не предупредитъ!.. Я могъ отказаться и ее выдать.

— Да ты это почти и сдѣлалъ. Сталъ путаться.

— Да. Но такая добрая и честная натура, какъ баронъ, ничего худого никогда не видитъ и не понимаетъ.

— Но куда, зачѣмъ эти деньги понадобились вдругъ?..

— Лучше не стараться догадываться. Во всякомъ случаѣ эти деньги понадобились не для матери, не для нея самой... Она ихъ передала, отдала...

— Кому?

— Не хочется догадываться, милая... Да и не наше это дѣло...—угрюмо произнесъ Вертгеймъ.

XVII.

Едва только гости разъѣхались, какъ Кора, уже предупредившая баронессу, что у нихъ съ Эми очень важное дѣло до нея, объявила ей:

— Надо, баронесса, coûte que coûte, разстроить дуэль.

— Чью? Какую?—вымолвила баронесса и смутилась.

Digitized by Google

— Дуэль между двумя людьми, которые оба стрѣляютъ отлично и положатъ другъ друга на мѣстѣ, потому что...

— Кто? Кто?—почти шопотомъ перебила Вертгеймъ.

— Вы уже догадываетесь. Близкій намъ двумъ человѣкъ и другой... близкій ей. Загурскій и Френчъ.

Баронесса поблѣднѣла какъ полотно и закрыла глаза.

— Успокойтесь. Дѣло еще въ нашихъ рукахъ! — сказала графиня.

Но баронесса, очевидно, не слыхала словъ. Она откачнулась на спинку кресла и тяжело дышала.

— Воды...—воскликнула графиня Кора.—Mademoiselle Amy, спросите скорѣе воды...

Эми быстро вышла въ столовую и стала звать лакея. Графиня обняла хозяйку почти безъ чувствъ и вымолвила:

— Chère baronne, успокойтесь... Все еще можетъ устроиться съ вашей помощью и умѣньемъ.

Баронесса открыла глаза и произнесла упавшимъ голосомъ:

— Какъ вы испугали... меня...

— Я виновата. Я не знала, что вы такая добрая, милая. Даже я спокойнѣе васъ приняла это извѣстіе. Quel coeur d'or!

— Coeur d'or... О, Боже мой!—воскликнула баронесса.—Да. Да. Конечно... Но что дѣлать?

— Одно, главное: уговорить Эми выходить замужъ за Френча. Тогда все спасено. Онъ нанесъ оскорбленье. И онъ извинится предъ Вячеславомъ. Иначе ничего сдѣлать нельзя.

— Вы должны повліять на графа. Вы имѣете вліяніе на него.

— Въ такомъ дѣлѣ, нѣтъ. Онъ оскорбленъ. И глупымъ образомъ.

— Когда?

— На балѣ у Кергарена. Во время котильона.

— Какъ же вы раньше...

— Я узнала случайно. Но слушайте, Дубовскій не далъ своего согласія, и Эми можетъ только бѣжать съ нимъ. Онъ умоляетъ ее объ этомъ. Все у него готово. Священникъ уже есть, чтобы вѣнчать безъ всякихъ бумагъ.

— Русскій?

— Нѣтъ. Католическій. Все равно. По-русски они обвѣнчаются послѣ. Уговорите Скритицыну.

— И Френчъ извинится?

— Да. Онъ это поставилъ условіемъ.

— C'est très louche...—выговорила баронесса.

— Не наше это дѣло... Мы съ вами должны...

Digitized by Google

Графиня смолкла, потому что въ эту минуту въ комнату вошла Эми со стаканомъ воды въ рукѣ.

— Mercі, ma chère enfant. Мнѣ лучше,—вымолвила баронесса.—Все нервы... Мнѣ съ утра нездоровилось. Ну, вотъ, я и испугалась.

Разумѣется, обѣ женщины тотчасъ очень ловко и искусно принялись доказывать Эми, что она должна, не взирая на несогласіе дяди, рѣшить свою судьбу сама... Все, что говорили онѣ, въ особенности баронесса, казалось Эми ясно и просто... Она сама думала и чувствовала такъ же... Все было „за“ самостоятельное рѣшеніе вопроса.

Но у нея было многое и „противъ“, чего и графиня и баронесса не знали.

Во-первыхъ, дядя, честный человѣкъ и ее любящій, намекалъ, что Френчъ—человѣкъ сомнительный и репутаціи не безукоризненной. Но вѣдь это можетъ быть и клевета. Во-вторыхъ, близкій другъ, любящій ее, умный докторъ Рудокоповъ, противъ такого способа дѣйствій и даже отчасти противъ Френча. Но вѣдь онъ его почти не знаетъ. Въ-третьихъ,—и главное—„что сказала бы мама“, еслибы знала, что ея „Эминька“ будетъ вѣнчаться, скандально убѣжавъ изъ дому... Это былъ вопросъ, всколыхнувшій ея совѣсть.

Баронесса, будто догадавшись, какой былъ третій резонъ молодой дѣвушки противъ тайнаго бѣгства и вѣнчанія, начала говорить о томъ, что еслибы была жива Скритицына, то дѣло было бы гораздо проще.

Послѣ цѣлаго часа увѣщеваній, Эми, смущенная, заявила, что готова еще разъ переговорить съ дядей и съ однимъ другомъ и затѣмъ рѣшиться на роковой шагъ—даже если они и будутъ по прежнему противъ этого брака.

— Зачѣмъ же тогда говорить съ ними?—спросила баронесса.

— Все лучше,—отозвалась Эми.

Но баронесса рѣшила по-своему. Она попросила Эми быть у нея на другой день вечеромъ въ гостяхъ на чашку чая, чтобы снова, „en petit comité“, рѣшить, что дѣлать, и, рѣшивъ, не откладывать.

Когда ввечеру Скритицына пріѣхала къ Вертгеймъ, то „le petit comité“ оказался одинъ Френчъ, приглашенный хитрой баронессой.

Разумѣется, тотчасъ же она оставила ихъ обоихъ вмѣстѣ глазъ-на-глазъ на цѣлые два часа, а Френча подзадорила, говоря, что все въ его рукахъ, и если онъ не убѣдитъ Скритицыной, то, стало быть, ее не любитъ.

Digitized by Google

Разумѣется, передъ этимъ, въ отсутствіе Эми, между баронессой и Френчемъ произошла комедія. Баронесса заявила надежду, что дуэль не состоится въ случаѣ, если Эми согласится на такой бракъ. Френчъ заявилъ, что между его любовью, его бракомъ и стычкой съ Загурскимъ нѣтъ ничего общаго, но, однако, замѣтилъ, что, ставъ вдругъ счастливымъ, кто же захочетъ рисковать своей жизнью?..

Оставшись наединѣ съ Эми, Френчъ сталъ умолять ее тотчасъ рѣшить ихъ судьбу... Эми отвѣчала все то же: надо добиться согласія дяди,—и она на это надѣется, такъ какъ онъ ее любитъ и не захочетъ сдѣлать ее несчастной. Френчъ убѣждалъ ее, что Дубовскій никогда не дастъ согласія. Стало быть, надо теперь же рѣшить вопросъ... Вопросъ ихъ жизни!.. Или вѣнчаться, или разстаться и никогда не видѣться. Если онъ останется живъ послѣ поединка, то она все-таки никогда его не увидитъ.

Эми, уже плача, отвѣчала, что объяснится съ дядей.

— Но если, повторяю я, онъ наотрѣзъ откажетъ?

— Тогда, я говорю вамъ, мы подумаемъ и рѣшимъ, что дѣлать.

— Miss Amy! Это комедія!—холодно и иронически заговорилъ Френчъ.—Мы этого діалога никогда не кончимъ. Я уже сказалъ вамъ, что тогда исходъ одинъ—тотчасъ бѣжать и вѣнчаться... Способны ли вы на это?..

Эми молча потупилась, а черезъ нѣсколько мгновеній начала снова утирать лицо платкомъ. Слезы снова лились изъ ея глазъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ... вамъ нечего и объясняться съ дядей и нечего меня останавливать... Поединокъ является единственной панацеей всѣхъ золъ. И я попрошу секундантовъ поставить самыя суровыя условія.

И Френчъ поднялся съ кресла.

— Ради Бога!—вскрикнула Эми.—Вы безжалостны.

— Не я, а вы...

— Я сегодня объявлю дядѣ все...

— И если онъ откажетъ, то... начнете пуще плакать?

— Нѣтъ. Если онъ откажетъ, я ему скажу, что я противъ его воли пойду за васъ.

— Это будетъ угрозой, или вы дѣйствительно способны на такой рѣшительный шагъ?..

— Я думаю,—тихо произнесла Эми.

— Вы только думаете, но не убѣждены... Ну-съ, какъ хотите... Все въ вашихъ рукахъ... Мое счастіе и даже моя жизнь...

Digitized by Google

Да, ужасная, роковая встрѣча въ жизни!—вдругъ воскликнулъ онъ, проводя рукой по лицу.—Стоило родиться на свѣтъ, чтобы умереть изъ-за безхарактерности русской дѣвушки! Любить, быть любимымъ—и умереть... Ужасно!

— Этого не будетъ... Я... Я готова на все. Я уйду къ вамъ послѣ отказа дяди и мы уѣдемъ... тотчасъ.

— Ваше слово... Дайте слово.

— Даю.

Френчъ двинулся, быстро охватилъ станъ дѣвушки и, прижавъ ее къ себѣ, приблизилъ лицо свое къ ея лицу...

— Тогда ты моя невѣста,—шепнулъ онъ.—И съ этой минуты я могу требовать доказательствъ...

— Да. Да...

И Эми, склонивъ голову къ нему на грудь, подставила лицо. Онъ тихо прильнулъ къ нему съ поцѣлуемъ.

Затѣмъ Френчъ быстро вышелъ. Эми осталась одна, трепетная, въ слезахъ, но сіяющая.

— Да. Да. На все пойду... Что мнѣ они... всѣ!..—шептала она.

XVIII.

А Владиміръ Ивановичъ Дубовскій все колебался и оттягивалъ свой визитъ къ соотечественнику, котораго давно зналъ, но отъ котораго всегда сторонился. И теперь, Богъ знаетъ почему, ему просто претило ѣхать къ этому странному русскому или „аглицкому россіянину“, какъ онъ прозвалъ Гастингса-Машонова.

И Владиміръ Ивановичъ вдругъ рѣшилъ совсѣмъ другое... ѣхать объясниться съ самимъ Френчемъ. Указать ему, что этотъ бракъ немыслимъ... Честью просить его оставить Любочку въ покоѣ!

И вдругъ рѣшивъ, онъ тотчасъ же и собрался, благо близко...

Конечно, Френчъ сначала крайне удивился визиту, но затѣмъ сдѣлался тотчасъ же суровъ и холоденъ... Онъ понялъ, съ чѣмъ является сановникъ, еще ни разу не бывавшій у него.

— Monsieur Френчъ, у меня до васъ крайне важное дѣло, и вотъ почему я рѣшился безпокоить васъ...

И Дубовскій какъ-то подтянулся и собрался говорить съ энергіей, показать себя.

— Благодарю васъ за честь, что пожаловали. Что прикажете?—сказалъ Френчъ.

Digitized by Google

— Изволите видѣть... Я много слышалъ о васъ хорошаго отъ общихъ знакомыхъ. Я не удивляюсь, если вы симпатичны моей племянницѣ.

И Дубовскій думалъ про себя:

„Чего это я виляю да лебежу! Надо бы похолоднѣе и порѣзче. Ишь онъ Наполеономъ какимъ на меня смотритъ. Точно я проситель, а онъ министръ".

Но, однако, Владиміръ Ивановичъ ничего не сказалъ рѣзкаго, а продолжалъ вилять и лебезить. Всю свою жизнь онъ любезничалъ со всѣми. И съ тѣми, отъ кого ожидалъ „великихъ и богатыхъ милостей", и съ тѣми, отъ которыхъ ничего ждать или желать не могъ. И съ послѣдними онъ даже бывалъ любезнѣе. Его характерная черта въ жизни была та же, что и въ игрѣ въ карты: постоянный „пасъ" отъ отсутствія иниціативы, смѣлости, предпріимчивости. Въ картахъ, чуть не хватаетъ дамы или валета, при полной масти, Дубовскій думалъ, вздыхалъ и говорилъ: „пасъ". Въ жизни—тоже...

Послѣ разъясненія всего дѣла, мягко и заискивающе, Дубовскій прибавилъ:

— Ну-съ, что же? Какъ быть?

— Я люблю вашу племянницу, г. Дубовскій. И она раздѣляетъ мое чувство къ ней. И я поэтому, въ отвѣтъ на ваши слова, могу только просить у васъ—хотя вы и не отецъ ей—ея руку.

— Я ничего не имѣю противъ васъ, monsieur Френчъ. Вы не хотите меня понять. Именно я не отецъ, а дядя и опекунъ, и какъ племянница хочетъ, такъ и поступитъ. Но все-таки я являюсь просить васъ подумать...

— Извините, г. Дубовскій, тутъ думать не о чемъ. Mademoiselle Скритицына, конечно, давно рѣшила, что ей дѣлать. Но она все-таки, прежде всего, желаетъ вашего согласія на бракъ, котораго... котораго вы не даете.

— И не дамъ!—вдругъ не произнесъ, а заревѣлъ Дубовскій. И въ немъ сказался русскій человѣкъ, который терпитъ, терпитъ и ухнетъ сплеча... И вмѣсто того, чтобы во-время отгрызнуться, опоздавши, убьетъ до смерти.

Френчъ—англичанинъ—опѣшилъ.

Любезный, обходительный, сладкій Дубовскій вдругъ превратился въ дикаго варвара сѣвера, въ медвѣдя, былъ щебетавшей канарейкой и сталъ волкомъ.

— Вотъ это я и желалъ узнать!—отвѣтилъ Френчъ, не зная, что сказать.

— Ну, вотъ... Et savez!—произнесъ Дубовскій, переведя съ русскаго, но тотчасъ прибавилъ:—sachez-le.

Digitized by Google

— Но потрудитесь мнѣ объяснить,—заговорилъ Френчъ,—что можете вы имѣть противъ меня?

— Ничего... Я васъ мало знаю... Но я бы желалъ, чтобы племянница вышла за русскаго, за соотечественника...

— Это понятно и совершенно естественно!..—заявилъ англичанинъ и смолкъ.

Дубовскій поднялся и сухо сказалъ: „Adieu“. Но руку все-таки подалъ.

Выйдя на улицу, онъ ворчалъ:

„Дубинскій ты, а не Дубовскій! Отъ дубины, а не отъ дуба происходишь... За какимъ я дьяволомъ лазилъ къ нему“.

XIX.

Прошли три дня. Два раза видѣлась Эми съ Френчемъ и узнала, что все готовится, а затѣмъ, что все готово. Но и готовить особенно нечего было. Предполагалось, что они выѣдутъ изъ Парижа и чрезъ Кале-Дувръ, очутившись въ Англіи, проѣдутъ въ Ирландію, гдѣ живетъ старушка, мать Френча. Обвѣнчавшись по католическому обряду, они дадутъ знать дядѣ-опекуну. Вѣнчаніе въ русской церкви въ Парижѣ, конечно, будетъ уже явное, съ приглашенными и съ дядей-распорядителемъ malgré lui.

Эми, однако, не ликовала, а напротивъ, была крайне возбуждена и скорѣе тревожна и грустна, нежели довольна и счастлива.

„Что-то“ томило ее... Такъ называла она необъяснимое чувство, которое гнетомъ сказывалось въ ней съ тѣхъ поръ, что она рѣшилась бѣжать. Самое слово „бѣжать“ было ей противно. Каждый разъ, что она думала о предстоящемъ путешествіи вдвоемъ съ Френчемъ-„не мужемъ“—ей становилось стыдно. Она не могла себѣ представить, себя увѣрить, что это дѣйствительно рѣшено и что это „такъ будетъ“. Вѣнчаться въ Ирландіи тайно отъ дяди въ присутствіи его матери ей не казалось ни стыднымъ, ни страшнымъ. Но это путешествіе—что-то ужасное, срамное, невѣроятное и невозможное.

Однако, на четвертый день утромъ, маленькій саквояжъ Эми былъ готовъ... Небольшое количество вещей было уже тихонько отнесено къ Френчу любимой горничной, которая, конечно, все знала.

Съ полудня и съ двухъ часовъ Эми, блѣдная отъ волненія, бродила по всей квартирѣ, не находя себѣ мѣста, и чувствовала,

Digitized by Google

что не вполнѣ владѣетъ разсудкомъ, что мысли ея бьются и путаются.

Дубовскаго, конечно, не было дома.

Эми приглядывалась къ окнамъ Френча, чтобы увидѣть условный сигналъ: „Выходить"! Наконецъ, она его увидѣла. Сердце дрогнуло въ ней. Слезы набѣжали на глаза.

„Думалось ли когда... что *такъ* придется?.. Что сказала бы мама"?

И перекрестясь, молодая дѣвушка тихо пошла изъ квартиры и стала спускаться по лѣстницѣ, чтобы, перейдя улицу, встрѣтить Френча и сѣсть съ нимъ въ карету. Къ нему въ квартиру она не должна была входить. Она не захотѣла этого. И было рѣшено заранѣе, что они встрѣтятся у кареты, которая отвезетъ ихъ на вокзалъ Saint-Lazare.

Эми спустилась внизъ и, выйдя съ крыльца, остановилась какъ вкопанная.

Предъ ней стоялъ Рудокоповъ... Стоялъ, не подходилъ, не здоровался, а только глядѣлъ на нее... Его лицо и глаза показались ей страшными. Она стала, измѣнилась въ лицѣ и чуть не выронила свой саквояжъ.

Онъ подошелъ и заговорилъ. Она—какъ бы сквозь сонъ или скорѣе сквозь страшный гулъ и шумъ въ ней самой, въ груди, въ головѣ—разслышала свое имя... потомъ разслышала:

— Пойдемте... Я не допущу... Я на колѣни стану...

Она отвѣтила, пробормотала что-то, сама не зная и не понимая, что говоритъ.

— Я любилъ вашу матушку и чту ея память. Я обязанъ предъ ней... Это мой святой долгъ. Бога ради... Ну, послѣ... Только не теперь... Это всегда успѣется!

Эми при упоминаніи о матери пришла въ себя, подняла опущенные глаза и выговорила:

— Адріанъ Николаевичъ!..

И больше ни одного слова не прибавила Эми. Слезы текли по лицу ея, а горло сжимала судорога и не давала говорить.

— Пойдемте! Пойдемте!—воскликнулъ Рудокоповъ.

Онъ подалъ руку Эми. Она тотчасъ же взяла ее, оперлась какъ усталая и снова, войдя въ домъ, стала безпрекословно, даже охотно подниматься по лѣстницѣ.

„Это всегда успѣется!"—звучало у нея въ ушахъ.

Гр. Евг. Сальясъ.

Digitized by Google

ЖЕНСКІЕ
МЕДИЦИНСКІЕ КОЛЛЕДЖИ
ВЪ АНГЛІИ и С. АМЕРИКѢ

Изъ поѣздки зимою 1895—96 гг.

Окончаніе.

IV *).

Я возвратилась въ Филадельфію въ сочельникъ вечеромъ. На другой день, въ первый день Рождества, я къ своему удивленію увидѣла на улицѣ большія скопища народа, пѣшихъ и конныхъ полисменовъ, вооруженныхъ короткими толстыми палками съ темно-синими кистями, вмѣсто обыкновенныхъ длинныхъ палокъ, безъ всякихъ украшеній; послѣднее я приписала празднику. Оказалось, что причина ихъ появленія была нѣсколько иная. Во время моего отсутствія, въ Филадельфіи произошла стачка служащихъ на городскихъ электрическихъ дорогахъ, требовавшихъ увеличенія заработной платы и закрытыхъ площадокъ, гдѣ помѣщается машинистъ, какъ это устроено, напримѣръ, въ Джерсей-сити. Общество электрическихъ дорогъ не соглашалось и выписало, для замѣны забастовавшихъ, рабочихъ изъ Балтиморы. Когда эти послѣдніе появились на улицахъ Филадельфіи, то были встрѣчены градомъ камней со стороны собравшихся забасто-

*) См. выше: августъ, стр. 574.

Digitized by Google

вавшихъ рабочихъ и людей, имъ сочувствовавшихъ. Камни предназначались отчасти и публикѣ, чтобы она не смѣла ѣздить въ вагонахъ. Уличныя сходки принимали размѣры побоищъ, не безъ трагическаго окончанія, при чемъ полисмены пускали въ ходъ свои короткія, съ боку привѣшенныя палки, не разбирая кому и куда они наносили удары. Чѣмъ окончилась эта стачка, я не знаю, но когда я проходила по улицамъ, толпа уже не была такъ воинственно настроена и мирно бесѣдовала съ стоявшими тутъ же полисменами; только проходящіе мальчишки провожали довольно пустые электро-трамваи свистомъ и шиканіемъ, причемъ прехладнокровно, не безъ сознанія собственнаго достоинства, стоящіе на площадкахъ вагона полисмены не обращали на это ни малѣйшаго вниманія. Слѣдствіемъ этой стачки ловко и быстро воспользовались ломовики, устроивъ свои фуры для перевозки жителей, чѣмъ заработали хорошія деньги, такъ какъ экипажей крайне мало въ Филадельфіи, и всѣ передвиженія происходятъ посредствомъ электро-трамваевъ, чему способствуетъ геометрическое расположеніе улицъ. Весь городъ дѣлится на четыре части двумя проходящими въ его центрѣ и пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ улицами, при чемъ одна, идущая съ востока на западъ, дѣлитъ городъ на сѣверъ и югъ; другая, идущая съ сѣвера на югъ, дѣлитъ городъ на восточную и западную половины. Параллельно первой идутъ улицы съ названіями; параллельно второй—улицы съ нумерами. Электрическій вагонъ, движущійся по улицѣ въ одномъ извѣстномъ направленіи, возвращается всегда по другой—въ противоположномъ направленіи, вслѣдствіе чего всякія столкновенія предотвращены.

Я воспользовалась Рождественскими каникулами, чтобы осмотрѣть нѣкоторыя достопримѣчательности города, какъ, напримѣръ, Fairmunth Park, считающійся лучшимъ его украшеніемъ.

Fairmunth Park, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣщалась всемірная филадельфійская выставка и раскинутый на протяженіи нѣсколькихъ миль, съ рѣкой, съ туннелями, съ многочисленными статуями, памятниками и т. п. украшеніями, составляетъ любимое мѣсто прогулокъ филадельфійцевъ, въ особенности лѣтомъ. Отъ всемірной выставки осталось одно зданіе Memorial Hall со многими интересными вещами; въ особенности поражаетъ посѣтителя пароходъ изъ слоновой кости, чудо китайской работы и терпѣнія. Вблизи Memorial Hall находится Horticultural Hall съ изумительными тропическими гигантскими растеніями: сбоку ведетъ лѣстница на хоры, кругомъ оранжереи, такъ что этими гигантами можно любоваться и снизу,

Digitized by Google

и сверху; съ хоръ есть выходъ наружу, на балконъ, съ котораго открывается прекрасный видъ на паркъ и на Филадельфію. Внутренность этого Horticultural Hall такъ роскошна и прекрасна, что не хочется оттуда уходить. Всюду входъ безплатный.

Рождественскіе праздники ознаменовались концертами и итальянской оперой. Концерты давались по утрамъ въ академіи изящныхъ искусствъ и охотно посѣщались публикой: нельзя то же сказать объ оперѣ. Прекрасно обставленная, съ первоклассными силами, она однако пустовала и только болѣе дешевыя мѣста были заняты. Антрепренеръ былъ отъ этого все-таки не въ убыткѣ: онъ заявилъ, что пригласитъ пѣвцовъ только въ томъ случаѣ, если сборъ будетъ гарантированъ,—тогда абоненты на ложи внесли каждый по двѣ тысячи долларовъ, что въ общей суммѣ составило около 100,000 долларовъ: цѣна американскаго каприза имѣть итальянскую оперу въ продолженіе шести недѣль.

Большинство жителей встрѣчало наступавшій Новый годъ на улицѣ, какъ это принято, напримѣръ, въ Германіи. Я собственно не знаю, чего дожидалась эта толпа народа,—кажется, появленія маскарадныхъ процессій, но ихъ было немного, а костюмы были очень незамысловаты. Шумъ и гамъ на улицахъ былъ невообразимый, такъ какъ снующая взадъ и впередъ молодежь раскупала нарасхватъ тутъ же продающіяся трубы, въ которую каждый считалъ своимъ долгомъ дуть; можно себѣ представить о размѣрахъ стоявшаго шума. Ровно въ 12 часовъ загудѣли всѣ трубы, засвистѣли всѣ свистки паровозовъ на желѣзныхъ дорогахъ и на фабрикахъ. На другой день, многочисленныя маскарадныя процессіи привлекали всеобщее вниманіе. Главныя лица процессіи имѣли роскошные костюмы и были окружены многочисленной свитой, тоже въ костюмахъ, и пажами, которые поддерживали сзади и сбоку нѣчто въ родѣ мантіи, длиною въ нѣсколько аршинъ, расшитой шелками и золотомъ по атласу и бархату. Такихъ эффектныхъ процессій мнѣ удалось видѣть нѣсколько въ продолженіе дня. Онѣ обыкновенно проходили по тѣмъ улицамъ, гдѣ жили жюри, присуждавшіе преміи за лучшіе изъ этихъ костюмовъ.

Благодаря предупредительности г-жи Dr. B., я посѣтила также больницу душевно-больныхъ въ Norristown'ѣ близъ Филадельфіи. State Hospital for the Insane содержится на средства штата и представляетъ собою одновременно лечебницу и колонію душевно-больныхъ.

Госпиталь состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ домиковъ, соединенныхъ между собою и съ главнымъ зданіемъ, гдѣ помѣ-

Digitized by Google

щается медицинскій персоналъ, подземными корридорами. Вблизи госпиталя расположена ферма, состоящая изъ нѣсколькихъ коттэджей, въ которыхъ помѣщаются выздоравливающіе больные. Тутъ же находятся: скотный дворъ, птичій дворъ, огородъ, прачешная и кухня, гдѣ ежедневно работаютъ больные. Кромѣ того, въ самомъ госпиталѣ устроены мастерскія, гдѣ больные могутъ заниматься разными ремеслами: токарнымъ, переплетнымъ и проч., занимаются также живописью и ажурными работами. При госпиталѣ находится клубъ больныхъ и театръ съ своей драматической труппой. Въ залѣ театра происходятъ разныя увеселенія: танцы, чтенія, даются концерты. Исполнителями и зрителями являются больные. Госпиталь вмѣщаетъ въ себѣ около 2.000 больныхъ: нѣсколько болѣе тысячи на мужскомъ отдѣленіи и около тысячи на женскомъ. Оба отдѣленія управляются и завѣдуются самостоятельно и совершенно независимо другъ отъ друга, двумя главными врачами, physicians in charge; каждый изъ нихъ отвѣтственъ только предъ штатомъ. У каждаго изъ главныхъ врачей находятся по два ассистента. Во главѣ медицинскаго персонала женскаго отдѣленія стоитъ врачъ-психіатръ — женщина, съ двумя ассистентами, тоже женщинами-врачами. Назначеніе женщины-врача на такую отвѣтственную должность, какъ завѣдываніе такимъ большимъ учрежденіемъ, очень ново даже для американцевъ, и назначеніе послѣдней не обошлось безъ жаркихъ дебатовъ друзей и оппонентовъ. Dr. Annice Bennet—такъ зовутъ главнаго врача женскаго отдѣленія—личность во всякомъ случаѣ настолько выдающаяся, что я считаю далеко не лишнимъ сообщить о ней нѣсколько краткихъ біографическихъ свѣдѣній. Г-жа Беннетъ родилась въ одномъ маленькомъ городкѣ въ штатѣ Массачусетсъ и въ такомъ захолустьѣ, котораго, по словамъ ея біографа, не коснулся прогрессъ, въ которомъ за два съ половиною столѣтія не было сдѣлано ни одного современнаго улучшенія, такъ какъ даже желѣзная дорога его не достигала. Живя при подобной монотонной обстановкѣ, она все-таки возъимѣла желаніе, повліявшее на всю ея послѣдующую жизнь. Будучи ребенкомъ, она была очень прилежна и хорошо училась въ школѣ; у своихъ сосѣдей она услышала, что женщины изучаютъ медицину. Вернувшись домой, она объявила своимъ, что ей очень хочется изучать медицину, но, не найдя сочувствія у своихъ домашнихъ, она болѣе ничего объ этомъ не говорила и начала копить деньги, чтобы отправиться въ Филадельфію, для осуществленія своей завѣтной мысли. Когда въ городѣ стало извѣстно, что Алиса Беннетъ отправилась въ Фила-

Digitized by Google

дельфію изучать медицину, объ этомъ говорили какъ о чудѣ, какъ будто она объявила, что отправилась въ путешествіе на луну. Въ Филадельфіи она поступила въ медицинскую школу и заинтересовала собою декана школы, одну изъ первыхъ піонерокъ женскаго медицинскаго образованія, Эмилію Кливелендъ. По окончаніи наукъ въ медицинскомъ колледжѣ, она поступила еще на годъ для практическихъ занятій въ госпиталь, затѣмъ получила мѣсто въ одномъ изъ госпиталей и dispensary въ городѣ; одно время она состояла инструкторомъ при медицинской школѣ, но, не довольная своими познаніями, она рѣшилась прослушать еще курсъ лекцій при университетѣ въ Пенсильваніи. Ей стоило большихъ хлопотъ получить разрѣшеніе посѣщать курсъ медицинскихъ лекцій при университетѣ, на которыя допускались одни мужчины. Тѣмъ не менѣе, она завоевала себѣ это право, и несмотря на то, что она была единственная женщина среди остальныхъ мужчинъ-студентовъ, она бодро шла своей дорогой и послѣ трехлѣтнихъ занятій рѣшила держать экзаменъ при университетѣ и, представивъ сочиненіе, получила званіе доктора. Университетскій курсъ благотворно повліялъ на правильность ея дальнѣйшихъ работъ; въ виду того, что она и ранѣе интересовалась душевными болѣзнями, теперь она рѣшила всецѣло посвятить себя этой спеціальности. Въ 70-хъ годахъ была выстроена больница для душевно-больныхъ въ Норристоунѣ, и такъ какъ, въ это время г-жа Беннетъ пользовалась уже хорошей извѣстностью, то, благодаря дружному ходатайству передъ штатомъ, какъ медицинскихъ знаменитостей и медицинскаго факультета университета Филадельфіи, такъ и женскаго медицинскаго колледжа, она была утверждена въ должности главнаго врача женскаго отдѣленія больницы душевно-больныхъ, въ 1880 году. Но она вступила въ отправленіе своихъ обязанностей при невыгодныхъ условіяхъ: администрація больницы отнеслась несочувственно къ ея назначенію, и хотя никто изъ ея членовъ не обладалъ научными свѣдѣніями по этой спеціальности, они относились все-таки враждебно ко всѣмъ ея начинаніямъ. Тѣмъ не менѣе, ей удалось осуществить свои гуманные взгляды въ дѣлѣ ухода за психическими больными, произвести многія улучшенія и въ общемъ поставить здѣсь уходъ за больными на ту высоту, которой можетъ позавидовать любая изъ европейскихъ психіатрическихъ лечебницъ. Ея докладъ, адресованный завѣдующему хозяйственной частью больницы: „What shall we do with our chronic insane?“ (что дѣлать намъ съ нашими хроническими больными?)—имѣлъ послѣдствіемъ назначеніе ея въ члены коммиссіи

Digitized by Google

по постройкѣ пріюта для хрониковъ. Въ настоящее время она состоитъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, а также президентомъ медицинскаго общества въ провинціи Монгомери.

Когда я посѣтила вышеназванный госпиталь, то на отдѣленіи г-жи Беннетъ было 960 больныхъ. Мы пріѣхали въ обѣденное время и она пригласила насъ пройти въ столовую, чтобы присутствовать при общемъ обѣдѣ больныхъ. Столовая—большая комната, длиною приблизительно въ 70 футовъ и шириною въ 45 ф. За общимъ столомъ обѣдаютъ всѣ спокойные больные. Мы пришли передъ началомъ обѣда; больныя попарно входили въ столовую и размѣщались каждая за своимъ столомъ; одна изъ nurses играла на органѣ, а нѣсколько человѣкъ больныхъ пропѣло гимнъ. Изъ этой столовой мы прошли въ столовую мужского отдѣленія; здѣсь во время обѣда игралъ оркестръ духовой музыки, составленный исключительно изъ больныхъ. Г-жа Беннетъ продолжала держать себя и здѣсь какъ дома: со многими больными она обмѣнивалась привѣтствіями и обращалась съ ними какъ съ хорошо знакомыми ей лицами, но особенное вниманіе обращало на себя то уваженіе, съ какимъ они къ ней относились. Такое отношеніе къ психіатру-женщинѣ является, вѣроятно, слѣдствіемъ всего общественнаго американскаго строя жизни, въ особенности слѣдствіемъ той изумительной американской благовоспитанности, которая не покидаетъ американца даже въ болѣзненномъ состояніи.

V.

Въ Нью-Іоркѣ.

По окончаніи Рождественскихъ каникулъ, я побывала еще на нѣкоторыхъ лекціяхъ въ колледжѣ, а затѣмъ, распростившись съ Филадельфіей, направилась въ Нью-Іоркъ. Въ Филадельфіи меня снабдили адресомъ въ „христіанскую ассоціацію молодыхъ женщинъ“ въ Нью-Іоркѣ, куда я, по пріѣздѣ, и направила свои шаги. Ассоціація состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ помѣщеній: въ одномъ домѣ живутъ только члены—это такъ называемый Louisa Home, въ другомъ — могутъ останавливаться и пріѣзжія. Но для меня явилось затрудненіе оттуда, откуда я совсѣмъ не ожидала: оказалось, что въ ассоціаціи могутъ помѣщаться только протестанты. „Вы католичка или протестантка“?—былъ первый вопросъ, который мнѣ предложили. — Я ни то, ни другое, но если выбирать изъ двухъ, то болѣе приближаюсь къ первому

Digitized by Google

вѣроисповѣданію.—„Въ такомъ случаѣ, вы не можете здѣсь остаться: это только для протестантовъ. Я вамъ дамъ адресъ sister Catherine,—сказала мнѣ matron,—у нея вы можете достать помѣщеніе, а въ случаѣ, если тамъ не окажется, то вотъ еще адресъ, здѣсь вы уже навѣрное найдете". Но сестра Катерина не пожелала ничего мнѣ дать, и только по второму адресу я наконецъ нашла комнату.

Я отправилась въ колледжъ лишь на другой день. Деканъ школы, г-жа Блекуэлль, была больна; ее замѣняла ея помощница sub-dean, миссъ Кора Томпсонъ, которая была заранѣе предувѣдомлена о моемъ посѣщеніи любезнымъ письмомъ декана медицинскаго коллэджа въ Филадельфіи. Эта особа, уже немолодая, отличалась нѣкоторыми странностями: такъ, напр., она требовала, чтобы janitor, служитель при школѣ, негръ, обращалъ вниманіе на манеры воспитанницъ, слѣдилъ бы за ними, и когда замѣтитъ, что ихъ выраженія или движенія рѣзки, то останавливалъ бы ихъ и училъ воспитанницъ хорошимъ манерамъ.

Женскій медицинскій колледжъ въ Нью-Іоркѣ былъ основанъ въ 1854 году; первоначально эта школа, или „центръ практическаго медицинскаго образованія женщинъ", походила болѣе на госпиталь, чѣмъ на школу, такъ какъ, въ Нью-Іоркѣ, не было ни госпиталя, ни амбулаторіи (dispensary), которые были бы открыты для студентокъ. Время отъ времени туда принимались воспитанницы для приватныхъ занятій. Когда число ихъ значительно возросло, то нашли нужнымъ основать медицинскій колледжъ въ связи съ госпиталемъ, и благодаря дружнымъ усиліямъ д-ровъ Елизаветы и Эмиліи Брекфелль въ 1865 году, было получено разрѣшеніе со стороны штата на открытіе колледжа. Тогда госпиталь перевели въ смежное помѣщеніе, а прежнее было приспособлено для школы, которая вслѣдствіе этого и донынѣ носитъ названіе: Women's Medical College of the New-York Infirmary. Школа находится по срединѣ; амбулаторія помѣщается съ одной ея стороны, съ другой—госпиталь. По своему устройству эта школа не представляетъ ничего особеннаго и производитъ впечатлѣніе школы съ весьма ограниченными денежными средствами, и хотя зданіе пяти-этажное, но очень узкое и высота не соотвѣтствуетъ ширинѣ. Лучшая лабораторія—химическая, обращающая на себя вниманіе обиліемъ свѣта и хорошей организаціей. Анатомическое зало помѣщается по обыкновенію наверху, на этотъ разъ въ пятомъ этажѣ. Рядомъ съ колледжемъ находится жен-

Digitized by Google

скій госпиталь, новое, довольно просторное зданіе, съ хорошо устроеннымъ операціоннымъ заломъ.

Для поступленія въ число студентовъ медицинскихъ колледжей требуется дипломъ „высшей школы“ (программа high school соотвѣтствуетъ приблизительно программѣ нашей средней школы); или же требуется дополнительный экзаменъ изъ англійскаго языка, математики, физики, латыни, иногда изъ ботаники, зоологіи и исторіи. Въ колледжахъ и университетахъ курсъ четырехлѣтній; преподаются: анатомія, химія, физика, гистологія и эмбріологія, физіологія, фармація и фармакологія, общая симптоматологія, бактеріологія, внутренняя медицина, терапія и патологическая анатомія, гигіена, акушерство и гинекологія, хирургія, судебная медицина, нервныя и душевныя болѣзни, болѣзни уха, горла и носа, ортопедія и дѣтскія болѣзни, глазныя болѣзни, дерматологія и сифилидологія; практическія занятія по оперативной хирургіи, акушерству и гинекологіи на трупѣ и манекенѣ; практическія занятія въ амбулаторіяхъ и при клиникѣ женскаго госпиталя и въ другихъ госпиталяхъ города. Теоретическій курсъ медицины читается въ колледжѣ, гдѣ происходятъ также и занятія по оперативной хирургіи и гинекологіи въ анатомическомъ залѣ. Клиническій курсъ воспитанницы слушаютъ частью въ аудиторіи женскаго госпиталя, который служитъ одновременно и клиникой, какъ, напр., въ Филадельфіи, частью въ университетскихъ клиникахъ, куда онѣ имѣютъ свободный доступъ, какъ въ Филадельфіи, точно такъ же, какъ въ Балтиморѣ, Нью-Іоркѣ, Чикаго и т. д. Свою практичность американцы переносятъ и въ преподаваніе, въ которомъ существуетъ болѣе практическое, чѣмъ въ европейскихъ университетахъ, направленіе. Они читаютъ лекціи просто и ясно, излагая лишь то, что твердо установлено наукой. Вы не услышите отъ нихъ ни о гипотезахъ, ни о новыхъ изслѣдованіяхъ, такъ сказать о послѣднемъ словѣ науки, и главнымъ образомъ потому, что имъ самимъ мало извѣстны эти послѣднія слова. Въ лабораторіяхъ они лично мало занимаются и довольно рѣдко можно встрѣтить профессора, занимающагося наукой въ лабораторіи, такъ какъ такого рода занятія не приносятъ непосредственно тѣхъ быстрыхъ и осязательныхъ результатовъ, которые такъ цѣнятся американцами. Но за занятіями воспитанницъ они слѣдятъ старательно, чтобы свое время онѣ не тратили даромъ, а частые репетиціи и экзамены въ концѣ года ихъ къ этому принуждаютъ. Одна изъ воспитанницъ медицинскаго колледжа въ Нью-Іоркѣ сказала мнѣ слѣдующее по этому поводу:

Digitized by Google

въ три мѣсяца я здѣсь сдѣлала болѣе, чѣмъ въ продолженіе трехъ лѣтъ въ женевскомъ университетѣ.

По окончаніи каждаго учебнаго года происходятъ экзамены, а по окончаніи четвертаго курса происходитъ послѣдній выпускной экзаменъ; кандидатки представляютъ сочиненіе, написанное на тему какихъ-либо клиническихъ случаевъ, которые имъ приходилось наблюдать въ госпиталѣ, и затѣмъ получаютъ дипломъ на званіе доктора медицины. По окончаніи курса, онѣ по желанію могутъ остаться при амбулаторіи, поступить на службу въ женскій госпиталь, также могутъ получить мѣсто интерновъ, resident physicians въ общихъ госпиталяхъ, но для этого необходимо выдержать еще конкурсный экзаменъ.

Согласно уставу, общему для женскихъ медицинскихъ колледжей, во главѣ правленія медицинскихъ колледжей стоитъ комитетъ директоровъ (Board of Corporators) съ президентомъ во главѣ, въ составъ котораго входятъ лица обоего пола и исполнительный комитетъ (Executive Committee), состоящій изъ нѣсколькихъ членовъ; при комитетѣ директоровъ состоятъ: секретарь и казначей. На обязанности директоровъ лежитъ полное управленіе дѣлами учрежденія. На обязанности секретаря лежитъ вести журналъ о дѣятельности директоровъ и составлять годичный отчетъ, читаемый на годичномъ митингѣ. На обязанности казначея лежитъ пріемъ и расходъ денегъ и веденіе тщательной отчетности, всегда открытой для инспекціи директоровъ. Факультетъ состоитъ изъ декана, помощницы декана, клерка или секретаря—должности, почти всюду исполняемыя женщинами,—и изъ преподавателей: профессоровъ и ихъ ассистентовъ. Многія каѳедры, въ томъ числѣ и каѳедры клиническихъ профессоровъ, заняты профессорами-женщинами, а мѣста ассистентовъ почти всѣ заняты ими.

Обыкновенно при колледжахъ находятся женскіе госпитали и именно при тѣхъ, которые первоначально въ нихъ помѣщались. Госпиталь и клиника обыкновенно соединены вмѣстѣ. Цѣль ихъ—обезпечить женщинамъ медицинскую помощь врачей ихъ же пола и единовременно оказать помощь воспитанницамъ медицинскихъ колледжей въ практическомъ изученіи медицины. Многоэтажныя зданія госпиталей устроены болѣе или менѣе по одному образцу: общія палаты, по которымъ больныя распредѣляются по роду заболѣваній, далѣе нѣсколько частныхъ комнатъ, небольшая комната для гинекологическихъ изслѣдованій и небольшихъ операцій, большой операціонный залъ со всѣми антисептическими и дезинфекціонными принадлежностями, нѣсколько комнатъ съ

Digitized by Google

ваннами для врачебнаго персонала, гдѣ онѣ моются, чистятся, переодѣваются до и послѣ операціи.

Согласно уставу, и администрація госпиталей состоитъ также изъ комитета директоровъ: президента, вице-президентовъ, секретаря и казначея,—обязанности ихъ тѣ же. Медицинскій персоналъ состоитъ изъ главнаго врача, ассистентовъ, интерновъ—всѣ эти мѣста заняты женщинами-врачами. Въ женскихъ госпиталяхъ бываетъ до 1.000 больныхъ въ году; число амбулаторныхъ больныхъ въ продолженіе года доходитъ до 12.000 и болѣе. Вотъ, напр., краткія статистическія свѣдѣнія, заимствованныя изъ ежегоднаго отчета женскаго госпиталя въ Нью-Іоркѣ: общее число больныхъ въ продолженіе 1895 года — 768, въ томъ числѣ и дѣти. Вполнѣ выздоровѣло—417, получило облегченіе—273, въ томъ же состояніи осталось—7, умерло — 28. Изъ этого общаго числа было 420 хирургическихъ больныхъ, въ числѣ которыхъ было 310 гинекологическихъ случаевъ. Съ контагіозными заболѣваніями во всѣ госпиталя, находящіеся въ чертѣ города, больные не принимаются; для заразныхъ болѣзней госпитали расположены за городомъ, а въ Нью-Іоркѣ подобные госпитали находятся даже на одномъ островѣ, въ Атлантическомъ океанѣ, куда на пароходѣ одинъ часъ ѣзды.

При американскихъ госпиталяхъ существуетъ одна корпорація, которая по своему устройству и назначенію обращаетъ на себя вниманіе, въ особенности вниманіе со стороны иностранца. Это корпорація такъ называемыхъ nurses. Онѣ исполняютъ въ американскихъ госпиталяхъ тѣ же обязанности, которыя у насъ исполняются сидѣлками. Но тогда какъ наши сидѣлки — большей частью безграмотныя деревенскія женщины, плохо дисциплинированныя, съ своеобразными понятіями о честности и чистоплотности, въ Америкѣ — это образованныя леди. Школы для образованія сидѣлокъ помѣщаются при госпиталяхъ. Обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя требованія, которыя къ нимъ предъявляютъ: „врачи должны выбирать только разумныхъ, грамотныхъ женщинъ, съ хорошимъ характеромъ и съ хорошими привычками“. Курсъ двухлѣтній. Онѣ проходятъ доступный, сокращенный курсъ по теоретической и практической медицинѣ; слушаютъ лекціи по анатоміи, физіологіи, гигіенѣ, терапіи и фармакологіи, по хирургіи и гинекологіи, по акушерству и уходу за дѣтьми, по внутренней медицинѣ, по дѣтскимъ и кожнымъ болѣзнямъ, по болѣзнямъ уха и горла, по уходу за нервными больными, по гидротерапіи, массажу и врачебной гимнастикѣ, по антисептикѣ, учатся оскультировать и считать пульсъ,

Digitized by Google

измѣрять температуру, проходятъ курсъ приготовленія кушанья для больныхъ, какъ приготовлять ванны, какъ приготовлять постель въ извѣстныхъ случаяхъ и мѣнять бѣлье, не безпокоя больного, и даже слушаютъ лекціи по словесности. Всего болѣе, конечно, практическихъ занятій, и по окончаніи курса и сдачѣ экзамена онѣ поступаютъ въ госпиталя и первое время только на испытаніе. Въ случаѣ пригодности, ихъ оставляютъ въ той или другой палатѣ, смотря по уходу за какими больными онѣ проявили болѣе способностей. Для сидѣлокъ установлена общая форма: бѣлое платье съ синими полосками, такой же чепецъ и бѣлый фартукъ. Во время моего пребыванія въ Балтиморѣ, въ университетѣ Гопкинса, мнѣ пришлось встрѣтиться, какъ потомъ выяснилось, съ одной изъ такихъ сидѣлокъ, помогавшей при операціи, на которую я получила приглашеніе. Она говорила очень недурно по-нѣмецки, что̀ меня и заинтересовало, такъ какъ американки и англичанки большей частью говорятъ очень дурно на иностранныхъ языкахъ; оказалось, что для изученія нѣмецкаго языка она ѣздила въ Германію и одновременно занималась музыкой въ лейпцигской консерваторіи.

Нью-Іоркской медицинской школой я закончила свой осмотръ женскихъ медицинскихъ американскихъ колледжей. Я имѣла намѣреніе отправиться еще въ Бостонъ, но въ Филадельфіи мнѣ сказали, что въ Бостонѣ школы нѣтъ и что студенты обоего пола проходятъ курсъ наукъ въ университетѣ, но что медицинскій колледжъ имѣется въ Англіи, въ Лондонѣ. Позднѣе я узнала изъ Annual Catalogue and Announcement нью-іоркской школы, что въ Бостонѣ, тѣмъ не менѣе, существуетъ женскій медицинскій колледжъ (New England Woman's Medical College), который былъ основанъ приблизительно въ одно время съ нью-іоркскимъ, но это свѣдѣніе для меня запоздало.

V.

Изъ Нью-Іорка въ Лондонъ.

Попасть изъ Нью-Іорка въ Лондонъ можно двумя путями: или чрезъ Ливерпуль, или чрезъ Соутгэмптонъ; я поѣхала на американскомъ пароходѣ, который отправлялся въ Соутгэмптонъ. Пассажировъ очень много, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ классѣ; только третій классъ былъ пустъ. Большинство пассажировъ были американцы и англичане. Погода была пре-

Digitized by Google

красная, море спокойно и не было признаковъ, которые предвѣщали бы неблагополучное плаваніе; хотя качка была, но вѣроятно такая, какая обыкновенно бываетъ зимою.

Мы пріѣхали въ Соутгэмптонъ на осьмой день поздно вечеромъ, и поэтому должны были остаться на пароходѣ до слѣдующаго утра. Многіе изъ насъ присутствовали вечеромъ въ числѣ зрителей при интересной выгрузкѣ парохода. Уже наканунѣ пріѣзда начали вытаскивать изъ трюма на палубу разныя вещи: вытащили пассажирскій багажъ, вытащили почтовую корреспонденцію, мѣшки которой заняли почти всю палубу второго класса, затѣмъ вытащили пустыя пивныя бочки, ящики съ пустыми бутылками изъ-подъ эля и сельтерской воды, и вы невольно задавали себѣ вопросъ: неужели Америка ничего не вывозитъ кромѣ этихъ пустыхъ бочекъ и бутылокъ? Никто, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, какія сокровища везли мы на днѣ парохода за желѣзными дверями, которыя открыли по пріѣздѣ въ Соутгэмптонъ. Прежде начали выгружать серебро въ слиткахъ, причемъ не обращали вниманія на то, что это все-таки благородный металлъ,—его бросали прямо внизъ, по деревяннымъ мосткамъ, и оно съ шумомъ и трескомъ ударялось о дерево, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ ударъ приходился всего сильнѣе, подъ конецъ на деревѣ образовалось большое бѣлое серебряное пятно. Эти плиты тотчасъ же поднимали рабочіе и нагружали ими тутъ же стоящіе на рельсахъ товарные вагоны. Затѣмъ начали выгружать золото въ боченкахъ, но съ послѣднимъ обращались очень деликатно: каждый боченокъ осторожно опускали въ веревочную сѣтку и затѣмъ по веревкѣ спускали съ большой осторожностью внизъ, гдѣ нѣсколько человѣкъ рабочихъ, не менѣе осторожно, ставили его въ товарный вагонъ. При мнѣ нагрузили имъ нѣсколько вагоновъ. Изъ своей каюты я могла слышать, какъ долго еще работалъ подъемный кранъ. Оказалось, что нашъ пароходъ везъ серебра и золота на много милліоновъ долларовъ.

VI.

Въ Лондонѣ.

Свѣдѣнія, полученныя мною въ Филадельфіи относительно колледжа, оказались вѣрными: въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Вестъ-Энда находится медицинскій колледжъ, пріютившійся въ частномъ домѣ, но, увы, до того жалкій и бѣдный, что даже кол-

Digitized by Google

леджъ въ Бостонѣ въ сравненіи съ нимъ кажется богатымъ. Колледжъ помѣщается въ домѣ, совершенно не приспособленномъ для медицинскихъ занятій; кромѣ неудобнаго расположенія комнатъ, съ малымъ количествомъ свѣта, въ которыхъ помѣщаются лабораторіи, онъ не имѣетъ, кажется, даже ни одной отдѣльной аудиторіи. Анатомическое зало еще довольно сносно; оно расположено, какъ въ Америкѣ, въ верхнемъ этажѣ, и хотя въ немъ довольно тѣсно, но, по крайней мѣрѣ, достаточно свѣта. Велико должно быть желаніе, велика, вѣроятно, необходимость, чтобы заниматься при подобныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ! Какъ извѣстно, королева Викторія относится враждебно къ подобнымъ учрежденіямъ, какъ женскій медицинскій колледжъ, и бѣдственное матеріальное положеніе послѣдняго ставится въ связь съ несочувствіемъ къ нему королевы... Недавно принцесса уэльская посѣтила медицинскій колледжъ и подробно его осматривала; этотъ визитъ будущей королевы возбудилъ нѣкоторыя надежды какъ въ преподавателяхъ, такъ и въ учащихся, которые надѣются, что, быть можетъ, со временемъ матеріальное положеніе колледжа улучшится.

Кромѣ Лондона, имѣется еще медицинскій колледжъ въ Эдинбургѣ, въ Шотландіи.

Для поступленія въ школу требуется экзаменъ изъ англійскаго языка, латыни, математики и одного изъ новыхъ языковъ. Курсъ занятій—пятилѣтній, и объемъ курса равняется въ общемъ программѣ европейскихъ медицинскихъ факультетовъ! Клиническія лекціи читаются въ такъ называемомъ „Королевскомъ Свободномъ госпиталѣ“ (Royal Free Hospital), который служитъ клиникой колледжа, такъ какъ этотъ госпиталь служитъ одновременно для практическихъ занятій воспитанницъ колледжа, а также и „Новый женскій госпиталь“, о которомъ скажу далѣе. По окончаніи курса воспитанницамъ колледжа предоставлено право держать выпускной экзаменъ при семи высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Великобританіи: при лондонскомъ, ирландскомъ, дургамскомъ и шотландскомъ университетахъ, при соединенныхъ колледжахъ Шотландіи и Ирландіи и, наконецъ, при лондонскомъ фармацевтическомъ обществѣ. Собственно въ Лондонѣ находятся три высшія учебныя учрежденія, при которыхъ можно сдать выпускной экзаменъ. Получить университетскій дипломъ считается очень хорошо; менѣе лестно держать экзаменъ для полученія диплома при лондонскомъ фармацевтическомъ обществѣ, хотя дипломъ послѣдняго даетъ тѣ же права, какъ и университетскій. Но самымъ луч-

Digitized by Google

шимъ считается сдать экзаменъ при королевскомъ колледжѣ врачей и хирурговъ, Royal College of physicians and surgeons. Лица, которымъ необходимъ хорошій дипломъ, чтобы съ его помощью составить себѣ блестящую карьеру въ будущемъ, стараются сдать экзаменъ именно при этомъ колледжѣ. Но для воспитанницъ медицинскихъ школъ, полученіе диплома этого колледжа составляетъ и понынѣ pium desiderium, а самъ королевскій колледжъ представляетъ крѣпость, которую онѣ никакъ не могутъ взять приступомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онѣ подали въ колледжъ петицію, чтобы имъ разрѣшили сдавать при немъ экзаменъ, но петиція была отклонена большинствомъ голосовъ; нѣсколько лѣтъ спустя онѣ подали вновь петицію съ той же цѣлью, и она была отклонена уже меньшимъ количествомъ голосовъ, и наконецъ въ концѣ 1895 года послѣдняя петиція была отклонена большинствомъ лишь девяти голосовъ. Поэтому онѣ не теряютъ надежду получить со временемъ перевѣсъ въ нѣсколько голосовъ въ свою пользу и проникнуть въ королевскій колледжъ.

По уставу колледжа, во главѣ его администраціи находятся: нѣсколько вице-президентовъ, бо́льшей частью высокопоставленныя лица Англіи обоего пола; кромѣ того, правленіе школы состоитъ изъ многочисленныхъ членовъ, комитета директоровъ, въ составъ котораго входятъ лица обоего пола, и изъ нѣсколькихъ членовъ исполнительнаго совѣта, которые избираются членами правленія. Обязанности директоровъ, а также и входящихъ въ составъ комитета почетныхъ секретаря и казначея—тѣ же, что и въ американскихъ медицинскихъ колледжахъ, т.-е. управленіе дѣлами колледжа, составленіе годичныхъ отчетовъ, веденіе тщательной отчетности по пріему и расходованію денегъ. Факультетъ колледжа состоитъ точно такъ же, какъ и въ Америкѣ, изъ декана, помощницы декана и секретаря, — эти обязанности исполняются женщинами изъ преподавателей и ихъ ассистентовъ. Только нѣкоторыя каѳедры заняты женщинами-профессорами; ассистентовъ-женщинъ нѣсколько больше.

Врачи-женщины начинаютъ появляться въ Англіи съ 1859 года; это именно лица, кончившія въ университетахъ континента; первый же выпускъ воспитанницъ лондонскаго медицинскаго колледжа относится къ 1877 году. По настоящее время колледжъ выпустилъ около трехсотъ женщинъ-врачей; въ это число входятъ лица, учившіяся на континентѣ и сдавшія только экзаменъ на право практики въ Англіи, — цифра далеко не малая для тѣхъ, которымъ приходилось видѣть, при какихъ бѣдственныхъ условіяхъ воспитанницы вынуждены заниматься, и можно

Digitized by Google

только удивляться, какъ вообще возможно работать при подобныхъ условіяхъ; еще болѣе заслуживаютъ удивленія ихъ энергія и терпѣніе. Этотъ бѣдный маленькій колледжъ разсылаетъ своихъ питомицъ во всѣ части свѣта: имена его бывшихъ воспитанницъ можно встрѣтить практикующими, какъ въ Китаѣ, Кореѣ, Индіи, такъ и въ Африкѣ и Австраліи. Онъ пополняетъ ими медицинскій персоналъ въ больницахъ Великобританіи, а такъ называемые новые госпитали для женщинъ и дѣтей находятся въ ихъ полномъ завѣдываніи. Такія больницы, спеціально предназначенныя для женщинъ, и для женщинъ и дѣтей, встрѣчаются во многихъ городахъ Великобританіи; въ самомъ Лондонѣ находятся нѣсколько медицинскихъ учрежденій, гдѣ женщинамъ-врачамъ предоставлено обширное поле дѣятельности; я назову главныя изъ нихъ: New Hospital for Women 144, Enston Road. NW. (42 кровати) и Clapham Maternity Hospital and School of Midwifery, 41 and 43, Jeffreys Road, SW. (37 кроватей).

„Новый госпиталь для женщинъ" былъ основанъ въ 1872 году. Цѣль его—обезпечить женщинамъ медицинскую помощь врачей ихъ же пола. По уставу, общему какъ медицинскому колледжу, такъ и госпиталю, во главѣ администраціи послѣдняго также стоитъ комитетъ директоровъ. Вице-президентами этого госпиталя состоятъ почти тѣ же высокопоставленныя лица, которыя стоятъ во главѣ правленія медицинскаго колледжа. Медицинскій персоналъ состоитъ исключительно изъ женщинъ-врачей; врачи-мужчины появляются тамъ только въ качествѣ консультантовъ. Составъ врачей дѣлится на врачей и хирурговъ, завѣдующихъ госпитальными больными и завѣдующихъ амбулаторными больными; кромѣ того находятся нѣсколько врачей-ассистентовъ для приходящихъ больныхъ, хирургъ по глазнымъ операціямъ и врачъ, завѣдующій родильнымъ отдѣленіемъ. Госпиталь поддерживается добровольными пожертвованіями. Изъ врачей госпиталя два въ особенности пользуются извѣстностью: это—хирургъ Dr. Scharlieb, и хирургъ-офтальмологъ Dr. Ellaby; послѣдняя въ прошломъ году была приглашена въ Индію въ женѣ магараджи для глазной операціи.

Какъ я выше замѣтила, новый госпиталь для женщинъ поддерживается частными пожертвованіями, и списокъ съ именами послѣднихъ публикуется въ ежегодномъ отчетѣ этого госпиталя. Самыя крупныя пожертвованія принадлежатъ торговымъ фирмамъ Сити, но онѣ не превышаютъ 225 фунт. Взносы отдѣльныхъ лицъ не превышаютъ 100 фунт., и большинство пожерт-

Digitized by Google

вованій колеблются между 1 шилл. и 20 фунт. Одна воспитанница медицинскаго колледжа сообщала мнѣ, что общественное мнѣніе совсѣмъ не такъ благосклонно относится къ врачебной дѣятельности женщинъ, какъ это можно было бы ожидать отъ столь просвѣщенной націи,—что послѣднимъ приходится бороться и преодолѣвать не малыя затрудненія.—Въ городахъ,—прибавила она,—мы еще можемъ найти себѣ занятія, но не то въ деревняхъ, гдѣ населеніе относится къ намъ непріязненно.

О. Л.

Digitized by Google

КЪ СВѢТУ

Разсказъ Ив. Франка.

Отъ переводчика.

Лѣтомъ прошлаго года въ русскихъ газетахъ появилось извѣстіе, подобныя которымъ не разъ появлялись въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ: въ Галиціи арестовано было нѣсколько человѣкъ туземцевъ-русиновъ, а также нѣсколько пріѣзжихъ изъ Россіи молодыхъ людей и дѣвушекъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ мотивомъ ареста выставляется злонамѣренная пропаганда, то „соціально-революціонная", или „нигилистическая", то „панславистическая". Обыкновенно также русскія газеты, передавая о такихъ арестахъ, или ограничиваются краткимъ заявленіемъ fait-divers'a, случившагося въ сосѣдней странѣ, или заимствуютъ изъ австрійскихъ газетъ и мотивы, объясняющіе арестъ. Если мотивъ этотъ — „панславизмъ" и если арестованныя лица находятся въ какихъ-либо прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ нашими славянскими благотворителями, то русскія газеты извѣстнаго направленія горячо берутъ арестованныхъ подъ свою защиту, посылаютъ кучу упрековъ по адресу „конституціонной" Австріи, но настоящіе мотивы арестовъ и значеніе ихъ тѣмъ не менѣе остаются невыясненными для русской публики, да темными остаются они и для публики австрійской.

Съ прошлогодними галицкими арестами случилось нѣсколько иначе. Арестованныхъ обвиняли и въ нигилизмѣ, и въ панславизмѣ, и въ желаніи присоединить Галицію къ Россіи, и въ стремленіи оторвать Украину къ Австріи.

Русскія газеты, сверхъ обыкновенія, занялись довольно живо

Digitized by Google

арестованными, приняли ихъ подъ свою защиту,—и когда обвинительный судъ и даже прокуратура должны были признать, что дѣло арестованныхъ не представляетъ даже повода къ судебному процессу, то нѣкоторыя русскія газеты, преимущественно кіевскія, посвятили по нѣскольку статей дѣлу галицкихъ арестовъ, напечатали даже показанія самихъ потерпѣвшихъ отъ арестовъ русскихъ подданныхъ. И въ этихъ статьяхъ проскользнуло нѣсколько заявленій, совершенно непохожихъ на обычныя шаблонныя сужденія нашихъ газетъ о дѣлахъ сосѣдней и единоплеменной намъ Галиціи, о польской интригѣ, преслѣдующей галицкихъ русиновъ, чувствующихъ свою національную связь съ Россіей, ягелловской программѣ, о податливости къ ней украинскихъ нигилистовъ и т. п. Вмѣсто этихъ шаблонныхъ приговоровъ, въ статьяхъ русскихъ газетъ по поводу прошлогоднихъ галицкихъ арестовъ появились, хотя и отрывочныя, замѣчанія о бѣдственномъ состояніи крестьянства и мѣщанства въ Галиціи, какъ русиновъ, такъ и поляковъ, о долговременномъ крайнемъ равнодушіи къ этому состоянію патентованныхъ національностическихъ партій, какъ поляковъ, такъ и русиновъ, какъ украинофиловъ, такъ и москвофиловъ, и о появленіи наконецъ среди болѣе молодыхъ людей новаго направленія, которое поставило на первый планъ вопросы народныхъ массъ, просвѣтительные и экономическіе. Это направленіе оказалось не на руку всѣмъ старымъ партіямъ и кружкамъ, русинскимъ столько же, сколько и польскимъ, а поэтому встрѣтило вражду со стороны всѣхъ ихъ. „Нигилизмъ“, „панславизмъ“ и т. п. оказались прекрасными предлогами для нападеній на новое поколѣніе, а слабость практическаго примѣненія общеевропейскихъ конституціонныхъ гарантій въ Галиціи, гдѣ политическая власть находится въ рукахъ польской аристократіи, давала большой просторъ для приведенія инкриминаціи въ дѣйствительность въ формѣ арестовъ, процессовъ и т. п. Невѣдѣніе и прямая поддержка инкриминаціямъ со стороны многихъ русскихъ газетъ окрыляли усердіе провинціальныхъ галицкихъ чиновниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они налагали руку свою и на русскихъ подданныхъ, вслѣдствіе ихъ сношеній съ галичанами новаго направленія.

Такъ тянулось дѣло болѣе 10 лѣтъ, но прошлогодніе аресты явились точкой поворота. Эти аресты совершились при обстоятельствахъ, не совсѣмъ обыкновенныхъ въ Галиціи. Періодъ избирательной агитаціи передъ сеймовыми выборами, среди котораго случились аресты, показалъ, что въ самомъ крестьянствѣ галицко-русскомъ, подъ вліяніемъ горькихъ опытовъ прошлаго и

Digitized by Google

мысли народа надъ своимъ положеніемъ, а мѣстами и подъ вліяніемъ дѣятельности представителей новаго направленія, между представителями котораго главнѣйшіе дѣятели сами вышли изъ крестьянскихъ семей, созрѣло сознаніе о необходимости политики, независимой отъ старой партіи и направленной главнымъ образомъ на поднятіе экономическаго положенія и практическаго, свѣтскаго образованія массъ. Оказалось, что подобное же движеніе проявляется и среди польскихъ крестьянъ, и что между образованными русинами и поляками есть кружки, у которыхъ крѣпнетъ мысль о единеніи новыхъ движеній среди демоса обоихъ племенъ, движеній, которыя должны придать совсѣмъ новое направленіе всей внутренней и внѣшней политикѣ провинціи.

Понятно, что всѣ такія „оказательства“ не понравились провинціальной администраціи, которая связала себя совершенно съ польской шляхетско-клерикальной партіей такъ называемыхъ станчиковъ, господствовавшей въ послѣднее время въ сеймѣ и пользовавшейся своимъ господствомъ столь безцеремонно въ цѣляхъ сословныхъ и даже котеріальныхъ, что это наконецъ стало вызывать неудовольствіе среди сколько-нибудь дальновидныхъ людей и среди самихъ польскихъ націоналистовъ.

„Станчиковская“ администрація нашла нужнымъ найти предлогъ заглянуть за кулисы разныхъ оппозиціонныхъ элементовъ, между которыми, въ виду выборовъ, стало улаживаться соглашеніе, а кромѣ этого попробовать пугнуть еще разъ мѣстную публику, да и вѣнское правительство „краснымъ“ украинскимъ гайдамацтвомъ и московско-казацкимъ призракомъ. И вотъ предпринято было нѣсколько обысковъ и процессовъ противъ поляковъ демократическаго направленія, а затѣмъ и противъ русиновъ и ихъ знакомыхъ изъ Россіи. Спеціально польскіе процессы кончались передъ судомъ полнымъ посрамленіемъ обвинительныхъ властей; тогда арестованныхъ русиновъ и гостей ихъ изъ Россіи рѣшили выпустить на волю безъ процесса.

Въ числѣ этихъ арестованныхъ былъ и авторъ предлагаемаго теперь въ переводѣ очерка, который и сложился у автора во время ареста, подъ вліяніемъ впечатлѣній тюремной жизни и разсказовъ сотоварищей по заключенію, въ которомъ не отдѣлены были „политическіе“ отъ обыкновенныхъ арестантовъ. Впрочемъ, г-ну Франку прошлогодній арестъ не былъ новинкой, и пожалуй еще кто-нибудь скажетъ, что аресты ему идутъ въ пользу, такъ какъ послѣ каждаго изъ нихъ онъ выносилъ матеріалъ для новыхъ повѣстей и стихотвореній.

Иванъ Франко принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ пред-

Digitized by Google

ставителей въ Галиціи новаго демократическаго движенія среди русиновъ, да и среди поляковъ, такъ какъ онъ пишетъ не мало и по-польски въ журналахъ и газетахъ демократическо-прогрессивнаго направленія и въ брошюрахъ для народа. Къ счастію для дѣла, да и самого личнаго сохраненія г. Франка, природа надѣлила его недюжиннымъ беллетристическимъ и поэтическимъ талантомъ, который помогаетъ ему переносить невзгоды жизни и даже извлекать изъ нихъ матеріалы и стимулы для дѣятельности.

А невзгодъ въ еще молодой жизни своей г. Франко видѣлъ не мало, да и будущее не сулитъ ему легкой жизни. Мы дадимъ здѣсь краткій curriculum vitae г. Франка для того, чтобы читатель въ Россіи видѣлъ, что въ авторѣ предлагаемой ему повѣсти онъ имѣетъ дѣло съ соплеменникомъ, однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и въ то же время изъ наиболѣе вынесшихъ на своихъ плечахъ затрудненій и невзгодъ.

Иванъ Франко родился въ Нагуевичахъ, дрогобичскаго уѣзда въ Галиціи, въ 1856 году, въ семьѣ крестьянина кузнеца. Отецъ его былъ хорошій ремесленникъ, понималъ пользу ученія и отдалъ сына въ сосѣднее село въ школу, гдѣ мальчикъ выучился читать по-русски, по-польски и по-нѣмецки, а потомъ въ Дрогобичъ, въ школу монаховъ базиліанъ, которые въ тѣ времена германизаціи должны были учить по-нѣмецки. Пробывши за свое мужицкое происхожденіе и костюмъ цѣлый годъ посмѣшищемъ класса, Франко неожиданно для себя и товарищей получилъ подъ конецъ года первую награду, при полученіи которой услышалъ слезы своего отца. Черезъ 2 мѣсяца послѣ того отецъ умеръ. Мать Франка, оставшись вдовою съ 4 дѣтьми, вышла замужъ за человѣка, впрочемъ порядочнаго, изъ крестьянъ же, энергическаго, хотя нѣсколько сухого скептика. Вотчимъ перевелъ пасынка въ гимназію въ 1868 году, когда нѣмецкій языкъ преподаванія замѣненъ былъ польскимъ. Въ гимназіи съ мальчикомъ повторилась та же исторія, что и у базиліанъ, а именно, просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ „на ослиной скамьѣ“, онъ сразу былъ пересаженъ во вторые ученики и такъ и шелъ уже дальше черезъ всѣ классы между первыми.

Еще будучи гимназистомъ, Франко сталъ писать стихи и собирать народныя пѣсни, переводилъ съ греческаго, нѣмецкаго и т. п. Знакомство съ Шевченкомъ и другими украинскими писателями зародило въ молодомъ писателѣ народно-реальное направленіе, съ которымъ онъ и явился въ университетъ въ 1875 г. и поступилъ на философскій факультетъ, гдѣ записался въ студенческое общество „Академическій кружокъ“, издававшій лите-

Digitized by Google

ратурный журналъ „Другъ“. Общество это принадлежало къ такъ называемому „старому“ или „москвофильскому“ направленію, но именно вслѣдствіе знакомства нѣкоторыхъ его членовъ съ настоящею русской литературой (Гоголь, Бѣлинскій, Тургеневъ и т. п.), а не съ тою, которую пропагандируютъ въ средѣ западныхъ славянъ наши славянскіе комитеты, въ обществѣ этомъ начали расти идеи, гораздо болѣе прогрессивныя и въ литературномъ отношеніи болѣе реалистическія, чѣмъ тѣ, которыя исповѣдывались въ средѣ галицкаго украинофильства, принявшаго въ это время формально-національстическое и довольно схоластическое направленіе.

Въ 1876—1877 гг. прогрессивное демократическо-реалистическое направленіе взяло перевѣсъ въ „Другѣ“, при помощи прямого вліянія одного русско-украинскаго писателя, который совѣтовалъ молодымъ галичанамъ изученіе народной жизни и писаніе народнымъ малорусскимъ языкомъ и вмѣстѣ усвоеніе пріемовъ и идей лучшей школы великорусскихъ писателей и знакомство съ новой европейской литературой и общественной жизнью.

Франко напечаталъ въ „Другѣ“ 1877 г. нѣсколько очерковъ изъ жизни крестьянъ, копальщиковъ земляного воска и петроля въ Бориславѣ. Эти очерки имѣли, какъ признается г. Франко, въ Галиціи un succès de scandal, до такой степени тамъ были новизною (несмотря на опыты Федьковича) и реализмъ формы, и мужицкое содержаніе этихъ повѣстей. Но въ этихъ очеркахъ нашъ авторъ уже навсегда опредѣлилъ свою литературную физіономію. Въ 1877 же году Франко подвергся и первому политическому гоненію и былъ арестованъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами и тремя пріѣзжими изъ Россіи—по обвиненію въ принадлежности къ тайному соціалистическому обществу, которое управляется изъ-за границы. Только общества на самомъ дѣлѣ не было, но провинціальный судъ, которому страшна казалась всякая мысль о независимомъ движеніи въ пользу галицкаго простонародья и котораго поощряли единодушныя нападенія старшихъ, какъ „москвофиловъ“, такъ и „украинофиловъ“, на новое движеніе среди молодежи,—присудилъ Франка, послѣ 9 мѣсяцевъ предварительнаго заключенія въ самыхъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, еще на нѣсколько недѣль ареста.

Вышедши на волю, Франко увидѣлъ себя подъ интердиктомъ „благомыслящихъ“ земляковъ—ему, напримѣръ было запрещено приходить въ украинофильскій клубъ *Бесѣду* для чтенія газетъ.

Digitized by Google

Франко не потерялъ энергіи и продолжалъ работу въ принятомъ направленіи, напечатавъ два разсказа изъ жизни крестьянъ и евреевъ въ Бориславѣ, а также нѣсколько переводовъ, какъ, напр., „Пѣсня о рабочихъ“, и оригинальныхъ стихотвореній въ такомъ же родѣ, изъ которыхъ одно („Каменщики“)— было переведено по-нѣмецки. Съ тѣхъ поръ борясь съ ужасными трудностями и бѣдностью, полицейскими преслѣдованіями, остракизмомъ со стороны старыхъ партій среди земляковъ, по временамъ почти буквально близкій къ голодной смерти, Франко непрестанно работалъ и написалъ множество беллетристическихъ разсказовъ и стихотвореній, преимущественно изъ народнаго быта и вообще изъ жизни угнетенныхъ,—популярныхъ статей и брошюръ по-малорусски и по-польски, этнографическихъ этюдовъ и собраній, переводовъ (между прочимъ „Мертвыя Души“ Гоголя, „Русскія женщины“ Некрасова, „Каинъ“ Шелли, „Фауста“ первая часть Гёте и т. п.).

Нѣкоторыя изъ его статей стали являться въ польскомъ переводѣ (въ варшавскихъ изданіяхъ прогрессивнаго направленія и въ петербургскомъ „Краѣ“) и въ русскомъ—въ „Кіевской Старинѣ“. Нѣсколько повѣстей переведено на нѣмецкій языкъ. Въ то же время Франко читалъ рефераты для рабочихъ по-польски и приготовилъ рѣчь по-малорусски объ экономическихъ вопросахъ для произнесенія на вѣчѣ галицко-русскихъ партій однимъ изъ видныхъ членовъ украинофильской партіи, которой оффиціальные представители стали усвоивать по частямъ идеи направленія Франка, но считаютъ „неполитичнымъ“ обнаруживать публично солидарность свою съ столь „радикальнымъ“ человѣкомъ.

Въ настоящее время Франко, кромѣ постоянной работы въ газетѣ „Kurjer Lwowski“, корреспондированія въ разныя газеты и писанія повѣстей и стихотвореній, издаетъ вмѣстѣ съ Павликомъ двухнедѣльную популярную газету „Народъ“, независимую отъ всякихъ галицкихъ партій, а кромѣ того непериодически „Литературно-наукову библіотеку“.

Одна изъ особенностей дѣятельности Франка, видная и въ слѣдующей далѣе повѣсти,—есть его отношеніе къ евреямъ, не имѣющее себѣ примѣра въ малорусской литературѣ. Эта литература, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ (напр. стихотвореніе Шевченка: „У Вильні, городі преславнимъ“), относится къ евреямъ несимпатично. Это, конечно, имѣетъ себѣ объясненіе и отчасти оправданіе въ положеніи евреевъ относительно массы украинскаго крестьянства. Но украинскимъ писателямъ недоста-

Digitized by Google

вало должной дальновидности и широты взгляда, которая помогла бы имъ найти человѣческое и въ средѣ „еврейскихъ эксплуататоровъ и обратиться къ этому человѣческому, къ страдающему и рвущемуся къ лучшему и среди евреевъ, какъ къ зародышу лучшихъ отношеній между украинскимъ народомъ и евреями. Франко и его друзья составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе между украинскими дѣятелями. Въ своихъ отношеніяхъ среди рабочаго населенія Галичины они всегда старались установить солидарность между рабочими русинами, поляками и евреями. Въ повѣстяхъ своихъ и стихотвореніяхъ Франко рисовалъ типы и картины „еврейской эксплуатаціи“ крестьянъ въ Галичинѣ, но онъ умѣлъ подхватить порывы раскаянія и гуманности среди самихъ эксплуататоровъ, а также цѣлые типы симпатичные между евреями, какъ это онъ, напримѣръ, сдѣлалъ въ слѣдующемъ далѣе разсказѣ.

Разсказъ арестанта.

I.

Ученые натуралисты говорятъ, что тѣ слои воды, которые лежатъ на самомъ днѣ самой глубокой морской глубины, это и есть настоящая „мертвая вода“. Громадный столбъ верхнихъ слоевъ, который давитъ на всякую часть этого низу, препятствуетъ какому бы то ни было ея движенію, уничтожаетъ ея жизнь. Свѣтъ солнца сюда не доходитъ, никакія живыя существа здѣсь не водятся, никакіе водяные притоки, ни бури, ни землетрясенія не отзываются здѣсь даже легкимъ эхомъ. Единственное движеніе, которое только можно замѣтить здѣсь,—это вѣчное и непрестанное осѣданіе милліоновъ труповъ и скелетовъ существъ, которыя когда-то, иногда и давненько тому назадъ, жили и гуляли тамъ наверху, нѣжились на солнцѣ, купались въ теплотѣ, качались на могучихъ морскихъ волнахъ. Погибши, они тихо, тихо спускаются внизъ, тѣ маленькіе фораминиферы, діатомеи и другая подобная мелюзга, которая даетъ главную массу морской жизни,—тихо проскальзываютъ трупы ихъ сквозь чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе густые и болѣе богатые кислородомъ и угольной кислотой слои, разлагаются, точно сгараютъ въ нихъ, и только со временемъ, въ видѣ микроскопическихъ мѣшочковъ и кусочковъ, достигаютъ дна и лежатъ на

Digitized by Google

этомъ великомъ кладбищѣ, чтобы когда-то, черезъ тысячу лѣтъ образовать изъ себя мѣловую гору.

Тяжело и тоскливо, вѣроятно, этимъ нижнимъ слоямъ воды тупѣть и каменѣть вѣчно на мертвомъ днѣ, въ страшной тьмѣ, подъ неслыханнымъ давленіемъ, среди однихъ только труповъ. Тяжело и тоскливо имъ, когда въ нихъ скрытно отзовется та вѣчная, непропадающая сила, безъ которой нѣтъ ни одного атома въ природѣ. Живая, непропавшая сила внутри, а кругомъ тьма, страшный гнетъ и безконечное кладбище! И когда въ этихъ несчастныхъ, на вѣчную смерть осужденныхъ атомахъ задвижется иной разъ, — разъ въ тысячу лѣтъ, — слабая тѣнь мысли (вы думаете, что это невозможно? такъ и нашъ же мыслящій мозгъ, что же онъ такое, какъ не связь тѣхъ же атомовъ, кислорода, водорода и другихъ элементовъ?),—какъ горька, тяжела должна быть эта мысль-мечта!

— Мать-природа! Откуда такая къ намъ несправедливость? Неужели же мы хуже тѣхъ, которые тамъ вверху, надъ нами гуляютъ, качаются и нѣжатся въ чудномъ свѣтѣ? И почему бы не пустить и насъ, хоть на часокъ, туда, вверхъ?

Но мать-природа не знаетъ сентиментальностей и не слушаетъ мечтаній.

— Буду я съ вами, глупцами, няньчиться!—ворчитъ она.— Слышите въ себѣ силу, такъ и старайтесь сами вырваться наверхъ. Мало мнѣ работы! недостаетъ еще только того, чтобы васъ подсаживать!

Да, старайтесь сами вырваться!

Не случалось ли вамъ видѣть подобныя вещи въ человѣческой жизни? Охъ, случалось, милые мои: кому не случалось такое видѣть? И отъ каждаго такого случая щемило ваше сердце и до сихъ поръ щемитъ, когда попробуете перенестись мыслью въ положеніе тѣхъ бѣдныхъ живыхъ атомовъ человѣческаго общества, засуженныхъ завистливою судьбою на вѣчную тьму, на тупую неподвижность, на смерть безвѣстную. Да и всѣ мы—не такой ли мы самый нижній слой между народами? Каждое сильное, здоровое движеніе этихъ свободныхъ и счастливыхъ народовъ не отзывается ли какъ боль, какъ гнетъ, какъ толчокъ на нашемъ народномъ организмѣ?

И всякій изъ васъ, кто часто, цѣною страшнаго усилія и цѣною не одной жизни наиблизкихъ вамъ людей, вырывался изъподъ этого темнаго низу хоть немного на высшую ступень, не почувствуетъ ли онъ не разъ невольнаго ужаса и боли только при мысли объ томъ низѣ и о томъ, что не будь того или дру-

Digitized by Google

гого счастливаго обстоятельства, онъ, вѣроятно, и до сихъ поръ пропадалъ бы тамъ, темный, безпомощный, неизвѣстный никому, не человѣкъ, а частица людской массы. И не заболитъ ли наше сердце при мысли о тысячѣ и тысячѣ такихъ, которые такъ же, какъ мы, старались вырваться изъ этой тьмы, стремились къ свѣту, рвались къ свободѣ и теплотѣ—и все напрасно? И не пройметъ ли васъ дрожь ужаса, когда припомните жизнь и конецъ такихъ неизвѣстныхъ никому, забитыхъ, нерѣдко затоптанныхъ и оплеванныхъ единицъ, когда встанетъ вамъ передъ глазами, что часто только одна изъ глупѣйшихъ въ свѣтѣ обстановокъ, нелѣпый случай, недоразумѣніе, шутка, необдуманное слово, пылинка одна, столкнули ихъ съ дороги и на вѣки вернули назадъ, въ ту тьму, изъ которой они уже вотъ-вотъ выбирались на вольную волю?..

Вотъ такія-то мысли вертѣли мой мозгъ и прогоняли сонъ съ моихъ вѣждъ во время длинныхъ, длинныхъ ночей и дней, прожитыхъ въ тюрьмѣ. Мои товарищи по несчастію, у которыхъ самихъ сверлило и тѣснило внутри, не могли найти для меня слова утѣшенія; напротивъ, я видѣлъ, что сами они часто гораздо болѣе нуждались въ такомъ цѣлительномъ словѣ. Чтобы не одурѣть среди этой сутолоки горя, мы разговаривали, разсказывали одинъ другому—не о себѣ, а о другихъ, далекихъ,—и все-таки о горѣ. Однимъ изъ такихъ разсказовъ, который болѣе другихъ глубоко поразилъ меня, я подѣлюсь теперь съ читателемъ. Передавшій мнѣ его былъ — не говорю о его „дѣлѣ“ — молодой еще человѣкъ, полный силы и отваги, не лишенный добраго, искренне человѣческаго чувства, воспитанный по-мѣщански, прошелъ народную школу, учился ремеслу, однимъ словомъ, тоже потратилъ не мало силы и средствъ, чтобы выкарабкаться наверхъ, выйти въ люди—ну, а вышелъ... Но не объ этомъ рѣчь!

Шестой уже разъ сидѣлъ онъ подъ замкомъ и зналъ всю арестантскую практику, чуть не исторію всякой камеры: кто въ ней сидѣлъ, за что, насколько былъ осужденъ; какъ обращались съ арестантами прежде и какъ теперь и т. д. Была это настоящая арестантская лѣтопись. Сторожа считали его неугомоннымъ буяномъ и давали ему чувствовать это частыми дисциплинарными наказаніями. Но онъ не унимался и точно порохъ загорался, лишь только видѣлъ, что что-либо дѣлается не такъ, какъ должно, что чѣмъ-либо обижаютъ арестантовъ. Особенно частыя имѣлъ онъ перебранки съ часовымъ, который ходитъ подъ окнами тюрьмы и обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобъ арестанты не смотрѣли въ окна и не переговаривались между собою. Сколько разъ солдатъ

Digitized by Google

грозилъ ему, что будетъ стрѣлять, если онъ не уйдетъ съ окна, но онъ сидѣлъ спокойно, не говоря ничего, и уже тогда, когда солдатъ начнетъ взводить курокъ, соскакивалъ съ окна и кричалъ:

— Ну, ну! вѣдь я знаю, что ты не имѣешь права стрѣлять.

— А откуда вы это знаете?—спросилъ я его однажды.

— Какъ это—откуда я знаю! Самъ былъ свидѣтелемъ, самъ видѣлъ!

— Что видѣли?

— Э, да это цѣлая исторія, послѣ которой часовымъ запрещено стрѣлять. Вотъ лучше я вамъ разскажу ее, пусть ужъ тамъ бѣдный рекрутъ успокоится. Вѣдь и онъ, бѣдняга, долженъ дѣлать то, что ему приказываютъ.

II.

Два года тому назадъ,—началъ онъ,—какъ разъ теперь два года. Сидѣлъ я тогда въ этой самой ямѣ подъ слѣдствіемъ. Въ камерѣ было только двое: я и какой-то панъ, Журковскій назывался. Кто такой онъ былъ и за что попался, этого уже не помню.

Какъ вдругъ, какъ-то вечеромъ, уже послѣ вечерняго обхода, мы уже раздѣлись и легли спать, слышимъ шаги смотрителя и громкій звонъ ключей въ замкѣ. Наконецъ, онъ отперъ и, пустивши въ камеру снопъ желтаго свѣта отъ своего фонаря, показалъ намъ въ этомъ свѣтѣ какую-то скорченную, на половину голую, худую фигурку. Онъ двинулъ ее впередъ и впихнулъ въ камеру, потому что, повидимому, сама она не могла достаточно скоро двигаться.

— Вотъ тебѣ одѣяло и простыня, — крикнулъ онъ, бросая эти вещи на голову фигурки и чуть не сваливая ее съ ногъ.— Ложись и спи! Миски получишь завтра.

Сказавши это, смотритель заперъ двери и ушелъ. Въ камерѣ стало темно, какъ въ пивоварнѣ, и тихо, какъ въ гробу. Только время отъ времени слышимъ мы точно кто сѣкачами на столѣ мясо рубитъ—это у нашего товарища зубъ на зубъ не попадаетъ. Видите—осень уже была поздняя, двѣ недѣли послѣ Всѣхъ Святыхъ, холодъ такой, что не дай Господи!

— Кто ты такой? — спрашиваю я окоченѣвшаго товарища, не вставая съ кровати. Я было-согрѣлся и не хотѣлось мнѣ вставать, а въ камерѣ было довольно-таки холодно, потому что

Digitized by Google

окно нужно было держать и день и ночь открытымъ отъ спертаго воздуху.

Товарищъ нашъ молчитъ, только еще сильнѣе зубами стучитъ и сквозь этотъ стукъ слышно урывчатое всхлипыванье. Жаль мнѣ стало малаго, я ужъ сообразилъ, что это какой-нибудь совсѣмъ еще зеленый новичокъ. Всталъ-таки я и постлалъ ему ощупью постель.

— Ну, ну,—говорю,—успокойся, не плачь! Раздѣвайся и спи.

— Не...не...мо...гу...—едва пролепеталъ онъ.

— Почему?

— По...тому, что я... очень... озябъ.

Господи! Я къ нему, а онъ точно одеревенѣлъ отъ холоду—ни рукою, ни ногою двинуть не можетъ. Какимъ чудомъ добрался онъ до камеры—не понимаю. Всталъ и панъ—сняли мы съ него лохмотья, раздѣли до гола, растерли хорошо, завернули его въ простыню и одѣяло и уложили на кровать.

Такъ, четверть часа спустя, слышу вздыхаетъ, движется.

— А что, лучше тебѣ?—спрашиваю.

— Лучше.

— Отошли руки и ноги?

— Еще не совсѣмъ, но уже лучше.

— А ты откуда?

— Изъ Смерекова.

— Тебя, вѣрно, жандармъ привелъ?

— Кто жъ другой! Гналъ меня сегодня отъ самаго ранняго утра почти голаго и босого по морозу. Разовъ десять падалъ я по дорогѣ, не могъ идти. Ударитъ меня ремнемъ и нужно идти. Только въ Збоискахъ въ корчмѣ мы немного отдохнули; жидъ водки далъ мнѣ.

— А какъ же ты называешься?

— Йоська Штеря.

— А! Такъ ты жидъ?

— Ну да! жидъ.

— Чортъ тебя побери! Хоть убей, не узналъ бы я по разговору, что ты жидъ—такъ ты чисто по нашему выговариваешь.

— Что-жъ, панъ, я выросъ въ деревнѣ между мужиками. Я пастухомъ былъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— А за что же тебя сюда въ тюрьму притащили?

— Охъ, панъ, не знаю! Жандармъ говорилъ, что хозяинъ

Digitized by Google

мой обвиняетъ меня въ кражѣ со взломомъ, но я, ей Богу, ничего не крадъ. Только свои бумаги, ей Богу, только свои бумаги.

И опять принялся всхлипывать и ревѣть, какъ дитя.

— Ну, ну, перестань, глупый,—говорю.—Скажешь это все завтра судьѣ, а меня это не касается. Спи теперь.

— Охъ, панъ, жандармъ сказалъ мнѣ, что меня за это повѣсятъ,—вновь затянулъ Йоська.

— Съ ума ты сошелъ, глупецъ?!—крикнулъ я.—Смѣйся надъ этимъ! Гдѣ же ты слышалъ, чтобъ за такія глупости вѣшали?

— А мой хозяинъ говорилъ, что меня запрутъ на десять лѣтъ въ тюрьму.

— Ну, ну, не печалься, — говорю,—Богъ милостивъ, какъ-нибудь да будетъ. Только теперь спи, а завтра днемъ поговоримъ.

Замолкли мы и скоро я заснулъ. Только и моего въ тюрьмѣ, что сплю, точно заяцъ въ капустѣ.

III.

Только на другой день могли мы хорошо разглядѣть новичка. Даже смѣшно мнѣ стало, что я могъ вчера сразу не узнать въ немъ жида. Рыжій, съ пейсами, носъ крючкомъ, какъ у стараго ястреба, фигура согнутая, хотя на свои лѣта не худой и хорошаго роста. Взглянувъ на него, казалось, что на десять шаговъ отъ него чувствуешь запахъ жида. А вчера, когда мы растирали его впотьмахъ и только слова его слышали, этого никакъ нельзя было подозрѣвать.

И онъ тоже началъ съ испугомъ оглядывать камеру, будто перепуганная бѣлка. Вскочилъ, когда мы еще оба съ паномъ лежали, умылся, прибралъ свою кровать, сѣлъ на ней въ уголъ и ни слова, точно заколдованный.

— А что не голоденъ ли ты?—спрашиваю я его.

Молчитъ, только какъ-то еще больше скорчился.

— Ѣлъ ли ты что вчера?—спрашиваетъ его панъ.

— Да... вчера... передъ тѣмъ, какъ жандармъ увелъ меня, жена старшины дала мнѣ немного борщу и кусокъ хлѣба.

— Ага, теперь мы уже знаемъ!—усмѣхнулся панъ. И далъ ему позавтракать хорошій кусокъ хлѣба и вчерашнюю котлету. Задрожалъ даже, бѣдняга. Хотѣлъ благодарить, но только слезы въ глазахъ его показались.

И смотрите, еще одна неожиданность въ этомъ мальчикѣ.

Digitized by Google

Видъ его весь, насквозь, жидовскій до противности; а въ натурѣ, видимо, не было ничего, ни крошечки жидовскаго. Тихій, послушный, безъ малѣйшей тѣни того жидовскаго самохвальства, болтать не любитель, но если скажешь ему, бывало, что-нибудь сдѣлать, онъ срывался, какъ искра. Было что-то такое естественное, мужицкое во всей его фигурѣ. Когда онъ не имѣлъ работы—а какая работа у насъ въ камерѣ!—любилъ сидѣть въ углу молчкомъ, скорченный, обнявши руками колѣна и опершись бородою о нихъ; только глаза, бывало, блестятъ у него, какъ у любопытной мышки.

— Ну-ка, скажи намъ, что ты за страшный грабежъ учинилъ, что жандармъ даже грозилъ тебѣ за него висѣлицей?—спросилъ его однажды панъ, когда уже было видно, что мальчикъ немного поуспокоился и освоился.

— Ой, панъ!—сказалъ Йоська и затрясся всѣмъ тѣломъ:—долго это разсказывать, да мало слушать. Это очень глупая исторія.

— Ну, ну, разсказывай, послушаемъ. Вѣдь мы и такъ ничего мудраго тутъ не дѣлаемъ, можно и глупую исторію послушать.

— Росъ я у Мошки, арендатора въ Смерековѣ, — началъ Йоська.—Сначала я игралъ вмѣстѣ съ его дѣтьми и называлъ Мошку „отцомъ“, а Мошчиху „мамой“. Думалъ я, что они мои родители. Но вскорѣ замѣтилъ, что Мошка покупаетъ для своихъ дѣтей хорошее платье, а Мошчиха даетъ имъ всякую пятницу чистыя рубашечки, тогда какъ я ходилъ грязный, оборванный. Когда мнѣ исполнилось семь лѣтъ, приказали мнѣ присмотрѣть за гусями, чтобы тѣ ничего не портили. Мошчиха не спрашивала, холодъ ли, дождь или жара—гнала меня въ поле и давала мнѣ каждый разъ все меньше и меньше ѣсть. Терпѣлъ я голодъ, плакалъ не одинъ разъ на полѣ, но это ничему не помогало. Деревенскіе мальчики были добрѣе ко мнѣ: давали мнѣ хлѣба, сыра, допускали меня къ своимъ забавамъ. Привыкъ я къ нимъ и позднѣе сталъ я имъ помогать пасти гусей. Былъ я по своему возрасту крѣпкій, ловкій, и деревенскія хозяйки стали сами довѣрять мнѣ гусей, а потомъ телятъ, когда ихъ дѣти должны были ходить въ школу. За это я получалъ отъ нихъ хлѣбъ, теплую пищу, а часто въ праздникъ и нѣсколько крейцеровъ. Мошчиха была очень скупа, то и радовалась, что я дома ѣсть не просилъ. Но когда дѣти Мошки узнали, что я ѣмъ мужицкую пищу, прозвали меня трефнякомъ и стали меня дразнить, а потомъ и сторониться отъ меня. Сначала это мнѣ не

Digitized by Google

вредило, но вскорѣ я почувствовалъ эту непріязнь очень ощутительно.

Мошка нанялъ учителя для своихъ мальчиковъ, чтобы тотъ училъ ихъ читать и писать. Было это зимою и я былъ свободенъ. Но когда я приблизился къ нимъ, чтобы и себѣ поучиться, мальчики стали кричать, толкать и щипать меня и, наконецъ, съ плачемъ заявили матери, что вмѣстѣ съ трефнякомъ учиться не будутъ. Очевидно, сама Мошчиха подговорила ихъ на это, потому что очень ужъ эта вѣдьма ненавидѣла меня, хотя и не знаю, за что. И вотъ, какъ только дѣти подняли крикъ, она прибѣжала и выпихнула меня изъ комнаты, говоря, что наука не для меня, что они сами бѣдны и не имѣютъ откуда нанимать учителей для нищихъ. Заплакалъ я, но что̀ будешь дѣлать! Пойду, бывало, въ деревню, играть съ деревенскими дѣтьми или присматриваюсь, какъ старшіе мастерятъ телѣги, сани или другіе какіе-нибудь снаряды. Часто всею гурьбою бѣгали мы къ кузнецу, кузня котораго стояла въ концѣ деревни, и тамъ цѣлыми часами присматривались къ работѣ. А такъ какъ я былъ сильнѣе всѣхъ, то кузнецъ не разъ заставлялъ меня или мѣхомъ дуть, или молотомъ колотить, или колесо вертѣть. И какой же я былъ тогда счастливый! Какъ горячо хотѣлось мнѣ, коли ужъ наука не для меня, имѣть хоть какое-нибудь ремесло въ рукахъ.

Съ весною я опять возвращался въ поле къ гусямъ и телятамъ, которыхъ Мошка скупалъ по окрестнымъ деревнямъ и, подержавши ихъ немного, возилъ во Львовъ на продажу. Пастбища смерековскія обширны, кое-гдѣ попадаются поросли, поэтому и немного было мнѣ бѣготни. Сяду себѣ, бывало, гдѣ-нибудь на холмикѣ, наточу ножикъ и начинаю стругать, выдалбливать, клеить разныя вещи изъ дерева, сначала маленькія лѣснички, плуга и бороны, послѣ клѣтки, мельнички. Черезъ годъ я уже былъ такимъ мастеромъ, что всѣ деревенскіе мальчики никуда не годились передо мною. Началъ я фабриковать трещотки и скрипучія пугала, чтобъ отгонять воробьевъ отъ пшеницы, проса и конопель, и продавалъ пару такихъ пугалъ за 10 крейцеровъ. Заработалъ я скоро настолько, что могъ купить себѣ кое-какіе столярные инструменты — долото, буравчикъ и т. д. Брался я, чѣмъ дальше, все за большія вещи, потому что имѣлъ къ этому большую охоту. Что ни увижу, все хочется сейчасъ самому сдѣлать. Зимою просиживалъ я цѣлыми днями то у столяра, то у кузнеца, помогая имъ и пріучаясь къ ихъ работѣ. Исполнилось мнѣ уже шестнадцать лѣтъ, а у Мошки и въ мысли не было что-либо сдѣлать со мною — вывелъ меня въ пастухи, а дальше

Digitized by Google

ему все равно. Не знаю даже, кто былъ мой отецъ, откуда я родомъ. Въ деревнѣ знали только, что Мошка привезъ меня откуда-то маленькимъ; былъ даже слухъ, что я сынъ какого-то Мошкина родственника, не оставившаго послѣ своей смерти никого, кромѣ меня одного и за мной порядочное имущество, которое, будто бы, Мошка прибралъ и присвоилъ себѣ.

— Жалко тебя, Йоська,—говорили не разъ парни:—такой ты ловкій и ремесло любишь, а что изъ тебя выйдетъ?

— Что же выйдетъ, отвѣчаю, бывало, я.—Выйдетъ общественный пастухъ.

— Охъ, нѣтъ совѣсти у Мошки, что до такой степени не заботится о тебѣ.

— Увѣряетъ, что бѣденъ, что не имѣетъ изъ чего,—говорю я.

— Не вѣрь ты этому старому цыгану: имѣетъ онъ деньги и порядочныя, только для своихъ выродковъ прячетъ. А тебя не научилъ даже Богу молиться.

Подымалась буря во мнѣ отъ такихъ словъ и сталъ я самъ о себѣ думать.

„И правда-таки,—думалъ я себѣ,—до чего я тутъ досижусь? работать даромъ на Мошку у меня всегда найдется время. Хоть бы ремеслу какому-нибудь хорошо научиться; имѣлъ бы по крайней мѣрѣ кусокъ хлѣба въ рукахъ. Но какъ тутъ добиться этого? Какъ освободиться отъ Мошки? Къ кому въ свѣтѣ обратиться, особенно когда не знаю, откуда я родомъ, кто былъ мой отецъ и есть ли даже у меня гдѣ-нибудь родные“.

Корчма наша стояла у дороги. Въ нее часто заходили жандармы, нерѣдко ведя скованныхъ арестантовъ во Львовъ или Жовкву. Сначала я страшно боялся этихъ здоровенныхъ, грозныхъ мужиковъ, одѣтыхъ въ темную одежу, съ ружьями на плечахъ, въ шапкахъ съ пучкомъ блестящихъ пѣтушьихъ перьевъ. Съ тревогою и дрожью, скорчившись у печки, слушалъ я, какъ они разговаривали съ Мошкой или деревенскими хозяевами. Разсказывали они обыкновенно страшныя вещи, о пожарахъ, о ворахъ, о бродягахъ и въ разсказахъ этихъ очень часто слышалъ я слово: бумаги. „Если нѣтъ у него бумагъ, немедленно задержать его“! „Ага, смотрю, а его бумаги не въ порядкѣ“. „Если бы у него была хоть одна бумага, какъ слѣдуетъ, я бы пустилъ его“! Да что же это за бумаги, думалъ я частенько, которыя имѣютъ такую силу, что одна бумага можетъ защитить прохожаго человѣка отъ жандарма съ ружьемъ и съ пѣтушьими перьями? Но на этотъ вопросъ не могъ я найти отвѣта и мысль объ этихъ бумагахъ еще тѣмъ пуще пугала меня. И какъ же я могу уйти

Digitized by Google

куда-нибудь отсюда, не имѣя бумагъ? Меня сейчасъ же, на первомъ шагу, жандармъ поймаетъ и поведетъ, Богъ знаетъ, на какія муки. При такой мысли дрожалъ я всѣмъ тѣломъ. Чѣмъ чаще думалъ я о своемъ освобожденіи отъ Мошки, тѣмъ чаще эти бумаги стояли у меня передъ глазами. Даже снились мнѣ бумаги, старыя, пожелтѣвшія, съ огромными печатями глядѣли на меня съ грознымъ, наморщеннымъ лицомъ, или смѣялись надо мною отвратительнымъ, беззубымъ ртомъ. Былъ я тогда очень несчастный! Всѣ люди, которыхъ я объ этомъ спрашивалъ, подтверждали, что безъ бумагъ и въ дорогу пуститься нельзя и что безъ нихъ никто меня въ ученье къ себѣ не приметъ. Но откуда же мнѣ взять эти бумаги? Кузнецъ совѣтовалъ мнѣ спросить о нихъ у Мошки, онъ долженъ же былъ получить какія-нибудь бумаги послѣ моего отца.

Ну ужъ спрашивать Мошку! Если бы то мнѣ такъ легко было къ Мошкѣ приступиться! Раньше, когда я былъ малъ, былъ онъ добрѣе ко мнѣ; когда же я сталъ подростать, онъ сдалъ меня на руки своей женѣ-вѣдьмѣ и почти никогда ни о чемъ не говорилъ со мною. Казалось мнѣ даже, что онъ избѣгалъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ люди намекнули мнѣ, что онъ, вѣроятно, взялъ деньги по смерти моего отца, сталъ я внимательнѣе наблюдать за нимъ; я замѣтилъ, что это наблюденіе безпокоитъ его. Крутился онъ что-то ужъ больно безпокойно, когда мы иногда случайно оставались вдвоемъ, будто что-то грызло его. А что, думалъ я себѣ, когда бы такъ какъ-нибудь, когда жены не будетъ дома, припереть бы его неожиданно, авось можно будетъ узнать отъ него хоть что-нибудь. Вотъ и рѣшился я при удобномъ случаѣ такъ и сдѣлать.

Случай такой вскорѣ представился. Мошчиха поѣхала въ Жовкву; въ корчмѣ не было никого, только одинъ Мошка, я и подошелъ къ нему и говорю.

— Ребъ Мойше, люди говорятъ, что ты получилъ какія-то бумаги по смерти отца моего.

Бросился Мошка, точно оса его укусила.

— А ты откуда это знаешь?

— Да люди говорятъ.

— Какіе люди?

— Да всѣ, во всемъ селѣ.

— Неужели? А тебѣ зачѣмъ эти бумаги? Ты же и читать не умѣешь.

— Да. А все-таки я хотѣлъ бы знать. Значитъ, ты ихъ имѣешь?

Digitized by Google

— Имѣю, имѣю эти чортовы бумаги,—крикнулъ Мошка съ раздраженіемъ, точно я не вѣсть что непріятное сказалъ.—Дьяволъ былъ твой отецъ, промоталъ состояніе, а тебя мнѣ на горе оставилъ. Какой мнѣ съ тебя прокъ!

— Знаешь что, ребъ Мойше,—говорю,—отдай мнѣ эти бумаги. Я себѣ уйду, коли я тебѣ не нуженъ.

— Что?—взвизгнулъ Мошка:—ты бы хотѣлъ уйти? Да куда же ты, дурень, пойдешь?

— Я хотѣлъ бы поступить гдѣ-нибудь въ ученье—ремеслу учиться.

Мошка засмѣялся во все горло.

— Иди, иди, капустная голова! Думаешь, что кто-нибудь тебя приметъ. За ученье нужно платить, а кромѣ того нужно умѣть читать и писать, и то не по-жидовски, а по-гоевски.

Стоялъ я, точно остолбенѣлъ. Наконецъ нашелъ таки въ себѣ силы проговорить:

— Да хоть покажи ты мнѣ эти бумаги, пусть хоть увижу ихъ!

— Тьфу! — крикнулъ Мошка: — прицѣпился ко мнѣ, точно репяхъ къ кожуху! Ну, иди, покажу уже тебѣ твои богатства! Еще счастье твое, что до сихъ поръ не сжегъ ихъ!

Это послѣднее слово точно рѣзнуло меня по сердцу. А что, еслибы Мошка и вправду сжегъ мои бумаги! Былъ бы я одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ, точно листъ, оторванный отъ дерева. И самъ бы не зналъ своего рода, и никто другой не зналъ бы, откуда я взялся. Не могъ бы никуда уйти съ мѣста, былъ бы на вѣки прикованъ къ Мошкиной скамейкѣ, былъ бы до смерти невольникомъ. Дрожь меня проняла при этой мысли, какіе-то обомлѣвающіе лучи завертѣлись передъ глазами. Съ большимъ усиліемъ превозмогъ я себя и спокойно пошелъ за Мошкой къ амбару.

Амбаръ былъ деревянный, пристроенный къ корчмѣ сзади, а входъ изъ сѣней. Въ немъ было только одно маленькое оконце, съ желѣзными на-крестъ вбитыми перекладинами. Здѣсь Мошка складывалъ вещи, которыя бралъ у мужиковъ въ залогъ, и все, что имѣлъ болѣе цѣннаго. Тамъ было полно кожуховъ, барашковыхъ шапокъ, сапогъ; въ сундукѣ лежали кораллы; говорили даже, что на днѣ были старинные дукаты и талеры.

Воры нѣсколько разъ добирались до этого амбара, но никакъ не могли пробить его, потому что былъ онъ хорошо построенъ, да и собакъ Мошка держалъ чуткихъ. Двери въ амбаръ были низкія и узкія. Мошка долженъ былъ согнуться, чтобъ влѣзть внутрь. За нимъ и я пролѣзъ.

Digitized by Google

— А ты зачѣмъ здѣсь?—огрызнулся онъ на меня.

— Какъ же зачѣмъ—ты же велѣлъ мнѣ идти.

— Но не сюда! Подожди въ сѣняхъ.

— Все ужъ равно, говорю, подожду и здѣсь. Вѣдь не съѣмъ же я тебѣ ничего.

Мошка вытаращилъ глаза и посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто въ первый разъ въ жизни меня видѣлъ. Не знаю, что̀ ему не понравилось во мнѣ, только онъ плюнулъ и отвернулся. Потомъ взлѣзъ на сундукъ, протянулъ руку къ полкѣ, прибитой подъ самый потолокъ и досталъ оттуда свертокъ пожелтѣлыхъ бумагъ.

— Вотъ твои шпаргалы! — проворчалъ онъ, показывая ихъ мнѣ издалека.

— Дай, посмотрю на нихъ! говорю и протягиваю руку.

— Ну, что̀ увидишь въ нихъ, дурень,—отвѣтилъ Мошка,—и зачѣмъ онѣ тебѣ? Сиди у меня, пока тебѣ здѣсь хорошо, и не ищи бѣды!

И положилъ бумаги опять на полку.

— Идемъ отсюда,—говоритъ,—теперь можешь успокоиться. А тому, что̀ тебѣ люди говорятъ,—знаю, что у людей языки длинные,—то ты не вѣрь. Все это ложь!

— Что̀ ложь?—спрашиваю я.

— Эхъ! съ тобою говорить все равно, что объ стѣну горохъ бросать,—пробурчалъ Мошка и почти вытолкалъ меня изъ амбара. Потомъ заперъ амбаръ на ключъ, засунулъ засовомъ и пошелъ въ корчму.

IV.

Йоська умолкъ на минуту. Панъ Журковскій, слушавшій внимательно его разсказъ, усмѣхнулся и говоритъ:

— Вотъ ты говорилъ, что исторія будетъ глупая, а ты ее разсказалъ точно по книжкѣ прочелъ.

— Охъ, панъ,—отвѣтилъ Йоська:—что̀ было до сихъ поръ, это еще не глупая исторія. А теперь ужъ начнется настоящая глупость. А что разсказываю гладко, то не удивляйтесь. Научился я сказки разсказывать въ селѣ. Память имѣю хорошую, и какъ только разъ услышу какую-нибудь сказку, то потомъ разскажу ее еще лучше и любопытнѣе, чѣмъ тотъ, отъ кого я ее слышалъ. Прошлою зимою въ селѣ за эти сказки полюбили меня такъ, что ни одной вечерницы безъ меня не обошлось.

— Какъ вижу, ты мастеръ на всѣ руки,—сказалъ панъ.

Digitized by Google

— Охъ, панъ! — отвѣтилъ со вздохомъ Йоська: — не знаю, что̀ это значитъ, но мнѣ кажется, что именно въ этомъ и несчастье мое. Когда чувствую, что могу чему-либо научиться, что-либо сдѣлать, то такъ меня внутри печетъ, такъ тѣснитъ, мучитъ, что не имѣю минуты покоя до тѣхъ поръ, пока не научусь, не узнаю, не сдѣлаю. И вотъ же ничто другое, какъ это, и довело меня до острога.

— Ну, ну, разсказывай!

Но не могъ на этотъ разъ Йоська окончить своего разсказа, потому что именно въ ту минуту отворились двери нашей камеры и Йоську потребовали къ допросу.

— Это необыкновенный мальчикъ! — пробормоталъ панъ и началъ задумавшись ходить по камерѣ.

— А мнѣ кажется, что онъ больше вретъ,—говорю я. — Научился сказки мужикамъ сказывать, такъ и намъ сказку разсказываетъ.

— Думаешь—это такъ?

— Ну, и что̀ же—развѣ это не можетъ быть?

— Вѣрно, что быть можетъ, но лицо его говоритъ въ его пользу. Впрочемъ, мы еще будемъ имѣть время узнать истину.

На допросѣ сидѣлъ Йоська недолго, не болѣе получаса. Возвратился гораздо болѣе веселый и спокойный, чѣмъ пошелъ.

— Ну, что же,—спрашиваю его:—не съѣлъ тебя судья?

— Да что, судья добрый человѣкъ,—сказалъ Йоська.—Правду сказать, очень я его сперва боялся. Въ деревнѣ говорили мнѣ, что здѣсь бьютъ, чтобъ заставить признаваться, что подошвы пекутъ раскаленнымъ желѣзомъ.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся я.—Теперь знаю, почему ты такъ вертѣлся ночами, да кричалъ, да охалъ. Тебѣ вѣрно снилось, что тебѣ подошвы поджариваютъ.

— Ой, прошу не смѣяться! Мнѣ подумать страшно о тѣхъ снахъ, столько я въ нихъ натерпѣлся. И все напрасно. Судья такой добрый, говорилъ со мною по-человѣчески, не кричалъ, не плевался, не билъ меня такъ, какъ жандармъ.

— А развѣ тебя жандармъ билъ? — спросилъ панъ Журковскій.

— Ахъ, панъ, я думалъ, что душу изъ меня выбьетъ. Посмотрите только на мои плечи.

И Йоська снялъ рубаху. Мы просто ахнули. Всѣ плечи мальчика были покрыты синяками и пятнами запекшейся крови.

— О чемъ же тебя судья спрашивалъ?—проговорилъ первый Журковскій.

Digitized by Google

— Да о томъ же злополучномъ грабежѣ, какъ это было.

— Ну, и что же?

— Да что! Разсказалъ я ему все, какъ было, да и только. Записалъ въ протоколъ и велѣлъ меня увести.

— Такъ теперь разскажи и намъ, какъ это было.

— Да какъ было! Знаете жизнь мою у Мошки. Не хотѣлъ я долѣе у него оставаться, а кромѣ того еще боялся, что пожалуй, какъ еще разъ напомню ему о бумагахъ, то онъ возьметъ и сожжетъ ихъ. Вотъ я и надумалъ украсть ихъ. Мнѣ было легче добраться до амбара, чѣмъ постороннему вору: и собаки меня знаютъ, и я самъ знаю всѣ выходы и входы и всѣ обычаи въ домѣ. Сначала я хотѣлъ выкрасть у Мошки ключи, но онъ, видно, почуялъ что-то и носилъ ихъ всегда при себѣ или пряталъ гдѣ-то такъ, что я не могъ найти. А меня горячка взяла, разъ въ моей головѣ на томъ стало, чтобъ добыть свои бумаги. Тутъ ужъ ни о чемъ другомъ не думалось, только объ этомъ. Одинъ разъ ночью, когда всѣ спали, быстро пропилилъ я доску у одного столба амбара,—онъ былъ построенъ на столбахъ,—приподнялъ ее долотомъ, влѣзъ въ амбаръ, взялъ свои бумаги и потомъ опять засунулъ доску на свое мѣсто. Вотъ и все!

— Мало!—пробормоталъ панъ.

— А какъ только бумаги оказались въ моихъ рукахъ, то не пересмотрѣвъ ихъ, даже не развязавъ шнурка, которымъ онѣ были связаны, я завернулъ ихъ въ тряпку, спряталъ за пазуху и покинулъ Мошкову корчму. Куда теперь идти? — подумалъ я себѣ.—А страхъ меня еще не совсѣмъ оставилъ. Ну, что если Мошка обманулъ меня, показавъ мнѣ какія-нибудь другія бумаги, вмѣсто моихъ. Ну, что, если я въ потьмахъ взялъ какой-нибудь другой свертокъ? Нужно было непремѣнно съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, что дѣлать въ такомъ случаѣ. И вотъ, переночевавши въ первомъ попавшемся стогѣ сѣна, на другой день пошелъ я къ знакомому кузнецу и разсказалъ ему все. Онъ первый обдалъ меня холодной водой.

— Скверное дѣло сдѣлалъ, парень,—говоритъ:—иди сейчасъ же къ старшинѣ, разскажи ему все и оставь у него бумаги.

Упало у меня сердце отъ этихъ словъ. Но что дѣлать? Вижу, что совѣтъ разумный, и пошелъ. Прихожу къ старшинѣ и вижу черезъ окно, что возлѣ стола на скамьѣ сидитъ жандармъ. Сразу же будто кто шепнулъ мнѣ, что это—смерть моя. Оцѣпенѣлъ я и не могъ шагу ступить. Блеснула мнѣ въ го-

Digitized by Google

ловѣ мысль—бѣжать. Но было уже поздно. Старшина увидѣлъ меня, и крикнулъ радостно:

— Вотъ и онъ самъ! О волкѣ рѣчь, а онъ на встрѣчь! Ну, иди же, иди поближе!

Вижу, что все вышло наружу, что меня ищутъ. Такъ ужъ, собравши всю свою храбрость, вхожу въ комнату.

— Какъ твое имя? — спрашиваетъ меня жандармъ.

— Йоська Штеря.

— Откуда родомъ?

— Не знаю.

— Ага! значитъ, бродяга.

Окаменѣлъ я на мѣстѣ. Не разъ слышалъ я это ужасное слово, слышалъ много страшныхъ исторій о томъ, что̀ выдѣлываютъ жандармы съ бродягами, и всегда болѣе всего этого боялся. А тутъ вотъ тебѣ и на̀ — съ первой минуты и самъ въ такое же попался.

— Но я здѣшній, — простоналъ я. — Господинъ старшина меня знаютъ.

— Я? Тебя? — говоритъ старшина. — Лжешь, милый мой! Знаю я тебя съ виду, знаю, что ты называешься Йоська, и что служишь у Мошки арендатора; но кто ты такой и откуда взялся, того не знаю.

— Ага, значитъ, лжетъ въ самые глаза, — крикнулъ жандармъ, и что-то записалъ себѣ въ книжечку.—Иди сюда!—сказалъ онъ мнѣ затѣмъ. — Ближе! Смотри мнѣ въ глаза!

И въ тотъ моментъ, какъ я поднялъ на него глаза, онъ такъ ударилъ меня кулакомъ въ лицо, что я сразу упалъ на землю, облитый кровью.

— Вставай сейчасъ!—крикнулъ на меня жандармъ — и не смѣй мнѣ кричать, а то еще больше получишь. Теперь же отвѣчай правду, о чемъ я буду спрашивать тебя! Ты служишь у Мошки?

— Да!

— Ты обокралъ его?

— Нѣтъ!

— Какъ это нѣтъ?

Снова посмотрѣлъ я на жандарма, стирая рукавомъ кровь съ лица, и снова страшный ударъ свалилъ меня на землю.

— Господинъ жандармъ, — сказалъ старшина, пока я силился подняться:—я, какъ начальникъ волости, не могу смотрѣть на подобное обхожденіе съ арестантомъ. Мнѣ обязательно присутствовать только при писаніи протокола, а то, что̀ происхо-

Digitized by Google

дить передъ протоколомъ, ко мнѣ не касается. Если хотите учить его, что̀ ему говорить, то изберите себѣ иное мѣсто. У меня этого нельзя.

Жандармъ прикусилъ губу, а затѣмъ, не сказавъ ни слова, всталъ со скамьи, вынулъ изъ своего мѣшка ремни, связалъ меня и повелъ въ корчму къ Мошкѣ. Что̀ тамъ со мною дѣлали, какъ учили меня отвѣчать, того уже не буду разсказывать. Обомлѣвалъ я нѣсколько разъ во время этой науки. Ну, да и не напрасна была ихъ злость. Надѣлалъ я имъ большихъ хлопотъ. Мошка сперва сказалъ жандарму, что я укралъ у него большія деньги, которыя были завернуты въ бумагу. Воображалъ, что какъ только жандармъ поймаетъ меня и приведетъ въ корчму, онъ сможетъ отнять у меня бумаги и сжечь ихъ, и я на вѣки останусь его рабомъ. Какъ только я вошелъ въ корчму, первый вопросъ былъ:

— Гдѣ деньги?

— Не знаю. Никакихъ денегъ я не бралъ.

— А гдѣ бумаги?

— Я спряталъ.

— Гдѣ спряталъ?

— Не скажу.

Стали меня склонять къ признанію прежде всего битьемъ, потомъ добрымъ словомъ, а я только одно твержу: „Бумаги я взялъ потому, что онѣ мои. Даже не заглянулъ, что̀ въ нихъ есть. Спряталъ ихъ и покажу ихъ только старшинѣ“.

Мошка чуть не сбѣсился. Со злости онъ велѣлъ содрать съ меня сапоги, одежу, которую я имѣлъ на себѣ, и одѣть меня въ эти лохмотья. Наконецъ, избитаго, почти голаго, повели меня къ старшинѣ. Но я не дуракъ. Только тогда, когда я увидѣлъ, что въ хатѣ набралось много свидѣтелей, вышелъ я въ сѣни,—а сѣни у старосты темныя, обширныя,—и вытянулъ бумаги оттуда, куда я ихъ сунулъ, когда шелъ къ старшинѣ и, замѣтя тамъ жандарма, боялся, чтобъ не отобрали ихъ у меня.

Какъ только Мошка увидѣлъ свертокъ въ рукахъ жандарма, кинулся къ нему, какъ воронъ, съ крикомъ, что это его деньги, чтобы ихъ ему отдали.

— Ого-го, панъ Мошка,—отвѣтилъ старшина,—такъ не годится. Все это мы должны представить въ судъ. Напишемъ здѣсь протоколъ, и какъ только парень признается, что этотъ свертокъ онъ укралъ у васъ, тогда уже дѣло суду знать, какъ поступать съ этимъ дальше. Запечатаемъ все, какъ есть, волостной печатью, и господинъ жандармъ доставитъ это вмѣстѣ съ

Digitized by Google

арестантомъ во Львовъ. А вы уже въ судѣ будете искать себѣ правды.

Мой Мошка такъ скривился на это, точно кварту своей очищенной выпилъ. Но никто на это не обратилъ вниманія. Жандармъ засѣлъ писать протоколъ. Когда все было записано, старостиха дала мнѣ немного поѣсть, жандармъ связалъ меня опять, и мы тронулись въ путь ко Львову. Думалъ я, что погибну отъ боли и морозу на этомъ пути, и до сихъ поръ не знаю, какъ я выдержалъ. Охъ, панъ, какъ же вы теперь думаете, что̀ со мною будетъ?

— Ничего не будетъ, — отвѣтилъ панъ Журковскій.

— Посидишь немного и выйдешь на волю. А кто знаетъ— не послужитъ ли еще вся эта исторія тебѣ же на пользу.

— А это же какъ?

— Ну, тамъ увидимъ. Никогда человѣкъ не знаетъ напередъ, что̀ его ожидаетъ.

V.

Что-то дня черезъ два или три, зовутъ Йоську не въ судъ, а къ доктору. Что̀ бы это значило? думаю я себѣ. Онъ же не заявлялъ себя больнымъ.

— Онъ не заявлялъ, — говоритъ мнѣ Журковскій, — даже еслибы и заявлялъ, то ему это ни къ чему не послужило бы. Но я заявилъ о немъ. Былъ я въ воскресенье у предсѣдателя и просилъ, чтобъ онъ далъ приказъ освидѣтельствовать его. Вѣдь тутъ просто вопіющія дѣла дѣлаются. Такъ дальше это продолжаться не можетъ.

И дѣйствительно, докторъ велѣлъ Йоськѣ раздѣться, и записалъ все въ протоколъ. Вышло ли что̀ изъ этого—не знаю. Въ нашихъ судахъ такія дѣла слишкомъ медленно идутъ, и не всякому дано счастье дождаться ихъ исполненія.

Тѣмъ временемъ Журковскій разъ какъ-то говоритъ Йоськѣ:

— Слушай, малый, хочешь ли я научу тебя читать?

Йоська вытаращилъ глаза на пана.

— Ну, что̀ такъ смотришь? Лишь бы имѣлъ охоту, въ нѣсколько дней будешь читать. А если увижу, что дѣйствительно не лжешь, и память у тебя хорошая, то я устрою такъ, что тебя примутъ въ ремесленную школу; тогда ужъ научишься ремеслу, какому захочешь.

На другой день принесли пану букварь, и онъ началъ учить Йоську читать. За два дня жиденокъ умѣлъ уже узнавать и

Digitized by Google

складывать буквы, а за недѣлю читалъ уже короткія фразы почти плавно. Ухватился онъ за это, какъ говорятъ, точно жидъ за коломійку. Читалъ бы и день и ночь, только что ночью мы освѣщенія не имѣли. Едва-едва для ѣды могъ онъ на минуту оторваться.

А когда смеркалось и читать уже не было возможности, Йоська садился въ уголъ на своемъ сѣнникѣ, обнималъ руками колѣна, и такъ сидя, скорчившись, начиналъ разсказывать сказки. Плелъ онъ ихъ безъ конца, и хоть видно было, что повторялъ все одни и тѣ же чудеса и приключенія, но всегда умѣлъ иначе расположить ихъ и на различный ладъ разсказать. А иной разъ прямо видно было, что онъ въ сказкѣ развивалъ передъ вами свои собственныя мечты. Разсказывалъ онъ о бѣдномъ мальчикѣ, который какъ разъ во время своего самаго страшнаго бѣдствія встрѣчаетъ добраго чародѣя, который передаетъ ему чудодѣйственныя слова и заклятія, и онъ идетъ въ свѣтъ добывать себѣ счастья и помогать другимъ. Потрясающими и въ то же время простыми словами рисовалъ онъ свое терпѣніе, приключенія, встрѣчи съ жандармами, неволю у арендатора, нерѣдко забавно смѣшивая то, что̀ говорится въ сказкахъ, съ тѣмъ, что̀ самъ дѣйствительно испыталъ.

Никогда еще не видѣлъ я парня, который бы такъ горячо брался за книжку, какъ Йоська. Видно было, что въ эти нѣсколько недѣль онъ хотѣлъ наверстать то, что̀ не давалось ему въ теченіе многихъ лѣтъ. Больше всего мучился онъ тѣмъ, что осенніе дни такъ коротки, а въ камерѣ такъ скоро совсѣмъ темнѣло. Единственное наше оконце, обращенное на западъ и поставленное почти подъ самымъ потолкомъ, только въ полдень, и то скупо, пропускало свѣтъ; въ четыре часа уже читать было невозможно. А Йоська радъ бы былъ день вдвое увеличить.

Наконецъ, однажды онъ, радостный, вскрикнулъ:

— Придумалъ! Буду читать при окнѣ: тамъ разсвѣтаетъ скорѣе и дольше свѣтло, нежели въ камерѣ.

— Неудобно будетъ тебѣ читать, стоя на карнизѣ,—говорю ему,—и притомъ для тебя это слишкомъ высоко.

— Сидѣть буду такъ, какъ мнѣ понравится!—говоритъ.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Привяжу простыню двумя концами къ желѣзнымъ перекладинамъ, въ середину положу свитое въ трубку одѣяло и сяду на него, какъ на сѣдло.

И правда, выдумка была практична: съ тѣхъ поръ всѣ въ тюрьмѣ такъ дѣлаютъ. Нѣсколько дней Йоська былъ совершенно

Digitized by Google

увлеченъ окномъ. Вставши въ шесть часовъ, онъ устраивалъ сидѣнье, взбирался на него и гнулся надъ книжкой, притискивая свой лобъ къ желѣзной перекладинѣ, лишь бы только какъ можно больше захватить этого свѣта. Мы съ паномъ по очереди стерегли возлѣ дверей приходъ смотрителя въ камеру и вò-время предупреждали Йоську, чтобъ онъ слѣзалъ и свое сидѣнье снималъ, потому что сидѣть у окна арестантамъ строго воспрещено. Такъ удавалось намъ всегда счастливо отдѣлаться, а можетъ быть, и смотритель не такъ уже строго оглядывалъ нашу камеру, имѣя какое-то почтеніе къ пану Журковскому.

Но на горе бѣда пришла съ другой стороны.

Кромѣ стражи въ корридорѣ, есть еще одна: подъ окнами тюрьмы ходитъ часовой—солдатъ съ ружьемъ. Имѣетъ онъ строгій приказъ наблюдать за тѣмъ, чтобъ арестанты въ окна не смотрѣли и особенно не разговаривали между собою черезъ окна. Военный законъ повелѣваетъ имъ, въ случаѣ сопротивленія, даже употреблять въ дѣло оружіе. Правда, до тѣхъ поръ такого случая еще не бывало. Нужно было чего-нибудь ужъ очень необыкновеннаго, чтобы часовой сошелъ съ своего мѣста и доложилъ коменданту, что изъ того или другого окна говорили или смотрѣли. Старшіе солдаты такъ тѣ уже привыкли понимать, что иное дѣло предписаніе, а иное исполненіе, и обыкновенно не очень строго держались предписаній. Многіе изъ нихъ преспокойно позволяли всякіе разговоры, какъ говорятъ, были глухи; иной, бывало, вѣжливо останавливалъ и просилъ арестантовъ дать ему покой. Но хуже всего было, когда часовымъ случалось быть рекруту, который боится капрала пуще огня. Такой принимаетъ всякій приказъ дословно. Какъ сказали ему: „строго наблюдать“, такъ онъ понималъ, что всякаго арестанта, который покажетъ голову въ окнѣ, нужно сгонять ругательствами, заявленіемъ капралу и даже выстрѣломъ изъ ружья. Такимъ солдатамъ арестанты мстили тѣмъ, что во время его караула, особенно вечеромъ, учиняли такіе визги и крики у оконъ, что бѣдный рекрутъ часто, бывало, просто бѣсился и на всякій выкрикъ съ окна считалъ своей священной обязанностью отвѣтить по меньшей мѣрѣ такимъ же громкимъ и злобнымъ крикомъ. Но такъ какъ арестантовъ количество порядочное, а онъ одинъ, то по прошествіи нѣсколькихъ минутъ адскаго гвалта обыкновенно онъ принужденъ былъ замолчать и, не зная, что дѣлать, хватался за ружье. Разумѣется, окна противъ него пустѣли, а крикъ поднимался съ другого конца длиннаго арестантскаго зданія, и

Digitized by Google

часовой, какъ травленный звѣрь, бѣжалъ туда и опять грозилъ ружьемъ, очевидно съ тѣмъ же успѣхомъ.

Такіе крики бывали обыкновенно вечеромъ, но иногда и днемъ. Вотъ же, на несчастье, однажды отъ третьяго до пятаго часа дня стоялъ на часахъ именно такой злополучный рекрутъ. Сразу же онъ выругалъ какого-то арестанта, который смотрѣлъ въ окно. Данъ былъ знакъ, чтобъ устроить солдату „кошачью музыку". Съ разныхъ концовъ арестантскаго зданія, съ разныхъ высотъ, со всѣхъ оконъ заразъ послышались крики, визги, свистъ и пронзительныя мяуканья. Рекрутъ кричалъ также, бѣгалъ подъ всѣ окна, но нигдѣ не могъ замѣтить никого. Доведенный до ярости, онъ наконецъ умолкъ и остановился, чтобъ перевести духъ. Нѣсколько минутъ спустя, и „кошачья музыка" умолкла. Казалось, покой насталъ полный. Въ камерѣ уже стемнѣло, и Йоська устроилъ свое сидѣнье и съ книжкой въ рукахъ такъ и припалъ къ окну. Но едва прочиталъ онъ себѣ нѣсколько словъ, какъ часовой увидѣлъ его, опрометью бросился къ нашему окну и сталъ напротивъ.

— Маршъ, воръ, съ окна!—крикнулъ онъ Йоськѣ.

Йоська сразу даже не услыхалъ крику, такъ живо былъ занятъ исторіей о цаплѣ и рыбѣ, которую читалъ.

— Маршъ съ окна!—еще громче завопилъ часовой.

— Да что тебѣ отъ меня нужно?—отвѣтилъ Йоська.—Вѣдь я тебѣ не мѣшаю—видишь, что читаю. Въ камерѣ темно, такъ я взлѣзъ немного ближе къ свѣту.

— Иди прочь или стрѣляю!—заревѣлъ часовой и, не дожидая, пока Йоська могъ слѣзть съ своего сидѣнья, уже раздался ружейный выстрѣлъ.

— Ой!—крикнулъ Йоська и какъ снопъ повалился съ сидѣнья на кровать, стоящую подъ окномъ. Ноги его задергало судорожно, а руки, въ которыхъ онъ держалъ книжку, прижались къ груди. Изъ-подъ листовъ книги струилась кровь. Пуля попала прямо въ грудь.

— Что съ тобою? Попало въ тебя? — крикнули мы оба, кинувшись къ Йоськѣ. Но онъ ничего не отвѣчалъ, только черные глаза блестѣли, какъ два раскаленные угля, какъ-то страшно отдѣляясь отъ лица, блѣднаго какъ у мертвеца.

На дворѣ подъ нашимъ окномъ и въ корридорѣ возлѣ нашей двери одновременно поднялся шумъ. Тамъ военная стража выскочила на выстрѣлъ, а тутъ смотритель съ сторожами искалъ камеру, куда попалъ выстрѣлъ.

Digitized by Google

— Ага!—это здѣсь!—крикнули, увидя лежавшаго Йоську.—Что̀, воришка, жиденокъ, досталось тебѣ на орѣхи?

Йоська бросался еще и стоналъ тихо, все больше прижимая книжку къ груди обѣими руками, будто хотѣлъ ею залѣпить смертельную рану.

— Что̀ онъ дѣлалъ?—спросилъ меня смотритель.

— Да... я... только... къ свѣту...

Хотѣлъ что-то еще сказать, но дыханія не хватило. Послѣднимъ усиліемъ оторвалъ онъ руки отъ груди и показалъ смотрителю окровавленный букварь.

— Онъ читалъ у окна,—пояснилъ я смотрителю.

Въ это самое время появился посланный изъ суда съ бумагой, спрашивая смотрителя.

— Господинъ смотритель,—говоритъ онъ изъ корридора,—гдѣ здѣсь сидитъ Йоська Штеря? Вотъ бумага изъ суда—онъ освобожденъ.

А Йоська уже за минуту передъ этимъ былъ освобожденъ.

Digitized by Google

СУДЬБА ПУШКИНА

I.

Есть предметы, о которыхъ можно имѣть невѣрное или недостаточное понятіе—безъ прямого ущерба для жизни. Интересъ истины относительно этихъ предметовъ есть только умственный, научно-теоретическій, хотя сами они могутъ имѣть большое реальное и практическое значеніе. До конца XVIII столѣтія всѣ люди, даже ученые, имѣли невѣрное понятіе о *водѣ*,—ее считали простымъ тѣломъ, однороднымъ элементомъ или стихіей, пока знаменитый Лавуазье не разложилъ ея состава на два элементарные газа: кислородъ и водородъ. То, что̀ сдѣлалъ Лавуазье, имѣло большую теоретическую важность,—недаромъ отъ него ведется начало настоящей научной химіи; и этимъ его открытіе оказывало, конечно, *косвенное* вліяніе и на практическую жизнь со стороны ея матеріальныхъ интересовъ, которымъ хорошая химія можетъ служить болѣе успѣшно, чѣмъ плохая. Но *прямого* воздѣйствія на практическое житейское значеніе собственно *воды* анализъ Лавуазье не могъ имѣть. Чтобы умываться, или поить животныхъ, или вертѣть мельничныя колеса, или даже двигать паровозъ, нужна только сама вода, а не знаніе ея состава или ея химической формулы. Точно также мы пользуемся свѣтомъ и теплотою совершенно независимо отъ нашихъ правильныхъ или неправильныхъ понятій, отъ нашего знанія или незнанія въ области астрономіи и физики. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ для житейскаго употребленія предмета достаточно опытныхъ житейскихъ свѣдѣній о его внѣшнихъ свойствахъ, совершенно независимо отъ точнаго теоретическаго познанія его природы, и самый великій ученый не имѣетъ здѣсь никакого преимущества предъ дикаремъ и невѣждою.

Digitized by Google

Но есть предметы порядка духовнаго, которыхъ жизненное значеніе для насъ прямо опредѣляется, кромѣ ихъ собственныхъ реальныхъ свойствъ, еще и тѣмъ *понятіемъ*, которое мы о нихъ имѣемъ. Одного изъ такихъ предметовъ касается настоящій очеркъ.

Есть нѣчто, называемое *судьбой*—предметъ хотя не матеріальный, но тѣмъ не менѣе вполнѣ дѣйствительный. Я разумѣю пока подъ судьбою тотъ *фактъ*, что ходъ и исходъ нашей жизни зависитъ отъ чего-то кромѣ насъ самихъ, отъ какой-то превозмогающей *необходимости*, которой мы волей-неволей должны подчиниться. Какъ фактъ, это безспорно, *существованіе* судьбы въ этомъ смыслѣ признается всѣми мыслящими людьми, независимо отъ различія взглядовъ и степеней образованія. Слишкомъ очевидно, что власть человѣка, хотя бы самаго упорнаго и энергичнаго, надъ ходомъ и исходомъ его жизни имѣетъ очень тѣсные предѣлы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ легко усмотрѣть, что власть судьбы надъ человѣкомъ при всей своей несокрушимой *извнѣ* силѣ обусловлена, однако, *изнутри* дѣятельнымъ и личнымъ соучастіемъ самого человѣка. Такъ какъ мы обладаемъ внутренними задерживающими дѣятелями, разумомъ и волей, то опредѣляющая наше существованіе сила, которую мы называемъ судьбою, хотя и независима отъ насъ по существу, однако можетъ дѣйствовать въ нашей жизни только черезъ насъ, только подъ условіемъ того или иного отношенія къ ней со стороны нашего сознанія и воли. Въ составѣ той *необходимости*, которою управляются наши жизненныя происшествія, *необходимо* заключается и наше собственное личное отношеніе къ этой необходимости; а это отношеніе въ свою очередь необходимо связано съ тѣмъ, *какъ* мы понимаемъ господствующую въ нашей жизни силу, такъ что *понятіе наше* о судьбѣ есть также одно изъ условій *ея дѣйствія* чрезъ насъ. Вотъ почему имѣть *вѣрное* понятіе о судьбѣ важнѣе для насъ, нежели знать химическій составъ воды или физическіе законы тепла и свѣта.

Столь важное для всѣхъ людей истинное понятіе судьбы издревле дано и всѣмъ доступно. Но при особомъ развитіи если не ума, то умственныхъ *требованій*, какимъ нынѣшнее время отличается отъ прежнихъ эпохъ, самыя вѣрныя понятія никѣмъ не принимаются на вѣру; онѣ должны вывести свою достовѣрность посредствомъ разсужденій изъ данныхъ опыта.

Для полнаго и методическаго оправданія того вѣрнаго понятія о судьбѣ, которое мы находимъ въ универсальной вѣрѣ человѣчества, потребовалась бы цѣлая метафизическая система,

Digitized by Google

подтвержденная сложными историческими и соціологическими изслѣдованіями. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ я хотѣлъ только ослабить нѣкоторыя ложныя ходячія мнѣнія объ этомъ важномъ предметѣ и съ помощью одного яркаго и особенно для насъ, русскихъ, близкаго историческаго примѣра намекнуть на истинный характеръ того, что̀ называется судьбою.

II.

Въ житейскихъ разговорахъ и въ текущей литературѣ слово *судьба* сопровождается обыкновенно эпитетами болѣе или менѣе порицательными: „враждебная“ судьба, „слѣпая“, „безпощадная“, „жестокая“ и т. д. Менѣе рѣзко, но все-таки съ нѣкоторымъ неодобреніемъ говорятъ о „насмѣшкахъ“ и объ „ироніи“ судьбы. Всѣ эти выраженія предполагаютъ, что наша жизнь зависитъ отъ какой-то силы, иногда равнодушной или безразличной, а иногда и прямо непріязненной и злобной. Въ первомъ случаѣ понятіе судьбы сливается съ ходячимъ понятіемъ о *природѣ*, для которой равнодушіе служитъ обычнымъ эпитетомъ:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И *равнодушная* природа
Красою вѣчною сіять.

Когда въ понятіи судьбы подчеркивается это свойство, равнодушіе, то подъ судьбою разумѣется собственно не болѣе, какъ законъ физическаго міра.

Во второмъ случаѣ понятіе судьбы сближается съ понятіемъ демоническаго, адскаго начала въ мірѣ, представляется ли оно въ видѣ злого духа религіозныхъ системъ, или въ видѣ безумной міровой воли, какъ у Шопенгауэра.

Конечно, есть въ дѣйствительности и то, и другое; есть и законъ равнодушной природы, есть и злое, сатаническое начало въ мірозданіи, и намъ приходится имѣть дѣло и съ тѣмъ, и съ другимъ. Но не отъ этихъ силъ мы зависимъ *окончательно*, не онѣ опредѣляютъ общій ходъ нашей жизни и рѣшаютъ ея исходъ,—не онѣ образуютъ нашу судьбу.

Сила, господствующая въ жизни лицъ и управляющая ходомъ событій, конечно, дѣйствуетъ съ равною необходимостью вездѣ и всегда; всѣ мы одинаково подчинены судьбѣ. Но есть люди и событія, на которыхъ дѣйствіе судьбы особенно явно и

Digitized by Google

ощутительно; ихъ прямо и называютъ *роковыми*, или фатальными, и, конечно, на нихъ намъ всего легче разсмотрѣть настоящую сущность этой превозмогающей силы.

Хотя *вообще* мнѣ давно было ясно, что рѣшающая роль въ нашемъ существованіи не принадлежитъ ни „равнодушной природѣ", ни духовной силѣ зла, хотя я былъ твердо убѣжденъ въ истинности *третьяго* взгляда, но примѣнить его къ нѣкоторымъ особымъ роковымъ событіямъ я долго не умѣлъ. Я былъ увѣренъ, что и онѣ непремѣнно какъ-нибудь объясняются съ истинной точки зрѣнія, но я *не видѣлъ* этого объясненія, и не могъ примириться въ душѣ съ непонятными фактами. Въ нихъ ощущалась какая-то смертельная обида, какъ будто прямое дѣйствіе какой-то враждебной, злобной и злорадной силы.

Острѣе всего такое впечатлѣніе производила смерть Пушкина. Я не помню времени, когда бы культъ его поэзіи былъ мнѣ чуждымъ. Не умѣя читать, я уже много зналъ изъ него наизусть, и съ годами этотъ культъ только возрасталъ. Немудрено поэтому, что роковая смерть Пушкина въ расцвѣтѣ его творческихъ силъ казалась мнѣ вопіющею неправдою, нестерпимою обидою, и что дѣйствовавшій здѣсь рокъ не вязался съ представленіемъ о доброй силѣ.

Между тѣмъ, постоянно возвращаясь мыслью къ этому мучительному предмету, останавливаясь на давно извѣстныхъ фактахъ и узнавая новыя подробности, благодаря обнародованнымъ послѣ 1880 и особенно послѣ 1887 года документамъ, я долженъ былъ, наконецъ, прійти къ печальному утѣшенію:

Жизнь его не врагъ отъялъ. —
Онъ *своею* силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва, —

своею силой или, лучше сказать, своимъ *отказомъ* отъ той нравственной силы, которая была ему доступна и пользованіе которою было ему всячески облегчено.

Ни эстетическій культъ Пушкинской поэзіи, ни сердечное восхищеніе лучшими чертами въ образѣ самого поэта не уменьшаются отъ того, что мы признаемъ ту истину, что онъ сообразно своей собственной волѣ окончилъ свое земное поприще. Вѣдь противоположный взглядъ, помимо своей исторической неосновательности, былъ бы унизителенъ для самого Пушкина. Развѣ не унизительно для великаго генія быть пустою игрушкой чуждыхъ внѣшнихъ воздѣйствій, и притомъ идущихъ отъ такихъ

Digitized by Google

людей, для которыхъ у самого этого генія и у его поклонниковъ не находится достаточно презрительныхъ выраженій?

Главная ошибка здѣсь въ томъ, что геній принимается только за какое-то чудо природы и забывается, что дѣло идетъ о геніальномъ *человѣкѣ*. Онъ по природѣ своей выше обыкновенныхъ людей, — это безспорно, — но вѣдь и обыкновенные люди также по природѣ выше многихъ другихъ существъ, напримѣръ животныхъ, и если эта *сравнительная* высота *обязываетъ* всякаго обыкновеннаго человѣка соблюдать свое человѣческое достоинство и тѣмъ оправдывать свое природное преимущество передъ животными, то высшій даръ генія *тѣмъ болѣе* обязываетъ къ охраненію этого высшаго, если хотите, сверхчеловѣческаго, достоинства. Но не настаивая слишкомъ на этой градаціи, которая осложняется обстоятельствами другого рода, во всякомъ случаѣ должно сказать, что геніальный человѣкъ обязанъ по крайней мѣрѣ къ сохраненію извѣстной, хотя бы наименьшей, минимальной степени нравственнаго человѣческаго достоинства, подобно тому, какъ отъ самаго обыкновеннаго человѣка мы требуемъ по крайней мѣрѣ тѣхъ добродѣтелей, къ которымъ способны и животныя, какъ, напримѣръ, родительская любовь, благодарность, вѣрность.

Утверждать, что геніальность совсѣмъ ни къ чему не обязываетъ, что генію все позволено, что онъ можетъ безъ вреда для своего высшаго призванія всю жизнь оставаться въ болотѣ низменныхъ страстей, это—грубое идолопоклонство, фетишизмъ, который ничего не объясняетъ и самъ объясняется лишь духовною немощью своихъ проповѣдниковъ. Нѣтъ! если геній есть благородство по преимуществу, или высшая степень благородства, то онъ по преимуществу и въ высшей степени обязываетъ. Noblesse oblige. Съ точки зрѣнія этой нравственной аксіомы взглянемъ на жизнь и судьбу Пушкина.

III.

Менѣе всего желалъ бы я, чтобы этотъ мой взглядъ былъ понятъ въ смыслѣ прописной морали, обвиняющей поэта за его нравственную распущенность и готовой утверждать, что онъ погибъ въ наказаніе за свои грѣхи противъ „добродѣтели“ въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Сильная чувственность есть матеріалъ генія. Какъ механическое движеніе переходитъ въ теплоту, а теплота — въ свѣтъ, такъ духовная энергія творчества въ своемъ дѣйствительномъ

Digitized by Google

явленіи (въ порядкѣ времени, или процесса) есть *превращеніе* низшихъ энергій чувственной души. И какъ для произведенія *сильнаго* свѣта необходимо сильное развитіе теплоты, такъ и высокая степень духовнаго творчества (по закону здѣшней, земной жизни) предполагаетъ сильное развитіе чувственныхъ страстей. Высшее проявленіе генія требуетъ не всегдашняго безстрастія, а окончательнаго *преодолѣнія* могучей страстности, торжества надъ нею въ рѣшительные моменты.

Естественныя условія для такого торжества были у Пушкина. Съ необузданною чувственной натурой у него соединялся ясный и прямой умъ. Пушкинъ вовсе не былъ мыслителемъ въ области умозрѣнія, какъ не былъ и практическимъ мудрецомъ; но здравымъ пониманіемъ насущныхъ нравственныхъ истинъ, смысломъ правды онъ обладалъ въ высокой степени. Умъ его былъ уравновѣшенный, чуждый всякихъ болѣзненныхъ уклоненій. Среди самой пламенной страсти онъ могъ сохранять ясность и отчетливость сознанія, и если его можно въ чемъ упрекнуть съ этой стороны, то развѣ только въ излишней трезвости и прямолинейности взгляда, въ отсутствіи всякаго практическаго, или житейскаго *идеализма*. Вся высшая идейная энергія исчерпывалась у него поэтическими образами и звуками, *геніальнымъ перерожденіемъ жизни въ поэзію,* а для самой текущей жизни, для житейской практики, оставалась только проза, здравый смыслъ и остроуміе съ веселымъ смѣхомъ.

Такое раздвоеніе между поэзіей, то-есть жизнью, творчески просвѣтленною, и жизнью дѣйствительною или практическою, иногда бываетъ поразительно у Пушкина. Люди, незнакомые прежде съ біографическими подробностями о немъ, нашли, конечно, много неожиданнаго въ новѣйшихъ изданіяхъ его переписки.

Одно изъ лучшихъ и самыхъ популярныхъ стихотвореній нашего поэта говоритъ о женщинѣ, которая въ „чудное мгновеніе“ перваго знакомства поразила его „какъ мимолетное видѣнье, какъ геній чистой красоты“; затѣмъ, время разлуки съ нею было для него томительнымъ рядомъ пустыхъ и темныхъ дней, и лишь съ новымъ свиданіемъ воскресли для души „и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь“. Давно было извѣстно лицо, къ которому относилось это стихотвореніе, и читатель Пушкина имѣлъ прежде полное основаніе представлять себѣ если не эту даму, то во всякомъ случаѣ отношеніе къ ней поэта, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ освѣщеніи. Но теперь, послѣ появленія въ печати нѣкоторыхъ писемъ о ней, оказывается, что ея

Digitized by Google

образъ въ стихотвореніи „Я помню чудное мгновенье“ есть даже не то, что̀ въ Гегельянской эстетикѣ называется Schein der Idee, а скорѣе подходитъ къ тому, что̀ на юридическомъ языкѣ обозначается какъ „сообщеніе завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній“. Въ одномъ интимномъ письмѣ, писанномъ приблизительно въ то же время, какъ и стихотвореніе, Пушкинъ откровенно говоритъ объ этой самой дамѣ, но тутъ уже вмѣсто генія чистой красоты, пробуждающаго душу и воскрешающаго въ ней божество, является „наша вавилонская блудница, Анна Петровна“.

Спѣшу предупредить возможное недоразумѣніе. Никому нѣтъ дѣла до того, какова была въ дѣйствительности дама, прославленная Пушкинымъ. Хотя я совершенно увѣренъ, что онъ сильно преувеличивалъ и что апокалиптическій образъ нисколько не характеристиченъ для этой доброй женщины, но дѣло не въ этомъ. Еслибы оказалось, что дѣйствительное чудовище безнравственности было искренне принято какимъ-нибудь поэтомъ за генія чистой красоты и воспѣто въ такомъ смыслѣ, то отъ этого поэтическое произведеніе ничего не потеряло бы не только съ точки зрѣнія поэзіи, но и съ точки зрѣнія личнаго и жизненнаго достоинства самого поэта. Ошибка въ фальшь не ставится. Но въ настоящемъ случаѣ нельзя не видѣть именно нѣкоторой фальши, хотя, конечно, не въ грубомъ смыслѣ этого слова. Представляя обыкновенную женщину какъ высшее неземное существо, Пушкинъ самъ ясно видѣлъ и рѣзко высказывалъ, что это неправда, и даже преувеличивалъ свою неправду. Знакомая поэта, конечно, не была ни геніемъ чистой красоты, ни вавилонскою блудницею, а была „просто пріятною дамою“ или даже, можетъ быть, „дамою пріятною во всѣхъ отношеніяхъ“. Но замѣчательно, что въ преувеличенномъ ея порицаніи у Пушкина не слышится никакой горечи разочарованія, которая говорила бы за жизненную искренность и цѣльность предъидущаго увлеченія,— откровенный отзывъ высказанъ въ тонѣ веселаго балагурства, въ полномъ контрастѣ съ тономъ стихотворенія.

Болѣе похоже на дѣйствительность другое стихотвореніе Пушкина, обращенное къ тому же лицу, но и оно находится въ противорѣчіи съ тономъ и выраженіями его писемъ.

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты, по приговору свѣта
На честь утратила права,

Одинъ среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю

Digitized by Google

И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья—
Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

Нельзя въ самомъ дѣлѣ не пожалѣть о глубокомъ несчастіи этой женщины: у нея остался только одинъ другъ и заступникъ отъ „жестокихъ осужденій“, — да и тотъ называлъ ее вавилонскою блудницей! Каковы же были осужденія!

IV.

Если не признавать вдохновенія, какъ самостоятельнаго источника поэзіи, то, сопоставляя стихотвореніе „Я помню чудное мгновенье“ съ прозаическимъ отзывомъ Пушкина, можно сдѣлать только одно заключеніе, что стихи просто выдуманы, что ихъ авторъ никогда не видѣлъ того образа и никогда не испыталъ тѣхъ чувствъ, которыя тамъ выражены. Но, отрицая поэтическое вдохновеніе, лучше вовсе не говорить о поэтахъ. А для признающихъ вдохновеніе и чувствующихъ его силу въ этомъ произведеніи должно быть ясно, что въ *минуту творчества* Пушкинъ дѣйствительно испыталъ то, что̀ сказалось въ этихъ стихахъ; дѣйствительно видѣлъ генія чистой красоты, дѣйствительно чувствовалъ возрожденіе въ себѣ божества. Но эта идеальная дѣйствительность существовала для него только въ минуту творчества. Возвращаясь къ жизни, онъ сейчасъ же переставалъ вѣрить въ пережитое озареніе, сейчасъ же признавалъ въ немъ только обманъ воображенія—„насъ возвышающій обманъ“, но все-таки обманъ и ничего болѣе. Тѣ видѣнія и чувства, которыя возникали въ немъ по поводу извѣстныхъ лицъ или событій, и составляли содержаніе его поэзіи,

Digitized by Google

обыкновенно вовсе не связывались съ этими лицами и событіями въ его текущей жизни, и онъ нисколько не тяготился такою безсвязностью, такою непроходимою пропастью между поэзіей и житейскою практикой.

Дѣйствительность, данная въ житейскомъ опытѣ, несомнѣнно находится въ глубокомъ противорѣчіи съ тѣмъ идеаломъ жизни, который открывается вѣрѣ, философскому умозрѣнію и творческому вдохновенію. Изъ этого противорѣчія возможны три опредѣленные исхода. Можно прямо отречься отъ идеала, какъ отъ пустого вымысла и обмана, и признать фактъ, противорѣчащій идеальнымъ требованіямъ, какъ *окончательную и единственную* дѣйствительность. Это есть исходъ нравственнаго скептицизма и мизантропіи—взглядъ, который можетъ быть почтеннымъ, когда онъ искрененъ, какъ, напримѣръ, у Шекспирова Тимона Аѳинскаго, но который не выдерживаетъ логической критики. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы дурная дѣйствительность была единственною настоящею, то какъ возможно было бы для человѣка *тяготиться* этою единственною своею дѣйствительностью, порицать и отрицать ее? Вѣдь такая оцѣнка предполагаетъ *сравненіе съ другимъ*. Существо, находящееся въ однородной средѣ,—напримѣръ, человѣкъ въ надземной атмосферѣ или рыба въ водѣ,—не чувствуетъ давленія этой среды. Когда истинный мизантропъ дѣйствительно страдаетъ отъ нравственной негодности человѣческой среды, то онъ тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о подлинной силѣ идеала, живущаго въ немъ,—его страданіе есть уже начало другой, лучшей дѣйствительности.

Второй исходъ изъ противорѣчія между идеаломъ и дурною дѣйствительностью, есть *донкихотство*, при которомъ идеальныя представленія до такой степени овладѣваютъ человѣкомъ, что онъ совершенно искренно или не видитъ противорѣчащихъ имъ фактовъ, или считаетъ эти факты за обманъ и призракъ. При всемъ благородствѣ такого идеализма, его несостоятельность не требуетъ поясненій послѣ сатиры Сервантеса.

Третій и, очевидно, нормальный исходъ, который можно назвать *практическимъ идеализмомъ*, состоитъ въ томъ, чтобы, не закрывая глазъ на дурную сторону дѣйствительности, но и не возводя ее въ принципъ, во что-то безусловное и безповоротное, *замѣчать въ томъ, что̀ есть, настоящіе зачатки или задатки того, что̀ должно быть*, и, опираясь на эти хотя недостаточныя и неполныя, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныя проявленія добра, какъ уже существующаго даннаго, помогать сохраненію, росту и торжеству этихъ добрыхъ началъ, и черезъ то все болѣе и

Digitized by Google

болѣе сближать дѣйствительность съ идеаломъ и въ фактахъ низшей жизни воплощать откровенія высшей. Такой практическій идеализмъ одинаково примѣнимъ и обязателенъ какъ для общественныхъ, такъ и для частныхъ, и даже самыхъ интимныхъ отношеній. Еслибы вмѣсто того, чтобы тѣшиться преувеличеннымъ контрастомъ между „геніемъ чистой красоты“ и „вавилонскою блудницею“, поэтъ остановился на тѣхъ дѣйствительныхъ зачаткахъ высшаго достоинства, которые должны же были заключаться въ существѣ, внушившемъ ему хоть бы на одно мгновеніе такіе чистые образы и чувства, еслибы онъ не отрекся въ повседневной жизни отъ того, что̀ видѣлъ и ощущалъ въ минуту вдохновенія, а рѣшился сохранить и умножить эти залоги лучшаго и на нихъ основать свои отношенія къ этой женщинѣ, тогда, конечно, вышло бы совсѣмъ другое и для него, и для нея, и вдохновенное его стихотвореніе имѣло бы не поэтическое только, но и жизненное значеніе. А теперь хотя художественная красота этихъ стиховъ остается при нихъ, но нельзя, однако, находить совершенно безразличнымъ при ихъ оцѣнкѣ то обстоятельство, что въ реальномъ историческомъ смыслѣ они, съ точки зрѣнія самого Пушкина, даютъ только лишнее подтвержденіе Аристотелевыхъ словъ, что „поэты и лгутъ много“.

Всѣ возможные исходы изъ противорѣчія между поэтическимъ идеаломъ и житейскою дѣйствительностью остались одинаково чуждыми Пушкину. Онъ не былъ, къ счастью, ни мизантропомъ, ни Донъ-Кихотомъ, и, къ несчастью, не умѣлъ или не хотѣлъ стать практическимъ идеалистомъ, дѣятельнымъ служителемъ добра и исправителемъ дѣйствительности. Онъ съ полною ясностью отмѣчалъ противорѣчіе, но какъ-то легко съ нимъ мирился. Указывая на него, какъ на фактъ, и прекрасно его характеризуя (напримѣръ, въ стихотвореніи „Пока не требуетъ поэта“), онъ даже не подозрѣвалъ—до своихъ послѣднихъ, зрѣлыхъ лѣтъ,—что въ этомъ фактѣ есть задача, требующая рѣшенія. Рѣзкій разладъ между творческими и житейскими мотивами казался ему чѣмъ-то окончательнымъ и безповоротнымъ, не оскорблялъ нравственнаго слуха, который, очевидно, былъ менѣе чуткимъ, нежели слухъ поэтическій.

Отношенія къ женщинамъ занимаютъ очень большое мѣсто и въ жизни, и въ поэзіи Пушкина, и хотя не во всѣхъ случаяхъ эти отношенія давали ему поводъ къ апокалиптическимъ уподобленіямъ, но вездѣ выступаетъ непримиренная двойственность между идеализмомъ творчества и крайнимъ реализмомъ житейскихъ взглядовъ. Въ обширной перепискѣ съ женою мы

Digitized by Google

не отыщемъ и намека на то „богомольное благоговѣніе передъ святыней красоты“, о которомъ говорится въ стихотвореніи къ Наталіи Николаевнѣ Гончаровой.

V.

Въ Пушкинѣ, по его собственному свидѣтельству, были два различныя и несвязанныя между собою существа: вдохновенный жрецъ Аполлона и ничтожнѣйшій изъ ничтожныхъ дѣтей міра. Высшее существо выступило въ немъ не сразу, его поэтическій геній обнаруживался постепенно. Въ раннихъ его произведеніяхъ мы видимъ игру остроумія и формальнаго стихотворческаго дарованія, легкія отраженія житейскихъ и литературныхъ впечатлѣній. Самъ онъ характеризуетъ такое творчество, какъ „изнѣженные звуки безумства, лѣни и страстей“. Но въ легкомысленномъ юношѣ быстро выросталъ великій поэтъ, и скоро онъ сталъ тѣснить „ничтожное дитя міра“. Подъ тридцать лѣтъ рѣшительно обозначается у Пушкина „смутное влеченье чего-то жаждущей души“, — неудовлетворенность игрою темныхъ страстей и ея свѣтлыми отраженіями въ легкихъ образахъ и нѣжныхъ звукахъ. „Позналъ онъ гласъ иныхъ желаній, позналъ онъ новую печаль“. Онъ понялъ, что „служенье музъ не терпитъ суеты“, что „прекрасное должно быть величаво“, т.-е. что красота, прежде чѣмъ быть пріятною, должна быть достойною, что *красота есть только ощутительная форма добра и истины.*

Еслибы Пушкинъ жилъ въ средніе вѣка, то, достигнувъ этого пониманія, онъ могъ бы пойти въ монастырь, чтобы связать свое художническое призваніе съ прямымъ культомъ того, что̀ абсолютно достойно. Ему легко было бы удалиться отъ міра, въ исправленіе и перерожденіе котораго онъ, какъ мы знаемъ, не вѣрилъ. Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился русскій поэтъ XIX-го вѣка, ему удобнѣе и безопаснѣе было избрать другой родъ аскетизма: онъ женился и сталъ отцомъ семейства. Съ этимъ благополучно прошелъ для него періодъ необузданныхъ чувственныхъ увлеченій, которыя могли бы задавить неокрѣпшій творческій даръ вмѣсто того, чтобы питать его. *Это* искушеніе оказалось недостаточно сильнымъ, чтобы одолѣть его геній, онъ съумѣлъ во-время положить предѣлъ безмѣрности своихъ низшихъ инстинктовъ, ввести въ русло свою матеріальную жизнь. „Позналъ онъ гласъ иныхъ желаній, позналъ онъ новую печаль“.

Но, становясь отцомъ семейства, Пушкинъ по необходимости

Digitized by Google

тѣснѣе прежняго связывалъ себя съ жизнью соціальною, съ тою общественною средою, къ которой онъ принадлежалъ, и тутъ его ждало новое, болѣе тонкое и опасное искушеніе.

Достигши зрѣлаго возраста, Пушкинъ ясно сознавалъ, что задача его жизни есть то служеніе, „которое не терпитъ суеты", служеніе тому прекрасному, которое „должно быть величавымъ". Такъ какъ онъ оставался въ обществѣ, то его служеніе красотѣ неизбѣжно принимало характеръ *общественнаго* служенія, и ему нужно было установить свое *должное* отношеніе къ обществу.

Но тутъ Пушкинъ, вообще *слишкомъ* даже раздѣлявшій поэзію съ житейскими отношеніями, *не захотѣлъ* отдѣлить законное сознаніе о своемъ высшемъ поэтическомъ призваніи и о томъ внутреннемъ преимуществѣ передъ другими, которое давалъ ему его геній,—не захотѣлъ онъ отдѣлить это законное чувство своего достоинства, какъ великаго поэта, отъ личной мелкой страсти самолюбія и самомнѣнія. Если своимъ геніемъ Пушкинъ стоялъ выше другихъ и былъ правъ, сознавая эту высоту, то въ своемъ самолюбивомъ раздраженіи на другихъ онъ падалъ съ своей высоты, становился *противъ* другихъ, то-есть на одну доску съ ними, а чрезъ это терялъ и всякое оправданіе для своего раздраженія,—оно оказывалось уже только дурною страстью вражды и злобы.

VI.

Самолюбіе и самомнѣніе есть свойство всѣхъ людей, и полное его истребленіе не только невозможно, но, пожалуй, и нежелательно. Этимъ отнимался бы важный возбудитель человѣческой дѣятельности; это было бы опасно, пока человѣчество должно жить и дѣйствовать на землѣ.

Въ отеческихъ писаніяхъ,—кажется, въ Лимонаріи св. Софронія, патріарха іерусалимскаго,—я читалъ такой разсказъ. Къ знаменитому подвижнику пришелъ начинающій монахъ, прося указать ему путь совершенства.—Этою ночью,—сказалъ старецъ,—ступай на кладбище и до утра восхваляй погребенныхъ тамъ покойниковъ, а потомъ приди и скажи мнѣ, какъ они примутъ твои хвалы. На другой день монахъ возвращается съ кладбища:—Исполнилъ я твое приказаніе, отче! Всю ночь громкимъ голосомъ восхвалялъ я этихъ покойниковъ, величалъ ихъ святыми, треблаженными отцами, великими праведниками и угодниками Божіими, свѣтильниками вселенной, кладезями премудрости, солью земли; приписалъ имъ всѣ добродѣтели, о какихъ только читалъ

Digitized by Google

въ священномъ писаніи и въ эллинскихъ книгахъ.—Ну, что же? Какъ выразили они тебѣ свое удовольствіе?—Никакъ, отче: все время хранили молчаніе, ни единаго слова я отъ нихъ не услыхалъ.—Это весьма удивительно,—сказалъ старецъ,—но вотъ что ты сдѣлай: этою ночью ступай туда опять и ругай ихъ до утра, какъ только можешь сильнѣе; тутъ ужъ они навѣрно заговорятъ.—На слѣдующій день монахъ опять возвратился съ отчетомъ:—Всячески поносилъ я ихъ и позорилъ, называлъ псами нечистыми, сосудами дьявольскими, богоотступниками; приравнивалъ ихъ ко всѣмъ злодѣямъ изъ Ветхаго и Новаго завѣта отъ Каина-братоубійцы до Іуды-предателя, отъ Гивеонитовъ неистовыхъ и до Ананіи и Сапфиры богообманщиковъ, укорялъ ихъ во всѣхъ ересяхъ отъ Симоновой и Валентиновой до новоявленной монофелитской.—Ну что же? Какъ же ты спасся отъ ихъ гнѣва?—Никакъ, отче! они все время безмолвствовали. Я даже ухо прикладывалъ къ могиламъ, но никто и не пошевельнулся.—Вотъ видишь, — сказалъ старецъ: — ты поднялся на первую ступень ангельскаго житія, которая есть послушаніе; вершины же этого житія на землѣ достигнешь лишь тогда, когда будешь такъ же равнодушенъ и къ похваламъ и къ обидамъ, какъ эти мертвецы.

Хотя для Пушкина также идеалъ совершенства предполагалъ полное умерщвленіе самолюбія и самомнѣнія:

Хвалу и клевету пріемли равнодушно,—

но требовать или ждать отъ него дѣйствительнаго осуществленія такого идеала было бы, конечно, несправедливо. Оставшись въ міру, онъ отказался отъ практики сверхъ-мірского совершенства, и было бы даже жалко, еслибы поэтъ свѣтлой жизни погнался за совершенствомъ покойниковъ.

Но можно и должно было требовать и ожидать отъ Пушкина того, что по праву ожидается и требуется нами отъ всякаго разумнаго человѣка во имя человѣческаго достоинства,—можно и должно было ждать и требовать отъ него, чтобы, оставаясь при своемъ самолюбіи и даже давая ему, при случаѣ, то или другое выраженіе, онъ не придавалъ ему *существеннаго* значенія, не принималъ его, какъ мотивъ важныхъ рѣшеній и поступковъ, чтобы о страсти самолюбія онъ всегда могъ сказать, какъ и о всякой другой страсти: я имѣю ее, а не она меня имѣетъ. Къ этому, по меньшей мѣрѣ, обязывалъ Пушкина его геній, его служеніе величавой красотѣ, обязывали, наконецъ, его собственныя слова, когда, съ укоромъ обращаясь къ своему герою, онъ говоритъ, что тотъ

Digitized by Google

Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ.
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

Этой, наименьшей, обязанности Пушкинъ не исполнилъ.

VII.

Допустивъ надъ своею душою *власть* самолюбія, Пушкинъ старался оправдать ее чувствомъ своего высшаго призванія. Это фальшивое оправданіе недостойной страсти неизбѣжно ставило его въ неправильное отношеніе къ обществу, вызывало и поддерживало въ немъ презрѣніе къ другимъ, затѣмъ отчужденіе отъ нихъ, наконецъ, вражду и злобу противъ нихъ.

Уже въ сонетѣ „Поэту“ высота самосознанія смѣшивается съ высокомѣріемъ, и требованіе безстрастія—съ обиженнымъ и обиднымъ выраженіемъ отчужденія.

Ты—царь, живи одинъ!

Это взято, кажется, изъ Байрона: the solitude of kings. Но вѣдь одиночество царей состоитъ не въ томъ, что они живутъ одни,—чего собственно и не бываетъ, — а въ томъ, что они *среди другихъ* имѣютъ единственное положеніе. Это есть одиночество горныхъ вершинъ.

Монбланъ—монархъ сосѣднихъ горъ:
Онѣ его вѣнчали.

(„Манфредъ“ Байрона.)

Въ этомъ смыслѣ одинокъ и геній, и *этого* одиночества никто отнять не можетъ, какъ нельзя отнять у Монблана его 14.000 футовъ высоты. Такое одиночество генія само собою разумѣется, не нужно на него указывать или подчеркивать его. Но развѣ оно есть причина для равнодушія и отчужденія? И солнце одно на небѣ, но оно живетъ во всемъ, что̀ оно *живитъ*, и никто не увидитъ въ немъ символъ высокомѣрнаго обособленія.

Не подобало такое высокомѣріе и солнцу нашей поэзіи. Къ *инымъ* чувствамъ и взглядамъ призывало его не только сознаніе своей геніальности, но и сознаніе религіозное, которое съ наступленіемъ зрѣлаго возраста пробудилось и выяснилось въ немъ. Прежнее его невѣріе было болѣе легкомысліемъ, чѣмъ убѣжденіемъ, и оно прошло вмѣстѣ съ другими легкомысленными увле-

Digitized by Google

ченіями. То, что онъ говорилъ про Байрона, еще болѣе примѣняется къ нему самому: „скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной".

Въ сознаніи своего генія и въ христіанской вѣрѣ поэтъ имѣлъ двойную опору, слишкомъ достаточную, чтобы держаться въ жизни на извѣстной высотѣ, недосягаемой для мелкой вражды, клеветы и сплетни,—на высотѣ одинаково далекой отъ нехристіанскаго презрѣнія къ ближнимъ и отъ недостойнаго уподобленія толпѣ. Но мы видимъ, что Пушкинъ постоянно колеблется между высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ окружающему его обществу и мелочнымъ раздраженіемъ противъ него, выражающимся въ язвительныхъ личныхъ выходкахъ и эпиграммахъ. Въ его отношеніи къ непріязненнымъ лицамъ не было ничего ни геніальнаго, ни христіанскаго, и здѣсь—настоящій ключъ къ пониманію катастрофы 1837 года.

VIII.

По мнѣнію самого Пушкина, повторяемому большинствомъ критиковъ и историковъ литературы, „свѣтъ" былъ къ нему враждебенъ и преслѣдовалъ его. Та *злая судьба*, отъ которой будто бы погибъ поэтъ, воплощается здѣсь въ „обществѣ", „свѣтѣ", „толпѣ", — вообще въ той пресловутой *средѣ*, роковое предназначеніе которой только въ томъ, кажется, и состоитъ, чтобы „заѣдать" людей.

При всей своей распространенности, это мнѣніе, если его разобрать, оказывается до крайности неосновательнымъ. Надъ Пушкинымъ все еще тяготѣетъ критика Писарева, только безъ ясности и послѣдовательности этого замѣчательнаго писателя. Люди, казалось бы, прямо противоположнаго ему направленія и относящіеся къ нему и ко всему движенію шестидесятыхъ годовъ съ „убійственнымъ" пренебреженіемъ, на самомъ дѣлѣ примѣняютъ къ своему кумиру—Пушкину—пріемъ Писаревской критики, только съ другого конца и гораздо болѣе нелѣпымъ образомъ. Писаревъ отрицалъ Пушкина потому, что тотъ не былъ соціальнымъ и политическимъ реформаторомъ. Требованіе было неосновательно, но фактъ былъ совершенно вѣренъ: Пушкинъ, дѣйствительно, не былъ такимъ реформаторомъ. Теперешніе обожатели Пушкина, не покидая дурного критическаго метода—*произвольныхъ* требованій и *случайныхъ* критеріевъ, разсуждаютъ

Digitized by Google

такъ: Пушкинъ—великій человѣкъ, а такъ какъ *нашъ критерій* истиннаго величія данъ въ философіи Ницше и требуетъ отъ великаго человѣка быть учителемъ жизнерадостной мудрости язычества и провозвѣстникомъ новаго или обновленнаго культа героевъ, то Пушкинъ и былъ такимъ учителемъ мудрости и такимъ провозвѣстникомъ новаго культа, за что и пострадалъ отъ косной и низменной толпы. Хотя требованія здѣсь другія, чѣмъ у Писарева, но дурная манера предъявлять великому поэту свои личныя или партійныя требованія—въ существѣ та же самая. Критика Писарева можетъ быть сведена къ такому силлогизму: Maj.: Великій поэтъ долженъ быть провозвѣстникомъ радикальныхъ идей; Min.: Пушкинъ не былъ такимъ провозвѣстникомъ; C.: ergo—Пушкинъ былъ никуда негоднымъ пошлякомъ. Здѣсь въ заключеніи высказывается субъективная оцѣнка, грубо невѣрная, но логически вытекающая изъ приложенія къ *дѣйствительному* Пушкину произвольнаго мѣрила, взятаго критикомъ, указывающимъ фактически вѣрно, хотя совершенно некстати, на то, чего *въ самомъ дѣлѣ не было* у нашего поэта.

Сужденія новѣйшихъ пушкиномановъ могутъ быть, въ свою очередь, выражены въ такомъ силлогизмѣ: Maj.: Великій поэтъ долженъ быть воплощеніемъ ницшіанскихъ идей; Min.: Пушкинъ былъ великій поэтъ; C.: ergo—Пушкинъ *былъ* воплощеніемъ ницшіанскихъ идей. Формально этотъ силлогизмъ такъ же правиленъ, какъ и писаревскій, но вы видите *существенную* разницу въ пользу покойнаго критика: тамъ въ заключеніи выражалась только ложная *оцѣнка*, здѣсь же утверждается *ложный фактъ*. Вѣдь Пушкинъ въ дѣйствительности такъ же мало воплощалъ ницшіанскую теорію, какъ и практическій радикализмъ. Но Писаревъ, подводя Пушкина подъ мѣрку радикальныхъ тенденцій, ясно видѣлъ и откровенно объявлялъ, что онъ подъ нее *не* подходитъ, тогда какъ новѣйшіе панегиристы пушкинской поэзіи, прикидывая къ этому здоровому, широкому и вольному творчеству ломаный аршинъ ницшіанскаго психопатизма, настолько слѣпы, что увѣряютъ себя и другихъ въ полной успѣшности такого измѣренія.

Дѣло не въ собственныхъ взглядахъ того или другого критика. И писаревская, и ницшіанская точки зрѣнія могутъ имѣть свою относительную законность. Но дѣло въ томъ, что въ настоящемъ историческомъ Пушкинѣ обѣ эти точки зрѣнія не имѣютъ для себя никакого дѣйствительнаго приложенія, и потому обусловленныя ими сужденія о поэтѣ просто безсмысленны. Мы можемъ преклоняться передъ трудолюбіемъ и искусствомъ

Digitized by Google

муравьевъ или восхищаться красотою павлиньяго хвоста, но нельзя на этомъ основаніи бранить жаворонка за то, что онъ не строитъ муравейника, и еще менѣе позволительно съ восторгомъ восклицать: какой великолѣпный павлиній хвостъ у этого жаворонка!

Къ фальшивой оцѣнкѣ Пушкина, какъ учителя древней мудрости и пророка новой или обновленной античной красоты, привязывается (довольно искусственно и нескладно) давнишній взглядъ на его гибель, какъ на роковое слѣдствіе его столкновенія съ враждебною общественною средой. Но общественная среда враждуетъ обыкновенно съ тѣми людьми, которые хотятъ ее исправлять и перерождать. У Пушкина такого желанія не было; онъ рѣшительно отклонялъ отъ себя всякую преобразовательную задачу, которая, дѣйствительно, вовсе не шла бы къ нему. При всемъ различіи натуръ и характеровъ, Пушкинъ все-таки былъ болѣе похожъ на Гёте, чѣмъ на Сократа, и отношеніе къ нему оффиціальной и общественной русской среды было болѣе похоже на отношеніе Германіи къ веймарскому олимпійцу, нежели на отношеніе аѳинской демократіи къ Сократу,—да и Сократъ могъ свободно прожить среди этой демократіи до семидесятилѣтняго возраста.

Вообще, столкновеніе лица съ обществомъ должно быть слишкомъ принципіально глубокимъ, чтобы дѣлать кровавую развязку безусловно-необходимою, объективно-неизбѣжною. Во всей исторіи человѣчества это случилось, кажется, не болѣе одного раза, да и споръ шелъ собственно не между лицомъ и обществомъ, а между Богомъ и „княземъ міра сего“. Впрочемъ, насколько мнѣ извѣстно, даже самые ярые панегиристы Пушкина не вспоминали о Голгоѳѣ по поводу его дуэли; и дѣйствительно, несчастный поэтъ былъ менѣе всего близокъ къ Христу тогда, когда стрѣлялъ въ своего противника.

Пушкина будто бы не признавали и преслѣдовали! Но *что же* собственно не признавалось въ немъ, что̀ было предметомъ вражды и гоненій? Его художественное творчество? Едва-ли, однако, во всемірной литературѣ найдется другой примѣръ великаго писателя, который такъ рано, какъ Пушкинъ, сталъ общепризнаннымъ и популярнымъ въ своей странѣ. А говорить о гоненіяхъ, которымъ будто бы подвергался нашъ поэтъ, можно только для красоты слога.

Если нѣсколько лѣтъ невольнаго, но привольнаго житья въ Кишиневѣ, Одессѣ и собственномъ Михайловскомъ—есть гоненіе и бѣдствіе, то какъ же мы назовемъ безсрочное изгнаніе Данте

Digitized by Google

изъ родины, тюрьму Камоэнса, объявленное сумасшествіе Тасса, нищету Шиллера, остракизмъ Байрона, каторгу Достоевскаго и т. д.? Единственное бѣдствіе, отъ котораго серьезно страдалъ Пушкинъ, была тогдашняя цензура; но, во-первыхъ, это была общая судьба русской литературы, а во-вторыхъ, этотъ „тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ", и, слѣдовательно, для великихъ писателей менѣе страшенъ, чѣмъ для прочихъ. Внѣшнія условія Пушкина, несмотря на цензуру, были исключительно счастливыми. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что въ тогдашней Англіи ему за его раннія „вольности" досталось бы отъ общества гораздо больше, чѣмъ въ Россіи отъ правительства, какъ это ясно видно на примѣрѣ Байрона.

IX.

Какъ поэтъ, Пушкинъ могъ быть вполнѣ доволенъ своимъ общественнымъ положеніемъ: онъ былъ всероссійскою знаменитостью еще при жизни. Конечно, между его современниками въ Россіи были и такіе, которые отрицали его художественное значеніе или недостаточно его понимали. Но, помимо случаевъ личнаго раздраженія, въ которыхъ виноватъ былъ самъ Пушкинъ, его не цѣнили вообще люди, эстетически до него не доросшіе, что было такъ же неизбѣжно, какъ и то, что люди совсѣмъ неграмотные не читали его сочиненій. Обижаться и негодовать въ одномъ случаѣ было бы такъ же странно, какъ и въ другомъ. И на самомъ дѣлѣ, Пушкинъ обижался и негодовалъ на общество не за это, не за эстетическую тупость людей мало образованныхъ, а за холодность и непріязненность къ нему многихъ лицъ изъ тѣхъ двухъ круговъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, свѣтскаго и литературнаго. Но эта непріязненность, доходившая иногда до прямой враждебности, относилась, конечно, не къ поэту, не къ жрецу Аполлона, а лишь къ тому, кто иногда, по собственному признанію, между дѣтей ничтожныхъ міра бывалъ, можетъ быть, всѣхъ ничтожнѣе.

Главная бѣда Пушкина были его эпиграммы. Между ними есть, правда, высшіе образцы этого невысокаго, хотя законнаго рода словесности, есть настоящія золотыя блестки добродушной игривости и веселаго остроумія; но многія другія ниже поэтическаго достоинства Пушкина, а нѣкоторыя ниже человѣческаго достоинства вообще, и столько же постыдны для автора, сколько оскорбительны для его сюжетовъ. Когда, напримѣръ, почтенный ученый, оставившій замѣтный слѣдъ въ исторіи своей науки и ничего худого не сдѣлавшій, характеризуется такъ:

Digitized by Google

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ
И дневного пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ,—

то едва ли самый пламенный поклонникъ Пушкина увидитъ здѣсь ту „священную жертву", къ которой „требуетъ поэта Аполлонъ". Ясно, что тутъ приносилось въ жертву только личное достоинство человѣка, что требовалъ этой жертвы не Музагетъ, а демонъ гнѣва, и что нельзя было ожидать, чтобы жертва чувствовала при этомъ благоговѣніе къ своему словесному палачу.

Такихъ недостойныхъ личныхъ выходокъ, иногда, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, вовсе чуждыхъ поэтическаго вдохновенія, а иногда представлявшихъ злоупотребленіе поэзіей, у Пушкина, къ несчастію, было слишкомъ много даже и въ послѣдніе его годы. Одна изъ нихъ создала скрытую причину враждебнаго дѣйствія, приведшаго поэта къ окончательной катастрофѣ. Это—извѣстное стихотвореніе „На выздоровленіе Лукулла", очень яркое и сильное по формѣ, но по смыслу представлявшее лишь грубое личное злословіе насчетъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Уварова.

По свидѣтельству большинства современниковъ, личный характеръ Уварова не могъ вызывать сочувствія. Но обличеніе чьихъ-нибудь личныхъ недостатковъ не есть задача поэзіи, хотя бы сатирической. А въ публичной своей дѣятельности Уваровъ имѣлъ большія заслуги: изо всѣхъ русскихъ министровъ народнаго просвѣщенія онъ былъ, безъ сомнѣнія, самый просвѣщенный и даровитый, и дѣятельность его—самая плодотворная. Для серьезной сатиры, внушаемой интересомъ общественнымъ, Уваровъ не давалъ повода, и въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ обличаетъ только частный характеръ министра, и его обличеніе представляетъ скорѣе пасквиль, нежели сатиру. Но и правильная сатира, нападающая на общее и публичное зло, не подобала уже тому поэту, который ранѣе торжественно объявилъ, что ему нѣтъ дѣла до общественной пользы и что борьба съ публичнымъ зломъ есть дѣло полиціи, а не поэзіи:

Во градахъ нашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ,— полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у насъ метлу берутъ?

Если ради внѣшней красоты стиховъ „На выздоровленіе Лукулла" можно извинить ихъ написаніе и сообщеніе близкимъ

Digitized by Google

друзьямъ, то обнародованіе ихъ чрезъ напечатаніе въ журналѣ не имѣетъ никакого оправданія.

Между тѣмъ такому вліятельному и не очень разборчивому въ средствахъ человѣку, какъ Уваровъ, легко было стать скрытымъ руководителемъ и вдохновителемъ множества другихъ лицъ, оскорбленныхъ поэтомъ, и устроить противъ него дѣятельный заговоръ злорѣчія, сплетни и интригъ. Цѣль была—непрерывно раздражать и дразнить его, и этимъ довести до поступковъ, которые сдѣлали бы его положеніе въ петербургскомъ обществѣ невозможнымъ. Но развѣ не въ его власти было помѣшать достиженію этой цѣли, разсчитанной только на его нравственную слабость?

X.

Дурное дѣло обиды, для котораго Пушкинъ злоупотреблялъ своимъ талантомъ и унижалъ свой геній, было такъ естественно и потому легко для его враговъ. Они были тутъ въ своей сферѣ, исполняли свою роль; для нихъ не было паденія,—паденіе было только для Пушкина. На низменной почвѣ личной злобы и вражды всѣ выгоды были на *ихъ* сторонѣ, ихъ побѣда была здѣсь необходима. Но развѣ необходимо было Пушкину оставаться до конца на этой ему несвойственной, мучительной и невыгодной почвѣ, на которой всякій шагъ былъ для него паденіемъ? Глухая борьба тянулась два года, и сколько было за это время моментовъ, когда онъ могъ однимъ рѣшеніемъ воли разорвать всю эту паутину, поднявшись на ту *доступную ему* высоту, гдѣ неуязвимость генія сливалась съ незлобіемъ христіанина.

Нѣтъ такого житейскаго положенія, хотя бы возникшаго по нашей собственной винѣ, изъ котораго нельзя бы было при доброй волѣ выйти достойнымъ образомъ. Свѣтлый умъ Пушкина хорошо понималъ, чего отъ него требовали его высшее призваніе и христіанскія убѣжденія; онъ зналъ, что должно дѣлать, но онъ все болѣе и болѣе отдавался страсти оскорбленнаго самолюбія съ ея ложнымъ стыдомъ и злобною мстительностью.

Потерявши внутреннее самообладаніе, онъ могъ еще быть спасенъ постороннею помощью. Послѣ первой несостоявшейся дуэли его съ Геккерномъ, императоръ Николай Павловичъ взялъ съ него слово, что въ случаѣ новаго столкновенія онъ предупредитъ государя. Пушкинъ далъ слово, но не исполнилъ его. Ошибочно увѣрившись, что непристойное анонимное письмо писано тѣмъ же Геккерномъ, онъ послалъ ему (черезъ его отца) свой

Digitized by Google

второй вызовъ въ такомъ изысканно-оскорбительномъ письмѣ, которое дѣлало кровавый исходъ неизбѣжнымъ. Между тѣмъ, при крайней степени своего раздраженія, Пушкинъ не дошелъ все-таки до того состоянія, въ которомъ прекращается вмѣняемость поступковъ и въ которомъ данное имъ слово могло быть просто забыто. Послѣ дуэли у него найдено было письмо къ графу Бенкендорфу съ изложеніемъ его новаго столкновенія, очевидно, для передачи государю. Онъ написалъ это письмо, но не захотѣлъ отправить его. Онъ думалъ, что чей-то пошлый и грязный анонимный пасквиль можетъ уронить его честь, а имъ самимъ сознательно нарушаемое слово — не можетъ. Если онъ былъ тутъ „невольникомъ", то не „невольникомъ чести", какъ назвалъ его Лермонтовъ, а только невольникомъ той страсти гнѣва и мщенія, которой онъ весь отдался.

Не говоря уже объ истинной чести, требующей только соблюденія внутренняго нравственнаго достоинства, недоступнаго ни для какого внѣшняго посягательства,—даже принимая честь въ условномъ значеніи согласно свѣтскимъ понятіямъ и обычаямъ, анонимный пасквиль ничьей чести вредить не могъ, кромѣ чести писавшаго его. Еслибы ошибочное предположеніе было вѣрно, и авторомъ письма былъ дѣйствительно Геккернъ, то онъ тѣмъ самымъ лишалъ себя права быть вызваннымъ на дуэль, какъ человѣкъ, поставившій себя своимъ поступкомъ внѣ законовъ чести; а если письмо писалъ не онъ, то для вторичнаго вызова не было никакого основанія. Слѣдовательно, эта несчастная дуэль произошла не въ силу какой-нибудь внѣшней для Пушкина необходимости, а единственно потому, что онъ хотѣлъ покончить съ ненавистнымъ врагомъ.

Но и тутъ еще не все было потеряно. Во время самой дуэли раненый противникомъ очень опасно, но не безусловно-смертельно, Пушкинъ еще былъ господиномъ своей участи. Во всякомъ случаѣ, мнимая честь была удовлетворена опасною раною. Продолженіе дуэли могло быть дѣломъ только злой страсти. Когда секунданты подошли къ раненому, онъ поднялся и съ гнѣвными словами: — Attendez, je me sens assez de force pour tirer mon coup!—недрожащею рукою выстрѣлилъ въ своего противника и слегка ранилъ его. Это крайнее душевное напряженіе, этотъ отчаянный порывъ страсти окончательно сломилъ силы Пушкина и дѣйствительно рѣшилъ его земную участь. *Пушкинъ убитъ не пулею Геккерна, а своимъ собственнымъ выстрѣломъ въ Геккерна.*

Digitized by Google

XI.

Послѣдній взрывъ злой страсти, окончательно подорвавшій физическое существованіе поэта, оставилъ ему, однако, возможность и время для нравственнаго перерожденія. Трехдневный смертельный недугъ, разрывая связь его съ житейской злобой и суетой, но не лишая его ясности и живости сознанія, освободилъ его нравственныя силы и позволилъ ему внутреннимъ актомъ воли перерѣшить для себя жизненный вопросъ въ истинномъ смыслѣ. Что передъ смертью въ немъ дѣйствительно совершилось духовное возрожденіе, это сейчасъ же было замѣчено близкими людьми.

„Особенно замѣчательно то,—пишетъ Жуковскій, — что въ эти послѣдніе часы жизни онъ какъ будто сдѣлался *иной*: буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу *неодолимою* страстью, исчезла, не оставивъ въ ней слѣда; ни слова, ни воспоминанія о случившемся". Но это не было потерею памяти, а внутреннимъ повышеніемъ и очищеніемъ нравственнаго сознанія и его дѣйствительнымъ освобожденіемъ изъ плѣна страсти. Когда его товарищъ и секундантъ Данзасъ,—разсказываетъ кн. Вяземскій, — желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Геккерну, спросилъ его: не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь въ случаѣ смерти касательно Геккерна.—„Требую,—отвѣчалъ онъ, —чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ".

Описывая первыя минуты послѣ смерти, Жуковскій пишетъ: „Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ и долго одинъ смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти... Что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое. Нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ разливалась, что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, еслибы могъ на минуту воскреснуть?"

Хотя нельзя угадать, какія слова сказалъ бы своему другу возродившійся черезъ смерть великій поэтъ, но можно *навѣрное* отвѣчать за то, чего бы онъ *не* сказалъ. Онъ не сказалъ бы

Digitized by Google

того, что̀ доселѣ твердятъ его неразумные поклонники, дѣлающіе изъ великаго человѣка своего маленькаго идола. Онъ не сказалъ бы, что погибъ отъ злой враждебной судьбы, не сказалъ бы; что его смерть была безсмысленною и безцѣльною, не сталъ бы жаловаться на свѣтъ, на общественную среду, на своихъ враговъ, въ его словахъ не было бы укора, ропота и негодованія. И эта несомнѣнная увѣренность въ томъ, чего бы онъ не сказалъ, — увѣренность, которая не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, потому что она прямо дается простымъ фактическимъ описаніемъ его послѣднихъ часовъ,—эта увѣренность есть послѣднее благодѣяніе, за которое мы должны быть признательными великому человѣку. Окончательное торжество духа въ немъ и его примиреніе съ Богомъ и съ міромъ примиряютъ насъ съ его смертью: эта смерть *не* была безвременною.

Какъ?—скажутъ, — а тѣ дивныя художественныя созданія, которыя онъ еще носилъ въ своей душѣ и не успѣлъ дать намъ, а тѣ сокровища мысли и творчества, которыми бы онъ могъ обогатить нашу словесность въ свои зрѣлые и старческіе годы?

Какой внѣшній, механическій взглядъ! Никакихъ новыхъ художественныхъ созданій Пушкинъ намъ не могъ дать и ни какими сокровищами не могъ больше обогатить нашу словесность.

XII.

Мы знаемъ, что дуэль Пушкина была не внѣшнею случайностью, отъ него не зависѣвшею, а прямымъ слѣдствіемъ той внутренней бури, которая его охватила и которой онъ отдался *сознательно*, несмотря ни на какія провиденціальныя препятствія и предостереженія. Онъ сознательно принялъ свою личную страсть за основаніе своихъ дѣйствій, сознательно рѣшилъ довести свою вражду до конца, до дна исчерпать свой гнѣвъ. Одинъ изъ его ближайшихъ друзей, князь Вяземскій, въ томъ самомъ письмѣ, въ которомъ онъ описываетъ его христіанскую кончину, обращаясь назадъ къ исторіи дуэли, замѣчаетъ: „ему нуженъ былъ кровавый исходъ“. Мы не можемъ говорить о тайныхъ состояніяхъ его души, но два явные факта достаточно доказываютъ, что его *личная* воля безповоротно опредѣлилась въ этомъ отношеніи и уже не была доступна никакимъ житейскимъ воздѣйствіямъ,—я разумѣю: нарушенное слово императору и послѣдній выстрѣлъ въ противника.

Въ томъ внутреннемъ состояніи, о которомъ мы въ правѣ

Digitized by Google

заключать изъ этихъ двухъ фактовъ, даже рана его самого или Геккерна не могла бы укротить его душевную бурю и перемѣнить его рѣшимость довести дѣло до конца. При такой рѣшимости дуэль могла имѣть только два исхода: или смерть самого Пушкина, или смерть его противника. Для иныхъ поклонниковъ поэта *второй* исходъ представлялся бы справедливымъ и желательнымъ. Зачѣмъ убитъ геній, а ничтожный человѣкъ остался въ живыхъ? Какъ же это, однако? Неужели съ этою „успѣшною“ дуэлью на душѣ Пушкинъ могъ бы спокойно творить новыя художественныя произведенія, озаренныя высшимъ свѣтомъ христіанскаго сознанія, до котораго онъ уже раньше достигъ?

Дѣлать предположенія, забывая о дѣйствительной природѣ и собственныхъ взглядахъ человѣка, составляющаго ихъ предметъ, есть ребяческая забава. Пусть эстетическое идолопоклонство ставитъ себя выше различія между добромъ и зломъ, но какое же это имѣетъ отношеніе къ дѣйствительному Пушкину, который никогда на эту точку зрѣнія не становился, а подъ конецъ пришелъ къ положительнымъ христіанскимъ убѣжденіямъ, прямо не допускающимъ такого безразличія? Если Пушкинъ въ зрѣломъ возрастѣ сталъ уже тяготиться противорѣчіемъ между требованіями поэзіи и требованіями житейской суеты, то какимъ же образомъ могъ бы онъ примириться съ гораздо болѣе глубокимъ противорѣчіемъ между служеніемъ высшей красотѣ, священной и величавой, и фактомъ убійства изъ-за личной злобы?

Мы не создаемъ Пушкина по своему образу и подобію, а беремъ дѣйствительнаго Пушкина съ его дѣйствительнымъ характеромъ и съ тѣми убѣжденіями и взглядами, которые дѣйствительно сложились у него къ этому времени. Уже въ шестой главѣ „Евгенія Онѣгина“ есть ясное указаніе на то, какъ далеко былъ бы поэтъ отъ безразличія, еслибы ему пришлось убить на дуэли хотя бы ненавистнаго и презрѣннаго врага:

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага и т. д.
Но отослать его къ отцамъ
Едвали пріятно будетъ вамъ.

Такъ говорилъ еще не перегорѣвшій въ юныхъ страстяхъ авторъ „Евгенія Онѣгина“; что бы сказалъ возмужалый авторъ „Пророка“ и „Отцы пустынники и жены непорочны“? Добровольно отдавшись злой бурѣ, которая его увлекала, Пушкинъ *могъ* и *хотѣлъ* убить человѣка, но съ дѣйствительною смертью

Digitized by Google

противника вся эта буря прошла бы мгновенно, и осталось бы только сознаніе о безповоротно совершившемся злом и безумномъ дѣлѣ. У кого съ именемъ Пушкина соединяется дѣйствительный духовный образъ поэта въ его зрѣлые годы, согласится, что конецъ этой добровольной съ его стороны, имъ самимъ вызванной дуэли—смертью противника—былъ бы для Пушкина во всякомъ случаѣ жизненною катастрофою. Не могъ бы онъ съ такою тяжестью на душѣ по прежнему привольно подниматься на вершины вдохновенія для „звуковъ сладкихъ и молитвъ"; не могъ бы онъ съ кровью нечистой человѣческой жертвы на рукахъ приносить *священную жертву* свѣтлому божеству поэзіи; для нарушителя нравственнаго закона, нельзя уже было чувствовать себя *царемъ* надъ толпою, и для невольника страсти—свободнымъ *пророческимъ глаголомъ* жечь сердца людей. При той высотѣ духа, которая была ему доступна и которую такъ явно открыли его послѣднія мгновенія, легкихъ и дешевыхъ разсчетовъ съ совѣстью не бываетъ.

Для примиренія съ собою Пушкинъ могъ отречься отъ міра, пойти куда-нибудь на Аѳонъ, или онъ могъ избрать болѣе трудный путь невидимаго смиренія, чтобы искупить свой грѣхъ въ той же средѣ, въ которой его совершилъ и противъ которой былъ виноватъ своею нравственною немощью, своимъ недостойнымъ уподобленіемъ ей. Но такъ или иначе,—подъ видомъ ли духовнаго, или свѣтскаго подвижника,—во всякомъ случаѣ Пушкинъ послѣ катастрофы жилъ бы только для дѣла личнаго душеспасенія, а не для прежняго служенія чистой поэзіи. Прежде въ простой и открытой душѣ поэта полнота жизненныхъ впечатлѣній кристаллизовалась въ прозрачную „объективную" призму, гдѣ сходившій на него въ минуты вдохновенія бѣлый лучъ творческаго озаренія становился живою радугою. Но такой лучезарный, торжествующій характеръ поэзіи имѣлъ неизбѣжно соотвѣтствующее ему основаніе въ душевномъ строѣ поэта—ту непосредственную созвучность съ всемірнымъ благимъ смысломъ бытія, ту жизнерадостную и добродушную ясность, всѣ тѣ свойства, которыми отличался Пушкинъ до катастрофы и которыхъ онъ не могъ сохранить послѣ нея. При томъ исходѣ дуэли, котораго бы желали иные поклонники Пушкина, поэзія ничего бы не выиграла, а поэтъ потерялъ бы очень много: вмѣсто трехдневныхъ физическихъ страданій ему пришлось бы многолѣтнею нравственною агоніей достигать той же окончательной цѣли: своего духовнаго возрожденія.

Всѣ многообразные пути, которыми люди, призванные къ

Digitized by Google

духовному возрожденію, дѣйствительно приходятъ къ нему, въ сущности сводятся къ двумъ: или путь внутренняго перелома, внутренняго рѣшенія лучшей воли, побѣждающей низшія влеченія и приводящей человѣка къ истинному самообладанію; или путь жизненной катастрофы, освобождающей духъ отъ непосильнаго ему бремени одолѣвшихъ его страстей. Беззавѣтно отдавшись своему гнѣву, Пушкинъ отказался отъ перваго пути и тѣмъ самымъ избралъ второй,—и неужели мы будемъ печалиться о томъ, что этотъ путь не былъ отягощенъ для него виною чужой смерти, и что духовное очищеніе могло совершиться въ три дня?

Вотъ вся судьба Пушкина. Эту судьбу мы по совѣсти должны признать, во-первыхъ, *доброю*, потому что она вела человѣка къ наилучшей цѣли—къ духовному возрожденію, къ высшему и единственно достойному его благу; а во-вторыхъ, мы должны признать ее *разумною*, потому что этой наилучшей цѣли она достигла простѣйшимъ и легчайшимъ въ данномъ положеніи, т.-е. наилучшимъ способомъ.

На этомъ яркомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть истинную сущность того, что̀ называется *судьбою*. Она не есть простая стихія, она разлагается на два элемента: высшее добро и высшій разумъ, и присущая ей необходимость есть преодолѣвающая сила разумно-нравственнаго порядка, независимаго отъ насъ по существу, но воплощающагося въ нашей жизни только чрезъ нашу собственную волю. А если такъ, то я думаю, что темное слово „судьба“ лучше намъ будетъ замѣнить яснымъ и опредѣленнымъ выраженіемъ—*Провидѣніе Божіе*.

Владиміръ Соловьевъ.

Digitized by Google

„ГЛАСЪ НАРОДА“...

„Vox populi“... — Roman, von Konrad Telmann. 1897.

Окончаніе *).

XXI.

Въ редакціи Зигмару доложили, что къ нему заходилъ какой-то господинъ, который настоятельно желалъ его видѣть и уже побывалъ у него на дому. Служащіе ему объяснили, что г. Оттерштедта можно застать въ редакціи около пяти часовъ и этотъ господинъ сказалъ, что зайдетъ въ это время непремѣнно.

Зигмаръ разсѣянно кивнулъ имъ головою и принялся разбирать письма и газеты, все время думая о своемъ разговорѣ съ Бирнбаумомъ.

„Кажется, онъ все-таки намѣренъ на меня разсчитывать,— размышлялъ онъ:—не лучше ли поскорѣе и разъ навсегда разочаровать его, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ? Скажу ему по телефону и конецъ“! Онъ подошелъ къ звонку, но не успѣлъ даже просить соединить, какъ въ дверяхъ появился сторожъ съ докладомъ, а за нимъ въ открытую дверь послышался голосъ Вольнера:

— Ну что? Вернулся, наконецъ? — и, увидавъ кузена, Лео тотчасъ же прибавилъ:—Ah, te voilà! Гдѣ бы намъ тутъ не помѣшали? Дѣло не терпитъ отлагательства.

Ни слова привѣта, ни обмѣна простыхъ рукопожатій: оче-

*) См. выше: августъ, стр. 712.

Digitized by Google

видно, таково намѣреніе Лео сразу стать на почву отвлеченности, не касаясь личныхъ и, главное, родственныхъ отношеній.

„Тѣмъ лучше“,—подумалъ Зигмаръ и, держась такъ же холодно и дѣловито, какъ его кузенъ, проговорилъ вслухъ, движеніемъ руки указывая ему дорогу:—Милости просимъ, вонъ тамъ пріемная.

Они вошли.

Зигмаръ нажалъ кнопку электрическаго освѣщенія, а Лео съ шумомъ швырнулъ на столъ свою палку и шляпу; затѣмъ подошелъ къ двери и попробовалъ, хорошо ли она запирается. Но въ эту самую минуту въ дверяхъ показалась чья-то голова, поросшая сѣрою щетиной, и произнесла, по адресу Зигмара:

— Я только хотѣлъ предупредить г. редактора, что мы побудемъ пока тутъ же рядомъ. Ни за что вѣдь нельзя поручиться! Такія дѣла ужъ не разъ бывали...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не безпокойтесь: этотъ господинъ—мой знакомый, и вы мнѣ не нужны!

— Какъ угодно. Мы, все равно, тутъ недалеко!—и вѣрный слуга удалился, бросивъ на непрошеннаго посѣтителя не то мрачный, не то угрожающій взглядъ.

Лео натянуто засмѣялся.

— Онъ думаетъ, что я пришелъ тебя душить или пытать, по меньшей мѣрѣ,—замѣтилъ онъ.—Такое у нихъ чутье, у этихъ холоповъ. Положимъ, это не новость для такого образцоваго органа печати. Только мы-то оба, все-таки, безъ этого обойдемся.

Онъ бросился въ низкое плетеное кресло и, видя, что Зигмаръ молча продолжаетъ стоять передъ нимъ, опять ухватился за свою палку, которой и принялся похлопывать по столу.

— Итакъ, ты мой врагъ?—проговорилъ онъ, наконецъ.

— Я? Нисколько! Наша газета, пожалуй. Но и она стоитъ только за свои убѣжденія, а лично ты не имѣешь для насъ никакого значенія.

— Благодарю за откровенность, — сухо возразилъ Лео и чуть-чуть посильнѣе ударилъ палкой. — Но это вѣдь пустая софистика, которой журналисты пускаютъ сами себѣ пыль въ глаза. Я буду говорить съ тобой прямѣе: я тебѣ не побоюсь сказать, что ты—мой единственный и даже единственный опасный врагъ. Не правда ли, какое странное стеченіе обстоятельствъ? Положимъ, оно въ порядкѣ вещей, чтобы каждый трудился себѣ на пользу и тогда, malgré nous, происходятъ нѣкотораго рода столкновенія... A propos, всѣ эти статьи написаны тобой?

Digitized by Google

— Да, я и не скрываю.

— Я такъ и думалъ! Это твой слогъ, твоя щепетильная честность, твоя рыцарски-доблестная смѣлость! Даже министръ замѣтилъ: „Ipsissima verba!—говоритъ:—жаль только, что онъ сбился съ настоящаго пути. А у него прорываются такія рѣзкія выраженія! И намъ его смѣлость могла бы быть полезна, только бы она не пропадала даромъ“!..

Стукотня палкой по столу прекратилась; зато теперь кресло принялось усиленно качаться.

— Не думаю, что ты исключительно для того только и хотѣлъ меня видѣть,— мѣрнымъ голосомъ возразилъ Зигмаръ,— чтобы сообщить мнѣ лестное мнѣніе обо мнѣ его высокопревосходительства?

— А хотя бы и для того? Это—всеобщее мнѣніе; всѣ думаютъ, что ты не на своемъ мѣстѣ; что ты напрасно занимаешься дѣломъ, которое еще пристало, пожалуй, такимъ темнымъ личностямъ, какъ Цезарь Вельсбергъ, у которыхъ нѣтъ и не можетъ быть выбора. Ты—дѣло другое: тебѣ только руку протянуть, и ты получишь больше, чѣмъ можешь ожидать.

— Ну, этого я что-то не замѣтилъ! — возразилъ Оттерштедтъ, съ короткимъ смѣхомъ.

— Не замѣтилъ, не замѣтилъ! Опять ты намекаешь на свою проклятую исторію; но вѣдь она давнымъ давно успѣла быть и сплыть. Ни одна душа больше про нее не вспомнитъ! И, наконецъ, ты помнишь Бюлера? Онъ теперь правая рука министра, а былъ вѣдь подъ судомъ, и это ему не помѣха, даже наоборотъ, министръ самъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ и это его страшно забавляетъ. Бомсдорфы всѣ премилые люди; они пришлись бы тебѣ по душѣ.

Зигмаръ нетерпѣливо подернулъ плечами.

— Не сомнѣваюсь; только къ чему, зачѣмъ мнѣ это знать? И всѣ твои заявленія... такія подробности... Однако, пріемъ сейчасъ кончается, а у меня еще много дѣла...

Лео невозмутимо вынулъ изъ кармана серебряный портсигаръ и предложилъ кузену. Тотъ отказался.

— Какъ угодно, но мнѣ-то, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, будетъ разрѣшено курить въ вашемъ святая святыхъ?—и, не дожидая отвѣта, Лео спокойно закурилъ.

— Удивительно, право, какъ это ты можешь считать свою газету чѣмъ-то серьезнымъ? — продолжалъ онъ. — Если бы ты дѣйствительно хотѣлъ послужить правому дѣлу, ты самъ искалъ бы себѣ иного назначенія, которое дало бы тебѣ возможность

Digitized by Google

осуществить на практикѣ то, что̀ тебѣ пока далось только въ теоріи. А то можно, пожалуй, подумать, что ты горячъ только на словахъ...

Зигмаръ началъ не на шутку тревожиться. Видно, его и въ самомъ дѣлѣ хотятъ обезоружить, приблизивъ къ министру!..

— Но ты... Но у тебя вѣдь нѣтъ для меня такого мѣста наготовѣ?—спросилъ онъ.

— Ну, а еслибъ было?—отвѣтилъ вопросомъ Лео и проницательно взглянулъ на брата.

— А!..

— Ты образумился бы, можетъ быть? Вѣдь такъ? Вотъ всѣ-то вы, ревнители свободы, таковы! Я понимаю, что̀ составляетъ для тебя главную препону: что̀ скажетъ тогда про тебя тотъ самый vox populi, который ты такъ презираешь на словахъ,— и только на словахъ! Замѣть, что мы всѣ дѣйствуемъ открыто; мы не рисуемся своимъ патріотизмомъ; мы не кричимъ про свою любовь къ народу, который и вы, въ сущности, любите далеко не такъ горячо, какъ вамъ это кажется. Вы знаете его почти такъ же мало, какъ и мы, но только мы имѣемъ смѣлость не напускать на себя приторной и неискренней гуманности; мы не кокетничаемъ своимъ безпристрастіемъ и великодушіемъ. Мы не понимаемъ простого народа; мы не сочувствуемъ, да и не *можемъ* сочувствовать ему. Но ты не заурядный человѣкъ; ты говоришь, и свои слова хочешь примѣнить къ дѣлу. Ну, и чудесно! Пользуйся случаемъ, который можетъ и не представиться тебѣ вторично... Тебѣ просто неловко передъ общественнымъ мнѣніемъ...

— Мнѣ-то? Самъ знаешь, я ужъ потому могу относиться къ нему равнодушно, если не съ боязнью, что я уже довольно пострадалъ отъ него. Но мнѣ, да и всѣмъ нашимъ вообще, не страшно ничего, кромѣ своей собственной совѣсти.

— Ну, это только называется у васъ иначе, а въ сущности оно одно и то же. По моему, твоя собственная совѣсть должна бы тебѣ посовѣтовать ухватиться за удобный случай послужить своему дѣлу. Ужъ чего же удобнѣе? Бомсдорфъ прочиталъ твою книгу (положимъ, кто жъ ея не читалъ теперь?), или вѣрнѣе— проглотилъ, и началъ тотчасъ же совѣтовать всѣмъ и каждому ее прочесть, особенно рекомендуя чиновникамъ „внутреннихъ дѣлъ“... „Намъ необходимъ свѣжій элементъ, молодыя силы для нашихъ трудовъ! — говорилъ онъ: — иначе намъ нельзя и приступить къ соціальному перевороту“. Да пойми же ты, наконецъ, что, стоя на верхнихъ служебныхъ ступеняхъ, благодаря своей

Digitized by Google

близости къ министру, а слѣдовательно и ко всему двору, ты имѣлъ бы возможность увѣреннѣе работать, осуществляя постепенно идеалъ, къ которому ты всѣми силами стремишься... Твоя книга, словно волшебный жезлъ, открыла тебѣ двери, которыя до сихъ поръ были для тебя закрыты

Зигмаръ все время не проронилъ ни слова и слушалъ, не поднимая глазъ на Лео, котораго это начало безпокоить.

— А на какихъ условіяхъ, Лео? На какихъ условіяхъ? Ты о нихъ позабылъ сказать,—раздался его сдавленный, вдругъ захрипѣвшій голосъ.

— Какихъ условіяхъ?..

— Ну, да: къ чему я, съ своей стороны, обязываюсь, принимая такое щедрое благодѣяніе? Не станутъ же даромъ такъ высоко ставить никому неизвѣстнаго, скромнаго человѣчка. Не станутъ безъ нужды сажать его на мѣсто, достойное заслуженныхъ сановниковъ,—мѣсто, дающее ему право на высшіе чины и ордена, не будучи увѣрены, что ихъ благостыня не пропадетъ даромъ! Его высокопревосходительство министръ Бомсдорфъ —человѣкъ разсчетливый.

Лео старался сдѣлать видъ, что ему искренно смѣшно.

— *Условія!.. Разсчетъ!..* Какъ это отзываетъ демократической повадкой! Да еще какой,—самой старомодной!.. Впрочемъ, относительно того, къ чему тебя можетъ обязывать твое высокое положеніе, лучше всего тебѣ подскажутъ умъ и совѣсть.

— Гм! По-просту говоря, мнѣ хотятъ замазать ротъ? Ну, признавайся!

— Опять—выраженіе народнаго трибуна, милый мой Зигмаръ! Само собою разумѣется, что служащій въ правительственномъ учрежденіи и самъ не станетъ заниматься полемикой въ газетахъ, настроенныхъ враждебно къ министерству, въ которомъ онъ служитъ.

— Ну, да! Ну, да! весьма естественно! Я даже могу гордиться, что моему слабому перу и моей ничтожной газетѣ придаютъ такое крупное значеніе, но вѣдь оно прямо вытекаетъ изъ того факта, что имъ отнюдь нельзя приписать мелочные или партійные интересы. Еслибъ еще я могъ быть увѣренъ, что, принявъ это предложеніе, я могу послужить народу,—повѣрь моему слову!—я не задумался бы ни минуты, чтобъ его принять. Я думаю, тебѣ самому это ясно и не требуетъ поясненія. Я готовъ служить ему и словомъ, и дѣломъ, сколько могу и чѣмъ могу. Во всемъ же остальномъ...

Зигмаръ остановился, замѣтивъ движеніе Лео, который ше-

Digitized by Google

вельнулъ рукой и шляпой, какъ бы говоря: Что мнѣ за дѣло до всего этого, до твоихъ идеаловъ и намѣреній?

— Значитъ, мы такъ и остаемся по старому—врагами?—спросилъ онъ, и лицо его исказилось злобнымъ, угрожающимъ выраженіемъ.

Зигмару почему-то именно въ эту минуту вспомнилось, что этотъ самый озлобленный человѣкъ когда-то, въ юности, нашелъ пріютъ и защиту въ его домѣ, нашелъ участіе, любовь и въ немъ, и въ Эсѳири...

— Врагами?!.. Нѣтъ,—возразилъ онъ:—на это у меня нѣтъ повода; я могу противодѣйствовать только поступку, доказывающему самоуправство министра; люди же, стоящіе къ нему близко, для меня безразличны.

— Полно! Тебѣ просто не хочется, чтобы я достигъ еще бо̀льшихъ почестей. Ты считаешь меня недостойнымъ успѣховъ и отличій, ты кичишься своей классической строгостью нравовъ... Ты просто, можетъ быть, завидуешь мнѣ?

— Я безъ малѣйшей зависти тебѣ предоставляю все: и выгоды, и честь занимать такой высокій постъ, но въ то же время не могу не сказать, что, несмотря на услугу, которую ты оказалъ министру, ты не особенно способенъ занимать тотъ постъ, которымъ тебя почтили.

— По крайней мѣрѣ откровенно!—прошипѣлъ Лео сквозь зубы.—Борьба, такъ борьба!

— Нѣтъ: честный бой, и единственно за убѣжденія!

— Понимаешь ли ты, что теперь, когда я стою у власти, борьба со мною далеко не безопасна? Я вѣдь могу забыть...

Зигмаръ пожалъ плечами, улыбаясь:

— Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы ты умѣлъ владѣть собою, и чтобъ то мѣсто, которое ты занялъ незаконно, принадлежало тебѣ по заслугамъ, а не по произволу деспотически настроенной власти.

— Неисправимый поборникъ правъ рабочихъ и страстный ораторъ!—воскликнулъ въ возбужденіи Лео.—Твое мѣсто въ рейхстагѣ. Жалѣю, что потерялъ столько времени въ напрасныхъ разговорахъ... Ну, прощай!

Долго смотрѣлъ Зигмаръ ему въ слѣдъ и, повторяя въ памяти только-что происшедшее, приходилъ постепенно къ заключенію, что и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, не мѣшаетъ принять предложеніе Бирнбаума участвовать въ рейхстагѣ?..

Digitized by Google

XXII.

Чѣмъ ближе подходило лѣто, тѣмъ пышнѣе распускались душистые весенніе цвѣты. Чѣмъ сильнѣе становился ихъ нѣжный ароматъ, тѣмъ слабѣе дѣлалось дыханіе Эсѳири, тѣмъ блѣднѣе и прозрачнѣе были ея лицо и руки. Порой она была не въ силахъ поднять вѣки, какъ будто слишкомъ ее ослѣпляли лучи того самаго солнца, которое она такъ горячо любила. Порой она, лежа съ полузакрытыми глазами, невольно прижимала руку къ сердцу, какъ бы затѣмъ, чтобы удостовѣриться, не замерло ли оно совершенно.

Но въ общемъ, больную, какъ и прежде, не оставлядо мужество смотрѣть прямо въ глаза грозному призраку смерти и довольствоваться тѣмъ малымъ, чѣмъ она еще въ состояніи была наслаждаться.

И у Зигмара дѣла пошли глаже, спокойнѣе; отличіе, извѣстность пришли сами собой, повлекли за собой выборъ въ рейхстагъ, назначеніе „независимымъ“ кандидатомъ, съ цѣлью помогать соединеннымъ кружкамъ, враждебно настроеннымъ противъ соціаль-демократическихъ стремленій. Но и въ этихъ, соціаль-демократическихъ сферахъ Зигмаръ успѣлъ пріобрѣсти всеобщее уваженіе, по словамъ жены Вельсберга, которая часто заглядывала къ Оттерштедтамъ и подолгу болтала съ больною. А еще того чаще приходилось Эсѳири выслушивать всевозможныя новости отъ Вѣры Альсфельдъ, которая не преминула прибѣжать разсказать подругѣ свои впечатлѣнія, когда Зигмару пришлось первый разъ говорить въ рейхстагѣ.

Вѣра, по обыкновенію, какъ вихрь, влетѣла безъ доклада, впопыхахъ срывая длинныя перчатки съ рукъ, которыми двигала въ неудержимомъ возбужденіи. На-скоро снявъ шляпу съ модной вуалеткой, Вѣра бросилась на скамеечку у ногъ Эсѳири и, цѣлуя ей руки, быстро заговорила:

— Отгадайте-ка, откуда я? Ну, понятно, прямо изъ рейхстага! Я чуть жива отъ голода, отъ жажды, отъ нестерпимѣйшей жары и духоты! У васъ я оживу... какъ дышется легко! Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь напиться? Вина немножко, да? А вѣдь ужасный трудъ—сочувствовать народу!—Минуты двѣ спустя, она уже вернулась и продолжала говорить, грызя сухарикъ и запивая его виномъ изъ рюмки.

— Толпа, волненіе и давка, какъ на первомъ представленіи! Еслибъ не Зигмаръ дебютировалъ сегодня, я ни за что

Digitized by Google

бы не рѣшилась сунуться туда! Въ нижнихъ рядахъ, на бархатныхъ мѣстахъ возсѣдали, проникнутые чувствомъ своей важности, выборные отъ народа: сытые горожане, достойные служители алтаря, тучные фермеры, фанатики, парламентскіе завсегдатаи, пострадавшіе соціаль-демократы... И вся эта пестрая толпа, въ ожиданіи любопытнаго явленія—рѣчи новаго оратора, Оттерштедта, болтала, просматривала газеты, на-скоро писала письма и записки, зѣвала, чистила себѣ ногти, словомъ, оказывалась преинтереснымъ предметомъ наблюденій. А въ это время на трибунѣ ораторствуетъ кто-то, надрывая голосъ, поминутно прибѣгая къ помощи стакана съ водою. Но его, все равно, никто не слушалъ, за исключеніемъ горсточки людей, близко стоявшихъ и выкрикивавшихъ то-и-дѣло: „Слушайте! Слушайте!.. Браво-о-о!“ и т. п. За министерскимъ столомъ торжественно возвышались осанистыя фигуры важныхъ сановниковъ, такъ озабоченно склонившихся надъ своими бумагами, словно хотѣли всему свѣту показать, что имъ приходится на своихъ плечахъ выносить бремя заботъ о благѣ народномъ. Сначала все это было ужасно смѣшно, но потомъ мнѣ было не до смѣху. Я проголодалась... Позади меня сидѣли какія-то дамы, отъ которыхъ несло сильнѣйшимъ запахомъ пачули. Весьма естественно, что на меня вдругъ, помимо моей воли, напало желаніе во все горло закричать этой безпорядочно галдѣвшей толпѣ: „Молчите, чортъ побери“!.. Все-таки хоть это было бы для меня большимъ облегченіемъ!

— Вы, кажется, хотѣли разсказать мнѣ про Зигмара?—съ улыбкою спросила ее Эсѳирь.

— Сейчасъ, сейчасъ и до него дойдемъ!.. Ну, вотъ. Шуму и гаму, по обыкновенію, не обобраться. Одинъ кричитъ: черно! другой кричитъ: бѣло! и каждый крикъ подхватываютъ еще сотни голосовъ. Да это противозаконно!.. Нѣтъ!.. Позвольте же, однако!.. Громче, громче!.. Не перебивать! Пусть договоритъ! Да кричите, господа!.. Ого!.. Браво! Браво!.. Къ порядку, господа, къ порядку!.. Вотъ, кажется, и вся картина. Ну, а потомъ заговорилъ министръ, заговорилъ такъ тихо и почти небрежно, какъ бы бесѣдуя у себя въ гостиной. И, несмотря на это, чувствовалось невольно, глядя на него и слушая его неспѣшную рѣчь, что онъ выйдетъ безъ труда побѣдителемъ изъ этого засѣданія, потому что чувствуетъ за собой прочную силу и знаетъ, что никакія возраженія сломить ея не могутъ. Послѣ него заговорилъ Зигмаръ.

— Гм! Новичокъ! Какой-то неизвѣстный!—раздались голоса

Digitized by Google

и не одинъ съ насмѣшкой отозвался о ребячески-отчаянной смѣлости выступать впервые предъ такимъ собраніемъ. Всякій былъ убѣжденъ въ полномъ его провалѣ или, по крайней мѣрѣ, въ комизмѣ его дерзкой выходки. Но добрая половина представителей того самаго народа, за права котораго ратовалъ молодой ораторъ, вышла изъ залы и на время переселилась въ буфетъ; другая же осталась, продолжая, какъ ни въ чемъ не бывало, болтать и смѣяться въ то время, какъ новичокъ своимъ слабымъ голосомъ развивалъ передъ ними свои воззрѣнія. Странная это была рѣчь! Ни цвѣтистаго, показного краснорѣчія, ни эффектовъ, разсчитанныхъ на вкусы толпы, но зато цѣлая нить разумныхъ доказательствъ, развитыхъ совершенно ясно и опредѣленно, цѣлый рядъ вѣскихъ возраженій противъ образа дѣйствій министра, который, прислушавшись, шепталъ со своимъ племянникомъ-журналистомъ. Въ центрѣ два-три пожилыхъ господина задремали, поникнувъ головой на грудь... Мало-по-малу произошло движеніе. Слушавшіе внимательно принялись шептаться, тихонько толкая локтями другъ друга, и скоро по всему громадному залу прошелъ тихій ропотъ одобренія. Изъявленій восторга никакихъ, только безпредѣльное молчаніе, полное вниманія и любопытства. Министра, понемногу, тоже оставила его небрежность: онъ прислушался наравнѣ со всѣми къ голосу, который все яснѣй и громче раздавался надъ трибуной. Сомнѣнья нѣтъ: это говоритъ врагъ его воззрѣній, и притомъ врагъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться. Привычка сдерживаться, не выдавая своихъ личныхъ чувствъ, не оставляла высшаго сановника, но его дорогой монокль (самый лучшій въ Берлинѣ!) разлетѣлся въ дребезги.

— Сколько драматизма!—улыбнулась Эсѳиръ.—Я этого отъ васъ никакъ не ожидала.

— Когда онъ кончилъ,—продолжала Вѣра,—съ минуту всѣ, казалось, притаили дыханіе... Только вдругъ „правая“ зашикала... и это было какъ бы сигналомъ къ всеобщему взрыву одобренія. Восторженные крики и рукоплесканія совершенно заглушили свистки и шиканье, дружно раскатившись подъ сводами зала. Когда шумъ началъ нѣсколько стихать, тогда только замѣтили, что кресло министра опустѣло, а онъ самъ исчезъ изъ залы засѣданія безслѣдно. И это открытіе возбудило новый взрывъ восторженнаго ликованія... Но отгадайте, кто слушалъ Зигмара, не сморгнувъ, сидя прямо противъ него и скрестивъ неподвижно руки на груди? Кто не спускалъ съ него внима-

Digitized by Google

тельнаго взгляда, все время не переставая улыбаться?.. Ну, кто же, какъ не Лео Вольнеръ. Г-на профессора не скоро проймешь!

— Что жъ теперь будетъ? Онъ выйдетъ изъ профессоровъ?— спросила Эсѳирь.

— *Профессоръ* Вольнеръ сохранилъ за собою свое мѣсто, какъ и г. министръ—свое; но ораторское искусство Зигмара для него еще вновѣ и доставитъ ему въ будущемъ еще больше извѣстности.

— Гдѣ онъ теперь? Ужъ поздно.

— Не знаю; и никто не знаетъ! Вѣрно, въ редакціи усиленно пишетъ что-нибудь такое, не терпящее отлагательства. Усталый, изнуренный чрезмѣрнымъ возбужденіемъ, онъ было-сѣлъ отдохнуть и просмотрѣть газету, какъ вдругъ вскочилъ и поспѣшилъ уйти изъ залы: вѣрно, его что-нибудь въ ней поразило и онъ спѣшитъ занести это на столбцы своей газеты... Какъ я устала! Боже мой, какъ устала!—Вѣра прислонила голову къ колѣнямъ Эсѳири и закрыла глаза.

Тихонько проводя рукой по волосамъ подруги, Эсѳирь услышала, что ея губы чуть слышно прошептали:

— Ему жилось бы тогда такъ легко!

Эсѳирь покачала головой.

— Я вамъ не разъ ужъ говорила, Вѣра, что Зигмаръ не можетъ побѣдить въ себѣ чувства любви, какъ не можетъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, — проговорила она и голосъ ея задрожалъ слегка.

— Но, Боже мой! Аликса для него все равно погибла... особенно теперь ужъ безвозвратно. Она объявлена невѣстой фонъ-Фалена... Какъ я глупа! Боже, какъ я глупа!—и Вѣра вскочила на ноги, пораженная новой мыслью:—Вотъ что его такъ встревожило въ газетахъ!

Эсѳирь, въ волненіи, глубоко дышала и крѣпче стиснула свои сложенныя руки.

— А вдова Ульриха, красавица Мелитта, убитая горемъ, втихомолку перевѣнчалась съ Борисомъ фонъ-Гольстомъ и ѣдетъ теперь съ нимъ изъ Ниццы въ Индію, куда онъ назначенъ консуломъ... кажется, въ Калькутту. Да!—продолжала она, проворно надѣвая и застегивая свою кофточку.—Такія чудеса приходится переживать! Если-бъ вы только знали... Ахъ, мнѣ скорѣй надо идти... идти къ нему, сказать...

— Куда? Къ кому?

— Не знаю; только тутъ я не могу остаться! Я, можетъ быть, гдѣ-нибудь разыщу его и пошлю поскорѣе къ вамъ, конечно.

Digitized by Google

—Съ особой нѣжностью она обняла и поцѣловала больную и съ глубокимъ вздохомъ прибавила:—Какъ людей надо презирать, о, Боже!

На порогѣ она столкнулась съ Оттерштедтомъ.

Какъ ни слабо освѣщена была площадка лѣстницы небольшой керосиновой лампочкой, Вѣрѣ все-таки бросилось въ глаза изможденное лицо Зигмара.

— А, вотъ и вы!.. Наконецъ-то!—стараясь говорить непринужденно, воскликнула она:—Эсэирь васъ заждалась.

Зигмаръ, запыхавшись, облокотился на перила.

— Какъ хорошо, что я васъ встрѣтилъ, графиня! Я хотѣлъ вамъ писать: у меня есть къ вамъ большая просьба.

— Говорите скорѣй, что̀ такое?

Но Зигмаръ молчалъ, тяжело переводя духъ. Лицо его осунулось и потемнѣло.

— Я... Мнѣ необходимо... видѣться съ Аликсою Вельсбергъ... только бы на минуту!—запинаясь, говорилъ онъ.—Я хотѣлъ васъ просить... передать ей, что мы могли бы видѣться... у васъ...

Вѣру вообще трудно было удивить; она считала, что среди житейской безалаберной суеты все, даже самое невѣроятное, возможно. Но такая просьба положительно ее удивила. Она чувствовала, что въ душѣ Зигмару все-таки должно быть неловко передъ нею. Ей казалось, что такая просьба унизительна для его достоинства, и что онъ это понимаетъ. Вѣра никогда не любила Алисы Вельсбергъ; но теперь она, кажется, возненавидѣла ее: изъ-за нея Зигмаръ долженъ былъ поступиться своимъ достоинствомъ, изъ-за нея страдать и унижаться!

— Вамъ это должно казаться очень страннымъ,—еще тише, еще смущеннѣе продолжалъ Зигмаръ, какъ бы отвѣчая на ея мысли.—Но право же это необходимо! Такъ ей и скажите, если она не захочетъ согласиться. Пожалуйста, не бойтесь, что... Впрочемъ, съ вами можно говорить откровенно: это касается третьяго лица... но только надо завтра же намъ переговорить; *завтра*, во что бы то ни стало! Положимъ, я могъ бы также обратиться къ фрау Маріи, но...

Вѣра уже успѣла овладѣть собой и движеніемъ руки его остановила:

— Хорошо, хорошо! Вы знаете, конечно, что отъ меня именно можно ожидать чего-нибудь необыкновеннаго... Такъ я вамъ завтра дамъ знать въ редакцію, и если Аликса согласится, можете завтра же быть у меня, передъ обѣдомъ...—Она хотѣла

Digitized by Google

уйти, не прощаясь, но что-то вспомнила и вернулась:—Поздравляю васъ!

— Меня? Съ чѣмъ же?—не понимая, переспросилъ онъ.

— Съ успѣхомъ въ рейхстагѣ! Вы теперь на прямой дорогѣ въ канцлеры... Я была тамъ и слышала васъ.

— А!.. Да; развѣ это сегодня было?—и Зигмаръ провелъ рукой по лбу, стараясь собрать свои мысли.—А мнѣ казалось уже такъ давно!.. Я позабылъ и думать объ этомъ...

— Вы слишкомъ переутомились,—возразила Вѣра, подавая ему руку.—Покойной ночи!..—и она поспѣшно побѣжала внизъ по лѣстницѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ей сказать хоть слово.

XXIII.

Повидимому, все складывалось самымъ благополучнымъ образомъ къ тому, чтобы свиданіе Зигмара съ Алисой состоялось, не привлекая ничьего вниманія.

Графъ Эбергардъ былъ отозванъ куда-то еще съ самаго утра, какъ это нерѣдко случалось за послѣднее время, когда онъ вдругъ совершенно неожиданно исчезалъ и такъ же неожиданно появлялся. Конечно, всѣ эти таинственныя исчезновенія сводились, по всей вѣроятности, къ его денежнымъ дѣламъ или къ любовнымъ приключеніямъ. Ни то, ни другое не тревожило, не интересовало Вѣру.

Тетя Сара слегла, расхворавшись до того, что Вѣра предложила ей позвать доктора; но тетя, хоть и поговаривала о томъ, что ей умирать пора, а доктора позвать наотрѣзъ отказалась. Вѣра, въ шутку, высказала предположеніе, что она больна отъ несчастной любви къ графу... и тетя Сара въ порывѣ раздраженія прогнала отъ себя племянницу.

Скучая, томясь одиночествомъ, Вѣра сидѣла у себя въ *кабинетѣ рѣдкостей*, когда раздался звонокъ и вошла Алиса, повидимому, спокойная и на все готовая. Душевныя страданія наложили на нее свою печать, но она показалась Вѣрѣ красивѣе обыкновеннаго, и сердце ея больно защемило. Ей было досадно на себя за то волненіе, которое она испытывала съ самаго утра, какъ будто все это касалось ея лично. А между тѣмъ предстоящій разговоръ Зигмара съ Алисой до крайности ее тревожилъ, и она тщетно пыталась угадать, что бы все это могло значить; только мысль отказывалась работать и голову ломило, какъ въ тискахъ...

Digitized by Google

— Зигмара еще нѣтъ, — проговорила она, здороваясь съ Алисой, которая вспыхнула и тотчасъ же поблѣднѣла, принимая унылый, апатичный видъ, совершенно несоотвѣтственный сану невѣсты.

Впрочемъ, это вполнѣ объяснялось отчаяннымъ положеніемъ полковника Вельсберга, который былъ почти при смерти и уже больной благословилъ дочь на бракъ съ поручикомъ фонъ-Фаленомъ.

Не сразу замѣтила Вѣра, что она, по обыкновенію, назвала Оттерштедта только по имени, какъ въ разговорѣ съ его сестрой. Это, конечно, могло поразить его бывшую невѣсту. Впрочемъ, задумываться надъ этимъ было некогда: Оттерштедтъ уже входилъ въ комнату, гдѣ должно было состояться ихъ свиданіе.

Онъ былъ блѣденъ и только жилки, налившіяся на вискахъ, выдавали его внутреннее волненіе.

— Нѣтъ, нѣтъ: останьтесь, прошу васъ!—поспѣшилъ онъ обратиться къ Вѣрѣ, видя, что она хочетъ уйти и здороваясь съ нею за руку; Алисѣ онъ только поклонился и продолжалъ, уже обращаясь къ послѣдней:

— Благодарю васъ за то, что вы пришли; я долженъ вамъ сказать нѣчто такое, что̀ вамъ необходимо знать. Долго я не могъ рѣшиться, но пришелъ къ убѣжденію, что моя обязанность васъ предупредить... Это касается Юргена фонъ-Фалена.

— Боже мой, что̀ случилось? Вы говорите такъ, какъ еслибы онъ сдѣлалъ преступленіе...

— Нѣтъ... то-есть, не совсѣмъ... Я вамъ ужъ намекалъ, тогда еще у васъ, что вашъ братъ Бото не виноватъ, что такъ страшно проигрался и что его нарочно подстрекалъ другой... его товарищъ...

Рѣзкій крикъ перебилъ его. Алиса, дрожа, блѣдная какъ мертвецъ, стояла передъ нимъ и ея губы едва шевелились:

— И этотъ... другой?.. Это былъ...

— Юргенъ фонъ-Фаленъ!

Какъ подкошенная, упала въ кресло Алиса и зарыдала.

Зигмаръ не могъ удержаться отъ чувства сожалѣнія и глухимъ голосомъ съ трудомъ договорилъ:

— Мы тогда сильно выпили и не могли, конечно, здраво разсуждать; а Юргена, вдобавокъ, раздражала необходимость отговаривать товарища продолжать игру. Злого умысла съ его стороны не было, понятно; но, къ сожалѣнію, своими шуточками онъ сильно раздражилъ Бото, который и безъ того ужъ былъ разгоряченъ не въ мѣру выпитымъ шампанскимъ... Но теперь, когда я вдругъ узналъ о вашей помолвкѣ, я подумалъ, что вамъ

Digitized by Google

узнать потомъ было бы тяжелѣе... что, можетъ быть, вы бы не хотѣли... Словомъ, мнѣ кажется, я былъ обязанъ...

— Благодарю; вы поступили совершенно правильно,—сказала Алиса уже своимъ обычнымъ ровнымъ голосомъ.

За дверью послышался горячій споръ и чьи-то тяжелые, торопливые шаги.

— Я приказала никого не принимать,—проговорила Вѣра.

— Весьма возможно, что это Юргенъ фонъ-Фаленъ,—замѣтилъ Зигмаръ.—Я считалъ своимъ долгомъ предупредить его: я всегда дѣйствую открыто.

— Излишне-благородные порывы, какъ это бываетъ у васъ зачастую,—пожимая плечами, возразила Вѣра.

— Тысяча извиненій, графиня!—уже лепеталъ передъ нею Юргенъ, разстроенный, весь въ поту, съ искаженнымъ лицомъ.—Будьте увѣрены, что только при такихъ необычныхъ условіяхъ могъ я рѣшиться безпокоить васъ... И вдругъ, встрѣчаю здѣсь у васъ свою невѣсту и... этого господина, который осмѣлился взводить на меня небылицы...

— Прошу васъ взять свои слова назадъ!—перебилъ его Зигмаръ.—Вамъ хорошо извѣстно, что я говорю правду.

— Вы также ошибаетесь и въ томъ, что встрѣтили здѣсь свою невѣсту,—вдругъ вмѣшалась Алиса.—Съ этой минуты наши дороги на жизненномъ пути расходятся совершенно... и никогда бы онѣ не сошлись, еслибъ въ васъ было сознаніе своей неправоты...

— Аликса! — въ отчаяніи вскричалъ фонъ-Фаленъ.—Ради Бога! Не оставляйте же меня! Не проклинайте!

— Я и не проклинаю васъ,—тихонько качая головой, возразила она.—Но между нами есть несокрушимая преграда, которую и вы, и я чувствуемъ одинаково ясно... Прощайте!

Юргенъ на мигъ остановился, словно ошеломленный; но затѣмъ тотчасъ же оглянулся на Зигмара и далъ волю своему раздраженію:

— Вы мнѣ заплатите за все, за все!—хрипло выкрикивалъ онъ, потрясая кулаками.

— Вы забываете, г. поручикъ, что я не дуэлистъ; я не достоинъ чести съ вами драться на равныхъ правахъ... началъ было съ ѣдкою усмѣшкой Оттерштедтъ.

— Вотъ какъ?—воскликнулъ Фаленъ.—Я васъ заставлю!..—голосъ его прервался.—Я поступлю съ вами, какъ вы заслужили...—Онъ занесъ руку и... Зигмаръ больше ничего не могъ понять, сообразить...

Digitized by Google

Когда же онъ очнулся, въ ушахъ у него все еще стояли отголоски женскаго отчаяннаго крика; но онъ подумалъ, что это ему только такъ почудилось. Алисы не было въ комнатѣ; а надъ нимъ стояла одна только Вѣра и пожимала плечами:

— Я, знаете, всегда его считала уличнымъ мальчишкой; теперь я могла убѣдиться, что это какой-то разбойникъ съ большой дороги... Ну, что? Оправились ли вы? Не дать ли вамъ воды?..

— Благодарю васъ, совершенно. Ничего не надо. Надо только просить у васъ безграничнаго прощенія за происшедшее. Если бъ я могъ предвидѣть...

— Полноте, полноте! Съ которыхъ поръ мы съ вами церемонимся? Ну, сказали—и будетъ; и конецъ тому дѣлу! Куда вы? — прибавила она поспѣшно, подозрительно поглядывая на него:—Аликсу я отправила домой...

— Мнѣ больше ничего не надо отъ нея...

— А Юргенъ фонъ-Фаленъ, вѣрно, ужъ самъ одумался. До него тоже вамъ никакого дѣла нѣтъ. На глупости и сумасбродства вы, кажется, неспособны; а все-таки, воздержитесь! Что смотрите вы на меня такъ страшно?

— Не знаю, что въ данномъ случаѣ считаете вы сумасбродствомъ?—возразилъ Зигмаръ, дѣйствительно глядя на графиню Вѣру.

— Пожалуйста, не разыгрывайте изъ себя непонимающаго,—перебила она его.—Вы понимаете меня прекрасно! Мнѣ хорошо извѣстны ваши убѣжденія... Послушайте!—вдругъ перебила она сама себя и, положивъ ему обѣ руки на плечи, глядя прямо въ глаза, продолжала рѣшительно и твердо.—Вы вѣдь теперь хотите съ нимъ, съ этимъ разбойникомъ, стрѣляться? И это несмотря на то, что вы—ярый противникъ дуэли! Вы думаете, конечно, что теперь для васъ ужъ нѣтъ иного средства поддержать славу своей порядочности въ глазахъ общества; что вы теперь даже обязаны поступить по его законамъ, когда обстоятельства, съ его точки зрѣнія—того требуютъ? А я вамъ говорю: глупости! Ничего этого не надо! И говорю не потому, чтобъ я за васъ боялась, а просто потому, что таково мое личное убѣжденіе...

— Довольно, не будемъ больше объ этомъ говорить! Позвольте съ вами проститься!—перебилъ онъ ее.

— Постойте! До моего мнѣнія вамъ, конечно, нѣтъ никакого дѣла; но вѣдь со всѣми этими господами развѣ вамъ такъ уже необходимо жить, не разставаясь? Помните, я вамъ когда-то го-

Digitized by Google

ворила и теперь говорю вторично: хотите, уѣдемъ отсюда, куда-нибудь подальше; если хотите—навсегда? Вы, наконецъ, могли бы согласиться! Стоитъ только рѣшиться... Вы скроены не по будничному, избитому шаблону...

— Графиня! простите... но вы слишкомъ далеко зашли въ своей шуткѣ...

— Это не шутка! Я и не думаю шутить. Очень нужно народу, чтобъ вы для него жили и не щадили своей жизни! Вы думаете, что я недостаточно въ васъ уважаю добрыя стремленія помочь народу и пересоздать его... если это возможно? Но развѣ я сама подъ вашимъ вліяніемъ не измѣнилась совершенно? И это такъ естественно: если живешь всецѣло внутренней, духовной жизнью другого человѣка, то такъ съ нею сживаешься, что самъ перерождаешься всецѣло, вмѣсто *своихъ*, пріобрѣтая *ея* отличительныя свойства...

Зигмаръ въ ужасѣ смотрѣлъ на нее, словно пораженный неожиданнымъ страшнымъ открытіемъ, и тихо снялъ со своихъ плечъ ея руки, невольно думая: этого еще недоставало!..

— Я и не зналъ, графиня, что вы умѣете быть такъ краснорѣчивы!—сказалъ онъ, стараясь говорить почти рѣзко.—Благодарю васъ горячо за все, за все—особенно же за ваше незаслуженно-высокое мнѣніе обо мнѣ. Къ сожалѣнію, отъ удовольствія путешествовать съ вами я долженъ отказаться: у меня есть здѣсь свое дѣло, свое призваніе. Отпуска мнѣ не дадутъ.

Безграничное удивленіе звучало въ ея словахъ, когда она спросила, какъ бы продолжая думать вслухъ:

— Вы еще любите ее? Послѣ всего, что было между вами?

— Да!—открыто и спокойно сказалъ онъ.—Да, и никогда не измѣню своему чувству.

Въ глазахъ, во всей ея поникшей фигурѣ, въ полу-улыбкѣ, застывшей на губахъ, была такая грусть, такое безпомощное горе, что ему стало жаль ея, и онъ тихонько вышелъ, не настаивая, чтобы она пожала ему руку, протянутую на прощанье.

Вѣра, не шевелясь, сидѣла въ креслѣ, безцѣльно смотря куда-то въ пространство.

„Боже, какъ все это глупо, и... какъ скучно!—думалось ей, и она потянулась, нервно зѣвая.—Какъ это другіе могутъ жить по восьмидесяти лѣтъ“!..

Digitized by Google

XXIV.

Въ дверь осторожно постучались.

— Что тамъ такое? Зигмаръ вернулся?—но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ? Что ему еще нужно, послѣ всего, что онъ наговорилъ? Или Аликса не уѣхала, а забѣжала заглянуть ко мнѣ еще разокъ, встревоженная моимъ здоровьемъ?.. Ну, все равно! Войдите!

Но не Зигмаръ и не Алиса, а вмѣсто нихъ Лео явился на порогѣ. Онъ, улыбаясь, со своей обычной осанкой, полной самообладанія, отвѣсилъ графинѣ почтительный поклонъ:

— Прошу прощенья, если помѣшалъ!..

— Вы?! Вы какъ сюда попали?—нахмуривъ брови, далеко не ласково приняла Вѣра незваного гостя.

— Я былъ у вашей тетушки, графиня,—невозмутимо пояснилъ онъ.—Графъ заѣзжалъ ко мнѣ дорогой на вокзалъ и просилъ навѣстить сегодня же больную. Сколько мнѣ кажется, нѣтъ основанія тревожиться.

— Благодарю васъ, я и не тревожусь, — сухо возразила она и, отвернувшись лицомъ къ окну, чтобы показать ему, что онъ лишній, ожидала, что онъ повернется и уйдетъ.

Но онъ не уходилъ.

— Я пришелъ, кажется, некстати? Впрочемъ, я и всегда для васъ некстати!

Вѣра не отвѣчала, и потому Лео обошелъ всю комнату, разглядывая рѣдкости или даже касаясь ихъ своимъ выхоленнымъ мизинцемъ.

— Гм! Очень, очень жаль! — проговорилъ онъ опять и похлопалъ ногтемъ по надтреснувшей итальянской вазѣ.

Вѣра, думавшая, что онъ уже ушелъ, вздрогнула и оглянулась, не понимая, чего ему жаль: разбитой вазы или того, что онъ всегда некстати.

— А? Что вамъ жаль?—лѣниво переспросила она.

— Что я всегда *некстати*. А я какъ разъ сегодня хотѣлъ просить васъ, чтобы вы согласились быть навсегда всю жизнь со мною неразлучно.

Онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ прямо ей въ лицо. На минуту ей стало жутко подъ его упорнымъ взглядомъ.

„Что онъ, съума сошелъ“?—невольно мелькнуло у нея въ головѣ.

— Послѣ того, какъ вы постоянно имѣли возможность убѣ-

Digitized by Google

диться въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ, такое предложеніе, по меньшей мѣрѣ, удивительно,—замѣтила Вѣра вслухъ.

— О, не особенно!—неторопливо возразилъ Лео, не спуская съ нея глазъ и сверкая своими бѣлоснѣжными зубами.— Я всегда думалъ и даже надѣялся, что вы ненавидите меня. Мнѣ больше ничего не нужно!

— Но я не ненавижу васъ,—отвѣчала Вѣра, теряя терпѣнье. Его взглядъ раздражалъ, безпокоилъ ее: слишкомъ онъ былъ увѣренный и властный.—Это была бы черезчуръ для васъ большая честь—*ненавидѣть* васъ. Вы просто стоите мнѣ поперекъ дороги.

— Гм! Это очень, очень жаль! — повторилъ онъ.—Тѣмъ болѣе, что я имѣю основаніе предполагать, что для васъ было бы даже выгодно принять мое предложеніе. Все-таки, со временемъ, оно дало бы вамъ видное положеніе въ обществѣ, опять благодаря мнѣ же!

„Онъ положительно съ ума сошелъ"!—подумала Вѣра, и ея напряженное состояніе духа разрѣшилось веселымъ, слишкомъ веселымъ смѣхомъ. Такой смѣхъ больше всего пристало къ его дерзкимъ, самоувѣреннымъ словамъ.—Вы даже забавны... профессоръ!—проговорила она вслухъ.

Но и это, повидимому, его не разсердило. Онъ иронически отвѣсилъ ей поклонъ.

— Благодарю покорно! А все-таки я повторяю: лучше бы вамъ согласиться, хотя бы вы и *не* ненавидѣли меня!

— Я, право, вамъ удивляюсь! — замѣтила Вѣра. — Я преклоняюсь передъ вашимъ хладнокровіемъ, вашей настойчивостью, —наконецъ, вашей...

— Дерзостью? Вѣдь такъ вы, кажется, хотѣли сказать, графиня? Напрасно воздержались!

На этотъ разъ Вѣра чистосердечно засмѣялась: оригиналъ, и, вдобавокъ, неуязвимый!

— Да, я это именно хотѣла сказать!

— Конечно! Только мнѣ было бы интересно знать, что̀ вы считаете дерзкимъ съ моей стороны: сватовство къ вамъ лично или то, что оно адресовано къ вамъ, какъ къ графинѣ вообще?

— По моему, съ вашей стороны главная дерзость—осмѣлиться дѣлать мнѣ предложеніе, когда вы не только симпатіи, но вообще никакого чувства ко мнѣ не питаете. Мало того: когда вы сами знаете, что отъ васъ менѣе, чѣмъ отъ кого-либо другого, я была бы согласна его выслушать!—Голосъ ея звучалъ горячо, раздраженно; при послѣднихъ словахъ онъ даже дрог-

Digitized by Google

нулъ; а въ головѣ у Вѣры, словно молотомъ, стучала мысль: „Чего-жъ онъ не уходитъ“?..

— Съ вашего позволенія, графиня, осмѣлюсь вамъ замѣтить, что вы заблуждаетесь; вы сами не вѣрите отсутствію симпатіи съ моей стороны. Что же касается вашей ненависти, то она, вѣрьте мнѣ, рано или поздно перейдетъ въ любовь. Выбора у меня довольно: любая изъ красивѣйшихъ, знатнѣйшихъ дамъ въ моемъ знакомствѣ дала бы мнѣ свое согласіе; но мнѣ не надо никого изъ нихъ.... никого, кромѣ васъ, Вѣры Альсфельдъ!.. Я просто не хочу вамъ вѣрить. Вѣдь чувствуете же вы ко мнѣ антипатію, а большинство вашихъ поклонниковъ и этимъ не можетъ похвалиться: я все-таки имѣю преимущество передъ другими!

Его разсужденія больше не раздражали графиню: онѣ казались ей теперь просто докучными, и она съ трудомъ удерживалась отъ зѣвоты, продолжая мимо ушей пропускать его слова. Но вотъ она ясно разслышала:

— Я вѣдь рѣшился къ вамъ явиться не иначе, какъ съ разрѣшенія графа!—говорилъ онъ.—Позвольте мнѣ просить васъ обратить на это особое вниманіе!

— А! вотъ какъ!..—протянула Вѣра.—Вполнѣ корректно обставлено, насколько я могу судить. Мнѣ, наконецъ, становится понятно, чего вамъ нужно отъ меня. Вы хотите рекламы; а ужъ чего же ярче, удивительнѣе, какъ побѣда надъ убѣжденіями дѣвушки, которая всегда горячо возставала противъ брачнаго ига? Я понимаю, что найдутся многія другія богаче и красивѣе меня, которыя будутъ всегда готовы броситься къ вамъ на шею; но зато вѣдь какая честь преодолѣть понятія этой взбалмошной дѣвчонки, этого избалованнаго „enfant terrible“, которое никого изъ мужчинъ близко къ себѣ не подпускаетъ!.. Ну, что? Я угадала?

Повидимому, это все было не особенно ему пріятно; но онъ только пожалъ плечами и возразилъ:

— Вы замѣчательно умны, графиня! Но прошу васъ, попробуемъ взглянуть на оборотную сторону медали и разберемъ вопросъ: можете ли вы, избалованная и — какъ вы сами говорите — не привыкшая къ мелочнымъ денежнымъ разсчетамъ, настолько измѣниться, чтобы это не было для васъ ощутительно,— измѣниться подъ вліяніемъ любимаго человѣка? У васъ теперь приливъ романтическихъ чувствъ; воображеніе рисуетъ вамъ „съ милымъ рай и въ хижинѣ“; вы думаете, что было бы геройскимъ подвигомъ нуждаться вмѣстѣ съ „милымъ“. Но всѣ эти

Digitized by Google

цвѣтистыя мечты разлетятся въ прахъ, едва переживъ медовый мѣсяцъ. И, наконецъ, все равно, тотъ, котораго вы любите, для васъ не существуетъ: онъ думаетъ о другой... и слава Богу! А не то вы вышли бы за него и были бы всю свою жизнь несчастны, не говоря уже о томъ, что сами сдѣлали бы его несчастнымъ!

Вѣра вскочила, какъ ужаленная, до боли сжимая руки, чтобы удержать порывы гнѣва; она тихо вскрикнула невольно, но тотчасъ же сѣла обратно въ кресло, промолчавъ. Ну, стоитъ ли онъ того, чтобы съ нимъ вступать въ споры?

— Я не ошибся; мой кузенъ Оттерштедтъ только-что былъ у васъ, и я могу смѣло утверждать, что вамъ все-таки можетъ понадобиться выйти если не за меня, то хоть за кого-нибудь, лишь бы скорѣй пристроиться. Не скрою, что матеріальное положеніе графа Эбергарда болѣе шатко, нежели можно предположить, и рухнетъ, пожалуй, скорѣе, чѣмъ мы успѣемъ оглянуться. Тогда и я представлю для васъ нѣкоторый интересъ и всѣ преимущества опять окажутся на моей сторонѣ. Мы съ вами равные, какъ вы можете убѣдиться. Словомъ, для васъ, а также и для меня, было бы всего лучше, еслибъ вы сразу согласились безъ всякихъ понудительныхъ причинъ!

Вѣра чувствовала правдивость предположеній, которыя съ такою грубой откровенностью высказывалъ ей этотъ нежеланный женихъ. Она сама знала, что, благодаря своеобразному характеру отца, они оба въ одинъ прекрасный день могутъ очутиться безъ гроша. Все равно, вѣдь, тогда придется выйти за кого-нибудь, безъ разбора, лишь бы получить право существовать... Но за него... нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! За него ужъ навѣрное никогда!

— Я полагаю, — высокомѣрно проронила она, вставая:—я полагаю, что наша бесѣда кончена; а потому...

Лео сдѣлалъ видъ, что удивленъ.

— Да, кончена; понятно, если вы въ самомъ дѣлѣ говорите, хорошо все взвѣсивъ. Но въ то же время, прошу васъ помнить, что я никогда не избираю своей цѣлью чего-либо такого, что у меня недостижимо; а все, что достижимо—никому не удастся отъ меня отнять!—И, замѣтивъ, что Вѣра только презрительно пожала плечами, онъ прибавилъ:

— Ну, какъ угодно. Только прошу васъ помнить, что вы тогда сами придете къ убѣжденію, что я поступилъ съ вами честно и согласно съ вашими или даже съ нашими обоюдными интересами. Имѣю честь кланяться, графиня!

Digitized by Google

XXIV.

Бросившись въ первый попавшійся экипажъ, Зигмаръ впопыхахъ крикнулъ кучеру адресъ Цезаря Вельсберга, но затѣмъ раздумалъ и приказалъ повернуть въ совершенно противоположную сторону—къ своему другу Гансу. Долго, долго пришлось ему ѣхать по направленію къ Шенебергу. Между домами виднѣлась густая зелень, отъ которой вѣяло порой душистымъ, нѣжно-медовымъ запахомъ липы, особенно сильнымъ и пріятнымъ въ такой лѣтній вечеръ, когда все еще дышетъ полною жизни и веселья суетою яркаго, жизнерадостнаго дня.

„Какъ хорошо!—думалъ Зигмаръ.—А я дѣлаю все, чтобы отнять у себя возможность жить на свѣтѣ! Но развѣ я живу и наслаждаюсь жизнью, какъ другіе? Кого бы я ни встрѣтилъ на своемъ пути, я никому не приношу отрады, а самъ прохожу мимо своего собственнаго счастія и оно не дается мнѣ. Какъ это говорила Вѣра? Не стоитъ этого тотъ разбойникъ, чтобы изъ-за него рисковать своей жизнью“?

И она живо вспомнилась ему... Бѣдная Вѣра!

Экипажъ, наконецъ, остановился у архитекторской конторы.

Въ этотъ день рабочіе получали разсчетъ, и въ комнатѣ, скудно обставленной дѣловой необходимой мебелью, на большомъ столѣ звенѣли груды денегъ. Въ сосѣдней комнатѣ, спальнѣ Ганса, виднѣлось единственное украшеніе—портретъ Эсѳири; за его плюшевую рамку была воткнута увядшая роза, которую ему когда-то давно дала она сама.

„Боже! И здѣсь есть свое неутѣшное горе! И этотъ здоровый, рослый человѣкъ страдаетъ безнадежно“!—подумалъ Зигмаръ.

— Откуда тебя принесло, дружище?—окликнулъ его Гансъ.—Что? Необходимо переговорить? Сейчасъ, сейчасъ: пойдемъ сюда! Ну, говори: въ чемъ дѣло?

Какъ только могъ короче, Зигмаръ объяснилъ своему другу, что̀ произошло и какой услуги онъ отъ него ожидаетъ. Никакихъ отговорокъ, никакихъ убѣжденій онъ и слушать не хотѣлъ.

— Ну, словомъ, говори и дѣлай, что̀ угодно, лишь бы его заставить драться!

— Владѣешь ли ты пистолетомъ?

— Даже въ рукахъ никогда не держалъ! Но это все равно: скорѣй бы только кончить! Дай мнѣ знать въ редакцію и—до свиданія.

Digitized by Google

— Ну, до свиданія! Только... все это страшно неразумно. Ради тебя, я бы желалъ, чтобы все это произошло основательнѣе и проще!

Всю дорогу домой Зигмара преслѣдовало лицо Ганса, угрюмо смотрѣвшаго ему въ слѣдъ. Гансъ тоже вѣдь его не понимаетъ: ему страшнѣе всего, что Юргенъ—стрѣлокъ первостепенный. Онъ же, Зигмаръ, напротивъ, всегда думалъ, что жизнью онъ не дорожитъ.

Но на другое утро, когда Вельсбергъ принесъ ему извѣстіе, что все устроилъ, — ему вдругъ, почему-то, смерть показалась неизбѣжной, и только теперь задумался онъ надъ послѣдствіями, которыя она могла повлечь за собою...

„А Эсѳирь?.. Что она будетъ дѣлать безъ него, — такая слабая, такая беззащитная? Надо ей написать... да! написать и объяснить все, чтобы она поняла и, если можетъ, простила“...

Въ то время, какъ онъ ей писалъ, ему представлялся ея портретъ въ плюшевой рамкѣ и увядшая роза, которую Гансъ хранилъ, какъ святыню.

— Вотъ кто, навѣрно, ее не оставитъ, еслибы меня не стало!—подумалъ онъ и, вслѣдъ за письмомъ сестрѣ, написалъ еще Вѣрѣ Альсфельдъ и Гансу.

Особенно обязаннымъ онъ чувствовалъ себя передъ Цезаремъ Вельсбергомъ и охотно доказалъ бы это на дѣлѣ; но какъ и чѣмъ—вотъ вопросъ. Писать ему ужъ больше не придется ничего; завтрашній день положитъ конецъ его существованію. И въ самомъ дѣлѣ, какую память онъ оставитъ по себѣ? Нѣсколько очерковъ, статей—и только! А жизнь была для него еще вся впереди: она лишь начиналась... И вдругъ должна кончиться!.. Скорѣе бы заснуть... заснуть! Все тѣло ноетъ; душевная усталость ужаснѣе физической: она невыносима! Въ умѣ мутится; кровь приливаетъ къ головѣ, въ вискахъ стучитъ...

Надъ крышами домовъ виднѣется лазоревое небо... Вдали, внизу, мягкими перекатами грохочутъ колеса экипажей; шумитъ несмолкаемая толпа живыхъ существъ... Зигмару начало казаться, что никогда еще не была такъ привлекательна для него житейская суета, въ которой онъ завтра уже не будетъ въ состояніи принимать участіе... Лучше скорѣй заснуть.

„Аликса?.. Вспомнитъ ли она обо мнѣ? Не оставить ли и ей пару словъ на прощанье? Но къ чему? Чтобы она всегда себя упрекала, что я изъ-за нея пошелъ на вѣрную смерть? Нѣтъ, лучше ужъ ее избавить отъ этого чувства!.. Заснуть!.. Заснуть!..“

Его воображеніе работало усердно, представляя ему картины

Digitized by Google

всего пережитого за послѣднее время; но, мало-по-малу, онъ пересталъ понимать, что было дѣйствительно и что создано его пылкой фантазіей... Сонъ подкрался незамѣтно... Зигмаръ заснулъ, подчиняясь утомленію, которое не оставляло его и во снѣ; онъ вздрагивалъ, видѣлъ страшные сны и чувствовалъ себя скорѣе не какъ сонный человѣкъ, а какъ находящійся въ безсознательномъ состояніи.

Проснулся онъ задолго до назначеннаго часа. Съ вечера онъ успѣлъ предупредить сестру, что пойдетъ пораньше утромъ прогуляться, а затѣмъ прямо въ редакцію, такъ что только къ обѣду будетъ дома. Боже, что будетъ съ нею, если онъ не вернется! И стоитъ ли того самъ Юргенъ, чтобъ ради его дерзости рисковать жизнью существа, которое ему, Зигмару, дороже всего на свѣтѣ?... Утро брезжилось чудное: ясное, теплое, душистое. Даже на улицахъ, по которымъ Зигмаръ ѣхалъ по конно-желѣзной дорогѣ, сидя рядомъ со своимъ другомъ Гансомъ,—чувствовалась его обаятельная прелесть.

— У тебя есть что-нибудь мнѣ поручить?—спросилъ Гансъ, прерывая тягостное для обоихъ молчаніе.

— Все, что нужно, стоитъ у меня въ письмахъ, которыя остались у меня на столѣ... на тотъ случай, еслибы меня постигла вдругъ судьба всякаго смертнаго... Я знаю, что на тебя можно вполнѣ положиться.

Нѣсколько минутъ было только слышно мѣрное громыханіе колесъ; Гансъ продолжалъ:

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, знаешь всю правду про старика-Вельсберга? У бѣднаго полковника былъ первый ударъ, о чемъ, конечно, ему неизвѣстно! и доктора сказали, что малѣйшее волненіе можетъ свести его въ могилу. Ты понимаешь, къ чему я это говорю? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты видѣлъ поступокъ Аликсы въ его настоящемъ свѣтѣ. Она не могла огорчить его тогда, а теперь, когда ея разрывъ съ женихомъ состоялся, я не знаю, какъ ей удастся объяснить все старику-отцу? Я знаю, что она, ради отца, согласилась пожертвовать собою, и вотъ ужъ больше года, какъ работаетъ тайкомъ отъ него, чтобы имѣть возможность доставить ему больше удобствъ, а также, чтобы эти траты не слишкомъ отражались на его доходахъ, которые идутъ на погашеніе долговъ ея покойнаго брата. Что же касается ея умственнаго направленія, то она больше другихъ настроена въ духѣ соціаль-демократизма; она вполнѣ современная дѣвушка, между тѣмъ какъ старикъ...

Digitized by Google

— Не понимаю, къ чему ты мнѣ все это говоришь?—перебилъ его Зигмаръ тревожно.

— А хотя бы къ тому, чтобы ты раздумалъ и остался жить, когда жизнь твоя тебѣ и другимъ еще нужна;—когда ты еще можешь пользоваться счастьемъ и дать счастье дѣвушкѣ, которая никогда еще не была его достойнѣе, нежели теперь, когда она, повидимому, тебѣ измѣняетъ... А! Къ сожалѣнію, ужъ поздно: вонъ показался экипажъ. Смотри же, не забудь: слушать внимательно команды, и когда скажутъ „три!“—стрѣлять одновременно. Слышишь ли: непремѣнно съ нимъ заразъ! А не то...

Порывистымъ движеніемъ Гансъ повлекъ за собою друга, и не прошло минуты, какъ оба уже были на мѣстѣ дуэли, значительно опередивъ своихъ противниковъ.

Юргенъ фонъ-Фаленъ казался еще коренастѣе въ своемъ статскомъ платьѣ и пощипывалъ свою свѣтлорусую бородку; на лицѣ его была написана мрачная рѣшимость. Его какъ будто брало нетерпѣніе скорѣе взяться за оружіе.

Приготовленія къ дуэли шли своимъ чередомъ.

Секундантъ Юргена вмѣстѣ съ Гансомъ отмѣрилъ шагами разстояніе, затѣмъ поручикъ Унгеръ осмотрѣлъ оружіе, которое ему подалъ Гансъ, а докторъ тѣмъ временемъ вынулъ и разложилъ на травѣ необходимыя принадлежности дуэли — бинты и хирургическіе инструменты; послѣ чего, предпочитая во всемъ и всегда извѣстную систему, хлебнулъ коньяку изъ плоской фляжки, зѣвнулъ и скучающимъ взглядомъ окинулъ окружающихъ.

Секунданты обѣихъ сторонъ пошептались немного и Отмаръ фонъ-Вельсбергъ подошелъ къ Гансу, который, выслушавъ его, отрицательно покачалъ головой.

„Попытка къ примиренію, — подумалъ, глядя на нихъ, Зигмаръ.—И, конечно, рѣшительный отказъ!.. Наконецъ, начинаемъ“!—И сознаніе этой близости конца почему-то испугало его.

„А жаль, что я не успѣлъ сказать Аликсѣ ласковаго слова на прощанье!—подумалъ онъ:—а теперь уже поздно“!

Насталъ его чередъ; но и онъ отвѣчалъ отказомъ на предложеніе забыть о ссорѣ.

„Комедія, и больше ничего!—разсуждалъ онъ съ досадой.—Вѣдь знаютъ же прекрасно, что иного отвѣта они не получатъ, а все-таки считаютъ своимъ долгомъ уговорить! Буду стрѣлять на воздухъ: все это пустая, пошлая комедія, и больше ничего“!

Въ эту минуту по близости закуковала кукушка, и такой беззаботностью повѣяло на него отъ ея незатѣйливой пѣсенки,

Digitized by Google

что Зигмаръ, заслушавшись, пропустилъ безъ вниманія, что говорилъ ему Гансъ.

Какъ во снѣ, слышалось ему мѣрное кукованіе и отчетливая команда:—Разъ!..

Глаза ему заволокло, словно туманной пеленою: „Что это? Зачѣмъ“?—подумалъ онъ.

— Два!..

Теперь онъ ясно видѣлъ, что Юргенъ поднялъ руку съ револьверомъ и въ нетерпѣніи приподнялъ носокъ правой ноги, какъ бы считая.

„Навѣрно хочетъ меня—наповалъ“! — продолжалъ Зигмаръ думать! и въ одно мгновеніе ока передъ его умственными очами пронеслись: Аликса, Эсѳирь, Вѣра... Даже Лео откуда-то неожиданно взялся...

Кукушка все еще продолжала куковать...

— Три!..

Двойной выстрѣлъ,—короткій и глухой... Два облачка бѣловатаго дыма, расходящіяся между стволами деревъ...

Секунданты подбѣгаютъ—каждый къ своему другу.

Одинъ изъ противниковъ не въ состояніи продолжать поединокъ: онъ лежитъ на землѣ, раскинувъ руки, и на траву изъ праваго плеча сочится струйка алой крови.

Въ ту же минуту съ противоположной стороны доносится тихій стонъ и гигантская, могучая фигура Юргена фонъ-Фалена, съ исказившимся лицомъ, падаетъ, какъ подпиленное дерево, на зеленую, мягкую траву.

XXV.

Осень вступаетъ въ свои права.

Безлюдныя лѣтомъ улицы Берлина снова наполняются народомъ. Шумъ и гамъ стоятъ надъ ними съ утра и до ночи, съ ночи и до утра.

„Субботы“ у графа Эбергарда, который такъ гонится за оригинальностью, и лѣтомъ не прекращались; но особое оживленіе ожидалось, однако, лишь съ наступленіемъ сезона. Для пересудовъ, впрочемъ, и теперь пищи было не мало. Дѣла графа положительно пошатнулись,—какъ пошатнулось, должно быть, и его здоровье, если судить по тому, какъ онъ за это лѣто осунулся и... ну, даже, пожалуй, одряхлѣлъ; по крайней мѣрѣ, таково было мнѣніе всѣхъ, кто его не такъ часто видѣлъ. Всѣмъ

Digitized by Google

было, сверхъ того, извѣстно, что послѣ краткаго блестящаго разцвѣта Эденъ-театръ быстро сталъ опускаться и позорнымъ крахомъ закончилъ свое краткое существованіе. Имя графа Альсфельда было также замѣшано въ неприглядномъ разбирательствѣ Левенталевскаго скандальнаго дѣла, а самъ коммерціи совѣтникъ Левенталь находился въ домѣ предварительнаго заключенія — тотъ самый знаменитый Левенталь, который еще прошлою зимой задавалъ блестящіе балы и вечера, и былъ владѣльцемъ одной изъ наилучшихъ въ столицѣ конюшенъ.

— Ну, не бѣда! За него все-таки еще постоитъ эта вѣчная „тетя Сара“, которая не разъ выручала его изъ петли. Такъ и теперь, она конечно не оставитъ его на произволъ судьбы. Горевать ему не приходится! — разсуждали завсегдатаи „кармашка“.

Чего только не наслушался бы здѣсь посторонній наблюдатель! Говорили тутъ еще о томъ, что „графиня“ почему-то должна непремѣнно выйти за д-ра Вольнера, но слушать ничего не хочетъ, и вообще отказывается за кого бы то ни было идти замужъ, а между тѣмъ графъ очень бы хотѣлъ знать, что дочь его пристроена безбѣдно. И, наконецъ, для него самого ея бракъ съ Вольнеромъ — лейбъ-медикомъ и знаменитостью — представляетъ большія преимущества, не говоря уже о томъ, что это было бы даже оригинально. Говорили еще, что графиня неравнодушна къ Зигмару Оттерштедту и что ей было надъ чѣмъ призадуматься, когда послѣдній былъ опасно раненъ въ поединкѣ съ Юргеномъ фонъ-Фаленомъ. Другіе, наоборотъ, говорили, что она увлекалась Юргеномъ и теперь остепенилась... Но и тѣ, и другіе сходились на томъ, что Вѣра положительно стала совсѣмъ другая. Общее мнѣніе стояло теперь за Оттерштедта. послѣ того, какъ онъ показалъ себя съ болѣе выгодной стороны... въ смыслѣ дуэли. Всѣ одинаково считали, что лучшаго средства возстановить свою честь въ глазахъ общества онъ бы не могъ и придумать. Но на ряду съ этимъ онъ сдѣлалъ глупость тѣмъ, что лично явился на судъ, еще не совсѣмъ оправившись отъ тяжелой раны.

Въ этомъ народная молва усматривала желаніе порисоваться, заставить говорить о себѣ и, наконецъ, отсутствіе деликатности, съ помощью которой скорѣе можно бы замять дѣло.

На разбирательствѣ выяснилось, конечно, что причиною къ дуэли была „эта святоша, недотрога“ Алиса Вельсбергъ; что, будучи невѣстой одного, она тайкомъ видалась со своимъ другомъ, отставнымъ женихомъ.

Digitized by Google

— Наконецъ-то мы ее узнали въ настоящемъ свѣтѣ! Давно было пора разоблачить эту „принцессу“! Теперь ей ничто не мѣшаетъ сочетаться бракомъ съ Оттерштедтомъ: все равно, всѣ отъ нея отшатнутся! — разсуждали злорадствующіе поклонники Алисы, которымъ всегда приходилось жаловаться на ея холодность. Впрочемъ, среди враждебныхъ Оттерштедту голосовъ уже начинали слышаться кое-гдѣ голоса въ его защиту, и въ „кармашкѣ“ уже посыпался цѣлый градъ шуточекъ на бѣднаго майора, которому предсказывали, что скоро онъ и относительно Оттерштедта такъ же перемѣнитъ мнѣніе, какъ перемѣнилъ его относительно Вольнера.

— Да, да; ни за что нельзя поручиться! — поддразнивалъ его фонъ-Денъ. Можетъ случиться, что нашъ милый майоръ очутится здѣсь же за однимъ столомъ съ „дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Оттерштедтомъ“ или даже *фонъ*-Оттерштедтомъ, и первый будетъ лебезить передъ нимъ.

— Да ну васъ! Отстаньте! — грозно остановилъ насмѣшниковъ майоръ:—Знаете, „кто старое помянетъ“!.. И, наконецъ, еслибы я даже въ самомъ дѣлѣ говорилъ, что этотъ Оттерштедтъ умница и молодчина; еслибы я не вмѣнялъ ему въ вину его происхожденіе, я только былъ бы правъ и со мною многіе бы должны были согласиться.

Въ то время какъ въ гостиныхъ было весело и людно, графиня Вѣра, скучая, сидѣла у себя въ комнатѣ и при красноватомъ свѣтѣ лампы читала Бранденбургскую газету, которая давала подробнѣйшій отчетъ объ „интересной вступительной лекціи д-ра Вольнера“. Ни любопытство, ни красноватый оттѣнокъ ламповаго шара не могутъ скрыть слѣдовъ, которые оставили у нея на лицѣ событія послѣдняго времени: графиня тоже, какъ и отецъ ея, словно осунулась и... постарѣла.

„Кто бы это писалъ такъ бойко, остроумно? — разсуждала она.—По всей вѣроятности, самъ Альфредъ Брегенъ. Во всякомъ случаѣ, эта статья оказала Вольнеру большую услугу“.

И въ самомъ дѣлѣ, она была написана такъ живо, что въ воображеніи своемъ Вѣра легко могла себѣ представить и каѳедру въ „большомъ“ залѣ, куда изъ „малаго“ перевели публику, за неимѣніемъ мѣста; и тѣсную, густую толпу разгоряченныхъ слушателей; и самого Вольнера, царящаго надо всѣми, всѣхъ побѣждающаго своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ и твердостью духа.

Неизвѣстно, кто первый изъ „синихъ“ подалъ знакъ къ одобрительному топанью ногами; только вся зала (еще до прихода

Digitized by Google

профессора) скоро раздѣлилась на два лагеря: за и противъ. Безпорядокъ все возрасталъ.

Когда появился профессоръ, представители разныхъ партій шумѣли, грозя другъ на друга кулаками; швыряли появившимися нивѣсть откуда костями; одни кричали: „Тише! Тише! другіе даже пѣли: „Германія, отчизна наша"!.. Послѣдніе,—немногочисленная горсточка антисемитовъ,—неистовствовали, забившись въ амбразуру окна. Безпорядокъ дошелъ даже до того, что среди шума ясно проносились грозные оклики болѣе спокойныхъ слушателей: „Довольно!... Молчать"! Въ воздухѣ чуялось возбужденіе, которое должно было разрѣшиться цѣлымъ градомъ летающихъ чернильницъ, палокъ и кулачныхъ ударовъ...

О лекторѣ забыли всѣ въ залѣ; а онъ, между тѣмъ, терпѣливѣйшимъ образомъ выжидалъ, стоя невозмутимо на каѳедрѣ, свободно скрестивъ руки на груди и, по обыкновенію, презрительно улыбаясь. Онъ выжидалъ, пока уймется шумъ и гамъ,—и повидимому, какъ всегда, безстрастно и безмолвно.

„Бѣситесь себѣ на здоровье!—казалось, говорила вся его осанка.—Бѣситесь, а я подожду"!

Наконецъ, гомонившая толпа утомилась шумѣть, гамъ улегся постепенно и кое-гдѣ раздались голоса:

— Пора! Пора!.. Начать!—Ихъ подхватили и, какъ одинъ общій крикъ, слитно пронеслось дружнымъ гуломъ:—Пора!.. Пора!..

Легкая усмѣшка скользнула у Лео по губамъ. Онъ приступилъ къ своей рѣчи и началъ прямо, безъ вступленія, въ которомъ,—по мнѣнію всей аудиторіи,—и должна была заключаться его „profession de foi"... Все смолкло, прислушалось.

„Милостивые государи! Матерія, составляющая предметъ нашихъ будущихъ занятій"...

Лео видитъ, что студенты подталкиваютъ другъ друга локтемъ, что они перешептываются, недоумѣваютъ; но это его не смущаетъ и онъ спокойно заключаетъ первыя строки своей лекціи:

„...какъ ни важно ея значеніе, до сихъ поръ еще не была разсматриваема въ отдѣльности, независимо отъ другихъ внутреннихъ болѣзней"...

На мигъ недоумѣніе и шопотъ нарушили ровность его плавной рѣчи; но тотчасъ же вниманіе взяло надъ ними верхъ и разсудительная холодность молодого профессора позволила ему безъ дальнѣйшихъ перерывовъ докончить свою рѣчь. Онъ говорилъ серьезно и спокойно. Моментъ, удобный для протеста, ускольз-

Digitized by Google

нулъ и ловить его было ужъ поздно. При полномъ, чуть не благоговѣйномъ молчаніи закончилъ свою лекцію профессоръ.

Такъ же спокойно и безмолвно уходитъ онъ изъ залы... а въ воздухѣ уже чуется благопріятное ему убѣжденіе, что и впредь всѣ его лекціи будутъ обходиться безъ всякой помѣхи.

Таковъ газетный отчетъ, надъ которымъ задумалась Вѣра.

Воображеніе живо рисуетъ ей фигуру Лео на каѳедрѣ. Она слышитъ его ровный, невозмутимый голосъ; видитъ передъ собой его холодные, проницательные глаза. Невольно Вѣра спрашиваетъ себя, что̀ заставляетъ ее думать о немъ? Какая враждебная ей сила натолкнула его на нее? Не можетъ быть, чтобъ онъ ее любилъ; онъ никого не любитъ. Единственная его цѣль, пожалуй, реклама?.. Да, пожалуй, и больше ничего!

„Удивительно, какъ люди мало знаютъ другъ друга! — думала она по мѣрѣ того, какъ мысли ея принимали совсѣмъ иное направленіе и возвращались къ тому, что̀ было ей всего дороже: къ Эсѳири и къ ея брату. Даже для нихъ я все-таки чужая... Боже, какъ жизнь тосклива, утомительна, пуста! Какая она глупая, безцѣльная шутка!“

Все равно, здѣсь ли сидѣть еще, или сойти внизъ къ гостямъ, болтать или смѣяться противъ воли...

Проходя мимо комнаты тети Сары, Вѣра на мигъ остановилась, прислушиваясь къ ея стонамъ.

„Не зайти ли? — и сама тотчасъ же рѣшила: — Не стоитъ! Только испорчу себѣ настроеніе духа“.

Внизу ее поразилъ праздничный видъ толпы, наряженной по послѣдней модѣ наступившаго сезона. Всѣ эти люди суетились, сіяли удовольствіемъ встрѣчи и возможностью вести интересную бесѣду.

„И какъ это они еще находятъ въ этомъ какой-нибудь интересъ?—думала Вѣра.—Что̀ можетъ имъ казаться такимъ необходимымъ для ихъ обоюднаго любопытства“?—И она проходила молча, какъ чужая, сквозь пеструю толпу, точно не впервые переживая знакомый и докучный сонъ. Отецъ,—и тотъ ей былъ такимъ же чуждымъ, какъ другіе; она и не замѣтила, какъ постепенно сгладились и куда-то исчезли безвозвратно тѣ нити сочувственныхъ воззрѣній, которыми когда-то держалась ихъ дружба или вѣрнѣе ихъ товарищескія отношенія... Въ дверяхъ музыкальной залы, въ своей невозмутимой позѣ, скрестивъ на груди руки, стоялъ Лео Вольнеръ. Молча, безстрастно смотрѣлъ онъ впередъ передъ собою и его взглядъ невольно приковывалъ къ нему вни-

Digitized by Google

маніе Вѣры. На его почтительный поклонъ, однако, она удостоила отвѣтить.

— Мнѣ надо непремѣнно съ вами переговорить, графиня,— началъ онъ.

— Я для того пришла...—былъ скорый отвѣтъ.

— Тѣмъ лучше! Помните, графиня, четыре мѣсяца тому назадъ я вамъ сказалъ, что было бы для насъ обоихъ лучше, если бы вы тогда же приняли мое предложеніе... добровольно? Теперь я долженъ, къ сожалѣнію, говорить съ вами безъ обиняковъ о томъ, что̀ вамъ не можетъ быть никоимъ образомъ пріятно.

— *Должны*?! Вотъ какъ!—съ презрительной полуусмѣшкой переспросила Вѣра.

— Именно такъ, графиня! Конечно, вамъ покажется, что я поступаю грубо и безцеремонно, но по необходимости я долженъ говорить не иначе, какъ коротко и ясно. То, на что̀ я намекалъ,—свершилось: графъ Эбергардъ разоренъ совершенно! И это еще ничего бы, но вотъ въ чемъ дѣло: при всемъ своемъ легкомысліи графъ былъ вдобавокъ настолько... какъ бы это сказать?.. ну, незнакомъ съ обычаями свѣта и... съ закономъ, что неоднократно занималъ подъ векселя, сдѣланные на имя вашей почтенной тетушки.

Лео остановился, наблюдая за впечатлѣніемъ, какое могли произвести его слова на Вѣру. Онъ ожидалъ, что она вздрогнетъ, вскрикнетъ или хоть измѣнится въ лицѣ... Напрасно! Она молчала и ни одинъ мускулъ въ лицѣ ея не дрогнулъ.

— Опять-таки и это еще не бѣда, если тетушка признаетъ свою подпись и, во избѣжаніе огласки, уплатитъ по векселямъ, о существованіи которыхъ до сихъ поръ не подозрѣвала. Но это открытіе и есть главная причина ея болѣзни: она сама мнѣ, какъ врачу, призналась, а слѣдовательно, этотъ прискорбный фактъ уже не секретъ! Впрочемъ, я думаю, излишне говорить, что̀ зять графа Альсфельда сдѣлаетъ все возможное, чтобы избѣжать огласки и не накликать бѣдствія на голову отца своей жены.

Опять ни слова, ни движенія. Или она дѣйствительно не понимаетъ того, что̀ и безъ объясненій кажется довольно ясно?..

Но Вѣра понимала все прекрасно. Ей было ясно, что таковъ могъ быть, дѣйствительно, конецъ той шальной жизни, которую велъ еще моложавый и благообразный старикъ—ея отецъ. Только теперь ей стало ясно, что тетю Сару,—которая готова и сейчасъ еще погасить долги своего кумира, такъ жестоко опозорив-

Digitized by Google

шаго имя графовъ Альсфельдовъ, хотя бы это стоило ей послѣднихъ крохъ ея капитала,—что тетю Сару убьетъ позоръ огласки,—позоръ сановитаго рода Альсфельдовъ, которому она была предана всей душою... Бѣдная тетя!.. Хотя бы ради нея одной...

— И прошу васъ, графиня, не упускать изъ виду, что завтра послѣдній срокъ этимъ векселямъ!—слышится надъ Вѣрой голосъ Вольнера.—А потому вы понимаете, что вашъ отвѣтъ для меня необходимъ сегодня.

Остановившимся взоромъ видѣла Вѣра передъ собою пеструю, веселую толпу гостей и самаго веселаго, непринужденнаго изъ нихъ—хозяина дома: графъ Эбергардъ положительно казался беззаботнымъ, словно надъ его головою не висѣло никакого Дамоклова меча. И, не спуская съ него глазъ, Вѣра тихо, какъ бы про себя, но все-таки настолько ясно, чтобъ ее слышалъ Лео, проговорила:

— Пойдемте, сообщимъ этому господину радостную вѣсть, чтобы онъ могъ сейчасъ же, за шампанскимъ, оповѣстить своихъ гостей. Я не могу себѣ представить, чтобы папа принялъ извѣстіе о помолвкѣ своей дочери иначе, какъ съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ.

XXVI.

Въ томъ году первый снѣгъ выпалъ очень рано. Красивыми, пушистыми хлопьями падалъ онъ съ недосягаемой небесной высоты и бѣлымъ, чистымъ покровомъ ложился на улицы и на крыши домовъ Фридрихштадта.

Опираясь на руку Ганса, Зигмаръ вышелъ впервые послѣ болѣзни подышать чистымъ воздухомъ и каждый разъ, что поднималась его грудь, онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ воздухомъ въ нее вливаются новыя силы, новая радость въ ощущеніи, что смерть прошла мимо. Но какъ во снѣ видѣлъ онъ предъ собою кипучую жизнь и суету людскую, и она уже его не возмущала. Не думая, не сознавая хорошенько, гдѣ онъ и что съ нимъ, онъ только радъ былъ, что еще живетъ и дышетъ. Слова товарища, который все время что-то говорилъ, долетали до него только урывками.

— Ну, кто бы подумалъ,—разслышалъ онъ его голосъ,—что такое мѣсто заключенія, какъ Фридрихштадтъ, можетъ представлять собою такія цѣлебныя условія воздуха и погоды? Эсэирь думаетъ, что теперь, пожалуй, тебѣ нечего собираться на Ривьеру съ прелестной графиней.

Digitized by Google

— Въ противномъ случаѣ, мнѣ пришлось бы сопровождать ее въ свадебной поѣздкѣ,—шутливо замѣтилъ Зигмаръ.

— Жалѣю ея жениха! А она сама сумасбродка!—проворчалъ Гансъ сердито.

Но Зигмаръ ужъ опять задумался и долго не могъ собраться съ отвѣтомъ.

„Все къ лучшему,—думалъ онъ, вспоминая, какъ Вѣра сама предлагала ему быть ея мужемъ и какъ онъ тогда отвергъ ея любовь, потому что любилъ другую. Но чтобъ она могла выйти за Лео по любви, — этому онъ не могъ повѣрить. Что же ее могло заставить согласиться? Вѣдь не досада же и не разсчетъ? Вѣра не изъ такихъ, привязанность которыхъ можно пріобрѣтать за деньги или за иныя выгоды...

„Все къ лучшему! даже спокойнѣе: и ей, и мнѣ теперь ужъ больше не видаться"!—думалъ онъ.

— Вѣнчаются они на дняхъ,—говорилъ Гансъ между тѣмъ и насмѣшливо улыбался:—даже чуть ли не завтра и—въ католической церкви. Нѣтъ, ты себѣ представь: такая вольнодумная особа, какъ наша графиня и вдругъ—по всѣмъ правиламъ, въ церкви, подъ вѣнцомъ! Ха-ха-ха! Прелестный бракъ, нечего сказать, и начинается—съ явной лжи! Что же еще надо ожидать отъ подобнаго союза? Одна только Эсѳирь радуется за Лео; да, пожалуй, радъ еще самъ старый графъ — и не безъ причины: онъ промоталъ, говорятъ, и свое, и состояніе дочери, и моталъ его таки-довольно долго. А кстати, Зигмаръ: какъ тебѣ сегодня кажется Эсѳирь?

— Да ничего; даже гораздо лучше и бодрѣе, чѣмъ можно было ожидать!—возразилъ тотъ, не замѣчая тревожнаго взгляда друга.

— Ну, вчера—отъ радости, отъ возбужденія; а вотъ сегодня...

— Сегодня она думаетъ то же, что вчера. Ни жалобъ, ни упрековъ. Она, какъ и всегда, искренно счастлива счастіемъ другихъ... счастіемъ Лео. Я, какъ всегда, въ правѣ гордиться ея мужествомъ и нравственною силой! — Зигмаръ вдругъ оживился; лицо его сіяло.

Гансъ промолчалъ; но про себя подумалъ:

„Счастье и гордость, что Эсѳирь всегда такъ добра и такъ владѣетъ собою, ослѣпляютъ его. И слава Богу, что истина скрыта отъ него: зачѣмъ же ему раньше времени страдать и огорчаться"?

Между тѣмъ Зигмаръ шелъ, держась все тверже и тверже на ногахъ, ступая настолько увѣренно и бодро, что Гансъ, начинавшій замѣтно полнѣть, едва могъ поспѣвать за нимъ.

Digitized by Google

— Что-то насъ ожидаетъ... тамъ?—кивнулъ головою Зигмаръ по направленію къ окнамъ высокаго дома, къ которому они подходили.

— Будь готовъ ко всему самому ужасному,—предупредилъ друга Гансъ и оба стали подниматься по лѣстницѣ.

Наверху, когда имъ отворили, Гансъ заговорилъ опять.

— Не понимаю, право, зачѣмъ я ему нуженъ? Вообразилось старику, что онъ долженъ непремѣнно покаяться въ своей винѣ передъ тобою, и, чтобы полнѣе наказать себя, онъ вдобавокъ придумалъ, что при этомъ долженъ присутствовать посторонній свидѣтель, т.-е. я, напримѣръ. Мало ли кому что взбредетъ въ голову; да я-то тутъ причемъ? Я положительно считаю себя лишнимъ при вашемъ свиданіи...

— Я самъ охотно отказался бы на него явиться... И безъ того все ужъ уладилось давно само собой, все позабыто.

— Все равно, ты этимъ разсужденіемъ не поможешь; а чувство чести старика требуетъ отъ него именно такого образа дѣйствій, и обижать его отказомъ ты не имѣлъ права.

Еще минута, и дверь въ сосѣднюю комнату отворилась,—на порогѣ показалась Алиса. На первый взглядъ, она могла произвести впечатлѣніе сидѣлки—такъ скромно было ея темное платье, такъ тиха ея поступь; но лицо ея сіяло радостью, когда она привѣтливо пожала руку вошедшимъ, говоря своимъ мягкимъ, искреннимъ голосомъ:

— Здравствуйте!

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Зигмаръ видѣлъ ее въ послѣдній разъ; но ему почему-то показалась знакомой вся ея фигура въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ ее видѣлъ предъ собой въ эту минуту. И ему показалось, что она стояла надъ его изголовьемъ, когда онъ, бывало, на мгновеніе приходилъ въ сознаніе послѣ долгаго жара съ бредомъ во время своей болѣзни. Онъ чувствовалъ, что вездѣ и всегда, во снѣ и на яву она его не оставляла.

— Можно туда?—между тѣмъ спросилъ Гансъ.

— Да, да, конечно!—торопливо подтвердила Алиса.—Онъ васъ ждетъ.

И всѣ втроемъ вошли въ ту самую комнату, гдѣ послѣдній разъ Зигмаръ видѣлся съ отцомъ своей невѣсты.

При видѣ его, полковникъ, измѣнившійся до неузнаваемости, приподнялся въ большомъ плетеномъ креслѣ, въ которомъ до тѣхъ поръ лежалъ, и, тяжело дыша, опирался лѣвою рукой на столъ, стараясь встать и выпрямиться всѣмъ своимъ дрожащимъ

Digitized by Google

тѣломъ. Невольный стонъ вырывался изъ его исхудалой груди... Зигмаръ подбѣжалъ къ нему:

— Полковникъ!.. Ради Бога!..

— Нѣтъ, нѣтъ! Стоя... я долженъ стоя... васъ... принять!— лепеталъ онъ невнятно, коснѣющимъ языкомъ. Ротъ его скривился и только съ одной его стороны трепетали блѣдныя, изсохшія губы, не подчинявшіяся его волѣ.—Я знаю... къ чему меня обязываетъ чувство долга. Прошу садиться!

При этихъ словахъ больной хотѣлъ показать рукой на кресло; но рука, не слушаясь его, безжизненно упала, плечи еще безпомощнѣе опустились, и теперь только увидалъ Зигмаръ, что вся правая сторона несчастнаго была парализована. Безцвѣтное, сѣроватое лицо, потерявшее всякую выразительность, обрамляли жидкія клочья сѣдыхъ волосъ; кости на вискахъ и подъ глазами особенно рѣзко выдавались.

— Право, тебѣ бы, папочка, все-таки лучше посидѣть!— тихонько убѣждала Алиса, осторожно заставляя его сѣсть въ кресло, въ которое онъ опустился съ болѣзненнымъ стенаньемъ. Не отходя отъ него, она осталась стоять тутъ же, нѣжно держа въ своей рукѣ его здоровую, лѣвую руку.

Собравшись съ силами, больной заговорилъ опять, съ трудомъ подбирая слова:

— Тогда я былъ... несправедливъ... Я... васъ обидѣлъ. Моя обязанность... мой священный... долгъ, при всѣхъ... просить у васъ... прощенья! Ничѣмъ инымъ... я, умирающій... не могу васъ вознаградить за... причиненное вамъ... зло.

— Помилуйте, полковникъ!..

— Я знаю, что дѣлаю!—съ попыткой прежней рѣшимости заговорилъ нѣсколько энергичнѣе бѣдный старикъ.—Какъ трусъ, я осудилъ васъ, когда всѣ васъ осуждали... потому что мнѣ такъ было удобнѣе; а до тѣхъ поръ я васъ всегда считалъ въ высшей степени честнымъ человѣкомъ...

Гансъ молча показалъ глазами, что пора бы прекратить это тягостное свиданіе; но взглядъ Алисы отвѣчалъ ему краснорѣчиво:

— Оставьте! Пусть онъ выскажется, если это можетъ его облегчить!

— Мало того,—продолжалъ лепетать больной:—я радъ былъ ухватиться за предлогъ... да, да: именно *радъ*! чтобы принудить Алису отъ васъ отступиться. Я зналъ, что она расположена къ вамъ именно, и не къ кому другому; я же ее принуждалъ—

Digitized by Google

оставь, оставь, Алиса! — дать согласіе... другому, не достойному ея...

— Полковникъ, вы меня простите; но только мнѣ казалось бы лучше не поминать его или взглянуть поглубже на его образъ дѣйствій. Если позволите, я вамъ признаюсь, что не могу всецѣло обвинять несчастнаго фонъ-Фалена; онъ такъ жестоко поплатился за свою вину! Во всемъ остальномъ это былъ мученикъ чести... какъ и его братъ, ставившій честь семьи выше всего на свѣтѣ.

— Честь семьи! Честь семьи!..—горячился старикъ:—Нѣтъ, вы у меня спросите, какихъ я жертвъ ей не приносилъ! Плоть и кровь моя—вотъ что̀ заплатило за убѣжденіе въ необходимости одному переживать то, что̀ съ моей стороны казалось постыднымъ для человѣка, носящаго одно со мною имя! А онъ? Онъ зналъ, онъ достовѣрно зналъ, что вы не виноваты, и не вступился, когда на васъ напала народная молва. Но ему это было кстати—и онъ за это ухватился, какъ за удобный случай отвлечь подозрѣніе отъ своихъ... Какая низость!..

— Полковникъ, вы къ нему несправедливы!—тихо и серьезно остановилъ его Зигмаръ:—не могъ же онъ, вступившись за меня, представить въ доказательство прощальное письмо несчастнаго Ульриха, который еще до кончины зналъ, что жена его разлюбила; а безъ этой любви, подъ гнетомъ тяжкаго разочарованья, онъ не могъ дольше жить. Пока Мелитта все еще носила имя его брата, онъ не могъ отдать ея честь на поруганье. Народная молва пришла къ нему на помощь; можно ли обвинять его, что онъ ей не мѣшалъ? По крайней мѣрѣ, я его не обвиняю. Онъ претерпѣлъ больше, чѣмъ заслужилъ... Миръ его праху!

Полковникъ чуть замѣтно шевельнулъ губами, и Зигмару почудилось невнятное: „Аминь“!

Въ комнатѣ вдругъ настала торжественная тишина и замерло движенье. Только за окномъ неутомимо падали на землю бѣлыя хлопья снѣгу и порой принимались бѣшено крутиться, подхваченныя вѣтромъ...

— Ну, будь по вашему, ассессоръ!—началъ опять больной. Конечно, судите вы благородно и великодушно; но у меня, у старика, сердце горячее! Я самому себѣ вѣдь не могу простить минувшія неправды. Я всей душой, если еще не поздно, если вы все еще не прочь,—ну, говоря короче,—какъ я рѣшительно вамъ отказалъ тогда, такъ говорю теперь: Алиса—ваша! Тогда, а тѣмъ болѣе теперь, я бы хотѣлъ, не скрою, облегчить ей дальнѣйшую ея жизнь... Довольно ей, бѣдной, досталось на долю

Digitized by Google

трудовъ и лишеній; мнѣ бы хотѣлось избѣжать для нея страданій и борьбы, которую она переживала ото всѣхъ сокрыто... Знаете, она вѣдь дочь стараго служаки...

Въ его здоровомъ глазу засвѣтилась на мигъ почти юношески-пылкая гордость; но тотчасъ же погасла и зрачокъ потускнѣлъ. Алиса, тревожно заглядывая ему въ лицо, нагнулась надъ нимъ.

— Ничего, ничего! — успокоилъ онъ ее. — Только я хочу тебя просить: пока я живъ, не покидай меня, дай мнѣ умереть, какъ я и жилъ, солдатомъ *нашей, старой* вѣры; вашей, новой, я не могу служить! Ты ей отдашься, какъ меня не станетъ; а до тѣхъ поръ сдѣлай мнѣ эту послѣднюю уступку!..

Алиса, какъ и Зигмаръ, угадали въ этихъ словахъ намекъ на нежеланіе старика примириться съ членами семьи, которыхъ онъ съ своей точки зрѣнія на честь солдата осуждалъ, и поняла, что лучше не настаивать на исполненіи своего сердечнаго желанія.

Гансъ Вельсбергъ, на котораго никто изъ нихъ не обращалъ вниманія, наконецъ, поднялся и подошелъ къ больному, говоря полушутливо:

— Ну, кажется, теперь-то я имѣю право удалиться? Нечего сказать, любезный дядюшка, веселенькую роль вы навязали своему племяннику! И знаешь, что я тебѣ скажу? Пора бы тебѣ лечь да полежать; а эта парочка и безъ тебя съумѣетъ столковаться... Впрочемъ, если не то, такъ другое, а что-нибудь да будетъ.

XXVII.

Зигмаръ не ошибся: Алиса, дѣйствительно, ужъ давно была своимъ человѣкомъ въ бѣлой комнаткѣ Эсѳири.

Какъ только до нея дошли слухи о дуэли, объ ея ужасныхъ послѣдствіяхъ, Алиса сочла своимъ долгомъ навѣстить человѣка, который ради нея подвергалъ опасности свою жизнь. Ужасно было ей подумать, что она была причиною того, что Зигмаръ явился вынужденнымъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ и, вопреки всему, уже перенесенному имъ за послѣднее время во имя этихъ убѣжденій, поступилъ—какъ того требовали „рыцарскія“ воззрѣнія толпы, возводящей въ особую доблесть рѣшеніе споровъ и недоразумѣній поединкомъ.

Чуть живая отъ ужаса и душевной тревоги, укоряя себя и рисуя себѣ самыя мрачныя картины, добралась, наконецъ, Алиса

Digitized by Google

до квартиры Зигмара. Какъ ни внезапна была для Эсѳири вѣсть обо всемъ случившемся, больная не растерялась, чувствуя необходимость полнаго самообладанія и крѣпости физическихъ силъ, чтобы помочь брату. Мысль о томъ, что онъ можетъ умереть, ни на минуту не приходила ей въ голову; она не отходила отъ него и только согласилась допустить до него сидѣлку, которая бы исполняла то, что̀ ей самой не подъ силу. Эсѳирь и слышать не хотѣла, чтобы больного помѣстить въ больницу; тѣмъ болѣе теперь, когда ей помощницей явилась Алиса, освоившаяся съ обязанностями сидѣлки въ уходѣ за отцомъ, давно уже прикованномъ къ постели.

Въ эти-то дни тревоги и безсонныхъ, мучительныхъ ночей особенно сошлись и подружились какъ родныя сестры эти двѣ женщины, связанныя чувствомъ горячей преданности къ любимому человѣку. Алису мучила еще тревога, что отцу можетъ сдѣлаться извѣстнымъ, гдѣ она бываетъ вопреки его и своимъ собственнымъ воззрѣніямъ, и что это можетъ ускорить его смерть. Но во всѣхъ ея думахъ и тревогахъ у нея былъ теперь вѣрный, сочувствующій другъ и товарищъ—слабая и вмѣстѣ такая сильная Эсѳирь! Онѣ и не замѣтили, какъ постепенно перешли на *ты* и отношенія ихъ стали непринужденны, какъ между родными.

Съ Вѣрой, какъ ни любила ее больная, до этого не доходило, несмотря на все добродушіе графини. Съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ произошелъ откровенный разговоръ по поводу Зигмара, Вѣра лишь ненадолго заглядывала къ подругѣ. Прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ и поддерживая одной рукою шлейфъ своей тяжелой амазонки, другой она нервно помахивала кнутикомъ или похлопывала имъ по своему безукоризненно сшитому платью. Принужденно посмѣиваясь, она минутъ пять болтала о пустякахъ, и какъ только замѣчала, что Эсѳирь можетъ перевести бесѣду на такую тему, въ которой она знала, что можетъ имѣть на нее вліяніе—Вѣра тотчасъ же исчезала.

Въ одинъ прекрасный день, между прочимъ, на ряду съ ѣдкими шуточками и анекдотами, Вѣра сказала:

— А знаете, Эсѳирь? Я, кажется, по вашему желанію, выйду за доктора Вольнера. Ну, что̀? Счастливы и довольны? И если ужъ *такой* бракъ не принесетъ супругамъ счастья и благословенія свыше, такъ послѣ этого нѣтъ, значитъ, ничего вѣрнаго на свѣтѣ!

И она со смѣхомъ убѣжала.

Вчера эта самая свадьба состоялась, и сегодня Алиса чи-

Digitized by Google

тала о ней вслухъ Эсѳири, которая слушала ее, лежа съ полузакрытыми глазами. Въ газетахъ отчетъ о „блестящей брачной церемоніи“ начинался прежде всего горячимъ привѣтствіемъ ей, какъ наглядному опроверженію того, что такъ упорно разглашала втихомолку „стоустая молва“, а именно: полнаго разоренія графа Эбергарда.

„Напротивъ, ничего болѣе роскошнаго и болѣе изысканнаго во всѣхъ отношеніяхъ, какъ эта свадьба, нельзя себѣ представить! Во главѣ множества сановныхъ гостей мы замѣтили г. министра Бомсдорфа и его племянника, будущаго статсъ-секретаря. Какая блестящая, пестрая толпа! Сколько военныхъ и ученыхъ; сколько великосвѣтскихъ представителей и театральныхъ звѣздъ; сколько художниковъ, артистовъ, сколько представителей именитаго купечества! Тостъ (главный!) былъ провозглашенъ за прекрасный союзъ новой аристократіи, въ лицѣ представителя науки, самого жениха, профессора Вольнера, и старой аристократіи, въ лицѣ красавицы-невѣсты, графини Вѣры Альсфельдъ. Тѣмъ болѣе знаменательнымъ событіемъ является этотъ блестящій союзъ, что благодаря ему взаимное положеніе брачущихся сторонъ и ближайшихъ къ нимъ лицъ можно считать теперь вполнѣ упроченнымъ: какъ профессоръ Вольнеръ получаетъ доступъ въ великосвѣтскіе салоны, благодаря своей прелестной супругѣ, такъ и графъ Альсфельдъ, благодаря своему просвѣщенному зятю, окажется вскорѣ своимъ человѣкомъ въ тѣхъ самыхъ салонахъ, гдѣ такъ высоко цѣнятъ выдающееся дарованіе его просвѣщеннаго зятя. Конечно, представители высшихъ слоевъ сановныхъ людей и древней родовитой аристократіи съ громкими именами не замедлили своимъ присутствіемъ выразить полное сочувствіе такому симпатичному явленію, какъ союзъ науки съ красотой и родовитымъ происхожденіемъ... Давно ли, кажется, наша прелестная, обворожительная „contessina“ и слышать не хотѣла о бракѣ вообще? И вдругъ, изъ цѣлой плеяды горячихъ поклонниковъ она отличаетъ... и кого же, какъ не почтеннаго ученаго, преданнаго научнымъ интересамъ? И какъ горделиво и величественно она съумѣла держать себя, эта юная, сіяющая счастіемъ невѣста“!..

Поднимая глаза на больную дѣвушку, Алиса чувствовала, какъ ей порой щемило сердце при видѣ ея прозрачныхъ, дѣтски нѣжныхъ рукъ, поблѣднѣвшаго, тонко очерченнаго лица и почти призрачно хрупкой фигуры.

„Она ужасно измѣнилась, — думала она: — Не позвать ли Зигмара? Хорошо, что онъ дома и у себя въ комнатѣ бесѣдуетъ съ дядей... Но это его можетъ, пожалуй, напугать... Или, быть

Digitized by Google

можетъ, это мнѣ только показалось“?—Сегодня ты немножко утомилась; да, Эсѳирь?—прибавила она вслухъ, нѣжно склоняясь надъ больною.—Или тебя такъ взволновало мое чтеніе?

Эсѳирь вскинула на нее своими большими, бархатистыми глазами, какъ бы очнувшись отъ сна:

— О, нѣтъ, нисколько! Но ты, кажется, права: я страшно устала. И пока было нужно, у меня доставало мужества смотрѣть несчастію прямо въ глаза; но теперь, когда опасность миновала, и подъемъ духа ужъ не есть настоятельная необходимость, я вдругъ сама чувствую, какъ мои силы меня оставляютъ.

— Ну, что жъ мудренаго?—успокоительно замѣтила Алиса: —ты вела себя какъ герой, а геройство не только тебѣ, но и всякому не можетъ даромъ обходиться.

— Нѣтъ, нѣтъ! Наоборотъ: теперь я такъ всѣмъ счастлива, довольна. Зигмаръ здоровъ и чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ; ты для меня такая нѣжная и добрая сестра; наконецъ, Вѣра и Лео... Все обошлось благополучно, все такъ прекрасно устроилось!...

Умолкъ негромкій голосокъ Эсѳири, и она какъ бы задремала, отдаваясь своимъ тихимъ грезамъ; только порой рука ея, державшая чайную розу, поднимала къ лицу цвѣтокъ, и больная съ наслажденіемъ вдыхала его нѣжный ароматъ...

Дверь скрипнула. Вошелъ Зигмаръ.

— Лежи, лежи спокойно, дорогая!—остановилъ онъ сестру, которая шевельнулась ему на встрѣчу и ласково ему улыбнулась. — У насъ есть кое-что пообсудить втроемъ... такъ мы потомъ придемъ къ тебѣ опять и обо всемъ разскажемъ.

— Ну, хорошо. Идите ужъ скорѣе! Вы теперь обойдитесь безъ меня... Я больше не нужна... никому изъ васъ...—и мирная, свѣтлая улыбка освѣтила ея блѣдное лицо.

У Зигмара Оттерштедта, въ его рабочемъ кабинетѣ, шло важное совѣщаніе. Алиса сидѣла у стола; за нею, положа руку ей на плечо, стоялъ самъ Зигмаръ, а дядя ея, Цезарь Вельсбергъ, помѣстился противъ нихъ обоихъ.

— Все отъ тебя зависитъ! — говорилъ онъ, обращаясь къ Алисѣ,—Зигмару предстоитъ впереди (и даже въ близкомъ будущемъ) занять казенное мѣсто въ правительственномъ учрежденіи; въ рейхстагѣ имъ интересуются безусловно. Замѣть при этомъ, что въ настоящемъ случаѣ это предложеніе не является уже больше, какъ тогда, сначала, только ширмой для желанія отнять

Digitized by Google

у него свободу его независимаго слова. Теперь на это предложеніе можно положиться: оно вполнѣ искренно и надежно. Но Зигмаръ все-таки слышать о немъ не хочетъ; не хочется ему быть отъ кого бы то ни было зависимымъ; ему страшны тѣ узы и предосторожности, которыми должно держаться это завидное положеніе. Прежде всего—онъ вѣритъ непреложно въ свою свободу, въ возможность и словомъ, и дѣломъ служить тогда гораздо больше нашимъ общимъ, дорогимъ для насъ интересамъ. Но вотъ въ чемъ вопросъ: правъ ли онъ? не дѣйствуетъ ли онъ черезчуръ легкомысленно? Развѣ такой ужъ вѣрный и почетный постъ—постъ редактора такой газеты, которую грызутъ со всѣхъ сторонъ? Тѣмъ болѣе, когда ему противопоставляется видное, обезпеченное правительственное мѣсто? Подумай, Алиса, хорошенько, какъ посмотрѣлъ бы на это твой отецъ? Ты знаешь, какъ ему отрадно было бы видѣть тебя обезпеченной, а мужа твоего—извѣстнымъ. Я говорилъ, я убѣждалъ Зигмара, какъ совѣсть мнѣ велѣла, хоть потерять его было бы для меня, для всѣхъ насъ, большимъ горемъ; но я считалъ себя обязаннымъ подумать о его матеріальныхъ средствахъ, которыми онъ никогда не можетъ считать себя обезпеченнымъ, пока стоитъ за насъ. Жизнь не легко дается журналисту. Такъ вотъ онъ и рѣшилъ спросить твоего мнѣнія: какъ скажешь ты, такъ ужъ и будетъ.

— И будетъ—какъ онъ пожелаетъ! — съ сіяющей улыбкой проговорила Алиса, глядя на Зигмара.

Цезарь Вельсбергъ покачалъ головою.

— Влюбленный мотылекъ—и больше ничего! Рѣшеніе вполнѣ понятное, но неразумное! Зигмаръ не даромъ предугадывалъ его: онъ зналъ, что ты ему въ угоду согласишься.

— Позвольте! Я долженъ признаться, что этого не могъ предугадать. Алиса знаетъ, какъ я умѣю уважать личное мнѣніе каждаго... не исключая и ея. Она же противъ убѣжденія не способна дѣлать ничего, кому бы это ни было въ угоду.

— Да, да; ты можешь быть увѣренъ, что это мое искреннее, независимое убѣжденіе!—твердо и спокойно обратилась Алиса къ дядѣ:—Зигмаръ необходимо долженъ *быть* и *чувствовать* себя свободнымъ; онъ долженъ оставаться и теперь, и на всю жизнь истолкователемъ потребностей и чувствъ народа; долженъ вложить всѣ свои силы, все свое стараніе въ то, чтобы вопль народный былъ услышанъ тамъ, гдѣ ему должны придти на помощь. Но только не тому „гласу народа“, который составляется изъ заблужденій и злорадства, и личныхъ, мелочныхъ страстей

Digitized by Google

и интересовъ: его онъ долженъ образумить, обуздать, очистить отъ вредныхъ предразсудковъ. Онъ долженъ послужить народу честно и неустрашимо, безпристрастно, не чувствуя надъ собой ярма, которое бы противъ воли вынуждало его гнуться то въ ту, то въ другую сторону. Его долгъ—ратовать за то прямое, искреннее, неприкрашенное убѣжденіе, которое явилось въ силу твердаго сознанія необходимости на свѣтѣ истины и справедливости. Въ нихъ-то и есть благо народа; къ нимъ стремится народная толпа: ихъ жаждетъ, въ нихъ влагаетъ всѣ свои надежды родъ людской. Мнѣ кажется, что съ требованіями народной массы слѣдуетъ считаться: все должно дѣлаться не съ нею, а для нея. Она у насъ для дѣла еще не созрѣла, и потому намъ нужны люди, которые бы отдали ей свои силы преданно и самоотверженно. Ревностные служаки, преданные своему дѣлу сановники у насъ уже не рѣдкость; но такихъ людей, въ которыхъ у народа неотъемлемая потребность, людей цѣльныхъ характеромъ и смѣлыхъ на словахъ и на дѣлѣ — у насъ или крайне мало, или вовсе нѣтъ! И потому, кто разъ ужъ посвятилъ себя великому дѣлу служенія народу—тотъ не имѣетъ права отступать. Если онъ не побоялся поднять голосъ въ защиту справедливости, въ защиту угнетенныхъ; если онъ уже рѣшился стать выразителемъ не ложныхъ, а искреннихъ, честныхъ убѣжденій — пусть онъ остается на своемъ посту; пусть защищаетъ правду, справедливость послѣ того, какъ его въ грязь топтали неправда и несправедливость того самаго „гласа народа“, который вѣритъ въ свою непреложность!

Дядя Вельсбергъ усмѣхнулся на горячность Алисы.

— Удивительно! Какова вышла дочка у твоего отца!.. Нѣтъ, положительно въ крови Вельсберговъ появилась новая примѣсь! Да ты, душа моя, совсѣмъ революціонерка! Или, какъ въ обществѣ говорятъ:—соціаль-демократка! Намъ вѣдь приходится теперь переживать такое время, когда всякаго, кто предвидитъ въ будущемъ безнадежное пониженіе заработной платы, когда предложеніе окончательно превыситъ спросъ, и всякаго, кто близко стоитъ къ народу и къ его интересамъ, — общество, не задумываясь, награждаетъ прозвищемъ краснаго, революціонера, коммуниста, соціаль-демократа... А знаете ли вы, кто многихъ побудилъ примкнуть къ нашимъ воззрѣніямъ? Кто силой слова и примѣра подѣйствовалъ на тѣхъ, которые теперь стали въ наши ряды? Зигмаръ и его органъ—„Гласъ народа“. Да! Именно тѣ самыя статьи, которыя побудили нѣкую молодую дѣвицу измѣнить свой образъ мыслей и въ жизни искать луч-

Digitized by Google

шихъ, болѣе благородныхъ цѣлей, нежели тѣ, какимъ служитъ большинство людей. Благодаря этимъ статьямъ, она сжилась съ мыслью послужить бѣдному, страждущему люду; она рѣшилась ознакомиться съ народной нищетой не по однимъ слухамъ; я самъ сопутствовалъ ей, когда она ходила въ помѣщенія рабочихъ фабричнаго квартала...

— Ну, дядя, дядя! Развѣ можно выдавать...

— Конечно, я не для того и говорю, чтобъ опровергнуть изреченіе: „самая лучшая изъ женщинъ—та, про которую меньше говорятъ“.

Алиса подошла къ Зигмару и, положивъ ему руку на плечо, сказала:

— Послушай, Зигмаръ! Что же ты его не остановишь? Онъ, кажется, далъ себѣ слово развить во мнѣ склонность къ тщеславію!.. Итакъ, ты остаешься на свободѣ?

— Насколько я теперь свободенъ, да!

— Благодарю!.. Да въ глубинѣ души и дядя Цезарь тебѣ благодаренъ за твое рѣшеніе,—только молчитъ объ этомъ. О, я его прекрасно знаю!.. Ну, а теперь пойдемъ къ Эсѳири: она мнѣ что-то не нравится сегодня. Она не жалуется, не говоритъ, что у нея болитъ, но только... не лучше ли позвать доктора?

Зигмаръ измѣнился въ лицѣ и оно подернулось печалью.

— Мнѣ Гансъ ужъ говорилъ, что на его взглядъ она очень ослабѣла. Пойдемте къ ней скорѣе!

Эсѳирь лежала неподвижно, съ закрытыми глазами, и, глядя на ея мертвенно-блѣдное лицо, легко было подумать, что она уже не дышетъ. Слухъ сохранился у нея, какъ и всегда, особенно чуткій. Она заслышала шаги и открыла глаза съ привѣтливой улыбкой.

— А! Вотъ и вы, — раздался ея слабый голосъ, болѣе слабый и болѣе глухой, чѣмъ когда-либо.—А мнѣ хотѣлось кой о чемъ тебя просить, Зигмаръ.

— О чемъ же, дорогая?—склоняясь надъ нею, нѣжно спросилъ онъ.

— Тебѣ покажется это такъ странно, Зигъ. Только мнѣ бы хотѣлось... Я бы такъ желала, чтобъ пришелъ Лео!

— Лео?—и въ самомъ дѣлѣ изумился братъ.—На что тебѣ его? Или ты хочешь посовѣтоваться съ докторомъ вообще? Но Лео...

— Знаю, онъ вчера праздновалъ свою свадьбу. Я знаю, знаю. А все-таки, онъ, можетъ быть, придетъ, если ты ему скажешь прямо... Или нѣтъ: лучше ничего не говори! Только, пожалуйста, ты самъ пойди! Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ, а не

Digitized by Google

кто другой оказалъ мнѣ послѣднюю... Я хочу увидать его еще хоть разъ; мнѣ кажется, онъ придетъ непремѣнно... Я знаю, тебѣ это будетъ тяжело, но, Зигъ, мой милый, изъ любви ко мнѣ!

Зигмаръ старался не дать ей замѣтить, какъ въ самомъ дѣлѣ это ему непріятно.

— Конечно, дорогая, съ удовольствіемъ, сейчасъ иду! Алиса посидитъ съ тобою.—Онъ ласково кивнулъ сестрѣ, поцѣловалъ руку невѣстѣ и поспѣшно вышелъ.

Внизу, въ сѣняхъ, его поджидалъ дядя Вельсбергъ и такъ особенно пожалъ ему руку на прощанье, что для Зигмара исчезло послѣднее сомнѣніе насчетъ опасности, которая грозила его любимицѣ-сестрѣ. Ему вдогонку, уже отъѣзжая отъ крыльца на дрожкахъ, Зигмаръ почему-то прокричалъ во слѣдъ:

— До вечера! Я еще зайду!..

И его голосъ замеръ въ общей стукотнѣ колесъ.

XXVIII.

Подъѣхавъ къ богатому дому на Маргаретенштрассе, Зигмаръ поспѣшно соскочилъ съ дрожекъ и, замѣтивъ проходившаго мимо Брегена, хотѣлъ проскочить въ подъѣздъ, кивнувъ ему на ходу. Но тотъ самъ подбѣжалъ къ нему, замѣтно возбужденный, какъ-то особенно, въ прискочку, по своей нервной привычкѣ всегда суетиться.

— Ну, нечего сказать, дѣла!!—затараторилъ онъ.—Значитъ, ужъ вамъ извѣстно? Да, да: сущій романъ, да еще какой! Чего добраго, и въ триста строкъ его не уберешь! Особаго сочувствія выражать ему, впрочемъ, не придется. Если вы только для того явились, ступайте себѣ съ Богомъ во свояси!

Зигмаръ остановился, пораженный.

— Сочувствовать? Кому? Что мнѣ извѣстно? Да говорите же скорѣе!

Брегенъ оттолкнулъ свою шапку на затылокъ и, собираясь окончательно поразить своего случайнаго собесѣдника, такъ глубоко дышалъ, вытягивая грудь впередъ, такъ сильно раздувалъ свой острый, крючковатый носъ, что отъ него летѣли струи сгущеннаго дыханія. Наконецъ, онъ разразился цѣлымъ потокомъ словъ:

— Такъ вы, значитъ, случайно? Ну, нечего сказать, прелестно! Вы ничего и не подозрѣвали? Удивительно!.. Прелест-

Digitized by Google

ная профессорша Вольнеръ, иначе говоря, наша графиня, ну, говоря короче: отравилась! Да-съ, мой почтеннѣйшій! Такъ-таки отравилась и конецъ! И нѣтъ ея!.. И выбрала же время жизнь покончить: въ ночь послѣ свадьбы! Что? Сумасбродка? Бѣшеная?.. А?.. Можно ли допустить, чтобъ въ наши дни были подобныя явленія? Очень ужъ, видно, она начиталась всякаго романтическаго вздора и онъ вскружилъ ей голову, такъ что она сама взялась испробовать всю его прелесть на себѣ... Чортъ побери! Да вы-то чего вдругъ позеленѣли? Или васъ моя новость такъ перепугала?.. Вамъ дурно?

Зигмаръ шатался на ногахъ, лицо его, дѣйствительно, позеленѣло, холодный потъ выступилъ на лбу. Брегенъ поддержалъ его за плечи и потрясъ, чтобы заставить очнуться.

Онъ тотчасъ же очнулся, устыдившись своей слабости, но голосъ его выдавалъ глубокое волненіе, а грудь высоко поднималась съ каждымъ вздохомъ.

— И это правда?.. Правда?—съ ужасомъ и тревогой спрашивалъ онъ, не вѣря ушамъ своимъ.

— Помилуйте, голубчикъ!—обидѣлся Брегенъ.—Что-жъ, вы воображаете, что я способенъ нарочно васъ морочить? И на чей же счетъ? на счетъ жены моего лучшаго друга!.. Нѣтъ-съ, къ сожалѣнію, все это чистѣйшая правда и журналистамъ будетъ тутъ порядочно работы. Да впрочемъ, вы сегодня же, въ вечернихъ изданіяхъ, прочтете все подробно: къ этому уже примутъ мѣры. Ну, а затѣмъ прощайте! Мнѣ пора, а не то всѣ эти журнальныя крысы будутъ мнѣ тормозить дѣло: скажутъ, опоздалъ!

Но теперь Зигмаръ уже самъ остановилъ его.

— Постойте, скажите сначала... Ну, говорите все, все по порядку, какъ это случилось?

— Ахъ, Боже мой! Да какъ всегда, вездѣ—и Брегенъ передернулъ плечами.—Кто можетъ въ этомъ быть судьей? Наша „прелесть-графиня“ всегда была особой эксцентричнаго десятка и никогда у нея ничего, бывало, нельзя допытаться: все шутитъ да язвитъ. Между нами будь сказано, со стороны Лео это была порядочная глупость, и женитьба на дѣвушкѣ графскаго рода могла ему служить только прекрасною рекламой; но съ ея стороны, вѣроятно, романтическія бредни и больше ничего! А самый фактъ эффектнаго самоубійства для нея—просто случай порисоваться трагизмомъ положенія. Вѣрно и въ бракъ она вступила съ исключительною цѣлью... просто выкинуть штуку. Еслибъ она теперь могла, то вѣрно очень бы надъ нами потѣ-

Digitized by Google

шалась, какъ ей ловко удалось насъ провести... Что-жъ, пойдете наверхъ?

Зигмаръ уже его не слушалъ. Движеніемъ, полнымъ достоинства, онъ далъ понять Брегену, что уходитъ.

— Adieu!—произнесъ онъ холодно и спокойно.

— Adieu! Adieu!.. До свиданія!—и Брегенъ, нѣсколько сконфуженный, отошелъ прочь.

Между тѣмъ Зигмаръ уже поднимался вверхъ по широкой лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ. Въ ушахъ у него шумѣло; въ головѣ мутилось; онъ не могъ понять хорошенько, онъ это или кто другой поднимается по лѣстницѣ, переживъ какой-то страшный, тяжкій сонъ.

„Вѣры нѣтъ!.. Вѣра лишила себя жизни!.. Несчастная!.. Можетъ ли быть, чтобы дѣйствительно съ ея стороны это былъ простой эффектъ? Она принуждена была выйти за Лео: по доброй волѣ она никогда бы не пошла... навѣрное! Да, да; а потомъ, когда ужъ дѣло было сдѣлано, ей стало стыдно; она ужаснулась того, на что̀ непроизвольно обрекла себя, и, будучи не въ силахъ пережить этотъ позоръ, эти мученія, въ отчаяніи, неожиданно лишила себя жизни“. Но что̀ ее заставило выйти за Лео? Вѣдь не отказъ же полюбить ее со стороны его, Зигмара? Нѣтъ, нѣтъ! только бы не это!..

Онъ посильнѣй нажалъ кнопку электрическаго звонка и спросилъ, дома ли профессоръ?

— Г. профессоръ дома; но сегодня нѣтъ пріема, — отвѣчалъ важный лакей въ штиблетахъ.

Зигмаръ, однако, велѣлъ передать свою карточку; но едва остался одинъ, какъ сталъ недоумѣвать, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ. Зачѣмъ ему было настаивать на томъ, чтобы увидѣть Лео? Узнать, какъ она умерла? Или, наконецъ, убѣдить, чтобъ онъ сейчасъ же ѣхалъ съ нимъ туда, къ Эсэири?

„Но, оставаясь здѣсь, около умершей, я заставляю, можетъ быть, ждать... умирающую“?—думалъ онъ.

— Пожалуйте; приказано просить!—послышался голосъ лакея.

Въ комнатахъ, черезъ которыя проходилъ Зигмаръ, убранство поражало своей роскошью и модной новизной. Самъ Лео вышелъ на встрѣчу кузену въ синей бархатной тужуркѣ и безъ малѣйшихъ слѣдовъ волненія пожалъ руку, которую ему безъ словъ протянулъ взволнованный Зигмаръ.

— Да! Ужъ вѣроятно такова наша съ тобой судьба: встрѣчаться лишь при самыхъ необычныхъ условіяхъ! — проговорилъ онъ своимъ ровнымъ голосомъ:—Какъ ты узналъ?

Digitized by Google

— Сейчасъ у самаго подъѣзда... Мнѣ сказалъ Брегенъ.

— Да, онъ былъ у меня, поблагодарить за чинъ совѣтника, который я ему доставилъ черезъ посредство одного третьестепеннаго владѣтельнаго князя, котораго мнѣ удалось благополучно вернуть къ жизни, за что, впрочемъ, его государство врядъ ли можетъ быть особенно мнѣ благодарно... А, такъ ты не за тѣмъ пришелъ?

— Нѣтъ! — перебилъ его Зигмаръ. — Я ничего не подозрѣвалъ... Для меня это былъ такой ударъ... Позволь, я сяду?

— Садись, пожалуйста; садись!

Лео сдѣлалъ движеніе рукою, какъ бы приглашая брата взять стулъ или кресло, и въ этомъ движеніи бросалась въ глаза новая, спокойная самоувѣренность, которой прежде Зигмаръ за нимъ не замѣчалъ и которая бываетъ только у людей высшаго и зажиточнаго круга.

— Теперь, конечно, поднимется говоръ, что я женился для рекламы, для того, чтобы вслѣдствіе скандала показаться еще интереснѣе. На самомъ дѣлѣ, все это мнѣ, напротивъ, даже тяжело и... совсѣмъ излишне. Я, въ сущности, никогда не долюбливалъ такихъ экзальтированныхъ женщинъ. Имъ бы только романы сочинять.... Ну, вотъ, и сочинила!

Холодная, презрительно-насмѣшливая нотка, звучавшая въ его словахъ, больно отозвалась въ душѣ Зигмара.

— Какъ это...—перебилъ онъ его; но тотчасъ спохватился: —Прости! Но это не пустое любопытство: моя симпатія къ твоей женѣ...

— Знаю, знаю! — возразилъ Лео, внимательно сдувая пушинку съ рукава:—но еще горячѣе была ея симпатія—къ тебѣ!.. Однако, что же мы стоимъ? Не хочешь ли пройти посмотрѣть на нее? Кстати, тамъ теперь старикъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я и забылъ, зачѣмъ пріѣхалъ... — проговорилъ Зигмаръ, вставая.—Я... прости, что вышло такъ не вовремя. Я вѣдь пріѣхалъ собственно просить тебя провѣдать сестру... Она сама пожелала тебя видѣть... Мнѣ кажется, она очень плоха...

— Нѣтъ, отчего же? — протянулъ профессоръ: — мы вѣдь на то и доктора, чтобы не разбирать условій... Хоть медицина врядъ ли чѣмъ ей можетъ быть полезна, я все-таки, если она желаетъ... Минутку подожди: я только переодѣнусь! Моя карета уже у подъѣзда: мы доѣдемъ мигомъ!—и онъ ушелъ своею эластичною походкой и, по обыкновенію, не спѣша.

Digitized by Google

Въ то время, какъ Зигмаръ ждалъ его, разсматривая картины, развѣшанныя по стѣнамъ, позади вдругъ послышался глубокій вздохъ. На порогѣ комнаты, всплескивая руками по воздуху, съ нѣсколько театральною торжественностью, стоялъ графъ Эбергардъ; рыданія потрясали его ослабѣвшее тѣло.

— Зайдите на нее взглянуть!—всхлипывалъ онъ:—какъ нарисованная хороша она на своемъ смертномъ ложѣ!..

Не успѣлъ Зигмаръ ему отвѣтить, какъ Лео уже явился въ тепломъ пальто и бобровой шапкѣ.

— Ѣдемъ скорѣе, ѣдемъ!—торопилъ онъ брата.—Въ столовой, наверху, папá, есть хересъ и, вообще, чѣмъ подкрѣпиться... Мужайся же! Ну, до свиданья!

— Бѣдный старикъ! Какой для него ударъ!—замѣтилъ Зигмаръ дорогой.

— Гм! Не особенный! Онъ, вѣдь, и тутъ, какъ всю жизнь свою, играетъ роль—и только.

Слушая разъясненія Зигмара о состояніи Эсѳири, Лео молча покачивалъ головой и подъ конецъ сказалъ:

— Конечно; ей уже ничто больше не поможетъ. Но и за то ты долженъ благодарить Бога, что могло быть гораздо хуже; теперь она просто уснетъ безболѣзненно, спокойно, вотъ и все! Надо еще удивляться, какъ она долго протянула, благодаря своей силѣ воли... А ты, говорятъ, уже помолвленъ? Поздравляю! Вотъ такъ-то все на свѣтѣ, другъ мой милый: полковникъ тоже все равно, что уже на томъ свѣтѣ. Одни уходятъ; другіе остаются, или вновь начинаютъ жить: люди, растенія, капли дождя, капли морской воды. Все это лишь частицы вѣковѣчнаго движенія... Все остальное—трынъ-трава!

Охотнѣе всего Зигмаръ заставилъ бы его молчать; но незамѣтно, противъ воли, слова касались его слуха и оставляли слѣдъ въ его впечатлительномъ воображеніи.

„Ну, да; и всѣ мы — капли въ морѣ,—думалъ онъ. — Но вѣдь безъ этихъ капель не было бы и той массы влаги, которая зовется моремъ! Великій океанъ—и тотъ не болѣе, какъ неизмѣримая совокупность такихъ же безконечно-малыхъ капель. Нѣтъ, нѣтъ: жизнь стоитъ того, чтобы ее переживать и чтобы въ ней остаться „человѣкомъ“, въ полномъ смыслѣ слова. Пусть тотъ, кто это понимаетъ, къ этому стремится смѣло“!

Бѣгомъ, не успѣвая переводить духъ, взбѣжалъ Зигмаръ по лѣстницѣ, въ окнѣ которой снизу еще замѣтилъ Алису.

Она встрѣтила его радостнымъ восклицаніемъ:

Digitized by Google

— Ну, слава Богу!

— Алиса?!.. — вырвалось у него съ отчаянной тревогой въ голосѣ и на лицѣ.

— Еще жива!—отвѣтила она.—Но скоро...

Зигмаръ уже летѣлъ къ сестрѣ, которая полулежала на своемъ обычномъ креслѣ у окна, и какъ будто дремала.

Въ окно врывался широкій свѣтлый лучъ и въ его свѣтовыхъ волнахъ играли неутомимыя и разукрашенныя его яркимъ свѣтомъ тончайшія пылинки. Онѣ сверкали, крутились, не переставая, въ безконечномъ оживленномъ хороводѣ...

Эсѳирь, обыкновенно чуткая къ малѣйшему шороху, теперь не слышала приближенія брата. Когда онъ опустился передъ нею на колѣни, она чуть подняла глаза и едва слышнымъ голосомъ пролепетала:

— Не правда ли... чудесно? — и чуть замѣтно шевельнула рукою, чтобы указать на широкій, трепещущій столбъ свѣта... но взглядъ ея видѣлъ только свѣтящіяся искорки пылинокъ, а не брата.

Вдругъ она содрогнулась и, прислушиваясь, широко раскрыла свои большіе, впавшіе глаза; въ нихъ отразилось радостное удивленіе:

— Лео!..

Своей обычною походкой подошелъ онъ къ ней, глядя холоднымъ и пытливымъ взглядомъ человѣка, привычнаго къ такимъ ужаснымъ сценамъ. Стоило только посмотрѣть на него въ эту минуту, чтобы вывести его мнѣніе:—Это смерть. Помочь ей невозможно!

Эсѳирь не выпускала его руки изъ своей.

— Чудо, какъ хорошо!—шептали ея губы и сложились въ блаженную улыбку. Глаза ея свѣтились и глубоко смотрѣли куда-то вдаль, гдѣ ей казалось такъ прекрасно... Зигмаръ держалъ ея другую руку и она постепенно холодѣла. Казалось, и все тѣло уже перестало жить—такъ незамѣтно поднималась ея опустившаяся грудь. Только въ глазахъ ея еще оставалась способность видѣть, да ея губы тихо лепетали:

— Ну, хочешь, поиграемъ вмѣстѣ, Лео? А, вотъ и Зигъ! Онъ вѣдь немножко все-таки къ тебѣ ревнуетъ; право, Лео! Но вѣдь нельзя же замужъ выходить за брата. Когда-нибудь... потомъ... Зигъ такой добрый мальчикъ: онъ уступитъ... Зигъ! Зигъ! Гдѣ ты? О, какъ темно, темно!.. Лео! Лео!

Ея слабыя руки крѣпко уцѣпились за руки обоихъ; сильная

Digitized by Google

судорога пробѣжала по ея нѣжному тѣлу. Она приподнялась немного, будто набравшись силы; но тотчасъ голова ея безпомощно откинулась на грудь къ Алисѣ...

Эсѳирь упала въ кресло и, затихая понемногу, затихла навсегда...

Счастливая улыбка опять вернулась на ея блѣдное лицо; солнечные лучи опять свѣтили ей, какъ и при жизни, а въ воздухѣ, полномъ аромата ея любимыхъ розъ, вились неутомимыя, искристыя пылинки...

А. Б—г—

Digitized by Google

РЕФОРМАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ

КИТАѢ

Лѣтомъ 1895 года въ Шанхаѣ вышло изъ печати одно изъ замѣчательныхъ публицистическихъ сочиненій, принадлежащее перу китайскаго мандарина Тао-гуань-ина, подъ заглавіемъ „Шэнъ-ши-вэй-янь“, т.-е. „Предостереженіе объ опасностяхъ, могущихъ угрожать въ цвѣтущее время“. Подъ вліяніемъ патріотическаго чувства негодованія, вызваннаго насильственною и корыстною политикою иностранцевъ въ Китаѣ, и созданныхъ ею для него затрудненій, авторъ этого сочиненія, исходя изъ изреченія знаменитаго китайскаго политика VI вѣка до Р. Хр., что „знаніе себя и другихъ (т.-е. враговъ) гарантируетъ постоянную побѣду“, съ юныхъ лѣтъ, бросивъ китайскую премудрость, занялся изученіемъ иностранныхъ языковъ и литературы. Занятіе торговлею, которой онъ не безъ умысла посвятилъ себя, поставило его въ болѣе близкія и постоянныя сношенія съ иностранцами и дало ему широкую возможность основательно ознакомиться съ государственнымъ, политическимъ и соціальнымъ строемъ западныхъ государствъ. Благодаря этому, у него сложилось глубокое убѣжденіе въ необходимости коренныхъ преобразованій въ современномъ строѣ Китая, какъ необходимыхъ устоевъ для созданія его могущества и матеріальнаго благосостоянія. Въ вопросѣ о возсозданіи Китая онъ не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые признаютъ возможнымъ достигнуть осуществленія этой великой задачи при помощи заведенія крѣпкихъ судовъ и превосходныхъ орудій. По мнѣнію его,

Digitized by Google

западныя державы достигли могущества и богатства единодушіемъ своихъ парламентскихъ учрежденій, умѣлою системою воспитанія, распространеніемъ школьнаго образованія, уваженіемъ къ ремесламъ и искусствамъ, развитіемъ профессіональнаго образованія и покровительствомъ торговлѣ, облагаемой незначительными пошлинами. Каждое дѣло находится у нихъ въ вѣдѣніи лицъ, спеціально подготовлявшихся къ нему и извѣстныхъ своею опытностью. Вотъ основы, на которыхъ зиждется сила и богатство иностранцевъ, а пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы, усовершенствованное вооруженіе и проч. являются только приложеніемъ ихъ,—а мы на нихъ-то и возлагаемъ всѣ свои надежды, не обращая никакого вниманія на основы. Пламенно желая содѣйствовать возрожденію Китая, необходимость котораго, внѣ всякаго сомнѣнія, сознается въ настоящее время лучшими изъ сыновъ его, г. Тао и составилъ настоящую книгу, которая представляетъ собою рядъ отдѣльныхъ статей по всѣмъ вопросамъ государственной, политической, соціальной, образовательной, экономической и промышленной жизни, статей, въ которыхъ онъ съ безпощадною откровенностью и полнѣйшею свободою, мыслимою только въ конституціонныхъ государствахъ, обнажаетъ всѣ язвы и недостатки современнаго строя Китая, и въ необходимыхъ и настоятельныхъ реформахъ рекомендуетъ лекарство и мѣры къ ихъ излеченію и устраненію, подкрѣпляя свои мнѣнія ссылками на авторитетный голосъ англійскаго миссіонера-публициста Ричарда Тимоти, стараго резидента Китая, и нѣкоторыхъ своихъ соотечественниковъ.

Для того, чтобы дать читателямъ понятіе о характерѣ этого сочиненія, мы, прежде чѣмъ приступить къ изложенію его содержанія, признаемъ неизлишнимъ перечислить по порядку названіе всѣхъ статей, его составляющихъ: 1) О верховномъ и основномъ законѣ всего сущаго въ мірѣ физическомъ и нравственномъ и предметахъ міра матеріальнаго. 2) О школахъ вообще. 3) Объ иностранныхъ школахъ, съ присовокупленіемъ краткаго очерка новѣйшихъ школъ въ семи иностранныхъ государствахъ, англійскаго публициста Ричарда Тимоти. 4) Объ экзаменахъ. 5) О парламентѣ. 6) О газетахъ. 7) Объ администраціи. 8) О путешествіяхъ, съ присовокупленіемъ разсужденія Ричарда Тимоти о необходимости для китайскихъ князей путешествій по чужимъ краямъ. 9) О международномъ правѣ. 10) О посольствахъ. 11) О международныхъ сношеніяхъ, съ присовокупленіемъ статьи изъ „Шанхайскаго Вѣстника“ (Шэнь-бао) о вредѣ и пользѣ сношеній Китая съ иностранцами. 12) О канцеляр-

Digitized by Google

скихъ служителяхъ и письмоводителяхъ. 13) О жалованьѣ. 14) Объ образованіи народа и средствахъ пропитанія его. 15) Объ измѣненіи нравовъ при помощи наставительныхъ бесѣдъ. 16) Объ узникахъ. 17) О врачебномъ искусствѣ. 18) О женскомъ образованіи. 19) О благотворительныхъ учрежденіяхъ, съ присовокупленіемъ статьи Янъ-жань-цина о благотворительныхъ учрежденіяхъ въ западной Европѣ. 20) О библіотекахъ. 21) О пошлинахъ. 22) О торговлѣ, съ присовокупленіемъ краткаго очерка китайской пароходной компаніи (Чжао-шанъ-цзюй) и компаніи Чжао-синъ. 23) О торговой войнѣ (соперничествѣ), съ присовокупленіемъ разсужденія шанхайской газеты о преобразованіяхъ въ торговлѣ. 24) О ремеслахъ и искусствахъ. 25) О прядильняхъ и ткацкихъ. 26) О земледѣліи. 27) О распашкѣ пустырей. 28) О засухахъ и наводненіяхъ. 29) Объ исправленіи рѣкъ. 30) О выставкахъ. 31) О желѣзныхъ дорогахъ. 32) О телеграфахъ. 33) О почтовомъ управленіи. 34) О банкахъ. 35) О горнозаводской промышленности (о разработкѣ минеральныхъ богатствъ). 36) О чеканкѣ монеты. 37) О запрещеніи опіума. 38) О вѣроироповѣдничествѣ. 39) О торговлѣ рабами. 40) О государственномъ долгѣ. 41) О перенесеніи столицы. 42) Объ оборонѣ морскихъ береговъ. 43) Объ оборонѣ границъ. 44) Объ обученіи арміи. 45) О флотѣ. 46) О народномъ ополченіи. 47) О судостроеніи. 48) Объ оружіи. 49) О прекращеніи войнъ.

Резюмируя главныя положенія и мысли первой статьи автора объ основномъ началѣ всего сущаго и о матеріальныхъ предметахъ, мы усматриваемъ, что Китай въ теченіе своей многовѣковой жизни, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, сосредоточивъ главное вниманіе на изслѣдованіи великаго основного начала (дао), служащаго исходнымъ пунктомъ всего разнообразія явленій міра физическаго и соціально-нравственнаго, охватывающаго всѣ времена, создавшаго человѣка и природу и произведшаго небо и землю, и признавая реальныя знанія послѣднимъ дѣломъ, рѣдко удостоивалъ спускаться до нихъ съ высоты своего философскаго пьедестала, а съ утратою главы „Да-сіо“ (великаго ученія) о натуральной философіи (гэ-чжи) и статьи чжоутскаго ритуала о министерствѣ работъ (т.-е. о строительномъ искусствѣ), знанія физическія и математическія перешли на Западъ, гдѣ и развились до совершенства, недосягаемаго для Китая. Вдобавокъ къ этому, во время потрясеній, испытанныхъ Китаемъ послѣ династій циньской и ханьской, вся литература погибла, и ученые, не заботясь объ отысканіи основъ производства (техники), вооружившись пустою реторикою, стали разглагольствовать о свой-

Digitized by Google

ствахъ природы и объ ея законахъ. Вслѣдствіе этого, въ то время какъ Китай увлекался абстрактомъ, западные народы усвоивали себѣ практическія знанія. Впрочемъ, такъ какъ теорія и практика взаимно проникаютъ и дополняютъ другъ друга, то устремленіе иностранцевъ съ разныхъ сторонъ съ ихъ практическими знаніями въ Китай является началомъ объединенія торговаго, литературнаго и соціальнаго, и соединенія теоріи съ практикой. Не пройдетъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, какъ раздробленныя религіозныя ученія Запада постепенно придутъ въ упадокъ и онъ повернетъ на правый путь ученія Конфуція и Мэнъ-цзи, а тщательное изслѣдованіе въ области наукъ математическихъ послужитъ къ постепенному уразумѣнію главной движущей силы жизни. Могущество иностранцевъ, созданное пасиліемъ, должно будетъ уступить мѣсто правленію, основанному на началахъ нравственныхъ. Въ заключеніе этой главы авторъ выражаетъ увѣренность, что объединеніе вселенной подъ гегемоніей китайскаго богдыхана не представитъ затрудненій, если только его величеству угодно будетъ открыть западнымъ ремесламъ и искусствамъ широкій доступъ въ Китай, основать въ немъ учебныя заведенія для образованія талантовъ, учредить парламентъ, обратить серьезное вниманіе на упорядоченіе торговли, какъ основы государственнаго благосостоянія, и озаботиться комплектованіемъ и обученіемъ морскихъ и сухопутныхъ силъ для обороны отъ сильныхъ враговъ.

Глубоко убѣжденный, что внѣ усвоенія западной цивилизаціи для Китая возрожденіе невозможно, авторъ, желая расположить въ пользу этого великаго дѣла своихъ соотечественниковъ съ богдыханомъ во главѣ и обезпечить его успѣхъ, безцеремонно куритъ ѳиміамъ китайскому національному самолюбію, когда говоритъ, что введеніе въ Китай реальныхъ наукъ будетъ только возвращеніемъ ихъ въ первобытную колыбель, изъ которой онѣ были заимствованы Западомъ, и манитъ исконное самомнѣніе и гордость своихъ соотчичей несбыточною мечтою о міровомъ владычествѣ Китая.

Переходя во второй главѣ о школахъ, авторъ замѣчаетъ, что школы, служа мѣстомъ образованія человѣческихъ способностей, являются великимъ устоемъ государственнаго благоустройства. Въ древнія времена въ Китаѣ, въ домахъ были домашнія школы, въ селеніяхъ (500 домовъ) сельскія, и въ округахъ (2.500 семействъ)—окружныя школы. Благодаря такому порядку между китайцами въ то время было не мало людей многосторонне образованныхъ и масса грамотныхъ. Но когда въ послѣдующія времена школы были заброшены и каждый сталъ приглашать

Digitized by Google

учителей для воспитанія своихъ дѣтей, неимущій классъ погрузился въ крайнее невѣжество, благодаря которому попраніе соціальныхъ основъ и законовъ стало явленіемъ обычнымъ. Современное состояніе образованія въ западныхъ странахъ напоминаетъ древнія времена Китая; учрежденія о школахъ у нихъ въ общихъ чертахъ сходны, но съ особенною ясностью и подробностью онѣ разработаны въ Германіи. Сдѣлавъ общій очеркъ низшихъ, среднихъ, высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній въ Германіи и указавъ на общедоступныя казенныя библіотеки, г. Тао замѣчаетъ, что главными образовательными средствами на Западѣ являются школы, газеты и библіотеки. Благодаря этимъ средствамъ, образуются таланты, совершающіе открытія и изобрѣтенія въ разныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Желая одержать надъ человѣкомъ верхъ, необходимо сначала узнать въ совершенствѣ его методы, а потомъ уже можно будетъ измѣнить ихъ и одержать побѣду. Питать же неизмѣнную привязанность къ старинѣ, клеймить западную науку названіемъ неортодоксальной, добровольно коснѣть въ невѣжествѣ для того, чтобы находиться въ зависимости отъ другихъ—все это пагубныя мысли. Въ Китаѣ, хотя давно уже существуютъ школы иностранныхъ наукъ и языковъ, морскія училища и военныя школы, но науки въ нихъ не достигли еще глубокаго пониманія, и техническія производства исполняются въ нихъ большею частію иностранными мастерами. Не слышно, чтобы кто-нибудь изъ воспитанниковъ, отличаясь изобрѣтательностью, создалъ что-нибудь новое. Причина этого кроется въ отсутствіи спеціальныхъ техническихъ школъ и въ неудовлетворительной постановкѣ преподаванія. Чтобы помочь этому горю, авторъ рекомендуетъ перевести на китайскій языкъ полезныя иностранныя книги и распространить ихъ по всѣмъ китайскимъ школамъ съ цѣлью доставить возможность каждому заниматься изученіемъ ихъ. Само собою разумѣется, что, по мысли автора, эта послѣдняя мѣра намѣчена имъ только какъ одно изъ вспомогательныхъ средствъ къ болѣе широкому распространенію западныхъ положительныхъ наукъ въ Китаѣ.

Прекраснымъ дополненіемъ къ этой главѣ о воспитаніи служитъ приложенная къ ней статья китайца Ванъ-цзы-цюаня, въ которой онъ съ безпощадною суровостью и сарказмомъ осуждаетъ господствующее въ Китаѣ въ теченіе многихъ вѣковъ пагубное направленіе воспитанія, исключительно сосредоточенное на пустой и безполезной реторикѣ, и указываетъ, что оно не находитъ для себя никакого основанія ни въ древней жизни Китая, ни въ ученіи самого Конфуція. Въ древности воспитаніе

Digitized by Google

имѣло чисто практическое направленіе. Юношеству внушались высокіе принципы нравственности: человѣколюбія, справедливости, преданности, согласія, почтенія къ родителямъ, дружелюбія, терпѣнія, состраданія и тому подобныя качества, служащія основою всякаго благоустроеннаго общества, и кромѣ того преподавались правила этикета, обнимающія всѣ проявленія человѣческой жизни, а также музыка, стрѣльба изъ лука, управленіе военными колесницами, грамота и математика. Такимъ образомъ преподавалось то, что̀ имѣло непосредственное приложеніе къ жизни и вполнѣ соотвѣтствовало и удовлетворяло тогдашнимъ потребностямъ государственнымъ, общественнымъ и семейнымъ. Пустой реторикѣ, составляющей единственную основу воспитанія въ современномъ Китаѣ, здѣсь не было мѣста. Не было въ древней жизни Китая и того, чтобы, напримѣръ, лицо, занимающееся сегодня отправленіемъ правосудія, завтра становилось во главѣ финансоваго управленія, или строительнаго дѣла. Каждый избиралъ извѣстную служебную спеціальность и оставался въ ней до конца. Что же касается ученія Конфуція, легшаго въ основу всего жизненнаго строя Китая, то и оно, отличаясь чисто-практическимъ направленіемъ, отводило пустой реторикѣ весьма скромное мѣсто. И нынѣ, для того, чтобы воспитаніе могло достигать главной цѣли своего бытія—государственнаго благоустройства, оно должно быть направлено такимъ образомъ, чтобы удовлетворять всѣмъ потребностямъ общества въ данное время.

Такъ разсуждаютъ о значеніи положительныхъ знаній немногіе современные передовые китайцы, отцы которыхъ еще донынѣ относятся къ нимъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ.

Опасаясь, что изложенные имъ въ двухъ предшествующихъ главахъ доводы о необходимости усвоенія Китаемъ западныхъ положительныхъ наукъ окажутся недостаточно убѣдительными, авторъ посвящаетъ слѣдующую главу „о западныхъ наукахъ“ разсужденіямъ о значеніи ихъ для Китая. Люди, мнящіе себя поборниками истиннаго ученія,—говоритъ авторъ,—постоянно повторяютъ, что самое лучшее—это не толковать объ иностранщинѣ, и клеймятъ именемъ измѣнниковъ истинному ученію и отребьемъ ученыхъ тѣхъ, которые занимаются иностранщиною. Люди умные и нравственные удаляются отъ мірской суеты, а безнравственные безстыдно влачатъ позорное существованіе. Какая же польза отъ этихъ высокоумныхъ отшельниковъ для міра и для людей? Представьте себѣ, что вашъ государь или отецъ опасно боленъ. Какъ почтительный сынъ и вѣрный слуга своего государя, приложите ли вы всѣ средства къ исцѣленію ихъ и обратитесь къ меди-

Digitized by Google

цинской наукѣ, или же съ страшными проклятіями обрушитесь на медицину, какъ средство ненадежное, и, поклявшись умереть съ отцомъ или государемъ, будете безпомощно ожидать ихъ кончины? Въ настоящее время иностранщина—это медицина для Китая.

Въ древности ученымъ называли того, кто понималъ небо, землю и человѣка, и ученый стыдился не знать чего-нибудь. Исходя изъ этихъ положеній, авторъ замѣчаетъ, что иностранныя науки группируются въ три главныя отдѣла: ученіе о небѣ, основою котораго служитъ астрономія, а математика, электричество, свѣтъ и т. п. являются только крайнимъ развитіемъ его; ученіе о землѣ, основою котораго является землевѣдѣніе, а геодезія, географія, ботаника, строительное искусство, военное дѣло и т. п. составляютъ дальнѣйшее его развитіе; ученіе о человѣкѣ, основою котораго признается языковѣдѣніе, а политика, воспитаніе, юриспруденція, политическая экономія, строительное искусство, торговое дѣло и ремесла являются только крайнимъ развитіемъ его. Всѣ эти науки полезны какъ для государствъ, такъ и для жизни народа. Истинный ученый долженъ знать все. При современномъ положеніи вещей создать что-либо выдающееся и сдѣлаться выдающимся человѣкомъ можетъ только тотъ, кто не будетъ съ презрѣніемъ относиться къ другимъ людямъ (иностранцамъ), или трепетать предъ ихъ богатствомъ и силою, и не будетъ скрывать ни своихъ достоинствъ, ни недостатковъ.

Торговыя сношенія между Китаемъ и иностранцами существуютъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ теченіе этого времени неоднократно представлялись благопріятные случаи, но у Китая недоставало людей, многосторонне образованныхъ, и если онъ теперь же не займется образованіемъ ихъ и не заставитъ умныхъ и преданныхъ сыновъ своихъ изучать науки, языки, политическій строй и нравы западныхъ государствъ, то какимъ образомъ онъ будетъ въ состояніи отстаивать свои жизненные политическіе интересы и справляться съ сильными сосѣдями? Къ тому же только невѣжды, незнакомые ни съ философіей, ни съ исторіей Китая, могутъ утверждать, что западныя науки получили свое начало на Западѣ. И затѣмъ нашъ ученый авторъ съ полнымъ апломбомъ приводитъ цѣлый рядъ миѳическихъ и историческихъ ссылокъ въ подтвержденіе того, что первою колыбелью всѣхъ положительныхъ западныхъ наукъ служилъ Китай. Въ изобрѣтеніи сохи, лука, стрѣлъ и телѣги онъ видитъ начало техническихъ наукъ Запада, въ изобрѣтеніи летающаго деревяннаго коршуна и деревянной коровы—первоосновы механики; добываніе огня

Digitized by Google

при помощи зажигательнаго стекла даетъ ему право заключать, что физика давно была извѣстна въ Китаѣ. Такихъ же знаменитыхъ родоначальниковъ онъ отыскиваетъ въ Китаѣ и для другихъ западныхъ наукъ. Но, оставляя въ сторонѣ ребяческія претензіи автора относительно происхожденія изъ Китая всѣхъ реальныхъ наукъ, быть можетъ, какъ замѣчено нами выше, внушенныя ему благороднымъ желаніемъ разсѣять закоренѣлое предубѣжденіе Китая противъ усвоенія имъ этихъ наукъ, — мы не можемъ не отдать ему полной справедливости въ искренности его убѣжденія о первенствующемъ значеніи усвоенія западныхъ знаній въ дѣлѣ возрожденія Китая, и при томъ не урывками, а въ строгой системѣ и послѣдовательности, начиная съ элементарныхъ основаній и постепенно восходя къ познанію всѣхъ наукъ въ полномъ ихъ объемѣ. Китайцы не уступаютъ европейцамъ ни въ умѣ, ни въ способностяхъ, но уступаютъ имъ въ положительныхъ знаніяхъ. Для того, чтобы ознакомить своихъ соотечественниковъ съ устройствомъ школъ на Западѣ, авторъ въ заключеніе главы помѣщаетъ довольно обстоятельный очеркъ ихъ, составленный Ричардомъ Тимоти.

Въ главѣ объ экзаменахъ, указавъ на всю несостоятельность китайскихъ экзаменовъ, открывающихъ, между тѣмъ, при помощи реторическихъ и каллиграфическихъ знаній, прямой и единственный путь къ почету и отличіямъ на службѣ государственной, для которой обладатели ихъ являются совершенно непригодными, авторъ предлагаетъ, въ случаѣ невозможности возвратиться къ старымъ порядкамъ выбора годныхъ для службы людей изъ школъ, установить два рода экзаменовъ. Въ первомъ родѣ, экзаменовать по исторіи, классикамъ, по рѣшенію современныхъ вопросовъ и практическому законовѣдѣнію; во второмъ, приглашать къ испытанію изъ европейскихъ наукъ, а именно: изъ физики, химіи, электрологіи, минералогіи, астрономіи, географіи, ученія о наружныхъ и внутреннихъ болѣзняхъ, фармакопеи, земледѣлія и ботаники. Экзаменаторами должны быть назначаемы лица, получившія университетское образованіе. Не находя удобнымъ исключить изъ круга образовательныхъ предметовъ словесныя науки, какъ узаконенныя прежними государями, авторъ предлагаетъ, чтобы для полученія ученой степени лицами, посвятившими себя изученію словесныхъ наукъ, обязательно требовалось основательное знаніе ими одной какой-нибудь полезной науки, напримѣръ астрономіи, географіи, математики, политической экономіи и т. п. Кромѣ того, авторъ рекомендуетъ, чтобы всѣмъ чинамъ имперіи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность представлять безпри-

Digitized by Google

страстные доклады о лицахъ, извѣстныхъ имъ своими необыкновенными дарованіями.

По отношенію къ военному образованію, которое для лицъ, ищущихъ военныхъ степеней, ограничивается въ настоящее время испытаніемъ ихъ въ верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ лука, въ ловкости и силѣ, при полнѣйшемъ отсутствіи познаній хотя бы въ одной военной наукѣ, авторъ считаетъ необходимымъ экзаменовать соискателей военныхъ степеней въ стратегіи, въ стрѣльбѣ изъ огнестрѣльныхъ оружій, въ кораблевожденіи, въ знаніи механики и фортификаціи. Успѣшно окончившихъ воспитаніе опредѣлять для продолженія образованія въ военные и инженерные корпуса. Для поднятія значенія военнаго званія, императорскимъ указомъ должно быть объяснено, что гражданскіе и военные чины пользуются одинаковымъ значеніемъ.

Для всесторонняго ознакомленія съ западными науками, кромѣ ежегодныхъ гражданскихъ и военныхъ экзаменовъ, необходимо еще установленіе спеціальныхъ по этимъ наукамъ экзаменовъ. Но для этого должно основать во всѣхъ провинціяхъ школы для изученія иностранныхъ наукъ съ трехгодичнымъ курсомъ, въ которыя поступали бы молодые люди отъ 15—20-лѣтняго возраста, уже знакомые съ китайскимъ и иностранными языками: подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ они посвящали бы себя изученію избранной ими самими спеціальной отрасли знанія. По окончаніи курса, воспитанники 1-го и 2-го разряда препровождаются для экзамена къ инспектору просвѣщенія въ провинціи, послѣ чего удостоиваются имени студентовъ, и въ годъ общихъ испытаній (чрезъ каждые три года) посылаются въ высшее столичное учебное заведеніе и затѣмъ уже получаютъ право на общихъ основаніяхъ держать экзамены на ученыя степени кандидата и магистра, по роду своей спеціальности. Лучшихъ изъ студентовъ по окончаніи образованія въ Китаѣ отправлять для усовершенствованія въ избранной ими спеціальности въ высшія учебныя заведенія за границу и по возвращеніи давать имъ лучшія мѣста.

Такимъ образомъ, предлагаемая авторомъ система образованія и экзаменовъ сводится къ учрежденію во всѣхъ провинціяхъ Китая политехническихъ школъ и высшаго образовательнаго заведенія въ столицѣ. Причемъ, въ угоду старымъ традиціямъ, прежняя система экзаменовъ на степени гражданскихъ и военныхъ кандидатовъ и магистровъ остается въ силѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, требуемыми духомъ времени. Но опасаясь, что вновь проектированный имъ курсъ европейскихъ наукъ не

Digitized by Google

будетъ пользоваться одинаковымъ съ существующими курсами, или, правильнѣе, экзаменами, уваженіемъ, авторъ рекомендуетъ увеличеніе вакансій на ученыя степени.

Переходя затѣмъ къ организаціи школьнаго образованія, авторъ, придерживаясь старинныхъ порядковъ, предлагаетъ, по нѣсколько измѣненнымъ иностраннымъ образцамъ, ввести для гражданскаго и для военнаго вѣдомствъ три типа школъ: низшія въ уѣздныхъ и окружныхъ городахъ, среднія—въ губернскихъ городахъ и высшія—въ столицѣ. Школы гражданскія раздѣлить на шесть факультетовъ, или отдѣловъ: 1) отдѣлъ изящной словесности; 2) политическихъ наукъ; 3) лингвистическій—иностранные языки и словесность; законовѣдѣніе, международное право, договоры и международныя сношенія; 4) естественныхъ наукъ—ученіе о звукѣ, свѣтѣ, электричествѣ и химія; 5) техническихъ знаній—астрономія, землевѣдѣніе, математика и строительное и фабричное искусства и 6) смѣшанныхъ наукъ—коммерція, горное дѣло, тарифовѣдѣніе, земледѣліе и медицина. Школы военныя должны дѣлиться на два факультета: военно-сухопутный и военно-морской; въ составъ перваго входятъ: изученіе оружія, военные законы, военная организація, сухопутная стратегія и тактика; ко второму относятся: наука объ измѣреніи вообще, астрономія, метеорологія, ученіе о вѣтрахъ, о морскихъ путяхъ, о наносныхъ пескахъ и отмеляхъ, кораблевожденіе и морская тактика и стратегія. Каждый отдѣлъ или факультетъ раздѣляется на нѣсколько классовъ. Курсъ ученія въ каждой изъ трехъ школъ полагается трехгодичный. Въ селахъ авторъ также признаетъ необходимымъ основать домашнія и общественныя школы, ученикамъ которыхъ вмѣнить въ обязанность участвовать въ годичныхъ испытаніяхъ низшихъ школъ.

Проектируемое авторомъ введеніе отдѣльнаго курса иностранныхъ наукъ, по мнѣнію его, будетъ сопровождаться многими благодѣтельными послѣдствіями. Существующія нынѣ только по имени и не приносящія никакой пользы окружныя и уѣздныя училища, подъ руководствомъ наставниковъ, основательно знакомыхъ съ реальными китайскими (!) и иностранными науками, безъ всякихъ со стороны правительства затратъ на устройство особыхъ помѣщеній, могутъ быть обращены въ низшія школы, которыя явятся питомниками истиннаго просвѣщенія. Избраніе каждымъ изъ воспитанниковъ одной спеціальной отрасли знанія, наиболѣе согласующейся съ его наклонностями, дастъ возможность подняться множеству большихъ и малыхъ талантовъ, полезныхъ для государства. Затѣмъ трехъ-лѣтніе курсы въ учили-

Digitized by Google

щахъ дадутъ возможность болѣе правильной оцѣнки знаній воспитанниковъ на экзаменахъ, чѣмъ при настоящей системѣ, когда однодневный успѣхъ или неуспѣхъ на экзаменѣ служитъ единственнымъ критеріемъ для опредѣленія пригодности человѣка.

Для того, чтобы Китаю, при современномъ положеніи дѣлъ, стать на ноги и достигнуть силы и богатства, ему необходимы новые люди и нужны реформы. Тщетно онъ будетъ пытаться, держась излюбленной рутины, избавиться затрудненій внутреннихъ и внѣшнихъ. Даже въ И-цзинѣ сказано, что „за кризисомъ слѣдуютъ перемѣны, а за перемѣнами благоденствіе". Нѣтъ ничего неизмѣннаго въ мірѣ. И государственное устройство также старѣется и требуетъ обновленія. Такими мыслями заключаетъ авторъ главу объ экзаменахъ.

Въ виду того, что авторъ является рьянымъ поборникомъ парламентскаго управленія и, въ виду важности самаго предмета, передадимъ содержаніе главы о парламентахъ, по возможности его собственными словами, даже съ неизбѣжными китайскими повтореніями.

Парламентъ есть учрежденіе, въ которомъ обсуждаются дѣла государственнаго управленія и соединенныя умственныя силы страны направляются къ общей пользѣ государства. Назначеніе людей, для отправленія разныхъ правительственныхъ функцій, производится съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ. Безъ парламента между главою государства и народомъ является масса преградъ, благодаря которымъ воля одного и желанія другого получаютъ превратное направленіе, и сила, раздѣленная властію, слабѣетъ, такъ что хотя бы государство принадлежало къ союзу государствъ, связанныхъ международнымъ правомъ, безъ сомнѣнія, его справедливыя и законныя дѣйствія не признавались бы за таковыя и оно подверглось бы всеобщему нападенію. Потому, желая воспользоваться международнымъ правомъ для огражденія своихъ главныхъ интересовъ, неизбѣжно, въ видахъ усиленія народнаго духа, учрежденіе парламента. Во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ есть парламенты, выборы въ которые и исключеніе изъ которыхъ производится всеобщимъ голосованіемъ. Что̀ неудобно для народа, то не приводится въ исполненіе; что̀ признается имъ невозможнымъ—не навязывается ему силою. Всѣ слои общества проникнуты полнѣйшимъ единодушіемъ, и потому въ международныхъ сношеніяхъ случается, что конституціонное государство само обижаетъ другихъ, но не терпитъ обидъ отъ другихъ. Своею силою оно обязано не одному только мужеству своихъ военныхъ силъ, крѣпости боевыхъ судовъ, новизнѣ и

Digitized by Google

удивительнымъ качествамъ вооруженія, какъ полагаютъ нѣкоторые, а главнымъ образомъ чувству всеобщаго единодушія въ отраженіи всякаго оскорбленія и обиды, являющемуся крѣпостью несокрушимою.

Хотя парламентскія учрежденія въ разныхъ странахъ и отличаются нѣсколько другъ отъ друга, но вообще они раздѣляются на двѣ палаты: верхнюю и нижнюю. Въ составъ первой входятъ родственники царствующаго дома, а также министры и сановники, болѣе близкіе къ государю; вторая состоитъ изъ наиболѣе способныхъ и вліятельныхъ людей разныхъ классовъ и профессій. Такимъ образомъ, члены этой послѣдней палаты стоятъ ближе къ народу. Выборы производятся по большинству голосовъ. Всякій государственный вопросъ сначала предается на обсужденіе нижней палаты, потомъ подвергается обсужденію въ верхней палатѣ и затѣмъ уже представляется на окончательную санкцію главы государства. Въ случаѣ разногласія мнѣній, вопросъ подвергается новому обсужденію обѣихъ палатъ до тѣхъ поръ, пока будетъ достигнуто согласіе. Въ вопросахъ высшаго государственнаго управленія власть принадлежитъ главѣ государства, но бюджетъ расходовъ утверждается палатами, рѣшенію которыхъ народъ подчиняется безпрекословно и безропотно, какъ бы ни были отяготительны налоги. Изъ парламентовъ разныхъ странъ англійскій представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ и устойчивымъ.

Надо полагать, что только тогда, когда основы государственнаго управленія находятся въ рукахъ парламента, можетъ установиться живая связь между государемъ, министрами, чинами и народомъ и могутъ пасть преграды, отдѣляющія правительство отъ народа; все государство проникается единствомъ стремленій и во всѣхъ дѣлахъ царитъ строгій порядокъ, такъ что государю остается только пользоваться почетомъ, присущимъ его высокому сану. Поэтому-то въ конституціонныхъ государствахъ неразумные и жестокіе правители не имѣютъ возможности проявить свое жестокосердіе, временщики не могутъ злоупотреблять властью, большія и малыя власти — пренебрегать своими обязанностями, и народному ропоту нѣтъ мѣста. Вслѣдствіе этого царствующія династіи никакимъ образомъ не могутъ гибнуть чрезъ нѣсколько поколѣній или даже гаснуть въ самомъ началѣ. Въ Китаѣ государи династій, смѣнявшихъ одна другую, хотя по своему положенію и пользовались неизмѣннымъ высокимъ уваженіемъ, но между мудрыми государями и ихъ добросовѣстными слугами царило самое полное единодушіе, и зача-

Digitized by Google

стую государи, оставляя въ сторонѣ свой высокій санъ, вели задушевныя бесѣды съ своими подданными, излагавшими имъ свои взгляды. Поэтому-то въ одной изъ главъ Шу-цзина, древней классической книги, мы видимъ, что въ случаѣ сомнѣній государи обращались за совѣтомъ къ народу; такъ, Пань-гэнъ (царствовалъ за 1400 лѣтъ до Р. Хр.), желая перенести столицу, обращался за совѣтомъ къ народу. Надобно полагать, что когда между правительствомъ и народомъ существуетъ связь, государство благоденствуетъ; когда же нѣтъ этой связи, то для него наступаютъ годины бѣдственныя. Небо, сотворивъ людей, поставило для нихъ государей. Государь есть какъ бы корабль, а народъ какъ бы вода; вода можетъ носить корабль, но она можетъ и опрокинуть его. Съ глубокой древности и до нашихъ временъ это служило главною причиною процвѣтанія и упадка, благоустройства и смутъ. Вдобавокъ къ этому современное, общее положеніе Китая таково, что онъ не можетъ отказаться отъ торговыхъ сношеній съ иностранными государствами; а если это такъ, то онъ не можетъ не опредѣлять своихъ отношеній къ нимъ международнымъ правомъ, а желая въ полной мѣрѣ опираться на него, онъ, для знакомства съ положеніемъ народа, долженъ прежде всего учредить парламентъ, а потомъ уже будетъ въ состояніи проявлять силу своего государства и отражать обиды, наносимыя иностранцами. Сунь-цзы (знаменитый стратегъ VI-го вѣка предъ Р. Хр.) говоритъ, что „законность заставляетъ народъ отождествлять свои желанія съ желаніями правительства; онъ готовъ умереть вмѣстѣ съ нимъ и жить вмѣстѣ съ нимъ, не страшась никакихъ опасностей". Взгляните на Англію; три острова, составляющіе ее, не равняются по величинѣ нѣсколькимъ провинціямъ Китая, по количеству населенія не представляютъ населенія нѣсколькихъ китайскихъ провинцій; а между тѣмъ съ каждымъ днемъ предѣлы ея расширяются, вліяніе ея простирается на весь міръ и она прямо является первымъ государствомъ на западѣ Европы. Этимъ она обязана не чему-нибудь другому, какъ своимъ парламентскимъ учрежденіямъ и созданному ими единодушію народа. Если бы Китай, при своемъ четырехъ-сотъ милліонномъ населеніи, могъ учредить у себя парламентъ и объединить народныя чувства такъ, чтобы онъ являлся однимъ нераздѣльнымъ организмомъ, тогда даже всемірное владычество едва ли представилось бы для него трудною задачею. Возможное ли дѣло, чтобы онъ неподвижно смотрѣлъ на то, какъ этотъ народецъ (иностранцы), переплывая громадныя разстоянія, толпами неистовствуетъ, предъявляя непо-

Digitized by Google

мѣрныя просьбы и безцеремонныя требованія, и при всякой ссорѣ угрожаетъ оружіемъ, открыто нарушая международное право! Поэтому-то парламентъ въ приложеніи къ великимъ вопросамъ сопровождается великими результатами, а въ приложеніи къ малымъ—малыми.

Далѣе, процвѣтаніе и упадокъ государствъ зависятъ отъ людскихъ способностей, а оцѣнка талантовъ зависитъ отъ выборовъ. Парламенты учреждаются народомъ; имъ же избираются и депутаты парламента. Когда выборъ производится однимъ лицомъ, возможно и пристрастіе; когда онъ производится всѣмъ народомъ, то относительно качествъ избранныхъ трудно избѣгнуть общественнаго суда. Затѣмъ, хотя и не говорится, что выборы производятся по большинству голосовъ, но для того, чтобы быть избирателемъ, необходимо прожить въ извѣстномъ мѣстѣ не менѣе 10 лѣтъ, имѣть отъ роду 30 лѣтъ и кромѣ того владѣть имуществомъ, быть грамотнымъ и пользоваться уваженіемъ въ своемъ мѣстѣ. Вотъ какія строгія мѣры принимаются для пресѣченія злоупотребленій при выборахъ. Согласно постановленіямъ, существующимъ въ западныхъ странахъ, парламентскіе дебаты публикуются во всеобщее свѣдѣніе; дѣло, обсуждаемое по утру, вечеромъ появляется въ газетахъ для всеобщаго свѣдѣнія; сужденія справедливыя удостоиваются всеобщаго одобренія, а неправильныя подвергаются таковому же порицанію. Полнѣйшее безпристрастіе народа служитъ гарантіею выбора для всего государства талантливыхъ людей; появленіе талантовъ сопровождается процвѣтаніемъ государства. Если бы только для выбора депутатовъ можно было принять въ основаніе правила о сельскихъ и волостныхъ выборахъ въ Китаѣ и соединить ихъ съ западною системою всеобщихъ выборовъ посредствомъ закрытой баллотировки, а для обсужденія дѣйствій парламента повсюду основать побольше газетныхъ редакцій, то при такихъ условіяхъ всѣ выдающіеся таланты Китая и лучшіе умы его получили бы возможность истощить всю свою преданность и проявить всѣ свои способности на поприщѣ служенія общему дѣлу. Государю не приходилось бы тогда одному нести труды по управленію страною, и народу—пребывать въ праздности. При взаимномъ сочувствіи между государемъ и народомъ, въ отношеніяхъ между собою установилось бы взаимное довѣріе; дѣйствія правильныя и неправильныя подлежали бы суду общественнаго мнѣнія; его же контролю подлежали бы награды и наказанія. И обширный Китай съ его многомилліоннымъ населеніемъ раздѣлялъ бы общія радости и невзгоды. При всеобщемъ единодушіи

Digitized by Google

и единеніи между государемъ и народомъ, кто осмѣлился бы оскорблять насъ? По поводу парламентскихъ депутатовъ нѣкоторые замѣчаютъ: а развѣ наше учрежденіе прокуроровъ, или цензоровъ, существующее болѣе 2.000 лѣтъ, не то же, что депутаты западныхъ парламентовъ? Утверждающіе такъ не принимаютъ во вниманіе того, что китайскіе прокуроры, получая чины и жалованье отъ богдыхана, естественнымъ образомъ не могутъ не обращать вниманія на его милости къ нимъ. Затѣмъ, происходя изъ высшаго сословія, они не могутъ быть вполнѣ знакомы съ народными нуждами. Кромѣ того, поведеніе ихъ неизвѣстно, нравственный и умственный уровень не можетъ быть одинаковъ, и въ результатѣ получается составленіе партій изъ своекорыстныхъ видовъ, погоня за именемъ и за выгодами. Какое же можетъ быть сравненіе съ повсемѣстнымъ равенствомъ представителей парламента? Выбираемые изъ среды народа, они основательно знакомы со всѣми его нуждами, проникнуты чувствомъ полнѣйшаго безпристрастія, и потому все полезное для народа осуществляется, а вредное уничтожается. Такимъ образомъ для осуществленія международнаго права нѣтъ ничего важнѣе поднятія значенія государства, а для поднятія значенія государства нѣтъ ничего важнѣе пріобрѣтенія народнаго расположенія, а для пріобрѣтенія его нѣтъ ничего важнѣе, какъ пониманіе его нуждъ, а для пониманія ихъ прежде всего необходимо учрежденіе парламента. Если Китай рѣшился помириться съ своею слабостью и ничтожествомъ, если онъ не желаетъ быть богатымъ и сильнымъ и стать въ мірѣ государствомъ, имѣющимъ будущность, то не о чемъ болѣе и толковать; но если онъ хочетъ наслаждаться внутреннимъ и внѣшнимъ спокойствіемъ, желая благоустроенія государства, попеченія о народѣ и, при помощи международнаго права, обезпеченія вѣчнаго мира, то онъ долженъ начать съ учрежденія парламента.

Нѣкоторые утверждаютъ, что парламенты свойственны Западу, а не Китаю, что они пригодны были въ прежнія времена, а не нынѣ. Такой взглядъ принадлежитъ людямъ, не понимающимъ высшихъ государственныхъ интересовъ и не вполнѣ знакомымъ съ положеніемъ Китая и иностранныхъ державъ. „Ознакомившись со всеобщею исторіею, я предавался глубокимъ размышленіямъ относительно причинъ успѣховъ или неудачъ, процвѣтанія или упадка разныхъ государствъ, и пришелъ къ слѣдующему заключенію. Извѣстно, что въ разныхъ странахъ свѣта существуютъ три формы правленія: монархическая неограниченная, республиканская и монархическая ограниченная; въ первой власть

Digitized by Google

находится въ рукахъ государя, во второй—въ рукахъ народа и въ третьей она раздѣляется между государемъ и народомъ и получаетъ равновѣсіе. Здѣсь, хотя всѣ дѣла обсуждаются верхнею и нижнею палатами, но онѣ все-таки восходятъ на утвержденіе государя; въ случаѣ одобренія онъ подписью даетъ свое согласіе на приведеніе въ исполненіе; въ противномъ случаѣ дѣло передается въ палаты для вторичнаго обсужденія. Нѣтъ ничего лучше и обдуманнѣе этой системы; она дѣйствительно соединяетъ милліоны людей въ одно цѣлое. Обратите вниманіе на маленькую Англію, въ которой женщина правитъ государствомъ, опираясь на парламентъ; въ теченіе послѣдовательнаго ряда лѣтъ территорія ея увеличилась въ 20 разъ. Таковы великіе результаты ея парламентскаго управленія. Парламентская форма правленія съ государемъ во главѣ является господствующею въ мірѣ; ее приняла и Японія,—и посмотрите, какъ она вдругъ поднялась! Въ виду оскорбленій, которымъ подвергается Китай со стороны западныхъ державъ, неужели еще можно говорить, что парламентъ не составляетъ для Китая предметъ настоятельной и неотложной необходимости"?

Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе того, насколько состоятеленъ взглядъ автора на парламентаризмъ, увлеченіе которымъ мѣшаетъ ему безпристрастно отнестись ко многимъ недостаткамъ этой формы, и въ частности къ сомнительной пригодности ея для Китая, но нельзя не отдать полной справедливости пылкому патріотизму автора, желающаго во что бы то ни стало вывести свое отечество изъ хаотическаго, проникнутаго духомъ всеобщаго хищенія и страдающаго отсутствіемъ всякаго правосудія, невозможнаго состоянія. И не одинъ авторъ настоящаго сочиненія видитъ въ парламентаризмѣ единственное, радикальное средство къ излеченію застарѣлыхъ язвъ, разъѣдающихъ государственный организмъ Китая. То же мнѣніе мнѣ лично приходилось слышать и отъ нѣкоторыхъ его соотечественниковъ, принадлежащихъ къ новому поколѣнію и имѣющихъ сношенія съ иностранцами.

Огромное значеніе, которое придаетъ авторъ газетной печати, какъ выразительницѣ общественнаго мнѣнія и органу, посредствомъ котораго сужденія парламента по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія дѣлаются всеобщимъ достояніемъ, и нужды народныя становятся извѣстными правительству, заставляетъ его совершенно естественно отвести ей отдѣльную главу подъ названіемъ: „Ежедневныя газеты". Въ доброе старое время Китая, когда между высшимъ правящимъ классомъ и народомъ

Digitized by Google

не существовало пропасти, раздѣляющей ихъ нынѣ, по мнѣнію автора, подданные богдыхана имѣли возможность непосредственно доводить до его свѣдѣнія не только о своихъ нуждахъ и обидахъ, но даже подавать ему совѣты и дѣлать внушенія: для этой цѣли у воротъ дворца были поставлены барабанъ и колотушка, въ которые могъ ударять каждый, имѣющій нужду въ личномъ объясненіи съ государемъ. Кромѣ того, богдыханскіе лѣтописцы и посланники обязаны были собирать свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ народа и о нуждахъ его. Но съ тѣхъ поръ, какъ столь ненавистный китайскимъ ученымъ объединитель Китая Цинь-ши-хуань сжегъ классическія книги и погубилъ ученыхъ, между правительствомъ и народомъ, которымъ онъ хотѣлъ управлять при помощи обмана, хитрости, насилія и казней, образовалась пропасть. „Повсемѣстныя невообразимыя жестокости и безчеловѣчія вызвали всеобщее возстаніе, положившее конецъ династіи тирана. Но, къ сожалѣнію, государи ханьской и вэйской династій съ удовольствіемъ слѣдовали политикѣ Цинь-ши-хуаня, какъ выгодной для нихъ лично, и своими постепенными притѣсненіями погубили свое дѣло. Правда, при нѣкоторыхъ мудрыхъ государяхъ танской и сунской династій, для уничтоженія средостѣнія между правителемъ и народомъ, были учреждены чины прокурорскаго надзора, открывшіе эру добросовѣстныхъ сужденій; но нельзя сказать, чтобы при посредствѣ ихъ нужды народа и его настроеніе сдѣлались вполнѣ извѣстными верховной власти. Единственнымъ и лучшимъ средствомъ для этого можетъ служить развитіе въ широкихъ размѣрахъ повременной печати, которая на Западѣ является могущественнымъ рычагомъ въ общественной и частной дѣятельности. Достояніемъ ея дѣлаются всѣ дѣйствія парламента, вѣдомствъ мѣстнаго управленія, торговыхъ палатъ, отчеты посланниковъ и консуловъ, состояніе торговли, промышленности и искусствъ, всевозможные проекты и измѣненія въ области правительственной, дѣятельность государя, министровъ и депутатовъ. Словомъ, нѣтъ ни одного явленія общественной и частной жизни человѣка, которое бы не получало на столбцахъ газетъ достойной оцѣнки. Мало того, каждая отрасль человѣческаго знанія и искусства имѣетъ свои спеціальные органы печати; даже дѣти и тѣ имѣютъ свои журналы. Въ виду пользы, доставляемой обществу повременною печатью, правительство оказываетъ ей возможное содѣйствіе въ формѣ субсидій, освобожденія бумаги отъ пошлинъ и облегченій въ пересылкѣ газетъ и журналовъ“.

Въ открытыхъ для иностранной торговли портахъ Китая,

Digitized by Google

какъ, напримѣръ, въ Шанхаѣ, Тянь-цзинѣ, Ханькоу и Гонконгѣ, были основаны китайскія газеты, но всѣ онѣ состояли подъ редакціей иностранцевъ, которые въ вопросахъ международной политики зачастую дозволяютъ себѣ порицать дѣятельность высшихъ правящихъ классовъ и волновать умы китайцевъ. Правда, въ послѣднее время появляются редакторы и изъ китайцевъ, сужденія которыхъ отличаются безпристрастіемъ, но все же редакторами двухъ, издаваемыхъ въ Кантонѣ, газетъ, Гуанъ-бао и Чжунъ-си-жи-бао (Кантонскій вѣстникъ и Китайско-европейская газета) являются иностранцы. „Въ настоящее время слѣдовало бы завести газеты во всѣхъ приморскихъ провинціяхъ Китая съ редакторами изъ китайцевъ, а иностранцамъ разрѣшить изданіе газетъ только на иностранныхъ языкахъ. Въ мирное время власти должны оказывать газетамъ покровительство и защиту, чтобы онѣ могли съ полнымъ усердіемъ предаваться исполненію своей высокой задачи—карать зло, поощрять добро, содѣйствовать осуществленію полезныхъ предпріятій, сообщать свѣдѣнія о состояніи нравовъ, о положеніи производительности и объ измѣненіяхъ въ политическомъ строѣ иностранныхъ государствъ, въ ихъ военномъ устройствѣ, объ изобрѣтеніяхъ въ области технической и промышленной, говорить прямо и безъ всякой утайки объ извѣстныхъ имъ проступкахъ властей, не стѣсняясь занимаемымъ послѣдними положеніемъ. Не дозволять властямъ дѣлать имъ притѣсненій и въ случаяхъ диффамаціи, шантажа и подкупа предоставить имъ (властямъ) право доносить высшему начальству, которое чрезъ своего депутата постановляетъ справедливое рѣшеніе. Редакторы должны отличаться полнѣйшимъ безпристрастіемъ и безупречною честностью. За всякое своекорыстное дѣйствіе, извращеніе истины они должны подлежать законной отвѣтственности. Въ военное время власти обязаны слѣдить за газетами, чтобы онѣ не разглашали военныхъ плановъ своего государства и не лѣнились сообщать подробныя свѣдѣнія о положеніи непріятеля. Трудно исчислить всѣ выгоды, доставляемыя газетною печатью, и потому мы ограничимся указаніемъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Народныя бѣдствія, причиняемыя засухами, наводненіями, изображенныя яркими и живыми красками на страницахъ газетъ, несомнѣнно будутъ вызывать всеобщее сочувствіе, сопровождаемое посильною помощью, тогда какъ нынѣ, благодаря дальности разстояній, они, не дѣйствуя на душу непосредственно, проходятъ незамѣченными. Подробное описаніе казни преступниковъ, наводя страхъ на читающую публику, будетъ содѣйствовать къ уменьшенію злодѣяній и обезпеченію вну-

Digitized by Google

тренняго спокойствія. Для лицъ, желающихъ посвятить себя ученой или служебной дѣятельности, особенно важно знакомство съ современными вопросами, и этого они будутъ достигать, не выходя за порогъ, при помощи газетъ и журналовъ".

„Что же намъ дѣлать? Неужели же, затмивъ въ себѣ всякое пониманіе и храня гробовое молчаніе, допустить, чтобы враждебныя намъ государства лелѣяли свои коварные замыслы и печать находилась въ чужихъ рукахъ? А мы, упиваясь безмятежнымъ спокойствіемъ и хвастливымъ самомнѣніемъ, беззаботно и добровольно будемъ сносить отъ чужихъ людей оскорбленія"!

Въ слѣдующей главѣ, объ органахъ мѣстнаго управленія, авторъ сначала рисуетъ яркими красками плачевную картину современнаго состоянія администраціи въ Китаѣ и затѣмъ съ своимъ обычнымъ энтузіазмомъ рекомендуетъ мѣры къ спасенію своей родины отъ угрожающихъ ей полнѣйшаго внутренняго разложенія и анархіи. Чтобы читатели могли имѣть точное и полное представленіе о взглядахъ автора на настоящій важный предметъ, мы предоставляемъ говорить ему самому. „Благоустройство страны, или настроеніе ея всецѣло зависитъ отъ качествъ органовъ мѣстнаго управленія, а также и отъ выбора лицъ правительствомъ. Въ уѣздъ попалъ достойный уѣздный начальникъ, и въ цѣломъ уѣздѣ царитъ порядокъ; попалъ въ область достойный областной начальникъ, и въ цѣлой области царитъ порядокъ; появился въ губерніи достойный губернаторъ, и въ цѣлой губерніи господствуетъ порядокъ; возсѣдаетъ на престолѣ достойный человѣкъ, и въ цѣломъ государствѣ царитъ порядокъ. Министры съ генералъ-губернаторами и губернаторами— это ближайшія лица правителя и образцы органовъ управленія; въ ихъ рукахъ сосредоточена власть выбора людей и высшая правительственная сила. Но такъ какъ чины установляются правительствомъ для народа, то благоустройство государства или нестроеніе его—зависятъ отъ качествъ ближайшихъ къ народу чиновниковъ, особенно окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ, за которыми въ столицѣ слѣдятъ шесть министерствъ, а въ провинціи губернаторы, управляющіе судебною частью, окружные и областные начальники. Къ сожалѣнію, при самомъ вступленіи на службу чиновники попадаютъ въ нее не однимъ путемъ: одни по экзаменамъ, другіе по рекомендаціи и третьи при помощи пожертвованій; вдобавокъ къ этому, министерство чиновъ при назначеніи на мѣста ограничивается, большею частію, очередною жеребьевкою, не обращая никакого вниманія на качества избираемаго. Наконецъ, человѣкъ получилъ мѣсто, но,

Digitized by Google

благодаря тому, что ему пришлось долго ожидать его, онъ оказывается въ неоплатныхъ долгахъ. Между тѣмъ, получаемаго имъ жалованья недостаточно для содержанія себя и семьи. При такихъ условіяхъ ни повышеніе по службѣ, ни пониженіе уже не служитъ стимуломъ къ возбужденію его энергіи. Негодные между ними являются необузданными и жестокими кровопійцами, уподобляющимися волкамъ и тиграмъ. Даже если дойдетъ до начальства слухъ объ ихъ безчеловѣчіи и они, по представленію его, будутъ уволены, то загубленнаго ими сельскаго люда уже нельзя возвратить къ жизни. Попадется иногда честный и способный администраторъ, всею душою стремящійся къ доставленію пользы краю, искорененію злоупотребленій и воспитанію народа, но, на бѣду, его благородныя стремленія не раздѣляются областнымъ начальникомъ, а тутъ еще выступаетъ грозная сила въ лицѣ управляющаго гражданскою частью и окружного начальника. Высшее начальство тѣснитъ его, товарищи подсмѣиваются, толпа относится съ недовѣріемъ и его планы разрушаются. Поэтому современные ловкіе чиновники признаютъ за самое лучшее по наружности казаться строгими блюстителями закона, а подъ рукою удовлетворять своей алчности; они не дѣлаютъ ни одного добраго дѣла, но зато нѣтъ злодѣянія, котораго бы они не совершили. Они обираютъ казну, деруть шкуру съ народа. Имъ только бы заручиться расположеніемъ высшаго начальства и похвальными отзывами сослуживцевъ, и тогда ихъ не пугаютъ кары небесныя, нѣтъ имъ дѣла до народной молвы, не помнятъ они милостей царскихъ и не печалитъ ихъ ропотъ народа. Лѣтъ чрезъ десять службы они оказываются обладателями громадныхъ состояній, благодаря которымъ начальство рекомендуетъ ихъ, какъ дѣльныхъ чиновниковъ, а сослуживцы выставляютъ ихъ способными начальниками. Что же касается обираемаго ими народа, то онъ хотя скорбитъ и печалится и молча косится на нихъ, но ничего не можетъ подѣлать. А между тѣмъ эти господа еще неустанно толкуютъ о самоисправленіи!

„Западныя правительственныя учрежденія отличаются отъ китайскихъ только по названіямъ, а не по существу дѣла, за исключеніемъ однако того, что для завѣдыванія земледѣліемъ на Западѣ существуютъ отдѣльныя министерства земледѣлія, тогда какъ въ Китаѣ функціи этихъ министерствъ входятъ въ кругъ дѣятельности министерства финансовъ. Кромѣ того, въ западныхъ государствахъ для завѣдыванія торговлею суще-

Digitized by Google

ствуютъ отдѣльныя министерства торговли, а для управленія почтовымъ дѣломъ—министерства почтъ.

„Во внутренней организаціи министерствъ на Западѣ особенно важнымъ условіемъ успѣшной дѣятельности министерствъ является то, что чиновникъ, поступившій въ извѣстное учрежденіе, остается въ немъ на службѣ всю свою жизнь, повышаясь только въ должностяхъ сообразно количеству лѣтъ службы и способностямъ. Въ концѣ концовъ онъ можетъ занять постъ министра даннаго министерства, но и только. Онъ можетъ получать всевозможныя отличія, титулы и увеличеніе содержанія, но не переводится въ другое вѣдомство. Это не то, что въ Китаѣ, гдѣ васъ изъ министерства финансовъ переводятъ въ министерство уголовныхъ дѣлъ, или изъ генераловъ сухопутныхъ войскъ назначаютъ адмираломъ. Такимъ образомъ, при спеціализаціи обязанностей, дѣла не приходятъ въ упадокъ и съ годами службы пріобрѣтается и бо́льшая опытность. Вотъ на чемъ зиждутся богатство и сила западныхъ государствъ.

„На Западѣ нѣтъ, какъ въ Китаѣ, министерства чиновъ, завѣдывающаго личнымъ составомъ всѣхъ чиновъ имперіи, ихъ повышеніемъ и пониженіемъ. Тамъ эта власть принадлежитъ парламенту (?), который созывается по приказу государя.

„Для слушанія судебныхъ дѣлъ тамъ назначаются присяжные, благодаря которымъ исчезли злоупотребленія судейскаго произвола, а присутствіе свидѣтелей при судебномъ разбирательствѣ устраняетъ возможность оговора и оклеветанія. Я слышалъ древнее изреченіе, что „выборъ человѣка въ засѣданія правительственнаго совѣта и казнь человѣка на площади зависятъ отъ совмѣстнаго рѣшенія государя и народа и что гласный судъ—ясный, а закрытый—темный“, и только теперь въ парламентскомъ управленіи и гласномъ судѣ вижу осуществленіе его.

„Кромѣ того, чины на Западѣ, получая щедрое содержаніе отъ правительства, освобождаются отъ заботъ о семействѣ и, имѣя спеціальныя обязанности, не могутъ манкировать своимъ дѣломъ; въ противномъ случаѣ они подвергаются порицанію парламента и немедленно исключаются изъ службы государемъ. Такимъ образомъ, всѣ, начиная съ главы государства, проникнуты чувствомъ единодушія, неустанно стремятся къ принесенію пользы народу и государству. Причина, почему въ западныхъ государствахъ управленіе, хотя о немъ и не толкуютъ, само совершенствуется съ каждымъ днемъ и стремится къ достиженію высшей правды, заключается во всеобщемъ единодушіи и въ глубокомъ уваженіи каждаго къ своей репутаціи.

Digitized by Google

„Китай со временъ циньской и ханьской династій управлялся законами. И нельзя сказать, чтобы законы его не отличались полнотою, а исполнители и блюстители ихъ—строгостью и пониманіемъ ихъ. Но съ теченіемъ времени произошло то, что законы связали людей благонамѣренныхъ и послужили на пользу негодяямъ. Съ умноженіемъ органовъ управленія возрастали и преграды, отдѣлявшія правительство отъ народа; а чѣмъ болѣе оно отдалялось отъ него, тѣмъ болѣе усиливались злоупотребленія. Чтобы разъ навсегда и совершенно покончить съ ними, положительно не представляется другого средства, кромѣ учрежденія парламента. Но если бы, по разнымъ мѣстнымъ условіямъ и по трудности вдругъ измѣнить исконные порядки, было признано невозможнымъ ввести эту капитальную реформу, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы упразднить излишнихъ чиновниковъ и увеличить содержаніе оставшихся, для того, чтобы постепенно устранить преграды между правительствомъ и народомъ и мало-помалу обратить ихъ самихъ въ безкорыстныхъ дѣятелей. Это послужитъ краеугольнымъ камнемъ для самоуправленія, а также кореннымъ средствомъ къ самоусиленію. Несмотря на свою обширность, Китай заключаетъ въ себѣ всего тысячу слишкомъ округовъ и уѣздовъ и, значитъ, столько же окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ; при осторожномъ выборѣ ихъ высшими правительственными властями, строгомъ надъ ними контролѣ, назначеніи на соотвѣтствующія мѣста и при соблюденіи по отношенію къ нимъ строгой справедливости и полнѣйшаго безпристрастія, въ администраціи съ каждымъ днемъ будетъ все болѣе и болѣе водворяться честность, съ которою въ народѣ станетъ распространяться довольство, основы государства будутъ крѣпнуть и сила его рости. Тогда не страшны будутъ намъ ни Англія, ни Россія, ни соединенные замыслы всѣхъ иностранныхъ державъ.

„Въ предъидущей главѣ мы разсуждали объ окружныхъ и уѣздныхъ начальникахъ, какъ ближайшихъ къ народу властяхъ, отъ качествъ и удачнаго выбора которыхъ зависитъ благосостояніе государства. Но, съ другой стороны, генералъ-губернаторы и губернаторы являются довѣренными людьми государя и образцами для чиновниковъ. Качества ихъ подчиненныхъ находятся въ совершенной зависимости отъ ихъ личнаго безпристрастія, прямоты, честности и ума, постояннаго тщательнаго наблюденія за ними и осторожности. При этихъ условіяхъ ген.-губернаторы и губернаторы въ состояніи сдѣлать надлежащую оцѣнку своимъ подчиненнымъ. Ближайшими помощниками генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ по управленію краемъ являются управляющіе

Digitized by Google

гражданскою и финансовою частями, управляющіе судебною частью и окружные инспектора, нравственная пригодность и успѣшная или безуспѣшная дѣятельность которыхъ въ значительной степени зависитъ отъ полнѣйшаго безпристрастія и безкорыстія генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ при оцѣнкѣ ихъ дѣятельности предъ верховною властью. Областные начальники, будучи, такъ сказать, ушами и очами высшихъ провинціальныхъ властей, являются важнымъ органомъ въ назначеніи окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ положеніе о соотвѣтствіи между лицомъ и мѣстомъ, и власти, основываясь на немъ, стали перемѣщать окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ по своему усмотрѣнію; результатомъ этого явилось то, что изъ десяти окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ едва встрѣчается два или три такихъ, которые выбраны для мѣста, а въ остальныхъ случаяхъ мѣста выбираются для людей. Благодаря подкупу, на эти мѣста устремляются всѣ негодные и корыстные элементы. Кто же при этихъ условіяхъ могъ радѣть о народѣ и заботиться о его нуждахъ? Люди, неискусные въ угожденіи начальству, видя его пристрастное къ себѣ отношеніе, начинаютъ усердно ухаживать за нимъ. А между тѣмъ, при сравнительно небольшомъ составѣ органовъ мѣстнаго управленія, властямъ, въ порядкѣ іерархической постепенности, не трудно было бы знать нравственный и умственный уровень каждаго изъ своихъ подчиненныхъ и давать соотвѣтствующее ихъ способностямъ назначеніе. Строгая разборчивость и безпристрастное отношеніе начальства, исключающія всякую возможность полученія мѣста незаконными и темными путями интриги и происковъ, вызвали бы и въ самихъ органахъ низшей администраціи — окружныхъ и уѣздныхъ начальникахъ—чувство спасительнаго страха и заставили бы ихъ быть порядочными чиновниками. Но для достиженія этого прежде всего требуется, чтобы высшія власти сами служили примѣромъ безупречной честности и безкорыстія. Вѣдь неслыханное дѣло, чтобы изъ мутнаго источника вытекали прозрачныя воды.

„Съ особенною силою проявляются подкупы, интриги и происки въ таможенной службѣ по сбору внутреннихъ пошлинъ, извѣстныхъ подъ именемъ ликина [1]), служащаго золотымъ дномъ для многочисленныхъ чиновниковъ, не имѣющихъ штатныхъ мѣстъ, ловкіе изъ которыхъ добиваются того, что ихъ, вопреки

[1]) Временный сборъ на военныя потребности, установленный въ 50-хъ годахъ и до сихъ поръ неотмѣненный, несмотря на то, что онъ ложится тяжелымъ бременемъ на торговлю.

Digitized by Google

правиламъ, оставляютъ на таможенной службѣ по 3—5 лѣтъ, мотивируя это тѣмъ, что новое лицо, не имѣя надлежащей опытности, не въ состояніи будетъ справиться съ этимъ несложнымъ дѣломъ.

„Въ заботливости о благѣ народномъ правительство издавало указы объ отысканіи честныхъ и способныхъ людей для пополненія мѣстной администраціи, но, къ сожалѣнію, попытки его не вѣнчаются успѣхомъ, благодаря тому, что ген.-губернаторы и губернаторы рекомендуютъ или своихъ учениковъ и старыхъ канцеляристовъ, или же лицъ, уже извѣстныхъ богдыхану; ни одинъ изъ ученыхъ анахоретовъ, обладающихъ необыкновенными способностями, заботящихся о своемъ нравственномъ усовершенствованіи и отличающихся энтузіазмомъ, не былъ ими рекомендованъ; между тѣмъ какъ безсовѣстные и ловкіе интриганы прямо рекомендуются на высшія, чѣмъ слѣдуетъ, должности. Они умѣютъ только обирать народъ да льстить начальству, не обращая никакого вниманія на благосостояніе народа; скрыть дѣло отъ начальства—это, по ихъ понятіямъ, значитъ рѣшить его; а кто кое-какъ рѣшаетъ дѣла, тотъ признается уже дѣльцомъ; бездѣятельность и нерадѣніе обратились у этихъ господъ въ привычку. А если между властями попадаются иногда лица, изучающія западный строй въ видахъ самоусиленія, то, къ сожалѣнію, они не умѣютъ выбирать людей и собирать мнѣнія съ цѣлью развитія пользы и въ большинствѣ случаевъ одурачиваются иностранцами. Какъ же при этихъ условіяхъ Китаю не терпѣть обидъ и оскорбленій со стороны иностранныхъ державъ! Въ настоящее многотрудное время, когда сильные сосѣди все болѣе и болѣе тѣснятъ Китай, ему надлежитъ очистить и упорядочить административныя сферы, возстановить спокойствіе внутри страны, чтобы потомъ съ успѣхомъ отражать внѣшнія обиды. Но для этого необходимо энергично приняться за реформы, искорененіе злоупотребленій, исключеніе изъ службы негодныхъ элементовъ и отысканіе для народа добрыхъ правителей, которые бы заботились объ укрѣпленіи и развитіи народныхъ силъ. Для успѣха дѣла эта очистительная работа должна быть начата съ высшихъ представителей провинціальной администраціи — ген.-губернаторовъ и губернаторовъ, въ выборѣ которыхъ правительству слѣдуетъ наблюдать самую строгую разборчивость и крайнюю осторожность.

„Въ иностранныхъ газетахъ постоянно раздаются упреки нашему правительству въ томъ, что всѣ чины имперіи погрязли въ рутинѣ, ничего не понимаютъ; въ настоящее время въ Китаѣ

Digitized by Google

изучается не то, что̀ нужно; лица, получившія ученыя степени за реторическія упражненія, пользуются предпочтительнымъ вниманіемъ; обманъ царитъ въ высшихъ и низшихъ служебныхъ сферахъ, гдѣ составляются партіи, преслѣдующія свои корыстные виды; продаются чины и титулы. Правительство не умѣетъ пользоваться людьми, сообразуясь съ ихъ способностями; одинъ человѣкъ одновременно занимаетъ нѣсколько должностей; на администрацію не обращается вниманія; существуетъ масса злоупотребленій; личные интересы составляютъ предметъ первой заботливости; боязнь служебныхъ трудностей вызываетъ стремленіе къ непозволительному покою; накопленіе богатствъ незаконными путями признается способностью; содержаніе чего-либо въ запущенномъ видѣ—бережливостью; бездѣятельность—за невозмутимое спокойствіе; трусость—за осторожность; компромиссы и прикрасы—за основательное знакомство съ положеніемъ иностранцевъ. Во всемъ царитъ пустая форма безъ содержанія. Наказанія отличаются крайнею жестокостью и безчеловѣчіемъ. Знакомство съ западнымъ строемъ отличается крайнею поверхностностью. Лица, имѣющія основательное знакомство съ достоинствами и недостатками государственнаго устройства разныхъ странъ, составляютъ явленіе рѣдкое. Развѣ все это не зависитъ отъ недостаточнаго развитія образованія въ странѣ, гдѣ еще не положено основаніе западнымъ школамъ? Всѣ эти обвиненія правительства въ непринятіи мѣръ къ искорененію разныхъ злоупотребленій и недостатковъ, основаны на уличныхъ слухахъ и происходятъ отъ полнѣйшаго незнакомства съ указами мудрыхъ государей и докладами знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей. Намъ извѣстно, что въ правленіе императора Юнъ-чжэна (1723—1736 г.) съ высоты трона неоднократно раздавались рѣчи, въ которыхъ безупречная честность, абсолютное безпристрастіе и широта взгляда ставились необходимыми качествами для лицъ, облеченныхъ такою высокою властью и довѣріемъ государя, какъ ген.-губернаторы и губернаторы, и всѣ подчиненныя власти призывались употребить всѣ свои силы къ искорененію всевозможныхъ недостатковъ и имъ предоставлено было право непосредственнаго доклада о дѣлахъ богдыхану. Мы съ благоговѣніемъ взираемъ на эту царственную мудрость, которая, собирая все полезное, насквозь видѣла всѣ недостатки администраціи, знала людей и умѣла пользоваться ими, не стѣсняясь установленными нормами и обычаями. Докладъ извѣстнаго сановника временъ того же императора Юнъ-чжэна почти дословно воспроизводитъ вышеизложенный отзывъ иностранныхъ газетъ о

Digitized by Google

вопіющихъ злоупотребленіяхъ, которыми сопровождается полученіе административныхъ должностей. Конечно,—замѣчаетъ докладчикъ,—какъ назначеніе на должности, такъ и отрѣшеніе отъ нихъ всецѣло зависитъ отъ высочайшаго усмотрѣнія, и я не смѣю соваться съ своимъ носомъ въ это дѣло. Но въ вопросѣ о рекомендаціи на должности слѣдуетъ, кажется, соблюдать осторожность и осмотрительность. Положимъ, что сановникъ, рекомендующій кого-либо, не осмѣлится обманывать государя, но онъ самъ можетъ быть обманутъ другими. Рекомендуя лицо, занимающее высокое положеніе, слѣдуетъ обращать вниманіе не только на его поведеніе, но и на его понятія. Важно не одно только безпристрастіе въ воззрѣніяхъ, но еще важнѣе, чтобы оно соблюдалось въ дѣятельности. Надобно помнить, что одну изъ важныхъ обязанностей высшихъ провинціальныхъ властей составляетъ контроль надъ подчиненными имъ низшими административными органами. Вѣдь даже хорошій чиновникъ, получившій несоотвѣтственное назначеніе, не только не будетъ въ состояніи показать своихъ достоинствъ, но, наоборотъ, проявитъ свои недостатки. Точно также, если человѣкъ занимаетъ несоотвѣтствующее мѣсто, то хотя бы онъ отличался безупречною честностью, все-таки въ результатѣ получатся злоупотребленія; что же сказать о людяхъ, не отличающихся особенною честностью? Такимъ образомъ, по мнѣнію другого государственнаго человѣка первой половины XVII-го столѣтія, можно быть увѣреннымъ, что между административными органами не будетъ негодныхъ людей и ни одна изъ отраслей государственнаго управленія не придетъ въ упадокъ, если люди будутъ назначаемы сообразно способностямъ, мѣсту, дѣлу и обстоятельствамъ".

Приведенныя авторомъ историческія ссылки, долженствовавшія, по его мнѣнію, служить опроверженіемъ мнѣнія иностранныхъ газетъ о полнѣйшей непригодности государственнаго строя Китая, напротивъ того, являются краснорѣчивымъ доказательствомъ этого мнѣнія, рьянымъ представителемъ котораго являлся самъ авторъ въ своихъ предъидущихъ главахъ, и продолжаетъ оставаться имъ даже и въ настоящей главѣ, когда въ концѣ ея находитъ необходимымъ обратиться къ столпамъ китайскаго управленія съ слѣдующею увѣщательною рѣчью: „Что же касается лицъ, которыя, удостоившись нарочито быть извѣстными государю, становятся во главѣ управленія, то они съ особенною преданностью должны служить государству, отличаться совершеннѣйшею искренностью и отсутствіемъ себялюбія, вызывать къ жизни великія полезности, искоренять важные недостатки, заботиться о

Digitized by Google

благосостояніи и просвѣщеніи народа, составлять для государства дальновидные планы, быть нелицепріятными, не становиться на сторону своихъ единомышленниковъ и не преслѣдовать противниковъ, не пристращаться къ старинѣ и не увлекаться новизною, не гоняться за славою, отличаться опредѣленностью и прямотою воззрѣній, не бросать того, что составляетъ основу, и не стремиться къ верхушкамъ, не бояться трудностей и не искать покоя, оставить въ сторонѣ заботы о себѣ, своей семьѣ, жизни, славѣ, богатствѣ и знатности, чѣмъ лучше всего и обезпечиваются эти блага. Въ противномъ случаѣ, допустимъ даже, что тебѣ удастся избѣжать кары при жизни, но едва ли ты избѣжишь позора на страницахъ исторіи. Къ тому же, исключительная любостяжательность отцовъ непремѣнно сопровождается крайнею расточительностью потомства. Не добромъ нажитое не добромъ и пойдетъ—это всеобщій міровой законъ. А потому не лучше ли оставлять потомству добро (добрыя дѣянія), которое есть лучшее изъ благъ мірскихъ".

Далѣе, главу о путешествіяхъ съ образовательною цѣлью авторъ, по обыкновенію, начинаетъ издалека. „Люди, толкующіе объ обогащеніи и усиленіи, то-и-дѣло твердятъ, что для достиженія этого необходимы: вооруженія, желѣзныя дороги, развитіе фабричнаго дѣла и ремесленной производительности, горнаго дѣла и торговли. Но, благодаря своей заурядности, эти люди не понимаютъ, что въ настоящій вѣкъ и при настоящихъ условіяхъ для достиженія силы и богатства прежде всего необходимо единодушіе всѣхъ слоевъ общества. А между тѣмъ мы видимъ, что, при всякомъ новомъ предложеніи правительства въ государственномъ совѣтѣ поднимаются нескончаемые споры, и всякое отдѣльное мнѣніе по бо̀льшей части парализуется сопротивленіемъ большинства не потому, чтобы между государственными людьми не было лицъ, основательно понимающихъ современное положеніе дѣлъ, а вслѣдствіе недостатка единодушія, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Много ли найдется людей, которые бы съ полнымъ знаніемъ себя и другихъ и съ достоинствомъ съумѣли начертать для своего отечества какую-нибудь солидную и устойчивую политическую программу? При отсутствіи единодушія государство слабѣетъ, и веденіе международной политики становится труднымъ, благодаря неопредѣленности направленія, которая происходитъ отъ недостатка руководителей. А для того, чтобы имѣть достойныхъ руководителей, необходимо путешествіе князей и сановниковъ въ чужіе края. Такого рода путешествія получили начало въ древнія

Digitized by Google

времена Китая, когда посланцы сына неба, путешествуя по всему Китаю, освѣдомлялись о нравахъ и обычаяхъ и вникали въ народныя нужды. Самъ Конфуцій объѣзжалъ вассальныхъ князей. Въ періодъ борющихся государствъ (за 4 в. до Р. Хр.) люди, въ родѣ Су-циня, переѣзжая изъ одного государства въ другое, старались при помощи своего краснорѣчія расположить владѣтельныхъ князей въ пользу того или другого политическаго союза. • Во время этихъ странствованій по разнымъ княжествамъ они основательно знакомились съ ихъ географическими условіями, съ достоинствами и недостатками ихъ государственнаго строя, съ состояніемъ ихъ вооруженныхъ силъ и съ характеромъ ихъ населенія. Обращаясь къ новѣйшему времени, мы видимъ, что въ западныхъ государствахъ путешествіямъ придается особенно важное значеніе. Тамъ даже такія высокопоставленныя лица, какъ наслѣдники престоловъ и царскіе внуки, и знатныя особы, какъ министры и генералы, считаютъ путешествія по чужимъ краямъ дѣломъ серьезнымъ. Ни трудности сухопутнаго путешествія, ни опасности морского плаванія, ни продолжительность самаго путешествія, словомъ, ничто не отклоняетъ ихъ отъ него. Въ странахъ, ими посѣщаемыхъ, предметомъ ихъ вниманія служатъ: государственный строй, нравы и обычаи, количество мѣстныхъ произведеній, состояніе торговли, фабричнаго дѣла, военнаго дѣла, и особенно географическое положеніе страны съ ея горами и рѣками, качествомъ путей сообщенія, глубиною рѣкъ и морскихъ портовъ. Все это записывается въ дневники, снабженные картами, которые и издаются въ печати. Въ мирное время матеріалы, собранные путешественниками, служатъ темою для бесѣдъ, а въ военное время пріобрѣтаемое, благодаря имъ, основательное знакомство съ страною, ея рессурсами и путями сообщенія—обезпечиваетъ побѣду. Видя побѣдоносное шествіе, сопровождаемое быстрымъ паденіемъ городовъ и пріобрѣтеніемъ земель, люди приписываютъ это быстротѣ дѣйствія военныхъ силъ, забывая, что планъ кампаніи составленъ заранѣе, на основаніи свѣдѣній, добытыхъ путешественниками. Взгляните на Россію. Двѣсти лѣтъ тому назадъ она также была государствомъ слабымъ. А когда Петръ Великій, видя возрастающее могущество европейскихъ государствъ и опасаясь, что внутреннее нестроеніе породитъ внѣшнія затрудненія, инкогнито совершилъ путешествіе по Европѣ, ознакомился съ ея положеніемъ, пригласилъ на службу талантливыхъ людей и произвелъ необходимыя реформы, то не прошло и двадцати лѣтъ, какъ Россія стала могущественнымъ государствомъ на востокѣ Европы, присоединила къ себѣ всѣ сла-

Digitized by Google

бия государства и, постепенно расширяя свои владѣнія и усиливая арміи, заняла господствующее положеніе въ Европѣ. Вотъ плоды путешествія.

„Съ недавняго времени и Китай, познавъ всю пользу путешествій, посылалъ своихъ чиновниковъ за границу. Но, къ сожалѣнію, при дороговизнѣ жизни за границею и при необходимости вести обширное знакомство, получаемаго ими содержанія, 200 ланъ (около 400 р.) въ мѣсяцъ, естественнымъ образомъ оказалось недостаточно, и они вынуждены были вести замкнутую жизнь, такъ что плоды пребыванія ихъ въ чужихъ краяхъ выразились только въ переводѣ нѣсколькихъ книгъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что, занимая низкое служебное положеніе, они были лишены возможности представить правительству свои взгляды, хотя бы и дѣйствительно запаслись таковыми. Поэтому было бы лучше отправлять за границу образованныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ высшаго долга, молодыхъ и не состоящихъ на службѣ дѣтей князей и вельможъ, вмѣнивъ имъ въ обязанность знакомиться съ достоинствами и недостатками всего строя иностранныхъ государствъ, снабдивъ ихъ для сего щедрыми средствами и не стѣсняя временемъ. Эти молодые люди со временемъ сдѣлались бы опытными государственными людьми, и, будучи призваны къ исполненію важныхъ обязанностей въ государствѣ, они, обладая дѣйствительнымъ знаніемъ и проницательностью, могли бы въ вопросахъ государственной политики безъ колебанія и безъ стѣсненія принимать соотвѣтствующее рѣшеніе.

„Далѣе, нашъ молодой флотъ [1]), состоящій нынѣ изъ нѣсколькихъ десятковъ судовъ, кромѣ ученія да сопровожденія сановниковъ, не имѣетъ никакихъ занятій. Не лучше ли будетъ отправлять его въ заграничное плаваніе, гдѣ, кромѣ защиты интересовъ китайскихъ подданныхъ и поднятія значенія, Китая, онъ могъ бы пріобрѣсти основательное знакомство съ условіями плаванія по разнымъ морямъ, съ стратегическими морскими пунктами и состояніемъ ихъ обороны. Такія плаванія могли бы продолжаться полгода или годъ. По окончаніи плаванія, лица, стоящія у кормила правленія, пусть лично разпрашиваютъ участниковъ его о положеніи дѣлъ въ посѣщенныхъ ими странахъ и просматриваютъ ихъ дневники, и тѣхъ изъ нихъ, которые явились съ запасомъ серьезныхъ знаній, представятъ къ наградамъ за военныя услуги. Если такъ будутъ заниматься путешествіями и прилагать всѣ усилія къ пріобрѣтенію знаній и опытности,

[1]) Авторъ писалъ до погрома китайскаго флота японцами.

Digitized by Google

то черезъ десять лѣтъ Китай будетъ располагать достаточнымъ запасомъ дѣльныхъ людей для гражданской и военной службы, и не будетъ ежегодно бросать громадныя деньги на наемъ иностранныхъ учителей, и въ то же время подвергаться насмѣшкамъ со стороны иностранцевъ".

Въ подтвержденіе справедливости своего взгляда о безусловной необходимости для Китая отправлять въ заграничныя путешествія молодыхъ людей знатныхъ фамилій, авторъ приводитъ замѣтку по этому вопросу англійскаго миссіонера Ричарда Тимоти, который фактически изъ древней китайской исторіи доказываетъ, что въ прежнее время китайскіе владыки, и въ особенности ихъ наслѣдники, не вели той затворнической жизни, которую они ведутъ въ настоящее время. Въ тѣ времена сюзеренъ чрезъ каждыя 12 лѣтъ объѣзжалъ своихъ вассаловъ, а наслѣдники престола предпринимали по Китаю продолжительныя путешествія и вращались постоянно среди народа, пріобрѣтая, такимъ образомъ, заранѣе разностороннія свѣдѣнія о положеніи страны, достоинствахъ и недостаткахъ администраціи и о нуждахъ населенія. Что же касается иностранныхъ государей, то путешествія ихъ по чужимъ краямъ стали явленіемъ совершенно обычнымъ. Посмотрите, какіе блестящіе результаты принесло путешествіе Петра Великаго по Европѣ, откуда онъ заимствовалъ все, что, по его мнѣнію, могло содѣйствовать величію и силѣ Россіи. Взгляните на Японію, которая въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ достигла такой степени процвѣтанія, которое ставитъ ее на одинъ уровень съ великими западными державами. А чему она обязана этимъ, какъ не отправленію въ заграничныя путешествія своей знати и посылкѣ способныхъ молодыхъ людей для полученія образованія въ иностранныя земли? Усвоивъ сущность западной науки, она устроила у себя всю обработывающую производительность по западнымъ образцамъ, и не по собственной охотѣ отреклась отъ своихъ вѣковыхъ преданій, а потому, что, вступивъ разъ въ сношенія съ иностранными государствами, она иначе не могла идти въ уровень съ ними. Желательно, чтобы и Китай, въ видахъ собственной пользы, послѣдовалъ примѣру Японіи".

Переходя къ международному праву, авторъ опредѣляетъ его какъ великій мирный договоръ, основанный на общности понятій о правдѣ и неправдѣ, добрѣ и злѣ, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы соединять и связывать между собою отдѣльныя политическія единицы или государства и, на основаніи закона правды, регулировать ихъ взаимныя отношенія. Но, къ сожа-

Digitized by Google

лѣнію, приложеніе этого великаго принципа находится въ зависимости отъ относительной силы или слабости каждаго изъ членовъ великаго международнаго союза. Сколько противорѣчій принципу справедливости мы встрѣчаемъ въ торговой части договоровъ, заключенныхъ иностранцами съ Китаемъ! Несмотря на постановленіе о томъ, что выгоды, предоставленныя кѣмъ-либо одному государству, распространяются въ одинаковой мѣрѣ и на другія,—китайскія суда въ иностранныхъ государствахъ уплачиваютъ по-тонную пошлину въ нѣсколько разъ бо́льшую, чѣмъ иностранныя суда въ Китаѣ. Иностранные товары въ Китаѣ облагаются низкою таможенною пошлиною, тогда какъ китайскіе товары за границею подвергаются высокимъ пошлинамъ. Съ иностранцевъ въ Китаѣ не взимается никакой подушной подати, тогда какъ китайцы въ англійскихъ колоніяхъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки не только облагались подушной податью, но даже въ настоящее время сдѣлано распоряженіе о недопущеніи ихъ въ эти страны, а старые китайскіе жители облагаются тамъ тяжелою подушною податью. Гдѣ же тутъ справедливость? Гдѣ право? А между тѣмъ юристы громогласно заявили, что, послѣ заключенія въ 1858 г. Англіею, Франціею, Россіею и Соединенными Штатами С. Америки договоровъ съ Китаемъ, онъ принадлежитъ къ союзу государствъ, на которыя распространяется дѣйствіе международнаго права и будетъ пользоваться всѣми преимуществами, предоставленными этимъ правомъ. Не смѣшно ли это и не обидно ли? Какъ же тутъ быть?

Имѣя въ виду, что торговыя постановленія договоровъ не представляютъ собою чего-то постояннаго, неизмѣннаго, и въ видахъ обоюдной пользы могутъ подлежать своевременному пересмотру и измѣненіямъ, а право установленія тарифовъ принадлежитъ каждому государству въ отдѣльности, внѣ какихъ бы то ни было посягательствъ на него даже со стороны сильныхъ, Китаю слѣдуетъ открыто заявить, что, въ виду неудобствъ для народа такихъ-то постановленій договоровъ и несоотвѣтствія такихъ-то тарифовъ съ его условіями, дѣйствіе ихъ, по истеченіи срока договоровъ, впредь до новаго обсужденія будетъ прекращено.

Что же касается постановленій договоровъ, не имѣющихъ торговаго характера и заключающихъ въ себѣ, такъ сказать, постоянное право, то авторъ рекомендуетъ прибѣгнуть къ сличенію китайскаго законодательства съ международнымъ правомъ и тѣ изъ постановленій, которыя окажутся тождественными въ

Digitized by Google

томъ и другомъ, сдѣлать взаимнообязательными, въ различныхъ же—предоставить каждой сторонѣ держаться своихъ, а занимающія средину подвергнуть общему разсмотрѣнію и, основываясь на справедливости, привести въ должный видъ. Составленный такимъ образомъ кодексъ сдѣлать обязательнымъ на вѣчныя времена для всѣхъ членовъ международнаго союза и нарушителей его приговаривать общимъ союзнымъ судомъ къ уплатѣ высшей контрибуціи, и въ случаѣ нераскаянности—лишать ихъ верховныхъ правъ и замѣнять людьми болѣе достойными. При такомъ условіи международное право могло бы процвѣтать и общій миръ могъ бы быть надолго обезпеченъ. Къ сожалѣнію, хотя постановленія международнаго права уже давно имѣютъ обязательную силу для всѣхъ государствъ, однако нерѣдко встрѣчаются и случаи нарушенія его. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что только равносильныя государства пользуются международнымъ правомъ при опредѣленіи своихъ взаимныхъ отношеній; въ отношеніяхъ же между самыми сильными и самыми слабыми государствами международное право едва ли можетъ быть приложимо. Такимъ образомъ, только сильныя государства могутъ въ полной мѣрѣ пользоваться всѣми правами и преимуществами, предоставляемыми международнымъ правомъ, и опираясь на него сдерживать другихъ, тогда какъ слабымъ политическимъ единицамъ неизбѣжно приходится терпѣть и подвергаться обидамъ. Поэтому, всякому государству, для того, чтобы воспользоваться всѣми выгодами международнаго права, не остается ничего другого, какъ со всѣмъ жаромъ заняться самоусиленіемъ.

Высказавъ свой взглядъ на международное право вообще, авторъ посвящаетъ слѣдующую главу разсмотрѣнію одного изъ частныхъ вопросовъ его, а именно вопроса о посольствахъ. Посольства знакомы Китаю съ глубокой древности: уже за 140 л. до Р. Хр. онъ отправлялъ свои посольства въ отдаленный западный край. Придавая громадное значеніе личности посланника, отъ ума и такта котораго могли зависѣть война и миръ и зависѣли поддержаніе или посрамленіе достоинства государя и государства, Китай съ такою же разборчивостью и осторожностью выбиралъ лицъ для этихъ миссій, какую соблюдалъ при выборѣ министровъ и полководцевъ. Вступивъ нынѣ въ международныя сношенія съ иностранными государствами и заключивъ съ ними договоры, онъ естественнымъ образомъ нуждается въ назначеніи своихъ представителей за границею, которые, являясь связующимъ звеномъ между Китаемъ и данною страною, въ то же время наблюдаютъ за точнымъ исполненіемъ договоровъ, поддер-

Digitized by Google

живаютъ достоинство государства, защищаютъ интересы подданныхъ его за границею и поддерживаютъ между ними порядокъ, имѣя, въ отправленіи этихъ важныхъ обязанностей, помощниковъ въ лицѣ консуловъ. Кромѣ того, пребываніе посланниковъ за границею даетъ имъ возможность знакомиться съ положеніемъ государства, при которомъ они аккредитованы, съ его гражданскимъ, военнымъ, торговымъ, экономическимъ и промышленнымъ строемъ,—словомъ, со всею жизнью страны въ ея полномъ объемѣ.

Китаю слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе на международныя сношенія и выбирать для этой цѣли способныхъ агентовъ, тѣмъ болѣе, что число китайскихъ подданныхъ, отправляющихся за границу для торговли и на заработки, съ каждымъ годомъ увеличивается. Особенно ихъ много въ англійскихъ, голландскихъ и испанскихъ колоніяхъ и въ Соедин. Штатахъ С.-Америки, гдѣ каждымъ изъ нихъ уплачивается ежегодная пошлина въ размѣрѣ отъ 1 до 100 и болѣе долларовъ. Даже въ Сіамѣ, старомъ вассалѣ Китая, и тамъ съ китайцевъ взимается ежегодная подушная пошлина, неуплата которой влечетъ за собою каторжныя работы. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ колоніяхъ, а также въ Сіамѣ, Бирмѣ и Аннамѣ количество китайскихъ подданныхъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ, подчиненныхъ иностранной юрисдикціи. Для удержанія надъ нимъ вліянія Китая необходимо назначить посланника, съ подчиненіемъ его юрисдикціи всѣхъ китайскихъ подданныхъ (?), образовать изъ нихъ, по образцу иностранцевъ въ Китаѣ, муниципальный отрядъ и пріобрѣсти на ихъ средства одинъ-два военныхъ парохода, которые бы состояли въ распоряженіи посланника на случай обозрѣнія имъ колоній. Въ заключеніе главы, снова рекомендуя соблюдать крайнюю осторожность и безпристрастіе въ выборѣ лицъ на дипломатическую, драгоманскую и консульскую службу, авторъ требуетъ отъ нихъ основательнаго знакомства съ международнымъ правомъ, договорами, англійскимъ и французскимъ языками, а также со всеобщею географіею, исторіею народовъ, государственнымъ правомъ, просвѣщеніемъ и обычаями.

Обращаясь къ давно установившимся торговымъ сношеніямъ Китая съ иностранными государствами, авторъ не безъ горечи замѣчаетъ, что изъ множества возникавшихъ международныхъ дѣлъ ни одно не было рѣшено по справедливости и что Китай не могъ переломить упрямства иностранцевъ и добиться удовлетворенія за обиды, терпимыя его народомъ. Такое явленіе авторъ

Digitized by Google

объясняетъ неумѣніемъ взяться за дѣло и отсутствіемъ на дипломатической службѣ выдающихся талантовъ.

Всѣ дѣла, вытекающія изъ международныхъ отношеній, несмотря на ихъ многосложность, могутъ быть подведены подъ два главные вида, а именно: дѣла, касающіяся частнаго права, каковы убійства, грабежи, поджоги и т. под., и относящіяся къ государственному праву, каковы, напримѣръ, нарушеніе территоріальныхъ правъ, контрабанда, вѣропроповѣдничество, построеніе христіанскихъ храмовъ и т. под. вопросы высшаго порядка. Между тѣмъ, различіе въ языкѣ и законахъ иностранцевъ, посѣщающихъ Китай, ихъ своекорыстіе, сопряженное съ нарушеніемъ чужихъ интересовъ, своеволіе, презрѣніе къ нравственнымъ законамъ, игнорированіе нравовъ и обычаевъ страны, полное самоуправство въ отведенныхъ имъ концессіяхъ, обычныя угрозы, сопровождающія ихъ притязанія, война и требованіе контрибуціи въ случаѣ неудовлетворенія ихъ, легко порождали подозрительность и ненависть къ нимъ со стороны китайскаго населенія и безпрестанно вызывали огромныя дѣла. Китай, въ своей заботливости о сохраненіи высшихъ интересовъ, избѣгалъ открытія непріязненныхъ дѣйствій. Его чиновники, по большей части, держались политики улаживанія и замазыванія. Были случаи, когда, несмотря на очевидную несправедливость иностранцевъ, имъ уплачивалось громадное вознагражденіе. Навалится шкиперъ иностраннаго парохода на китайскую лодку и потопитъ ее, да и сваливаетъ вину на неумѣнье лодочника посторониться, или же ложно утверждаетъ, что фонари на мачтѣ горѣли тускло; наскочитъ иностранный экипажъ на китайца и изувѣчитъ его, опять та же исторія: самъ виноватъ, не умѣлъ во-время посторониться; потащитъ китаецъ виновнаго въ судъ, и тамъ тотъ отдѣлается только легкимъ штрафомъ. Китайцы, состоящіе въ услуженіи иностранныхъ торговыхъ домовъ и на пароходахъ, подъ разными предлогами зачастую подвергаются не только вычетамъ изъ жалованья, но даже побоямъ. Болѣе коварные изъ иностранцевъ не гнушаются даже въ компаніи съ мѣстными негодяями заниматься похищеніемъ и продажею людей. И темному деревенскому люду негдѣ искать удовлетворенія за причиняемыя ему обиды и страданія. Задолжаетъ китайскій купецъ иностранцу, то, по первому заявленію послѣдняго, у китайца не только описываютъ его собственное имущество, но даже добираются до родственниковъ и друзей. А задолжаетъ иностранецъ китайцу, то хотя у него есть большое состояніе, онъ обыкновенно объявляетъ себя несостоятельнымъ и разгуливаетъ себѣ на свободѣ,

Digitized by Google

какъ ни въ чемъ не бывало. Китайцы за границею платятъ подушную подать и постоянные налоги, а иностранцы въ Китаѣ не несутъ ровно никакихъ повинностей. Въ одно время пароходъ китайской торговой пароходной компаніи отправился въ Калифорнію, гдѣ таможенныя власти, съ цѣлью отвадить его отъ новаго посѣщенія, взыскали съ него огромную судовую пошлину. Китайскимъ купцамъ и рабочимъ, однажды оставившимъ Калифорнію и Австралію, не дозволено снова возвращаться туда. Такъ либерально обходятся въ Китаѣ съ иностранцами и такъ жестоко обращаются съ китайскими подданными за границей! Гдѣ же справедливость? Гдѣ человѣческое чувство? Всѣ вышеприведенныя противозаконныя и несправедливыя дѣйствія иностранцевъ въ Китаѣ, конечно, запрещаются иностранными законами и не допускаются международнымъ правомъ. Но дѣло въ томъ, что, благодаря особенностямъ китайскаго уголовнаго кодекса, они имѣютъ возможность уклоняться. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ убійства, совершеннаго китайцемъ надъ иностранцемъ, китаецъ по своимъ законамъ подлежитъ смертной казни, тогда какъ то же преступленіе, совершенное иностранцемъ, по ихъ законамъ не влечетъ за собой смертной казни. Въ доказательство насилій, безобразій и беззаконій, совершаемыхъ англичанами въ Китаѣ, авторъ приводитъ слѣдующую выдержку изъ письма бывшаго англійскаго посланника въ Китаѣ, лорда Элгина къ своей женѣ: „По прибытіи въ Китай мнѣ постоянно приходилось быть свидѣтелемъ возмутительныхъ насилій и своеволія англичанъ надъ китайцами. Все это происходитъ отъ того, что китайцы съ одной стороны слишкомъ смирны, чтобы оказать сопротивленіе, а съ другой слишкомъ глупы, чтобы обращаться съ жалобами въ судъ". Допустимъ, что китайцы черезъ-чуръ смирны, но имъ было бы нетрудно оказывать сопротивленіе насиліямъ иностранцевъ, если бы послѣдніе при всякомъ случаѣ не опирались на всемогущество своихъ посланниковъ. Вотъ что̀ вынуждаетъ Китай поступаться своими правами. Народъ сноситъ обиды изъ боязни чиновниковъ, а чиновники поступаются правомъ изъ боязни центральнаго правительства. По поводу неустойчиваго направленія китайской международной политики знаменитый Цзэнъ-го-фаль высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Въ настоящее время въ Китаѣ поборники принципа силы въ сношеніяхъ съ иностранцами исключительно стараются умасливать ихъ и по счастью этимъ путемъ избѣгаютъ столкновенія съ ними; но надобно замѣтить, что привычка къ боязни парализуетъ всякую энергію. Съ другой стороны, поборники права, въ порывѣ патріотизма, поступаютъ грубо,

Digitized by Google

но дѣло въ томъ, что неумѣнье соразмѣрять свои дѣйствія можетъ угрожать разрывомъ. Такимъ образомъ политика какъ тѣхъ, такъ и другихъ не можетъ быть признана совершенною". Это—по истинѣ превосходное разсужденіе мудраго государственнаго мужа. Изъ этого разсужденія видно, что веденіе иностранной политики не представляется дѣломъ невозможнымъ, но вся бѣда въ томъ, что руководители ея отличаются или боязливостью, или же грубостью. Бояться иностранцевъ въ надеждѣ на сокращеніе дѣлъ—это значитъ полагать ступени къ умноженію ихъ. Негодовать на нихъ, съ непремѣннымъ желаніемъ одержать надъ ними верхъ—это значитъ класть начало пораженія. Иногда между китайскими политиками встрѣчаются лица, которыя, основательно изучивъ договоры и познакомившись нѣсколько съ международнымъ правомъ, хотятъ, при помощи ничтожнаго искусства, владѣть языкомъ и перомъ, сломить духъ хищничества и насилія иностранцевъ; но скудные результаты ихъ многотрудной дѣятельности не заслуживаютъ ничего, кромѣ смѣха и сожалѣнія. Слѣдовательно, для веденія иностранной политики нѣтъ никакого хорошаго средства? Почему же это такъ? Нѣтъ, ее можно вести, но для этого требуется прежде всего подготовить людей способныхъ къ веденію ея, а во-вторыхъ, выработать спеціальную для веденія ея систему. Для этого рода дѣятельности необходимо выбирать людей безупречнаго поведенія, съ высокимъ сознаніемъ долга, основательно знакомыхъ съ исторіею, науками политическими, съ китайскимъ и иностранными законодательствами и вдобавокъ побывавшихъ за границею, знающихъ иностранные языки и обычаи, написавшихъ что-нибудь дѣйствительно отличающееся основательностью и наблюдательностью, безпристрастныхъ и не зараженныхъ привычкою унижать все китайское и превозносить все иностранное. Дѣятельность людей съ такою серьезною подкладкою, безъ сомнѣнія, будетъ достодолжная. Для образованія такихъ людей необходимо открыть на сѣверѣ и югѣ Китая по одной иностранной коллегіи. Затѣмъ, общими силами, при содѣйствіи извѣстныхъ иностранныхъ юристовъ, подвергнуть изслѣдованію китайское и западныя законодательства, договоры и международное право и безпристрастно составить кодексъ отношеній Китая и иностранцевъ. Далѣе, китайское и иностранное законодательство совершенно различны между собою. Въ Китаѣ, напримѣръ, существуетъ смертная казнь чрезъ отрубленіе головы [1]) и тѣлесное наказаніе, чего въ законодательствахъ за-

[1]) Кромѣ смертной казни чрезъ отрубленіе головы, въ Китаѣ существуетъ еще

Digitized by Google

падныхъ государствъ нѣтъ. Въ западныхъ государствахъ существуетъ казнь чрезъ повѣшеніе, каторжныя работы и штрафы, тогда какъ въ Китаѣ этихъ видовъ наказанія не имѣется. Въ виду такого различія настоятельно необходимо подвергнуть критическому разсмотрѣнію иностранныя законодательства и, выбравъ изъ нихъ законоположенія, которыя могли бы быть введены во всеобщее международное употребленіе, по утвержденіи ихъ иностранными правительствами, отпечатать ихъ подъ именемъ „торгово-международнаго уложенія". Для разбора всѣхъ международныхъ дѣлъ необходимо назначить людей, основательно знакомыхъ съ иностранными законодательствами, съ тѣмъ, чтобы они безъ всякаго замедленія рѣшали всѣ дѣла, подходящія къ уложенію. Что же касается дѣлъ, не подходящихъ къ нему, то по нимъ, несмотря ни на какія угрозы и насильственныя мѣры со стороны иностранныхъ посланниковъ и консуловъ, ни подъ какимъ видомъ не должно допускать никакихъ компромиссовъ. Къ тому же, когда иностранцы и китайцы будутъ судиться по однимъ и тѣмъ же иностраннымъ законамъ, то первые лишены будутъ возможности уклоняться отъ закона, а вторые не будутъ нести болѣе тяжкія, сравнительно съ иностранцами, наказанія. Въ концѣ каждаго года экстрактъ всѣхъ рѣшенныхъ взаимныхъ дѣлъ, съ указаніемъ поводовъ къ возникновенію ихъ и съ изложеніемъ постановленныхъ по нимъ рѣшеній, печатается и разсылается иностраннымъ представителямъ, иностраннымъ министерствамъ и китайскимъ провинціальнымъ судьямъ для взаимной провѣрки. При такой постановкѣ дѣла кривда и правда, истина и ложь не укроются, иностранцы не будутъ пользоваться умышленными послабленіями и въ Китаѣ будетъ менѣе обиженныхъ. Хотя все это нетрудно понять, но нелегко осуществить. Въ послѣднее время, когда въ разныхъ провинціяхъ Китая случались какія-либо важныя дѣла и высшія мѣстныя власти, опираясь на право, вступали въ препирательства съ иностранцами, тогда послѣдніе подстрекали своихъ посланниковъ, которые не только ставили Цзунъ-ли-я-мынь (министерство иностранныхъ дѣлъ) въ затруднительное положеніе, но даже прибѣгали ко всевозможнымъ угрозамъ. Поэтому, чтобы воспользоваться дѣйствительными плодами международной политики и выгодами уравненія наказаній, лицамъ, стоящимъ у кормила правленія, необходимо основательное знакомство съ иностранными дѣлами, единодушіе высшихъ и низ-

---

ужасная казнь рѣзанія на куски и удавленіе, а затѣмъ есть также ссылка въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста.

Digitized by Google

шихъ классовъ и цѣлесообразная твердость, или уступчивость. Въ Японіи, на первыхъ порахъ ея сношеній съ западною Европою, иностранцы, въ виду жестокости существовавшихъ въ ней наказаній, пріобрѣли право собственной юрисдикціи. Но въ послѣднее время японцы, глубоко уразумѣвъ всю несправедливость этой уступки, съ жаромъ принялись за искорененіе застарѣлыхъ привычекъ, исправили по европейскому образцу свой уголовный кодексъ и вслѣдъ затѣмъ добились подчиненія иностранцевъ въ Японіи японской юрисдикціи. Между тѣмъ какъ Китай, величайшее изъ государствъ Азіи, уступаетъ въ этомъ отношеніи Японіи. Что̀ можетъ быть позорнѣе этого? Если бы Китай, подобно Японіи, могъ съ рѣшимостью вступить на путь всеобщихъ преобразованій, если бы и въ организаціи арміи, въ отправленіи внутренняго управленія, устройствѣ финансовъ, торговли, въ покровительствѣ труду и т. п. великихъ политическихъ вопросахъ онъ могъ отказаться отъ своихъ предвзятыхъ взглядовъ, учредить у себя парламентское управленіе, опираться на международное право для обузданія коварства иностранцевъ, составить уложеніе для безпристрастнаго отправленія правосудія, то державныя права его не попали бы въ чужія руки и сильные сосѣди не осмѣлились бы бросать на него своихъ личныхъ взглядовъ. Въ противномъ случаѣ Китай вынужденъ будетъ соглашаться на требованія иностранцевъ и выказывать имъ чрезмѣрную уступчивость. Но такая благосклонность будетъ истолковываема ими въ смыслѣ почтенія, а снисходительность въ смыслѣ боязни. Стыдъ и позоръ, которые Китай долженъ будетъ сносить, подѣйствуютъ разлагающимъ образомъ на народный духъ, и трудно представить себѣ всѣ пагубныя послѣдствія такой политики—косности и вмѣстѣ уступчивости.

П. Поповъ.

Пекинъ, 8 января 1897 года.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ

ЗА ГРАНИЦУ

ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

I.

Въ жизни народа и общества, какъ въ жизни отдѣльнаго лица, совершаются извѣстные психологическіе процессы, гдѣ кромѣ общихъ историческихъ основаній ихъ развитія играютъ роль также внѣшнія событія и отношенія, впечатлѣнія которыхъ даютъ начало новымъ явленіямъ быта, а также и новымъ настроеніямъ, въ свою очередь направляющимъ дальнѣйшіе факты внутренней жизни. Внѣшнія событія, которыя затрогивали національное бытіе и доходили до сознанія цѣлой массы, отражались нравственными послѣдствіями и полагали новыя черты въ самомъ народномъ характерѣ, или, тѣснѣе, въ характерѣ общественныхъ стремленій. Времена Петра Великаго принесли не мало такихъ психологическихъ возбужденій. Если теперь для всѣхъ безпристрастныхъ историковъ не остается сомнѣнія въ томъ, что самая дѣятельность Петра была органическимъ созданіемъ предшествующей исторіи, то его личность и воля въ свою очередь составили новый источникъ могущественнѣйшихъ воздѣйствій, которыя становились исторической силой въ развитіи общества. Въ ряду такихъ воздѣйствій не малое значеніе возъимѣли путешествія русскихъ людей, именно людей высшаго круга, на европейскій Западъ.

Въ старой московской Россіи это было дѣло совершенно

Digitized by Google

небывалое. Съ тѣхъ поръ какъ образовалось московское царство, оно старательно охраняло себя отъ какого-либо сближенія съ этимъ Западомъ, къ которому ставило себя въ рѣзкую противоположность. Москва, послѣ паденія Константинополя, считала себя третьимъ Римомъ; въ этомъ качествѣ она хотѣла быть строгой хранительницей православія и поэтому уже не хотѣла имѣть ничего общаго съ тѣмъ Западомъ, который, былъ ли онъ католическій или протестантскій, былъ одинаково еретическій. Эта религіозная точка зрѣнія господствовала одинаково и въ средѣ самой власти, и въ народѣ; притомъ она была до такой степени проникнута внѣшнимъ обрядовымъ характеромъ, что доходила наконецъ до самой крайней исключительности: эту исключительность мы можемъ до сихъ поръ наблюдать въ расколѣ, но въ прежнія времена она составляла общую черту московскаго благочестія. Извѣстно, что изъ-за обрядовыхъ отличій московскіе люди относились недовѣрчиво даже къ народамъ православной церкви; они считали плохими православными самихъ грековъ, не одобряли грузинъ, обличали въ ересяхъ малороссовъ и т. д. Иноземецъ, который былъ и иновѣрецъ, былъ уже формальный еретикъ, съ которымъ можно было имѣть дѣло только по необходимости, и надо было всячески остерегаться, чтобы какъ-нибудь не оскверниться въ общеніи съ нимъ, какъ понынѣ раскольникъ боится „обмірщиться“ въ сношеніяхъ съ никоніанцемъ. Несмотря на никоновскую „реформу“, его преемники на патріаршемъ престолѣ, хотя и обличали раскольниковъ, но по существу своихъ идей, по церковной исключительности, по враждѣ къ малѣйшимъ признакамъ западнаго образованія, были такими же людьми временъ Стоглава и при первыхъ нововведеніяхъ Петра его противниками (какъ Адріанъ), почему Петръ и прекратилъ патріаршество. Новое образованіе силою вещей, становилось къ концу XVII вѣка все болѣе живою потребностью, но объемъ его былъ все-таки весьма ограниченный и любители его были рѣдкимъ исключеніемъ въ общей массѣ тогдашнихъ книжниковъ.

Такимъ образомъ московское государство было окружено своего рода китайскою стѣной чрезвычайнаго самомнѣнія и вмѣстѣ суевѣрія относительно иноземцевъ: на нихъ смотрѣли высокомѣрно, но вмѣстѣ и со страхомъ, потому что въ ихъ непонятномъ знаніи (какъ видно, напримѣръ, изъ разсказовъ Олеарія) подозрѣвали нечистую силу. Въ концѣ концовъ правительство,—впрочемъ въ согласіи съ общимъ убѣжденіемъ,—закрывало всякую возможность сближенія съ этимъ подозрительнымъ иноземъ-

Digitized by Google

нымъ міромъ. Котошихинъ, разсказывая о томъ, какъ многіе даже изъ высшихъ бояръ—„грамотѣ неученые и не студерованные", объясняетъ: „Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства, и ненависти и неправды. Правда есть тому всему, понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали-бъ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили". Такъ думали сами московскіе люди и немудрено, что правительство съ своей стороны обставляло большими трудностями всякую поѣздку за границу, опасаясь кромѣ того и какихъ-нибудь политическихъ умысловъ. Даже отправляя пословъ, правительство съ точностію опредѣляло ихъ обязанности и запрещало всякіе посторонніе разговоры: имъ повелѣвалось: „государево дѣло дѣлать во всемъ по государеву наказу и государевой чести во всякихъ мѣрахъ остерегать, и о иныхъ дѣлахъ держати отвѣтъ учтиво, а лишнихъ и ненадобныхъ рѣчей ни съ кѣмъ не говорить и собою ничего не всчинать". Къ концу XVII вѣка едва начинали привыкать къ иноземцамъ. Необходимость въ техническихъ знаніяхъ, которыхъ дома не было, давно вынудила призывать въ Москву иноземцевъ, которые заселили наконецъ цѣлую Нѣмецкую слободу, помѣщенную впрочемъ далеко за чертой города (въ нынѣшнемъ Лефортовѣ).

Но, какъ ни велика была эта боязнь общенія съ иновѣрнымъ Западомъ, находились люди, въ которыхъ любознательность повидимому превозмогла эту боязнь. Сохранилось мало извѣстій о русскихъ людяхъ, бывавшихъ тогда за границей независимо отъ какихъ-нибудь оффиціальныхъ посольствъ, въ интересахъ знанія, и эта скудость извѣстій указываетъ, что самые факты были только рѣдкими исключеніями при всеобщей боязни западной науки. Немногому можно было научиться въ самой Москвѣ, —напримѣръ, греческому языку отъ заѣзжихъ грековъ,—и въ посольскомъ приказѣ бывали лишь немногіе люди, знакомые съ иностранными языками и служившіе переводчиками, хотя и въ этомъ качествѣ бывали опять и иностранцы. Князь Курбскій упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что въ числѣ казненныхъ Иваномъ Грознымъ былъ одинъ „юноша зѣло прекрасный, ближній сродникъ Мих. Матв. Лыкова, иже посланъ былъ на науку за море, во Ерманію, и тамъ навыкъ добрѣ аллеманскому языку

Digitized by Google

и писанію: бо тамъ пребывалъ учась не мало лѣтъ, и объѣздилъ всю землю нѣмецкую, и возвратился былъ во отечество, и по коликихъ лѣтѣхъ смерти вкусилъ отъ мучителя неповиннѣ". Иванъ Грозный посылалъ въ Царьградъ „паробка" Обрюту учиться греческой грамотѣ, и еще двухъ ребятъ. Годуновъ отправилъ за границу нѣсколько молодыхъ людей для науки; ганзейскіе послы взяли съ собой нѣсколько человѣкъ, которыхъ обязались обучить разнымъ языкамъ, но при этомъ должны были обѣщать накрѣпко заботиться, чтобы эти люди не оставили своей вѣры и обычаевъ; нѣсколько человѣкъ отпущено было въ Лондонъ съ англійскимъ купцомъ Джономъ Меркомъ „для науки разныхъ языковъ и грамотамъ". Но посланные при Годуновѣ, какъ говорятъ, не вернулись въ отечество... Въ XVII вѣкѣ находимъ единичные примѣры людей, увлекавшихся западнымъ образованіемъ, особливо черезъ посредство Польши, но все это были рѣдкія исключенія, которыя не измѣняли старыхъ привычныхъ понятій. Мало измѣнялъ ихъ и все болѣе сильный притокъ школьной учености изъ Кіева и западной Руси, потому что эта ученость ограничивалась старымъ схоластическимъ знаніемъ и оставалась чужда новымъ движеніямъ европейской науки; притомъ питомцы схоластической школы были опять немногочисленны.

Когда Петръ въ 1697 задумалъ послать для науки за границу цѣлую массу молодыхъ людей изъ лучшихъ боярскихъ и дворянскихъ родовъ, а затѣмъ отправился за границу и самъ при извѣстномъ посольствѣ,—двухсотлѣтіе котораго праздновалось теперь въ Саардамѣ,—это былъ цѣлый переворотъ. Дѣло было неслыханное. Въ прежнее время сама власть всячески оберегала русскихъ людей отъ иноземнаго вліянія, отъ сближенія съ еретиками, теперь русскіе молодые люди отправляемы были цѣлыми десятками за море, предоставленные самимъ себѣ, набираться той иноземной науки, къ которой столько вѣковъ относились съ великимъ недовѣріемъ и страхомъ.

Первымъ побужденіемъ къ посылкѣ за границу русскихъ молодыхъ людей была забота Петра о русскомъ мореходствѣ. Этотъ мотивъ указанъ былъ потомъ въ предисловіи къ морскому регламенту: „дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго". Въ 1697 послано было такимъ образомъ пятьдесятъ царскихъ стольниковъ и спальниковъ, а именно 28 въ Италію и 22 въ Англію

Digitized by Google

и Голландію. Впослѣдствіи Петръ отправлялъ и другія партіи молодыхъ русскихъ князей и дворянъ за границу для той же „навигацкой науки". Въ началѣ того же 1697 года первые русскіе путешественники пустились въ путь.

„Не безъ горя и не безъ слезъ, — замѣчаетъ Устряловъ, — отправлялись наши царедворцы въ дальніе края, гдѣ не бывали ни отцы, ни дѣды ихъ, для дѣла мудренаго, тягостнаго, несообразнаго ни съ званіемъ ихъ, ни съ наклонностями, и тѣмъ болѣе труднаго, что едва ли кто изъ нихъ понималъ какой-либо языкъ иностранный. Большею частію они были женаты, имѣли дѣтей, и легко вообразить, сколько плачущихъ оставалось въ Москвѣ. Конечно не было ни одного знатнаго дома, гдѣ бы не тужили и не сѣтовали о долговременной разлукѣ съ родными и ближними, обреченными учиться ремеслу матросскому. Многіе сверхъ того роптали на посылку молодыхъ царедворцевъ въ еретическія земли и не знали наконецъ, что̀ уже и думать, когда разнеслась вѣсть о поѣздкѣ за море самого царя" [1]).

О томъ, какъ трудно было такое разставанье, можно читать, напр., на первыхъ строкахъ описанія путешествія ближняго боярина Бориса Петровича Шереметева, который въ томъ же году отправлялся въ посольство въ Краковъ, Венецію, Римъ и Мальту, или, какъ говорится въ его статейномъ спискѣ, „ради видѣнія окрестныхъ странъ и государствъ и въ нихъ мореходныхъ, противу непріятелей креста Святого, военныхъ поведеній, которыя обрѣтаются въ Италіи, даже до Рима и до Малтійскаго острова, гдѣ пребываютъ славные въ воинствѣ кавалеры". Въ статейномъ спискѣ читаемъ: „Изъ царствующаго града Москвы въ надлежащій нашъ путь пошли вышеписаннаго іюня 22 числа, и первый станъ былъ въ селѣ Коломенскомъ, отъ Москвы въ семи верстахъ, и стояли въ томъ селѣ *три дня*, для провожанія родственниковъ и благодѣтелей". Такъ продолжительны были проводы. Подобнымъ образомъ пишетъ и Толстой: по указу великаго государя, „я Петръ Андреевъ сынъ Толстой съ Москвы въ Италію поѣхалъ 205 (1697) году февраля въ 26 день и стоялъ въ Дорогомиловѣ слободѣ февраля въ 28 день"... По нынѣшнему Дорогомилова слобода находится въ самой Москвѣ: очевидно, два дня были заняты опять проводами.

Устряловъ перечисляетъ этихъ стольниковъ и спальниковъ, посланныхъ за границу въ 1697, и замѣчаетъ, что изъ этихъ первыхъ пятидесяти царедворцевъ, посланныхъ учиться навига-

[1]) Исторія Петра Великаго, т. II. Спб. 1858, стр. 316.

Digitized by Google

ціи, не вышло ни одного моряка, но многіе заняли потомъ важныя мѣста въ управленіи, на дипломатической службѣ и т. д. Здѣсь были между прочимъ представители старыхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, напр.: кн. Борисъ Ивановичъ Куракинъ, будущій посолъ въ Парижѣ; кн. Гр. Ѳед. Долгорукій, полномочный посолъ въ Варшавѣ; кн. Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, первый посолъ въ Вѣнѣ; Петръ Андреевичъ Толстой, о которомъ подробно скажемъ далѣе; кн. Дм. Мих. Голицынъ; Мих. Аѳан. Матюшкинъ, генералъ-аншефъ; Андрей Петр. Измайловъ, будущій посланникъ въ Даніи; кн. Андрей Як. Хилковъ, посланникъ въ Швеціи; Аврамъ Ѳедор. Лопухинъ, братъ царицы; Владиміръ и Василій Петр. Шереметевы, братья фельдъ-маршала, и сынъ его Борисъ; кн. Ѳедоръ Алексѣевичъ Голицынъ, братъ царскаго любимца; кн. Юр. Юр. Трубецкой; кн. Иванъ Велико-Гагинъ; кн. Александръ Прозоровскій; кн. Мих. Оболенскій; кн. Иванъ Шаховской; кн. Ѳедоръ Волконскій; кн. Данило Черкасскій и пр. Позднѣе, въ другой серіи, съ 1712 года, посланы были за границу: Александръ и Иванъ Львовичи Нарышкины; кн. Мих. Мих. меньшой Голицынъ; кн. Алекс. Андр. Черкасскій; кн. Мих. Вас., съ племянникомъ своимъ кн. Вас. Алекс., Голицынъ; кн. Алексѣй Долгорукій; кн. Иванъ Лобановъ; Петръ Пушкинъ; Ѳедоръ Бутурлинъ; Андрей Хрущовъ; кн. Влад. Долгорукій; кн. Василій, Иванъ, Александръ Урусовы; Ѳед. Влад. Шереметевъ; Вас. Вас. Головинъ и др.

Только немногіе оставили записки о своихъ путешествіяхъ, по крайней мѣрѣ насколько до сихъ поръ извѣстно. Таковы: „Путешествіе стольника Петра Толстого по Европѣ“; дневникъ неизвѣстнаго, который былъ въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697—1698 годахъ; Бориса Петровича Шереметева, который въ тѣ же годы былъ въ Польшѣ, Австріи, Италіи и Мальтѣ; еще неизвѣстнаго, который съ братомъ и учителемъ ѣздилъ въ 1714—1717 годахъ въ Голландіи, Испаніи, Италіи и Франціи; записки графа А. А. Матвѣева, который ѣздилъ въ посольство во Францію въ 1705 году; наконецъ, записки князя Б. А. Куракина, изданныя въ недавнее время [1]).

---

[1]) Путешествія самого Петра были много разъ разсказаны и достаточно извѣстны. Онѣ передавались въ статейныхъ спискахъ или юрналахъ. Первая поѣздка въ Голландію подробно изложена въ книгѣ М. А. Веневитинова: „Русскіе въ Голландіи“. М. 1897, о которой недавно мы имѣли случай говорить.

— Наиболѣе обстоятельнымъ разсказомъ было „Путешествіе стольника Петра Толстого по Европѣ въ силу царскаго указа отъ 7205 года января 11 дня, то-есть 1697 г. по Р. Хр.“ Библіографическое описаніе рукописи Казанскаго университета,

Digitized by Google

Эти первыя путешествія очень любопытны въ смыслѣ той общественной психологіи, о которой мы говорили. Путешественники были на самомъ перепутьѣ отъ старой Россіи къ новой. Дома реформа Петра еще только начиналась и не успѣла подѣйствовать настолько, чтобы путешественники могли быть приготовлены къ тому зрѣлищу, которое ожидало ихъ въ Европѣ.

заключающей это путешествіе, сдѣлано было А. И. Артемьевымъ въ „Журн. мин. просв." 1854, № 7. Затѣмъ подробное изложеніе, съ обширными извлеченіями изъ подлинника, сообщены были въ статьѣ Н. А. Попова: „Путешествіе въ Италію и на о. Мальту стольника П. А. Толстого въ 1697 и 1698 годахъ", въ „Атенеѣ" 1859, № 7, стр. 300—339; № 8, стр. 421—457. Н. А. Поповъ сообщилъ и біографическія свѣдѣнія объ авторѣ путешествія. Наконецъ „Путешествіе стольника П. А. Толстого" было издано сполна въ нѣсколькихъ книжкахъ „Русскаго Архива", 1888.

— Путешествіе Бориса Петровича Шереметева, или „Статейной списокъ посольства ближняго боярина и намѣстника вятскаго Бориса Петровича Шереметева въ Краковъ, Венецію, Римъ и Мальту въ 7205 (1697) году", издано было сначала отдѣльной книгой съ гравюрами. М. 1773, и затѣмъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, изд. 2-е, т. V. М. 1788, стр. 252—432.

— Дневникъ неизвѣстнаго, который былъ въ Голландіи, Германіи и Италіи въ тѣхъ же 1697—1698 годахъ, довольно распространенный въ рукописяхъ прошлаго вѣка, былъ принятъ за журналъ путешествія самого царя и напечатанъ подъ заглавіемъ: „Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 1698 годахъ". Спб. 1788, съ варіантами противъ рукописей. Далѣе, та же записная книжка повторена въ „Московскомъ Вѣстникѣ" Погодина, 1830, ч. VI, и въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1846, № 8, Науки, стр. 126—156: „Матеріалы для исторіи Петра Великаго", князя Вл. К—ва, гдѣ самое заглавіе книжки передано уже въ такой формѣ: „Журналъ, како шествіе было его Величества, государя Петра Великаго. Писанъ въ сей книжицѣ 1724 году, на память будущихъ годовъ, отъ нынѣ и до вѣка". Рукопись князя Вл. К—ва была неполная и, издатель не зналъ о текстѣ „Московскаго Вѣстника". Пекарскій (Наука и литература при Петрѣ В. I, стр. 145) замѣчаетъ, что въ этихъ послѣднихъ изданіяхъ записная книжка издана „уже съ пропусками—что *всегда* дѣлается у насъ при изданіи старинныхъ памятниковъ, за исключеніемъ развѣ Дворцовыхъ Разрядовъ, которые допускаютъ печатать вполнѣ". Въ „Отечественныхъ Запискахъ" два цѣлыхъ параграфа, 10 и 23, состоятъ изъ однихъ многоточій!

— Еще дневникъ неизвѣстнаго, который путешествовалъ по Голландіи, Испаніи, Италіи и Франціи въ 1714—1717 годахъ, по предположенію Пекарскаго, принадлежалъ одному изъ Нарышкиныхъ (Наука и литература, I, стр. 145, 152—154).

— Статейный списокъ посольства А. А. Матвѣева во Францію въ 1705 изложенъ былъ Пекарскимъ въ „Современникѣ", 1856, № 6, стр. 39—66: „Поѣздка графа Матвѣева въ Парижъ въ 1705 году".

— Любопытные дневники, путевыя замѣтки и другія свѣдѣнія о путешествіяхъ князя Бориса Ивановича Куракина, изданіе которыхъ начато было въ „Архивѣ" кн. Ѳ. А. Куракина", Спб. 1890 и дал., подъ редакціею М. И. Семевскаго и потомъ г. Смольянинова.

— Краткія упоминанія о своемъ путешествіи дѣлаетъ Ив. Ив. Неплюевъ въ своихъ „Запискахъ" (новѣйшее изданіе, Спб. 1893). Еще другія отрывочныя свѣдѣнія о путешествіяхъ временъ Петра В. укажемъ далѣе.

Digitized by Google

Какъ увидимъ, они являлись туда во многихъ отношеніяхъ людьми стараго вѣка: все ихъ поражало; но имъ приходилось долго жить въ новой средѣ, они должны были близко присмотрѣться и привыкнуть къ чужимъ обычаямъ; при этомъ сами собою ослабѣвали старыя предубѣжденія, и имъ не разъ приходилось удивляться высокому знанію и искусству, произведенія которыхъ они видѣли здѣсь въ такомъ изобиліи. Наконецъ имъ самимъ, хотя бы по неволѣ, надо было учиться, и они должны были убѣждаться, что наука есть дѣло человѣческаго знанія и соображенія, а не дѣло нечистой силы, какъ полагали ихъ дѣды и даже отцы. Излагая одно изъ этихъ путешествій, Н. А. Поповъ говорилъ: „Въ простыхъ, безыскусственныхъ разсказахъ этихъ путешественниковъ о видѣнномъ и слышанномъ, не имѣющихъ ни малѣйшей претензіи на литературныя достоинства, не трудно подмѣтить сужденія и характеръ людей, которые, болѣе или менѣе одушевляясь мыслію о будущихъ успѣхахъ своихъ, не перестаютъ однако жъ обращаться къ прошедшему. Какъ въ письмахъ изъза границы самъ Петръ является не только законнымъ отцомъ новой Россіи, но и вѣрнымъ сыномъ старой; такъ и его спутники напоминаютъ рѣчами и дѣломъ двуликаго Януса. На ихъ разсказѣ лежитъ оригинальная печать еще неустановившейся жизни“. Съ другой стороны нельзя было ожидать особеннаго вліянія этого перваго знакомства съ европейской образованностью на самые нравы. Во-первыхъ, это знакомство было слишкомъ случайное, не подготовленное, и наука, которую изучали наши путешественники, была чисто техническая и, возвращаясь домой, они снова окружены были старыми условіями, которыя естественно возвращали въ прежнюю колею. Нѣсколько болѣе глубокое вліяніе европейскаго образованія стало сказываться только позднѣе. Еще одинъ изъ первыхъ иностранныхъ наблюдателей преобразованной Россіи, Веберъ (авторъ книги „Das veränderte Russland“), замѣчалъ, что нѣкоторые изъ русскихъ во время своихъ заграничныхъ путешествій вѣжливостью и хорошимъ обращеніемъ пріобрѣтаютъ любовь и уваженіе иностранцевъ, и послѣдніе убѣждены, что Петръ успѣетъ въ своемъ намѣреніи сдѣлать изъ своихъ подданныхъ образованныхъ людей. Но еслибы эти же иностранцы побывали сами въ Россіи и стали бы отыскивать своихъ знакомцевъ, то увидѣли бы, что бо́льшая часть ихъ нихъ отбросили пріобрѣтенные въ чужихъ краяхъ обычаи, и показывая только несносное чванство, потому что усвоили внѣшній лоскъ (а душевныя ихъ способности остались невоздѣ-

Digitized by Google

ланными), живутъ такъ, какъ жили въ старину“ [1]). Но во всякомъ случаѣ эти путешествія уже вскорѣ дали результатъ, который впослѣдствіи все возрасталъ и сдѣлался основой дальнѣйшаго русскаго образованія и литературы: это было, хотя на первый разъ не очень близкое, но непосредственное знакомство съ европейской наукой и литературой, примѣненіе сначала техническихъ, а потомъ и научныхъ понятій къ содержанію русской жизни. Первое, хотя долго неполное, признаніе права науки было идеей, никогда ранѣе невѣдомой. Академія наукъ, основанная Петромъ Великимъ, хотя открытая только послѣ его смерти, была оффиціальнымъ заявленіемъ этой идеи, и если недостатокъ школъ и еще долго продолжавшееся недовѣріе массы общества, отражавшееся и на самомъ правительствѣ, дѣлало ученыя учрежденія экзотическими растеніями на нашей почвѣ, то умственной жизни общества дана была прочная основа, и отсюда началась долгая борьба, которая продолжается до нашихъ дней въ защиту права мысли противъ преданій невѣжества.

Нѣсколько примѣровъ изъ небольшой литературы этихъ путешествій могутъ дать любопытную картину этого столкновенія понятій двухъ различныхъ категорій, двухъ міровъ: восточнаго и западнаго, которые извѣстная школа до сихъ поръ хочетъ представлять несоединимыми, и въ сущности столкновенія двухъ теченій въ самой русской жизни. Старое преданіе, съ его боязнью и незнаніемъ науки, долго поощряло умственную лѣнь и притупляло самую воспріимчивость; но старое русское общество все-таки не было восточное, и въ немъ издавна можно наблюдать инстинкты просвѣщенія и потребность сблизиться съ тѣми народами, которые опередили насъ въ наукахъ и искусствахъ. Петръ Великій былъ именно выраженіемъ и олицетвореніемъ этихъ стремленій самого русскаго общества: поэтому онъ и успѣлъ встрѣтить въ его средѣ людей, слѣдовавшихъ за нимъ не только по приказу, но и по глубокому собственному убѣжденію. Его упрекаютъ нерѣдко въ тѣсномъ утилитарномъ пониманіи науки, отъ которой онъ хотѣлъ только технической пользы для государства: безъ сомнѣнія, онъ не былъ ученый теоретикъ, но уже обращеніе его къ Лейбницу и основаніе академіи составляютъ глубоко знаменательный фактъ въ русской жизни на рубежѣ XVII и XVIII вѣка. Уже вскорѣ одинъ изъ его питомцевъ, опять человѣкъ безъ правильной школы, но съ здра-

[1]) Приведено у Пекарскаго, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Спб. 1862, I, стр. 139.

Digitized by Google

вымъ умомъ и чисто-русская натура — Татищевъ, не удовлетворяется Лейбницомъ и ищетъ поученія у „Баиля“ (Bayle)... Наши первые путешественники, выѣхавшіе въ Европу въ послѣдніе годы XVII вѣка, были въ этомъ отношеніи люди вполнѣ непосредственные: Петръ взялъ ихъ прямо изъ стараго насиженнаго гнѣзда и послалъ учиться, безъ всякихъ приготовленій, какъ сами они съумѣютъ. Сохранились оригинальныя извѣстія о томъ мудреномъ положеніи, въ какомъ находились—безъ сомнѣнія нерѣдко — эти князья и бояре, отосланные за границу. Въ одну изъ послѣдующихъ посылокъ отправленъ былъ за границу князь Михаилъ Голицынъ, который писалъ домой въ 1711 году: „о житіѣ моемъ возвѣщаю, житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того — не знамо учитца языка, не знамо науки. Видимъ то, которые наша братья пріѣхали для обученія къ той наукѣ и ни единаго не было, чтобы безъ латинскаго языка, да и тѣ въ три годы ни единъ человѣкъ ни половины окончать не можетъ. А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаго языка, никакого не могу знать, да и лѣта уже мои ушли отъ науки, а паче всего въ томъ моя тягость, что на морѣ никоторыми мѣрами мнѣ быть не возможно, того ради, что весьма болеиъ“... А кромѣ того была еще гроза: ему сообщили, что царь подъ „престрашнымъ гнѣвомъ“ велѣлъ непремѣнно зимой обучаться чертежамъ, а восемь мѣсяцевъ быть непрестанно на кораблѣ. „И я, видя ту ярость, а въ себѣ весьма вижу, что сего положеннаго дѣла не управить, паче же натура моя не можетъ снесть мореходства, и отъ того пришелъ въ великую печаль и сомнѣніе, и не знаю какъ и быть“ [1]). Онъ просилъ похлопотать, чтобы его перевели въ сухопутную службу. Извѣстный Неплюевъ (род. 1693) уже семейнымъ человѣкомъ взятъ былъ въ 1715 г. на службу, а въ слѣдующемъ году отправленъ былъ въ Венецію на галерный флотъ, а потомъ въ Испанію, гдѣ въ морской академіи учились „солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, танцовать... а къ математикѣ,—говоритъ Неплюевъ,—приходили—только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться не возможно, для того, что языку мы не знали“. Бѣдняги писали въ Россію объ опредѣленіи ихъ на службу: „понеже шпажное и танцовальныя ученія къ нуждѣ его величества въ насъ годно быть не можетъ“. Они въ своей

[1]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, Калачова, II, пол. 2, отд. VI, стр. 62.

Digitized by Google

крайней нуждѣ и по дальности отечества, обращались съ просьбой даже къ испанскому королю, но тотъ велѣлъ сказать, чтобы имъ „быть въ академіи и учиться языку и прочаго". А, наконецъ, и въ Петербургѣ предстоялъ еще экзаменъ, на который приходилъ самъ царь: „не знаю, — говоритъ Неплюевъ,—какъ мои товарищи извѣстіе объ экзаменѣ приняли, а я всю ночь не спалъ—готовился какъ на страшный судъ". Для него экзаменъ сошелъ очень благополучно. Василій Васильевичъ Головинъ (род. 1696) разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ 1712 г. былъ онъ съ другими молодыми дворянами вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ихъ смотрѣлъ самъ царь и назначалъ имъ службу: лѣтами постарше въ солдаты, среднихъ — за море въ Голландію „для морской навигацкой науки", а малолѣтнихъ въ Ревель; въ числѣ середнихъ,—пишетъ онъ,—„и я грѣшникъ въ первое несчастіе опредѣленъ". Въ Лондонѣ для надзора за русскими питомцами и „для понужденія навигацкой науки" состоялъ „практикъ", князь Иванъ Борисовичъ Львовъ. Въ одномъ докладѣ онъ спрашивалъ у царя разрѣшенія, какимъ наукамъ учиться присланнымъ русскимъ, и какъ поступать съ тѣми изъ нихъ, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ; на первый вопросъ Петръ указалъ навигацкія науки зимой, а лѣтомъ ходить на море на всякихъ корабляхъ, чтобы быть потомъ морскими офицерами; на второй вопросъ онъ отвѣтилъ просто: „какъ матросы русскіе выучились, такимъ образомъ и онымъ учиться". Была еще одна неудобная сторона въ этой заграничной наукѣ и для питомцевъ, и для надзирателей. Навигаторы, какъ ихъ тогда называли, получали свое жалованье весьма неисправно, молодежь входила въ долги, за долги грозила тюрьма, и практикъ, князь Львовъ, который долженъ былъ смотрѣть за ними, жаловался на свое невыносимое положеніе. Въ 1711 г. онъ убѣдительно просилъ не посылать въ Англію новыхъ навигаторовъ: „для того, что и старые тамъ научились больше пить и деньги тратить. Не могу ихъ оплатить". Кромѣ того навигаторы повидимому и буйствовали: „изсушили навигаторы не только кровь, но и самое сердце мое",—писалъ Львовъ. Наконецъ Львовъ долженъ былъ скрываться отъ своихъ питомцевъ: „хотятъ убить до смерти... хотя бы вы изволили прислать 5.000 фунтовъ, я чаю, мало будетъ на англійскихъ навигаторовъ" [1]).

---

[1]) Пекарскій, I, стр. 141—142.

Digitized by Google

II.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ путешествій Петровскихъ временъ представляетъ дневникъ Петра Толстого, веденный имъ самимъ съ 26-го февраля 1697 года по 27-е января 1699. Назначенный вмѣстѣ съ другими для путешествія „въ европскіе христіанскіе государства для науки воинскихъ дѣлъ“, онъ получилъ „статьи послѣдующіе ученію“. Порученія состояли въ слѣдующемъ: онъ долженъ былъ знать чертежи, карты, компасы и „протчіе признаки морскіе“, выучиться владѣть судномъ въ бою и въ простомъ шествіи, искать случая быть на морѣ во время боя; особую милость получитъ тотъ, кто выучится строить самыя суда; возвращаясь въ Москву, всякій долженъ привезти съ собой двухъ человѣкъ, искусныхъ мастеровъ морского дѣла, на своихъ проторяхъ, которыя будутъ возвращены по пріѣздѣ; и кромѣ того, при каждомъ долженъ быть солдатъ или другой человѣкъ по своему выбору, котораго ѣдущій долженъ также обучить, и за прокормъ солдата будетъ дано по пріѣздѣ по ста рублевъ. Изъ посольскаго приказа была выдана Толстому проѣзжая грамота ко всѣмъ владѣтелямъ и начальникамъ, съ которыми могъ встрѣтиться въ путешествіи, ко всѣмъ мелкимъ властямъ по дорогѣ и, наконецъ, къ „вольнымъ добытчикамъ морскимъ“ для безопаснаго проѣзда и житія. Въ грамотахъ посланные были писаны дворянами „безъ прозванія“ для того, чтобъ „въ иноземческихъ краяхъ подлинно не вѣдали, какого чина и какихъ породъ для тое вышеписанныя науки въ ихъ государства посланы“.

Путешествіе разсказывается въ формѣ дневника, день за день, съ указаніемъ остановокъ и ночлеговъ, числа верстъ, съ описаніямъ всякихъ видѣнныхъ по дорогѣ достопримѣчательностей. Путешествіе велось очень медленно. Какъ мы упоминали, вѣроятно для проводовъ, Толстой пробылъ два дня въ Дорогомиловой слободѣ, а затѣмъ, выѣхавъ оттуда, ночевалъ въ деревнѣ отъ Москвы въ 15 верстахъ, а далѣе черезъ Можайскъ, Вязьму и Дорогобужъ ѣхалъ до Смоленска, гдѣ отпустилъ часть людей и лошадей, сопровождавшихъ его отъ Москвы. Только къ 23 марта онъ добрался до польскаго рубежа. И дальше онъ ѣхалъ опять такъ же медленно, описывая по дорогѣ города и селенія, крѣпости, монастыри, церкви, мосты, ворота и т. д., справляясь о томъ, какихъ вѣръ были жители, благочестивые ли греческаго закона, или уніаты, или католики, или жиды? Въ Могилевѣ съ нимъ случилась „немалая конѳузія, т.-е. замѣшаніе“: его не

Digitized by Google

хотѣли-было перевозить черезъ рѣку Днѣпръ, но онъ предъявилъ начальнымъ людямъ проѣзжую грамоту, и ему разрѣшили переѣхать Днѣпръ и поселиться на предмѣстьѣ, гдѣ онъ и жилъ у мѣщанина благочестивой греческой вѣры. Могилевъ онъ осмотрѣлъ подробно, проживши здѣсь конецъ страстной и начало святой недѣли: городъ показался ему много больше Смоленска, называется „королевская экономія", т.-е. королевскій, дворцовый, а поляки по-просту говорятъ: „тотъ городъ королевской кухни". Людей римской вѣры здѣсь немного, и костеловъ только два. Путешественникъ подробно осмотрѣлъ и описалъ устройство католическихъ церквей, особенности обрядовъ, одежду церковно-служителей; былъ въ церквахъ православныхъ, и на свѣтлый праздникъ сосчиталъ пушечные выстрѣлы, которыми жители Могилева привѣтствовали Пасху, пересчиталъ чтецовъ Евангелія за обѣдней, мѣщанъ, участвовавшихъ въ процессіи и т. д. На праздникахъ онъ побывалъ у мѣщанъ греческой вѣры, и всѣ были къ нему очень ласковы; онъ отмѣтилъ, наконецъ, что „въ томъ городѣ купятъ хлѣбъ высокою цѣною; харчю всякаго много, и рыбы живой не мало, однакожъ все не дешево". За Могилевомъ онъ проѣхалъ много мѣстностей большихъ литовскихъ пановъ—коронаго гетмана, польнаго гетмана, литовскаго канцлера, литовскаго подкоморія, подскарбія и пр. Въ Борисовѣ онъ зашелъ въ костелъ на римскую службу и опять подробно описалъ храмъ и порядокъ службы. Между прочимъ, ему показали здѣсь одну икону, будто бы взятую въ плѣнъ войсками царя Алексѣя Михайловича, переданную въ православный монастырь, а по заключеніи мира унесенную въ католическій костелъ: „и какъ-де тое икону въ римской костелъ внесли, и отъ того-де часа явилось на той иконѣ самое малое черное пятно, величествомъ съ московскую копѣйку, и начало отъ того времени прибывать, даже и до нынѣ по вся дни того пятна прибываетъ, и много-де того пятна покушались, чтобъ краскою то пятно закрыть и многіе-де мастеры иконники и живописцы, прикоснувшіеся той святой иконѣ для записанія того пятна, пострадали ручною болѣзнію, и паки отъ той же святой иконы исцѣленіе получили, и нынѣ-де уже о томъ и покушатися не смѣютъ, чтобы то пятно исправить". Съ этой иконой мы еще встрѣтимся далѣе.

Дальше снова онъ встрѣтилъ маетности великихъ литовскихъ и польскихъ пановъ, которыя обстоятельно перечисляетъ. Особенное вниманіе его привлекаютъ католическія церкви и монахи разныхъ орденовъ, которыхъ онъ называетъ „законниками": въ Бернардинскомъ монастырѣ, въ Минскѣ, законники носятъ на

Digitized by Google

голомъ тѣлѣ власницы безъ рубашекъ и ходятъ босые на колодкахъ; францисканцы „житье имѣютъ безъимянное, ничего своего не имѣютъ, питаются милостынею, всегда ходятъ по улицамъ и просятъ милостыни"; объ іезуитахъ онъ говоритъ, что они „живутъ свободнѣе всѣхъ римскихъ законниковъ, только простираются излиха на проповѣдь Христову". Въ Варшаву онъ пріѣхалъ ко времени погребенія короля Яна Собѣскаго, прахъ котораго былъ выставленъ для всенароднаго прощанія: онъ замѣтилъ, что караулъ при гробѣ былъ одѣтъ въ нѣмецкое платье, и подробно описалъ одѣяніе покойнаго короля. Въ соборномъ костелѣ ему показали одинъ удивительный образъ: „у того образа на главѣ волосы подобны человѣческимъ волосамъ, черные, и сказываютъ поляки, что будто тѣ волосы по вся годы стригутъ и паки-де тѣ волосы отростаютъ". Онъ осмотрѣлъ нѣсколько дворцовъ польскихъ вельможъ, загородный королевскій дворецъ, и вездѣ видѣлъ великое украшеніе, рѣзныя стѣны, великія зеркала, столы изрядные, картины узорочныя, фонтаны преудивительные, все безмѣрно хорошо. Но дивясь этой роскоши, нашъ путешественникъ говоритъ весьма пренебрежительно о польскихъ порядкахъ. Онъ разсказываетъ: „Есть одна полата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская, въ той палатѣ бываетъ у поляковъ сеймъ; у которой полаты окна великія и окончины были стекольчетыя всѣ повыломаны и окна разбиты отъ нестройнаго совѣту и отъ несогласія во всякихъ дѣлѣхъ пьяныхъ поляковъ, а покоевые королевскіе полаты отъ той полаты далеко... Для алекціи [1]) черезъ рѣку Вислу сдѣланъ былъ мостъ на судахъ, и по тому мосту стоялъ караулъ для того, что во время алекціи между поляковъ бываютъ многія ссоры, также и у Литвы между собою и поляковъ съ Литвою бываютъ многія драки и смертное убивство, а больше на мосту дерутся за ссоры и за пьянство, и всегда у нихъ между собою мало бываетъ согласія, въ чемъ они много государства своего растеряли; однакожъ, когда напьются пьяни, не тужатъ о томъ и не скорбятъ, хотя бъ и всѣ сгибли. А когда алекціи въ Варшавѣ не бываетъ, тогда и мосту черезъ рѣку Вислу не бываетъ же: посему можно разумѣти разумъ или пьяную глупость поляковъ; ибо на перевозахъ рѣки Вислы много погибаетъ людей и скота и всякихъ къ употребленію человѣческому вещей, во время вѣтра и волненія тое рѣки, понеже и паромовъ добрыхъ для перевозовъ поляки не имѣютъ". Въ польскихъ обычаяхъ ему бросилось въ глаза, что „по городу и въ

[1]) Т.-е. элекціи, избранія короля.

Digitized by Google

маетности ѣздятъ сенаторы и жены ихъ и дочери дѣвицы въ каретахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ", и что въ лавкахъ мѣщане богатые сидятъ сами, и жены и дочери ихъ въ богатыхъ уборахъ, и тоже не ставятъ себѣ этого въ зазоръ,—въ Москвѣ ни того, ни другого еще не бывало. При отъѣздѣ московскій резидентъ привезъ ему проѣзжій листъ отъ примаса королевства и посовѣтовалъ побывать у папскаго нунція и попросить у него листа „о свободномъ проѣздѣ и о пріемности въ итальянскихъ краяхъ". Нунцій, съ которымъ Толстой говорилъ черезъ переводчика, принялъ его „зѣло любительно" и оказалъ ему великую вѣжливость, а нашъ путешественникъ не забылъ высмотрѣть не только одежду нунція, но даже цвѣтъ и рисунокъ обоевъ въ его комнатахъ.

Выѣхавъ изъ Варшавы (гдѣ онъ пробылъ съ 30-го апрѣля до 5-го мая), Толстой завернулъ по пути осмотрѣть мѣсто, избранное для элекціи, и опять говоритъ о польскихъ порядкахъ съ великимъ презрѣніемъ: „Отъ Варшавы съ полверсты на полѣ сдѣланъ валъ не малой и кругомъ выкопанъ ровъ; въ тотъ валъ сдѣланы четыре въѣзда: тутъ съѣзжаются послы изъ повѣтовъ и начальные люди отъ хорогвей, а посольство все бываетъ за валомъ. Въ округѣ того валу къ одной сторонѣ сдѣланъ великой сарай дощаный, который поляки называютъ шопою (навѣсъ), подобенъ тому, какъ дѣлаются покои скотскіе; воистинну и поляки дѣломъ своимъ во всемъ подобятца скотинѣ, понеже не могутъ никакого государственнаго дѣла сдѣлать безъ бою и безъ драки, и для того о всякихъ дѣлѣхъ выѣзжаютъ думать въ поля, чтобъ имъ пространно было безъ размышленія побиватися и гинуть. Въ томъ вышеписанномъ сараѣ много надѣлано лавокъ, на которыхъ засѣдаютъ сенаторы" и т. д.

За Варшавой онъ опять проѣзжаетъ маетности важныхъ пановъ и духовныхъ лицъ, бискуповъ и арцыбискуповъ, наконецъ пріѣзжаетъ въ Ченстохово съ знаменитой иконой Богородицы и монастыремъ: опять подробное описаніе монастыря, украшенія церквей, богатства ризницы и т. д. Здѣшніе законники „крѣпкаго житья", а Ченстоховская икона „мѣрою подобна той, что на Москвѣ стоитъ въ Соборной церкви письма Луки жъ евангелиста, которая называется Владимірская". Для подробностей онъ указываетъ читателю на печатную польскую книгу объ Ченстоховской иконѣ Богородицы и бывающихъ отъ нея чудесахъ, и прибавляетъ еще (чего не бывало въ монастыряхъ московскихъ): „въ томъ кляшторѣ аптека изрядная великая, въ которой я видѣлъ много всякихъ лѣкарствъ и уборъ всюду въ той аптекѣ

Digitized by Google

изрядной... Въ томъ кляшторѣ есть академія: учатся высокимъ наукамъ даже и до философіи; а гдѣ у нихъ бываютъ диспуты, и для того особая сдѣлана палата великая длинная... Въ слободѣ въ лавкахъ есть товаровъ не мало, а паче всего много книгъ латинскихъ и польскихъ всякихъ печатныхъ".

На границѣ между Польшей и цесарскимъ государствомъ путешественникъ не нашелъ „никакихъ признакъ", одно болото. Въ Шленской землѣ онъ отпустилъ своего человѣка съ лошадьми, сдѣлавшими по его исчисленію 1412 верстъ отъ Москвы, и съ тѣхъ поръ нанималъ фурмановъ; по дорогѣ онъ видѣлъ уже „великіе венгерскіе горы и зѣло высокіе, которые высотою равняются облакамъ". Въ Опавѣ, на Троицынъ день онъ былъ въ іезуитскомъ монастырѣ, описываетъ церковное украшеніе по случаю праздника, „а молитвъ колѣнопреклоненныхъ въ римской церквѣ въ недѣлю пятидесятую не читаютъ": онъ отмѣтилъ, что езувита сказалъ Сказаніе, т.-е. проповѣдь, и на какой текстъ изъ евангелія Іоанна Богослова; „на вечернѣ", т.-е. за вечерней, другой езувита также сказалъ проповѣдь на текстъ изъ апостольскихъ дѣяній. Изъ Силезіи онъ переѣхалъ въ Моравію, и земли Шленская и Муравская по хлѣбородію показались ему лучше польской земли. Здѣсь опять ему нравятся благоустроенные города, съ фонтанами, садами, каменными лавками. Въ Ольмюцѣ онъ видѣлъ слѣдующее: „На воротахъ ратуши, т.-е. таможни, сдѣланы часы великіе удивительнаго строенія: тѣ часы бьютъ перечасье мусикійскимъ согласіемъ и какъ тѣ часы станутъ бить перечасье, въ то время видимо, что люди, вырѣзанные изъ дерева, бьютъ въ колокола руками; ниже того сдѣланы два человѣка рѣзные изъ дерева и учнутъ въ то жь время трубить на трубахъ,—и съ одной стороны у тѣхъ часовъ изъ-за стекла выходятъ люди пѣшіе рѣзные жь изъ дерева, съ другой стороны тѣхъ же часовъ выѣзжаютъ на лошадяхъ люди вырѣзанные изъ дерева жь также, что и вышепомяненные пѣшіе, изъ-за стѣны, и сдѣланы тѣ всѣ люди изрядною работою". Здѣсь же, въ іезуитскомъ монастырѣ, онъ видалъ „академію изрядныхъ высокихъ наукъ и студентовъ зѣло много, которые учатся разнымъ наукамъ, изъ тѣхъ студентовъ много честныхъ высокихъ породъ людей изъ разныхъ государствъ; въ той академіи учатся студенты до философіи и до теологіи, тамъ же учатся и математицкихъ наукъ". Былъ полный разгаръ лѣта, и дальше по дорогѣ нашъ путешественникъ отмѣчаетъ множество „виноградовъ и орѣховъ волоскихъ и черносливовъ и иныхъ плодовитыхъ деревъ", а въ городѣ Никольсбургѣ видалъ богатые погреба, гдѣ стояло

Digitized by Google

вино венгерское въ безмѣрно великихъ бочкахъ: „изъ тѣхъ бочекъ подчивали меня виномъ“.

Затѣмъ онъ переѣхалъ границу ракотцкую, т.-е. австрійскую, и прибылъ въ Вѣну. Здѣсь онъ насмотрѣлся всякихъ удивительныхъ вещей: монастырей и церквей, высокихъ домовъ, только „греческой вѣры монастырей и церквей ни единой“. Въ ратушѣ замѣтилъ онъ—на одной стѣнѣ „поставлено подобіе дѣвицы, вырѣзано изъ бѣлой камени покровенными очми во образъ правды, яко бы судить не зря на лице человѣческое, праведно; у того подобія въ правой рукѣ сдѣланъ мечъ, а въ лѣвой вѣсы“: это, очевидно, была статуя Ѳемиды. Московскій посланникъ свезъ его за городъ въ императорскіе сады, гдѣ опять было много удивительнаго: „многіе травы и цвѣты изрядные, посаженные разными штуками, по препорціи, и множество плодовитыхъ деревъ съ обрѣзанными вѣтвями, ставленныхъ архитектурально, и не малое число подобій человѣческихъ мужеска и женска полу изъ мѣди, подобій сиренъ и разныхъ гадскихъ изъ бѣлаго камня, съ бьющими вверхъ фонтанами, стѣны изъ цвѣтнаго каменья и раковинъ и одна великая палата, что называютъ театрумъ, въ которой бываютъ для увеселенія цесарскаго комедіи“. Его удивилъ также большой госпиталь, гдѣ онъ упомянулъ не только церковь, аптеку и садъ, но и постели съ „зелеными стамедовыми завѣсами“: „принимаютъ въ тотъ шпиталь болящихъ и покоятъ ихъ и лечатъ съ прилежаніемъ, и держатъ въ томъ шпиталѣ болящихъ до тѣхъ мѣстъ, какъ которой совершенно выздоровѣетъ, тогда ему свобода, куда хочетъ иттить безъ заплаты, и никто съ него въ томъ шпитали ничего не возьметъ, только то дѣлаютъ для вѣры христіанской и для спасенія души“. Въ церкви св. Стефана онъ видѣлъ церковную процессію, при которой былъ самъ цесарь съ сыновьями: онъ, конечно, подробно описываетъ процессію, при чемъ замѣтилъ, что „подъ руки цесаря никто не велъ“, что сенаторскія кареты не были особенно богаты, а дочери и жены сенаторскія „всякая сама надъ собою несла балдахины круглые изрядные“, вѣроятно зонтики, а церковная музыка на органахъ и различныхъ инструментахъ (которые перечислены) показалась ему чрезвычайнымъ шумомъ.

За Вѣной ему пришлось перебираться черезъ горы. Нынѣшній Земмерингъ, который представляетъ путешественнику только рядъ оригинальныхъ и поразительныхъ картинъ, былъ для Толстого великою тягостью. „Путь зѣло прискорбенъ и труденъ, по дорогѣ безмѣрно много каменья великаго остраго и дорога самая тѣсная, а горы безмѣрно высокія каменныя, а дорога узка:

Digitized by Google

можно по ней ѣхать въ одну телѣгу, и то съ великимъ страхомъ, для того что проложена та дорога въ полгоры, и по одной сторонѣ тое дороги пребезмѣрно высокія каменныя горы, съ которыхъ много спадаетъ на дорогу великихъ камней и проѣзжихъ людей и скотовъ побиваетъ; а по другую сторону тое дороги зѣло глубокія пропасти, въ которыхъ течетъ рѣка немалая и зѣло быстрая, отъ быстраго теченія той рѣки непрестанно тамъ есть шумъ великій, власно какъ на мельницѣ, и много проѣзжихъ людей въ тѣ пропасти съ дороги съ возами и съ лошадьми упадаетъ и побиваются до смерти и въ помяненной рѣкѣ утопаютъ; а за тою рѣкою паки такіе жь пребезмѣрныя высокія горы". На тѣхъ горахъ всегда лежитъ много снѣговъ, на горахъ лежатъ облака, а надъ облаками опять горы. Путешественникъ набрался великаго страха: „и не столько я чрезъ тѣ горы ѣхалъ, сколько шелъ пѣшъ, и всегда имѣлъ страхъ смертный предъ очима". Еще больше напугали его разсказы о недавнемъ землетрясеніи; не понравились ему и жители: „народъ германскій мужеска полу и женска неблагообразенъ и убогъ" и т. д. Его поразило и большое число встрѣченныхъ кретиновъ, что̀ онъ приписалъ качеству воды, — „которой воды во всей Германіи я не пилъ и проѣзжалъ всю Германію безъ потребнаго мнѣ питья съ великою нуждою". Наконецъ горы кончились и въ венеціанской долинѣ онъ увидѣлъ „множество виноградовъ и всякихъ плодовитыхъ деревъ, лимоновъ, померанцевъ, цукатовъ, миндалевъ, оливъ, каштановъ, персиковъ, сливъ, разныхъ родовъ дуль, грушъ, яблокъ, орѣховъ грецкихъ, черешни, вишенъ, и иныхъ всякихъ овощей".

Наконецъ онъ добрался до Венеціи послѣ странствія, продолжавшагося пятнадцать недѣль. Можно себѣ представить, сколько онъ нашелъ здѣсь удивительнаго: улицы были водяныя, не было ни лошадей, ни каретъ, ни телѣгъ, „а саней и вовсе не знали". Въ дворцѣ дожей онъ осмотрѣлъ всякія палаты, посольскую, палату тайной думы, судебную, оружейныя, комнаты самого дожа, „не зѣло богатыя", при чемъ описалъ и венеціанское судопроизводство. Его поразила та свобода, съ которой люди всякаго чина входили въ палаты дожа: въ сѣняхъ торговые люди продаютъ калачи и коврижки, и желающіе покупаютъ и ѣдятъ „безъ стыда"; къ дожу имѣютъ всѣ свободный доступъ. У воротъ къ площади св. Марка онъ увидалъ и нѣчто знакомое: „сидятъ многіе писари, подобные московскимъ площаднымъ подъячимъ, которые пишутъ челобитныя и иныя всякія нужды, что̀ кому будетъ потребно". Въ Венеціи онъ часто посѣщалъ гре-

Digitized by Google

ческую церковь, гдѣ всѣ греки были ему рады, и старательно отмѣчалъ различіе церковныхъ обрядовъ итальянскихъ грековъ отъ московскаго чина — въ одеждѣ, отправленіи богослуженія, звонѣ колоколовъ и т. д.; онъ отмѣчаетъ, что „священники греческіе бѣлые не женаты и бороды и усы брѣютъ; борода у митрополита не стрижена, а усы подстрижены, и многіе греки во святой литургіи сидятъ въ шапкахъ и въ тафьяхъ и стоятъ во всю обѣдню въ тафьяхъ". Въ монастыряхъ онъ видѣлъ библіотеки и онъ записываетъ обыкновенно, сколько въ нихъ числомъ книгъ; въ одной видѣлъ онъ „два глобуса велики зѣло, одинъ небесной, а другой земленоводной; тѣ глобусы вокругъ по четыре сажени".

Изъ Венеціи онъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Падую. Здѣсь, какъ въ Венеціи и другихъ главныхъ городахъ Италіи, онъ видѣлъ множество достопримѣчательностей. Вездѣ онъ особенно осматривалъ церкви съ ихъ святынями, украшеніями и иными рѣдкостями, которыя обыкновенно старается сосчитывать, какъ сосчиталъ лампады, висѣвшія кругомъ гробницы св. Антонія Падуанскаго: ихъ было 130, „а иныхъ, которыя есть по всей церквѣ, не могъ за величествомъ церкви исчислить". Въ другой церкви показали ему такіе органы, что подобныхъ нигдѣ не обрѣталось, и для него нарочно на нихъ съиграли. Музыкальное впечатлѣніе было слѣдующее: „Удивительно, что пребезмѣрно громогласны и кажется такъ отъ голосовъ тѣхъ органъ, якобы всей церкви потрясатися; на тѣхъ органахъ сдѣлана звѣзда золоченая, которая во время иранія на тѣхъ органахъ блескаетъ, преходя по трубамъ тѣхъ органовъ (?); потомъ въ тѣхъ органахъ свищетъ, подобно птицѣ кинарейкѣ или соловью; потомъ въ тѣхъ органахъ, когда отопрутъ всѣ голосы и трубы, тогда не останется ни одинъ инструментъ ото всей музыки, который бы въ тѣхъ органахъ не отзывался играніемъ: въ началѣ органъ, цымбалъ, скрипицы, басы, штортъ, арфы, флейтъ, вольногамбы, цытры, трубы, литавры и иные всякіе мусикійскіе инструменты; когда закроютъ многіе голосы, тогда на тѣхъ органахъ будутъ отзываться трубы, власно какъ трубятъ трубачи на двойныхъ на перекличкахъ, якобы одни издалека, а другіе изблизка, и иныя многія штуки въ тѣхъ органахъ, которыя нынѣ для умедленія описывать подробно оставляю". Въ доминиканскомъ монастырѣ онъ дивился хозяйству, богатымъ садамъ, вкуснымъ винамъ, монастырской аптекѣ. Невиданной вещью была докторская академія, гдѣ считалось до тысячи студентовъ. Онъ описываетъ самый обрядъ утвержденія въ докторскомъ званіи:

Digitized by Google

„Обыкность тамъ о студентахъ имѣютъ такую: который студентъ науку свою дохтурскую скончитъ, того студента инспекторъ его повиненъ взять за руку и водить его въ Падуѣ по всѣмъ улицамъ, а передъ ними идутъ многіе люди и кричатъ: вивать; а отъ того студента, скончившаго дохтурскую науку, устроенъ на то одинъ человѣкъ, который передъ нимъ идетъ и мечетъ деньги народу, тѣ деньги народъ подбираетъ и кричитъ излиха: вивать! вивать! А все то чинится казною того студента, который скончитъ свою науку; и потомъ того студента инспекторъ его со езувитами въ костелѣ коронуетъ: въ то время въ томъ костелѣ, гдѣ студента коронуютъ, народъ быти неповиненъ, только одни езувиты, или иные законники, и инспекторъ его, то-есть мастеръ: и короновавъ его, дадутъ ему изъ тое академіи отъ мастера его листъ о мастерствѣ его по обыкновенію, какъ надлежитъ, и изъ той академіи его съ честью отпустятъ“. Послѣ докторской академіи онъ осмотрѣлъ „академію, гдѣ учатъ лошадей“, аптекарскій садъ, приказную палату, за городомъ видѣлъ цѣлебные горячіе источники, при чемъ одобрялъ итальянцевъ, что тою же водою они воспользовались и для мельницъ: „смотри разума тѣхъ обитателей итальянскихъ, и тое воды, которую на всемъ свѣтѣ за диво ставятъ, даромъ не потеряли, ища себѣ во всемъ прибыли“. Въ Италіи онъ вообще хвалитъ остаріи (остеріи), гдѣ всегда найдешь хорошія комнаты съ изрядными постелями; для охотниковъ держатъ тамъ карты и тавлеи, а также продаютъ табакъ „дымовой и носовой и трубки, чѣмъ табакъ пить“.

Наконецъ, въ сентябрѣ Толстой принялся за изученіе мореходства. Онъ взялъ себѣ мѣсто на кораблѣ и плавалъ по Адріатическому морю до Зары на далматинскомъ берегу и до Бара на итальянскомъ. Плаваніе было довольно безпокойно отъ частой „фортуны“, т.-е. бури, и „преестественно великаго вѣтра“. Разъ они встрѣтились и съ турецкими разбойничьими кораблями, отъ которыхъ пришлось укрыться. Капитанъ не захотѣлъ наконецъ плыть въ венеціанскій портъ при осеннихъ буряхъ; Толстому надо было нанять до возвращенія небольшое судно, но и здѣсь ему опять пришлось встрѣтить бурю: „и былъ я тое ночи даже до самаго дня въ такомъ смертномъ страхѣ, что совершенно отчаялись всѣ живота, только призывали себѣ въ помощь Бога и Пресвятую Богородицу; и какъ я началъ говорить канунъ (т.-е. канонъ) чудотворцу Николаю, съ того часа начала та фортуна малиться и страху начало убавлятися“. Капитанъ корабля, Иванъ Лазаревичъ, далъ ему свидѣтельство, что московскій дворянинъ

Digitized by Google

Петръ Андреевичъ вмѣстѣ съ солдатомъ былъ у него въ ученьѣ, узналъ всѣ корабельные инструменты, во время сильныхъ вѣтровъ и не безъ страшныхъ фортунъ показалъ себя способнымъ, желалъ видѣть строй кораблей во время битвы, но въ томъ лѣтѣ не могъ найти этого на всемъ гольфѣ Венецкаго моря. Чтобы видѣть бой, капитанъ указалъ Толстому ѣхать въ Средиземное море между Сициліей и Мальтой.

Вернувшись въ Венецію, онъ сдѣлалъ еще путешествіе на итальянскій материкъ, дивился Веронѣ, „математическимъ разумомъ уфортикованной“, а еще больше того Милану. Въ тамошнихъ храмахъ онъ насмотрѣлся великихъ чудесъ: въ соборѣ св. Амвросія онъ видѣлъ подобіе змія, сдѣланное Моисеемъ во время странствія евреевъ въ аравійскихъ пустыняхъ; въ другомъ костелѣ—„гробъ трехъ царей персидскихъ, которые къ новорожденному Спасителю принесли дары“, и изъ этихъ даровъ ему показали золото „подобіемъ ефимку“, и т. п. Знаменитый соборъ—весь изъ бѣлаго мрамора, „какого костела, замѣчаетъ Толстой, во всемъ свѣтѣ нѣтъ, кромѣ римскаго соборнаго, а богатства въ немъ пречуднаго неудобь сказаемо множество“. И здѣсь его удивилъ большой госпиталь на тысячу человѣкъ со многими докторами и лѣкарями, изъ чего „познавается человѣколюбіе римлянъ, какого во всемъ свѣтѣ мало гдѣ обрѣтается“. Миланъ показался Толстому больше и многолюднѣе Венеціи; жители, „честные люди“, т.-е. знатные, ѣздятъ въ изрядныхъ каретахъ, а за каретами ходитъ много пѣшихъ людей „подобно московскому обыкновенію“; миланское платье отличается отъ венеціанскаго ожерельемъ назади, подобно тѣмъ, „какія бывали у московскихъ однорядокъ“; нравы у миланцевъ добрые, къ пріѣзжимъ иностранцамъ всѣ очень ласковы, „а природой и мужчины, и женщины смуглы, рѣдко гдѣ увидишь бѣлой природы человѣка“.

Въ Венеціи ему пришлось провести всю зиму, и онъ успѣлъ хорошо присмотрѣться къ венеціанскимъ нравамъ и по своему подробно описать ихъ. Онъ разсказываетъ о всякихъ церковныхъ и иныхъ празднествахъ и процессіяхъ, о народныхъ увеселеніяхъ на площади св. Марка, о карнавалѣ, объ уличныхъ проповѣдяхъ, объ ученыхъ диспутахъ, о маскарадахъ, театрѣ, игорныхъ домахъ и т. д.; о торговлѣ и промыслахъ, о госпиталяхъ и школахъ и пр. Населеніе Венеціи очень разнообразно: здѣсь можно встрѣтить людей всякихъ націй: испанцевъ, французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, англичанъ, голландцевъ, шведовъ, шотландцевъ, армянъ, персовъ и другихъ; не было только турокъ, потому что съ ними была война; но были еще арапы,

Digitized by Google

венгры, индѣйцы, герваты (такъ Толстой называлъ хорватовъ). Всѣ эти люди, по мнѣнію Толстого, пріѣзжаютъ сюда не столько для торговъ или ученія, сколько для гулянья и всякихъ забавъ, которыхъ здѣсь было много. „Венеціяне,—разсказываетъ онъ,—люди умные, политичные и ученыхъ людей зѣло много; однакожь нравы имѣютъ видомъ неласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны, между собой не любятъ веселиться и въ домы другъ къ другу на обѣды и на вечера не съѣзжаются, и народъ самой трезвой: никакова человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь"; вина они пьютъ мало, „а больше употребляютъ въ питьяхъ лимонатовъ, симады (?), каоы, чекулаты и иныхъ тому жь подобныхъ, съ которыхъ быть человѣку пьяну быть невозможно". „И народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ, и строенъ, и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ; а къ ручному дѣлу не очень охочь, больше заживаютъ въ прохладахъ;—всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло слабы".

Особенно поразилъ его театръ. Въ его время въ Венеціи въ пяти мѣстахъ были оперы и комедіи, и въ совершенствѣ описать ихъ, по его мнѣнію, никто не можетъ, и нигдѣ „на всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперовъ и комедій нѣтъ и не бываетъ". Эти оперы и комедіи давались „въ палатахъ великихъ округлыхъ, которыя итальяне зовутъ театрумъ". Этотъ театрумъ онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ вверхъ и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ двѣсти, а въ иномъ триста и больше; а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золоченными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою такъ, что невозможно познать, чтобъ не сницарская (рѣзная) была работа дивная, и вызолочены всѣ. Въ томъ театрумѣ полъ сдѣланъ мало накось къ тому мѣсту, гдѣ играютъ, ниже, и поставлены стулы и скамьи, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно, которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы; а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ большую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная плата. И съ одной стороны къ тому театруму придѣлана бываетъ великая и зѣло длинная палата, въ которой чинится опера: въ той палатѣ бываютъ премѣнныя перспективы дивныя и людей бываетъ въ одномъ оперѣ въ нарядѣ мужеска и женска полу человѣкъ по 100 и по 150, и больше. Наряды на нихъ бываютъ изрядные золотные и серебряные, и каменья въ тѣхъ уборахъ бываютъ много хру-

Digitized by Google

сталей и варениковъ, а на иныхъ бываютъ и алмазы, и зерны бурмицкія. Играютъ въ тѣхъ операхъ во образъ древнихъ исторій" и т. д. „И приходятъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по-словенски въ харяхъ (т.-е. маскахъ), чтобъ никто никого не познавалъ; для того, что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами". Затѣмъ описаніе карнавала и общее впечатлѣніе свободной венеціанской жизни: „Все время карнавала ходятъ всѣ въ машкарахъ, мужчины и жены и дѣвицы, и никто никого не знаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и никогда не хотятъ быть безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много. И когда сойдутся въ машкарахъ на площадь къ соборному костелу св. Марка, тогда многія дѣвицы въ машкарахъ берутъ за руки иноземцевъ пріѣзжихъ и гуляютъ съ ними и забавляются безъ стыда. Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по-итальянски; а танцы итальянскіе не зѣло стройны: станутъ одинъ противъ другого вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ меделянскими собаками великихъ быковъ, и иныя всякія потѣхи чинятъ, и по морю ѣздятъ въ гондолахъ и баркахъ съ музыкою и всегда веселятся, и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ, и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ, всякой дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ: та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ. И живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страха и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей"... Очевидно, что послѣднія строки написаны не безъ воспоминанія о домашнихъ московскихъ обычаяхъ.

Въ половинѣ слѣдующаго года Толстой предпринялъ второе морское путешествіе и поплылъ на фрегадонѣ по Адріатическому морю. Онъ опять день за день отмѣчаетъ плаваніе, когда бывалъ вѣтеръ и „фортуна", какія мѣста видѣлъ по берегамъ и описываетъ ихъ достопримѣчательности. По далматинскому берегу онъ доплылъ до Рагузскаго княжества: здѣсь „по городамъ живутъ рагузяне, капитаны морскіе и астрономы и маринары"; у нихъ много всякихъ плодовъ, „а говорятъ всѣ славянскимъ языкомъ, а итальянскій языкъ всѣ знаютъ и называются герваты, вѣру держатъ римскую". Рагузу или Дубровникъ онъ описываетъ подробно; между прочимъ онъ пошелъ и къ рагузскому князю, который говорилъ съ нимъ славянскимъ языкомъ. Онъ осмотрѣлъ здѣсь францисканскій и доминиканскій монастыри, гдѣ показали ему разныя удивительныя святыни, въ подлинности которыхъ онъ видимо не сомнѣвался. Напримѣръ, въ одномъ: гвоздь тер-

Digitized by Google

новаго вѣнца Спасителя нашего Христа; крестъ, сдѣланъ изъ самаго дерева креста Христова; сребренникъ, который взялъ Іуда у архіереевъ еврейскихъ за Христа, видомъ чернъ, величествомъ съ черкасскій чехъ и тѣмъ подобіемъ сдѣланъ, а изображенія на немъ не можно знать за многими лѣты; часть кости отъ руки Іоанна Крестителя. Въ другомъ ему показаны были: крестъ немалый, въ которомъ немалая часть древа самаго креста Христова; часть руки Іоанна Крестителя, у которой одного пальца нѣтъ, а сказали, что-де тотъ палецъ есть въ Римѣ; двѣ кости отъ главъ и двѣ ноги святыхъ младенцевъ, избіенныхъ отъ Ирода за Христа, на тѣхъ ихъ ногахъ плоть и кожа и жилы цѣлы; пелена Христова, въ которую по рождествѣ своемъ былъ Спаситель нашъ принятъ Пречистою Матерью Своею Маріею,—„та зѣло толста, а изъ какой матеріи исткана, подлинно о томъ познать не можно, однакожъ подобится толстой посконной холстинѣ“; два гвоздя отъ терноваго Христова вѣнца, и т. д. „Въ томъ же монастырѣ дали мнѣ двѣ свѣчи, которыя повелѣваютъ запалять предъ святыми иконами на кораблѣ или на какомъ ни есть суднѣ во время великой фортуны, т.-е. сильныхъ вѣтровъ“. Но нѣкоторыхъ римскихъ легендъ онъ не одобрялъ: на одномъ изъ далматинскихъ острововъ жилъ тогда одинъ человѣкъ, котораго римляне почитаютъ за святого, „а сказываютъ о немъ гисторіи, которымъ вѣрить не можно и слушать ихъ непотребно“.

Невдалекѣ отъ Рагузы наши мореходы встрѣтили турецкихъ корсаровъ и хотѣли съ ними биться, но тѣ корсары, опасаясь принять бой, подняли венеціанскій флагъ, „а то суть обыкность курсаровъ турецкихъ, когда не смѣютъ съ кѣмъ биться, тогда выставливаютъ бандеры или знамена христіанскихъ знаковъ“. Далѣе, въ маленькомъ городѣ Кастельново онъ встрѣтилъ русскихъ навигаторовъ: „наѣхалъ я на своихъ москвичъ на кораблѣ — князь Димитрія и князь Ѳедора Голицыныхъ, князь Андрея Репнина, князь Ивана Гагина, князь Юрія Хилкова, князь Бориса Куракина и иныхъ“.

На далматинскомъ берегу онъ постоянно встрѣчалъ славянское населеніе. Такъ въ Перастѣ,—которую онъ считаетъ венецкой державой, а вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщаетъ въ княжествѣ албанскомъ,—живутъ, по его словамъ, также герваты, капитаны морскіе, астрономы и маринары. Невдалекѣ отсюда города и деревни турецкіе, а также есть здѣсь „много сербовъ, которые суть вѣры греческой; однакожъ въ томъ мѣстечкѣ Перастѣ церкви греческой нѣтъ, а есть церкви греческія по селамъ около

Digitized by Google

того мѣстечка не въ далекихъ мѣстахъ, въ которыхъ селахъ живутъ сербы греческой вѣры, а тѣ сербы подъ державою венецкою, недавно избѣжали отъ рукъ проклятыхъ босурманъ, отъ державы турецкаго султана и живутъ смежно съ турецкими городами и съ деревнями. Тѣ сербы люди военные, подобятся во всемъ донскимъ казакамъ, говорятъ всѣ славянскимъ языкомъ, платье носятъ герватское. Жены ихъ и дочери во всемъ подобны герватскимъ женамъ въ платьѣ и въ обыкностяхъ и зазоръ отъ мужеска полу имѣютъ и скрываются. Тѣ сербы хлѣба и живностей и фруктовъ имѣютъ достатокъ, живутъ между великихъ и высокихъ каменныхъ горъ, домы имѣютъ строенія каменнаго, къ московскому народу зѣло привѣтны и почитательны". Такъ онъ былъ въ селѣ Ризѣ, гдѣ живутъ сербы греческаго закона, и слушалъ тамъ святую литургію на славянскомъ языкѣ. „Того помяненнаго села Ризы жители приняли меня съ любовью и съ великимъ почтеніемъ и, какъ изъ того села поѣхалъ, проводили меня до моей лодки великимъ многолюдствомъ. Въ той помяненной греческой церкви имѣютъ нѣкоторыя церковныя книги и московской печати, также есть и святыя иконы московскихъ писемъ штилистовыхъ, а завозятъ туды иконы и книги съ Москвы греки". Около Каттаро „живутъ вольные люди, которые называются черногорцы. Тѣ люди суть вѣры христіанской, языка славянскаго, и есть ихъ немалое число, никому не служатъ, временемъ войну точатъ съ турками, а временемъ воюются съ венетами". Плаваніе по Адріатическому морю нашъ путешественникъ окончилъ тѣмъ, что фрегадонъ привезъ его къ итальянскому берегу, въ городъ Баръ, который былъ тогда городъ „гишпанскій" (королевство неаполитанское принадлежало тогда Испаніи). Здѣсь онъ остановился на нѣсколько дней, какъ видно для того, чтобы подробно осмотрѣть знаменитую барскую святыню, храмъ и мощи Николая Чудотворца. Капитанъ корабля, Иванъ Карстели, на прощанье съ фрегадона своего стрѣлялъ изъ пушекъ и выдалъ Толстому свидѣтельство о плаваніи. Въ Барѣ зѣло изрядно принималъ и угощалъ его гишпанскій губернаторъ. Храмъ Николая чудотворца онъ описалъ съ обычной обстоятельностью, и здѣсь опять были ему показаны многія рѣдкія святыни: крестъ, сдѣланъ изъ самаго древа креста Христова, потомъ одинъ гвоздь отъ терноваго Христова вѣнца, обагренный спасительною пречистою Его кровію; часть губы, которою напоили проклятые іудеи Господа славы во время спасительной Его страсти на крестѣ оцтомъ; власы Пресвятыя Богородицы; часть одежды Пречистыя Дѣвы Маріи Богородицы, которую носила на пре-

Digitized by Google

чистомъ Своемъ тѣлѣ. Наконецъ, онъ разсказываетъ, что мощи Николая Чудотворца въ изобиліи источаютъ святое миро, которое раздается всѣмъ желающимъ, и на слѣдующій день—„пошелъ я паки до церкви св. Николы, гдѣ меня дожидались къ обѣдни римскіе канонники, и, шедъ я къ той церкви, купилъ себѣ два погребца со скляницами на святое миро, истекающее отъ мощей іерарха чуднаго Николы, которые погребцы канонники той церкви немедленно мнѣ наполнили святымъ чудотворнымъ миромъ, и съ тѣмъ великимъ даромъ, прочитавъ у чудотворцевыхъ мощей акаѳистъ, паки пошелъ во остарію, въ которой стоялъ".

Изъ Бара онъ отправился въ Неаполь, нанявши фурмана. Опять онъ замѣчаетъ по порядку всѣ остановки и ночлеги, о городахъ постоянно замѣчаетъ, что строеніе въ нихъ каменное, по сторонамъ дороги сады; лошадей поилъ изъ фонтаны, „которая фонтана для покоя проѣзжихъ сдѣлана на дорогѣ"; въ одномъ мѣстѣ по лѣсамъ подѣланы домы каменные, въ которыхъ живутъ солдаты для сторожи отъ воровскихъ людей. Не доѣзжая двѣ итальянскихъ мили до Неаполя, „есть гора зѣло высока, которая непрестанно отъ сотворенія свѣта горитъ, и въ день отъ горы курится дымъ, а ночью бываетъ видѣть и огонь; и такъ, сказываютъ, всегда безпрестанно горитъ и не угасаетъ никогда ни на малое время". У него тотчасъ нашлись знакомые, потому что барскій губернаторъ написалъ впередъ въ Неаполь къ своему брату, чтобъ учинить почтеніе доброе нашему путешественнику. Этотъ братъ и другой гишпанскій шляхтичъ просили Толстого поѣхать съ ними въ ихъ каретахъ „гулять и смотрѣть всякихъ изрядныхъ вещей, которыя зрѣнію человѣческому сладки обрѣтаются въ Неаполѣ". Прежде всего онъ осмотрѣлъ кармелитскій монастырь, въ которомъ насмотрѣлся, во-первыхъ, чудотворныхъ вещей, а затѣмъ всякихъ церковныхъ украшеній, сдѣланныхъ „пречуднымъ мастерствомъ", „преудивительной работы" и великаго богатства. „Въ той церкви сводъ и стѣны сдѣланы изъ разныхъ мраморовъ и изъ алебастру и позолочены многія мѣста, и весь уборъ той церкви преудивительный и зѣло богатый; письма въ той церкви святыхъ иконъ зѣло чудны, какихъ во всей Италіи мало обрѣтается". Были, конечно, и священныя рѣдкости, напримѣръ, „двѣ шкатулы изрядной работы стекольчатыя, въ тѣхъ шкатулахъ лежатъ тѣла младенцевъ, которые отъ Ирода за Христа побиты: одно тѣло лежитъ наго, все цѣло, только головы нѣтъ, имѣетъ плоть и кожу и жилы; а другое тѣло также цѣло, только ноги правой нѣтъ и лежитъ въ рубашкѣ, въ которой убитъ, опоясанъ красною шелковиною". При церкви находятся палаты,

Digitized by Google

въ которыхъ пишутъ приходъ и расходъ церковной казны, „подѣланы столы и сидятъ многолюдно, подобно тому, какъ бываетъ въ московскихъ приказахъ, много подьячихъ". При той же церкви большой госпиталь съ дохтурами, аптекарями и лѣкарями, „и лечатъ всякихъ болящихъ, и поятъ, и кормятъ и покоятъ Христа ради безъ платы",—и при описаніи госпиталей онъ обыкновенно заключаетъ, что „который оздоровѣетъ, отпускаютъ безъ задержанія".

Въ Неаполѣ онъ съ большимъ стараніемъ осматривалъ всякія достопримѣчательности, при описаніи храмовъ и дворцовъ дивился великому богатству и изрядному мастерству, котораго и разсказать невозможно; описываетъ извѣстныя окрестности Неаполя, въ которыхъ удивлялся вулканическимъ явленіямъ, и т. п. Здѣсь ему встрѣтились также памятники классической древности, которые онъ описываетъ по-своему. Онъ видѣлъ, напр., Байи. „Тотъ городъ былъ области Нерона мучителя, и великъ былъ гораздо, около его было мѣрою 10 миль итальянскихъ, стоялъ при самомъ морѣ, строеніе въ немъ было знатно изрядное каменное, котораго и нынѣ остатки есть. Тотъ городъ весь развалился, и мѣсто то, гдѣ былъ, поросло лѣсомъ, однакоже и нынѣ видимы суть остатки того города: палаты и божницы поганскихъ боговъ, которые были въ томъ городѣ, построены при проклятомъ помяненномъ мучителѣ Неронѣ... Въ той божницѣ сводъ каменный, на томъ сводѣ множество напечатано поганскихъ боговъ; а на левкасѣ, или на извести, что̀ напечатано, того за множествомъ лѣтъ совершенно познать не можно, однакожъ предивной и удивленія достойной работы было то дѣло, и какою живностью изображены тѣ поганскихъ боговъ образы, о томъ подлинно описать не могу. Божница была, во имя поганскаго бога Венуса, сдѣлана изъ плинѳовъ, какихъ нынѣ нигдѣ не обрѣтается... Также и иныя знатно божницы боговъ поганскихъ Меркуріева и иныхъ, которымъ приносилъ жертвы проклятый Неронъ, и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ".

Онъ упомянулъ и древняго философа Плинія, о которомъ разсказываетъ такъ, перепутавши исторію: „Къ тому Плиніушу на вышепомяненный островъ ушелъ изъ Трои во время троянскаго раззоренія одинъ сенаторъ троянскій, называвшійся Энея, о которомъ особая есть гисторія. Тотъ помяненный Плиніушъ сгорѣлъ на той горѣ, что противъ Неаполя, которая отъ сотворенія свѣта горитъ непрестанно и до нынѣ, и тотъ Плиніушъ невѣрствіемъ былъ одержимъ, чтобъ той горѣ горѣть, и хотѣлъ

Digitized by Google

видѣть изъ той горы исходящій пламень и упалъ въ ту гору, и тамъ сгорѣлъ". Онъ съ интересомъ осматривалъ и дворцы вельможъ, и удивлялся ихъ изрядному устройству. При краѣ самаго моря былъ домъ одного неаполитанскаго сенатора. „Въ томъ домѣ зѣло много изрядныхъ веселыхъ палатъ съ предивными уборами, между которыми въ срединѣ палата сдѣлана осьмигранная, и въ ней зѣло изрядные уборы, картины чудныхъ итальянскихъ писемъ; при тѣхъ палатахъ подѣланы изрядныя гульбища къ морю изрядным мастерствомъ и обсажены виноградомъ, и сверху ихъ оросъ виноградъ же власно какъ кровля". Итальянское искусство произвело на него впечатлѣніе и въ другомъ случаѣ: въ монастырѣ оливетанскомъ у мозаичнаго изображенія тѣла Христова въ гробницѣ „сдѣланы два подобія римскихъ философовъ, стоящихъ на колѣняхъ. Тѣ всѣ образы зѣло преизряднымъ мастерствомъ сдѣланы; не можно познать, чтобъ не живые". И далѣе: „въ томъ монастырѣ въ придѣлѣ видѣлъ я образъ Рождества Христова вырѣзанъ на алебастрѣ величествомъ въ высоту и въ ширину аршина по два, такою работою сдѣланъ, какой работы во всемъ свѣтѣ мало гдѣ обрѣтается, и описать о томъ подлинно невозможно, и уму человѣческому непостижимо, какая та работа". Раза два онъ упоминаетъ „видъ на море и на весь городъ Неаполь", но безъ дальнѣйшаго объясненія своихъ впечатлѣній; иногда упоминаетъ, что такой-то домъ построенъ на „веселоватомъ" или на „красовитомъ" мѣстѣ.

Далѣе, онъ смотрѣлъ домъ „вицерея", т.-е. неаполитанскаго вице-короля, и осматривалъ неаполитанскую академію. „Та академія построена казною публичною, т.-е. королевскою, зѣло велика, въ которой 120 палатъ великихъ нижнихъ и верхнихъ; сдѣланы тѣ палаты вверхъ въ пять житей. Въ тѣхъ палатахъ учатся до философіи и до богословіи и иныхъ высокихъ наукъ и анатоміи. Въ той академіи бываетъ студентовъ 4.000 человѣкъ и больше, учатся всѣ безъ платы, кто ни придетъ, вся плата мастерамъ королевская. Въ той же академіи сдѣлана особая палата на диспуты и на свидѣтельства учениковъ: которые докончаютъ науку, тѣхъ свидѣтельствуютъ диспутами въ той вышеписанной палатѣ. Та палата сдѣлана полукруглая, подобно церковному алтарю. Въ передней стѣнѣ противъ дверей сдѣлано мѣсто высокое, подобно королевскому мѣсту; по обѣ стороны отъ того мѣста вокругъ подѣланы мѣсты въ четыре ряда вверхъ, по которымъ мѣстамъ во время диспуты сидятъ мастеры и всякіе ученые люди, на диспуты собранные, и студенты".

Онъ смотрѣлъ далѣе приказы неаполитанскаго королевства,

Digitized by Google

школу, гдѣ учатъ лошадей, и между ними видѣлъ лошадь темно-сѣрую, изрядной школьной науки; смотрѣлъ еще большой госпиталь на четыреста человѣкъ, и кромѣ того въ томъ же госпиталѣ собрано безумныхъ отъ природы двѣсти человѣкъ, а также сироты мужеска и женска полу малые ребята, и при томъ же госпиталѣ „есть сады изрядные для травъ и коренію въ аптеку и для забавы и гулянья болящимъ". При госпиталѣ много докторовъ и работниковъ и, что онъ видѣлъ и прежде, и что производило на него большое впечатлѣніе, здѣсь „неаполитанскіе честные (т.-е. знатные и богатые) люди для спасенія своихъ душъ служатъ больнымъ кто изволитъ". Неаполитанскіе знакомые повезли его смотрѣть „разныхъ наукъ, которымъ наукамъ учатся неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти". Они пріѣхали „на одинъ дворъ, который построя держатъ изъ платы езувиты". „Тотъ дворъ длиненъ, а не широкъ, палатъ на немъ много, построены изрядным мастерствомъ въ высоту въ четыре жилья. Въ томъ домѣ всегда бываетъ учениковъ по 100 человѣкъ, а временемъ и больше и меньше неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти, а недворянской породы въ томъ домѣ никого нѣтъ и не принимаютъ. Въ томъ домѣ учатся прежде грамотѣ словѣсной и писать и по-латыни и инымъ разнымъ наукамъ. Тутъ же учатся биться на шпадахъ по-гишпански со штылетами и безъ штылетовъ; тутъ же учатся играть бандерою, т.-е. знаменемъ; тутъ же учатся танцовать разныхъ танцевъ, тутъ же учатся ѣздить на лошадяхъ, тутъ же учатся скакать на лошади, не вступая въ стремя, изрядными штуками, и всѣмъ тѣмъ наукамъ учатся ученики по вся дни недѣли и праздниковъ... Для меня велѣли учители студентамъ своимъ биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать разные танцы, и скакать черезъ лошадь, которая стоитъ въ тѣхъ палатахъ сдѣлана изъ дерева, и на ней сдѣлано сѣдло подобно нѣмецкому сѣдлу. Та лошадь сдѣлана въ мѣру лошади нѣмецкой немалой. И тѣ студенты зѣло меня удивили, какъ бились на шпадахъ и знаменемъ играли, и танцовали зѣло малолѣтніе ребятки лѣтъ по 10 или по 12; а въ наукахъ своихъ зѣло искусны, а паче удивленія достойно, какъ въ той палатѣ 4 человѣка изрядныхъ молодцовъ и честныхъ отцовъ дѣти скакали черезъ деревянную вышепомяненную лошадь, какими дивными штуками и какою легкостью, того описать подлинно невозможно". По своему обычаю онъ входилъ во всѣ подробности и высмотрѣлъ все домашнее устройство школъ. „Потомъ я въ томъ домѣ ходилъ по тѣмъ палатамъ, въ которыхъ тѣ студенты живутъ; въ тѣхъ палатахъ поставлены имъ

Digitized by Google

всякому человѣку особая кровать и постели изрядныя, всѣ покрыты зелеными сукнами, и у всякой кровати особая завѣса зеленая жъ. Въ тѣхъ же палатахъ поставлены длинные столы, на которыхъ тѣ студенты играютъ для забавы мячами. Потомъ пришелъ въ ту палату, въ которой тѣ всѣ вышеупомянутые студенты ѣдятъ; въ той палатѣ поставлены столы многіе, на которыхъ постланы скатерти изрядныя бѣлыя и тарелки, и ножи съ вилками, и ложки—все чистое изрядное, также полотенца бѣлыя всегда. И какъ я изъ тѣхъ палатъ сошелъ на дворъ, и на дворѣ вышеписанные студенты, которые того дни скончили алекци, играютъ великими мячами по обыкности итальянской".

Его занимали и всѣ подробности быта, устройство домовъ, обычаи, костюмъ, увеселенія и т. д., и онъ начиналъ постигать не только богатство, но и изящество роскоши. Онъ смотрѣлъ великій домъ одного неаполитанскаго дуки, сдѣланный при морѣ „на красовитомъ мѣстѣ". „Уборы въ палатахъ предивныя, картины итальянскихъ изрядныхъ писемъ и зеркалы великія, по которымъ писаны цвѣты и фрукты предивною живописною работою, также и иныхъ предивныхъ уборовъ въ тѣхъ палатахъ много. Того вышеписаннаго дука дѣти, три сына малые, первому сыну 12, другому 8, третьему 4 года; тѣ его три сына, веселя меня, пѣли при цимбалахъ по нотамъ и танцовали изрядно по-французски, и зѣло удивительно, что и четырехъ-лѣтній младенецъ пѣлъ по нотамъ и танцовалъ по-французски. Потомъ пошелъ я въ садъ, въ которомъ много изрядныхъ деревъ плодовитыхъ и цвѣтовъ, и построенъ тотъ садъ предивно. Въ томъ саду много преславныхъ фонтанъ, пречудною работою сдѣланныхъ, изъ которыхъ изрядныя чистыя воды истекаютъ зѣло штучно"... „Самый городъ Неаполь каменный, изрядным мастерствомъ построенъ, ворота проѣзжія предивною препорціею устроены, и домы всѣ въ Неаполѣ каменнаго строенія, а деревяннаго ничего нѣтъ. Палаты неаполитанскихъ жителей модою особою, не такъ какъ въ Италіи, въ иныхъ мѣстахъ подобятся много московскому палатному строенію (?). Украшеніе въ палатахъ имѣютъ изрядное, обитья камчатныя и иныя всякія, а больше любятъ палаты убирать картинами изрядныхъ писемъ и зеркалами великими, а зеркалы ставятъ къ стѣнамъ на столахъ. Въ домахъ держатъ для забавы цимбалы и другіе мусикійскіе инструменты, кромѣ органъ, а органъ кромѣ церквей въ домахъ не держатъ. Шкафы изрядные въ палатахъ ставятъ неаполитанской работы, и въ нихъ ставятъ вещи изрядныя" и т. д.

„Неаполитанцы мужеска полу къ форестирамъ, т.-е. къ ино-

Digitized by Google

земцамъ, ласковы и привѣтны, а женскій полъ и дѣвицы имѣютъ нравы зазорные и скрываются подобно московскимъ обычаямъ" (слово „зазорные" значитъ здѣсь: имѣющіе зазоръ, т.-е. стыдливые; теперь это слово имѣетъ противоположный смыслъ: не имѣющіе зазора, т.-е. стыдливости).

„Честные люди въ Неаполѣ, также и жены ихъ и дочери, ѣздятъ въ каретахъ, а пѣши не ходятъ: то у неапольцевъ подъ зазоромъ. А мужеска полу люди въ Неаполѣ верхомъ на лошадяхъ не ѣздятъ, старые и молодые — всѣ въ каретахъ и колясках, и каретъ и колясокъ въ Неаполѣ премногое множество.

„Неаполитанскіе жители между собою съѣзжаются часто, и живутъ зѣло любовно, а когда съѣдутся въ домъ, подчиваютъ другъ друга шербетами и лимонадами, а вина пьютъ мало виноградного, а водокъ отнюдь не пьютъ, также и табаку дымового не курятъ, а носовой табакъ у всѣхъ неаполитанцевъ изъ рукъ не выходитъ, и зѣло много его всѣ употребляютъ—мужчины и женщины, и дѣвицы"... „Всѣ неаполитанскіе жители честные люди живутъ не безлюдно, и за каретами ихъ, когда сами и жены ихъ ѣздятъ, ходитъ пѣшихъ людей довольно, подобно московскому обыкновенію".

Какъ мы упоминали, онъ подробно описалъ увеселенія неаполитанскихъ „честныхъ людей", которые, начиная съ „вицерея", въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ дѣлаютъ прогулки на морѣ передъ городомъ, на галерахъ и филюгахъ, съ пушечной пальбой, иллюминаціями и фейерверкомъ,—„а галіоты, т.-е. работники или гребцы, на тѣхъ галерахъ на всѣхъ наги". Въ портѣ стояли и другія галеры, повидимому военныя, по 60 веселъ и больше, и сдѣланныя изрядным мастерствомъ,—и начальникъ одной галеры „для моего приходу велѣлъ галіотамъ всѣмъ надѣть цвѣтные кафтаны, которыхъ на той галерѣ есть 450 человѣкъ, всѣ въ голубыхъ суконныхъ кафтанахъ, и всякій человѣкъ на той галерѣ работный прикованъ желѣзною чѣпью за ногу. Тѣ вышеписанные галіоты, или работники, никуды съ тѣхъ галеръ не спускаются".

Наконецъ, онъ замѣчаетъ, что въ Неаполѣ всегда теплота, „для того, что Неаполь подъ зодіей темперамента (?) и близокъ ко экватору, всего высокости на сорокъ трехъ градусовъ. а въ лѣтѣ жары отъ солнца бываютъ въ Неаполѣ непомѣрные".

Въ Неаполѣ нашъ путешественникъ прожилъ не долго (съ 30-го іюня по 8-е іюля), и если онъ успѣлъ за это время столько пересмотрѣть и записать, это свидѣтельствуетъ объ его наблюдательности. Онъ нанялъ „филюгу" за 100 скудовъ или за

Digitized by Google

40 червонныхъ, которая должна была свезти его на Мальтійскій островъ, стоять тамъ 15 дней и доставить обратно въ Неаполь. Плыли обыкновенно берегомъ на парусахъ или на веслахъ, смотря по вѣтру и погодѣ. Описаніе опять идетъ день за день и довольно однообразно: пришли къ такому-то городу, строеніе или фортеца каменная, стоитъ при морѣ, сады изрядные или гдѣ есть по берегу пашни и т. п. Однажды видѣли великую рыбу, что называется китъ, которая „долго плавала поверхъ воды и прыскала воду морскую вверхъ на многія сажени зѣло высоко. Величествомъ та рыба какъ великій насадъ (лодка), мѣрою саженъ 30 или больше въ длину и толста безмѣрно; а какъ играла поверхъ воды и хвостъ кверху подымала, тотъ ея хвостъ величествомъ подобенъ хороминѣ". Черезъ четыре дня приплыли ночью къ Сициліи, „гдѣ издалека увидѣли на одной башнѣ, которая построена на томъ цицилійскомъ берегу при самомъ морѣ, для сторожи, фонарь поставленъ высоко, и запалены въ немъ свѣчи для того, чтобъ желающіе къ цицилійскомъ острову ѣхать въ ночи по морю имѣли бъ правую себѣ дорогу, смотря тотъ фонарь". Въ Мессинѣ онъ пробылъ одинъ день, но довольно ее высмотрѣлъ, напр.: „Городъ Мисина на цицилійскомъ берегу первое мѣсто и зѣло велико, множество въ немъ домовъ предивнаго строенія, также много костеловъ и монастырей изрядныхъ, въ которыхъ живутъ законники и законницы разныхъ законовъ, а все одной римской вѣры". Онъ нашелъ, впрочемъ, двѣ греческихъ церкви. „Въ тѣхъ двухъ церквахъ самая греческая вѣра, а третья церковь уніатская во имя святителя Николая. Въ той церкви алтарь сдѣланъ подобіемъ какъ въ греческихъ церквахъ, а престолъ въ алтарѣ сдѣланъ подобіемъ римской церкви. Иконы писемъ греческихъ, и надъ престоломъ образъ Чудотворца Николая письма греческаго". Въ Мессинѣ живетъ вицерей или „наказной король"; городъ большой, каменный съ фортецами; дворянъ и честныхъ людей гишпанцевъ много, живутъ домами; честные люди ѣздятъ въ каретахъ, а марканты, т.-е. купцы, ходятъ пѣши, харчь не дорогъ. Затѣмъ они пришли къ Катаніи, потомъ къ Сиракузамъ. Отсюда надо было имъ пуститься въ открытое море къ Мальтѣ, и они уже встрѣтили здѣсь мальтійскія галеры. „Тѣ галеры ходя ищутъ того, гдѣ бъ могли наѣхать на турецкихъ людей и, ежели гдѣ найдутъ, тутъ съ ними бьются, буде имъ будетъ въ силу, въ какихъ бы судахъ турки ни были, для того, чтобъ изъ Цицилііи до Мальту, также изъ Мальту въ Цицилію проѣздъ былъ христіанамъ свободный; однакожъ въ тѣхъ мѣстахъ турковъ бываетъ всегда много въ

Digitized by Google

галіотахъ и въ галерахъ, и въ корабляхъ, и въ тартанталахъ, и въ фустахъ, и въ иныхъ судахъ; а паче много бываетъ турковъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ переѣзжаютъ отъ Цицилiи до Мальту, чрезъ море того мѣста есть отъ Цицилiи до Мальту 80 миль итальянскихъ".

На пути было не совсѣмъ безопасно отъ турокъ, но въ концѣ концовъ Толстой благополучно прибылъ въ Мальту. Это было 20-го іюля. На Мальту у него были опять рекомендательныя письма отъ одного мальтійскаго кавалера въ Неаполѣ. Въ тотъ же день онъ получилъ приглашеніе къ гранмейстеру мальтійскаго ордена. Конечно, онъ подробно описалъ палаты. „И домъ его великій, много на немъ палатъ строенія каменнаго изряднаго, и взошелъ къ нему въ палаты по круглой лѣстницѣ, которая сдѣлана предивнымъ мастерствомъ, и зѣло широка и просторна, и вверху передъ палатами стоитъ караулъ солдатъ человѣкъ съ 20. Потомъ пошелъ въ сѣни зѣло великія, изрядным мастерствомъ сдѣланы; въ тѣхъ сѣняхъ стоятъ гранмейстеровы кавалеры, т.-е. его домовые люди. Потомъ вошелъ въ палату зѣло великую, длинную; та палата будетъ сажень 15 трехаршинныхъ или больше, убрана изрядно, обита вся камками червчатыми изрядными, а поверхъ обою подъ подволоками убрана письмами итальянскими предивными. Въ той палатѣ сдѣлано у передней стѣны мѣсто гранмейстерово, и надъ тѣмъ мѣстомъ сдѣланъ балдахинъ изрядный". Гранмейстеръ принялъ его очень любезно: сначала въ первыхъ палатахъ встрѣтили Толстого мальтійскіе кавалеры и привѣтствовали изрядно, потомъ онъ вошелъ въ другую палату, „гранмейстеръ подступилъ ко мнѣ и, снявъ шляпу, кланялся мнѣ и говорилъ такъ: я-де себѣ почитаю за великое счастье, что ты-де, великаго государя человѣкъ, изъ великихъ краевъ пріѣхалъ видѣть охотою мое малое владѣтельство, сей Мальтійскій островъ. Также и я ему кланялся, благодарствовалъ за къ себѣ любовную пріемность и просилъ его о томъ, чтобъ онъ мнѣ далъ повольность на Мальтійскомъ острову смотрѣть всякихъ вещей, что̀ надлежитъ форестиру, т.-е. иноземцу, видѣть, на которое мое прошеніе съ охотою мнѣ позволеніе далъ". И Толстой, конечно, высмотрѣлъ все обстоятельно, и церкви римской вѣры съ преузорочнымъ живописнымъ итальянскимъ мастерствомъ, и фортецу, и оружейный дворъ, бельварды, загородные дома и т. д. Въ главной церкви онъ видѣлъ по обычаю всякія рѣдкія святыни, напр. образъ Спасовъ письма Луки евангелиста, руку Іоанна Предтечи, часть отъ руки св. Анны, матери Пресвятой Богородицы и т. д. Крѣпость была также

Digitized by Google

удивительна. „И той фортецы мастерства и крѣпостей никакими дѣлы именно описать въ скорости невозможно, для того, что умъ человѣческій скоро не обыметъ подлинно о томъ писать, какъ та фортеца построена; только объ ней напишу, что суть во всемъ свѣтѣ предивная вещь, и не боится та фортеца приходу непріятельскаго со множествомъ ратей кромѣ воли Божеской". Въ загородномъ дворцѣ гранмейстера его угостили богатымъ обѣдомъ, потомъ онъ гулялъ по роскошному саду съ фонтанами, устроенными предивнымъ мастерствомъ. При отъѣздѣ онъ получилъ отъ гранмейстера листъ, который свидѣтельствовалъ о пребываніи Толстого на Мальтійскомъ островѣ, причемъ упомянуто было и о встрѣчахъ съ кораблями невѣрныхъ турковъ. Въ заключеніе разсказа онъ сообщаетъ обстоятельныя свѣдѣнія объ островѣ, его жителяхъ и обычаяхъ.

На Мальтѣ онъ пробылъ съ недѣлю и затѣмъ опять отправился въ Сицилію. Плылъ берегомъ Сициліи и Калабріи и 5-го августа прибылъ въ Неаполь. Повидавшись здѣсь съ друзьями, онъ черезъ два дня выѣхалъ изъ Неаполя, нанявши фурмана до Венеціи, съ остановками въ Римѣ и Флоренціи, чтобы „видѣть всякія вещи, которыя потребно форестирамъ смотрѣть". На пути къ Риму идетъ опять подробное перечисленіе городовъ и „остарій", гдѣ онъ останавливался и ночевалъ; дорога была трудная, между прочимъ, и потому, что стояло жаркое время и его предостерегали отъ „злого воздуху". Съ приближеніемъ къ Риму онъ встрѣтилъ много полей съ пшеницей и сѣнокосами. „По тѣмъ же полямъ настроено много домовъ римскихъ сенаторей, подобно московскому обыкновенію загородныхъ дворовъ, только тѣ римскихъ сенаторей домы строенія все каменнаго изряднаго по препорціи. На тѣхъ же поляхъ есть знатно много и древнихъ лѣтъ строенія каменнаго, которое уже отъ многихъ лѣтъ развалилось".

Въ Римѣ Толстой пробылъ съ 13-го по 18-е августа и по обыкновенію употребилъ это время для внимательнаго осмотра всѣхъ достопримѣчательностей, добившись, между прочимъ, папскаго разрѣшенія видѣть всякія рѣдкія святыни; къ нему назначенъ былъ отъ римскаго воеводы на услугу одинъ дворянинъ съ каретою. Главнымъ интересомъ его были, конечно, церкви. На первый разъ онъ осмотрѣлъ уніатскую церковь, при чемъ описалъ богослуженіе, отмѣтивъ даже, что обѣдни чинили обыкновеніемъ греческимъ на квасномъ хлѣбѣ, имѣя едину просфору, на которой есть пять печатей. Осматривая святыни, онъ записываетъ легенды; при костелѣ, гдѣ лежатъ замурованныя мощи св. Алексѣя, человѣка Божія, онъ видѣлъ колодезь, изъ котораго св. Алек-

Digitized by Google

сей пилъ воду во время своей нищеты: „изъ того колодезя и я сподобился пить воду". За Тибромъ онъ „пріѣхалъ къ замку" (св. Ангела): „тотъ замокъ сдѣланъ изрядною крѣпостью древней работы, рвы имѣетъ около себя изрядные, такъ же и всякія крѣпости около того замку изрядныя". Храмъ св. Петра произвелъ на него большое впечатлѣніе. Онъ подробно описалъ площадь—изрядную, ровную и великую, сосчиталъ столбы, округло построенные около той площади (576), столбъ каменный по серединѣ площади, зѣло высокій и сдѣланный изряднымъ мастерствомъ, два фонтана великіе и изрядные и т. д. Самый храмъ онъ описалъ сначала только внѣшнимъ образомъ, потому что еще не имѣлъ папскаго позволенія видѣть его священныя рѣдкости. Описаніе состоитъ въ перечисленіи вещей, вызывавшихъ его одобреніе и удивленіе.

„Церковь св. апостола Петра зѣло велика, какой другой великостью на всемъ свѣтѣ нигдѣ не обрѣтается и предивнымъ мастерствомъ сдѣлана.. Передъ тою церковью сдѣланъ рундукъ превеликій, и такимъ предивнымъ мастерствомъ и препорціею тотъ рундукъ построенъ, что подробно его описать трудно. Съ того рундука входъ въ паперть, которая сдѣлана передъ той церковью зѣло велика и предивнымъ мастерствомъ устроена. Изъ той паперти въ ту церковь сдѣланы зѣло превеликія пятеры двери рядомъ, у которыхъ изрядные мѣдные литые затворы предивнымъ мастерствомъ сдѣланы. Въ той церкви превеликіе столбы, на которыхъ утверждены церковные своды.

„Между тѣхъ столбовъ подѣланы престолы по римскому обыкновенію предивнымъ мастерствомъ, и украшеніе въ той церкви изрядное. Посреди той великой церкви сдѣланъ алтарь римскій, надъ которымъ сдѣлана сѣнь на четырехъ столбахъ зѣло высокихъ. Та сѣнь и столбы устроены преудивительнымъ рѣзнымъ мастерствомъ, и на тѣхъ столбахъ поставлены по угламъ ангелы рѣзные дивною работою сдѣланы, и та сѣнь и столбы и ангелы всѣ вызолочены изрядно". За алтаремъ у стѣны церковной поставлена „та каѳедра, на которой сидѣлъ св. апостолъ Петръ, проповѣдуя святую во Христа вѣру и поучалъ народы. Та его каѳедра апостольская устроена изряднымъ мастерствомъ рѣзьбами золочеными. Подъ той каѳедрой поставлены образы литые мѣдные св. Василія Великаго, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и Августина святаго, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы; также и иныхъ образовъ рѣзныхъ изъ алебастру въ той великой церкви множество, изрядною работою сдѣланы...

„Та великая церковь изнутри вся сдѣлана изъ бѣлаго мра-

Digitized by Google

мору изрядным мастерством, и многія мѣста въ той церкви алебастровыя рѣзныя дивной работой устроены. Мостъ въ той церкви весь мраморовый изъ розныхъ мраморовъ собранъ предивной работою. Пѣсьма въ той церкви по стѣнамъ и сводамъ зѣло преудивительныя преславной итальянской живописной работы"...

Въ Ватиканскихъ садахъ онъ, кромѣ изряднаго огорода, деревъ и цвѣтовъ, посаженныхъ предивною препорціею, насмотрѣлся также множества преславныхъ фонтанъ. Затѣмъ ему посовѣтовали посмотрѣть еще Фрашкатъ (Фраскати), а также домъ римскаго князя Бургезо (Боргезе) и Панфилія. Въ первомъ „смотрѣлъ палатъ зѣло изрядныхъ и великихъ, въ которыхъ видѣлъ множество предивныхъ картинъ, писанныхъ преславною итальянскою живописною работою, и иныхъ уборовъ изрядныхъ въ тѣхъ палатахъ много; обитья кожъ золотыхъ, кроватей съ изрядными завѣсы и зеркалъ и шкатулъ изрядныхъ много жъ. Въ томъ же домѣ видѣлъ изрядныхъ фонтанъ, предивною работою устроенныхъ, много, и на палатахъ въ томъ домѣ устроены изрядныя гульбища, вымощены мелкими каменьи разныхъ цвѣтовъ изрядными узорами преудивительно. Также на тѣхъ палатахъ построены изрядные огороды и цвѣтники предивные, и фонтаны зѣло штуковатыя и предивныя на тѣхъ палатахъ подѣланы, изъ которыхъ великія и многія воды истекаютъ изрядно чистыя".

Но несравненно болѣе штуковатые фонтаны онъ видѣлъ въ домѣ князя Панфилія. „Тотъ его домъ изрядною архитектурой построенъ и зѣло великъ и житей множество. Въ тѣхъ палатахъ обоевъ стѣнныхъ много изрядныхъ и картинъ предивныхъ живописныхъ, также кроватей со изрядными завѣсами и всякихъ уборовъ изрядныхъ зѣло жъ много". Но всего удивительнѣе были фонтаны: „первая фонтана—вырѣзанъ левъ изъ камени, противъ его также изъ камени вырѣзанъ песъ и, когда отопрутъ воду, тогда левъ со псомъ учнутъ биться водою, и та вода отъ нихъ зѣло высоко брызжетъ, и около ихъ потекутъ вверхъ многіе источники водъ зѣло высоко". Подивилъ его глобусъ, на которомъ „воображены" небесныя планеты и звѣзды, и изъ того глобуса течетъ вода во всякую звѣзду зѣло прытко. „По правую сторону того помяненнаго глобуса сдѣланъ человѣкъ изъ камени, держитъ флейты и, когда пустятъ къ нему воду, тогда онъ на тѣхъ флейтахъ заиграетъ изрядные танцы зѣло громогласно... Потомъ сдѣланъ одинъ мужикъ изъ камени жъ, держитъ волынку, воднымъ же дѣйствомъ въ ту волынку играетъ. А какъ

Digitized by Google

тѣ воды всѣ вдругъ во всѣ фонтаны пустятъ, и тѣ воды гремятъ власно какъ бы въ барабаны били".

„И около тѣхъ фонтанъ многіе есть иныя фонтаны, которыя описать подробну трудно. Потомъ вошелъ я въ одни малыя сѣни каменныя, сдѣланныя при тѣхъ фонтанахъ, и въ тѣхъ сѣняхъ изъ своду и изъ помосту и изъ всѣхъ стѣнъ потекло водъ множество, отъ которыхъ не можетъ человѣкъ въ тѣхъ сѣняхъ укрытися никакими мѣрами, чтобы не обмоченъ былъ. Потомъ пришелъ въ одну палату, въ которой видѣлъ пречудныя вещи: первое, что та палата изнутри устроена предивными рѣзьбами и письмами преузорочными живописными подписана. Длиною та палата пяти сажень, а шириною трехъ сажень. Въ той палатѣ противъ дверей у стѣны сдѣлана гора высокая преславнымъ мастерствомъ. По той горѣ сидятъ десять дѣвицъ, вырѣзанныя изъ камени зѣло предивнымъ мастерствомъ и расписаны красками и золотомъ власно какъ живыя, а у каждой дѣвицы въ рукахъ флейты серебряныя. А за тою горою поставлены органы изрядные великіе. Передъ тою горою въ той же палатѣ поставленъ одинъ крыластый конь, сдѣланъ изъ алебастру преузорочною работою и, когда пустятъ воду, тогда заиграютъ органы, изрядные куранты, потомъ органы престанутъ, и заиграютъ тѣ вышеписанныя всѣ десять дѣвицъ на всѣхъ флейтахъ такъ изрядно, что уму человѣческому непостижимо". Между прочимъ его очень занимали фонтаны съ сюрпризами, которые обливаютъ гуляющихъ неожиданно. Въ домѣ одного римскаго же князя „подѣланы фонтаны въ воротахъ, которыми проходятъ въ сады дѣвицы римскія гулять и за потѣху тѣми фонтанами обливаются веселясь" и т. п. Наконецъ, получивши папское разрѣшеніе, а отчасти, кажется, и раньше того онъ насмотрѣлся въ разныхъ римскихъ церквахъ самыхъ удивительныхъ святынь. Такъ въ одномъ дѣвическомъ францисканскомъ монастырѣ, въ храмѣ „Санъ-Янъ-Латеранъ", церкви „Санта Марія Маіоръ" и другихъ, онъ видѣлъ подлинный нерукотворенный образъ, посланный Христомъ къ Авгарю, видѣлъ главу св. Іоанна Крестителя съ растворенными очами, потомъ видѣлъ другой нерукотворенный образъ, данный Христомъ св. Вероникѣ, копье, которымъ прободенъ былъ Христосъ на крестѣ, доску того стола, на которомъ Іисусъ Христосъ учинилъ Тайную вечерю, и т. п.; въ одной церкви подъ алтаремъ наглухо задѣланы тѣ ясли, которые были въ вертепѣ при Рождествѣ Христовѣ, и много иныхъ чудесъ. Осматривая во второй разъ церковь св. Петра, онъ поражался, кромѣ рѣдкихъ святынь, и всякими ея богатствами. „Богатства въ той великой

Digitized by Google

церкви, каменью узорочнаго, алмазовъ, яхонтовъ, и изумрудовъ, лаловъ въ всякомъ церковномъ строеніи, также жемчугу, золота, серебра и иныхъ всякихъ дорогихъ узорочныхъ вещей неудобьсказаемое множество, собрано отъ древнихъ лѣтъ папежами и самими кесарями римскими древними. Иконъ святыхъ предивныхъ греческихъ древнихъ писемъ множество, также и по стѣнамъ есть во многихъ мѣстахъ древнія греческія письма святыхъ иконъ".

Удивительныхъ рѣдкостей, опять фонтановъ съ сюрпризами и всякихъ предметовъ изъ естественной исторіи насмотрѣлся онъ въ домѣ одного римскаго князя. Наконецъ, видѣлъ онъ разные памятники классической древности. Подъ великою церковью, какъ называетъ онъ храмъ св. Петра, видѣлъ онъ „ретрату, т.-е. персону, высѣченную изъ бѣлаго камени, проклятаго мучителя Нерона, которая не токмо дѣломъ, и видѣніемъ подобится самому дьяволу". Въ домѣ одного римскаго князя „видѣлъ высѣченнаго изъ одного камени превеликаго быка предивною работою сдѣланнаго; также видѣлъ изъ камени высѣчены подобія древнія Геркулесу, Меркурія, Ахиллеса и иныхъ изрядною работою сдѣланы, а сказываютъ, что тѣ подобія древнихъ лѣтъ найдены въ землѣ". Въ заключеніе онъ помѣстилъ въ своемъ дневникѣ особое „описаніе Риму", гдѣ заключается топографическое описаніе города и обстоятельный разсказъ объ его достопримѣчательностяхъ; между прочимъ любопытно замѣчаніе: „Въ Римѣ говорятъ итальянскимъ языкомъ изрядно, чисто, многихъ итальянскихъ мѣстъ лучше".

Выѣхавъ изъ Рима 18-го августа, онъ тѣмъ же способомъ, какъ прежде, описываетъ путь до Флоренціи, куда пріѣхалъ 23-го. Здѣсь онъ пробылъ только одинъ день, но все-таки успѣлъ пересмотрѣть немало флорентинскихъ достопримѣчательностей и опять присоединилъ отдѣльное описаніе Флоренціи. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что „во Флоренціи народъ чистый и зѣло пріемный къ форестирамъ"; „подлый народъ во Флоренціи побоженъ, политиченъ и зѣло почитателенъ и правдивъ"; „во Флоренціи много мастеровъ изрядныхъ, живописцевъ изряднаго итальянскаго мастерства, которые изрядно пишутъ". Дальше слѣдуетъ „описаніе Болоніи". Изъ Болоньи онъ проѣхалъ въ Феррару, потомъ въ Падую, венецкой провинціи, и наконецъ 28-го августа прибылъ въ Венецію. Здѣсь онъ опять остановился надолго, и въ концѣ октября получилъ извѣстіе отъ Ѳ. А. Головина, что „указано всѣмъ стольникамъ, которые познали науку, быти къ Москвѣ изъ Венеціи и изъ Амстердама". Поэтому Толстой озаботился полу-

Digitized by Google

чить свидѣтельствованные листы отъ своихъ мастеровъ, т.-е. учителей; кромѣ того при отъѣздѣ онъ былъ и у венецкаго князя, который также выдалъ ему свидѣтельство объ его морскихъ плаваніяхъ и о томъ, что онъ долженъ считаться за мужа смѣлаго, разумнаго и способнаго. Изъ Венеціи онъ выѣхалъ 30-го октября на материкъ, и здѣсь нанялъ фурмана до Вѣны. Нѣсколько дней спустя онъ оставилъ свои возы, солдата и человѣка, потому что „нѣкоторая нужда“ заставила его спѣшить въ Вѣну: по осенней распутицѣ ѣхать быстро было нельзя и онъ, нанявъ верховую лошадь, поѣхалъ впередъ одинъ и только передъ Вѣной нанялъ коляску. Въ Вѣну онъ прибылъ 18-го ноября и выѣхалъ въ дальнѣйшій путь 30-го. Декабря 12-го онъ былъ въ первомъ польскомъ городѣ, въ Ченстоховѣ; 18-го онъ былъ въ Варшавѣ, гдѣ пробылъ съ недѣлю, затѣмъ снова отправился въ путь и, смѣнивъ телѣгу на сани, 15-го января 1699 года прибылъ въ Борисовъ. Здѣсь „былъ у образа Пресвятыя Богородицы, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и на томъ образѣ чернаго мѣста прибыло много предъ тѣмъ, какъ я видѣлъ тотъ самый образъ, ѣхавъ съ Москвы“. Наконецъ, послѣ безостановочной ѣзды онъ окончилъ свой путь 27-го января: „Пріѣхалъ обѣдать въ вотчину боярина князя Бориса Алексѣевича Голицына, въ село Вязему, отъ Можайска 60 верстъ. Того-жъ числа пріѣхалъ въ 3-мъ часу ночи въ царствующій градъ Москву въ домъ свой въ добромъ здоровьѣ, за что благодарилъ Всемилостиваго Господа Бога и Пресвятую Богородицу и угодниковъ Божіихъ, что изъ такъ далекихъ краевъ и изъ нужнаго странствія волею Божескою возвратился во отечество въ добромъ здоровьѣ“.

Мы остановились подробно на путешествіи Толстого, потому что, написанное болѣе обстоятельно, чѣмъ всѣ другія путешествія того времени, оно служитъ въ особенности типическимъ образчикомъ этой литературы, которая представляетъ именно отраженіе впечатлѣній русскихъ людей при первомъ знакомствѣ съ Западомъ. Нѣкогда, какъ мы говорили, европейскій Западъ возбуждалъ въ московскихъ людяхъ различныя и весьма неблагопріятныя чувства. Въ старину это было чувство крайняго отчужденія, потому что господствующимъ мотивомъ было религіозное отвращеніе къ латинству и инымъ ересямъ, которыми Западъ былъ преисполненъ: съ нимъ можно было сноситься въ политическихъ дѣлахъ только по крайней необходимости, какъ сносились и съ настоящими „погаными“—крымцами, турками, персіянами. Впо-

Digitized by Google

слѣдствіи, когда сама власть зазывала иностранцевъ, московскіе люди стали дивиться ихъ „хитростямъ", которыя для нихъ самихъ были недоступны,—но съ иноземцами все-таки надо было держаться очень осторожно, чтобы не заразиться чѣмъ-нибудь еретическимъ. Степень этихъ опасеній достаточно передаютъ приведенныя выше слова Котошихина... Впослѣдствіи, когда съ этимъ Западомъ познакомились ближе, онъ въ теченіе XVIII вѣка сталъ, наоборотъ, предметомъ всякаго рода увлеченій и подражаній: всѣмъ западнымъ восхищались и, сколько умѣли и могли понять, старались перенимать западные обычаи, изучать языки, копировать литературу, усвоивать кое-какія западныя понятія. Наши путешественники Петровскаго времени стоятъ какъ разъ на перепутьѣ между этими противоположностями, и на нихъ чрезвычайно любопытно наблюдать эту двойственность взглядовъ, когда старое еще болѣе или менѣе крѣпко держалось въ умахъ, а новое противъ воли захватывало своими богатыми поражающими впечатлѣніями. Правда, первый шагъ былъ сдѣланъ уже раньше: старый московскій человѣкъ долженъ былъ бы только открещиваться отъ всякихъ еретическихъ вещей, еслибы очутился вдругъ въ этой иноземной средѣ, но Петръ Великій уже нѣсколько приготовилъ нашихъ путешественниковъ своимъ приказомъ учиться у иноземцевъ, а кромѣ приказа и собственнымъ примѣромъ. Онъ не касался вопроса о томъ, какъ слѣдовало русскимъ относиться къ иноземнымъ обычаямъ, и просто указывалъ практическое дѣло,—они могли вѣдаться съ иноземными обычаями, какъ хотѣли; но во всякомъ случаѣ онъ рѣшительно отвергъ всякій страхъ, какимъ прежде одержимы были московскіе люди къ западному латинству, люторству и пр. и къ западному обычаю. Послѣ этого перваго шага долженъ былъ начаться собственный опытъ.

Эти десятки и сотни русскихъ людей, особливо изъ самаго высшаго круга, отправляясь на цѣлые годы за границу и для той науки (навигаціи), которая, быть можетъ, особенно должна была поставить ихъ въ соприкосновеніе съ разными сторонами и слоями западной жизни, — эти люди и должны были переживать тотъ психологическій процессъ, о которомъ мы выше упоминали. Самъ Петръ не навязывалъ имъ никакихъ новыхъ понятій: онъ требовалъ одного—усвоенія разныхъ чисто практическихъ знаній, которыя сами по себѣ могли не имѣть никакого отношенія къ старому обиходу ихъ понятій. Такимъ образомъ, если въ этихъ понятіяхъ стала происходить какая-нибудь перемѣна, если кромѣ техническихъ знаній эти московскіе люди усвои-

Digitized by Google

вали еще нѣчто иное, какія-нибудь другія знанія, бытовой обычай и т. п., это было уже ихъ доброю волей, совершенно свободнымъ ихъ дѣйствіемъ, простымъ результатомъ того, что расширялся кругъ познаній, начиналась новая работа мысли, дѣлалось сравненіе, являлось желаніе усвоить то, что казалось полезнымъ или завлекательнымъ. Если потомъ усвоеніе западнаго содержанія сопровождалось и фактами преувеличенной, „рабской" подражательности, очевидно, что здѣсь не была только такъ называемая измѣна старому обычаю, но обнаруживалась и слабость этого обычая, который не выдерживалъ сравненія и конкурренціи: рядомъ съ бытовой новизной стояла и новизна западныхъ знаній, которыя старому московскому быту были совсѣмъ невѣдомы и значеніе которыхъ было неотразимо.

Путешествіе Толстого по формѣ и содержанію является типическимъ выраженіемъ этого перелома. Новый міръ западной жизни раскрывался передъ нимъ постепенно, и естественной формой изложенія былъ дневникъ: авторъ не пытался и послѣ собрать свои впечатлѣнія во что-нибудь цѣлое; онѣ остались одиночными, какъ вѣроятно и въ дѣйствительности не были сведены у него въ какое-нибудь общее представленіе о западной жизни въ сравненіи съ московскою стариной. Но эта форма дневника была также форма традиціонная: такъ писались издавна старинныя путешествія, начиная съ хожденія къ св. мѣстамъ Даніила паломника и кончая статейными списками пословъ или записями дѣловыхъ людей. Таково было и первое путешествіе въ западную Европу, поѣздка во Флоренцію на соборъ, описанная суздальцемъ Симеономъ: путешествуя по Германіи, Симеонъ подобнымъ образомъ записывалъ день за день свои впечатлѣнія и также дивился нѣмецкимъ городамъ,—отмѣчая каждый разъ неизмѣнно: „городъ каменъ" (потому что дома привыкъ только къ городамъ деревяннымъ) и поражаясь всякими достопримѣчательностями (какихъ дома не видывалъ). Общимъ характеромъ впечатлѣній и самой записи, путешествіе Толстого примыкаетъ къ сказанію Симеона суздальца и къ статейнымъ спискамъ. Полная старина видна и въ томъ постоянномъ вниманіи, какое этотъ путешественникъ постоянно обращаетъ на вопросы вѣроисповѣданія. Проѣзжая западный край, онъ постоянно сосчитываетъ, сколько есть церквей католическихъ, сколько людей прямой греческой вѣры или уніатовъ, и отмѣтитъ особенности церковнаго устройства и богослуженія. Въ большихъ итальянскихъ городахъ, какъ Венеція и Римъ, или въ славянскихъ городахъ Далмаціи онъ отыщетъ греческія церкви, прослушаетъ обѣдню,

Digitized by Google

опять замѣтитъ, какъ держатъ себя въ церкви греки или славянскіе единовѣрцы, освѣдомится и укажетъ, откуда у послѣднихъ берутся церковныя книги, и т. д. Въ описаніи итальянскихъ городовъ, особливо Венеціи и Рима, онъ главнымъ образомъ и подробно описываетъ церкви и монастыри, и перечисляетъ въ цѣлыхъ спискахъ священныя достопримѣчательности, которыя онъ находилъ тамъ въ такомъ обиліи; перечисляетъ разныхъ „законниковъ“ и особенности ихъ орденовъ. Путешествіе Толстого было первымъ памятникомъ нашей литературы, гдѣ въ такомъ изобиліи были описаны эти священныя достопримѣчательности римской церкви, и при этомъ мы не замѣчаемъ у него какой-либо вражды или недовѣрія: его вѣра была полная и благочестіе удовлетворялось, хотя бы въ латинскомъ храмѣ; за невозможностью православнаго молебна, онъ самъ прочитываетъ акаѳистъ; въ Барѣ онъ принимаетъ отъ римскихъ монаховъ святое миро, исходящее отъ мощей Николая Чудотворца. Онъ былъ вполнѣ благочестивый московскій человѣкъ; но можно думать, что уже это обиліе святыни, находящейся въ католическихъ рукахъ, сглаживаетъ въ извѣстной степени обычную нетерпимость къ латинству: при этомъ богатствѣ святынь, сохраняемыхъ съ великимъ благоговѣніемъ, при этомъ богатствѣ самыхъ храмовъ, гдѣ благочестіе собрало безчисленныя украшенія изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней „предивнымъ мастерствомъ“,— что онъ даже считалъ невозможнымъ описать,—ему едва ли ли уже приходила мысль считать и называть это латинство „поганымъ“. Кромѣ того, въ этомъ латинствѣ онъ видѣлъ такія вещи, какихъ въ московскомъ государствѣ не бывало: при монастыряхъ бывали нерѣдко громадные госпитали, гдѣ всякихъ больныхъ лечили и покоили даромъ „ради Христа“, и не разъ онъ видѣлъ въ Италіи, что за больными ухаживали „честные люди“, т.-е. богатые и знатные, для исполненія христіанскаго долга братолюбія. Въ католическомъ мальтійскомъ орденѣ онъ видѣлъ необычайный примѣръ полу-монашескаго рыцарства, посвятившаго себя борьбѣ съ невѣрными, тѣми самыми врагами Христа, противъ которыхъ вѣками боролся и русскій народъ.

Путешественникъ наблюдалъ потомъ иноземные нравы, и здѣсь на каждомъ шагу онъ видѣлъ много обычаевъ, несходныхъ съ московскими. Онъ былъ человѣкъ наблюдательный и замѣтилъ много такихъ особенностей. Московскій человѣкъ сказался въ его пренебрежительномъ отношеніи къ польскимъ политическимъ обычаямъ и, говоря объ нихъ, онъ измѣнилъ даже своему обычному хладнокровію. Въ описаніи западныхъ обычаевъ онъ обыкновенно

Digitized by Google

только отмѣчаетъ фактъ, не сопровождая его своимъ мнѣніемъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно предполагать, что онъ ничего не имѣетъ противъ этихъ обычаевъ, даже одобряетъ ихъ, считаетъ ихъ весьма разумными, а когда онъ описываетъ свободу общественной жизни въ Венеціи, едва ли ему не представлялись, какъ противоположность, тяжелые обычаи московскіе. Онъ съ несомнѣннымъ одобреніемъ отмѣчаетъ, что въ итальянскомъ судѣ „говорятъ чинно, съ великою учтивостью, а не крикомъ"; что итальянцы, даже подлый народъ, люди добрые, политичные и привѣтные, и женскій народъ также политичны и изрядны и т. д.

Внѣшняя культура западной жизни его поражала. Онъ подробно описываетъ великолѣпные храмы, дома, общественныя учрежденія, крѣпости, сады, „огороды", фонтаны; удивляется богатству и особливо „предивному мастерству" во всякихъ работахъ, замѣчаетъ „препорцію". Онъ понимаетъ, конечно, что „предивное мастерство" было слѣдствіемъ ученія. Онъ видалъ университеты и высшія школы, гдѣ учатъ „до философіи и теологіи и математицкимъ наукамъ" или дохтурскому искусству, но говоритъ объ этомъ, конечно, только внѣшнимъ образомъ. Къ этимъ наукамъ онъ, безъ сомнѣнія, относился съ уваженіемъ и счелъ нужнымъ разсказать объ ученыхъ обычаяхъ высшихъ итальянскихъ школъ.

Очень характерно, наконецъ, его отношеніе къ искусствамъ. Его не однажды поражали „письма" итальянскихъ мастеровъ; нѣкоторыя изображенія казались ему точно живыми; онъ смотрѣлъ ихъ съ удовольствіемъ, и нерѣдко не находилъ словъ для восхваленія картинъ и скульптуры, разнаго „преузорочнаго мастерства", которое „уму человѣческому непостижимо", котораго „подлинно описать" невозможно. Но скульптуры древнія приводили его въ недоумѣніе: изображенія изъ античной миѳологіи кажутся ему только поганскими идолами, для Нерона онъ находитъ мѣсто только въ пеклѣ, хотя иногда и здѣсь признавалъ изрядное мастерство. Его отзывы о памятникахъ искусства, когда они ему нравились, состоятъ только въ одобрительныхъ эпитетахъ, и слово „изрядный" въ такихъ случаяхъ находится почти на каждой строкѣ.

Такимъ образомъ на первый разъ западная культура, наука, искусство поражали нашего путешественника своимъ внѣшнимъ богатствомъ: онъ поддается впечатлѣніямъ невиданнаго блеска или практической пользы; ему еще не приходитъ на мысль сравненіе или необходимость этихъ знаній и искусствъ для своего

Digitized by Google

отечества: приходилось пока только удивляться. Но одинъ важный результатъ былъ уже пріобрѣтенъ. Старая нетерпимость къ латинскому, или все равно люторскому, Западу была подорвана однимъ первымъ знакомствомъ съ его жизнью; съ другой стороны, пріобрѣтено было великое уваженіе къ западному знанію и искусству, которыя были не подозрительною „хитростью", а плодомъ ума, ученія и трудолюбія.

По преданію, Петръ Андреевичъ Толстой былъ замѣшанъ въ стрѣлецкихъ бунтахъ, и былъ уже не первой молодости, былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, когда самъ вызвался на путешествія, какъ думаютъ, желая выслужиться передъ царемъ. Петръ умѣлъ оцѣнить его, хотя, видимо, помнилъ его прошедшее: однажды Петръ сказалъ ему: „Голова! голова! кабы не такъ умна ты была, давнобъ я отрубить тебя велѣлъ". Уже вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, въ 1702, Петръ отправилъ Толстого посломъ въ Константинополь, гдѣ во время дипломатическихъ разрывовъ и войнъ съ Россіею онъ два раза сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ; онъ вернулся въ Россію въ 1714. Черезъ два года онъ поѣхалъ съ Петромъ въ Голландію; въ слѣдующемъ году Петръ послалъ его и Румянцова въ Вѣну съ требованіемъ выдачи царевича Алексѣя Петровича; въ началѣ 1718 года онъ и Румянцовъ вывезли царевича въ Москву, затѣмъ Толстой участвовалъ въ допросахъ; подпись его стоитъ на смертномъ приговорѣ. Въ день коронованія Екатерины, 1724, онъ былъ сдѣланъ графомъ, а по смерти Петра былъ однимъ изъ немногихъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта. Опасаясь замысловъ Меншикова, онъ думалъ подорвать его значеніе при Екатеринѣ, но замыселъ открылся, и Толстой былъ лишенъ чиновъ и имѣнія и сосланъ въ Соловецкій монастырь: Екатерина только за нѣсколько часовъ до своей смерти подписала этотъ приговоръ, и Толстой умеръ въ ссылкѣ.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

КАРЛЪ МАРКСЪ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

II *).

Для русскихъ читателей былъ важенъ въ книгѣ Маркса не столько теоретическій анализъ хозяйственныхъ явленій и понятій, сколько разборъ историческихъ условій появленія и торжества „капиталистическаго способа производства". Чисто-теоретическая часть ученія почти не вызывала споровъ въ передовой части нашей журналистики; его трудовая теорія цѣнности и прибыли была принята безпрекословно уже потому, что она—трудовая, и что она тѣсно связана съ доктринами классической англійской школы, составляющей какъ бы послѣднюю инстанцію въ экономической наукѣ.

Въ упомянутой нами статьѣ противъ г. Ю. Жуковскаго, г. Н. Михайловскій ставилъ ему въ вину умолчаніе о „положеніи Маркса среди экономистовъ" и о связи его со школой Рикардо, такъ какъ это умолчаніе „лишаетъ читателя возможности оцѣнить, до какой степени многія положенія Маркса стоятъ прочно, до какой степени они научны, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ выводовъ". Эта увѣренность въ научной прочности многихъ положеній Маркса основана, конечно, на недоразумѣніи. Какъ экономистъ-теоретикъ,

*) См. выше: августъ, стр. 765.

Digitized by Google

Маркс является въ сущности метафизикомъ и софистомъ; его абстракціи, не извлекаемыя изъ міра явленій, а противополагаемыя ему, имѣютъ очень мало общаго съ точнымъ реальнымъ анализомъ Рикардо. Послѣдній строитъ свои разсужденія на общеизвѣстныхъ типическихъ фактахъ, на житейскихъ наблюденіяхъ и обобщеніяхъ, доступныхъ провѣркѣ; а „законы цѣнности" Маркса изображаютъ собою рядъ неясныхъ отвлеченностей и вымысловъ, діаметрально и притомъ завѣдомо противоположныхъ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, эта слабѣйшая часть ученія Маркса, отвергаемая большинствомъ западно-европейскихъ экономистовъ, упорно считается у насъ почему-то наиболѣе авторитетною, окончательно вошедшею будто бы въ науку и не требующею уже критической провѣрки. Г. Михайловскій допускалъ критику и даже признавалъ ея необходимость относительно другой стороны ученія — исторической. Марксъ, — говоритъ онъ, — принадлежитъ „къ числу тяжеловѣснѣйшихъ современныхъ авторитетовъ, способныхъ даже гнетущимъ образомъ дѣйствовать на читателя". „Рѣдкая логическая сила и громадная эрудиція, признаваемыя даже рѣшительными его противниками, могутъ побудить къ принятію безъ критики и такихъ его положеній, передъ которыми отнюдь не полагается отворять настежь ворота". Въ поясненіе своей мысли, г. Михайловскій ссылается на шестую главу „Капитала", гдѣ говорится о „такъ называемомъ первоначальномъ накопленіи". Здѣсь, — продолжаетъ онъ, — „Марксъ имѣлъ въ виду историческій очеркъ первыхъ шаговъ капиталистическаго процесса производства, но далъ нѣчто гораздо большее — цѣлую философско-историческую теорію. Она очень любопытна вообще, очень любопытна для насъ, русскихъ, въ особенности". Приведя вкратцѣ содержаніе этой главы, г. Михайловскій высказываетъ слѣдующія замѣчанія:

„Вотъ въ сжатомъ видѣ философско-историческій взглядъ Маркса. Онъ отнюдь не случайно имъ высказанъ въ главѣ о „первоначальномъ накопленіи" и подкрѣпляется множествомъ мѣстъ въ огромномъ томѣ „Капитала", а равно и въ другихъ сочиненіяхъ Маркса. Представимъ себѣ теперь русскаго человѣка, который увѣровалъ бы въ истинность этой исторической теоріи. Случай очень возможный, такъ какъ Марксъ и общей своей научной физіономіей способенъ внушить безграничное довѣріе, и въ частности приведенная его историческая теорія обставлена въ фактическомъ отношеніи съ большою роскошью, а въ отношеніи логическомъ представляетъ во всякомъ случаѣ нѣчто стройное, цѣльное, а потому соблазнительное. Такой русскій

Digitized by Google

человѣкъ, если только онъ живетъ не исключительно головой, не относится безучастно къ практикѣ жизни, окажется въ чрезвычайно странномъ и трудномъ положеніи. Тотъ обоюдоострый, страшный и вмѣстѣ благодѣтельный, непреоборимый процессъ „обобществленія“ труда или, вѣрнѣе, та форма обобществленія, которую излагаетъ Марксъ, у насъ на святой Руси очень мало подвинулась впередъ. Крестьянинъ нашъ далеко не въ такой мѣрѣ „свободенъ“ отъ земли и орудій производства, въ какой это необходимо для пышнаго развитія капиталистическаго производства. Напротивъ, несмотря на его печальное положеніе какъ земледѣльца и землевладѣльца, многія обстоятельства даже помимо его собственныхъ инстинктовъ держатъ его у земли. Съ другой стороны, капиталы наши представляютъ въ сравненіи съ европейскими нѣчто крайне мизерное. Слѣдовательно, намъ предстоитъ еще пройти вслѣдъ за Европой весь тотъ процессъ, который описалъ и возвелъ на степень философско-исторической теоріи Марксъ. Разница однако въ томъ, что намъ придется повторить процессъ, т.-е. совершить его сознательно. По крайней мѣрѣ, его долженъ сознавать тотъ русскій человѣкъ, который увѣровалъ въ непреложность исторической теоріи Маркса. Марксъ не скрываетъ, конечно, тяжелыхъ и возмутительныхъ сторонъ процесса. Напротивъ, онъ ставитъ ихъ, что называется, ребромъ. Считаю нелишнимъ привести здѣсь слѣдующую его желчную выходку: „Если на европейскомъ континентѣ вліяніе капиталистическаго производства, которое подкапывается подъ человѣческую расу посредствомъ чрезмѣрнаго труда, дѣленія труда, подчиненія его машинамъ, калѣченія незрѣлыхъ и женскихъ организмовъ, дурной жизни и т. п., будетъ развиваться, какъ это было до сихъ поръ, рука объ руку съ конкурренціею en grand на поприщѣ народной солдатчины, государственныхъ долговъ, налоговъ, изящнаго веденія войны и т. п., то все это можетъ сдѣлать наконецъ неизбѣжнымъ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкою, о чемъ такъ ревностно пророчествуетъ полурусскій и вполнѣ „московитъ“ Герценъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ беллетристъ сдѣлалъ свое открытіе „русскаго“ коммунизма не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстгаузена“. Не входя въ подробности этой выходки, въ эти „кнуты“ и „калмыцкую“ кровь, уже изъ общаго ея тона не трудно видѣть, какъ долженъ съ своей точки зрѣнія относиться Марксъ къ попыткамъ русскихъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, которымъ шла и идетъ

Digitized by Google

западная Европа, къ попыткамъ, для которыхъ, какъ это уже много разъ доказывалось, вовсе нѣтъ надобности быть славянофиломъ или мистически вѣровать въ особыя высокія качества національнаго русскаго духа: надо только извлекать уроки изъ европейской исторіи. Однако, изъ той же выходки Маркса можно усмотрѣть, до какой степени трудно обойтись намъ безъ подобныхъ попытокъ. Въ самомъ дѣлѣ, русскому народу и безъ того выпала слишкомъ нелегкая доля, чтобы набавлять еще къ этому итогу указываемые Марксомъ способы „подкапыванія подъ человѣческую расу". Выходка Маркса, разумѣется,—чисто-ироническая. Онъ вполнѣ увѣренъ, что для обновленія Европы не понадобятся никакія постороннія средства, ибо къ обновленію ее приведетъ внутренній процессъ ея собственнаго развитія путемъ обобществленія труда. И ему хорошо иронизировать, когда значительная и тягчайшая часть этого процесса уже совершилась, но вѣдь мы въ иномъ совсѣмъ положеніи. Всѣ эти „калѣченія незрѣлыхъ и женскихъ организмовъ" и проч. намъ еще предстоятъ, и мы съ точки зрѣнія исторической теоріи Маркса не только не должны протестовать противъ этихъ калѣченій, что значило бы прать противъ рожна, но даже радоваться имъ, какъ необходимымъ, хотя и крутымъ ступенямъ, ведущимъ въ храмъ счастія. Трудно вмѣстить въ себѣ такое противорѣчіе, которое терзало бы душу русскаго ученика Маркса на каждомъ шагу въ томъ или другомъ частномъ приложеніи. Ему предстоитъ развѣ роль наблюдателя, съ безстрастіемъ Пимена заносящаго въ лѣтопись факты обоюдоострaго прогресса. Принимать же въ немъ активное участіе онъ не можетъ. Для мерзостной стороны процесса онъ совсѣмъ не годится, а всякая дѣятельность, соотвѣтствующая его нравственнымъ требованіямъ, только задержитъ, затянетъ прогрессъ. Идеалъ его, если онъ ученикъ Маркса, состоитъ между прочимъ въ совпаденіи труда и собственности, въ принадлежности рабочему земли и орудій и средствъ производства. Но въ то же время, если онъ ученикъ Маркса со стороны философско-историческаго взгляда послѣдняго, онъ долженъ радоваться разлученію труда и собственности, расторженію связи между работникомъ и условіями производства, какъ первымъ шагамъ необходимаго и въ концѣ концовъ благодѣтельнаго процесса. Онъ долженъ слѣдовательно привѣтствовать ниспроверженіе зачатковъ собственнаго идеала. Конечно, такое столкновеніе нравственнаго чувства съ историческою необходимостью должно разрѣшиться въ пользу необходимости. У иного нравственное чувство можетъ и противъ смерти возмущаться, но вѣдь

Digitized by Google

придетъ время, и онъ со всѣмъ своимъ нравственнымъ протестомъ уляжется въ такой же гробъ, въ какихъ лежатъ и никогда не протестовавшіе. Но дѣло въ томъ, что надо же доподлинно знать, что историческій процессъ дѣйствительно неизбѣжно таковъ, какимъ его рисуетъ Марксъ. Мы сейчасъ увидимъ, какія поправки къ теоріи можно заимствовать у самого Маркса. Но ясно во всякомъ случаѣ, что мы должны семь разъ подумать прежде, чѣмъ одинъ разъ отрѣзать себѣ всѣ пути, кромѣ указаннаго нѣмецкимъ экономистомъ. Нужна, словомъ, критика". Въ другомъ мѣстѣ, сославшись на изреченіе Маркса, что „одна нація можетъ и должна учиться у другой", авторъ указываетъ на тѣ уроки, какіе мы можемъ извлечь изъ исторіи развитія экономическихъ отношеній въ Англіи. „Имѣя въ виду свое отечество, Германію, Марксъ съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ англійскому фабричному законодательству, т.-е. къ тому, насколько въ Англіи подвинулся вопросъ о правительственномъ вмѣшательствѣ въ регулированіе рабочаго дня, женскаго и дѣтскаго труда и проч. Здѣсь именно лежатъ тѣ поправки къ фатальной непреклонности историческаго процесса, которыя могутъ быть заимствованы у самого Маркса. Фабричное законодательство, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, направлено къ огражденію рабочаго населенія отъ калѣченія и къ доставленію ему возможности безпрепятственно развивать свои человѣческія способности. Слѣдовательно, возможно до извѣстной степени смягчить непреклонность процесса; возможно и должно, какъ образно выражается Марксъ, облегчить муки родовъ. Но для насъ, очевидно, и этихъ смягченій мало, ибо, какъ ни желательно у насъ развитіе и извѣстное направленіе фабричнаго законодательства, оно можетъ охватить лишь очень малое сравнительно число народа, а потому необходимо изысканіе путей для болѣе непосредственнаго обхода среднихъ стадій описаннаго Марксомъ процесса" [1]).

Мы привели эту длинную цитату потому, что въ ней рисуется цѣлое міросозерцаніе, послужившее источникомъ нѣкоторыхъ любопытнѣйшихъ явленій среди нашей „интеллигенціи". Книга Маркса, касающаяся почти исключительно англійской промышленной жизни, должна была будто бы опредѣлить судьбу русскаго народнаго хозяйства, о которомъ она вообще не говоритъ ни слова. До появленія „Капитала", мы не знали и не могли знать, по какому пути направляется и должна направ-

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II (Спб., 1888), стр. 334—356.

Digitized by Google

ляться экономическая жизнь Россіи; но, познакомившись съ историческимъ ходомъ развитія англійской крупной промышленности по книгѣ Маркса, русскій человѣкъ, изображаемый г. Михайловскимъ, впервые получаетъ матеріалъ для рѣшенія вопроса объ экономической будущности своего отечества: онъ долженъ или заранѣе примириться съ ужасной перспективою обезземеленія крестьянъ, калѣченія человѣческихъ организмовъ, вырожденія расы и т. п. во имя неизбѣжнаго торжества русскаго капитализма, или безплодно бороться противъ судьбы, назначенной намъ англійскою промышленною исторіею. Впрочемъ, г. Михайловскій утѣшаетъ читателя указаніемъ на то, что даже по Марксу можно обойтись безъ калѣченія организмовъ и вырожденія расы, благодаря фабричному законодательству, и что эта „поправка" къ теоріи значительно смягчаетъ „муки родовъ"; но что было бы, еслибы у Маркса не нашлось этой поправки и еслибы онъ вовсе не упомянулъ объ англійскихъ фабричныхъ законахъ! Отъ чего, подумаешь, зависитъ иногда судьба народовъ! Злосчастный русскій человѣкъ живетъ какъ будто въ пустомъ пространствѣ, которое можетъ наполнить только авторитетная заграничная теорія; русская экономическая дѣйствительность есть какая-то tabula rasa, не имѣющая ни прошлаго, ни настоящаго, и ожидающая опредѣленія своего будущаго отъ доктрины, построенной на англійскомъ матеріалѣ. Сами англичане, которыхъ ближе всего касается книга Маркса, мало интересуются его выводами; англійскіе экономисты „смѣются надъ его „научными пророчествами", какъ надъ простымъ бредомъ", по выраженію покойнаго Арнольда Тойнби,—а русская интеллигенція считается способною изъ трактата, не касающагося Россіи, почерпать свѣдѣнія о будущемъ ходѣ ея экономическаго развитія.

Г. Михайловскій замѣчательно вѣрно угадалъ настроеніе многихъ русскихъ людей, просвѣтившихъ свой умъ „Капиталомъ" Маркса; и хотя онъ не раздѣляетъ убѣжденія въ истинности его исторической теоріи, но признаетъ вполнѣ законными тѣ выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ нея учениками и послѣдователями Маркса. Если обобщенія послѣдняго въ самомъ дѣлѣ строго-научны, то, по мнѣнію г. Михайловскаго, изъ нихъ непремѣнно вытекаетъ для русскаго человѣка мучительная, жестокая дилемма, о которой сказано выше. Въ этомъ случаѣ г. Михайловскій сильно погрѣшилъ противъ научной логики. Самая вѣрная философско-историческая теорія не можетъ дать болѣе того, что даетъ всякій научный законъ явленій,—а нѣтъ такого научнаго закона, который предсказывалъ бы будущее внѣ зависимости отъ

Digitized by Google

извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ условій. Гдѣ недостаетъ необходимыхъ условій, тамъ не возникнутъ и зависящія отъ нихъ явленія; при перемѣнѣ условій мѣняется или исчезаетъ дѣйствіе „закона". Философско-историческая теорія, какъ бы истинна она ни была, не устанавливаетъ и не можетъ устанавливать общей формулы развитія для народовъ, находящихся въ неодинаковыхъ условіяхъ существованія; еще менѣе можетъ она обязывать людей пассивно подчиняться неблагопріятнымъ общественнымъ фактамъ въ силу ихъ научной непреложности и неизбѣжности, — точно такъ же, какъ, напр., естественные законы электричества нисколько не обязываютъ людей мириться съ ударами молній, а напротивъ, даютъ цѣлесообразные способы для предупрежденія ихъ пагубныхъ дѣйствій. Коснувшись исторической теоріи Маркса, г. Михайловскій не замѣтилъ принципіальной ошибки, лежащей въ основѣ его обобщеній; поставивъ же вопросъ о значеніи этой теоріи для Россіи, онъ долженъ былъ бы прежде всего указать на огромныя фактическія различія между нашимъ отечествомъ и западно-европейскими государствами, съ Англіею во главѣ (начиная хотя бы съ существованія у насъ многомилліоннаго земледѣльческаго населенія, котораго не могла бы отвлечь отъ земли и занять другой работой соединенная крупная промышленность всего міра),—различія, исключающія всякую мысль о примѣнимости у насъ выводовъ, сдѣланныхъ преимущественно на основаніи англійскихъ промышленныхъ наблюденій и историческихъ данныхъ. Вмѣсто того, г. Михайловскій предположилъ, что историческая теорія Маркса—если она истинна—безусловно обязательна для Россіи, и этимъ онъ далъ теоретическое оправданіе русскому марксизму, противъ котораго возставалъ впослѣдствіи.

Когда появилась статья г. Михайловскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ", существовало уже второе нѣмецкое изданіе „Капитала" (1872 г.), въ которомъ обнаруживается, между прочимъ, особый интересъ къ Россіи и къ русской экономической литературѣ: выходка противъ Герцена, русскихъ „калмыковъ" и кнутовъ исчезла; авторъ съ похвалою отзывается о диссертаціи Зибера, называетъ Чернышевскаго „великимъ ученымъ" и приводитъ выдержки изъ замѣтки о „Капиталѣ" И. И. К—на въ „Вѣстникѣ Европы". Марксъ поддерживалъ уже извѣстныя отношенія съ своими русскими поклонниками и дорожилъ популярностью своего ученія въ русскомъ (недавно еще „калмыцкомъ" для него) обществѣ; поэтому, узнавъ о толкованіи, которому подверглась его историческая теорія въ популярнѣйшемъ русскомъ журналѣ, — толкованіи, способномъ оттолкнуть отъ его

Digitized by Google

книги многихъ русскихъ читателей,—онъ счелъ долгомъ „объяснить“ свой взглядъ въ письмѣ къ редактору „Отечественныхъ Записокъ“. Письмо не было напечатано въ свое время или даже вовсе не было отправлено по адресу,—быть можетъ потому, что Марксъ успѣлъ убѣдиться въ ошибочности своихъ опасеній; оно появилось у насъ въ печати только въ 1888 году, послѣ смерти автора. Марксъ въ этомъ письмѣ опровергаетъ приписываемое ему недружелюбное отношеніе къ приверженцамъ русской общины, отрекается отъ своихъ словъ объ идеяхъ Герцена и доказываетъ совершенную невинность своей исторической теоріи съ точки зрѣнія русскихъ экономическихъ идеаловъ. Онъ не говоритъ прямо, что его философско-историческая теорія, какъ и всякая другая, опредѣляетъ только причинную связь изслѣдованныхъ явленій и ничего не рѣшаетъ относительно предметовъ, не затронутыхъ ею (какъ въ данномъ случаѣ относительно русскаго народнаго хозяйства); онъ, разумѣется, не могъ заявить откровенно, что придалъ своимъ выводамъ всеобщую обязательность вслѣдствіе своего пристрастія къ широкимъ обобщеніямъ въ духѣ гегелевской философіи и что русскій критикъ напрасно понялъ эту обязательность въ буквальномъ смыслѣ, вопреки здравой научной логикѣ; онъ утверждаетъ лишь, что его философско-историческая теорія вовсе не имѣетъ значенія философско-исторической теоріи, которой фатально должны подчиниться всѣ народы, независимо отъ своихъ разнородныхъ историческихъ условій. Изъ нѣкоторыхъ намековъ Маркса можно вывести заключеніе, что такая теорія, на его взглядъ, вообще невозможна; но онъ не высказываетъ этого положительно. По всему видно, что онъ не задавался мыслью дѣйствительно разъяснить свои историко-философскія воззрѣнія, а имѣлъ только чисто-практическую цѣль—успокоить своихъ русскихъ читателей и послѣдователей насчетъ возможныхъ послѣдствій принятія и распространенія его доктрины среди русской интеллигенціи. Хотя письмо Маркса много разъ уже упоминалось и цитировалось въ нашей журналистикѣ, но мы считаемъ нелишнимъ привести его здѣсь цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ оно напечатано было однимъ изъ его русскихъ поклонниковъ [1]).

„Авторъ статьи: „Карлъ Марксъ предъ судомъ г. Ю. Жуковскаго“,—человѣкъ, очевидно, умный, и найди онъ въ моемъ изложеніи „первоначальнаго накопленія“ хотя что-нибудь, подтверждающее его выводы, онъ конечно привелъ бы такое мѣсто.

[1]) Юридическій Вѣстникъ, 1888, кн. 10, стр. 270—8.

Digitized by Google

За неимѣніемъ чего-либо подобнаго, онъ былъ вынужденъ удовольствоваться небольшою вставкою (hors d'oeuvre), полемическою выходкою противъ русскаго „беллетриста“ (Герцена), помѣщенною въ примѣчаніи къ первому нѣмецкому изданію „Капитала“. Въ чемъ же я упрекаю этого писателя? Въ томъ, что онъ сдѣлалъ открытіе „русскаго коммунизма“ не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстаузена, и что въ его рукахъ русская община служитъ только доводомъ для доказательства того, что гнилая старуха Европа должна быть возрождена побѣдою панславизма. Моя оцѣнка этого писателя можетъ быть справедливою, можетъ быть и ложною, но ни въ какомъ случаѣ она не даетъ ключа къ моимъ воззрѣніямъ на усилія „русскихъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, которымъ шла и идетъ западная Европа“. Въ послѣсловіи ко второму нѣмецкому изданію „Капитала“ я говорю о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ“ съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ, какого онъ заслуживаетъ. Ученый этотъ (Чернышевскій) въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ изслѣдовалъ вопросъ, должна ли Россія, чтобы перейти къ капиталистическому строю, начать съ уничтоженія поземельной общины, какъ того добиваются либеральные экономисты, или же наоборотъ, она можетъ, не претерпѣвая всѣхъ мученій этого строя, усвоить всѣ плоды его, развивая собственныя историческія данныя. Онъ высказывается въ смыслѣ послѣдняго рѣшенія. И мой почтенный критикъ имѣлъ по меньшей мѣрѣ столько же основанія изъ моего уваженія къ этому „великому ученому и критику“ вывести заключеніе, что я раздѣляю взгляды послѣдняго на этотъ вопросъ, какъ и наоборотъ, изъ моей полемической выходки противъ русскаго „беллетриста“ и панслависта сдѣлать выводъ, что я ихъ отвергаю. Наконецъ, такъ какъ я не люблю оставлять „quelque chose à deviner“, то выскажусь безъ обиняковъ. Чтобы имѣть возможность судить съ знаніемъ дѣла объ экономическомъ развитіи современной Россіи, я выучился по-русски и затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету. Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 года, то она лишится самаго прекраснаго случая, который когда-либо представляла народу исторія, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя.

„Въ главѣ о „первоначальномъ накопленіи“ я только имѣлъ намѣреніе прослѣдить тотъ путь, которымъ въ западной Европѣ

Digitized by Google

экономическій капиталистическій строй вышелъ изъ нѣдръ экономическаго феодальнаго строя. А путь этотъ велъ къ тому, чтобы разъединить производителя отъ его средствъ производства, обращая перваго въ наемника (пролетарія въ современномъ смыслѣ этого слова), а послѣднія—въ капиталъ. Въ этой исторіи „составляетъ эпоху всякій переворотъ, который служитъ средствомъ подвинуть впередъ формированіе капиталистическаго класса. Но основою всего процесса служитъ экспропріація земледѣльцевъ". Въ концѣ главы я разсматриваю историческое направленіе (tendance) капиталистическаго накопленія и утверждаю, что его послѣднее слово — преобразованіе капиталистической собственности въ общественную. Въ этомъ мѣстѣ я не приводилъ никакихъ доказательствъ этого положенія, по той простой причинѣ, что само это положеніе есть не болѣе какъ краткое резюме длиннаго ряда данныхъ, уже разобранныхъ въ главѣ о капиталистическомъ производствѣ.

„Теперь спрашивается, какое же приложеніе къ Россіи можетъ извлечь мой критикъ изъ моего краткаго историческаго очерка? Только слѣдующее: если Россія стремится стать націей капиталистическою по образцу западно-европейскихъ націй,—а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда,—она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная разъ на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть безжалостныхъ законовъ, какъ и всякая другая непосвященная (profane) нація. Вотъ и все. Но этого слишкомъ мало для моего критика. Ему непремѣнно надо преобразовать мой очеркъ происхожденія капитализма въ западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, въ теорію, которой фатально должны подчиниться всѣ народы, каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся, чтобы въ концѣ концовъ придти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка. Но прошу у него извиненія. Это значитъ дѣлать мнѣ много чести и въ то же время много безчестія (honte). Возьмемъ примѣръ. Въ различныхъ мѣстахъ „Капитала" я дѣлаю намеки на судьбу плебеевъ древняго Рима. Въ началѣ это были свободные крестьяне, обработывавшіе для себя свои собственные участки земли. Въ теченіе римской исторіи они были экспропріированы. То же движеніе, которое разъединило связь ихъ съ принадлежавшими имъ средствами про-

Digitized by Google

изводства и существованія, предполагаетъ не только образованіе крупной поземельной собственности, но также крупныхъ денежныхъ капиталовъ. И такъ, въ одно прекрасное утро появились съ одной стороны свободные люди, лишенные всего, кромѣ ихъ рабочей силы, а съ другой—для эксплуатаціи этого труда—владѣльцы всѣхъ пріобрѣтенныхъ богатствъ. Что же произошло? Римскіе пролетаріи стали не наемными рабочими, но праздно-любивою чернью, „mob", болѣе низкою, чѣмъ бывшіе „poor whites" Южныхъ штатовъ, и вмѣстѣ съ ними развился не капиталистическій способъ производства, а рабскій (т.-е. рабовладѣльческій) (прим. 211, стр. 623 р. перев.). Слѣдовательно, событія поразительно аналогичныя, но происходящія въ средѣ исторически различной, приводятъ къ результатамъ совершенно несходнымъ. Изучая каждую изъ этихъ эволюцій въ отдѣльности и затѣмъ сравнивая ихъ, легко найти ключъ къ этимъ явленіямъ, но никогда нельзя придти къ пониманію ихъ, имѣя въ рукахъ passe-partout историко-философской теоріи, высшее достоинство которой состоитъ въ томъ, чтобы быть надъ-историческою (supra historique)".

Итакъ, по словамъ Маркса, его очеркъ происхожденія и развитія капиталистической промышленности не заключаетъ въ себѣ никакой общеобязательной философско-исторической теоріи, и усматривать подобную теорію въ его разсужденіяхъ (не въ одномъ этомъ очеркѣ, а вообще въ „Капиталѣ") значитъ причинять ему безчестіе. Но въ то же время Марксъ подтверждаетъ, что его очеркъ содержитъ обобщенія и выводы, совокупность которыхъ именно и составляетъ теорію; онъ не могъ бы также отрицать, что содержаніе этой главы тѣсно связано съ его общими историко-философскими воззрѣніями. Если, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, экономическій строй болѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ показываетъ другимъ народамъ картину ихъ собственнаго будущаго, то его очеркъ „первоначальнаго накопленія" несомнѣнно даетъ историческую формулу общаго хода развитія въ новѣйшей Европѣ, и значеніе этой формулы усиливается указаніемъ на безжалостные экономическіе законы, дѣйствующіе съ желѣзною необходимостью. Развиваемая Марксомъ идея, что всякая общественная форма сама вырабатываетъ матеріалъ для своего разрушенія и подготовляетъ почву для новыхъ условій быта, также не можетъ быть названа иначе, какъ философско-историческою. Наконецъ, мысль о преобразованіи капиталистической собственности въ общественную развѣ не находится въ тѣснѣйшей связи съ особою философско-

Digitized by Google

историческою теоріею? Противъ чего же собственно споритъ Марксъ? Очевидно, авторъ „Капитала“ не желалъ быть отвѣтственнымъ за глупость своихъ наиболѣе усердныхъ и довѣрчивыхъ послѣдователей, готовыхъ слѣпо мириться со зломъ и даже способствовать его торжеству изъ уваженія къ законамъ „капиталистической эволюціи“; но онъ не отказывается ни отъ одного изъ своихъ историко-философскихъ положеній, которыя могутъ быть истолкованы въ указанномъ смыслѣ. Онъ находитъ, напр., что искусственныя задержки въ ходѣ капиталистическаго процесса причиняютъ вредъ странѣ, что недостаточное развитіе всѣхъ особенностей новой промышленной организаціи и упорное сохраненіе старыхъ формъ производства служатъ такимъ же источникомъ бѣдствій, какъ и излишество въ развитіи капитализма: можно ли, съ точки зрѣнія этого взгляда, относиться иначе, чѣмъ отрицательно, къ существующему общинному владѣнію, къ кустарнымъ промысламъ и артелямъ? Примѣръ римскихъ плебеевъ, принимаемыхъ Марксомъ за предковъ позднѣйшихъ пролетаріевъ, не имѣетъ ничего общаго съ спорнымъ вопросомъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ показать читателямъ, какъ долженъ смотрѣть авторъ на русскія экономическія отношенія, ибо самый капиталистическій способъ производства, по Марксу, зародился въ Европѣ лишь въ XVI вѣкѣ, и слѣдовательно не было даже надобности спеціально упоминать объ отсутствіи условій для этой формы производства въ древнемъ Римѣ; Россія же принадлежитъ къ числу современныхъ европейскихъ государствъ, и хотя она отстала отъ Европы, но не настолько, чтобы не быть въ состояніи повторить у себя экономическіе опыты западныхъ странъ. Марксъ ссылается на свой сочувственный отзывъ о Чернышевскомъ и старается умалить значеніе своихъ словъ о Герценѣ; онъ забываетъ только прибавить, что онъ просто измѣнилъ свое отношеніе къ Россіи и къ русскому обществу со времени выхода перваго изданія „Капитала“, существующаго въ русскомъ переводѣ, которымъ и пользовался его русскій критикъ. Марксу казалось смѣшнымъ, что „московитъ“ Герценъ открылъ будто бы русскую поземельную общину въ сочиненіи нѣмецкаго писателя Гакстгаузена, спеціально изучавшаго нашъ сельскій бытъ и издавшаго объ этомъ предметѣ весьма поучительную книгу; но ему кажется вполнѣ естественнымъ, что русскіе люди отыскиваютъ будущія экономическія судьбы Россіи въ трактатѣ нѣмецкаго автора, который не изучалъ Россіи и никогда не писалъ о русскомъ народномъ хозяйствѣ.

Что же говоритъ Марксъ по существу о примѣнимости своихъ

Digitized by Google

историко-экономическихъ обобщеній въ Россіи? Онъ повторяетъ то, что хотѣлъ какъ будто опровергнуть,—а именно, что его выводы вполнѣ обязательны для нынѣшней Россіи, зараженной уже капиталистическимъ недугомъ, и что, разъ вступивъ на путь промышленнаго развитія, она подпадаетъ подъ власть безпощадныхъ законовъ, дѣйствіе которыхъ было столь пагубно для трудящихся народныхъ массъ на Западѣ. Вообще, въ принципѣ, мы могли бы избѣгнуть всѣхъ перипетій капиталистическаго строя; но для этого надо было съ 1861 года пойти по другой дорогѣ, которая съ тѣхъ поръ стала намъ, пожалуй, недоступна: измѣнить принятое направленіе въ области народнаго хозяйства едва ли уже возможно послѣ всего сдѣланнаго у насъ въ послѣднія десятилѣтія, послѣ постройки обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, открывшихъ намъ внѣшніе и внутренніе рынки, и послѣ всѣхъ усилій насадить у насъ различныя отрасли крупной промышленности и торговли,—такъ что Россія, быть можетъ, безповоротно подвержена уже господству капиталистическихъ законовъ, установленныхъ Марксомъ. Объ этой фактической возможности или невозможности поворота въ другую сторону при данныхъ условіяхъ ничего не говоритъ авторъ „Капитала“; изъ его словъ вытекаетъ скорѣе отрицательное заключеніе, чѣмъ положительное. Отмѣтимъ здѣсь, что, вопреки своимъ общимъ историко-экономическимъ идеямъ, онъ основываетъ свой условный выводъ исключительно на направленіи нашей промышленной политики съ 1861 года, а не на реальныхъ условіяхъ русской народно-хозяйственной жизни со времени освобожденія крестьянъ. Онъ предполагаетъ, что Россія могла по произволу выбрать свой экономическій путь послѣ крестьянской реформы, что она могла направить народное хозяйство въ ту или другую сторону, независимо отъ матеріальнаго положенія различныхъ классовъ народа, отъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ страны и, наконецъ, отъ характера и состава бюрократіи,—а эта мысль Маркса рѣзко противорѣчитъ не только ученію Маркса, но и здравому пониманію народно-хозяйственной жизни и политики вообще. Далѣе, изъ чего заключаетъ Марксъ, что для водворенія у насъ капиталистическаго производства требуется превратить „добрую часть крестьянства“ въ пролетаріевъ? Изслѣдовалъ ли онъ вопросъ, въ какой мѣрѣ естественный приростъ нашего земледѣльческаго населенія и избытокъ рабочихъ рукъ въ земледѣліи обезпечиваютъ возможный спросъ на рабочія руки со стороны крупной промышленности? Онъ высказываетъ свое мнѣніе a priori, опираясь на факты западно-европейской исторіи и пред-

Digitized by Google

полагая, слѣдовательно, обязательное повтореніе ихъ въ другихъ странахъ, каковы бы ни были мѣстныя фактическія условія. Въ концѣ концовъ Марксъ, по обыкновенію, даетъ матеріалъ для самыхъ противоположныхъ толкованій, и его длинное разъясненіе въ сущности ничего не разъясняетъ.

Такъ какъ письмо Маркса оставалось неизвѣстнымъ до конца восьмидесятыхъ годовъ, то русскіе приверженцы его доктрины имѣли еще довольно много времени для свободнаго обсужденія вопроса о степени практической обязательности ея для Россіи. Обнародованіе приведеннаго письма дало формальный перевѣсъ тѣмъ, которые считали теорію Маркса совмѣстимою съ самобытнымъ экономическимъ развитіемъ Россіи; но противники этого взгляда также могли опираться на авторитетъ „учителя“ и имѣли на своей сторонѣ преимущество логической послѣдовательности. Въ результатѣ получилось въ высшей степени оригинальное положеніе: теоретическій трактатъ нѣмецкаго экономиста оказался центромъ, около котораго вертятся споры объ экономической будущности русскаго народа. Защитники самобытности въ области нашего народнаго хозяйства твердо стоятъ на почвѣ экономическаго ученія Маркса, но отвергаютъ только приложимость его философско-исторической формулы къ нашимъ условіямъ; другіе принимаютъ всю его теорію цѣликомъ, вмѣстѣ съ его историческими обобщеніями и выводами, не допуская никакихъ изъятій въ пользу Россіи. Тѣ и другіе одинаково вѣрятъ въ великое научное значеніе Маркса; тѣмъ и другимъ онъ внушаетъ „безграничное довѣріе“. Г. Михайловскій, не увѣренный во всеобщей обязательности его исторической теоріи, находитъ, однако, что послѣдняя „обставлена въ фактическомъ отношеніи съ большою роскошью, а въ отношеніи логическомъ представляетъ во всякомъ случаѣ нѣчто стройное, цѣльное, а потому соблазнительное“. Если этотъ отзывъ основателенъ, то почему же и не преклониться предъ теоріею, столь роскошно обставленною и вообще соблазнительною? Отъ опаснаго научнаго соблазна удерживало нравственное чувство, побуждавшее отстаивать неприкосновенность народныхъ хозяйственныхъ основъ, которымъ грозитъ гибелью философско-историческая схема Маркса. Но самые лучшіе нравственные мотивы безсильны противъ истины и науки, и рано или поздно они должны были бы отступить предъ силою фактовъ; поэтому надо было позаботиться о томъ, чтобы перетянуть истину и науку на сторону нравственныхъ требованій. Многіе хорошіе люди, напуганные „Капиталомъ“, горячо занялись у насъ обсужденіемъ вопроса, предстоитъ ли

Digitized by Google

намъ также пережить „капиталистическую стадію развитія“ со всѣми ея ужасами, и не можемъ ли мы надѣяться на торжество иного промышленнаго строя, соотвѣтствующаго общинному и артельному духу нашего народа, т.-е. нельзя ли намъ начать нашу экономическую жизнь съ того конца, къ которому должна привести, по Марксу, капиталистическая эра въ западной Европѣ? Такъ какъ Марксъ разоблачилъ гнусную природу капитала и указалъ на временное, историческое значеніе его господства, то у насъ серьезнѣйшимъ образомъ стали воевать противъ капитализма вообще, какъ противъ чуждой и враждебной намъ силы, а защита общинныхъ и артельныхъ началъ приняла отвлеченный, принципіальный характеръ, все болѣе удаляясь отъ почвы нашей экономической дѣйствительности. Съ перваго взгляда могло казаться, что люди заняты дѣломъ: теоретическая борьба съ капитализмомъ представлялась въ то же время охраною общины,— это были двѣ стороны одной и той же задачи, возложенной на русскую интеллигенцію своеобразно понятымъ ученіемъ нѣмецкаго экономиста. Но сбивчивость самаго ученія и крайняя запутанность понятій сообщили всему этому умственному движенію оттѣнокъ чего-то совершенно фантастическаго, безплоднаго—и скажемъ прямо—нелѣпаго.

Противъ какого капитализма—отвлеченнаго или реальнаго—боролись и продолжаютъ бороться русскіе послѣдователи Маркса? Если подъ капитализмомъ разумѣть такую форму промышленнаго быта, при которой обладаніе орудіями и средствами производства отдѣлено отъ рабочей силы, вынужденной отдаваться въ наемъ, то этотъ капитализмъ существуетъ у насъ въ большей или меньшей степени испоконъ вѣка, не только въ разныхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, но и въ значительной части земледѣльческаго производства. Существованіе съ одной стороны владѣльцевъ земли и промышленнаго капитала, а съ другой—свободныхъ рабочихъ рукъ, ищущихъ приложенія для своего труда, извѣстно еще „Русской Правдѣ“; оно не прекращалось ни въ какую эпоху русской исторіи и составляетъ господствующій фактъ въ окружающей насъ современной русской жизни, несмотря на общину, артели и домашніе промыслы. Стоитъ только заглянуть въ наши законодательные памятники и даже просто осмотрѣться кругомъ, чтобы видѣть на каждомъ шагу ясные признаки промышленнаго порядка, основаннаго—какъ выразился фонъ-Тюненъ,—на „отдѣленіи продукта отъ произведшаго его работника“. Рядомъ съ земельною общиною существуетъ и развивается частное землевладѣніе; мелкія и крупныя капиталисти-

Digitized by Google

ческія предпріятія процвѣтаютъ рядомъ съ артельными и кустарными промыслами, нисколько не задѣвая ихъ. Старыя народныя формы производства приходятъ въ упадокъ не подъ ударами капитализма въ теоретическомъ смыслѣ этого слова, а подъ ударами крупной промышленности, выдвинутой на первый планъ новѣйшими успѣхами техники, примѣненіемъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ и устройствомъ новыхъ путей сообщенія; дѣйствіе этихъ техническихъ перемѣнъ, вызывающихъ переходъ къ крупному, массовому производству, было бы одинаково губительно для мелкихъ народныхъ промысловъ при всякой вообще организаціи отдѣльныхъ предпріятій—при артельной или общинной такъ же точно, какъ и при капиталистической. Только благодаря неопредѣленному, двойственному или даже тройственному смыслу понятій о капиталѣ и капиталистическомъ способѣ производства въ книгѣ Маркса можно было отнести къ капитализму то, что̀ есть спеціально продуктъ новѣйшихъ крупныхъ формъ производства, независимо отъ его внутренняго строя. Съ другой стороны, многія отрасли предпріимчивости никогда не были и не могли быть предметомъ мелкаго народнаго промысла; горные, желѣзодѣлательные, чугунно-литейные, механическіе и машиностроительные заводы, писчебумажныя фабрики, кораблестроеніе и т. п., составляютъ съ самаго начала удѣлъ капитализма и ни въ какомъ отношеніи не мѣшаютъ благополучію земельной общины, домашней и артельной промышленности. Въ какомъ же положеніи находятся наши самобытные ученики Маркса, усердно спорящіе о возможности для насъ избѣгнуть пришествія капитализма, когда послѣдній давнымъ давно владѣетъ нами? Не поразительны ли эти тревожные толки о томъ, явится ли коварный врагъ или нѣтъ, когда на дѣлѣ онъ живетъ и распоряжается среди насъ съ давнихъ временъ? Мы постоянно употребляемъ продукты капиталистическаго производства; мы окружены ими въ домашнемъ быту и видимъ огромныя массы ихъ въ лавкахъ и магазинахъ; мы одѣты съ ногъ до головы въ фабричныя издѣлія, пользуемся заводскою посудою, пишемъ фабричнымъ перомъ на фабричной бумагѣ, ѣздимъ въ экипажахъ, вышедшихъ изъ капиталистическихъ мастерскихъ, и путешествуемъ на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, наглядно свидѣтельствующихъ о капитализмѣ; наши книги и статьи печатаются въ капиталистическихъ типографіяхъ, и въ этихъ книгахъ и статьяхъ мы встрѣчаемъ глубокомысленныя разсужденія о вѣроятныхъ шансахъ появленія у насъ капитализма. Сколько теоретическаго ослѣпленія, сколько предвзятой вѣры въ каждое слово учителя нужно для того, чтобы не замѣ-

Digitized by Google

чать всей окружающей насъ дѣйствительности и упорно предаваться безцѣльной софистикѣ, представляя себѣ общеизвѣстныя вещи на выворотъ! Капитализмъ имѣетъ достаточно простора для своего владычества помимо тѣхъ областей хозяйства, которыя принадлежатъ земельной общинѣ и народнымъ промысламъ; община и промышленныя артели могутъ отлично держаться и крѣпнуть, не опасаясь капиталистической конкурренціи, если только избавятся отъ духа невѣжественной рутины и технической неподвижности. Альтернатива: либо община, либо капитализмъ—не имѣетъ у насъ никакой реальной почвы. Даже еслибы крестьянскія общины обнимали все существующее землевладѣніе, а не только часть его, то и тогда капитализмъ развивался бы безпрепятственно, поглощая тѣ сотни тысячъ рабочихъ рукъ, которыя избыточны въ земледѣліи. Благосостояніе земледѣльческаго населенія, обезпеченнаго землею, создавало бы богатѣйшій и прочный рынокъ и для такихъ капиталистическихъ предпріятій, которыя нынѣ обречены на прозябаніе или на выпрашиваніе казенныхъ заказовъ, субсидій и льготъ. При современныхъ же условіяхъ, когда сотни тысячъ народа ежегодно покидаютъ родныя мѣста въ погонѣ за работою, когда толпы крестьянскихъ семействъ буквально гибнутъ въ переселенческихъ мытарствахъ, смѣшно и дико усматривать какое-то преимущество въ слабости нашего капитализма. Что касается крупной промышленности въ англійскихъ ея формахъ, разсчитанныхъ на міровые обороты, то у насъ она немыслима по разнымъ причинамъ, помимо всякихъ теорій.

„Капиталистическая стадія развитія“ — излюбленный предметъ опасеній и доктринерскихъ споровъ среди нашей интеллигенціи—или переживается нами издавна, или никогда у насъ не настанетъ, — смотря потому, что разумѣть подъ этимъ выраженіемъ. Стадія эволюціи, преходящій историческій характеръ капитализма, неизбѣжные переходы отъ одной формы хозяйства къ другой,—все это дѣйствуетъ успокоительно на умъ читателя, заставляетъ смотрѣть равнодушно на современныя бѣдствія человѣчества и направляетъ мысль въ область заманчивыхъ мечтаній и иллюзій; но задался ли кто-нибудь вопросомъ, не можетъ ли извѣстная стадія развитія продолжаться цѣлые вѣка или даже тысячелѣтія? Перемѣнчивость, историчность явленій не исключаетъ упорнаго повторенія ихъ въ различныя и весьма отдаленныя между собою эпохи; часто мѣняются только формы, но сущность остается. Нынѣшнее право собственности было точно формулировано еще римскими юристами; всѣ основныя

Digitized by Google

начала нашего современнаго имущественнаго или гражданскаго права, образующаго, по Марксу, продуктъ хозяйственныхъ отношеній, надстройку экономическаго быта, — унаслѣдованы нами отъ древняго Рима и сохранены съ тѣхъ поръ въ неприкосновенности, вопреки всѣмъ экономическимъ и соціальнымъ перемѣнамъ, какъ бы насмѣхаясь надъ идеями Маркса. Если мы скажемъ, что господство римскаго права, опредѣляющаго частныя имущественныя отношенія, характеризуетъ извѣстную историческую стадію развитія, то это еще нисколько не облегчаетъ намъ пониманія прошлаго и настоящаго и не даетъ намъ никакихъ утѣшительныхъ указаній относительно будущаго. Пройдетъ ли эра капитализма черезъ пятьсотъ лѣтъ, какъ полагалъ Родбертусъ, или она окончится немедленно, какъ предсказывалъ Марксъ въ теченіе цѣлаго полувѣка, — это безразлично для отвлеченной теоріи, но чрезвычайно существенно для дѣйствительной жизни народовъ; — самые народы могутъ погибнуть въ ожиданіи будущей „стадіи развитія“, удовлетворяющей недалекихъ доктринеровъ. Наконецъ, и дальнѣйшая стадія эволюціи явится съ тѣмъ же преходящимъ, временно-историческимъ характеромъ, какъ и предшествовавшіе фазисы развитія; она принесетъ съ собою новые элементы разложенія и опять отброситъ въ сторону идеалы высшей правды, чтобы доставить торжество, быть можетъ, еще худшимъ началамъ общественнаго строя, чѣмъ нынѣшнія. Все „исторично“, и хорошее, и дурное, и пока наши поклонники Маркса радуются этой историчности и борются на этой почвѣ противъ абстрактнаго капитализма, они незамѣтно для самихъ себя подкапываются и подъ свою принципіальную общину. А тѣмъ временемъ реальный капитализмъ извращается въ безпутное хищничество, не щадящее ни земли, ни народа; реальная община бѣдствуетъ подъ гнетомъ неблагопріятныхъ условій, отчасти вполнѣ устранимыхъ; но борьба съ реальнымъ экономическимъ зломъ теряетъ значеніе въ глазахъ интеллигенціи, обсуждающей нашу народно-хозяйственную жизнь по Марксу, съ точки зрѣнія вопроса о капиталистической стадіи развитія.

Попытки опредѣлить экономическую будущность Россіи по книгѣ нѣмецкаго экономиста, изучавшаго промышленность Англіи, вызывали возраженія со стороны болѣе самостоятельныхъ истолкователей „Капитала“ и побуждали ихъ отыскивать особый законъ развитія для нашего отечества. Съ наибольшею настойчивостью преслѣдовалъ эту задачу съ конца семидесятыхъ годовъ г. В. В., авторъ многихъ дѣльныхъ изслѣдованій по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства; къ нему присоединился

Digitized by Google

г. Николай —онъ, напечатавшій въ 1880 году весьма интересную работу объ особенностяхъ нашего экономическаго положенія со времени крестьянской реформы. Оба они принимаютъ за исходную точку ученіе Маркса; поэтому оба они, имѣя дѣло съ весьма реальнымъ положительнымъ матеріаломъ, приходятъ къ выводамъ крайне одностороннимъ и фантастическимъ. Въ изслѣдованіи о судьбахъ капитализма въ Россіи г. В. В. доказываетъ, что у насъ нѣтъ почвы для капиталистическаго производства, разумѣя подъ послѣднимъ, очевидно, крупную промышленность въ англійскихъ ея формахъ; онъ ждетъ экономическаго обновленія отъ общины, артелей и казенныхъ фабрикъ и заводовъ. Г. Николай —онъ въ своихъ „Очеркахъ нашего по-реформеннаго общественнаго хозяйства", вышедшихъ отдѣльной книгой въ 1893 году, приписываетъ всѣ наши экономическія бѣдствія капитализму, который будто бы впервые возникъ или искусственно созданъ послѣ отмѣны крѣпостного права, воплощавшаго народныя формы производства; онъ отмѣчаетъ признаки постепеннаго упадка и разоренія крестьянства, послѣ чего совѣтуетъ передать фабрично-заводскую промышленность въ завѣдываніе крестьянскихъ общинъ. Противъ враговъ и обличителей капитализма, отрицающихъ его право на существованіе во имя доктрины Маркса, выступили въ послѣдніе годы защитники исторической миссіи капитала во имя того же непререкаемаго авторитета Маркса,—г. П. Струве и г. Н. Бельтовъ; всѣ ссылаются на учителя, и каждый уличаетъ другого въ непониманіи истиннаго смысла преподанныхъ Марксомъ великихъ истинъ. Г. Струве увѣряетъ, что Маркса не поняли и ложно истолковали г. В. В. и г. Николай —онъ; послѣдніе въ свою очередь говорятъ то же самое о г. Струве; г. Н. Бельтовъ даетъ понять, что онъ одинъ обладаетъ ключомъ къ правильному пониманію Маркса [1]). И многіе читатели дѣйствительно думаютъ, что эти жаркіе споры объ отдѣльныхъ словахъ и мысляхъ автора „Капитала" чрезвычайно важны не только для науки, но и для выясненія нашихъ практическихъ задачъ въ области народнаго хозяйства, ибо, какъ заявляетъ г. Струве, „теорія Маркса имѣетъ прочное значеніе для пониманія экономическаго развитія Россіи". Какъ же достигнуть этого пониманія русскихъ экономическихъ

[1]) Авторъ трехъ критическихъ статей, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Богатствѣ", г. Б. Ратнеръ, старается показать, что мы не такъ поняли Маркса, какъ понимаетъ онъ, г. Б. Ратнеръ; но мы никогда и не претендовали на то, чтобы наше пониманіе совпадало съ чужимъ—и тѣмъ болѣе съ пониманіемъ предвзятыхъ поклонниковъ Маркса. При всей слабости своихъ доводовъ, статьи г. Ратнера имѣютъ по крайней мѣрѣ то достоинство, что онѣ написаны въ спокойномъ и приличномъ тонѣ.

Digitized by Google

судебъ, если Марксъ не успѣлъ ничего написать о Россіи и если даже вѣрнѣйшіе его поклонники различно понимаютъ его теорію? Остается развѣ отложить заботу о пониманіи нашего экономическаго развитія до тѣхъ поръ, пока не появится какой-нибудь новый „геніальный“ трактатъ о промышленной жизни Германіи или Франціи...

Л. Слонимскій.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

KENNST DU DAS MEER?..

Ты знаешь ли море, немолчное, вѣчно живое,—
Мятется и ропщетъ оно въ неустанномъ прибоѣ
И, полное злобы—кипучей, но вѣчно холодной,
Валовъ безконечныя рати торопитъ на приступъ безплодный.

Ты знаешь ли море, лазурно-спокойное море,
Когда—богатырь утомленный—затихнетъ оно на просторѣ,
И плещетъ чуть слышно о скалы, дремотой объято,
Забывши о гнѣвѣ подъ кроткимъ сіяньемъ заката?

Ты знаешь ли море въ часъ сна и покоя природы,—
Когда соберутся надъ бездной свѣтилъ хороводы
И море, подъ ризой ночною, подъ ропотъ угрюмый,
Свои вѣковѣчныя думаетъ скорбныя думы?..

Ты знаешь ли море, когда подъ бичомъ непогоды
Дрожатъ и колеблются неба тяжелые своды,
И стонетъ твердыня, и хохотъ морского Титана
Гремитъ и несется по бурнымъ волнамъ океана?...

Душа человѣка—бездонно-глубокое море:
Въ немъ въ вѣчномъ боренье смѣняются радость и горе,
И зори глядятся въ него, въ часъ, когда воскресаютъ надежды,
И звѣзды къ нему, какъ родныя, склоняютъ лучистыя вѣжды.

Digitized by Google

Но буря дохнётъ—и померкнутъ и звѣзды, и зори,—
И злобно мятется души непогодное море...
О, бойся въ груди разбудить безпощадной стихіи волненье:
И ужасъ, и горе, и гибель готовитъ ея пробужденье!..

II.

ИЗЪ ОСЕННИХЪ МЕЛОДІЙ.

Плачетъ небо скучными слезами,
Сквозь туманъ беззвучно льются слезы,—
И, поникнувъ голыми вѣтвями,
И рыдаютъ, и дрожатъ березы...

Сѣрый день съ утра глядитъ тоскливо
Въ сердце мнѣ потухшими очами,
И о чемъ-то сердце молчаливо
Плачетъ снова жгучими слезами.

Что тебѣ, больное сердце, надо?
Ждешь кого ль, кто бъ скорбь твою увидѣлъ,
Приголубилъ кроткой лаской взгляда
И тебя неправдой не обидѣлъ?

Или пѣтъ того съ тобою болѣ,
Съ кѣмъ дѣлило ты мечты и грезы?..
Плачетъ небо по весенней долѣ,
И рыдаютъ о быломъ березы...

III.

Моей любви мучительную повѣсть
Не знаетъ свѣтъ, а только я да ты:
Ее хранитъ твоя больная совѣсть
И берегутъ мои мечты.

Та страсть, какъ вихрь, промчалась надо мною,
Надежды, думы злобно размела
И между насъ преградой роковою,
Бездонной пропастью легла.

Digitized by Google

Минувшимъ днямъ нѣтъ поздняго возврата,
Они прошли, они не прiйдутъ вновь,—
И какъ денница не блеснетъ съ заката,
Такъ не вернется первая любовь.

IV.

Помню,—тихимъ утромъ, яснымъ утромъ мая,
Садомъ ароматнымъ мы съ тобою шли;
Пробѣгали тѣни, по травѣ мелькая,
И въ кустахъ звенѣли черные шмели.
Чистая, какъ утро въ первый день творенья,
Ты сіяла свѣтлой, вешнею красой,
И на насъ съ черешенъ вѣтра дуновенье
Сыпало порою пылью золотой.

А теперь... нѣтъ солнца: осень и ненастье...
Грустный, одинокій выхожу я въ садъ,—
Только не найти мнѣ тамъ былого счастья!
Тамъ однѣ березы жалобно шумятъ—
Все шумятъ, какъ будто что-то вспоминаютъ,
Иль твердятъ о прошломъ сказочную быль...
А на душу снова грезы низлетаютъ
И воспоминаній золотая пыль...

V.

Образъ твой съ тихою лаской
Въ душу мнѣ крадется вновь...
Старой, забытою сказкой
Мнится былая любовь.

Въ царствѣ, гдѣ родина грезы,
Есть очарованный садъ:
Дремлютъ тамъ мирно мимозы,
Лавры ихъ сонъ сторожатъ;

Въ зелени листьевъ—жаръ-птица;
Лебедь на зеркалѣ водъ;

Digitized by Google

Теремъ, и въ немъ царь-дѣвица
Юнаго рыцаря ждетъ;

Въ небѣ зари свѣтлоокой
Не погасаютъ огни,—
Другъ, это царство далеко,
Какъ невозвратные дни!..

VI.

Есть край иной! Но нѣтъ ему названья,
Какъ нѣтъ именъ моимъ пугливымъ снамъ...
— Скажи, поэтъ, гдѣ родина Желанья?
И гдѣ предѣлъ несбыточнымъ мечтамъ?
Имъ тѣсенъ міръ лазурнаго чертога,
И солнца зной ихъ губитъ, какъ цвѣты,—
Иныхъ свѣтилъ онѣ хотятъ отъ Бога
И въ край иной уносятся мечты...

Въ полночный часъ, когда преданья новы,
И чары сна всевластны надъ землей,
Душа порой свергаетъ всѣ оковы
И въ небеса уносится мечтой;
Но мигъ одинъ—зарницею нѣмою
Блеснетъ міровъ забытыхъ красота...
И вновь съ высотъ падучею звѣздою
Скользитъ къ землѣ безсильная мечта.

VII.

Смотри: померкъ закатъ янтарный,
И ярче звѣзды, мракъ смѣлѣй,—
Но сколько нѣги лучезарной
И какъ свѣтло въ душѣ моей!

Понятенъ мнѣ беззвучный лепетъ
Деревъ, не смѣющихъ дохнуть—
И вновь знакомый, сладкій трепетъ,
Наполнивъ, переполнилъ грудь...

Digitized by Google

Во слѣдъ за соловьиной пѣсней
Звучитъ напѣвъ въ душѣ моей,
И міръ мечты моей тѣлеснѣй,
И грезы ярче и пышнѣй.

Смотри, дитя, на эти слезы:—
Кто въ силахъ счастье превозмочь,
Когда, живыя, дышутъ розы,
Когда, живая, дышетъ ночь!

В. Саводникъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1897.

Новое обостреніе продовольственнаго вопроса.—Легенды и дѣйствительность.—Мнимая *негосударственность* земства.—Попытка реабилитаціи „лукояновцевъ".—Распространеніе области дѣйствій фабричнаго законодательства.—Сверхъ-урочныя работы по закону 2-го іюня.—Инструкціи и правила, предусмотрѣнныя этимъ закономъ.—Новыя законодательныя мѣры.

Разразившійся надъ многими губерніями неурожай угрожаетъ такимъ же бѣдствіемъ, какое испытала Россія въ началѣ текущаго десятилѣтія. Если, съ одной стороны, область недорода не такъ велика, какъ въ 1891 г., и цѣны на хлѣбъ далеко не такъ высоки, если указанія недавняго опыта и предупредятъ, по всей вѣроятности, повтореніе ошибокъ и безпорядковъ, допущенныхъ тогда при закупкѣ и перевозкѣ хлѣба,—то, съ другой стороны, не успѣли еще изгладиться послѣдствія нужды, пережитой голодавшими мѣстностями 5—6 лѣтъ тому назадъ. Значительная часть населенія встрѣчаетъ кризисъ съ заранѣе надорванными силами. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что продовольственное дѣло регулируется до сихъ поръ тѣмъ самымъ закономъ, неудовлетворительность котораго обнаружилась такъ ярко въ 1891 и 1892 гг. Пересмотръ продовольственнаго устава, предпринятый еще до окончанія неурожайной годины, не приведенъ къ концу, да едва ли и будетъ законченъ, пока не настанутъ вновь условія благопріятныя для этой работы: слишкомъ трудно въ одно и то же время бороться съ наличнымъ зломъ и принимать мѣры къ его предотвращенію въ будущемъ. Несмотря, однако, на всѣ свои недостатки, дѣйствующій продовольственный уставъ не устраняетъ возможности успѣшной дѣятельности и гарантируетъ ее, во всякомъ случаѣ, гораздо больше, чѣмъ обходъ закона или прямое его нарушеніе. Этого никакъ не хотятъ понять газетные сторонники административнаго произвола. Стараясь, во что бы то ни стало, вырвать продовольственное дѣло изъ рукъ ненавистнаго имъ земства, они не только продолжаютъ на-

Digitized by Google

стаивать на измѣненіи, въ этомъ смыслѣ, продовольственнаго устава, но рекомендуютъ, болѣе или менѣе прозрачно, безотлагательное устраненіе земскихъ учрежденій отъ исполненія задачи, возложенной на нихъ закономъ. Выставляется на видъ, что „окончательная отвѣтственность за продовольственное дѣло во всякомъ случаѣ лежитъ только на администраціи, на правительствѣ"; выводится на справку, что „въ случаѣ неудачныхъ дѣйствій и распоряженій земскихъ учрежденій, въ случаѣ обнаруживаемаго ими безсилія, правительству волей-неволей приходится ихъ устранять и брать продовольственное дѣло въ свои руки", съ передачей его земскимъ начальникамъ, соединяющимъ въ себѣ „черты какъ правительственныхъ, такъ и земскихъ учрежденій". Рѣшеніе, такимъ образомъ, произнесено; остается только подвергнуть его предварительному исполненію, т.-е., въ ожиданіи *юридической* замѣны земства земскими начальниками, *фактически* поставить послѣднихъ на мѣсто перваго...

Въ дѣйствительной жизни, къ счастію, подобныя перестановки совершаются не такъ быстро и не такъ легко, какъ на страницахъ не по разуму усердныхъ газетъ. Событія 1891—92 гг. еще слишкомъ отъ насъ близки, чтобы легенды, пускаемыя въ ходъ реакціонною печатью, могли быть приняты на вѣру. „Всѣмъ еще памятны,—гласитъ одна изъ этихъ легендъ,—милліонныя требованія, предъявлявшіяся (въ 1891—92 гг.) земскими учрежденіями къ государственному казначейству на дѣло продовольствія населенія и обсѣмененія полей. Всѣмъ памятны оригинальныя сбавки въ этихъ требованіяхъ, дѣлавшіяся земскими учрежденіями, при чемъ земства, просившія нѣсколькихъ милліоновъ, поторговавшись, соглашались принять помощь въ нѣсколько сотъ тысячъ, и послѣдняя цифра оказывалась вполнѣ достаточною для населенія" („Москов. Вѣдом.", № 178). Тому, кто умѣетъ помнить и хочетъ вспоминать, памятны, изъ исторіи голодныхъ годовъ, совершенно другіе, прямо противоположные факты. Пускай московская газета разсчитываетъ на легковѣріе своихъ читателей, не называя ни одного имени, ни одной мѣстности; мы противопоставимъ ея намекамъ совершенно опредѣленныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что земскія требованія, сначала поражавшія администрацію своею мнимою преувеличенностью, оказывались на самомъ дѣлѣ совершенно соотвѣтствовавшими дѣйствительной потребности—или даже слишкомъ умѣренными. Въ рязанской губерніи цифра ссуды на обсѣмененіе и продовольствіе была исчислена, лѣтомъ 1891 г., уѣздными земскими собраніями или управами—въ 5½ милл., губернскимъ земскимъ собраніемъ—въ 5 милл. рублей. Въ началѣ октября губернскому собранію было сообщено о разрѣшеніи ссуды въ 1 милл. руб., съ поясненіемъ, что эта сумма признается *очень значительной*. Уѣзд-

Digitized by Google

ныя управы продолжали, однако, настаивать на томъ, что на одно продовольствіе понадобится болѣе 5 милл. рублей. И что же? Уже къ 1-му марта 1892 г. стоимость хлѣба, необходимаго для рязанской губерніи, оффиціально опредѣлилась въ *семь* милліоновъ рублей. Саратовское губернское земство, ходатайствовавшее, лѣтомъ и осенью 1891 г., о десятимилліонной ссудѣ и навлекшее на себя этимъ упрекъ въ крайнемъ легкомыслiи, получило, къ тому же 1-му марта, *тринадцать* милліоновъ рублей. Въ такомъ же, приблизительно, отношеніи находились между собою первоначальныя земскія ходатайства, первоначальные на нихъ отвѣты и окончательныя распоряженія администраціи во многихъ другихъ губерніяхъ, пораженныхъ неурожаемъ,—напр. самарской, тамбовской, казанской. Быть можетъ, гдѣ-нибудь и наблюдалось обратное явленіе; мы будемъ ожидать на этотъ счетъ точныхъ указаній московской газеты,—но уже теперь, не рискуя ошибиться, позволяемъ себѣ утверждать, что *общимъ правиломъ*, въ 1891 г., было вѣрное опредѣленіе народныхъ потребностей именно земствомъ, а не администраціей, поздно и неохотно убѣждавшейся въ основательности земскихъ разсчетовъ. Насколько смѣлыя обобщенія московской газеты выхвачены изъ воздуха, объ этомъ можно, впрочемъ, судить по самой ихъ формулировкѣ. Ни *торговаться* съ администраціей, ни *соглашаться* на принятіе ассигнованной суммы, земскія учрежденія не могли: продовольственная ссуда—не договоръ, свободно заключаемый между правительствомъ и земствомъ, а государственный актъ, въ которомъ рѣшающій голосъ принадлежитъ только одной сторонѣ. Какъ бы ни велико было несоотвѣтствіе между размѣрами нужды и цифрою ссуды, земство не можетъ отказаться отъ принятія ссуды, уже потому, что настоящій ея получатель—нуждающееся населеніе.

Раскрывая съ полною ясностью компетентность земства въ установленіи размѣровъ продовольственной нужды, опытъ послѣднихъ неурожайныхъ годовъ опровергаетъ этимъ самымъ всѣ увѣренія реакціонной печати о существованіи въ продовольственномъ дѣлѣ (да и не въ немъ одномъ) какого-то антагонизма между правительствомъ и земствомъ. „Отличительной чертой земскихъ учрежденій — читаемъ мы въ цитированной уже выше статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“—является ихъ *негосударственность*. Никогда, ни въ чемъ, кромѣ попытокъ расширенія своей компетенціи, не проявляли земскія учрежденія своей государственной тенденціи, своихъ національныхъ стремленій и чувства солидарности уѣзда и губерніи съ великимъ цѣлымъ русскаго народа. Они стремятся какъ можно больше взять отъ государства и какъ можно меньше ему дать, нимало не заботясь о послѣдствіяхъ такого отношенія“. Отсюда „традиціонная щедрость земства“ въ продовольственномъ дѣлѣ, благо ссуды идутъ не изъ

Digitized by Google

своего (т.-е. земскаго), а изъ *чужого* (т.-е. правительственнаго) *кармана*... Если въ образѣ дѣйствій земства по продовольственному вопросу не было и нѣтъ, какъ мы только-что видѣли, ничего похожаго на *щедрость*, если земскія ходатайства о продовольственныхъ ссудахъ, за немногими развѣ исключеніями, неизбѣжными во всемъ и всегда—выражали и выражаютъ собою реальную народную нужду, скорѣе даже уменьшенную, чѣмъ увеличенную,—то обвиненіе земства въ *негосударственности*, насколько оно коренится въ исторіи продовольственнаго дѣла, падаетъ само собою. Этого мало: оно обрушивается всецѣло на обвинителей, не понимающихъ или не желающихъ понимать самыхъ простыхъ истинъ. Что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ, противоположеніе „кармановъ“ — правительственнаго и земскаго,—какъ не вопіющее извращеніе основныхъ понятій политики и права? Правительство и земство черпаютъ свои средства изъ одного и того же „кармана“ — народнаго. Оскудѣніе матеріальныхъ народныхъ силъ отражается одинаково и на правительствѣ, и на земствѣ; бережливость одинаково соотвѣтствуетъ интересамъ того и другого, но, конечно, бережливость *разумная*, не отступающая передъ производительными затратами, передъ жертвами въ настоящемъ, ради предупрежденія гораздо бо̀льшихъ потерь въ будущемъ. Зная, чѣмъ грозитъ народу недостаточная или запоздалая помощь въ годину бѣдствія, земскія собранія руководились въ исчисленіи продовольственныхъ ссудъ не чѣмъ инымъ, какъ размѣромъ нужды—и это было съ ихъ стороны не ошибкой, а заслугой. Если они разсчитывали при этомъ—и разсчитывали, какъ показалъ опытъ, не напрасно—на поддержку правительства, то вовсе не потому, чтобы правительственный „карманъ“ казался имъ „чужимъ“ и слѣдовательно не подлежащимъ пощадѣ, а просто потому, что въ земскомъ „карманѣ“ не было и не могло быть милліоновъ, которыхъ требовала народная нужда. Они хотѣли „взять отъ государства“ не „какъ можно больше“, а столько, сколько требовалось для достиженія цѣли, общей правительству и земству. Да и вообще, есть ли какой-нибудь смыслъ въ указаніяхъ на стремленіе земства „какъ можно больше взять у государства и какъ можно меньше дать ему“? Земскіе и государственные расходы, покрываемые, въ сущности, изъ одного и того же источника—изъ средствъ народа,—имѣютъ или, по меньшей мѣрѣ, должны имѣть одну и ту же цѣль—удовлетвореніе народныхъ нуждъ. Обращаясь къ поддержкѣ государства, земство имѣетъ въ виду вовсе не увеличеніе своихъ средствъ въ ущербъ казеннымъ, а осуществленіе задачъ, непосильныхъ для земскаго бюджета—задачъ, направленныхъ ко благу народа, а слѣдовательно—и ко благу государства. О *негосударственности* земства можно было бы говорить только въ такомъ случаѣ, еслибы госу-

Digitized by Google

дарству не было никакого дѣла до увеличенія числа народныхъ школъ, до развитія народной медицины, до поднятія народнаго хозяйства—однимъ словомъ, до всего того, надъ чѣмъ трудится земство, когда оно дѣйствуетъ не въ качествѣ простого плательщика обязательныхъ расходовъ. Лучшія тенденціи земства всегда носили и носятъ на себѣ *государственный* характеръ; *непосредственно* касаясь губерніи или уѣзда, онѣ служили и служатъ, на самомъ дѣлѣ, „великому цѣлому русскаго народа". И кто же осмѣливается упрекать земство въ недостаткѣ солидарности съ этимъ „великимъ цѣлымъ"? Та самая газета, которая поднимаетъ крикъ противъ каждаго земскаго ходатайства, не укладывающагося безъ остатка въ рамки „мѣстныхъ" интересовъ, и рекомендуетъ для земскихъ учрежденій неуклонную, въ случаѣ надобности вынужденную вѣрность девизу: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ!"

Дѣйствующій продовольственный уставъ возлагаетъ на земство не только опредѣленіе размѣровъ нужды, но и дѣятельное участіе въ раздачѣ пособій. Если вѣрить реакціонной печати, съ послѣднею обязанностью земство справляется такъ же плохо, какъ и съ первою. Подборъ доказательствъ и здѣсь достоинъ несостоятельности тезиса. Въ подтвержденіе того, что „правительству приходилось волей-неволей устранять земство отъ продовольственнаго дѣла и брать его въ свои руки", „Московскія Вѣдомости" (№ 168) ссылаются на примѣръ „нижегородской и другихъ губерній во время послѣдняго голода". Болѣе неудачной ссылки нельзя было и сдѣлать. Во-первыхъ, въ нижегородской губерніи земство, въ 1891-92 г., вовсе не было устраняемо отъ веденія продовольственнаго дѣла. Въ нижегородской губернской продовольственной коммиссіи соединились *всѣ* элементы, призванные къ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ — соединились свободно и добровольно, безъ всякаго понужденія свыше, безъ „устра*ненія*" земства, безъ подчиненія его администраціи. Нижегородская губернія—таковы подлинныя слова бывшаго нижегородскаго губернатора, сказанныя имъ при открытіи, зимою 1891 г., губернскаго земскаго собранія,—„нижегородская губернія первая, не ожидая приказа, явила возможность слить дѣятельность земства, общества и администраціи. Вотъ уже болѣе полугода какъ мы работаемъ у одного дѣла, какъ работаютъ вмѣстѣ люди, прежде недостаточно знакомые, въ моменты общей опасности: дружно, не считаясь размѣрами труда и мало руководствуясь табелью росписанія обязанностей". Во-вторыхъ, изъ всѣхъ остальныхъ земскихъ губерній, пораженныхъ неурожаемъ 1891 г., только въ одной — самарской — земство дѣйствительно было устранено отъ веденія продовольственнаго дѣла. Изъ этого единичнаго факта нельзя дѣлать общихъ выводовъ, какъ потому, что нѣтъ

Digitized by Google

учрежденій непогрѣшимыхъ, такъ и потому, что не написана еще правдивая исторія борьбы съ голодомъ въ самарскомъ краѣ, послѣ того какъ она была сосредоточена въ рукахъ администраціи... Между губерніями, пострадавшими отъ неурожая 1891 г., было двѣ не-земскихъ—оренбургская и тобольская. Лучше ли онѣ были подготовлены къ встрѣчѣ бѣдствія, лучше ли была въ нихъ организована раздача пособій? Этого, до сихъ поръ, никто не утверждалъ; судя по свѣденіямъ, въ свое время оглашеннымъ въ печати, населеніе (особенно въ оренбургской губерніи) страдало здѣсь отнюдь не меньше, чѣмъ въ центрѣ Россіи... Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земство, безъ всякаго формальнаго распоряженія со стороны центральной или губернской власти, отступало, de facto, на задній планъ, оставляя продовольственное дѣло въ вѣденіи земскихъ начальниковъ и предводителя дворянства. Къ числу такихъ уѣздовъ принадлежалъ, между прочимъ, лукояновскій, въ нижегородской губерніи. Мы имѣли до сихъ поръ наивность думать, что скорбная лѣтопись этой злополучной мѣстности можетъ служить только „ужасающимъ примѣромъ“ (abschreckendes Beispiel), только краснорѣчивымъ указаніемъ на то, какъ не слѣдуетъ поступать въ голодный годъ. „Московскія Вѣдомости“—ont changé tout cela: способъ дѣйствій „лукояновцевъ“ оказывается образцомъ для подражанія, „борьбою за государственный интересъ“, честнымъ исполненіемъ *долга*, а сами „лукояновцы“—чуть не героями, такъ какъ они „шли прямо противъ своего ближайшаго мѣстнаго начальника“. Мы узнаёмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что земскіе начальники лукояновскаго уѣзда „отнюдь не составляютъ исключенія; на ихъ примѣрѣ только ярко и рельефно обнаружились отношенія къ продовольственному дѣлу со стороны вообще учрежденія земскихъ начальниковъ повсемѣстно въ Россіи. Всякій разъ, какъ ту или другую мѣстность посѣтитъ недородъ, можно напередъ предвидѣть, въ чемъ будутъ заключаться разногласія между земскимъ собраніемъ и мѣстной администраціей, главными органами которой на мѣстахъ являются земскіе начальники“; земское собраніе будетъ стоять за возможно болѣе широкую помощь, а „земскіе начальники, освѣдомленность которыхъ о крестьянахъ подвѣдомственныхъ имъ участковъ не можетъ быть и сравниваема съ освѣдомленностью земскихъ учрежденій—за полное отсутствіе какой-либо необходимости въ продовольственной помощи, или за ея необходимость въ неизмѣримо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ она „требуется земскими учрежденіями“. Чтобы судить о томъ, какую перспективу эти слова открываютъ для неурожайныхъ губерній, припомнимъ главныя черты „лукояновской исторіи“.

Въ іюнѣ 1891 г. лукояновскій уѣздный предводитель дворянства пишетъ губернатору, что „безъ *обширной* правительственной помощи

Digitized by Google

дальнѣйшее существованіе невозможно, и если помощь не придетъ своевременно, то кромѣ голодной смерти, преступленій и проч. ожидать ничего нельзя". Мѣсяца два спустя по окончаніи жатвы, лукояновскій уѣздъ оказывается по урожаю ржи *послѣднимъ* въ губерніи. Уже въ концѣ августа и началѣ сентября есть деревни, гдѣ почти всѣ домохозяева ѣдятъ хлѣбъ съ лебедой, другія—гдѣ въ пищу идутъ *исключительно* лебеда и картофель. По общему признанію, крестьянское хозяйство въ уѣздѣ и раньше находилось въ упадкѣ, „количество состоятельныхъ хозяевъ сократилось до минимума" (слова одного изъ земскихъ начальниковъ, впослѣдствіи дѣйствовавшаго заодно съ большинствомъ своихъ товарищей). Наступаетъ періодъ борьбы съ послѣдствіями неурожая: въ лукояновскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ, образуется уѣздная продовольственная коммиссія, въ которой — не такъ какъ въ другихъ—все зависитъ отъ предводителя дворянства и земскихъ начальниковъ. Большинство послѣднихъ (4 изъ 6), вмѣстѣ съ предводителемъ — тѣмъ самымъ, который нѣсколькими мѣсяцами раньше высказывался за *широкую* помощь, — ставитъ себѣ исключительной задачей „предупредить случаи голодной смерти и приходить на помощь населенію лишь въ случаяхъ крайней нужды". Печальныя послѣдствія такой политики поражаютъ непремѣннаго члена губ. присутствія, посѣтившаго уѣздъ въ январѣ мѣсяцѣ и сообщившаго свои наблюденія губернской продовольственной коммиссіи. Уѣздная коммиссія протестуетъ противъ его выводовъ, утверждая, что *массовой нужды* въ лукояновскомъ уѣздѣ нѣтъ, „благодаря прежде установившемуся его благосостоянію (!) и *хорошему* урожаю яровыхъ хлѣбовъ" (въ среднемъ—самъ $2^1/_2$ или самъ 3, въ нѣкоторыхъ волостяхъ—еще гораздо меньше!). Вслѣдъ за тѣмъ въ лукояновскій уѣздъ пріѣзжаютъ уполномоченные Особаго Комитета (госпожа Давыдова и г. Рутницкій) —и рисуютъ его бѣдственное положеніе въ такихъ краскахъ, которыя не оставляютъ мѣста для сомнѣній. Еще болѣе мрачную, по истинѣ ужасающую картину даетъ, нѣсколько позже, В. Г. Короленко, принимающій на себя организацію въ лукояновскомъ уѣздѣ народныхъ столовыхъ [1]). Губернаторъ, посѣтивъ уѣздъ въ концѣ марта, признаетъ эту картину *совершенно вѣрной*. Поздній приступъ къ раздачѣ хлѣба, ограниченіе ея малолѣтними и престарѣлыми, безусловный отказъ въ помощи лицамъ рабочаго возраста, *въ какомъ бы отчаянномъ положеніи они ни находились* (слова одного изъ уполномоченныхъ Особаго Комитета), уменьшеніе пособія до двадцати или даже *десяти* фунтовъ хлѣба въ мѣсяцъ на ѣдока (вмѣсто обычныхъ тридцати)—вотъ отли-

[1]) Замѣчательнымъ памятникомъ этого времени остается превосходная книга В. Г. Короленко: „Въ голодный годъ", вышедшая недавно третьимъ изданіемъ.

Digitized by Google

чительныя черты системы, выработанной „лукояновцами“. Чтобы произнести надъ нею рѣшительный приговоръ, достаточно припомнить, что даже „Московскія Вѣдомости“, устами Д. Ѳ. Самарина, провозгласили, осенью 1891 г., недостаточность *тридцатифунтового* пайка и необходимость помощи не только малолѣтнимъ и старикамъ, но и *лицамъ рабочаго возраста*... Лукояновская уѣздная коммиссія шла въ разрѣзъ съ самымъ элементарнымъ чувствомъ гуманности, съ самыми основными правилами благоразумія. „Государственный интересъ“, во имя котораго она, будто бы, дѣйствовала, требуетъ, даже при самомъ узкомъ его пониманіи, предупрежденія экономическаго разстройства крестьянской массы, поддержанія ея на такомъ уровнѣ, при которомъ она сравнительно легко могла бы поправиться, подняться, возмѣстить свои потери. Ограничивать задачу продовольственной помощи спасеніемъ жизни, одной только жизни, значитъ—подрывать въ самой основѣ благосостояніе народа, неотдѣлимое отъ благосостоянія государства. Не исполненіемъ, а вопіющимъ нарушеніемъ долга, гражданскаго и служебнаго, ознаменовали себя лукояновскіе дѣятели, возводимые теперь на пьедесталъ мучениковъ за правду. Какимъ образомъ и почему они очутились въ противорѣчіи съ своимъ ближайшимъ начальникомъ—это мы въ свое время объяснили [1]). Никто не могъ предвидѣть съ точностью, будетъ ли одобрена эволюція, совершенная нижегородскимъ губернаторомъ (первые его шаги были сдѣланы въ чисто-лукояновскомъ направленіи); уѣздная „оппозиція“, одобряемая и ободряемая „Гражданиномъ“, могла сначала разсчитывать на успѣхъ, а потомъ зашла такъ далеко, что отрѣзала себѣ пути къ отступленію...

Несправедливо было бы утверждать, что *всѣ* земскіе начальники, игравшіе въ голодные годы болѣе или менѣе активную роль въ продовольственномъ дѣлѣ, дѣйствовали въ „лукояновскомъ“ духѣ. Даже въ самомъ лукояновскомъ уѣздѣ былъ одинъ земскій участокъ, въ которомъ, по словамъ непремѣннаго члена губернскаго присутствія, „преслѣдовалась широкая цѣль поддержанія крестьянскаго хозяйства“; въ другихъ мѣстностяхъ также попадались земскіе начальники, разумно и успѣшно организовавшіе помощь голодающимъ. И все-таки мы должны признать, что „Московскія Вѣдомости“ фактически правы, противопоставляя земскихъ начальниковъ земскимъ учрежденіямъ, ожидая отъ тѣхъ и другихъ діаметрально различнаго отношенія къ продовольственному дѣлу. Этимъ, конечно, и ограничивается наше согласіе съ московской газетой. Именно потому, что земскіе начальники, въ большинствѣ случаевъ, расположены смотрѣть на продовольственное дѣло исключительно съ точки зрѣнія „экономіи“, они и не

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 5 „Вѣстн. Европы“, за 1892 г.

Digitized by Google

должны руководить имъ, не должны быть облекаемы тою ролью, которую законъ возлагаетъ на земскія учрежденія. Степень „освѣдомленности“ земскихъ начальниковъ о всемъ томъ, чѣмъ обусловливается выдача пособій, далеко не всегда превосходитъ „освѣдомленность“ земства; все зависитъ здѣсь отъ личныхъ качествъ земскихъ начальниковъ и земскихъ дѣятелей, отъ ихъ энергіи или апатіи, подвижности или неподвижности. Правда, въ большинствѣ уѣздовъ земскихъ начальниковъ больше, чѣмъ членовъ земской управы (считая и предсѣдателя); но развѣ источникомъ „освѣдомленности“ служатъ для земства исключительно личныя наблюденія членовъ управы? Одно изъ преимуществъ земскаго строя заключается именно въ его эластичности, въ расширяемости его рамокъ: и въ нормальное время, а тѣмъ болѣе—въ критическія минуты, къ труду постоянныхъ земскихъ агентовъ присоединяется трудъ земскихъ гласныхъ и множество другихъ мѣстныхъ жителей, готовыхъ работать для земства и вмѣстѣ съ земствомъ. Безспорно, нѣкоторыя изъ этихъ лицъ могутъ откликнуться и на призывъ земскаго начальника; но, при прочихъ равныхъ условіяхъ, организація добровольцевъ гораздо легче и лучше удается земству, чѣмъ чиновнику, привыкшему повелѣвать и разсчитывающему преимущественно на своихъ подчиненныхъ—волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Чрезвычайно знаменательны, съ занимающей насъ точки зрѣнія, слѣдующія слова правительственнаго сообщенія, напечатаннаго въ іюнѣ 1892 г., по окончаніи перваго періода борьбы съ голодомъ: „къ числу серьезныхъ недостатковъ дѣйствующихъ постановленій по народному продовольствію слѣдуетъ отнести *недостатокъ въ средѣ мѣстнаго управленія соотвѣтствующихъ органовъ для живого веденія исполнительной части продовольственныхъ мѣропріятій*“. Итакъ, земскіе начальники (уже существовавшіе въ бо́льшей части губерній, пораженныхъ неурожаемъ 1891 г.) оффиціально признаны „несоотвѣтствующими“ указанной цѣли. „Живое веденіе“ *на мѣстахъ* продовольственнаго, какъ и всякаго другого дѣла, возможно только для мелкой земской единицы; пока ея нѣтъ, приходится довольствоваться временными организаціями (попечительствами и т. п.), созданіе которыхъ для земства гораздо доступнѣе, чѣмъ для земскихъ начальниковъ.

Понимаемый правильно, разсматриваемый не черезъ очки мнимыхъ „охранителей“, опытъ неурожайныхъ годовъ свидѣтельствуетъ о необходимости признать съ самаго начала серьезность бѣдствія и мобилизировать, нимало не медля, всѣ матеріальныя и личныя силы, необходимыя для успѣшной борьбы. Въ закупкѣ и перевозкѣ хлѣба главную роль съ наибольшей пользой можетъ сыграть центральная администрація; здѣсь всего вѣроятнѣе ошибки и упущенія со стороны

Digitized by Google

отдѣльныхъ земствъ, дѣйствующихъ безъ соглашенія между собою. Въ опредѣленіи размѣровъ нужды особенно важенъ зато голосъ земства; оно же наиболѣе компетентно въ организаціи помощи на мѣстахъ при возможно болѣе широкомъ содѣйствіи власти. Контролируя распредѣленіе продовольственныхъ ссудъ, административная власть не будетъ, конечно, стѣснять безконечно-разнообразныя проявленія частной помощи, столь важной какъ дополненіе къ помощи государственной. Обезпечивая бѣдствующему населенію извѣстный минимумъ пропитанія (достаточный для поддержанія не только жизни, но и здоровья), государство не можетъ ни предусмотрѣть, ни удовлетворить всѣхъ другихъ его нуждъ, менѣе настоятельныхъ, но въ высшей степени серьезныхъ; это—задача общества, доказавшаго, въ послѣдніе неурожайные годы, свою готовность и способность ее исполнить. Чѣмъ скорѣе начнется общая работа, тѣмъ лучше: bis dat, qui cito dat!..

Рекомендуя „совсѣмъ освободить“ земскія собранія отъ заботъ о продовольствіи населенія, „охранительная“ печать остается вѣрной широко задуманному плану, съ особенною настойчивостью проводимому ею въ послѣднее время. Основная его мысль, нигдѣ не высказываемая прямо и открыто, но вытекающая изъ массы статей, бьющихъ въ одну точку,—*совершенное упраздненіе земскихъ учрежденій.* Что земство должно быть „освобождено“ отъ заботъ о начальной школѣ—это вопросъ давно уже рѣшенный на страницахъ реакціонныхъ газетъ; что такую же „свободу“ готовитъ земству, въ области медицины, лечебный уставъ 1893 г., пользующійся полнѣйшимъ сочувствіемъ „земствофобовъ“ и хотя и не введенный въ дѣйствіе, но и не отмѣненный,—это также всѣмъ извѣстно. Теперь начинается агитація въ пользу образованія особыхъ „противопожарныхъ присутствій“, которыя, „взамѣнъ думъ и земствъ“, издавали бы мѣстныя обязательныя постановленія о постройкахъ, чисткѣ трубъ, ремонтѣ печей, посадкѣ деревьевъ и т. п. („Московскія Вѣдомости“ № 213). Критика земскаго страхованія отъ огня (тамъ же, № 208) ведется въ такомъ тонѣ, отъ котораго только одинъ шагъ до провозглашенія земства неспособнымъ завѣдывать и этою отраслью мѣстнаго хозяйства. Земство, такимъ образомъ, аттаковано и осаждено со всѣхъ сторонъ; ему уготовляется тихій, незамѣтный конецъ, путемъ постепеннаго сокращенія его аттрибуцій, постепеннаго подрѣзыванья его жизненныхъ корней. Отстраненное отъ школъ, отъ больницъ, отъ страхового, пожарнаго, продовольственнаго, санитарнаго дѣла, сведенное, въ области дорожнаго хозяйства, къ исполненію чужихъ предписаній, стѣсненное въ правѣ ходатайства, земство потеряло бы всякій поводъ къ существованію, и замѣна земскихъ собраній и земскихъ управъ добавочнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія или губернаторской канце-

Digitized by Google

ляріи сдѣлалась бы простымъ вопросомъ времени... Этой „охранительной мечтѣ“ грозитъ большая опасность: а именно, проектируемое, судя по слухамъ, расширеніе земской территоріи, т.-е. введеніе земскаго положенія на окраинахъ Россіи, въ такъ называемыхъ не-земскихъ губерніяхъ. Слишкомъ странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, открыть земскія учрежденія и, оставивъ ихъ безъ серьезнаго дѣла, обречь ихъ на вымираніе и закрытіе. Вотъ почему усилія реакціонной печати направлены одновременно къ подрыву существующихъ земскихъ учрежденій и къ предупрежденію земской реформы на западѣ и югѣ имперіи. Къ разбору аргументовъ, пускаемыхъ въ ходъ съ этой послѣдней цѣлью, мы еще возвратимся: теперь мы хотѣли только указать на тѣсную связь, соединяющую обѣ стороны противоземской агитаціи.

Дѣйствіе новаго закона о рабочемъ времени не ограничено тѣми или другими мѣстностями имперіи; оно распространяется на всю Россію. Отсюда неизбѣжность повсемѣстнаго введенія фабричной инспекціи, а слѣдовательно, и тѣхъ правилъ, которыми регулируется ея дѣятельность. Сфера примѣненія этихъ правилъ, изданныхъ первоначально (3-го іюня 1886 г.) только для трехъ губерній, расширялась, постепенно, все болѣе и болѣе; до изданія закона о рабочемъ времени они дѣйствовали въ двадцати-шести губерніяхъ, а теперь получили силу во всей европейской Россіи. Фабричная инспекція перестаетъ быть явленіемъ чрезвычайнымъ и входитъ, какъ необходимое звено, въ общую систему административныхъ учрежденій. Это, конечно, большой шагъ впередъ; но вполнѣ достигнуть своей цѣли фабричная инспекція, въ настоящемъ своемъ составѣ и устройствѣ, едва ли можетъ. Число ея агентовъ, доходящее, по закону 2-го іюня, до 171, далеко не соотвѣтствуетъ сложности и обширности задачъ, на ней лежащихъ. Разбирая въ свое время [1]) первые отчеты фабричныхъ инспекторовъ, мы старались показать, что реальнымъ и плодотворнымъ надзоръ за промышленными и ремесленными заведеніями можетъ быть только при его близости и непрерывности, при *неоднократномъ* въ теченіе года посѣщеніи *каждаго* промышленнаго заведенія. Для чиновъ фабричной инспекціи, какъ бы ни было увеличиваемо ихъ число, это условіе невыполнимо: при нашихъ разстояніяхъ, при нашихъ путяхъ сообщенія, при разбросанности промышленныхъ заведеній, невозможно, въ большинствѣ мѣстностей, разсчитывать даже на то, что каждое заведеніе будетъ осмотрѣно хотя бы однажды въ годъ. Между тѣмъ, опытъ удостовѣряетъ, что злоупотребленія и без-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 12 „В. Европы“ за 1886 г.

Digitized by Google

порядки раскрываются, преимущественно, именно при повторныхъ посѣщеніяхъ; онъ же свидѣтельствуетъ о томъ, что отъ полиціи активнаго содѣйствія инспекторамъ ожидать нельзя. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія мы продолжаемъ считать обращеніе къ общественнымъ учрежденіямъ и къ частнымъ лицамъ, сочувствующимъ призванію инспекціи; мы продолжаемъ думать, что раздѣлять съ нею наблюденіе за фабриками могли бы земскія и городскія управы, а также по ея приглашенію земскіе и городскіе врачи, гласные земскихъ собраній, священники, учителя начальныхъ и другихъ школъ, мѣстные землевладѣльцы. Облекать ихъ какою-либо властью не было бы надобности: достаточно было бы предоставить имъ право посѣщать промышленныя заведенія и затѣмъ сообщать все замѣченное ими фабричной инспекціи, отъ которой и зависѣло бы принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ. Трудъ каждаго наблюдателя былъ бы невеликъ, и многіе согласились бы нести его безъ всякаго вознагражденія.

Въ какой бы мѣрѣ, однако, ни было осуществлено участіе общества въ надзорѣ за фабриками, руководящая, рѣшающая роль осталась бы, во всякомъ случаѣ, за агентами фабричной инспекціи, какъ представителями правительственной власти. Громадное значеніе имѣетъ, поэтому, выборъ инспекторовъ, функціи которыхъ принадлежатъ къ числу самыхъ трудныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ важныхъ. Первоначальный составъ фабричной инспекціи не оставлялъ желать ничего лучшаго; всего больше было въ немъ врачей, особенно компетентныхъ для санитарнаго надзора, свободныхъ отъ бюрократическаго формализма, близко принимающихъ къ сердцу нужды рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли случай еще раньше, состоя на земской службѣ, ознакомиться съ положеніемъ фабричнаго дѣла. Въ центрѣ великорусской фабричной промышленности въ Москвѣ къ завѣдыванію фабричной инспекціей былъ призванъ извѣстный профессоръ, подготовленный къ своей задачѣ какъ теоретически, такъ и практически, изученіемъ фабричнаго надзора за границей. Отчеты И. И. Янжула и доктора Пескова (владимірскаго фабричнаго инспектора) дали тонъ дѣятельности остальныхъ инспекторовъ и показали, чего можно и должно ожидать отъ новаго учрежденія. Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшей исторіи фабричнаго надзора замѣчается явленіе, слишкомъ часто тормазившее у насъ самыя лучшія начинанія: продолжатель дѣла смотрѣлъ на него иначе, чѣмъ его иниціаторъ, и это отразилось въ бо̀льшей или меньшей степени и на его исполнителяхъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что между агентами фабричной инспекціи теперь особенно многочисленны техники, тогда какъ въ задачахъ инспекціи надъ элементомъ техническимъ преобладаютъ и должны преобладать элементы санитарный, экономическій и юридическій. Слѣ-

Digitized by Google

дуетъ надѣяться, что законы 2-го іюня, широко раздвинувшіе кругъ дѣйствій инспекціи и включившіе ее въ число общихъ нормальныхъ учрежденій имперіи, опять поставятъ ее на тотъ путь, который былъ для нея предначертанъ въ моментъ призванія ея къ жизни, и отведутъ въ ней надлежащее мѣсто категоріямъ дѣятелей, наиболѣе приспособленнымъ къ ея задачамъ [1]). Существенно важнымъ признакомъ желанной перемѣны было бы возвращеніе къ обычаю, существовавшему до 1886 г., а именно, къ оглашенію отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ (или, по меньшей мѣрѣ, подробныхъ изъ нихъ извлеченій). Появившись въ печати, первые отчеты инспекторовъ пролили массу свѣта на положеніе фабричныхъ рабочихъ и возбудили къ нему такой интересъ, который неминуемо долженъ былъ повлечь за собою цѣлый рядъ улучшеній. А между тѣмъ, тогда дѣйствовали только законы 1882, 1884 и 1885 г., относившіеся исключительно къ фабричной работѣ женщинъ и малолѣтнихъ; не были еще введены правила 3-го іюня 1886 г., эта первая попытка регламентировать отношенія между фабрикантами и *взрослыми рабочими мужчинами*. Въ высшей степени важно было бы узнать во всей подробности способъ примѣненія этихъ правилъ, возбуждаемыя ими недоумѣнія и обнаруживающіеся на практикѣ ихъ недостатки и пробѣлы. При составленіи правилъ 1886 г. имѣлась въ виду только небольшая часть Россіи; теперь они получили силу общаго закона—и это уже одно является достаточнымъ поводомъ къ ихъ пересмотру, съ принятіемъ въ соображеніе всѣхъ указаній десятилѣтняго опыта. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 211) отмѣчены недавно три слабыя стороны правилъ 1886 г.: излишнее обиліе формальностей, особенно неудобное для небольшихъ промышленныхъ заведеній; одинаковость каръ за чисто-формальныя и за существенно-важныя нарушенія закона; недостаточность полномочій инспекціи въ возбужденіи уголовныхъ преслѣдованій. Совершенно раздѣляя мнѣніе московской газеты, мы думаемъ, что этимъ далеко не исчерпывается все неудовлетворительное въ правилахъ 1886 г. Въ отчетахъ инспекторовъ, если только въ средѣ инспекціи не вовсе угасъ тотъ духъ, которымъ были одушевлены первые ея представители, навѣрное найдется масса данныхъ, свидѣтельствующихъ о необходимости другихъ поправокъ и дополненій къ фабричному законо-

[1]) Само собою разумѣется, что характеръ дѣятельности фабричной инспекціи, какъ и всякаго другого учрежденія, еще въ большей степени обусловливается направленіемъ, получаемымъ сверху, чѣмъ принадлежностью дѣятелей, по образованію и прежней работѣ, къ тому или другому общественному классу; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать важность и этого послѣдняго фактора, имѣющаго, во всякомъ случаѣ *симптоматическое* значеніе, (въ смыслѣ указанія на вѣянія, господствующія въ руководящихъ сферахъ).

Digitized by Google

дательству. Едва ли справедливо, напримѣръ, оставлять въ силѣ юридическое неравенство между фабрикантомъ и рабочими, выражающееся какъ въ томъ, что первый—въ правѣ, а послѣдніе—не въ правѣ отказаться, безъ суда, отъ дальнѣйшаго исполненія договора, такъ и въ томъ, что за дѣйствіе, для рабочаго влекущее за собою уголовную кару, фабрикантъ можетъ подвергнуться только гражданской отвѣтственности. Едва ли цѣлесообразенъ составъ губернскихъ фабричныхъ присутствій, въ которыхъ вовсе не представлены рабочіе, а большинство членовъ обременены другими занятіями и расположены относиться къ фабричнымъ дѣламъ съ точки зрѣнія чисто-формальной. Едва ли полезно предоставленіе такимъ присутствіямъ судебной власти и права издавать обязательныя постановленія, которое съ гораздо большимъ основаніемъ могло бы быть сосредоточено въ рукахъ земскихъ и городскихъ учрежденій (пользующихся имъ, какъ извѣстно, съ участіемъ и подъ контролемъ администраціи). Лучшимъ средствомъ для провѣрки этихъ и другихъ аналогичныхъ предположеній, возникавшихъ отчасти уже при самомъ обнародованіи закона 3-го іюня 1886 г. [1]), было бы снятіе канцелярской тайны, лежащей, съ 1887 г., на отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ.

Въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ появилась недавно статья, разъясняющая законъ 2-го іюня о рабочемъ времени; она даетъ намъ поводъ возвратиться къ этому важному государственному акту. Установивъ максимумъ рабочаго времени (11½ часовъ—для дневной, 10 часовъ—для ночной работы), законъ допускаетъ, однако, удлиненіе его путемъ *сверхъурочной работы*. Сверхъурочною, по ст. 8-й, считается работа, производимая рабочимъ въ промышленномъ заведеніи въ такое время, когда по правиламъ внутренняго распорядка ему не полагается работы. Сверхъурочныя работы допускаются не иначе, какъ по особому соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочимъ. Въ договоръ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхъурочныхъ работахъ, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства“. „Нельзя не признать—читаемъ мы, по этому поводу, въ „Вѣстникѣ Финансовъ“,—что, съ точки зрѣнія обезпеченія правильнаго соблюденія установленныхъ новымъ закономъ нормъ продолжительности и распредѣленія рабочаго времени, допущеніе сверхъурочныхъ работъ является какъ бы неумѣстнымъ. Однако совершенное воспрещеніе такихъ работъ или чрезмѣрное стѣсненіе ихъ производства неминуемо должно было бы отразиться существеннымъ образомъ на интересахъ какъ рабочихъ, такъ и фабри-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1886 г.

Digitized by Google

кантовъ. Какъ извѣстно, сверхъурочныя работы, по установившемуся почти повсемѣстно обычаю, оплачиваются выше работъ урочныхъ; лишать рабочаго той дополнительной платы, которую онъ можетъ получить за сверхъурочные часы, едва ли есть основаніе, если онъ чувствуетъ себя достаточно свѣжимъ и бодрымъ, чтобы предпринять этотъ трудъ безъ вреда для своего здоровья. Не менѣе существенны интересы фабрикантовъ, которые были бы затронуты воспрещеніемъ или слишкомъ большимъ ограниченіемъ сверхъурочныхъ работъ. Прежде всего существуетъ цѣлый рядъ производствъ, гдѣ сверхъурочныя производства безусловно необходимы,—напримѣръ, производства чисто-химическія, гдѣ не всегда отъ воли завѣдывающаго или мастера зависитъ такъ распредѣлить работы, чтобы окончаніе начатаго процесса или операціи наступило до истеченія нормальнаго рабочаго времени приставленныхъ къ нимъ рабочихъ. Сверхъурочныя работы необходимы также при срочныхъ заказахъ, которыхъ вовсе не можетъ предвидѣть фабрикантъ или заводчикъ, въ производствахъ, пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ краткимъ періодамъ времени, если для владѣльца заведенія невозможно или затруднительно увеличить число рабочихъ". На сколько эта аргументація касается интересовъ рабочаго класса, ее трудно признать убѣдительною. Еслибы мѣриломъ продолжительности работы могло служить субъективное ощущеніе рабочаго, то незачѣмъ было бы и приступать къ регламентаціи рабочаго времени; за рабочими слѣдовало бы сохранить полную „свободу соглашенія" съ фабрикантами, исходя изъ предположенія что каждый—лучшій судья своихъ силъ, своей „свѣжести" и „бодрости" и что никто не станетъ работать въ ущербъ своему здоровью. Практика удостовѣряетъ, однако, что это предположеніе лишено фактическаго основанія: предоставленные самимъ себѣ, рабочіе сплошь и рядомъ берутъ на себя трудъ, превосходящій ихъ силы, и работаютъ не будучи ни свѣжими, ни бодрыми, вслѣдствіе чего увеличивается рискъ несчастныхъ случайностей, подтачивается организмъ, ухудшается качество работы. Соображенія „Вѣстника Финансовъ" идутъ, притомъ, въ разрѣзъ съ самымъ текстомъ закона. Послѣдними словами ст. 8-й разрѣшены только такія сверхъурочныя работы, которыя *оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства.* Какъ бы горячо, поэтому, ни желалъ рабочій получить сверхъурочную работу, въ виду сопряженной съ нею повышенной рабочей платой, его желаніе исполнено не будетъ, если техническія условія производства, въ которомъ онъ занятъ, не требуютъ удлиненія рабочаго времени. И этому нельзя не порадоваться: не будь такого ограниченія, законъ 2-го іюня могъ бы остаться мертвой буквой — рабочее время, сокращенное закономъ, могло бы быть удлиняемо ad libitum соглашеніями между

Digitized by Google

рабочимъ и фабрикантомъ, свободными по формѣ, но на самомъ дѣлѣ вынужденными, со стороны рабочаго, потребностью въ заработкѣ. Остается затѣмъ, въ сущности, только одинъ аргументъ въ пользу сверхъурочныхъ работъ—ссылка на ихъ необходимость въ интересахъ фабрикантовъ. Едва ли, однако, эта необходимость можетъ быть признана постоянною и безусловною: для устраненія неудобствъ, обусловливаемыхъ непривычностью новаго порядка, найдутся, съ теченіемъ времени, средства и помимо сверхъурочной работы (напр. увеличеніе числа рабочихъ смѣнъ и техническія усовершенствованія производства). Сверхъурочную работу, если она въ настоящую минуту ничѣмъ незамѣнима, правильнѣе было бы допустить не текстомъ закона, а переходными правилами, дѣйствіе которыхъ было бы ограничено точно опредѣленнымъ срокомъ. Правила и инструкціи, изданіе которыхъ ст. 9 закона 2-го іюня предоставляетъ подлежащимъ министрамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, должны коснуться, между прочимъ, „производства, распредѣленія и учета сверхъурочныхъ работъ"; но законъ не даетъ этимъ правиламъ обязательно-временнаго, срочнаго характера, и послѣдній часъ для сверхъурочныхъ работъ пробьетъ, быть можетъ, еще нескоро. Нужно надѣяться, по крайней мѣрѣ, что онѣ будутъ введены въ возможно тѣсныя рамки, путемъ ограниченія числа случаевъ, въ которыхъ допущеніе сверхъурочныхъ работъ признается необходимымъ „по техническимъ условіямъ производства" [1]).

Что ст. 9-ая новаго закона предоставляетъ министрамъ издавать, *въ развитіе* закона, подробныя правила и инструкціи какъ о сверхъурочныхъ работахъ, такъ и о распредѣленіи рабочаго времени вообще и для отдѣльныхъ отраслей промышленности въ частности—въ этомъ нѣтъ ничего анормальнаго: законъ, относящійся къ сложнымъ явленіямъ экономической жизни, не можетъ предусмотрѣть всѣхъ деталей, всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, и разъясненіе его путемъ инструкцій или обязательныхъ постановленій встрѣчается въ послѣднее время все чаще и чаще не только у насъ, но и въ западно-европейскихъ государствахъ. Нельзя сказать того же самаго о предоставленіи министрамъ опредѣлять „продолжительность и распредѣленіе рабочаго вре-

[1]) Въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ статей, посвященныхъ нашей печатью закону 2-го іюня („Новое Слово" № 10), выражено предположеніе, что этотъ законъ, съ формально-юридической точки зрѣнія, не даетъ администраціи права ограничивать сверхъурочныя работы, „ибо такое право не указано въ самомъ законѣ". Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, въ виду послѣднихъ словъ ст. 8-ой: право ограничивать сверхъурочныя работы безспорно дано администраціи, хотя и въ недостаточной мѣрѣ. Само собою разумѣется, впрочемъ, что такое право—вовсе не эквивалентъ запрещенія, или ограниченія сверхъурочныхъ работъ, прямо установленнаго закономъ.

Digitized by Google

мени въ производствахъ и работахъ, особенно вредныхъ для здоровья рабочихъ, съ уменьшеніемъ установленной закономъ наибольшей продолжительности рабочаго времени, въ зависимости отъ свойственнаго этимъ производствамъ и работамъ вреда и отъ тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя приняты къ ослабленію онаго". Ничто не мѣшало бы перечислить въ текстѣ закона тѣ производства и работы, которыя требуютъ сокращенія рабочаго времени. Въ австрійскомъ законѣ, напримѣръ, общая (одиннадцатичасовая) длина рабочаго времени сокращена для горной промышленности до десяти часовъ, да и у насъ проектъ лодзинскаго отдѣленія общества для содѣйствія промышленности и торговлѣ предлагалъ опредѣлить закономъ десятичасовое рабочее время для работъ въ рудникахъ и копяхъ, одиннадцатичасовое—для производствъ по обработкѣ металловъ, и двѣнадцатичасовое,—для всѣхъ остальныхъ. Относительно работъ въ рудникахъ въ самомъ законѣ 2-го іюня сдѣлана оговорка, что время, употребляемое рабочимъ на спускъ въ рудникъ и на подъемъ оттуда, считается рабочимъ временемъ. Аналогичныя оговорки могли быть сдѣланы, очевидно, и по отношенію къ другимъ производствамъ... Министрамъ разрѣшается, далѣе, „допускать, когда это признано будетъ необходимымъ по свойству производства (непрерывность и проч.) или по свойству работъ (уходъ за паровыми котлами, приводами, ремонтъ текущій и экстренный, и т. д.) и въ другихъ особо важныхъ исключительныхъ случаяхъ—отступленія отъ требованій закона *въ смыслѣ усиленія* сихъ требованій или уменьшенія оныхъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности или „отдѣльныхъ заведеній и разрядовъ рабочихъ". *Усиленіе требованій* равносильно уменьшенію права, дарованнаго закономъ, а къ *уменьшенію правъ* административныя распоряженія клониться не должны. Между закономъ, точно опредѣляющимъ максимумъ рабочаго времени, и административною инструкціею, повышающею максимумъ, будетъ существовать противорѣчіе, не соотвѣтствующее значенію и назначенію закона. Если къ нѣкоторымъ отраслямъ промышленности или нѣкоторымъ видамъ работъ законъ 2-го іюня, безъ серьезныхъ неудобствъ, не можетъ быть примѣненъ немедленно и всецѣло, то перечень такихъ производствъ и работъ могъ бы быть данъ въ самомъ законѣ, съ указаніемъ *срока*, на который могутъ быть установлены, путемъ инструкціоннымъ, изъятія изъ общаго правила, а также *предѣловъ*, дальше которыхъ изъятія не должны простираться. Изъ статьи „Вѣстника Финансовъ", о которой мы уже упоминали, видно, что при изданіи закона 2-го іюня имѣлось въ виду избѣжать *рѣзкаго* сокращенія рабочаго времени, такъ какъ оно могло бы привести къ значительному уменьшенію производства предметовъ первой необходимости; но сокращеніе рабочаго времени, въ размѣрахъ,

Digitized by Google

установленныхъ текстомъ закона, вовсе, за рѣдкими исключеніями, и не будетъ *тѣснымъ*, такъ какъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ рабочій день не превышалъ у насъ двѣнадцати часовъ.

Законъ 2 іюня долженъ быть введенъ въ дѣйствіе съ 1 января 1898 г.; подлежащимъ министрамъ предоставлено примѣнять его и раньше, но нигдѣ не говорится о возможности болѣе поздняго его примѣненія. Предположеніе „Московскихъ Вѣдомостей", что „нѣкоторымъ мѣстностямъ придется дать льготный срокъ для подготовки предпріятій ко введенію въ дѣйствіе закона о нормировкѣ рабочаго дня", является, поэтому, прямо противорѣчащимъ буквѣ закона. „Въ большинствѣ промышленныхъ заведеній Россіи, — говоритъ московская газета,—рабочій день составляетъ двѣнадцать часовъ, *что представляетъ большое удобство вести суточную работу двумя смѣнами*". Въ этихъ послѣднихъ словахъ слышится какъ бы сожалѣніе о томъ, что максимумъ рабочаго времени опредѣленъ въ $11^1/_2$ и 10 часовъ, а не въ 12, безъ различія между днемъ и ночью; *удобство* для фабриканта—вести работу цѣлыя сутки, ограничиваясь двумя смѣнами, цѣнится, повидимому, выше, чѣмъ неудобство—для рабочихъ—работать двѣнадцать часовъ какъ въ дневную смѣну, такъ и въ ночную. Спѣшимъ замѣтить, впрочемъ, что этимъ легкимъ вздохомъ и ограничивается, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", критика новаго закона. Прошло то время, когда московская консервативная печать (не исключая и „Руси") возставала, какъ одинъ человѣкъ, противъ первыхъ попытокъ фабричнаго законодательства и вторила жалобамъ московскихъ фабрикантовъ; теперь „Московскія Вѣдомости" готовы даже гордиться тѣмъ, что „русскій рабочій поставленъ въ болѣе благопріятныя условія сравнительно съ западно-европейскимъ". Гордиться-то, положимъ, нечѣмъ, потому-что въ Швейцаріи и Австріи узаконенное рабочее время короче, чѣмъ у насъ [1]); но знаменательно уже и то,

[1]) Преимуществомъ нашего закона, сравнительно съ западно-европейскимъ, „Московскія Вѣдомости" считаютъ, между прочимъ, усиленное сокращеніе *ночного* рабочаго времени, чего, будто бы, „вовсе не касается западно-европейское фабричное законодательство". На самомъ дѣлѣ, швейцарское законодательство идетъ гораздо дальше нашего, *вовсе* запрещая ночную работу не только женщинъ и подростковъ, но и мужчинъ, за немногими исключеніями, допускаемыми съ разрѣшенія союзнаго совѣта. У насъ, по закону 2 іюня, ночнымъ временемъ считается время отъ 9 час. веч. до 5 час. утра или отъ 10 час. веч. до 4 час. утра (смотря по тому, производится ли работа одною или нѣсколькими смѣнами); за границей оно, вообще говоря, болѣе продолжительно, обнимая собою въ Германіи и Австріи девять, въ Англіи—двѣнадцать часовъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ для государственныхъ мастерскихъ установленъ съ 1840 г. десятичасовой, съ 1868 г. — восьмичасовой рабочій день; въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ штатахъ восьмичасовой день принятъ для всѣхъ вообще рабочихъ.

Digitized by Google

что регламентація фабричнаго труда не встрѣчаетъ болѣе со стороны нашихъ „охранителей“ принципіальныхъ возраженій. Чѣмъ объяснить это явленіе? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что оно имѣетъ двѣ главныя причины: укорененіе, въ „охранительной прессѣ“, привычки во всемъ и всегда одобрять дѣйствія администраціи (тогда какъ въ восьмидесятыхъ годахъ велась усиленная борьба то противъ министерства юстиціи, то противъ министерства финансовъ)—и перемѣну въ настроеніи фабрикантовъ, убѣдившихся, на опытѣ, въ неизбѣжности ограниченія рабочаго времени.

Существенно важнымъ пробѣломъ въ законѣ 2-го іюня является отсутствіе назначенія особыхъ каръ за несоблюденіе его постановленій. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, „при тѣхъ громадныхъ выгодахъ, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ получить его нарушители, было бы желательно привлекать виновныхъ къ дѣйствительно серьезной *судебной* отвѣтственности, а между тѣмъ никакихъ *спеціальныхъ* наказаній за нарушенія этого, совершенно *спеціальнаго* по своимъ особенностямъ закона не имѣется. Такимъ образомъ, неисполненіе его можно будетъ подвести лишь подъ „нарушеніе *правилъ* внутренняго распорядка“, которое карается, по уставу о промышленности, въ административномъ порядкѣ (фабричными присутствіями), наложеніемъ штрафа отъ 25 до 100 рублей, т.-е. такимъ наказаніемъ, которое налагается за неправильность въ веденіи именного списка рабочихъ и за тому подобные неособенно важные проступки. Несоотвѣтствіе очевидное“— столь очевидное, прибавимъ мы отъ себя, что оно можетъ быть приписано только недосмотру, исправленія котораго слѣдуетъ ожидать въ самомъ непродолжительномъ времени.

Кромѣ законовъ о рабочемъ времени и о распространеніи круга *дѣйствій* фабричной инспекціи и фабричныхъ правилъ, конецъ законодательной сессіи 1896—97 г. принесъ еще нѣсколько другихъ, болѣе или менѣе важныхъ нововведеній. 26-го мая Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта, измѣняющее правила объ отвѣтственности губернаторовъ за преступленія должности. Главное изъ этихъ измѣненій состоитъ въ томъ, что опредѣленія прав. сената о назначеніи надъ губернаторами слѣдствія, о преданіи ихъ суду и о временномъ устраненіи или совершенномъ удаленіи ихъ отъ должности будутъ отнынѣ приводимы въ исполненіе не иначе, какъ по *спро*шеніи на то, черезъ комитетъ министровъ, Высочайшаго разрѣшенія. Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, объясненіе этой перемѣны слѣдуетъ искать въ томъ, что въ послѣдніе годы неоднократно приходилось предупреждать, путемъ „экстраординарныхъ мѣръ“,

Digitized by Google

привлеченіе губернаторовъ къ судебной отвѣтственности „по дѣламъ далеко не первостепенной важности, долженствовавшимъ, по самому своему свойству, окончиться или ничтожнымъ взысканіемъ, или даже прямымъ оправданіемъ". „Въ большинствѣ случаевъ, — увѣряетъ московская газета, — дѣйствія начальниковъ губерній были къ тому же лишь формально неправильными, въ дѣйствительности же вызывались вполнѣ уважительными мотивами административнаго свойства; между тѣмъ сенатъ, въ виду формальнаго нарушенія закона, не могъ освобождать обвинявшихся отъ привлеченія къ отвѣтственности". Эти объясненія и увѣренія кажутся намъ крайне неправдоподобными. Предвидѣть заранѣе исходъ судебнаго дѣла, въ моментъ разсмотрѣнія его въ обвинительной камерѣ, нельзя, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда обвиненіе очевидно лишено всякаго серьезнаго основанія; но такою опытною, административно-судебною коллегіею, какъ первый департаментъ сената, явно неосновательное обвиненіе едва ли признавалось когда-либо достаточнымъ для преданія суду. Не только сенатъ, но и всякая другая обвинительная камера имѣетъ безспорное право прекратить дѣло о чисто-формальномъ нарушеніи закона или направить его въ порядкѣ дисциплинарнаго производства. Это вытекаетъ съ особенною ясностью изъ ст. 340 Улож. о наказ., по которой не считается превышеніемъ власти принятіе должностнымъ лицомъ, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной мѣры, если будетъ доказано, что она въ видахъ государственной пользы была необходима или не могла, безъ видимой опасности или вреда для службы, быть отложена до высшаго разрѣшенія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на основаніи этой статьи обвиняемый въ превышеніи власти можетъ быть не только оправданъ судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу, но и освобожденъ отъ преслѣдованія обвинительною камерою. Если сенатъ находилъ нужнымъ предать губернатора суду за превышеніе власти, то это значитъ, что въ дѣйствіяхъ обвиняемаго усматривались признаки реальнаго, а не формальнаго закононарушенія, слишкомъ важнаго, притомъ, чтобы можно было ограничиться взысканіемъ дисциплинарнымъ. А между тѣмъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что предметомъ дѣлъ о судебной отвѣтственности губернаторовъ, доходившихъ до сената, служило, въ большинствѣ случаевъ, именно превышеніе власти... Не болѣе основательны и другія замѣчанія „Московскихъ Вѣдомостей", по поводу закона 26-го мая. „Судебный процессъ— восклицаетъ московская газета—почти всегда подрываетъ авторитетъ начальника въ глазахъ мѣстнаго населенія". Можно сказать утвердительно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда сенатъ находилъ основанія для возбужденія противъ губернатора судебнаго преслѣдованія, авторитетъ

Digitized by Google

губернатора въ глазахъ мѣстнаго населенія былъ подорванъ уже раньше, и подорванъ не обвиненіемъ, а дѣйствіями, подавшими къ нему поводъ; не даромъ же губернаторы, привлекавшіеся къ суду, рѣдко оставались въ должности, хотя бы судебное о нихъ производство и было прекращено экстраординарными мѣрами. Съ этой точки зрѣнія, опредѣленіе сената, состоявшееся противъ губернатора, сохранитъ значеніе и при дѣйствіи закона 26-го мая, хотя бы оно, въ силу вновь установленнаго порядка, и осталось безъ исполненія... Московская газета полагаетъ, что при новомъ порядкѣ дѣламъ о проступкахъ губернаторовъ легче будетъ получать направленіе „сообразное государственнымъ пользамъ"; намъ кажется, что высшая государственная польза—осуществленіе правосудія одинаково для всѣхъ, не взирая на чины и званія... По ст. II закона 26-го мая, правила относительно объявленія прав. сенатомъ, въ порядкѣ надзора, замѣчаній и выговоровъ губернаторамъ сохраняются въ силѣ и на будущее время. Это, собственно говоря, разумѣлось само собою: всякій законъ продолжаетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ отмѣненъ или замѣненъ другимъ закономъ. Если признано нужнымъ прямо указать, что сенатъ по прежнему имѣетъ право дѣлать губернаторамъ, собственною властью, замѣчанія и выговоры, то отсюда слѣдуетъ заключить, что возникалъ вопросъ объ отмѣнѣ этого права, но разрѣшенъ отрицательно. Этому нельзя не порадоваться. Лишить сенатъ дисциплинарной власти надъ губернаторами, значило бы поколебать авторитетъ высшаго судебно-административнаго учрежденія имперіи и до крайности затруднить для него исполненіе безъ того уже нелегкой обязанности охранять законность и законъ противъ административнаго усмотрѣнія.

2-го іюня Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта, разрѣшающее принимать въ спб. высшій медицинскій институтъ не-христіанокъ, въ числѣ не свыше 5% общаго комплекта слушательницъ, съ тѣмъ, чтобы число лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія не превышало 3% означеннаго общаго комплекта. Этимъ закономъ исправленъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ положенія о женскомъ медицинскомъ институтѣ. Безусловное запрещеніе не-христіанкамъ поступать въ институтъ было бы не только несправедливо, но и вредно, затрудняя распространеніе правильной медицинской помощи на окраинахъ имперіи, особенно среди мусульманскаго населенія. Исторія высшихъ врачебныхъ курсовъ показываетъ съ полною ясностью, что не-христіанки, въ качествѣ врачей, могутъ принести столько же пользы, сколько и христіанки, и что нѣтъ причины отстранять ихъ отъ дѣя-

Digitized by Google

тельности, къ которой многія изъ нихъ чувствуютъ настоящее призваніе.

Мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 26-го мая, рѣшено отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1897 г., по $1^1/_2$ милліона рублей въ годъ въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ по смѣтѣ св. синода на нужды начальнаго народнаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оберъ-прокурору св. синода и министру народнаго просвѣщенія поручено принять зависящія отъ нихъ мѣры къ охраненію въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія единства направленія и съ этою цѣлью имѣть неослабное наблюденіе, чтобы обученіе въ начальныхъ школахъ какъ духовнаго, такъ и гражданскихъ вѣдомствъ, сообщая подростающимъ поколѣніямъ народа необходимыя для жизни свѣденія, воспитывало и укрѣпляло ихъ въ духѣ вѣры и доброй нравственности. Оберъ-прокурору св. синода поручено разработать по указаніямъ опыта и внести, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, на утвержденіе въ общеустановленномъ порядкѣ положеніе о школахъ, состоящихъ въ вѣденіи приходскаго духовенства. Нельзя не пожалѣть, что параллельно съ возрастаніемъ государственныхъ ассигновокъ на школы духовнаго вѣдомства не идетъ такое же увеличеніе средствъ, которыми располагаетъ, въ области начальнаго обученія, министерство народнаго просвѣщенія; но всякая новая затрата на народное образованіе составляетъ, конечно, существенно важный шагъ впередъ, и съ этой точки зрѣнія законъ 26-го мая нельзя не признать явленіемъ отраднымъ. Весьма знаменательны, какъ намъ кажется, оба порученія, данныя государственнымъ совѣтомъ. Первое свидѣтельствуетъ о томъ, что воспитаніе въ духѣ вѣры и доброй нравственности признается одинаково осуществимымъ въ школахъ обоихъ вѣдомствъ, духовнаго и гражданскаго. Съ такимъ взглядомъ на дѣло несовмѣстимо убѣжденіе въ *безусловномъ* превосходствѣ церковно-приходскихъ школъ, а слѣдовательно и сведеніе начальныхъ училищъ къ одному типу, исключающему всѣ остальные... Второе порученіе, возлагающее на оберъ-прокурора св. синода выработку особаго положенія о школахъ духовнаго вѣдомства, подтверждаетъ еще разъ, что о сліяніи всѣхъ начальныхъ училищъ въ одну группу, о подчиненіи ихъ всѣхъ одному вѣдомству, нѣтъ болѣе и рѣчи. Оно показываетъ также, что на мѣсто „правилъ“ о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты, изданныхъ въ 1884 и 1891 гг., по непосредственному представленію духовнаго вѣдомства, предполагается поставить „положеніе“, утвержденное „въ общеустановленномъ порядкѣ“, т.-е. проведенное, какъ этого требуютъ наши основные законы, черезъ государственный совѣтъ. При пересмотрѣ постановленій, относящихся къ школамъ духовнаго вѣдомства, будетъ

Digitized by Google

по всей вѣроятности, поставленъ вопросъ, существуетъ ли достаточное основаніе для сосредоточенія въ вѣденіи духовенства всѣхъ школъ грамоты, кѣмъ бы онѣ ни были открываемы и содержимы. Въ самомъ дѣлѣ, если земства, города, сельскія общества, частныя лица могутъ учреждать нормально-организованныя начальныя школы, подвѣдомственныя министерству народнаго просвѣщенія, то не легко понять, почему они лишены соотвѣтствующаго права по отношенію къ школамъ грамоты. Кто имѣетъ право на бо̀льшее, тому, повидимому, ничто не мѣшало бы предоставить и право на меньшее.

Въ смыслѣ равноправности начальныхъ школъ всѣхъ группъ и категорій составлено и Высочайше утвержденное 12 мая мнѣніе государственнаго совѣта объ отводѣ сельскимъ начальнымъ училищамъ земельныхъ отъ казны участковъ и о безденежномъ отпускѣ имъ казеннаго лѣса. Этотъ законъ не дѣлаетъ никакого различія между начальными училищами вѣдомства народнаго просвѣщенія (сельскими училищами всякихъ наименованій) и вѣдомства православнаго исповѣданія (сельскими школами церковно-приходскими и грамоты). Для примѣненія закона требуется только одно: чтобы училище „представляло необходимыя условія прочнаго существованія“, т.-е. не рисковало бы внезапно остаться безъ средствъ, обезпечивающихъ его дѣятельность. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, законъ 12 мая заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія. Земельные участки (въ размѣрѣ *до* трехъ десятинъ) предполагается отводить безвозмездно изъ казенныхъ земель для хозяйственныхъ и педагогическихъ надобностей какъ самихъ училищъ, такъ и учащихъ, и учащихся. Съ этою цѣлью допускается, при неимѣніи свободной казенной земли вблизи училища, обмѣнъ казенныхъ угодій, въ размѣрѣ не свыше 15 десятинъ, на находящіяся въ близкомъ отъ училища разстояніи, хотя бы и меньшаго размѣра, земли частныхъ лицъ или учрежденій, а равно крестьянскія надѣльныя земли. Акты о такомъ обмѣнѣ освобождаются отъ гербоваго сбора и отъ уплаты пошлинъ крѣпостной и канцелярской. Что касается до безденежнаго отпуска казеннаго лѣса, то онъ можетъ быть производимъ, съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, какъ на постройку и ремонтъ училищъ, такъ на ихъ отопленіе. Все это вмѣстѣ взятое можетъ внести существенную перемѣну къ лучшему въ матеріальное положеніе училищъ и учащихъ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЯ ЧАСТНЫЯ ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ.

По личнымъ воспоминаніямъ.

I.

До конца крымской войны въ Россіи была только одна частная желѣзная дорога, а именно—царскосельская. Казенная дорога была также только одна—николаевская; да сверхъ того началась строиться с.-петербурго-варшавская, доведенная, впрочемъ, только до Гатчины, и то не совсѣмъ [1]).

Общественное мнѣніе единогласно приписывало наши неудачи въ этой войнѣ, главнѣйше, отсутствію желѣзно-дорожнаго сообщенія отъ Москвы до Крыма. Поэтому постройка, хотя бы только на первый разъ, однѣхъ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ представлялась и правительству, и обществу, вопросомъ неотложнымъ и первостепеннаго значенія. Но война нанесла такіе жестокіе удары нашему и безъ того весьма слабому экономическому благосостоянію, какъ государственному, такъ и общественному, что нельзя было и думать строить дороги не только на счетъ казны, но и на народныя сбереженія, безъ участія иностранныхъ капиталовъ и даже иностранныхъ матеріаловъ, по крайне скудному производству у насъ желѣза и чугуна, сосредоточенному тогда почти исключительно на Уралѣ, гдѣ уже давно ощущался недостатокъ въ лѣсѣ по сосѣдству руды.

Кромѣ того, было и общее убѣжденіе, что намъ нужны и иностранные инженеры, и даже иностранные администраторы, за полнымъ почти отсутствіемъ у насъ опытныхъ и практическихъ свѣдѣній по постройкѣ и управленію желѣзными дорогами.

Въ постройкѣ первой сѣти желѣзныхъ дорогъ наибольшее участіе было предоставлено французскимъ капиталамъ и французскимъ инженерамъ и администраторамъ.

Образовавшійся затѣмъ за границею синдикатъ первоклассныхъ банкирскихъ домовъ (Гопе, Беринъ, Готенгръ и Мендельсонъ, а у насъ бар. Штиглицъ)-не встрѣтилъ никакого затрудненія къ выпуску пред-

[1]) Кромѣ того, въ царствѣ польскомъ въ 1843 г. начата правительствомъ постройка варшавско-вѣнской дороги, и въ 1845 г. открытъ для движенія участокъ въ 28 верстъ отъ Варшавы до Гродзиска, а въ 1848 г. открыто движеніе по всей дорогѣ.

Digitized by Google

полагавшихся 600 т. акцій по 125 р. всего на 75 м. металлическихъ, а черезъ два года (въ 1858) и 70 т. облигацій по 500 фр. каждая, такъ какъ и тѣмъ, и другимъ, была дарована безусловная 5-ти и 4% гарантія впредь до ихъ погашенія въ 85-ти-лѣтній срокъ, начиная съ 1867 года. Быстрому разбору у насъ акцій главнаго общества много способствовало слѣдующее обстоятельство.

Въ ломбардѣ оказались въ то время громадные вклады, которые его обременяли. Поэтому бывшій министръ финансовъ, Брокъ, поспѣшилъ уменьшить ломбардные проценты съ 5 на 4, находя это выгоднымъ уже и потому, что тѣмъ самымъ облегчалось и государственное казначейство, долги котораго казеннымъ кредитнымъ учрежденіямъ съ давнихъ временъ были весьма значительны. Понятно, съ какимъ рвеніемъ публика вслѣдствіе того поспѣшила промѣнивать свои ломбардные билеты, какъ говорили тогда, „съ птичкою"—на новыя акціи—„съ мѣднымъ всадникомъ".

Агенты не успѣвали удовлетворять требованіямъ публики, работая день и ночь.

Обществу, по уставу, было предоставлено право на постройку слѣдующихъ четырехъ, весьма знатительныхъ по протяженію, линій, а именно: 1-я—изъ С.-Петербурга въ Варшаву съ вѣтвью черезъ Ковно къ прусской границѣ; 2-я—изъ Москвы въ Нижній Новгородъ; 3-я—изъ Москвы черезъ Орелъ и Курскъ въ Ѳеодосію, и 4-я—изъ Орла или Курска въ Либаву.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ уже стало ясно, что акціонерный и облигаціонный капиталъ будетъ далеко не достаточнымъ для такого огромнаго предпріятія. Но французы, изъ которыхъ состояла почти вся администрація новаго общества, за исключеніемъ высшей инстанціи—совѣта, не унывали. То рвеніе, съ которымъ подписывались на акціи, вселило въ нихъ убѣжденіе, что въ Россіи денегъ—масса. По этому же самому, они не были особенно бережливы на расходы и перенесли въ Петербургъ всю обстановку Парижа. Квартира главнаго директора Колиньона стоила баснословныхъ денегъ; строители даже маленькихъ участковъ, при сдачѣ работъ другому лицу, устраивали пиршества и въ центральное управленіе поступали счеты также и за шампанское, устрицы, дюшессы и т. п. Французы старались при этомъ всякіе заказы для общества дѣлать отнюдь не въ Россіи, а во Франціи. Такъ, напр., бланки съ французскими и русскими заголовками были запасены въ такомъ громадномъ количествѣ, что ихъ нельзя было израсходовать вполнѣ даже въ двадцать лѣтъ. Когда еще не были прекращены, за недостаткомъ средствъ, работы на ѳеодосійской линіи, то подчиненные Колиньона купили на счетъ общества дачу близъ Орла, на случай его поѣздки на югъ. Но онъ изъ Петербурга

Digitized by Google

никогда не выѣзжалъ, и дачу пришлось продать за безцѣнокъ. Была, говорили тогда, пріобрѣтена карета для пріѣзда изъ Франціи нѣкоей m-lle Lise, выписанной оттуда однимъ изъ французскихъ инженеровъ. Дѣло всегда состояло только въ томъ, чтобы для уплаты были представляемы подлинные счета, а правильно или неправильно былъ произведенъ расходъ, до этого не было никому никакого дѣла. Кто захочетъ вообще познакомиться съ канцелярскими порядками французской администраціи того времени, тотъ можетъ прочесть брошюрку E. Gaboriot: „Nos gens de bureau".

Конечно, весьма скоро оказалось, что идти долго по этому пути было нельзя, а выпустить новыя облигаціи въ виду стѣсненнаго тогда положенія международнаго денежнаго рынка оказалось невозможнымъ. Поэтому намъ приходилось или признать общество несостоятельнымъ, или преобразовать его на новыхъ началахъ, предоставивъ ему средства построить хотя только половину уступленныхъ ему четырехъ дорогъ. Послѣднее и было исполнено изданіемъ новаго устава 3-го ноября 1861 года. Этотъ уставъ закончилъ періодъ французскаго общества и началъ новый періодъ—нашъ.

II.

Новый уставъ существенно разнился отъ прежняго: во-первыхъ, общество обязывалось построить только двѣ дороги: с.-петербурго-варшавскую, съ вѣтвью черезъ Ковно къ прусской границѣ, и московско-нижегородскую; во-вторыхъ, обществу было оказано весьма щедрое отъ казны пособіе въ 28 милл. руб. на тѣхъ же, весьма льготныхъ условіяхъ, какъ и по первому уставу, а именно, что оно уплачиваетъ долгъ только изъ половины избытка, который будетъ получать сверхъ гарантированныхъ по конвенціи процентовъ, съ начисленіехъ 4-хъ простыхъ процентовъ, но съ тѣмъ, что этотъ долгъ не принимается вовсе въ разсчетъ ни при погашеніи акцій въ назначенный по концессіи 85-ти-лѣтній срокъ, ни въ случаѣ выкупа дорогъ правительствомъ по истеченіи первыхъ 20 лѣтъ,—съ 1867 года. Такъ какъ с.-петербурго-варшавская и московско-нижегородская дороги, до самаго послѣдняго времени, рѣдко выходили изъ гарантіи, и когда это случалось, избытокъ былъ всегда весьма незначительный, а потому исчисленіе капитальнаго долга и процентовъ по годамъ въ сущности было довольно невиннымъ ариѳметическимъ упражненіемъ для бухгалтеровъ кредитной канцеляріи.

Кромѣ того, въ совѣтъ управленія было назначено четыре правительственныхъ члена: три отъ инженернаго вѣдомства и одинъ отъ

Digitized by Google

министерства финансовъ, съ правами и обязанностями равными съ членами отъ акціонеровъ, но съ тѣмъ, что въ дѣлахъ, по коимъ предстоитъ расходъ свыше 100 тыс. руб. и вообще въ дѣлахъ важныхъ по своимъ послѣдствіямъ на доходность дорогъ, если всѣ присутствующіе правительственные члены будутъ единогласнаго мнѣнія, противнаго большинству, то разногласіе представляется на разрѣшеніе главноуправляющаго путями сообщенія.

Тяжелое наслѣдство выпало на долю новаго совѣта. Деньги почти всѣ были израсходованы, а между тѣмъ ни одна изъ двухъ дорогъ не была достроена. Полученіе отъ казны небольшихъ остатковъ было обставлено такими формальностями, которыя неизбѣжно замедляли это полученіе. Даже уплата 889 т. р. по купонамъ облигацій 1-го октября 1861 года возбудила пререканія между главноуправляющимъ и обществомъ. Оно состояло въ томъ, что общее собраніе общества, которое приняло новыя условія, вошедшія впослѣдствіи въ уставъ 3-го ноября 1861 года, происходило еще въ іюнѣ того же года, и во французскомъ подлинникѣ протокола было сказано, что уплату купоновъ по облигаціямъ правительство принимаетъ на себя нынѣ же (d'or et déjà). Совѣтъ и утверждалъ поэтому, что всѣ купоны, срокъ коимъ наступалъ послѣ этого собранія, должны быть выплачиваемы правительствомъ. Главноуправляющій же настаивалъ, что слово: *тоже*, помѣщенное въ новомъ уставѣ, касается только купоновъ, срокъ коимъ наступалъ послѣ 3-го ноября 1861 года, такъ какъ до Высочайшаго утвержденія этого устава онъ не имѣлъ права принять уплату на счетъ казны, не испросивъ на то особаго Высочайшаго разрѣшенія. Къ счастію общества, министръ финансовъ разсѣкъ этотъ Гордіевъ узелъ однимъ словомъ: „Да кто-нибудь долженъ же заплатить купоны".

Какъ велико было безденежье, можно судить по тому, что полицейскій агентъ въ 1862 году являлся въ домъ общества для опечатанія кассы за долгъ въ 800 рублей. Полное незнаніе французами Россіи было въ то время феноменально. Довольно сказать, что они сомнѣвались, найдутъ ли у насъ нужное число плотниковъ, и выписали ихъ изъ Франціи, размѣстивъ ихъ по нумерамъ Знаменской гостинницы. Это незнаніе и было одною изъ главныхъ причинъ многихъ тяжебныхъ дѣлъ, возникшихъ со стороны подрядчиковъ и поставщиковъ; нѣкоторые (французы) изъ нихъ перенесли свои тяжбы во французскіе суды, такъ какъ, по первому уставу общества, мѣстопребываніемъ его былъ назначенъ и Петербургъ, и Парижъ. Поэтому, во избѣжаніе въ будущемъ непроизводительныхъ расходовъ, нужно было отдѣлаться отъ французовъ какъ можно скорѣе. Но по ихъ контрактамъ, заключеннымъ въ Парижѣ, они имѣли право, во всякомъ случаѣ, при увольненіи получать денежныя преміи. Чтобы судить, какъ велики были

Digitized by Google

эти премiи, можно упомянуть, что Колиньонъ получилъ 500 тысячъ франковъ, всѣ главные инженеры по 200 тысячъ и т. д. до начальниковъ участковъ включительно. Если дѣла могли еще кое-какъ идти, то только при благосклонномъ содѣйствiи правительственныхъ учрежденiй, а въ особенности министерства финансовъ. Но вскорѣ (въ 1868 году) и обществу представился случай оказать услугу, а именно принятiемъ самыхъ энергическихъ мѣръ къ скорѣйшему окончанiю вилейскаго и варшавскаго участковъ, что дозволило перевезти на театръ польскаго возстанiя значительное число войскъ. По смѣлой инiцiативѣ бывшаго тогда предсѣдателя совѣта, графа Баранова, для этой цѣли были израсходованы, безъ всякаго предварительнаго разрѣшенiя, даже деньги ($1^1/_2$ милл. р.), подлежавшiя немедленному внесу въ казну въ счетъ гарантiи за минувшiй годъ. Кромѣ того, общество приняло на себя обязательство, согласно требованiю виленскаго генералъ-губернатора графа Муравьева, вырубить лѣсъ по сторонамъ дороги и построить бараки для войскъ.

Въ 1864 году К. В. Чевкинъ оставилъ министерство путей сообщенiя и вскорѣ былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента экономiи государственнаго совѣта. На вопросъ одного изъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, зачѣмъ онъ оставилъ министерство, онъ отвѣчалъ: „Мнѣ у васъ нечего дѣлать, такъ какъ Рейтернъ мнѣ объявилъ, что до тѣхъ поръ, пока курсъ не будетъ al pari, ни одна лопата не пошевелится для постройки какой бы то ни было желѣзной дороги". А именно Рейтерну мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ около 18 тысячъ желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ въ сравнительно короткiй промежутокъ времени (около 13 лѣтъ) и притомъ при самыхъ тяжелыхъ финансовыхъ обстоятельствахъ. Но дѣло въ томъ, что послѣ неудавшейся попытки къ возстановленiю полной цѣнности кредитнаго рубля, Рейтернъ пришелъ къ убѣжденiю, что лучшимъ средствомъ къ поднятiю производительныхъ силъ Россiи было покрытiе ея сѣтью желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ не одно стратегическое, но и коммерческое значенiе.

Нельзя было, однако, и думать, чтобы это возможно было предпринять на средства казны, при тогдашнихъ хроническихъ дефицитахъ. Поэтому Рейтернъ задумалъ образовать особый желѣзнодорожный фондъ, для воспособленiя частнымъ предпринимателямъ, внѣ всякой зависимости отъ ежегодныхъ бюджетныхъ соображенiй. Кромѣ того, онъ питалъ непреодолимое отвращенiе (можетъ быть и одностороннее, безъ вниманiя къ улучшившимся уже тогда нравамъ казенныхъ строителей и администраторовъ) къ казенной постройкѣ и эксплуатацiи, въ виду плачевныхъ результатовъ постройки и эксплуатацiи николаевской дороги. Ему приписываютъ слова: „Меня упрекаютъ, что я обогатилъ Дервиза и Мека; но на дорогу отъ Москвы до Рязани я пред-

Digitized by Google

лагалъ нашимъ инженерамъ болѣе высокую поверстную плату, а они все-таки считали ее недостаточною; въ чемъ же тутъ моя вина"?

Рейтернъ рѣшился тогда заключить въ 1866 году облигаціонный заемъ подъ обезпеченіе доходами николаевской дороги, притомъ съ условіемъ передачи ея въ аренду частному обществу. Тогда многіе говорили, что подобный, неслыханный до того времени, заемъ, съ указаніемъ такого источника для уплаты, роняетъ достоинство государства. Но оказалось, что даже и при этомъ условіи 4%-ный заемъ могъ быть реализованъ въ Парижѣ по крайне низкому курсу 61% за сто—такъ велико было тогда стѣсненіе международнаго денежнаго рынка и такъ былъ невеликъ на немъ нашъ кредитъ. За симъ, для обсужденія вопроса, кому отдать въ аренду дорогу и на какихъ условіяхъ, было назначено особое присутствіе изъ министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя. По этому дѣлу явились три конкуррента: главное общество, синдикатъ московскихъ купцовъ-капиталистовъ и состоявшій тогда контрагентомъ по подвижному составу николаевской дороги, американецъ Уайненсъ.

Хотя условія, предложенныя послѣднимъ, были наиболѣе выгодными для казны, но они были безусловно отвергнуты, даже безъ разсмотрѣнія—такъ сильно было недовѣріе къ лицу, съумѣвшему нажить десятки милліоновъ изъ контракта на смазку и текущій ремонтъ паровозовъ и вагоновъ, при довольно слабомъ еще тогда движеніи по николаевской желѣзной дорогѣ. Значительное большинство было за москвичей, а незначительное меньшинство, съ министромъ финансовъ во главѣ—за главное общество. Аргументы, приводимые М. Х. Рейтерномъ, были слѣдующіе: во-первыхъ, во владѣніи одного общества была бы тогда сосредоточена цѣлая сѣть дорогъ, соединяющая Волгу съ Балтійскимъ моремъ и западною границею, что несомнѣнно послужило бы ускореніемъ грузового движенія между крайними пунктами, ибо общество могло бы свободно располагать подвижнымъ составомъ всѣхъ трехъ дорогъ; во-вторыхъ, общество уже заявило себя хорошими результатами своего управленія, выразившимися въ томъ, что его дороги начали выходить изъ правительственной гарантіи; и, наконецъ, въ-третьихъ, хотя предложенія москвичей съ перваго взгляда могли казаться болѣе выгодными, нежели условія, принятыя обществомъ,—ибо они не требовали денегъ на немедленное приведеніе дороги въ исправность, на что назначали собственныя средства,—но за то въ порядкѣ распредѣленія по годамъ чистаго дохода условія ихъ были гораздо менѣе выгодны для казны. Это мнѣніе и было утверждено государемъ. Бывшій же тогда министръ путей сообщенія П. П. Мельниковъ стоялъ на томъ, что вообще рѣшеніемъ этого дѣла не

Digitized by Google

слѣдовало торопиться, такъ какъ въ то время только-что были построены другія желѣзныя дороги, примыкающія въ Москвѣ къ николаевской, и которыя будутъ служить ей питательными вѣтвями, а поэтому нельзя было даже приблизительно опредѣлить, насколько увеличится въ близкомъ будущемъ доходность послѣдней. Тогда удивлялись этой настойчивости, вообще не составлявшей отличительную черту его характера. Но послѣдствія показали, что только онъ былъ правъ.

За симъ, главное общество съ 1-го сентября 1868 года вступило во владѣніе николаевскою дорогою на нижеслѣдующихъ главныхъ условіяхъ.

Правительство передаетъ дорогу на срокъ 1 января 1952 года, общій и для двухъ другихъ, коими уже владѣло общество; и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ за собою право взять обратно николаевскую дорогу, также какъ и двѣ другія дороги общества, по истеченіи 20 лѣтъ со времени передачи, съ обязательствомъ уплаты ежегоднаго вознагражденія обществу по срокъ окончанія концессіи, т.-е. по 1952 годъ. Размѣръ вознагражденія, также какъ и для двухъ другихъ желѣзныхъ дорогъ общества, опредѣляется среднимъ чистымъ доходомъ дороги, взятымъ за послѣднія семь лѣтъ, за исключеніемъ двухъ наименѣе выгодныхъ. Эти условія въ существенныхъ чертахъ были выработаны министерствомъ финансовъ и только приняты обществомъ. Переговоры происходили исключительно между министерствомъ и членами совѣта отъ акціонеровъ и не были извѣстны правительственнымъ членамъ до самаго ихъ утвержденія.

Кромѣ того, николаевская дорога можетъ быть взята правительствомъ въ случаѣ неисправности общества по этой дорогѣ и притомъ безъ всякаго за то со стороны правительства вознагражденія. Всѣ контракты и условія, которые были заключены казеннымъ управленіемъ дороги, переходили на отвѣтственность общества. Наиболѣе важными изъ этихъ контрактовъ были: контрактъ, заключенный съ Уайненсомъ на содержаніе подвижного состава по 1 іюня 1874 года, и контрактъ на спальные вагоны, заключенный съ гг. Бремме, Гивартовскимъ и К°, срокъ котораго истекалъ въ декабрѣ 1876 г. На обязанности общества лежали также заботы и расходы по содержанію всѣхъ, ранѣе учрежденныхъ при дорогѣ, школъ, богаделенъ и т. п. На немедленное капитальное исправленіе дороги правительство обязывалось выдать до 13 милліоновъ рублей. При этомъ общество обязывалось увеличить подвижной составъ на 61 товарныхъ и 24 пассажирскихъ паровозовъ и на 2 тысячи товарныхъ вагоновъ.

Финансовыя условія передачи дороги состояли въ томъ, что общество приняло на себя уплату процентовъ по выпущеннымъ прави-

Digitized by Google

тельствомъ по николаевской дороги облигаціямъ, предназначеннымъ, какъ сказано выше, для образованія желѣзнодорожнаго фонда для довершенія постройки другихъ необходимыхъ желѣзныхъ дорогъ. Проценты по облигаціямъ составляли ежегодную сумму 7.200.000 рублей кредитныхъ, которую общество обязывалось уплачивать сполна, если чистый доходъ не будетъ ниже этой суммы; въ противномъ случаѣ доплата недостающей суммы должна производиться казною. Изъ излишка сверхъ этой суммы общество въ первыя десять лѣтъ получаетъ только $^1/_4$ часть, а въ послѣдующіе годы $^1/_2$, но за исключеніемъ тѣхъ лѣтъ, когда правительство будетъ производить приплаты по гарантіи дохода дорогъ варшавской и нижегородской. Въ эти годы общество получаетъ только $^1/_4$ часть. При этомъ доля общества въ прибыляхъ отъ эксплуатаціи николаевской дороги была ограничена суммой 3.750.000 р. кредитныхъ. Кромѣ того, отчисляется $1^1/_2$% съ валового сбора на замѣну деревянныхъ мостовъ желѣзными и $^1/_2$% на содержаніе правительственной инспекціи и жандармскаго полицейскаго управленія. Впослѣдствіи общество изъявило согласіе и на уплату по 15 р. съ версты одиночнаго пути на учрежденіе и содержаніе, наравнѣ съ другими дорогами, желѣзнодорожныхъ техническихъ школъ. Кромѣ того, было подтверждено, что каковы бы ни были результаты эксплуатаціи николаевской дороги, правительственная гарантія по двумъ другимъ дорогамъ общества остается неприкосновенною.

Въ эти условія вкрались два крупные, едва понятные, недосмотра, а именно: во-первыхъ, срокъ на владѣніе главнымъ обществомъ николаевскою дорогою былъ назначенъ тотъ же 85-ти-лѣтній, какъ и для двухъ другихъ дорогъ общества, съ такимъ же денежнымъ вознагражденіемъ при выкупѣ, какъ и для означенныхъ двухъ дорогъ. Но между этими дорогами и николаевскою въ этомъ отношеніи не было рѣшительно ничего общаго. Первыя были выстроены на средства акціонеровъ и только съ нѣкоторымъ пособіемъ отъ казны, въ видѣ льготныхъ ссудъ, а послѣдняя всецѣло самою казною, такъ что при этихъ условіяхъ выходило, что казна какъ бы выкупала свою собственность. Главное общество, конечно, приняло бы дорогу съ благодарностью и безъ всякаго вознагражденія при выкупѣ и на гораздо меньшій, противъ 85-ти-лѣтняго, срокъ, такъ какъ предложенныя условія не требовали отъ общества никакой затраты и не были сопряжены ни съ какимъ для него рискомъ при той оговоркѣ, что даже уплата % по облигаціямъ относится до общества только въ томъ случаѣ, если чистый доходъ дороги будетъ для этого достаточенъ. Если этотъ недосмотръ можно было чѣмъ-нибудь объяснить, то развѣ тѣмъ только, что редакторъ „Условій“ имѣлъ передъ глазами уставъ главнаго общества и повторилъ его §§ 4-й и 9-й. Кромѣ того, по истеченіи первыхъ десяти лѣтъ

Digitized by Google

владѣнія обществомъ дорогою, оно получило право на половину чистаго съ нея дохода, за исключеніемъ тѣхъ лѣтъ, когда отъ правительства будетъ требоваться приплата къ гарантіи по варшавской и нижегородской дорогамъ, и какъ бы эта приплата ни была мала, въ такіе годы обществу выдается только 1/4 часть [1]).

Въ первое десятилѣтіе это условіе, конечно, не возбуждало никакихъ между казною и обществомъ пререканій, такъ какъ акціонерамъ, во всякомъ случаѣ, могла причитаться только 1/4 часть. Но послѣ того спорамъ о томъ, какъ слѣдуетъ исчислять чистый доходъ упомянутыхъ двухъ дорогъ, не было конца. Министерство финансовъ всячески изыскивало средства, чтобы чистый доходъ варшавской и нижегородской дорогъ былъ окончательно установленъ хотя сколько-нибудь въ меньшей суммѣ противъ той, какая была исчислена совѣтомъ, если это уменьшеніе въ данномъ году могло имѣть послѣдствіемъ, что не вся гарантія будетъ считаться покрытою. Такъ, напр.: въ первое десятилѣтіе были уложены стальные рельсы, вмѣсто бывшихъ желѣзныхъ, на виленскомъ участкѣ варшавской дороги, и министерство согласилось, чтобы погашеніе этого расхода было распредѣлено на 12-ти-лѣтній срокъ. Но когда во второмъ десятилѣтіи нужно было уложить стальные рельсы на варшавскомъ участкѣ, то требовалось, чтобы расходъ былъ погашенъ въ 6-ти-лѣтній срокъ, несмотря на то, что на этомъ послѣднемъ участкѣ рельсы, при меньшемъ движеніи, могли служить долѣе. Или вотъ еще примѣръ: снятые съ пути старые рельсы всегда запродавались подъ залогъ процентныхъ бумагъ, которыя замѣнялись наличными деньгами; по мѣрѣ вывоза рельсовъ изъ магазина покупателемъ, и вся покупная сумма зачислялась въ доходъ того года, когда былъ заключенъ контрактъ. Но если во второмъ десятилѣтіи можно было предположить, что гарантія не будетъ выработана, если вмѣсто этого въ годовой доходъ будетъ включена только та часть этой суммы, которая въ данномъ году получена наличными деньгами, то и требовалось, чтобы только эта часть была зачислена въ годовой доходъ.—Тутъ видимо игралъ роль только одинъ ариѳметическій разсчетъ. Изъ двухъ главныхъ контрактовъ, переданныхъ правительствомъ вмѣстѣ съ николаевскою дорогою, контрактъ на спальные вагоны былъ вскорѣ расторгнутъ за относительно умѣренное вознагражденіе въ 200.000 руб. Но не такъ легко было раздѣлаться съ знаменитымъ американцемъ Уайненсомъ. По его контракту ему должна была быть предоставляема какъ всякая передѣлка паровозовъ и вагоновъ, такъ

[1]) Явная несообразность. — Приплата къ гарантіи могла быть примѣрно въ 100 руб., а за нее общество лишалось 1/4 доли чистаго дохода, которая могла составлять 1 милл. рублей.

Digitized by Google

и постройка новыхъ, если заявленныя имъ цѣны не будутъ превышать болѣе чѣмъ на 15% цѣны лучшихъ англійскихъ заводчиковъ. Былъ найденъ одинъ шотландскій заводчикъ, бравшійся поставлять и тѣ, и другіе, по цѣнамъ еще болѣе низкимъ, нежели на 15% противъ цѣнъ, заявленныхъ Уайненсомъ. Но онъ утверждалъ, что для него не обязательны цѣны этого заводчика, такъ какъ въ его контрактѣ сказано: *англійскаго* заводчика, а не великобританскаго.

Тогда рѣшено было составить такія техническія условія на постройку, которыя бы Уайненсъ, при тогдашнемъ состояніи переданнаго ему александровскаго механическаго завода, не могъ принять безъ значительныхъ расходовъ на его передѣлку. Узнавъ объ этомъ, онъ заявилъ предсѣдателю совѣта (графу Г. А. Строганову), что онъ готовъ расторгнуть контрактъ и притомъ на такихъ выгодныхъ для дороги условіяхъ, которыя не могутъ не быть приняты. Условія эти состояли въ томъ, чтобы ему было уплачено 5½ милл. руб. въ вознагражденіе за время, остающееся по контракту (1 іюня 1874 г.); зато, выговоренныя по контракту цѣны за все заведенное имущество, которое отъ него должно быть принято по истеченіи срока дѣйствія контракта, онъ уменьшаетъ на 75% и сверхъ того отказывается отъ всякихъ къ правительству претензій за нарушеніе его контракта во время его дѣйствія при казенномъ управленіи дороги. Онъ говорилъ, что этихъ претензій онъ набралъ чуть не на 12 милл. руб.,—конечно, бо́льшею частью дутыхъ. Съ Уайненсомъ было заключено два контракта при казенной эксплуатаціи николаевской дороги: одинъ еще при Клейнмихелѣ, тотчасъ по открытіи движенія, а другой, еще болѣе перваго для казны убыточный, при Мельниковѣ въ 1866 году, срокомъ на 8 лѣтъ. Къ первому контракту относится извѣстная острота кн. А. С. Меншикова, когда на вопросъ государя Николая Павловича, что бы еще показать примѣчательнаго какому-то извѣстному англичанину-путешественнику, онъ отвѣчалъ: „не показать ли ему, ваше величество, контрактъ Уайненса“. Расторженіе контракта съ Уайненсомъ измѣнило первоначальныя условія передачи дороги тѣмъ, что обществу было предоставлено право образовать особый матеріальный капиталъ изъ имущества, принятаго отъ Уайненса, и изъ доходовъ эксплуатаціи, который въ окончательномъ результатѣ составилъ сумму въ 5.302.703 р. 36½ коп. Выгоды расторженія контракта не замедлили обнаружиться, и вмѣсто прежняго расхода на текущій ремонтъ и смазку паровозовъ и вагоновъ въ 92 коп. на версту пробѣга поѣздовъ, расходъ этотъ составилъ только 44,20 коп., что̀ составляло ежегодную экономію до 3.545.326 руб.; но эта экономія на самомъ дѣлѣ была еще гораздо значительнѣе, ибо при Уайненсѣ на дорогѣ обращались исключительно шестиколесные паровозы, и средній составъ поѣздовъ былъ на 20%

Digitized by Google

менѣе поѣздовъ послѣдующихъ лѣтъ, когда передвиженіе дѣлается восьмиколесными паровозами.

Изъ техническихъ условій передачи николаевской дороги два представляли особое значеніе, а именно: обязательство увеличить подвижной составъ и замѣнить деревянные мосты желѣзными.

За исполненіе перваго общество взялось съ особою энергіею, такъ какъ недостатокъ въ подвижномъ составѣ былъ до крайности ощутителенъ. Довольно сказать, что во время 18-ти-лѣтней эксплуатаціи казною (съ 1850 по 1869 годъ) число паровозовъ было увеличено всего 19 паровозами, изъ коихъ 16 предназначались для Веребьинскаго подъема, по которому поѣзда двигались съ двойною тягою, а три—для императорскихъ поѣздовъ. Между тѣмъ, къ концу этого періода товарное движеніе, вмѣстѣ съ началомъ эксплуатаціи вновь выстроенныхъ дорогъ, московско-рязанской, рязано-козловской и московско-курской, служившими питательными вѣтвями для николаевской, увеличилось столь значительно, что прежній поверстный валовой доходъ въ 7.316 р. къ 1863 году достигъ 22.706 рублей. По условіямъ передачи, общество обязывалось увеличить подвижной составъ только на 61 товарный и 24 пассажирскихъ паровоза и на 2 т. товарныхъ вагоновъ. Вмѣсто этого, общество, въ первыя же 12 лѣтъ владѣнія дорогою, пріобрѣло 283 паровоза и кромѣ того увеличило вмѣстимость вагоновъ, какъ товарныхъ, такъ и пассажирскихъ. Къ концу же владѣнія дорогою количество паровозовъ съ 202 возросло до 408, а количество вагоновъ—съ 8.870 до 10.648; причемъ какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ были примѣнены всѣ имѣвшіяся въ виду усовершенствованія. Несмотря на все это, для достиженія безостановочности товарнаго движенія приходилось весьма часто прибѣгать къ найму вагоновъ у другихъ дорогъ. Благопріятнымъ результатомъ всѣхъ этихъ затратъ было то, что во все время владѣнія обществомъ какъ николаевскою, такъ и двумя другими дорогами, ни о какихъ залежахъ товаровъ на станціяхъ рѣшительно не было и рѣчи. Мы почти не помнимъ ни одного дня, чтобы завезенный на станцію товаръ не былъ отправленъ въ тотъ же день или, самое позднее, на другой. Когда мы читали въ газетахъ о залежахъ товара на станціяхъ въ 1896 г. и о разъясненіяхъ, что это произошло вслѣдствіе увеличенія движенія грузовъ противъ 1895 года, то невольно вспоминали, что въ семидесятыхъ годахъ эти увеличенія на николаевской дорогѣ случались изъ году въ годъ въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ, и за всѣмъ тѣмъ товары отправлялись своевременно. Чтобы судить, какъ велики были затраты общества, для достиженія этой цѣли, достаточно упомянуть, что были годы, когда одной рыбинской дорогѣ переплачивали за

Digitized by Google

наемъ вагоновъ до 400 т. рублей, такъ что эта наемная плата составляла нерѣдко весь чистый доходъ этой дороги.

Что касается перестройки деревянныхъ мостовъ, то въ началѣ полагали, что дѣло это не требуетъ особой поспѣшности, такъ какъ мосты, выстроенные изъ красной рудовой сосны, казались весьма прочными, и поэтому расходъ можетъ быть удовлетворяемъ постепенно, по мѣрѣ поступленія предназначеннаго на это 1½ % валового сбора. Но бывшій тогда министръ путей сообщенія П. П. Мельниковъ взглянулъ на дѣло иначе, испросивъ разрѣшеніе открыть обществу въ государственномъ казначействѣ кредитъ на счетъ этого сбора и настаивалъ на скорѣйшей замѣнѣ деревянныхъ мостовъ желѣзными, особенно послѣ случившагося въ 1881 году пожара мстинскаго моста.

Несмотря на всѣ значительные расходы по улучшенію и приведенію дороги въ состояніе, соотвѣтствующее быстрому увеличенію по ней движенія и особенно товарнаго, доходы дороги возросли въ такой степени, что за всѣ 24 года эксплуатаціи акціонеры получили въ дивидендъ 37.820.231 р. 73¾ к. Поэтому нельзя не согласиться, что П. П. Мельниковъ былъ правъ, совѣтуя не торопиться разрѣшеніемъ вопроса объ отдачѣ дороги въ аренду частному обществу, и особенно на такой продолжительный срокъ, какъ 85 лѣтъ.

III.

Дѣятельность центральнаго управленія общества, т.-е. совѣта, представляетъ собою два періода, рѣзко одинъ отъ другого отличающіеся. По передачѣ обществу николаевской дороги и расторженію контракта Уайненса, онъ тотчасъ же скупилъ огромное число акцій, а именно свыше 200 т., и такимъ образомъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ въ предѣлахъ устава, имѣя за собою большинство голосовъ въ общихъ собраніяхъ. Уайненсъ жилъ постоянно за границею и пріѣзжалъ въ Петербургъ только къ общему собранію. Поэтому во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по обществу, а въ томъ числѣ и въ выборѣ въ члены совѣта, онъ руководствовался издавна знакомыми ему лицами, заслуживавшими довѣрія. Въ совѣтѣ тогда засѣдали такіе инженеры, какъ С. В. Кербедзъ, Р. Э. Паукеръ, Звѣревъ и др. Въ 1882 г. Уайненсъ продалъ всѣ свои акціи, и большинство въ общемъ собраніи перешло къ частнымъ банкамъ, которые представляли къ собранію заложенныя у нихъ акціи, и поэтому въ совѣтѣ, вмѣсто упомянутыхъ лицъ и имъ подобныхъ, явились представители тѣхъ банковъ и ихъ клиенты, мало интересовавшіеся дѣломъ, не совсѣмъ имъ знако-

Digitized by Google

мымъ. Но это дало возможность многимъ сдѣлаться несмѣняемыми или, какъ тогда выражались, „окопаться въ совѣтѣ".

Въ продолженіе перваго періода между обществомъ и его учредителями возникло слѣдующее тяжебное дѣло. При самомъ основаніи общества синдикатъ банкировъ учредителей выговорилъ себѣ право на полученіе 6% съ того дохода, который будетъ получаться акціонерами сверхъ гарантированныхъ по уставу 5%. До передачи обществу николаевской дороги, эти 6% и уплачивались ими въ тѣ рѣдкіе годы, когда варшавская и нижегородская дороги вырабатывали большій противъ гарантированнаго доходъ. Но какъ въ уставѣ общества николаевская дорога не значилась, то совѣтъ находилъ, что это право учредителей на эту дорогу не распространяется. Учредители же, напротивъ, утверждали, что такъ какъ эту дорогу акціонеры получили безъ всякой затраты съ ихъ стороны, а только какъ держатели акцій, переданныхъ имъ учредителями, то эти послѣдніе имѣли право на дивидендъ и по этой дорогѣ. Процессъ продолжался около 10 лѣтъ. Общество выигрывало его въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ и постоянно проигрывало его въ сенатѣ. При такомъ положеніи дѣла и во избѣжаніе дальнѣйшихъ крупныхъ затратъ на адвокатовъ, совѣтъ рѣшился на компромиссъ, который состоялъ въ томъ, что учредители отказались отъ полученія дивиденда за все прошедшее время, составлявшаго около 1 м. рублей. Этотъ компромиссъ нельзя было не признать для общества весьма выгоднымъ, такъ какъ трудно было оспаривать по существу аргументацію учредителей. Приблизительно около того же времени, между совѣтомъ общества и министерствомъ финансовъ возникло совершенно неожиданно крупное недоразумѣніе, разрѣшившееся для общества весьма неудобно. По условіямъ передачи обществу николаевской дороги, правительство выдало обществу для немедленнаго капитальнаго исправленія дороги сумму въ 12.586.000 р., какъ сказано выше. Въ министерствѣ финансовъ, въ 1883 году, возникло по этому поводу предположеніе, что всякія капитальныя работы для улучшенія дороги, или такъ называемыя новыя работы, не должны быть относимы на эксплуатаціонные доходы дороги, а удовлетворяемы исключительно изъ личныхъ средствъ акціонеровъ во все продолженіе срока концессіи.

По уставу общества, настоящее недоразумѣніе должно было быть представлено обществомъ на разрѣшеніе суда. Совѣтъ сначала полагалъ это сдѣлать, и пригласилъ на совѣщаніе извѣстныхъ юристовъ. Всѣ они были того мнѣнія, что право было на сторонѣ общества. Но потомъ совѣтъ, въ составъ котораго вошли уже представители частныхъ банковъ, испросилъ себѣ у общаго собранія разрѣшеніе принять по этому дѣлу всякое предложеніе правительства въ качествѣ

Digitized by Google

общаго собранія. Дѣло тянулось такимъ образомъ до 1887 года, т.-е. до того года, въ который правительство получило право выкупить дороги общества. Назначенный 1-го января этого года новый министръ финансовъ, И. А. Вышнеградскій, при своей огромной опытности въ дѣлахъ акціонерныхъ обществъ и въ особенности желѣзнодорожныхъ, понялъ тотчасъ же, что въ настоящемъ случаѣ интересы членовъ совѣта главнаго общества расходятся съ интересами его акціонеровъ, и предложилъ совѣту слѣдующій компромиссъ, который и былъ принятъ, а именно: онъ согласился оставить дороги во владѣніи общества до XX-го столѣтія, если только особо важныя государственныя соображенія не заставятъ ускорить срокъ выкупа. Взамѣнъ этого, общество обязывалось внести въ казну вышеупомянутые 15 мил. р.; причемъ сдѣлана еще та оговорка, что при исчисленіи средняго дохода за послѣднія семь лѣтъ, который, по уставу общества, долженъ быть выплачиваемъ правительствомъ акціонерамъ до срока концессіи, не исключались два наиболѣе невыгодные для общества года. Послѣдствіемъ этого соглашенія было то, что дивидендъ по акціямъ упалъ до небывалаго съ 1869 года минимума и въ 1893 году составилъ всего 65 к. на акцію. Въ самое же послѣднее время, когда возникъ вопросъ о томъ, чтобы отдать главному обществу въ аренду и балтійскую дорогу (объ этомъ тогда ходили слухи), вмѣсто того было положено взять въ казну всѣ три дороги общества съ 1-го января 1894 года, о чемъ предсѣдатель совѣта получилъ извѣщеніе въ тотъ же день, когда состоялось вышеупомянутое постановленіе общаго собранія.

Таковъ былъ конецъ существованія, въ качествѣ частныхъ дорогъ, трехъ нашихъ главнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ линій.

И. К.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1897.

Новое международное положеніе и франко-русскій союзъ. — Упадокъ германской гегемоніи и возможныя французскія иллюзіи.—Политическія дѣла въ Англіи.—Смерть испанскаго министра-президента Кановаса-дель-Кастильо.

Пребываніе президента французской республики въ Петергофѣ разсматривалось во всей европейской печати, какъ высшее оффиціальное выраженіе и подтвержденіе франко-русской дружбы, а самая эта дружба истолковывается теперь повсюду, какъ надежная гарантія общаго европейскаго мира. Тосты, произнесенные 13 (25) августа на броненосцѣ „Pothuau", должны были удовлетворить французскихъ патріотовъ, указавъ на тѣсный союзный характеръ единенія обоихъ государствъ; въ то же время они должны были успокоить всѣхъ приверженцевъ мирнаго развитія народовъ, указавъ на истинную почву этого единенія—на общность интересовъ цивилизаціи, права и справедливости. Незадолго до того, гостилъ въ Петергофѣ германскій императоръ Вильгельмъ II; онъ также заявилъ въ своемъ тостѣ 28 іюля (8 авг.), что единственная цѣль его — обезпеченіе общаго мира и содѣйствіе культурному развитію народовъ, и что на этой почвѣ онъ будетъ неуклонно поддерживать традиціонныя узы, соединяющія объ сосѣднія имперіи. Вильгельмъ II выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ готовность дѣйствовать за-одно съ Россіею противъ всякаго, кто пытался бы нарушить общій миръ въ Европѣ. Итакъ, Франція и Россія охраняютъ миръ и, по словамъ президента Фора, стоятъ на стражѣ интересовъ цивилизаціи, права и справедливости; а Германія съ своей стороны ручается за сохраненіе мира и признаетъ себя солидарною съ Россіею въ заботахъ о культурномъ прогрессѣ.

Чего же больше желать? На долю нашего отечества выпадаетъ чрезвычайно лестная и почетная роль—служить оплотомъ не только внѣшняго мира, но и культуры, права и справедливости; задачи наши становятся болѣе сложными и отвѣтственными, чѣмъ когда-либо. Международное положеніе оказывается, можно сказать, блестящимъ. Чувствуется даже избытокъ въ гарантіяхъ мира: общее миролюбіе оберегается уже слишкомъ могущественными арміями. Если такія три державы, какъ Германія, Франція и Россія, озабочены исключительно мирнымъ благополучіемъ народовъ, то противъ кого же придется охранять миръ? Въ континентальной Европѣ нѣтъ другихъ государствъ, способныхъ

Digitized by Google

къ самостоятельной аггрессивной политикѣ: Австро-Венгрія и Италія связаны съ Германіею и не могутъ, конечно, имѣть никакихъ воинственныхъ замысловъ; объ остальныхъ, болѣе второстепенныхъ державахъ—нечего и говорить. Остается одна Англія; но столкновенія ея съ другими націями касаются лишь отдаленныхъ странъ и ничѣмъ не грозятъ Европѣ. Противъ англійскаго господства на моряхъ не нужны милліонныя сухопутныя арміи; для чего и противъ кого же держатся на готовѣ колоссальныя вооруженныя силы, при безусловномъ и взаимно гарантированномъ миролюбіи правительствъ и народовъ? Военные бюджеты увеличиваются изъ года въ годъ, тогда какъ всѣ государства одинаково отворачиваются отъ мысли о войнѣ; могущественные союзы заключаются во имя мира, а торжественныя демонстраціи, въ пользу мирныхъ интересовъ и намѣреній, чередуются съ внушительными военными маневрами и парадами, выказывающими въ полномъ блескѣ боевую готовность отдѣльныхъ странъ. Это внутреннее противорѣчіе политическаго положенія бросается въ глаза при всякомъ новомъ свидѣтельствѣ незыблемой обезпеченности общаго мира. Франко-русскій союзъ, надобно думать, не внесетъ въ этомъ отношеніи никакой перемѣны въ установившійся порядокъ международныхъ дѣлъ; онъ не облегчитъ военныхъ тягостей, не сократитъ военныхъ расходовъ и не избавитъ Европу отъ періодическихъ прибавокъ къ затратамъ на армію и флотъ. Тѣмъ не менѣе, онъ привѣтствуется заинтересованными націями, какъ вѣрнѣйшій залогъ безопасности и спокойствія, и нельзя вполнѣ отрицать, что онъ отличается нѣсколько отъ тройственнаго союза, основаннаго княземъ Бисмаркомъ.

Мы видимъ, что франко-русское сближеніе вызвало восторженныя выраженія чувства въ миролюбивѣйшей части французскаго общества и народа, что оно вызвало такую же повсемѣстную и безотчетную радость въ различныхъ классахъ русскаго населенія, и что вообще оно представило собою не одну простую дипломатическую комбинацію, а нѣчто гораздо большее. Еслибы дѣло шло только объ обезпеченіи европейскаго мира, то франко-русскій союзъ ни въ комъ не возбуждалъ бы энтузіазма, такъ какъ и безъ того европейскій миръ не нарушался уже больше четверти вѣка и едва ли могъ бы быть нарушенъ при современныхъ обстоятельствахъ. Центръ тяжести заключается тутъ, очевидно, не въ новой гарантіи прочности мира, а въ чемъ-то другомъ. Миролюбивыя заявленія правителей Германіи, Франціи и Россіи служатъ только внѣшнею формальною оболочкою, подъ которою скрывается фактъ значительной важности, инстинктивно сознаваемый народами, но не получившій еще точнаго политическаго опредѣленія. Политическая гегемонія, доставленная Германіи побѣдами 1870—71 годовъ, должна ослабнуть въ настоящее время: въ этомъ,

Digitized by Google

быть можетъ, и состоитъ истинный смыслъ франко-русскаго союза. Германская имперія перестанетъ играть первенствующую, руководящую роль въ Европѣ; она лишится возможности направлять событія по-своему, давать тонъ европейской политической жизни и дѣятельности, распоряжаться интересами мира и войны, какъ она дѣлала это раньше. Одностороннему преобладанію германской дипломатіи въ общихъ европейскихъ дѣлахъ положенъ конецъ; Берлинъ утратилъ значеніе главнаго политическаго центра, сосредоточивающаго въ себѣ всѣ нити европейской политики. Перемѣна совершилась постепенно, почти незамѣтно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вспомнимъ тѣ тревожныя ожиданія, которыми встрѣчено было въ Европѣ вступленіе на престолъ Вильгельма II;—общій миръ находился тогда въ рукахъ германскаго императора. Имѣя за собою могущественныхъ союзниковъ и опираясь на традиціонныя связи съ Россіею, берлинскій кабинетъ являлся тогда вершителемъ европейскихъ судебъ. Политика Германіи, правда, не отличалась послѣдовательностью съ удаленіемъ князя Бисмарка; она уже была сама менѣе предпріимчива и рѣшительна, чѣмъ прежде, но основные мотивы ея остались тѣ же, вызывая повсюду неопредѣленныя опасенія. Составъ германской арміи увеличивался въ угрожающихъ размѣрахъ, и цѣли этихъ усиленныхъ вооруженій никому не были извѣстны; отъ времени до времени Вильгельмъ II произносилъ воинственную рѣчь, въ которой упоминалъ о бранденбургскомъ или иномъ мечѣ, на страхъ невѣдомымъ врагамъ. Опытъ показалъ, что эти грозныя рѣчи не приводятъ къ печальнымъ послѣдствіямъ; но общее чувство безпокойства поддерживалось сознаніемъ, что жизненные интересы народовъ могутъ быть поставлены на карту въ каждый данный моментъ, подъ вліяніемъ какой-нибудь случайной перемѣны въ настроеніи Берлина. Франція жила въ постоянномъ страхѣ нападенія, и хотя этотъ страхъ былъ большею частью неоснователенъ, но онъ дѣйствовалъ угнетающимъ образомъ на всю французскую жизнь. Французы были твердо убѣждены, что они пользуются миромъ только до тѣхъ поръ, пока это угодно Германіи; ихъ національное существованіе зависѣло какъ будто отъ степени миролюбія государственныхъ людей, стоящихъ во главѣ германскаго правительства. Стремленіе освободиться отъ этого кошмара лежало въ основѣ мечты о возмездіи; надежда на обратное завоеваніе утраченнаго мѣста въ Европѣ связывалась съ мыслью объ обратномъ завоеваніи потерянныхъ провинцій—Эльзаса и Лотарингіи. Французскій патріотизмъ по необходимости оставался воинственнымъ, при всей сдержанности своихъ проявленій; многіе во Франціи не видѣли для нея другого выхода, кромѣ спасительной будущей войны въ союзѣ съ какою-нибудь сильною державою, подъ которою разумѣлась обыкновенно Россія. Идея

Digitized by Google

франко-русскаго сближенія имѣла въ началѣ именно такую подкладку; она проповѣдывалась людьми, стремившимися къ войнѣ съ Германіею, какъ, напр., Полемъ Дерулэдомъ и буланжистами; у насъ такъ же точно придавался этому сближенію оттѣнокъ враждебности относительно нѣмцевъ. На Россію возлагалась, конечно, слишкомъ наивная роль, и подобный франко-русскій союзъ не имѣлъ никакихъ шансовъ успѣха. Мысль о союзѣ пріобрѣла серьезное значеніе, когда отъ нея отпала эльзасъ-лотарингская подкладка. Франко-русская дружба стала на реальную, практическую почву и мало-по-малу превратилась въ мирный и прочный союзъ, безъ всякихъ воинственныхъ примѣсей. Франція вышла изъ своего одиночества и, соединившись съ Россіею, почувствовала себя свободною и самостоятельною относительно Германіи; среднеевропейская тройственная лига, имѣвшая свой центръ въ Берлинѣ, получила достаточный противовѣсъ въ франко-русскомъ союзѣ. Вмѣсто односторонняго преобладанія Германіи, установилась въ Европѣ нѣкоторая система политическаго равновѣсія, при равноправномъ участіи всѣхъ великихъ державъ. Дѣло, оффиціально начатое при президентѣ Карно, завершилось при президентѣ Форѣ. Пріѣздъ послѣдняго въ Россію долженъ былъ увѣнчать зданіе союза, къ полному удовольствію французовъ. Французскіе восторги вполнѣ естественны и понятны; Франція избавилась отъ кошмара, отравлявшаго ея существованіе въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ. Радость нашихъ „французскихъ патріотовъ“ не имѣетъ, конечно, столь сильныхъ и важныхъ причинъ: взаимныя отношенія Германіи и Россіи были всегда болѣе или менѣе дружественныя, и съ нашей стороны не было повода ни бояться нѣмцевъ, ни искать противъ нихъ союзниковъ. Германская гегемонія держалась при нашемъ же содѣйствіи; мы даже иногда подчинялись берлинскому вліянію, отказываясь отъ собственныхъ мнѣній и интересовъ изъ дружбы къ прусскому правительству. Но отъ насъ же всегда зависѣло измѣнить эту политику, отбросить нашу вполнѣ добровольную подчиненность Берлину и сохранить относительную свободу дѣйствій;—если мы этого не дѣлали, а продолжали держаться нѣмецкаго союза, то всего менѣе виновата въ этомъ Германія. Союзъ съ Берлиномъ былъ тягостенъ для насъ прежде всего потому, что онъ былъ намъ совершенно ненуженъ; онъ возлагалъ на насъ однѣ обязанности, не доставляя никакихъ выгодъ. Привѣтствуя франко-русскую дружбу, наше общество косвенно, какъ бы, осуждало прежнія политическія связи съ Пруссіею и выражало свою радость по поводу отреченія отъ недавней берлинской опеки; но мы, разумѣется, не имѣли основанія восторгаться новымъ союзомъ, по примѣру нашихъ друзей-французовъ. Союзъ съ Франціею для насъ можетъ быть полезенъ, если только онъ не направленъ спеціально противъ Германіи;

Digitized by Google

онъ усиливаетъ наше политическое вліяніе въ международныхъ дѣлахъ, позволяя намъ дѣйствовать сообща съ французской дипломатіей и разсчитывать на ея поддержку въ извѣстныхъ случаяхъ. Съ другой стороны, и французы пріобрѣтаютъ возможность вести болѣе активную и самостоятельную политику, въ согласіи съ Россіею. По каждому изъ текущихъ внѣшнихъ вопросовъ устанавливается соглашеніе между обѣими державами, и политика Франціи и Россіи становится такимъ образомъ соединенною франко-русскою политикою. Такъ какъ съ французскою республикою у насъ не существуетъ традиціонныхъ связей, которыя побуждали бы насъ подчиняться ея одностороннему политическому вліянію, то союзъ имѣетъ всѣ шансы быть вполнѣ равноправнымъ, и слѣдовательно, мы не подвергаемся опасности играть сомнительную роль самоотверженныхъ и неразсчетливыхъ союзниковъ à outrance, какъ это было въ эпоху нашей близкой дружбы съ Берлиномъ. Съ этой точки зрѣнія кажутся намъ крайне нежелательными усердные порывы нашихъ франкофиловъ, старавшихся перещеголять другъ друга въ проявленіи неодолимыхъ симпатій къ Франціи. Что должны были подумать французы при видѣ этихъ излишествъ русской дружбы? Не могли ли они заключить, что наши россійскіе обыватели столь же сильно проникнуты жаждой „реванша", какъ и воинственные французскіе патріоты, въ родѣ Дерулэда? Наши восторги по адресу Франціи могли быть перетолкованы въ смыслѣ совершенно не соотвѣтствующемъ дѣйствительности;—ибо трудно было допустить, что нами овладѣло стихійное влеченіе къ французамъ безъ достаточныхъ побудительныхъ причинъ. Какихъ особыхъ благъ ожидаютъ наши „французскіе патріоты" отъ франко-русскаго союза? На что надѣются они и почему радуются такъ неумѣренно? Политическія выгоды, указанныя нами выше, неспособны сами по себѣ объяснить тотъ избытокъ чувствъ, о которомъ свидѣтельствовали наши газетные публицисты и репортеры. Иностранная печать намекала, что у насъ происходили франкофильскія демонстраціи только потому, что онѣ были разрѣшены начальствомъ: людямъ позволено было увлекаться въ данномъ случаѣ,—вотъ они и увлекались. Правда, и при пріѣздѣ Вильгельма II предоставлено было публикѣ „манифестировать", и однако никакихъ особыхъ увлеченій не было замѣтно. Масса въ публикѣ желала, быть можетъ, достойнымъ образомъ отплатить французамъ за восторженный пріемъ русскихъ моряковъ и особенно за памятную всѣмъ „русскую недѣлю" во Франціи; но публицистамъ не слѣдовало забывать, что франко-русскій союзъ имѣетъ несравненно большее значеніе для французовъ, чѣмъ для насъ, и поэтому одно простое подражаніе французамъ съ нашей стороны было не совсѣмъ основательно. Патріоты во Франціи могли идти гораздо дальше, чѣмъ слѣдуетъ, въ пониманіи

Digitized by Google

нашихъ дружескихъ чувствъ и стремленій; необходимо было бы заранѣе предупредить возможныя въ этомъ отношеніи иллюзіи и разочарованія.

Оффиціально вопросъ о франко-русскомъ союзѣ не былъ еще прямо поставленъ до послѣдняго времени; слово „alliance“ тщательно избѣгалось, и рѣчь шла только о сближеніи и дружбѣ. Завѣтное слово, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали во Франціи, раздалось впервые на броненосцѣ „Pothuau“ въ день отъѣзда президента Фора изъ Россіи. Въ своемъ прощальномъ тостѣ президентъ французской республики упомянулъ о почетномъ участіи флотовъ обѣихъ странъ въ великихъ событіяхъ, положившихъ основаніе близкой дружбѣ Франціи и Россіи; морскія эскадры облегчили братское сближеніе „двухъ соединенныхъ и союзныхъ націй (à deux nations unies et alliées), руководимыхъ общимъ идеаломъ цивилизаціи, права и справедливости“. Въ отвѣтномъ тостѣ Государя Императора указывалось на значеніе поѣздки президента Фора въ Россію: пребываніе его въ нашей средѣ „создаетъ новую связь между двумя дружественными и союзными націями (un nouveau lien entre nos deux nations amies et alliées), одинаково готовыми способствовать всѣмъ своимъ могуществомъ поддержанію общаго мира въ духѣ права и справедливости“ (au maintien de la paix du monde dans un esprit de droit et d'équité). По поводу этихъ важныхъ заявленій помѣщено въ оффиціозномъ парижскомъ „Temps“ слѣдующее сообщеніе, переданное по телеграфу изъ Петербурга, отъ 26-го (14-го) августа: „Эти тосты были приготовлены на двухъ совѣщаніяхъ, происходившихъ наканунѣ, въ среду, при участіи г. Ганотò и графа Муравьева, и затѣмъ между президентомъ Форомъ и названными двумя дипломатами; каждое изъ этихъ совѣщаній продолжалось болѣе часа. Вслѣдствіе этихъ совѣщаній г. Ганотò отказался отъ своего намѣренія остаться на нѣкоторое время въ Петербургѣ; важность достигнутыхъ результатовъ позволила ему возвратиться во Францію вмѣстѣ съ президентомъ республики“. Можно думать, что двухчасовыя совѣщанія касались не одного только включенія слова о союзѣ въ тексты обоихъ тостовъ; произнесеніе этого слова едва ли было также тѣмъ важнымъ результатомъ, который позволилъ министру Ганотò уѣхать одновременно съ президентомъ Форомъ. Если г. Ганотò предполагалъ остаться на нѣсколько дней въ Петербургѣ и потомъ это оказалось излишнимъ послѣ упомянутыхъ двухчасовыхъ совѣщаній, то, очевидно, послѣднія привели къ благополучному разрѣшенію вопросовъ, ради которыхъ французскій министръ намѣревался продлить свое пребываніе въ нашей столицѣ; важные результаты достигнуты были въ болѣе короткое время, чѣмъ разсчитывалъ г. Ганотò. Подъ этими результатами слѣдуетъ, вѣроятно, раз-

Digitized by Google

умѣть опредѣленіе главныхъ условій союза, существовавшаго уже фактически, но не получившаго еще точной дипломатической формулировки. Для президента Фора и его министровъ было чрезвычайно важно заручиться этимъ облеченіемъ франко-русской дружбы въ форму союза во время пребыванія въ Россіи, чтобы вернуться во Францію не съ пустыми руками. Цѣль была достигнута, насколько можно судить по сообщенію „Temps", и прощальные тосты, произнесенные на броненосцѣ „Pothuau", были именно такъ поняты французскимъ обществомъ и народомъ. Отсюда тѣ ликованія, которыми встрѣченъ былъ президентъ республики на обратномъ пути, по прибытіи на французскую территорію и до тріумфальнаго въѣзда въ Парижъ. Давнишняя мечта французовъ исполнилась: они не изолированы въ Европѣ, и имъ не приходится уже возлагать свои надежды на новую войну для обезпеченія своей безопасности и спокойствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи исключается изъ круга задачъ практической политики, такъ какъ, въ качествѣ союзниковъ Россіи, французы не могутъ произвольно возбуждать какіе-нибудь вопросы, относительно которыхъ не могло бы состояться предварительное соглашеніе между обѣими державами. Общій миръ выигралъ и упрочился вдвойнѣ,—и со стороны Германіи, и со стороны Франціи; франко-русскій союзъ является теперь гарантіею не только противъ германскаго политическаго преобладанія, но и противъ воинственныхъ увлеченій „реваншемъ" самихъ французовъ.

Впрочемъ, въ новѣйшее время всеобщія заботы объ европейскомъ мирѣ означаютъ скорѣе охрану мирнаго настроенія, чѣмъ предупрежденіе реальныхъ вспышекъ; миръ водворяется въ мысляхъ и чувствахъ уже послѣ того, какъ онъ утвердился въ международныхъ отношеніяхъ и въ политической практикѣ послѣднихъ десятилѣтій. Любовь къ военному дѣлу поддерживается маневрами, болѣе или менѣе частыми и значительными, обнимающими иногда цѣлыя арміи; главными политическими событіями не служатъ ни кровавыя столкновенія, ни споры и битвы, а рѣчи министровъ и государственныхъ людей, мирныя заявленія монарховъ и правителей, дружественные тосты, въ которыхъ одно какое-нибудь слово пріобрѣтаетъ огромную важность въ глазахъ всего міра. Употребленіе самаго слова: „союзъ"—для характеристики франко-русской дружбы—доставило искреннюю радость великому культурному народу и сдѣлалось предметомъ оживленныхъ комментаріевъ во всей Европѣ; этимъ фактомъ какъ нельзя лучше освѣщается дѣйствительное состояніе современной политической атмосферы, съ ея крайнею чувствительностью и воспріимчивостью.

„Незабвенные петербургскіе дни,—говоритъ серьезный парижскій „Temps",—увѣнчались развязкою, которую они должны были полу-

Digitized by Google

чить. Сердце обоихъ народовъ трепещетъ отъ радости. Слово, на которое надѣялись, котораго ожидали, необходимое слово было произнесено". Сдѣлано, наконецъ, то, чего недоставало, чтобы „раскрыть душу этихъ народныхъ массъ, которыя составляютъ въ обѣихъ странахъ самую несокрушимую опору союза, но которыя ничего не понимаютъ въ тонкостяхъ дипломатіи". Конечно, со стороны французскихъ публицистовъ вполнѣ извинительно приписывать нашимъ народнымъ массамъ такія ожиданія и радости, о которыхъ нашъ народъ едва ли имѣетъ точное представленіе. Нашъ народъ всегда служилъ несокрушимою опорою всякихъ вообще союзовъ, какіе у насъ бывали, и франко-русскій союзъ не могъ составить, конечно, исключенія; сердце русскаго народа не будетъ трепетать отъ радости при мысли о союзѣ, значеніе котораго для него во многомъ неясно. Парижскій „Temps" принялъ, очевидно, на вѣру обычную фразеологію нашихъ патріотическихъ газетъ, неизмѣнно говорящихъ въ высокомъ стилѣ отъ имени цѣлаго русскаго народа. Нашему народу нѣтъ повода волноваться и радоваться, когда волнуются и радуются французы, такъ же точно какъ и французы въ сущности очень мало интересуются дѣйствительными радостями и печалями нашихъ народныхъ массъ. Французская печать склонна понимать солидарность въ нѣсколько одностороннемъ смыслѣ, пріобщая другихъ къ своимъ собственнымъ чувствамъ, надеждамъ и заботамъ; но если у насъ образованные люди проникаются французскими восторгами до забвенія здраваго смысла, то почему же французамъ не принимать этихъ изліяній за чистую монету?

Какъ бы то ни было, внѣшняя солидарность Россіи съ передовыми культурными націями—и прежде всего съ самою передовою изъ передовыхъ—составляетъ политическій фактъ, наиболѣе громко возвѣщаемый даже и тѣми изъ нашихъ публицистовъ, которые въ душѣ желали бы отодвинуть насъ какъ можно дальше отъ „гнилого" Запада. Мы постепенно и какъ бы противъ воли втягиваемся въ общее европейское движеніе; и вотъ, въ то самое время какъ мы братаемся съ представителями французской республики, въ обѣихъ нашихъ столицахъ собираются тысячи ученыхъ знаменитостей со всего свѣта для совмѣстнаго обсужденія различныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ европейскою наукою. Медицинскій конгрессъ въ Москвѣ, статистическій и геологическій конгрессъ въ Петербургѣ, наплывъ выдающихся иностранцевъ, знакомящихся съ особенностями нашего быта и нравовъ,—всѣ эти краснорѣчивые симптомы возрастающаго внутренняго сближенія съ западною Европою на почвѣ задачъ и потребностей культуры обязываютъ насъ дѣйствительно слѣдовать тѣмъ принципамъ цивилизаціи, права и справедливости, о которыхъ упоминалось въ тостахъ на

Digitized by Google

броненосцѣ „Pothuau“, и которые однако постоянно высмѣиваются значительною частью нашей лже-консервативной печати.

Одною изъ самыхъ пріятныхъ особенностей франко-русскаго союза является отсутствіе всякихъ признаковъ тревожнаго раздраженія въ наиболѣе задѣтыхъ, казалось бы, этимъ союзомъ государствахъ—въ Германіи и Англіи. Нѣмецкая оффиціозная пресса,—столь подозрительная и злобная въ былое время, при князѣ Бисмаркѣ,—отнеслась къ событіямъ совершенно спокойно, отчасти даже сочувственно, усматривая въ нихъ залогъ болѣе прочнаго умиротворенія Европы; между нѣмецкими публицистами не нашлось ни одного, который считалъ бы нужнымъ спасать отечество грозными патріотическими воплями и вздумалъ бы требовать принятія какихъ-либо экстренныхъ мѣръ для предотвращенія будущихъ опасностей. Ироническое добродушіе, съ какимъ Германія слѣдила за послѣдними франко-русскими манифестаціями, свидѣтельствуетъ о большомъ политическомъ тактѣ и пониманіи; оно показываетъ въ то же время, что условія международной жизни стали значительно проще и человѣчнѣе, съ паденіемъ той системы придирчиваго, запугивающаго патріотизма, яркимъ выразителемъ которой былъ „желѣзный канцлеръ“. Бисмаркъ поднялъ бы шумъ на всю Европу и грозилъ бы неминуемой истребительной войной, до полнаго истощенія (saigner à blanc), еслибы французская республика рѣшилась открыто противопоставить его союзамъ равносильную политическую комбинацію, способную поколебать руководящее положеніе Германіи. Онъ могъ бы своими угрозами достигнуть отреченія Франціи отъ рискованныхъ дипломатическихъ проектовъ; но мирное существованіе народовъ было бы надолго отравлено, и мрачный, тяжелый кризисъ безнадежно тяготѣлъ бы надъ Европою. Ничего подобнаго нельзя себѣ даже представить при настоящихъ обстоятельствахъ. Освободившись отъ злобныхъ бисмарковскихъ традицій, германское правительство и нѣмецкій народъ привыкли уже къ сознанію, что рядомъ живутъ другія равноправныя націи, имѣющія полное право слѣдовать во всемъ примѣру Германіи, и что миръ съ сосѣдними государствами поддерживается лишь добрыми чувствами и взаимнымъ уваженіемъ, а не суровою требовательностью и враждою. Вильгельмъ II довольствуется сохраненіемъ традиціонной дружбы съ Россіею и внѣшняго мира съ Франціею; онъ не претендуетъ и не можетъ претендовать на то, что обѣ эти державы пожелали также связать себя союзомъ, каковъ существующій между Германіею и Австро-Венгріею. Германскій императоръ принялъ за особый почетъ предоставленіе ему званія адмирала русскаго флота; онъ знаетъ, что такое отличіе вовсе недоступно президенту

Digitized by Google

французской республики. Вильгельмъ II состоитъ шефомъ русскаго полка; подобною честью также не пользуется высшій представитель Франціи. Эти преимущества, повидимому, очень цѣнятся Вильгельмомъ II; они позволяютъ ему, быть можетъ, не проводить никакой параллели между своими традиціонными узами съ Россіею и нынѣшнею франко-русскою дружбою. Германія твердо убѣждена, что никто не затронетъ ея интересовъ и не нарушитъ ея мира, помимо Россіи, такъ какъ „alliance" состоялась исключительно на почвѣ мира и для мира, и этого для нея вполнѣ достаточно. То же самое спокойствіе духа замѣчаемъ мы и въ Англіи, хотя къ ней относятся непріязненно многіе вліятельные элементы въ Европѣ, и англичане ничего не теряютъ отъ этого всегдашняго равнодушія къ чужимъ нападкамъ и обвиненіямъ.

Наши газеты, къ сожалѣнію, не придерживаются такой системы при оцѣнкѣ политическихъ дѣлъ и предпріятій другихъ государствъ; у насъ слишкомъ часто обнаруживается склонность увлекаться фантастическими страхами и взывать къ патріотизму читателей для противодѣйствія опасностямъ, грозящимъ намъ извнѣ. Въ Англіи принимаются мѣры для нѣкотораго скрѣпленія связей между метрополіею и ея многочисленными колоніями въ разныхъ частяхъ свѣта. Мысль о великой британской федераціи выдвинута на первый планъ предпріимчивымъ министромъ колоній, Чамберлэномъ; она дѣятельно обсуждалась имъ совмѣстно съ колоніальными премьерами, прибывшими въ Лондонъ по случаю юбилея королевы Викторіи, и эти совѣщанія принесли уже серьезные практическіе результаты. Чтобы подготовить почву для таможеннаго союза съ колоніями, англійское правительство формально заявило уже о своемъ отказѣ отъ возобновленія торговыхъ договоровъ съ Германіею и Бельгіею, такъ какъ эти договоры предоставляютъ названнымъ странамъ всѣ права наиболѣе благопріятствуемыхъ націй и, слѣдовательно, не допускаютъ особыхъ исключительныхъ тарифовъ для торговыхъ сношеній Англіи съ ея полунезависимыми колоніальными владѣніями. Канада предложила Чамберлэну ввести спеціальный льготный тарифъ для товарнаго обмѣна съ метрополіею, и для устраненія другихъ государствъ отъ участія въ этихъ льготахъ понадобилось отмѣнить заключенные Англіею торговые трактаты, которымъ истекаетъ срокъ въ будущемъ году, что̀ и рѣшено англійскимъ правительствомъ. Таможенный союзъ, который обнималъ бы всѣ полунезависимыя британскія колоніи и обезпечивалъ бы ихъ рынки за Англіею, имѣлъ бы, конечно, огромное практическое значеніе для англійской промышленности и торговли. Предполагается также объединить нѣкоторыя части законодательства въ

Digitized by Google

колоніяхъ и въ метрополіи, усилить постоянныя сношенія между ними, устраивать періодическіе съѣзды и совѣщанія колоніальныхъ министровъ съ англійскими, обезпечить совмѣстную военную защиту и опредѣлить долю участія колоній въ общемъ военно-морскомъ бюджетѣ; между прочимъ, по послѣднему пункту сдѣланъ уже важный починъ парламентомъ капской колоніи, поднесшимъ Англіи въ подарокъ денежную сумму на сооруженіе первоклассnаго броненосца. Идея великой британской федераціи переходитъ на практическую почву, благодаря настойчивымъ стараніямъ Чамберлэна; многіе предвидятъ уже, что эта федерація преобразуется въ настоящую имперію, обѣщающую англійской расѣ долгую и спокойную будущность. Казалось бы, что направленныя къ этой цѣли послѣдовательныя усилія британскихъ государственныхъ дѣятелей и патріотовъ составляютъ внутреннее дѣло Англіи съ ея владѣніями и совершенно не касаются Россіи и другихъ державъ; но не такъ думаютъ нѣкоторые русскіе публицисты, пишущіе въ патріотическихъ газетахъ. Въ одной изъ нашихъ газетъ появились уже пространныя статьи, указывающія на великія опасности, которыя угрожаютъ міру вслѣдствіе возможнаго въ будущемъ осуществленія широкихъ проектовъ британской федераціи. Англія собирается будто бы захватить чуть ли не всемірное господство; она будетъ единственною владычицею рынковъ въ обширнѣйшихъ колоніяхъ, раскинутыхъ по земному шару, и не будетъ имѣть никакихъ соперниковъ на моряхъ. Газета настойчиво совѣтуетъ обратить вниманіе на эту ужасную перспективу и предлагаетъ заранѣе принять необходимыя охранительныя мѣры. Однако, что̀ бы мы сказали, еслибы иностранцы примѣнили тотъ же способъ разсужденія къ Россіи съ ея громадными пространствами земель, занимающихъ добрую часть Азіи и Европы? Съ извѣстной точки зрѣнія, будущая Россія представляетъ также великую угрозу для другихъ культурныхъ государствъ и народовъ; нѣмцы или англичане могли бы также придумывать по этому поводу свои предупредительныя мѣры. При подобныхъ понятіяхъ нельзя было бы жить спокойно; культура потеряла бы смыслъ, и народы занялись бы взаимнымъ истребленіемъ, чтобы помѣшать другъ другу достигнуть слишкомъ большого простора въ будущемъ. Было бы нелѣпо и безцѣльно отрицать право Англіи устраиваться какъ ей угодно съ британскими колоніями, по добровольному съ ними соглашенію; противодѣйствовать этому не въ силахъ другія націи, хотя бы онѣ соединились вмѣстѣ для совокупнаго вмѣшательства. Если мы начнемъ теперь бояться будущей британской имперіи, то почему же другимъ не бояться будущаго колоссальнаго роста нынѣшней россійской имперіи? Россійская имперія и ея постепенный ростъ составляютъ по крайней мѣрѣ существующій безспорный фактъ, тогда какъ единая и грозная бри-

Digitized by Google

танская имперія есть пока еще только плодъ болѣзненнаго воображенія. Надо ничего не знать объ устройствѣ и составѣ британскихъ владѣній и о господствующихъ въ нихъ твердыхъ началахъ автономіи, чтобы говорить объ опасностяхъ британскаго имперскаго союза. Въ составъ этого союза входитъ Индія; но никто еще не утверждалъ, что многомилліонное индійское населеніе представляетъ надежный фундаментъ для англійскаго могущества. Въ настоящее время въ пограничныхъ областяхъ Индіи, близъ предѣловъ Афганистана, вспыхнуло возстаніе, которое распространяется и усиливается съ каждымъ днемъ; мѣстные англійскіе гарнизоны истребляются возставшими племенами, и Англія едва ли скоро справится съ этими кровавыми замѣшательствами. Чѣмъ же вызваны разыгравшіяся волненія? Только тѣмъ, что англичане отступили отъ своей обычной осторожности и вздумали занять войсками нѣкоторыя мѣстности, не принадлежавшія къ непосредственнымъ британскимъ владѣніямъ; они хотѣли укрѣпить свою власть и нечаянно подорвали ея корни. Изъ этого видно, что создавать единую имперію изъ разноплеменныхъ и полунезависимыхъ составныхъ частей не такъ легко, какъ воображаютъ обличители и враги англичанъ въ нашихъ газетахъ.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ государственныхъ людей Испаніи, министръ-президентъ Кановасъ дель-Кастильо, палъ неожиданно отъ руки убійцы, 8-го августа (нов. ст.), близъ Санъ-Себастіана, на семидесятомъ году жизни. Политическія убійства случались въ Испаніи довольно часто въ былое время, но виновники ихъ не принадлежали еще къ разряду анархистовъ. Убійца Кановаса, итальянецъ по происхожденію, самъ назвалъ себя анархистомъ; онъ заявилъ, что выступилъ мстителемъ за многихъ, имѣвшихъ несчастье попасть въ испанскія тюрьмы и подвергавшихся жестокимъ пыткамъ по распоряженію правительства. Насколько справедливы обвиненія, выставляемыя противъ покойнаго Кановаса въ нѣкоторыхъ англійскихъ газетахъ, судить трудно; но, вѣроятно, далеко не все дѣлалось съ его вѣдома и одобренія, хотя и прикрывалось его именемъ. Кановасъ дель-Кастильо оказалъ большія услугу своему отечеству, какъ энергическій дѣятель, способствовавшій водворенію твердаго государственнаго и общественнаго порядка въ странѣ послѣ періода смутъ и междоусобій; онъ былъ истиннымъ основателемъ нынѣшней умѣренной конституціонной системы монархическаго правленія въ Испаніи, стоялъ почти непрерывно во главѣ правительства во все царствованіе Альфонса XII, съ начала 1875 до конца 1885 года, и былъ до самой своей смерти однимъ изъ ближайшихъ и наиболѣе довѣренныхъ совѣтниковъ его вдовы, коро-

Digitized by Google

левы-регентши, чередуясь иногда съ своимъ либеральнымъ соперникомъ, Сагастой, въ должности министра-президента. Будучи главою консервативной партіи въ Испаніи, онъ не былъ, однако, реакціонеромъ и не считалъ своимъ долгомъ бороться съ народнымъ представительствомъ и противодѣйствовать народнымъ желаніямъ; но по личному своему темпераменту онъ былъ склоненъ къ самовластію, чѣмъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе своихъ единомышленниковъ и товарищей по министерству. Внутреннія дѣла въ Испаніи находятся въ довольно запущенномъ состояніи; внѣшняя политика ограничивается упорною и продолжительною войною на островѣ Кубѣ, гдѣ суровая расправа съ инсургентами не разъ вызывала дипломатическія пререканія съ Соединенными-Штатами. Преемнику Кановаса предстоятъ чрезвычайно сложныя и трудныя задачи, которыя, впрочемъ, едва ли могутъ быть разрѣшены съ успѣхомъ при обычныхъ традиціонныхъ качествахъ испанской администраціи.

Digitized by Google

НОВЫЕ ЗОЛОТЫЕ ПРІИСКИ ВЪ С.-АМЕРИКѢ.

Письмо изъ Калифорніи.

Наши старожилы, піонеры 1849 года, утверждаютъ единогласно, что даже въ самый разгаръ когда-то пережитой ими исторической „золотой лихорадки", послѣдовавшей за открытіемъ Маршаллемъ золота въ Калифорніи, охватившей тогда весь Союзъ и положившей основаніе цвѣтущимъ современнымъ общинамъ Тихоокеанскаго побережья, они не видали того страшнаго возбужденія, которое опять царитъ теперь по всему Союзу отъ Атлантическаго до Тихаго океана и отъ канадскихъ границъ до Мексиканскаго залива, по поводу послѣднихъ золотыхъ открытій въ далекой, полярной Аляскѣ. Прошло всего едва двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ съ устьевъ р. Юкона въ Сіэтль первый пароходъ Зона, „Excelsior", теперь уже сдѣлавшійся историческимъ, и меньше десяти дней какъ добрался до порта второй, „Portland", привезшіе оффиціальныя, безспорныя подтвержденія ходившихъ уже нѣкоторое время неопредѣленныхъ слуховъ о богатѣйшихъ, неслыханныхъ доселѣ открытіяхъ золота въ верхнихъ частяхъ долины рѣки, и уже тысячи искателей скораго богатства со всѣхъ концовъ Союза устремились въ Аляску, и цѣлые десятки тысячъ поспѣшно ликвидируютъ свои дѣла и собираются ѣхать туда же. Всѣ рѣшительно большіе города Союза выслали уже значительные контингенты, вездѣ образуются компаніи, экипирующіе въ складчину въ дорогу наиболѣе энергичныхъ, сильныхъ, здоровыхъ людей и отправляющіе ихъ на далекій сѣверъ на поиски за золотомъ. Страна только очень медленно оправляется отъ пережитыхъ ею тяжелыхъ временъ и застоя въ промышленности и торговлѣ, и это, конечно, сильно способствуетъ усиленію небывалаго возбужденія, уже дошедшаго во многихъ мѣстахъ до точки кипѣнія: люди бросаютъ насиженныя мѣста, прибыльныя занятія, продаютъ за что попало свое имущество и бѣгутъ въ новое Эльдорадо. Не только состоятельные рабочіе, но богатые купцы, мануфактуристы и банкиры сбываютъ свои предпріятія и устремляются за общимъ потокомъ, какъ ни мало они способны физически къ перенесенію съ успѣхомъ неизбѣжно ожидающихъ ихъ трудностей пути и работы. Въ городѣ Сіэтлѣ (Seattle), главной гавани Пюджетъ-Соунда и конечномъ пунктѣ отправки и прибытія всѣхъ пароходовъ въ Аляску, царитъ невиданная, самая лихорадоч-

Digitized by Google

ная дѣятельность; городъ этотъ, съ 35.000 жителей, первый подвергся золотой горячкѣ, и уже черезъ недѣлю по прибытіи Excelsior'a въ немъ не осталось ни одного полицейскаго и только очень немного пожарныхъ; городскому совѣту пришлось удвоить жалованье всѣхъ служащихъ, чтобы получить возможность замѣстить многочисленныя внезапныя вакансіи. Возбужденіе замѣтно ростетъ съ каждымъ днемъ; газеты забросили все остальное, и тарифъ, и кубанское возстаніе, и присоединеніе Сандвичевыхъ острововъ; цѣлыя страницы полны сообщеніями объ Аляскѣ вообще и о вновь открытыхъ баснословно богатыхъ золотыхъ розсыпяхъ въ особенности. Городъ Нью-Іоркъ высылаетъ ежедневно партіи отъ двадцати до полутораста человѣкъ; Чикаго, Филадельфія, Бостонъ, Санъ-Луисъ, Санъ-Франциско и даже густо населенные земледѣльческіе районы центральныхъ штатовъ не отстаютъ отъ него; мѣста на всѣхъ очередныхъ пароходахъ заняты впередъ на цѣлый сезонъ, и нѣсколько особыхъ судовъ уже куплены различными вновь организованными спекулятивными компаніями и снаряжаются съ лихорадочной быстротой, днемъ и ночью, въ далекій путь. Въ городѣ Цинциннати въ теченіе однѣхъ сутокъ образовалась компанія изъ ста человѣкъ, внесшихъ по тысячѣ долларовъ наличными каждый, купившая по телеграфу особый пароходъ въ гавани Санъ-Франциско и уже отправившаяся въ путь. Всѣ гавани Тихоокеанскаго побережья, и въ особенности Пюджетъ-Соунда, кипятъ усиленной работой; снаряжаются всевозможныя суда, собираются припасы; на городскихъ углахъ только и рѣчи, что о р. Клондайкѣ [1]), и жажда золота овладѣла всѣмъ населеніемъ съ неслыханной, необъяснимой быстротой и силой. Единственнымъ предѣломъ этого чистостихійнаго возбужденія, — возбужденія толпы,—оказывается покуда и ограниченность, и страшная дороговизна средствъ передвиженія. Чтобъ добраться до Клондайка и на первое время не умереть тамъ съ голоду, нужно имѣть, minimum, шестьсотъ долларовъ наличными.

Внезапная лихорадка эта, налетѣвшая на насъ какъ вешній ливень, отозвалась уже весьма чувствительно и на торговлѣ, и, въ особенности, на денежномъ рынкѣ: воротилы денежной биржи страны, нью-іоркскаго Wall Street'a, были застигнуты ею совершенно врасплохъ, и всѣ финансовыя періодическія изданія страны забили обычный набатъ о грозящей опасности обезцѣненія золота и о томъ вліяніи, которое новыя открытія эти несомнѣнно окажутъ и на денежную валюту вообще, и на серебряный вопросъ въ особенности. Благодаря этому, оказались самымъ чувствительнымъ образомъ задѣтыми не

[1]) Klondyke или Clondyke River—названіе рѣки притока правой стороны Юкона, на которой сдѣланы новѣйшія, особенно богатыя открытія.

Digitized by Google

только спекулятивные элементы страны, но и самые солидные, самые консервативные ея слои, при обыкновенныхъ условіяхъ крайне недовѣрчивые и вообще очень тяжелые на подъемъ; ихъ очевидное возбужденіе подливаетъ не мало масла въ огонь, горящій и безъ того очень ярко.

Золото въ Аляскѣ было открыто въ значительныхъ количествахъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но дальность разстоянія, суровость климата, крайне неблагопріятныя во всѣхъ отношеніяхъ для цивилизованнаго человѣка жизненныя условія и дороговизна припасовъ и производства, заставляли консервативныхъ людей относиться къ этимъ открытіямъ съ значительными сомнѣніями. Богатство розсыпей, дававшихъ отъ десяти до двадцати-пяти долларовъ на лохань песку, было признано, но громадность расходовъ на работу казалась неодолимой преградой къ большему расширенію производства. Уже въ теченіе 1896 года добыча золота въ долинѣ рѣки Юкона вычислялась въ три милліона долларовъ, и до пяти тысячъ золотоискателей перезимовали тамъ прошлую зиму. Юконъ—многоводный, могучій потокъ, одинъ изъ самыхъ большихъ на всемъ земномъ шарѣ, и судоходенъ для большихъ пароходовъ отъ устья при городкѣ и гавани св. Михаила—St. Michael—на разстояніи почти 2.500 англійскихъ миль, на протяженіи всей американской территоріи Аляски, купленной Союзомъ, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, у Россіи, и отчасти и въ предѣлахъ сѣверо-западной территоріи англійской Канады; граница между этими двумя государствами опредѣляется 141° западной долготы и проходитъ отъ вершины горы св. Иліи на берегу Тихаго океана по прямой линіи до Арктическаго моря, пересѣкая рѣку Юконъ и сѣверный полярный кругъ въ нѣсколькихъ миляхъ на востокъ отъ городка Circle-City, бывшаго до сихъ поръ главнымъ центромъ разрабатываемыхъ уже золотыхъ розсыпей въ долинахъ многочисленныхъ притоковъ этой рѣки. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Porcupine-River, Forty Mile-Creek, Sixty Mile Creek, Stewart, Peely и White Rivers, и, конечно, вышеупомянутый Clondyke или Klondyke-River. На всѣхъ этихъ потокахъ уже были и прежде поселенія золотоискателей; кромѣ того, на самой рѣкѣ Юконѣ устроены канадскимъ правительствомъ въ прошломъ году два форта, Reliance и Fort Cudahy. Правительство Соединенныхъ-Штатовъ не имѣетъ во всей долинѣ ни одного представителя; территоріи, къ числу которыхъ принадлежитъ Аляска, управляются непосредственно федеральнымъ конгрессомъ, и этотъ послѣдній не обратилъ еще на долину Юкона никакого вниманія, и все, что въ ней сдѣлано до сихъ поръ, есть результатъ самодѣятельности самихъ золотоискателей. Въ странѣ нѣтъ ни закона, ни властей, какого бы ни было рода, и

Digitized by Google

только какъ послѣдствіе настоящихъ открытій, въ конгрессъ внесенъ проектъ учрежденія въ Circle City особаго Land office'a, для урегулированія и зарегистрированія розсыпей и рудниковъ по мѣрѣ ихъ открытія и заявленія владѣльцами. До сихъ поръ всѣ права собственности основаны на обычномъ правѣ и вѣрѣ, такъ сказать, и не могутъ быть какимъ-либо образомъ оформлены. Даже не установлено оффиціальной международной границы, и постоянно высказываются въ печати сомнѣнія, въ чьей именно территоріи, американской или англійской, находится долина Клондайка, вызвавшая и всю эту золотую горячку, и только-что завязавшуюся, но уже очень оживленную дипломатическую переписку между вашингтонскимъ правительствомъ и сентъ-джемскимъ кабинетомъ.

Читатель, конечно, знаетъ изъ газетъ о томъ рѣзкомъ столкновеніи, которое только-что произошло между ними, по поводу горячаго обвиненія министромъ иностранныхъ дѣлъ Союза, Шерманомъ, премьера Сольсбюри въ недобросовѣстномъ исполненіи Англіей трактата о котиковыхъ промыслахъ въ Беринговомъ морѣ; надо думать, что и настоящій споръ о принадлежности вновь открытаго золотоноснаго района не мало поспособствуетъ дальнѣйшему ухудшенію и безъ того достаточно натянутыхъ отношеній Circle City; прилежащая къ нему территорія, включающая долину рѣки Клондайка и основанный при ея сліяніи съ Юкономъ городокъ Dawson City, могутъ быть достигнуты изъ города Сіэтля двумя путями—моремъ до устья Юкона и затѣмъ рѣчными пароходами—пять тысячъ англійскихъ миль моремъ и 2.044 рѣкой—и частію моремъ черезъ главный городъ территоріи Аляски—Джюно (Juneau) до порта Дьи (Дуеа), подлѣ знаменитаго въ лѣтописяхъ геологіи глэтчера Мюира (Muir Glacier) и частію сухимъ путемъ черезъ силькатскій горный проходъ до цѣпи озеръ, составляющихъ верховье Юкона, и затѣмъ рѣчнымъ—внизъ по Юкону въ небольшихъ лодкахъ—всего около 800 англійскихъ миль отъ Дьи до Circle City. Dawson City лежитъ около 300 миль вверхъ по рѣкѣ Юкону отъ Circle City, и розсыпи на Клондайкѣ тянутся на 150 миль вверхъ по рѣкѣ отъ ея устья. Страна абсолютно дикая, угрюмая, безлѣсная, каменистая, страшно взрытая давними землетрясеніями и потому крайне неровная; единственной практичной дорогой служатъ рѣки и озера, но и они открыты для навигаціи только меньше четырехъ мѣсяцевъ въ году—съ половины мая до первыхъ чиселъ сентября, и въ верхнихъ частяхъ крайне опасны, вслѣдствіе многочисленныхъ водопадовъ, узкихъ стремнинъ и массы подводныхъ и надводныхъ камней и утесовъ. Десятки смѣльчаковъ тонутъ каждое лѣто. Всѣ жизненные припасы приходится везти съ собой; въ большинствѣ случаевъ въ этомъ отношеніи безсильны и золото, и деньги;

Digitized by Google

даже дичи, за исключеніемъ въ извѣстные сезоны оленей, карибу и лосей, совсѣмъ нѣтъ. Зато и рѣки, и озера биткомъ набиты рыбой, лососемъ, семгой и многими другими, и крупными, и вкусными породами. Ни о земледѣліи, ни о скотоводствѣ, нельзя и помышлять, и зимой собаки являются единственнымъ способомъ передвиженія. Зима очень сурова и особенно тяжела вслѣдствіе недостатка въ топливѣ; лѣто влажное и дождливое, съ мучительными массами комаровъ и оводовъ. Пшеничная мука стоила въ теченіе прошлой зимы 55 долларовъ за бочку, соленая свинина—долларъ за фунтъ; за рабочій день платили пятнадцать долларовъ, а содержаніе стоило пять долларовъ въ сутки.

Развѣдки на Клондайкѣ были начаты въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ. Необходимо принять въ соображеніе, что почва, за исключеніемъ незначительнаго поверхностнаго слоя, никогда не оттаиваетъ, и такъ какъ золотоносный песокъ лежитъ вездѣ на нѣсколько десятковъ футовъ подъ поверхностью земли, то для того, чтобы добраться до него, приходится предварительно постепенно оттаивать почву постояннымъ огнемъ, затѣмъ разбивать ее кирками и поднимать на поверхность ручнымъ трудомъ. Несмотря на тяжесть такой египетской работы, производимой притомъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ во всѣхъ положительно отношеніяхъ, богатство открытій оказалось таковымъ, что къ маю мѣсяцу, какъ только открылось сообщеніе по рѣкѣ, почти всѣ остальные пріиски,—нѣкоторые разработывавшіеся уже нѣсколько лѣтъ,—какъ бы богаты они ни были, были покинуты, и почти все наличное населеніе долины Юкона перебралось во вновь открытую обѣтованную землю. Circle City совершенно опустѣлъ; изъ 800 жителей въ немъ осталось едва 50,—хозяева значительныхъ коммерческихъ предпріятій,—такъ какъ городъ этотъ все-таки остался главнымъ центромъ снабженія всего района жизненными припасами. Добравшіеся до золотоноснаго слоя искатели съ самаго начала стали промывать просто баснословныя количества металла, увеличивавшіяся по мѣрѣ того какъ работы шли впередъ и углублялись шахты; производились онѣ самыми примитивными способами—ручными лоханями, и такая лохань золотоноснаго песку даетъ во всѣхъ пріискахъ по Клондайку отъ ста до восьмисотъ долларовъ за одинъ пріемъ. Мѣсяцъ работы дѣлалъ человѣка богатымъ на всю жизнь. Немногія женщины, послѣдовавшія за мужьями, въ свободное отъ домашней работы время намыли значительныя, сравнительно, состоянія; нѣкая миссисъ Берри привезла съ собою на „Portland“ѣ въ банкахъ изъ-подъ варенья свыше десяти тысячъ долларовъ, добытыхъ ею именно этимъ путемъ съ апрѣля по іюнь. Пароходъ „Excelsior“ привезъ слишкомъ милліонъ долларовъ золота въ пескѣ и слиткахъ; крупные само-

Digitized by Google

родки, стоющіе по сту и по двѣсти долларовъ, попадаются десятками каждый день. На пароходѣ „Portland“ вернулись 63 человѣка, привезшіе слишкомъ на два милліона долларовъ золота; у всѣхъ ихъ остались на Клондайкѣ собственные пріиски, и они пріѣхали только за припасами и орудіями для работы. Слѣдующій пароходъ, оставившій St. Michael недѣлей позже „Portland“'а, везетъ четыре милліона золота, и оффиціальное донесеніе правительственнаго агента Канады, только-что опубликованное, опредѣляетъ количество уже добытаго золота свыше десяти милліоновъ долларовъ и утверждаетъ, что, по всѣмъ видимостямъ, добыча все усиливается, и обѣщаетъ усиливаться на неопредѣленное время,—что нѣтъ никакой возможности, безъ возбужденія подозрѣній въ преувеличеніи, даже приблизительно опредѣлить важность этихъ новыхъ открытій; онъ доноситъ, между прочимъ, что для того, чтобы окончательно разработать только уже заявленные ему и зарегистрованные пріиски, потребуются многіе десятки лѣтъ и десятки тысячъ рабочихъ. Частныя письма и показанія прибывшихъ на вышеупомянутыхъ пароходахъ пассажировъ единогласно утверждаютъ, что такія же открытія сдѣланы въ долинахъ рѣкъ Peely, Stewart и White, и что въ настоящій моментъ неопровержимо доказано, что вся долина Юкона и его безчисленныхъ притоковъ—одно сплошное золотое ложе, конечно различной степени богатства, но вездѣ въ оплачивающихъ количествахъ даже при настоящихъ ненормально высокихъ условіяхъ стоимости работы и жизненныхъ припасовъ. Вообще нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній къ сомнѣнію, что открытъ новый громадный золотоносный районъ, исключительный и по своему протяженію, и по богатству, далеко превышающій, массами заключающагося въ немъ золота, не только Австралію и Трансвааль, но и самую Калифорнію. Количество уже добытаго за три мѣсяца работы золота такъ велико, что подъ него занята вся имѣвшаяся на Юконѣ посуда, всѣ жестянки изъ-подъ керосина и консервовъ, и въ каютахъ „Portland“'а изумленнымъ взорамъ встрѣтившей его на пристани многотысячной толпы были повсюду видны наваленные одинъ на другой обыкновенные мучные мѣшки, биткомъ набитые золотымъ пескомъ и самородками. Помѣщеніе парохода для драгоцѣнностей оказалось совершенно недостаточнымъ, и только меньше половины привезеннаго на немъ количества было зарегистровано оффиціальнымъ путемъ. Изъ вышеупомянутыхъ 63 человѣкъ только у очень немногихъ было меньше $ 20.000[00]; нѣкоторые привезли свыше ста тысячъ долларовъ каждый.

Все вышеизложенное можетъ показаться газетной уткой, пошлой басней,—такъ оно необычно и грандіозно. Тѣмъ не менѣе, даже самые консервативные наши дѣловые люди не только убѣждены, что

Digitized by Google

это безусловный фактъ, но и думаютъ, что и десятая часть значенія этихъ открытій еще не вполнѣ понята и усвоена публикой, и что значеніе это превосходитъ въ дѣйствительности какую бы то ни было возможную въ настоящій моментъ концепцію. Дѣло въ томъ, что геологическія изслѣдованія, производившіяся въ Аляскѣ уже много лѣтъ федеральнымъ правительствомъ, уже давно предсказывали именно такіе результаты. Главный хребетъ утесистыхъ горъ, подходящій въ южной части Аляски къ самому берегу Тихаго океана и далѣе на сѣверъ отдѣляющій отъ него долину Юкона, полонъ золотоноснымъ кварцемъ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ золотые рудники на западномъ ихъ склонѣ, въ предѣлахъ территоріи, разработываются съ большимъ успѣхомъ, и одинъ изъ нихъ, Treadwell Mine, достигшій и перешагнувшій уже количество добычи въ полтора милліона долларовъ въ мѣсяцъ, съ нѣкоторыхъ поръ считается самымъ значительнымъ отдѣльнымъ золотымъ рудникомъ всего міра. Розсыпи въ долинѣ Юкона —только намекъ на тѣ массы золота, которыя заключаются въ кварцевыхъ породахъ восточнаго склона утесистыхъ горъ и ихъ развѣтвленій, запирающихъ эту долину съ востока и сѣвера. Недалеко то время, когда и нѣдра этихъ безконечныхъ въ сущности горныхъ массъ будутъ изслѣдованы и изрыты десятками и сотнями такихъ же рудниковъ, какъ и Treadwell Mine, даже по своему настоящему богатству превосходящій все, что было до сихъ поръ извѣстно человѣчеству.

Какъ извѣстно, добыча золота на всемъ земномъ шарѣ до 1880 г. по своей стоимости всегда превосходила добычу серебра. Современные финансисты, вѣроятно, не позабыли еще достопамятной паники пятидесятыхъ годовъ, когда всѣ европейскія государства, за исключеніемъ Франціи, никогда не бывшей прямо заинтересованной въ добычѣ драгоцѣнныхъ металловъ, одно за другимъ спѣшили оказать покровительство своему серебру, а Россія даже совсѣмъ-было воспретила какой бы то ни было его вывозъ. Съ 1880 года условія измѣнились, и всѣ опять погнались за золотомъ, такъ какъ добыча серебра внезапно усилилась и значительно перегнала добычу золота. Въ теченіе 1896 года количество добычи обоихъ металловъ по стоимости опять сравнялось, достигнувъ 215 милліоновъ долларовъ для каждаго изъ нихъ. Въ текущемъ 1897 году золото опять значительно перегнало бы серебро и безъ аляскинскихъ открытій, а съ ними оно уйдетъ и очень далеко, такъ что относительная цѣнность обоихъ металловъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, опять подвергнется колебаніямъ, но уже въ противоположную сторону. Колебанія эти, по крайней мѣрѣ въ первое время, не могутъ быть значительны, и защитники бѣлаго металла не должны питать особенно розовыхъ надеждъ въ этомъ отношеніи,

Digitized by Google

такъ какъ необходимо помнить, что хотя добыча обоихъ металловъ по стоимости и сравнялась, количество серебра все-таки остается больше, чѣмъ двойнымъ противъ нормальнаго, такъ какъ цѣна его упала въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія какъ разъ на половину, и, по теперешней ихъ относительной стоимости, добыча золота должна удвоиться, для того чтобы опять возвратиться къ существовавшему въ семидесятыхъ годахъ равновѣсію въ ихъ производствѣ.

Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что именно эти соображенія и подѣйствовали такъ рѣшительно на британское правительство, по самымъ послѣднимъ извѣстіямъ, окончательно согласившееся, вопреки ожиданіямъ и воплямъ нашихъ „сильверитовъ", на участіе въ новой международной монетной конвенціи, энергически пропагандируемой Америкой и Франціей совмѣстно. Посольство американской спеціальной монетной коммиссіи, съ сенаторомъ Волькотомъ во главѣ, очевидно, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ — международная конвенція соберется осенью въ Вашингтонѣ, и аляскинскія открытія могутъ больше всего помочь возстановленію интернаціональнаго биметаллизма, если это вообще возможно при современныхъ обоюдоострыхъ міровыхъ осложненіяхъ.

П. А. Тверской.

Іюль 1897.
Лосъ Анжелесъ, Калифорнія.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1897.

— Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. Томъ второй. Спб. 1897.

Продолженіе труда Н. К. Шильдера представляетъ тѣ же достоинства, какія мы указывали прежде. Второй томъ обнимаетъ начало царствованія до 1810 года. Въ цѣломъ царствованіи Александра I авторъ усматриваетъ три рѣзко обозначенные періода.

„Первый періодъ обнимаетъ собою время отъ 1801 до 1810 года. Ему присвоиваютъ обыкновенно наименованіе эпохи преобразованій. Вникая ближе въ духъ этого періода, вѣрнѣе было бы назвать его эпохою колебаній. Дѣйствительно, за это время, то-есть, съ 1801 по 1810 годъ, въ государственной жизни Россіи происходятъ безпрерывныя колебанія какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; по всѣмъ отраслямъ управленія имперіею замѣчается полная неустойчивость взглядовъ, рѣзкіе переходы отъ одной политической системы къ другой. Всѣ эти явленія обусловливаются исключительно одною личностью императора Александра, обладавшаго свойствомъ нерѣдко колебаться въ одно и то же время между двумя совершенно различными настроеніями, безъ всякой послѣдовательности въ избранномъ имъ разъ направленіи.

„Второй періодъ продолжается отъ 1810 по 1816 годъ и по внутреннему своему смыслу всецѣло сосредоточивается на борьбѣ съ Франціею. Этотъ періодъ, въ противоположность предшествовавшему, олицетворяетъ собою настойчивое преслѣдованіе одной господствующей мысли, доведенной съ замѣчательной послѣдовательностью до конца— примѣръ, едва ли не единственный во все царствованіе Александра I. Неожиданно для всѣхъ, къ удивленію всего міра, онъ явилъ себя въ 1812 году непоколебимымъ и рѣшился быть или не быть. Между тѣмъ, Наполеонъ, готовясь къ вторженію въ Россію, основывалъ свои поли-

Digitized by Google

тическіе и военные разсчеты на мнимой слабохарактерности Александра. Въ этомъ отношеніи сокровенныя мысли завоевателя сходились съ тайными разсчетами его союзниковъ: Меттерниха и Гарденберга. Всѣмъ этимъ тремъ недругамъ Россіи пришлось однако неожиданно испытать полное разочарованіе. Мысль Александра, которую онъ тогда неуклонно преслѣдовалъ, заключалась въ низложеніи Наполеона. „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать", сказалъ Александръ въ самый разгаръ войны съ своимъ геніальнымъ соперникомъ и оставался вѣренъ этой мысли до полнаго ея осуществленія, даже среди всѣхъ невзгодъ, сопровождавшихъ эту безпримѣрную въ лѣтописяхъ міра борьбу.

„Третій періодъ, начинающійся въ 1816 году, оканчивается смертью императора Александра въ 1825 году. Историки обыкновенно присвоиваютъ этому періоду наименованіе періода конгрессовъ и храненія установленнаго ими порядка въ Европѣ. Вѣрнѣе и ближе къ истинѣ назвать это послѣднее десятилѣтіе періодомъ реакціи".

Замѣтимъ впрочемъ, что наименованіе „періодъ конгрессовъ" могло быть только уклончивостью въ виду цензуры, потому что—чѣмъ инымъ, какъ не крайней реакціей могло бы быть опредѣлено господство Аракчеева и безнаказанная наглость Магницкаго и компаніи?

Этотъ послѣдній періодъ авторъ опредѣляетъ такъ: „Послѣ низложенія Наполеона, императоръ Александръ представляетъ собою усталаго мученика, колеблющагося между возрастающимъ вліяніемъ Аракчеева и собственными убѣжденіями, усвоенными въ дни молодости. Среди начинающейся съ 1816 года реакціи, можно еще въ первое время прослѣдить присутствіе яркихъ проблесковъ юношескихъ увлеченій и мечтаній. Свидѣтельствомъ тому можетъ служить рѣчь, произнесенная въ 1818 году государемъ при открытіи польскаго сейма. Но съ 1820 года замѣчается уже полное исчезновеніе всѣхъ прежнихъ идеаловъ, къ осуществленію которыхъ онъ нѣкогда стремился съ искреннимъ увлеченіемъ. Къ этому душевному настроенію присоединяется еще окончательное утомленіе жизнью (un incurable dégout de la vie), признаки котораго Меттернихъ подмѣтилъ въ императорѣ Александрѣ уже въ 1822 году во время конгресса въ Веронѣ".

Эти смѣны направленій приводились не только событіями и обстоятельствами времени; почва для нихъ лежала въ самомъ характерѣ императора Александра — неустойчивомъ, увлекающемся и вмѣстѣ скрытномъ, такъ что въ одно данное время бывало трудно уловить его господствующую идею и настроеніе; въ то же время онъ бывалъ чрезвычайно упоренъ, когда та или другая идея успѣвала овладѣть имъ. Для объясненія этого характера историкъ Александра I припоминаетъ ту его черту, которую Меттернихъ называлъ періодичностью его воз-

Digitized by Google

зрѣній (les évolutions périodiques de son esprit). „Она повторялась съ поразительною послѣдовательностью—приблизительно черезъ каждыя пять лѣтъ его царствованія. Дѣйствительно, Александръ, усвоивая себѣ по вдохновенію какую-нибудь идею, немедленно отдавался ей съ полнымъ увлеченіемъ. На развитіе этой идеи требовалось около двухъ лѣтъ; она незамѣтнымъ образомъ пріобрѣтала въ его глазахъ значеніе системы. Въ теченіе третьяго года, онъ оставался вѣренъ избранной системѣ, все болѣе привязывался къ ней, слушалъ съ истиннымъ увлеченіемъ сторонниковъ ея и въ это время становился недоступнымъ никакому вліянію, могущему поколебать справедливость усвоеннаго имъ взгляда. На четвертый годъ, его уже начинали тревожить могущія произойти отъ этого послѣдствія. Въ пятый же годъ, замѣчалась неопредѣленная смѣсь системы, готовой исчезнуть, съ новой идеей, начинавшей зарождаться въ его умѣ. Эта идея обыкновенно составляла діаметральную противоположность покидаемому имъ воззрѣнію. Затѣмъ, усвоивъ себѣ новыя убѣжденія, онъ не сохранялъ о покинутыхъ идеяхъ другого воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній". Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ этихъ колебаній и полной перемѣны взглядовъ въ теченіе царствованія Александра I, но внутренніе мотивы остаются тѣмъ не менѣе трудно объяснимыми, и напримѣръ, по поводу отношеній императора Александра къ Аракчееву, авторъ замѣчаетъ: „Возвращеніе въ 1803 году графа Аракчеева къ дѣламъ какъ-то трудно согласовать съ обнаруженными неоднократно Александромъ чувствами великодушнаго благожелательства, съ его скорбью о безправномъ положеніи русскаго человѣка и съ представленіемъ его о законѣ, какъ залогѣ блаженства всѣхъ и каждаго. Всѣ эти возвышенные помыслы, воодушевлявшіе несомнѣнно императора Александра, соединенные съ неизмѣнностью дружескаго его расположенія къ графу Аракчееву, останутся навсегда загадкою при психологическомъ разборѣ характера этого, повидимому, столь гуманнаго государя. „Le vrai peut quelque fois n'être pas vraisemblable", писалъ Буало, и это изреченіе вполнѣ примѣнимо къ отношеніямъ, установившимся между Аракчеевымъ и его царственнымъ другомъ" (стр. 112).

Въ двѣнадцати главахъ второго тома авторъ разсказываетъ, какъ мы сказали, событія царствованія Александра I отъ вступленія на престолъ до 1810 года: подробно говоритъ о воцареніи, которое встрѣчено было съ неописанной радостью, можно сказать, во всей Россіи; о первыхъ мѣрахъ императора Александра; о великодушныхъ планахъ его для преобразованія русской жизни; о внѣшнихъ событіяхъ и войнахъ, которыя мало-по-малу измѣнили его настроеніе; о сближеніи

Digitized by Google

съ Наполеономъ; о свиданіяхъ съ послѣднимъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ; вообще о политическихъ отношеніяхъ Россіи; наконецъ, о планахъ государственнаго устройства, редакція которыхъ поручена была императоромъ Сперанскому. Въ обширныхъ примѣчаніяхъ заключается множество указаній на историческую литературу объ этомъ времени и на матеріалъ архивный. Въ приложеніяхъ помѣщено не мало любопытныхъ документовъ изъ донесеній иностранныхъ дипломатовъ и агентовъ, изъ камеръ-фурьерскаго журнала, изъ бумагъ графа П. А. Строгонова; письма императора Александра и прусскаго короля Фридриха Вильгельма III; планъ государственнаго преобразованія, представленный Сперанскимъ императору Александру въ 1809 году; переписка Талейрана съ императоромъ Акександромъ. Множество интересныхъ рисунковъ, заимствованныхъ большею частью изъ очень рѣдкихъ источниковъ и прекрасно исполненныхъ, украшаютъ изданіе.

— Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ первый. Монографіи по русской исторіи. Съ портретомъ автора, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1897. (Второе заглавіе, для 1-го тома: Русская исторія. Разсужденія, критическія статьи и замѣтки).

Имя К. Д. Кавелина еще съ половины сороковыхъ годовъ пріобрѣло авторитетную извѣстность въ рядахъ ученыхъ изслѣдователей русской исторіи: это была пора новой исторической школы, которая стремилась найти внутреннія основы русскаго историческаго развитія при помощи философско-историческихъ и вмѣстѣ реально-бытовыхъ изученій. Знаменитая статья Кавелина: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, произвела въ свое время сильное впечатлѣніе и займетъ почетное мѣсто въ судьбахъ нашей исторіографіи. Вскорѣ затѣмъ была имъ написана другая цѣнная работа, разборъ книги Терещенка: „Бытъ русскаго народа“, гдѣ въ сырой этнографическій матеріалъ Кавелинъ опять вносилъ историческое объясненіе. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, имя Кавелина пріобрѣтаетъ новую извѣстность, когда онъ явился не оффиціальнымъ и не гласнымъ, но тѣмъ не менѣе энергическимъ и вліятельнымъ дѣятелемъ по крестьянской реформѣ, которая послужила исполненіемъ давнихъ историческихъ предположеній, и удовлетвореніемъ еще болѣе давняго личнаго и общественнаго убѣжденія. Извѣстность ученаго изслѣдователя какъ бы смѣнилась авторитетомъ общественнаго дѣятеля съ яснымъ и твердымъ пониманіемъ задачи, предстоявшей государству и обществу, и съ неуклоннымъ убѣжденіемъ въ томъ, какъ она должна была быть исполнена. Профессура, начатая и прервавшаяся въ московскомъ университетѣ, одно время продолжалась потомъ въ Петербургѣ въ уни-

Digitized by Google

верситетѣ и подъ-конецъ въ военно-юридической академіи. Наконецъ, обширная литературная дѣятельность Кавелина по вопросамъ русской исторіи, права, нравственной философіи, по различнымъ интересамъ общественной жизни, продолжалась до его послѣднихъ дней. Дѣятельность научная никогда не была для него дѣломъ кабинетной учености: къ исторіи, юридическому изысканію, нравственно-философскимъ теоріямъ всегда присоединялась живая общественная мысль, какъ и самъ онъ лично всегда былъ увлеченъ живою дѣйствительностью; имъ всегда владѣли два стремленія — найти историческое и логическое истолкованіе явленій и указывать тотъ высокій идеалъ, который должны ставить себѣ и личность, и общество, и само государство... Кавелинъ былъ въ полной мѣрѣ человѣкомъ сороковыхъ годовъ: въ эти годы кончалась его юношеская пора и начиналась зрѣлая дѣятельность; среди людей той эпохи складывались его задушевныя убѣжденія, завязывались дружескія связи—нѣкогда его учителемъ, а потомъ другомъ, былъ Бѣлинскій, его друзьями были Грановскій, Герценъ, Тургеневъ и позднѣе въ эпоху крестьянской реформы люди другого круга, взгляды которыхъ образовались въ тѣ же годы и подъ вліяніемъ тѣхъ же идеальныхъ возбужденій. Въ задачи и тревоги послѣдующаго времени онъ вносилъ то идеалистическое содержаніе, какое онъ усвоилъ въ своей школѣ сороковыхъ годовъ. До конца дней онъ остался неизмѣннымъ идеалистомъ, котораго не покидала вѣра въ свои нравственные идеалы и въ русскій народъ и его „мужицкое царство“.

Это содержаніе мыслей и идеаловъ должно было быть собрано для послѣдующихъ поколѣній, и настоящее собраніе его сочиненій, безъ сомнѣнія, будетъ встрѣчено съ великимъ интересомъ и сочувствіемъ всѣми, кому близки вопросы нашей исторической и современной, общественной и народной жизни. Въ предисловіи упомянуто о давнемъ небольшомъ собраніи сочиненій Кавелина, 1859 года, и затѣмъ говорится:

„Главныя работы К. Д. Кавелина, доставившія ему наибольшую извѣстность въ массѣ русской читающей публики, написаны имъ уже позднѣе; сюда относятся всѣ сочиненія и статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ, особенно крестьянскому, по критикѣ научныхъ и философскихъ направленій, по психологіи и этикѣ. Эти сочиненія и статьи печатались въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ или издавались отдѣльными книгами и брошюрами, иногда анонимно, а частью оставались въ рукописяхъ и не были собраны въ одно цѣлое. Между тѣмъ потребность имѣть полное, по возможности, собраніе всѣхъ сочиненій К. Д. Кавелина давно ощущалась и учеными спеціалистами, и вообще образованною частью русскаго общества. Этой по-

Digitized by Google

требности стремится удовлетворить настоящее изданіе, въ которомъ разнообразная научно-литературная дѣятельность К. Д. Кавелина впервые представлена почти въ полномъ видѣ.

„Въ настоящее изданіе вошли: 1) всѣ изслѣдованія, статьи и замѣтки К. Д. Кавелина, напечатанныя въ изданіи 1859 г., за исключеніемъ одной компилятивной работы, составленной въ 1845 г. по книгѣ двухъ нѣмецкихъ ученыхъ, Цшоппе и Штенцеля, вышедшей въ Гамбургѣ въ 1832 г.: „Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ"; 2) всѣ сочиненія, статьи и замѣтки, напечатанныя авторомъ при жизни, съ 1859 года, кромѣ лишь нѣкоторыхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, посвященныхъ второстепеннымъ текущимъ вопросамъ и утратившихъ въ настоящее время интересъ современности; 3) статьи и замѣтки К. Д. Кавелина появившіяся въ печати послѣ его смерти, и 4) совершенно обработанныя статьи и замѣтки, оставшіяся въ его бумагахъ, но не бывшія еще вовсе въ печати.

„Книга подъ заглавіемъ: „Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству", вышедшая въ 1879 году и составляющая конспектъ лекцій, читанныхъ въ военно-юридической академіи, не включена въ настоящее изданіе въ виду своего чисто-практическаго назначенія — служить пособіемъ для слушателей; притомъ она существуетъ еще въ отдѣльной продажѣ. Только небольшая вступительная часть этой книги, затрогивающая общіе теоретическіе вопросы гражданскаго права, перепечатана въ четвертомъ томѣ.

„Весь матеріалъ изданія распредѣленъ по возможности въ систематическомъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ на четыре главныя группы, съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая изъ нихъ составила отдѣльный томъ, болѣе или менѣе однородный по содержанію и приблизительно одинаковый съ другими по объему. Первую группу, и слѣдовательно первый томъ, составляютъ монографіи по русской исторіи. Второй томъ заключаетъ въ себѣ, подъ общимъ названіемъ публицистики, сочиненія, статьи и замѣтки по различнымъ общественнымъ, экономическимъ и литературнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ—воспоминанія, характеристики, некрологи, очерки и мелкія статьи, входящія въ отдѣлъ „смѣси". Третій томъ посвященъ вопросамъ науки и философіи, обнимая статьи о разныхъ научныхъ и философскихъ направленіяхъ, объ университетахъ и высшемъ преподаваніи въ Россіи и въ западной Европѣ, монографіи и статьи по психологіи, этикѣ и эстетикѣ. Наконецъ, въ четвертомъ томѣ помѣщены изслѣдованія и статьи по правовѣдѣнію и этнографіи,—по исторіи русскаго законодательства, по гражданскому праву и о бытѣ и повѣрьяхъ русскаго народа. Въ каж-

Digitized by Google

домъ томѣ статьи распредѣлены также систематически, соотвѣтственно своему содержанію и самому способу разработки вопросовъ, насколько, разумѣется, это было возможно: статьи болѣе общаго характера помѣщены впереди спеціальныхъ или относящихся къ частнымъ вопросамъ; самостоятельныя разсужденія—впереди критическихъ статей; послѣднія—впереди рецензій, а статьи вполнѣ однородныя слѣдуютъ одна за другою въ хронологическомъ порядкѣ.

„Труды по собранію матеріала и приготовленію его къ печати были раздѣлены, по взаимному соглашенію, между проф. Д. А. Корсаковымъ и Л. З. Слонимскимъ".

Статьи, вошедшія въ первый томъ, посвященный трудамъ Кавелина по русской исторіи, большею частью заключались уже въ прежнемъ изданіи его сочиненій и относятся къ концу сороковыхъ и къ пятидесятымъ годамъ; но нѣсколько статей принадлежатъ болѣе позднему времени, какъ напримѣръ: „Мысли и замѣтки о русской исторіи", явившіяся въ шестидесятыхъ годахъ въ „Вѣстникѣ Европы", и „Краткій взглядъ на русскую исторію", составляющій чтеніе Кавелина въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Въ началѣ перваго тома помѣщенъ сжатый, но содержательный и тепло написанный біографическій очеркъ, принадлежащій Д. А. Корсакову. Приводимъ нѣсколько словъ изъ этой біографіи, которыя укажутъ взглядъ біографа на историческое значеніе дѣятельности Кавелина и на его нравственную личность. „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи"—создалъ Кавелину ученую и литературную репутацію, поставивъ его имя на ряду съ самыми выдающимися и самыми популярными именами „людей сороковыхъ годовъ",—этой высокоталантливой дружины русской мысли, которой такъ много обязано отечественное просвѣщеніе. Среди этой дружины, Кавелинъ занимаетъ весьма почетное положеніе не только какъ ученый и литераторъ, но и какъ человѣкъ, какъ характеръ, по тому умственному и нравственному вліянію, которое онъ производилъ своею личностью на цѣлый рядъ русскихъ поколѣній, въ теченіе почти полувѣка. Ученикъ Бѣлинскаго, другъ Грановскаго, Герцена, Тургенева и многихъ изъ ихъ „друзей-враговъ"—славянофиловъ; вліятельный, хотя и „не гласный" участникъ величайшихъ реформъ царствованія Александра II, въ особенности реформы 19 февраля 1861 г.; популярный профессоръ двухъ университетовъ—московскаго и петербургскаго, и военно-юридической академіи, убѣжденный сторонникъ учащейся молодежи и крестьянъ, оригинальный мыслитель, психологъ, историкъ и юристъ; популяризаторъ русской исторической науки среди „большой" русской публики и пропагандистъ-публицистъ самостоятельной личности, прогресса, порядка и законности—Кавелинъ пережилъ большую часть изъ своихъ знаменитыхъ сверстниковъ и являлся среди

Digitized by Google

новыхъ русскихъ поколѣній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ достойнымъ представителемъ „идей сороковыхъ годовъ", основанныхъ на отвлеченныхъ философскихъ построеніяхъ и стремившихся выяснить въ наукѣ и въ жизни общія, руководящія начала и принципы...

„Въ нравственномъ отношеніи Кавелинъ былъ самый чистый человѣкъ: слово у него никогда не расходилось съ дѣломъ, онъ не входилъ въ сдѣлки съ совѣстью и не зналъ никакихъ компромиссовъ. Высоко понимая человѣческое достоинство, онъ никогда и ни передъ кѣмъ не унижался, какъ бы высоко въ умственномъ и общественномъ положеніи ни стояло то или другое лицо, но всегда и вездѣ шелъ на встрѣчу тѣмъ, кого онъ считалъ достойными поддержки и одобренія. За правое дѣло, за справедливость—онъ являлся самымъ усерднымъ ходатаемъ и заступникомъ. Сколько людей, и по общественнымъ, и по своимъ личнымъ дѣламъ, обращалось къ Кавелину за совѣтомъ, за указаніемъ, разъясненіемъ; сколько, наконецъ, лицъ искало у него разрѣшенія трудныхъ жизненныхъ вопросовъ—и никто не уходилъ отъ него неудовлетвореннымъ. Онъ умѣлъ ободрять, поднимать упадавшій духъ въ человѣкѣ, и сколько юношей, въ настоящее время уже зрѣлыхъ и почтенныхъ людей, занимающихъ видныя мѣста въ наукѣ и литературѣ, и въ государственной и общественной службѣ,—сбились бы съ прямого пути, если бы не помогла имъ своевременно нравственная поддержка Кавелина! Но зато какъ безпощаденъ бывалъ Кавелинъ ко всему, что носило на себѣ печать пошлости, глупости и подлости, и если онъ умѣлъ любить все высокое, все честное —то точно также умѣлъ ненавидѣть все низкое, позорное и лживое. А какъ онъ понималъ страданія людскія! Его любвеобильное сердце чутко откликалось на всѣ чужія горести и несчастія, но его „благотворенія" извѣстны лишь весьма немногимъ, близкимъ ему людямъ... Свои собственныя, личныя несчастія—а ихъ было у него не мало—сносилъ Кавелинъ съ необыкновеннымъ стоицизмомъ, что и выразилъ весьма характерно въ письмѣ къ сестрѣ, строки изъ котораго приведены въ видѣ эпиграфа къ настоящему очерку. Въ нихъ вполнѣ ясно выраженъ весь нравственный образъ Кавелина.

„Біографія такого человѣка въ высшей степени интересна и поучительна. Она бѣдна внѣшними фактами, но зато богата внутреннимъ содержаніемъ. Фономъ для нея является исторія русской культуры всего XIX столѣтія (такъ какъ его дѣтство и отрочество проходятъ въ первую треть нашего вѣка); а самая біографія есть повѣсть о психическомъ развитіи высокодаровитой личности и объ упорной и стойкой ея борьбѣ съ окружающей ее средой. Эта борьба началась для Кавелина съ дѣтства, въ его семьѣ, и продолжалась всю

Digitized by Google

жизнь—на самыхъ различныхъ поприщахъ его публичной и частной дѣятельности.

Эта первая часть „Собранія сочиненій“ представляетъ прекрасно напечатанный томъ большого формата въ два столбца сжатой четкой печати (1052 столбца).

А. П. Энгельгардтъ. Русскій сѣверъ. Путевыя записки. Спб. 1897. (Со многими рисунками).

Эта прекрасно изданная книга со множествомъ рисунковъ, воспроизводящихъ фотографіи, является (что у насъ бывало, но рѣдко) трудомъ лица, стоящаго во главѣ управленія описываемаго края. Путешествіе г. Энгельгардта было не только дѣломъ обыкновенной любознательности, но и дѣломъ заботливости администратора, который добросовѣстно принимаетъ къ сердцу благосостояніе края, ввѣреннаго его попеченіямъ и нравственной отвѣтственности. Извѣстно, что русскій сѣверъ есть особенный край и въ европейской Россіи единственный въ своемъ родѣ: архангельская губернія раскинута на громадныхъ пространствахъ не только суши, но и моря, съ рѣдкимъ населеніемъ, суровымъ климатомъ, въ огромномъ процентѣ населенія съ первобытною ступенью культуры и вообще для дальнихъ мѣстностей также съ первобытными путями сообщенія или съ полнымъ ихъ отсутствіемъ въ извѣстныя времена года. Познакомиться съ такимъ громаднымъ пространствомъ не легко „хозяину губерніи“; предпринять осмотръ края равносильно совершенію географической экспедиціи, не свободному отъ разныхъ затрудненій и настоящихъ опасностей, напр. въ плаваніяхъ по Ледовитому океану, гдѣ находится послѣдній пунктъ „губерніи“—Новая Земля. Архангельскій край издавна и донынѣ стоялъ особнякомъ отъ общей жизни — въ силу своей отдаленности и климатическихъ условій; только въ послѣдніе годы начались усиленныя заботы о томъ, чтобы ввести этотъ край сколько возможно въ общую жизнь — проведеніемъ желѣзной дороги, облегчить экономическую жизнь сѣвера и воспользоваться его „богатствами“. Понятно, что, для установленія правильныхъ мѣръ въ этомъ направленіи, разумной администраціи необходимо близкое, не только книжное или канцелярское знакомство съ краемъ, его природой и обитателями; и это былъ поводъ путешествій, предпринятыхъ г. Энгельгардтомъ. Въ настоящей книгѣ описано три путешествія, сдѣланныя имъ въ предѣлахъ архангельской губерніи: одно направилось на Мурманскій берегъ (изъ Архангельска черезъ Соловецкій монастырь, Сумскій посадъ, Кемь и черезъ материкъ въ Колу, затѣмъ, берегомъ Ледовитаго

Digitized by Google

моря до норвежской границы и обратно вдоль Мурманскаго и Терскаго берега); другое направилось на Новую Землю, послѣ осмотра которой г. Энгельгардтъ намѣревался пройти къ устьямъ Печоры, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ путь былъ загороженъ льдами и пришлось опять вернуться въ Архангельскъ; наконецъ, третье путешествіе направлено было сначала моремъ на Мезень, потомъ сухимъ путемъ черезъ Тиманскій хребетъ на Печору, отъ Усть-Цильмы по теченію Печоры на сѣверъ и отъ устьевъ ея опять Ледовитымъ океаномъ и Бѣлымъ моремъ обратно. Путешествіе административнаго лица было, конечно, значительно облегчено его положеніемъ и представляло большія административныя выгоды, выясняя положеніе вещей на мѣстѣ, но не измѣняло условій климата и путей сообщенія. На своемъ пути авторъ собралъ обстоятельныя свѣдѣнія, которыя послужили содержаніемъ его книги. Нѣсколько главъ посвящены сначала общему обзору экономической и промышленной жизни русскаго сѣвера, далѣе, путешествію въ кемскій и кольскій уѣзды, описанію Корелы, Поморья, Лапландіи, Мурманскаго берега, Новой Земли, Печорскаго края, свѣдѣніямъ о зырянахъ и самоѣдахъ. Подробности путешествія, впечатлѣнія природы и жителей, историческія справки, обстоятельныя свѣдѣнія о разноплеменномъ населеніи, условіяхъ его быта и промыслахъ, все это, переданное въ простомъ и живомъ разсказѣ, составило очень интересную книгу; разсказъ иллюстрируется множествомъ рисунковъ, иногда на каждой страницѣ, и двумя картами.

Путевыя записки г. Энгельгардта печатались сначала въ журналѣ „Русское Судоходство“, который служитъ органомъ петербургскаго отдѣленія Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству; но въ настоящемъ изданіи онѣ дополнены еще нѣкоторыми позднѣйшими данными. Наконецъ, замѣчаетъ авторъ, „доходъ, который можетъ получиться отъ этого изданія, я предоставляю въ распоряженіе Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству на снабженіе учебными пособіями мореходнаго класса и класса рыболовства, каковые, я надѣюсь, будутъ учреждены при училищѣ въ будущемъ Екатерининскомъ портѣ на Мурманѣ“.

Трудъ г. Энгельгардта исполненъ съ наилучшими намѣреніями. Авторъ указываетъ природныя богатства края, многія хорошія черты населенія, сожалѣетъ о препонахъ, которыя мѣшаютъ разработкѣ этихъ богатствъ и благосостоянію населенія, сожалѣетъ и о грубомъ хищничествѣ его промысловъ; возлагаетъ надежды на будущую желѣзную дорогу и телеграфъ и т. д. Намъ кажется однако, что онъ недостаточно обратилъ вниманіе на одно условіе всего этого быта — крайне невысокій культурный уровень, который не дозволяетъ населенію воспользоваться даже тѣми богатствами, какія его окружаютъ, и разумно

Digitized by Google

поставить свой промышленный трудъ. Разсказъ автора о сосѣдней Норвегіи, или даже о финскихъ колоніяхъ на самомъ нашемъ Мурманскомъ берегу, это—прямой укоръ нашимъ бытовымъ порядкамъ и невѣжеству.

— Изданія Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Рефераты, читанные въ 1895 году. (Годъ I). М. 1896.

Въ концѣ 1893 г., министерствомъ просвѣщенія утвержденъ былъ уставъ Историческаго Общества, состоящаго при импер. московскомъ университетѣ, и съ 1895 оно начало дѣйствовать. Настоящая книга представляетъ первые труды Общества. Здѣсь мы находимъ, во-первыхъ, текстъ устава Общества, затѣмъ вступительную рѣчь перваго предсѣдателя, В. И. Герье, о „задачахъ Историческаго Общества“ и отчеты о двухъ засѣданіяхъ Общества: одно посвящено было памяти профессора, протоіерея А. М. Иванцова-Платонова (чтенія г. Герье, М. С. Корелина, кн. С. Н. Трубецкого); другое, 4-го октября, происходило въ годовщину смерти Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева (чтенія гг. Герье, Якушкина и Ключевскаго); наконецъ, спеціальные доклады М. К. Любавскаго: „О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и прочими князьями Гедиминова рода въ XIV, XV в.“; К. Н. Успенскаго: „Аѳинскіе навкрары и навкраріи“, и свящ. М. І. Хитрова: „Страница изъ исторіи аскетизма — по поводу новаго изданія книги Лугъ Духовный“.

Въ послѣднее время историческія общества размножаются въ нашихъ университетахъ, и этому нельзя не порадоваться: расширеніе историческихъ знаній и историческаго пониманія есть не только великій интересъ чистой науки, но и науки прикладной, популярной или общественнаго образованія. При московскомъ университетѣ уже издавна существуетъ заслуженное ученое общество—Общество исторіи и древностей россійскихъ, основаніе котораго связано съ первыми начинаніями нашей науки русской исторіи. Съ воспоминаній объ этой первой порѣ русской историографіи началъ г. Герье свою вступительную рѣчь, открывшую труды новаго Общества. Въ этой замѣчательной рѣчи г. Герье съ большой многосторонностью указалъ широкія задачи современной исторической науки, въ которыхъ заключенъ не только отвлеченный интересъ научнаго знанія, но и глубокое нравственное поученіе. Труды Общества должны направиться не только на русскую, но особливо на всеобщую исторію, и авторъ объясняетъ, какимъ образомъ правильное пониманіе исторіи отечественной можетъ быть достигнуто только въ связи съ исторіей всеобщей,—потому что

Digitized by Google

самая внутренняя жизнь народа можетъ быть понята только при сравнительномъ изученіи бытовыхъ формъ и учрежденій, а затѣмъ исторія чѣмъ дальше, тѣмъ больше совершается во взаимодѣйствіи народовъ. „Съ теченіемъ времени и развитіемъ цивилизаціи это взаимодѣйствіе все возрастаетъ. Поэтому, напр., даже въ современной Англіи, отдѣленной своимъ географическимъ положеніемъ отъ материка и еще болѣе изолированной самобытностью своего политическаго развитія, живо ощущается въ настоящее время потребность болѣе тѣснаго сближенія національной исторіографіи съ исторіей европейскаго материка". Но необходимость изученія всеобщей исторіи зависитъ не отъ однихъ утилитарныхъ соображеній, отъ возможности примѣненія ея къ національной исторіографіи; это изученіе необходимо и въ интересахъ національной культуры. „Всеобщая исторія привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе не только отдѣльными своими частями, извѣстными эпохами, народами, событіями, лицами, но и всею совокупностью. Всеобщая исторія имѣетъ особенное значеніе именно своей совокупностью, т.-е. тѣмъ, что всѣ ея части входятъ въ составъ одного цѣлаго, представляютъ собою нѣчто цѣлое, хотя и недоконченное. Взятая какъ цѣлое, всеобщая исторія имѣетъ своимъ содержаніемъ особый предметъ—человѣчество... Жизнь человѣчества есть извѣстный процессъ, основанный на духовной связи и культурной преемственности поколѣній и народовъ, появлявшихся и затѣмъ сходившихъ со сцены исторіи—отъ первыхъ зачатковъ культуры до нашего времени. Установить и выяснить этотъ процессъ, связующій человѣчество въ одно общее цѣлое, есть главная задача всеобщей исторіи"... „Одновременно съ тѣмъ, какъ развивалась философія исторіи и ея вліяніе становилось замѣтнымъ въ пониманіи историческихъ явленій, — въ научномъ мірѣ сталъ совершаться другой знаменательный для исторіи переворотъ. Болѣе или менѣе всѣ науки стали сниматься съ мѣста и подвигаться по направленію къ исторіи. Онѣ стали сближаться съ нею, усвоивать себѣ ея пріемы, принимать характеръ историческаго изслѣдованія". А именно, науки—вмѣсто или кромѣ описанія и опредѣленія существующаго—стали стремиться къ тому, чтобы объяснить его происхожденіе, и это направленіе стало проникать и общественныя науки, и естествознаніе. Авторъ указываетъ, какъ прежде всего показала въ этомъ примѣръ одна изъ самыхъ неподатливыхъ наукъ, наука права, такъ называемая въ исторической школѣ со временъ Савиньи. Она распространилась потомъ на политическую экономію. Въ новѣйшемъ естествознаніи со временъ Ламарка поставленъ вопросъ о происхожденіи животнаго царства, который въ наше время снова былъ поставленъ Дарвиномъ и сталъ такимъ господствующимъ въ современномъ естествознаніи. Наконецъ, историческій методъ про-

Digitized by Google

никаетъ въ грамматику, въ эстетику, въ богословіе; Спенсеръ примѣняетъ его къ психологіи, пытаясь прослѣдить самое возникновеніе психическихъ функцій человѣка. „Такое всеобщее приложеніе историческаго метода, — говоритъ г. Герье, — является торжествомъ для исторіи. Она была прежде запаснымъ магазиномъ, изъ котораго каждый выбиралъ по произволу пригодный для него матеріалъ; проникновеніе историческаго метода во всѣ научныя области измѣняетъ положеніе дѣла и превращаетъ ихъ въ провинціи всемірной исторіи, обогащая ее результатами спеціальныхъ наукъ. Изъ подчиненнаго положенія, которое исторія занимала по отношенію къ богословіи, къ философіи и юриспруденціи, исторія возвысилась и достигла господства надъ ними, возложивъ на нихъ законъ, который она сама себѣ дала... Она стала центральною наукою; на ея долю выпала обязанность внести стройность и синтезъ въ возрастающій со всѣхъ сторонъ до безконечности научный матеріалъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, сама исторія принимаетъ все болѣе научный характеръ. Наконецъ, историческое изученіе пріобрѣтаетъ высокую нравственную сторону. Всемірная исторія представляется наблюдателю безпредѣльной ареной столкновенія враждебныхъ силъ, но не стихійныхъ, т. е. не безотвѣтственныхъ силъ, а напротивъ сознательныхъ и утверждающихъ за собой свое право. Полное безпристрастіе является необходимымъ условіемъ серьезнаго историческаго изслѣдованія и всеобщая исторія становится школою справедливости.

„Но правда историка,—заключаетъ г. Герье,—не та отвлеченная справедливость, которая имѣетъ въ виду лишь установленіе summum jus. Она дополняется и усовершенствуется другимъ чувствомъ. Зрѣлище частаго торжества насилія пріучаетъ историка относиться со вниманіемъ и участіемъ къ жертвамъ историческаго процесса, которыя такъ нерѣдко бывали носителями правды и прогресса; зрѣлище неправды съ примѣсью истины, и заблужденій съ примѣсью правды отучаетъ историка отъ безусловныхъ осужденій и обращаетъ исторію въ проповѣдь терпимости—другого условія культурнаго и этическаго развитія. Содѣйствуя успѣхамъ исторической науки, наше общество поэтому будетъ проводникомъ гуманности, справедливости и терпимости. Примѣненіе этихъ чувствъ къ явленіямъ прошлаго усилитъ потребность примѣненія ихъ къ явленіямъ и настоящаго. Развивая въ своихъ членахъ эти чувства, наше „Общество" сдѣлается разсадникомъ ихъ и хранителемъ въ томъ великомъ русскомъ обществѣ, которому оно желаетъ посильно служить своимъ существованіемъ и дѣятельностью. Въ сознаніи этой потребности оно основано—и да будетъ ему суждено упрочиться и процвѣтать въ этомъ направленіи".

Какъ будто въ связи съ этимъ объясненіемъ смысла историче-

Digitized by Google

скаго изслѣдованія являются въ трудахъ московскаго Историческаго Общества воспоминанія объ умершемъ недавно профессорѣ университета Иванцовѣ-Платоновѣ, который былъ въ числѣ членовъ-основателей Общества, и доклады о Грановскомъ и Соловьевѣ. Иванцовъ-Платоновъ былъ преподавателемъ церковной исторіи и внушалъ къ себѣ высокое уваженіе сотоварищей какъ историкъ-мыслитель: въ немъ соединялись глубокая религіозность и уваженіе къ наукѣ, „живое и горячее стремленіе къ научной истинѣ". Соединеніе этихъ особенностей бываетъ вообще очень рѣдко въ представителяхъ богословской науки и объяснялось широкимъ ученымъ образованіемъ этого замѣчательнаго профессора. На его каѳедрѣ,—говоритъ г. Герье,—въ область богословія нашли доступъ пріемы современной науки, и его заслуга не исчерпывается такой постановкой вопроса въ его собственномъ преподаваніи: „своей двадцатилѣтней дѣятельностью онъ создалъ традицію для своей каѳедры, въ извѣстномъ смыслѣ обязательную для его преемниковъ".

Очень любопытны доклады г. Ключевскаго о Соловьевѣ и г. Якушкина о Грановскомъ. Въ этомъ послѣднемъ докладѣ сообщены между прочимъ новыя данныя о Грановскомъ изъ записокъ Аѳанасьева.—Т.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Борисовъ, Н. И.—Опытъ изученія конокрадства въ Херсонской губ. Изданіе Херсонской губ. земск. управы. X. 1897. Стр. 60.

Венгеровъ, С. А.—Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. V. Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ пяти томамъ. Спб. 1897. Стр. 466. Ц. 2 р. 50 к.; всѣ 5 т.—15 руб.

Гейсманъ, полковникъ, орд. профессоръ Николаевской академіи Генеральнаго штаба.—Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка. Часть III. Книга 1-я. Спб. 96. VIII и 309 стр. Съ планами.

Грешнеръ, А. А.—Стихотворенія. Кіевъ. 1897. Стр. 182 и V. Ц. 1 р.

Гринченко, Б.—Хатка въ балци. Оповиданнѧ. Черниговъ, 1897. 12а. 233 стр. Ц. 75 к.

Дримколовъ—Сръбскитѣ претенции въ западна България. (Дружество „Св. Климентъ", книжка 2). Софія. 1897. Стр. 16. Ц. 10 ст.

Зигертъ, В.—Грѣхи юности. Ихъ причины, слѣдствія и способы устраненія. Переводъ съ нѣмецкаго. (Гигіеническая библіотека Н. Лейненберга). Одесса. 1897. Стр. 32. Ц. 30 к.

Ивановъ, Ив.—Писемскій. Изданіе журнала „Міръ Божій". Спб. 1898 Стр. 226. Ц. 1 руб.

Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій.—Письма, 1828—1855. Собраны Иваномъ Барсуковымъ. Спб. 1897. Стр. XIV, 480 и V. Ц. 2 р. 50 к.

Кивелинъ, К. Д.—Собраніе сочиненій. Т. I. Русская исторія. Съ портретомъ

Digitized by Google

автора, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1897. Стр. XXXII+1052+III. Ц. 2 р. 50 к.

Карповъ, Евтихій.—Народныя драмы. (I. Рабочая слободка. II. Тяжкая доля. III. Житье привольное. IV. Мірская вдова). М. 1897. Стр. 370. Ц. 1 р.

Кирѣевъ, А. А.—Религіозныя задачи Россіи на православномъ Востокѣ. Спб. 1896. Стр. 49.

Либовъ, Б. А.—О грязелеченіи. Практическое руководство къ назначенію и примѣненію грязевыхъ ваннъ. Съ предисловіемъ проф. А. И. Лебедева. Съ 3 рисунками въ текстѣ. Спб. Изданіе К. Л. Риккера. 1897. Стр. VIII и 135.

Михайловъ, Н. Н., д-ръ.—Очеркъ современныхъ условій кумысолеченія, на востокѣ Россіи. Спб. 1897. Стр. 71.

Нассе, Э., и *Лексисъ*, В.—Металлическія деньги и валюта. (Изъ Schönberg's Handbuch der politischen Oekonomie). М. 1897. Стр. 2, 193, 3. Ц. 60 к.

Нижегородцевъ, М. Н.—О мѣрахъ къ поднятію уровня и улучшенію положенія служительскаго персонала въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ. Спб. 1897. Стр. 69.

Олсуфьевъ, А. В., адъютантъ командующаго войсками Приамурскаго военнаго округа.—Общій очеркъ Анадырской округи, ея экономическаго состоянія и быта населенія. Съ картою. (Записки Приамурскаго Отдѣла Имп. Русскаго Геогр. Общества, томъ II). Спб. 1896. Стр. VIII и 245.

Полиновскій, М. Б.—Письма дѣвушекъ. Иллюстрированное изданіе. Одесса. 1897. Стр. 86. Ц. 30 к.

Поррить, Эдуардъ.—Современная Англія, права и обязанности ея гражданъ. (Библіотека для самообразованія). Переводъ съ англійскаго О. В. Полторацкой. М. 1897. Стр. XVI+368+XXI. Изд. тов. Сытина. Ц. 1 р. 60 к.

Радецкій, И. М.—Темныя и больныя силы. (Жертвы страстей, антисоціальные типы, вырождающіеся и т. п.). Публичная рѣчь. Изданіе второе. Одесса. 1897. Стр. 16. Ц. 10 к.

Рибо, Т.—Психологія чувствъ. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ французскаго. Кіевъ, 1897. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Стр. 167.

Сворцовъ, Ир., проф.—Гигіена, со включеніемъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла. Общедоступно изложенное ученіе о здоровьѣ, читанное на „Педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ" въ іюлѣ 1897 г. въ г. Харьковѣ. Съ 80-ю рисунками. Харьковъ, 1897. Стр. XXIV и 430. Ц. 2 р. 50 к.

Сліозбергъ, І.—Русскія дивидендныя бумаги. Спб. 1896. Стр. XXX+291.

Соколовъ, С. И.—Казенная продажа питей. Законоположенія и правительственныя распоряженія по казенной продажѣ питей. Изданіе 2-е. Спб. 1897. Стр. 428. Ц. 2 р.

Фадѣевъ, А. М.—Воспоминанія. 1790—1867 гг. Въ двухъ частяхъ. Одесса, 1897. Стр. 231 и 256. Ц. 2 р. 50 к.

Ферворнъ, Максъ.—Общая физіологія. Основы ученія о жизни. Переводъ съ нѣмецкаго проф. М. А. Мензбира и прив.-доц. Н. А. Иванцова. Томъ I. Съ 118 рисунками. М. 1897. Стр. XVIII+518. Ц. 2 р.

——— Выпускъ второй. Съ 150 рисунками. Стр. VI+574. Ц. 2 р.

Филипповъ, А.—Борьба съ заразными болѣзнями въ школѣ. (Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія"). М. 1897. Стр. 23.

Фильрозе, Грегоръ, основатель курсовъ для заикающихся въ г. Ригѣ.—Заиканіе, лепетаніе, шепелявость и ихъ леченіе педагогическо-дидактическими

Digitized by Google

пріемами, а также пользованіе имѣвшихъ операцію нёба (волчья пасть), Palatum fissum. Рига. 1897. Стр. 23. Ц. 30 к.

Хлопинъ, Г. В., проф.—Гигіена и санитарія съ исторической точки зрѣнія. Публичная вступительная лекція, прочитанная въ актовомъ залѣ Юрьевскаго университета, 29 января 1897 года. Спб. 1897. Стр. 16.

Шильдеръ, Н. К.—Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстраціями. Т. II. Спб. Стр. 408.

Ширяевъ, Н., преподав. яросл. кадет. корп.—Руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ. Составлено по К. В. Рейли (C. V. Riley). Спб. 1897. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. VI и 120. Ц. 60 к.

Шульце-Геверницъ, Гергартъ фонъ-, проф. полит. экономіи въ Фрейбургѣ (Баденъ) —Крупное производство, его значеніе для экономическаго и соціальнаго прогресса. Этюдъ изъ области хлопчатобумажной промышленности. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Б. Красина, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Б. Струве. Въ приложеніи лекція проф. Е. фонъ-Филипповича: Экономическій прогрессъ и успѣхи культуры. Спб. 1897. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. XX+322. Ц. 1 р. 75 к.

Щербачевъ, Дм.—Практическій курсъ клиническаго изслѣдованія мочи, для врачей, студентовъ и фармацевтовъ. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1897. Съ 43 рисунками въ текстѣ. Стр. XI и 236. Ц. 1 р. 50 к.

Виды на урожай хлѣбовъ и травъ въ Нижегородской губ. къ концу іюня 1897. Изд. Нижегородскаго губ. земства. Н.-Новгородъ. 1897. Стр. 107.

Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Повременное изд. подъ ред. акад. И. П. Мержеевскаго. Годъ двѣнадцатый. Спб. 1897. Изд. К. Л. Риккера. Стр. 456 и чертежи. Протоколы засѣданій Общества психіатровъ въ Петербургѣ за 1895 и 1896 гг. Стр. 124.

Десятый Съѣздъ земскихъ врачей Смоленской губ. Изд. Смоленскаго губ. земства. Смоленскъ. 1897. Стр. 268+99.

Изслѣдованіе крестьянскаго скотоводства въ Саратовской губ., произведенное въ 1895 г. Т. II. Изданіе Саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ. 1897 г. Стр. 387.

Календарь и Справочная книжка Уфимской губ. на 1897 г. Изд. губерн. стат. комитета. Уфа, 1896. Ц. 75 к. Стр. 243+34.

Матеріалы для оцѣнки мелкихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Курскій, Щигровскій и Фатежскій уѣзды. Изд. Курскаго губ. земства. Курскъ. 1897. Стр. 79.

——— къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ. Экономическая часть. Вып. II. Лукояновскій уѣздъ. Отдѣлъ II и приложенія. Изд. Нижегородскаго губ. земства. Н.-Новгородъ. 1897. Ц. 1 р. 50 к. Стр. VIII+246+XXXV.

——— по статистикѣ Вятской губ. Т. XI. Слободской у. Ч. II. Подворная опись. Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 1896. Стр. 595.

Обзоръ Закаспійской области съ 1882 по 1890 г. Изд. второе. Асхабадъ. 1897. Стр. 220. Прилож. 47 табл.

——— Закаспійской области съ 1890 по 1896 г. Асхабадъ. 1897. Стр. 539. Прилож. 18 таблицъ.

——— погоды въ Вятской губ. за 1893—4 гг. Составилъ П. М. Сорокинъ. Изд. Вятскаго губ земства. Вятка. 1895. Стр. 28.

Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ, поступившіе въ министерство финансовъ отъ начальниковъ губерній и другихъ лицъ. Спб. 1897. Стр. 118.

Digitized by Google

Отчетъ Харьковскаго Комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива и соли изъ западной части Донецкаго бассейна за 1896 годъ. Харьковъ. 1897. Стр. 17. Графики и таблицы.

——— Харьковской общественной библіотеки за десятый годъ ея существованія. Харьковъ. 1897. Стр. 71.

Проектъ общихъ основаній оцѣнки усадебныхъ, пахотныхъ, сѣнокосныхъ и выгонныхъ земель по 10 уѣздамъ Вятской губ. (за исключеніемъ Слободского). Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 1895. Стр. 24+45.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній и матеріаловъ по народному образованію въ Орловской губ. за 1894—5 учебный годъ. Изд. Орлов. губ. земства. Орелъ. 1897. Стр. XI+154+95+504+99+169. Ц. 2 р. 50 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ Вяткой губ. за 1894 г. Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 1895. Стр. 30+37.

——— Вятской губ. за 1895 г. Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 1896. Стр. 34+36.

——— Вятской губ. (лѣто и осень 1896 г.). Вятка. 1897. Стр. 41.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1895 г. Изд. Херсонской губ. земской управы. Херсонъ. 1897. Стр. 255.

Фатежскій уѣздъ. Сборникъ оцѣночно-экономическихъ данныхъ. Т. I., в. 1. Изд. Курскаго губ. земства. Курскъ. 1897. Ц. 2 р. Отд. I. Стр. IV+241+144. Отд. II. Стр. VIII+102. Отд. III. Стр. 79.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Gaston Deschamps. La Vie et les Livres. Quatrième série. Paris, 1897. Стр. 401.

Гастонъ Дешанъ, литературный хроникеръ газеты „Temps“,—типичный французскій журналистъ. Онъ прошелъ черезъ обычную университетскую рутину, кончилъ Ecole Normale и съ успѣхомъ выдержалъ конкурсный экзаменъ на званіе agregé; о всѣхъ этихъ экзаменахъ и дипломахъ онъ достаточно часто напоминаетъ читателямъ своихъ хроникъ, чтобы уничтожить всякое сомнѣніе въ своей научной подготовкѣ. Четыре года работы при большой газетѣ довершили его литературное развитіе, и теперь, во всеоружіи знанія и опыта, Дешанъ сталъ въ ряду замѣтныхъ журналистовъ. Онъ даже имѣетъ сильныхъ литературныхъ враговъ, что̀ такъ важно для публицистической карьеры. Въ разборѣ „Rome“ Дешанъ сопоставилъ этотъ романъ съ учебниками исторіи, изъ которыхъ романистъ бралъ почти дословно свои свѣдѣнія; въ отвѣтъ на это Зола обрушился на Дешана цѣлымъ потокомъ издѣвательствъ и оказалъ ему этимъ, быть можетъ, большую услугу... Дешанъ обладаетъ всѣми качествами журналиста, умѣетъ судить литературныя явленія съ точки зрѣнія средняго читателя, придавать академическую форму заурядным мнѣніямъ, скользить по разбираемымъ вопросамъ и отмѣчать въ нихъ то, что̀ имѣетъ отношеніе къ данной минутѣ; умѣетъ быть интереснымъ, не будучи глубокимъ, обнаруживать образованность и утонченную культурность безъ тѣни педантизма, и—главное качество журналиста — не имѣетъ рѣзко выраженной индивидуальности. Вмѣсто оригинальности, онъ обладаетъ отзывчивостью и является представителемъ общаго мнѣнія интеллигентной массы. Въ этомъ въ сущности главное отличіе прессы отъ литературы. Журналистъ отражаетъ общественное мнѣніе и вкусы современности; — писатель создаетъ и то, и другое.

Гастонъ Дешанъ не можетъ быть причисленъ къ оригинальнымъ французскимъ критикамъ; но онъ—чуткое эхо интеллигентнаго Парижа. По его хроникамъ, и въ особенности по выбору затрагиваемыхъ имъ вопросовъ, можно судить о литературныхъ интересахъ дня. Каж-

Digitized by Google

дый годъ Дешанъ объединяетъ свои хроники въ отдѣльный томикъ, и въ настоящее время является въ свѣтъ четвертая серія его этюдовъ. Сборники эти представляютъ интересъ не столько литературный, сколько документарный. Въ нихъ едва ли мы найдемъ новое освѣщеніе литературныхъ явленій, но зато отношенія между литературой и жизнью во Франціи намѣчены съ несомнѣннымъ пониманіемъ, и отдѣльные очерки интересны для характеристики французской современности.

Новѣйшій сборникъ г. Дешана относится къ событіямъ послѣдняго года, и первыя двѣ статьи его посвящены вопросу объ отношеніи французской культуры къ иностранной. Объ этомъ въ послѣдніе годы стали много говорить и писать во Франціи. Стали появляться книги, „открывающія“ сосѣднія страны, и проснулся интересъ къ иностранной жизни. Дешанъ высказывается объ этомъ вопросѣ по поводу книгъ Макса Леклерка объ Англіи и г-жи Дюгаръ объ американскомъ обществѣ. Дешанъ проводитъ параллель въ одномъ случаѣ между Франціей и Англіей, въ другомъ — между Франціей и Америкой. Самымъ характернымъ въ этой параллели является отношеніе французскаго журналиста — какъ и всего французскаго общества — къ тому, что происходитъ внѣ Франціи. У французовъ нѣтъ, какъ никогда и не было, безкорыстнаго отношенія къ чужой культурѣ, къ идеямъ, приходящимъ извнѣ. Въ большинствѣ случаевъ они глубоко равнодушны ко всему не-національному. Чужая литература имъ непонятна и не любопытна, а чужая жизнь представляетъ для нихъ только интересъ экзотичности. Эта національная замкнутость проявляется каждый разъ, когда французскіе критики судятъ объ иностранныхъ писателяхъ. До сихъ поръ Шекспира играютъ во Франціи не въ переводахъ, а въ „adaptations“. Тонкіе цѣнители красоты, какъ, напр., Жюль Леметръ и др., начинаютъ обнаруживать грубое непониманіе, когда дѣло идетъ объ англійскихъ, скандинавскихъ или русскихъ писателяхъ.

Но совершенно инымъ становится отношеніе французовъ къ полезнымъ для Франціи чужимъ идеямъ. Въ такихъ случаяхъ французскіе писатели обыкновенно заимствуютъ, оставаясь впрочемъ оригинальными и вѣрными національнымъ традиціямъ по формѣ и въ примѣненіи чужихъ идей. При этомъ обнаруживается столь большая способность ассимиляціи, что самое происхожденіе заимствованнаго вскорѣ забывается. Французы рѣдко признаютъ иностранное вліяніе, даже когда оно несомнѣнно существуетъ. Уже Вольтеръ прикрывалъ свои заимствованія у Шекспира глумленіемъ надъ „пьянымъ варваромъ“. Романтики тоже неохотно признавали свой нравственный

Digitized by Google

долгъ Германіи, и въ наше время, когда французская литература проникнута вліяніемъ сѣверныхъ художниковъ и мыслителей, все громче и чаще раздаются голоса писателей, отстаивающихъ самобытность Франціи и отрицающихъ вліяніе чужихъ идей. Недавно еще компетентные французскіе критики доказывали, что не существуетъ оригинальнаго скандинавскаго театра и что послѣдній не можетъ вліять на французскую драму, будучи ея же порожденіемъ. Драмы Ибсена, по мнѣнію этихъ критиковъ, — прямое продолженіе и повтореніе тенденціозныхъ пьесъ Дюма-сына. Бьернсонъ, Стриндбергъ и др. живутъ идеями французскихъ драматурговъ сороковыхъ годовъ и т. д. И эти очевидные абсурды говорятся въ то время, какъ „ибсеновщина“ царитъ во всѣхъ свободныхъ и артистическихъ театрахъ Парижа.

Въ послѣднее время споръ о подражательности французскихъ авторовъ загорѣлся съ новой силой по поводу такъ-наз. „манифеста“ Люнье-Поэ, директора театра „Oeuvre“. Люнье-Поэ, обращаясь къ абонентамъ своего театра, заявилъ имъ, что въ будущемъ году не будетъ давать пьесъ французскихъ символистовъ, потому что французскихъ символистовъ нѣтъ, а есть подражатели бельгійца Метерлинка, норвежца Ибсена, нѣмца Гауптмана и т. д. Пьесы этихъ и другихъ представителей символизма въ Европѣ онъ по прежнему готовъ ставить на сценѣ въ хорошихъ переводахъ, но отъ ихъ французскихъ подражателей онъ отрекается. Въ отвѣтъ на это рѣзкое заявленіе появилась въ „Revue Blanche“ статья Катулла Мендеса, поэта-критика. Мендесъ становится на сторону „молодой Франціи“ и доказываетъ, что французы имѣютъ право черпать изъ всѣхъ европейскихъ литературъ, потому что они берутъ только то, что̀ принадлежитъ имъ по праву, что̀ они же внесли въ общую культуру въ теченіе предъидущихъ литературныхъ эпохъ. Онъ только совѣтуетъ соблюдать крайнюю осторожность въ заимствованіи. Ему кажется, что въ Скандинавіи и Германіи уже исчезаетъ оригинальная драма, и что нѣтъ надобности ввозить во Францію водевилистовъ Стокгольма, Копенгагена и Берлина. Достаточно того, что Франція наводнила Европу произведеніями своихъ третьестепенныхъ писателей и что, благодаря этому, „французскій вкусъ“ характеризуется въ Европѣ самыми жалкими явленіями въ литературѣ и жизни, тѣмъ, что̀ лишено значенія для литературно-развитой французской публики — театромъ Сарду, оперетками, шансонетками и т. д. Подражаютъ и хорошимъ французскимъ писателямъ, которыхъ Мендесъ называетъ нѣсколько на удачу. Если и правда, что Флоберъ, Гонкуры, Зола и др. имѣли вліяніе на романистовъ всѣхъ странъ, то этого нельзя сказать про другихъ, называемыхъ Мендесомъ, писателей. Ни Ожьé, ни Вильé де

Digitized by Google

Лиль-Адань не создали школы внѣ Франціи, а еще невозможнѣе было бы найти подражателей Густаву Кану, Анри Реньé и другимъ новымъ французскимъ поэтамъ, которыхъ называетъ Мендесъ. Онъ болѣе правъ, называя себя въ числѣ авторовъ, имѣющихъ успѣхъ внѣ Франціи, — но этотъ успѣхъ можно именно отнести къ печальному распространенію такъ-наз. французскаго вкуса, т.-е. очень второстепеннаго жанра, далеко не характернаго для всей французской литературы.

Статья Мендеса показываетъ отношеніе одной части французскаго общества и французскихъ писателей къ вліянію чужихъ идей. Рѣзкій тонъ Мендеса въ оцѣнкѣ Люнье-Поэ и его „манифеста“ превратилъ литературный вопросъ въ бульварный инцидентъ, который въ свою очередь закончился скандальной дуэлью. Но за этимъ парижскимъ „происшествіемъ“ кроется нѣчто характерное для французской психологіи—та исключительно тѣсная связь литературы и жизни, которая лишаетъ французскаго писателя способности разсуждать отвлеченно. Мендесъ такъ же ослѣпленъ шовинизмомъ, какъ и всякій другой французъ. Если ему, какъ художнику, и близко искусство сѣверныхъ символистовъ, то онъ все-таки не можетъ безкорыстно наслаждаться имъ, а спѣшитъ пріурочить его къ французскому источнику.

Есть разрядъ писателей во Франціи, которые рады превозносить все иностранное. Но это восхваленіе чуждыхъ цивилизацій отзывается тенденціозностью и шовинизмомъ, потому что сквозь похвалы чужого чувствуется исключительное желаніе ввести во французскую жизнь то, что составляетъ силу близкихъ и далекихъ сосѣдей. Отступаясь отъ національной замкнутости, французы остаются по существу столь же практичными и занятыми исключительно французскими интересами. Французскій писатель, описывая иностранную жизнь или изучая иностранную литературу, не стремится понять ея существо и оцѣнить ея безотносительное значеніе. Онъ ищетъ только тѣ черты, которыя составляютъ преимущество другой страны и могли бы быть привиты во Франціи. Дешанъ относится съ большимъ сочувствіемъ къ этимъ прозрѣвшимъ патріотамъ, указывающимъ на примѣръ другихъ европейскихъ странъ. Онъ пользуется данными Макса Леклерка о жизни англійской молодежи, чтобы показать, до чего раціонально воспитаніе дѣтей въ Англіи и какая здоровая атмосфера еще болѣе въ нравственномъ, чѣмъ въ физическомъ отношеніи окружаетъ англійскаго юношу въ университетѣ. Но Дешанъ, какъ типичный морализирующій французъ, не можетъ просто любоваться привлекающей его англійской „nursery“, т.-е. дѣтской, въ которой уже вырабатывается характеръ англичанина—независимость, сила личности, свобода дѣй-

Digitized by Google

ствія. Онъ приводитъ слова Спенсера о томъ, что въ дѣтской, какъ и въ жизни, единственный полезный опытъ состоитъ въ пріятныхъ или печальныхъ послѣдствіяхъ, естественно вытекающихъ изъ нашихъ дѣйствій". Жизнь англійскихъ дѣтей, свободная и цѣлесообразная, восхищаетъ его до того, что онъ самъ мечтаетъ о счастьѣ быть „baby" или „boy". Но онъ не довольствуется простымъ указаніемъ на эту сторону англійскаго быта. Онъ обращается къ французскимъ родителямъ, которые слишкомъ, по его мнѣнію, преданы дѣтямъ и своими излишними попеченіями мѣшаютъ имъ стать закаленными и самостоятельными. Для французскихъ родителей и предназначена главнымъ образомъ соблазнительная картина англійскихъ дѣтскихъ, съ ихъ простотой и чистотой. Разсказъ заканчивается моралью: смотрите, молъ, безразсудные французскіе родители, что̀ нужно дѣлать, чтобы во Франціи выростали сильные и здоровые граждане. Еще бо̀льшую зависть возбуждаютъ въ немъ англійскіе университеты, т.-е. разные колледжи Оксфорда и Кэмбриджа, гдѣ молодые люди живутъ среди красоты природы и средневѣковыхъ зданій, гдѣ укрѣпляются духъ и тѣло. И говоря объ особенностяхъ университетскаго быта въ Англіи, Дешанъ опять „не можетъ не подумать съ грустью" о парижскихъ студентахъ, о нравахъ Латинскаго квартала, гдѣ безсмысленно растрачиваются свѣжія чувства и грязнится душа французской молодежи. Самое преподаваніе Дешанъ считаетъ болѣе серьезнымъ во французскихъ университетахъ, но онъ поетъ хвалы условіямъ жизни англійской молодежи, видя въ нихъ залогъ здоровой національной жизни. Въ статьѣ объ американскомъ обществѣ Дешанъ разбираетъ съ такими же патріотическими чувствами путевыя замѣтки объ Америкѣ, талантливо составленныя г-жой Дюгаръ. На этотъ разъ дѣло идетъ главнымъ образомъ о женщинахъ-студенткахъ; путешественница увлекательно описываетъ женскій колледжъ въ Вельсли, гдѣ болѣе тысячи дѣвушекъ изучаютъ древніе языки и всякія положительныя и гуманитарныя науки, соединяя занятія съ физическими упражненіями, заботами о хозяйствѣ (сами студентки занимаются уборкой, приготовленіемъ обѣдовъ и т. д.), общественными развлеченіями, танцами и неизбѣжнымъ флиртомъ. Веселыя, всегда изысканно одѣтыя, серьезно занимающіяся безъ ущерба для женственности, эти энергичныя американки завоевали вполнѣ симпатіи автора своимъ умѣньемъ жить легко и вполнѣ свободно, и работать, не теряя времени и силъ на условности, обременяющія французскій образъ жизни. Дешанъ, повторяя описанія г-жи Дюгаръ, восхищается этимъ американскимъ университетомъ, напоминающимъ поэтическую идиллію Теннисона „The Princess". Онъ ставитъ въ примѣръ свободу американской женщины

Digitized by Google

своимъ согражданамъ, стѣсняющимъ французскую женщину и законами, и общественными предразсудками, и даже такъ-называемымъ рыцарствомъ и галантностью, лишающими женщину свободнаго развитія своихъ силъ. И страницы объ американской жизни, какъ и очеркъ англійскаго быта, заканчиваются нравоученіемъ: „Какъ древняя Германія заставляла краснѣть римлянъ временъ упадка примѣромъ своихъ добродѣтелей, такъ теперь и мы находимъ въ Америкѣ примѣры, способные вызвать у насъ соревнованіе и побѣдить нашу инертность и лѣнь".

Послѣ книгъ Леклерка, Дюгаръ и др., разбираемыхъ Дешаномъ, появилось еще нѣсколько другихъ, занятыхъ тѣмъ же вопросомъ о процвѣтаніи другихъ странъ сравнительно съ Франціей. Въ самое послѣднее время много шума произвела книга Демулѣна: „A quoi tient la superiorité des Anglo-Saxons". Демулѣнъ придерживается того же принципа, какъ Леклеркъ, Дешанъ и др. Онъ не старается проникнуть въ сущность чужой цивилизаціи, а подмѣчаетъ только черты, недостающія французамъ, и въ нихъ видитъ источникъ благоденствія. Такъ, практичность, энергія, духъ иниціативы въ практическихъ дѣлахъ, выдержка въ трудѣ и т. п. практическія качества ума и натуры являются для него достаточнымъ объясненіемъ англійской культуры, и онъ напоминаетъ о необходимости этихъ немудреныхъ, но полезныхъ качествъ французамъ, утратившимъ волю, выдержку и активное отношеніе къ жизни.

Всѣ эти патріотическія открытія чужого процвѣтанія одинаковы близоруки, благодаря своему утилитарному характеру. Чтобы понять англійскую культуру, недостаточно остановиться на результатахъ экономическихъ условій и на подробностяхъ общественнаго быта, свободнаго и прекраснаго. Эти черты англійской жизни—не случайныя; онѣ коренятся въ натурѣ англійской націи, въ серьезномъ отношеніи каждаго англичанина къ жизни и дѣлу, въ строгости нравственныхъ принциповъ, проникающихъ всю исторію Англіи. Религіозный строй англійской жизни внесъ въ нее ту серьезность, которая отмѣчаетъ всякое начинаніе. Воспитанные на чтеніи библіи, англичане ищутъ въ жизни серьезнаго дѣла, не боятся скуки и стремятся осуществить какой-то, понимаемый каждымъ по своему, идеалъ. Они практичны, исходя изъ отвлеченнаго идеала—и живутъ съ вѣрой въ душѣ, даже не имѣя религіозныхъ убѣжденій. Отсюда спокойствіе ихъ культуры и богатство внѣшнихъ результатовъ. Въ каждомъ англичанинѣ, будь онъ хоть атеистъ и анархистъ по убѣжденіямъ, скрытъ пуританинъ—нѣсколько скучный, методичный, но преисполненный пафоса въ своемъ пониманіи высшаго долга; и тотъ же характеръ отпечатлѣлся въ лите-

Digitized by Google

ратурѣ и въ практической жизни. Чтобы перенести результаты этихъ внутреннихъ причинъ во Францію, нужно было бы заставить французовъ забыть свою „blague“, т.-е. сущность ихъ натуры, и внушить имъ серьезное отношеніе хоть къ какой-нибудь основѣ жизни. Пока этого сдѣлать нельзя—а какъ измѣнить натуру и темпераментъ націи?—всякія указанія на англійскую культуру напрасны. Отдѣльныя черты общаго строя жизни не могутъ перевоспитать націю, и понять ихъ также нельзя, не понимая ихъ основы. Мы видимъ, что Дешанъ, какъ и авторы, о которыхъ онъ говоритъ, совѣтуетъ усвоить практичность англичанъ въ ихъ жизни. А между тѣмъ основа англійской культуры и ея практическихъ результатовъ—въ томъ, что она создается отвлеченными идеалами, которыхъ нѣтъ у французовъ.

Дешанъ занимается въ своей книгѣ еще нѣсколькими другими вопросами дня, между прочимъ, „феминизмомъ“, столь интересующимъ общественное мнѣніе во Франціи, и разборомъ нѣсколькихъ новыхъ романовъ.

II.

Henry Bérenger. La Proie. Paris, 1897. Стр. 373.

Анри Беранжé, молодой французскій писатель, открылъ новый элементъ общественной и умственной жизни Франціи — внутренній міръ интеллигентной молодежи. До сихъ поръ учащаяся молодежь была во Франціи чѣмъ-то обособленнымъ, не принимала участія ни въ какихъ идейныхъ движеніяхъ, — и не имѣла выразителей своихъ стремленій въ литературѣ. Романисты занимаются психологіей всѣхъ классовъ общества, слѣдятъ за оттѣнками чувствъ и настроеній всякой праздной женщины свѣта и полусвѣта, отмѣчаютъ эволюцію вѣрованій и пониманій у нервныхъ, уставшихъ душою интеллигентовъ средняго возраста, говорятъ о всѣхъ разновидностяхъ культурнаго общества, кромѣ тѣхъ его членовъ, на которыхъ покоится будущее. По какому-то молчаливому соглашенію принято думать, что учащаяся молодежь—la jeunesse des écoles — живетъ внѣшней жизнью, кутитъ въ кофейняхъ и бальныхъ залахъ Латинскаго квартала, держитъ экзамены, гонится за дипломами — и только съ пріобрѣтеніемъ ихъ вступаетъ въ жизнь. Нравы Латинскаго квартала описывались не разъ, начиная съ Мюрже и до новѣйшихъ бытописателей безпечной и шумной жизни лѣваго берега Сены. Но никто не пытался заглянуть глубже въ жизнь этихъ молодыхъ буржуа, которые во время студен-

Digitized by Google

ческихъ лѣтъ такъ часто отходятъ совершенно отъ буржуазной среды, изъ которой они вышли. Нужно было, чтобы нашелся писатель, еще раздѣляющій общую жизнь молодежи, и въ то же время способный отразить сущность этой жизни въ литературѣ, для того, чтобы открылся новый міръ идей и стремленій въ самомъ центрѣ французской жизни.

Этотъ молодой писатель явился въ лицѣ Анри Беранже. Его литературный талантъ не изъ самыхъ блестящихъ, романы его слишкомъ тенденціозны, чтобы быть художественными, стихи его слишкомъ привязаны къ непосредственной дѣйствительности, чтобы быть поэтичными,—но въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, также какъ въ чисто-публицистическихъ, онъ имѣетъ смѣлость говорить о требованіяхъ, вкусахъ и разочарованіяхъ молодежи; онъ читаетъ лекціи въ студенческихъ собраніяхъ и передъ большой публикой, и привлекаетъ искренностью и серьезностью своихъ словъ. Быть можетъ, еслибы онъ былъ болѣе сильной индивидуальностью, онъ менѣе годился бы для своей „миссіи“. Морисъ Барресъ былъ тоже представителемъ молодежи, возмущенной нивеллирующимъ вліяніемъ демократіи, и выступилъ на защиту личности. Но крупный художественный талантъ и самобытная философія, которою онъ проникся, увлекли его на одинокіе пути и, сдѣлавшись новаторомъ, почти главой литературной школы, онъ пересталъ быть выразителемъ той среды, изъ которой вышелъ.

Анри Беранже болѣе вѣренъ своимъ товарищамъ. Онъ выражаетъ то, что думаетъ и чувствуетъ лучшая часть молодежи, — и въ этомъ несомнѣнный интересъ его книгъ. По нимъ видно, что учащаяся молодежь Франціи далеко не такъ инертна въ духовномъ отношеніи, какъ принято думать; она пользуется неотъемлемымъ правомъ молодости „начинать міръ съ себя“, т.-е. перерѣшать всѣ основные вопросы жизни по своему пониманію, жадно вслушивается въ слова „учителей“,—мѣняющихся съ каждымъ новымъ поколѣніемъ,—нерѣдко разочаровывается въ томъ, что сначала принимала на вѣру, и предъявляетъ свои собственныя требованія; она вырабатываетъ самобытное отношеніе къ жизни и живетъ своими идеалами, страдая отъ того, что они не могутъ стать чѣмъ-то болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ смутныя исканія. Идейныя колебанія, переходы отъ вѣры къ скептицизму и затѣмъ къ исканію новой вѣры создаютъ глубокія трагедіи въ жизни послѣднихъ двухъ поколѣній французской молодежи — отъ времени франко-прусской войны и до нашихъ дней. Трагедіи эти — незамѣтныя для бытописателей веселыхъ студенческихъ кварталовъ — Анри Беранже избралъ предметомъ своихъ психологическихъ наблюденій,

Digitized by Google

и на нихъ построены написанные имъ романы. Любопытно, что ему приходится извиняться за сюжеты своихъ романовъ. Во Франціи слишкомъ привыкли къ тому, чтобы всѣ душевныя драмы происходили на почвѣ любовныхъ отношеній. Самоубійство, вызванное отвлеченными причинами, пессимизмомъ, философскимъ разочарованіемъ, кажется французской публикѣ абсурдомъ, — и чтобы оправдать героя одного изъ своихъ романовъ, авторъ ссылается въ предисловіи на случаи „интеллектуальныхъ самоубійствъ", которые онъ зналъ въ жизни. Онъ доказываетъ, что молодежь его поколѣнія живетъ интенсивной жизнью души, и что вопросы совѣсти, нравственнаго долга и философскаго пониманія жизни мучатъ ее столь же сильно—и даже сильнѣе—чѣмъ событія, опредѣляющія внѣшнюю жизнь и отношенія къ людямъ.

Анри Беранже впервые обратилъ на себя вниманіе статьей объ „интеллигентной молодежи и современномъ французскомъ романѣ", гдѣ очень рѣзко говоритъ о разрывѣ новаго поколѣнія какъ съ пессимизмомъ натуралистической школы, такъ и съ дилеттантизмомъ романистовъ, вышедшихъ изъ школы Ренана: онъ считаетъ такими Поля Бурже, Анатоля Франса и въ особенности Мориса Барреса. Этой статьей, появившейся въ 1890 г., Беранже указываетъ на появленіе новаго умственнаго теченія среди французской молодежи; въ сравненіи съ нимъ символизмъ въ литературѣ и эстетизмъ въ жизни являются отжившими. Представители ихъ, въ глазахъ Беранже, уже „старшіе", и, критикуя ихъ, онъ обнаруживаетъ не отрицательное, презрительное отношеніе къ жизни, а стремленіе создать положительные устои и слѣдовать активному идеалу.

Въ трехъ книгахъ,—сборникѣ стиховъ: „L'Ame Moderne", романѣ „L'Effort" и теоретическомъ рядѣ статей, подъ общимъ заглавіемъ „L'Aristocratie intellectuelle"—Анри Беранже отражаетъ идеалы новаго поколѣнія молодежи. Въ предисловіи къ „Effort" онъ осуждаетъ поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ (оказывается, что не только въ Россіи поколѣнія считаются десятилѣтіями) за его излишній „интеллектуализмъ", за сосредоточенность эстетическихъ и философскихъ интересовъ, парализующихъ дѣйствіе и жизнь. Ему кажется, что народилось новое поколѣніе, пострадавшее отъ избытка критическаго и аналитическаго духа у своихъ предшественниковъ, и отъ его равнодушнаго отношенія къ жизни, какъ къ внѣшнему зрѣлищу. Исцѣленіемъ отъ этого унаслѣдованнаго зла можетъ стать лишь стремленіе къ дѣйствію, „усиліе" (l'effort), но исходящее уже не изъ интеллектуальныхъ вкусовъ, а изъ потребностей чувства, изъ самыхъ чистыхъ побужденій совѣсти. Прежнее поколѣніе жило интеллектуально, новое—душевно: вопросы совѣсти выдвинулись на первый планъ. Взаимныя отношенія

Digitized by Google

этихъ двухъ поколѣній и занимаютъ главнымъ образомъ Анри Беранже; герой романа „Effort“ погибаетъ жертвой своей интеллектуальности, мѣшающей ему совершить усиліе и войти въ активную жизнь.

Въ „L'Aristocratie intellectuelle“ Беранже излагаетъ свои общественные идеалы: если „усиліе“ поднимаетъ отдѣльную дѣятельность и дѣлаетъ ее способной къ жизни, то идеаломъ общественной жизни является господство „интеллектуальной аристократіи“, т.-е. высшаго воплощенія душевныхъ и умственныхъ качествъ въ людяхъ, руководящихъ духовной жизнью націи. Эту идеальную аристократію Беранже противопоставляетъ и прежнему поклоненію демократическимъ, нивеллирующимъ умственную жизнь принципамъ, и лишенному всякихъ принциповъ дилеттантизму и скептицизму предшествующаго поколѣнія. Беранже показываетъ, какъ наростаетъ эта аристократія и какъ во всѣхъ областяхъ духовной жизни видно стремленіе къ идеализму, понимая это слово не только въ смыслѣ отвлеченнаго философскаго ученія, но какъ слѣдованіе активнымъ побужденіямъ нравственнаго долга. Періодъ восьмидесятыхъ годовъ онъ называетъ „подготовленіемъ идеализма“ въ жизни и искусствѣ. „Эпоха неувѣренности и борьбы,—говоритъ онъ, характеризуя промежутокъ времени отъ 1880-1887 гг.,—когда духъ критики преобладалъ надъ творчествомъ. Главное достоинство этой эпохи въ томъ, что она подготовила послѣдующую“. Беранже перечисляетъ дѣятелей этой подготовительной эпохи: Бурже, Рода, Рони, Поля Маргерита и др.—изъ романистовъ; Анатоля Франса, Верлѣна и Малерме—изъ поэтовъ; Фульѣ, Лависа, Гюйо, Тарда—изъ философовъ и ученыхъ. Они положили начало той духовной аристократіи, представителей которыхъ Беранже видитъ въ цѣломъ рядѣ писателей, наиболѣе близкихъ его поколѣнію. Въ области религіозныхъ вопросовъ, Шюре, знаменитый авторъ „Grands Initiés“, кажется ему вдохновителемъ новой активной морали; въ литературѣ онъ видитъ нарожденіе „религіи души“—и высоко ставитъ Габріэля Саразэна, познакомившаго Францію съ идеалистической поэзіей Англіи. Въ жизни интеллигентной молодежи Беранже тоже видитъ несомнѣнную эволюцію интересовъ и вкусовъ, и приписываетъ ее отчасти вліянію нѣсколькихъ профессоровъ, ставшихъ „учителями жизни“. Лависъ, профессоръ исторіи въ Сорбоннѣ, стоитъ во главѣ „университетской аристократіи“, отъ которой Беранже такъ много ожидаетъ. Наконецъ, отмѣчая возрожденіе соціальныхъ интересовъ у молодежи, онъ мечтаетъ объ „аристократическомъ соціализмѣ“, который наступитъ тогда, когда парламентъ, состоящій изъ политиковъ и аферистовъ, смѣнится парламентомъ безпристрастныхъ мыслителей и соціо-

Digitized by Google

логовъ. Въ своемъ молодомъ энтузіазмѣ онъ считаетъ не только осуществимой, но неминуемой эволюцію общественнаго строя въ идеалистическомъ духѣ. Конечно, по существу, теоріи его не имѣютъ значенія — тѣмъ болѣе, что, какъ легко видѣть по простому изложенію, Беранже недостаточно выясняетъ новизну того, что онъ называетъ новымъ практическимъ идеализмомъ. Два поколѣнія, о которыхъ онъ говоритъ, не представляютъ тѣхъ отличій, которыя онъ хочетъ установить между ними. Но „Aristocratie intellectuelle“ интересна какъ отраженіе чего-то въ самомъ дѣлѣ новаго во французской молодежи— бодрости духа и интереса къ вопросамъ нравственности — индивидуальной и общественной. Быть можетъ, и даже весьма вѣроятно, что Беранже нельзя считать представителемъ всей молодежи, но утѣшительно видѣть, что есть избранное меньшинство, идущее по пути идеализма.

Новый романъ Беранже: „La proie“, показываетъ теоріи автора отраженными въ дѣйствіи, въ анализѣ непосредственной дѣйствительности. На сценѣ опять два поколѣнія. Рауль Розель воплощаетъ интеллектуализмъ, стремленіе сдѣлать жизнь всецѣло ареной для развитія своей личности. Общество кажется ему „добычей“ сильной личности, и онъ пользуется своими талантами, своимъ обаяніемъ надъ людьми, чтобы „завоевать жизнь“, чтобы быть впереди и обладать властью. Ему удается достичь многаго—въ лицѣ Розеля авторъ хочетъ показать всю блестящую сторону отжившаго поколѣнія „эготистовъ“,— но конечная побѣда не можетъ быть на сторонѣ того, кому чуждо безкорыстное служеніе добру, кто не принадлежитъ къ духовной аристократіи. Разсматривая людей и общество какъ добычу, онъ долженъ роковымъ образомъ стать самъ добычей болѣе ловкихъ—и слиться съ той безотрадной средой, надъ которой онъ хотѣлъ властвовать. Болѣе свѣтлое будущее принадлежитъ младшимъ товарищамъ Розеля, которые сдѣлали его вожакомъ, вѣря его интеллектуальнымъ силамъ. Когда они понимаютъ наконецъ, что Розель только умомъ, а не душою выше буржуазіи, противъ которой онъ борется, они отрекаются отъ него,—и Розель со всѣми преимуществами своей утонченной философіи жизни погружается въ жизнь, которая его такъ возмущала своею пошлостью и своими компромиссами. Розель—еще не „новый человѣкъ“, котораго ждетъ поколѣніе Беранже, въ немъ есть только жажда власти и обаяніе духовной силы, но нѣтъ любви и безкорыстнаго служенія долгу; а только эти качества дѣлаютъ усиліе плодотворнымъ и создаютъ аристократію.

Развивая эту теорію общественнаго совершенствованія въ своемъ романѣ, Беранже разсказываетъ политическую исторію Франціи за

Digitized by Google

послѣдніе годы. Розель видитъ въ политикѣ средство властвовать надъ умами и становится депутатомъ, борется съ буланжизмомъ, отстраняетъ опасность военной диктатуры, и когда приближается панамское дѣло—становится въ ряды обывателей. Къ сожалѣнію, всѣ эти слишкомъ хорошо извѣстныя событія послѣднихъ лѣтъ изложены газетнымъ языкомъ и не представляютъ никакого художественнаго интереса. Для Розеля политика—не цѣль, а средство проявить свою личность. Онъ видитъ, что въ современной Франціи парламентаризмъ еще настолько силенъ, что только политическая арена можетъ дать самолюбію самое высшее удовлетвореніе — власть надъ людьми. Но заботы о своей карьерѣ—причина гибели Розеля. Вмѣстѣ съ политическими успѣхами ему нужны деньги,— и, полюбивъ красивую дочь сенатора Германта, онъ самъ сознаетъ—и говоритъ своей невѣстѣ,— что любитъ въ ней не только ее, но и ея матеріальныя и общественныя преимущества. Но невѣста Розеля—болѣе „новый человѣкъ“, чѣмъ онъ самъ. Она полюбила въ немъ безкорыстнаго служителя истины и честолюбца высшаго порядка. Карьеристъ Розель не можетъ удовлетворить исканій ея проснувшейся къ свѣту души. Романъ заканчивается печально. Женитьбѣ на Марселинѣ предшествуетъ бесѣда съ отцомъ-сенаторомъ, который завлекаетъ зятя въ парламентскіе „tripotages“, впутываетъ его въ панамскія мошенничества. Товарищи Розеля, возмущенные его „союзомъ съ плутократіей“, т.-е его женитьбой, уходятъ отъ него, а описаніе свадебнаго путешествія молодой пары даетъ понять, что цѣлая пропасть раздѣляетъ искателя „добычи“ отъ молодой жены. Въ Розелѣ Беранже развѣнчиваетъ struggle - for - life'еровъ даже когда они вступаютъ въ жизнь съ благородными стремленіями, какъ Розель до времени своихъ политическихъ успѣховъ. Но каковы настоящіе люди новаго поколѣнія? На этотъ вопросъ Беранже не даетъ пока отвѣта. Судя по предисловію, это составитъ сюжетъ его слѣдующаго романа: „L'homme nouveau“.

III.

Adolphe Brisson. Portraits intimes. Troisième série. Paris 1897. Стр. 310.

„Интервьюерство“, столь развитое въ американской печати, проникло во французскую прессу уже много лѣтъ тому назадъ. Гюре (Huret), остроумный и талантливый хроникеръ „Фигаро“, имѣлъ первый счастливую мысль отправиться ко всѣмъ литературнымъ знаменитостямъ, предложить имъ рядъ вопросовъ и соединить разнорѣчивые отвѣты подъ общимъ заглавіемъ: „Enquête“ по тому или другому вопросу.

Digitized by Google

Такъ составлены были книги, имѣющія даже литературное значеніе богатствомъ и непосредственностью документальной стороны. „Enquête“ Гюре о литературныхъ теченіяхъ современной Франціи сталъ своего рода классической книгой, которой нельзя пренебрегать при изученіи Франціи конца вѣка.

Гюре привилъ „интервью“ во Франціи и создалъ цѣлую школу. Адольфъ Бриссонъ—одинъ изъ его послѣдователей, и его „Portraits intimes“—не что̀ иное, какъ рядъ бесѣдъ съ разными знаменитостями. Бриссонъ вкладываетъ самолюбіе въ исполненіе своей задачи; онъ видитъ въ интервьюерствѣ не механическое ремесло, а искусство, представляющее много трудностей и въ то же время крайне интересное для изученія психологіи людей и событій. Новая серія „Portraits intimes“ Бриссона начинается съ предисловія, въ которомъ авторъ даетъ характеристику того, чѣмъ стало интервью и чѣмъ долженъ быть интервьюеръ для того, чтобы стоять на высотѣ своей задачи. Онъ указываетъ на значительную разницу американскаго интервьюерства,—часто дѣлового и сбивающагося на рекламу,—съ французскимъ. „Наше латинское воспитаніе,—говоритъ Бриссонъ,—смотритъ иначе на прессу. Мы стремимся внести въ нее общіе интересы и изящество. Мы не пренебрегаемъ свѣдѣніями и фактами, но требуемъ нѣкотораго кокетства въ изложеніи ихъ. Насъ не удовлетворяетъ сытность блюда; нужно, чтобы оно было красиво приправлено и подано. Мы принадлежимъ къ націи, для которой вопросы формы имѣли всегда первостепенное значеніе. Въ этомъ наша слабость, но въ то же время и наше преимущество. Вслѣдствіе этого, интервьюерство, перенесенное къ намъ, принимаетъ литературный отпечатокъ. Мы поступаемъ съ нимъ какъ со всѣми модами, которыя заимствуемъ у сосѣдей; мы подчиняемъ ихъ нашимъ вкусамъ, и принимаемъ ихъ, мѣняя ихъ характеръ.

Содержаніе книги Бриссона соотвѣтствуетъ его опредѣленію задачи интервьюера. Легкая, изящная форма бесѣдъ и умѣнье создавать портреты наполовину изъ словъ „допрашиваемаго“, наполовину изъ описаній внѣшнихъ предметовъ, его окружающихъ, выдаетъ въ интервьюерѣ француза со вкусомъ и психологическимъ пониманіемъ. Разнообразіе лицъ, съ которыми онъ бесѣдуетъ, показываетъ особенность этого газетнаго жанра, для котораго все одинаково интересно—и знаменитый писатель, и популярный пѣвецъ кафе-шантана, и проповѣдникъ женскихъ правъ, и путешественникъ къ сѣверному полюсу, и знаменитый мистификаторъ, библіографъ, коллекціонеръ и всѣ другіе типы и оригиналы столичной жизни. И, быть можетъ, этотъ французскій подражатель и реформаторъ американской моды правъ,—можетъ быть, есть нѣчто одинаковое между всѣми формами жизни въ данный историческій моментъ; для интервьюера всѣ разнородныя явле-

Digitized by Google

нія, о которыхъ онъ наводитъ справки, объединены одной общей чертой—тѣмъ любопытствомъ, которое они возбуждаютъ въ публикѣ. Для серьезнаго наблюдателя жизни общность явленій кажется результатомъ другихъ, болѣе глубокихъ причинъ — относительности критеріевъ, которыми мы обыкновенно судимъ людей и событія, раздѣляя ихъ на важныя и мелкія. Стоитъ подняться выше этого близорукаго житейскаго дѣленія, и мы увидимъ, что все одинаково суетно — или одинаково важно. Спокойный созерцатель въ своемъ стремленіи къ синтезу жизненнаго опыта долженъ чувствовать благодарность къ самому безхитростному психологу дѣйствительности, интервьюеру, который анализируетъ всѣ подробности культурной суеты.

Книга Бриссона начинается съ описанія „завтрака съ Метерлинкомъ"; а въ самомъ концѣ книги имѣется описаніе артистическихъ „cabarets" Монмартра.

Случайное распредѣленіе матеріала сдѣлало эти два очерка французской дѣйствительности какъ бы двумя полюсами отраженнаго въ книгѣ Бриссона міра. На самомъ дѣлѣ это не два противоположныхъ полюса, а двѣ стороны одного и того же явленія — трагедія и фарсъ, написанные на одну и ту же тему, трактующіе о тѣхъ же вѣчныхъ страстяхъ, трагичныхъ въ глубинѣ и создающихъ впечатлѣніе комизма въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Между углубленностью Метерлинковскихъ драмъ, отыскивающихъ отвлеченное въ самыхъ простыхъ событіяхъ, и безшабашными пѣснями монмартрскихъ пѣсенниковъ, высмѣивающихъ всѣхъ и все, проходитъ вся жизнь Парижа—и не одного Парижа.

Въ бесѣдѣ съ Бриссономъ Метерлинкъ выступаетъ со всѣми особенностями своего отношенія къ искусству и жизни. Онъ высказываетъ интересныя и характерныя для его собственнаго творчества мысли. Говоря о томъ, что онъ любитъ Шекспира и древнихъ греческихъ трагиковъ, Метерлинкъ прибавляетъ, что онъ почти не читалъ пьесъ Александра Дюма-сына. Современный французскій театръ онъ откровенно осуждаетъ. „Всѣ современныя пьесы,—говоритъ онъ,—основаны на адюльтерѣ; въ нихъ анализируется любовь въ разныхъ освѣщеніяхъ, но низведенная до крайне мелочныхъ размѣровъ". Наблюденіе современныхъ нравовъ, поверхностныхъ недостатковъ, описаніе самаго поверхностнаго въ жизни,—вотъ къ чему сводится, по словамъ Метерлинка (и какъ не согласиться съ нимъ въ этомъ случаѣ!), современная французская драма. Метерлинкъ говоритъ о своихъ идеалахъ въ искусствѣ. Каждый разъ, попадая въ театръ, онъ испытывалъ разочарованіе: „Я приходилъ въ надеждѣ узнать что-нибудь о жизни, ея источникахъ и тайнахъ, заглянуть хоть на минуту въ красоту, величіе и важность моего скромнаго будничнаго существованія. А

Digitized by Google

вмѣсто этого мнѣ разсказываютъ дѣтскія исторіи, основанныя на исключительныхъ чувствахъ: мнѣ показываютъ героевъ, когда я хочу видѣть людей. Мы не сдѣлали ни одного шага впередъ, мы ниже древнихъ поэтовъ, которые примѣшивали къ своимъ вымысламъ метафизическія идеи и которые выводили на сцену борьбу человѣка противъ боговъ, т.-е. основную тайну земной жизни. Эти благородные помыслы исчезли. Театръ умираетъ въ рукахъ водевилистовъ. Драматическое искусство—наиболѣе отставшее изъ всѣхъ. Насталъ часъ возстановленія его". Въ этихъ словахъ Метерлинка виденъ исходный пунктъ его творчества и тѣ идеи, которыя лежатъ въ основаніи всѣхъ его драмъ.

Начавъ съ Метерлинка, Бриссонъ даетъ портреты цѣлаго ряда другихъ литературныхъ и артистическихъ знаменитостей. Онъ описываетъ Ришпена среди своеобразной обстановки его лѣтняго мѣстопребыванія въ Бретани, гдѣ онъ предается усиленному спорту; Бриссонъ рисуетъ портретъ оригинальнаго поэта-атлета, который соединяетъ изумительную продуктивность пера съ громадной физической силой и страстью къ цыганскому образу жизни. Онъ болѣе всего гордится не своими литературными успѣхами, а тѣмъ, что онъ осилилъ въ кулачномъ бою знаменитаго ярмарочнаго бойца Марселя. Другая интересная знаменитость въ книгѣ Бриссона—виконтъ Шпельбергъ-де-Левенжоль, страстный библіографъ, хранящій въ своемъ брюссельскомъ домѣ цѣлое сокровище писемъ и документовъ, касающихся всѣхъ великихъ людей Франціи. Его кабинетъ построенъ въ видѣ очень длинной и узкой часовни, освѣщенной сверху, и имѣетъ двадцать пять метровъ въ длину. На всемъ этомъ протяженіи расположены глубокіе шкафы съ тысячами томовъ и тетрадей. По срединѣ комнаты—особыя хранилища разнообразной формы; въ каждомъ изъ нихъ—реликвіи великаго писателя. „Мавзолей" Жоржъ-Зандъ особенно обширенъ. Оттуда исходятъ всѣ достовѣрныя свѣдѣнія о знаменитой писательницѣ и ея друзьяхъ, Мюссе, Шопенѣ и др. Болѣе всего Шпельбергъ-де-Левенжоль занимается Бальзакомъ,—онъ употребилъ три года на то, чтобы собственноручно списать его необъятную корреспонденцію и всѣ наброски его незаконченныхъ пьесъ. Въ другихъ шкафахъ хранятся реликвіи другихъ писателей романтической Франціи,—и ко всѣмъ имъ хозяинъ этого литературнаго храма относится съ благоговѣніемъ, охраняя ихъ честь, защищая ихъ отъ клеветъ, взводимыхъ отъ времени до времени неблагодарнымъ потомствомъ на беззащитныхъ мертвецовъ. Честь литературнаго прошлаго Франціи нашла благороднаго охранителя въ лицѣ благороднаго виконта, старѣющагося среди книгъ и пожелтѣвшихъ рукописей.

Бриссонъ, какъ добросовѣстный интервьюеръ, не могъ не интере-

Digitized by Google

соваться вопросомъ о Жоржъ-Зандъ, ея письмахъ къ Пажелло и ея чувствахъ къ Мюссé. Этотъ, казалось бы, давно похороненный романъ сдѣлался въ прошломъ году интересомъ дня,—до того люди рады, когда открываются слабости или дурные поступки тѣхъ, которые стоятъ выше толпы. Бриссонъ бесѣдуетъ по этому поводу съ ея дочерью, м-мъ Соланжъ, и съ женой ея сына, Мориса Зандъ. Разсказы членовъ семьи Жоржъ-Зандъ только подтверждаютъ впечатлѣніе, которое всегда остается отъ внимательнаго изученія Жоржъ-Зандъ. Въ ней совмѣщались два различныхъ человѣка, жившихъ каждый своей обособленной жизнью. Въ часы работы—правильно, какъ у всѣхъ продуктивныхъ писателей,—она была вдохновеннымъ художникомъ, а закончивъ свою ежедневную задачу, она становилась буржуазкой, съ очень маленькими и будничными интересами. Мать и бабушка Жоржъ-Зандъ была человѣкомъ иного міра, чѣмъ писательница. Жизнь Жоржъ-Зандъ только въ теченіе семи лѣтъ ея парижскаго пребыванія была пестрымъ рядомъ увлеченій, приключеній и романтическаго пыла. Потомъ опять женщина умерла въ ней, исчезла артистическая жажда свободы,—она стала добродѣтельной матерью и потомъ бабушкой, и работала, чтобы накопить деньги для любимой семьи. Дѣти ея не знали ея прошлаго,—она старалась похоронить все, что̀ напоминало въ ней прежнюю свободную женщину. Она передала дочери только ненависть къ Мюссé. М-мъ Соланжъ говоритъ съ презрѣніемъ о несчастномъ поэтѣ, котораго нѣсколько разъ видѣла пьянымъ. Это раздвоеніе личности—одна изъ характерныхъ чертъ Жоржъ-Зандъ. Она не женщина-геній, а геній и женщина (если, конечно, признать ея талантъ геніемъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые критики).

Отмѣтимъ въ книжкѣ Бриссона его бесѣды съ нѣсколькими знаменитыми женщинами, Жанной Дьёлафуа, путешественницей и романисткой, Клемансъ Ройе, м-мъ Поньонъ и др., съ Буржé и Гекторомъ Мало, доживающимъ счастливую старость, и, наконецъ, очеркъ Монмартра и его нынѣ знаменитыхъ тавернъ, вродѣ „cabaret du Néant“, гдѣ пиво и кофе подаются въ кладбищенской обстановкѣ и гарсоны, переодѣтые въ могильщиковъ, заунывно предлагаютъ отравиться подаваемымъ питьемъ и пойти хоронить себя въ спеціальномъ склепѣ, куда вводится публика. Эта первая затѣя, позабавившая парижанъ своей эксцентричностью, породила цѣлый рядъ другихъ,—и теперь, проходя вечеромъ въ окрестностяхъ Boulevard de Clichy, то-и-дѣло видишь, кромѣ угрюмо-зеленаго фонаря „cabaret du Néant“, то красный фонарь „cabaret du Ciel“, гдѣ показываютъ почему-то „семь смертныхъ грѣховъ“, то веселый „Café des Quat'-z-arts“, гдѣ вышучивается съ большимъ остроуміемъ „Феликсъ“ (Форъ) и его тосты во время путешествій по Франціи; то болѣе грубый „cabaret Bruant“, гдѣ приходящихъ

Digitized by Google

обязательно встрѣчаютъ ругательнымъ куплетомъ, то разные другіе въ томъ же родѣ. Парижанамъ нравятся эти кабачки съ пѣніемъ, конкуррирующіе съ театрами. Есть, въ самомъ дѣлѣ, много веселости и остроумія въ пѣсняхъ и „revues", которыя разыгрываются на крошечныхъ сценахъ, безъ аксессуаровъ, часто съ участіемъ публики, сидящей тутъ же за своими „consommations". Поютъ и играютъ сами сочинители куплетовъ и фарсовъ, нерѣдко импровизирующіе на глазахъ публики. Они чувствуютъ себя какъ дома; передъ выходомъ на эстраду каждаго, хозяинъ „кабачка" заявляетъ, что „notre bon camerade" такой-то споетъ свою пѣсню. Другіе „camerades"—тутъ же, на эстрадѣ или въ залѣ—совершаютъ обмѣнъ шутокъ,—и получается впечатлѣніе какой-то талантливой литературной богемы. Послѣ пошлостей парижскихъ бульварныхъ театровъ, Монмартръ кажется чѣмъ-то болѣе свѣжимъ.—З. В.

Digitized by Google

НЕКРОЛОГЪ.

Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

1818—1897.

31 іюля, позднимъ вечеромъ, умеръ Ѳ. И. Буслаевъ въ подмосковномъ селѣ Люблинѣ. Съ его именемъ соединяется историческая память о цѣломъ періодѣ развитія нашихъ народныхъ изученій, гдѣ его труды въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій обозначали собой школу, которой принадлежало въ высокой степени благотворное вліяніе, не только чисто научное, но и общественное.

Ѳ. И. Буслаевъ родился 13 апрѣля 1818 въ городѣ Керенскѣ, пензенской губерніи, въ семьѣ небольшого уѣзднаго чиновника. Онъ рано потерялъ отца и, послѣ домашняго ученья подъ руководствомъ матери, поступилъ въ гимназію въ Пензѣ, гдѣ одно время учителя русскаго языка замѣнялъ находившійся въ старшихъ классахъ Бѣлинскій. По окончаніи гимназическаго курса, Буслаевъ поступилъ въ 1834 г. на филологическій, по тогдашнему словесный, факультетъ московскаго университета и кончилъ курсъ въ 1838 г. Еще студентомъ онъ своими дарованіями обратилъ на себя вниманіе тогдашняго попечителя, гр. С. Г. Строгонова, и по окончаніи курса назначенъ былъ сверхштатнымъ учителемъ въ одну изъ московскихъ гимназій; но вскорѣ затѣмъ, въ 1839 г., онъ приглашенъ былъ гр. Строгоновымъ въ качествѣ домашняго учителя сопровождать его семейство за границу, въ Италію. Онъ пробылъ за границей два года, и художественныя богатства Италіи развили въ немъ тотъ интересъ къ изученію искусства, который сохранился у него на всю жизнь и повліялъ впослѣдствіи и на его изученія русской старины. Къ этому пребыванію въ Италіи относится и его первый литературный трудъ (1842 г.) Положеніе домашняго учителя, особенно въ данныхъ условіяхъ, было зависимое и не всегда пріятное; но живой характеръ юноши и, главное, вниманіе самого Строгонова дали Буслаеву возможность воспользоваться этимъ временемъ и для личнаго труда, который въ концѣ концовъ опредѣлилъ его дальнѣйшее ученое поприще. По возвращеніи въ Москву, онъ занялъ мѣсто учителя въ 3-й московской гимназіи и въ 1844 г. выступилъ съ своимъ первымъ научнымъ трудомъ: „О преподаваніи отечественнаго языка“ (два тома), который тотчасъ до-

Digitized by Google

ставилъ ему почетную извѣстность: это былъ первый опытъ ввести не только въ преподаваніе, но и въ самое научное изслѣдованіе русскаго языка тѣ новыя идеи и пріемы, которые выработывались въ то время новѣйшимъ языкознаніемъ — сравнительной филологіей и исторіей языка. Этотъ трудъ въ первый разъ ввелъ Буслаева и въ университетъ. Еще раньше онъ былъ прикомандированъ къ тогдашнимъ профессорамъ Давыдову и Шевыреву въ помощники для просмотра студенческихъ письменныхъ работъ; въ 1847 г. онъ приглашенъ былъ въ качествѣ стороннято преподавателя читать лекціи русскаго языка и словесности. Въ 1848 г. онъ защищалъ свою магистерскую диссертацію: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ (подробности о диспутѣ сообщены были г. Барсуковымъ въ десятой книгѣ „Жизни Погодина“). Этотъ „опытъ исторіи языка“, на основаніи Остромирова Евангелія, былъ въ нашей тогдашней наукѣ настоящимъ событіемъ: на основаніи данныхъ языка, Буслаевъ возстановлялъ бытовыя и нравственныя понятія той отдаленной эпохи, въ какую совершался переводъ священнаго писанія на славянскій языкъ,—задача, на рѣшеніе которой до тѣхъ поръ еще не покушалась русская наука. Имя Буслаева становилось ученымъ авторитетомъ. Послѣ защиты диссертаціи Буслаевъ назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русскаго языка.

Въ 1852 г. Буслаевъ, вмѣстѣ съ А. Д. Галаховымъ, получилъ отъ управленія военно-учебныхъ заведеній приглашеніе составить новыя программы для преподаванія русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Программы были составлены, и въ связи съ этимъ трудомъ Буслаевъ приготовилъ изданную уже въ 1858 г. „Историческую грамматику русскаго языка“, и въ 1861 г. „Историческую христоматію церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ“. Около этого времени онъ приглашенъ былъ гр. Строгоновымъ, который былъ тогда попечителемъ при наслѣдникѣ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, для преподаванія ему русскаго языка и словесности: это преподаваніе продолжалось въ Петербургѣ съ половины декабря 1859 г. до конца декабря 1860 г. Въ 1861 г. Буслаевъ получилъ отъ московскаго университета степень доктора русской словесности и назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ.

Между тѣмъ шли своимъ чередомъ другія изслѣдованія, въ которыхъ Буслаевъ обратился къ народно-поэтической старинѣ. Длинный рядъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, и новыхъ работъ былъ собранъ имъ въ двухъ большихъ томахъ „Историческихъ Очерковъ русской народной словесности и искусства“ (Спб. 1861). Послѣ того Буслаевъ возвращался къ тому же предмету еще въ нѣсколькихъ изслѣдованіяхъ (какъ, напр., „Русскіе духовные

Digitized by Google

стихи" 1861; „Русскій богатырскій эпосъ" 1862, „Странствующіе повѣсти и разсказы" 1874, и пр.), которыя впослѣдствіи собраны были въ книгу: „Народная поэзія", Спб. 1887. Въ „Сборникѣ" Общества древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ, въ 1866, появился важный трудъ Буслаева: „Общія понятія о русской иконописи". Изученіе древней русской иконографіи начато было Буслаевымъ давно, и нѣсколько изслѣдованій этого рода нашло мѣсто уже въ „Очеркахъ" 1861 года. Въ послѣдніе годы своей ученой дѣятельности Буслаевъ въ особенности отдался этимъ изслѣдованіямъ, и результатомъ ихъ было обширное изданіе „Толковаго Апокалипсиса" съ атласомъ изъ 400 рисунковъ (1884 г., въ изданіяхъ Общества любит. древней письменности). Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ былъ предсѣдателемъ московскаго Общества любителей словесности, и къ этому времени относится его любопытный трактатъ „О значеніи романа". Наконецъ, кромѣ упомянутыхъ выше, имъ составлены были учебники по языку и словесности для гимназій.

Въ 1881 г. Буслаевъ оставилъ университетъ. Въ послѣдніе годы его жизни ослабленіе и потомъ полная потеря зрѣнія прервали его книжныя занятія, но онъ еще продолжалъ работать, напр., диктуя свои „Воспоминанія", которыя появлялись въ „Вѣстникѣ Европы" (1890 г., окт., нояб. и дек.; 1891 г., апр., май, іюнь, іюль, окт. и нояб.; 1892 г., февр., мартъ) и въ сборникѣ „Починъ" 1896 г.; позже онъ дополнилъ свои „Воспоминанія" описаніемъ римской виллы княг. З. А. Волконской („Вѣстн. Европы", 1896 г., янв.). Въ 1886 г. вышелъ сборникъ его статей изъ періодическихъ изданій, подъ названіемъ: „Мои досуги" (два тома).

Когда потеря зрѣнія прекратила его занятія любимыми старыми рукописями, его собственное рукописное собраніе, очень важное, между прочимъ, замѣчательными лицевыми рукописями, пріобрѣтено было въ 1893 г. Публичною Библіотекою въ Петербургѣ. Это собраніе (98 нумеровъ) было уже отмѣчено въ Отчетѣ Библіотеки, и подробное описаніе его должно появиться скоро въ имѣющемъ выйти въ свѣтъ Отчетѣ Библіотеки за 1893 годъ. По извѣстіямъ московскихъ газетъ, собраніе фамильныхъ бумагъ, переписку со многими учеными и курсы собственныхъ лекцій онъ пожертвовалъ въ Московскій Публичный и Румянцовскій Музей. Въ томъ же Музеѣ находится (№ 3192) списокъ лекцій, читанныхъ Буслаевымъ цесаревичу Николаю Александровичу: всѣхъ лекцій имъ было прочитано *сто*, въ спискѣ ихъ *шестьдесятъ*; а подлинники въ полномъ составѣ хранятся въ кабинетѣ покойнаго императора Александра III. Еще при жизни Буслаева говорили, что предполагалось изданіе этихъ лекцій.

Мы упомянули выше объ одной заслугѣ Буслаева для русской

Digitized by Google

науки, когда онъ давалъ первые опыты примѣненія новѣйшаго языкознанія къ изслѣдованію древностей русскаго языка. Другою, еще болѣе значительною заслугой его было изслѣдованіе нашей народно-поэтической старины. Мало замѣчаютъ обыкновенно другую сторону этого дѣла, а именно: Буслаевъ едва ли не больше чѣмъ кто-нибудь другой способствовалъ самому раскрытію того рукописнаго матеріала, въ которомъ заключались памятники нашей народно-поэтической старины. Когда появлялись его первыя изслѣдованія въ этой области, каждый разъ это бывали почти открытія: онъ обращалъ вниманіе на произведенія, которыя до тѣхъ поръ были почти нетронуты или совсѣмъ неизвѣстны и въ которыхъ однако онъ открывалъ и объяснялъ чрезвычайно интересные памятники и отголоски народной поэзіи. Такова большая масса указанныхъ и разъясненныхъ имъ легендъ, житій, поэтическихъ сказаній, пословицъ, заговоровъ и т. д.

Для объясненія этихъ остатковъ древняго народно-поэтическаго преданія, Буслаевъ слѣдовалъ пріемамъ школы Гримма и почти впервые поставилъ вопросъ о древней миѳологіи и народной поэзіи. Въ новомъ взглядѣ были преувеличенія,—хотя самъ Буслаевъ впадалъ въ нихъ меньше, чѣмъ другіе послѣдователи этой школы, какъ Ор. Миллеръ и Аѳанасьевъ,—но этотъ взглядъ былъ тѣмъ не менѣе великой заслугой, потому что здѣсь объясненіе народной поэзіи впервые поставлено было на почву органической теоріи. Дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ предоставлялось раскрыть новыя стороны предмета, иное совсѣмъ устранить, но во всякомъ случаѣ поставленъ былъ историческій вопросъ о возникновеніи народной поэзіи въ древнѣйшихъ періодахъ народной жизни и о развитіи ея въ связи съ судьбами народнаго быта и міровоззрѣнія, а также и съ отголосками ея глубокой старины. Буслаеву несомнѣнно принадлежитъ та заслуга, что онъ привлекъ въ эту область цѣлый рядъ изслѣдователей младшаго поколѣнія: въ русской письменности открывался почти невѣдомый раньше новый отдѣлъ старой литературы, открывались памятники народной поэзіи, которыхъ прежде совсѣмъ не видѣли. И одною изъ причинъ вліянія Буслаева на новыя ученыя поколѣнія и затѣмъ на возбужденіе новаго интереса къ народному творчеству въ цѣлой литературѣ было его собственное отношеніе къ предмету. А именно, къ обширному знанію русской письменной старины и народной поэзіи, а также народной поэзіи западныхъ среднихъ вѣковъ, присоединялись у него собственное глубокое одушевленіе этой стариной и умѣнье реставрировать ея остатки въ цѣльный образъ. Если теоріи самого Гримма бывали не только научнымъ, но и поэтическимъ возсозданіемъ древности, то подобное поэтическое настроеніе отличало и Буслаева. Съ другой стороны, какъ Гримму народная древ-

Digitized by Google

ность представлялась какъ бы золотымъ вѣкомъ, такъ и по взгляду Буслаева народная поэзія, какъ древнѣйшее народное созданіе, была по преимуществу, если не исключительно—поэзіей. Въ той старинѣ, гдѣ онъ находилъ драгоцѣнные перлы народно-поэтическаго преданія, заключалось настоящее откровеніе народной фантазіи и вмѣстѣ нравственнаго чувства,—и въ первую пору своихъ увлеченій этимъ новооткрытымъ міромъ онъ почти съ негодованіемъ отвергалъ ту подражательную литературу, которая распространялась съ начала XVIII вѣка, забывъ народное наслѣдіе.

Увлекаясь стариной, Буслаевъ стоялъ однако особнякомъ отъ другихъ ея любителей, какъ вообще былъ оригиналенъ въ своихъ литературныхъ взглядахъ. Онъ не былъ славянофиломъ и относился къ этой школѣ даже нѣсколько враждебно. Повидимому, его отталкивала теорія, въ которой онъ чувствовалъ искусственность и которая однако бралась говорить за русскій народъ. Кромѣ того, въ самой русской старинѣ далеко не все было ему сочувственно, и особенно не была сочувственна старая Москва, въ которой эта школа видѣла высшее политическое созданіе русскаго народа и гдѣ Буслаевъ, напротивъ, находилъ слишкомъ много остатковъ татарскихъ нравовъ. И если Буслаевъ не всему сочувствовалъ въ нашей старинѣ, то такимъ же образомъ онъ далеко не безусловно увлекался и современной „народностью“: его не влекло въ „деревню“, въ среду самого народа, старую поэзію котораго онъ такъ вѣрно ставилъ. Онъ зналъ многія грубыя черты этого народнаго быта, и не хотѣлъ видѣть ихъ, сторонился отъ нихъ... Его любовь къ народу была, съ одной стороны, теоретическая, съ другой—идеалистическая: онъ хотѣлъ сберечь только лучшія впечатлѣнія народнаго творчества. Это не было однако то любованье художественной красотой, которое иные новѣйшіе эстетики считаютъ высшей ступенью внутренняго совершенства и которое есть только бездушное и въ концѣ концовъ натянутое, дѣланное самоуслажденіе; настроеніе Буслаева было какъ бы цѣломудренное охраненіе чистоты народнаго поэтическаго идеала, въ которомъ заключалось и достойное нравственное содержаніе... Въ этомъ отношеніи къ народу и къ самой народной поэзіи была историческая и современная односторонность: изображеніе было неполно и не вполнѣ точно, — но онъ предоставлялъ другимъ дополнять его; самъ онъ искалъ только лучшихъ поэтическихъ и нравственныхъ сторонъ народнаго содержанія, и его собственное поэтическое увлеченіе помогло ему раскрыть эти лучшія стороны,—какъ это не удавалось потомъ никому изъ изслѣдователей нашей народной поэзіи.

Буслаевъ казался и былъ кабинетнымъ ученымъ, спеціалистомъ въ археологіи искусства,—но это не мѣшало ему понимать искусство со-

Digitized by Google

временное и современныя народныя движенія: въ его „Досугахъ“ читатель найдетъ живой и поэтическій разсказъ о событіяхъ временъ итальянскаго объединенія. Онъ рѣдко касался литературы новѣйшей, но въ его очеркахъ романа и другихъ его трудахъ мы встрѣтимъ тонкія оцѣнки новѣйшихъ писателей, и особливо также исполненныя вкуса замѣчанія о произведеніяхъ искусства... Въ послѣдній разъ я видѣлъ Ѳ. И. Буслаева въ сентябрѣ прошлаго года: совершенно лишенный зрѣнія, онъ сохранилъ всю живость своихъ литературныхъ и художественныхъ интересовъ; ему читали Тургенева, и онъ собиралъ замѣтки для работы, которую ему хотѣлось исполнить: это должна была быть характеристика художественнаго *стиля* Тургенева. Усилившаяся болѣзнь не дозволила ему исполнить этого плана.

Литературные взгляды Буслаева были очень своеобразны и иногда неожиданны. По поводу своего желанія опредѣлить стиль Тургенева онъ высказывалъ мнѣ свое представленіе, что Тургеневъ былъ именно первая большая сила нашей литературы послѣ Пушкина, — Гоголя онъ не любилъ и какъ писателя, и какъ человѣка (онъ нѣсколько разъ съ нимъ встрѣчался).

Научное изслѣдованіе продолжаетъ идти впередъ; нѣкоторые изъ старыхъ взглядовъ Буслаева (напр., миѳологическое-толкованіе древняго русскаго эпоса), — на которыхъ онъ и самъ потомъ не настаивалъ, — смѣняются новыми опытами историческаго объясненія; но за нимъ всегда останется великая заслуга въ истолкованіи нашей народно-поэтической старины: онъ впервые ставитъ ея изслѣдованіе на научную почву, раскрываетъ ея памятники въ старой письменности и, примѣняя къ этому изученію обширное знаніе, художественный вкусъ и собственное идеалистическое одушевленіе, привлекаетъ на этотъ путь силы новыхъ поколѣній, которыя видятъ въ немъ своего перваго руководителя. Буслаевымъ былъ въ особенности утвержденъ интересъ къ народному поэтическому преданію, — и труды его были эпохой въ этой области нашей науки.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1897.

Неудобство неумѣренныхъ восторговъ.—Катковъ, изображаемый какъ „Прометей", „Титанъ" и „Пророкъ", какъ спаситель и просвѣтитель Россіи.—Полное собраніе передовыхъ статей Каткова.—Одинъ изъ эпигоновъ славянофильства.—Раздвоившійся писатель.—Невѣроятная программа.—Первыя извѣстія о торжественномъ въѣздѣ Ихъ Величествъ въ г. Варшаву.

Въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ исполнилось десять лѣтъ со дня смерти М. Н. Каткова. Что его послѣдователи и преемники почтили, по этому поводу, его память сочувственными, настроенными на высокій ладъ статьями—это совершенно естественно; нормальнымъ мы готовы были бы признать даже нѣкоторое преувеличеніе въ похвалахъ, потому что партія, созданная или, лучше сказать, организованная Катковымъ, не можетъ не смотрѣть на него снизу вверхъ, не можетъ не видѣть въ немъ величины, выдающейся изъ ряда. И въ восторгѣ однако—разъ, что онъ выражается въ печати, т.-е. сознательно и болѣе или менѣе спокойно,—должна быть соблюдаема мѣра. Забывъ это золотое правило, поклонники Каткова договорились съ одной стороны до чудовищнаго, съ другой—до смѣшного. Смѣшно сравненіе Каткова, въ аляповатыхъ стихахъ, съ Прометеемъ [1]), смѣшно наименованіе его въ прозѣ „неземнымъ титаномъ мысли и слова"; но по истинѣ чудовищно возведеніе его на степень *пророка*, идущее, вдобавокъ, отъ лица, по самому своему званію, обязаннаго избѣгать злоупотребленія этимъ словомъ [2]). Еще болѣе чудовищны, потому что

[1]) „Когда безславья знамена вдругъ поднялись, надменно вѣя, рабовъ безумная затѣя была надеждами полна. Пришли плохія времена, погасла искра Прометея, и въ безотрадной тьмѣ коснѣя, ждала погибели страна. Но ты, Катковъ, ты сохранилъ огонь и блескъ душевныхъ силъ, ты эту искру воскресилъ. И свѣточъ вспыхнулъ, пламенѣя, и мракъ могилы озарилъ огонь священный Прометея".—А вотъ еще не менѣе забавный отрывокъ изъ той же „поэмы": „Западъ! западъ, блудница позоромъ клейменная, но одѣтая въ царскій виссонъ, своей призрачной славой мгновенной прельщенная, пьетъ теперь обольстительный сонъ. Но настанетъ терзающій часъ пробужденія—жалокъ ты, лицемѣрный развратъ! Злыя, жгучія муки тоски и сомнѣнія въ сердце острые когти вонзятъ" („Москов. Вѣдомости" № 197).

[2]) „Да, Катковъ былъ, можно сказать, *истиннымъ пророкомъ* въ полномъ смыслѣ этого слова!.. Развѣ онъ, *подобно древнимъ пророкамъ*, не такъ же безпощадно обличалъ различные пороки и заблужденія человѣческія? Развѣ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не являлся *выразителемъ воли Божіей* относительно нашего народа и *предсказателемъ* ему той или другой участи здѣсь на землѣ"? („Моск. Вѣдомости" № 197, статья, озаглавленная: „Пророческое служеніе М. Н. Каткова").

Digitized by Google

болѣе обдуманны, извращенія исторіи, предпринимаемыя ad majorem gloriam Каткова. Кульминаціоннаго своего пункта они достигли въ статьѣ г. Грингмута: „М. Н. Катковъ какъ государственный дѣятель", напечатанной въ № 8 „Русскаго Вѣстника". „Можно сказать съ полною увѣренностью,—читаемъ мы въ этой статьѣ,—что еслибы въ началѣ 60-хъ и въ концѣ 70-хъ годовъ могучій голосъ Каткова не раздавался, постоянно будя совѣсть Россіи и призывая ее къ исполненію ея нравственно-историческаго долга, *исторія Россіи приняла бы совершенно иной оборотъ*". Катковъ *„спасъ* Россію отъ двухъ ошибокъ, которыя впослѣдствіи были бы непоправимы: въ началѣ 60-хъ годовъ—отъ дарованія автономіи Польшѣ, въ концѣ 70-хъ годовъ—отъ вступленія на путь парламентаризма". Въ 1863 г., *„мыслящая Россія* не только сомнѣвалась въ своихъ силахъ, но, прислушиваясь къ завѣреніямъ *господствовавшихъ въ то время либераловъ*, была вполнѣ увѣрена въ своемъ безсиліи", и только Катковъ, „среди общаго малодушія, унынія и либеральнаго злорадства, возвысилъ свой голосъ, который тотчасъ же сталъ голосомъ Россіи, и начерталъ ей ясную и послѣдовательную программу дѣйствій"... Въ концѣ 70-хъ годовъ, „Петербургъ готовъ былъ капитулировать передъ ничтожной кучкой террористовъ... Правительство и общество были ослѣплены страхомъ и полагали, что Россія страдаетъ глубокимъ органическимъ недугомъ, и что безъ радикальной операціи (читай: конституціи) дѣло ни въ какомъ случаѣ обойтись не можетъ".

Прочитавъ всѣ эти тирады, со всѣми ихъ реторическими распространеніями, мы нашли въ нихъ нѣчто давно знакомое и вспомнили, что то же самое, въ формѣ діалоговъ и монологовъ, говорилъ въ своихъ романахъ („Переломъ", „Бездна") сотрудникъ Каткова, Болеславъ Маркевичъ. И у него Россія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ изображалась преданною во власть либераловъ, въ свою очередь порабощенныхъ сначала польскою интригой, потомъ страхомъ передъ террористами; и у него мы видѣли министровъ, губернаторовъ, прокуроровъ, исправниковъ, трепещущихъ передъ злою силой и готовыхъ на всякія уступки. Въ романахъ олицетвореніемъ добраго начала являлся Троекуровъ, мужъ дѣла и совѣта, одинаково непобѣдимый въ спорахъ съ противниками и въ рукопашномъ бою съ врагами; въ мнимо-серьезной статьѣ ту же роль играетъ Катковъ. Но вѣдь романъ и публицистика—не одно и то же; если даже въ первомъ полетѣ фантазіи автора, претендующаго на изображеніе опредѣленной эпохи и реальныхъ лицъ, долженъ оставаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, то для второй—безусловно обязательно строгое соблюденіе исторической правды. У насъ нѣтъ, да и не можетъ еще быть сочиненій, дающихъ полную, точную картину послѣднихъ десятилѣтій; но главныя черты недавняго прошлаго все же настолько из-

Digitized by Google

вѣстны, что даже „лѣнивая и нелюбопытная“ (по выраженію Пушкина) часть публики едва ли расположена вѣрить черезчуръ тенденціознымъ сказкамъ, хотя бы и написаннымъ въ ультра-докторальномъ тонѣ. Всѣмъ извѣстно, что въ 1863 г. „либералы“ не только не играли „господствующей“ роли (не принадлежавшей имъ, впрочемъ, и на расцвѣтѣ „эпохи великихъ реформъ“), но находились рѣшительно не въ авантажѣ. Реакція, начавшаяся почти непосредственно вслѣдъ за обнародованіемъ положеній 19-го февраля, достигла значительныхъ размѣровъ уже лѣтомъ 1862 г. (закрытіе воскресныхъ школъ, запрещеніе „Современника“ и „Русскаго Слова“), а подъ вліяніемъ польскаго мятежа скорѣе увеличилась, чѣмъ уменьшилась. Цензура, какъ разъ въ началѣ 1863 г. перешедшая въ вѣденіе министерства внутреннихъ дѣлъ, рѣдко была такъ строга, какъ именно въ это время (дѣло доходило до того, что редакціямъ умѣренно-либеральныхъ газетъ ставилось въ вину не только сказанное ими, но и не сказанное). Разногласіе между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и Катковымъ возникло гораздо позже; въ 1863 г. новому редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ ничто не мѣшало плыть по теченію; не только П. А. Валуевъ и кн. В. А. Долгорукій, но даже А. В. Головнинъ (отъ котораго, впрочемъ, вовсе не зависѣло разрѣшеніе польскаго вопроса) вовсе не были *либералами*[1]). Не подлежитъ, наконецъ, никакому спору, что извѣстныя апрѣльскія ноты кн. Горчакова, въ отвѣтъ на заявленія Англіи, Франціи и Австріи, были написаны внѣ всякаго вліянія Каткова, который выдвинулся на первый планъ лишь во время движенія, вызваннаго этими нотами. Какъ онъ воспользовался своимъ новымъ положеніемъ, объ этомъ мы теперь говорить не будемъ; наша задача—показать несостоятельность взгляда, приписывающаго Каткову руководящую, рѣшающую роль въ одинъ изъ критическихъ моментовъ русской жизни. Столь же далеко отъ истины все то, что говоритъ г. Гринмутъ о значеніи Каткова въ концѣ семидесятыхъ годовъ. И въ это время ни о какой „капитуляціи“ въ правительственныхъ сферахъ не было и рѣчи; напротивъ того, именно въ послѣднемъ изъ семидесятыхъ годовъ борьба со всѣми группами революціонеровъ достигла высшей степени своего напряженія (чрезвычайныя полномочія генералъ-губернаторовъ, военные суды, рядъ приведенныхъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, широкое развитіе административной высылки). Не прекращалась она и въ 1880—81 г., во время такъ называемой „диктатуры сердца“. Какъ ни мало до сихъ поръ еще пролито свѣта на эту эпоху, одно можно сказать съ пол-

[1]) Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, стоитъ только прочитать переписку А. В. Головнина съ Ѳ. В. Чижовымъ, напечатанную недавно въ „Русск. Обозрѣніи“ (№ 6), въ составѣ переписки И. С. Аксакова съ Н. С. Соханской (Кохановской).

Digitized by Google

ною достовѣрностью: даже въ тѣхъ проектахъ гр. Лорисъ-Меликова, которые остались неосуществленными, не было и слѣдовъ „капитуляціи передъ кучкой террористовъ". Извѣстно, что эта кучка ставила ни во что даже дарованіе конституціи, и столь же несомнѣнно, что съ дарованіемъ конституціи призывъ уполномоченныхъ отъ земства къ обсужденію, съ *совѣщательнымъ* голосомъ, *нѣкоторыхъ*. заранѣе опредѣленныхъ законопроектовъ—не имѣлъ ничего общаго. Прибавимъ къ этому потрясающее впечатлѣніе, произведенное катастрофой 1-го марта—и мы поймемъ всю тщету попытокъ возвести Каткова на пьедесталъ спасителя Россіи. И здѣсь, какъ и въ польскомъ вопросѣ, мы не касаемся образа мыслей и дѣйствій Каткова *по существу*; для насъ достаточно установить, что не его указаніями опредѣлялась правительственная система, не вслѣдствіе его усилій принимала тотъ, а не иной оборотъ исторія Россіи... Въ одномъ мѣстѣ, впрочемъ, это невольно признаетъ и самъ панегиристъ Каткова. Утверждая, что славянофилы и либералы сходились въ одномъ—въ необходимости „упразднить современную Россію", т.-е. „сдѣлать прыжокъ въ мрачную неизвѣстность", г. Гримгмутъ замѣчаетъ: „правительство отказывалось отъ подобныхъ головоломныхъ salto mortale и предпочитало довольствоваться синицей въ рукахъ, въ видѣ настоящаго положенія Россіи, не гоняясь за журавлемъ въ небѣ, въ видѣ ея допетровскаго прошедшаго и западническаго будущаго". Ну да, правительство само по себѣ не склонялось ни на сторону западниковъ, ни на сторону славянофиловъ, и приписывать Каткову удержаніе его на пути, съ котораго оно вовсе ненамѣрено было сходить, значитъ уподоблять „Московскія Вѣдомости" „пахавшей мухѣ"...

„Спаситель" Россіи былъ, если вѣрить крикунамъ, бѣгущимъ за его колесницей,—вмѣстѣ и ея „просвѣтителемъ". На эту тему написана, въ той же книжкѣ „Русскаго Вѣстника", статья того же г. Гримгмута: „Заслуги М. Н. Каткова по просвѣщенію Россіи". Противники Каткова, по вопросу о гимназической реформѣ, приравниваются здѣсь къ госпожѣ Простаковой, замѣнившей старый девизъ: „не нужно ученья" —болѣе современнымъ: „какъ можно меньше ученья". Еслибы,—говорятъ намъ,—„явился какой-нибудь министръ, который, махнувъ рукой на интересы истиннаго просвѣщенія, объявилъ бы, что среднее образованіе будетъ продолжаться всего какія-нибудь пять лѣтъ и будетъ сведено къ легкой забавѣ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ въ день, то такой министръ въ Германіи, Англіи и Франціи былъ бы покрытъ насмѣшками и позоромъ, а у насъ — засыпанъ благодарственными адресами не только родителей, но и земскихъ, дворянскихъ и даже *высшихъ государственныхъ собраній*". Это—образчикъ добросовѣстности автора. А вотъ образчикъ его деликатности: „въ концѣ прошлаго

Digitized by Google

вѣка отрицательное отношеніе къ образованію" не находило поддержки со стороны науки, „а то *Фонвизинъ ввелъ бы въ свою комедію, рядомъ съ Вральманомъ, какого-нибудь Эрисмана*, который поддерживалъ бы госпожу Простакову въ ея борьбѣ противъ образованія". Чтобы оцѣнить всю прелесть этой выходки, достаточно сравнить мысленно научную дѣятельность Ѳ. Ѳ. Эрисмана съ научною дѣятельностью г. Гримгмута—и затѣмъ припомнить, почему для первой нѣтъ больше мѣста въ предѣлахъ Россіи... Достоинству аргументовъ, употребляемыхъ г. Гримгмутомъ, соотвѣтствуетъ достоинство его окончательнаго вывода: Каткову (вмѣстѣ съ П. М. Леонтьевымъ) ставится въ заслугу „героическій бой съ невѣжествомъ" и „блестящая надъ нимъ побѣда". Сопоставимъ съ этой оцѣнкой отзывъ лица, котораго даже г. Гримгмутъ не рѣшится заподозрить ни въ незнаніи дѣла, ни въ враждебномъ отношеніи къ памяти Каткова: отзывъ г. Розанова, бывшаго учителя гимназіи, бывшаго сотрудника „Русскаго Вѣстника". Въ цѣломъ рядѣ статей, изъ которыхъ послѣдняя („Новое Время", № 7700) написана именно по поводу десятилѣтней годовщины смерти Каткова, г. Розановъ раскрылъ настоящее значеніе порядковъ, созданныхъ по излюбленной схемѣ „Московскихъ Вѣдомостей". Онъ показалъ, что „классицизмъ не былъ привитъ къ намъ какъ живое къ живому, но былъ „механически вдвинутъ въ нашу школу"; что въ семидесятыхъ годахъ совершилось только *административное* торжество классической идеи—„и вотъ отчего идея не вросла въ жизнь школы, не пустила въ ней корней, не даетъ юныхъ побѣговъ, и вообще остается до сихъ поръ *властною*, но мертвою, не живою дѣйствительностью". То, что г. Гримгмутъ считаетъ *калѣченіемъ* системы (т.-е. состоявшіяся въ послѣднее время измѣненія въ гимназическомъ учебномъ планѣ), г. Розановъ совершенно правильно называетъ „административнымъ ея отступленіемъ", предлагая, съ своей стороны, цѣлый рядъ еще *болѣе* существенныхъ нововведеній. По мнѣнію г. Гримгмута, „преобразованныя гимназіи стали давать все болѣе и болѣе подготовленныхъ для серьезнаго научнаго образованія студентовъ"; по мнѣнію г. Розанова, раздѣляемому, мы въ этомъ убѣждены, громаднымъ большинствомъ профессоровъ университетовъ, наши теперешнія гимназіи —не что иное, какъ „спеціальные, узко-спеціальные, даже *узко-профессіональные* филологическіе классы"; а профессіональное обученіе меньше всего можетъ служить подготовкой къ „серьезному научному образованію". Въ „чемъ-то среднемъ между препаровочною комнатою анатомическаго театра и нѣмецкою кухней" — восклицаетъ г. Розановъ—„никто и нисколько не можетъ воспитаться и не воспитывается".

Гимназическая реформа 1871 г. не только получила силу закона при содѣйствіи Каткова, но и въ продолженіе цѣлыхъ шестнадцати

Digitized by Google

лѣть проводилась въ жизнь подъ его наблюденіемъ и при его участіи [1]). Нельзя сказать того же самаго объ университетской реформѣ 1884 г.; вліяніе „Московскихъ Вѣдомостей“ отразилось на ней съ такою же ясностью, какъ и на преобразованіи гимназій, но осуществлена она была лишь въ самомъ концѣ жизни Каткова. Это даетъ возможность утверждать, что смерть Каткова послужила сигналомъ къ *искаженію* университетской реформы, „въ смыслѣ постепеннаго возвращенія къ прежнимъ порядкамъ“. Какъ бы ни смотрѣть на перемѣны, совершившіяся послѣ 1887 г., въ способѣ примѣненія университетскаго устава (самый уставъ, какъ извѣстно, остался неприкосновеннымъ), несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: онѣ не коснулись *основаній* реформы, оставили въ силѣ все то, на чемъ особенно настаивали единомышленники Каткова—государственные экзамены, профессорскій гонораръ, уничтоженіе выборнаго начала и университетскаго самоуправленія. Вѣдь нельзя же утверждать, въ самомъ дѣлѣ, что суть реформы 1884 года сводилась къ развитію института приватъ-доцентовъ, къ поощренію такъ называемыхъ семинарскихъ занятій, къ уничтоженію литографированныхъ лекцій — однимъ словомъ, къ усиленію научнаго характера въ дѣятельности профессоровъ и студентовъ. Все это могло быть достигнуто и отчасти достигалось въ рамкахъ университетскаго устава 1863 года, требовавшихъ расширенія, но не радикальной ломки. „Семинаріи“, напримѣръ, многими профессорами устраивались и велись до 1884 г.—и наоборотъ, многими профессорами не устраиваются и не ведутся и въ настоящее время. Нужно быть слишкомъ смѣлымъ, чтобы утверждать, и слишкомъ наивнымъ, чтобы вѣрить, что уставъ 1884 года послужилъ на пользу „академической свободѣ“. То, что она выиграла вслѣдствіе разрѣшенія студентамъ дѣлать выборъ между двумя однородными курсами (въ тѣхъ сравнительно немногихъ случаяхъ, когда такой выборъ фактически возможенъ, т.-е. когда одинъ и тотъ же курсъ читается двумя преподавателями), перевѣшивается съ избыткомъ потерей, понесенной ею вслѣдствіе новыхъ требованій къ содержанію и направленію преподаванія...

Приведемъ еще одинъ примѣръ „уваженія къ истинѣ“, которымъ проникнуто недавнее чествованіе памяти Каткова. „При жизни Каткова“—читаемъ мы въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 197)—„возрожденіе Россіи совершалось съ такою же величавою мощью, какъ и нынѣ, съ тою только разницей, что враги этого воз-

[1]) Насъ могутъ спросить, почему мы признаемъ здѣсь активное содѣйствіе Каткова, оспариваемое нами въ другихъ случаяхъ. Отвѣтъ нашъ очень простъ: потому что здѣсь оно фактически доказано (см. хотя бы письмо кн. Н. П. Мещерскаго, бывшаго попечителя московскаго учебнаго округа, въ той же 8-ой книжкѣ „Русскаго Вѣстника“, стр. 25).

Digitized by Google

рожденія бездѣйствовали и молчали; нынѣ же они, набравшись смѣлости, и говорятъ, и дѣйствуютъ". Эти враги — съ одной стороны „конституціоналисты, именующіе себя либералами", съ другой — „окраинные сепаратисты"; „либеральное движеніе противъ дворянства и вообще противъ сословнаго строя Россіи, сепаратистское движеніе въ Финляндіи, на Кавказѣ, въ Балтійскихъ провинціяхъ и въ особенности въ Привислинскомъ краѣ—вотъ явные внѣшніе признаки общаго похода", который едва ли былъ бы возможенъ при жизни Каткова". „Общество, послѣ Каткова, осталось безъ руководителя"—и вотъ, на это и разсчитываютъ „агитаторы", „возобновляя свое однажды уже рушившееся дѣло". Итакъ, ближайшіе продолжатели Каткова признаютъ себя безсильными замѣнить его. Какъ ни трогательно это смиреніе, съ его мотивами согласиться невозможно. Пока Катковъ былъ живъ, полемика противъ его взглядовъ никогда не прекращалась; степень ея интенсивности и откровенности зависѣла не отъ страха передъ его именемъ, а отъ другихъ условій, не измѣнившихся и по настоящее время. Молчаніе „враговъ Россіи"—въ томъ особомъ смыслѣ, который данъ этимъ словамъ еще въ извѣстномъ стихотвореніи Ѳ. И. Тютчева—всегда было только вынужденнымъ; а вынудить его Катковъ, предоставленный самому себѣ, никогда не былъ въ силахъ. Ему возражали всегда и вездѣ, когда и гдѣ это позволяли обстоятельства—и, возражая ему, боролись, конечно, не только противъ него лично, но и противъ тѣхъ идей, которыя онъ представлялъ въ печати. Фантазія панегиристовъ увлекла ихъ далеко за предѣлы дѣйствительности. Еслибы Катковъ—какъ рыцарь, съ которымъ, въ виду безчисленныхъ его побѣдъ, никто больше не рѣшается состязаться —остался одинъ на опустѣвшей аренѣ, ему пришлось бы сложить съ себя оружіе; le combat aurait été fini faute de combattants. А между тѣмъ, не рѣшатся же оруженосцы Каткова утверждать, что въ послѣдніе годы его жизни онъ не сражался вовсе или сражался съ „обозначенными" противниками, съ призраками или тѣнями падшихъ враговъ...

Весьма вѣроятно, впрочемъ, что скромность „Московскихъ Вѣдомостей"—не что иное, какъ риторическій пріемъ, пущенный въ ходъ съ цѣлью подчеркнуть значеніе событія, совершившагося въ самый день десятилѣтія со времени смерти Каткова. „Если голосъ живого Каткова навсегда умолкъ"—такъ заканчивается юбилейная статья московской газеты,—„мы имѣемъ возможность слышать его прежній голосъ, читая тѣ чудныя статьи, которыми онъ увѣковѣчилъ свое имя на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей". Рѣчь идетъ объ открытіи подписки на полное собраніе передовыхъ статей Каткова, напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" съ 1863 по 1887 г. Не дальше

Digitized by Google

какъ два мѣсяца тому назадъ, мы выражали удивленіе, что подобное изданіе давно уже не было предпринято почитателями умершаго публициста: чѣмъ выше они ставятъ Каткова, тѣмъ обязательнѣе было для нихъ извлечь его статьи изъ старыхъ газетныхъ листовъ, гдѣ имъ угрожало полное забвеніе. Теперь они, наконецъ, исполнили свой долгъ—но самый способъ его исполненія едва-ли можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ. *Полное* собраніе передовыхъ статей Каткова (*двадцать пять* томовъ большого формата убористой печати, отъ 35 до 60 листовъ въ каждомъ), удручающее по объему, мало доступное по цѣнѣ (62 руб. 50 коп. по подпискѣ, 75 руб. по окончаніи изданія), дастъ съ одной стороны слишкомъ много, съ другой—слишкомъ мало. *Слишкомъ много*—потому что въ газетныхъ статьяхъ, слѣдующихъ одна за другою изо дня въ день и часто разсчитанныхъ только на злобу дня, далеко не все имѣетъ прочную цѣну (даже съ точки зрѣнія поклонниковъ автора); онѣ не могутъ не содержать въ себѣ множества повтореній, на которыя особенно щедръ былъ именно Катковъ. *Слишкомъ мало*—потому что въ составъ изданія не входятъ статьи (хотя бы важнѣйшія), напечатанныя Катковымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1856—62 гг., т.-е. до принятія имъ на себя редактированія „Московскихъ Вѣдомостей". Въ этотъ періодъ времени Катковъ игралъ уже выдающуюся роль въ нашей періодической прессѣ. Сначала далекій отъ тѣхъ основъ, которымъ онъ служитъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", онъ приближается къ нимъ все больше и больше—и исторія этой эволюціи одинаково любопытна какъ для его друзей, такъ и для его противниковъ. Кто не изучилъ въ Катковѣ англомана и либерала, кто не прослѣдилъ модуляцій, приводящихъ его отъ средняго регистра политической гаммы къ самымъ низкимъ ея нотамъ, тотъ не знаетъ Каткова, хотя бы ему были извѣстны наизусть всѣ боевыя словечки „Московскихъ Вѣдомостей". Да и зачѣмъ понадобилось оставить въ тѣни цѣлый періодъ жизни Каткова? Вѣдь съ точки зрѣнія его почитателей этотъ періодъ долженъ представляться не чѣмъ инымъ, какъ движеніемъ отъ мрака къ свѣту, отъ заблужденія къ истинѣ. Или, быть можетъ, они боятся смутить простодушныхъ людей, привыкшихъ jurare in verba magistri, зрѣлищемъ противорѣчій между первоначальными и послѣдующими мнѣніями учителя? Такое опасеніе напрасно уже потому, что тайной различные фазисы въ дѣятельности Каткова не останутся ни въ какомъ случаѣ: тѣмъ или другимъ путемъ все существенное въ нихъ непремѣнно будетъ выяснено и раскрыто, въ виду интереса, возбуждаемаго біографіей всякаго крупнаго дѣятеля. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ журналъ, въ поклоненіи Каткову развѣ немногимъ уступающій „Русскому Вѣстнику" и „Московскимъ Вѣдомостямъ". Въ іюльской книжкѣ „Русскаго Обо-

Digitized by Google

зрѣнія", рядомъ съ отдѣломъ, спеціально посвященнымъ прославленію Каткова, напечатаны письма его къ В. П. Безобразову, относящіяся къ 1856 и 1857 гг., т.-е. къ началу изданія „Русскаго Вѣстника". Характеристично уже и то, что сотрудникомъ Каткова—и сотрудникомъ, очевидно, близкимъ, высоко цѣнимымъ—былъ такой типичный либералъ стараго, манчестерскаго закала, какъ В. П. Безобразовъ; но еще характеристичнѣе самое содержаніе писемъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ письма 1856 г.: „Положеніе журналиста въ настоящее время, при этой неопредѣленности цензуры, при этомъ произволѣ и колебаніи, какъ будто допускающемъ нѣкоторую свободу, но съ тѣмъ, чтобы еще сильнѣе дернуть узду—совершенно невыносимо. Въ публикѣ всѣ увѣрены, что настала пора честнаго и правдиваго слова въ литературѣ; само правительство поддерживаетъ эту увѣренность, такъ что всякому публицисту поставляется уже въ обязанность, касаться серьезныхъ вопросовъ, его призываютъ на служеніе общему дѣлу, на содѣйствіе своимъ путемъ и средствами правительству въ его стремленіяхъ къ общественному благу и просвѣщенію, а тутъ вдругъ кому-нибудь покажется впечатлѣніе тягостнымъ—и поднимается гроза. *Еслибы былъ по крайней мѣрѣ судъ, требовалось обвиненіе*"! Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что все это можно было бы повторить буквально, съ полнымъ основаніемъ, десять, двадцать, тридцать лѣтъ спустя послѣ 1856 г. (да и въ настоящее время). А между тѣмъ, вотъ что̀ писалъ Катковъ въ концѣ 1886 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: „*печать въ Россіи*, и быть можетъ только въ Россіи, *находится въ условіяхъ, дозволяющихъ ей достигать чистой независимости*... Отъ правительства печать въ Россіи, по существу своего учрежденія, зависима лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ все во всякой странѣ находится въ зависимости отъ предержащей власти, дающей законы, ихъ исполняющей и бодрствующей надъ ихъ исполненіемъ". Болѣе яркаго контраста нельзя себѣ и представить [1]): въ письмѣ къ Безобразову—простой, правдивый взглядъ на жизнь, протестъ противъ гнета, тяготѣющаго надъ мыслью; въ передовой статьѣ 1886 г. — сочиненная и высокомѣрно возвѣщаемая теорія, идущая прямо въ разрѣзъ съ фактами, эгоистическое самодовольство человѣка, который, чувствуя себя хорошо, не видитъ и не хочетъ видѣть чужихъ бѣдствій... Въ другомъ письмѣ (26-го мая 1857 г.) мы читаемъ: „смотрѣть на свободу въ организаціи общества какъ на что-то случайное, какъ на *одно изъ многихъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ) условій, а не какъ на самое

[1]) По весьма удачному стеченію обстоятельствъ, эта статья Каткова перепечатана въ іюльской книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія", рядомъ съ письмами Каткова къ Безобразову.

Digitized by Google

главное и существенное—это или knechtischer Sinn [1]), или крайняя спутанность и незрѣлость понятій". Сопоставимъ съ этими словами слѣдующее мѣсто изъ передовой статьи 1886 года (той самой, которая цитирована нами выше): „говорятъ, что Россія лишена политической свободы; говорятъ, что хотя русскимъ подданнымъ и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имѣютъ правъ политическихъ. Русскіе поданные имѣютъ нѣчто болѣе, чѣмъ права политическія: они имѣютъ политическія обязанности... Наша конституція вся, безъ параграфовъ, содержится въ краткой формулѣ нашей государственной присяги на вѣрность"... Сдѣлавъ эти параллельныя выписки, мы начинаемъ понимать, почему издатели сочиненій Каткова затруднились включить въ свое изданіе статьи пятидесятыхъ годовъ, проникнутыя тѣмъ же духомъ, какъ и переписка, относящаяся къ этому времени.

„Либералы и славянофилы, расходясь между собою въ своихъ основныхъ началахъ и конечныхъ цѣляхъ, сходились въ одномъ: въ необходимости упразднить современную Россію". Какъ ни колоссально преувеличеніе, заключающееся въ этихъ словахъ г. Рингмута, въ нихъ есть маленькое зернышко правды: кое въ чемъ либералы и славянофилы дѣйствительно сходились между собою, тогда какъ у либераловъ и „охранителей" на катковскій манеръ ничего общаго не было, нѣтъ и быть не можетъ. Свобода совѣсти и свобода печати—или, точнѣе, свобода общественнаго мнѣнія, выражаемаго не одною только печатью—вотъ точки соприкосновенія либераловъ и славянофиловъ, служившія еще для Каткова поводомъ говорить объ „отвратительныхъ объятіяхъ", въ которыя рискуетъ впасть Аксаковъ. Одна изъ названныхъ нами группъ, со времени смерти И. С. Аксакова, болѣе не существуетъ, но ея преданія, обезцвѣченныя и потускнѣвшія, хранятся среди немногихъ ея эпигоновъ. Ихъ отголосокъ слышится, напримѣръ, въ статьѣ г. Кирѣева: „Критическія замѣтки", появившейся недавно въ „Русскомъ Обозрѣніи" (№ 6). Отрадно было прочесть на страницахъ „охранительнаго" журнала, что „вліяніе администраціи на печать—оружіе очень острое и притомъ обоюдоострое", что „серьезной печати можно предоставить бо́льшую свободу, какъ въ сообщеніи и обсужденіи фактовъ изъ общественной, государственной и церковной жизни, такъ равно и въ разработкѣ чисто теоретическихъ научныхъ вопросовъ". Все это, конечно, весьма элементарно—но въ наше время приходится цѣнить и элементарныя истины, когда онѣ противопо-

[1]) „Рабское, лакейское настроеніе или чувство". Въ „Русскомъ Обозрѣніи", вѣроятно по ошибкѣ, напечатано: *Knechtigster* Sinn.

Digitized by Google

ставляются вліятельнымъ софизмамъ. Въ заслугу г. Кирѣеву приходится вмѣнить и то, что онъ не увлекается модными теоріями о писательскомъ „цензѣ", о необходимости особыхъ „полномочій" для пользованія печатнымъ словомъ,—и то, что подъ именемъ *серьезной* печати онъ понимаетъ всѣ органы прессы, безъ различія направленій, лишь бы только они не питались сплетнями и скандалами, не угождали низменной чувственности и не служили исключительно „для препровожденія времени". Полемизируя противъ извѣстныхъ статей „Московскаго Сборника", г. Кирѣевъ не говоритъ ничего новаго—но нельзя не порадоваться и тому, что хорошее старое высказывается писателемъ, „благонадежность" котораго стоитъ внѣ всякаго спора. Если онъ признаётъ, что печать многимъ въ правѣ быть недовольна, если это признаніе помѣщаетъ у себя, безъ оговорокъ, „Русское Обозрѣніе", то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ положеніи русской печати есть нѣчто ненормальное, устранимое только путемъ расширенія ея свободы.

Какъ ни почтенны намѣренія г. Кирѣева, статья его много теряетъ отъ сосѣдства съ письмами И. С. Аксакова къ Н. С. Сохан-ской (Кохановской), продолжающими появляться въ „Русскомъ Обозрѣніи". Сколько блеска и жизни въ этихъ письмахъ, сколько истинной самостоятельности и независимости! Конечно, многое изъ сказаннаго въ нихъ не могло бы появиться не только на страницахъ „Дня", въ 1862 г., но даже—безъ покрова давности и историческаго имени —въ современной газетѣ или журналѣ. Именно потому они такъ драгоцѣнны для характеристики Аксакова. Какъ горячо онъ возстаетъ противъ должностныхъ лицъ, „посягающихъ святотатственно на свободу и независимость мнѣнія и слова"! Какъ противно ему низкопоклонство, какъ стойко онъ умѣетъ держаться въ сторонѣ отъ господствующихъ вѣяній! Ограничимся одной выпиской, ярко обрисовывающей различіе между Аксаковымъ и Катковымъ. Пора—читаемъ мы въ письмѣ Аксакова, отъ 11-го декабря 1863 г. (т.-е. въ моментъ полнѣйшаго расцвѣта „Московскихъ Вѣдомостей")—„пора освѣтить наши умы и души, загрязненные политическими комбинаціями, разсчетами, сочувствіемъ къ висѣлицамъ, къ насильствамъ. Прескверное современное настроеніе общества, при всемъ его пресловутомъ патріотизмѣ—или, вѣрнѣе сказать, много грубаго и глупаго въ этомъ патріотизмѣ: это какой-то инстинктъ силы, проявленіе натуры большого государства, но мало разума, мало истинной любви къ родной землѣ"...

Мы сослались выше на статью г. Розанова о нашихъ гимназическихъ порядкахъ. Интересно сравнить ее съ другими описаніями того

Digitized by Google

же автора, появившимися недавно въ „Русскомъ Обозрѣніи“ (№№ 4 и 5). Онъ совмѣщаетъ въ себѣ точно два лица, говорящихъ на двухъ различныхъ языкахъ. Объ однихъ предметахъ онъ судитъ трезво и говоритъ просто, какъ обыкновенный смертный, о другихъ—не говоритъ, а вѣщаетъ или изрекаетъ, темно, напыщенно и претенціозно. Припомнимъ его отвѣтъ Вл. С. Соловьеву (сравнившему его съ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ Салтыкова): ничего болѣе тяжеловѣснаго, вычурнаго, дѣланнаго нельзя себѣ и представить. Искусственности—и притомъ неудачной искусственности—языка соотвѣтствуетъ, въ такихъ случаяхъ, и содержаніе: вымученность чувствуется какъ въ основной мысли, такъ и въ каждомъ словѣ. Почти черезъ годъ послѣ ходынской катастрофы—слѣдовательно, не подъ первымъ, потрясающимъ впечатлѣніемъ страшнаго бѣдствія,—г. Розановъ выступаетъ на сцену съ параллелью между этой катастрофой и цареубійствомъ 1 марта, усматривая въ первой какъ бы искупленіе послѣдняго. „Да будетъ же благословенно“—восклицаетъ онъ—„18-ое мая 1896 года! Да будетъ благословенна пролившаяся тамъ кровь!.. Раной народною 18-го мая исцѣлѣлъ грѣхъ изъ народа вышедшаго класса... Великое искупленіе совершилось; оно совершилось не внѣшнимъ образомъ, не какъ только фактъ, или, точнѣе, вовсе не какъ фактъ; нѣтъ, фактъ составляетъ только его наружную сторону“... Не видя, или не желая видѣть, что ничего, ни въ чемъ, послѣ 18-го мая 1896 года не измѣнилось, г. Розановъ старается проникнуть не только въ тайны чужого сердца, но и въ тайны Провидѣнія. Жертвы, павшія на Ходынскомъ полѣ — это, по словамъ г. Розанова, „символъ въ миніатюрѣ, въ малости и грѣхѣ, крестной смерти Спасителя“. „Не есть ли въ самомъ дѣлѣ“ — читаемъ мы дальше — „пропятіе Единаго Безгрѣшнаго за цѣлокупный грѣхъ міра—прототипъ всякаго исцѣленія; разгадка, пожалуй, и всякаго на землѣ страданія? Негрѣшное по преимуществу страдаетъ; такъ оно наказывалось бы, и наказывается; но этимъ еще не искупляется. Міру же нужно искупленіе, этимъ злымъ нужно быть искупленными. Спаситель указалъ, и уже безспорнымъ фактомъ, безспорными чертами въ фактѣ, методъ всякаго вообще искупленія: *именно* безгрѣшнаго, *именно* страданіе“ (курсивъ въ подлинникѣ). *Методъ* искупленія! Въ сочетаніи этихъ словъ ярко сказалась вся фальшь пророческихъ измышленій г. Розанова. Несмотря на внѣшній пафосъ, отъ нихъ вѣетъ холодомъ; параллель, разсчитанная на эффектъ,—не достигаетъ и этой цѣли, потому что слишкомъ уже очевидна ея сочиненность.

Еще болѣе непріятное впечатлѣніе производитъ другая статья г. Розанова, озаглавленная: „Отрывокъ. Изъ петербургскихъ видѣній“. Въ первой ея части авторъ ставитъ и разрѣшаетъ кое-какіе прак-

Digitized by Google

тическіе вопросы, во второй—отбрасываетъ ихъ, повидимому, въ область ненужныхъ иллюзій. Для такой „игры“ съ читателями нуженъ особый талантъ, котораго не могутъ замѣнить никакія претензіи. Изъ того, что сравненіе Петербурга, въ концѣ статьи, съ „холодной блудницей, такой растлѣнно холодной, которая въ самый моментъ эксцесса спокойно давитъ клоповъ на стѣнѣ“, не вяжется съ комплиментами, разсыпанными въ началѣ статьи, и совѣтами, наполняющими ея средину,—еще не слѣдуетъ, чтобы винегретъ, состряпанный авторомъ, представлялъ собою оригинальное и вкусное кушанье. И нападенія на Петербургъ, и насмѣшки надъ „добродѣтельнымъ“, но „ничего не понимавшимъ“ министромъ финансовъ (Н. Х. Бунге), и преклоненіе передъ его „геніальными“ преемниками, и превознесеніе частной службы, какъ лучшей подготовки къ государственной дѣятельности — es ist schon alles da gewesen, и недостаточно свалить все это въ одну кучу, чтобы вышло что-нибудь жизненное и свѣжее: слабыя въ отдѣльности, всѣ эти disjecta membra еще слабѣе, если разсматривать ихъ какъ одно цѣлое. Жаль видѣть, какъ писатель, безспорно не лишенный дарованія, растрачиваетъ его въ усиліяхъ быть то остроумнымъ, то глубокимъ, и становится смѣшнымъ, когда хочетъ во что бы то ни стало поразить или растрогать...

Невѣроятныя свѣденія появились въ печати о постановленіяхъ миссіонерскаго съѣзда, недавно засѣдавшаго въ Казани. Для противодѣйствія сектантству и расколу съѣздъ, по словамъ газетныхъ сообщеній, призналъ, между прочимъ, необходимымъ воспретить раскольникамъ открывать школы для обученія своихъ дѣтей и закрыть всѣ имѣющіяся у нихъ въ настоящее время школы, а также объявить принадлежность къ „особенно вреднымъ сектамъ—порочащимъ обстоятельствомъ“, чтобы дать этимъ право крестьянскимъ обществамъ подвергать исключенію изъ своей среды и ссылать въ Сибирь тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые будутъ замѣчены въ принадлежности къ вредной сектѣ. Въ виду того, что въ дѣйствующемъ нынѣ Уложеніи о наказаніяхъ, въ статьѣ, воспрещающей проповѣдываніе раскола и сектантскихъ ученій, говорится, что отвѣтственности за это подлежатъ лишь лица, распространяющія упомянутыя ученія „публично“, съѣздъ постановилъ просить св. синодъ обратиться въ коммиссію, занятую въ настоящее время составленіемъ новаго Уложенія о наказаніяхъ, съ предложеніемъ исключить это слово „публично“ изъ указанной выше статьи или замѣнить его какимъ-нибудь другимъ словомъ, такъ какъ оно даетъ судебнымъ установленіямъ поводъ тол-

Digitized by Google

ковать эту статью въ томъ смыслѣ, что воспрещаются проповѣди раскола и сектантскихъ ученій только на площадяхъ и улицахъ. Обсуждался на съѣздѣ еще вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли исходатайствовать изданіе закона, по которому можно было бы отбирать отъ раскольниковъ и сектантовъ ихъ дѣтей, при чемъ для воспитанія ихъ въ православной вѣрѣ устроить въ каждой епархіи особые пріюты. Обсужденіе этой мѣры отняло у съѣзда почти цѣлое засѣданіе, но въ концѣ концовъ она была отвергнута въ виду тѣхъ затрудненій, которыя духовному вѣдомству неизбѣжно пришлось бы встрѣтить при устройствѣ пріютовъ для воспитанія раскольничьихъ и сектантскихъ дѣтей. Одинъ изъ высшихъ представителей церковной іерархіи рекомендовалъ вниманію съѣзда очень важную и полезную для успѣха миссіонерскаго дѣла мѣру, какъ конфискацію имущества раскольниковъ и сектантовъ. Что по этому послѣднему предмету постановлено съѣздомъ—изъ газетныхъ сообщеній не видно. Достовѣрность или, по меньшей мѣрѣ, точность этихъ сообщеній кажется намъ болѣе чѣмъ сомнительною по слѣдующимъ причинамъ. Связующею нитью между всѣми перечисленными мѣропріятіями являются, очевидно, два предположенія: что сектантство и расколъ распространяются, усиливаются —и что главнымъ орудіемъ противъ нихъ должно служить обостреніе полицейскихъ стѣсненій и уголовныхъ каръ, которыми располагаетъ свѣтская власть. Первое предположеніе идетъ въ разрѣзъ съ оффиціальными данными, удостовѣряющими, что расколъ становится менѣе упорнымъ, менѣе устойчивымъ, да и сектантство, въ общемъ выводѣ, больше теряетъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ. Второе предположеніе опровергается вѣковой исторіей раскола, не уступавшаго самымъ суровымъ гоненіямъ и подавшагося назадъ только со времени смягченія правительственной системы. Слишкомъ недавно еще, притомъ, получили широкое развитіе *мирныя* средства борьбы съ расколомъ и сектантствомъ—проповѣдь, миссіонерство, собесѣдованія, поднятіе просвѣщенія среди православныхъ; нельзя еще подвести итогъ ихъ результатамъ — и слишкомъ ранс, слѣдовательно, возвращаться къ прежнему способу дѣйствій, непригодность котораго давно обнаружена опытомъ. Еще меньше, конечно, можетъ быть рѣчь о введеніи такихъ экстраординарныхъ пріемовъ, къ которымъ не прибѣгали даже въ эпохи наиболѣе ожесточеннаго преслѣдованія раскола. Таково, напримѣръ, отобраніе дѣтей отъ раскольниковъ и сектантовъ, за которое, по газетнымъ сообщеніямъ, не рѣшился высказаться и съѣздъ (впрочемъ, по соображеніямъ чисто-практическаго свойства). Трудно допустить, чтобы могла возникнуть мысль о такомъ безчеловѣчномъ нарушеніи самыхъ священныхъ, самыхъ тѣсныхъ узъ. Въ видѣ исключенія, оно допускалось на практикѣ, но никогда, кажется, не возводилось въ

Digitized by Google

систему. Такова, дальше, *конфискація* имущества раскольниковъ и сектантовъ—конфискація, зачеркнутая во всѣхъ уголовныхъ кодексахъ и не примѣняемая больше даже къ самымъ тяжкимъ преступникамъ... Закрытіе всѣхъ раскольническихъ школъ и запрещеніе открывать ихъ на будущее время не заставило бы раскольниковъ посылать своихъ дѣтей въ общія начальныя училища, особенно—церковно-приходскія. Если теперь число раскольническихъ дѣтей, учащихся въ этихъ училищахъ, ростетъ все больше и больше, то именно благодаря свободѣ выбора, благодаря отсутствію принужденія косвеннаго или прямого. Въ сближеніи, совершающемся путемъ совмѣстнаго обученія, всего драгоцѣннѣе именно то, что оно добровольно; въ этомъ, и только въ этомъ, залогъ его искренности и прочности... Пока сельскія общества облечены дискреціоннымъ правомъ ссылать такъ называемыхъ „порочныхъ“ своихъ членовъ—правомъ опаснымъ, подлежащимъ ограниченію или отмѣнѣ, а отнюдь не расширенію,—до тѣхъ поръ ничто не мѣшаетъ имъ пользоваться этимъ правомъ и по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ, „виновнымъ“ только въ принадлежности къ сектѣ или расколу; идти еще дальше, признавать принадлежность къ особенно вредной сектѣ [1]) „порочащимъ обстоятельствомъ“, значитъ прямо *вызывать* крестьянъ на суровую мѣру, понуждать ихъ къ ея принятію, т.-е. извращать смыслъ института, предполагающаго (и это единственное его извиненіе) ничѣмъ не стѣсненную иниціативу, никѣмъ не продиктованную волю сельскаго общества... Если, наконецъ, для отвѣтственности за проповѣдь раскола дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (къ числу недостатковъ котораго никто еще не относилъ снисходительность къ преступленіямъ противъ вѣры) требуетъ ея *публичности*, то вѣдь это постановленіе (ст. 196 ч. 2-я) примѣняется только къ проповѣди, оставшейся безъ послѣдствій; лишь только она привела къ отпаденію кого-либо изъ православія, она наказывается, какъ *распространеніе* раскола, т.-е. гораздо строже. Уничтожить условіе *публичности*, значило бы расплодить массу обвиненій, основанныхъ на простомъ разговорѣ, на обмѣнѣ мыслей между двумя, тремя лицами. Совершенно понятно, поэтому, что и проектъ новаго уголовнаго уложенія, предусматривая особо *совращеніе* въ расколъ (ст. 339), при отсутствіи совращенія признаетъ наказуемою только *публично* произнесенную рѣчь, возбуждающую къ переходу въ расколоученіе (ст. 342).

Каждый разъ, когда возникаетъ вопросъ о необходимости, будто бы, новыхъ мѣръ строгости противъ сектантовъ, намъ невольно при-

[1]) Къ числу „особенно вредныхъ“ сектъ казанскій съѣздъ, по словамъ тѣхъ же газетныхъ сообщеній, предлагаетъ отнести ученіе гр. Л. Н. Толстого, послѣдователи котораго составляютъ, будто бы, вполнѣ сформировавшуюся секту (?).

Digitized by Google

ходитъ на мысль положеніе закавказскихъ духоборовъ. Судя по свѣденіямъ, сообщеннымъ недавно въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", оно становится все болѣе и болѣе печальнымъ. Всего хуже оно въ сигнахскомъ уѣздѣ, гдѣ оказалось невозможнымъ собрать подробныя данныя; но и въ уѣздахъ горійскомъ и душетскомъ больныхъ разными болѣзнями, кромѣ лихорадки, насчитывается около 40%, а лихорадками страдаютъ всѣ или почти всѣ. Многіе поражены куриною слѣпотою. Наибольшій процентъ больныхъ (543 изъ 873) приходится на долю взрослыхъ, т.-е. работниковъ, что̀, конечно, тяжело отражается на ихъ семействахъ. На прокормленіе духоборовъ требуется въ мѣсяцъ около пяти тысячъ рублей—а въ моментъ собранія свѣденій у нихъ оставалось (изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи имущества) лишь около трехъ тысячъ; между тѣмъ, отхожіе промыслы имъ запрещены, а мѣстныхъ заработковъ почти нѣтъ. Указывая на необходимость денежной и медицинской помощи, корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей", г. Буланже, замѣчаетъ, и совершенно правильно, что всего нужнѣе, — скорѣйшее рѣшеніе участи *временно* разселенныхъ духоборовъ, съ предоставленіемъ имъ возможности заниматься земледѣліемъ; только подъ этимъ условіемъ „они выживутъ, не погибнутъ, и не потребуется громадныхъ средствъ постороннихъ имъ людей на прокормленіе ихъ, не работающихъ". Прибавимъ отъ себя, что въ пріисканіи и своевременной доставкѣ этихъ средствъ могутъ встрѣтиться затрудненія—и какая же участь ожидаетъ тогда духоборовъ?..

Только уже при заключеніи настоящей хроники, получились въ Петербургѣ первыя извѣстія о торжественномъ въѣздѣ Ихъ Величествъ, 19-го августа, въ городъ Варшаву. Принимая на станціи хлѣбъ-соль отъ города, Государь Императоръ изволилъ отвѣтствовать: *„Я очень радъ, что въ первый разъ, вмѣстѣ съ Императрицею, пріѣзжаю на пребываніе въ городъ Варшаву. Съ особымъ удовольствіемъ принимаю ваше подношеніе"*. Мѣстный органъ, „Варшавскій Дневникъ", по поводу этого событія, замѣчаетъ, что „если вообще каждый Царскій пріѣздъ въ Варшаву являлся событіемъ первостепенной важности, привлекавшимъ къ себѣ вниманіе и помыслы не только жителей Варшавы, но и населенія всего края,—то нынѣшняя встрѣча Августѣйшей Четы, по торжественности обстановки, по нарядности убранства домовъ и улицъ, по горячности и восторженности пріема со стороны всѣхъ городскихъ, сословій несомнѣнно придаетъ Царскому посѣщенію особый оттѣнокъ, который, конечно, будетъ отмѣченъ на страницахъ русской исторіи. Не останавливаясь въ эти торжественные дни надъ сложнымъ анализомъ тѣхъ ощущеній, благодаря которымъ мѣстное

Digitized by Google

населеніе постаралось достойнымъ и рельефнымъ способомъ выразить своему Верховному Вождю чувства вѣрнопреданности и отмѣчая характеръ текущаго событія главнымъ образомъ лишь съ точки зрѣнія внѣшняго его проявленія, мы счастливы удостовѣрить, что праздничнорадостное настроеніе варшавскихъ жителей, насколько оно поддается общимъ впечатлѣніямъ, представило собою въ данный моментъ исключительное явленіе, быть можетъ, и невиданное еще никогда варшавскими старожилами. Несомнѣнно, что и варшавское населеніе будетъ, съ своей стороны, счастливо узнать, что Государю Императору благоугодно было выразить главному начальнику края Свое особое удовольствіе по поводу всего видѣннаго Его Величествомъ по пути слѣдованія по городу. Варшава радуется, Варшава ликуетъ, Варшава стремится уловить возможность и способы лишній разъ лицезрѣть своего Монарха и Его Августѣйшую Супругу. Въ этомъ напряженномъ порывѣ и въ этой экспансивности чувствъ заключается глубокій смыслъ переживаемой нынѣ нами исторической минуты"...

Внутренній миръ составляетъ, очевидно, такую же потребность народовъ, какъ и миръ внѣшній, и также достигается путемъ удовлетворенія требованій „цивилизаціи, законности и справедливости".

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Спб. Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ".

Общество „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" при основаніи своемъ поставило себѣ задачею устраивать народныя чтенія и доставлять нуждающимся возможность читать, безъ всякой съ ихъ стороны затраты, книги, журналы и газеты.

Настоящимъ заявленіемъ Правленіе Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что библіотечная коммиссія принимаетъ на себя устройство народныхъ библіотекъ, закупку и разсылку книгъ въ провинцію по выработанному ею каталогу, приходитъ на помощь совѣтомъ по устройству библіотекъ и вообще содѣйствуетъ всѣмъ начинаніямъ этого рода.

Библіотечная коммиссія въ теченіе минувшаго года устроила двѣ безплатныя библіотеки и подготовила къ открытію еще двѣ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ не далъ возможности расширить кругъ дѣятельности коммиссіи, но Правленіе Общества „Помощь въ чтеніи" полагаетъ, что интеллигентное общество придетъ на помощь народному образованію и поддержитъ безплатныя библіотеки своимъ содѣйствіемъ.

Пожертвованія на существующія библіотеки и вновь открываемыя, а также средства (отъ 250 руб.) для устройства библіотекъ частныхъ лицъ и учрежденій принимаются въ Правленіи (С.-Петербургъ, Фонтанка, № 18, кв. 18), съ обозначеніемъ: „въ библіотечную коммиссію"; справки же и совѣты по дѣламъ библіотекъ даются предсѣдателемъ коммиссіи (М. Д. Орѣховъ, Екатерингофскій пр., № 31, кв. 21) письменно или—по вторникамъ и субботамъ, отъ 6 до 8 ч. вечера—лично, и секретаремъ коммиссіи (д-ръ Мандельбергъ, В. Е., Садовая, № 88, кв. 15), по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 4 до 6 час. вечера.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Письма Иннокентія, митрополита московскаго и коломенскаго. 1828 — 1855 гг. Собраны Ив. Барсуковымъ. Кн. 1-ая. Спб. 97. Стр. 480. Ц. 2 р. 50 к.

Поводомъ къ настоящему изданію писемъ нашего знаменитаго миссіонера на дальнемъ Востокѣ и въ прежнихъ русскихъ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ, Иннокентія Веніаминова, извѣстнаго и въ Америкѣ, за его миссіонерское подвижничество, подъ именемъ „камчатскаго и алеутскаго апостола", послужило, исполнившееся 26-го августа, столѣтіе со дня его рожденія въ одномъ изъ селъ нынѣшней иркутской губерніи. Не получивъ богословскаго образованія, въ 1824 г. онъ удалился никому неизвѣстнымъ у насъ странникомъ въ пустыни къ дикарямъ Камчатки и Аляски, съ цѣлью просвѣщенія ихъ Евангеліемъ, а кончилъ жизнь, въ 1879 г., московскимъ митрополитомъ, 82 лѣтъ отъ роду, послѣ 55-лѣтнихъ, въ началѣ тяжкихъ и всегда неустанныхъ трудовъ. Имп. Николай I, предъ возведеніемъ Иннокентія, въ 1840 г., въ санъ епископа, высказалъ св. синоду: „Ужели такой просвѣтитель, равный Апостоламъ, не можетъ быть посвященъ въ епископы"? Жизнь подобной личности не можетъ не представлять исключительнаго интереса, а сохранившаяся его переписка всего лучше должна освѣтить и объяснить внутренній характеръ дѣятельности Иннокентія. Въ нынѣшнемъ изданіи первомъ томѣ содержится свыше 150 писемъ (отъ 1828 г. до 1855 г., когда Иннокентій былъ уже архіепископомъ камчатскимъ), свидѣтельствующихъ о томъ, что онъ и на высшихъ ступеняхъ сохранялъ свой миссіонерскій, просвѣтительный характеръ, какъ это всего яснѣе видно изъ его обширнаго письма къ графу Протасову, въ 1845 г., изъ Петропавловска (письмо № 56): „Мысли мои совсѣмъ не новыя и заключаются въ томъ, что мы, какъ пастыри, какъ учители, какъ преемники Апостоловъ, непремѣнно должны вполнѣ соотвѣтствовать своему званію, т.-е. мы должны *учить* (курс. подл.). По нынѣшнимъ дѣйствіямъ нашимъ мы почти не что иное, какъ жрецы, какъ совершители таинствъ и обрядовъ. Конечно, есть изъ насъ и такіе, и особенно изъ святителей нашихъ, которые по истинѣ стоютъ названія пастырей и учителей. Но надобно сказать откровенно, что ученія и поученія, которыя говорятся съ каѳедры или печатаются, весьма немногимъ доступны... Цѣлая масса народа — остается совершенно безъ всякаго ученія и назиданія"...

Что̀ нужно для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи. Д. П. Маловтина. Спб., 1897. Стр. 151. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ исходитъ изъ того положенія, что главная причина затрудненій въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ заключается „въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, не окупающихъ стоимости его производства"; а такъ какъ возможность поднять на всемірный рынокъ въ смыслѣ поднятія хлѣбныхъ цѣнъ представляется сомнительною, то остается прибѣгнуть къ улучшенію техники земледѣлія и къ разнымъ облегчительнымъ мѣрамъ и пособіямъ въ пользу сельскихъ хозяевъ. Г. Маловтинъ возлагаетъ всѣ свои надежды на бюрократію и на государственное казначейство, которое обязано, по его мнѣнію, придти на помощь землевладѣльцамъ и оказать такое же покровительство земледѣлію, какое оказывается фабричной промышленности. „По моему,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ дать денежныя средства хозяевамъ и предоставить имъ самимъ заботу о своихъ нуждахъ", такъ какъ они „съумѣютъ съ большею пользою употребить тѣ деньги, которыя правительство найдетъ возможнымъ ассигновать на поддержаніе и развитіе сельско-хозяйственной промышленности". Если-бы на нужды сельскаго хозяйства каждой губерніи отпускались изъ казны достаточныя средства, то „горячая дѣятельность закипѣла бы одновременно во всѣхъ губерніяхъ", и т. д., и благополучіе водворилось бы въ земледѣльческой Россіи. Такой оптимизмъ основывается отчасти на забвеніи той простой истины, что денежныя средства казны не падаютъ съ неба, а добываются съ того же населенія, которое нуждается въ поддержкѣ; увеличивать же налоги съ крестьянъ для воспособленія землевладѣльцамъ было бы едва ли справедливо и удобно.

Султанъ и державы. Препод. Малькольма Макъ-Колля, каноника въ Ринонѣ. Переводъ съ англійскаго. Спб., 1897. Стр. XVI+351. Ц. 1 р. 50 к.

Книга Малькольма Макъ-Колля представляетъ собою краснорѣчивый, подробно мотивированный обвинительный актъ противъ Турціи и поддерживающихъ ее великихъ державъ. Авторъ извѣстенъ еще со времени русско-турецкой войны 1877—78 годовъ, какъ горячій поборникъ освобожденія турецкихъ христіанъ отъ тяготѣющаго надъ ними ига. Онъ одинаково осуждаетъ и консервативныхъ, и либеральныхъ министровъ Англіи за ихъ слабую и непослѣдовательную политику въ восточномъ вопросѣ; онъ рѣзко нападаетъ теперь на европейскую дипломатію, не съумѣвшую до сихъ поръ сдѣлать что-нибудь для защиты армянъ. „Политическіе дѣятели и партіи, —говоритъ онъ,—съумѣютъ легко перенести мою критику; а десятки тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ армянъ не переживутъ этой зимы, если только Европа не возьмется за свой настоятельный долгъ остановить руку убійцы. Онъ все еще продолжаетъ свою работу. Толпы армянъ, которыхъ онъ (султанъ) угналъ съ глазъ Европы въ далекія мѣста заточенія въ Анатоліи, и другія толпы этого народа въ Арменіи, у котораго онъ отнялъ все,—по послѣднимъ извѣстіямъ уже „мрутъ, какъ мухи", отъ холода и голода; а дѣти армянъ взяты турками, чтобы обратить ихъ въ мусульманъ для возстановленія вырождающейся расы ихъ угнетателей. Мальчики будутъ пополнять ряды турецкой арміи, а дѣвочки, по достиженіи половой зрѣлости, будутъ проданы, какъ невольницы, въ тѣ, не имѣющіе себѣ ничего равнаго, разсадники порока — въ гаремы развратныхъ турокъ". Быть можетъ, авторъ ошибается, приписывая слишкомъ большое значеніе личной власти и волѣ султана: турецкій режимъ держится не на однихъ предписаніяхъ константинопольскаго двора, и для прочнаго улучшенія быта турецкихъ христіанъ, какъ и мусульманъ, потребовалось бы упразднить самую Турцію, какъ независимое государство, что неминуемо повлекло бы за собою цѣлый рядъ новыхъ опасностей для общаго мира, при современныхъ условіяхъ международной политики, основанной на мелочномъ соперничествѣ и взаимномъ недоброжелательствѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1897 г.

(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и послѣднюю четверть 1897 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невскомъ просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Медье и К°), и Н. Феву и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ наиближайшимъ къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если въ такомъ учрежденіи не самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переѣзжая въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 10-я.

ОКТЯБРЬ, 1897.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1897.

Стр.

I.—ЭКЗОТИКИ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть вторая: I-X.—**Гр. Евг. В. Сальиса** 429

II.—РЕФОРМАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ КИТАѢ.—II-VII.—**П. Попова.** . . . 474

III.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—„Я озаренъ осенней улыбкой“...—**Влад. Соловьева** . 514

IV.—НА БОСФОРѢ, въ 1735 г.—**Александра Кочубинскаго.** 515

V.—МАЛЕНЬКІЙ ІОГАННЕСЪ.—De kleine Johannes, Fred. van Eeden.—I-IV.—Съ голланд. перев. **Е. Н. Половцовой.** 520

VI.—ВТОРОЙ ГОДЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВЪ ВЪ МОСКВѢ.—**В. И. Герье.** . . . 584

VII.—ДВА БЕРЕГА.—Les deux Rives, roman par Fern. Vandérem.—I-IX.—**А. Б—г—** 613

VIII.—МѢСЯЦЪ ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ.—Замѣтки туриста.—**С. Васюкова.** . . . 664

IX.—ПУТЕШЕСТВІЯ ЗА ГРАНИЦУ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.—III.—Окончаніе.—**А. Н. Пыпина.** 692

X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Наканунѣ увяданія.—Осенніе слезы.—**О. Н. Михайловой** 742

XI.—КАРЛЪ МАРКСЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.—III.—Окончаніе.—**Л. З. Слонимскаго** 745

XII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общій характеръ отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній на вопросы, относящіеся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ.—Составъ волостныхъ сходовъ.—Необходимость расширенія круга лицъ, платящихъ мірскіе сборы.—Быстрый ростъ этихъ сборовъ.—Всемогущая волость и „попечители“ надъ крестьянскими сходами.—Губернскія продовольственныя совѣщанія.—Обязательные земскіе и городскіе расходы 764

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Военныя празднества и политическія манифестаціи въ Венгріи.—Предварительный жирный договоръ между Турціей и Греціей.—Внутреннія дѣла въ Австріи и министерство графа Бадени.—Политическія думы.—Рабочее движеніе въ Англіи.—Волненія въ Индіи и судебные процессы противъ индійскихъ газетъ. 782

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1894 г.—Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, состав. И. А. Бычковъ.—**А. П.**—Юго-западный край, статистич. обозрѣніе, состав. И. И. Толмачевъ.—**Т.**—Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія, И. И. Янжула.—Денежное обращеніе и его общественное значеніе, М. Шиппеля, перев. П. Струве.—**Л. С.**—Новыя книги и брошюры. 794

XV.—ЗАМѢТКА.—Недвижимая собственность въ Россіи и ея современная судьба.—Матеріалы по статистикѣ землевладѣнія въ Россіи, п. р. А. Рейнбота, вып. 1.—**Д. Рихтера.** 814

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—Ed. Byrè, Nouvelles causeries historiques et littéraires.—II. C. Mendès, L'art au théâtre.—III. G. Larroumet, Petits portraits et notes d'art.—**З. В.** 821

XVII.—НЕКРОЛОГЪ.—Николай Александровичъ Варгунинъ.—**С.** 835

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Нежелательные отголоски разныхъ событій.—„Единеніе“ или „сліяніе“?—Полемическіе пріемы особаго сорта и „вопросъ съ пристрастіемъ“.—Еще о памятникѣ Муравьеву и о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ.—Богословскій факультетъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ).—Общество грамотности и начало его дѣятельности. 838

XIX.—ИЗВѢЩЕНІЕ.—Отъ С.-Петербургскаго Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ“ 849

XX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Натанъ Мудрый, Лессинга, въ перев. В. Крылова.—Народныя чтенія, В. Вахтерова.—Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ, Н. Бржескаго.—Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка, Я. Канторовича.—Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V, С. А. Венгерова.

XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

☛ **Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.** ☚

(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

Digitized by Google

ЭКЗОТИКИ

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *)

ОТ 23 1897

I.

На юру́ тротуара, передъ „Café de la Paix“, сидѣлъ и пилъ пиво докторъ Рудокоповъ и думалъ:

„Да! Это—столпотвореніе вавилонское! И какіе здоровенные камни они тутъ кладутъ! Какую башню возводятъ! Титаны!.. Что ни камень—злой умыселъ, порочное вожделѣніе, гнусное преступленіе! И какъ еще весело творится это. Празднество, подумаешь, крестины, свадьба... А это—похороны. Похороны всего, что́ было свято десятками вѣковъ сотнямъ поколѣній... „Куда мы идемъ“?—воскликнулъ уже давно умный человѣкъ, а теперь и всякій дуракъ повторяетъ тоже. Во-первыхъ, мы не идемъ, а кубаремъ катимся! Во-вторыхъ, завершаемъ циклъ. Какой? Христіанскій. Въ третье тысячелѣтіе по Рождествѣ Христовомъ человѣчество отвернется отъ Богочеловѣка и его Евангелія и создастъ себѣ новые кумиры, будутъ у него „бози иніе развѣ“... Хуже ли будетъ тогда на свѣтѣ? Будетъ—иначе! Фараоны, греки и римляне не знали Христа, а такое наслѣдіе оставили потомкамъ, что
) пору, чрезъ двѣ тысячи лѣтъ — мы ихъ добромъ помиОставимъ ли мы что-либо міру на память о себѣ? Что?
ь и биржу! Желѣзныя дороги и электричество! да богатую
цію болѣзней, которыхъ міръ прежде не зналъ. И новый

*) См. выше: сент., 5 стр.

Digitized by Google

циклъ начнутъ новые люди... Въ Китаѣ около двухъ сотъ милліоновъ не хватаетъ до милліарда. Скоро, на сихъ дняхъ цифра округлится... Милліардъ людей, не христіанъ, и у этого милліарда — тупое терпѣніе, тупое упорство, тупое постоянство, и чуть не съ начала міра онъ сидѣлъ за своей стѣной. Что̀ если эта стѣна рухнетъ, благодаря нашимъ же усиліямъ? И вдругъ окажется, что эта стѣна была въ родѣ плотины, за которой дремалъ океанъ. И, освобожденный отъ загражденій, вдругъ двинется онъ и пойдетъ разливаться и заливать все, и наше настоящее, и наше прошедшее, покуда не распластаются его воды повсюду, затопивъ весь двадцативѣковый христіанскій міръ своими вѣками вѣковъ"...

Такъ думалъ Рудокоповъ на юру, въ бульварномъ кафѣ, на троттуарѣ, по которому текли два встрѣчныхъ потока людскихъ. Очнувшись, онъ проворчалъ:

„Нашелъ ты, Адріанъ, мѣсто философствовать и мысленно ерундить—и даже богопротивныя заключенія выводить"...

Однакоже мысли пошли своимъ чередомъ, и вѣроятно, вскорѣ онъ снова задумался бы такъ же глубоко, Богъ вѣсть о чемъ, о будущемъ царствѣ Будды или Конфуція. Но въ эту минуту кто-то положилъ ему руку на плечо.

— Bonjour, cher Esculape! Buenas dias, caballero!

Рудокоповъ очнулся и увидѣлъ около себя герцога Оканья, который занималъ столикъ невдалекѣ отъ него... Онъ былъ съ дамой, т.-е. съ нимъ была маленькая фигурка въ сѣренькомъ шерстяномъ платьицѣ, въ поношенной жакеткѣ и въ черной соломенной шляпкѣ, несмотря на зимній сезонъ. Спутница герцога была тѣмъ, что̀ Рудокоповъ, живя въ Парижѣ, давно зналъ, видалъ и даже окрестилъ. Это была—„щепочка", плавающая въ житейскомъ морѣ новаго Вавилона, гдѣ наступило столпотвореніе.

Иначе говоря, это была дѣвочка изъ числа тѣхъ, что тысячами погибаютъ въ Парижѣ. Иногда онѣ очень несчастны, ибо живутъ долго и, начавъ на бульварахъ Парижа, переходятъ въ предмѣстья, оттуда въ провинцію и наконецъ кончаютъ свои мытарства въ захолустьяхъ. Иногда онѣ счастливы, имъ удача, онѣ достигаютъ быстро пристани, покоя, т.-е. умираютъ, не достигнувъ 25 лѣтъ, на чердакѣ или въ больницѣ.

Рудокоповъ всегда странно относился къ этимъ, по его выраженію, „щепочкамъ моря житейскаго". Часто случалось ему давать имъ денегъ, прибавляя:

— Voyons! Возьмите деньги и отойдите... Filez.

Ему было всегда невыразимо жаль это несчастное исчадье

Digitized by Google

общества, этихъ жертвъ якобы общественнаго темперамента, этихъ каторжницъ, которыхъ общество клеймитъ не за ихъ, а за свою вину.

На этотъ разъ Рудокоповъ приглядѣлся къ герцогу и къ его маленькой и молоденькой спутницѣ, и ему стали противны оба. Онъ—старый, пошло молодящійся, ходящій выпятивъ грудь, умышленно быстрый въ движеніяхъ, которыя его утомляютъ. Она—какая-то пришибленная, дико озирающаяся, убого одѣтая и въ дырявыхъ ботинкахъ, плохо причесанная и будто неумытая, потому что ея сфера дѣятельности и работы, очевидно, дальній кварталъ... Она вынырнула оттуда, чтобы изъ любопытства пробѣжать по бульварамъ, но, случайно подхваченная герцогомъ, быть-можетъ въ первый разъ попала въ элегантное кафѣ. Сюда только иностранецъ рѣшится привести съ собой „такую“.

Герцогъ предложилъ ей мороженое, а она наивно, по-дѣтски, свѣтлыми добрыми глазами косилась на сосѣда, который ѣлъ бифстексъ съ пахучимъ соусомъ... Онъ же озирался на всѣхъ побѣдоносно, какъ бы говоря:

„Вы не воображайте... Мы еще донжуанствуемъ“.

И вдругъ Рудокопову пришло на умъ:

„А что если я ошибся! Но если это—то, за что я людей присуждалъ бы, говорю всегда, къ гильотинѣ... Неужели онъ теперь, вотъ сейчасъ, схвативъ этого ребенка, собирается толкнуть его въ адъ кромѣшный на всю его жизнь, похерить сразу ея человѣческое существованіе, изъ женщины сдѣлать тварь?—И онъ присмотрѣлся внимательнѣе къ свѣтлоглазой полудѣвушкѣ.

„Пустяки! Давно начала, да еще не разжилась. Авось герцогъ ей хоть на ботинки и на шляпку дастъ“.

Рудокоповъ поднялся и, тронувъ шляпу, вышелъ изъ кафѣ... Онъ двинулся тихо вдоль бульваровъ и снова началъ свои размышленія:

„Вѣдь у себя въ Мадритѣ, у Puerta del Sol, небось, съ этакимъ щенкомъ не пришелъ бы въ кафѣ. Да, вотъ она, экзотическая жизнь! Она ведетъ къ извѣстному нигилизму, отрицанію всего, что стѣсняетъ... Дома многое нельзя потому, что боишься. „Что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна“! А на чужой сторонѣ княгини нѣтъ... И вотъ всѣмъ этимъ экзотикамъ „слободно“. Не только женамъ безъ мужей, но и юношамъ и старичкамъ просторъ—безъ родни, друзей, начальства... Они, какъ гуляющіе въ лѣсу, далеко отъ жилья, свободны не стѣсняясь дѣлать все. Тѣ, что могутъ увидѣть ихъ—такіе же шатающіеся и растерзанные“...

Digitized by Google

Философствованіе Рудокопова было прервано снова нечаянной встрѣчей.

— А! Адріанъ Николаевичъ, вотъ кстати! — услыхалъ онъ. Предъ нимъ стоялъ Дубовскій, вылѣзшій изъ фіакра и расплачивавшійся съ кучеромъ.

— Батюшка, вы всѣхъ знаете,—заговорилъ онъ:—скажите мнѣ, что̀ это за звѣрь... Вотъ тутъ живетъ... Я къ нему въ гости по дѣлу. Не хочу покуда вамъ сказать, какое дѣло. Послѣ... Что̀ это за человѣкъ?..

— Да кто?—улыбнулся Рудокоповъ.—Вы никого не назвали.

— Да вотъ! Гастингсъ-Машоновъ. Аглицкій россіянинъ...

— Опредѣлить вамъ его точно, вполнѣ?

— Ну, да... Пожалуйста.

— Извольте. Чортъ его душу знаетъ!

— Какъ то-ись?..

— Такъ. Это самое вѣрное опредѣленіе, безошибочное. Все, что̀ вамъ про него будутъ говорить,—не вѣрьте. Все другое будетъ вранье... Гадательство.—И Рудокоповъ, смѣясь, протянулъ руку. Дубовскій наконецъ понялъ и, разсмѣявшись, выговорилъ:

— Знаете что̀... Вѣдь это вы удивительно опредѣлили его... Именно—весь человѣкъ тутъ.

— Да! Владиміръ Иванычъ, прибавьте только, что, можетъ быть, иногда и чортъ бываетъ имъ сбитъ съ панталыку.

II.

Дѣйствительно, загадочною личностью, не своей наружностью или характеромъ, а лишь по своей фамиліи и своему образу жизни, былъ Егоръ Егоровичъ Машоновъ, онъ же и Гастингсъ, да еще вдобавокъ, какъ выразился Герцлихъ—omnipotentia.

Жилъ онъ, и уже давно, именно въ этомъ мѣстѣ Парижа, гдѣ жизнь самая шумная, бурная, день-деньской гудитъ и клокочетъ, затихая только отъ трехъ до шести часовъ ночи. Долго послѣ полуночи здѣсь еще снуютъ прохожіе и еще рыскаютъ экипажи и фіакры уже болѣе быстрымъ аллюромъ, такъ какъ становится много просторнѣе. Въ шесть и семь часовъ утра здѣсь снова уже появляются всякія фуры, ломовики, торговцы и торговки, ѣдущіе на рынки съ провизіей, и наконецъ тянутся въ Елисейскія-Поля шарабаны съ великолѣпными конями, которыхъ въ эту пору проѣзжаютъ и даже объѣзжаютъ. Эта мѣстность

Digitized by Google

очень небольшая, и ее можно опредѣлить, назвавъ Оперу, улицы Мира, Королевскую и три бульвара: Маделены, Капуциновъ и Итальянскій.

Квартира Егора Егоровича была какъ разъ въ домѣ, которымъ начинается бульваръ des Capuçines. Ходъ былъ, конечно, со двора. Квартира была надъ бельэтажемъ, очень маленькая и окнами во дворъ, но все-таки стоила страшно дорого. Если размѣры четырехъ или пяти горницъ были обыкновенные, зато бросалась въ глаза обстановка.

Не только какой-нибудь старинный шкафъ или комодъ, но даже послѣдній стулъ были своего рода рѣдкостью. Письменный столъ и кресло, на которомъ подолгу въ день сиживалъ хозяинъ за своей обширной корреспонденціей, были тоже двумя маленькими шедѣврами XVII столѣтія.

Подобнаго рода обстановку начали заводить только въ послѣднія 25 лѣтъ. Но это не любовь, не страсть, а тщеславіе, соперничество и мода. Тотъ же велосипедъ! Правда, эта мода не всякому по плечу. Если нѣтъ огромныхъ средствъ на подобнаго рода спортъ, то и тогда онъ возможенъ въ Парижѣ, при условіи однако посвятить на это весь свой досугъ. У Машонова квартира была маленькимъ музеемъ, и „гвоздемъ“ его былъ рѣзной дубовый буфетъ, купленный въ Веронѣ и якобы принадлежавшій знаменитому казненному дожу Марино-Фальеро. Не такъ давно, у одного русскаго князя, жившаго всегда въ Парижѣ, богача и собирателя рѣдкостей, была кровать, принадлежавшая самому венеціанскому мавру, и на ней именно была задушена Дездемона. Впрочемъ, въ отвѣтъ на это, Александръ Дюма-отецъ подарилъ этому князю пулю, которою онъ былъ раненъ на вылетъ... во снѣ.

Въ своей маленькой, но интересной квартирѣ Машоновъ принималъ массу знакомыхъ соотечественниковъ. Онъ зналъ всѣхъ русскихъ, и кочующихъ за границей, и вновь не надолго пріѣзжихъ, при томъ не въ одномъ Парижѣ, а равно и во всей Франціи, на ея водахъ и купаньяхъ,—также и на германскихъ главныхъ курортахъ въ родѣ Ахена, Крейцнаха и Висбадена.

Однако въ началѣ знакомства онъ вводилъ своихъ соотечественниковъ часто въ недоразумѣнія.

У него было три сорта карточекъ визитныхъ: одна французская, гласившая: Georges de Machonoff-Hastings; вторая была короткая англійская: G. Hastings, Esquire; и третья русская:—Егоръ Егоровичъ Машоновъ. Нѣкоторые русскіе выражались о немъ почти такъ же, какъ опредѣлялъ его Рудокоповъ:

Digitized by Google

— Кто его знаетъ, кто онъ такой!

Но большинство его соотечественниковъ, конечно, вовсе не вникали въ вопросъ, что̀ это за личность, вѣчно живущая за границей. Однако, когда изрѣдка кто-либо изъ россіянъ простодушно спрашивалъ у любезнаго и чрезвычайно мягко-вѣжливаго старичка, но еще очень бодраго, какимъ образомъ онъ можетъ носить простую русскую фамилію съ коренной англійской, даже извѣстной въ исторіи, Егоръ Егоровичъ отвѣчалъ, что это очень просто. Онъ—русскій по рожденію, по отцу. Отецъ его, давно скончавшійся, былъ даже вице-губернаторомъ, а мать—англичанка, дочь адмирала и послѣдняя въ своемъ родѣ. Такимъ образомъ, послѣ ея смерти онъ получилъ право присоединить фамилію матери къ своей собственной. „Право“ — отъ кого? Какимъ юридическимъ путемъ? Этого никто не спрашивалъ.

Однако старикъ при случаѣ показывалъ новому знакомому и свой русскій паспортъ, гдѣ дѣйствительно онъ былъ названъ статскимъ совѣтникомъ, Егоромъ Егоровичемъ Гастингсомъ-Машоновымъ.

Живя въ Парижѣ зимой, онъ отлучался часто на недѣлю и на двѣ то въ Брюссель, то въ Лондонъ, то въ Берлинъ, лѣтомъ же рѣшительно кружилъ по Европѣ, хотя ему случалось иногда вдругъ застрять въ какомъ-нибудь самомъ нелюбопытномъ мѣстѣ, на водахъ или на морскихъ купаньяхъ, и прожить весь сезонъ. Но это случалось всегда по неволѣ, по необходимости. Какіе-нибудь новые пріятели задерживали его на мѣстѣ.

Въ числѣ хорошихъ знакомыхъ и друзей первую роль у Гастингса-Машонова играли посольства всѣхъ странъ, секретари и attachés съ семействами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ числѣ его близкихъ были пріятельницы, зрѣлыя дамы, нѣмки, француженки, англичанки, и если онѣ были не вдовы и не старыя дѣвицы, то съ вѣчно отсутствующими мужьями. У этого человѣка было серьезное дѣло, ему порученное, которое онъ исполнялъ усердно, и оно давало ему средства къ жизни, довольно большія. Для всякаго человѣка, нѣсколько проницательнаго, личность его казалась крайне загадочной. Но распутаться, понять что-либо и опредѣлить Гастингса-Машонова не было никакой возможности. Его странствованія, такъ сказать, бѣготня по всей Европѣ, его періодическія исчезновенія, его умолчаніе о томъ, гдѣ онъ былъ, или намѣренная объ этомъ ложь—были непонятны. Наконецъ, у него были постоянныя сношенія съ довольно значительными личностями политическаго міра и письма отъ очень высокопоставленныхъ лицъ четырехъ или пяти государствъ, главнѣйшихъ въ

Digitized by Google

Европѣ. Письма были, конечно, неподдѣльныя, и онъ показывалъ ихъ, когда они заключали только простые комплименты. Все это вмѣстѣ взятое, конечно, запутало бы всякаго, даже проницательнаго человѣка и заставило бы его по неволѣ считать этого Егора Егоровича Гастингса-Машонова живымъ ребусомъ.

Почéсть его сомнительной личностью было нельзя, не за что.

На столикѣ въ гостиной бросался въ глаза всякому портретъ князя Бисмарка—фотографія, съ надписью по-французски, но безъ подписи имени: „A l'excellent monsieur Georges Hastings".

Наконецъ, въ бутоньеркѣ этого всегда веселаго и довольнаго сфинкса была розетка, совершенно радужная, гдѣ переплелись всѣ цвѣта ленточекъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ. На Парижъ это дѣйствовало магически. Однако соотечественники замѣчали, что изъ русскихъ орденовъ у него былъ только „Станиславъ".

III.

Послѣ доклада лакея, гость былъ встрѣченъ хозяиномъ въ передней. Егоръ Егоровичъ не вышелъ, а выкатился кубаремъ на встрѣчу. Дубовскій даже удивился. Причина была простая. Егоръ Егоровичъ былъ со всѣми всегда заискивающе любезенъ и предупредителенъ. По принципу и по разсчету. Что же касается до этого петербургскаго генерала и придворнаго чина, бывшаго губернатора, то Егора Егоровича давно нѣсколько озадачивало, отчего Дубовскій съ нимъ холоденъ и будто сторонится. Онъ не любилъ этого вообще, будто боялся, желалъ жить въ мирѣ и любви со всѣми. И вдругъ этотъ петербургскій тузъ самъ является къ нему.

Чрезъ нѣсколько мгновеній бесѣды о пустякахъ, Егоръ Егоровичъ показался Дубовскому такимъ милымъ человѣкомъ—дѣйствительно, а не притворно добрымъ,—что онъ тотчасъ же, не стѣсняясь, приступилъ къ своему дѣлу.

— Чѣмъ же я могу служить вамъ?—сказалъ наконецъ Егоръ Егоровичъ.—Вы мнѣ разсказали все откровенно, какъ близкому человѣку, за что я вамъ благодаренъ. Но скажите прямо, что̀ вы желаете.

Дубовскій попробовалъ еще нѣсколько секундъ „повилять" и повторять разныя фразы, но наконецъ выговорилъ прямо:

— Если вы можете избавить меня отъ подобнаго претендента на руку племянницы, то я буду считать себя человѣкомъ, обязаннымъ вамъ по гробъ. Что касается поединка, то жаль

Digitized by Google

племянницу, а въ концѣ концовъ мнѣ все равно, будетъ ли живъ или убитъ этотъ г. Френчъ. Главное—избавиться отъ него.

— Такъ-съ, понимаю... И прежде понималъ, но желалъ, чтобы вы мнѣ это сказали опредѣлительно сами.

Егоръ Егоровичъ задумался и просидѣлъ такъ, ни слова не говоря, по крайней мѣрѣ минуты двѣ. При этомъ онъ раза два-три вздохнулъ тяжело и наконецъ выговорилъ:

— Память стала измѣнять—вотъ бѣда. Прежде у меня въ головѣ было все по полочкамъ да подъ нумерами. Какъ что нужно, такъ сейчасъ справился и досталъ. Однако я все-таки попрошу васъ заняться сигарой и газетами, а я чрезъ десять минутъ добуду вамъ вѣсти, поговоривъ съ тремя пріятелями.

Дубовскій удивился, не понимая, какъ сдѣлаетъ это хозяинъ. Но затѣмъ, когда тотъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, то онъ догадался. Тотчасъ же раздался звонокъ телефона. Дверь была не заперта, и Дубовскій могъ ясно слышать.

Послѣ обычнаго предисловія изъ двухъ-трехъ вопросовъ, онъ разслышалъ слѣдующее, сказанное по-французски:

— Знаете ли вы г. Френча, прежде причастнаго къ дому Ротшильда, а нынѣ продолжающаго заниматься разными финансовыми операціями?

Отвѣта, конечно, Дубовскій не слышалъ, но отвѣтъ былъ довольно пространный.

— То-есть, почти друга!—выговорилъ громче Егоръ Егоровичъ.—Вспомните, три года или шесть лѣтъ... Нѣтъ, это болѣе или менѣе важно. Можете ли вы его разыскать. Если его нѣтъ въ Парижѣ, то скорѣй написать ему.

Затѣмъ, послѣ новаго отвѣта, Егоръ Егоровичъ прибавилъ:

— Этимъ вы меня крайне обяжете, дѣло важное!

Затѣмъ раздался звонокъ, и черезъ нѣсколько мгновеній начался новый разговоръ, но уже болѣе краткій, на нѣмецкомъ языкѣ.

— Въ два часа будь у меня или въ кафѣ „Мира“ и принеси съ собой подробнѣйшія свѣдѣнія о нѣкоемъ Ліонелѣ Френчѣ, витающемъ въ мірѣ финансовъ и въ большомъ свѣтѣ.

И послѣ отвѣта онъ снова прибавилъ:

— Не можешь? Ну, въ шесть, вмѣстѣ пообѣдаемъ, а если не можешь—такъ вечеромъ въ оперѣ! Главная цѣль—коробъ свѣдѣній! Если возможно, то чтобы всѣ секреты и тайны этого Френча были тоже въ этомъ коробѣ. Такъ вмѣстѣ обѣдаемъ?.. Отлично!

Когда послѣ новаго звонка Егоръ Егоровичъ снова заго-

Digitized by Google

рилъ, то Дубовскій вытаращилъ глаза, прислушался и потомъ разсмѣялся.

„Удивительная машинка! — подумалъ онъ про себя: — на всѣхъ языкахъ говоритъ! Но не думалъ я, чтобы телефонъ могъ говорить на такомъ языкѣ, какого на свѣтѣ не существуетъ“...

Дѣйствительно, Гастингсъ-Машоновъ заговорилъ вдругъ быстро на такомъ диковинномъ діалектѣ, что Дубовскій, заинтересованный, прислушивался изо всѣхъ силъ. Хоть бы одно знакомое слово и хоть приблизительно похожее на что-либо изъ четырехъ-пяти языковъ, что онъ часто слыхалъ! Ни единаго!

Послѣ довольно продолжительной быстрой бесѣды снова раздался звонокъ, и Егоръ Егоровичъ явился въ комнату сіяющій.

— Ну, ваше превосходительство,—сказалъ онъ по-русски,— большій успѣхъ, чѣмъ я думалъ. Сегодня въ одинъ день соберу столько свѣдѣній о вашемъ англичанинѣ, что около полуночи онъ будетъ у меня въ карманѣ. А я его изъ моего кармана передамъ въ вашъ собственный.

— А я,—разсмѣялся Дубовскій,—придушу его и выкину на улицу.

Поблагодаривъ на всѣ лады Егора Егоровича, онъ не выдержалъ и прибавилъ:

— Извините меня, такъ какъ дверь была пріотворена, то я кое-что слышалъ по неволѣ изъ вашего разговора. Я не стѣснялся, но вѣдь дѣло, по которому вы бесѣдовали, скорѣй моя тайна, чѣмъ ваша. Стало быть, съ моей стороны не было нескромности.

— Еще бы! Помилуйте! Я бы васъ пригласилъ даже къ самому телефону. Тайна тутъ только одна есть. Какимъ образомъ я могу имѣть къ вечеру всевозможныя свѣдѣнія о мало-знакомомъ мнѣ человѣкѣ. Всю подноготную, всю его душу наизнанку вывернуть и увидать—вотъ въ чемъ тайна. Но этого я вамъ не объясню,—этого и не нужно.

— Но позвольте мнѣ все-таки, ради любопытства, спросить у васъ, на какомъ языкѣ вы въ третій разъ объяснялись?

Егоръ Егоровичъ добродушно разсмѣялся.

— А что? Должно быть, ни слова не поняли?

— Ни единаго!

— И мудрено! Хотя все-таки словъ съ сотню можно набрать въ этомъ языкѣ, которыя похожи на нѣкоторыя французскія или англійскія слова. Но, изволите видѣть, этотъ языкъ не есть языкъ. У него ни исторіи, ни литературы—ничего такого никогда не было и не будетъ. Это—мѣстное нарѣчіе одного уголка Европы. Люди нашей среды, родящіеся и живущіе въ этомъ уголкѣ, и

Digitized by Google

тѣ плохо знаютъ это нарѣчіе. Если я знаю его хорошо, то потому только, что усиленно и усердно выучился ему и на немъ объясняюсь по моимъ дѣламъ только съ двумя людьми. Спрóсите вы—зачѣмъ? А затѣмъ, изволите видѣть, что у меня бываютъ довольно важныя дѣла, разговоръ мой по телефону можетъ быть подслушанъ и навлечь на меня всякія напасти. А ужъ на этомъ, какъ французы выражаются, bâragouin, меня, кромѣ моихъ двухъ пріятелей, ни одинъ чортъ во всемъ мірѣ не пойметъ.

— А у васъ большія дѣла?—спросилъ Дубовскій совершенно машинально.

— Да... Такъ... Иногда... Не всегда. Впрочемъ, дѣла такія, знаете, всякія...—отвѣтилъ тотъ другимъ уже голосомъ, съ странной ужимкой. И будто пойманный внезапно на чемъ-то, Егоръ Егоровичъ сыпалъ отдѣльными словами, послѣ которыхъ просились восклицательные знаки.

— Вы занимаетесь финансовыми дѣлами!.. — рѣшилъ Дубовскій.

— Да, немножко!

— Но вѣдь собственно вы—туристъ въ душѣ; вы, кажется, очень много путешествуете по Европѣ, въ особенности лѣтомъ?

— Да, немножко. Ѣзжу! Хотя не каждый годъ.

— Но въ Россіи вы никогда не живете подолгу?

— Бываетъ. Иногда!... Прежде было... Давно. Итакъ, завтра днемъ?—круто перемѣнилъ разговоръ Егоръ Егоровичъ и прибавилъ:—Завтра позвольте быть у васъ и привезти вамъ, такъ сказать, въ карманѣ, если не самого во плоти Френча, то его духовный обликъ.

IV.

На другой день Дубовскій прождалъ съ полудня и до обѣда своего новаго хорошаго знакомаго, но тотъ не явился. И только около шести часовъ пришла записка отъ Гастингса на красивой бумажкѣ съ большущимъ гербомъ, увѣнчаннымъ баронской короной. Егоръ Егоровичъ удивительно красивымъ и оригинальнымъ почеркомъ извѣщалъ Дубовскаго, что проситъ тысячу извиненій, что былъ задержанъ двумя неожиданными неудачами въ дѣлѣ, ихъ обоихъ интересующемъ, и можетъ быть у него только вечеромъ.

Дубовскій отвѣчалъ, конечно, согласіемъ, но едва только всталъ онъ изъ-за стола вмѣстѣ съ Эми, которая была темнѣе ночи, какъ явилась снова записка и по почерку онъ узналъ, что

Digitized by Google

она отъ того же Машонова. На этотъ разъ онъ просилъ снова извинить его. Серьезнѣйшее дѣло заставляетъ его быть на балу у одного изъ финансистовъ Парижа, но онъ можетъ быть проѣздомъ передъ баломъ на нѣсколько минутъ въ „Café de la Paix", куда и проситъ Дубовскаго заѣхать.

Около одиннадцати часовъ, когда Дубовскій вошелъ въ большое кафѣ, считающееся самымъ моднымъ въ Парижѣ, онъ тотчасъ же увидалъ за однимъ изъ столиковъ фигуру Гастингса-Машонова во фракѣ и бѣломъ галстухѣ и съ радужнымъ, большого калибра кружочкомъ въ петлицѣ. Онъ тянулъ изъ длиннаго бокала чрезъ соломинку пресловутое модное питье, американскій грогъ. Онъ всталъ на встрѣчу Дубовскому, протянулъ обѣ руки и началъ извиняться.

— Я не виноватъ, вы мнѣ дали мудреную задачу. Зато полный успѣхъ!..

Когда оба усѣлись на диванчикъ, то Егоръ Егоровичъ выговорилъ тише:

— Имѣю честь васъ поздравить. Вы избавлены отъ этого Френча вполнѣ. Онъ самъ напишетъ вашей племянницѣ, что отказывается отъ ея руки. Онъ объяснитъ, что разныя соображенія или семейныя обстоятельства, или тамъ что-нибудь подобное—ужъ онъ самъ присочинитъ,—побуждаютъ его прервать съ нею всякія сношенія. Это, быть можетъ, будетъ нѣсколько рѣзкій ударъ, нанесенный въ сердце молодой дѣвушки, но что̀ дѣлать! Я въ обсужденіе подобныхъ вещей не вхожу. Мое дѣло —вамъ услужить, а ваше дѣло—съумѣть утѣшить молодую племянницу.

— Но неужели,—воскликнулъ Дубовскій,—неужели все такъ будетъ? Онъ самъ откажется?

— Да-съ, онъ самъ откажется. Извинится и скажетъ, что̀ ему на умъ взбредетъ. Однимъ словомъ, Владиміръ Ивановичъ, этотъ самый г. Ліонель Френчъ—въ моихъ рукахъ. Что̀ я ему прикажу, то онъ дѣлать и будетъ. Предположимъ, что не прямо я, а что другое лицо будетъ дѣйствовать, но по моему приказанію или просьбѣ. Хотите, и мы ему прикажемъ въ Японію или въ Китай... ѣхать.

— Онъ у васъ въ рукахъ, говорите вы.

— Да. Со вчерашняго дня. И у вашей племянницы, поэтому, никакого претендента нѣтъ, потому что мы съ вами этого не хотимъ.

Дубовскій былъ пораженъ извѣстіемъ, и лицо его было такое удивленное, что даже заставило Егора Егоровича разсмѣяться.

Digitized by Google

— Ну, вотъ-съ. Поздравляю съ успѣхомъ и до свиданія. Я спѣшу,—сказалъ онъ.

И, простясь, онъ быстро вышелъ изъ кафѣ.

„Да. Вотъ тутъ и толкуй!—думалъ Дубовскій, все еще изумленный. А вѣдь правъ Адріанъ Николаевичъ съ своимъ опредѣленіемъ человѣка. Да!.. Кто онъ такой? — „Чортъ его душу знаетъ"!

Дубовскій спросилъ „Новое Время" или „Новости", но оказалось, что обѣ газеты, какъ и всегда—заняты. Гарсонъ, юркій и шустрый, маракующій по-русски, заявилъ, зная, что Дубовскій —русскій:

— Очень больше у насъ господиновъ этатъ газетъ кашдый день почитаетъ. А одинъ господинъ Арменьенъ или съ Коказъ Жеоржьенъ всегда долго почитаетъ!

Дубовскій, ухмыляясь, расплатился и всталъ. Гарсонъ любезно проводилъ его словами:—Счастливо оставаться!

Выходя, Дубовскій увидѣлъ двухъ человѣкъ за столикомъ, которые ему почтительно поклонились. Признавъ ихъ, онъ слегка тронулъ шляпу и подумалъ, уже выйдя на улицу:

— „Ну, эти двое, кажется, тоже по фамиліи: „Чортъ ихъ душу знаетъ"!

Дубовскій не ошибался. Это были тоже загадочныя одного поля ягоды, два секунданта и заправилы предстоящаго поединка. Они стоили другъ друга, зато и понимали, видѣли другъ друга насквозь, въ силу пословицы: „рыбакъ рыбака видитъ издалека". Это были—аристократъ Du Clos d'Houlgate и журналистъ Мойеръ. Первый былъ сынъ провинціальнаго сборщика податей, по фамиліи Дюкло, и началъ карьеру, какъ „clerc", въ конторѣ нотаріуса, а затѣмъ сталъ что̀ называется „avoué", или ходатай по дѣламъ, признанный судомъ. Но скоро Дюкло бросилъ эту карьеру, не ведущую ни къ чему. Будучи недуренъ собой, съ природнымъ лоскомъ, ловокъ и пронырливъ, онъ началъ пробираться изъ своей среды выше и выше... при помощи женщинъ и, конечно, преимущественно пожилыхъ и старыхъ.

Одна 65-ти-лѣтняя вдова, une bonne bourgeoise, бывшая привратница, ставшая rentière, вдругъ умерла года съ два назадъ, оставивъ ему двадцать-пять тысячъ франковъ. Ихъ хватило бывшему клерку и авуé ровно на одну зиму. Но за эту зиму онъ сталъ если не свой человѣкъ, то хорошій знакомый въ пестромъ обществѣ иностранцевъ, живущихъ и заглядывающихъ въ новый Вавилонъ. И онъ пересталъ быть просто Duclos... а сталъ du Clos; кромѣ того, родившись на берегу Ламанша въ

Digitized by Google

мѣстечкѣ Ульгатъ, — онъ вдругъ по праву рожденія оказался d'Houlgate.

И это была правда, а не выдумка. Duclos—все равно что du Clos, а Houlgate—мѣсто рожденія. А развѣ нѣтъ знаменитостей парижскихъ, фамиліи которыхъ создались такъ же. Самъ глава бонапартистскаго лагеря, Paul de Cassagnac, давно и самъ забылъ, что онъ, какъ и его отецъ, просто господа Граньé, родившіеся въ городкѣ Кассаньякѣ. Да и мало ли ихъ!

Ничего не дѣлая, а только являясь повсюду, гдѣ было блестящее общество, кланяясь и пожимая руку депутатамъ, журналистамъ, милліонерамъ, Дюкло съумѣлъ себѣ составить не одинъ доходъ, а всяческіе доходцы... Съ міру по ниткѣ—голому рубашка!

Онъ пописывалъ въ газеты... Игралъ въ азартныя игры съ большимъ, хотя страннымъ счастьемъ. Онъ имѣлъ сношенія и связи съ лавочками, гдѣ рабочіе, кучера, лакеи и всякій народецъ оставляютъ свои гроши, чтобы участвовать въ тотализаторахъ на скачкахъ. Наконецъ... Наконецъ, онъ имѣлъ около дюжины пріятельницъ, которыя его обожали, видали изрѣдка, но всегда и съ удовольствіемъ ссужали его деньгами взаймы безъ отдачи, кто что̀ могъ, и сто, и двадцать франковъ.

— Развѣ можно что-либо отказать à ce cher Gaston!—думали и говорили онѣ, воображая каждая въ свой чередъ, что она одна у него близкій другъ,—у него, аристократа, бывающаго на балѣ у герцоговъ и министровъ! А что онъ самъ никогда ничего не даритъ, то это—„такъ“. Ce n'est pas son habitude! А что онъ беретъ взаймы гроши сравнительно съ его состояніемъ, а потомъ забудетъ отдать,—развѣ это бѣда?

Однакоже элегантный франтъ, дѣлая обходъ и объѣздъ своихъ пріятельницъ, собиралъ въ мѣсяцъ до пятисотъ и болѣе франковъ, и до шести тысячъ въ годъ. Пріятельницы эти были отъ 20 и до 50 слишкомъ лѣтъ и всевозможнаго общественнаго положенія,—отъ хозяйки магазина на большой улицѣ до мастерицы у портнихи,—отъ кассирши большого кафе-ресторана до горничной или бонны у какого-нибудь знакомаго; наконецъ, отъ почтенной содержательницы Bureau de tabac до приказчицы булочной, башмачной, до прислуги ресторановъ Bouillon-Duval.

Только одинъ сортъ женщинъ не могъ Дюкло провести и обмануть, сдѣлать своими данницами. Тѣхъ пожилыхъ матронъ съ капиталами и доходами, которыя именуются „les anciennes“. Эти дамы, въ юности пройдя огонь, воду и мѣдныя трубы, разоривъ многихъ, но не растративъ всего и скопивъ кое-что на старость лѣтъ и про черный день—были съ нюхомъ. Онѣ чуяли

Digitized by Google

издали, что̀ за птица Дюкло, являющійся лишь изрѣдка. Проводи онъ съ ними вечеръ въ качествѣ кавалера въ кафѣ, въ театрѣ хоть четыре раза въ недѣлю, то, конечно, и онѣ вносили бы ему дань...

Совершенно корректный, элегантный и порядочный молодой человѣкъ—пролазъ, негодяй и шулеръ — явленіе конца вѣка... Имя имъ—легіонъ. Вчера они были только въ Парижѣ и Лондонѣ, сегодня они уже завелись и процвѣтаютъ даже въ Москвѣ, завтра они заведутся въ Китаѣ, а потомъ и въ Абиссиніи.

Мойеръ былъ того же поля ягодой. Но это былъ умный и талантливый человѣкъ, образованный, сравнительно начитанный, говорящій на двухъ и понимающій на четырехъ языкахъ. Наконецъ, это былъ не французъ, парижанинъ съ умственнымъ горизонтомъ, кончающимся въ Булонскомъ лѣсу, въ Джокей-Клубѣ, въ редакціи „Figaro“. Это былъ еврей, видѣвшій Европу и считавшій весь земной шаръ отечествомъ, всѣ языки—равно родными и чуждыми, молившійся не Іеговѣ, а Молоху. Наконецъ, это былъ проходимецъ, презиравшій въ глубинѣ души все и вся, что̀ не поднялось быстро выше уровня толпы, чѣмъ бы то ни было—талантомъ и знаніемъ или ловкостью и дерзостью въ обдѣлываніи ближняго.

Если лиллипутъ Дюкло съ двадцатью-пятью тысячами умершей вдовы-пріятельницы попалъ на балы виконтовъ и русскихъ князей и считалъ себя уже счастливымъ, то Бробдиньякъ или гигантъ Мойеръ надѣялся кончить милліономъ. Прежде всего онъ постарался овладѣть страшнымъ оружіемъ нашего времени, острѣе сабли и кинжала и убійственнѣе винтовки и берданки—перомъ для печати. И это оружіе въ его сильной и искусной рукѣ могло стать страшнѣе динамита для мирныхъ гражданъ. Онъ воспользовался прежде всего уже существующимъ на свѣтѣ изобрѣтеніемъ и усовершенствовалъ его, довелъ до практическаго приложенія на пользу, если не общечеловѣческую, то индивидуальную. Нѣкій витязь сказочный только нашелъ и видѣлъ змѣя дракона, а Еруслань его побѣдилъ. Нѣкіе Уайты, Аркрайты, Фультоны—только поняли силу пара, но вполнѣ овладѣли имъ другіе. Нѣкій изобрѣтательный человѣкъ додумался до шантажа. Мойеръ перенесъ его въ печать и довелъ до тонкостей, усовершенствовалъ въ деталяхъ. Была власть—деньги, но шантажъ сталъ властью даже надъ деньгами. Чрезъ десять лѣтъ журнальнаго поприща въ двухъ газетахъ, съ большимъ однако трудомъ, въ потѣ лица, съ натручиваньемъ мозга,—Мойеръ сталъ человѣкомъ властнымъ. И скоро повсюду, не въ одномъ Парижѣ,

Digitized by Google

явятся Мойеры, которые будутъ сорить деньгами, давать взаймы направо и налѣво, дарить красавицамъ кареты, лошадей, серьги въ двадцать тысячъ и кружева, принадлежавшія Маріи-Антуанетѣ.

Разумѣется, Жакъ Мойеръ, усовершенствователь шантажа, былъ въ то же время престидижитаторъ новаго покроя, фокусникъ „конца вѣка“. Не изъ тѣхъ, что богобоязненно и благодушно стрѣляютъ изъ пистолетовъ канарейками, а изъ тѣхъ, что палятъ сотнями и тысячами франковъ; не изъ тѣхъ, что дѣлаютъ выпускныя яичницы въ шляпахъ, а изъ тѣхъ, что дѣлаютъ омлетки изъ министровъ, милліонеровъ и вообще сильныхъ міра сего.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Мойеръ ждалъ и ждалъ... когда же фортуна явится. До сихъ поръ это былъ трудъ, но еще не удача. Когда же будетъ награда? Когда же онъ добьется мѣста среди посланцевъ народныхъ въ палатѣ, и послѣ блестящихъ рѣчей, дерзкихъ запросовъ и ловкихъ „сверженій“, займетъ мѣсто кого-либо изъ павшихъ. А затѣмъ... Затѣмъ, все завоевано... Деньги, власть, слава и всѣ наслажденія земныя. И не бойся на свѣтѣ никого и ничего, кромѣ двухъ дьявольскихъ исчадій: болѣзни и пресыщенія.

Разумѣется, умный Мойеръ видѣлъ и чувствовалъ, что люди кругомъ него раздѣлились на два сорта,—на тѣхъ, что стремятся къ нему съ объятіями, и тѣхъ, что сдержанно терпятъ его... Но случись, что эти вторые отвернутся отъ него, первые забьютъ его каменьями...

Первыхъ онъ презиралъ... Вторымъ говорилъ мысленно:

„Да. Вы честные люди, потому что эта роскошь нашего времени—честность—была вамъ съ юношества доступна, а я эту роскошь долженъ завоевать. Погодите, скоро и я буду въ состояніи себѣ позволить эту прихоть... Тоже буду честный человѣкъ“!

V.

Мойеръ отлично понялъ, что графъ Загурскій пригласилъ его въ секунданты или зря, случайно, или вслѣдствіе невозможности найти кого-нибудь въ своей средѣ. Во всякомъ случаѣ, журнальной богемѣ это приглашеніе было лестно.

Секунданты назначили себѣ свиданіе въ кафѣ.

Переговоривъ обстоятельно о дѣлѣ, объ условіяхъ поединка, мѣстѣ его, родѣ оружія, формы или порядка стрѣльбы, оба замолкли на минуту, какъ бы собираясь разстаться. Д'Ульгатъ уже

Digitized by Google

взялся за шляпу-цилиндръ, палку съ огромнымъ золотымъ яблокомъ и за коричневыя перчатки съ черными полосами.

— Voilà! — вздохнулъ онъ, какъ бы говоря: „Навязалось глупое дѣло, хлопотня безъ выгоды и барышей".

Мойеръ его понялъ и дернулъ плечами.

— Le vin est tiré,—il faut... Quoique c'est un tord-boyaux... Веселаго мало... Иностранцы всегда обращаются не къ своимъ соотечественникамъ, а къ намъ.

— Графъ Загурскій и баронетъ Френчъ!—замѣтилъ вскользь д'Ульгатъ и быстро глянулъ въ глаза собесѣдника, будто говоря: „Этакіе" обращаются къ намъ.

Мойеръ опять догадался на полусловѣ и понялъ намекъ.

— Во всякомъ случаѣ, я очень радъ, mon cher monsieur, что cette affaire d'honneur двухъ иностранцевъ дастъ намъ случай ближе познакомиться... Мы съ вами часто встрѣчаемся въ этомъ разнохарактерномъ обществѣ, составленномъ изъ всѣхъ народовъ міра, но до сихъ поръ намъ не случалось обмѣниваться мыслями. Скажите à propos... Что такое эта красивая русская графиня... Une femme agaçante! N'est-ce pas?

— Да,—разсмѣялся д'Ульгатъ.

— Между нами... Загурскій вѣдь son bon ami?

— Ба?!—удивился этотъ.

— Я спрашиваю, а не утверждаю.

— Не знаю. Ей Богу.

— И ухаживаетъ за чахоточной милліонершей изъ Америки.

— Ба?—повторилъ д'Ульгатъ.

— Я спрашиваю только... Онъ же тратитъ безумныя деньги на Діану д'Альбре. Послѣдняя пара лошадей стоитъ les yeux de la tête.

— Что вы? Развѣ... У него, стало быть, одновременно два увлеченія.

— Да. Онъ влюбленъ, а Діана... je ne vous ferais pas l'outrage de vous renseigner. Вы—парижанинъ и понимаете, насколько такая женщина, какъ Мари Крюшоннѣ, можетъ быть влюблена. Да ей и некогда. Въ качествѣ Діаны д'Альбрѣ, у нея три спектакля въ недѣлю и шесть репетицій.

— Еще бы! — воскликнулъ д'Ульгатъ.—Да у нея и много слишкомъ обожателей... C'est une machine à répétition.

— Comme elles le sont toutes...

— Pas toutes!—снисходительно замѣтилъ д'Ульгатъ.

— Toutes!—настаивалъ журналистъ.—Вы хотите сказать, что знаете такую женщину или такихъ женщинъ, которыя способны

Digitized by Google

привязаться, способны полюбить. Да, но въ первый разъ и на одинъ разъ—по неопытности. И чѣмъ больше женщина въ первый разъ любила, страдала, жертвовала собой, тѣмъ большимъ звѣремъ она на всю жизнь становится. Elle se venge de son premier homme sur toute l'espèce... И за шестимѣсячную обманутую любовь она всю свою жизнь обманываетъ нашего брата всѣхъ лѣтъ, всѣхъ типовъ и всѣхъ странъ... Enfin!.. Trêve de verités de monsieur de la Palisse! Скажите лучше: вы давно знаете вашего „довѣрителя", вашего англійскаго баронета?

— Нѣтъ. Познакомился съ нимъ прошлой осенью въ домѣ баронессы Вертгеймъ.

— Молодой или старой?

— Молодой...

— Милая женщина. Милый ребенокъ. И ничего не видитъ, не знаетъ... Воображаетъ, что ея мужъ богачъ.

— Развѣ онъ не богатъ?

— У него ничего нѣтъ. Pas le sou!

— Однако, обстановка. Отель... Балы...

— Не его... Все чужое... Нынче даютъ, завтра перестанутъ давать, и онъ—sur le pavé.

— Кто? Мать?

— Мать передаетъ.

— А даетъ-то кто же?

— Je ne suis pas une méchante langue. Поэтому вамъ этого не скажу. Впрочемъ, это не слухъ. Я знаю это навѣрное. Боже мой! Въ качествѣ журналистовъ—чего мы не знаемъ! Знакомы вы съ барономъ Герцлихомъ?

— Развѣ онъ? Неужели? Еслибы не вы это говорили...

— То вы бы не повѣрили... Напрасно...

Мойеръ обернулся къ дверямъ кафѣ и крикнулъ:

— Garçon! Дайте мнѣ третьяго-дня нумеръ газеты „Marpemonde"!

И онъ прибавилъ загадочно и лукаво:

— Vous allez le déguster... C'est exquis.

— Какъ? Въ газетахъ...

Мойеръ сдѣлалъ жестъ, говорившій: терпѣніе! Гарсонъ быстро приблизился и, вскрикнувъ:—Voici! Du mercredi, douze!..—положилъ газету на столикъ и такъ же быстро отошелъ.

Мойеръ развернулъ газету и, указавъ „entrefilet" въ десять строкъ, подалъ ее собесѣднику.

Д'Ульгатъ съ крайнимъ любопытствомъ уткнулся носомъ и сталъ читать:

Digitized by Google

„На дняхъ въ одномъ большомъ парижскомъ „Cercle“ былъ поднятъ молодежью вопросъ: можно ли всякому богачу обожать чужого сына, хотя бы сына своей старой сожительницы отъ ея мужа, но настолько, чтобы давать ему сто тысячъ на прожитокъ, не будучи влюбленнымъ въ его молодую и красивую жену? —Невозможно, отвѣчали многіе. — Можно!—Нельзя!—Можно! Пари!—Идетъ!—А бароны E. и V.,—заявилъ спорщикъ. И всѣ проиграли“.

Прочитавъ замѣтку-шутку въ родѣ: „Nouvelle à la main“, д'Ульгатъ возликовалъ:

— Oh! Oh-la-la! Это не щипокъ. Это ножомъ по горлу. Но знаете... Я бы поставилъ: „И всѣ выиграли“. Это было бы сильнѣе.

— Да. Но это было бы клеветой. И замѣтьте: нельзя къ иниціаламъ придраться. Имя стараго барона только произносится такъ, чрезъ E, а пишется черезъ G. или H. Имя молодого барона не пишется чрезъ V, а по-нѣмецки, чрезъ W. Но кто же ошибется?

— C'est clair et simple comme bonjour!—воскликнулъ д'Ульгатъ.

Въ эту минуту стеклянныя двери кафѣ со стороны Оперной площади растворились настежь. Трое молодыхъ людей двери придержали, ставъ часовыми по бокамъ, и со смѣхомъ пропустили даму... Всѣ наполнявшіе кафѣ обернулись на эту вновь явившуюся красивую, высокую и стройную блондинку, въ эффектномъ, нѣсколько утрированномъ туалетѣ. Она вошла свободно, развязно, во всей ея фигурѣ было то, что̀ французы называютъ— désinvolture. Входя и минуя столики и стулья, она оглядывалась кругомъ на незнакомыя лица посѣтителей, какъ еслибы входила въ свою собственную гостиную, полную близкихъ знакомыхъ и друзей.

Завидя Мойера и д'Ульгата, она кивнула имъ головой, сѣла у свободнаго столика, рядомъ съ ними. Они встали и раскланялись съ веселыми лицами, потому что видимо оживились при ея появленіи. Оглядѣвъ ея трехъ кавалеровъ, они стали заглядывать въ ея глаза и двусмысленно улыбаться.

— Quand on parle du soleil...—началъ-было Мойеръ.

— On voit mademoiselle Diane,—подхватилъ д'Ульгатъ.

— Et la queue aussi,—быстро сказала, какъ бы бросила слово, эта красивая женщина, мотнувъ головой на своихъ кавалеровъ. Это былъ князь Черниговскій, японецъ виконтъ Фушигама и угрюмый мексиканецъ, едва понимавшій, но ни слова не гово-

Digitized by Google

ривший по-французски. Это не мѣшало ему, однако, уже недѣлю проводить время отъ зари до зари съ „извѣстной“ Діаной d'Альбре. И недѣля эта ему уже обошлась почти въ пятнадцать тысячъ франковъ.

Женщина эта, съ проницательнымъ, упорнымъ и даже назойливымъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ, была какъ-то обыденно, дюжинно красива. Видѣвшему ее впервые показалось бы, что онъ ее уже видѣлъ не разъ. Она выдѣлилась бы своей внѣшностью и лицомъ въ другомъ мѣстѣ, но не въ Парижѣ, въ которомъ она была тоже—article de Paris.

Туалетъ ея, или, вѣрнѣе, костюмъ, довершалъ дѣло присоединенія ея къ дюжинѣ, къ толпѣ, если не къ легіону одинакихъ и однородныхъ съ нею красавицъ. Все было не просто, не только—une toilette tapageuse, но—одѣяніе съ подмостковъ театра. Это была королева изъ оперы, балета или фееріи. Яркій бархатъ и атласъ, золотистыя кружева, накидка съ соболями и съ кованымъ золотомъ галуномъ, бриллианты всюду, отъ ушей и пальцевъ до пряжки и булавокъ широкой и высокой шляпы, которая была и Вавилонъ, и огородъ, и дремучій лѣсъ, и... чертовщина! Діана усѣлась на диванчикѣ, одна, мужчины расположились вокругъ стола. Мексиканецъ крикнулъ: „garçon“! (одно изъ десятка словъ, что онъ зналъ), и когда лакей появился, онъ вопросительно поглядѣлъ на свою даму, какъ бы приглашая ее.

Она заявила громко:

— Je veux me griser!—И прибавила:—Un lait chaud!—и обратясь тотчасъ къ Мойеру, она сказала быстро:—Bien assortie?!

Другой бы не понялъ, но Мойеръ, человѣкъ бывалый и знакомый хорошо съ жаргономъ женщинъ въ родѣ Діаны, обвелъ глазами ея кавалеровъ нѣсколько покровительственно и улыбнулся.

— Русскій, мексиканецъ и японецъ, — сказала Діана. И говоря, она тыкала на нихъ по очереди пальцемъ.

— Три представителя трехъ частей свѣта!—сказалъ д'Ультатъ.—C'est très chic...

— Oh, oui... Et je m'amuse...—воскликнула она патетически.—Je m'amuse, mes enfants... Oh! Dieu voit tout!..

И красавица подняла театрально глаза къ небу, какъ бы изображая отчаяніе и страданіе.

Слова, голосъ и жестъ были такъ неподдѣльно комичны, что четверо совсѣмъ незнакомыхъ сосѣдей прыснули со смѣху, не стѣсняясь... Мексиканецъ ровно ничего не понималъ и только таращилъ

Digitized by Google

глаза. Князь Черниговскій понималъ, что Діана подсмѣивается и острить и счелъ нужнымъ тоже улыбаться.

Японецъ, косясь своими узкими глазами на нее и на ея собесѣдниковъ, отлично понималъ, что Діана подымаетъ на смѣхъ именно ихъ троихъ, но не зная, какъ отгрызнуться, онъ ограничился тѣмъ, что сталъ дерзко смотрѣть на Мойера, какъ бы предупреждая, что „ей“ онъ спуститъ, а „ему“ нѣтъ. Мойеръ понялъ и, заглянувъ ему въ глаза добродушно-весело, мотнулъ головой на нее, какъ бы говоря:

„Развѣ на этакихъ обижаются, развѣ съ этихъ женщинъ взыскивается“!..

Діана перезнакомила ихъ тотчасъ же. Мойеръ поспѣшилъ заявить, что видѣлъ виконта на балѣ Кергарена и былъ свидѣтелемъ, какъ его пригласила на котильонъ русская красавица.

— Сама пригласила, имѣя другого кавалера,—сказалъ онъ.

— Кто же это?—спросила Діана.

— Графиня Нордъ-Остъ,—заявилъ японецъ, смущаясь.

— Encore elle? — воскликнула женщина на весь кафѐ.— Elle commence à m'embêter, celle-la! Elle veut donc me souffler tous mes amans!

Виконтъ Фушигама началъ ухмыляться во весь огромный безгубый ротъ и не зналъ, что̀ сказать на это публичное признаніе. Мексиканецъ понялъ, хотѣлъ что-то сказать Діанѣ по этому поводу, но произнесъ только два слова:

— Pourquoi, Diane?..—и смолкъ, не зная, какъ выразиться.

— Знаете, messieurs!—воскликнула она.—Господинъ Бермудо выучилъ по-французски только два слова: „Pourquoi“ и „Encore“... И онъ мнѣ ихъ повторяетъ разъ по сту въ день.

Мексиканецъ опять понялъ и насупился.

— Ну, ну! Voyons, mon loup! Не обижайся! Ça ne te va pas!.. —И протянувъ руку, Діана погладила его по головѣ и взлохматила. Предложивъ виконту и д'Ульгату заняться разговоромъ, она тихо начала говорить съ Мойеромъ, жалуясь, что ее преслѣдуютъ рѣзкой критикой и насмѣшками въ газетѣ „Gil Blas“, и она проситъ у него совѣта, какъ у журналиста, что̀ ей сдѣлать.

— Завести друга въ другой какой-нибудь газетѣ,—отвѣтилъ Мойеръ шопотомъ, — который бы за каждое рѣзкое сужденіе о васъ отплатилъ насмѣшками сторицею, а въ крайнемъ случаѣ рѣшился бы croiser le fer... Какъ рукой сниметъ.

Діана улыбнулась, глаза ея блеснули какъ-то странно, и она глянула въ упоръ въ глаза Мойера... Онъ что-то шепнулъ...

— C'est dit... — шепнула и она и, обратясь къ мексиканцу,

Digitized by Google

прибавила:—Прикажи подать шампанскаго... Ну, живо!.. Vite! Tararaboum-bia!! Je veux me soûler! Я хочу выпить за здоровье журналистовъ, защищающихъ честь своихъ пріятельницъ! Вѣдь такіе будутъ, мосьё Мойеръ?

— А такія будутъ?—спросилъ онъ, усмѣхаясь.

— Будутъ! Я вамъ это объясню... Ну, послѣ-завтра. У меня. Въ десять часовъ. Ça vous va-t-il?

Мойеръ наклонилъ голову молча.

VI.

„Diane d'Albret", какъ звалась эта женщина оффиціально,—было un nom de guerre, въ дѣйствительности же она называлась—Marie Cruchonnet. Она говорила иностранцамъ, что представляетъ собой послѣднюю отрасль стариннаго дворянскаго рода, того самаго, изъ котораго вышла знаменитая мать Генриха IV. Разумѣется, всѣ, даже и какой-нибудь мексиканецъ, знали, что это отчаянная ложь, но и сама mamselle Cruchonnet знала, что ей никто не вѣритъ. Да это и не нужно; принято лгать не затѣмъ, чтобы вѣрили, а „такъ"—ça se fait!

Въ дѣйствительности, Мари Крюшонне была дочь консьержа. Еслибы ея родители имѣли какое-либо другое общественное положеніе, высшее или низшее, то судьба ихъ дочери была бы совершенно иная.

Супруги Крюшонне были консьержами въ домѣ, прилегающемъ къ одному изъ бульварныхъ театровъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства у нихъ не только были всегда даровые билеты въ этотъ маленькій театрикъ, но покуда жена дергала шнурокъ, отворяя дверь, мужъ получалъ жалованье за иное занятіе,—за то, что хлопалъ всякій вечеръ въ униссонъ съ кучкой другихъ людей, разсыпанныхъ въ разныхъ мѣстахъ театра. Иначе говоря, старикъ Крюшонне былъ не случайный наемный клакёръ, а по профессіи.

Изъ этого обстоятельства вышло то, что тринадцати, четырнадцати-лѣтняя дочь уже имѣла даровыя мѣста въ театрѣ, а вскорѣ, конечно, попала и за кулисы. Хорошенькая дѣвочка была тотчасъ же замѣчена. Директоръ театра предложилъ старикамъ Крюшонне отпускать дочь въ качествѣ статистки въ обстановочныя пьесы, на что родители тотчасъ же согласились, такъ какъ за каждый выходъ ихъ Мари стала получать сравнительно большія деньги.

Digitized by Google

Молоденькая Крюшонне пробыла, однако, статисткой не болѣе года. У нея оказался очень пріятный, сильный и вѣрный голосъ, и ее принялись учить.

Черезъ два-три года послѣ этого, серьезно занявшись музыкой, она могла уже выступать во вторыхъ роляхъ оперетокъ, но это было невыгодно. Выучившись пѣть пѣсенки и куплеты, Мари Крюшонне предпочла сдѣлаться второстепенной „diseuse“ и зачислиться на время въ легіонъ парижскихъ пѣвичекъ, принадлежащихъ къ школѣ, созданной извѣстною Жюдикъ. Она говорила пѣсенки настолько граціозно-нахально и притомъ стала теперь настолько красива, что, конечно, тотчасъ же была замѣчена и оцѣнена. Еще черезъ годъ ей дали первыя роли въ опереткахъ—и Мари Крюшонне перестала существовать. Одновременно въ листкахъ мелкой прессы стало все чаще упоминаться имя „Diane d'Albret“. Старики стали ждать всякій день поворота колеса фортуны, при которомъ явятся у ихъ Мари брилліанты, туалеты и экипажи. Такъ какъ вопросъ этотъ обсуждался чуть не ежедневно на семейномъ совѣтѣ между отцомъ и матерью и дочерью, то родители постепенно внушали дочери—не сплоховать. Діана отвѣчала на это:

— Pas si bête! Не бойтесь! Десять лѣтъ лучше прожду, чѣмъ маху дать!

Разумѣется, въ театрѣ, за кулисами, да и въ мірѣ смѣшанномъ и разношерстномъ, въ которомъ вращалась diseuse, было немудрено сбиться съ пути. Предложенія и обѣщанія, золотыя горы—являлись ежечасно. Но оказалось, что родители могли крѣпко надѣяться на разуміе своего дѣтища.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ появленія въ свѣтъ Діаны д'Альбре, она была уже извѣстна своимъ безупречнымъ поведеніемъ и неприступностью. Одни говорили, что она — дочь бѣдныхъ, но честныхъ родителей, и при подобномъ нелѣпомъ поведеніи дальше не пойдетъ и карьеры не сдѣлаетъ. Другіе увѣряли, что она только боится родителей, и если ускользнетъ отъ ихъ зоркаго глаза, перейдя на другую сцену, или уѣдетъ въ провинцію, то тотчасъ же начнетъ дѣлать карьеру. Наконецъ, третьи объясняли просто:

— Elle attend son Brésilien ou son Russe!

Послѣднее предположеніе было самое вѣрное.

И „русскій“ не заставилъ себя долго ждать!

Однажды середи зимы, когда шла какая-то оперетка, въ которой Діана изображала пажа и являлась въ мужскомъ костюмѣ среднихъ вѣковъ, а затѣмъ въ женскомъ бальномъ платьѣ, изо-

Digitized by Google

бражая переодѣтаго пажа, въ этотъ маленькій театръ попалъ россійскій землевладѣлецъ и отставной гвардеецъ, князь Соколинскій.

Онъ жилъ въ Парижѣ, велъ жизнь молодого человѣка, первый разъ попавшаго въ Новый Вавилонъ, т.-е. бывалъ вездѣ, тратилъ большія деньги, уставалъ страшно и скучалъ порядочно. Случайно или нѣтъ, но изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ перевидалъ Соколинскій въ Парижѣ, Діана первая произвела на него впечатлѣніе.

На слѣдующій день онъ невольно отправился снова въ тотъ же театръ прослушать ту же глупѣйшую оперетку, только ради того, чтобы снова видѣть пажа и въ мужскомъ, и въ женскомъ костюмѣ. И четыре или пять разъ подъ-рядъ бралъ Соколинскій боковую ложу d'avant-scène съ рѣшеткой, которую, конечно, опускалъ. Когда Діана стояла на подмосткахъ съ его стороны и была отъ него шагахъ въ трехъ разстоянія, то онъ, не стѣсняясь, шопотомъ объяснялся ей въ любви.

Холодность и строгость взгляда актрисы, которая и внѣшностью приближалась къ понятію о Діанѣ, озадачили и распалили вспышку русскаго празднаго человѣка. Князь сталъ собирать свѣдѣнія о ней и скоро узналъ обстановку и всѣ подробности жизни mamselle Cruchonnet.

Черезъ двѣ недѣли послѣ своего перваго посѣщенія театра Соколинскій былъ уже знакомъ лично съ Діаной, а она предложила ему познакомить его со своими родителями. Добродушный, хохолъ по происхожденію, князь попалъ въ такое положеніе, которое его отчасти забавляло, но слегка и стыдило. Онъ сталъ лицомъ къ лицу къ папашѣ и къ мамашѣ, продававшихъ дѣловито, аккуратно и крайне важно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, свое возлюбленное и единственное чадо.

Врядъ ли какой купецъ продавалъ когда какую-либо матерію, расхваливая ея качества, прочность, великолѣпный и нелинючій цвѣтъ, прелестный рисунокъ,—какъ то дѣлали старики Крюшонне, описывая свою Марьетту, объясняя русскому князю толкомъ, что по времени и самый плохой товаръ поднялся въ цѣнѣ въ виду большого спроса, а ужъ этакій товаръ, первый сортъ, долженъ идти по максимальной цѣнѣ. Между тѣмъ, Діана съ своей стороны первый разъ въ жизни безумно, страстно полюбила человѣка и готова была, еслибъ не родители, отдаться ему на всю жизнь, не думая о будущемъ и ни о чемъ. Никогда ничего подобнаго, клялась она, не бывало съ ней. Ни одинъ че-

Digitized by Google

ловѣкъ никогда не возбуждалъ въ ней и сотой доли того чувства, которое имѣла она теперь къ русскому.

И это обстоятельство—нежданное внушеніе къ своей особѣ пылкой страсти—подѣйствовало на добродушнаго хохла пуще всего. Каждый вечеръ Діана похвалялась передъ своими родителями, что она такъ умно и тонко ведетъ свое дѣло, что и сама даже отъ себя этого не ожидала. Но иногда она, однако, восклицала вопросительно:

— Mais, mon Dien, quel imbécile!

Папаша и мамаша обыкновенно отвѣчали на это съ искреннимъ убѣжденіемъ:

— Oh, oui!.. A manger du foin!

— C'est pas tout!—восклицала дочь:—à le digérer!

Старикъ находилъ однако, что русскій князь добрый и честный человѣкъ и надуть неспособенъ. Мамаша говорила, что онъ похожъ на медвѣдя, и хотя она никогда въ Jardin des Plantes не была, медвѣдей не видѣла, но думаетъ, что медвѣдь долженъ быть именно такой.

— Да, ужъ любить-то я его, конечно, никогда не буду въ состояніи!—говорила матери Марьетта.

— Еще бы!—восклицала старуха, отчаянно взмахивая руками.—Il faut avoir tué père et mère, чтобы быть способной влюбиться въ этакаго.

Купля и продажа вскорѣ состоялась. Соколинскій, глупо улыбаясь, внесъ деньги, которыя были кушемъ для консьержей, а для него—шуткой. Только годъ спустя, консьержи поняли, что дали маху. Потребованная ими сумма въ тридцать тысячъ франковъ оказалась грошомъ, такъ какъ русскій князь оказался милліонеромъ, по крайней мѣрѣ съ ихъ точки зрѣнія.

Впрочемъ, родители вскорѣ утѣшились. Внеся около семи тысячъ рублей, менѣе четверти своего годового дохода, Соколинскій тотчасъ же устроилъ актрисѣ средней руки такую обстановку, что вѣсти о ней проникли тотчасъ съ бульварныхъ листковъ на страницы большихъ газетъ. Обыкновенный читатель могъ не замѣтить, что, по словамъ репортеровъ, на горизонтѣ Парижа поднимается новая звѣздочка, которой, быть можетъ, суждено вскорѣ сіять въ сонмѣ большихъ звѣздъ,—но самый міръ, гдѣ эти звѣздочки загораются, вскорѣ тухнутъ или долго сіяютъ,—замѣтилъ и взволновался.

Вскорѣ же пронесся слухъ, что новая звѣздочка, Діана д'Альбре, переходитъ на одинъ изъ большихъ бульварныхъ театровъ, на отвѣтственныя роли. Затѣмъ, въ хроникѣ увеселеній

Digitized by Google

было объявлено, якобы важная новость, что на будущій лѣтній сезонъ Діана д'Альбре уже подписала контрактъ съ антрепренерами „Café des Ambassadeurs" въ Елисейскихъ-Поляхъ.

Русскій князь, между тѣмъ, дѣйствительно серьезно увлекся и искренно привязался къ своей новой подругѣ. Все въ ней было мило, оригинально. Она стала, казалось, еще умнѣе, если понятіе „умъ" замѣнить понятіемъ „дерзость", зато она безспорно стала еще красивѣе, а при тѣхъ туалетахъ и костюмахъ, которые теперь дѣлалъ ей „son bon ami", она дѣйствительно, появляясь на сценѣ, затмевала всѣхъ и все.

Послѣ „un chez soi", а затѣмъ послѣ костюмовъ и туалетовъ, появилось третье—бриллианты. Не прошло трехъ, четырехъ мѣсяцевъ, какъ у Діаны было все, что можетъ имѣть поднимающаяся на бульварномъ небосклонѣ звѣзда.

Весной, при началѣ скачекъ въ Лоншанѣ, съ Діаной случилось нѣчто необыкновенное, нѣчто имѣющее огромное значеніе въ жизни, нѣчто въ родѣ производства въ генералы какого-нибудь юнаго полковника. Имя „Diane d'Albret" появилось въ числѣ не болѣе десятка другихъ именъ крупнѣйшихъ звѣздъ.

На страницахъ „Figaro" было сказано мало, но было обронено одно слово, одно названіе, одинъ эпитетъ,—одно слово, говорящее больше, чѣмъ сто строкъ. Царь французской дисциплинированной прессы заявилъ, что на скачкахъ были замѣчены слѣдующія demi-mondaines... И въ числѣ десятка именъ было имя d'Albret. Быть названной не актрисой и не diseuse, а громкимъ титуломъ: demi-mondaine—было само по себѣ крайне важно, а быть вдобавокъ названной такъ на страницахъ властнаго „Фигаро" было просто патентомъ на всю жизнь, дипломомъ, дающимъ возможность составить себѣ блестящее общественное положеніе и крупное состояніе.

Разумѣется, все это случилось, благодаря тому, что русскій князь продалъ одно изъ своихъ маленькихъ имѣній. Онъ не хотѣлъ дѣлать долговъ въ Парижѣ, хотѣлъ веселиться на чистыя деньги, а поэтому и явилась связь между продажей по дешевой цѣнѣ черниговскаго имѣнія и появленіемъ костюмовъ и бриллиантовъ, включившихъ Діану въ число demi-mondaines. Самое же словечко на страницахъ „Фигаро" обошлось въ двѣ тысячи франковъ. Однако, среди лѣта, когда минуло полгода, какъ добродушный хохолъ всюду ежедневно вертѣлся и путался, въ полномъ смыслѣ слова, съ дѣвицей Маріей Крюшонне, онъ началъ уставать, наконецъ выбился изъ силъ и спасся бѣгствомъ въ Россію.

Но Марія была уже—lancée!.. Была—Діаной!

Digitized by Google

VII.

...„L'affaire“, которую надо было „vider“, предполагавшаяся между Загурскимъ и Френчемъ, всѣмъ извѣстная, отлагавшаяся, затянувшаяся—всѣмъ казалась страннымъ, необъяснимымъ явленіемъ, но „le dessous des cartes“ не находилъ никто.

— Cherchez la femme!—сказалъ кто-то,—но всѣ смѣялись этому. Въ данномъ случаѣ женщины не было, или было двѣ, у каждаго—своя.

Кромѣ того, всѣмъ непосвященнымъ въ тайну между тремя женщинами о предположенномъ и несостоявшемся бѣгствѣ Эми изъ дому, чтобы вѣнчаться,—казалось просто неприличнымъ, что поединокъ былъ отложенъ. Когда же Френчу уже не было мотива оттягивать дѣло, Загурскій пожелалъ отсрочку.

— Tout ça est louche!—восклицали многіе.

Наконецъ, былъ секретъ, или тайна, еще для трехъ лицъ: Френча, баронессы и графини... Они не знали, что̀ вдругъ остановило Эми, наканунѣ вечеромъ твердо рѣшившуюся бѣжать въ Англію и вѣнчаться... Разумѣется, о Рудокоповѣ никто изъ нихъ не могъ подумать, а самъ Адріанъ Николаевичъ былъ не изъ тѣхъ людей, чтобы обмолвиться или выдать себя чѣмъ-нибудь.

Онъ даже Дубовскому не сказалъ ни слова о своемъ вмѣшательствѣ и успѣхѣ. Только горничной Эми онъ снова обѣщалъ сто франковъ за то, чтобы слѣдить за барышней, и если чуть что̀ окажется сомнительное, тотчасъ же увѣдомлять его. Онъ хорошо зналъ Эми и любилъ ее именно за правдивость и честность натуры, но въ данномъ случаѣ, въ дѣлѣ любви, онъ не довѣрялъ ей вполнѣ.

— Говорятъ, въ любви,—разсуждалъ онъ,—самые умные люди дѣлаютъ глупости, самые честные—подлости, самые добрые—жестокости. Оттого-то вотъ и хорошо, что ты, Адріанъ, на эту водобоязнь неспособенъ. Та женщина, которая тебя цапнетъ, еще не родилась, да и не родится по всей вѣроятности.

Эми теперь сама была рада, что Рудокоповъ остановилъ ее въ роковую минуту.

„Это еще всегда успѣется“!—повторяла она.—Лишь бы дуэль разстроилась, или благополучно кончилась.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Эми была печальна. Она подозрѣвала, что Френчъ избѣгаетъ встрѣчаться съ нею. Если онъ не бывалъ у нихъ въ домѣ, такъ какъ Дубовскій не приказалъ его принимать, и если онъ не являлся у общихъ знакомыхъ изъ нежела-

Digitized by Google

нія встрѣтить Загурскаго, то онъ могъ все-таки что-либо устроить, чтобы видѣться. Но онъ даже на депеши ихъ семафора при помощи платковъ больше не отвѣчалъ ей.

И дѣйствительно, Эми была права. Френчъ умышленно избѣгалъ видѣться съ того дня, когда она должна была бѣжать съ нимъ и вдругъ не рѣшилась.

Это было со стороны англичанина, конечно, не капризъ, даже не месть, а простой разсчетъ.

„Если она меня любитъ серьезно, — разсудилъ онъ, — то лучше не видаться. Если же не любитъ, то я ничего не теряю. Если любитъ, то, измучившись отъ разлуки и неизвѣстности, она уступитъ и сдастся".

Между тѣмъ, Загурскій по неволѣ оттягивалъ дуэль. Онъ не хотѣлъ драться, не устроивъ предварительно свои дѣла. Дѣла графа были простыя — долги, требующіе уплаты. Онъ долженъ былъ въ Парижѣ кругомъ, отъ портного и куафёра до кондитера и газетчика, ежедневно въ полночь приносившаго „Le Soir".

Графиня Нордъ-Остъ уже догадывалась, что графъ будетъ у нея просить денегъ, и приняла свои мѣры, а кромѣ того обратилась съ просьбой и къ другу баронессы.

Дѣйствительно, дня черезъ два послѣ несостоявшагося побѣга Эми, Загурскій пріѣхалъ къ графинѣ вечеромъ сумрачный и, помолчавъ съ полчаса за чашкой чая, наконецъ выговорилъ досадливо:

— Имѣю дѣло, Кора... до тебя... ты догадываешься?..

— Говорите,—отозвалась она, зная, о чемъ рѣчь.

— Деньги, Кора. Нужна сумма... Передъ дуэлью люди порядочные платятъ свои жалкіе долги. Крупные уплатятъ родственники, наслѣдники, если... Ну, если отправишься въ Елисейскія-Поля. А мелочь, т.-е. всякіе fournisseurs, не имѣютъ векселей, мною подписанныхъ, и могутъ все потерять. Это была бы подлость.

— Что же вамъ нужно?

— Тысячъ... Право не знаю... Ну, тридцать... даже пять, семь. Лучше круглыя сорокъ...

Наступило молчаніе.

— On dirait du veau!—разсмѣялся Загурскій, глядя въ лицо графини.

— Я думаю, соображаю... — досадливо отозвалась Кора на дерзость.—Вѣдь я не Ротшильдъ... Наконецъ, прежде подобное было легче, а теперь, послѣ всего, что вы у меня... все, что я передала вамъ въ разное время—меня поставило въ положеніе

Digitized by Google

совсѣмъ иное... Я начинаю нуждаться въ деньгахъ. Я сама заняла мѣсяцъ назадъ двадцать-тысячъ и еще ихъ не отдала.

— Tiens?!—удивился Загурскій.

— Вы удивляетесь... Но, cher ami, вспомните, сколько вы у меня за послѣдній годъ взяли и не...

— Не отдалъ... Да. Ну, вотъ, убьетъ меня мистеръ Френчъ, мои наслѣдники вамъ заплатятъ по вашему заявленію, на честное слово.

— Полноте шутить... cher ami... Я говорю серьезно... Я не знаю, какъ быть. Достаньте эти деньги сами, а я выдамъ документъ.

— Полноте шутить, cher amie,—отвѣтилъ графъ, поддѣлываясь подъ ея голосъ.—Мнѣ теперь въ Парижѣ можно достать денегъ только при одномъ условіи — сдѣлаться кладоискателемъ или грабителемъ. Voyons, ma bonne! Вамъ это такъ кажется... Вы, женщины, ничего въ этомъ не смыслите. Телеграфируйте въ Россію вашему повѣренному, и онъ вышлетъ... по телеграфу тоже.

Графиня Кора молчала и начала снятой съ руки перчаткой хлестать себѣ по пальцамъ.

— Ты нынче кажется не въ духѣ?—замѣтилъ Загурскій, переходя на русскій языкъ и на „ты", что бывало всегда.

— Конечно, я встревожена.

— Почему?

— Почему? Милый вопросъ!.. Во-первыхъ, эта глупая дуэль...

— Ба!..

— Она можетъ окончиться дурно.

— Ну, и пріѣдешь на похороны по обрядамъ англиканской церкви.

— Онъ стрѣляетъ отлично.

— Кто это сказалъ?

— Многіе говорятъ.

Наступило молчаніе. Загурскій началъ насвистывать „Toreador" изъ „Карменъ", и затѣмъ вдругъ выговорилъ снова по-французски:

— Все это вздоръ. Des blagues! А вотъ что серьезно. Нужно пятьдесятъ-тысячъ, или я долженъ повѣситься.

— Вы сейчасъ сказали: тридцать-пять, сорокъ?

— А для васъ это не все равно?

— Нѣтъ. Потому что я додумалась, гдѣ взять двадцать, а пятнадцать, двѣнадцать достанетъ намъ баронесса.

— Не у друга ли своего? Ха-ха-ха! — громко разсмѣялся Загурскій.—Vous êtes unique, ma bonne. Да баронъ Герцлихъ,

Digitized by Google

при всѣхъ его милліонахъ, тысячи франковъ не дастъ, если не будетъ знать—куда, кому, зачѣмъ, за что... Наконецъ, баронесса Вертгеймъ сама понимаетъ...

— Что я понимаю!?—воскликнула весело баронесса, нежданно появившаяся на порогѣ комнаты.

Сидѣвшіе въ креслахъ на отдаленіи Кора и графъ быстро поднялись къ ней на встрѣчу.

— Comment?!—снова воскликнула баронесса.—Этакъ! Она въ одномъ креслѣ, онъ въ другомъ, на сто метровъ разстоянія! Вы ссорились, бранились и еще не успѣли помириться? Ну, миритесь при мнѣ...

— Нѣтъ. Мы не ссорились,—заявила Кора.

— Мы спорили о томъ,—выговорилъ Загурскій:—найдете ли вы или не найдете для графини тысячъ пятнадцать взаймы на три мѣсяца. Она говорила, что да, а я говорилъ, что—нѣтъ.

— И вы ошибались, графъ... Даже болѣе, если вы желаете. Мнѣ баронъ Густавъ дастъ, не спрашивая—куда, кому, за что, зачѣмъ...

— Нехорошо подслушивать у дверей! — воскликнулъ Загурскій.—Ну, mercі. Я заранѣе цѣлую ваши ручки за графиню Кору.

— А не за себя?.. — хитро улыбаясь, замѣтила баронесса.

— И за себя... Diable! У насъ отъ васъ секретовъ нѣтъ.

— Я бы достала сто тысячъ и болѣе, — заявила баронесса серьезно, — еслибы могла этимъ разстроить вашу глупую дуэль. Впрочемъ, я все еще надѣюсь...

VIII.

Френчъ, ожидая со дня на день, что Эми уступитъ, согласится на все, былъ доволенъ, узнавъ чрезъ Дюкло д'Ульгата, что Загурскій проситъ отсрочку. Что касается до того, что оттягиваніе скандализируетъ общество, то ему, конечно, было это безразлично.

Вернувшись однажды домой послѣ дѣловыхъ и простыхъ свѣтскихъ визитовъ, онъ узналъ отъ консьержа, что какой-то господинъ былъ у него въ два часа и, не заставъ, сказалъ, что явится снова въ пять. Господинъ этотъ приказалъ передать, что дѣло крайне важное и что онъ проситъ непремѣнно быть дома въ этотъ часъ. Невозможность видѣться сегодня—три раза повторилъ онъ—повлечетъ за собой самыя непріятныя послѣдствія для господина Френча.

Digitized by Google

Разумѣется, англичанинъ, предполагая, что дѣло идетъ опять-таки о графѣ Загурскомъ, сталъ дожидаться. Ровно въ пять часовъ въ квартирѣ его позвонили, и горничная-англичанка доложила о гостѣ. Вошелъ неизвѣстный Френчу господинъ, маленькаго роста, широкоплечій, почти четырехугольникъ на двухъ ногахъ, лысый, въ зеленыхъ очкахъ, съ чрезвычайно непріятной физіономіей и рѣзкими чертами лица. Вдобавокъ, посѣтитель смутно напомнилъ Френчу другого человѣка, видѣннаго однажды и давно, именно „детектива", или агента тайной полиціи.

У Френча въ дѣлѣ различія и опредѣленія личностей была удивительная прирожденная проницательность, или же чутье. Казалось, что онъ могъ по первому взгляду и безъ ошибки классифицировать каждую личность. Поэтому появленіе этого гостя сразу взволновало его. Указавъ на стулъ, онъ выговорилъ холодно:

— Что прикажете?

— Моя фамилія вамъ не нужна,—заговорилъ господинъ.— У меня до васъ, г. Френчъ, важное дѣло, т.-е. мнѣ дано къ вамъ порученіе. Однако, начавъ объяснять мое дѣло, я предупреждаю, что главное дѣйствующее лицо, по милости котораго возникло это дѣло, я не назову, потому что оно мнѣ самому неизвѣстно. Я знаю только то, что лицо это высокопоставленное, человѣкъ съ большой властью и пользующійся большимъ значеніемъ въ Парижѣ. Если васъ будетъ интересовать узнать, кто этотъ человѣкъ, вы можете сдѣлать это сами. Я же только передамъ вамъ порученіе въ краткомъ и сжатомъ видѣ. Этотъ высокопоставленный человѣкъ отправилъ довѣренное ему лицо въ банкирскій домъ Ротшильдовъ и въ банкирскій домъ Фингеровъ, чтобы справиться тамъ о томъ, не случилось ли тому назадъ лѣтъ пять или четыре, или три года, не знаю, нѣкоего приключенія съ вами?

Френчъ внезапно перемѣнился въ лицѣ и будто по неволѣ вскрикнулъ:

— Прошу васъ выражаться яснѣе! Какое приключеніе? Что хотите вы сказать этимъ словомъ, въ данномъ случаѣ не имѣющимъ смысла?

Господинъ какъ будто сразу окрысился, глаза его быстро замигали за зеленоватыми очками, тонкія губы съ топырящимися подстриженными усами сомкнулись въ какую-то не то улыбку, не то гримасу, и онъ не заговорилъ, а сталъ цѣдить металлическими звенящимъ голосомъ:

— Это правда. Слово, выбранное мной, неясно выражаетъ мою мысль. Справка въ названныхъ мною банкирскихъ домахъ

Digitized by Google

заключалась въ томъ, дѣйствительно ли во время вашей службы тамъ были вами совершены—растрата и подлогъ? Теперь, надѣюсь, вамъ ясно?

Детективъ настоящій, или предполагаемый, замолчалъ, а Френчъ, блѣдный какъ полотно, сидѣлъ передъ нимъ и не отвѣчалъ ни слова. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ овладѣлъ собой, провелъ рукой по лбу и тяжело вздохнулъ.

— Хорошо, дальше!—произнесъ онъ твердо и со страннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ. Какъ будто одновременно на душѣ рѣшалось безповоротно что-то, — но что-то новое, трудное, на что̀ силъ не хватитъ, а начинать все-таки надо.

— Результатъ этихъ справокъ, — зацѣдилъ незнакомецъ,— вамъ вѣроятно понятенъ. Вы лучше, чѣмъ кто-либо, знаете, какой отвѣтъ дали эти два банкирскихъ дома? Заручившись тогда письменными отвѣтами, высокопоставленное лицо приказало послать меня къ вамъ со слѣдующаго рода простымъ предложеніемъ: тотчасъ же отказаться отъ мысли жениться на извѣстной вамъ русской княжнѣ и написать ей въ этомъ смыслѣ письмо, т.-е. отказаться отъ сдѣланнаго предложенія. Если же вы не пожелаете исполнить эту просьбу, вѣрнѣе выражусь, сказавъ: „это приказаніе“, то, по довѣренности обоихъ банкирскихъ домовъ, противъ васъ будетъ начато дѣло, назначено слѣдствіе; затѣмъ, конечно, послѣдуетъ преданіе суду, послѣдствіемъ котораго будетъ, конечно, тюрьма. И вотъ, я имѣю честь просить васъ обсудить дѣло и согласиться на условія. Если въ теченіе трехъ дней эта русская княжна...

— Она не княжна! — вскрикнулъ Френчъ такъ, какъ будто въ этихъ словахъ вырвалась наружу душившая его злоба.

— Ну... русская дѣвушка, — спокойно продолжалъ этотъ цѣдить,—не получитъ вашего формальнаго отказа отъ ея руки, то противъ васъ начнутъ дѣйствовать. Это—главное, что̀ отъ васъ требуется. Но есть и еще одно, второстепенное. Въ теченіе ровно трехъ дней, не считая сегодня, вы должны письменно или лично, какъ вы это найдете болѣе удобнымъ, извиниться передъ графомъ Загурскимъ и постараться, чтобы онъ взялъ свой вызовъ назадъ. Срокъ, стало быть, въ воскресенье вечеромъ, въ полночь, такъ какъ сегодня четвергъ. Въ понедѣльникъ утромъ вы будете арестованы, если не бѣжите изъ Парижа. Если вы бѣжите, васъ разыскивать не станутъ и дѣло бросятъ... Но будутъ слѣдить за русской княжной... Вы понимаете меня. Арестовать же васъ можно во всѣхъ государствахъ, такъ какъ содѣянное вами

Digitized by Google

не имѣетъ связи съ политикой. Больше мнѣ вамъ прибавить не приходится ни слова!

Сказавъ это, господинъ поднялся, раскланялся довольно вѣжливо и пошелъ изъ комнаты. Черезъ пять минутъ, выпущенный изъ квартиры англичанкой, онъ былъ уже на улицѣ и, перейдя черезъ нее, поднялся въ бель-этажъ большого и красиваго дома, гдѣ была квартира Дубовскаго.

Френчъ остался недвижимо на томъ креслѣ, гдѣ сидѣлъ, какъ бы раздавленный, и нравственно, и физически, тѣмъ, что произошло.

Вдобавокъ, мысленно разыскивая ключъ ко всей этой ужасной, свалившейся на него, исторіи, онъ не могъ найти его, несмотря ни на какія усилія. Между тѣмъ, если бы онъ поднялся съ мѣста, если бы онъ былъ у окна и видѣлъ незнакомца, входящаго въ квартиру Дубовскаго, то онъ бы сразу понялъ все.

Черезъ полчаса Френчъ уже былъ въ фіакрѣ и въ теченіе полутора часа времени объѣхалъ нѣсколько кварталовъ, побывавъ въ пяти мѣстахъ. Но онъ никого не засталъ дома. И какъ утопающій хватается за соломинку, Френчъ направился, en désespoir de cause, къ своему секунданту. Англичанинъ отлично зналъ, что за индивидуумъ этотъ Гастонъ Дюкло д'Ульгатъ, т.-е.— пролаза, знающій чуть не весь Парижъ, и свѣтскій кругъ, и журнальную среду, а равно парижскій финансовый міръ. Разумѣется, не имѣя лично ни состоянія, ни положенія общественнаго, ни какого-либо значенія, онъ былъ, однако, принятъ всюду.

— Послушайте,—объяснилъ ему Френчъ:—я предлагаю вамъ ни болѣе, ни менѣе, какъ тридцать тысячъ франковъ. Обязательство я готовъ написать сейчасъ же. Если вы возьметесь за мое дѣло и успѣшно его доведете до конца, то получите уплату этой суммы не далѣе, какъ черезъ годъ. Согласны ли вы заняться такимъ дѣломъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отозвался весело Дюкло.— Но какое... Могу ли я...

— Предупреждаю васъ, что это дѣло входитъ въ сферу совершенно вамъ чуждую... Только люди этой сферы вамъ извѣстны...

— Почему же тогда вы ко мнѣ обращаетесь?

— Потому что мнѣ не къ кому обратиться! Самъ же я дѣйствовать не могу. Тѣ, съ кѣмъ мнѣ надо говорить, не примутъ, когда доложутъ мое имя; вы же можете быть приняты и объясниться за меня.

Френчъ коротко и ясно объяснилъ Дюкло все дѣло и пред-

Digitized by Google

ложилъ по его порученію, какъ его хорошій знакомый, поѣхать заявить двумъ банкирскимъ домамъ, что не далѣе, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ, сумма приблизительно во сто тысячъ франковъ будетъ уплачена до послѣдняго гроша, если эти дома не начнутъ преслѣдованія. Надо было объяснить толково, что они, бросивъ это дѣло уже давно, какъ бы отказавшись отъ полученія пропащихъ денегъ, ничего не теряютъ, если подождутъ еще полгода и отнимутъ оружіе противъ Френча въ рукахъ какого-то неизвѣстнаго врага его,—оружіе, которое принадлежало всегда имъ и не употреблялось въ дѣло.

Начиная теперь преслѣдованіе Френча, они ничего не выигрываютъ, кромѣ одной мести. Обождавъ полгода, они могутъ точно такъ же отомстить, если не получатъ безнадежно пропавшіе фонды.

— Черезъ полгода,—объяснялъ Френчъ,—они точно также могутъ начать преслѣдованіе и отдать меня подъ судъ, но у нихъ будутъ шансы, что они до тѣхъ поръ получатъ свои деньги обратно. Предположимъ, что я прошу отсрочку, чтобы бѣжать въ Америку или куда-либо, и что у меня нѣтъ никакой мысли отдавать большія деньги... Но тогда, объясните имъ, я бы теперь же бѣжалъ, сегодня вечеромъ. Наконецъ, мало этого: я завтра же среди дня выдамъ два формальныя обязательства въ уплатѣ этой суммы обоимъ банкирскимъ домамъ не позже полугода. Люди практическіе должны сейчасъ же сообразить, что у меня есть въ виду... ну, нѣкотораго рода операція. И прямо скажу, эта операція должна мнѣ дать навѣрняка болѣе милліона франковъ.

Дюкло вытаращилъ глаза... Онъ зналъ, что Френчъ—ни лгунъ, ни пустой человѣкъ, ни фантазёръ, и, наконецъ, онъ видѣлъ, что въ данную минуту Френчъ не умалишенный, свихнувшійся наканунѣ.

— Болѣе милліона?—повторилъ онъ.

— Да! Ранѣе, чѣмъ черезъ полгода, можетъ быть, даже черезъ мѣсяца полтора или два, въ моемъ распоряженіи будетъ около полутора милліона. Вотъ изъ нихъ-то я и предлагаю обоимъ банкирскимъ домамъ уплатить то, что вслѣдствіе несчастнаго случая они потеряли. Относительно моей виновности... они знаютъ все. Не даромъ же они бросили дѣло. Я знаю, что я окажусь виновнымъ предъ всякимъ судомъ съ формальной стороны, но нравственно виновнымъ я себя не признаю, и ни одинъ порядочный человѣкъ меня виновнымъ не признаетъ. Итакъ, я предлагаю вамъ тридцать тысячъ за хлопоты, которыхъ принять

Digitized by Google

на себя не могу. Отъ вашего умѣнья, вашей энергіи будетъ зависѣть успѣхъ моей операціи...

— Почему же, я не понимаю...—началъ-было Дюкло, но Френчъ его прервалъ и продолжалъ:

— Почему, хотите вы сказать? когда я буду подъ слѣдствіемъ или подъ судомъ, моя операція не удастся. По вашему, быть можетъ, между финансовыми операціями, которыя совершаются хоть бы на биржѣ, и судоговореніемъ, которое происходитъ въ залѣ трибунала своимъ чередомъ, нѣтъ ничего общаго?

— Конечно!—отозвался тотъ.

— При другихъ обстоятельствахъ, можетъ случиться, что въ тотъ самый моментъ, когда присяжные вынесутъ вердиктъ: „да, виновенъ“,—биржевой маклеръ пошлетъ депешу: поздравляю васъ съ милліономъ! Не такъ ли?

— Конечно!

— Ну, вотъ изволите видѣть, моя операція такого рода, что въ тотъ самый день, когда я буду арестованъ, а по Парижу пробѣжитъ молва, что я негодяй, совершившій растрату и подлогъ, и что я буду, конечно, въ концѣ концовъ осужденъ въ тюрьму,—то въ этотъ самый моментъ милліонъ, идущій прямо ко мнѣ въ карманъ, улетитъ въ поднебесье или провалится сквозь землю. Теперь это—дѣйствительность; черезъ какихъ-нибудь два-три дня это будетъ миражъ.

Френчъ, сидѣвшій прямо, вдругъ опустилъ голову на руки и закрылъ себѣ лицо, но черезъ нѣсколько минутъ онъ снова выпрямился и спросилъ быстро:

— Скажите, ужъ не считаете ли вы сами меня сошедшимъ съума? Не подозрѣваете ли вы, что все это ложь, что все это комедія, чтобы успѣть бѣжать,—однимъ словомъ, сами-то вѣрите ли вы мнѣ?

— Вполнѣ вѣрю!—твердо отвѣтилъ Дюкло.

— Ну, слава Богу; тогда въ васъ будетъ больше увѣренности и больше энергіи.

IX.

Часу въ десятомъ вечера баронъ Густавъ Герцлихъ сидѣлъ у себя одинъ и нетерпѣливо поглядывалъ на часы камина. Въ этотъ вечеръ баронесса Вертгеймъ должна была пріѣхать... Баронесса бывала аккуратно раза три въ недѣлю по вечерамъ и иногда уѣзжала около полуночи, иногда же не ранѣе двухъ и трехъ часовъ ночи. Эти три вечера въ недѣлю они всегда про-

Digitized by Google

водили вдвоемъ. Баронъ не принималъ никого, сказываясь выѣхавшимъ или занятымъ. Это были дорогіе для него часы, отдыхъ и награда за другіе трудовые часы.

Сегодняшній день былъ самый за всю недѣлю утомительный и непріятный. Во власти барона было уничтожить этотъ день—день пріема частныхъ лицъ, имѣющихъ до него какое-либо дѣло или просьбу. Но онъ не отмѣнялъ давно заведенное, считая это искупительной жертвой. Въ этотъ день люди самаго разнаго сорта шли къ нему за подачкой... Кто Христа ради, кто подъ видомъ временной помощи и займа.

И баронъ въ этотъ день принималъ пять и болѣе часовъ подъ-рядъ толпу, гдѣ было все... отъ голодающей съ дѣтьми вдовы до разорившаго ее маркиза Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Особенно же одолѣвали барона его якобы соплеменники, евреи не только Франціи, но и Польши.

Какія суммы уходили на это въ годъ—никто не зналъ, а если бы кто узналъ, то не повѣрилъ.

Когда часы пробили половину десятаго, у подъѣзда дома остановилась каретка въ одну лошадь, и женщина, элегантная, на видъ очень молодая и красивая, быстро вышла изъ экипажа и быстро вошла въ подъѣздъ, какъ бы стараясь быть незамѣченной и неузнанной прохожими.

Когда баронесса вошла въ кабинетъ, Герцлихъ сидѣлъ у камина и читалъ. Въ его рукахъ была русская брошюра, написанная противъ министерства финансовъ и отпечатанная за границей.

— За романомъ?—воскликнула баронесса, удивляясь.

— Да,—усмѣхнулся Герцлихъ.—Русскій романъ.

— Новый?

— Новѣйшій. Новаго автора.

— Интересенъ?

— Очень. Воображеніе и фантазія у автора поразительныя. —И Герцлихъ передалъ брошюру. Баронесса прочла:

— „Финансовый сальтоморталэ. Особое мнѣніе россіянина. Посвящается Козьмѣ и Даміану, безсребренникамъ. Женева“.

Баронесса поглядѣла въ лицо Герцлиху.

— Вы шутите?

— Шучу. Но послѣ чтенія такой веселой книжки только шутки на умъ и пойдутъ.

— Что же это? Памфлетъ?

— Пасквиль.

— Почему? Зачѣмъ?

Digitized by Google

— Потому что не дали, вѣроятно, просимый куртажъ. Лакомый кусокъ прошелъ мимо рта. А затѣмъ, чтобы нагадить, намутить и въ мути что-нибудь выловить... Но, впрочемъ, это не про васъ, женщинъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не про тебя.

Герцлихъ бросилъ книжку на диванъ и снова сѣлъ къ камину. Баронесса присмотрѣлась къ нему, и ея опытный глазъ тотчасъ замѣтилъ, что баронъ будто озабоченъ, не такъ спокоенъ, какъ всегда.

— Что съ вами?—спросила она.

— Отвѣчу по-россійски: ничего!

— Стало быть, ты не хочешь сказать. Я же вижу,—что-то есть...

Баронъ промолчалъ.

Оставаясь наединѣ, они всегда говорили по-нѣмецки, изрѣдка переходя на русскій языкъ, причемъ говорили другъ другу и „ты“, и „вы“, какъ случится. Заведено это было умышленно, чтобы не отвыкать говорить „вы“ и не проговориться при постороннихъ.

— Ну, а я съ дѣломъ сегодня. И важнымъ дѣломъ,—заявила баронесса.—Просить денегъ.

— Ну, что жъ? Сколько?

— Пятнадцать тысячъ. На три мѣсяца.

— Стало быть, не себѣ.

— Графинѣ Корѣ...

— Вотъ какъ! Стало быть, ей ужъ совсѣмъ никто не даетъ, что она къ тебѣ обращается.

— Какой вздоръ! У нея есть свои двадцать-пять, а меня она просила найти пятнадцать, чтобы составилось сорокъ.

— Для Загурскаго.

— Почему ты это думаешь?

— Я не думаю, а знаю. И знаю больше, чѣмъ ты, даже больше, чѣмъ она сама. Она не знаетъ еще, что она разорена, а я уже знаю. Я сужу по количеству ея векселей.

— Какъ разорена?

— Такъ. Совершенно. И она не первая и не послѣдняя! А разорена она Загурскимъ,—тихо и добродушно заключилъ Герцлихъ, улыбаясь.

— Загурскимъ?—повторила баронесса. Затѣмъ хотѣла что-то сказать, но запнулась и задумалась.

Наступило молчаніе.

— Это его спеціальность. Покуда...—заговорилъ Герцлихъ медленно и потирая себѣ колѣни, которыя слишкомъ нагрѣлись

Digitized by Google

предъ огнемъ.—Покуда... Да. Потомъ начнетъ мошенничать, воровать... когда состарится! когда женщины уже не пожелаютъ на него разоряться. И подумать, что это—потомокъ старинной фамиліи,—пожалуй, не хуже Радзивилловъ, Потоцкихъ. Впрочемъ, эти никогда не пускаютъ его къ себѣ, даже на дворъ. И отца его еще не пускали, хотя по другимъ причинамъ. За москалефильство. Хорошо бы ты сдѣлала, еслибы тоже его пускала порѣже къ себѣ, да и Фрицу сказала бы... А впрочемъ, какъ хотите.

Но баронесса не слыхала ни единаго слова изъ всего сказаннаго,—настолько она задумалась...

— О чемъ ты?—удивился Герцлихъ.—Юлія? Что съ тобой? Гдѣ ты?

— Я задумалась...—улыбнулась баронесса.

— О чемъ? О графинѣ и ея паукѣ. Ну, говори... О чемъ?

Баронесса не сразу отвѣтила, а когда заговорила, то ей чувствовалось, что она лжетъ.

— Я думала о томъ, что готовится глупая дуэль, которую хотѣлось бы мнѣ разстроить.

— Дуэль? Между кѣмъ? Ахъ, да... Я что-то слышалъ...

Баронесса разсказала все подробно и кончила восклицаніемъ:

— А еслибы Френчъ женился на Скритицыной, то ничего бы не было. Я всячески старалась и стараюсь этотъ бракъ устроить, но не надѣюсь.

— Ба-ба-ба!—протянулъ Герцлихъ.—Wunderschön.

— Что ты?—удивилась она его голосу и лицу.

— А знаешь ли, кто мѣшалъ и мѣшаетъ тебѣ женить Френча на маленькой Эми,—помѣшалъ больше всѣхъ...

— Дубовскій, конечно. А отчасти и ея безхарактерность, трусость...

— Правда, Дубовскій. Но кто помогалъ Дубовскому, вооружалъ его съ головы до пятъ, если не пистолетами, то еще болѣе смертельнымъ оружіемъ, фактами, противъ этого Френча и противъ брака племянницы... Я!

— Ты?!

— Я!..

Баронесса широко раскрыла глаза, помолчала и, наконецъ, вымолвила по-французски:

— Это невѣроятно глупо... Mais c'est plus que stupide. Какъ же ты мнѣ этого раньше не сказалъ!

— А почему ты не спросила?

И Герцлихъ разсказалъ, какъ онъ направилъ Дубовскаго къ

Digitized by Google

Гастингсу-Машонову, а тотъ, „омнипотенція“, все обдѣлалъ въ два дня.

— Густавъ! Это возмутительно! Френчъ—милѣйшій человѣкъ, достойный Скритицыной.

— Загурскій нумеръ второй. Пожалуй, лучше, но потому что первый нумеръ ужъ очень гадокъ.

— И помочь нельзя? Машоновъ не можетъ раздѣлать всего, что̀ натворилъ?

— Невозможно.

— Это ужасно! Это невѣроятно!—воскликнула баронесса и снова прибавила по-французски:—Mais c'est stupide! И Гастингсъ! И я этого не знала. И ты не сказалъ. Да вѣдь это невѣроятно. Никто не повѣритъ. Я устраиваю, а ты разстраиваешь—тоже дѣло.

— Да, это, кажется, въ первый разъ съ нами случается!—разсмѣялся Герцлихъ.—И надо надѣяться—въ послѣдній.

Наступило молчаніе. Баронесса, размышляя, разводила руками и, наконецъ, произнесла:

— Ну, я ее уговорю бѣжать. И все поправлю.

— Напрасно, Юлія. Повторяю тебѣ, что Френчъ—дрянной человѣкъ.

— Неправда. Я его ближе тебя знаю.

— Я его вовсе не знаю. Но знаю, видѣлъ книги, гдѣ за нимъ числится воровство.

Баронесса широко раскрыла глаза.

Герцлихъ объяснился подробнѣе и прибавилъ:

—. Это факты, добытые Гастингсомъ. Въ рукахъ Дубовскаго теперь доказательства неопровержимыя. И знаешь, что̀ могло бы случиться, самое лучшее и для человѣчества полезное? Если бы они оба другъ друга застрѣлили. Двумя негодяями на свѣтѣ было бы меньше.

Наступило снова молчаніе. Баронесса стала угрюма и задумчива, и Герцлихъ, долго приглядываясь къ ней, наконецъ, вымолвилъ:

— Mein Liebchen, не ломай головки изъ-за людей, не стоющихъ твоего добраго сердца! А деньги для графини, т.-е. для ея разорителя, возьми. Я тебѣ ихъ дарю, такъ какъ знаю, что графиня ихъ отдать будетъ не въ состояніи.

Около полуночи баронесса встала, взяла шляпку и начала ее надѣвать передъ зеркаломъ.

— Юлія, подожди еще...—вымолвилъ баронъ.—Подожди до часу. Теперь скоро двѣнадцать.

Digitized by Google

— Зачѣмъ?

— Мнѣ такъ хочется.

— Какой вздоръ, Густавъ! Вѣдь не капризъ же это. У тебя ни капризовъ, ни прихотей не бываетъ. Стало быть, есть причина.

— Можетъ быть.

— Какая же?

Герцлихъ помолчалъ и вымолвилъ:

— Мнѣ не хочется говорить... Подожди до часу и узнаешь. А иначе, просто уѣдешь домой...

— Ничего не узнавъ?

— Ничего не узнавъ,—улыбнулся Герцлихъ.

— Это недурно! Первый разъ вижу, чтобы ты говорилъ энигмами. Скажи просто, въ чемъ дѣло, и я останусь.

— Нѣтъ. Я хочу, чтобы ты осталась, не зная—зачѣмъ. И можетъ быть, ты уѣдешь въ часъ, не зная, зачѣмъ я тебя удерживалъ. Вѣдь не такъ же это трудно, Юлія.

— Конечно, не трудно,—произнесла баронесса.—Не трудно, но странно... Чувствуешь, что превращаешься въ автомата.

Герцлихъ вздохнулъ; баронесса, хорошо изучившая характеръ этого человѣка, поняла, что надобно уступить. Она бросила шляпку на столъ, улыбаясь, подошла къ нему, положила руки ему на плечи и вымолвила ласковѣе:

— Ну, хорошо,—я останусь, прихотникъ. До часу. Если хочешь, и до двухъ, до трехъ...

Герцлихъ улыбнулся. Лицо его стало свѣтлѣе.

— Садись и давай ждать часу.

— И молчать?

— Да. Лучше молчать. Это намъ... это намъ, можетъ быть, принесетъ счастье.

Баронесса приглядѣлась къ нему и подумала: „Что-то есть! а что“?! Она сѣла съ другой стороны камина и сначала молчала умышленно, но затѣмъ глубоко задумалась... Герцлихъ изрѣдка смотрѣлъ на часы и будто ждалъ. Она же забылась вполнѣ.

Не прошло получаса, какъ раздались шаги лакея. Герцлихъ встрепенулся, быстро всталъ и глядѣлъ со вниманіемъ на дверь.

Лакей появился съ подносомъ, на которомъ лежала депеша.

Герцлихъ схватилъ ее, развернулъ и глянулъ на подпись.

— Вотъ!—вырвалось у него глухо. Онъ провелъ дрожащей рукой по лбу.

— Что такое?—испугалась баронесса.

Digitized by Google

Перечитавъ снова депешу, онъ передалъ ее баронессѣ. Она прочла и вскрикнула.

Это было извѣщеніе о смерти жены Герцлиха.

Баронесса, пораженная и взволнованная, потупилась.

— Ну что же, Юлія...—выговорилъ Герцлихъ.—Что скажешь? Le roi est mort, vive le roi! Это—счастливѣйшій день въ моей жизни. Ты не знаешь... Да... Семь лѣтъ прошло, а ты не знаешь, какъ я тебя люблю. Какъ старикъ и мальчишка—вмѣстѣ...

— Знаю, Густавъ. И отвѣчаю тѣмъ же...

— Нѣтъ, Юлія, твое чувство — привязанность, а мое — религія.

Герцлихъ вдругъ приблизился и, взявъ голову баронессы въ обѣ руки, три раза тихо поцѣловалъ ее въ лобъ и въ глаза. Неизмѣримо много чувства, лишь наружно спокойнаго, но бурнаго и глубокаго, сказалось въ этихъ мѣрныхъ и неспѣшныхъ поцѣлуяхъ. Сдержанная страсть еще пуще клокочетъ. Баронесса взяла его правую руку и приложила къ губамъ. Она рѣдко, почти никогда не цѣловала его въ лицо! Это было занозой въ сердцѣ Герцлиха, но онъ никогда, за всѣ эти годы, прожитые вмѣстѣ, ни единымъ словомъ не обмолвился ей объ этомъ.

X.

Рудокоповъ, будучи, съ легкой руки Дубовскаго и Эми, докторомъ всего ихъ кружка, считалъ долгомъ, по практическому разсчету, бывать изрѣдка у своихъ паціентовъ запросто „въ гостяхъ“, но всегда заразъ, чтобы въ одинъ день „отзвонить“. И послѣ этого кругосвѣтнаго путешествія, какъ онъ называлъ свои визиты, онъ былъ всегда не въ духѣ. На иностранцевъ ему было „наплевать“, но „свои“ его раздражали.

На этотъ разъ, сдѣлавъ визиты, Рудокоповъ узналъ многое, что его разбѣсило. Графиня Нордъ-Остъ, богачка и веселящаяся соломенная вдова, попросила его найти человѣка, у котораго можно бы было занять сто тысячъ на годъ... Онъ мысленно плюнулъ.

Дубовскій ему объяснилъ, что надѣется на-дняхъ одной „операціей“ пріобрѣсти или „зацѣпить“ полъ-милліона. Рудокоповъ тоже мысленно плюнулъ.

Идіотъ Черниговскій объяснилъ, что хочетъ жениться на комъ-нибудь. Ну, хоть бы, вотъ, на миссъ Скай, у которой,

Digitized by Google

говорятъ, милліонъ въ годъ доходу. Рудокоповъ не плюнулъ мысленно, а подумалъ:

„Ахъ, ты—паршивый щенокъ! Право! Да ты бы заявилъ свои претензіи на французскій престолъ. Тамъ есть Орлеаны какіе-то, и Бонапарты тоже какіе-то... Да тебѣ какое дѣло. Ты этого и не знаешь. Заявляй: „Хочу быть королемъ французскимъ“. Что за важность! Вѣдь не побьютъ“.

Баронесса Вертгеймъ разсердила доктора тѣмъ, что все расхваливала Френча, и говорила, какъ бы она желала устроить его бракъ съ Эми.

Дочь баронессы тоже непріятно на него подѣйствовала,—какъ и всегда.

Онъ звалъ ее—Кисъ-Кисъ, „ingénue fin de siècle“, но все-таки жалѣлъ... Жалѣлъ такъ же, какъ и парижскихъ „щепочекъ“. Для него Кисъ-Кисъ была также щепочка, выброшенная въ море жизни съ семейнаго корабля легкомысленной матерью.

Новое русское семейство Простаковыхъ, поселившееся въ Парижѣ, и въ которомъ онъ, по рекомендаціи Эми, сдѣлался домашнимъ врачомъ, окончательно его обозлило. Тамъ—сынокъ сразу ухнулъ пятьдесятъ-тысячъ франковъ, мать сходила съ ума отъ какого-то тенора Оперы, несмотря на свои 47 лѣтъ, а отецъ только ругалъ Францію, Парижъ, а главнымъ образомъ—срамной и пагубный государственный строй. Не будь республики, все бы у нихъ было благополучно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Дюкло д'Ульгатъ былъ у нихъ другомъ дома и сильно ухаживалъ за молоденькой Наденькой, звалъ ее mamzelle Nadèje, и такъ велъ свои подкопы, что эта „Надѣжъ“ была уже по уши въ него влюблена... Самому Простакову онъ тоже нравился, ибо все ругалъ республику и приходилъ въ восторгъ отъ русской обѣдни.

Сдѣлавъ свое „кругосвѣтное“ путешествіе, Рудокоповъ зашелъ по обыкновенію въ „Café de la Paix“, выпить пива и прочесть нумеръ „Temps“. Но и тутъ судьба его продолжала преслѣдовать. Не прошло десяти минутъ, какъ явился герцогъ Оканья... Но не одинъ. А съ той же дамой, съ тѣмъ же убогимъ ребенкомъ.

„Тьфу, дьяволъ!—подумалъ Рудокоповъ.—Хоть дома сиди и окошки днемъ ставнями запирай, чтобы міра Божьяго не видать было“.

Герцогъ весело и самодовольно поздоровался съ нимъ, и занялъ мѣсто такъ близко, что Рудокоповъ очутился совсѣмъ рядомъ, на подачу руки, отъ маленькой дѣвушки, такой же потерянной, одичалой, какъ и въ первый разъ.

Digitized by Google

Докторъ по неволѣ сталъ смотрѣть на нее и, внимательно приглядѣвшись, сознался себѣ, что она и ему нравится. Личико ея было свѣжо и свѣтло, какъ бываютъ только дѣтскія лица. А въ большихъ глазахъ рѣшительно свѣтилось что-то особенно-милое. Она напомнила Рудокопову одну Грёзовскую головку. При этомъ она сидѣла не разговаривая, отвѣчая тихо и кратко:—да и нѣтъ, и ни разу не улыбнулась... И вдругъ явилось въ докторѣ чувство гадливости и отвращенія къ этому испанцу—и жалости къ этому существу, которое нравственно—еще не распустившійся, но уже увядшій цвѣтокъ.

Герцогъ, посидѣвъ немного, вдругъ поднялся. Онъ оставилъ свою даму, бросился на встрѣчу къ знакомому и исчезъ съ нимъ въ толпѣ.

Обозленный Рудокоповъ, казалось, только того и ждалъ.

— Какое отвратительное зрѣлище—воскликнулъ онъ вдругъ, какъ невмѣняемый — видѣть женщину, т.-е. скорѣе дѣвочку, въ вашемъ положеніи, да еще со старикомъ, какъ этотъ!.. Это отвратительно!

— Что вы сказали?—отозвалась она, широко раскрывая на него свои свѣтлые глаза.

— Я сказалъ—отвратительно. Извините. У меня это вырвалось... Это не мое дѣло. Но изъ жалости къ вамъ...

— Отвратительно? — воскликнула она вопросомъ.

— Ну, да.... Это мерзость... Это...

— Oh! mon cher monsieur... Quelle bonne parole! — радостно воскликнула она, внезапно складывая руки ладонями, какъ еслибъ просила о чемъ. — Вѣрно, вы добрый и честный человѣкъ, что такъ говорите. Еслибы всѣ-то такъ разсуждали! Благодарю васъ за ваши слова. Ей-Богу, я долго ихъ не забуду.

Рудокоповъ, сидя на стулѣ, изобразилъ истукана. Онъ смотрѣлъ во всѣ глаза на эту дѣвочку—и ничего не понималъ. Ея милые, ясные глаза, ея искренній голосъ, даже голосокъ полудѣтскій, ея неподдѣльная радость отъ его дерзости,—все огорошило его.

— Я васъ не понимаю. Если такъ... Если вы со мной согласны, что это все отвратительно, то зачѣмъ же вы... Ну, я не знаю, какъ сказать... Зачѣмъ вы не работаете?

— Мама не позволяетъ, ни за что... Ужъ сколько я ее просила! Да что же объ этомъ говорить...

— Это пустяки... Поступаютъ сами на мѣсто... И конецъ!.. Мать не можетъ помѣшать работать...

— Ахъ, Боже мой, всѣ вы такъ!..—произнесла она, качая

Digitized by Google

головой, и, помолчавъ, прибавила:—Да. Вотъ вы хорошій, добрый... А попроси я васъ вступиться за меня, помочь,—вы тоже разсмѣетесь, какъ всѣ...

— Вступиться за васъ, предъ вашей матерью?

— Да.

— Извольте.

Она изумленно глядѣла на него.

— Какъ! Серьезно? Tout de bon? Или вы шутите? Смѣетесь надо мной?

— Нисколько. Ни капли.

— И вы за меня заступитесь—предъ матерью?

— Да... сто разъ да!

— Послушайте. Уйдемте отсюда, пока этотъ уродъ ходитъ! —воскликнула она. — Пойдемте вотъ на площадь, или въ бюро омнибусовъ. Я вамъ все разскажу. Если вы добрый, то вы увидите, какъ мнѣ нехорошо. Честное слово, mon bon monsieur... Je suis plus malheureuse, que les pierres. Хотите—уйдемъ?

Рудокоповъ колебался мгновенье—и вдругъ поднялся съ мѣста.

„Только на словахъ прытокъ!—подумалось ему.—А какъ на дѣлѣ случай сдѣлать добро, то спиной. Моя хата съ краю“!

И онъ вымолвилъ сурово:

— Идемте.

И они двинулись. Дѣвушка была въ восторгѣ. Лицо ея сіяло радостью. Бульвары, однако, были настолько затѣснены толпой, что докторъ и его новая знакомая едва подвигались. Вдобавокъ, эта молоденькая дѣвушка, дѣвочка лицомъ, была дѣвочкой и ростомъ — въ родѣ Эми. Прохожіе оттѣсняли ее постоянно отъ Рудокопова. Часто она совершенно исчезала за какимъ-нибудь толстякомъ или за юбками встрѣчныхъ дамъ. Подать ей руку было нелѣпо и даже стыдно.

— Знаете что? Я возьму фіакръ. Мы проѣдемъ прямо на „Rond-Point“, и тамъ погуляемъ или посидимъ.

— Ахъ, пожалуйста... — тихо, но звучнымъ голоскомъ воскликнула она.—Я уже два года не садилась въ карету.

— Какъ два года? Да, я думаю, всякій день...

— Помилуйте. Послѣдній разъ я сидѣла въ фіакрѣ на похоронахъ отца... Не подумайте, monsieur, худо обо мнѣ. Шелъ страшный дождь. Буря была. А то я бы не сѣла... Этому уже больше двухъ лѣтъ.

„Диковинный звѣрокъ. И рѣшительно Грёзовская головка,— подумалъ Рудокоповъ.—Словамъ-то твоимъ, положимъ, я бы не

Digitized by Google

повѣрилъ, но голосъ правдивый, а глаза не противорѣчатъ голосу и кажутся еще правдивѣе. Звѣрокъ"!

Рудокоповъ хотѣлъ взять первую попавшуюся карету, но вдругъ раздумалъ. Его поведеніе показалось ему глупымъ.

„Надо прежде все толкомъ узнать",—сказалъ онъ самъ себѣ.

Они уже приближались къ церкви Маделены. Вокругъ нея было, какъ всегда, свободно. Почти всѣ скамейки были пусты.

— Лучше сядемте вонъ тамъ... — сказалъ онъ, конфузясь отъ мысли, что обманулъ ее.

— Ну, теперь говорите, — холоднѣе вымолвилъ онъ, когда они сѣли.—Давно ли вы начали...

— Что именно?..

— Ну... эту жизнь...

— Какую?

— Ахъ, Боже мой! Ну, съ какихъ поръ вы начали болтаться такъ по улицамъ, кафѣ и бульварамъ, вмѣсто того, чтобы работать?

— Вотъ уже пятый... Впрочемъ, нѣтъ, меньше... четвертый...

— Годъ! Какой ужасъ! Не можетъ быть! — ахнулъ Рудокоповъ.

— Годъ!?—вскрикнула она, и въ первый разъ весело разсмѣялась.—По вашему, я въ двѣнадцать съ половиной лѣтъ начала эту... cette corvée... Не годъ, а четвертый день, понимаете, четвертый день, какъ, волей-неволей, я выхожу на бульвары съ этимъ... ce croque-mort. Мать приказываетъ... Онъ все хочетъ меня одѣть, me parer et me faire belle... Но я все упираюсь... Я все жду... Я все Богу молилась и говорила: Bon Dieu... Пошли мнѣ добраго человѣка, мнѣ помочь... Sainte Marie, pleine de grace, подай мнѣ руку... Ну, и вотъ... И вотъ, я знаю... Да. Я знаю навѣрное, что вы—этотъ человѣкъ. Я во снѣ видѣла эту ночь... У васъ лицо такое. И потомъ, главное, вы особенно, странно разсуждаете. Не такъ, какъ всѣ... Вы сказали прежде всего: „отвратительно". У меня даже сердце отъ радости забилось.... Я думала все, что я одна, какъ дура, такъ думаю.... А вотъ во снѣ и сейчасъ оказалось, что я не одна... О, я вѣрю... Я знаю... Да. Скажите... Вы мнѣ поможете, mon bon monsieur?.. Помогите мнѣ!

И она вдругъ горько расплакалась.

Рудокоповъ совершенно растерялся. Всего, что она сказала, онъ почти-что не слыхалъ, потому что ея голосъ и ея взглядъ

Digitized by Google

поразили его, взволновали, всколыхнули въ немъ что-то, присутствіе чего онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ.

— Помогите мнѣ!—повторяла она, заливаясь слезами.

— Я вамъ уже сказалъ, что всячески помогу вамъ...—выговорилъ онъ съ чувствомъ и жалостливо глядя на эту рѣшительно давно знакомую ему „Грёзовскую головку". Разскажите мнѣ прежде всего, почему ваша мать...

Онъ не договорилъ... Она, смотрѣвшая печально передъ собой, вдругъ вскрикнула:

— Онъ!., Онъ видитъ... Увидѣлъ... Онъ за нами слѣдилъ, шелъ...

— Кто?

— Онъ. Доминго... Смотрите. У столба съ афишами...

Рудокоповъ взглянулъ по указанному направленію и увидѣлъ герцога Оканья на другой сторонѣ, около ресторана Durand; онъ стоялъ и глядѣлъ на нихъ... Ему стало почему-то совѣстно... Что думаетъ теперь о немъ этотъ скверный старикъ?

— Я пойду... Я боюсь... Онъ скажетъ матери... Она меня исколотитъ... Ради Бога... скажите... гдѣ мнѣ васъ видѣть? Ради Бога...

И она, быстро вскочивъ со скамейки, боязливо заторопилась.

— Скорѣе... Гдѣ я васъ увижу?

— Ну, завтра, въ эту пору... на „Rond-Point" Елисейскихъ-Полей.

— Навѣрное вы придете?.. Не обманете? Бога ради, не обманите!

— Даю честное слово.

— Скажите: Que Dieu me punisse si je ne viens pas.

Рудокоповъ повторилъ. Она довѣрчиво улыбнулась и, протянувъ ему руку, быстро пустилась, почти бѣгомъ, черезъ улицу, лавируя между экипажами... Герцогъ ее видѣлъ и ждалъ въ франтовской позѣ.

— Ахъ, животное! — воскликнулъ внѣ себя Рудокоповъ.— Ну, нѣтъ, врешь,—эту я спасу отъ тебя.

Гр. Евг. Сальясъ.

Digitized by Google

РЕФОРМАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ

КИТАѢ

II *).

Административный механизмъ и его персоналъ составляли всегда одну изъ страшныхъ и зловреднѣйшихъ язвъ китайскихъ правительственныхъ учрежденій. По свидѣтельству упомянутаго нами автора, г. Тао, нѣтъ ни одного правительственнаго мѣста въ Китаѣ, начиная съ министерствъ въ столицѣ и генералъ-губернаторскихъ и губернаторскихъ управленій въ провинціи и оканчивая областными и уѣздными правленіями, въ которыхъ бы не чувствовалась всесильная хищническая и продажная рука приказнаго, торгующаго мѣстами и правосудіемъ. Лучшіе государственные дѣятели Китая постоянно опасались своихъ подьячихъ и принимали противъ нихъ всевозможныя мѣры предосторожности. Причина такого огромнаго вліянія ихъ на дѣла объясняется тѣмъ, что, занимая изъ поколѣнія въ поколѣніе мѣста въ извѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, они естественнымъ образомъ пріобрѣтали самое полное и всестороннее знакомство не только со всѣми узаконеніями, касающимися этихъ учрежденій, но и съ прецедентами и обычаями, играющими такую роль въ китайскомъ дѣлопроизводствѣ,—тогда какъ чиновники и сановники, благодаря постоянному перемѣщенію ихъ съ одного мѣста на другое, конечно, не имѣли возможности ознакомиться со всѣми сторо-

*) См. выше: сент., 206 стр.

Digitized by Google

нами, условіями и обычаями послѣдовательно занимаемыхъ ими мѣстъ и, за немногими исключеніями, волею или неволею должны были прибѣгать къ опытности приказныхъ. Послѣдніе, не имѣя предъ собою никакой будущности и получая крайне ничтожное содержаніе, на которое они рѣшительно не могутъ существовать, само собою разумѣется, не могутъ служить честно.

Для искорененія злоупотребленій въ средѣ приказныхъ, авторъ предлагаетъ учредить спеціальный курсъ законовѣдѣнія и, только по окончаніи его и по испытаніи ихъ знаній и удостовѣреніи въ ихъ нравственности, дозволять имъ занимать мѣста канцелярскихъ служителей, опредѣливъ имъ приличное содержаніе и наградивъ ихъ чинами. По истеченіи извѣстнаго опредѣленнаго срока, тѣхъ изъ нихъ, которые заявятъ себя усердіемъ и способностью къ службѣ и честностью, непосредственный начальникъ представляетъ къ занятію классныхъ должностей. Но если бы рекомендованный такимъ образомъ чиновникъ оказался взяточникомъ, то начальникъ, рекомендовавшій его, долженъ подлежать за это отвѣтственности. Получивъ служебныя права, канцелярскіе служители научились бы уважать себя и не смѣли бы заниматься злоупотребленіями. Съ уменьшеніемъ ихъ вліянія на дѣла, безъ сомнѣнія, поднялось бы значеніе самихъ начальниковъ. Но для того, чтобы совершенно освободиться изъ-подъ власти и зависимости приказныхъ, авторъ признаетъ крайне необходимымъ требовать отъ самихъ чиновниковъ основательнаго знакомства съ законами, уложеніями и архивомъ, для чего и рекомендуетъ, чтобы лицамъ, причисленнымъ къ министерствамъ, вмѣнено было въ непремѣнную обязанность, до полученія штатнаго мѣста, заниматься изученіемъ законовъ, уложеній и архивовъ, и при замѣщеніи открывающихся вакансій отдавать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые на испытаніи, произведеннымъ начальствомъ, окажутся болѣе основательно знакомыми съ законами и архивомъ.

Отдѣльную главу авторъ посвящаетъ тѣсно связанному съ искорененіемъ взяточничества и хищенія вопросу о содержаніи чиновниковъ. Исходя изъ словъ Гуань-Цзы, извѣстнаго китайскаго философа и государственнаго мужа VII-го стол. до Р. Хр., что „только тотъ, у кого амбары полны хлѣбомъ, понимаетъ долгъ и приличія, только сытый и одѣтый знаетъ честь и стыдъ, и это неслыханное дѣло, чтобы человѣкъ, страдающій отъ холода и голода и удрученный домашними заботами, могъ отдать себя на служеніе отечеству“,—авторъ замѣчаетъ, что въ западныхъ государствахъ, гдѣ положеніе чиновниковъ вполнѣ обезпе-

Digitized by Google

чено получаемымъ ими отъ правительства щедрымъ содержаніемъ и уплатою всѣхъ служебныхъ расходовъ,—лихоимство и хищеніе прекратились сами безъ всякихъ запретительныхъ мѣръ, и если они и встрѣчаются иногда, какъ явленіе совершенно исключительное, то виновные въ нихъ служатъ предметомъ всеобщаго презрѣнія, а нѣкоторые изъ нихъ, подъ вліяніемъ угрызенія совѣсти, кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Не то—говоритъ онъ—мы видимъ въ Китаѣ. Благодаря развившейся наклонности къ роскоши и расточительности и вздорожанію предметовъ, получаемаго чинами содержанія оказывается недостаточно для удовлетворенія ихъ потребностей. А тутъ еще и изъ этого скромнаго содержанія производятся вычеты на разныя общественныя нужды, а по временамъ, вслѣдствіе бѣдственнаго положенія государственной казны, оно прямо-таки сокращалось чуть не на половину. Высоконравственными людьми должны являться тѣ, которые при настоящихъ условіяхъ могутъ служить честно и думать о долгѣ, при видѣ корысти! Въ большинствѣ же случаевъ лица, занимающія высокое положеніе, для пополненія своихъ средствъ, прибѣгаютъ ко взяточничеству въ разныхъ его видахъ, къ удержанію солдатскаго содержанія и хищенію казенныхъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ, а низшіе чины получаютъ доходы съ пристанодержателей, воровъ, съ публичныхъ заведеній, игорныхъ домовъ и прибѣгаютъ ко всевозможнымъ вымогательствамъ съ деревенскаго люда. И все это вопіющее и безконечное зло происходитъ отъ недостатка средствъ къ существованію. Для упорядоченія администраціи и облегченія народныхъ тягостей необходимо всѣмъ чинамъ имперіи удвоить получаемое ими содержаніе и кромѣ того назначить извѣстныя суммы на служебныя издержки; отмѣнить всѣ незаконные, обычные поборы или же обратить ихъ въ казну въ томъ случаѣ, если бы немедленная отмѣна ихъ, благодаря укоренившемуся обычаю, встрѣтила какія-либо затрудненія. Для удвоенія содержанія всѣмъ чинамъ имперіи потребовалась бы вдругъ громадная сумма, которую, быть можетъ, правительство было бы не въ состояніи изыскать; въ такомъ случаѣ можно было бы прибѣгнуть къ сокращенію штатовъ личнаго состава, ограничивъ его только самымъ необходимымъ числомъ чиновъ и обративъ на содержаніе ихъ освободившіяся такимъ образомъ суммы.

Обезпеченіе чиновниковъ достаточнымъ содержаніемъ вызвало бы между ними развитіе честности, а искорененіе застарѣлыхъ привычекъ (взяточничества и хищенія) содѣйствовало бы обогащенію казны. Съ уменьшеніемъ количества дармоѣдовъ, увеличилось бы число честныхъ слугъ государства, и это по-

Digitized by Google

влекло бы за собою развитіе довольства въ народѣ; а когда народъ пользуется довольствомъ,—кто же можетъ нуждаться?

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса объ образованіи, или, выражаясь точнѣе, объ образованіи и пропитаніи, авторъ сначала рисуетъ намъ картину главныхъ стадій послѣдовательнаго развитія человѣчества съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Въ глубокой древности,—говоритъ онъ,—человѣкъ, живя среди всеобщаго хаоса, помѣщался въ пещерахъ и лѣсахъ, пилъ кровь животныхъ, питался ихъ мясомъ, не очищеннымъ отъ шерсти; былъ голоденъ—поднимался; усталъ—отдыхалъ и предавался полнѣйшей бездѣятельности, словомъ, ничѣмъ не отличался отъ животныхъ. Но когда съ теченіемъ многихъ вѣковъ человѣчество размножилось и въ извѣстномъ ограниченномъ пространствѣ для него уже недоставало матеріала для пищи, тогда для сниканія пропитанія явилась необходимость въ передвиженіи, и охота сдѣлалась источникомъ пропитанія. Сначала человѣкъ пользовался тѣмъ, что можно было легче доставать; когда же легкая добыча истощилась, онъ по необходимости долженъ былъ придумывать средства къ добыванію и того, что трудно доставалось. Такимъ образомъ, явилась изобрѣтательность. Дикихъ звѣрей онъ сталъ убивать холоднымъ оружіемъ, птицъ стрѣлять изъ лука и рыбу ловить сѣтями. Люди опытные и умные, постепенно совершенствуя эти орудія пропитанія первобытнаго человѣчества, передавали свои знанія неопытнымъ и глупымъ. Вотъ начала образованія въ первобытныя времена. Постепенное уменьшеніе средствъ къ пропитанію, съ дальнѣйшимъ размноженіемъ человѣчества, и увеличеніе трудностей охотничьяго промысла вызвали умныхъ людей, которые научили людей земледѣлію и скотоводству, съ избыткомъ доставлявшимъ человѣку все нужное. Забыты были труды охотничьей жизни и лишенія, сопряженныя съ кочевымъ бытомъ. Люди стали соединяться въ роды и жить обществами, постепенно превратившимися въ государства. Съ постояннымъ увеличеніемъ человѣческихъ потребностей и развитіемъ взаимныхъ отношеній, появились мудрецы, изобрѣвшіе для людей одежду, пищу, жилища, установившіе для нихъ кодексъ нравственныхъ отношеній и выработавшіе формы управленія. Изъ этого видно, что образованіе ведетъ свое начало съ древнихъ временъ.

Въ Китаѣ просвѣщеніе началось ранѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ міра. Во времена императоровъ Яо и Шуня (за 2356 и 2255 л. до Р. Хр.), оно уже находилось въ цвѣтущемъ состояніи, а при слѣдовавшихъ за ними трехъ династіяхъ

Digitized by Google

(2205—255 л. до Р. Хр.) оно еще болѣе возвысилось. Для обученія служилаго сословія были основаны школы, а для пропитанія народа земля была раздѣлена на участки [1]). Это было цвѣтущее время, когда во всемъ было изобиліе, и народъ любилъ своего владыку за его добродѣтели. Создавъ общество, верховный владыка возложилъ на правителей обязáнность заботиться объ ихъ образованіи и пропитаніи, и такая обязанность свято исполнялась китайскими древними правителями. Эта блестящая пора, когда китайскіе правители, соблюдая завѣты неба, по мнѣнію автора, заботились объ образованіи и пропитаніи своего народа, окончилась въ VIII-мъ ст. до Р. Хр. (т.-е. съ историческаго періода), въ началѣ періода удѣльныхъ княжествъ. Въ спорахъ за преобладаніе каждый изъ князей заботился о своихъ личныхъ интересахъ, народъ подвергся истребленію и разоренію, и принципы образованія и пропитанія его были совершенно заброшены. Въ дальнѣйшемъ движеніи исторіи Китая, особенно при столь ненавистномъ для китайскихъ ученыхъ объединителѣ Китая Цинь-Ши-Хуанѣ (221—209 л. до Р. Хр.) и послѣдующихъ государяхъ, стало укореняться мнѣніе, что для обезпеченія династіи необходимо держать народъ въ невѣжествѣ, а не просвѣщать его. Вслѣдствіе этого явилось желаніе подавлять и исключать все то, что могло содѣйствовать развитію ума въ народѣ и расширенію его знаній. Между тѣмъ,—восклицаетъ авторъ,—взгляните на иностранныя государства! Развѣ ихъ процвѣтаніе и упадокъ не находятся въ прямой зависимости отъ талантовъ и, слѣдовательно, отъ развитія образованія? Мы видимъ, что вдругъ возвышались тѣ государства, которыя заботились объ образованіи и пропитаніи народа, и внезапно падали тѣ, которыя игнорировали это. Посмотрите на Англію, Германію, Францію и Соединенные-Штаты Сѣвер. Америки! Какъ они поднялись! Они вполнѣ воспользовались наслѣдіемъ, оставленнымъ тремя славными китайскими династіями. У нихъ повсюду устроены школы, въ которыхъ обучаются всѣ безъ различія званія и состоянія, и въ нихъ предметами преподаванія являются какъ высшіе физическіе законы, такъ и все, относящееся до ежедневныхъ потребностей человѣческаго существованія. Имѣются средства для объясненія самыхъ сокровенныхъ законовъ природы и для изслѣдованія самыхъ глубокихъ предметовъ. Образованіе начинается съ элементарныхъ и простыхъ вещей и восходитъ къ

[1]) Цзинъ,—участокъ земли въ 900 метр.=приблизительно 50 нашимъ десятинамъ и дѣлился на 9 равныхъ квадратныхъ участковъ, изъ коихъ на 8 поселялось 8 семействъ, обязанныхъ общими силами обработывать въ пользу государства 9-й, средній участокъ.

Digitized by Google

болѣе глубокимъ и сложнымъ. Благодаря этому, умъ человѣческій съ каждымъ днемъ тамъ развивается и сумма знаній постепенно увеличивается, а съ накопленіемъ талантовъ крѣпнутъ и силы государства. Масса талантливыхъ людей вызываетъ подъемъ во всѣхъ дѣлахъ. Механика, строительное и фабричное дѣло, пароходы и желѣзныя дороги, искусствомъ своимъ затмѣвающія творческую силу, съ каждымъ днемъ все совершенствуются и развиваются. Въ земледѣліе и торговлю каждый день вноситъ что-нибудь новое и расширяетъ ихъ предѣлы. На улицахъ не видно праздныхъ людей; всѣ питаются отъ трудовъ своихъ. Мало того, для призрѣнія убогихъ, калѣкъ, бѣдныхъ, старыхъ и сирыхъ, тамъ имѣются особыя учрежденія; никто не остается безпріютнымъ. Такимъ образомъ, принятію надлежащихъ мѣръ къ образованію народа и пропитанію его, страны эти обязаны своимъ внезапнымъ возвышеніемъ и процвѣтаніемъ.

Не то представляется въ странахъ, подобныхъ Индіи, Аннаму, Бирмѣ и Сіаму. Благодаря тому, что правительство не принимаетъ мѣръ къ образованію и пропитанію народа, между слугами государства нѣтъ людей, проникнутыхъ духомъ подъема. Запутанное и сложное законодательство, жестокія казни, незаконные и жестокіе поборы, открытое взяточничество, торговля чинами и титулами, коварство и ложь, всеобщій обманъ, запущеніе арыковъ и рѣкъ, запустѣніе полей, невѣжество чиновниковъ, лѣность народа, нерадѣніе о земледѣліи, недостатокъ капитала у купцовъ, разбродъ населенія, повсемѣстные грабежи и разбои, наконецъ, упадокъ и послѣдовательная гибель всѣхъ этихъ государствъ—вотъ плоды нерадѣнія объ образованіи и пропитаніи народа! Народная пословица гласитъ: „паденіе передней телѣги должно служить предостереженіемъ для задней“. Въ Китаѣ, послѣ трехъ славныхъ династій, образованіе и воспитаніе народа исчезло. Государственное управленіе, народные нравы, рѣки и источники съ каждымъ днемъ приходятъ въ упадокъ. Современное положеніе его съ каждымъ днемъ становится хуже; сила государства все слабѣетъ; извнѣ ему угрожаютъ сильные сосѣди; внутри таятся опасные элементы мятежей; если онъ будетъ продолжать идти рутиннымъ путемъ, кое-какъ влачить свое существованіе, прикрашивать и обманывать и не будетъ соединенными усиліями стремиться къ благоустройству и окончательно не займется образованіемъ, то трудно и представить, чѣмъ это окончится. Если обученіе нужно было человѣку, когда онъ находился на ступени звѣролова, кочевника-скотовода и пахаря, то можно ли думать обойтись безъ него въ настоящее время, когда

Digitized by Google

безпокоятся, что міръ переполненъ людьми, а звѣриный промыселъ, скотоводство и земледѣліе уже не въ состояніи прокормить человѣчество. Вслѣдствіе этого западные народы стали въ обширныхъ размѣрахъ заниматься естественными науками, какъ средствомъ къ образованію и пропитанію. Переходъ отъ звѣроловства къ скотоводству, отъ скотоводства къ земледѣлію и отъ этого послѣдняго къ естествознанію—составляетъ естественный законъ міровой эволюціи. Къ чему же служитъ естествознаніе? Оно служитъ къ изслѣдованію причинъ превращеній, совершающихся во вселенной, и раскрытію основныхъ законовъ природы, такъ что человѣкъ своими трудами восполняетъ дѣятельность творческихъ силъ природы, а съ другой стороны, заставляетъ ихъ служить на пользу себѣ. Одинъ человѣкъ, который съумѣетъ постигнуть законы природы, можетъ доставить этимъ пропитаніе милліонамъ людей. Мыслимо ли, чтобы Китай съ своимъ четырехсотъ-милліоннымъ населеніемъ, требующимъ его попеченій, могъ не употребить крайнихъ усилій по изысканію средствъ къ его образованію и пропитанію! Въ настоящее время правительству слѣдуетъ упразднить экзамены на ученыя степени словесныхъ искусствъ, ввести естественныя науки, основать побольше школъ для образованія людей и чистосердечно и открыто вступить съ своимъ народомъ въ новый союзъ. Этимъ путемъ можно будетъ исправить погрѣшности прежнихъ царей и постепенно возвратить цвѣтущую эпоху трехъ династій. Въ противномъ случаѣ, оно не только не будетъ въ состояніи исполнить своей обязанности заботиться объ образованіи и пропитаніи народа, возложенной на него небомъ, напротивъ—оно подавитъ его тяжелыми поборами, увлечетъ перспективою выгодъ и силы, и тщетно будетъ стремиться къ возвращенію золотого вѣка.

Чтобы успѣшнѣе подѣйствовать на умы своихъ соотечественниковъ и убѣдить представителей власти въ безусловной необходимости для Китая серьезно приняться за образованіе народа по западно-европейскимъ образцамъ, авторъ приводитъ статью уже цитированнаго нами англичанина, Ричарда Тимоти, который, въ видахъ поднятія матеріальнаго благосостоянія Китая и наилучшаго обезпеченія существованія его многомилліоннаго населенія, настоятельно рекомендуетъ распространеніе въ Китаѣ языкознанія, естественныхъ наукъ и знакомство со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается въ другихъ странахъ свѣта. Въ частности онъ рекомендуетъ Китаю слѣдующія, испытанныя въ другихъ странахъ и оказавшіяся вполнѣ благодѣтельными въ развитіи народнаго благосостоянія, мѣры: 1) устройство машинъ, какъ средствъ къ уде-

Digitized by Google

шевленію производства; 2) введеніе пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, какъ средствъ къ удешевленію провозной платы, а слѣдовательно и стоимости товаровъ; 3) учрежденія внутренней почты и основаніе газетъ; 4) расширеніе международныхъ торговыхъ сношеній; 5) учрежденіе консульствъ; 6) введеніе международной почты; 7) субсидированіе правительствомъ обще-полезныхъ коммерческихъ предпріятій; 8) основаніе торговыхъ ассоціацій; 9) учрежденіе торговыхъ музеевъ; 10) основаніе коммерческихъ училищъ и техническихъ школъ, и, наконецъ, 11) введеніе свободной торговли.

Покончивъ съ вопросомъ объ образованіи, какъ единственнымъ надежнымъ средствомъ къ развитію матеріальнаго благосостоянія народа, авторъ посвящаетъ особую главу не менѣе важному предмету—нравственному воспитанію народа, и начинаетъ ее слѣдующимъ вопросомъ:—отчего зависитъ спокойствіе или смутное состояніе государства? Отъ добрыхъ или дурныхъ наклонностей народа?—„Но народъ, по природѣ, собственно добръ, и если кто дѣлается негодяемъ, то не потому, чтобы онъ былъ золъ отъ природы, а вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ. Родившись и выросши въ деревнѣ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ и невѣдѣніи, народъ пріобрѣтаетъ привычки, которыя обращаются въ природу. При многочисленности населенія и отсутствіи средствъ къ пропитанію, народъ, гонимый голодомъ и холодомъ, вступаетъ на опасный путь, и массы его даже въ мирное время, несмотря на всеобщій и постоянный страхъ предъ наказаніями и казнями, дѣлаются жертвою смерти. А когда, быть можетъ, вслѣдствіе уклоненія правительства съ прямого пути, начинаются бунты и возстанія, то виновные подвергаются поголовному истребленію, безъ различія зачинщиковъ и пособниковъ. И эти окровавленные и обезглавленные трупы, все это—невѣжественный и не просвѣщенный правительствомъ народъ. Терпимо ли такое извращеніе любвеобильной природы Верховнаго Существа?“

Въ древнемъ Китаѣ,—продолжаетъ авторъ,—служилое или ученое сословіе, благодаря непосредственному, близкому и постоянному общенію съ народомъ, своимъ примѣромъ и сильнымъ словомъ много содѣйствовало возвышенію его нравственныхъ понятій и незамѣтнымъ образомъ пресѣкало зародыши безпорядковъ. Но со временъ Цильской и Ханьской династіи (за два вѣка до Р. Хр.), когда Китаемъ стали управлять при помощи письменныхъ законовъ и хотѣли держать народъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ, это старое благодѣтельное направленіе совершенно исчезло. Пользуясь тѣмъ, что мы сами не умѣли заботиться о нравственномъ воспитаніи

Digitized by Google

собственнаго народа—эту задачу взялъ на себя буддизмъ и даосизмъ, съ своимъ раемъ и адомъ, постами и покаянными обрядами. Такъ какъ основная идея этихъ религій дѣйствительно заключалась въ увѣщаніи людей къ добру, то невѣжественная чернь устремилась къ нимъ. Съ своей стороны, государи и министры, смѣняясь въ теченіе 2.000 лѣтъ и находя, что просвѣтительная дѣятельность правительства не въ состояніи распространиться повсюду, предоставляли этимъ религіямъ свободу дѣйствія. Благодаря этому, возникли разные недозволенные культы, заполонившіе Китай. Съ конца XVI ст., къ этимъ религіямъ присоединились еще католическая и протестантская, проповѣдники которыхъ успѣваютъ, силою вліянія и обѣщаніемъ матеріальныхъ выгодъ, распространять свое ученіе, и въ то же время—высматривать Китай. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что Франція пользуется вѣропроповѣдничествомъ для поглощенія чужихъ государствъ; она уже захватила Кохинхину и забрала Аннамъ. Трудно себѣ вообразить, къ какимъ дальнѣйшимъ пагубнымъ послѣдствіямъ можетъ повести то, что Китай не заботится самъ о нравственномъ воспитаніи своего народа и предоставляетъ это чужимъ людямъ. А между тѣмъ, у насъ изданы наставленія императора Канъ-Си (1662—1723 гг.), дополненныя объясненіями императора Юнгъ-Чжэна (1723—1736 гг.), которыя чиновникамъ вмѣнено было въ обязанность 1-го и 15-го чиселъ каждой луны читать и объяснять народу, для его вразумленія. Теперь опять опубликовано „Руководство къ добру“ императора Юнъ-Чжэна. Такимъ образомъ, настоящею династіей сдѣлано все для нравственнаго преуспѣянія народа. Но благодаря отсутствію контроля и непринятію мѣръ къ исполненію, къ этимъ нравственнымъ наставленіямъ относятся повсемѣстно, большею частью, съ чисто-формальной стороны и оставляютъ ихъ безъ всякаго вниманія. Принимая во вниманіе, что наставники уѣздныхъ и окружныхъ училищъ являются въ настоящее время лицами почти-что безполезными, кажется, слѣдовало бы обязать ихъ, по третьимъ и восьмымъ числамъ каждаго мѣсяца, читать и объяснять нравственныя наставленія двухъ помянутыхъ императоровъ, изыскивать средства для угощенія слушателей обѣдомъ и завести книгу для записи слушателей. Эту же мѣру слѣдуетъ ввести въ мѣстечкахъ и селахъ, съ порученіемъ чтенія и толкованія какому-нибудь честному студенту или почтенному старцу изъ привилегированнаго сословія. Предметомъ чтеній, кромѣ вышеупомянутыхъ нравственныхъ наставленій, можетъ также служить этическое ученіе Конфуція, Мэнъ-Цзы и другихъ китайскихъ мудрецовъ. Немыслимое дѣло, чтобы

Digitized by Google

при этихъ условіяхъ, въ теченіе 20 лѣтъ не произошло громаднаго измѣненія къ лучшему въ нравахъ Китая. Что же касается массы китайскихъ эмигрантовъ, занимающихся торговлею и всевозможными промыслами и работами въ разныхъ частяхъ свѣта, въ средѣ которыхъ, благодаря пребыванію въ большихъ центрахъ, особенно часты проступки и преступленія, то и ихъ, какъ сыновъ Китая, авторъ не желаетъ оставить безъ нравственнаго воздѣйствія и допускаетъ, чтобы слабѣйшіе изъ нихъ, обращаясь въ христіанство, совершенно превращались въ иностранцевъ. Кромѣ основанія школъ, онъ рекомендуетъ учрежденіе общественныхъ клубовъ, въ которыхъ, при помощи чтеній и толкованій, преподавались бы уроки нравственности, спеціально выбранными для того лицами или же самими консулами. Но для полнаго успѣха дѣла требуется, чтобы толкователями нравственнаго закона были не только люди отмѣнной нравственности и учености, но владѣли еще даромъ слова и убѣжденія. Насколько важно это послѣднее условіе въ цѣляхъ нравственнаго преобразованія китайцевъ, видно изъ того, что одинъ китаецъ, обратившійся въ христіанство, въ качествѣ катехизатора, привлекалъ въ храмъ цѣлую массу слушателей, но потомъ, по неудовольствію съ миссіонеромъ, оставивъ христіанство и занявшись проповѣдью ученія Конфуція и Мэнъ-Цзы, онъ сталъ привлекать еще болѣе слушателей. При правильномъ отношеніи къ дѣлу, авторъ, въ своемъ увлеченіи, не только не допускаетъ возможности какой-либо конкурренціи буддизма, даосизма и христіанства съ ученіемъ китайскихъ мудрецовъ, но даже пророчитъ полнѣйшее торжество его надъ ними и нравственное объединеніе всего міра подъ его знаменемъ.

Свою главу о преступникахъ или, точнѣе говоря, объ узникахъ, авторъ начинаетъ словами перваго и лучшаго изъ учениковъ Конфуція, Цзэнъ-Цзы, жившаго за пять вѣковъ до Р. Хр., а именно, что, „вслѣдствіе уклоненія правительства отъ (истиннаго) пути, народъ давно уже разсѣялся“, и затѣмъ авторъ самъ указываетъ на тѣ причины, которыя, въ большинствѣ случаевъ, доводятъ человѣка до преступленія. Человѣкъ, воспитаніемъ котораго, по несчастію, пренебрегли родители, не имѣя состоянія и не владѣя какимъ-нибудь ремесломъ для поддержанія своего существованія, подъ давленіемъ безъисходной нужды, опускается въ среду негодяевъ и попадается въ сѣти закона. Тогда его подвергаютъ всевозможнымъ пыткамъ, заключаютъ въ мрачную тюрьму, въ которую никогда не проникаетъ лучъ свѣта, гдѣ тюремщики, по своей лютости, подобны волкамъ и тиграмъ, гдѣ зловоніе про-

Digitized by Google

изводитъ эпидеміи, отъ которыхъ, при продолжительномъ заключеніи, зачастую умираютъ преступники, а ихъ преступленія, по закону, не влекутъ за собою смертной казни. Трудно передать всѣ страданія и несправедливости, которымъ подвергаются несчастные. Въ недавнее время, въ разныхъ провинціяхъ Китая, открыто много пенитенціарныхъ тюрьмъ, для заключенія маловажныхъ преступниковъ. Мѣра эта дѣйствительно прекрасная. И если бы ее можно было расширить введеніемъ нѣкоторыхъ европейскихъ порядковъ, которые бы дали всѣмъ преступникамъ, подлежащимъ ссылкѣ, возможность обновиться и искупить свою вину, то этимъ путемъ множество людей было бы сохранено. Это было бы доброе дѣло, которое заслужило бы полнѣйшее одобреніе всѣхъ филантроповъ. Для осуществленія этого, слѣдуетъ дополнить китайское уголовное законодательство статьею о работахъ, зачатки которыхъ мы видимъ въ древнемъ Китаѣ, когда преступники, не подлежавшіе смертной казни, были употребляемы на работы по сооруженію великой стѣны и исправленію городскихъ стѣнъ, и получали свободу, когда исправлялись. Но мѣра эта была оставлена, не достигнувъ полнаго развитія. Дѣло въ томъ, что половина преступленій совершается подъ давленіемъ голода и холода. Подвергаясь тюремному заключенію, преступникъ лишается послѣднихъ средствъ къ существованію и затѣмъ его выпускаютъ на свободу также съ голыми руками. Желая продлить хоть сколько-нибудь свое существованіе, онъ по необходимости вступаетъ на прежній путь преступленія; а потому, если мы заранѣе не позаботимся о немъ, то, по отбытіи наказанія, онъ опять окажется въ безвыходномъ положеніи. Въ европейскихъ государствахъ, люди, приговоренные къ тюремному заключенію, обязаны заниматься какимъ-нибудь ремесломъ или ходить на работы; причемъ часть заработной платы откладывается и отдается имъ на руки по окончаніи срока наказанія, обезпечивая имъ возможность начать честную, трудовую жизнь. Мѣста заключенія содержатся въ исправности и чистотѣ: нѣтъ ни сырости, ни течи, вредно дѣйствующихъ на здоровье; имѣются бани и больницы.

Въ Китаѣ, по мнѣнію автора, правительство съ особенною пользою могло бы воспользоваться арестантскимъ трудомъ для исправленія путей сообщенія, находящихся въ самомъ плачевномъ и невозможномъ состояніи. Благодаря этой мѣрѣ, Китай, безъ большихъ затратъ со стороны правительства, покрылся бы вскорѣ удобными путями сообщенія, благодѣтельное вліяніе которыхъ сказалось бы безчисленными выгодами для страны, а отчисленіе

Digitized by Google

извѣстной доли заработной платы, съ выдачею ея арестантамъ по отбытіи срока наказанія, обезпечило бы имъ возможность къ снисканію себѣ пропитанія, не говоря уже объ укрѣпляющемъ дѣйствіи самого труда на организмъ человѣка.

Далѣе, авторъ входитъ въ разсмотрѣніе техническихъ подробностей сооруженія и исправленія путей сообщенія, которыя мы опускаемъ по ихъ неумѣстности въ настоящей главѣ.

Не болѣе интереса представляетъ и заключительная часть этой главы, трактующая о томъ комфортѣ, какимъ на Западѣ въ долговыхъ тюрьмахъ пользуются, за счетъ своихъ кредиторовъ, должники.

III.

Врачебная наука, получившая начало отъ боговъ, подвергалась, со временъ императоровъ Шэнь-Нуна и Хуанъ-Ди [1]), объясненіямъ и точнымъ изслѣдованіямъ, съ цѣлью доставленія людямъ спокойствія и долгоденствія. Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ авторъ,—большая часть современныхъ врачей происходитъ изъ людей недоучившихся, или купцовъ безъ капитала, которые, немного познакомившись съ рецептурою, пользуются врачебнымъ искусствомъ для снисканія себѣ пропитанія. При случайномъ успѣхѣ, эти врачи, опираясь будто бы на совершенныя ими чудеса, хвастаются своимъ умомъ и поднимаютъ свою репутацію и плату за услуги. Это заблужденіе переходитъ отъ одного къ другому, слѣпецъ руководитъ слѣпца, и старые методы, благодаря этому, не могутъ подвергнуться необходимымъ измѣненіямъ. Въ виду такого плачевнаго состоянія врачебнаго дѣла, въ народѣ сложилась пословица: „непользованіе лекарствами—это средней руки докторъ“. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли такую драгоцѣнность, какъ жизнь человѣческая, поручать людямъ легкомысленнымъ, невѣжественнымъ и безразсуднымъ, и смотрѣть на врачебное искусство какъ на ничтожное ремесло? Въ древнемъ Китаѣ, врачебный персоналъ, въ силу важности человѣческой жизни, былъ подчиненъ строгому правительственному контролю. Каждый врачъ, въ случаѣ смерти своего паціента, обязанъ былъ записывать причину ея и доносить главному врачу. Въ концѣ года сводился итогъ врачебной практики каждаго изъ врачей, и результатами его опре-

[1]) Два миѳологическіе государя Китая. Царствованіе перваго изъ нихъ относится за 2737, а второго за 2697 лѣтъ до Р. Хр.

Digitized by Google

дѣлялась норма содержанія ихъ. Имѣвшіе 60% выздоровѣвшихъ причислялись къ низшему разряду.

Въ западныхъ государствахъ, хотя законы и методы врачеванія отличны отъ китайскихъ, но такъ же, какъ и въ Китаѣ, встрѣчаются благополучные и фатальные исходы болѣзни. Но дѣло въ томъ, что тамъ, вмѣсто нашей полнѣйшей распущенности, мы видимъ въ высшей степени серьезное отношеніе къ дѣлу, внимательное разслѣдованіе причинъ заболѣванія и крайнюю осторожность по отношенію къ человѣческой жизни. Въ западныхъ медицинскихъ школахъ существуютъ спеціальныя каѳедры по главнымъ предметамъ, а именно: физикѣ, химіи, анатоміи, физіологіи, патологіи, фармакологіи и терапіи. Предметы эти преподаются знаменитыми профессорами. Воспитанники, по окончаніи курса, подвергаются государственному экзамену, и, въ удостовѣреніе ихъ знаній, имъ выдаются аттестаты, которые только и даютъ имъ званіе врачей и право практики. Такимъ образомъ, полученіе званія врача сопряжено тамъ съ такими же трудностями, и оно пользуется такимъ же уваженіемъ, какъ и наши ученыя степени. Благодаря этому, медицинская наука восходитъ отъ совершенства къ совершенству. Это—первое, въ чемъ наше врачебное искусство не походитъ на иностранное. Далѣе, основою западной врачебной науки служитъ анатомія. Внутреннее строеніе человѣческаго тѣла,—говорятъ иностранные врачи,—можно уподобить часовому механизму, съ функціями и поврежденіями котораго нельзя иначе ознакомиться, какъ разобравъ его. Такъ и для ознакомленія съ строеніемъ человѣческаго тѣла и функціями его въ нормальномъ и патологическомъ состояніи, необходима анатомія. Между тѣмъ, въ китайской медицинѣ рѣшительно нѣтъ ничего подобнаго. Здѣсь врачи, изжившіе свой вѣкъ, не знакомы даже съ очертаніями внутренностей, и потому, въ случаѣ какой-нибудь необыкновенной, неизлечимой болѣзни, они, въ концѣ концовъ, не въ состояніи уяснить себѣ, гдѣ кроется источникъ ея. Они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о дѣятельности мозговыхъ нервовъ, управляющихъ мыслительною и познавательною способностями. Отдавая во всемъ должную дань уваженія блестящему состоянію врачебной науки на Западѣ, уму, опытности, искусству и неустанному трудолюбію ея представителей, авторъ, подходя къ щекотливому для китайскаго самолюбія вопросу о необходимости заимствованія западной медицинской науки, не могъ, по обычаю, удержаться отъ того, чтобы не прихвастнуть, что и эта наука получила свое начало въ Китаѣ отъ

Digitized by Google

двухъ древнихъ знаменитыхъ врачей, Бянь-Ціо [1]) и Хуа-То [2]), и съ теченіемъ вѣковъ достигла на Западѣ настоящаго блестящаго состоянія. Для того, чтобы вывести врачебное искусство изъ того плачевнаго положенія, въ которомъ оно находится въ Китаѣ, авторъ рекомендуетъ, чтобы богатымъ китайцамъ вмѣнено было въ обязанность открыть медицинскія школы въ провинціальныхъ, областныхъ и уѣздныхъ городахъ и большихъ торговыхъ центрахъ. Школы эти должны имѣть смѣшанный характеръ, то-есть,—воспитанники ихъ обязаны сначала пріобрѣсти основательное знакомство съ древней китайской медицинской литературой и затѣмъ уже заняться тщательнымъ изученіемъ иностранной медицинской науки, со включеніемъ практической анатоміи, столь противной убѣжденію китайца о необходимости сохраненія въ цѣлости человѣческаго тѣла. По окончаніи курса, который долженъ продолжаться нѣсколько лѣтъ, воспитанникамъ будутъ выдаваться свидѣтельства, обладатели которыхъ только и будутъ имѣть право медицинской практики.

О женскомъ образованіи въ Китаѣ въ древнія времена,—говоритъ авторъ,—до насъ не дошло никакихъ книгъ. За исключеніемъ отрывочныхъ замѣтокъ и фразъ, разбросанныхъ въ классической литературѣ, первымъ по времени является трудъ г-жи Бань-Чжао, сестры знаменитаго исторіографа Бань-Гу, конца I-го вѣка нашей эры, извѣстный подъ именемъ „Наставленій для женскаго пола“. Въ концѣ второго вѣка появилось нѣсколько сочиненій въ этомъ же родѣ и почти съ тѣми же названіями. Въ XVIII ст. встрѣчается весьма полная и обстоятельная статья о „Женскомъ образованіи“, вошедшая въ классическій историко-философскій сборникъ извѣстнаго ученаго Лань-Динъ-Юаня; къ сожалѣнію, благодаря царившей во всѣхъ слояхъ общества пословицѣ, что „отсутствіе образованія въ женщинѣ, это—добродѣтель“, женскій полъ не посѣщалъ школъ, и для обученія женскому рукодѣлію также не существовало и не существуетъ спеціальныхъ наставниковъ. Только лучшія изъ представительницъ прекраснаго пола нѣсколько занимаются рукодѣльемъ и повар-

[1]) Бянь-Ціо—знаменитый китайскій эскулапъ, процвѣтавшій, говорятъ, за шесть вѣковъ до нашей эры въ удѣльномъ княжествѣ Чжао (нынѣ провинц. Сань-Си). Будучи содержателемъ гостинницы, онъ научился искусству врачеванія у одного прохожаго мудреца и былъ, говорятъ, первымъ и единственнымъ человѣкомъ въ Китаѣ, ознакомившимся съ строеніемъ человѣческаго организма при помощи диссекціи человѣческаго трупа.

[2]) Этотъ врачъ, пользующійся въ Китаѣ не меньшею извѣстностью, чѣмъ Бянь-Ціо, жилъ во второмъ в. по Р. Хр. и прославился, будто бы, своими удивительными хирургическими операціями, въ которыхъ онъ былъ великій мастеръ.

Digitized by Google

скимъ дѣломъ—вотъ и все образованіе. „Благодаря отсутствію заботливости о женскомъ образованіи, замѣчается въ Китаѣ постепенный упадокъ просвѣщенія. Не то мы видимъ на Западѣ. Тамъ женскому обученію придаютъ такую же важность, какъ и мужскому. Съ 8 лѣтъ и мальчики, и дѣвочки, должны поступать въ школы для обученія грамотѣ, ариѳметикѣ и другимъ наукамъ. Для женщинъ также существуютъ школы реальныхъ знаній, педагогическія и другія. Для полученія болѣе широкаго образованія, онѣ поступаютъ въ высшія учебныя заведенія. Тамъ даже женщины изъ простого сословія имѣютъ общее образованіе, знаютъ рукодѣліе и домашнее хозяйство, и потому являются прекрасными помощницами для мужа и воспитательницами для дѣтей. Если бы мы могли изыскать обширныя средства и открыть по западному образцу женскія школы, для преподаванія въ нихъ разныхъ наукъ въ переводѣ на китайскій языкъ, а также правилъ благоповеденія, ариѳметики, рукодѣлія и другихъ полезныхъ знаній, подчинивъ ихъ надзору мѣстныхъ почтенныхъ дамъ, то и наши женщины явились бы полезными помощницами для семьи. Благодаря женскимъ школамъ, понятія о приличіи и долгѣ сдѣлались бы достояніемъ низшихъ классовъ, и самое просвѣщеніе пріобрѣло бы въ нихъ прочную основу“...

Въ связи съ вопросомъ о женскомъ образованіи, авторъ съ особеннымъ ожесточеніемъ возстаетъ противъ варварскаго обычая своихъ соотечественниковъ, уродованія ногъ у женщинъ. Обычай бинтовать ноги женскому полу,—говоритъ авторъ,—существуетъ только въ одномъ Китаѣ, и его нѣтъ ни въ одной другой странѣ міра. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе вѣковъ, привычка эта укоренилась до такой степени, что ее не могли измѣнить запретительныя постановленія нынѣ царствующей династіи. Какая жестокость и безчеловѣчіе! Дѣвочку отъ 4 до 8 лѣтъ угрозами и всевозможными истязаніями доводить до сокрушенія костей и жилъ и затѣмъ услаждаться мыслью, что, благодаря этому искалѣченію, впослѣдствіи найдется человѣкъ, который будетъ любить и цѣнить ее! Дѣвушки же съ большими, естественными ногами служатъ предметомъ стыда для всѣхъ родственниковъ и сосѣдей. Этотъ зловредный обычай наиболѣе распространенъ между городскою знатью. Для слабыхъ организмовъ эта ужасная операція увѣчья ногъ, сопровождающаяся тяжелыми, болѣзненными явленіями, оканчивается иногда смертью. Но даже если дѣвушка остается въ живыхъ, ей нужна постоянная поддержка; такъ что, въ случаѣ пожаровъ, наводненій, разбоевъ и тому подобныхъ несчастій, такому искалѣченному существу, съ

Digitized by Google

трудомъ передвигающему ноги, не остается другого выбора, какъ, сидя, ожидать смерти. Считать за красоту уродованіе даннаго намъ природою организма,—это рѣшительно верхъ разврата! Если бы пользу бинтованія ногъ мы замѣнили посѣщеніемъ дочерьми Китая школъ, то десятилѣтнихъ усилій было бы достаточно, чтобы способнѣйшія изъ нихъ оказались не хуже нашихъ сыновей. Вся надежда на лицъ, обязанныхъ исправленіемъ нравовъ, чтобы они снова подтвердили запрещеніе о бинтованіи ногъ, съ назначеніемъ годичнаго срока, по истеченіи котораго запрещеніе должно сдѣлаться обязательнымъ и нарушеніе его сопровождаться наказаніемъ главы семейства. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ разослать во всѣ провинціи циркулярное предписаніе о повсемѣстномъ открытіи женскихъ школъ, съ допущеніемъ въ нихъ всѣхъ дѣвочекъ. Такой переворотъ послужилъ бы къ объединенію нравовъ и просвѣщенія, къ развитію пользы и искорененію зла.

Оставаясь, однако, вѣрнымъ принятому убѣжденію, что древній Китай былъ образцомъ политическаго и соціальнаго благоустройства, авторъ съ полною увѣренностью утверждалъ, что въ Китаѣ за 100 лѣтъ до Р. Хр. существовала правильно организованная благотворительность, распространявшаяся прежде всего на вдовцовъ, вдовъ, сиротъ и одинокихъ бѣдняковъ; но къ сожалѣнію, о ней не сохранилось никакихъ письменныхъ памятниковъ. Не удивительно,—когда самая письменность едва-ли еще существовала!

Съ умноженіемъ населенія и оскудѣніемъ средствъ къ существованію,—говоритъ авторъ,—стали появляться нищіе и бродяги, производящіе насилія и безпорядки. „Въ новѣйшія времена, хотя и у насъ основываются пристанища для бѣдныхъ, даровыя лечебницы, пріюты для престарѣлыхъ и для дѣтей, однако, отъ неудовлетворительнаго веденія въ нихъ дѣлъ и недостатка средствъ происходитъ то, что остается еще цѣлая масса безпріютныхъ бѣдняковъ, которая въ лучшемъ случаѣ обращается къ воровству и обману, а въ худшемъ—организуется въ шайки, предающіяся открытому грабежу. Такъ какъ масса дѣйствительно вынуждается къ этому голодомъ и холодомъ, то крайне необходимо принять мѣры къ развитію благотворительной дѣятельности приглашеніемъ къ посильнымъ пожертвованіямъ знатныхъ и богатыхъ людей, для повсемѣстнаго открытія домовъ призрѣнія, а завѣдываніе экономическою и финансовою частью ихъ поручить мѣстнымъ образованнымъ и честнымъ дѣятелямъ. Для обезпеченія снабженія пищею бѣдняковъ, благотворительнымъ учрежденіямъ слѣдуетъ пріобрѣсти значительную земельную собственность, а

Digitized by Google

для доставленія имъ крова—настроить домовъ. Всякаго бѣдняка, поступившаго въ пріютъ, необходимо обучать какой-нибудь работѣ или ремеслу, которое обезпечило бы его существованіе въ будущемъ, избавивъ слабаго отъ необходимости просить милостыню, а сильнаго—отъ возможности преступленія. Между прочимъ, здоровыхъ и крѣпкихъ бѣдняковъ правительству слѣдовало бы снабжать средствами для распашки пустырей, что̀ послужило бы и къ увеличенію государственнаго дохода"...

Во всѣхъ западныхъ государствахъ, гдѣ основою религіи служитъ всеобщая любовь, мы видимъ,—продолжаетъ авторъ,—безчисленное множество благотворительныхъ учрежденій всевозможныхъ наименованій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ правительственнымъ мѣрамъ или частной благотворительности. Какъ далеко Китаю, съ его настоящими благотворительными заведеніями, до этихъ учрежденій Запада, представляющихъ образецъ полнѣйшей обдуманности, строгаго и точнаго порядка! Посмотрите, напримѣръ, какою обширностью, чистотою и опрятностью отличаются иностранныя больницы, гдѣ паціенты безвозмездно пользуются лекарствами, пищею и самымъ тщательнымъ и неутомимымъ уходомъ. Взгляните на ньюіоркскій воспитательный домъ, иногда вмѣщающій въ себѣ до 3.000 малютокъ обоего пола, отъ самаго нѣжнаго возраста до 7—8 лѣтъ, гдѣ каждый грудной ребенокъ имѣетъ кормилицу, и гдѣ пятилѣтнихъ дѣтей начинаютъ обучать грамотѣ. Не мѣньшаго вниманія заслуживаетъ с.-петербургскій (русскій) воспитательный домъ, гдѣ дѣло воспитанія, обдуманное во всѣхъ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ его, доведено до такой степени, что иногда *знатные люди*, не умѣя сами воспитывать дѣтей, отдаютъ туда на воспитаніе своихъ (!) дѣтей. Перечисляя разныя благотворительныя учрежденія въ Европѣ и Америкѣ, авторъ относитъ къ нимъ и разныя страховыя общества, эмеритальныя кассы, общества взаимнаго страхованія рабочихъ, обезпечивающія кусокъ хлѣба не только самому рабочему, но и его семьѣ. Приписывая широкому развитію благотворительныхъ учрежденій въ западныхъ государствахъ сравнительно малый % нищенства и грабежей и разбоевъ, авторъ съ грустью замѣчаетъ, что въ Китаѣ эти учрежденія не успѣли еще распространиться повсюду, или же находятся въ неудовлетворительномъ состояніи. „И такое обширное государство, какъ Китай, имѣетъ дороги, переполненныя нищими и преступниками, и служитъ предметомъ издѣвательства для иностранцевъ! Отчего же это такъ? Да и не можетъ быть иначе, когда Китаю не откуда взять средствъ,—отвѣчаютъ нѣкоторые.—А тѣ громадныя суммы, которыя тратятся

Digitized by Google

ежегодно по всему Китаю на религіозныя процессіи въ честь всевозможныхъ боговъ, развѣ не могли бы быть обращены на учрежденіе пріютовъ для призрѣнія сирыхъ? Не лучше ли употреблять для той же цѣли и тѣ средства которыя расточаются нынѣ нѣкоторыми благотворителями на содержаніе коварныхъ, преданныхъ разврату и играмъ, буддійскихъ монаховъ?"... Въ заключеніе этой главы, авторъ приводитъ разсужденіе одного изъ своихъ соотечественниковъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ въ Европѣ и Америкѣ.

Усматривая въ открытіи Китая для иностранной торговли, убившей мѣстную хлопчатобумажную производительность и каботажное плаваніе, одну изъ главныхъ причинъ развитія пролетаріата, авторъ разсужденія не видитъ другого надежнаго средства къ уменьшенію этого зла, какъ открытіе въ странѣ благотворительныхъ учрежденій. Съ особеннымъ вниманіемъ и симпатіею онъ останавливается на домахъ трудолюбія, въ которыхъ каждый изъ бѣдняковъ, научаясь какому-нибудь ремеслу, обезпечивающему его существованіе, въ то же время, благодаря строгимъ и разумнымъ порядкамъ, подвергается нравственному возрожденію, пріобрѣтая любовь и охоту къ труду, добропорядочности и благонравію. Съ немѣньшимъ сочувствіемъ онъ относится къ исправительнымъ заведеніямъ для малолѣтнихъ дѣтей, которыя научаются въ нихъ грамотѣ и разнымъ ремесламъ и рукодѣлію, и по выходѣ изъ нихъ отдаются родителямъ, или же опредѣляются на мѣсто по рекомендаціи начальства. Для осуществленія этого великаго человѣколюбиваго дѣла онъ обращается съ воззваніемъ къ своимъ богатымъ соотечественникамъ, приглашая ихъ къ основанію благотворительныхъ учрежденій и обѣщая имъ за это неувядаемую славу въ потомствѣ.

Признавая громадное образовательное значеніе общественныхъ библіотекъ, авторъ замѣчаетъ, что въ Китаѣ, за исключеніемъ богатаго императорскаго книгохранилища въ Пекинѣ, для частныхъ лицъ нынѣ совершенно недоступнаго, и трехъ тоже казенныхъ библіотекъ въ городахъ Чжэнь-Цзянѣ, Янъ-Чжоу и Ханъ-Чжоу, сдѣлавшихся добычею пламени и грабежа во время возстанія тайпиновъ,—нѣтъ другихъ общественныхъ библіотекъ. Въ настоящее время остается только одна частная знаменитая библіотека, принадлежащая фамиліи Лу, владѣльцы которой, съ высочайшаго соизволенія, открыли ее для пользованія ученыхъ цѣлой области. Но что значитъ одна эта библіотека и еще нѣсколько другихъ совершенно частныхъ для такого громаднаго и густонаселеннаго государства, какъ Китай! Для того, чтобы

Digitized by Google

онѣ могли явиться дѣйствительнымъ благодѣяніемъ для многочисленнаго ученаго сословія, необходимо предписать ген.-губернаторамъ и губернаторамъ, чтобы во всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ городахъ они основали библіотеки китайскихъ и иностранныхъ книгъ (въ переводѣ), поручивъ завѣдываніе ими спеціальному чиновнику, и открыли къ нимъ доступъ каждому желающему заниматься въ нихъ. Конечно, библіотеки эти должны быть своевременно пополняемы всѣми вновь выходящими полезными книгами. Средства для основанія и содержанія ихъ должны идти отъ казны, или же составляться изъ частныхъ пожертвованій и изъ сбереженій отъ мѣстнаго провинціальнаго бюджета. Чтеніе книгъ и изслѣдованіе старины, заключающей въ себѣ зародыши всѣхъ новѣйшихъ реальныхъ знаній, послужатъ основаніемъ къ образованію выдающихся дѣятелей на поприщахъ гражданскомъ, военномъ и научномъ, которые своими изумительными трудами и изобрѣтеніями, основанными на глубокомъ пониманіи сокровенныхъ законовъ природы и ея превращеній, будутъ владыками неба и земли, простругъ свое вліяніе на китайцевъ и иностранцевъ и положатъ основаніе всемірному объединенію и возвращенію золотого вѣка древнихъ царей. Соединенныя умственныя силы Китая, направленныя къ изслѣдованію причинъ всемірно-исторической эволюціи, ставъ во главѣ новаго движенія, безъ сомнѣнія, выдвинутъ Китай съ его 400 милл. населеніемъ на первое мѣсто между всѣми остальными странами міра. „Но если мы будемъ продолжать держаться въ сторонѣ, коснѣть въ невѣжествѣ и рутинѣ и подчиняться другимъ, то Китай ожидаетъ участь Индіи, Люци, Аннама и Бирмы“.

IV.

Одною изъ главнѣйшихъ задачъ таможенной политики Китая является возвращеніе присущаго каждому государству права самостоятельнаго установленія таможенныхъ пошлинъ,—права, парализованнаго договорами, заключенными между Китаемъ и иностранными державами, съ установленіемъ спеціальныхъ тарифовъ на десятилѣтній срокъ. Важнѣйшею мѣрою для успѣшнаго достиженія этой цѣли было бы,—по мнѣнію автора,—уничтоженіе „ликина“ [1])

[1]) Подъ именемъ ликина разумѣется сборъ со всѣхъ товаровъ по всему Китаю, въ размѣрѣ отъ 0.001 до 0,(0)8, установленный въ 50-хъ годахъ на покрытіе военныхъ расходовъ. Для взиманія этого сбора, не составлявшаго собственно прямого налога, а являвшагося въ видѣ временной мѣры, имѣвшей характеръ понудительнаго пожертво-

Digitized by Google

и повышеніе таможенныхъ пошлинъ. Еслибы, какъ думаютъ нѣкоторые, иностранцы не согласились на эту мѣру, то въ годъ пересмотра договоровъ слѣдуетъ сдѣлать предварительное заявленіе о томъ, что все, противное интересамъ нашего народа и несовмѣстное съ верховными правами государства, Китай будетъ имѣть право самъ своевременно измѣнить. Такое заявленіе вполнѣ согласуется съ постановленіями международнаго права, предоставляющими каждому государству полную самостоятельность въ регулированіи своей торговли съ иностранцами.

„Обращаясь къ нормѣ пошлинъ въ Европѣ и Америкѣ, мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ она составляетъ 20, 40, 60% со стоимости, а весьма часто взимается въ размѣрѣ 100%. Такъ, напримѣръ, табакъ и вино во всѣхъ государствахъ облагаются наивысшею пошлиною, а въ Китай эти продукты, на основаніи существующихъ договоровъ, ввозятся подъ рубрикою „припасовъ“ безпошлинно. Правомъ безпошлиннаго ввоза и вывоза пользуются также слѣдующіе предметы: золото и серебро въ слиткахъ, иностранная монета, мука разныхъ сортовъ, сало, сухари, мясо и зелень въ консервахъ, сыръ, масло коровье, конфекты, иностранная одежда, издѣлія ювелирныя, издѣлія изъ серебра, духи и мыло всѣхъ сортовъ, древесный уголь, дрова, свѣчи иностраннаго издѣлія, табакъ и сигары иностранные, вино, пиво, спиртные напитки, припасы и различные предметы, употребляемые въ домѣ и на судахъ, дорожный багажъ, канцелярскія принадлежности, ковровыя издѣлія, ножевой товаръ, иностранные лекарственные предметы, стекло и хрусталь. Всѣ вышеисчисленные предметы нигдѣ, кромѣ Китая, не освобождаются отъ пошлинъ. Въ настоящее время необходимо установить новыя правила съ повышеніемъ пошлинъ на всѣ предметы иностраннаго ввоза, тогда какъ наши мѣстныя произведенія, при вывозѣ за границу, за исключеніемъ табаку, водокъ, жемчуга и рѣдко-

ванія на покрытіе чрезвычайныхъ потребностей государства по усмиренію страшныхъ внутреннихъ мятежей, весь Китай покрылся сѣтью ликинныхъ конторъ, въ которыхъ проходившіе чрезъ нихъ какъ мѣстные, такъ и иностранные товары, вышедшіе за черту иностранныхъ концессій въ портахъ, открытыхъ для иностранной торговли, оплачивались извѣстнымъ сборомъ. Являясь и самъ по себѣ въ общей сложности довольно отяготительнымъ, сборъ этотъ не перестаетъ вызывать справедливые протесты китайцевъ и иностранцевъ, особенно вслѣдствіе царившаго въ немъ полнѣйшаго произвола чиновниковъ и чинимыхъ ими злоупотребленій. Въ настоящее время, при требованіи центральнымъ правительствомъ болѣе правильной отчетности въ поступленіяхъ этого сбора, казна получаетъ отъ него всего около 15 милл. ланъ, или 22½ милл. рублей. Полагаютъ, что львиная доля этого сбора идетъ въ карманы чиновниковъ.

Digitized by Google

стей (curio), должны облагаться самою низкою пошлиною или даже совершенно освобождаться отъ нея. Первая изъ этихъ мѣръ будетъ содѣйствовать уменьшенію иностраннаго ввоза и развитію мѣстной производительности, а вторая послужитъ къ поощренію нашего вывоза. Эти два принципа лежатъ въ основѣ международной таможенной политики каждаго государства, пользующагося въ установленіи ея полнѣйшею свободою. Главнымъ регуляторомъ этой политики служитъ характеръ отношеній одного государства къ другому, создающій или таможенную войну, выражающуюся въ обложеніи взаимныхъ товаровъ высокими пошлинами, или же таможенный миръ, т.-е. соотвѣтственное взаимное уменьшеніе пошлинъ"...

„При открытіи Китая для иностранной морской торговли, китайцы, будучи незнакомы съ условіями ея, поручили завѣдываніе ею иностранцамъ, съ образованіемъ, для этого, спеціальнаго таможеннаго вѣдомства съ генералъ-инспекторомъ морской таможни во главѣ и съ коммиссарами въ каждомъ изъ открытыхъ для иностранной торговли портовъ. Всѣ подчиненныя должности въ этомъ вѣдомствѣ замѣщаются иностранцами. Единственными представителями въ нихъ китайскаго элемента являются переводчики, письмоводители и сборщики пошлинъ. А между тѣмъ, со времени открытія портовъ для иностранной торговли протекло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и въ средѣ китайцевъ есть не мало людей въ совершенствѣ понимающихъ таможенные тарифы и основательно знакомыхъ съ договорами и торговыми правилами. Вмѣсто того, чтобы пользоваться услугами иностранцевъ, покровительствующихъ своимъ родичамъ, не лучше ли замѣнить ихъ китайцами? На это нѣкоторые возражаютъ, что между китайцами мало честныхъ людей и много хитрыхъ и коварныхъ, а потому назначеніе ихъ на таможенную службу породитъ злоупотребленія. Но въ виду опредѣленности дѣйствующихъ тарифовъ, множества глазъ и ушей, обращенныхъ на таможенное дѣло, и того, что вопросъ касается престижа,—едва ли и хитрые изъ китайцевъ при этихъ условіяхъ въ состояніи будутъ производить злоупотребленія. Поэтому,—заключаетъ авторъ,—я считаю долгомъ просить о замѣнѣ иностраннаго персонала морскихъ таможенъ китайскимъ, что̀ несомнѣнно принесетъ великую пользу таможенному дѣлу, но еще бо̀льшую—въ сохраненіи государственнаго достоинства Китая". Въ подтвержденіе справедливости своего взгляда, г. Тао приводитъ статью одного своего соотечественника, который еще съ бо̀льшимъ азартомъ возстаетъ противъ иностраннаго персонала морскихъ таможенъ, упрекая его

Digitized by Google

въ потворствѣ и покровительствѣ иностраннымъ купцамъ и въ придирчивости къ китайскимъ, которые, вслѣдствіе этого, подкупаютъ иностранныхъ купцовъ, чтобы они выдавали ихъ товары за свои собственные, а это естественнымъ образомъ возвышаетъ стоимость этихъ товаровъ и затрудняетъ ихъ сбытъ. Признавая, по примѣру Японіи, полнѣйшую необходимость замѣны иностраннаго персонала морскихъ таможенъ китайскимъ, авторъ рекомендуетъ начать эту реформу назначеніемъ способныхъ и опытныхъ въ таможенной службѣ китайскихъ чиновниковъ на мѣста помощниковъ, начальниковъ портовыхъ таможенъ и, по мѣрѣ пріобрѣтенія ими большей служебной опытности, замѣнять ими иностранныхъ начальниковъ. Въ 23 портовыхъ таможняхъ Китая состоитъ на службѣ 4.343 человѣка, изъ коихъ 3.573 ч. китайцевъ. „Неужели же между тѣми изъ нихъ, которые завѣдуютъ извѣстною таможенною частью, не найдется добросовѣстныхъ людей, способныхъ замѣнить иностранцевъ, въ особенности когда они будутъ получать такіе же крупные оклады содержанія, какъ послѣдніе“?

V.

Китай есть государство земледѣльческое, тогда какъ иностранныя государства являются государствами торговыми. Начавъ такимъ образомъ свою главу о торговлѣ, авторъ продолжаетъ:... „всякому человѣку извѣстно, что выгоды, доставляемыя земледѣліемъ, относятся къ выгодамъ кореннымъ, основнымъ, между тѣмъ какъ торговыя выгоды являются послѣднимъ дѣломъ. И дѣйствительно, въ древнее время, когда каждый занимался своимъ опредѣленнымъ дѣломъ, торговыя сношенія ограничивались только обмѣномъ хлѣба на полотно. Не то мы видимъ въ настоящее время, когда иностранцы, въ погонѣ за собственными выгодами, занимаются всевозможными профессіями, когда при посредствѣ торговли создается могущество государствъ, и она сама пользуется защитою военныхъ силъ. Союзы, договоры, посольства—все это существуетъ для горговли. Англія, при помощи торговли, расширила свои владѣнія; ея купцы явились первыми піонерами въ развитіи Америки, завоеваніи Индіи, захватѣ бирманскихъ владѣній и въ открытіи торговыхъ сношеній съ Китаемъ. Иностранцевъ не безпокоитъ то, что мы обучаемъ армію и занимаемся военнымъ дѣломъ, но ихъ тревожитъ то, что мы отнимемъ у нихъ торговыя выгоды. Поэтому, подня-

Digitized by Google

тіе нашей торговли, сопряженное съ самоусиленіемъ, является наилучшимъ средствомъ къ обузданію иностранцевъ. Какъ же возможно называть торговлю послѣднимъ дѣломъ? Со времени англо-французской войны доходы казны отъ таможенныхъ пошлинъ и сборовъ съ иностранныхъ товаровъ превышаютъ поземельныя подати и служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для покрытія государственныхъ расходовъ. Но если наши финансисты не будутъ обращать серьезнаго вниманія на торговлю и принимать мѣръ къ поддержанію ея, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого будетъ упадокъ какъ таможенныхъ доходовъ, такъ и самой торговли, обѣднѣніе народа и истощеніе средствъ страны. Въ Англіи для завѣдыванія торговлею учреждено спеціальное министерство торговли, которое самымъ тщательнымъ образомъ слѣдитъ за торговлею, и благодаря этому она получаетъ отъ нея самые огромные и блестящіе результаты. Примѣру ея послѣдовали Франція и Соединенные Штаты Сѣверной Америки и также постепенно достигли могущества и богатства. Германія нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, по примѣру Англіи и Франціи, завела у себя коммерческія школы и, для ознакомленія съ произведеніями разныхъ странъ, открыла коммерческіе музеи, и это дало ея торговлѣ громадный подъемъ. Въ недавнее время Австрія также обратила вниманіе на торговлю. Банки, ссуды подъ товары, страхованіе, различные способы заводской и фабричной производительности, сбытъ товаровъ, фрахты, условія перевозки, улучшеніе почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній— все это является предметомъ ея заботливости. Благодаря такимъ мѣрамъ, торговля западныхъ государствъ съ каждымъ днемъ развивалась, могущество ихъ возрастало и населеніе богатѣло. Но при равенствѣ своихъ производительныхъ силъ, а слѣдовательно и взаимныхъ выгодъ, государства эти, естественнымъ образомъ, не могли не видѣть въ Азіи страны для своего обогащенія и арены для пріобрѣтенія выгодъ. Величайшимъ государствомъ въ Азіи является Китай, а за нимъ слѣдуетъ Японія. Поэтому-то иностранныя государства со всѣми своими силами устремились на Востокъ, въ Китай, гдѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались открывать торговые порты, вынуждать договоры, учреждать консульства, захватывая жизненные рессурсы народа и получая удовлетвореніе своихъ разнообразныхъ и ненасытныхъ требованій. На первыхъ порахъ и Японія была разорена ими до такой степени, что въ государственномъ казначействѣ оставались почти однѣ ассигнаціи; серебро и золото съ каждымъ днемъ являлось рѣже въ обращеніи, и положеніе госу-

Digitized by Google

дарства становилось опаснымъ. Тогда правительство рѣшилось приступить къ кореннымъ реформамъ и обратило серьезное вниманіе на торговлю. Японцы съ жаромъ принялись за изученіе иностранной фабричной и заводской производительности, съ цѣлью вытѣснить иностранные продукты, и за производство разныхъ товаровъ по китайскимъ образцамъ для сбыта ихъ иностранцамъ. Благодаря этимъ и другимъ прогрессивнымъ мѣрамъ, положеніе государства стало улучшаться, всѣ кредитные билеты были выкуплены, и казначейство наполнилось золотомъ и серебромъ. Такъ какъ Японія не только освободилась отъ невыгодныхъ сторонъ международной торговли, но даже пользуется выгодами ея, то среди великихъ государствъ Азіи остается только одинъ Китай, интересы котораго страдаютъ отъ международной торговли. Причина этого заключается въ отсутствіи людей, обращающихъ серьезное вниманіе на торговлю. Въ частности это зависитъ какъ отъ властей, такъ и отъ самихъ купцовъ. Китайскія власти не только не покровительствуютъ торговлѣ, но, напротивъ, вредятъ ей своимъ взяточничествомъ. Съ другой стороны, между китайскими купцами много невѣжественныхъ и мало развитыхъ людей, много пустыхъ и мало солидныхъ, много рутинеровъ и мало иниціаторовъ, много обманщиковъ и мало людей честныхъ; бо́льшая часть ихъ заботится только о своихъ мелкихъ выгодахъ, не обращая никакого вниманія на общее дѣло; нѣтъ между ними единодушія и солидарности. Поэтому-то акціонерныя предпріятія оканчиваются расхищеніемъ акціонернаго капитала, а компаніи—банкротствомъ. Для того, чтобы торговля могла приносить дѣйствительную пользу государству, надобно покончить съ тѣмъ зломъ, которое наносятъ ей власти и само торговое сословіе; а для этого прежде всего необходимо учредить особое министерство торговли, которое, управляя всѣми дѣлами, касающимися внутренней торговли, въ то же время вѣдало бы и международною торговлею въ портахъ сѣвернаго и южнаго района; для ближайшаго надзора за нуждами этой послѣдней учредить для каждаго района по торговой палатѣ, подъ предсѣдательствомъ именитыхъ купцовъ, избираемыхъ сообща мѣстными властями главныхъ торговыхъ центровъ Китая изъ лицъ, пользующихся громкою извѣстностью“...

Вниманіе министерства прежде должно быть обращено на культуру чайнаго дерева и хлопка и на развитіе обрабатывающей производительности съ тою непремѣнною цѣлью, чтобы Китай не только могъ самъ производить все нужное для себя, но еще и снабжать своими произведеніями иностранцевъ. Кромѣ того,

Digitized by Google

оно должно озаботиться пересмотромъ тарифовъ, подъ непремѣннымъ условіемъ значительнаго повышенія ввозной и соотвѣтственнаго пониженія вывозной пошлины. Для образованія изъ купеческихъ дѣтей умныхъ, честныхъ и энергичныхъ дѣятелей на торговомъ поприщѣ, необходимо учредить при торговыхъ палатахъ коммерческія училища. Затѣмъ, въ областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ городахъ слѣдуетъ открыть торговые клубы, въ которыхъ купцы и ремесленники, подъ предсѣдательствомъ выбранныхъ ими изъ своей среды лицъ, собирались бы однажды или дважды въ мѣсяцъ и обмѣнивались бы мыслями по разнымъ коммерческимъ и промышленнымъ вопросамъ, выражая свои мнѣнія относительно необходимости развитія и расширенія той или другой отрасли промышленности. Мнѣнія и взгляды наиболѣе цѣлесообразные и заслуживающіе вниманія записывались бы предсѣдателями въ книгу и затѣмъ въ формѣ отчетовъ печатались бы чрезъ каждые три мѣсяца для разсылки членамъ клубовъ.

Свои мнѣнія и взгляды торговыя палаты должны представлять главнозавѣдывающимъ торговлею въ сѣверныхъ или южныхъ портахъ, или же непосредственно въ министерство торговли, куда онѣ обязаны представлять и общіе ежегодные отчеты о положеніи торговли и промышленности, восходящіе потомъ въ общемъ докладѣ ею на высочайшее усмотрѣніе. При такой постановкѣ дѣла могутъ быть принимаемы соотвѣтственныя мѣры къ развитію торговли и промышленности, и, благодаря солидарности, которая установится между правительствомъ и торгово-промышленнымъ классомъ, всякое полезное предпріятіе будетъ осуществляемо и все вредное будетъ устраняемо. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что, по истеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, Китай въ торговомъ отношеніи будетъ занимать мѣсто наряду со странами западной Европы.

Въ заключеніе, авторъ обращаетъ вниманіе на торговое пароходство, на которое онъ смотритъ какъ на главный рычагъ торгово-промышленнаго подъема Китая, и прежде всего рекомендуетъ замѣнить иностранное каботажное судоходство китайскимъ, затѣмъ открыть китайское пароходство по внутреннимъ рѣкамъ и, наконецъ, завести торгово-почтовое пароходство съ субсидіями отъ правительства, какъ это обыкновенно дѣлается въ другихъ странахъ.

Digitized by Google

VI.

Новую главу, являющуюся прямымъ продолженіемъ предъидущей, авторъ начинаетъ энергичными и, быть можетъ, не вполнѣ незаслуженными упреками по адресу иностранцевъ. „Со времени открытія торговыхъ сношеній между Китаемъ и иностранцами политика послѣднихъ не переставала отличаться насиліемъ, и китайскій народъ терпитъ отъ нихъ постоянныя обиды и притѣсненія. Кто изъ китайцевъ не желалъ бы помѣряться съ ними? Въ этихъ видахъ мы обзаводимся броненосцами, строимъ укрѣпленія, заводимъ флотъ, пріобрѣтаемъ оружіе, обучаемъ войска, словомъ, занимаемся военнымъ дѣломъ, не щадя послѣднихъ усилій, и думаемъ:—ну, теперь мы страшны имъ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ!—а они втихомолку только подсмѣиваются надъ нами. А почему? Потому что они стремятся высасывать наши жизненные соки, нападаютъ на наши богатства, а не на армію. Военные захваты причиняютъ человѣку зло, которое легко поправить, тогда какъ торговое обязательство истощаетъ государство незамѣтно. Алчные замыслы иностранцевъ до тѣхъ поръ не прекратятся, пока наша торговля не разовьется. Пусть будетъ у насъ масса храбрыхъ офицеровъ и огромный флотъ, и это нисколько не помѣшаетъ имъ весело отправляться въ Китай и съ торжествомъ возвращаться изъ него, удовлетворивъ своей алчности. Кто можетъ остановить ихъ? На это я могу отвѣтить категорически: лучше заняться торговою войною, чѣмъ обыкновенною!. Она одна въ состояніи остановить ихъ. Но для того, чтобы съ умѣньемъ вести торговую войну, необходимо взвѣсить всѣ шансы за и противъ и имѣть точное знаніе рынка и всѣхъ его условій. Здѣсь я позволю себѣ прежде всего обратить вниманіе соотечественниковъ на два главные предмета, наиболѣе наносящіе вредъ нашей торговлѣ: это—опіумъ, на пріобрѣтеніе котораго мы затрачиваемъ ежегодно около 33.000.000 ланъ (50 милл. руб.), и — хлопчатобумажныя ткани, на покупку которыхъ мы расходуемъ 53.000.000 ланъ (79½ милл. руб.). Прибавьте къ этому еще 35.000.000 ланъ (52½ милл. руб.) за разные другіе иностранные товары. Всѣ эти предметы, находя хорошій сбытъ въ портахъ, ввозятся оттуда внутрь страны, гдѣ вытѣсняютъ изъ употребленія наши мѣстныя старинныя произведенія. Выгоды отъ двухъ главныхъ предметовъ нашего вывоза—шолка и чая—также начинаютъ уменьшаться. Такъ, стоимость вывозимаго шолка, благодаря конкурренціи Италіи, Франціи и Японіи, съ 40.000.000 ланъ (60 милл. руб.)

Digitized by Google

понизилась нынѣ до 37.000.000 ланъ (55½ милл. руб.), а чай, благодаря конкурренціи индійскихъ, цейлонскихъ и японскихъ чаевъ, вмѣсто прежнихъ 35.000.000 ланъ (52½ милл. руб.), даетъ только 10.000.000 ланъ (15 милл. руб.). Кромѣ этого, вывозъ разныхъ другихъ товаровъ даетъ намъ 29.000.000 ланъ (43½ милл. руб.). Такимъ образомъ, наши доходы отъ шолка и чая не покрываютъ расходовъ на покупку опіума и хлопчатобумажныхъ тканей. Что̀ удивительнаго, что при такомъ неумѣньѣ вести торговую войну Китай все болѣе и болѣе приходитъ въ истощеніе! Прибавьте къ этому весьма значительный вредъ, доставляемый обращающимися въ Китаѣ иностранными долларами, на которые иностранцы, по искусственному курсу, пріобрѣтаютъ китайское чистое серебро. Если такъ будетъ продолжаться дѣло, то чрезъ какую-нибудь сотню лѣтъ жизненныя силы Китая будутъ въ концѣ истощены, и тогда, съ голодными войсками, его не спасутъ ни крѣпкіе броненосцы, ни усовершенствованное оружіе. Торговля есть взаимный обмѣнъ произведеній, всѣ выгоды котораго, однако, падаютъ на долю тѣхъ странъ, которыя больше вывозятъ, чѣмъ получаютъ. Положенный въ основу международнаго торговаго соперничества, принципъ этотъ, безъ сомнѣнія, обезпечитъ успѣхъ въ этой борьбѣ. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что процвѣтаніе или упадокъ торговли не зависятъ отъ одного только количества произведеній, но еще въ большей степени отъ состоянія ремеслъ и искусствъ, которыя даютъ возможность обработывать не только свои собственныя произведенія, но и произведенія другихъ странъ, чтобы затѣмъ, съ выгодами для себя, сбывать ихъ имъ же или же въ другія страны. Одна торговля, безъ обработывающей производительности, допуская даже постоянное увеличеніе разработки естественныхъ богатствъ Китая, послужитъ къ тому, что мы попусту будемъ бросать собственныя выгоды, которыми воспользуются другіе...

„При усиленномъ стремленіи къ измѣненію настоящей торгово-промышленной политики Китая, кромѣ учрежденія спеціальнаго министерства и провинціальныхъ торговыхъ палатъ, съ предоставленіемъ имъ права, въ случаѣ пристрастной и корыстной дѣятельности министра торговли, обращаться съ своими нуждами непосредственно въ государственный совѣтъ, еще настоятельно необходимо поставить торговый и промышленный классъ на надлежащую высоту и обращаться съ нимъ не съ презрѣніемъ, а съ должнымъ уваженіемъ. Для усовершенствованія обработывающей производительности, слѣдуетъ устраивать промышленныя выставки. При совокупности этихъ мѣръ, главная задача нашей торговой

Digitized by Google

политики должна заключаться въ поднятіи шолковой и чайной производительности, въ уменьшеніи вывозныхъ пошлинъ и сборовъ, устройствѣ шелкопрядиленъ, широкомъ развитіи производства мѣстнаго опіума, съ освобожденіемъ его отъ ликиннаго сбора, въ пріобрѣтеніи новыхъ машинъ для приготовленія всевозможныхъ мануфактурныхъ товаровъ, устройствѣ стеклянныхъ заводовъ, часовыхъ и бумажныхъ фабрикъ, папиросныхъ фабрикъ въ Маньчжуріи, сахарныхъ заводовъ въ южномъ Китаѣ и винодѣлія въ среднемъ, въ реставраціи фарфоровыхъ заводовъ, съ производствомъ на нихъ тонкаго фарфора по ипостраннымъ образцамъ для заграничнаго сбыта, въ разработкѣ минеральныхъ богатствъ, въ приготовленіи керосина, открытіи спичечныхъ фабрикъ, въ производствѣ въ Нанкинѣ и Ханъ-Чжоу шолковыхъ матерій по иностраннымъ образцамъ, для вывоза за границу, и наконецъ въ чеканкѣ монеты и выпускѣ ассигнацій. Но гдѣ же взять средства для осуществленія этого безспорно благодѣтельнаго и блестящаго плана“? На это авторъ, не задумываясь, отвѣчаетъ: „на это можно употребить тѣ громадныя суммы, которыя ежегодно расходуются на военное дѣло (на вооруженія и всевозможныя мѣры обороны) и замѣнить, такимъ образомъ, войну, основанную на физической силѣ, войною, основанною на богатствѣ, съ вѣрнымъ разсчетомъ на успѣхъ и вдобавокъ еще съ возможностью вѣчнаго мира и благоденствія народа. Само собою разумѣется, что для веденія торговой войны необходимо дѣятельное содѣйствіе и покровительство правительственной власти, вліяніе которой по отношенію къ ремесламъ и искусствамъ должно проявиться въ учрежденіи техническихъ школъ, съ приглашеніемъ въ нихъ искусныхъ иностранныхъ техниковъ въ качествѣ наставниковъ. Школы эти дадутъ техниковъ по разнымъ спеціальностямъ, которые, на первыхъ порахъ, должны будутъ заняться изготовленіемъ иностранныхъ товаровъ, пользующихся въ Китаѣ наибольшимъ спросомъ; товары эти, благодаря своей дешевизнѣ, безъ сомнѣнія, вытѣснятъ иностранный продуктъ. Дальнѣйшая дѣятельность этихъ техниковъ должна заключаться въ тщательномъ приготовленіи предметовъ иностраннаго вывоза изъ Китая. Примѣромъ въ этой борьбѣ можетъ служить для насъ Японія. Это небольшое островное государство, не отличающееся особеннымъ богатствомъ естественныхъ произведеній, подражая иностранцамъ, принялось съ такою энергіею за свое возрожденіе, что немного прошло времени, какъ оно покрылось мануфактурными и другими фабриками, удовлетворяющими не только внутреннимъ потребностямъ страны, но даже начинающими посылать

Digitized by Google

свои произведенія на иностранные рынки. Краснорѣчивымъ доказательствомъ успѣшности торговаго соперничества Японіи съ иностранцами можетъ служить тотъ фактъ, что торговый балансъ по иностранной торговлѣ за 6 лѣтъ, съ 1881 по 1887, далъ въ пользу ея 52.800.000 долларовъ. Если Китай, при своей обширности, многонаселенности и обиліи естественныхъ произведеній, послѣдуетъ примѣру Японіи и замѣнитъ свои вѣковые порядки новыми, болѣе соотвѣтствующими духу времени, то онъ заберетъ въ свои руки выгоды азіатскаго материка, а со временемъ и всего міра. А при матеріальномъ богатствѣ у него будетъ и сильная армія. Обладаніе же тѣмъ и другимъ создало бы ему такое положеніе, что иностранцы не осмѣлились бы вступить въ борьбу съ Китаемъ, даже если бы онъ вызывалъ ихъ на нее, а предпочли бы униженно заискивать мира и дружбы съ нимъ"...

Приводимое авторомъ разсужденіе шанхайской газеты („Ху-Бао") о необходимости измѣненій въ торговой политикѣ Китая не прибавляетъ ничего новаго къ уже приведеннымъ нами его взглядамъ на условія, при которыхъ для него возможно торговое соперничество съ иностранцами. Все это сводится къ неизбѣжному поднятію значенія торговаго сословія, поощренію и разумному, своевременному содѣйствію правительственной власти всякой дѣятельности его, направленной къ торговой борьбѣ съ иностранцами, съ неизмѣнною и небезосновательною увѣренностью въ успѣхѣ этой борьбы, такъ какъ обиліе и разнообразіе естественныхъ богатствъ Китая, въ соединеніи съ дешевизною рабочей силы, и сбереженіе на фрахтѣ—даютъ ему полное основаніе разсчитывать на постепенное исключеніе съ китайскихъ рынковъ иностранныхъ фабрикатовъ и замѣнъ ихъ издѣліями туземными.

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о ремеслахъ и художествахъ, или механическихъ производствахъ, авторъ предварительно старается объяснить причины неудовлетворительнаго состоянія ихъ въ Китаѣ въ настоящее время. Причины эти, по мнѣнію автора, заключаются, во-первыхъ, въ утратѣ старинныхъ трактатовъ о реальныхъ наукахъ (?) и строительномъ искусствѣ (?), а затѣмъ въ усиленіи буддизма и даосизма, на изученіе которыхъ устремились лучшіе умы Китая, оставивъ ремесла и искусства въ полнѣйшемъ пренебреженіи, такъ что на ремесленниковъ и мастеровъ стали смотрѣть съ презрѣніемъ, какъ на людей самыхъ низкихъ профессій, да и они сами чуть не равняли себя съ рабами и мирились съ своимъ невѣжествомъ, а изъ людей умныхъ и талантливыхъ никто не имѣлъ охоты при-

Digitized by Google

соединиться къ корпораціи ремесленниковъ. „Удивительно ли послѣ этого,—восклицаетъ авторъ, — что предметы китайскаго производства никуда негодны, самое производство падаетъ и китайцы стоятъ съ разинутыми ртами предъ произведеніями иностранцевъ, восхищаясь ими, какъ чѣмъ-то чудеснымъ! Въ 1893 г. однимъ чиновникомъ представленъ былъ докладъ съ просьбою объ открытіи технической школы, а другимъ—объ основаніи реальныхъ школъ. Оба доклада были переданы, по высочайшему повелѣнію, на заключеніе общаго собранія высшихъ чиновъ имперіи. И что же? Люди, стоящіе у кормила правленія, довольные своей рутиной, взглянули на техническія училища какъ на послѣднее дѣло, и прекрасная идея оказалась пустою мечтою. Между богато одаренными и многознающими китайцами вы не встрѣтите ни одного, который бы съ юныхъ лѣтъ всецѣло посвятилъ себя одному какому-нибудь ремеслу или искусству, съ цѣлью доставить пользу человѣчеству и составить себѣ имя. А между тѣмъ, механическія производства (ремесла и искусства) являются корнемъ, на которомъ возрастаютъ могущество и сила чужеземныхъ странъ. По уму и изобрѣтательности, китайцы не только не уступаютъ иностранцамъ, но, быть можетъ, даже превосходятъ ихъ. Доказательствомъ этого служитъ изобрѣтеніе китайцемъ Цзянь-Шэнь-Сю, при Минской династіи (1368-1628 г.), деревянной коровы для обработыванія полей и деревяннаго осла для передвиженія, которые, какъ передаютъ, приводимы были въ движеніе при помощи заключавшагося въ нихъ воздуха и, наконецъ, фонографа (трубки, оставляющей звукъ), приготовленнаго изъ стекла съ крышкою, снабженною ключомъ. Къ сожалѣнію, талантливые люди, не встрѣчая никакого поощренія въ правительственныхъ сферахъ, ни возможности къ обученію искусствамъ и ремесламъ, естественнымъ образомъ, должны были остаться позади иностранцевъ, которые одни продолжали развиваться на этомъ поприщѣ. Для развитія у насъ техническаго, фабричнаго и строительнаго дѣла, которое избавило бы насъ отъ разорительной необходимости пріобрѣсти все нужное у иностранцевъ, намъ необходимо завести собственныя техническія и ремесленныя школы, пригласивъ для обученія въ нихъ нашего юношества опытныхъ и извѣстныхъ иностранныхъ наставниковъ. Развитіе техническихъ знаній послужитъ однимъ изъ главныхъ вспомогательныхъ средствъ къ созданію матеріальнаго благосостоянія и силы государства. Надобно только помнить, что, въ виду возрастанія человѣческой изобрѣтательности, по мѣрѣ упражненія ея, и неистощимости естественныхъ произведеній, а также безконечности міровыхъ законовъ,

Digitized by Google

мы въ усвоеніи техническихъ знаній не должны довольствоваться одною только подражательностью, а должны стремиться быть самостоятельными дѣятелями въ этой области знаній, что̀ можетъ быть достигнуто сосредоточеніемъ нашей умственной энергіи на глубокомъ и всестороннемъ изученіи сущности и основъ этихъ знаній"...

„Совершенно справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ финансистовъ, что путь къ богатству и силѣ заключается въ томъ, чтобы самимъ вывозить то, что̀ нужно отъ насъ другимъ, и самимъ выдѣлывать то, въ чемъ мы нуждаемся отъ другихъ. Изъ предметовъ ввоза въ Китай, за исключеніемъ опіума, главными являются пряжа и полотна, ввозъ которыхъ въ 1893 г. поднялся до значительной цифры 52.737.400 ланъ (около 105 т. рублей); причемъ одной пряжи изъ Индіи и Англіи ввезено было болѣе чѣмъ на 22 м. ланъ, и ввозъ этихъ двухъ продуктовъ все продолжаетъ возрастать. Благодаря этому, деньги уходятъ за границу, и китайцы лишились этой отрасли производства. Въ прежнее время полотно и пряжа, приготовлявшіяся изъ хлопка, ростущаго въ приморскихъ провинціяхъ Китая, шли не только на удовлетвореніе потребностей мѣстнаго населенія, но и вывозились непрерывными транспортами въ сѣверо-западныя провинціи его. А съ тѣхъ поръ, какъ китайцы стали покупать полотна и пряжу, ввозимыя иностранцами, соблазняясь ихъ дешевизною и добротою, наши южныя полотна и пряжа утратили половину своихъ выгодъ, такъ что въ настоящее время въ открытыхъ для торговли портахъ, а также въ торговыхъ посадахъ, городахъ и селеніяхъ внутренняго Китая, не болѣе 20% населенія одѣвается въ китайскія полотна, а остальные 80% носятъ иностранное полотно. Да, люди сознательные не могутъ не скорбѣть при видѣ постояннаго расширенія сбыта иностранныхъ товаровъ и ежедневнаго уменьшенія сбыта своихъ собственныхъ. Такъ какъ мы, съ одной стороны, конечно, не можемъ равнодушно смотрѣть на упадокъ мѣстной хлопчатобумажной промышленности, а съ другой, не въ силахъ прекратить ввозъ иностраннаго полотна, то для выхода изъ этого невозможнаго положенія намъ не остается другого средства, какъ увеличенія пошлины на иностранное полотно и заведенія собственныхъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ. Въ Сайгонѣ, напримѣръ, кусокъ ввознаго бѣленаго полотна, стоимостью въ $3^1/_2$ доллара, оплачивается пошлиною въ размѣрѣ 1 доллара 30 центовъ, т.-е. 37%, а другой сортъ узкаго полотна—даже въ размѣрѣ 40%, тогда какъ въ Китаѣ съ иностраннаго полотна взимается пошлина въ

Digitized by Google

размѣрѣ 5% со стоимости, и даже гораздо менѣе. Это значитъ, ни болѣе ни менѣе, какъ отдать выгоды иностранцамъ и содѣйствовать расширенію ихъ сбыта. Увеличеніе пошлины, которое постепенно поведетъ за собою повышеніе цѣнъ на иностранный продуктъ, и сокращеніе ввоза и сбыта его—послужатъ къ постепенному оживленію сбыта мѣстныхъ полотенъ. Но, принимая мѣры къ сокращенію ввоза иностраннаго полотна, намъ, въ видахъ конкурренціи съ нимъ, слѣдуетъ озаботиться приготовленіемъ собственнаго полотна, для чего необходимо въ большихъ, открытыхъ для иностранной торговли, портахъ и провинціальныхъ центрахъ основать бумаго-прядильныя и ткацкія фабрики, снабдивъ ихъ всѣми необходимыми усовершенствованными машинами, которыя дадутъ возможность приготовлять фабрикаты съ гораздо бо́льшею быстротою и притомъ отличающіеся бо́льшею чистотою и ровностью.

„Не говоря уже о преобладающемъ положеніи, которое занимаетъ Англія въ ряду другихъ странъ по производству и сбыту хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ, мы видимъ, что за послѣдніе годы хлопчатобумажное производство день ото дня развивается и въ Японіи, и вывозъ изъ нея въ Китай пряжи и полотна все болѣе и болѣе увеличивается. Но Китаю, имѣющему собственный хлопокъ и располагающему дешевымъ трудомъ и не имѣющему надобности платить фрахтъ, не только не трудно будетъ вытѣснить иностранные хлопчатобумажные фабрикаты съ своихъ рынковъ, но даже найти сбытъ для своихъ бумажныхъ издѣлій въ Японіи и на островахъ Южнаго океана. Само собою разумѣется, что для осуществленія этого плана нужно не двѣ-три фабрики, которыя мы имѣемъ нынѣ въ Шанхаѣ и Хань-Коу".

VII.

Старинная пословица говоритъ: „хорошій земледѣлецъ прокармливаетъ 9 человѣкъ, средній—7, и самый плохой—5 человѣкъ". Такая разница въ урожаѣ, при одинаковыхъ условіяхъ почвы и искусства воздѣлыванія ея, зависитъ отъ прилежанія самого земледѣльца. Потому, хотя наводненія происходятъ отъ Высшей Силы, а тучность и скудость почвы обусловливаются самымъ составомъ ея, приложеніе человѣческаго труда рѣшительно въ состояніи какъ устранить зло, причиняемое наводненіями, такъ и восполнить скудость самой почвы. Первое достигается при помощи дренажей, а второе—при посредствѣ удобре-

Digitized by Google

нія или культивированіи соотвѣтствующаго почвѣ растенія. Благодаря этимъ мѣрамъ, во многихъ мѣстахъ Англіи безплодныя поля были обращены въ плодородныя нивы, дающія обильные урожаи. Изъ этого можно видѣть, до какой степени выгоды, доставляемыя землею, зависятъ отъ человѣческаго труда. Въ среднемъ Китаѣ, благодаря засоренію и уничтоженію оросительныхъ канавъ, громадныя пространства тучныхъ нивъ превратились въ тощія поля. А область Янъ-Чжоу (въ провинціи Цзянъ-Су), земля которой по кадастру отнесена была къ низшему разряду, вслѣдствіе повсемѣстнаго проведенія арыковъ, стала давать роскошную шелковицу и коноплю и сдѣлалась житницею столицы,—замѣчаетъ авторъ.

„Отъ древнихъ временъ до насъ не дошло никакихъ книгъ, трактующихъ о земледѣліи; но мы имѣемъ одно сочиненіе о земледѣліи второй четверти VI-го столѣтія, „Сущность земледѣлія и тутоводства", конца XIII ст., и, наконецъ, „Полный обзоръ земледѣлія"—начала XVII ст. Но сочиненія эти, излагающія, по большей части, сущность предмета, доступны только ученому классу и недоступны пониманію простого земледѣльца. Между тѣмъ, благодаря отсутствію правительственнаго надзора и взаимопоощренія къ земледѣлію, народъ погрязъ въ невѣжествѣ и кое-какъ влачитъ свое существованіе. Не то мы видимъ на Западѣ. Тамъ существуютъ спеціальныя министерства земледѣлія, которымъ принадлежитъ главное завѣдываніе основами земледѣльческой политики; а въ провинціяхъ учреждены постоянныя земледѣльческія выставки, на которыя поступаютъ всѣ сельско-хозяйственные продукты, и также скотъ; причемъ лучшіе экспонаты, въ видахъ поощренія, удостоиваются разныхъ наградъ. Тамъ принимаются самыя дѣятельныя мѣры къ леченію скота, предупрежденію появленія на злакахъ и деревьяхъ вредныхъ насѣкомыхъ, обращается серьезное вниманіе на изслѣдованіе почвъ, разведеніе на нихъ соотвѣтственныхъ растеній, удобреніе и орошеніе полей, словомъ, стараются, при помощи напряженнаго человѣческаго труда, извлечь изъ земли всѣ выгоды, какія она въ состояніи дать. Благодаря этому, получается обиліе естественныхъ произведеній"... Далѣе, авторъ, обративъ вниманіе на химическій составъ удобреній и даже на приложеніе электричества для ускоренія роста растеній, переходитъ къ благодѣтельной роли правительства въ области земледѣлія, которая выражается въ объясненіи народу того, что̀ для него непонятно, въ восполненіи того, на что̀ у него не хватаетъ силъ, и въ устраненіи того, что̀ для него неудобно. Народъ охотно пользуется тѣмъ, что̀ уже

Digitized by Google

существуетъ, но не любитъ измышлять чего-либо новаго, а потому обязанность его ближайшаго начальства заключается въ томъ, чтобы руководить имъ и являться во главѣ всякаго полезнаго начинанія. „Въ древнія времена Китая уѣздные начальники дѣйствительно помогали управляемому ими народу; но въ настоящее время между ними встрѣчается мало такихъ, которые бы обращали вниманіе на земледѣліе. Только въ западныхъ государствахъ и странахъ сохранился еще этотъ древній обычай. Тамъ представители власти, замѣтивъ, что въ ихъ странѣ нѣтъ чего-либо, или же есть, но хуже, чѣмъ у другихъ, непремѣнно стараются доискаться причинъ этого явленія и затѣмъ, при помощи подражанія, стремятся превзойти ихъ. Такъ, напримѣръ, въ ближайшіе годы итальянскій и французскій шолкъ и индійскій и цейлонскій чай постепенно начинаютъ брать верхъ надъ китайскими произведеніями этого рода. А между тѣмъ, у насъ въ Китаѣ попытка, сдѣланная однимъ таможеннымъ коммиссаромъ къ введенію въ Китаѣ усовершенствованныхъ способовъ ухода за шелкопрядами, при содѣйствіи китайцевъ, спеціально ознакомившихся съ этимъ дѣломъ въ Европѣ, встрѣтила противодѣйствіе и отпоръ со стороны лицъ, власть имущихъ. Привезенные для этого аппараты до сихъ поръ лежатъ въ реальной школѣ. Опасеніе встрѣтить подобное же сопротивленіе со стороны властей заставило одного доктора отказаться отъ намѣренія развести въ уѣздѣ Сенъ-Шань, Кантонской провинціи, опіумъ, нисколько не уступающій по своимъ качествамъ индійскому продукту".

„Въ видахъ улучшенія разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, нашему правительству, кажется, слѣдовало бы—одному изъ товарищей министра финансовъ спеціально поручить высшее завѣдываніе земледѣліемъ, съ приложеніемъ къ нему и иностранныхъ методовъ. Затѣмъ, для изученія лѣсоразведенія, земледѣлія, шелководства, скотоводства и лучшихъ способовъ обращенія безплодныхъ земель въ плодородныя нивы, командировать въ разныя страны Европы и Америки чиновниковъ, которые пріобрѣтенныя ими знанія изложили бы въ формѣ краткихъ, популярныхъ руководствъ. Въ каждую провинцію назначить по одному инспектору земледѣлія и водяного хозяйства, вмѣнивъ въ обязанность уѣзднымъ начальникамъ представить имъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи ихъ къ своему посту, точныя данныя о качествѣ земли и земледѣльческаго труда, о возможныхъ улучшеніяхъ въ народномъ хозяйствѣ и правилахъ, какія слѣдуетъ установить для привлеченія населенія къ распашкѣ пустырей и къ поднятію разныхъ отраслей мѣстной промышленности. Если принятыя на

Digitized by Google

основаніи собранныхъ инспекторами данныхъ, мѣропріятія дѣйствительно будутъ содѣйствовать развитію народнаго благосостоянія, уѣздные начальники будутъ удостоиваемы повышеній какъ за особое отличіе. Но, съ другой стороны, законъ долженъ быть неумолимо строгъ по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которые бы воспользовались возложенными на нихъ обязанностями по собранію свѣдѣній для вымогательствъ и притѣсненія населенія. Вѣдь Высшая Сила (Небо), сотворивъ народъ, поставила для него государя, а правительство учредило для него власти. Между тѣмъ, въ настоящее время безчеловѣчныя власти, поставленныя надъ народомъ, смотрятъ на него и на его нужды и страданія съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, заботясь только о собственной выгодѣ. Удивительно ли послѣ этого, что бродяги попадаются на каждомъ шагу и разбойниками переполнены дороги! Когда на земледѣліе будутъ смотрѣть какъ на основу всего въ неразрывной связи его съ торговлею, то это будетъ предвѣстникомъ богатства и силы государства и рычагомъ для благоустройства и мирнаго процвѣтанія его"...

„Говорятъ, что въ недавніе годы англичане съ громадными капиталами устремились на разработку дѣвственныхъ полей Борнео, а Россія отправляетъ переселенцевъ для колонизаціи сѣверо-западной окраины. Въ виду этого Китаю въ своихъ пограничныхъ владѣніяхъ также настоятельно необходимо приступить къ сооруженію рельсовыхъ путей, къ созданію въ нихъ сильныхъ гарнизоновъ по образцу древнихъ военно-хлѣбопашныхъ колоній, къ искусственному орошенію и облѣсенію пустынь, къ развитію въ горныхъ областяхъ скотоводства и приготовленію изъ получаемой шерсти разныхъ шерстяныхъ издѣлій. На юго-восточной границѣ необходимо обучить населеніе искусству разведенія хлопка, шелковицы и чая. Словомъ, поставить дѣло такъ, чтобы земля не пустовала и земледѣлецъ не терялъ времени".—Въ заключеніе этой главы авторъ особенно рекомендуетъ разведеніе въ юго-восточныхъ провинціяхъ Китая американскаго хлопка, который, благодаря длинѣ и крѣпости волокна, даетъ возможность выдѣлывать самыя тонкія ткани, которыхъ нельзя приготовить изъ мѣстнаго короткаго хлопка.

Изъ главы о земледѣліи вообще авторъ выдѣляетъ въ особую статью вопросъ о разработкѣ пустопорожнихъ мѣстъ, которому въ дѣлѣ поступательнаго движенія Китая впередъ онъ придаетъ особую важность. „Съ глубокой древности,—говоритъ авторъ,—земледѣліе и разведеніе шелковицы были положены въ основу благосостоянія Китая. Принципъ его внутренняго управленія

Digitized by Google

заключается главнымъ образомъ въ поощреніи земледѣльцевъ къ расширенію земледѣлія, увеличивающаго богатство населенія. Въ приложеніи у насъ къ земледѣлію и распашкѣ пустопорожнихъ мѣстъ нашихъ же методовъ мы, кажется, можемъ воспользоваться собственною опытностью. Извѣстно, что юго-восточныя области Китая отличаются многоводіемъ и населеніе ихъ, знаменитое своимъ прилежаніемъ къ земледѣльческому труду, обрабатываетъ землю при помощи орошенія, т.-е. занимается воздѣлываніемъ риса, которымъ оно снабжаетъ столицу. Но дѣло въ томъ, что при ограниченности земли и густотѣ населенія силы народныя начинаютъ тамъ истощаться. Между тѣмъ, сѣверо-западный Китай по бо́льшей части страдаетъ засухами и отличается лѣнивымъ и нерадивымъ населеніемъ, предоставляющимъ урожай на волю Божію. При обиліи земли и рѣдкости населенія пустопорожнія земли считаются тамъ милліонами десятинъ. Такъ на с.-в. мы имѣемъ провинціи Гирильскую и Хэй-Лунъ-Цзянскую, на с.—Жё-Хэ'скую область и Ордосъ, на с.-з.—Кобдо'скій округъ, сѣверный и южный склоны Тянь-Шаня и Лобъ-Норскій бассейнъ; всѣ они раскинулись на громадныя пространства, которыя, благодаря незнакомству туземнаго населенія съ земледѣліемъ, остаются совершенно заброшенными и непроизводительными. Громадная масса естественныхъ богатствъ въ приграничныхъ округахъ провинціи Сы-Чуань, Юнь-Нань, Гуй-Чжау и Гуанъ-Си, а также на о-вѣ Хай-Нани въ Кантонской провинціи остается до сихъ поръ еще нетронутой. И это происходитъ не отъ невниманія и равнодушія высшихъ провинціальныхъ властей, а отъ того, что почти всякая попытка въ этомъ направленіи влечетъ за собою захватъ выгодъ чужими людьми. А между тѣмъ населеніе внутренняго Китая становится до такой степени густымъ, что мѣстными произведеніями оно почти не въ состояніи прокармливаться. Древніе мудрые государи, очутившись въ такомъ положеніи, непремѣнно прибѣгли бы къ выселенію излишняго населенія туда, гдѣ въ немъ чувствуется недостатокъ. Въ послѣдніе годы, съ открытіемъ Китая для иностранной торговли, эмиграція китайцевъ разныхъ сословій изъ провинцій Фу-Цзянь и Кантонъ въ заморскія страны, для снисканія пропитанія, мало-по-малу приняла такіе размѣры, что правительства англійское, американское, португальское и испанское постановили стѣснительныя узаконенія для прекращенія ей доступа въ свои колоніи, а находившіеся уже въ нихъ китайцы, принуждаемые къ тяжелымъ работамъ, разбрелись и терпятъ горе и стыдъ. Не думаю, чтобы было благоразумно предоставлять нашему народу ютиться за морями, под-

Digitized by Google

вергаясь тамъ разнымъ стѣсненіямъ въ то время, когда наши окраины страдаютъ отъ безлюдья. Старинная истина: „есть люди, будетъ и земля, есть земля, будетъ и богатство“—еще ярче сказывается въ настоящее время. Обширныя и пустынныя земли, протянувшіяся на 1.000 верстъ на в. отъ Амура, только благодаря тому, что ихъ некому было обработывать, спокойно, безъ выстрѣла и потери одного солдата, были захвачены русскими, и оборона Маньчжуріи становится съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Будь тамъ у насъ въ то время 100.000 хлѣбопашцевъ и скотоводовъ, не осмѣлились бы русскіе заикнуться объ этомъ краѣ, и государственная граница наслаждалась бы вѣчною безопасностью, а правительству не было бы надобности трудиться надъ изысканіемъ мѣръ къ ея оборонѣ. Нынѣ же идутъ непрерывные толки объ охранѣ границъ; говорятъ о выборѣ офицеровъ, обученіи войска, изысканіи средствъ къ его продовольствію и изготовленіи оружія, а между тѣмъ никто не думаетъ о заселеніи приграничныхъ пустопорожнихъ земель. Кто же будетъ охранять границу и защищать отъ вторженія чужеземцевъ? Допустимъ, что у насъ будетъ отборная армія и знаменитые военачальники, но развѣ они въ состояніи будутъ бороться съ непріятелемъ на голодный желудокъ, такъ какъ доставка продовольствія въ такую даль будетъ сопряжена съ крайними затрудненіями. Поэтому распашка пустопорожнихъ земель, признаваемая людьми, незнакомыми съ дѣломъ, за старческую болтовню, въ глазахъ людей знающихъ является важною мѣрою, безусловно необходимою въ настоящее время. Въ виду этого рѣшительно слѣдовало бы предписать пограничнымъ правителямъ произвести чрезъ своихъ делегатовъ тщательное и точное измѣреніе пограничныхъ пустопорожнихъ земель и представить планы и описаніе ихъ на высочайшее усмотрѣніе, а затѣмъ, по разсчету 100 му (около $5^1/_2$ нашихъ десятинъ) на каждаго взрослаго мужчину, приглашать на эти земли свободныхъ поселенцевъ съ семьями изъ внутреннихъ областей Китая, снабдивъ ихъ казенными средствами для пріобрѣтенія сѣмянъ и быковъ и для постройки жилища, и подчинивъ ихъ военному управленію. Обложеніе податьми распаханныхъ переселенцами полей начать, смотря по мѣстнымъ условіямъ, чрезъ 4—5 лѣтъ. Весна, лѣто и осень должны быть посвящаемы земледѣлію и сельско-хозяйственнымъ работамъ, а зима—упражненію въ военномъ дѣлѣ. Можно бы также населить пограничныя области ссыльными преступниками, дозволивъ отправляться туда съ семействами съ выдачею вспомоществованія отъ казны. Заселеніе границы было бы полезно во многихъ

Digitized by Google

отношеніяхъ. Бѣдное населеніе внутренняго Китая, вынуждаемое голодомъ, не обращалось бы въ воровъ и разбойниковъ; эксплуатація отдаленныхъ окраинъ способствовала бы пресѣченію воинственныхъ замысловъ; въ случаѣ нападенія непріятеля, пограничное населеніе, защищая себя и свои семьи, само вступило бы съ нимъ въ борьбу и такимъ образомъ облегчило бы правительство, которое, за послѣдніе годы напрягая всѣ свои силы на организацію обороны морского побережья, естественнымъ образомъ не имѣетъ возможности и средствъ обращать вниманіе на оборону сухопутныхъ границъ. Знаменитый генералъ-губернаторъ Кантонской и Гуанъ-Си'ской провинцій, главный виновникъ войны съ Англіей 1841 г., говорилъ, что „западно-европейскія государства не опасны для Китая; величайшая опасность въ концѣ концовъ будетъ угрожать ему со стороны Россіи". Въ настоящее время она затрачиваетъ сотни милліоновъ на постройку сибирской желѣзной дороги, и ея тайные замыслы ни для кого не тайна. А между тѣмъ, именно сѣверо-западная граница Китая и является наиболѣе лишенною всякихъ оборонительныхъ средствъ. Да это и понятно. Отъ Гириня до Тибета, на громадномъ протяженіи 15.000 верстъ, развѣ мыслимо принятіе повсемѣстно оборонительныхъ мѣръ? Поэтому, кромѣ заселенія границы, нѣтъ другого болѣе разумнаго плана. Но само собою разумѣется, что осуществленіе этого плана немыслимо въ короткое время и безъ полнѣйшаго единодушія между правительствомъ и народомъ. Двадцати лѣтъ не хватитъ для того, чтобы воспользоваться плодами обезпеченія спокойствія на границѣ и подавленія врага. Да, досадно, что теперь мы опоздали съ своими предупредительными мѣрами. Но что же дѣлать? Неужели же продолжать бездѣйствовать и собственными руками поднести сильному врагу наши пограничныя области? Допустимъ, что лица, стоящія у кормила правленія, не заботятся объ упроченіи благосостоянія своихъ дѣтей и внуковъ и не помнятъ милостей царскихъ, но чѣмъ же они оправдаются предъ потомствомъ"?...

Наводненія и засухи, которыя за послѣднія 30 — 40 лѣтъ особенно часто стали поражать ту или другую провинцію Китая, вызывая,—какъ, напримѣръ, въ настоящее время въ восточной части провинціи Сы-Чуань и западной Ху-Бэй,—страшный голодъ, со всѣми его ужасными послѣдствіями, даже до каннибализма, естественнымъ образомъ побудили автора отвести этимъ двумъ бичамъ человѣчества и средствамъ борьбы съ ними особую главу. По обыкновенію онъ начинаетъ ее восхваленіемъ добраго стараго времени. „Съ глубокой древности и до настоя-

Digitized by Google

щаго времени не было лучшаго средства для борьбы съ засухами и наводненіями, какъ древнѣйшая система квадратныхъ полей [1]) и арыковъ и канавъ, которые, вмѣстѣ съ рѣками, перерѣзывая вдоль и поперекъ громадныя равнины, во время большихъ дождей служили водовмѣстилищами, и рѣки, протекая свободно по своему естественному руслу, не причиняли наводненій. Во время засухъ, воды, накопленной въ арыкахъ и канавахъ, было болѣе, чѣмъ достаточно, для орошенія полей; такъ что только семилѣтняя засуха могла поставить народъ въ бѣдственное положеніе. Къ сожалѣнію, въ періодъ удѣльныхъ княжествъ, когда каждый заботился о своихъ собственныхъ выгодахъ, система арыковъ и канавъ пришла въ совершенное запустѣніе, и отъ прежней прекрасной и благодѣтельной мѣры древнихъ царей мало-по-малу не осталось и слѣда. Мѣсячнаго бездождія, въ промежутокъ времени между лѣтомъ и осенью, достаточно стало для того, чтобы хлѣба высыхали совершенно и на необозримомъ пространствѣ тянулись опаленныя поля. Другимъ бѣдственнымъ послѣдствіемъ запущенія и упадка оросительной системы явились частыя наводненія. Когда-то плодородныя нивы обратились въ безплодныя поля; зажиточное населеніе обратилось въ бѣдное"...

Въ послѣднее время, въ пяти сѣверныхъ провинціяхъ Китая бѣдствія отъ наводненій и засухъ стали обычнымъ ежегоднымъ явленіемъ. Особенно часто бѣдствія отъ наводненій повторялись въ провинціяхъ Шань-Дунъ и Чжи-Ли. Вспомоществованіе пострадавшимъ каждый разъ обходится казнѣ и частной благотворительности въ нѣсколько милліоновъ ланъ. Но это бѣдствіе не ограничивается однѣми матеріальными затратами; масса бѣднаго люда дѣлается жертвою голодной смерти. Хотя на югѣ Китая нѣтъ недостатка въ благотворителяхъ, всегда готовыхъ придти на помощь ближнему, однако нельзя допустить, чтобы населеніе нѣсколькихъ сѣверныхъ провинцій постоянно жило вспомоществованіями. „Благотворительность по отношенію къ пострадавшему ближнему,—замѣчаетъ авторъ,—допустима только какъ временная мѣра. Поэтому необходимо принять радикальныя мѣры противъ наводненій и засухъ. Противъ первыхъ правительство принимаетъ всѣ мѣры, когда, не щадя громадныхъ матеріальныхъ затратъ, оно произвело загражденіе прорывовъ такихъ рѣкъ,

[1]) Подъ именемъ квадратнаго, или колодцеваго, поля въ древнемъ Китаѣ разумѣлась площадь земли приблизительно въ половину квадр. версты, раздѣленная на 9 равныхъ квадратныхъ, въ формѣ колодцевъ, участковъ, изъ коихъ 8 отдавались въ надѣлъ 8 семействамъ, съ обязательствомъ воздѣлывать 9-й, средній, участокъ въ пользу казны. Межами между участками были оросительные арыки и канавы.

Digitized by Google

какъ Желтая и Юнъ-Динъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать относительно засухъ; для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ не придумано никакой хорошей мѣры. По всей вѣроятности, это зависитъ отъ того, что всѣ мѣры, принимавшіяся противъ этого бича, имѣли палліативный, а не радикальный характеръ; а между тѣмъ коренныя мѣры были указаны намъ еще въ глубокой древности въ Обрядникѣ Чжоу'ской династіи (приблиз. за 1.000 лѣтъ до Р. Хр.) и заключались въ прорытіи оросительныхъ канавъ и насажденіи деревъ. Для осуществленія первой изъ этихъ мѣръ требуется сначала предписать высшимъ провинціальнымъ властямъ собрать и составить точныя свѣдѣнія о количествѣ какъ уцѣлѣвшихъ, такъ и заброшенныхъ оросительныхъ канавъ, и о средствахъ и мѣрахъ къ возстановленію послѣднихъ, а затѣмъ уже назначить въ каждую изъ провинцій по одному спеціальному коммиссару, а коммиссары, по составленіи съёмокъ и плановъ, сообразуясь съ мѣстными условіями и съ желаніемъ населенія, возобновили бы старые арыки и канавы и прорыли новые тамъ, гдѣ это оказалось бы необходимымъ. Кромѣ этого, они обязаны увѣщевать населеніе, чтобы оно само заботилось о прорытіи оросительныхъ канавъ на собственныхъ поляхъ съ помощью отъ правительства въ тѣхъ случаяхъ, когда у народа не хватило бы для этого силъ и средствъ. Система устройства на высокихъ мѣстахъ большихъ водовмѣстилищъ, для орошенія полей, какъ это дѣлается англичанами въ Индіи, также могла бы найти себѣ приложеніе и въ Китаѣ. Что же касается лѣсонасажденія, на которое за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ въ западной Европѣ обращено самое полное вниманіе, то развитіе его въ странѣ въ широкихъ размѣрахъ, мало того, что доставляетъ неизсякаемый источникъ дохода прекраснымъ лѣснымъ матеріаломъ, но еще, въ силу свойства древесныхъ корней разлагать и разрыхлять каменистую и песчаную почву, оно обращаетъ безплодныя поля въ плодородныя нивы, содѣйствуетъ скопленію влаги и укрѣпленію зыбучихъ песковъ и отвѣсныхъ береговъ. Такимъ образомъ, — замѣчаетъ авторъ,—лѣсонасажденіе оказывается необходимымъ средствомъ не только противъ засухъ, но также и противъ наводненій, а потому выраженіе, что „злаки кормятъ одинъ годъ, а лѣсъ десять лѣтъ“,—не есть пустая фраза“...

П. Поповъ.

Пекинъ, 1897.

Digitized by Google

* * *

Я озаренъ осеннею улыбкой—
Она милѣй, чѣмъ яркій смѣхъ небесъ.
Изъ-за толпы безформенной и зыбкой
Мелькаетъ лучъ,—и вдругъ опять исчезъ.

Плачь, осень, плачь,—твои отрадны слезы!
Дрожащій лѣсъ, рыданья къ небу шли!
Реви, о буря, всѣ свои угрозы,
Чтобъ истощить ихъ на груди земли!

Владычица земли, небесъ и моря!
Ты мнѣ слышна сквозь этотъ мрачный стонъ,
И вотъ твой взоръ, съ враждебной мглою споря,
Вдругъ озарилъ прозрѣвшій небосклонъ.

Владиміръ Соловьевъ.

Пустынька.—26 авг. 1897 г.

Digitized by Google

НА БОСФОРѢ

въ 1735 году

„Il trattato del Prut—tanto onorifico per li Turchi, quanto vergognoso per li Russi", т.-е. „Прутскій договоръ (1711 года) былъ настолько же почетенъ для турокъ, насколько постыденъ для русскихъ",—этими немногими словами рѣзко отмѣчаетъ современный венеціанскій дипломатъ (30-хъ годовъ прошлаго столѣтія), Николай Эриццо (Erizzo), тогда посланникъ республики въ Вѣнѣ, роковое значеніе, для восточной политики Петра Великаго, его смѣлаго, крайне рискованнаго шага, — а именно, однимъ движеніемъ за Дунай снести Турцію и создать совсѣмъ новыя отношенія, но безъ предварительной опредѣленной программы для всѣхъ этихъ отношеній, на юго-востокѣ Европы [1]).

Прошло четверть вѣка послѣ этой злополучной „прутской акціи", какъ назывался у современниковъ походъ Петра на „свобожденіе" христіанъ Турціи, но всякій разъ воспоминаніе о той эпохѣ исполняло высокимъ душевнымъ самодовольствіемъ правительствующаго турка на Босфорѣ.

„Россія, — писалъ въ 1736 году великій визирь вѣнскому кабинету, жалуясь на ея рѣзкое, вызывающее поведеніе — уже давно короны шведскую и польскую аттаковала, и какъ увѣдомлялось, что она и на турецкія границы *предосудительныя* предложенія въ намѣреніи имѣетъ, то она со стороны Оттоманской Порты нѣкоторымъ обнадеживаніемъ, что такія непристойныя дѣла не удадутся, *часто отъ сна возбуждаема была.* А такъ

[1]) Отчетъ Эриццо въ сенатъ, въ октябрѣ 1738 г., въ изданіи Вѣнской Академіи наукъ—Fontes rerum Austriacarum, t. XXII, p. 175.

Digitized by Google

какъ Россія, не взирая на то, *довольно* отъ сна не проснулась, и дѣла въ разсужденіе не приняла, того ради напослѣди ея главный начальникъ при рѣкѣ Прутѣ сѣтью правовѣрныхъ пойманъ, и *въ слезахъ и плачь содержанъ былъ*“ [1]).

Запомнилъ также хорошо іюльское событіе 1711 года на Прутѣ и всякій простой турокъ, особенно же одинъ магометанинъ-сербъ изъ фанатически преданнаго султану и по настоящій день западнаго угла Балканъ, изъ Босніи. Здѣсь, на своемъ необыкновенно граціозномъ нарѣчіи, сербъ-магометанинъ распѣваетъ и донынѣ историческую пѣсню о подвигѣ своихъ предковъ на Прутѣ надъ московомъ, надъ его „главнымъ начальникомъ“,—конечно, сложенную еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія. Эта любопытная пѣснь сдѣлалась только недавно извѣстною, послѣ австрійской оккупаціи Босніи: народная муза сербовъ-магометанъ была раньше почти неизвѣстна. Мы имѣемъ въ виду оффиціозное изданіе пѣсенъ мѣстнаго правительства въ Босніи (Боснѣ, у итальянцевъ Bossina), исполненное подъ редакціей трудолюбиваго Косты Гёрмана (Hörmann), тотчасъ же послѣ оккупаціи: „Narodne pjesme muhamedovaca u Bosni i Herzegovini (V, Sarajevo, 1888). Надо прибавить, что рослые и храбрые босняки исполняли обыкновенно передовую, казачью службу въ войнахъ турокъ съ нами. Для примѣра сошлемся на эпоху турецкой войны при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, 1735-1739 годовъ: визирь съ главнымъ войскомъ стоялъ около года у Исакчи, по ту сторону Дуная, а отряды босняковъ въ то же время были расположены по деревнямъ средней Бессарабіи, около тогдашняго Кишинева, въ ожиданіи нашего движенія на Дунай.

„Вблизи Прута, вблизи холодной рѣки, — поетъ сербъ-магометанинъ: — видна была масса бѣлыхъ палатокъ и цѣлыхъ сто пушекъ. Царь Петръ пишетъ султану: иди себѣ въ Медину, потому что Стамбулъ моя отчина, какъ Джаба въ Мединѣ—твоя; а не хочешь, такъ сразимся, и сабля укажетъ, чей Стамбулъ! Общій переполохъ: султанъ за уступку, но въ совѣтѣ—противъ; и подняли на ноги всю Болгарію, и итальянцы обѣщали помочь. Въ лагерѣ Петра царица видѣла недобрый сонъ; тяжело kralju od Rusije, но онъ приказалъ готовиться къ бою, а зятя своего Шереметъ-бана (т.-е. Шереметева) отправляетъ противъ босняковъ. Турки штурмуютъ русскій лагерь разъ, другой, но только при третьей аттакѣ овладѣли орудіями, а Капланъ-паша беретъ въ плѣнъ самого Петра. Является къ визирю сама царица, и

[1]) Моск. Гл. Арх. мин. ин. дѣлъ, Турецкія дѣла, 1736, св. 88 в., № 9.

Digitized by Google

проситъ визиря: „сохрани мнѣ жизнь моего царя, требуй денегъ, сколько ты хочешь“. Визирь склонился и выдалъ царю и царицѣ паспортъ на имя татарскаго хана:

„Ты не тронь ни царя, ни царицы,
Пусть идутъ себѣ въ свою Россію,
Я уже здѣсь съ ними помирился“.

Но предъ султаномъ обвиняли визиря:

„Мы схватили-было короля,
У тебя что взять хотѣлъ Стамбулъ;
Но визирь пускаетъ на свободу
И въ Россію отправляетъ цѣлымъ“.

Прибываетъ курьеръ (чаушъ) на Прутъ за визиремъ. Визирь заплакалъ, совершилъ турецкое омовеніе, и — исчезъ.

„Послѣ—войско разбрелось повсюду,
И занялся каждый своимъ дѣломъ“.

Нельзя не замѣтить, что въ этой весьма длинной (287 стиховъ) народной пѣснѣ, съ чисто эпическимъ, спокойнымъ заключеніемъ, сберегло много моментовъ исторической дѣйствительности: пѣсня знаетъ и императрицу Екатерину, и Шереметева, ближайшаго сотрудника Петра, и энергическое вмѣшательство жены, и выкупъ за большія деньги изъ плѣна самого царя, и роковой конецъ обойденнаго женщиною визиря. Но нельзя также не прибавить, что вышеприведенный отрывокъ изъ письма визиря, отъ 1736 года, есть только сухой прозаическій пересказъ поэтической пѣсни Босніи, съ необходимою восточною надбавкой: Петръ весь въ слезахъ, какъ провинившійся ученикъ предъ милующимъ учителемъ.

Картина — очень смѣлая, но понятная для гордаго турка. Въ дѣйствительности, и въ критическіе дни своей жизни, Петръ не измѣнялъ величавому спокойствію своего характера: послѣ „прутской акціи“ онъ сейчасъ же уѣхалъ отдохнуть къ своимъ польскимъ пріятелямъ въ Галицію, а по пути свернулъ къ Синявскимъ въ Сатановъ (въ Подолію), гдѣ его шутъ откромсалъ уніатскому монаху, мѣстнаго монастыря, кусокъ бороды [1]). Какъ будто ничего *особеннаго* не произошло! Но за наружное спокойствіе смѣлаго дѣятеля глубоко засѣла горькая, тяжелая дума: какъ поправить проигранное дѣло, какъ *отмстить*? Эта дума захватила всего Петра, а затѣмъ охватываетъ и всѣ послѣдующіе

[1]) В. Антоновичъ, Историческія монографіи (Кіевъ, 1885), I, Лѣтопись Сатановскаго монастыря, по рукописи изъ Львова.

Digitized by Google

годы его царствованія, не оставляетъ и на порогѣ смерти. Умирая, Петръ запрашиваетъ генерала Румянцова, на Кавказѣ, о силѣ жоржіанъ (грузинъ), армянъ, о ихъ расположеніи въ Турціи, послѣ того какъ давно уже онъ съ удовольствіемъ выслушалъ этнографическую лекцію по Малой Азіи отъ одного армянина, Орія: если только возьметъ царь Эривань, вся Грузія и Арменія покорены, а въ Анатоліи много грековъ и армянъ; тогда турки увидятъ, что это—*прямой путь* въ Константинополь.

Такимъ образомъ, предъ Петромъ цѣль была одна; но только европейскій путь смѣнялся *азіатскимъ* — во второй пріемъ его восточной политики.

На берегу Прута Россія была какъ бы угнана назадъ — въ XVII столѣтіе. Новое теченіе ея исторической жизни, только-что начавшее пробиваться по направленію на югъ, было насильственно пріостановлено и отведено вспять—въ старое московское русло.

Петръ шелъ на Днѣстръ, на Прутъ, съ полною вѣрою. Въ перспективѣ онъ—владыка Чернаго моря, юга; а на дѣлѣ?—Не только былъ уступленъ Азовъ и его область, но даже такая отдаленная отъ моря часть Днѣпра, какъ Каменный-Затонъ... Ясна цѣль: подальше отвести русскихъ отъ моря... Условія прутскаго трактата были дѣйствительно, по справедливому замѣчанію знаменитаго государствовѣда прошлаго столѣтія, аббата Мабли, mortifiantes—смертоносны [1]). Мы были съ моремъ и югомъ, его политическими интересами, совсѣмъ разведены, и когда? Какъ разъ наканунѣ крупной политической перемѣны на томъ же Дунаѣ и за нимъ, и притомъ въ интересахъ того государства, которое было такъ антипатично Петру—Австріи, или Священной Имперіи, какъ она тогда называлась. Достаточно замѣтить, что глава бунтующей части противъ Вѣны мадьяръ, Францъ Ракоци (иначе, князь Рагоцкій) былъ союзникомъ, другомъ Петра, и сопровождалъ царя послѣ Прута, во время его отдохновительной прогулки по Галиціи.

Мы говоримъ о турецкой кампаніи знаменитаго принца Евгенія Савойскаго († 1736), взятіи Бѣлграда, прогнаніи турокъ за Балканы. Въ финалѣ всего—убійственный для Турціи пожаревацкій договоръ 1718 года [2]).

У Петра В. въ то время былъ свой посолъ въ Константинополѣ, — но тайный, въ лицѣ папскаго нунція Кирилла Галани.

[1]) Le droit public, I, 282.

[2]) Пожаревацъ (вца)—уѣздный городъ въ нынѣшнемъ сербскомъ королевствѣ, у нѣмцевъ—Possarowitz.

Digitized by Google

Поддерживаемая всемогущею тогда на востокѣ Франціей— нравственно и денежно, гордая свѣжими лаврами Прута,—Порта, объявивъ войну Венеціи въ Морѣ, съ надменностью отнеслась къ посредничеству Австріи. „Мой императоръ,—сказалъ визирь австрійскому посланнику, — знаетъ, что ему дѣлать съ твоимъ императоромъ и тобою". Такъ доносилъ царю Петру Галани, предъ открытіемъ войны 1716 года.

Напрасно Англія предлагала свои „офиціи и медіаціи", предупреждая, что (какъ писалъ Галани) „Порта имѣетъ уважить, что отъ малой искры можетъ запалиться великій огонь"; на все это визирь повторялъ свое: „султанъ не жаденъ къ конкетамъ, но болѣе наполненъ милости, какъ то видно было съ *русскими*; но чтобъ онъ оружіе низложилъ безъ своего авантажу, то сіе непристойно, и того никогда не учинитъ" [1]).

Авантажъ и получился, но неожиданный.

Недалеко отъ Бѣлграда, на венгерской сторонѣ Савы, визирь былъ на голову разбитъ Евгеніемъ Савойскимъ и поплатился жизнью.

Ужасъ объялъ всѣхъ турокъ. По словамъ Галани, турки въ Бѣлградѣ надъ гробомъ визиря „великіе скаредствы чинили", а въ столицѣ, „по полученіи такой несчастливой неудачи, султанъ со всѣми своими министрами внѣ ума остался, для того что уповалъ равнымъ образомъ и нѣмцевъ побѣдить; сіе несчастіе большую задаетъ ему печаль". „Султанъ,—продолжаетъ полный радости нунцій,—не знаетъ, съ какимъ куражемъ и сердцемъ войну продолжать; но хотя самый маленькій добрый сукцесъ уповать невозможно" (отъ 30-го октября 1716).

Въ то же самое время этотъ ревностный и добровольный агентъ Петра В. старается открыть и отдаленные планы Австріи, и въ этомъ отношеніи, какъ показали дальнѣйшія событія, ошибки не дѣлаетъ. По словамъ Галани, императоръ Карлъ VI, по отнятіи у турокъ Темешвара въ нижней Венгріи, стремится открыть себѣ „способную дорогу къ Мултянской и Волоской провинціи", т.-е. въ Валахію и Молдавію, и проникнуть до нижняго Дуная. Такъ имѣла разрѣшиться — насильственнымъ завладѣніемъ — та историческая задача, за разрѣшеніе которой, но прямо въ противоположномъ смыслѣ еще недавно такъ дорого заплатилъ Петръ Великій на Прутѣ.

Пожаревацкій миръ уже въ 1718 году заключилъ неудачную

[1]) 21-го апрѣля 1716 г., въ Турецкихъ дѣлахъ Главн. Моск. Арх. мин. иностр. дѣлъ.

Digitized by Google

для Турціи войну: Турція оказалась совсѣмъ обезсиленною, и покорно приняла продиктованныя ей принцемъ Савойскимъ условія мирнаго договора въ глубинѣ нынѣшней Сербіи. Это былъ своего рода нашъ прутскій трактатъ для Порты.

Турція, еще недавняя владычица всей Венгріи, почти до городскихъ воротъ Вѣны, теперь, черезъ 30 лѣтъ, испрашиваетъ позорный для себя миръ у своего врага, въ серединѣ своего собственнаго дома, и отдаетъ ему себя на милость и немилость.

Пожаревацкій трактатъ 1718 года уже заранѣе подкосилъ Турцію и предопредѣлилъ ея конечную судьбу. Имъ завершился второй актъ раздробленія Турціи, но не въ скромныхъ предѣлахъ перваго акта, на карловацкомъ конгрессѣ 1699 г., и притомъ Турціи старой, коренной.

Австрія, послѣ пожаревацкаго договора, переступила далеко за свои историческія границы: на востокъ, до рѣки Олты (Алута), откуда она дѣлается владычицей равнины Валахіи, до самаго нижняго Дуная, на югъ—за Дунай и Саву, до р. Тимока, города Парачины и рѣки Уны въ Босніи, и останавливается у самаго подножія Балканъ. Австрія—у преддверія Босфора, съ Бѣлградомъ, ключомъ Дуная, въ центрѣ. Одною рукой она у Константинополя, другою—у Салоникъ. Босна, или Боснія—край и теперь фанатически привязанныхъ къ Турціи сербовъ-мусульманъ—охватывалась теперь Австріею, какъ кольцомъ. Въ силу второй статьи пожаревацкаго договора, Дунай объявлялся свободнымъ и по теченію, и въ устьѣ. Та же статья уничтожала неприкосновенность самаго Чернаго моря: австрійскій торговый флагъ отнынѣ свободно развѣвается на немъ и во всѣхъ его портахъ.

Такимъ образомъ, Австрія готова была замѣстить собою Турцію въ Европѣ, и именно въ ту минуту, когда Россія была отброшена далеко отъ береговъ того же моря, въ степи Днѣпра и Дона. Казалось, наступила минута, когда вѣковой „Восточный“ вопросъ наконецъ разрѣшится благопріятно, но лишь для тѣхъ, кто окрестилъ его этимъ именемъ—народовъ *Запада*, а въ перспективѣ ожидалось воскрешеніе на Босфорѣ и юго-востокѣ отношеній до 1453 года, т.-е. господства *франковъ*. Приготовлялась особенная политическая карта средней Европы. Для Петра В., для его Россіи, пожаревацкій трактатъ Евгенія Савойскаго былъ какъ бы вторымъ прутскимъ, убійственнымъ дополненіемъ его.

Если въ промежутокъ времени между 1711 и 1718 годами Петръ В. думалъ о возможности новой, прямой войны съ Турціей, то теперь, когда дорога на Дунай и на Босфоръ была преграждена Австріей, задача объ отплатѣ Турціи за Прутъ пред-

Digitized by Google

ставляла возможность разрѣшенія при одномъ условіи—идти съ иного конца къ Босфору—со стороны Азіи.

Остановленный Австріей, утомленный нескончаемою сѣверною войною, Петръ В. обратился за содѣйствіемъ къ вѣковому врагу Австріи—Франціи. Содѣйствія онъ достигъ въ ништадтскомъ мирѣ. Но Франція могла быть полезна, думалось Петру, и своимъ могущественнымъ политическимъ положеніемъ въ Турціи, въ Малой Азіи.

Могущество королевской Франціи въ Левантѣ и вообще въ Турціи, при началѣ XVIII стол., было безусловное. Въ основѣ его лежали торговыя операціи и монополія, строго организованная.

Торговля Леванта, все коммерческое посредничество между Азіей и Европою, были всецѣло въ рукахъ французовъ; дѣло велось систематически, правильно и, въ свою очередь, вызывало во Франціи, особенно на югѣ, цѣлыя новыя отрасли промышленности. Торговая палата въ Марселѣ, подъ наблюденіемъ морского министра, вѣдала операціи на Востокѣ, гдѣ было до 600 торговыхъ домовъ: въ Перѣ, Салоникахъ, Сирѣ, Смирнѣ и др. Самая частная жизнь членовъ этихъ домовъ была строго регламентирована, и каждый домъ былъ подобіемъ монастыря. Члены одного дома-фирмы образовывали „націю“ (nation) и жили вмѣстѣ въ казармѣ-ханѣ; они не имѣли права держать при себѣ женъ, дочерей; воспрещались карты, пирушки. При круговой поддержкѣ, каждый домъ богатѣлъ и пріобрѣталъ громадное нравственное вліяніе среди самихъ турокъ: французскія больницы, школы, монашескія миссіи въ тѣхъ же городахъ—служили къ упроченію политическаго престижа Франціи. Нѣсколько позже этой эпохи, въ 30-хъ годахъ XVIII стол., явилась среди французовъ смѣлая мысль: „faire un bon canal de communication de la mer du Levant avec la mer Rouge“, т.-е. Суэцкій каналъ.

„Великій муфтій въ Римѣ“, т.-е. папа, въ глазахъ Порты былъ менѣе, чѣмъ король Франціи: послѣдній служилъ представителемъ исповѣданія: „Я,—говорилъ однажды визирь,—всегда болѣе сдѣлаю тѣмъ, которые вѣруютъ какъ французы, но не тѣмъ, которые вѣруютъ какъ московы“. Напрасно порывались англичане поставить себя на первое мѣсто, и тщетно заявляли, что они—„seigneurs de la mer“ и „покровители религіи „sans images“, т.-е. какъ бы близкіе къ вѣрѣ турокъ. Франція разсматривала Средиземное море какъ свое внутреннее море; даже „барбарески“, пираты сѣверной Африки, наводившіе ужасъ на

Digitized by Google

торговыхъ людей, и тѣ были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціей: ея суда спокойно шли въ Левантъ и обратно [1]).

Могущественное положеніе Франціи на Востокѣ было, естественно, гордостью французскихъ публицистовъ того времени; ослабленіе престижа ея вызывало горькія нареканія: „Французы —старѣйшіе союзники турокъ,—говоритъ съ удареніемъ аббатъ Мабли въ своемъ „Le droit public de l'Europe"; одно время послы ихъ приглашались въ тайный совѣтъ султана и допускались въ сераль. Но преемники Франциска I не съумѣли сохранить дружбы, которую онъ имъ приготовилъ; по какой-то дурно понимаемой политикѣ они часто вредили Портѣ, и вышло, что Франція потеряла много въ своемъ значеніи у Порты,—и мало-по-малу преимущества, которыми пользовались единственно французы въ торговлѣ, были уступлены и другимъ народамъ" (I, 228).

Но въ XVIII-мъ вѣкѣ, значеніе Франціи опять поднялось до своей прежней высоты, и съ особенно яркою силою и блескомъ оно обнаружилось съ конца 20-хъ годовъ, когда на Босфорѣ, и на много лѣтъ, появился маркизъ де-Вильнёвъ, вскорѣ единодержавный властитель судебъ Турціи.

Случилось какъ разъ такъ, что въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ (ноябрь 1728 г.) прибыли на Босфоръ два новыхъ представителя Европы: Вильнёвъ изъ Франціи и баронъ Тальманъ изъ Австріи, отъ цесаря Карла VI. Уже первое вступленіе обоихъ дипломатовъ на почву Турціи ясно указывало на неодинаковость отношенія Порты къ обоимъ, заново представленнымъ государствамъ: для представителя Франціи—любезная, демонстративная предупредительность; для представителя Австріи—демонстративная холодность, невниманіе, почти грубость.

„22-го ноября (1728 г.),—доносилъ нашъ представитель на Босфорѣ въ Петербургъ,—прибылъ сюда на военномъ кораблѣ, имѣя при себѣ фрегатъ, г. Вильновъ съ женою, и когда корабль поровнялся противъ дворца [2]), тогда отдавалъ честь изъ 21 пушки, толикое число и изъ фрегата. Потомъ, вошедъ въ портъ, вторичное поздравленіе чинили. 23-го посолъ съѣхалъ съ корабля при пушечной стрѣльбѣ и прибылъ въ свой посольскій дворъ".

---

[1]) Подробнѣе, въ изслѣдованіи A. Vandal'я: „Une ambassade française en Orient sous Louis XV". (Paris, 1887), въ первыхъ главахъ.

[2]) Это—извѣстная „pointe du Sérail", мысокъ, отдѣляющій Золотой-Рогъ и Мраморное море.

Digitized by Google

Тремя недѣлями раньше подъѣзжалъ къ Константинополю, но сухимъ путемъ, австрійскій резидентъ, Тальманъ. Онъ прибылъ въ Кучюкъ-Чекмедже (Ponte Piccolo) на Мраморномъ морѣ, на разстояніи трехъ часовъ отъ столицы, тотчасъ за Санъ-Стефаномъ. Здѣсь изстари происходила торжественная встрѣча турецкими приставами каждаго вновь прибывающаго иностраннаго министра, ѣхавшаго сухимъ путемъ по историческому пути —Бѣлградъ, Софія, Адріанополь и Кучюкъ-Чекмедже. Потребовалъ для себя прежней встрѣчи и новый представитель Австріи, но ему Порта грубо отказала въ этомъ. „Ему отказали,—доносилъ тотъ же нашъ представитель въ Петербургѣ,—показуя резонъ, что не токмо резидентамъ, но и посламъ резидующимъ встрѣчи не бываетъ“ [1]).

При такомъ преобладающемъ положеніи Франціи въ Турціи, урѣзанной такъ недавно Австріей, заручка пріязненныхъ отношеній съ „христіаннѣйшимъ“ королевствомъ, для Петра В., для его счетовъ съ турками, не могла быть безъ интереса. Ништадтскій миръ освободилъ Петра на сѣверѣ: здѣсь онъ былъ болѣе ненуженъ, и потому могъ снова обратиться на югъ. Французскія новыя отношенія могли только поддерживать южныя грезы Петра.

Папскій доброволецъ въ услугахъ у Петра на Босфорѣ, епископъ Кириллъ Галани, смѣнился-было своимъ человѣкомъ, надворнымъ совѣтникомъ Дашковымъ, но только на время, на самый короткій срокъ: Порта признавала Дашкова лишь „пребывающимъ какъ гость“. Въ допущеніи постояннаго резидента она все отказывала, говоря, что и онъ, подобно другимъ посламъ, будетъ заниматься однимъ—отправлять „злыя реляціи“.

Если въ первый періодъ, періодъ юношескій, своей восточной политики Петръ В. мечталъ о снесеніи Турціи, разомъ, однимъ ударомъ, то теперь, послѣ Прута, онъ понялъ, что борьба противъ нея, при тѣхъ же конечныхъ цѣляхъ, можетъ быть только медленная, разсчитанная на годы и годы, путями самыми различными и тяжелыми, и что пріемъ: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“, отставленъ имѣетъ быть навсегда [2]). Но для того, для самаго зоркаго наблюденія за дѣлами на Босфорѣ и въ Турціи вообще, или, выражаясь языкомъ оффиціальнымъ, „для

[1]) Гл. Моск. Арх. м. ин. дѣлъ, Тур. дѣла, реляціи, 1728 г., Неплюева.

[2]) Словами: „пришелъ“ и пр., встрѣтила Петра В. послѣ Прута въ Галиціи жена краковскаго воеводы. Тотъ отвѣчалъ: „не совсѣмъ—вмѣсто ста ударовъ получилъ всего пятьдесятъ“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. 34, стр. 80).

Digitized by Google

соблюденія и охраненія отъ всякихъ конфузій мира и крѣпкой дружбы", необходимо было одно условіе—имѣть своего и постояннаго, не какъ „гостя", человѣка тамъ. Турція понимала это и возражала противъ новаго за собою „шпіона", но тутъ именно помогла Франція, и турецкое упрямство было отстранено. Въ концѣ 1720 года, Порта дала согласіе имѣть на Босфорѣ постояннаго представителя Россіи, но съ званіемъ лишь резидента. Какъ цѣнна была въ глазахъ Петра В. эта скромная дипломатическая побѣда въ Турціи, видно изъ быстроты его дѣйствій по замѣщенію открывшагося новаго политическаго поста.

22-го января 1721 года, былъ избранъ для Босфора неважный по чину человѣкъ, только-что возвратившійся изъ довольно продолжительной вмѣстѣ съ другими недорослями выучки въ разныхъ мѣстахъ за границею морскому дѣлу (въ Испаніи, Италіи, Корфу), „морского флота отъ галеръ поручикъ", Иванъ Неплюевъ (род. 1693 г.), свойственникъ извѣстнаго И. Н. Татищева.

Неплюевъ назначался ко двору султана „для пребыванія при ономъ ради *престереженія* его царскаго величества интересовъ, въ характерѣ резидента". Знаніе итальянскаго языка, тогда дипломатическаго на Босфорѣ, и нѣкоторое вообще знаніе Востока, помимо личныхъ, извѣстныхъ царю, качествъ кандидата, рѣшили выборъ молодого поручика на постъ *перваго* нашего посла въ Константинополѣ. Какъ ни было поспѣшно назначеніе малоопытнаго человѣка на столь важный для Петра и для его послѣпрутской политики постъ, но ошибки, какъ показала продолжительная и полезная дѣятельность Неплюева на Босфорѣ, не послѣдовало...

Въ сентябрѣ новый резидентъ былъ уже на Босфорѣ и поселился въ убогомъ греческомъ домишкѣ въ Перѣ. Онъ везъ съ собою письмо отъ канцлера, гр. Головкина, для французскаго посла въ Константинополѣ, де-Бонака, исполненное самой горячей признательности русскаго кабинета за „всю возможную ревность", оказанную посломъ къ интересамъ Россіи раньше. Канцлеръ выражалъ надежду, что онъ и впредь „для дружбы, которая между ихъ величествами, государями нашими, есть, въ томъ добромъ намѣреніи продолжать будетъ", — перефразируя здѣсь выраженіе въ первомъ обращеніи къ нему, Головкину, де-Бонака, еще отъ 19-го ноября 1720 года, что онъ будетъ служить, чтобы только „отвѣчать доброму согласію (intelligence), которое существуетъ между королемъ, моимъ государемъ, и его царскимъ величествомъ".

Digitized by Google

Между тѣмъ обстоятельства не заставили себя долго ждать: намъ скоро пришлось воспользоваться услугами де-Бонака, а ему—оправдать свое обѣщаніе [1]).

Послѣ Прута, особенно же послѣ пожаревацкаго мира, вопросъ о Турціи для Петра сводился на вопросъ о Кавказѣ и Малой Азіи, и европейскій путь къ Босфору смѣнился азіатскимъ. Между тѣмъ, неожиданныя и сильныя революціонныя волненія въ Персіи, въ зависимости отъ которой былъ Кавказъ, съ его жоржіанами и армянами, знакомыми Петру еще изъ этнографическихъ лекцій заблудшаго армянина Орія, одинаково живо отразились и на Невѣ, и на Босфорѣ.

Отважный авантюристъ изъ Афганистана, Мервозъ, напалъ на столицу Персіи, низложилъ шаха Тамаса и посадилъ малолѣтняго сына, т.-е. сталъ самъ всѣмъ править. Его успѣхи заразили бековъ на Кавказѣ, и тѣ стали грабить персидскіе города на Каспійскомъ морѣ. Одинъ изъ нихъ, Даудъ, ограбилъ Шемаху, гдѣ пострадало нѣсколько русскихъ купцовъ. Волненія охватили громадное пространство, и въ прямомъ сосѣдствѣ съ Турціей открылась „перская ребелія“, которая захватила нашего перваго резидента на Босфорѣ на массу лѣтъ, и была первою пробою, школою его дипломатическаго искусства.

Неплюевъ тотчасъ же сообщилъ въ Петербургъ, что, по взятіи Шемахи, оттуда послали своихъ людей съ письмами къ Портѣ, требуя протекціи; что все это въ большомъ секретѣ пока, но Порта „желаетъ воспріять охотно весьма“. Въ отвѣтъ на это резидентъ получилъ приказаніе (мартъ 1722) объявить, что у Россіи нѣтъ мысли „какія провинціи завладѣть изъ Персіи“, но и другихъ она не можетъ допустить; впрочемъ, письменнаго обязательства о цѣлости Персіи не давать и разсчитывать на французскаго посла, что де-Бонакъ удержитъ турокъ отъ „вступленія въ тѣ дѣла“, по Кавказу.

Заговорить Порту, провести ее—задача была нелегкая, прямо невозможная, уже по одному тому, что каждый шагъ Петра В. былъ заботливо выслѣживаемъ нашими недоброжелателями въ Европѣ, и въ нихъ Порта ежеминутно находила непрошенныхъ, но полезныхъ совѣтчиковъ и комментаторовъ. „Англичане, цесарцы, венеціане,—съ ужасомъ доноситъ Неплюевъ,—разглашаютъ, что ваше в—во изволишь войною идти противъ ребелевъ перскихъ, а овладѣешь Персіей, присовокупишь Арменію и Жоржію (Грузію),—яко христіане, сами пойдутъ въ протекцію,

[1]) Оба письма, по-французски, въ Моск. Гл. А. м. ин. дѣлъ.

Digitized by Google

и отъ того будетъ Оттоманскому имперію разореніе; Петръ только нѣкоторыя провинціи отъ Персіи желаетъ взять, но ежели вы въ томъ ему не воспретите оружіемъ, то онъ не вдолгѣ и *васъ аттакуетъ*" (апрѣль-августъ).

Съ каждымъ днемъ отношенія по „перской ребеліи" осложнялись, Порта все болѣе и болѣе втягивалась и пріобрѣтала вкусъ. Война съ Персіей была неизбѣжна. Но, чтобы выиграть время, Порта рѣшила испробовать сдѣлать оттяжку и выступила съ оригинальнымъ предложеніемъ по адресу Петра.

Какъ ни стара была дружба у Франціи съ Портою, еще при Франциск‍ѣ I, съ конца XVI стол., но Франція не рѣшалась на открытый союзъ съ нею. Первое предложеніе Турціи о союзѣ, именно, противъ Россіи сдѣлала Австрія, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но теперь съ предложеніемъ своего союза Россіи выступила сама Порта.

27-го сент. 1722 г., былъ любопытный „дишкурсъ" у визиря съ Неплюевымъ.

„Желаемъ мы,—говорилъ визирь,—съ монархомъ твоимъ *аліанцъ* заключить, дефензивный и офензивный, генерально противъ всѣхъ. Правда, мы разной вѣры; но на семъ свѣтѣ аліанцы состоятъ не для вѣры, но для прибыли государственнаго интересу".

Неплюевъ былъ озадаченъ: „Мы-де близь ссоры", — писалъ онъ,—а Порта отправила чрезвычайнаго гонца въ Петербургъ, гдѣ Петра уже не было. Онъ былъ на югѣ, у Каспійскаго моря. Кавказъ сталъ волноваться, и объявились двѣ стороны: христіане стали подниматься за Россію, магометане—за Турцію. Съ успѣхами Петра программа русскихъ дѣйствій становилась яснѣе и яснѣе для Порты. Она рѣшилась не терять времени.

„Нынѣ здѣсь, — доноситъ Неплюевъ, — великія пріуготовленія къ войнѣ, и турки разсуждаютъ, что они почтятся всею силою, яко ихъ имперію можетъ быть гибель, ежели потеряютъ (т.-е. Кавказъ), что̀, Боже, услыши, сотвори", что „жоржіанъ (грузинъ) его в—ву въ подданствѣ имѣть не позволятъ, за что хотятъ ризиковать войною". Между тѣмъ, что̀ ни день, то съ Кавказа приходили слухи все тревожнѣе и тревожнѣе: русскій царь беретъ въ „свою протекцію жоржіанъ, мингрельцевъ, черкесъ и Абазію до Чернаго моря, чтобы разорить Оттоманское имперіе"; что мингрельцы ждутъ только прихода 100 тыс. русскихъ, чтобы затѣмъ всѣмъ идти въ Малую Азію, гдѣ все живутъ христіане, ихъ, турокъ, паденія желатели".

Въ Портѣ—едва не паника. По сообщенію пріѣхавшаго къ

Digitized by Google

Петру въ Астрахань тайнаго агента изъ Турціи, султанъ уже прямо говорилъ: „Петръ не могъ пріѣхать къ нимъ чрезъ Румелію (т.-е. европейскимъ путемъ, чрезъ Дунай), такъ теперь старается напасть съ анатолійской (т.-е. азіатской) стороны. Возметъ Персію, Арзерумъ и, тамъ прибавя силу, можетъ пріѣхать въ Константинополь".

Игра была открыта. Турки поняли политику обхода—съ фланга, съ иного конца. Порта прямо потребовала отъ Неплюева донести Петру, „чтобъ конечно его в—во соизволили изъ перскихъ странъ ретироваться въ свое имперіумъ". Неплюевъ уже сжегъ лишнія бумаги и готовился ко всему.

Въ эту минуту вмѣшались французы: Кампредонъ въ Петербургѣ и де-Бонакъ на мѣстѣ, въ Константинополѣ. Они указали Портѣ, что удобнѣе не воевать, а подѣлиться съ Петромъ на Кавказѣ персидскимъ добромъ. Порта, при своей „неясыти", т.-е. ненасытности, говоря языкомъ Неплюева, ухватилась за мысль, и стороной, чрезъ Ракоци (тотъ жилъ теперь въ Турціи), указала русскому резиденту: „зачѣмъ воевать намъ? Пусть его в—во объявитъ о своихъ предвоспріятіяхъ и назначитъ, чѣмъ бы Портѣ изъ Персіи покорыстоваться, напримѣръ Грузія—Россіи, а Дагистанъ—Портѣ".

Начался торгъ о корыстованіи, но очень долгій, тяжелый.

„Французскій посолъ,—пишетъ Неплюевъ,—совѣтовалъ вооружиться всѣми силами, а между тѣмъ мы будемъ здѣсь модерировать, елико будетъ возможно". Особенно трудно было модерированье противъ Англіи, съ ея помощникомъ, интимнымъ соглядатаемъ за дѣйствіями Петра—Пруссіей. Англійскій посолъ подалъ Портѣ меморіалъ, что министру Англіи въ Берлинѣ сообщено отъ прусскаго двора, что „ваше в—во (доносилъ Неплюевъ) прогресы до Чернаго моря учинитъ, и посолъ инстиговалъ Порту, дабы она отъ россійскаго монарха себя охраняла яко въ состояніи своихъ силъ, а къ тому же россійскій монархъ изъ европскихъ потентатовъ не имѣетъ себѣ ни единого другомъ, но паче всѣ ему злодѣи".

Подъ руководствомъ де-Бонака, началось улаживанье дѣла по Кавказу въ длинныхъ конференціяхъ, въ которыхъ онъ былъ предсѣдателемъ. Порта повторяла-было опять старое: русскіе — прочь отъ Каспійскаго моря! христіанская нога не бывала тамъ никогда. Накинулись на де-Бонака, что онъ „слишкомъ на русской сторонѣ, и Порта будетъ писать о томъ королю французскому". Но, наконецъ, общими силами де-Бонакъ и Неплюевъ вынудили у Порты „инструментъ" 1724 года о „порціяхъ" на Кавказѣ,

Digitized by Google

русской и турецкой: „коммиссары изъ персонъ искусныхъ“ имѣли разграничить самыя порціи. Самъ племянникъ французскаго посла, Дальонъ, повезъ въ Петербургъ предварительныя условія „концерта“.

Но вскорѣ умеръ Петръ В., и отношенія къ Франціи круто измѣнились. Новый руководитель русской политики, ученикъ Петра, графъ А. И. Остерманъ, изъ бѣдныхъ нѣмцевъ Вестфаліи (1683-1747), обратился къ Австріи, и 6-го августа 1726 года былъ подписанъ въ Вѣнѣ знаменитый „аліанцъ-трактатъ“ между Россіей и цесаремъ Карломъ VI. Франція отошла и заняла свое прежнее, враждебное Россіи, мѣсто. Такимъ образомъ, Россія предпочла союзъ съ вѣковымъ врагомъ Франціи и подъ руку съ австрійскимъ цесаремъ вошла впервые въ „концертъ“ Европы [1]).

Новыя отношенія ярче всего отразились на Босфорѣ. Правда, Неплюевъ все завѣрялъ своего недавняго друга, де-Бонака, что, по силѣ указовъ къ нему, никакой отмѣны нѣтъ, но „вяще признаваемъ, что между Россіею и Франціей добрая корреспонденція происходитъ, а въ аліанцъ не вступили“, т.-е., съ Австріей, или римскимъ цесаремъ, какъ тогда говорили. Но курьеръ уже въ январѣ 1726 года привезъ извѣстіе отъ господаря Молдавіи изъ Яссъ, этой политической обсерваторіи Турціи на сѣверѣ, что оспариваемый „аліанцъ“ Россіи уже при заключеніи, „дабы Порта заблаговременно свои мѣры воспріимала“.

Прошло около полугода въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ между Неплюевымъ и де-Бонакомъ; аліанцъ поднимался на горизонтѣ яснѣе, а въ самомъ концѣ іюля русскій резидентъ долженъ былъ написать ко двору: „нынѣ при здѣшнемъ дворѣ иныхъ друзей (т.-е. кромѣ австрійскаго) не имѣемъ. Французы не только отступились, но и *непріятелями* обратились“. Это обращеніе, за исключеніемъ немногихъ моментовъ, такъ и осталось надолго.

6-го августа былъ подписанъ „аліанцъ-трактатъ“ Россіи и Австріи. Это было дѣло рукъ графа Андрея Ив. Остермана, великаго русскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Фронтъ политики рѣзко измѣнился; но если ученикъ такъ рѣзко отступился отъ своего учителя, то, вѣроятно, не безъ основанія.

Петръ В. въ политикѣ возмездія за Прутъ оставилъ европейскій путь и остановился на окольномъ, тяжеломъ—азіатскомъ:

---

[1]) Данныя—изъ реляцій Неплюева въ Гл. Моск. Арх. м. ин. дѣлъ.

Digitized by Google

чрезъ Малую Азію къ Босфору. Остерманъ, не покидая Азіи, сдѣлалъ попытку возвратить Россіи ея старый путь къ Босфору, европейскій,—правда, теперь значительно занятый Австріей. Но нельзя ли при помощи той же Австріи, столь могущественной теперь послѣ пожаревацкаго мира, „быстраго и славнаго", по словамъ заклятого врага и современника импер. Карла, знаменитаго графа Боневаля [1]), *открыть* Россіи ея старый путь, чрезъ Дунай къ Босфору? И въ трактатѣ 1726 года мы видимъ, что главный пунктъ его—обязательство Австріи помочь вооруженною рукою, предоставленіемъ вспомогательнаго корпуса или диверсіей, Россіи при войнѣ съ Турціей. Когда черезъ десять лѣтъ произошла у насъ война съ Турціей и началась неудачно, виновникъ трактата, Остерманъ, смѣло указывалъ импер. Карлу: „въ нынѣшнемъ случаѣ союзнической римскаго в—ва помощи требуется, аліанція же показуетъ, въ чемъ сіе вспоможеніе состоять имѣетъ" (въ ноябрѣ 1736 г.).

Австрія имѣла свой кровный интересъ для сближенія съ Россіей; она отводила послѣднюю отъ своего вѣкового врага—Франціи — и заручалась мощною поддержкою для утвержденія дорогой для нея прагматической санкціи—прàва передачи австрійскихъ зе́мель дочери цесаря, Маріи Терезіи. Вотъ судъ современнаго дипломата, венеціанскаго посланника въ Вѣнѣ, Н. Эриццо: „Цесарь,—писалъ тотъ въ 1738 году,—не могъ приготовить для санкціи опоры болѣе мощной (un presidio più valide), какъ союзъ съ Московіей. Это было главное основаніе (il motivo principale) для соединенія съ царицею въ 1726 г." [2]).

Но были и соображенія второстепенныя,—напримѣръ, предвидѣвшееся въ недалекомъ будущемъ „упраздненіе" на престолѣ Польши, послѣ Августа II, т.-е. весьма сложный польскій вопросъ, которымъ, по традиціи, всецѣло занята была Франція, особенно тогда, при семейномъ сближеніи вѣчнаго кандидата на престолъ Польши, добродушнаго Лещинскаго, съ королевскимъ домомъ Франціи; небезопасныя интриги только-что еще выходившей на сцену Пруссіи, давно готоваго орудія противъ Россіи, въ рукахъ ея недруговъ. Извѣстный намъ папскій министръ, епископъ Галани, оставляя Босфоръ, заключалъ свою агентурную службу Россіи весьма любопытнымъ сообщеніемъ. „Я,—писалъ онъ въ Петербургъ 27 февр. 1721 г.,—хочу нагружаться

[1]) „La promte et glorieuse paix", въ „Mémoires" омусульманившагося французскаго графа.

[2]) Fontes rerum Austriacarum, XXII, p. 175. Ср. ib. p. 150: „per ottenere quella (т.-е. санкцію) della Moscovia si é fatto, il trattato di 1726".

Digitized by Google

въ судно и отъѣзжаю въ отечество свое... Еще доношу, три дня назадъ какъ прибылъ сюда нѣкоторый господинъ прусакъ, который дорогою ѣхалъ за русака, и сказывалъ, что онъ ѣдетъ для покупки лошадей, а нынѣ слышно, что онъ привезъ грамоты къ визирю отъ королей шведскаго и прусскаго и обще имовѣрится, что онъ пріѣхалъ, дабы побудить Порту къ нарушенію мира съ нашимъ августѣйшимъ монархомъ" [1]).

Иныя отношенія въ Европѣ, иныя рѣчи и на Босфорѣ.

Подъ диктовку свѣжаго союза Россіи и Австріи, представитель Франціи у Порты „всякими способы,—жалуется Неплюевъ въ январѣ 1727 года,—внушаетъ муфтію и другимъ, въ Персіи миръ учинить возможно скорѣе, а между тѣмъ могла бы Порта, съ Франціей согласясь и съ прочими ганноверскими аллирты (т.-е., Англіей и Пруссіей), Лещинскаго на польскій престолъ произвести и чрезъ то Россійскаго имперія съ нѣмецкимъ комуникацію пресѣчь, дабы они другъ другу помогать не могли. А ежели имперіи въ покоѣ останутся (т.-е., Россія и Австрія) и Польшу себѣ въ союзъ обяжутъ, въ такомъ случаѣ со временемъ и Портѣ немалый вредъ причиниться можетъ". Дѣйствительно, Турція ввязалась въ дѣла Персіи, а тамъ—однѣ неудачи. При посѣщеніи однажды визиря, Неплюевъ нашелъ его „полумертва, безстыдно вздыхалъ якобы родильница". Россіи все это было на руку, но не Франціи.

Такимъ образомъ, обозначились ясно тѣ пункты, которые составили существо дальнѣйшей политики Франціи на Босфорѣ: Турцію перевести опять назадъ изъ Азіи въ Европу, для парализаціи свѣжаго „аліанца", иначе—бѣда самой Турціи. Въ послѣдовательности Франціи отказать нельзя. Съ какимъ презрѣніемъ относились даже лучшіе умы Франціи къ намъ, жалкимъ московитамъ! Прошло всего съ небольшимъ сто лѣтъ, какъ король Генрихъ IV въ проектѣ борьбы съ Турціей, выбрасывалъ за бортъ „Knés Scithien", т.-е. московскаго царя, съ его „варварами", да не прикоснется къ нимъ Европа [2]). Теперь этихъ „варваровъ" надо отбросить назадъ изъ Европы. Открылась ожесточенная борьба Россіи и Франціи на Босфорѣ, между Неплюевымъ и новымъ, съ 1728 г.,

---

[1]) Гл. Моск. Арх. м. и. д., Тур. дѣла, 1721, св. 22/в № 12.—Прусакъ былъ не русакъ, и не прусакъ, а волохъ, служившій долго у Дашкова въ Варшавѣ и говорившій по-русски.

[2]) См. статью Цинкейзена въ „Historisches Taschenbuch", Раумера III, (1858), 498.

Digitized by Google

посломъ французскимъ, маркизомъ Вильнёвомъ. Когда вскорѣ у Вильнёва появился сильный, добровольный помощникъ въ лицѣ спасавшагося отъ гнѣва Австріи австрійскаго генерала гр. Боневаля (раньше—французскій офицеръ королевской крови, принявшій исламъ), то для вспоможенія въ дѣлахъ Неплюеву, уже ставшему и физически больнымъ („яко воскъ таю", жаловался онъ давно), былъ высланъ Остерманомъ Алексѣй Вѣшняковъ, бывшій еще при Петрѣ консуломъ въ Испаніи. Близкое знаніе Вѣшняковымъ французскаго языка дѣлало его желаннымъ сотрудникомъ для Неплюева, знавшаго одинъ итальянскій.

Первая арена борьбы—текущій персидскій вопросъ.

Вступленіе на престолъ импер. Анны застало Неплюева торжествующимъ на Босфорѣ. Вопреки настояніямъ Франціи, Порта все ближе къ сердцу принимала дѣла въ Персіи, особенно въ своей „порціи" на Кавказѣ, чтобы парализовать тамъ значеніе Россіи. Всячески она мутила тамъ чрезъ посредство мѣстныхъ князьковъ татарскихъ и стремилась къ Каспійскому морю, грозя Неплюеву войной. Тотъ отвѣчалъ ей однимъ: намъ война не страшна!—и тотъ же рѣшительный пріемъ въ обращеніи съ Портой, отказъ на все, совѣтовалъ онъ усвоить и своему двору. „Лакомство варварское,—писалъ онъ,—извѣстно: ежели имъ единую пядь уступить, тѣмъ на себя поводъ подать, а *неясыти* ихъ не исполнить и покусятся къ прочему—владѣніе в. вел. въ персидскихъ земляхъ изтѣснить". „Изтѣснить" насъ,—для этого были у Порты причины. „Грузію, Шемахи уступить нельзя, говорила она, по сосѣдству съ Россіей; Россія сильна и хитра, можетъ тамошніе народы, какъ христіанскіе, къ себѣ склонить и чрезъ то владѣніе свое до самаго Чернаго моря распространить". Какъ разъ въ это самое время захвачены были турками армянскіе добровольцы съ поличнымъ: русскія знамена, паспорты русскіе, обличающая переписка.

Но Неплюеву теперь уже были не въ моготу персидскія дѣла, и онъ горячо благодарилъ Остермана за надежду на отозваніе: „бѣдный мой животъ слабъ, а дѣламъ здѣшнимъ конца не вижу". Между тѣмъ, на осень, 4-го сентября, былъ объявленъ походъ визиря на Эрзерумъ. Войска уже перевозились въ Скутари, какъ 17-го сентября произошла „небезъудивительная трагедія здѣшняго двора походомъ въ шкутарскій лагерь", а именно, убійство визиря и всѣхъ высшихъ сановниковъ, общая революція янычаръ и „улицы". Мятежъ былъ протестомъ противъ движенія въ Персію. Наконецъ, свергнутъ былъ самъ султанъ, старикъ, Ахметъ, побѣдитель Петра Великаго.

Digitized by Google

Трагедія была рѣшительная: „нынѣ не въ басняхъ здѣсь стоитъ, но близь прямого дѣла“, писалъ Неплюевъ. Дѣйствительно, „народъ,—доноситъ онъ,—во время своего замѣшанія *вопилъ*, чтобъ, *оставя* персидскія дѣла, войну начинать противъ Россіи или цесаря“.

Но кто поставилъ на сцену эту кровавую трагедію на Босфорѣ, вызвалъ страшные дни сентябрьскихъ убійствъ и послѣдовавшихъ затѣмъ казней, при расправѣ съ „улицей“? „Вопли“ улицы указывали интересы, слѣдовательно, и лицо Вильнёва. Зачѣмъ туркамъ истрачивать силы въ Персіи, когда онѣ такъ умѣстны могутъ быть въ Европѣ? Конечно, въ своемъ отчетѣ о революціи 1730 г. Вильнёвъ только указываетъ на рѣдкое по выгодѣ положеніе дѣлъ для Франціи. „Турки,—пишетъ онъ,—научаются уже при рожденіи, что они должны ненавидѣть австрійцевъ и москвитянъ. Движеніе янычаръ и революція были вызваны требованіемъ вести ихъ на цесаря и Москву. Никогда обстоятельства не были такъ благопріятны для того, чтобы заставить исламизмъ послужить нашимъ намѣреніямъ и направить на обоихъ нашихъ враговъ этотъ вышедшій изъ береговъ потокъ“ [1]).

Изъ Петербурга потребовали смотрѣть за „подвигами“ Вильнёва къ побужденію Порты къ войнѣ, и волненія еще не унялись, какъ Неплюевъ сообщалъ объ общей интригѣ Вильнёва и крымскаго хана, а именно, что тотъ черезъ хана „склоняетъ Порту, дабы она нынѣ вступила въ польскія дѣла въ фаворъ Лещинскому: когда онъ будетъ королемъ, тогда купно съ Франціей во всемъ будетъ ея сторону держать“. Хотя Неплюевъ въ началѣ былъ мнѣнія, что „здѣшній дворъ вѣтромъ колеблемъ, и небезопасно отъ него легкомысленной резолюціи“; но онъ скоро успокоился: „больше надежды есть,—писалъ онъ позже,—къ тишинѣ, яко требуется время власть утвердить и осмотрѣться“, что̀ и понятно. „Внѣшняя система двора въ откровеніе приходила“, исканіе покоя стало господствующимъ теченіемъ на Босфорѣ, „быть безопаснымъ съ европской стороны“.

Сентябрьскіе ужасы, повторительный бунтъ и казни въ мартѣ 1731 года не принесли желанныхъ плодовъ для политики Вильнёва, не брезгавшей ничѣмъ. Все по старому: Персія и миръ, но не Австрія, не Россія, и не война. Наоборотъ, они принесли анархію, практику не прекращавшагося насилія правительства и „улицы“,

[1]) A. Vandal, Une ambassade française en Orient, p. 159.

Digitized by Google

которая „великое участіе имѣетъ въ дѣлахъ“,—по словамъ Неплюева. Въ итогѣ—бо́льшее ослабленіе того орудія, которое должно было сократить Австрію и помочь отбросить Россію назадъ отъ Европы,—„abattre la Russie“, говоря языкомъ Боневаля.

Для Неплюева Константинополь теперь одинъ Вавилонъ, и онъ скоро долженъ исчезнуть.

„Здѣшняя система,—пишетъ онъ,—понынѣ на воздухѣ, ибо каковы были начатки здѣшняго змія, таковы и исчадія его“; отсюда безъ конца аресты, ссылки. „Хотя весь свѣтъ коловратенъ и дѣла его суть вражны; но здѣшній Вавилонъ подобенъ кораблю безъ кормила, волнами носиму“. Жестокости внѣ мѣры: „непостоянному народу жестокость вмѣсто лѣкарства; бунты угасали не инымъ чѣмъ, какъ многочисленнымъ умерщвленіемъ людей, почему и прошлогодній бунтъ не могъ бы отрыгнуть, ежелибъ новый султанъ съ такою жестокостью поступалъ, какъ нынѣшній визирь началъ чинить“.

Для Неплюева и Вѣшнякова общая неурядица въ Турціи уже казалась предтечею близкаго исчезновенія самаго „змія“. Желаемое имъ видѣлось осуществляемымъ, и они поторопились съ выводомъ. „Видимое гибнущее состояніе турокъ“ для нихъ внѣ вопроса; но они пытаются, путемъ анализа отношеній, выяснить самыя причины этого состоянія.

„Чрезъ многія лѣта,—пишетъ Вѣшняковъ,—туркамъ показанъ путь къ чувственному веселію житію. Будучи въ покоѣ, вкусили сладкаго житія и чрезъ то потеряли охоту воевать, не хотя оставить своихъ великихъ домовъ и всякихъ веселій, устроенныхъ, быть можетъ, къ ихъ погибели. Почти всякій воспріялъ состояніе, имѣя свое рукодѣліе, живетъ въ покоѣ, не хочетъ искать всѣхъ бѣдъ и нуждъ, каковы плоды военные“. Масса изнѣжилась; но и наверху не лучше.

„Люди военные, умные, или погублены, или померли, почти всѣ извелись. Для правленія хотя и есть нѣкоторые, только голосъ малъ имѣютъ или не вступаютъ. Изъ всего можно заключать, что внутренно зѣло слабы“. Конечно, для Европы турки болѣе не страшны, особенно же въ виду того, что они знаютъ, „какая тѣсная имѣется аліанція“ между Россіей и Австріей. Бѣда имъ отъ персовъ; но, „можетъ быть, Богъ паки еще и наибольшею бѣдою или и *погибелью* ихъ накажетъ“.

Такимъ образомъ, если въ первые годы главныя задачи Неплюева были „престереженіе“ опасности отъ войны съ турками, то съ революціи 1730 г. положеніе его измѣняется, и онъ самъ переходитъ въ аттакующаго. Онъ указываетъ Россіи воевать,

Digitized by Google

стать орудіемъ Божьей кары надъ Вавилономъ, „совершить намѣреніе Петра“ при обстоятельствахъ, которыя „не повторятся и чрезъ много сотенъ лѣтъ“, какъ не разъ онъ уже съ ударе-ніемъ теперь говоритъ. Отъ однихъ дѣлъ съ Персіей у Порты „голова чаду полна“, почему всякія „зломышленныя внушенія“ французскаго посла, который, напримѣръ, „не упускаетъ случаевъ турковъ подощрить противъ цесаря хотя въ малыхъ дѣлахъ, ибо до большихъ досадъ, до другихъ какихъ видовъ конъюнктуры настоящаго времени и состояніе турокъ не допускаютъ“, обращаются въ ничто. Самъ Неплюевъ по отношенію къ враждебному Вильнёву полонъ одного оскорбительнаго чувства—пренебрежительнаго снисхожденія. „На французовъ,—пишетъ онъ,—неудивительно, что они стараются всякими способы *плетни* строить“, противъ Австріи, ея союзницы — Россіи: „каждое государство смотритъ своего интересу“.

Между тѣмъ подошло событіе, которое сразу осложнило дѣятельность Неплюева на Босфорѣ, вызвавъ усиленные ходы его врага Вильнёва. Оно ожидалось давно. Это—„зѣло важный смертный случай“, по выраженію тогдашнихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, т.-е., смерть польскаго короля Августа II, въ началѣ 1733 года.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ на Босфорѣ появился таинственный польскій посолъ, ораторъ Сѣраковскій, чтобы подготовлять почву для стараго Лещинскаго. При извѣстіи о смерти Августа, ораторъ уѣхалъ на дачу и „во всемъ къ французскому послу присталъ, что видимо стало чрезъ частыя между ними пересылки“. Неплюевъ не сомнѣвается, что Порта за Лещинскаго; но бѣда ея, что „всѣ ея желанія и рекомендація вотще—кромѣ словъ ничего употребить не можетъ, яко обязана выше мѣры персидскими дѣлами“. „Мы,—заключаетъ Неплюевъ,—оставили ее въ покоѣ и въ волѣ воздушныя башни строить“, на счетъ Лещинскаго, или Ляса, какъ говорили тогда, играя словами: лещина—лясъ (лѣсъ).

Дѣйствительно, Порта все понимала, но, безсильная, могла только упрекать Неплюева за то, что русскій министръ въ Варшавѣ *высоко* и со *властью* говоритъ полякамъ противъ Лещинскаго, „яко объявленнаго отъ всего королевства отечеству своему злодѣя“. „Недосуги,—поясняетъ Неплюевъ,—не допущаютъ Порту въ Лещинскаго дѣла мѣшаться, но еще блазнятъ себя надеждою, что поляки будутъ отъ французовъ подкуплены и въ Европѣ будетъ война“. Недалекое будущее оправдало турокъ; но для самоувѣреннаго Неплюева—все это были воздушныя башни. „Порта

Digitized by Google

объявила Вильнёву, чтобъ французы дѣлали какъ хотѣли, а она, кромѣ дружескихъ офицій, ни въ какія обязательства за Лещинскаго не вступитъ, времени и охоты не имѣетъ, ссоры съ Россіей не желаетъ и знаетъ, что французы по своимъ интересамъ ей на ссору внушаютъ". Въ виду всего этого, нынѣшнее лѣто, т.-е. въ 1733 году, Порта, на взглядъ Неплюева, мѣшать въ польскомъ вопросѣ не въ состояніи, а „впредь Богъ намъ помощникъ". Неплюевъ благословлялъ. Но не дремалъ и Вильнёвъ, чтобы поднять Порту за Лещинскаго.

Въ то время, какъ въ Варшавѣ мы говорили высоко, въ Литвѣ самъ Остерманъ любезно просилъ Сапѣгу „сохранить свою прямоту и ревность къ отечеству", въ настоящую „столь важную" минуту, и удостовѣрялъ въ чувствѣ благорасположенія къ Польшѣ самой императрицы [1]), а прибывшаго въ Петербургъ посла изъ Польши, еп. Липскаго, обезпечивалъ въ „произведеніи чрезъ вольное избраніе новаго короля" [2]). Порта прервала практику съ Неплюевымъ и готова выслать его, а французскій посолъ „по своимъ видамъ всячески турокъ ложно увѣрить тщится, что Россія не въ состояніи къ предвоспріятіямъ". Но заблужденіе трудно искоренить, „дондеже турки експеріенцію узнаютъ", т.-е. испробуютъ воевать.

Остерманъ былъ крайне встревоженъ разрывомъ на Босфорѣ. „На Порту не налегать,—требовалъ онъ,—чтобъ не подать причины съ персіянами скораго мира искать, яко сходство интересовъ требуетъ, чтобъ Порта надолго была обязана персидскою войною". Въ отвѣтъ на это—однѣ жалобы на интриги Вильнёва, по польскому вопросу: „слышалъ я подъ рукою, что турки вскорѣ Россіи *крѣпкія* предложенія учинятъ о Польшѣ и, несмотря на свое худое состояніе, Россію весьма легко поставляютъ и почти явно поносятъ".

Но какъ разъ въ это время турки два раза разбили персіянъ, а татары на Кавказѣ, у Св. Креста, одержали „викторію" надъ русскимъ отрядомъ, слѣдовательно, ихъ самомнѣніе поднялось. „Рейсъ-эфенди,—такъ жалуется за живое задѣтый Неплюевъ,—когда увидитъ нашихъ переводчиковъ, усмѣхается; всему свѣту разглашаютъ и до послѣдняго подлаго человѣка съ поношеніемъ

---

[1]) См. письмо 17-го февр. 1733 г., въ Археологич. Сборникѣ, изд. Виленскаго Уч. Округа, т. III (1870), p. 323.

[2]) Рѣчь графа въ „С.-Петер. Вѣд." 1733, № 31.

Digitized by Google

в. в—ва баснословятъ". Порта, какъ „наблюдатель польскихъ вольностей", предложила не нарушать вольности избранія короля. Неплюевъ возмущенъ и горячо совѣтуетъ одно: мстить, пока время.

„Не видѣвъ совершенной викторіи въ Персіи, мира не найдутъ, ежели ваше в—во *нынѣшней* кампаніи къ *отмщенію* поступить соизволите. Со временемъ увидѣть изволите, сколь высоко въ немъ держать себя будутъ, только хотя мало усмотрятъ, что татарское дѣло безъ возмездія упущено было. Всемилостивая Государыня! Не можно описать, сколько мы слышимъ! Уже до того дошло, что разсуждаютъ и Астрахани быть наслѣдственной татарской; баснословятъ, что русскіе не только противъ турокъ, но и противу татаръ стоять не могутъ".

Война и война, вотъ трсбованіе минуты,—твердилъ Неплюевъ, не будучи въ состояніи примириться съ мыслью о безнаказанности оскорбленія Россіи со стороны какихъ-то татаръ, въ родѣ татаръ Сурхая, котораго сами турки „такъ мало цѣнятъ, что и за скотину не почитаютъ", и это въ моментъ, когда, какъ казалось ему, представлялась возможность свести послѣдніе счеты съ самою „гиблющею" Турціей. „Хотя о сихъ дѣлахъ, многимъ напастямъ и неизвѣстному жребію подлежащихъ, съ немалою прискорбностью описуемъ,—доносятъ онъ и Вѣшняковъ,—но по нашей рабской должности и ревности не могли безъ изъясненія истины оставить, дабы ваше в—во, вѣдая обстоятельно, изволили заблаговременно повелѣть удобныя мѣры принять".

Но Порта, съ своей стороны, рѣзко повысила тонъ. Россіи,—объяснялъ какъ-то переводчикъ Порты (грекъ Гика),—надобно бы на *свое состояніе* оглянуться, что она не въ томъ состояніи, какъ была во время Петра Великаго, а и при немъ подъ Прутомъ силъ отоманскаго оружія експеріенцію имѣла. Порта никогда правъ и чести своей Россіи не уступитъ, до чего бы ни дошло: она въ состояніи не только противъ одной Россіи, но хотя бы противъ всѣхъ христіанскихъ державъ въ то время войну вести". Ясно звучали уроки французовъ, что въ Россіи одни нѣмцы, всѣ ими недовольны, она—одна слабость,—словомъ, всѣ подобныя „баснословія". Но Вильнёвъ еще болѣе поджигалъ.

Въ недавней аудіенціи у визиря Вильнёвъ хвалился, что уже „никто не въ силѣ помѣшать Лещинскому въ Польшѣ", а при скоромъ мирѣ съ Персіей возвращающіяся турецкія войска выгонятъ русскихъ изо всѣхъ мѣстъ при Каспійскомъ морѣ, и „всѣ тѣ народы до Астрахани Порта присовокупитъ, понеже Петра Великаго уже *въ живыхъ нѣтъ*". Вильнёвъ весь теперь одна

Digitized by Google

агитація,—указывалъ резидентъ въ другой разъ:—одинъ крымскій ханъ къ усмиренію приведетъ Россію и отъ Польши отвратитъ; Портѣ, „при нынѣшнихъ конжонктурахъ“, надо идти на Австрію или на Россію — „въ прежнее состояніе привести, какъ прежде времени Петра находилась“. Рисуя предъ Портою картину несомнѣннаго успѣха, Вильнёвъ препоручилъ ея вниманію — „имѣть въ консидераціи Боневаля, доказуя, будто въ войнѣ Евгенія Савойскаго цесарскихъ всѣхъ авантажевъ одинъ онъ, Боневаль, виновникомъ былъ“.

Несмотря на все, Неплюевъ оставался при своемъ—отмщенія искать, и что „много мечтанія убудетъ, если польскія дѣла безъ войны окончатся“, т.-е. центръ тяжести—въ „произведеніи“ польскаго короля. „Ежели ваше в—во противъ турокъ оружіе употребите и слѣдов. съ персіянами соединитесь, то вящимъ бѣдствіямъ государство свое подвергнете со всѣхъ сторонъ, и хотя французы ихъ высоко возносятъ, а Россію легко имъ показуютъ, но мы довольно объ истинномъ состояніи доказали“, т.-е. состояніи Турціи раньше. Для татаръ на Кавказѣ другого средства нѣтъ, кромѣ оружія, иначе они „могутъ персіянъ къ миру принудить, тогда турки съ в. в—вомъ легко въ войну вступятъ“.

Король въ Польшѣ былъ „произведенъ“ и одновременно въ двухъ лицахъ: въ лицѣ Лещинскаго и въ лицѣ Августа III, а на Босфорѣ Вильнёвъ изъ силъ выбивается бросить Порту въ войну съ Россіей: „во весь народъ толковалъ пользу турокъ и честь, чтобъ въ Польшѣ свою креатуру королемъ имѣть, а Августа не допущать“; но у Порты встрѣтилъ одно колебаніе, а затѣмъ и больше. „Визирь,—пишетъ Неплюевъ,—видя себя обязаннымъ безконечною войною въ Персіи, разсудилъ за полезнѣе въ польскія дѣла не вмѣшаться“, слѣдов., осень и зима свободны для прикончанія польскихъ дѣлъ, умиренія „духовъ“; но за 1734 годъ ручаться нельзя. Въ утѣшеніе потерявшему-было ставку, неугомонному Вильнёву оставалось одно: „воздушными проэктами Портѣ голову наполнять“, что Лещинскій, съ помощью Пруссіи и Швеціи, престолъ „постигнетъ“. Въ это время шахъ Кулы разбилъ турокъ, и Неплюевъ замѣчаетъ: „война Портѣ нынѣ не ко времени; она о Кулы думаетъ, а не о Станиславѣ? Успокоенный, тогда какъ еще вчера русскаго резидента „яко львовымъ образомъ“ показывали, поносили и бранили,—Неплюевъ все же не унялъ противника, Вильнёва. Тотъ не палъ духомъ и продолжалъ свои стращанія: что Августъ „произведенъ“ немногими; вся Европа негодуетъ, а потому Портѣ сходно и нужно объявить войну Россіи; но „упуститъ она свою честь и не по-

Digitized by Google

тщится реванжу искать за нарушеніе Прутскаго трактата, то впереди у ней одна опасность, когда утвердится Августъ и соединится съ Россіей". Порта поколебалась и потребовала нашего удаленія изъ Польши, иначе — грозила войной противъ обоихъ союзниковъ 1726 г. Въ это самое время уже открылась война у Франціи съ Австріей изъ-за Лещинскаго.

„Изъ всего изволите усмотрѣть, — пишетъ Неплюевъ въ ноябрѣ,—что война в. в—ву съ турками настоитъ". Только желательно: не допустить мира съ Персіей, взять Гданскъ (Данцигъ), гдѣ укрылся Лещинскій, и заручиться содѣйствіемъ Австріи. Для иллюстраціи готоваго военнаго настроенія умовъ на Босфорѣ онъ сообщаетъ о планѣ Порты,—въ Молдавіи учредить сильную армію и вступить въ Польшу; крымскому хану велѣно идти въ Буджакъ, „въ мѣсто, именуемое Акъ-Кирманъ, что между Дуная и Днѣстра", и готовиться съ оставшимися мазепинцами, подъ командою стараго Орлика, къ вторженію въ Украину.

Но Неплюевъ, естественно, далекъ отъ чувства страха предъ войною. Онъ самъ уже годами направлялъ Россію на войну, но требовалъ аттаки, а не ждать нападенія. Въ его патріотическомъ умѣ давно уже былъ намѣченъ и вождь для лелѣемаго возмездія за Прутъ, это—гр. Вейсбахъ въ Кіевѣ, какъ „самовидецъ на Прутѣ". Предупреждая его о войнѣ, Неплюевъ припоминаетъ былое, припоминаетъ Петра на Прутѣ. „Но,—пишетъ онъ,—уповаю на Бога, что нынѣ *иныя* мѣры и *иное* число войскъ отъ нашей стороны будетъ, а затѣмъ отъ Всевышняго прошу, да благословитъ милостью ея в—ва оружіе и всѣхъ ея вѣрныхъ слугъ, въ томъ употребленныхъ быть имѣющихъ, въ которомъ числѣ в. с—во единъ изъ вождей арміи".

Получивъ отъ визиря письмо для Остермана съ обвиненіями по Польшѣ, Неплюевъ присоединяетъ отъ себя: „Итакъ, война ближается, въ которой все зависитъ, чтобъ въ первую кампанію туркамъ носъ сбить; народъ здѣсь гордъ при счастіи и трусливъ при несчастіи", т.-е. не ждать гостей. Но азартъ у турокъ сразу остылъ, и они, вчера еще кричавшіе: „на Москововъ", быстро присмирѣли. Изъ Азіи подоспѣли худыя вѣсти: Кулы разбилъ наголову визиря. „Дворъ въ отчаяніи и в. в—во безопасны". Но наступившая минута, на взглядъ стараго патріота, и есть та желанная, когда можно свести старые счеты за Прутъ. „Нынѣ,—заключаетъ онъ реляцію 24-го ноября,—есть время благопріятно в. в—ву туркамъ ротъ растворить или дальнія мѣры воспріять и единожды магометанскую гордость смирить, въ поправленіе толь предосудительнаго трактата, какъ подъ именемъ вѣчно-

Digitized by Google

мирнаго состоитъ, *намѣреніе* вѣчно-достохвальныя памяти Петра Великаго совершить".

Неплюевъ требовалъ отъ Россіи того же, чего Вильнёвъ отъ Порты.

Между тѣмъ, путемъ денегъ, Неплюевъ добылъ два документа Вильнёва, изъ которыхъ одинъ вскрылъ предъ нимъ грандіозную, хитро сотканную картину возмутительныхъ замысловъ французовъ противъ Россіи, расхвата ея по частямъ и средствами русскихъ же. „Меньше,—говорилось въ немъ,—не ищутъ Вильневъ и Боневаль, какъ чтобы шведовъ въ состояніе привесть *отобрать* тѣ земли, которыя Петръ Великій завоевалъ, полякамъ возвратить Смоленскъ и Кіевъ, изгнать отъ Каспійскаго моря,—словомъ, хотятъ привести Россію въ прежде бывшее, 100 лѣтъ назадъ, состояніе". Указывалась далѣе надежда на распри, которыя должны настать „между русскими и чужестранными, имѣющими участіе въ правленіи, ежели война единожды начнетъ распаляться". Второй документъ сообщалъ о союзномъ договорѣ между Турціей и Франціей, проектируемомъ „новымъ мусульманиномъ", Боневалемъ. Извѣстно, что этотъ договоръ едва-едва не осуществился.

Неплюевъ былъ глубоко задѣтъ: раздѣлъ Россіи!—и потому тѣмъ настойчивѣе онъ потребовалъ войны. „Изъ письма (т.-е. перваго документа) соизволите в. в—во усмотрѣть, какого непріятеля имѣете, который ищетъ испроверженія имперіи. А ежелибъ они свободны были (отъ персіянъ), чего бъ тогда ни учинили! Все сіе до разсмотрѣнія в. в—ва приносимъ—ожидать ли непріятеля, чтобъ онъ время возъимѣлъ злые свои замыслы въ дѣйство производить, или, при нынѣшнихъ его персидскихъ обязательствахъ, укротить и ослабить искать. Турки уже теперь то и дѣло разглашаютъ хулу на правленіе въ Россіи, на министровъ и прочихъ, команду имѣющихъ. Мы опровергаемъ ихъ всячески. Но ежели свои мечтанія въ дѣйство производить покусятся, то уповаемъ на Бога, что они мудрое в. в—ва правленіе, вѣрность министровъ и прочихъ, команду имѣющихъ, на самомъ дѣлѣ познаютъ—на свою *гибель*".

Вильнёвъ въ своемъ не успѣвалъ. На повторенія его, что Австрія, Россія и Августъ, соединясь, „изженутъ турокъ изъ всѣхъ провинцій Европы, а король тогда въ дѣла вступаться и о *цѣлости* Турціи рачить не будетъ, какъ то по се число чинилъ и чинитъ", лукаво отвѣчали ему, что падишахъ ждетъ аліанца съ королемъ. Еще безпомощнѣе были голоса въ томъ же духѣ о „злыхъ слѣдствіяхъ" отъ невмѣшательства Польши.

Подкрѣпляемый совѣтами пріязненнаго посла Голландіи, что

Digitized by Google

турокъ бояться нечего, хотя они, помня прусскій „акчидентъ“, все Россію унижаютъ и „на томъ основаніи побѣдоносными мнѣніями насыщаются“, Неплюевъ въ заключительномъ словѣ о событіяхъ истекавшаго 1733 года, могъ только повторить, съ своей стороны, старое — покончить съ Турціею. „Здѣшнее слѣпотное правленіе въ водѣ стоитъ, а огонь горитъ, и, можетъ быть, работаютъ на свою погибель. Времени полезнѣе едва ли можно в. вел—ву впредь ожидать, чтобъ гордость ихъ смирить и честь персональную показать, когда они слѣпотою не познали, вмѣсто того, чтобъ ожидать ихъ свободы (отъ персовъ) и предвоспріятія по ихъ мечтательнымъ идеямъ“.

Новый, 1734 годъ дѣлъ на Босфорѣ не измѣнилъ.

Изъ Парижа получился полный отказъ въ формальномъ союзѣ: обязательство съ иновѣрными подниметъ противъ Франціи и нейтральныя государства. Такъ объяснялъ Вильнёвъ. Напрасно защищался Боневаль, говоря, что и русскіе, — противъ которыхъ союзъ, — еретики. Тѣмъ сильнѣе стали налегать французы на „улицу“, чернь — бросить Персію совсѣмъ; „знатные авантажи“ могутъ быть въ Европѣ: отъ Австріи получить Сербію, Венгрію, а въ Россіи, при помощи Орлика въ Каушанахъ (столица татаръ Буджака), возмутить козаковъ. „Такъ они лаютъ и турецкіе невѣжественные умы наполняютъ тѣми безосновательными мнѣніями“. Но, какіе бы планы военныхъ операцій Боневаль ни фабриковалъ, „нынѣшній годъ, по убѣжденію Неплюева, турки ни по единому образу къ дѣйствамъ въ Европѣ въ состояніи быть не могутъ“, почему и надо пользоваться минутой, благопріятными условіями. Разслабленная Турція „совсѣмъ увязла въ Азію“ и давно въ такомъ худомъ состояніи не бывала: по убѣжденію посла, „долго впредь сего случая дожидаться, чтобъ ихъ въ резонъ привести и смирить, ложныя ихъ мнѣнія о Россіи отнять и единожды покой себѣ достать“.

Вступленіе русскихъ отрядовъ въ Подолію весною 1734 г., для очистки края отъ сторонниковъ Лещинскаго, встревожило Порту, подняло духъ Боневаля; Орликъ опредѣленъ въ диспозицію хана крымскаго. Но все это, по Неплюеву, пустяки. „Визирь,— писалъ онъ о своей аудіенціи,—какъ бѣсный разговоръ свой мѣшалъ, и дружбою увѣрялъ, и войною претилъ, и свой страхъ не скрывалъ“. Неплюевъ приходитъ къ одному заключенію: „уже намъ болѣе дѣлать нечего“, а вразумить турокъ можно однимъ— дѣломъ, а не словомъ. Какъ разъ въ это время взятъ былъ Ми-

Digitized by Google

нихомъ Данцигъ, послѣдній пріютъ Лещинскаго, и исполнено условіе, поставленное Неплюевымъ, для открытія дѣйствій противъ Турціи.

Опять встревожились французы на Босфорѣ, опять принялись за отвергнутый въ Парижѣ союзъ, съ обѣщаніемъ бросить цѣлый корпусъ изъ Италіи въ Хорватію и Венгрію, чтобы только добиться поднятія турокъ противъ Австріи. Правда, Порта предложила вывести русскія войска изъ Польши; но Неплюевъ отвѣчалъ: нельзя, „пока всѣ безпокойные духи не утишатся", и съ пренебреженіемъ сообщаетъ въ Петербургъ, что „турки всѣ злобу за польскія дѣла на насъ показуютъ, а въ народѣ генерально говорятъ о войнѣ къ будущему году". Взятіе Данцига визирь назвалъ поступкомъ „весьма подлонароднымъ".

Но зачѣмъ ожидать турокъ къ себѣ? Они безсильны, завязли въ Персіи. Всѣ выгоды теперь—намъ двинуться на нихъ, и Неплюевъ съ Вѣшняковымъ посылаютъ въ этомъ смыслѣ „слабѣйшее мнѣніе". „Не лучше ли въ будущій (т.-е. 1735) годъ турокъ атаковать, вмѣсто того, чтобъ дожидаться, какъ персіяне, утомясь съ ними, склонятся, ибо слабость тѣхъ видима? Подчасъ в. в—ва съ турками войны они могутъ ободриться, а ежели Турція отъ нихъ освободится, тогда всѣ силы противъ в. в—ва употребитъ".

Порта, съ своей стороны, ясно понимала конечныя цѣли Неплюева, котораго она теперь прямо не выносила: „никогда,—жаловался визирь,—иного отъ него не слышишь, кромѣ хитростнаго прикрытія о поступкахъ государыни своей". Онъ для нея уже второй Толстой изъ эпохи Петра. „Напредь сего,—говорилъ въ другой разъ визирь,—посолъ Толстой, и въ тюрьмѣ будучи, Порту обманывалъ, а когда, наконецъ, русскіе осадили Браиловъ, тогда сказалъ, что все чинилъ для пользы отечества; и нынѣшній резидентъ Неплюевъ и его товарищъ отважатъ себя на всякую сакрифицію, токмобъ Порту обмануть". Вѣрная своему исконному пріему—затормазить и выиграть время, создать новыя для себя условія, она обратилась къ державамъ, которыя „биляніцію Европы смотрятъ", за посредничествомъ. „При нынѣшнемъ стропотномъ случаѣ намъ, — писалъ Неплюевъ,—не осталось иного средства, токмо на негоціацію отозваться", при полной, естественно, неохотѣ его лично. Зато союзная Австрія особенно горячо принялась за примиреніе, къ крайнему неудовольствію резидента. Онъ рѣзко указывалъ представителю Австріи на Босфорѣ, чтобъ онъ не о посредничествѣ думалъ, „яко къ тому склонность свою показывалъ, но объ *общихъ* мѣрахъ; въ

Digitized by Google

польскихъ дѣлахъ мы нейтральнымъ его признавать не можемъ, но прямо почитаемъ участникомъ по обязательству".

Но особенно характерна была его ироническая филиппика противъ Австріи 16-го сентября. „Ожидаемъ,—съ усмѣшкой писалъ Неплюевъ,—какъ вѣнскій дворъ изъяснитъ себя подъ часъ разрыва съ турками: при мечтательности ли своей и обыкновенной высокости министры цесаря будутъ медіаціею своею при Портѣ насъ охранять, въ которую здѣшній ихъ резидентъ устремился, не разсуждая, каковой той медіаціи быть надобно, и что она отъ начатія далека, не только отъ конца; или вѣнскій дворъ къ *общимъ* мѣрамъ себя объявить резиденту своему повелитъ и, оставя о медіаціи мыслить, участникомъ покажетъ? Продолжая свою мечтательность, Австрія получитъ одно: на себѣ испробуетъ, сколь великую напасть себѣ устрояетъ. Но вмѣщается ли это,—съ презрительной насмѣшкой заключаетъ Неплюевъ,—въ голову здѣшнему цесарскому резиденту и его двору"?..

Въ виду дѣлъ въ Персіи, въ виду войны Франціи съ Австріей, Неплюевъ удостовѣрялъ, что, помимо татарскихъ продерзостей, и въ 1735 году Порта отъ разрыва удержится. Но есть одна опасность—что дѣла въ Персіи скоропостижнымъ перемѣнамъ легко подвергаются, и теперь уже видно, что война тамъ долго не продлится. Вотъ почему Неплюевъ и объявляетъ: „какъ мы напредь сего доносили, при тѣхъ же мнѣніяхъ остаемся—не допущая турокъ съ Персіей до мира, при благополучномъ нынѣшнемъ времени, *какого иногда во много сотъ лѣтъ не будетъ*, съ помощью Божьей въ резонъ ихъ приводить".

Все,—думалось Неплюеву,—ясно указываетъ, что 1735 годъ—прямая пора перейти, наконецъ, къ югу, положить конецъ всѣмъ врагамъ Россіи, „воздушнымъ кастелямъ" французовъ на Босфорѣ, унять ихъ оскорбительный побѣдный, до побѣды, кликъ: „Петра Великаго уже въ живыхъ нѣтъ"! Радуйся, Израиль!..

На самомъ исходѣ 1734 г., Неплюевъ тяжко заболѣлъ и вдругъ услышалъ о набѣгѣ татаръ. „Послѣдній мой духъ,—признавался больной,—подвигнулся отъ стыда и горести, услыша, что мы отъ собакъ татаръ толикія бѣды претерпѣваемъ, когда Порта сама въ напастяхъ по уши". Онъ допускалъ одинъ отвѣтъ на это: „съ лихвою повелѣть отмстить". „Намъ,—прибавляетъ къ этому Вѣшняковъ,—турецкіе поступки непонятны, яко видимъ ихъ гиблющее состояніе: углублены въ персидскія дѣла, безъ казны, безъ войска, безъ главъ, безъ знающихъ хотя мало военное дѣло. Никогда здѣшнее государство въ такомъ слабомъ состояніи не бывало. Иного не разумѣю, развѣ что Всевышній

Digitized by Google

ихъ ослѣпляетъ для достойнаго законнаго наказанія". Подразумѣвается—отъ Россіи, какъ орудія Его.

Съ горячимъ пожеланіемъ скорѣйшей гибели „Вавилону на Босфорѣ", встрѣтили 1735-й годъ оба наши патріота. Въ своихъ поэтически-политическихъ мысляхъ они унеслись далеко. Имъ видѣлось давно уже и возмездіе за Прутъ, и великое „намѣреніе" ихъ великаго учителя у своего конца, съ концомъ „гибнущаго государства". Но послѣднее слово принадлежало Остерману, и тотъ горячее требованіе съ Босфора охлаждалъ рѣзкими замѣчаніями—держать себя осторожно, „ни высоко, ни низко". „Порта можетъ быть обнадежена,—писалъ Остерманъ,—что войны начинать не будемъ". Главная причина—непокончeнныя польскія дѣла; необходимо время „къ окончанію польскихъ дѣлъ". Сообразно этимъ указаніямъ изъ Петербурга, Неплюевъ и Вѣшняковъ устанавливаютъ свое поведеніе къ Портѣ; но, вынужденно скромные, они,—особенно Вѣшняковъ, который фактически уже принималъ дѣла въ свои руки отъ формально отозваннаго больного Неплюева,—продолжали свою старую политику, продолжали настаивать предъ своимъ кабинетомъ о необходимости воевать.

Уже въ мартѣ Вѣшняковъ указываетъ на отчаянное положеніе дѣлъ турокъ въ Персіи, на общее убѣжденіе „до подлости самой" (черни), что послѣ Польши неизбѣжная очередь за Турціей, что Россія „многихъ провинцій, беззаконно пристяженныхъ, ихъ лишитъ и тѣмъ толикихъ бѣдныхъ христіанъ отъ безчеловѣчнаго варварскаго ига освободитъ"; что самое существованіе Турціи „отъ единыя дискреціи вашего в—ва зависитъ". Что же касается внутренняго состоянія, то Вѣшняковъ обращаетъ вниманіе на полное истощеніе казны отъ войны съ Персіей, такъ что впереди у турокъ одно средство—„нападеніе на партикулярныя средства".

Въ виду всего этого, турки, „яко чувственные скоты, едино токмо видомъ утѣшаются, не будучи никто достовѣренъ, отъ султана до послѣдняго хамала (носильщика), не толико свое сокровище, но и животъ свой на утрее охранить. Какъ можно отъ такого ехиднаго порожденія нужнаго соединенія ожидать? При первомъ случаѣ всѣ сами себя изрубятъ". Старая слава о храбрости турокъ теперь пустое слово, темное преданіе. Одинъ слухъ о движеніи русскихъ войскъ наводитъ на всѣхъ страхъ и „громогласно кричитъ, что ваше в—во имѣете ихъ искоре-

Digitized by Google

нить". Къ послѣднему Вѣшняковъ могъ только прибавить: „да сподобитъ Всевышній свою благодать и сіе (т.-е. искорененіе) въ дѣйство произвести в. в—ва правленіемъ".

Вѣшняковъ былъ нетерпѣливъ и получилъ отъ Остермана рѣзкій выговоръ за то, что онъ пишетъ отъ себя, безъ одобренія своего старшаго товарища. Но Неплюевъ поспѣшилъ смѣло заявить свою полную солидарность съ Вѣшняковымъ: „всѣ его реляціи,—объяснялъ тотъ,—о всѣхъ матеріяхъ съ согласія моего онъ писалъ". Впрочемъ, горечь выговора была непродолжительна: хотя слабо, но повѣяло и отъ сѣвера желанною войной.

10-го марта 1735 г., былъ заключенъ трактатъ у насъ съ Персіею. Мы освобождались отъ „тягостей" владѣнія югомъ каспійскаго побережья, зато Кулы-ханъ обязывался союзомъ противъ турокъ, непріятеля за непріятеля имѣть—и наоборотъ. Сообщая объ этомъ въ маѣ, Остерманъ поручилъ Неплюеву объявить обо всемъ Портѣ и смотрѣть, „не поддастся ли случай, чтобъ Порта толь наивяще въ персидскую войну себя углубила"? Но объявлять было уже поздно: Порта давно провѣдала про трактатъ съ Персіей, которая теперь поглощала ее всецѣло, тогда какъ Польшу она совсѣмъ оставила. На одной изъ аудіенцій Вѣшнякова у визиря, тотъ спрашивалъ резидента съ усмѣшкою: „Какая же сія польская воля и гдѣ есть та, которая имѣетъ быть столь сохранна и ненарушима, когда поляки такою силою принуждаются къ тому, къ чему знатно склонности не имѣютъ"?

Уже во второй половинѣ апрѣля на Босфорѣ знали о нашемъ трактатѣ съ Персіей и ужаснулись отъ добровольнаго возврата Россіей завоеваній Петра Великаго на Кавказѣ. Съ 25-го апрѣля начались „тайныя сборища" у визиря, въ результатѣ которыхъ была внезапная и смѣлая резолюція: послать задору, крымскаго хана, на Кавказъ, для занятія уступаемаго каспійскаго побережья, заставившая самого Неплюева поставить вопросъ прямо: не слѣдуетъ ли спѣшить съ войсками въ Бессарабію, на нижній Дунай, ибо, по его выраженію, „въ крайней болѣзни крайнія ремедіи употребляются". Открылась живая переписка между старымъ резидентомъ и Остерманомъ.

Для Неплюева резолюція о ханѣ непонятна, „яко осязательно, имъ не ко времени съ *голыми* руками за то браться". Онъ обѣщаетъ всячески стараться отвратить, т.-е. удержать Порту отъ резолюціи, а окажется безсильнымъ, тогда уже гр. Вейсбахъ „тѣ недостатки навершитъ, безъ дальностей, однимъ движеніемъ, яко хану и Портѣ нужнѣе тогда будетъ дому своего стеречь, нежели Дагистановъ искать". По мнѣнію Неплюева,

Digitized by Google

наступилъ моментъ рѣшительный: „ежели они не будутъ оружіемъ удержаны, то, по человѣческимъ мѣрамъ, всего достигнуть возмогутъ легко; ежели ея в—во то имъ изнесетъ, то сей осени еще въ польскія дѣла вмѣшаются и въ новый (1736) годъ необходимая война". Изъ всего одинъ выводъ: „въ волѣ ея в—ва останется, какъ съ ними, *неготовыми* и *разслабленными*, далѣе поступать". Понятно—воевать, и быстро.

„И такъ, милостивый государь мой,—заключаетъ Неплюевъ свой марціальный призывъ, въ полной увѣренности на взаимное, наконецъ, сочувствіе у холоднаго Остермана,—по всему видно, что въ будущій годъ война намъ съ турками необходима. Того ради не соизволитъ ли ея им. в—во нынѣ какого корпуса въ Молдавію или въ Буджакъ ввести, а на Кубань послать казаковъ, чѣмъ персіянъ спасемъ, хана удержимъ или изъ похода возвратимъ".

Неплюевъ, которому вполнѣ довѣрялъ Остерманъ, оставался резидентомъ, хотя и отозваннымъ, и полубольнымъ. Но дѣла вѣдалъ Вѣшняковъ, подъ контролемъ его. Послушаемъ же оффиціальный отчетъ Вѣшнякова о его шагахъ по резолюціи о ханѣ и отсылкѣ послѣдняго на Кавказъ „за Дагистанами".

И онъ былъ пораженъ, и не вѣрилъ даже въ возможность подобной дерзости отъ Порты. „Явно видно ихъ гиблющее состояніе"—въ томъ актѣ безумнаго отчаянія. Они „безденежны, безлюдны, границы обнажены", а мы—при самомъ окончаніи польскихъ дѣлъ, и наши войска вблизи. „Сіи суть довольныя консидераціи къ страху—всю Молдавію и далѣе потерять". Онъ повторяетъ, что „весь народъ видитъ и до послѣдняго мѣхоноши громогласно кричатъ", что конецъ ихъ, если ханъ двинется; но Порта все при старыхъ „химерахъ" французовъ, что Россія боится шведовъ, прусскаго короля, а потому визирь увѣренъ въ безнаказанности даже за „продерзость", за осуществленіе апрѣльской „резолюціи".

Финалъ—тотъ же, что̀ у Неплюева: необходимо разочаровать визиря, необходима война.

Послѣ торжественнаго объявленія Портою всѣмъ министрамъ иностранныхъ державъ на Босфорѣ апрѣльской „резолюціи", 13 мая 1735 г., Вѣшняковъ потребовалъ аудіенціи у визиря, для объясненія по дѣлу, „отъ котораго покой обѣихъ имперій зависитъ".

Резидентъ указывалъ, что Порту Россія не допуститъ до береговъ Каспійскаго моря. Ссылка турокъ на единовѣріе съ дагестанцами значенія не имѣетъ: „единовѣріе ни мало ие есть право

Digitized by Google

къ присвоенію не принадлежащихъ народовъ; многократно грузины и армяне просили ея в-во по единовѣрію оборонить ихъ и отъ Порты свободить; но ея в-во ни мало въ то не мѣшалась". Онъ заключилъ свою рѣзкую рѣчь угрозой: „все то — неслыханное дѣло, и онъ съ прискорбіемъ слышитъ такъ твердую его салтанова в-ва резолюцію; слѣдствія ему, визирю, самовидны".

Визирь возразилъ, что „всему быть непремѣнно" и резолюція не отмѣняется. „Когда уже такъ,—отвѣчалъ Вѣшняковъ,—то и онъ пріемлетъ смѣлость объявить именемъ ея в-ва, что ея в-во по высокой своей чести никогда не снесетъ, чтобы кто посторонній могъ силою къ землямъ ея войска приводить, а еще меньше—чрезъ нихъ силою проходить позволить, но соизволитъ принять всѣ мѣры, способы и данныя отъ Бога силы употребитъ—силу силою отвращать и всѣхъ своихъ вѣрныхъ, гдѣ бы какого народа, закона и качества ни были, оборонять. Генералы при границахъ вездѣ безъ движенія не останутся, когда хана въ собраніи къ походу готова увидятъ, яко знаемаго непріятеля".

„Напрасно болѣе словъ умножать,—замѣтилъ на это, сдерживая себя, визирь;—указъ не отмѣненъ, и ханъ ити имѣетъ. А что резидентъ упоминаетъ о сопротивленіи и движеніи генераловъ, развѣ съ обѣихъ сторонъ за честь похотятъ. Впрочемъ, резидентъ вступаетъ въ ярость и высоко говорить починаетъ; вѣдалъ бы, что и онъ, визирь, высоко и твердо говорить умѣетъ, когда потребно; только нынѣ до того еще не дошло".

Вмѣшался-было, на подмогу, товарищъ визиря, Кехайя, заговоривъ о польскихъ дѣлахъ, о кротости татаръ и жестокости русскихъ. Но Вѣшняковъ не отвѣчалъ. „Видя ихъ всѣхъ въ огнѣ горящихъ, даже до самого визиря, краснѣвшагося, но умомъ преодолѣвающагося, которому послѣдуя, противъ обычая, прочіе кричать не посмѣли". При выходѣ резидентъ замѣтилъ визирю, что матерія настоящей конференціи настолько важна и трудна, что онъ „не вѣдаетъ, какъ о ней перо въ руки взять". Но изъ такого затрудненія вывелъ его собесѣдникъ, сказавъ, что онъ самъ будетъ писать Остерману.

Какіе же практическіе результаты принесла историческая конференція 13 мая, съ ея угрозами, „краснѣніемъ"?

Одна трата словъ, по признанію обоихъ—Неплюева и Вѣшнякова: визирь остался при своемъ. „Нынѣ,—доносятъ они уже 19 мая,—молчимъ. Ежелибъ сіе вѣдали, тобъ и сначала меньше говорили, яко по всему видно, что угрозами турокъ уже не отвратить отъ резолюціи". На ихъ взглядъ, нужны теперь не слова,

Digitized by Google

а самое дѣло; они ссылаются на тождественное мнѣніе голландскаго посла, что если такія войска вступятъ въ турецкія земли, чтобы спасти и персіянъ, тогда „не безъ надежды будетъ не только война съ авантажемъ“, но турки сами будутъ просить о мирѣ. Теперь же турки—одно самомнѣніе.

Какъ примѣръ грубаго высокомѣрія Порты въ данную минуту, Вѣшняковъ приводитъ любопытное сообщеніе своего коллеги, австрійскаго резидента, изъ недавней его аудіенціи.

Рѣчь была о Россіи. Визирь говорилъ „съ большими распложеніями своихъ мечтаній и злостью, а наипаче Кехайя“. Кехайя Османъ былъ глубокій старикъ; онъ былъ въ той же должности еще въ 1710 году; слѣдовательно, прутское пораженіе Петра произошло на его глазахъ. Его замѣчанія о насъ въ высшей степени интересны.

Старикъ Османъ „со многимъ злословіемъ и великимъ поношеніемъ имперіи и силъ явно говорилъ, по сообщенію австрійца, точно сіи слова: „Россія становится нынѣ зѣло несносна, въ надеждѣ на аліанцію цесаря, безъ чегобъ толико никогда дерзать не посмѣла. Чтò же она когда знатное сдѣлала? Припомнила бы прежнія свои безчастія, а паче *Прутское* дѣло имѣетъ ей быть безпрестанно предъ глазами, а не возноситься. Къ тому же и начала своего не помнитъ, будто бы древнее государство! А онъ знаетъ, что 60 лѣтъ назадъ была Россія токмо малое княженіе, а нынѣ—цѣлыя царства присвоять хочетъ“.

Въ виду усвоеннаго поведенія Порты относительно Россіи въ послѣднее время, послѣ апрѣльскихъ „соборищъ“ у визиря, когда всѣ мѣры и русскихъ резидентовъ, и ихъ пріятелей-министровъ, „суть и будутъ бездѣйственны“, со стороны Россіи можетъ быть одинъ отвѣтъ—война. „Остается,—заключаетъ свое донесеніе Вѣшняковъ,—токмо единому в. в-ва произволенію и в. в-ва предовольнымъ войскамъ всѣ предвоспріятія турокъ и мечтанія испровергнуть, яко всякіе другіе человѣческіе способы уже къ тому негодны, и тѣмъ въ ихъ дерзновеніи въ *раскаяніе* привесть, съ чаятельными, въ надеждѣ на Всевышняго помощь, великими надъ ними авантажами, чему они отъ европской стороны въ совершенномъ несостояніи нынѣ препятствовать“.

23 мая обѣщанное письмо визиря къ Остерману было на лицо. Отправляя его, Неплюевъ замѣтилъ, что это не письмо, а, „лучше сказать манифестъ, гдѣ одни турецкіе обманы, коварства и жестокія угрозы“.

На мѣстѣ, на Босфорѣ, оба наши дипломата уже почти не сомнѣваются въ благополучномъ, наконецъ, исходѣ ихъ давняго

Digitized by Google

требованія—силою укротить Турцію. Лично же они сами готовы на все. Повторяя, 24 мая, о полномъ обнаженіи „европской“ границы Турціи, Вѣшняковъ подчеркиваетъ, что сами турки въ ужасѣ, предвидя свою гибель, что „въ такой ситуаціи сіе беззаконное правленіе никогда не бывало и вѣкъ не будетъ“. Слѣдовательно, одно можетъ быть справедливое желаніе — „ежели да соизволите в. в-во за сходное признать интересамъ давно заслуженное симъ варварамъ наказаніе ихъ безчисленныхъ продерзостей сего лѣта учинить вступленіемъ въ Молдавію“, т.-е. начать „свобожденіе христіянъ“.

На этотъ разъ наши резиденты не ошиблись въ надеждахъ на Петербургъ. Тамъ, наконецъ, вняли ихъ мольбамъ-требованіямъ и рѣшили прямую войну, безъ замедленія: „къ сей турецкой войнѣ и къ сильнымъ дѣйствамъ себя какъ наискорѣе въ состояніе привесть“. Но, чтобы ударъ былъ неотразимѣе, указали пріемъ — заботливо поддерживать у Порты мнѣніе, что о войнѣ съ нею у насъ нижѐ въ помышленіи. „Угрозительныхъ деклараціи,—писалъ Остерманъ, говоря о своемъ отвѣтѣ на манифестъ визиря,—для того не употребляли, дабы Порта отъ того прежде времени не отревожена и къ какому скорѣйшему вооруженію противъ насъ побуждена не была, яко наиглавнѣйшій нашъ интересъ въ томъ состоитъ, чтобы турки въ оплошности остались и мы-бъ потому на *неготовыхъ* наступить могли“.

На самомъ Босфорѣ все было какъ бы на руку намъ. „Сего утра,—доноситъ лаконически Неплюевъ Остерману 1 іюля,—визирь сверженъ. Болѣе распространять времени не имѣю и нужды нѣтъ, понеже разслабленное состояніе здѣшняго государства само собою видимо“. Словоохотливый Вѣшняковъ болѣе щедръ. „Всѣ,—пишетъ онъ 11 іюля,—упражняются болѣе о своемъ спасеніи, нежели объ общемъ благѣ. Таково есть, Государыня, настоящее здѣсь сущее анархическое смятеніе, которому зѣло малая надобна внѣшняя помощь, дабы всѣ сами себя и все ихъ беззаконіе за единъ разъ совершенно испровергли и погубили. И, кажется, Всевышній къ тому все предустроилъ“. Самъ Боневаль при смерти.

Итакъ, „Вавилонъ на Босфорѣ“ долженъ скоро рухнуть. Старый Неплюевъ дѣло свое сдѣлалъ, привелъ его къ концу; онъ можетъ теперь и проститься съ Вавилономъ на вѣки, въ его „гиблющемъ“ состояніи.

17 августа Неплюевъ имѣлъ отпускную аудіенцію, а 8 сентября оставилъ Босфоръ. Въ день отъѣзда всѣ министры, за исключеніемъ одного французскаго, Вильнёва, обѣдали у Вѣшнякова и провожали его до Адріанопольскихъ воротъ. „Неготовая“

Digitized by Google

Порта—была въ отчаяніи. „Не можно изрещи,—доноситъ физіогномистъ Вѣшняковъ въ октябрѣ, — коль велику варварскую злобу къ сторонѣ в. в-ва генерально правительство имѣетъ, которая, со всѣмъ ихъ коварнымъ молчаніемъ наружно, изъ *очей* ихъ видна. Но гиблющее ихъ состояніе ее въ дѣйство произвести не допускаетъ".

Позднею осенью 1735 года Неплюевъ прибылъ въ Петербургъ, а въ Константинополь тогда же курьеры изъ Очакова и Крыма привезли извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ. „29 октября,—доносилъ Вѣшняковъ,—между министрами Порты явилась великая констернація. Визирь у султана и потомъ съ прочими заперлись, экспедицію готовили". На другой день онъ узналъ о причинѣ переполоха, и былъ счастливъ. Онъ сообщалъ, что, по общему на мѣстѣ убѣжденію, разъ потеряютъ турки Крымъ, то „и Константинополь тогда недалекъ отъ погибели будетъ"...

Исполнились ли страстныя желанія Неплюева и Вѣшнякова?

Послѣ войны пяти лѣтъ, 1735—1739 гг., послѣдовалъ бѣлградскій трактатъ, продиктованный тѣмъ же Вильнёвомъ. Онъ былъ не лучше прутскаго.

Правъ, какъ оказалось, былъ Остерманъ, который не желалъ войны и все время охлаждалъ Неплюева и Вѣшнякова.

Александръ Кочубинскій.

Одесса.

Digitized by Google

МАЛЕНЬКІЙ ІОГАННЕСЪ

— De kleine Johannes, Frederick van Eeden [1]).

I.

Мнѣ хотѣлось бы разсказать вамъ кое-что о маленькомъ Іоганнесѣ. Мой разсказъ похожъ на сказку, а между тѣмъ все это было именно такъ. Если же вы перестанете мнѣ вѣрить, то и не читайте дальше,—значитъ, не для васъ я это пишу. Точно также вы никогда и ничего не должны говорить о томъ, что вы прочтете, маленькому Іоганнесу, еслибы вамъ случилось съ нимъ

[1]) Едва ли какая другая литература, изъ западно-европейскихъ, пользуется у насъ такою малою извѣстностью, какъ голландская, а между тѣмъ, начиная съ пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, художественное творчество и въ Голландіи нашло себѣ замѣчательныхъ представителей, какъ Деккеръ, Нетшеръ, Куперусъ и др., обратившіе на себя вниманіе нѣмецкихъ критиковъ. Вышепоименованные авторы считаются „отцами“ современной голландской литературы. Съ начала 80-хъ годовъ выдвигаются „дѣти“, составившія новую литературную школу. Всѣ они группируются нынѣ вокругъ органа „Новый вождь“ (De nieuwe Gide). Во главѣ этой новѣйшей литературной школы стоитъ, именно, Фредерикъ ванъ-Эеденъ (Frederick van Eeden). Онъ родился въ Гаарлемѣ, въ 1860 году, въ зажиточной семьѣ, и въ университетѣ изучалъ медицину. Еще будучи студентомъ, ванъ-Эеденъ выступилъ впервые на литературное поприще съ нѣсколькими комедіями, изъ которыхъ „Сонетъ“ и „Студентъ дома“, имѣли большой успѣхъ на сценахъ Амстердама и Роттердама. Въ 1885 году онъ написалъ своего „Маленькаго Іоганнеса“ („De kleine Johannes“), которымъ открылся тогда новый органъ молодыхъ писателей, „Новый вождь“; этотъ разсказъ, фантастическій по формѣ, съ оттѣнкомъ сатиры, очевидно, близко коснулся разныхъ сторонъ теченія общественной и умственной жизни въ Голландіи, а потому обратилъ на себя всеобщее вниманіе и обезпечилъ автору его главенство въ новой голландской литературной школѣ.

Digitized by Google

гдѣ-нибудь встрѣтиться; ему это будетъ непріятно, да и я долженъ буду раскаяться въ томъ, что все это вамъ разсказалъ...

Іоганнесъ жилъ въ старомъ домѣ, окруженномъ большимъ садомъ. Мудрено тамъ было не заблудиться во множествѣ темныхъ проходовъ, лѣстницъ, комнатокъ и просторныхъ кладовыхъ; а въ саду всюду можно было наткнуться на ограды и оранжереи. Для Іоганнеса это былъ цѣлый міръ. Онъ могъ тамъ совершать длинныя прогулки, и всему, что тамъ было, онъ давалъ какое-нибудь имя. Для дома придумалъ онъ названіе изъ міра животныхъ: „заводъ гусеницъ", потому что самъ онъ тамъ разводилъ гусеницъ; одна комнатка была названа имъ „куриной", потому, что онъ тамъ однажды нашелъ курицу. Правда, курица эта попала туда не сама, а была заперта матерью Іоганнеса и посажена на яйца. Для сада онъ выбиралъ названія изъ міра растеній, обращая при этомъ главное вниманіе на тѣ продукты, которые были ему особенно милы. Такъ, у него были — малиновая гора, грушевый лѣсъ и земляничная долина. Совсѣмъ въ концѣ сада находилось мѣстечко, которое онъ назвалъ раемъ, и гдѣ, конечно, все было чудесно. Тамъ было чуть не море— прудъ, на поверхности котораго плавали бѣлыя водяныя лиліи, и тутъ же росъ высокій тростникъ, никогда не переставшій шептаться съ вѣтромъ. По другую сторону пруда начинались дюны. Собственно раемъ была небольшая зеленая лужайка на берегу пруда, окруженная лѣсной чащей. Тамъ, въ высокой травѣ, часто лежалъ Іоганнесъ, и смотрѣлъ въ даль, сквозь волнующійся тростникъ, на верхушки дюнъ, по ту сторону пруда. Въ теплые лѣтніе вечера онъ уже непремѣнно бывалъ тамъ и глядѣлъ въ пространство, никогда при этомъ не скучая.

Онъ мечталъ о глубинахъ спокойной прозрачной водной поверхности,—какъ хорошо должно быть тамъ, среди водныхъ растеній въ полумракѣ; — или о далекихъ великолѣпно окрашенныхъ облакахъ, несшихся надъ дюнами, — что тамъ могло бы быть за ними, и какъ бы хорошо было туда полетѣть. При заходѣ солнца облака нагромождались такъ высоко одно надъ другимъ, что, казалось, образовывали входъ къ какой-то таинственный гротъ, въ глубинѣ котораго свѣтился красноватый свѣтъ. Это особенно плѣняло Іоганнеса. „Еслибы я могъ туда полетѣть!—думалъ онъ.—Что можетъ быть тамъ такое? Можно ли когда-нибудь туда проникнуть"?! Но всякій разъ гротъ распадался на сѣроватыя облачка. У пруда становилось холодно и сыро, и Іоганнесъ долженъ былъ возвращаться въ свою темную комнату въ старомъ домѣ.

Digitized by Google

Тамъ онъ жилъ не совсѣмъ одинъ; у него былъ отецъ, который о немъ заботился, собака—Престо и котъ—Симонъ. Правда, отца онъ любилъ всего больше, но Престо и Симонъ занимали также видное мѣсто въ его сердцѣ. Даже Престо онъ чаще довѣрялъ свои тайны, нежели отцу; къ Симону же питалъ особое уваженіе. Да это было и неудивительно! Симонъ, это былъ большой котъ, въ блестящей черной шубѣ и съ толстымъ хвостомъ. Глядя на него, всякій тотчасъ видѣлъ, что онъ вполнѣ убѣжденъ какъ въ своемъ величіи, такъ и въ опытности. Во всемъ его существѣ было что-то соразмѣренное и полное достоинства даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ снисходилъ съ высоты своего величія, чтобы поиграть съ катающейся пробкой, или полизать выброшенную голову селедки, за какимъ-либо деревомъ. При видѣ иногда неистоваго бѣшенства Престо, онъ презрительно щурилъ свои зеленые глаза и думалъ:—„Глупое животное! чего добраго отъ него ждать"!

Понятно, что Іоганнесъ долженъ былъ питать къ коту почтеніе. Зато съ маленькимъ рыжимъ Престо онъ былъ на гораздо болѣе короткой ногѣ. Престо не отличался ни красотой, ни знаменитостью рода, но былъ необыкновенно добродушнымъ и умнымъ животнымъ; никогда онъ не удалялся отъ Іоганнеса болѣе чѣмъ на два шага, и терпѣливо выслушивалъ разсказы своего господина. Едва ли мнѣ нужно говорить, что Іоганнесъ сильно любилъ Престо. Несмотря на то, въ его сердцѣ оставалось еще достаточно мѣста и для многаго другого. Темная комнатка, съ мелкими переплетами оконныхъ стеколъ, занимала въ этомъ сердцѣ тоже не мало мѣста. Онъ любилъ обои съ крупнымъ рисункомъ цвѣтовъ, въ которыхъ ему чудились лица, и форму которыхъ онъ такъ часто разсматривалъ, когда бывалъ боленъ, или когда по утрамъ, проснувшись, лежалъ въ кровати; онъ любилъ единственную на обояхъ картинку, на которой были изображены прогуливающіяся вычурныя фигуры вдоль гладкаго пруда, въ еще болѣе вычурномъ саду, съ высокими, до неба бьющими фонтанами и кокетливо плавающими лебедями. Больше же всего его занимали стѣнные часы. Онъ заводилъ ихъ всегда съ величайшей заботливостью, и считалъ внимательно, смотря на нихъ, когда они били. Если же по его небрежности часы останавливались, Іоганнесъ чувствовалъ себя какъ будто виноватымъ предъ ними, и просилъ у часовъ прощенія. Всякій, можетъ быть, улыбнулся бы, еслибъ подслушалъ его иной разговоръ съ часами или съ обоями. Но обратите вниманіе на то, что часто и мы сами съ собою разговариваемъ, и намъ это совсѣмъ не кажется

Digitized by Google

смѣшнымъ. При томъ же Іоганнесъ былъ убѣжденъ, что его слушатели вполнѣ понимаютъ его, и не требовалъ никакого отвѣта, хотя иногда все-таки поджидалъ отвѣта, то отъ часовъ, то отъ обоевъ.

Въ школѣ Іоганнесъ хотя и имѣлъ товарищей, но друзьями его они не были. Онъ игралъ съ ними, участвовалъ въ школьныхъ заговорахъ и въ разбойничьихъ шайкахъ на дворѣ, но совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ только тогда, когда оставался съ Престо наединѣ. Тогда ему совсѣмъ не нужны были товарищи, и онъ сознавалъ себя совершенно свободнымъ и спокойнымъ.

Его отецъ былъ умный, серьезный человѣкъ: онъ часто бралъ его на далекія прогулки въ лѣсъ и на дюны. Они разговаривали мало, и Іоганнесъ шелъ обыкновенно шагахъ въ десяти за отцомъ; улыбался цвѣтамъ, которые ему попадались, поглаживалъ маленькою ручкою твердую кору деревьевъ, обреченныхъ на всю жизнь неподвижно стоять на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Благодушные великаны отвѣчали ему благодарнымъ шелестомъ листьевъ.

Иногда отецъ писалъ буквы на попадавшемся подъ ногами пескѣ одну за другой, а Іоганнесъ складывалъ изъ нихъ слова; иногда отецъ останавливался и училъ Іоганнеса названію того или другого растенія или животнаго.

Іоганнесъ въ свою очередь часто обращался съ вопросами, потому что видѣлъ и слышалъ кругомъ много загадочнаго. Иногда это были глупые вопросы: онъ спрашивалъ, напримѣръ, почему міръ такой именно, какой есть; зачѣмъ животныя и растенія должны умирать; могутъ ли происходить чудеса, и т. п. Отецъ Іоганнеса былъ умный человѣкъ и говорилъ ему не все, что̀ самъ зналъ. Да это и хорошо было для Іоганнеса.

Вечеромъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, Іоганнесъ читалъ обыкновенно длинную молитву. Этому научила его нянька. Онъ молился за отца и за Престо. За Симона, казалось ему, молиться не было надобности. Онъ молился потомъ долго за себя самого, и подъ конецъ почти всегда высказывалъ желаніе, чтобы когда-нибудь при немъ случилось какое-нибудь чудо. Произнеся „аминь“, онъ, полный ожиданія, всматривался въ полутемной комнаткѣ въ фигуры на обояхъ, глядѣвшихъ на него въ слабомъ полумракѣ еще страннѣе обыкновеннаго, и на ручку двери и на часы, ожидая чуда. Но часы напѣвали все ту же пѣсню, ручка двери не двигалась; становилось совсѣмъ темно, и Іоганнесъ всегда засыпалъ, прежде чѣмъ чудо наступало. А все-таки когда-нибудь оно должно было совершиться,—это онъ твердо зналъ.

Digitized by Google

II.

У пруда было прохладно, и стояла мертвая тишина. Красное и утомленное дневною работою солнце, казалось, собралось отдохнуть на мгновенье, остановившись на дальнемъ краю дюнъ передъ тѣмъ, чтобы окончательно скрыться. Гладкая поверхность воды отражала его блестящій шаръ почти цѣликомъ. Висящіе надъ прудомъ листья бука какъ будто пользовались тишиной, чтобы полюбоваться собою въ зеркалѣ водъ. Одинокій листъ, стоявшій на одной ногѣ между широкими листьями водяныхъ лилій, даже забылъ, что онъ вышелъ собственно для того, чтобы ловить лягушекъ, и глядѣлъ впередъ, погрузившись въ мысли.

Въ это время пришелъ Іоганнесъ на зеленую лужайку, чтобы посмотрѣть на воздушный гротъ изъ облаковъ. Лягушки запрыгали съ берега въ воду. Зеркало пруда заколыхалось, солнечное отраженіе искривилось въ широкія полосы, и листья бука недовольно зашумѣли: они еще не кончили любоваться собой.

Къ оголившимся корнямъ бука была привязана старая, маленькая лодка. Іоганнесу было строго запрещено въ нее садиться. Но какъ сильно было искушеніе сегодня вечеромъ! Уже облака нагромождались одно на другое, образовывая гигантскія ворота, за которыми солнце должно было спуститься на покой. Блестящія маленькія облачка собирались въ ряды подобно тѣлохранителямъ въ золотыхъ латахъ. Вся поверхность воды пылала, и красныя искры, подобно стрѣламъ, мелькали среди тростника.

Тихонько отвязалъ Іоганнесъ веревку отъ корней бука. Какъ хорошо плыть среди этого великолѣпія! Престо уже прыгнулъ въ лодку, и прежде чѣмъ Іоганнесъ рѣшился, раздвинулись стебли тростника, и лодка медленно и плавно понесла его по направленію къ вечернему солнцу, заливавшему всю окрестность своими послѣдними лучами.

Іоганнесъ прилегъ на носу лодки и вглядывался въ глубину блестящаго грота въ облакахъ:—„Крылья бы! — думалъ онъ,— крылья бы—и туда“! Солнце скрылось. Облака еще горѣли. На востокѣ небо было темно-синее.. Ивы стояли въ рядъ вдоль берега. Не шевелясь, протягивали онѣ узкіе бѣловатые листья въ пространство. На темномъ фонѣ онѣ выдѣлялись подобно свѣтло-зеленому кружеву чудной работы.

Вдругъ по водяной поверхности пробѣжалъ какъ бы шелестъ; легкій вѣтерокъ прорѣзалъ на водѣ бороздку, по направленію отъ дюнъ и облачнаго грота.

Digitized by Google

Оглянувшись, Іоганнесъ замѣтилъ, что большая голубая стрекоза сидѣла на краю лодки. Такой большой онъ никогда еще не видѣлъ. Она сидѣла тихо, но ея крылья, широко размахиваясь, трепетали. Іоганнесу казалось, что верхушки ея крыльевъ образовывали свѣтящееся кольцо.

„Это огненная бабочка,—подумалъ онъ,—онѣ очень рѣдки".

Кольцо становилось больше и больше, а крылья трепетали такъ быстро, что Іоганнесъ не видѣлъ ничего, кромѣ какого-то тумана. И постепенно стало ему казаться, что среди тумана засвѣтились два темныхъ глаза, и нѣжная стройная фигура въ свѣтло-голубомъ одѣяніи заняла мѣсто стрекозы. Вѣнокъ изъ бѣлыхъ вьюнковъ украшалъ свѣтлые волосы, а къ плечамъ плотно прилегали прозрачныя крылья, переливавшія, подобно мыльнымъ пузырямъ, тысячью цвѣтовъ. Удивленіе, смѣшанное съ восторгомъ, охватило Іоганнеса. Вотъ—чудо! Наконецъ-то!

— Хочешь быть моимъ другомъ?—прошепталъ онъ.

При этомъ Іоганнесъ почувствовалъ, что странное голубое существо какъ будто было ему давно знакомо.

— О, да, Іоганнесъ!—прозвучалъ голосъ, похожій на шелестъ тростника, шепчущаго при вечернемъ вѣткѣ, или на шорохъ дождя, скользящаго по листьямъ деревьевъ въ лѣсу.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Іоганнесъ.

— Я родился въ чашечкѣ вьюнка (Winde). Зови меня Виндекиндъ!

И Виндекиндъ улыбнулся и посмотрѣлъ на Іоганнеса такими довѣрчивыми глазами, что ему стало необыкновенно легко на душѣ.

— Сегодня день моего рожденія,—сказалъ Виндекиндъ:—я сегодня вновь родился здѣсь изъ первыхъ лучей луны и послѣднихъ лучей солнца. Хотя и говорятъ, что солнце женскаго рода [1]), но это не такъ; солнце—мой отецъ.

Іоганнесъ мысленно пообѣщалъ себѣ завтра же въ школѣ заявить, что солнце—мужескаго рода.

— Смотри! вонъ выходитъ круглое бѣлое лицо моей матери. Ахъ, какая она опять печальная!

Виндекиндъ показалъ на востокъ. Большая и блестящая луна поднималась по темному небу, выползая изъ-за кружевного фона ивъ, который темнѣлся на ясномъ горизонтѣ, и грустно глядѣла на землю.

Изящное существо весело затрепетало крыльями, и слегка

[1]) Солнце по-голландски—женскаго рода.

Digitized by Google

задѣло Іоганнеса по щекѣ ирисомъ, который оно держало въ рукѣ.

— Ей не нравится, что я пришелъ къ тебѣ; ты — первый, кто меня увидалъ. Но я тебѣ довѣряю, Іоганнесъ. Ты не долженъ никогда, никогда, никому выдавать моего имени, или говорить обо мнѣ. Обѣщаешь ты это?

— О, да, да, Виндекиндъ,—отвѣчалъ Іоганнесъ.

Онъ чувствовалъ себя невыразимо счастливымъ и боялся лишиться своего счастья. Не снилось ли ужъ ему все это? Но на скамейкѣ около него лежалъ Престо и спокойно спалъ. Теплое дыханіе собаки успокоило его. Комары кружились надъ водяной поверхностью и плясали въ мягкомъ воздухѣ, какъ всегда. Все вокругъ него было такъ ясно и такъ отчетливо; все казалось дѣйствительностью. И постоянно онъ чувствовалъ на себѣ полный довѣрія взглядъ Виндекинда. Снова послышался сладкозвучный голосъ.

— Здѣсь я тебя видѣлъ часто, Іоганнесъ. Знаешь, гдѣ я былъ? Иногда я сидѣлъ на песчаномъ днѣ пруда между густыми водяными растеніями и смотрѣлъ вверхъ на тебя, когда ты наклонялся къ водѣ, чтобы напиться или чтобы разсмотрѣть водяныхъ жуковъ или саламандръ. Меня же ты не видѣлъ никогда. Часто наблюдалъ я за тобой изъ-за густого тростника. Тамъ я бываю очень часто. Обыкновенно я тамъ сплю, когда жарко, въ какомъ-нибудь пустомъ птичьемъ гнѣздѣ. Да, тамъ очень мягко.

Виндекиндъ весело покачивался на краю лодки и махалъ своимъ цвѣткомъ по комарамъ.

— Мы будемъ добрыми друзьями,—заговорилъ онъ снова:— и я тебѣ буду много разсказывать; ты услышишь исторіи гораздо болѣе интересныя, нежели тѣ, которыя тебѣ разсказываютъ въ школѣ. Они тамъ ничего не знаютъ. И въ книгахъ ты этого не прочтешь. А если ты не повѣришь мнѣ на слово, то самъ можешь все увидѣть и услышать. Я тебя возьму съ собою.

— О, Виндекиндъ, Виндекиндъ! такъ ты можешь взять меня съ собой туда? — вскрикнулъ Іоганнесъ и показалъ въ ту сторону, гдѣ въ золотыхъ облачныхъ воротахъ сіялъ еще румяный свѣтъ заходящаго солнца.

Великолѣпная гигантская постройка уже готова была расплыться въ сѣромъ туманѣ, но блѣдновато-красный свѣтъ все еще лился изъ недосягаемой глубины.

Виндекиндъ посмотрѣлъ на свѣтъ, золотившій его тонкую фигуру и бѣлокурые волосы, и медленно покачалъ головой.

Digitized by Google

— Теперь еще нѣтъ, теперь нѣтъ, Іоганнесъ! Ты не долженъ сразу желать слишкомъ многаго. Я и самъ никогда не былъ у моего отца.

— А я всегда съ моимъ отцомъ,—сказалъ Іоганнесъ.

— Нѣтъ, это не твой отецъ. Мы съ тобой братья, потому что мой отецъ также и твой отецъ. Но твоя мать — земля, а потому между нами большое различіе. При томъ ты родился въ домѣ, между людьми, а я въ чашечкѣ вьюнка. Но тѣмъ не менѣе мы все-таки будемъ прекрасно понимать другъ друга.

Виндекиндъ легко перепрыгнулъ на другую сторону лодки, не покачнувшейся даже при этомъ, и облобызалъ Іоганнеса въ лобъ.

Іоганнесъ почувствовалъ нѣчто крайне странное. Казалось, будто все вокругъ него мгновенно измѣнилось. Онъ сталъ видѣть все теперь лучше и яснѣе—такъ по крайней мѣрѣ ему казалось. Онъ видѣлъ, что луна посмотрѣла на него гораздо дружелюбнѣе, и что у водяныхъ лилій были лица, которыя удивленно и задумчиво смотрѣли на него. Онъ вдругъ понялъ, зачѣмъ комары такъ весело толклись то вверхъ, то внизъ, одинъ надъ другимъ, по временамъ касаясь своими длинными лапами воды. Прежде онъ, правда, все это наблюдалъ и надъ этимъ задумывался, теперь же все стало ему понятнымъ.

Онъ узналъ вдругъ, о чемъ шепчетъ тростникъ, и подслушалъ, что деревья на берегу тихо жаловались другъ другу на то, что солнце зашло.

— Дай мнѣ твою руку, — сказалъ Виндекиндъ, расправляя свои разноцвѣтныя крылья. И онъ потянулъ Іоганнеса съ лодкою по водѣ, между листьями водяныхъ лилій, блестѣвшихъ при лунномъ свѣтѣ.

Кое-гдѣ виднѣлись лягушки, сидѣвшія на листьяхъ. Но онѣ не спрыгивали теперь въ воду при приближеніи Іоганнеса. Онѣ только слегка кланялись и квакали. Іоганнесъ отвѣчалъ на поклонъ такимъ же поклономъ.

Такъ они добрались до камыша; онъ былъ густъ, и лодка исчезла въ немъ, не дойдя до берега. Іоганнесъ ухватился крѣпко за своего провожатаго, и они выбрались по высокимъ стеблямъ камыша на берегъ.

Іоганнесу показалось, что онъ сталъ очень маленькимъ и легкимъ; но, можетъ быть, все это было только въ его воображеніи. Онъ не помнилъ, однако, чтобы когда-нибудь онъ могъ карабкаться по камышевому стеблю.

— Смотри теперь,—сказалъ Виндекиндъ:—ты можешь уви-

Digitized by Google

дѣть нѣчто очень интересное.—Они пошли по высокой травѣ подъ темнымъ тернистымъ кустарникомъ, едва пропускавшимъ блестящую узкую полоску луннаго свѣта.

— Слыхалъ ли ты, Іоганнесъ, на дюнахъ по вечерамъ пѣніе сверчковъ? Кажется, будто они даютъ концерты; но знай, они никогда не поютъ только ради своего удовольствія; звуки, которые до тебя достигали, исходятъ изъ школы сверчковъ, гдѣ сотни ихъ учатъ свои уроки наизустъ. Тише, скоро мы будемъ тамъ.

Кустарникъ сталъ рѣже, и когда Виндекиндъ раздвинулъ своимъ цвѣткомъ стебли травы, Іоганнесъ увидѣлъ ярко освѣщенную площадку, на которой маленькіе сверчки были заняты среди тонкихъ узкихъ травокъ приготовленіемъ своихъ уроковъ.

Большой, солидной наружности сверчокъ выслушивалъ урокъ. Ученики подпрыгивали, одинъ за другимъ, къ нему, постоянно въ одинъ прыжокъ впередъ, и опять въ одинъ же прыжокъ назадъ на свои мѣста. Кто дѣлалъ при прыжкѣ ошибку, долженъ былъ въ видѣ наказанія стоять на грибѣ.

— Вслушивайся, Іоганнесъ, хорошенько; можетъ быть, и ты можешь чему-нибудь при этомъ научиться,—сказалъ Виндекиндъ.

Іоганнесъ хорошо понималъ, что отвѣчали сверчки. Но это совсѣмъ не было похоже на то, что говорилъ его учитель въ школѣ.

Сперва былъ урокъ географіи. О частяхъ свѣта они не знали ничего. Они должны были только твердо знать двадцать шесть дюнъ и два пруда. О томъ же, что лежитъ далѣе, никто, говорилъ учитель, не можетъ знать ничего, и все, что о томъ разсказывается, не что иное, какъ фантазія.

Потомъ дошла очередь до ботаники. Тутъ они всѣ оказались очень знающими, такъ что многимъ были розданы награды, преимущественно молодые нѣжные стебельки травы различной длины.

Но болѣе всего Іоганнесъ удивился уроку зоологіи. Животныя раздѣлялись на прыгающихъ, летающихъ и ползающихъ. Сверчки могутъ прыгать и летать, а потому стоятъ выше всѣхъ другихъ животныхъ; за ними слѣдуютъ лягушки. Птицы выставлялись съ видимымъ негодованіемъ въ высшей степени вредными и опасными. Подъ конецъ шла рѣчь и о людяхъ. Это—большое, безполезное и даже вредное животное, стоящее на очень низкой степени развитія, потому что оно не можетъ ни летать, ни прыгать, хотя, къ несчастію, послѣднее изрѣдка встрѣчается и между ними. Одинъ маленькій сверчокъ, который еще никогда не ви-

Digitized by Google

дѣлъ человѣка, получилъ три удара тросточкой за то, что онъ по ошибкѣ причислилъ человѣка къ безвреднымъ животнымъ. Ничего подобнаго Іоганнесъ никогда еще не слыхалъ.

Вдругъ учитель крикнулъ:

— Смирно! Урокъ прыганья.

Немедленно всѣ сверчки замолчали и стали очень ловко и охотно кувыркаться. Толстый учитель прыгалъ впереди. Это было такое смѣшное зрѣлище, что Іоганнесъ отъ удовольствія захлопалъ въ ладоши. При этомъ вся школа въ одинъ мигъ разсыпалась по дюнамъ и на зеленой полянкѣ настала мертвая тишина.

— Вотъ тебѣ и наказаніе, Іоганнесъ! Нельзя же быть такимъ грубымъ! Сейчасъ видно, что ты родился среди людей!

— Мнѣ очень жаль; я буду впередъ осторожнѣе; но, право, мнѣ было такъ смѣшно.

— Послѣ будетъ еще гораздо смѣшнѣе,—сказалъ Виндекиндъ.

Они перешли полянку и поднялись на дюну съ другой стороны.

— О!.. какъ трудно идти по глубокому песку!—но Іоганнесъ ухватилъ Виндекинда за его воздушную голубую одежду и взлетѣлъ легко и быстро наверхъ. На полъ-дорогѣ, не доходя вершины дюнъ, оказалась нора кролика. Кроликъ, жившій тамъ, лежалъ у входа въ нору, и, высунувъ голову и лапки, наслаждался чуднымъ ночнымъ воздухомъ. Дикія розы стояли еще въ цвѣту, и ихъ тонкій нѣжный ароматъ смѣшивался съ запахомъ богородицыной травки, росшей наверху дюны.

Іоганнесъ видѣлъ часто прежде кроликовъ, исчезавшихъ въ норки, и всегда спрашивалъ себя: „что у нихъ тамъ внутри? сколько ихъ тамъ вмѣстѣ сидитъ и не страшно ли имъ тамъ“?

Онъ чрезвычайно обрадовался, услышавъ, какъ его спутникъ спросилъ кролика, можно ли осмотрѣть норку.

— Пожалуй,—сказалъ кроликъ.—Только, къ сожалѣнію, я на сегодняшній вечеръ сдалъ мою нору для благотворительнаго праздника, и потому въ собственномъ моемъ домѣ я не хозяинъ.

— Такъ, значитъ, у васъ случилось несчастье?

— Ахъ, да!—сказалъ кроликъ грустно,—огромное несчастье, которое не изгладится годами. Въ тысячѣ прыжкахъ отсюда построено человѣческое жилье, такое большое, большое! И тамъ поселились люди съ собаками. Семь членовъ моей семьи уже погибло и болѣе двадцати кроликовъ осталось безъ крова. А мышамъ и кротамъ,—тѣмъ еще хуже. Даже на жабахъ отразилось это тяжелое несчастье. Вотъ мы и устроили праздникъ для остав-

Digitized by Google

шихся въ живыхъ. Всякій дѣлаетъ, что̀ можетъ; я отдалъ свою нору. Нужно же для своихъ собратьевъ сдѣлать все возможное.

Сострадательный кроликъ вздохнулъ и потянулъ передней правой лапкой длинное ухо черезъ головку, чтобы обтереть нависшую слезу. Это замѣняло ему носовой платокъ.

Въ это время зашелестѣло въ травѣ, и толстая, тяжеловѣсная фигура приблизилась къ норѣ.

— Посмотри,—крикнулъ Виндекиндъ,—вотъ идетъ крыса.

Крыса не обратила вниманія на слова Виндекинда, и ловко перелѣзла черезъ спинку кролика въ нору.

— Можемъ ли и мы войти?—спросилъ Іоганнесъ, любопытство котораго было очень возбуждено. — Я бы охотно внесъ свою долю.

Онъ вспомнилъ, что у него былъ сухарь въ карманѣ.

Только когда онъ его вытащилъ, то замѣтилъ, насколько онъ самъ сталъ малъ. Іоганнесъ едва могъ поднять сухарь двумя руками, и удивился, что сухарь могъ помѣщаться въ его карманѣ.

— Это рѣдкая и цѣнная вещь!—вскричалъ кроликъ.—Царскій подарокъ!

Съ почтеніемъ пропустилъ онъ обоихъ. Въ норѣ было темно; Іоганнесъ предпочелъ пустить Виндекинда впередъ.

Вскорѣ они увидѣли блѣдно-зеленый огонекъ, приближавшійся къ нимъ. Это былъ свѣтящійся жучокъ, который предложилъ свои услуги освѣтить имъ путь.

— Вечеръ обѣщаетъ быть довольно хорошимъ,—сказалъ жучокъ, идя впереди.—Уже много гостей собралось. Вы, должно быть, эльфы, не правда ли? При этомъ жучокъ посмотрѣлъ на Іоганнеса немного подозрительно.

— Ты можешь доложить объ насъ какъ объ эльфахъ,—отвѣтилъ Виндекиндъ.

— Знаете ли вы, что и самъ король эльфовъ на вечерѣ?—продолжалъ жучокъ.

— Развѣ Оберонъ здѣсь? Это меня чрезвычайно радуетъ,—воскликнулъ Виндекиндъ,—я съ нимъ хорошо знакомъ.

— А!—сказалъ жучокъ,—я не зналъ, что имѣю честь...—и свѣтъ, распространяемый имъ, почти потухъ отъ испуга.

— Да, онъ, правда, любитъ чистый воздухъ; но изъ-за благотворительной цѣли всегда готовъ на все. Праздникъ обѣщаетъ, впрочемъ, быть блестящимъ.

И правда. Большой залъ кроликова жилища былъ великолѣпно убранъ. Полъ былъ твердо утоптанъ и устланъ душистымъ тиміаномъ; передъ входомъ, поперекъ, висѣла летучая мышь, уцѣ-

Digitized by Google

пившись задними ногами; она докладывала о гостяхъ и въ то же время служила занавѣсомъ. Такая двойная должность была предложена ей въ видахъ экономіи. Стѣны залы были декорированы съ большимъ вкусомъ сухими листьями, паутинами и маленькими летучими мышенятами. Между всѣми этими украшеніями, а также по потолку двигалась безчисленная масса свѣтляковъ, образуя великолѣпное подвижное освѣщеніе. Въ залѣ находился тронъ, выстроенный изъ гнилушекъ, распространявшихъ свѣтъ, что производило поразительный эффектъ. Это было великолѣпное зрѣлище!

Гостей появилось очень много. Іоганнесъ чувствовалъ себя въ чужомъ обществѣ не совсѣмъ по себѣ и близко прижался къ Виндекинду. Все, что онъ увидѣлъ, было необыкновенно. Кротъ оживленно бесѣдовалъ съ полевой мышью о прекрасномъ освѣщеніи и объ украшеніи залы. Въ одномъ уголку сидѣли двѣ толстыхъ жабы и, покачивая головами, жаловались на продолжительную засуху. Лягушка пробовала провести подъ руку черезъ залу ящерицу, что ей плохо удавалось, потому что вслѣдствіе нѣкоторой нервности и возбужденія она задѣвала за стѣнныя украшенія и приводила ихъ въ безпорядокъ. На тронѣ возсѣдалъ Оберонъ, король эльфовъ, окруженный своей свитой, посматривавшей нѣсколько презрительно на все окружающее. Но самъ Оберонъ былъ чрезвычайно любезенъ и ласково бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ гостей. Онъ возвратился изъ путешествія на востокъ и былъ одѣтъ въ необыкновенный плащъ изъ чудныхъ разноцвѣтныхъ лепестковъ, „Такіе цвѣты не ростутъ здѣсь“, —думалъ Іоганнесъ. На головѣ его была надѣта темно-синяя чашечка, распространявшая свѣжій ароматъ только-что сорваннаго цвѣтка. Въ рукѣ, на подобіе скипетра, онъ держалъ тычинку лотоса.

Всѣ присутствующіе разсыпались въ похвалахъ его добротѣ. Онъ хвалилъ свѣтъ луны въ этихъ мѣстахъ и сказалъ, что здѣшніе свѣтляки почти такъ же хороши, какъ свѣтляки восточныхъ странъ. Онъ благосклонно осматривалъ стѣнныя украшенія, и одинъ изъ кротовъ даже замѣтилъ, что Оберонъ соблаговолилъ одобрительно кивнуть головою.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ Виндекиндъ Іоганнесу,—я хочу и тебя представить.—Они протолкались къ креслу Оберона.

Какъ только Оберонъ замѣтилъ Виндекинда, онъ радостно протянулъ ему руки и поцѣловалъ его. Это возбудило среди гостей шопотъ, а въ свитѣ эльфовъ—завистливые взгляды. Двѣ толстыхъ жабы зашептали что-то въ углу о „льстецахъ“ и

Digitized by Google

„низкопоклонникахъ“, и о томъ, что „это не долго продлится“, и многозначительно подмигивали другъ другу. Виндекиндъ долго бесѣдовалъ съ Обероном̀ъ на иностранномъ языкѣ, а затѣмъ кивнулъ Іоганнесу.

— Дай мнѣ руку, Іоганнесъ!—сказалъ Оберонъ. — Друзья Виндекинда—мои друзья. Въ чемъ я могу, я тебѣ буду помогать. А въ знакъ нашего союза я тебѣ сдѣлаю подарокъ.

Оберонъ снялъ съ своей шейной цѣпочки маленькій золотой ключикъ и далъ его Іоганнесу, который почтительно принялъ его и крѣпко зажалъ въ рукѣ.

— Ключикъ можетъ принести тебѣ счастіе,—продолжалъ Оберонъ:—онъ подходитъ къ золотому шкафику, гдѣ хранятся величайшія драгоцѣнности. Кто имъ обладаетъ, я не могу тебѣ сказать. Ты долженъ самъ усердно искать. Если ты останешься добрымъ другомъ Виндекинда и моимъ, будешь твердъ и вѣренъ, то это тебѣ удастся.

При этомъ король эльфовъ ласково кивнулъ прекрасной головкой, и осчастливленный Іоганнесъ поблагодарилъ его.

Въ это время три лягушки, сидѣвшія на небольшомъ возвышеніи изъ сырого мха, предложили начать медленный вальсъ и гости стали становиться въ пары. Зеленая ящерица, исполнявшая должность церемоніймейстера, озабоченно торопилась туда и сюда, отодвигая нетанцующихъ къ сторонамъ, къ большому неудовольствію обѣихъ жабъ, жаловавшихся, что имъ ничего не видно. Начались танцы.

Это была потѣха! Каждый танцовалъ по-своему, разумѣется, воображая, что онъ дѣлаетъ это гораздо лучше, нежели другіе. Мыши и лягушки танцовали на вытянутыхъ заднихъ лапкахъ; старая крыса вертѣлась такъ дико, что всѣ другіе танцующіе сторонились отъ нея; одна древесная улитка отважилась-было сдѣлать туръ съ кротомъ, но вскорѣ ей пришлось отказаться отъ этого подъ предлогомъ, что ей колетъ въ боку, на самомъ же дѣлѣ потому, что она совсѣмъ не умѣла танцовать.

Все, впрочемъ, прошло довольно торжественно и чинно. Удача празднества считалась, очевидно, важнымъ дѣломъ, и, боязливо поглядывая на Оберона, всѣ хотѣли прочесть на его лицѣ знаки одобренія. Самъ король боялся подать поводъ къ какому-либо неудовольствію и неподвижно смотрѣлъ впередъ. Лица его свиты, считавшія ниже своего достоинства принимать участіе въ танцахъ, пренебрежительно посматривали на танцующихъ.

Іоганнесъ долгое время сдерживался. Но когда онъ увидѣлъ, какъ длинная ящерица раскачивала маленькую жабу, которая

Digitized by Google

часто не доставала до земли ногами, описывая въ воздухѣ полукруги,—онъ разразился смѣхомъ.

Это произвело смятеніе. Музыка замолкла. Король сердито оглянулся. Церемоніймейстеръ стремительно подбѣжалъ къ смѣющемуся, убѣждая его приличнѣе вести себя.

— Танцы очень серьезное дѣло, — сказалъ онъ,—и при этомъ не годится смѣяться. Здѣсь собралось знатное общество, танцующее совсѣмъ не ради шутки. Каждый прилагаетъ все стараніе для общаго блага, и никто не желаетъ быть осмѣяннымъ. Это невѣжливо. Кромѣ этого, мы присутствуемъ здѣсь на печальномъ торжествѣ, состоявшемся по серьезнымъ причинамъ. Слѣдовало бы вести себя прилично.

Послѣднія слова испугали Іоганнеса. Повсюду онъ видѣлъ враждебные взгляды. Уже его интимность съ королемъ доставила ему многихъ враговъ. Виндекиндъ отвлекъ его въ сторону.

— Будетъ лучше, если мы уйдемъ, Іоганнесъ, — шепнулъ онъ,—ты опять все испортилъ. Да, да, это все отъ того, что ты воспитанъ между людьми.

Поспѣшно проскользнули они подъ крыльями летучей мыши, висѣвшей у входа, и вышли въ темный проходъ. Вѣжливый свѣтящійся жучокъ ожидалъ ихъ.

— Хорошо ли вы повеселились? — спросилъ онъ. — Говорили ли вы съ королемъ Оберономъ?

— Ахъ, да, веселый былъ праздникъ!—сказалъ Іоганнесъ.—А ты развѣ всегда долженъ оставаться въ этомъ темномъ проходѣ?

— Это мое собственное желаніе,—сказалъ жучокъ печальнымъ тономъ.—Я не люблю подобныхъ развлеченій.

— Неужели!—сказалъ Виндекиндъ,—полно такъ ли?

— Да, прежде, прежде было время, когда я тоже участвовалъ на всѣхъ праздникахъ, и танцовалъ, и шалилъ. Теперь же путемъ страданій очистился, теперь... — И онъ такъ взволновался, что его свѣтъ опять потухъ.

Къ счастію, они были уже близко къ выходу, а кроликъ, заслышавъ ихъ шаги, отошелъ немного въ сторону, чтобы лунный свѣтъ могъ имъ освѣтить путь.

Когда они вышли совсѣмъ, Іоганнесъ сказалъ:

— Ну, разскажи намъ свою исторію, жучокъ.

— Ахъ,—вздохнулъ жучокъ:—она проста и печальна и никакъ не можетъ васъ развеселить.

— Разскажи, разскажи ее все-таки!—закричали всѣ.

— Ну, вы, конечно, знаете, что мы, свѣтящіеся жучки,

Digitized by Google

совсѣмъ особыя существа. Я утверждаю, что мы, свѣтляки, наиболѣе одаренные между живыми существами.

— Почему? хотѣлъ бы я знать,—сказалъ кроликъ.

Жучокъ презрительно возразилъ:

— Можете ли вы добывать изъ себя свѣтъ?

— Ну, нѣтъ,—долженъ былъ сознаться кроликъ.

— А мы даемъ свѣтъ. И мы можемъ по нашему желанію свѣтить или уничтожать его. Свѣтъ—это высшее благо, а умѣнье свѣтить—высшая способность, какою только можетъ обладать живое существо. Можетъ ли кто-нибудь оспаривать наше первенство? Мы, самцы, имѣемъ кромѣ того крылья, и можемъ улетать на цѣлыя мили.

— Этого я тоже не могу,—вставилъ грустно кроликъ.

— А вслѣдствіе того, что мы обладаемъ божественною способностью давать свѣтъ,—продолжалъ жучокъ далѣе:—насъ щадятъ всѣ другія животныя: ни одна птица не рѣшается напасть на насъ; только одно животное, самое низкое между всѣми, ищетъ насъ и ловитъ. Это—человѣкъ, отвратительный выродокъ творенья.

Іоганнесъ взглянулъ при этой фразѣ на Виндекинда, какъ бы не понимая ея; но Виндекиндъ только улыбнулся и кивнулъ, чтобы онъ молчалъ.

— Однажды порхалъ и я, свѣтлый, блуждающій огонекъ, весело между темными кустарниками. А на уединенной полосѣ свѣжей травы у края рва жила она, существованіе которой было нераздѣльно съ моимъ счастіемъ. Роскошно блистала она изумрудными огнями, переползая вдоль травокъ, и всецѣло завладѣла моимъ юнымъ сердцемъ. Я леталъ вокругъ нея и старался, перемѣняя цвѣта, обратить ея вниманіе на себя. Съ благодарностью увидѣлъ я, что она принимала мой привѣтъ и стыдливо уменьшала свой свѣтъ. Тронутый ея вниманіемъ, я трепеталъ, и былъ готовъ уже сложить свои крылья и приблизиться къ моей возлюбленной, какъ вдругъ какой-то сильный шумъ наполнилъ воздухъ. Приближались темныя фигуры. То были люди. Со страху бросился я въ бѣгство. Они преслѣдовали меня и старались чѣмъ-то ударить. Но за моими быстрыми крыльями не могли поспѣть ихъ неуклюжія ноги. Когда я возвратился...

Здѣсь голосъ измѣнилъ разсказчику. Пріостановившись отъ внутренняго волненія на минуту, онъ продолжалъ:

— Вы уже догадываетесь. Моя невѣста, самая блестящая между всѣми, исчезла, похищенная злыми людьми. Тихое, прохладное мѣстечко на лугу было истоптано, а ея любимое мѣсто

Digitized by Google

отдохновенія около рва было темно и пусто. Я сталъ одинокъ на свѣтѣ.

Чувствительный кроликъ снова натянулъ ухо, чтобы осушить слезинку.

— Съ тѣхъ поръ я измѣнился. Всѣ легкомысленныя удовольствія стали мнѣ противны. Я думаю только о ней, которую я потерялъ, и о томъ времени, когда я снова увижу ее.

— Неужели? вы питаете эту надежду?—радостно спросилъ кроликъ.

— Болѣе чѣмъ надежду,—я увѣренъ. Тамъ, въ безконечной вышинѣ, я снова увижу свою возлюбленную.

— Но...—хотѣлъ возразить кроликъ.

— Кроликъ!—сказалъ торжественно свѣтящійся жучокъ:—я понимаю, что тотъ, кто бродитъ во тьмѣ, можетъ сомнѣваться. Но сомнѣніе зрячаго, который видитъ все собственными глазами, для меня—загадка. Тамъ!—продолжалъ онъ, и благоговѣйно посмотрѣлъ кверху, на усѣянное звѣздами небо,—тамъ я вижу ее! Всѣхъ моихъ праотцевъ, всѣхъ моихъ друзей, а также и ее вижу я, сіяющую еще въ большемъ блескѣ, нежели здѣсь на землѣ. Ахъ! когда я смогу подняться изъ этой ничтожной безполезной жизни и летѣть къ ней, заманчиво зовущей меня? Ахъ, когда, когда?..

Со вздохомъ покинулъ свѣтящійся жучокъ своихъ слушателей и уползъ назадъ въ темное отверстіе.

— Бѣдное существо!—сказалъ кроликъ,—но, быть можетъ, онъ правъ.

— Я тоже хотѣлъ бы этому вѣрить,—прибавилъ Іоганнесъ.

— Я мало этому вѣрю,—замѣтилъ Виндекиндъ,—но все это было очень трогательно.

— Милый Виндекиндъ,—сказалъ Іоганнесъ,—я очень усталъ и хочу спать.

— Такъ иди, ложись здѣсь возлѣ меня; я прикрою тебя своимъ плащомъ.

Виндекиндъ взялъ свой голубой плащикъ и растянулъ его надъ Іоганнесомъ и надъ собой. Такимъ образомъ они улеглись въ душистой травѣ на склонѣ дюны, крѣпко обнявъ другъ друга.

— Ваши головы лежатъ такъ низко,—крикнулъ кроликъ,—не хотите ли на меня облокотиться?

Такое милое предложеніе не могло быть отвергнуто.

— Покойной ночи, мама,—сказалъ Виндекиндъ лунѣ.

Іоганнесъ крѣпко сжалъ въ рукѣ свой золотой ключикъ,

Digitized by Google

положилъ голову на пушистую шубку добраго кролика и спокойно заснулъ.

III.

— Гдѣ, Престо, твой маленькій хозяинъ? Какой былъ ужасъ тебѣ проснуться въ лодкѣ, въ тростникѣ, совсѣмъ одному, когда хозяинъ безслѣдно пропалъ! Еще бы не струсить въ такомъ положеніи! И давно Престо бѣгаетъ по всѣмъ направленіямъ и ищетъ его, не переставая нервно визжать! Бѣдный Престо! И какъ это онъ могъ такъ крѣпко спать и не услѣдить за своимъ хозяиномъ, когда онъ вышелъ изъ лодки? Вѣдь онъ всегда тотчасъ просыпался, стоило ему лишь пошевелиться. А на этотъ разъ даже всегда острое чутье покинуло его. Онъ едва могъ узнать, въ какомъ мѣстѣ Іоганнесъ присталъ къ берегу, а въ дюнахъ онъ окончательно потерялъ слѣдъ.

Вдругъ Престо сталъ неподвижно, пристально вглядываясь въ даль, и потомъ, вытянувъ голову впередъ, онъ понесся во весь духъ на своихъ тонкихъ ножкахъ къ какой-то темной точкѣ на склонѣ дюны.

Когда выяснилось для Престо, что это дѣйствительно былъ оплакиваемый имъ маленькій хозяинъ, то всѣ его усилія выразить радость и благодарность казались для него все еще недостаточными. Онъ вилялъ хвостомъ, прыгалъ, визжалъ, лаялъ и совалъ, облизывая и обнюхивая, свой холодный носъ прямо въ лицо Іоганнесу.

— Подожди, Престо, ступай въ гнѣздо!—пробормоталъ Іоганнесъ въ полуснѣ.

Но далеко вокругъ никакого гнѣзда не было.

Понемногу въ душѣ заспавшагося ребенка начало пробуждаться сознаніе. Къ обнюхиванію Престо онъ привыкъ, —это дѣлалось каждое утро. Но его глаза застилались еще легкими картинами сновидѣній, эльфовъ и луннаго свѣта, на подобіе того, какъ утренній туманъ застилалъ ландшафтъ дюнъ. Онъ боялся, чтобы свѣжая прохлада утра не разсѣяла ихъ.

„Закрою глаза, — подумалъ онъ,—а то опять увижу часы и обои, какъ всегда".

Но онъ чувствовалъ, что лежитъ какъ-то странно. Одѣяла не было. Медленно и осторожно открылъ онъ глаза, оставляя между вѣками маленькую щелку.

Яркій свѣтъ! Голубое небо! Облака!

Іоганнесъ открылъ широко глаза и произнесъ:

Digitized by Google

— Такъ неужели это правда?

Да, онъ лежалъ среди дюнъ. Свѣтлый солнечный лучъ согрѣвалъ его; онъ втянулъ свѣжій утренній воздухъ; легкій туманъ еще окутывалъ дальніе лѣса. Надъ травою виднѣлись ему высокій букъ у пруда и крыша его дома. Пчелы и жуки гудѣли вокругъ него; надъ нимъ пѣлъ взвившійся жаворонокъ; издали слышался собачій лай и долеталъ шумъ отдаленнаго города. Все было на яву.

Что же,—снилось ему все это, или нѣтъ? Гдѣ Виндекиндъ? Гдѣ кроликъ?

Онъ не видѣлъ ни того, ни другого. Только Престо сидѣлъ совсѣмъ близко около него, вилялъ хвостомъ и выжидательно смотрѣлъ ему въ лицо.

— Неужели я лунатикъ?—произнесъ онъ вполголоса.

Около него была дѣйствительно кроликовая нора, но вѣдь ихъ много на дюнахъ. Онъ приподнялся, чтобы лучше осмотрѣться. А что же это было у него въ крѣпко зажатой рукѣ?

Дрожь прошла по всему его тѣлу, когда онъ раскрылъ руку. Въ ней блестѣлъ маленькій золотой ключикъ.

Безмолвно сидѣлъ онъ нѣкоторое время.

— Престо!—сказалъ онъ, наконецъ, при чемъ глаза его почти наполнились слезами:—Престо, вѣдь все это было!

Престо вскочилъ, стараясь лаемъ показать своему господину, что онъ голоденъ и хочетъ домой.

Домой?! Да объ этомъ онъ и не думалъ; ему вовсе не хотѣлось домой. Но вскорѣ онъ услышалъ разные голоса, называвшіе его по имени. И тутъ онъ понялъ, что его теперь не погладятъ по головкѣ, и что дома его, очевидно, ожидаетъ не совсѣмъ-то ласковая встрѣча.

Еще одно мгновеніе—и слезы радости превратились бы въ слезы страха и раскаянія. Но онъ подумалъ о Виндекиндѣ, сдѣлавшемся теперь его другомъ и повѣреннымъ, о подаркѣ короля эльфовъ и о чудной и неоспоримой для него правдѣ всего, что произошло, и спокойно, на все готовый, направился по дорогѣ къ дому.

Дома встрѣча была хуже, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ не представлялъ себѣ страха и безпокойства своихъ домашнихъ настолько сильными. Отъ него требовали торжественнаго обѣщанія никогда не быть снова такимъ непослушнымъ и неосмотрительнымъ. Это вернуло его къ самообладанію.

— Я не могу!—сказалъ онъ рѣшительно.

Всѣ очень удивились. Его стали разспрашивать, убѣждать,

Digitized by Google

угрожать. Но онъ думалъ о Виндекиндѣ и оставался непоколебимымъ. Что̀ ему было за дѣло до наказанія, только бы сохранить дружбу Виндекинда—и чего бы изъ-за него онъ только не вытерпѣлъ. Крѣпко прижалъ онъ ключикъ къ груди, сжалъ губы и отвѣчалъ на каждый вопросъ только пожиманіемъ плечъ.

— Я ничего не могу обѣщать,—твердилъ онъ.

Отецъ сказалъ:

— Такъ оставьте его въ покоѣ. Это дѣло серьезное. Должно быть, съ нимъ произошло что-нибудь необыкновенное. Когда-нибудь онъ намъ разскажетъ.

Іоганнесъ улыбнулся, молча съѣлъ свой буттербродъ и ускользнулъ въ свою каморку. Тамъ онъ отрѣзалъ кусочекъ шнурка отъ сторъ, привязалъ на него драгоцѣнный ключикъ и повѣсилъ себѣ на голую грудь. Затѣмъ онъ спокойно пошелъ въ школу.

Въ этотъ день ему въ школѣ не везло. Онъ не зналъ ни одного изъ уроковъ и былъ невнимателенъ. Постоянно мысли его уносились къ пруду и къ чуднымъ приключеніямъ вчерашняго вечера. Странно было ему, что онъ, другъ короля эльфовъ, снова былъ обязанъ рѣшать ариѳметическія задачи и спрягать глаголы. Хотя все происшедшее было для него дѣйствительностью, но никто ничего объ этомъ не зналъ, да и не повѣрилъ бы, начиная съ учителя, который мрачно поглядывалъ и презрительно назвалъ Іоганнеса лѣнтяемъ. Благодушно перенесъ онъ дурныя отмѣтки и принялся за работу, данную въ наказаніе за его разсѣянность.

„Они не имѣютъ о томъ никакого понятія. Пусть бранятся, сколько хотятъ. Я все-таки другъ Виндекинда, и Виндекиндъ для меня дороже ихъ всѣхъ, вмѣстѣ съ учителемъ“...

Конечно, это было весьма непочтительно со стороны Іоганнеса. Но вѣдь уваженіе къ людямъ не усилилось у него послѣ всего того дурного, что̀ онъ слышалъ о нихъ вчера вечеромъ.

Когда учитель говорилъ, что лишь человѣкъ одаренъ разумомъ, а потому онъ и господинъ надъ всѣми другими животными,—Іоганнесъ разсмѣялся. Послѣдствіемъ этого была плохая отмѣтка и строгій выговоръ. А когда его сосѣдъ прочелъ изъ книги прописей фразу: „Возрастъ моей тетушки великъ, но не такъ великъ, какъ возрастъ солнца“ (der Sonne), Іоганнесъ быстро и громко вскрикнулъ:

— Солнце—мужескаго рода, надо: des Sonnes.

Всѣ разсмѣялись, а учитель, пораженный такой наглой глупостью, какъ онъ это назвалъ, оставилъ Іоганнеса послѣ уроковъ въ школѣ и приказалъ сто разъ написать: „Возрастъ моей

Digitized by Google

тетушки великъ, но не такъ великъ, какъ возрастъ солнца; больше же того и другого—моя наглая глупость".

Ученики разошлись, и Іоганнесъ сидѣлъ одиноко въ большой классной комнатѣ и писалъ. Солнечный лучъ весело заглядывалъ въ окно, освѣщая на своемъ пути тысячи бѣлыхъ пылинокъ и падая на выбѣленную стѣнку свѣтлыми пятнами, которыя медленно передвигались вмѣстѣ съ проходившими одинъ за другимъ часами. Учитель ушелъ и громко захлопнулъ за собой дверь. Іоганнесъ, казалось ему, дошелъ уже до пятьдесятъ-второй „тетушки", какъ вдругъ маленькій проворный мышенокъ съ черными глазами-жемчужинками и шолковыми ушками подкрался изъ отдаленнаго уголка класса и неслышно побѣжалъ вдоль стѣны. Іоганнесъ притаилъ дыханіе, чтобы не спугнуть хорошенькаго звѣрка. Но звѣрокъ не боялся и подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Іоганнесъ. Оглядѣвшись пристально одну минутку маленькими блестящими глазками, онъ ловко, однимъ прыжкомъ, вскочилъ на скамейку, а другимъ на столъ, за которымъ Іоганнесъ писалъ.

— Э! — сказалъ онъ вполголоса, — а ты вѣдь храбрый мышенокъ.

— Я не знаю, кого же мнѣ бояться?—отвѣтилъ тоненькій голосокъ, и мышенокъ, какъ бы смѣясь, показалъ бѣлые зубки.

Хотя Іоганнесъ уже много пережилъ чудеснаго, но все-таки изумился. Среди бѣла дня, да еще и въ школѣ,—это было почти невѣроятно.

— Меня ты не долженъ бояться,—сказалъ онъ тихо, все еще боясь, чтобы мышенокъ не испугался:—а ты не отъ Виндекинда ли?

— Именно такъ; я пришелъ тебѣ сказать, что учитель совершенно правъ, и что ты вполнѣ заслужилъ наказаніе.

— Но Виндекиндъ же сказалъ, что солнце мужескаго рода, потому что оно—нашъ отецъ.

— Да, но объ этомъ никому не слѣдуетъ знать. Какое дѣло до этого людямъ? Никогда объ этомъ не слѣдуетъ говорить съ людьми. Они слишкомъ грубы. Человѣкъ—отвратительное, злое и грубое существо; онъ охотнѣе всего давитъ и ловитъ все, что ему попадается. Это мы, мыши, знаемъ по опыту.

— Но, мышенокъ, зачѣмъ же ты остаешься жить вблизи него? Зачѣмъ не уходишь ты далеко прочь въ лѣса?

— Ахъ, этого мы теперь ужъ не можемъ сдѣлать. Мы слишкомъ привыкли къ городской пищѣ. Къ тому же, при извѣстной осторожности и опасеніи, чтобы не попасть въ мышеловку или

Digitized by Google

подъ тяжелыя ноги людямъ, можно еще жить среди нихъ. Къ счастью, мы достаточно проворны. Но главное горе въ томъ, что человѣкъ заключилъ союзъ съ кошкой и устранилъ этимъ свою собственную неуклюжесть—это большое несчастье. Зато въ лѣсу много совъ и кобчиковъ, а умирать всѣмъ когда-нибудь да придется все равно. Итакъ, Іоганнесъ, слушайся моего совѣта, скоро придетъ учитель.

— Спроси Виндекинда, что мнѣ дѣлать съ моимъ ключикомъ. Я его повѣсилъ вокругъ шеи на грудь. Но въ субботу мнѣ дадутъ чистое бѣлье, и я страшно боюсь, чтобы кто-нибудь тогда его не увидѣлъ. Скажи мнѣ, мышенокъ, гдѣ бы мнѣ его можно понадежнѣе спрятать.

— Въ землѣ, только въ землѣ, это самое вѣрное. Хочешь, я тебѣ его спрячу?

— Нѣтъ, только не здѣсь, въ школѣ.

— Такъ закопай въ дюнахъ. Я скажу своей полевой мышкѣ, чтобы она за этимъ приглядѣла.

Дверь хлопнула; вошелъ учитель.

Въ то время какъ Іоганнесъ обмакивалъ перо въ чернила, мышка исчезла. Учитель, самъ охотно желавшій уйти домой, простилъ Іоганнесу сорокъ-восемь строкъ.

Два слѣдующихъ дня Іоганнесъ жилъ подъ непрерывнымъ страхомъ. За нимъ строго слѣдили, и всякая возможность улизнуть на дюны была у него отнята. Наступила пятница, а онъ все еще носилъ на себѣ драгоцѣнный ключикъ. На слѣдующій вечеръ ему должны были надѣть чистое бѣлье, и тогда могли бы увидѣть ключикъ и отнять — онъ содрогался при этой мысли. Въ домѣ и даже въ саду онъ не рѣшался его прятать; ни одно мѣстечко не казалось ему достаточно безопаснымъ.

Былъ вечеръ пятницы и наступали сумерки. Іоганнесъ сидѣлъ передъ окномъ въ своей каморкѣ, смотрѣлъ на зеленые кусты и его страшно тянуло къ далекимъ дюнамъ.

— Виндекиндъ! Виндекиндъ! помоги мнѣ, — боязливо шепталъ онъ.

Вдругъ около него послышался легкій взмахъ крыльевъ, потянуло ароматомъ ландышей, и онъ услышалъ хорошо знакомый сладкій голосъ.

Виндекиндъ сидѣлъ около него на карнизѣ окна и покачивалъ ландышами на длинномъ стеблѣ.

— Наконецъ-то ты здѣсь!—воскликнулъ Іоганнесъ.

— Пойдемъ со мной, Іоганнесъ, зарывать твой ключикъ.

— Я не могу,—вздохнулъ Іоганнесъ съ грустью.

Digitized by Google

Но Виндекиндъ взялъ его за руку, и онъ почувствовалъ, какъ тотчасъ же, легко, какъ бы на крыльяхъ, онъ понесся въ тихомъ вечернемъ воздухѣ.

— Виндекиндъ,—произнесъ Іоганнесъ, когда они полетѣли, —я тебя очень люблю. Я думаю, что за тебя я могъ бы отдать всѣхъ людей и даже Престо.

Виндекиндъ поцѣловалъ его и спросилъ:

— А Симона?

— О, Симону все равно, люблю ли я его. Я думаю, что онъ считаетъ это за ребячество. Онъ только и любитъ одну торговку рыбой, да и то только тогда, когда голоденъ. Какъ ты думаешь, Виндекиндъ, Симонъ—обыкновенная кошка?

— Нѣтъ, онъ раньше былъ человѣкомъ.

Въ это время толстый майскій жукъ натолкнулся прямо на Іоганнеса.

— Нельзя видѣть ничего передъ собой,—забормоталъ жукъ: —эльфы летаютъ такъ, какъ будто они откупили весь воздухъ! По нашему, это все бездѣльники, летающіе всегда только для своего удовольствія; тому же, кто, какъ мы, исполняетъ свой долгъ, постоянно отыскивая пищу,—они только мѣшаютъ летать.

Громко жужжа, полетѣлъ онъ дальше.

— Онъ, кажется, обидѣлся на насъ за то, что мы мало ѣдимъ?—спросилъ Іоганнесъ.

— Да, они всегда такъ, майскіе жуки. Они считаютъ высшимъ долгомъ много ѣсть. Хочешь, я тебѣ разскажу исторію одного молодого майскаго жука. Жилъ былъ однажды красивый молодой майскій жукъ, только-что выползшій изъ земли. Это было для него удивительнымъ событіемъ. Цѣлый годъ онъ просидѣлъ въ темной землѣ, ожидая перваго теплаго вечера. И когда онъ высунулъ свою голову изъ земли, то вся зелень и поющія птички привели его въ большое смущеніе. Онъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему собственно дѣлать; онъ ощупывалъ находящіеся вблизи стебельки травы своими щупальцами, вытянувъ ихъ впередъ на подобіе вѣера. По этому онъ узналъ, что онъ самецъ, видный представитель своего рода. У него были блестящія черныя лапки, толстое, покрытое пушкомъ брюшко и грудь, блестѣвшая какъ зеркало. Къ счастью, онъ скоро увидѣлъ въ недалекомъ разстояніи другого майскаго жука, правда, не такого красиваго, но зато вылетѣвшаго на свѣтъ Божій цѣлымъ днемъ раньше, слѣдовательно, уже довольно стараго.

Очень скромно, по своей молодости, окликнулъ онъ его:

Digitized by Google

— Чего тебѣ, дружокъ? — спросилъ тотъ сверху, увидѣвъ новичка:—ты хочешь спросить меня о дорогѣ?

— Нѣтъ, извини, — сказалъ вѣжливо молодой:—я не знаю, съ чего мнѣ начать? Что нужно дѣлать майскому жуку?

— Ахъ, вотъ что!—сказалъ опытный жукъ:—такъ ты и этого не знаешь! Ну, это тебѣ простительно; со мной было тоже. Самое главное въ жизни майскаго жука—ѣсть. Недалеко отсюда находится чудная липовая роща, и наша обязанность по возможности прилежно ее объѣдать.

Но какъ было добраться до липовой рощи?

Возлѣ жучка поднимался стройный и сильный травяной стебель, легко покачивавшійся изъ стороны въ сторону при вечернемъ вѣркѣ. Къ нему-то и прицѣпился онъ довольно крѣпко своими шестью кривыми лапками. Снизу стебель казался высокимъ и довольно крупнымъ колосомъ; тѣмъ не менѣе, майскому жуку захотѣлось на него влѣзть и онъ сталъ неустрашимо взбираться. Дѣло шло медленно; часто онъ соскальзывалъ внизъ, но все же двигался впередъ; когда же, наконецъ, добрался до высочайшей вершины и сталъ мѣрно покачиваться на ней, тогда онъ почувствовалъ себя удовлетвореннымъ и счастливымъ. Какой видъ открывался передъ нимъ! Ему казалось, что онъ окидываетъ взглядомъ весь міръ! Какъ чудно было чувствовать себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ воздухомъ! Жадно впивалъ онъ воздухъ и наполнялъ свое брюшко. Въ восторгѣ расправилъ онъ верхнія крылышки и взмахнулъ нижними, свѣтчатыми.

Ему хотѣлось выше, все выше—еще разъ затрепетали крылышки, лапки отдѣлились отъ стебелька и—о, радость!..

Онъ полетѣлъ свободный и счастливый, въ тихомъ, тепломъ вечернемъ воздухѣ...

— А дальше что же?—спросилъ Іоганнесъ.

— Продолженіе не веселое, я разскажу тебѣ его въ другой разъ.

Они сами летѣли надъ прудомъ. Двѣ запоздалыя бѣлыя бабочки порхали вмѣстѣ съ ними.

— Куда направляетесь, эльфы?—спросили онѣ.

— Къ большому кусту розъ на дюнахъ; онѣ цвѣтутъ на томъ склонѣ.

— И мы съ вами!

Уже издали виднѣлся кустъ съ безчисленными, нѣжно-желтыми, шелковисто-мягкими цвѣтами. Бутоны были красноваты, а на распустившихся цвѣтахъ виднѣлись красныя полоски, какъ воспоминанія того времени, когда они еще были бутонами. Въ

Digitized by Google

тихомъ уединеніи цвѣла дикая роза дюнъ, наполняя окружающую мѣстность сладкимъ ароматомъ. Эти розы такъ чудно хороши, что эльфы только ими и питаются. Бабочки кружились надъ кустомъ и цѣловали одинъ цвѣтокъ за другимъ.

— Мы прилетѣли довѣрить вамъ кладъ,—крикнулъ Виндекиндъ;—можете вы его сохранить?

— Отчего же нѣтъ? Отчего же нѣтъ?—зашепталъ кустъ.— Мнѣ не надоѣстъ ожидать вашего возвращенія, да къ тому же я никуда не уйду, если меня не срубятъ; вдобавокъ, у меня острые шипы.

Тутъ прибѣжала полевая мышка, родственница мышонка изъ школы, и вырыла ходъ подъ корнями розы. Туда же она втащила и ключикъ.

— Когда ты захочешь его получить обратно, то ты снова долженъ меня позвать. Такимъ образомъ ты ничуть не повредишь розъ.

Розовый кустъ сплелъ свои вѣтви съ шипами надъ входомъ, закрывъ отверстіе, и торжественно поклялся хранить его вѣрно. Бабочки были свидѣтелями.

На слѣдующее утро Іоганнесъ проснулся въ своей постели; Престо, часы, обои—все было на своемъ мѣстѣ, но шнурка съ ключикомъ не было на шеѣ.

IV.

— Ахъ, какъ надоѣдаетъ это отвратительное лѣто! — говорила, вздыхая, одна изъ трехъ печей, угрюмо стоявшая вмѣстѣ съ другими въ кладовой стараго дома: — по цѣлымъ недѣлямъ не вижу я ни одной души и не слышу ни одного путнаго слова. И при этомъ такая внутренняя пустота. Совсѣмъ отвратительно!

— А я вся заросла паутиной,—говорила другая;—зимой бы ужъ, конечно, этого со мной не случилось.

— А во мнѣ такъ много накопилось пыли, что мнѣ страшно стыдно будетъ трубочиста, когда онъ опять покажется.

Кочерги и лампы, обернутыя тщательно въ бумагу, во избѣжаніе ржавчины, и разбросанныя тамъ и сямъ по полу, услышавъ такія легкомысленныя рѣчи, не могли скрыть своего неодобренія; но вдругъ всякій разговоръ прекратился. Задвижка у двери щелкнула, и лучъ свѣта проникъ въ самые темные углы кладовой, освѣтивъ все запыленное общество.

Это былъ Іоганнесъ; онъ зашелъ сюда и тѣмъ помѣшалъ

Digitized by Google

общей бесѣдѣ. Кладовая всегда имѣла для него неотразимую прелесть. Теперь же, послѣ всѣхъ необыкновенныхъ его приключеній, послѣднее время онъ чаще сталъ скрываться сюда, гдѣ находилъ покой и уединеніе. Притомъ, здѣсь было окно, закрытое ставнями и выходившее на дюны. Большимъ наслажденіемъ для него было открыть окно и послѣ таинственной полутьмы кладовой вдругъ увидѣть передъ собой далекій, ярко-освѣщенный ландшафтъ, обрамленный длиннымъ рядомъ дюнъ.

Три недѣли прошли съ вечера той пятницы, а Іоганнесъ ничего не зналъ о своемъ другѣ. Ключика теперь тоже не было, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло и всякое доказательство того, что все это ему не приснилось. Часто онъ со страхомъ говорилъ самъ себѣ, не было ли все это—одно воображеніе. Онъ совсѣмъ присмирѣлъ, и отецъ, съ боязнью поглядывая на него, началъ предполагать, что Іоганнесъ съ той ночи на дюнахъ чѣмъ-нибудь занемогъ. Но Іоганнесъ только стремился всѣмъ существомъ къ своему Виндекинду.

„Неужели онъ меня меньше любитъ, нежели я его?—сокрушался онъ, стоя у слухового окна и смотря въ даль черезъ зеленый цвѣтистый садъ: — зачѣмъ же онъ не приходитъ ко мнѣ чаще и на болѣе долгое время? Если бы я могъ... а можетъ быть у него много друзей? Любитъ ли онъ ихъ больше, нежели меня?.. У меня нѣтъ никакихъ другихъ друзей, — ни одного. Я люблю только его!

Вдругъ онъ увидѣлъ на темносинемъ небѣ стаю бѣлоснѣжныхъ голубей, паривших надъ домомъ, и ясно услыхалъ размахи ихъ крыльевъ. Казалось, ими всѣми руководила одна мысль, когда они, измѣняя направленіе, какъ бы утопали въ морѣ солнечнаго свѣта и воздуха.

Они подлетѣли къ слуховому окну Іоганнеса и опустились съ большимъ шумомъ, трепеща крыльями, прямо къ желобу крыши; тутъ они озабоченно стали ворковать и суетиться. У одного изъ нихъ было въ крылѣ красное перышко. Онъ теребилъ его до тѣхъ поръ, пока оно не осталось у него въ клювѣ; тогда онъ подлетѣлъ къ Іоганнесу и подалъ его ему.

Какъ только Іоганнесъ взялъ перо, ему показалось, что онъ сдѣлался опять легокъ и такъ же подвиженъ, какъ любой изъ голубей. Онъ вытянулъ члены, голуби поднялись съ мѣста, и Іоганнесъ свободно понесся среди нихъ, въ воздухѣ, при ясномъ солнечномъ сіяніи. Ничего не было вокругъ него, кромѣ чистой синевы неба и яркаго блеска бѣлыхъ голубиныхъ крыльевъ.

Digitized by Google

Они летѣли надъ большимъ садомъ въ лѣсъ, верхушки котораго колыхались вдали какъ волны зеленаго моря.

Іоганнесъ взглянулъ внизъ и увидѣлъ своего отца, сидѣвшаго у раскрытаго окна комнаты; Симонъ съ поджатыми передними лапками лежалъ на подоконникѣ и грѣлся на солнцѣ.

„Видятъ ли они меня"?—думалъ Іоганнесъ, но позвать ихъ не рѣшался.—Престо носился по саду, обнюхивая каждый кустъ, каждую стѣнку, и царапался въ каждую оранжерейную дверь, стараясь найти своего маленькаго хозяина.

— Престо, Престо!—закричалъ Іоганнесъ.—Собачка посмотрѣла вверхъ, начала вилять хвостомъ и жалобно визжать.

— Я вернусь, Престо! Подожди!—крикнулъ Іоганнесъ, но онъ былъ уже далеко.

Они летѣли надъ лѣсомъ, а вороны, испуганно каркая, слетали съ высокихъ вершинъ, гдѣ у нихъ были гнѣзда. Лѣто стояло въ полной силѣ, и ароматъ цвѣтущихъ липъ поднимался клубами изъ зеленаго лѣса. Въ одномъ пустомъ гнѣздѣ, на вершинѣ высокой липы, сидѣлъ Виндекиндъ, съ вѣнкомъ изъ вьюнковъ вокругъ лба, и ласково кивалъ Іоганнесу.

— Это ты тамъ? Очень радъ!—сказалъ онъ.—Я за тобой послалъ. Теперь мы можемъ надолго остаться вмѣстѣ, если ты хочешь.

— Ужъ я-то, конечно, хочу,—сказалъ Іоганнесъ.

Онъ поблагодарилъ добрыхъ голубей, провожавшихъ его, и спустился вмѣстѣ съ Виндекиндомъ въ лѣсъ.

Тамъ было прохладно и тѣнисто. Иволга насвистывала почти все одно и то же, слегка измѣняя каждый разъ свой напѣвъ.

— Бѣдная птица,—сказалъ Виндекиндъ,—она была когда-то райской птицей. Это ты можешь узнать по ея своеобразнымъ желтымъ перьямъ, но она была затѣмъ превращена въ другую птицу и изгнана изъ рая. Есть одно слово, которое можетъ возвратить ей ея прежній нарядъ и снова вернуть ее въ рай. Но это слово она забыла. И вотъ день за днемъ она старается его найти.

Безчисленное множество мухъ, подобно парящимъ кристалламъ, мерцало въ солнечныхъ лучахъ, проникавшихъ сквозь темную листву. Внимательно прислушиваясь, можно было слышать ихъ жужжаніе, похожее на большой однотонный концертъ, наполнявшій весь лѣсъ. Казалось, что пѣли сами солнечные лучи.

Густой темнозеленый мохъ покрывалъ землю. Но Іоганнесъ сталъ опять такимъ маленькимъ, что принялъ его за новый лѣсъ. Какъ стройны были стебельки и какъ густо росли они вмѣстѣ!

Digitized by Google

Трудно было тутъ пробраться, и моховой лѣсъ казался необыкновенно большимъ.

Они вышли на муравьиную тропинку. Сотни муравьевъ дѣловымъ шагомъ бѣгали взадъ и впередъ; одни несли въ челюстяхъ деревянныя палочки, другіе—листики или стебельки. Была такая суета, что у Іоганнеса голова пошла кругомъ.

Долго не находилось ни одного муравья, который имѣлъ бы время говорить съ ними. Всѣ слишкомъ были заняты. Наконецъ, они обратились къ одному старому муравью, который былъ приставленъ сторожемъ къ маленькимъ травянымъ тлямъ, изъ которыхъ муравьи высасывали сладкій сокъ. Такъ какъ его стадо было совершенно спокойно, то онъ могъ заняться чужестранцами и показать большое гнѣздо. Оно прилегало къ подножію большого дерева, было растянуто и заключало въ себѣ сотни ходовъ и помѣщеній. Пастухъ травяныхъ тлей давалъ имъ объясненія и повелъ посѣтителей всюду, входя съ ними даже въ дѣтскія, гдѣ молодыя гусеницы вылуплялись изъ бѣлыхъ яичекъ. Іоганнесъ былъ пораженъ и восхищенъ.

Старый муравей разсказывалъ, что большое оживленіе, которое они видѣли, происходитъ въ виду предстоящаго вскорѣ похода. Хотятъ напасть въ большомъ числѣ на другую муравьиную колонію, находящуюся въ недалекомъ разстояніи отъ этой, уничтожить гнѣздо и похитить или убить чужія личинки; это потребуетъ напряженія всѣхъ силъ, а потому надо покончить заранѣе съ наиболѣе важными работами.

— Зачѣмъ же такой походъ?—спросилъ Іоганнесъ,—по моему, это нехорошо.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ сторожъ,—это прекрасный и достойный похвалы походъ. Подумайте, вѣдь это воинствующіе муравьи, на которыхъ мы хотимъ напасть; мы идемъ, чтобы уничтожить ихъ родъ, а это всегда хорошее дѣло.

— А вы развѣ не воинствующіе муравьи?

— Конечно, нѣтъ! Мы мирные муравьи!

— А что же значитъ этотъ походъ?

— Ты этого не знаешь? Я тебѣ объясню. Было время, когда всѣ муравьи постоянно воевали, ни одного дня не проходило безъ большихъ битвъ. Тогда появился между ними одинъ мудрый муравей, который доказывалъ, что много силъ сохранилось бы, еслибы муравьи согласились болѣе не воевать. Его слова показались настолько необыкновенными, что его растерзали въ мелкіе куски. Позднѣе появились и другіе муравьи, державшіеся такого же мнѣнія. Но и эти также были разо-

Digitized by Google

рваны въ куски. Наконецъ, ихъ стало такъ много, что истребленіе ихъ было бы слишкомъ большой работой. Тогда они себя и назвали мирными муравьями и постановили единогласно, что первый мирный муравей былъ вполнѣ правъ,—а кто это оспаривалъ, тотъ въ свою очередь былъ разрываемъ ими на куски. Такимъ образомъ, теперь почти всѣ муравьи стали мирными, а останки перваго мирнаго муравья заботливо и съ почетомъ сохраняются. У насъ находится подлинная его голова. Мы уже разорили и перебили двѣнадцать другихъ колоній, утверждавшихъ, что подлинная голова была у нихъ. Теперь остались еще четыре, утверждающихъ то же самое. Они называютъ себя мирными муравьями, но, конечно, это воюющіе муравьи, потому что мы владѣемъ настоящей головой, а у перваго мирнаго муравья была несомнѣнно только одна голова. Теперь мы и собираемся разгромить тринадцатую колонію. Развѣ это не доброе дѣло?!

— Да, да,—сказалъ Іоганнесъ,—все это очень замѣчательно.

Собственно говоря, онъ началъ немного побаиваться за себя и былъ доволенъ, когда они, поблагодаривъ любезнаго пастуха и распростившись съ нимъ, сѣли отдохнуть въ далекомъ разстояніи отъ муравьинаго народа, въ тѣни папоротника на изящно склонившемся стебелькѣ травы.

— О!—вздохнулъ Іоганнесъ:—какое это кровожадное, глупое общество!

Виндекиндъ засмѣялся, раскачиваясь на своемъ стебелькѣ то въ ту, то въ другую сторону.

— О!—сказалъ онъ:—ты, человѣкъ, не долженъ ихъ называть глупыми.

Переносясь далѣе съ мѣста на мѣсто, Виндекиндъ показалъ Іоганнесу всѣ чудеса лѣса; они поднимались къ птицамъ на верхушки деревьевъ и слетали въ густые кустарники, спускались въ искусныя жилища кротовъ и осматривали пчелиное гнѣздо въ дуплѣ дерева.

Наконецъ, они достигли мѣста, окруженнаго лѣсной чащей. Тамъ росла въ большомъ количествѣ жимолость. Повсюду извивались роскошныя вѣтви поверхъ кустовъ, образуя пахучіе вѣнки изъ цвѣтовъ среди зелени. Толпа синицъ прыгала и порхала въ молодой листвѣ съ громкимъ щебетаньемъ.

— Остановимся здѣсь,—предложилъ Іоганнесъ:—здѣсь такъ чудесно.

— Хорошо,—сказалъ Виндекиндъ,—здѣсь ты тоже увидишь нѣчто интересное.

Digitized by Google

Изъ травы выглядывали голубые колокольчики. Іоганнесъ сѣлъ около одного изъ нихъ и началъ съ ними разговаривать о пчелахъ и бабочкахъ. Это были добрые друзья колокольчиковъ, и потому бесѣда тотчасъ же завязалась.

Но трава вдругъ покрылась большою тѣнью, и какъ будто бѣлое облако появилось надъ колокольчикомъ. Іоганнесъ едва успѣлъ отстраниться и взлетѣлъ къ Виндекинду, сидѣвшему высоко въ цвѣтущей чашечкѣ жимолости. Оттуда онъ увидѣлъ, что бѣлое облако было носовымъ платкомъ; толстая дама сѣла на платокъ и опустилась на бѣдный колокольчикъ, бывшій снизу.

Ему некогда было пожалѣть цвѣтокъ, потому что шумъ голосовъ и трескъ вѣтвей наполнилъ поляну, и появилась масса людей.

— Ну, теперь мы потѣшимся!—сказалъ Виндекиндъ.

Пришли люди, женщины съ корзинами и зонтиками въ рукахъ, мужчины въ высокихъ черныхъ шляпахъ на головѣ. Всѣ почти они были одѣты въ черное. Въ зеленомъ лѣсу, залитомъ солнечнымъ свѣтомъ, они казались большими чернильными пятнами на чудной картинѣ.

Кусты были раздвинуты, цвѣты раздавлены, еще много бѣлыхъ носовыхъ платковъ разложено; покорные стебельки травъ и терпѣливые нѣжные мхи, вздыхая, сгибались подъ тяжестью, взваленною на нихъ, подъ страхомъ совсѣмъ болѣе не оправиться послѣ такого пораженія.

Сигарный дымъ проникалъ между вѣтками жимолости и прогонялъ со злобой нѣжный ароматъ цвѣтовъ. Громкіе голоса спугнули веселую семью синицъ, искавшихъ въ ужасѣ спасенія въ ближайшихъ деревьяхъ.

Одинъ изъ толпы поднялся и всталъ на холмикъ. У него были длинные бѣлокурые волосы и блѣдное лицо.

Онъ что-то сказалъ; тогда всѣ люди широко раскрыли рты и начали пѣть, такъ громко, что вороны съ карканьемъ поднялись изъ своихъ гнѣздъ въ вышину, а любопытные кролики, пришедшіе съ дюнъ поглазѣть, въ ужасѣ побѣжали прочь, и бѣжали цѣлую четверть часа еще послѣ того, какъ были уже въ полной безопасности.

Виндекиндъ смѣялся, отгоняя отъ себя сигарный дымъ листомъ папоротника.

Наконецъ, пѣніе прекратилось, и бѣлокурый сталъ говорить. Онъ громко кричалъ, чтобы всѣ его слышали, но то, что онъ говорилъ, звучало дружелюбно. Онъ называлъ людей братьями, говорилъ о чудной природѣ и о чудесахъ творенія, о божьемъ солнечномъ свѣтѣ, о птицахъ и о цвѣтахъ.

Digitized by Google

— Что это значитъ?—спросилъ Іоганнесъ.—Какъ онъ можетъ говорить объ этомъ? Развѣ онъ знаетъ тебя? Онъ—твой другъ?

Виндекиндъ презрительно покачалъ головой, обвитой вѣнкомъ.

— Онъ меня не знаетъ, и такъ же мало знаетъ солнце, и птицъ, и цвѣты. Все, что онъ говоритъ—пустая болтовня.

Люди, однако, очень почтительно слушали, и толстая дама, сидѣвшая на голубомъ колокольчикѣ, нѣсколько разъ принималась плакать, вытирая слезы кончикомъ своего платья, потому что не имѣла въ распоряженіи носового платка.

Бѣлокурый сказалъ, что солнце такъ весело свѣтитъ только ради ихъ прогулки. Тогда Виндекиндъ насмѣшливо захохоталъ и бросилъ изъ-за густой листвы желудь прямо ему въ лицо.

— Вотъ еще!—сказалъ онъ:—солнце станетъ для него свѣтить! Каково самомнѣніе!

Но бѣлокурый слишкомъ разгорячился, чтобы обратить вниманіе на желудь, слетѣвшій откуда-то на него; онъ говорилъ еще долго, и все громче и громче. Въ заключеніе онъ раскричался такъ громко, что листья затрепетали и травки въ ужасѣ покачивались изъ стороны въ сторону. Когда онъ, наконецъ, успокоился, всѣ снова начали пѣть.

— Тьфу!—сказалъ дроздъ, слушавшій этотъ шумъ съ высокаго дерева;—какой отвратительный гвалтъ! Мнѣ гораздо пріятнѣе, когда коровы приходятъ сюда.

Дроздъ, какъ извѣстно, большой музыкальный знатокъ и обладаетъ тонкимъ вкусомъ.

Послѣ пѣнія люди вытащили разныя корзины, коробочки, пакетики и всевозможные съѣстные припасы. Были разложены бумажки, розданы хлѣбцы, апельсины. Показались также и бутылки.

Тогда Виндекиндъ призвалъ своихъ союзниковъ-сотоварищей и сталъ осаждать пирующее общество.

Одна храбрая лягушка прыгнула старой дѣвѣ на колѣни, какъ разъ около хлѣбца, который она только-что собиралась съѣсть, да такъ и осталась тамъ сидѣть, какъ бы сама пораженная своею смѣлостью. Дѣвица громко закричала, съ ужасомъ глядя на пришельца, но не смѣла пошевелиться.

Храбрый примѣръ нашелъ подражаніе. Зеленыя гусеницы поползли неустрашимо по шляпамъ, носовымъ платкамъ и хлѣбцамъ, распространяя вездѣ страхъ и ужасъ; большіе толстые пауки-крестовики стали спускаться по блестящимъ паутинамъ въ стаканы съ пивомъ, на головы и шеи, при чемъ всякій разъ

Digitized by Google

слѣдовали пронзительные возгласы; безчисленныя мухи устремились прямо на лица людей, и жертвовали жизнью для добраго дѣла — кидаясь на яства и напитки.

Наконецъ, пришли муравьи необозримыми полчищами, и стали нападать на непріятеля въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никто и не воображалъ. Это вызвало страшное замѣшательство и ужасъ! Поспѣшно вставали мужчины и женщины съ давно придавленныхъ мховъ и травъ, и бѣдный колокольчикъ былъ освобожденъ благодаря удачному нападенію двухъ муравьевъ на ноги толстой дамы. Отчаяніе росло! Танцуя и подпрыгивая съ удивительными гримасами, люди старались освободиться отъ своихъ преслѣдователей.

Бѣлокурый защищался долгое время и махалъ съ ожесточеніемъ вокругъ себя черной палкой; но два храбрыхъ муравья, считавшихъ, что цѣль оправдываетъ средства, и оса, ужалившая его въ икру, черезъ черныя панталоны, сдѣлали и его неспособнымъ защищаться.

Наконецъ, и солнце спряталось за облако. Большія дождевыя капли облили враждующихъ. Казалось, будто бы съ дождемъ мгновенно выросъ цѣлый лѣсъ большихъ черныхъ грибовъ изъ земли. Это были раскрытые дождевые зонтики. Многія женщины подняли платья на голову, при чемъ видны были ихъ бѣлыя юбки, чулки и башмаки. Виндекиндъ отъ смѣха долженъ былъ крѣпко держаться за цвѣточный стебель.

Дождь лилъ все сильнѣе, и окуталъ весь лѣсъ сѣрымъ блестящимъ покрываломъ. Дождевые потоки лились съ зонтиковъ, съ высокихъ шляпъ и черныхъ сюртуковъ, блестѣвшихъ какъ кожа водяныхъ жуковъ, сапоги шлепали по промокшей землѣ. Наконецъ, люди сдались, и молча, маленькими группами, стали расходиться, оставивъ неаппетитные слѣды своего пребыванія, въ видѣ массы бумаги, пустыхъ бутылокъ и апельсинныхъ корокъ. На открытой лѣсной полянкѣ снова стало уединенно и спокойно, и не было слышно ничего другого, кромѣ монотоннаго шуршанья дождя.

— Ну, Іоганнесъ, вотъ мы видѣли и людей. Что же ты не смѣешься надъ ними?

— Но, Виндекиндъ, неужели всѣ люди такіе?

— О! есть еще гораздо болѣе злые и худые. Иногда они безчинствуютъ, бѣснуются и уничтожаютъ все, что прекрасно и чудесно. Они вырубаютъ лѣса и строятъ неуклюжіе четырехъугольные дома на ихъ мѣстахъ. Они топчутъ цвѣты и убиваютъ для своего удовольствія каждое животное, встрѣчающееся имъ на пути. Въ ихъ городахъ, гдѣ они тѣсно жмутся одинъ къ

Digitized by Google

другому, сидя на корточкахъ, все грязно и черно, а воздухъ тяжелъ и отравленъ пылью и дымомъ. Они совершенно чужды природѣ и ея творчеству; вотъ почему приближаясь иногда къ ней, они имѣютъ такой глупый и жалкій видъ.

— Ахъ, Виндекиндъ! Виндекиндъ!

— Почему ты прослезился, Іоганнесъ? Ты не долженъ печалиться изъ-за того, что ты родился среди людей. Я тебя выбралъ одного изъ всѣхъ. Я выучилъ тебя понимать языкъ птицъ и цвѣтовъ. Луна знаетъ тебя, а добрая земля любитъ какъ свое любимѣйшее дитя. Почему же тебѣ не быть веселымъ, если я твой другъ?

— О, Виндекиндъ! Но я все-таки долженъ оплакивать этихъ людей.

— Зачѣмъ? Тебѣ совсѣмъ не нужно оставаться съ ними, если тебя это печалитъ. Ты можешь жить здѣсь и всегда меня сопровождать. Мы будемъ жить въ густой чащѣ, на уединенныхъ и солнечныхъ дюнахъ, или въ тростникѣ на прудѣ. Я всюду перенесу тебя: на дно моря между водяными растеніями, во дворцы эльфовъ и въ жилища гномовъ. Я буду парѣть съ тобою надъ полями и лѣсами, надъ чужестранными землями и морями. Я заставлю пауковъ сплести тебѣ тонкія одежды и дамъ тебѣ крылья такія же легкія, какъ у меня. Мы будемъ жить ароматомъ цвѣтовъ и рѣзвиться съ эльфами при лунномъ сіяніи. Когда же наступитъ осень, мы вмѣстѣ съ лѣтомъ улетимъ туда, гдѣ ростутъ высокія пальмы, гдѣ висятъ на скалахъ разноцвѣтные зонтичные цвѣты и гдѣ темносиняя поверхность моря блеститъ на яркомъ солнцѣ, и я, не переставая, буду разсказывать тебѣ сказки. Хочешь, Іоганнесъ?

— И я никогда не буду жить среди людей?

— Среди людей тебя ждетъ безконечная печаль, досада, трудъ и забота. День-за-день ты будешь мучиться и вздыхать подъ бременемъ жизни. Отовсюду будутъ наноситься раны твоей нѣжной душѣ и мучить тебя. Развѣ ты любишь людей больше, нежели меня?

— Нѣтъ, нѣтъ! Виндекиндъ, я хочу остаться съ тобой.

Да, онъ оставитъ и забудетъ изъ-за него всѣхъ и все, свою каморку, своего отца и Престо. Радостно и съ твердою рѣшимостью повторилъ онъ свое желаніе.

Дождь пересталъ. Изъ-подъ сѣраго облака сіялъ, весело улыбаясь, солнечный лучъ и освѣщалъ въ лѣсу блестящіе свѣжіе листья и капли, искрившіяся на каждой вѣткѣ, каждомъ сте-

Digitized by Google

бельѣ, украшавшія даже паутины, разостланныя надъ дубовой листвой.

Медленно поднимался легкій туманъ отъ сырой земли между чащей, унося съ собой сотни сладкихъ ароматовъ, легкихъ какъ сновидѣніе. Черный дроздъ поднялся теперь на высочайшія верхушки деревьевъ и запѣлъ, обращаясь къ солнцу, короткую, но задушевную мелодію—какъ будто хотѣлъ показать, какое именно пѣніе подходитъ къ торжественной вечерней тишинѣ, къ нѣжному аккомпанименту падавшихъ капель.

— Развѣ это не лучше всѣхъ человѣческихъ голосовъ, Іоганнесъ? Да, черный дроздъ умѣетъ взять настоящую ноту. Здѣсь все гармонія; такой полной гармоніи ты никогда не найдешь среди людей.

— А что такое гармонія, Виндекиндъ?

— Это то же, что счастье. Это то, къ чему все стремится—и люди тоже. Но они дѣлаютъ это всегда такъ, какъ мальчики, которые хотятъ поймать бабочку. Они пугаютъ ее своими грубыми пріемами.

— А я найду эту гармонію у тебя?

— Непремѣнно! Но ты долженъ забыть людей. Конечно, плохо родиться среди людей, но ты еще молодъ, ты долженъ отогнать отъ себя всякое воспоминаніе о твоей прежней жизни; среди людей ты бы впалъ въ заблужденія, раздоры и бѣды; съ тобой было бы то же, что съ тѣмъ молодымъ майскимъ жукомъ, о которомъ я тебѣ разсказывалъ.

— А что съ нимъ было послѣ?

— Онъ увидѣлъ тотъ яркій свѣтъ, о которомъ говорилъ старый жукъ, и подумалъ, что ничего лучшаго не можетъ сдѣлать, какъ тотчасъ же летѣть туда. И прямо влетѣлъ онъ въ свѣтлую комнату и попалъ въ руки людей. Три дня его тамъ мучили; онъ сидѣлъ въ бумажной коробочкѣ, ему привязывали ниточки къ лапкамъ и заставляли летать; тогда онъ вырвался, но потерялъ при этомъ крыло и лапку. И, наконецъ, въ то время, какъ онъ безпомощно карабкался по ковру, тщетно стараясь добраться до сада, онъ былъ раздавленъ чьей-то тяжелой ногой. Всѣ животныя, Іоганнесъ, которыя бродятъ и летаютъ ночью, тоже—подобно намъ—дѣти солнца. И хотя они никогда не видѣли своего блестящаго отца, тѣмъ не менѣе ихъ всегда тянетъ безсознательное воспоминаніе ко всему тому, что испускаетъ свѣтъ. И тысячи бѣдныхъ существъ тьмы находятъ ужасную смерть, благодаря этой любви къ солнцу, отъ котораго они давно оторваны и отчуждены. Также точно и людей влечетъ непонятное

Digitized by Google

и непреодолимое стремленіе къ призракамъ того безконечнаго свѣта, который хотя и призвалъ ихъ къ жизни, но котораго они болѣе не видятъ.

Вопросительно смотрѣлъ Іоганнесъ въ глаза Виндекинду. Они были глубоки и полны таинственности, какъ звѣзды на темномъ небѣ.

— Какой же это безконечный свѣтъ, Виндекиндъ? И какъ я къ нему долженъ стремиться?

— Іоганнесъ, это похоже на то, еслибы плесень спросила меня, какъ называется земля, которая вертится вмѣстѣ съ ней. А еслибы даже и былъ отвѣтъ на твой вопросъ, то ты настолько же понялъ бы его, сколько червякъ понимаетъ въ музыкѣ сферъ. Но стремиться къ свѣту я тебя научу.

И онъ полетѣлъ вмѣстѣ съ маленькимъ Іоганнесомъ, глубоко задумавшимся надъ словами Виндекинда, изъ лѣса, и поднялся такъ высоко, что надъ дюнами показалась длинная золотая блестящая полоса. Они летѣли дальше; фантастически затемненный ландшафтъ дюнъ мелькалъ передъ ихъ взорами, а свѣтовыя полосы становились все шире. Зеленый цвѣтъ дюнъ исчезъ, поблекъ береговой тростникъ, и странныя блѣдно-голубыя растенія, казалось, росли среди него. Еще рядъ холмовъ, длинная узкая полоса песку, и затѣмъ—далекое могучее море. Вся поверхность его была синяя, вплоть до далекаго горизонта, подъ солнцемъ же сіяла узкая, ярко-красная полоса.

Длинной бѣлой полосой пѣны окаймлялось море, походя на синій бархатъ, обшитый горностаемъ.

А на горизонтѣ тянулась нѣжная, удивительная линія воздуха и воды. Она казалась чудомъ: прямая и въ то же время изогнутая; ясная и въ то же время неопредѣленная; видимая и все же непостижимая. Это напоминало звукъ арфы, дрожащій долго и мечтательно, повидимому исчезающій и все-таки неуловимый. Іоганнесъ усѣлся на склонѣ дюнъ и сталъ смотрѣть; онъ смотрѣлъ долго не двигаясь и безмолвно, до тѣхъ поръ, пока ему не показалось, что онъ долженъ умереть, что большія золотыя двери всего міросданія раскрылись передъ нимъ, а его маленькая душа какъ бы полетѣла на встрѣчу первому лучу безконечнаго свѣта, пока земныя слезы, выступившія на его широко раскрытыхъ глазахъ, окутали пеленою чудное солнце, а великолѣпіе неба и земли отступило въ темныя, дрожащія сумерки...

Съ голландскаго перев. Е. Н. Половцова.

Digitized by Google

ВТОРОЙ ГОДЪ
ГОРОДСКИХЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВЪ
ВЪ МОСКВѢ

Недавно вышли изъ печати послѣдніе отчеты, представленные московской городской думѣ участковыми попечительствами о бѣдныхъ за 1896-ой годъ, — второй годъ ихъ дѣятельности. Содержаніе этихъ отчетовъ должно, конечно, интересовать главнымъ образомъ московское городское управленіе и лицъ, стоящихъ близко къ попечительствамъ, но ихъ дѣятельность, пока, представляетъ собою единственный опытъ организованнаго городского призрѣнія, а потому пріемы, условія и успѣхъ его имѣютъ значеніе и внѣ предѣловъ Москвы. Съ этой только стороны общаго интереса мы и намѣрены коснуться упомянутыхъ отчетовъ.

Самые отчеты представляютъ собою цѣлую кипу красиво изданныхъ Городскою типографіей брошюръ въ 1.280 страницъ, или 80 печатныхъ листовъ. Какъ видно, уже одно составленіе этихъ отчетовъ потребовало не мало добровольнаго труда и усердія отъ множества лицъ. Но какъ оцѣнить тотъ трудъ и то самопожертвованіе, слѣды котораго отмѣчены на этихъ страницахъ?!

Цифры разсмотрѣнныхъ прошеній, выданныхъ пособій, принятыхъ въ богадельни и пріюты, престарѣлыхъ лицъ и дѣтей, не могутъ дать объ этомъ понятія. Незримо для другихъ, мало ощутительно для цѣлаго, вполнѣ безкорыстно, такъ какъ безъ всякаго разсчета хотя бы на то, что оно будетъ кѣмъ-нибудь признано,—дѣлается здѣсь добро, влагается въ дѣло душа. И лишь

Digitized by Google

въ рѣдкихъ, выдающихся случаяхъ, отчеты выставляютъ чье-нибудь имя, выражая благодарность сотруднику. Такъ, мы читаемъ въ отчетѣ I-го Рогожскаго попечительства: „Особенно энергично потрудилась въ обходѣ обывателей сотрудница А. И. И. Принимая весьма дѣятельное участіе въ опросахъ бѣдныхъ и занятіяхъ совѣта, А. И. И. являлась передъ обывателями горячимъ, убѣжденнымъ ходатаемъ о нуждахъ попечительства, и ей весьма нерѣдко удавалось вербовать ихъ въ ряды членовъ. Ея разнообразные и полезные труды попечительству оцѣнены представленіемъ ея въ члены совѣта послѣдняго, который съ своей стороны предлагаетъ нынѣ общему собранію выразить уважаемой А. И. И. свою глубокую благодарность за энергическую и плодотворную дѣятельность".

Не имѣя возможности поименовать въ нашемъ обзорѣ и другія лица изъ числа членовъ совѣта и сотрудниковъ, дѣятельность которыхъ особенно отмѣчена въ отчетахъ, мы можемъ только указать тѣ рамки, въ предѣлахъ которыхъ она совершалась.

I.

Всѣхъ членовъ въ совѣтахъ отдѣльныхъ попечительствъ числится по отчетамъ 250, не считая почетныхъ; сотрудниковъ и сотрудницъ — 1.506. Совѣты 22-хъ попечительствъ имѣли въ 1896 году 567 засѣданій, при чемъ число засѣданій въ отдѣльныхъ попечительствахъ колеблется между 24 и 35, лишь въ двухъ случаяхъ (46 и 54) превышая послѣднее число. Въ пяти отчетахъ число засѣданій не показано. Число сотрудниковъ распредѣляется весьма неравномѣрно между попечительствами. Оно доходило только до 14 въ трехъ попечительствахъ, изъ которыхъ два на окраинѣ города; одно въ самомъ центрѣ—такъ-называемомъ *Городѣ*; въ 11 оно — между 21 и 50; въ 10 оно— между 50 и 100, и въ трехъ выше 100; всего выше въ Арбатскомъ, гдѣ на два полицейскихъ участка показано сотрудниковъ 164. Но по этимъ числамъ невозможно еще судить о силахъ, которыми располагаютъ попечительства, такъ какъ они весьма различны по количеству полицейскихъ участковъ, ими обнимаемыхъ, по числу нуждающихся и по раскинутости ихъ. А главное—то, что число сотрудниковъ, названныхъ въ отчетѣ, не всегда выражаетъ собою количество дѣйствующихъ лицъ. Такъ, въ одномъ отчетѣ мы читаемъ: цифра сотрудниковъ, предложившихъ свой трудъ, собственно по обслѣдованію бѣд-

Digitized by Google

ныхъ, не превышала 38, изъ которыхъ принимало болѣе или менѣе близкое и дѣятельное участіе въ дѣлахъ не болѣе 20 человѣкъ. При населеніи въ 66.000 (попечительство находится на окраинѣ и обнимаетъ два полицейскихъ участка) такая цифра сотрудниковъ едва ли можетъ свидѣтельствовать объ отзывчивости къ нуждамъ попечительства со стороны мѣстныхъ обывателей".

При такихъ условіяхъ, въ какихъ находится выше указанное попечительство, было бы затруднительно дробить его на опредѣленные участки, передаваемые въ завѣдываніе отдѣльныхъ сотрудниковъ; въ большинствѣ же случаевъ, попечительства подраздѣлены на болѣе мелкіе участки, отъ 6 до 22 на полицейскій участокъ, такъ что всего отдѣльныхъ участковъ показано въ отчетахъ 274; эти 274 участка приходятся на 15 попечительствъ, обнимающихъ 23 изъ 40 полицейскихъ участковъ Москвы.

Какъ много, при раздробленіи попечительства на постоянные участки, зависитъ отъ энергіи руководителя и хорошаго подбора сотрудниковъ—показываетъ примѣръ самаго крупнаго попечительства,—Лефортовскаго, находящагося на окраинѣ города и обнимающаго *три* полицейскихъ участка. Оно разбито на 38 участковъ. Объ этой организаціи сказано въ отчетѣ такъ: „за два года нашей дѣятельности попечительство имѣло возможность убѣдиться въ томъ, что принятый порядокъ дробленія района дѣятельности попечительства на мелкіе участки, передаваемые въ завѣдываніе отдѣльныхъ сотрудниковъ—самый цѣлесообразный. Порядокъ этотъ даетъ попечительству полную возможность основательно изучить мѣстное бѣднѣйшее населеніе участка и всесторонне ознакомиться съ его нуждами. Сотрудникъ, завѣдующій участкомъ, входитъ постоянно и непосредственно во всѣ нужды бѣдняковъ своего участка и потому имѣетъ возможность дать попечительству указанія о томъ, въ какой формѣ и въ какой степени должна быть оказана помощь бѣдняку. Это же общеніе сотрудника съ бѣдняками даетъ попечительству возможность отличить лицъ истинно нуждающихся въ поддержкѣ—отъ лицъ, хотя и обращающихся за благотворительностью, но ея недостойныхъ".

Самое дѣлопроизводство весьма сходно во всѣхъ попечительствахъ. Въ очередныя засѣданія совѣта почти вездѣ приглашаются всѣ сотрудники. Такъ какъ при новизнѣ дѣла самое дѣлопроизводство въ засѣданіяхъ можетъ представлять интересъ при организаціи общественнаго призрѣнія въ другихъ городахъ, то мы приведемъ типическое изображеніе его по отчету Лефор-

Digitized by Google

товскаго попечительства. Дѣла докладываются предсѣдателемъ; состоявшееся по дѣлу постановленіе записывается въ соотвѣтствующемъ опросномъ листѣ однимъ изъ присутствующихъ сотрудниковъ, временно принимающимъ на себя обязанности секретаря, и подписывается предсѣдателемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣтъ постановленіемъ своимъ отказываетъ просителю въ удовлетвореніи его ходатайства, онъ оповѣщается о томъ особымъ печатнымъ объявленіемъ, отсылаемымъ ему почтою тотчасъ же по окончаніи засѣданія. Когда состоявшееся постановленіе требуетъ письменныхъ сношеній, исполненіе его поручается предсѣдателю. Состоявшееся постановленіе объ оказаніи денежнаго пособія поручается для исполненія сотруднику, производившему разслѣдованіе по данному дѣлу. Деньги, подлежащія выдачѣ сотруднику, передаются ему тутъ же въ засѣданіи однимъ изъ членовъ совѣта, временно принимающимъ на себя обязанности казначея. Въ полученіи денегъ сотрудникъ расписывается на опросномъ листѣ подъ состоявшимся постановленіемъ.

Подвести точный цифровой *итогъ* общей дѣятельности городскихъ попечительствъ по отношенію къ количеству полученныхъ ими и удовлетворенныхъ просьбъ о помощи, къ сожалѣнію, невозможно, потому что не всѣ отчеты заключаютъ въ себѣ необходимыя для этого данныя, а затѣмъ и потому, что въ этомъ отношеніи еще не выработалась однообразная и точная форма отчетности. Въ этотъ отношеніи городскому управленію надлежитъ дать попечительствамъ соотвѣтствующую инструкцію. Причиною замѣшательства являются такъ-называемыя *повторныя* просьбы: многія лица обращаются въ попечительство по нѣсколько разъ за помощью, такъ что число зарегистрованныхъ опросныхъ *листовъ* превышаетъ число *лицъ*; а затѣмъ въ числѣ *новыхъ* лицъ, подавшихъ прошеніе о помощи въ 1896 г., было много такихъ, которыя обращались за помощью или получали ее въ предшествовавшемъ году. Въ отдѣльныхъ отчетахъ не всегда можно разобраться въ этомъ отношеніи и найти цифры соотвѣтствующихъ категорій. Какъ образчикъ очень обстоятельнаго и точнаго отчета, приведемъ выдержку изъ брошюры II-го Прѣсненскаго попечительства; она же даетъ наглядное представленіе о громадной работѣ, выпадающей на долю многихъ попечительствъ, особенно на окраинѣ.

Во II-ое Прѣсненское попечительство (съ однимъ участкомъ) за отчетный годъ обратилось 1.162 лица, изъ которыхъ 614 чело-

Digitized by Google

вѣкъ обратились впервые въ 1896 г., а 548 лицъ уже обращались въ предшествовавшемъ году. Но такъ какъ многіе изъ числа 1.162 лицъ обращались по нѣскольку разъ, то число просьбъ превышаетъ число просителей на 1.740, и всего просьбъ о помощи въ 1896 году поступило 2.902. Изъ этихъ 2.902 просьбъ 1.187 было отъ 548 лицъ, обращавшихся въ 1895 г., и 1.015—отъ 614 новыхъ просителей.

Изъ упомянутыхъ 1.162 лицъ не было оказано пособія 238 лицамъ, изъ которыхъ 199 лицъ обратились впервые въ 1896 г., а 39 лицъ обращались въ 1895 и въ 1896 г. по нѣскольку разъ, но имъ, несмотря на упорное съ ихъ стороны обращеніе, было въ пособіи отказано, такъ какъ то были лица или занимающіяся нищенствомъ, или люди, оказавшіеся имѣющими возможность прожить безъ помощи попечительства. Остальнымъ 924 лицамъ попечительство оказывало пособіе или ежемѣсячно, или же по мѣрѣ надобности.—Сравнивая число лицъ, сказано въ отчетѣ,—обращавшихся въ 1895 г. (1.903), съ числомъ лицъ, обращавшихся въ 1896 г. (1.162), видно, что въ 1895 г. число обратившихся было больше, нежели въ 1896 г., на 741 лицо, причемъ изъ 1.903 лицъ продолжали обращаться въ 1896 г. только 548 лицъ. Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ можно заключить, что бо̀льшая часть нуждающихся во II-мъ Прѣсненскомъ участкѣ не являются такими, которые требуютъ постоянной помощи, и что въ попечительство обращаются за временной помощью—впредь до пріисканія постояннаго заработка преимущественно.

Но и этотъ обстоятельный отчетъ даетъ поводъ къ недоумѣнію: попечительство содержало въ свой богадельнѣ 20 призрѣваемыхъ, и въ дѣтскомъ пріютѣ—25 дѣтей! Повидимому, эти 45 лицъ не включены, или не всѣ включены въ число тѣхъ 924 лицъ, о которыхъ отчетъ говоритъ, что имъ было оказываемо пособіе ежемѣсячно или по мѣрѣ надобности.

Весьма точныя данныя представляетъ также Басманное попечительство (съ двумя участками).

Въ теченіе 1896 г. обратилось за помощью всего 674 лица.

Въ этомъ числѣ лицъ, получившихъ пособіе въ 1895 г. . . .	280
„ „ „ „ которымъ было отказано въ 1895 г. . .	72
„ „ „ „ обратившихся впервые въ 1896 г. . .	322
Итого . .	674
Оказана помощь въ томъ или другомъ видѣ лицамъ	540
Отказано въ пособіи по разнымъ причинамъ	80
Не разсмотрѣно, за ненахожденіемъ просителей по указанному адресу или другимъ причинамъ, заявленій	54
Итого . .	674

Digitized by Google

И тутъ однако не оговорено, сколько изъ числа 29 призрѣваемыхъ въ богадельнѣ и 46 дѣтей въ пріютѣ, входятъ въ число 540 лицъ, которымъ „оказана помощь въ томъ или другомъ видѣ".

Въ отчетѣ I-го Рогожскаго попечительства (два участка) мы находимъ:

„Просьбъ о той или иной помощи, въ томъ числѣ и отъ 567 лицъ, обращавшихся въ 1895 году, за отчетный годъ поступило отъ 1.048 лицъ" (опросныхъ листовъ?):

	Опросныхъ листовъ.
Изъ нихъ обслѣдовано и провѣрено сотрудниками на мѣстѣ и разсмотрѣно совѣтомъ	831
Обслѣдовано, но еще не разсмотрѣно совѣтомъ	45
Оставлено безъ послѣдствій, за выбытіемъ просителей изъ района попечительства	16
За нерозыскомъ просителей	63
За смертью просителей	5
За отказомъ просителей отъ пособія, по случаю поступленія въ благотворительныя учрежденія и на мѣста	7
Выдано было сотрудникамъ для обслѣдованія	81
Итого	1.048

	Опросныхъ листовъ.
Изъ числа обслѣдованныхъ и разсмотрѣнныхъ совѣтомъ были признаны подлежащими удовлетворенію	724
Не подлежащими удовлетворенію	107
Итого	831

Иногда сообщенныя свѣдѣнія бываютъ очень кратки. Такъ, мы читаемъ, что за отчетный годъ въ одно попечительство обратилось съ просьбами о помощи 544 лица. Къ концу года всѣхъ лицъ обращавшихся было зарегистровано 2.054. Пособіе въ той или въ другой формѣ выдавалось въ теченіе года 420 лицамъ или семействамъ. Въ другомъ отчетѣ мы читаемъ, что вновь обратилось за помощью 949; изъ нихъ получили помощь въ той или другой формѣ 883. Но прибавлено: „необходимо замѣтить, что число получавшихъ пособіе должно быть увеличено, такъ какъ въ него не вошли лица, которыя получали пособіе съ прошлаго года".

Въ третьемъ попечительствѣ показано, что удовлетворены пособіемъ 405, но сколькимъ отказано въ пособіи, по принятой въ этомъ попечительствѣ системѣ, вовсе не зарегистровано.

Digitized by Google

	Мужч.	Женщ.	Всего.
Мѣщане московскіе	15	177	192
„ иногородные	13	209	222
„ неизвѣстные	—	12	12
Цеховые московскіе	5	68	73
„ иногородные	11	3	14
Крестьяне	76	582	658
Солдаты и ихъ жены	34	226	260
Купцы	—	2	2
Чиновники	5	32	37
Лица духовнаго званія	2	5	7
Почетные граждане	3	6	9
Дворяне	4	14	18
Военные и ихъ жены	1	2	3
Иностранные подданные	—	1	1
Неизвѣстнаго званія	1	9	10
Итого	170	1.348	1.518

По профессіямъ эти просители составляли:

Прислуга	15%
Ремесленники	30 „
Фабричные	11 „
Жившіе случайными занятіями	20 „
Интеллигентный трудъ	2 „
Прочія занятія	12 „
Безъ занятій	10 „

Въ отчетѣ Басманнаго попечительства 540 лицъ, которымъ была оказана помощь, распредѣлены слѣдующимъ образомъ по возрасту и семейному положенію:

		Ж.	М.
а)	2 лица въ возрастѣ до 10 лѣтъ	2	1
	10 „ „ „ „ 20 „	7	3
	55 „ „ „ „ 30 „	51	4
	112 „ „ „ „ 40 „	105	7
	100 „ „ „ „ 50 „	87	15
	122 „ „ „ „ 60 „	105	17
	108 „ „ „ „ 70 „	88	20
	31 „ „ „ „ 80 „	28	3
	Итого	473	67

б)	семейныхъ	144 лица, при нихъ дѣтей	359
	вдовцовъ съ дѣтьми	9 „ „ „ „	20
	вдовъ	163 „ „ „ „	371
	женъ, покинутыхъ мужьями	22 „ „ „ „	23
	одинокихъ мужчинъ	26 „ „ „ „	—
	„ женщинъ	174 „ „ „ „	2
	„ дѣтей	2 „ „ „ „	2
	Итого	540 лицъ, при нихъ дѣтей	775

Digitized by Google

Наибольшую важность для характеристики бѣдствующаго населенія имѣетъ установленіе причинъ бѣдности; ее же и особенно трудно опредѣлить. Соотвѣтствующую табличку мы находимъ въ отчетѣ III-го Мѣщанскаго попечительства:

		Въ %
Недостатокъ заработка	114	22,7
Старость „	113	22,5
Болѣзнь работника	111	22,3
Смерть работника	68	13,5
Потеря мѣста	36	8,7
Пожаръ	11	2
Выходъ замужъ	3	0,5
Смерть ребенка	1	0,1
Безъ уважительной причины . . .	44	8,7
Итого . .	501	100

II-ое Сущевское попечительство вывело на справку, что въ числѣ лицъ, обратившихся къ нему за помощью, было 16 пришлыхъ, въ среднемъ возрастѣ—болѣе 70 лѣтъ, изъ которыхъ 13 живутъ въ Москвѣ менѣе 2 лѣтъ, одинъ 6 лѣтъ, но прибылъ въ Москву въ *возрастѣ свыше 60 лѣтъ*, и только двое прожили по 7 лѣтъ. Въ числѣ этихъ 16 лицъ, у 10 есть дѣти въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ, живущія самостоятельно, при чемъ 4 ведутъ свои хозяйства въ деревняхъ. Попечительство сдѣлало отсюда выводъ, „что означенные просители пришли въ Москву на прокормленіе и чтобы устроить себя на склонѣ своихъ лѣтъ,—другими словами, что деревня, взявъ силы и трудъ у работника, шлетъ обезсиленнаго, неспособнаго къ труду—на попеченіе благотворительности Москвы".

До сихъ поръ, т.-е., и во второй годъ дѣятельности попечительствъ, къ нимъ иногда обращаются за помощью люди вполнѣ обезпеченные.

Отчетъ II-го Сущевскаго попечительства приводитъ въ этомъ отношеніи три характерныхъ случая. Къ нему, напр., обратилась женщина 28 лѣтъ, мужъ которой содержитъ ломовой извозъ и имѣетъ годовой оборотъ въ 2.400 р.,—на томъ основаніи, что черезъ попечительство возможно получить вспомоществованіе. Г., 30 лѣтъ, имѣющій свое ящичное заведеніе, за помѣщеніе котораго платитъ 480 руб., обратился съ просьбой о пособіи на содержаніе своей матери, проживающей у него и присматривающей за дѣтьми и хозяйствомъ. Т., мужъ 31 г., и жена 30 лѣтъ, имѣющіе свое башмачное заведеніе, обратились теперь за помощью потому, „что до сихъ поръ не знали, что можно обращаться въ попечительство".

Digitized by Google

Но *не знаютъ* этого и многіе другіе, которымъ *нужна* помощь, и не мало пройдетъ еще времени, когда все населеніе на окраинѣ будетъ знать, что въ безвыходной нуждѣ можно обращаться къ попечительству,—и когда еще оно будетъ знать, *куда* идти! И теперь бываютъ случаи, что женщина, обремененная дѣтьми и больнымъ мужемъ, безъ куска хлѣба, обращается случайно въ другомъ концѣ города къ какому-нибудь благотворителю, о добротѣ котораго ей „говорили“, и тотъ направитъ ее въ попечительство. Въ отчетахъ можно встрѣтить указаніе на поразительные случаи заброшенности и нужды. II-ое Рогожское попечительство, проводя мысль о необходимости устройства богаделенъ для престарѣлыхъ, приводитъ нѣсколько такихъ случаевъ изъ своей практики: 60-ти-лѣтняя, одинокая, больная старуха, къ работамъ неспособна съ дѣтства, отморожены и отняты пальцы на обѣихъ рукахъ; кромѣ того, ее мучитъ удушье; весь свой горькій вѣкъ живетъ изъ милости, кормится тѣмъ, что̀ подадутъ сосѣди и жильцы. Старуха 90-ти лѣтъ, у которой, за слабостью, старчествомъ и слабоуміемъ, нельзя добиться ни одного слова; она давно уже потеряла зрѣніе, плохо слышитъ, плохо понимаетъ; ея *уголъ* помѣщается въ какомъ-то зловонномъ клоакѣ, въ которомъ свѣжему человѣку не пробыть и пяти минутъ. Другая одинокая старуха 83-хъ лѣтъ не имѣла даже угла или койки и помѣщалась на печкѣ. Докторъ, ее посѣтившій, выражалъ удивленіе, какъ могла она существовать въ своемъ грязномъ и сыромъ, подвальномъ помѣщеніи, совсѣмъ лишенномъ свѣта! „Но,—сказано въ отчетѣ,—существуютъ, къ сожалѣнію, и въ болѣе худшей обстановкѣ. Одна старуха, принятая въ нашъ пріютъ, помѣщалась прямо *подъ* кроватью, на сыромъ, грязномъ, холодномъ полу подвала; платить за ночлегъ ей было нечѣмъ, а туда сердобольная коечница пустила ее даромъ“.

Приведшее эти случаи попечительство справедливо заключаетъ: „Необходимость общественнаго призрѣнія вполнѣ очевидна“. Но не всегда нужда принимаетъ такія *элементарныя* формы; не всегда дѣло въ томъ, чтобы пріютить на склонѣ лѣтъ, дать, такъ сказать, спокойно умереть: чаще приходится думать, какъ обезпечить возможность *жить*, оправиться, выростить, воспитать,—и общественному призрѣнію приходится разнообразить, смотря по обстоятельствамъ, способы помощи. Чтобы познакомить свой участокъ съ тѣмъ, *кому* приходятъ на помощь попечительства, и на что̀ тратятся ихъ средства, II-ое Хамовническое попечительство издало подъ заглавіемъ — „Кому помогаютъ попечительства“,—

Digitized by Google

особую брошюру, съ описаніемъ жизненныхъ условій прошлаго и причинъ обѣднѣнія 63 лицъ изъ числа тѣхъ, кому оно помогало.

II.

Какъ извѣстно, правильно организованное общественное призрѣніе проявляется въ двухъ *видахъ* помощи: въ *закрытомъ* призрѣніи (in door relief), въ особыхъ, постоянныхъ учрежденіяхъ, и въ выдачѣ пособій *на волю* (out door), постоянныхъ или единовременныхъ. Понятно, что помощь въ особыхъ учрежденіяхъ, наиболѣе пригодна для двухъ окраинъ человѣческой жизни—для старчества и для дѣтскаго возраста. Въ обзорѣ дѣятельности московскихъ городскихъ попечительствъ за первый годъ („Вѣстн. Европы", 1896 г., окт.) уже было указано на важную заслугу ихъ—на устройство цѣлаго ряда небольшихъ дешевыхъ богаделенъ, дешевизна которыхъ, сравнительно съ прежними, обусловливалась тѣмъ, что онѣ устраивались безъ затраты капитала на постройку дома, и что онѣ обходились безъ дорого стоющаго административнаго персонала. Къ концу 1895 года такія богадельни были устроены въ 17 попечительствахъ на 668 призрѣваемыхъ. Въ слѣдующемъ году число попечительствъ увеличилось на 4, а общее число призрѣваемыхъ ими на 50 — всего 718. Первоначальный типъ дешевой, обходящейся безъ экономa и прислуги богадельни, удерживается лишь въ одномъ случаѣ; а въ одномъ изъ центральныхъ попечительствъ насъ поражаетъ высокая плата за квартиру—1.100 р. на 50 мѣстъ, и довольно высокая цифра содержанія. Въ большинствѣ случаевъ, стоимость содержанія держится ниже 5 р. въ мѣсяцъ, въ I-мъ Рогожскомъ—4 р. 20 к.

Къ богадельнѣ близко подходятъ по типу такъ-называемыя *коечныя квартиры*, устроенныя нѣкоторыми попечительствами (Арбатскимъ, I-мъ Прѣсненскимъ и др.), въ которыхъ одинокіе бѣдные обезпечиваются помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и водою. *Самые* нуждающіеся получаютъ и нѣкоторое пропитаніе. Койка при такихъ условіяхъ обходится попечительству 1 р. 25 к., 1 р. 49 к. (въ Арб.) и 1 р. 79 к. (I-ое Прѣсн.) въ мѣсяцъ, т.-е. дешевле, чѣмъ плата за квартиру, выдаваемая попечительствомъ. „Изъ этого видно, что коечная квартира вполнѣ оправдывается, такъ какъ при болѣе дешевой платѣ, въ которую обходится попечительству каждая койка, бѣдные получаютъ жилье, несравненно лучшее въ санитарномъ отношеніи, чѣмъ въ тѣхъ подвалахъ, въ которыхъ бѣдные обыкновенно нанимаютъ себѣ койки" (Арб.

Digitized by Google

попеч.). „Учрежденіе это оказывается весьма цѣлесообразнымъ и требованіе на помѣщеніе въ койки большое“ (I-ое Прѣсн. попеч.).

Наиболѣе сочувствія вызываютъ къ себѣ въ средѣ попечительствъ и наиболѣе привлекаютъ особыхъ пожертвованій *дѣтскіе пріюты*. Они имѣютъ цѣлью дать дѣтямъ пріютъ на *день*, частью для того, чтобы предоставить матерямъ возможность свободно отлучаться на работу, частью же для того, чтобы поставить дѣтей въ лучшую гигіеническую и нравственную обстановку. Но нерѣдко въ силу вещей дневные пріюты для одной части дѣтей становятся пріютами постоянными. Въ пріютѣ II-го Мясницкаго попечительства, изъ числа 30 постоянныхъ посѣтителей его, 19 взяты въ ночлежныхъ домахъ; оттуда же взята круглая сирота. Какимъ образомъ жизнь понуждаетъ попечительство отступать отъ правилъ яслей, показываютъ слѣдующіе примѣры изъ отчета II Рогожскаго попечительства. Мать-вдова, работавшая на фабрикѣ, попала въ машину и была отправлена въ больницу. Дѣтей, конечно, пришлось оставлять въ пріютѣ и на ночь. Изъ одного семейства ходило двое дѣтей, братъ и сестра. У брата, мальчика двухъ лѣтъ, сдѣлалась болѣзнь, потребовавшая изоляціи сестры. Куда же было дѣвать дѣвочку? Отецъ 7-лѣтняго мальчика осужденъ на два года въ арестантскія роты. Мать, потрясенная горемъ, заболѣваетъ, ее отвозятъ въ больницу, гдѣ она вскорѣ и умираетъ. Мальчикъ остается безъ призора, на рукахъ полиціи. Въ одномъ семействѣ есть и отецъ, но онъ пьетъ безъ просыпа; матери (прачкѣ) случается работать дня 2 — 3 подъ рядъ въ другомъ концѣ города. А съ отцомъ оставлять дѣтей нельзя; они ночуютъ въ пріютѣ.

То же попечительство сообщаетъ интересныя данныя о благодѣтельномъ вліяніи жизни въ пріютѣ на дѣтей.

Дѣвочка Зинаида при поступленіи въ ясли была такъ забита, что смотрѣла идіоткой: посадятъ ее—сидитъ, поведутъ—идетъ; произвольныхъ движеній почти не дѣлала. Теперь дѣвочка бѣгаетъ, играетъ, смѣется и даже вступаетъ въ разговоръ. То же было съ другой дѣвочкой, страшно запуганной. По поступленіи въ „Ясли“, разбивъ чашку, она бросилась бѣжать; ее поймали уже на лѣстницѣ, блѣдную, дрожавшую, съ глазами полными слезъ, и съ трудомъ увѣрили, что наказанія не будетъ. Агнія—ребенокъ больше года, который не только не ходилъ, но даже не ползалъ, вслѣдствіе сильно развившейся англійской болѣзни. Пробывъ въ „Ясляхъ“ три мѣсяца, дѣвочка стала поправляться, стала ходить и потомъ сдѣлалась совершенно свѣженькимъ, здоровенькимъ ребенкомъ. Степанъ былъ приведенъ въ „Ясли“ такимъ дикимъ и

Digitized by Google

грубымъ, что по цѣлымъ днямъ отъ него нельзя было добиться слова; смотрѣлъ исподлобья и подходившихъ къ нему дѣтей отпихивалъ и даже билъ. Теперь—читаетъ, поетъ вмѣстѣ съ другими молитвы и стихи, и, по словамъ матери, совсѣмъ измѣнился: сдѣлался вѣжливъ, поумнѣлъ, а раньше былъ звѣрь-звѣремъ. Иванъ, за переполненіемъ пріюта, какъ старшій по возрасту, былъ исключенъ изъ пріюта, чтобы дать мѣсто болѣе безпомощному малюткѣ. Это такъ огорчило привязавшагося къ „Яслямъ“ ребенка, что, въ день объявленія ему рѣшенія, онъ не могъ обѣдать и все плакалъ. А будучи исключенъ, приходилъ гулять подъ окнами „Яслей“ и простаивалъ у дверей, пока его изъ жалости не впускали въ пріютъ.

Повидимому, не всѣ попечительства строго держатся принципа устроивать лишь дневные пріюты и только въ исключительныхъ случаяхъ оставлять дѣтей на ночь или брать ихъ совершенно на свое попеченіе. Отступленіе отъ этого принципа даетъ себя весьма скоро чувствовать въ нежелательной формѣ. Такъ, I-ое Серпуховское попечительство жалуется, что „большинство родителей, отдавъ своихъ дѣтей въ пріютъ, совершенно почти не навѣщаютъ ихъ и совсѣмъ, повидимому, забыли думать о нихъ“...

Дѣятельность городскихъ попечительствъ по устройству дѣтскихъ пріютовъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, полезна тѣмъ, что возбуждаетъ иниціативу частныхъ людей и вызываетъ съ ихъ стороны устройство учрежденій, примыкающихъ къ попечительствамъ. Такъ, Арбатское попечительство, кромѣ своего собственнаго пріюта, располагаетъ деннымъ пріютомъ на 15 дѣтей, устроеннымъ сотрудницей г-жей Ю. П. Ѳоминской, которая содержитъ его на свои средства, безъ всякаго пособія со стороны попечительства. Всѣхъ дѣтей въ пріютѣ городскихъ попечительствъ въ концѣ 1896 года было 483—противъ 342 въ предшествовавшемъ году.

III.

Что касается до второго вида призрѣнія—пособій, выдаваемыхъ на *волѣ*, то по отчетамъ замѣчается извѣстное различіе во взглядахъ на него, сообразно съ характеромъ мѣстнаго населенія или съ убѣжденіями руководящихъ лицъ.

Въ первомъ отношеніи можно отмѣтить II-ое Мясницкое попечительство, которому приходится имѣть дѣло съ пестрымъ и подвижнымъ пятнадцати-тысячнымъ населеніемъ Хитрова рынка, состоящимъ изъ поденщиковъ, людей, ищущихъ занятій и праздно-

Digitized by Google

шатающихся, проводящихъ ночь въ окрестныхъ ночлежныхъ домахъ. Попечительство находитъ, что въ этомъ случаѣ не только единовременныя денежныя пособія, но и „самая помощь натурою, такъ сильно практикуемая прочими попечительствами, не можетъ имѣть серьезнаго значенія: не имѣетъ смысла выдавать пособіе билетами на полученіе хлѣба или говядины, чаемъ или платьемъ, если всѣ эти предметы первой необходимости могутъ быть пріобрѣтены на самомъ рынкѣ, по значительно удешевленнымъ цѣнамъ; здѣсь существуютъ особые торговцы, отпускающіе на 1 к. фунтъ чернаго хлѣба; на пятачокъ,—пару французскихъ булокъ; на 1 к.—чаю, сахару, варенаго картофеля,—словомъ, по цѣнамъ, значительно уступающимъ общимъ московскимъ; выдача же на руки припасовъ, съ другой стороны, нисколько не гарантируетъ попечительство отъ возможности „котировки“ выданныхъ припасовъ на хитровской биржѣ. Попечительству пришлось столкнуться, напримѣръ, съ фактомъ перепродажи за 80 коп. бандажа, стоившаго попечительству 5 р., человѣкомъ, который положительно не могъ двинуться безъ этого бандажа съ мѣста. Отчетъ не выясняетъ, почему съѣстные припасы на Хитровкѣ дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и едва ли предполагаемая попечительствомъ мѣра — устройство *своихъ* коечныхъ, безплатныхъ домовъ, принесетъ пользу, въ виду близости громадныхъ безплатныхъ ночлежныхъ домовъ — Городского и бр. Ляпиныхъ. Само попечительство, впрочемъ, признаетъ, что для „поднятія всей этой массы изъ нищеты и разврата нужны иныя мѣры“.

Нѣкоторыя другія попечительства, желая по возможности ограничить выдачу денежной помощи, организовали у себя помощь натурою. П-ое Прѣсненское попечительство съ этою цѣлью, по примѣру 1895 года, продолжало выдавать листки или книжки на руки бѣднымъ, для забора съѣстныхъ продуктовъ за счетъ попечительства въ обществѣ потребителей „Складчина“, поставивъ обществу въ условіе не выдавать ни вина, ни табаку и никакихъ предметовъ роскоши. Въ теченіе 1896 г., всѣхъ лицъ, которымъ были выданы такіе листки, было 345, на сумму 2.467 р., что̀ составляетъ почти двѣ-трети всей суммы (3.802), истраченной попечительствомъ на пособіе изъ своихъ денежныхъ средствъ (помимо учрежденій). Эта форма помощи признана попечительствомъ наилучшей, при чемъ попечительство ограничивало заборъ тѣмъ, что̀ „Складчина“ не имѣетъ права выдавать ежедневно больше той суммы, которая помѣчена на листкѣ. Такъ, напр., если лицо имѣетъ право брать провизію въ теченіе мѣсяца на 3 руб., то ежедневный заборъ не долженъ превышать 15 коп.

Digitized by Google

въ день. Сначала попечительство не ограничивало этой задачи, но вскорѣ оказалось, что бѣдные, получивъ такой листокъ, забирали въ одинъ или два раза на всю назначенную сумму и полученную, такимъ образомъ, провизію, перепродавали за полъцѣны, оставаясь при этомъ на весь мѣсяцъ уже безъ всякой поддержки.

Въ Пятницкомъ попечительствѣ наиболѣе распространеннымъ видомъ помощи, какъ и въ прошломъ году, была оплата квартиръ бѣдныхъ; размѣръ ея колебался между 3—5 р. въ мѣсяцъ семейнымъ, и 1 р. 50 к. — 2 р. одинокимъ. Взносъ денегъ за квартиры поручался сотрудникамъ, которые представляли въ попечительство квартирные листы съ подписью домохозяина, дворника или квартиродержателя. Въ теченіе отчетнаго года попечительство оплачивало квартиры 390 лицъ, преимущественно семейныхъ, израсходовавъ на это 6.576 р.

Вторымъ значительнымъ по размѣрамъ видомъ помощи въ этомъ попечительствѣ были пособія ежедневною выдачею хлѣба. Помощь эта примѣнялась въ случаяхъ, когда одна оплата квартиръ признавалась недостаточной, или когда проситель оказывался неспособнымъ къ какому-либо труду. Какъ самостоятельное пособіе, она назначалась семьямъ, заработокъ которыхъ не былъ достаточенъ для существованія, или когда пособіе оплатой квартиры признавалось нежелательнымъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ. Размѣръ выдачи разсчитывался по 1 фунту чернаго хлѣба на человѣка; дѣтямъ, больнымъ и престарѣлымъ назначался хлѣбъ бѣлый. Для полученія хлѣба, бѣдные снабжались особыми именными билетами и направлялись въ булочныя, вошедшія въ соглашеніе съ попечительствомъ. Пособіемъ этимъ пользовались въ отчетномъ году 263 лица, а расходъ на него составилъ сумму въ 2.146 р. 96 к. Эти двѣ крупныя статьи, на квартиры и на хлѣбъ, въ 8.722 р. исчерпываютъ почти весь расходъ попечительства; къ нимъ нужно прибавить 455 р. на лекарства и отправку въ больницы (т.-е. также пособіе натурою), и, затѣмъ, остается лишь 112 р., розданныхъ въ видѣ единовременныхъ денежныхъ пособій. Въ этотъ разсчетъ, конечно, не введены расходъ на богадельни и выдача пособій изъ % городскихъ, благотворительныхъ капиталовъ, согласно съ волею жертвователей.

Въ другихъ попечительствахъ помощь натурою составляетъ исключеніе. Такъ, по отчету Басманнаго попечительства, на помощь выдачей провизіи (хлѣба, молока, чаю, сахару и пр.), израсходовано было въ 1896 г.—246 р., тогда какъ на ежемѣ-

Digitized by Google

сячныя пособія деньгами выдано въ двадцать разъ больше — 4.822 р. Помощь натурою практиковалась, по словамъ отчета, въ тѣхъ случаяхъ, когда не было увѣренности, что вспомоществуемый не истратитъ непроизводительно выданныхъ ему денегъ. О пособіяхъ же деньгами отчетъ говоритъ, что преобладающая потребность въ помощи такого рода вытекаетъ изъ самаго положенія вещей, и назначеніе другого, а не денежнаго пособія, часто не представлялось возможнымъ. Отчетъ ссылается въ подтвержденіе на цѣлый рядъ лицъ изъ своей практики: это—или престарѣлые, одинокіе и больные, подчасъ убогіе люди, которымъ попечительство, по неимѣнію достаточныхъ средствъ, не можетъ дать у себя пріюта, и которые не всегда нуждаются въ полномъ призрѣніи; одни имѣютъ даровой уголъ, но не могутъ прокормиться, другіе—наоборотъ. Или же это—семья въ родѣ слѣдующей: „вотъ семья изъ 7 человѣкъ, глава ея сапожникъ, порядочный работникъ, но больной, большую часть времени проводящій въ больницѣ, и потому плохой кормилецъ семьи; чтобы не довести этой семьи до крайней нищеты, попечительство принуждено періодически, въ острыхъ случаяхъ, оказывать ей денежную помощь на удовлетвореніе одной изъ неотложныхъ ея нуждъ“.

IV.

Перейдемъ теперь къ другимъ, *спеціальнымъ* видамъ помощи, оказываемой попечительствами, не поддающимся общимъ цифровымъ итогамъ, такъ какъ они не во всѣхъ попечительствахъ одинаково развиты и не вездѣ выведены въ особыя статьи. Сюда относится:

1) *Врачебная помощь*, оказываемая мѣстнымъ бѣднымъ врачами, сотрудниками или спеціалистами по ходатайству попечительствъ. Въ связи съ этимъ находится и оплата попечительствами лекарствъ, отпускаемыхъ бѣднѣйшимъ лицамъ. Сюда же слѣдуетъ отнести также спеціальный пріютъ для бѣдныхъ хрониковъ, устроенный г-жей О. Н. Сиверсъ при Пречистенскомъ попечительствѣ, о которомъ уже была рѣчь въ нашемъ прошлогоднемъ обзорѣ. За время своего существованія онъ далъ призрѣніе 28 больнымъ и въ текущемъ году обошелся попечительству въ 1.572 р. Устройство такихъ пріютовъ является настоятельною необходимостью, такъ какъ въ числѣ старухъ, призрѣваемыхъ въ богадельняхъ, оказывается много хрониковъ, которыя

Digitized by Google

становятся часто въ невыносимую тягость для другихъ и не находятъ необходимаго имъ ухода.

2) Очень полезную и также не поддающуюся цифрамъ статью дѣятельности попечительствъ составляютъ сборъ и раздача пожертвованій одеждой и съѣстными припасами. Какъ важна эта дѣятельность, можно судить по отчету одного попечительства, которое расцѣнило выданные имъ предметы и вывело въ итогъ болѣе 700 р.

3) Въ особую статью можно свести случаи экстренной помощи, какъ-то: выкупъ заложенныхъ вещей, выправка паспортовъ, больничныхъ контръ-марокъ и т. п. ссуды, отправка на родину, погребеніе.

4) Не мало времени берутъ у попечительствъ ходатайства о помѣщеніи нуждающихся въ соотвѣтствующія учрежденія—больницы, общественныя и городскія богадельни, дѣтскіе пріюты, сиротскіе дома и т. п., переписка въ ихъ интересахъ съ разными учрежденіями и частными благотворителями.

5) Однимъ изъ важнѣйшихъ подспорій общественнаго призрѣнія является, безъ сомнѣнія, *трудовая помощь*. При недостаточномъ развитіи въ Москвѣ спеціальныхъ домовъ трудолюбія, попечительствамъ пришлось вдаваться и въ эту область благотворительности. Почти во всѣхъ отчетахъ есть указаніе, что попечительства старались доставлять нуждающимся работу; нѣкоторыя же изъ нихъ уже съ перваго года устроили для этого у себя особыя *мастерскія*, исключительно для женскаго труда—шитья. Судьба и характеръ этихъ мастерскихъ очень разнообразны, и кратковременный опытъ, ими доставленный, довольно поучителенъ. Какъ и въ предшествовавшемъ году, весьма успѣшно дѣйствовала мастерская при П-мъ Сущевскомъ попечительствѣ (2 участка на окраинѣ). Отчетъ за 1896 годъ показываетъ, что изготовленныхъ различныхъ предметовъ въ теченіе года было на 5.981 р., проданныхъ на 5.410 р., непроданныхъ (съ остаткомъ отъ 1895 г.) на 1.583 р. Вѣдомость заработной платы работавшимъ въ мастерской показываетъ заработокъ въ 533 руб., который распредѣляется весьма неравномѣрно между 26 лицами —отъ 15 коп. до 101 р. (за 196 проработанныхъ дней). Вѣдомость работавшихъ на дому показываетъ 778 руб. заработной платы, которые распредѣляются между 83 лицами, отъ 10 к. до 163 р. на одно лицо (за 121 день). Чистая прибыль въ пользу попечительства достигла суммы 943 руб. составляя 9,48% отъ всего оборота, и, по словамъ завѣдующей г-жи Е. М. Тютиной, главнымъ образомъ обязана уступкѣ въ 10% при по-

Digitized by Google

купкѣ матеріала въ складахъ товарищества Коншина, Викула Морозова и др. При такихъ условіяхъ нельзя не согласиться съ словами отчета, что эта швейная мастерская „начинаетъ принимать характеръ ремесленнаго учрежденія, служащаго посредникомъ между работодавцемъ и работникомъ, а сама работа, какъ производство, удовлетворяетъ предъявляемымъ требованіямъ въ техническомъ отношеніи, и швейная мастерская попечительства не только оказываетъ помощь въ формѣ заработка, но и становится учрежденіемъ содѣйствія развитію ремесленнаго труда, служащаго средствомъ обезпеченія въ жизни человѣка, способнаго къ работѣ".

Иной, по преимуществу благотворительный характеръ представляютъ прочія мастерскія. При I-мъ Прѣсненскомъ попечительствѣ, также на окраинѣ, содержатся двѣ швейныя мастерскія двумя благотворительными дамскими кружками. Одна получила за шитье вещей изъ чужого и своего матеріала 1.396 р., расхода же имѣла (на квартиру, матеріалъ и заработную плату) 1.714 р. Другая получила за работу 813 р., выдала же заработной платы 1.030 р., которые получены 60 женщинами въ размѣрахъ отъ 1 р. 95 к. до 60 рублей. II-ое Прѣсненское попечительство также имѣетъ мастерскую, дѣятельность которой значительно расширилась и развилась въ 1896 году. По отчету, „число желающихъ работать увеличилось; женщины болѣе привыкли къ требованіямъ работы; качество ихъ труда возвысилось, почему явилась возможность усилить пріемъ заказовъ". Въ мастерской работало 58 женщинъ, работы было на 106 руб. своей и на 1.351 р. по заказамъ,—всего на 1.457 р. Въ отчетѣ сказано, что содержаніе мастерской стоило 488 р., такъ что на каждый израсходованный рубль женщины получали 3 руб. Между тѣмъ, однако, въ общемъ отчетѣ показано, что получено пожертвованій на мастерскую на 524 р. и выдано на расходъ по мастерской 1.354 р. Пречистенское попечительство содержитъ мастерскую совмѣстно съ I-мъ Хамовническимъ, и содержаніе мастерской обошлось обоимъ 1.445 р. По отчету, въ теченіе года въ ней перебывало около 80 женщинъ, просившихъ работы; наибольшія выдачи заработной платы, отъ 48 р. до 50, приходились на мѣсяцы февраль, апрѣль, а наименьшія—отъ 6 до 10 р. Одновременно работало не меньше 5 и не больше 20 женщинъ. Общая сумма выданной заработной платы и распредѣленіе ея между перебывавшими въ мастерской 80 женщинами—не показано.

Но зато въ отчетѣ завѣдующей есть другія интересныя данныя. Задержку въ развитіи дѣятельности мастерской отчетъ ви-

Digitized by Google

дитъ въ томъ, что большинство просящихъ работы не умѣютъ за нее взяться, шьютъ медленно и настолько плохо, что работа ихъ никому непригодна. Почти всѣ ищущія работы женщины, по семейнымъ обстоятельствамъ, не могутъ приходить въ мастерскую и просятъ работы на домъ. „Стараясь удовлетворить этому требованію, мастерская сдѣлала опытъ раздачи работы на домъ; наибольшее движеніе въ мастерской совпало именно съ временемъ, когда заготовлялось въ прокъ большое количество простыхъ рубашекъ, косоворотокъ. Продолжая работать въ этомъ направленіи, мастерская могла бы расширить свою дѣятельность, могла бы дать даже плохой работницѣ заработокъ въ 5—6 р. въ мѣсяцъ, но тутъ является другой вопросъ,—куда дѣвать, кому продавать эти рубашки, подчасъ такъ изуродованныя во время шитья, что отъ покупки ихъ отказываются даже неприхотливые фабричные, которымъ ихъ уступали за самую дешевую цѣну, теряя не только плату за работу, но даже часть стоимости матеріала. Заготовленіе подобныхъ вещей требуетъ большой затраты капитала,—затраты, которая никогда и ничѣмъ не окупается и приноситъ еще тотъ вредъ, что поддерживаетъ плохихъ работницъ въ заблужденіи, будто онѣ могутъ иголкой зарабатывать себѣ хлѣбъ“.

Отчетъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что мастерская приноситъ свою долю пользы. Постоянными посѣтительницами ея являлись 6 женщинъ, для которыхъ ежедневное пребываніе въ теплomъ, свѣтломъ помѣщеніи само по себѣ было благодѣяніемъ. Одна изъ нихъ работала очень прилежно, но по лѣтамъ своимъ не могла работать много и стремилась въ богадельню. Другая, совсѣмъ неспособная, спасалась въ мастерской отъ сырости и темнаго угла, въ которомъ она живетъ; къ ней приходилъ ея 10-лѣтній сынъ, по окончаніи классовъ въ городскомъ училищѣ; двѣ бывшія наставницы также находили „временное успокоеніе“ въ помѣщеніи мастерской. Временнымъ пріютомъ служила мастерская и для другихъ женщинъ, работавшихъ тамъ случайно до пріисканія мѣста.

Сообщивъ эти факты, завѣдующая мастерской признаетъ ея пользу несомнѣнной, но ставитъ, однако, вопросъ: насколько эта польза соотвѣтствуетъ затратамъ на наемъ и содержаніе квартиры, на покупку машинъ и матеріала и т. п.?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ косвенно въ словахъ завѣдующей, а именно: по ея личному взгляду, одна Пречистенская часть (изъ центральныхъ) не даетъ достаточнаго контингента

Digitized by Google

приходящихъ рабочихъ, подходящихъ къ условіямъ тамошней мастерской.

Арбатское попечительство (также центральное) закрыло въ началѣ 1896 г. существовавшую при немъ мастерскую.

Немудрено, что въ такомъ новомъ и малоиспытанномъ дѣлѣ, какъ *трудовая помощь*, взгляды и пріемы у насъ недостаточно выяснились и установились. Несомнѣнно, что органы общественнаго призрѣнія не призваны устроивать швейныя и подобныя мастерскія для *постоянной* работы въ нихъ (или на нихъ) *настоящихъ* работницъ, входя этимъ путемъ въ конкурренцію съ личной предпріимчивостью. Такія учрежденія не вызываются необходимостью и могутъ быть вредны, если съ помощью благотворительности сбиваютъ или понижаютъ цѣны на трудъ. Трудовая помощь органовъ общественнаго призрѣнія можетъ ставить себѣ три главныя цѣли, весьма различныя. Удобно ли соединять ихъ въ одномъ и томъ же учрежденіи,—это зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Для *профессіональныхъ*, а также вообще для умѣлыхъ работницъ трудовая помощь со стороны органовъ призрѣнія должна имѣть характеръ лишь *временнаго* заработка, во время безработицы, или до пріисканія постояннаго занятія. Этотъ временный характеръ помощи долженъ быть строго выдержанъ. Трудовая помощь (въ мастерской ли, или работою, выданною на домъ) можетъ имѣть *дополнительный* характеръ, какъ пособіе, по постановленію попечительства, лицамъ, для которыхъ швейная работа не составляетъ постояннаго промысла, напр. матерямъ многочисленныхъ семействъ, вдовамъ съ дѣтьми, одинокимъ дѣвушкамъ, у которыхъ на рукахъ мать или больная сестра, и т. д. Въ этихъ случаяхъ, плата можетъ иногда не соотвѣтствовать качеству или количеству работы, т.-е. быть выше дѣйствительнаго заработка и имѣть характеръ благотворительный. Трудовая помощь можетъ имѣть еще характеръ прямо *благотворительный*, когда нуждающееся лицо по старости или болѣзненности не въ состояніи поддержать себя трудомъ, но еще можетъ немного работать. Въ этихъ случаяхъ плата за работу *должна* превышать дѣйствительную ея стоимость, и трудовая помощь является лишь *придаткомъ* къ пособію, необходимому, но нежелательному въ видѣ простой *милостыни*.

Къ учрежденіямъ двухъ послѣднихъ родовъ вполнѣ приложимы слова завѣдующей пречистенской мастерской: „Изъ своего опыта мы вынесли лишь то убѣжденіе, что ни одно предпріятіе такого рода не окупается; всѣ они стоютъ большихъ денегъ и всѣ даютъ заработокъ болѣе или менѣе фиктивный“. Но объ

Digitized by Google

этомъ и нечего жалѣть. Такія жертвы входятъ въ обязанность органовъ общественнаго призрѣнія. Нужно только и въ этихъ случаяхъ наблюдать за тѣмъ, чтобы трудовая помощь не обходилась самому попечительству несоразмѣрно дорого; чтобы, такъ сказать, каждый рубль, перепадающій нуждающейся работницѣ въ видѣ заработной платы, не стоилъ самому попечительству трехъ рублей, ибо при такихъ условіяхъ было бы легче и цѣлесообразнѣе не устроивать органовъ трудовой помощи, а непосредственно выдавать эти три рубля въ видѣ пособія нуждающимся.

Въ близкой связи съ *трудовою* помощью стоитъ другая отрасль дѣятельности попечительствъ — доставленіе занятій и мѣстъ. Всѣ попечительства болѣе или менѣе стараются объ этомъ, и во многихъ отчетахъ есть указаніе на достигнутые въ этомъ отношеніи результаты. Но три попечительства посвятили этому вопросу особенное вниманіе и устроили у себя, въ виду этой цѣли, особую организацію. Посредническая контора при Яузскомъ попечительствѣ доставила мѣста 80 лицамъ изъ 412, искавшихъ мѣста,—преимущественно прислугѣ; спросъ при этомъ превышалъ предложенія на 23. Обошлась эта контора самому попечительству въ 107 рублей.

Пречистенское попечительство содержало посредническую контору, совмѣстно съ I-мъ Хамовническимъ. Къ нимъ примкнуло и Арбатское, но затѣмъ отказалось отъ участія, такъ какъ въ теченіе семи мѣсяцевъ могло пристроить этимъ путемъ къ мѣсту только трехъ лицъ.

Дѣятельность пречистенской конторы выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Всѣхъ требованій съ 1896 г. по 1897 было 1.253; число лицъ, ищущихъ заработка, было, какъ и въ яузской конторѣ, ниже спроса—1.020. Число лицъ, получившихъ заработокъ—360. Спросъ былъ большею частью на женскую прислугу. Превышеніе спроса надъ предложеніемъ отчетъ объясняетъ тѣмъ, что въ контору обращались работодатели со всей Москвы, а ищущіе заработка—только изъ района двухъ попечительствъ. По словамъ отчета, подобное положеніе дѣла ведетъ къ нежелательному результату.

„Прислуга, видя большой выборъ мѣстъ, пользуется этимъ, повышаетъ свои требованія, мѣняетъ мѣста, договаривается и не приходитъ на мѣсто; иногда же просто отказывается идти, если мѣстность, куда приходится идти, не нравится ей. Выяснились изъ опыта особые нравы прислуги. Въ кварталѣ, гдѣ они

Digitized by Google

живутъ, у нихъ завязывается большое знакомство съ мясникомъ, съ лавочникомъ, съ трактирщикомъ, гдѣ имъ вѣрятъ въ долгъ. Поэтому изъ своего квартала они уходятъ неохотно. Такъ какъ при этомъ прислуга не стѣснена ни платой, ни какими другими условіями при полученіи заработка, то является извѣстное пренебреженіе къ работодателю". А если еще принять въ разсчетъ, что контора обошлась двумъ попечительствамъ въ 1.175 р., что составляетъ 3 рубля 25 к. расхода—въ Яузскомъ 1 р. 30 к.—за каждое доставленное мѣсто, то нельзя не согласиться съ словами отчета, что было бы гораздо желательнѣе, если бы дѣло это было обставлено иначе. Очевидно, было бы цѣлесообразнѣе устроить одну общую посредническую контору при городской управѣ, что обошлось бы дешевле и, можетъ быть, доставило бы менѣе непроизводительныя траты.

При обзорѣ дѣятельности попечительствъ приходится упомянуть еще о посреднической роли, которую они сами играютъ между городскимъ управленіемъ и бѣднымъ населеніемъ. Съ одной стороны, черезъ ихъ посредство происходитъ теперь раздача процентовъ съ благотворительныхъ капиталовъ, завѣщанныхъ жертвователями съ спеціальнымъ назначеніемъ. Первое мѣсто занимаютъ тутъ капиталы, завѣщанные Великолѣповой и Молчановымъ для раздачи два раза въ годъ къ праздникамъ по 25 р. Этимъ способомъ раздается въ годъ болѣе 25.000 р.—тысячи съ лишнимъ лицамъ. Съ другой стороны, попечительства собираютъ справки для городского присутствія по разбору просящихъ милостыню—о лицахъ, арестованныхъ за нищенство.

Наконецъ, на попечительства была возложена экстренная обязанность, по случаю совершившагося въ прошломъ году коронованія. Попечительствамъ было предложено взять на себя раздачу 400.000 даровыхъ обѣдовъ по монастырямъ, и еще болѣе трудная задача—дать отзывъ на 12.650 прошеній о пособіи, поданныхъ на Высочайшее имя, и распредѣлить ихъ по тремъ группамъ. Эта работа была особенно хлопотлива, потому что должна была быть сдѣлана въ теченіе пяти недѣль и кромѣ того среди лѣта, когда большинство дѣятелей по городскимъ попечительствамъ находилось на дачахъ и въ отъѣздѣ. Работа, конечно, распредѣлялась весьма неравномѣрно между отдѣльными попечительствами. Число прошеній, поступавшихъ изъ отдѣльныхъ участковъ, не лишено интереса для характеристики мѣстнаго населенія. Такъ, въ Басманное попечительство (2 участка) поступило

Digitized by Google

355 прошеній; въ Арбатское (2 уч.) 488; въ Лефортовское (3 уч.) 785; въ Пятницкое (2 уч.) 672; во II-ое Хамовническое (1 уч.) 860; во II-ое Прѣсненское (1 уч.) 1.106.

V.

Сила дѣятельности городскихъ попечительствъ, конечно, обусловливается денежными средствами, которыми они располагаютъ. И въ 1896 г. главнымъ источникомъ этихъ средствъ были членскіе взносы и пожертвованія. Между этими двумя разрядами поступленій не всегда возможно провести опредѣленной границы. Къ пожертвованіямъ слѣдуетъ отнести единовременныя, случайныя пособія, или деньги, данныя съ спеціальнымъ назначеніемъ. Но нерѣдко случается, что пособіе вносится въ попечительство подъ названіемъ пожертвованія лишь потому, что жертвователь боится слова „членскій взносъ", какъ какого-то стѣснительнаго для себя обязательства. Количество поступленій по членскимъ взносамъ въ различныхъ попечительствахъ было въ зависимости отъ трехъ условій: отъ зажиточности населенія, отъ развитости этого населенія и отъ энергіи персонала, составляющаго попечительство. Въ виду такого усложненія дѣла, суммы, собранныя попечительствами, не даютъ основаній для точныхъ выводовъ относительно наличности трехъ упомянутыхъ условій. Степень зажиточности населенія участка, впрочемъ, выступаетъ болѣе или менѣе ярко не въ количествѣ членовъ и не въ суммѣ собранныхъ денегъ, а въ процентномъ отношеніи этихъ двухъ статей. Такъ, напр., если сопоставить самое центральное (помимо *Города*) попечительство, I-ое Тверское (2 участка) съ однимъ на окраинѣ, то окажется, что въ первомъ при 42 членахъ собрано 7.470, и это даетъ 178 р. на лицо; во II-омъ же Хамовническомъ отъ 338 членовъ получено 3.036 р., что̀ составляетъ 9 р. на единицу. Приходится, впрочемъ, и тутъ, какъ и при другихъ статистическихъ выводахъ, дѣлать оговорки. Такъ, напр., въ отчетѣ I-го Прѣсненскаго попечительства (на окраинѣ) мы находимъ въ приходѣ высокую сумму въ 9.048 р. на 69 членовъ, чтѐ даетъ 131 р. на единицу; если же анализировать сумму поступленій, то окажется, что бо̀льшую часть ея—5.000 р.—составляютъ взносы самого попечителя и товарища его. Главное средство привлеченія членскихъ взносовъ составляетъ *обходъ* членами совѣта и сотрудниками домовъ и квартиръ обывателей участка. Какъ видно изъ отчетовъ, этотъ способъ пріобрѣтенія средствъ,

Digitized by Google

къ сожалѣнію, слишкомъ мало и слабо практикуется попечительствами. Число членовъ въ 13 попечительствахъ ниже 100, а два изъ этихъ попечительствъ включаютъ въ себя по два участка; только въ четырехъ попечительствахъ число членовъ выше 300, но въ числѣ этихъ четырехъ—три заключаютъ въ себѣ по два участка. Такимъ образомъ, общая цифра членовъ московскихъ попечительствъ немногимъ превышаетъ 3.983 человѣка (въ двухъ отчетахъ число членовъ не показано). Конечно, безъ попечительствъ—этихъ 4.000 жертвователей на общественныя призрѣнія совсѣмъ бы не было! Но при бо́льшей энергіи попечительствъ, оно могло бы быть и значительнѣе; можно думать, что нѣкоторыя попечительства, по соображеніямъ, несовмѣстнымъ съ идеей общественнаго призрѣнія, не прибѣгаютъ совсѣмъ къ обходу жителей. Въ другихъ, которыя къ нему прибѣгаютъ, дѣло тормазится трудностью найти сотрудниковъ, которые взяли бы на себя эту обязанность. Самопожертвованіе, заключающееся въ томъ, чтобы посѣщать сырые, зловонные, иногда зараженные подвалы, чтобы принести помощь бѣдняку, чаще встрѣчается, чѣмъ самопожертвованіе, которое нужно для того, чтобы позвонить въ богатую квартиру, къ незнакомымъ людямъ, и *попросить* у нихъ нѣсколько рублей на того же бѣдняка. Объясняется это главнымъ образомъ отношеніемъ публики — нерѣдко непривѣтливымъ и безтолковымъ—къ сборщикамъ.

Есть люди, которые скорѣе возьмутъ у сотрудника на 5 р. билетовъ на скучнѣйшій концертъ, чѣмъ дадутъ ему 1 р., и есть люди, которые охотнѣе отпустятъ на 10 р. муки на богадельню, чѣмъ рубль на попечительство. Но такіе люди, по крайней мѣрѣ, *даютъ*; а есть много такихъ, которые относятся къ сбору пожертвованій съ нерасположеніемъ и стараются выказать его. Въ одномъ отчетѣ, между прочимъ, указана *состоятельная* домовладѣлица, которая продержала сотрудницу въ передней и выслала ей туда 15 коп. Эта дама, конечно, не захотѣла бы одолжаться другимъ, обѣдать на чужой счетъ, ѣздить въ чужихъ экипажахъ, или остаться въ долгу у портнихи,—но она не понимаетъ, что, отказываясь принимать участіе въ общественномъ призрѣніи, она не платитъ своего долга обществу. Пользоваться всѣми удобствами благоустроеннаго общества и не участвовать ни трудомъ, ни деньгами, въ его тяготѣ—это сводитъ человѣка на степень паразита!

Несмотря, однако, на непріятности, связанныя съ обходомъ, многія попечительства могли бы назвать сотрудниковъ, которые настойчиво и умѣло помогали имъ добывать средства на свою полезную

Digitized by Google

дѣятельность. Такъ, напр., то самое попечительство (I-е Рогожское), изъ отчета котораго заимствованъ упомянутый фактъ, выражая сожалѣніе, что многіе „мѣстные обыватели относились къ сотрудникамъ такъ сдержанно, что это заставило нѣкоторыхъ изъ нихъ совсѣмъ сложить съ себя обязанности по обходу“ — тѣмъ не менѣе продолжаетъ практиковать эту мѣру, въ полной увѣренности, что подробное ознакомленіе болѣе или менѣе состоятельнаго населенія съ задачами, дѣятельностью и нуждами попечительства вызоветъ приливъ нужныхъ дѣятелей и пожертвованій. Въ нѣкоторыхъ попечительствахъ потраченная на обходы энергія дала хорошіе плоды. Такъ, Басманное попечительство выражаетъ свою признательность одному изъ членовъ совѣта, „которому принадлежитъ иниціатива и починъ въ собираніи пожертвованій по домамъ, и благодаря энергіи и умѣлому веденію дѣла котораго были доставлены крупные денежные взносы“. II-е Сущевское попечительство свидѣтельствуетъ, что членскіе взносы, какъ по числу членовъ, такъ и по суммѣ своей, болѣе чѣмъ удвоились. III-е Мѣщанское попечительство, указывая на результатъ обхода, заявляетъ, что кромѣ увеличенія денежныхъ средствъ, оно дало попечительству новыхъ дѣятельныхъ членовъ и сотрудниковъ, съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ вступившихъ въ кругъ дѣятельности попечительства. Въ виду всѣхъ этихъ разнообразныхъ условій результаты сборовъ не соотвѣтствуютъ зажиточности участка и, конечно, подвержены колебаніямъ изъ года въ годъ—сборъ ниже всего въ одномъ изъ самыхъ центральныхъ участковъ—1.695 р. въ III Тверскомъ участкѣ, и выше всего въ одномъ изъ окрайныхъ—9.048 въ I-мъ Прѣсненскомъ. Въ 12-ти попечительствахъ сборъ понизился сравнительно съ прошлымъ годомъ, но въ 12-ти другихъ повысился (считая Мѣщанскія попечительства по прежнему за одно, такъ какъ они раздробились лишь въ концѣ года). Общій же сборъ на небольшую сумму—на 1.153 р.—превышаетъ прошлогодній, составляя 127.310 р.—противъ 126.167. Любопытно, что и дополнительный сборъ, посредствомъ благотворительныхъ концертовъ, остался почти тотъ же: 14.920—противъ 13.761 въ 1895 году, хотя въ немъ участвовали въ эти два года различныя попечительства; въ 1896 году—15, при чемъ наибольшую сумму 3.562 р. собрало Пречистенское попечительство. Зато второй годъ попечительства ознаменованъ новою статьею, многообѣщающей въ будущемъ: поступленіемъ пожертвованій въ неприкосновенный капиталъ по завѣщанію или отъ душеприказчиковъ. Басманное попечительство получило отъ трехъ членовъ взносы

Digitized by Google

въ неприкосновенный капиталъ по 1.000, и по завѣщанію отъ Александра Васильевича Гурѣева 19.700 р.; II-ое Мѣщанское получило отъ П. Н. Финляндскаго, душеприказчика умершаго А. И. Грачевскаго, 10.000, а I-ое Рогожское получило отъ К. А. Зубовой 10.000, и отъ душеприказчиковъ умершаго М. Иванова 4.000 р. Всего неприкосновеннаго капитала въ концѣ 1896 г. въ 10 попечительствахъ было 58.239 р.

Отъ городского управленія попечительства получили 66.060 р.; въ эту сумму вошла, кромѣ 40.000, ассигнованныхъ думою на ежегодное содержаніе попечительствъ, и нѣкоторыхъ пожертвованій,—сумма сбора, вырученная съ празднества 12-го мая 1896 г., устроеннаго попечительствами въ Верхнихъ Торговыхъ Рядахъ, при участіи городской управы. Сюда включены и 1.000 р., пожертвованные городскимъ попечительствамъ Ея Величествомъ Государыней Императрицей Александрой Ѳедоровной. Наконецъ, нужно упомянуть еще о суммѣ въ 2.130 руб.—процентовъ, полученныхъ 18-ью попечительствами отъ остатковъ перваго года и на текущемъ счету. Такимъ образомъ, весь приходъ городскихъ попечительствъ за 1896 годъ (не считая поступленій въ неприкосновенный капиталъ) исчисляется въ 210.420 р., къ которымъ слѣдуетъ прибавить прошедшіе черезъ ихъ руки проценты съ городскихъ благотворительныхъ капиталовъ—въ 36.832 р.

Что касается до статей расходовъ, то о нихъ было говорено выше; приходится только еще, къ сожалѣнію, упомянуть объ одной неизбѣжной статьѣ — о расходахъ на дѣлопроизводство. Не всѣ попечительства могутъ обойтись въ этомъ случаѣ даровымъ трудомъ; нѣкоторымъ приходится, кромѣ того, еще нанимать помѣщеніе для пріема бѣдныхъ и составленіе опросныхъ листовъ. Расходъ по этой статьѣ весьма различный. Лефортовское попечительство ничего не тратитъ на канцелярскіе расходы; въ четырехъ попечительствахъ они ничтожны: 14—по 18 р. и 56 р. Въ четырехъ попечительствахъ они умѣренны—ниже 200 р.; въ 8—около 300 р., но въ 6—отъ 500 до 936 р.—въ Пречистенскомъ; въ послѣднемъ случаѣ это объясняется сложною дѣятельностью этого попечительства. Но есть одно вновь возникшее попечительство, которое въ три мѣсяца своего существованія имѣло 426 р. канцелярскихъ расходовъ (150 р. на обстановку канцеляріи, 150 р. на покупку канцелярскихъ книгъ, штемпелей и т. д.) при 657 рубляхъ, истраченныхъ на пособія бѣднымъ. Общій итогъ расходовъ на дѣлопроизводство составляетъ 8.288 р.—на 2.425 р. больше противъ предшествовавшаго года,

Digitized by Google

что отчасти только объясняется увеличеніемъ попечительствъ за годъ съ 23 на 27.

Суммы общихъ расходовъ, произведенныхъ отдѣльными попечительствами, весьма различны: онѣ колеблются между 2.400 р. въ I-мъ Мясницкомъ и 10.561 въ I-мъ Прѣсненскомъ; въ Пречистенскомъ расходъ составляетъ 19.307 р. на *два* участка, а Мѣщанскія не приняты въ разсчетъ, такъ какъ дѣйствовали только три мѣсяца. За ихъ исключеніемъ, расходъ ниже 5.000 р. въ двухъ попечительствахъ; между 5.000 и 10.000 р.—въ четырнадцати, и выше 10.000 р.—въ семи. Попечительства имѣли возможность не соразмѣрять своихъ расходовъ съ приходомъ, такъ какъ всѣ располагали остатками отъ перваго года своей дѣятельности. Остатокъ этотъ былъ въ нѣкоторомъ случаѣ незначителенъ—45 р. въ I-мъ Прѣсненскомъ, но доходилъ до 5.154 р. въ I-мъ Тверскомъ, и до 6.277 р. въ Пречистенскомъ. Въ 1896 году 10 попечительствъ воспользовались своими остатками и издержали 10.980 р., но 17 попечительствъ имѣли плюсъ и въ истекшемъ году на 24.490 р., такъ что общая сумма остатковъ за два года въ распоряженіи городскихъ попечительствъ равняется приблизительно 85.815 р.,—*приблизительно* потому, что сюда въ нѣкоторыхъ отчетахъ вошли невозвращенные городской управѣ остатки переходящихъ благотворительныхъ суммъ.

Но не въ этихъ 85 тысячахъ запаснаго и 58 тысячахъ неприкосновеннаго капитала, съ которыми городскія попечительства вступили въ третій годъ своей дѣятельности, заключается главный залогъ на преуспѣяніе въ будущемъ. Онъ заключается въ томъ, что среди нихъ и благодаря имъ въ населеніи начинаетъ укореняться правильный взглядъ на необходимость и значеніе общественнаго призрѣнія, а именно, какъ указано въ отчетѣ I-го Рогожскаго попечительства,—въ убѣжденіи, что „со введеніемъ городскихъ попечительствъ дѣло призрѣнія бѣдныхъ ввѣрено всецѣло *мѣстнымъ обывателямъ*“. Оно заключается въ преданности этой задачѣ и твердой увѣренности въ ея успѣхъ,—настроеніи, которому даетъ, напр., выраженіе отчетъ Басманнаго попечительства. Совѣтъ его „съ *радостью* отмѣчаетъ тотъ фактъ, что дѣло общественнаго призрѣнія, органами котораго являются попечительства, крѣпнетъ съ каждымъ днемъ; связь, соединяющая дѣятелей попечительства съ бѣдными, не чисто внѣшняя, не выражается одной раздачей и принятіемъ вспомоществованія въ его разныхъ видахъ, но во взаимномъ довѣріи, въ довѣрчивомъ обращеніи къ попечительству во всѣхъ нуждахъ, съ одной стороны, и въ стремленіи оправдать это довѣріе—съ другой. Нуждающееся

Digitized by Google

въ помощи бѣдное населеніе вполнѣ сознаетъ, что совѣтъ попечительства не только идетъ на встрѣчу потребностямъ минуты, насколько это позволяютъ обстоятельства, но и вообще печется о созданіи болѣе благопріятныхъ условій существованія способныхъ къ труду бѣдняковъ, облегчая имъ заботы о членахъ ихъ семьи, утратившихъ силы, и обезпечивая участь подростающаго поколѣнія".

Залогомъ дальнѣйшаго развитія попечительствъ являются, далѣе, мѣры, принятыя ими, принимаемыя городскимъ управленіемъ для успѣха общественнаго призрѣнія. Сюда относится раздробленіе, въ сентябрѣ 1896 г., Мѣщанскаго попечительства на четыре самостоятельныя попечительства, что тотчасъ благопріятно отразилось на привлеченіи къ дѣлу призрѣнія новыхъ личныхъ силъ и средствъ. Сюда относится предоставленіе нѣкоторымъ попечительствамъ участковъ городской земли для постройки пріютовъ; но болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой мѣрѣ могутъ войти лишь въ слѣдующій отчетъ. Затѣмъ, чрезвычайно важный, принципіальный характеръ имѣетъ отпускъ городскою думою новыхъ 10.000 р. для разверстки между попечительствами по числу призрѣваемыхъ имъ престарѣлыхъ людей. Въ мотивахъ къ этому постановленію указано на то, что содержаніе престарѣлыхъ ложится бременемъ на попечительства, въ особенности на окраинахъ, гдѣ селятся безпомощные люди ради дешевизны. Между тѣмъ, содержаніе этихъ людей, состоящихъ преимущественно изъ инвалидовъ труда, долго служившихъ городскому населенію, составляетъ скорѣе непосредственную обязанность города, чѣмъ мѣстныхъ попечительствъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, мѣстныя попечительства могутъ вести это дѣло съ мѣньшими тратами и бо́льшимъ индивидуальнымъ контролемъ, то было бы всего цѣлесообразнѣе, если бы городъ отпускалъ отдѣльнымъ попечительствамъ извѣстную субсидію на каждое призрѣваемое лицо, въ размѣрѣ, напримѣръ, двухъ-третей его содержанія, Для полнаго проведенія такой мѣры потребовалась бы, конечно, сумма болѣе значительная, чѣмъ 10.000 р., но нужно надѣяться, что занесеніе этой суммы въ городскую смѣту на 1897 годъ есть лишь первый шагъ для проведенія указанной системы. Наконецъ, слѣдуетъ указать на заботы городского управленія объ установленіи налога въ пользу городского призрѣнія. Относящіяся сюда предположенія еще разрабатываются въ коммиссіи и потому не могутъ быть предметомъ настоящаго обзора, но одно изъ этихъ предположеній уже осуществилось въ видѣ ходатайства городской думы передъ правительствомъ. Въ Москвѣ, какъ во всѣхъ большихъ европейскихъ

Digitized by Google

городахъ, существуетъ тотализаторъ. Обороты московскаго тотализатора вычисляются въ 8 слишкомъ милліоновъ рублей. Этотъ оборотъ обложенъ 10% налогомъ въ пользу московскихъ скакового и бѣгового обществъ. Въ средѣ московскихъ гласныхъ возникло предположеніе въ дальнѣйшемъ обложеніи выигрышей съ тотализатора въ 5% въ пользу московскаго общественнаго призрѣнія, что и имѣло своимъ послѣдствіемъ упомянутое постановленіе московской городской думы. Налогъ на выручку тотализатора далъ бы городу до 400.000 рублей. Этотъ налогъ имѣетъ неоцѣнимыя два преимущества предъ всѣми другими налогами: 1) его взиманіе ничего бы не стоило, тогда какъ взиманіе другихъ налоговъ весьма часто поглощаетъ отъ 10 до 25%; 2) это единственный налогъ—нечувствительный для облагаемыхъ: для проигравшаго все равно, куда идетъ его проигрышъ; ему даже доставитъ нѣкоторое удовлетвореніе, что часть проигрыша пойдетъ не въ пользу счастливаго игрока, а въ пользу бѣдныхъ; выигрывающій же не знаетъ впередъ, сколько онъ выиграетъ, и если при выигрышѣ въ 100 руб. ему, кромѣ 10 руб. въ пользу скакового общества, придется отдать еще 5 руб. въ пользу бѣдныхъ, то это не испортитъ ему удовольствія отъ выигрыша. Противники тотализатора могутъ сказать, что такъ какъ это учрежденіе предосудительное, то и налогъ на него представляется предосудительнымъ. Съ такимъ разсужденіемъ нельзя согласиться: вѣдь и высокая и азартная игра въ карты предосудительна, а никто не признаетъ такимъ налогъ на карты, къ которому всѣ привыкли; а еслибы можно было обложить налогомъ карточный выигрышъ, то такой налогъ давно былъ бы установленъ. Лотереи и лотерейные займы также заключаютъ въ себѣ элементъ азартной игры съ случайнымъ проигрышемъ и выигрышемъ—особенно тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Германіи, допускается раздробительная продажа билета государственной лотереи, или когда, какъ у насъ въ годъ неурожая, лотерейный билетъ продается по довольно низкой цѣнѣ,—но къ лотереямъ и лотерейнымъ займамъ съ благотворительной цѣлью вездѣ прибѣгаютъ съ спокойною совѣстью. Для объясненія всѣхъ подобныхъ явленій нужно имѣть въ виду, что игра на случайное счастіе (азартъ) составляетъ неистребимую потребность многихъ людей. И съ этой точки зрѣнія позволительно думать, что и самое запрещеніе тотализатора едва ли бы вырвало зло съ корнемъ, такъ какъ открытая игра была бы замѣнена тайной. Пари неразлучны съ скачкой, которая представляетъ сама своего рода

Digitized by Google

азартную игру, и для полнаго уничтоженія соблазна нужно было бы воспретить самыя скачки.

Далѣе, было бы заблужденіемъ предполагать, что ходатайство московской городской думы о налогѣ на тотализаторъ можетъ быть кѣмъ-нибудь понято въ смыслѣ сочувствія ея самому тотализатору. Взглядъ думы на это учрежденіе достаточно ясно выразился въ двухкратномъ ходатайствѣ предъ правительствомъ о воспрещеніи его.

Наконецъ, нужно имѣть въ виду, что налогъ на тотализаторъ представляется единственнымъ средствомъ получить вознагражденіе за нарушенныя права города Москвы. Въ пользованіе скакового и бѣгового обществъ было безвозмездно отведено, до изданія городового положенія, 75 десятинъ городской земли. Получить назадъ эту землю, или добиться арендной платы за нее въ пользу городской казны—въ настоящее время нѣтъ никакой возможности. Въ виду этого косвенный налогъ на скаковое и бѣговое общество въ формѣ налога на игру въ тотализаторъ является совершенно справедливымъ.

В. Герье.

Digitized by Google

ДВА БЕРЕГА

„Les deux Rives", roman par Fernand Vandérem.

I.

Не успѣла еще карета остановиться у рѣшетчатыхъ воротъ „Collége de France", какъ г-жа Шамбанъ легкимъ прыжкомъ очутилась уже на землѣ и, не давая себѣ труда хотя бы захлопнуть за собой дверцу кареты, поспѣшнымъ шагомъ направилась впередъ. Помахивая муфтой, надѣтой на рукѣ, она прошла черезъ дворъ, гдѣ посреди торжественной тишины ворковали три голубя, ободренные безлюдностью и безмолвіемъ, которое ихъ окружало.

Въ глубинѣ сѣней, изъ-за своей рѣшетчатой двери, Пажо, старшій сторожъ, слѣдилъ за ея приближеніемъ, и его широкіе усы приподнимались сочувственной улыбкой.

„Еще одна!—думалъ онъ, припоминая, сколько нарядныхъ дамъ въ продолженіе цѣлаго часа уже прошли мимо него.—И премиленькая на придачу"!

При видѣ ея тонкоочерченнаго, смѣлаго лица, ея барашковой кофточки, пурпуровой бархатной шапочки, съ такимъ же барашковымъ околышемъ, съ которымъ соприкасались ея черныя кудри, и который сбоку былъ перехваченъ маленькимъ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ, сторожу припоминалась (за исключеніемъ отсутствующихъ бакенбардъ, конечно!) старотипная литографія, висѣвшая у него надъ кроватью, съ надписью: „Мюратъ, будущій король неаполитанскій, въ сраженіи подъ Эйлау". Весьма естественно, что онъ съ особеннымъ усердіемъ поторопился отворить ей дверь.

Digitized by Google

— Что̀ прикажете?

— Гдѣ здѣсь курсы египтологіи?

— Курсы Рендаля? Вотъ пожалуйте: сейчасъ напротивъ!

Посѣтительница бросилась туда; но Пажò остановилъ ее успокоительнымъ жестомъ:

— Напрасно торопитесь, сударыня: зало биткомъ набито. Впрочемъ, вы ничего не потеряете: минутъ черезъ пять—конецъ!

— Благодарю васъ, — тономъ сожалѣнія проговорила г-жа Шамбанъ; и, помолчавъ немного, спросила: — Вы не видѣли тутъ высокой дамы въ синемъ? Она блондинка, въ кофточкѣ, отдѣланной шнурами.

Пажò подумалъ и сосредоточился:

— Не видалъ ли? Конечно, видѣть-то я ее видѣлъ непремѣнно, но ихъ сегодня здѣсь такъ много! Честное слово, съ тѣхъ поръ, какъ я вотъ уже пятнадцать лѣтъ служу здѣсь въ сторожахъ, ни разу не случалось мнѣ видѣть такой толпы на открытіи лекцій...

И, оправляя небрежно свою легкую никелированную цѣпь, онъ внушительно прибавилъ, съ видомъ знатока:

— Я думаю, народъ идетъ больше ради его книги о Клеопатрѣ...

Г-жа Шамбанъ наклонила голову въ знакъ согласія; но въ то же время тѣсная кучка людей распахнула дверь, которая вела на курсы, и въ огромныхъ сѣняхъ звучно, какъ въ церкви, прозвучалъ ихъ топотъ.

— Взгляните: не она ли это, ваша дама въ синемъ?— вдругъ проговорилъ Пажò, указывая на одну госпожу, которая одна изъ первыхъ вышла изъ залы. Г-жа Шамбанъ бросилась впередъ, чтобы ее остановить.

— А, это вы?—воскликнула г-жа Маркéсъ.—Ну, ужъ можете быть увѣрены, что никто такъ не надуваетъ, какъ вы! А я-то, для того только и пришла, чтобы сдѣлать вамъ пріятное...

Молодая женщина принялась извиняться.

— Я все ждала письма отъ Жеральда... Я разскажу потомъ... Какъ я злилась на такую помѣху! Ну, все-таки, скажите: удачно ли сошло, по крайней мѣрѣ? Стоило ли того, чтобы себя побезпокоить? Онъ говорилъ про Клеопатру и... много гадостей?

Г-жа Маркéсъ приняла шаловливый видъ:

— I don't know...— протянула она.— Вы слишкомъ много отъ меня хотите... Я, какъ маленькая дѣвочка на сценѣ, „ничего не знала, не видала“... Впереди меня—цѣлая куча какихъ-то господъ и запахъ непріятнаго дыханія... О, я не скоро по-

Digitized by Google

падусь на эту удочку опять! Развѣ вотъ что: пошлю заблаговременно занять мнѣ мѣсто...

— Интересно, нечего сказать!..

— Ну, бѣда невелика!—покровительственно замѣтила г-жа Маркѣсъ.—Но, Боже, душечка моя, Зозе, какое вы дитя! Тутъ или тамъ, вы гдѣ-нибудь успѣете опять увидѣть вашего Рендаля. Время еще не ушло! А все изъ-за того, что де-Мэзъ вамъ вскружилъ голову своимъ тараторствомъ...

— Очень мнѣ его нужно, вашего де-Мэза!

— А кого же другого? Можетъ быть, Жеральда? Если не отца, такъ уже непремѣнно сына!.. Нѣтъ, скажите чистосердечно: вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что знаменитости, какъ Рендаль, имѣютъ значеніе въ его глазахъ? Ну, знаете, въ нѣкоторой дозѣ наивности вамъ нельзя отказать.

— Еще бы!—хвастливо подтвердила г-жа Шамбанъ.—Съ такими воззрѣніями я добилась бы того, что въ какіе-нибудь три мѣсяца у меня былъ бы такой же домъ, какъ у Пумсовъ или у Зильберштидтовъ. Нѣтъ, ужъ благодарю покорно! Моя система не настолько глупа. Я знаю, что дѣлаю!—И, перемѣнивъ тонъ, на болѣе добродушный, прибавила:

— Посмотримъ, какъ будутъ выходить?

— Пожалуй,—согласилась г-жа Маркѣсъ.

Онѣ подошли и стали сбоку у самыхъ дверей, въ которыя выходила толпа слушателей.

Это была, очевидно, избранная, показная публика, блестящая часть представителей высшихъ слоевъ города, которые въ Парижѣ роятся вокругъ прославленныхъ знаменитостей; цѣлый міръ посѣтителей литературныхъ салоновъ, разныхъ выдающихся городскихъ и театральныхъ „обозрѣній“; любители умѣренныхъ газетъ и подлинныхъ гравюръ; академики — извѣстные и неизвѣстные; мыслители, мечтатели и ворошители идей и вопросовъ, а равно и глубокомысленныхъ задачъ; всѣми признанныя хозяйки обѣденныхъ столовъ, за которыми говорятъ умныя рѣчи, и ихъ жужжащая свита; „эти дамы“ и мужчины; юноши, старички, словомъ, вся стая тѣхъ личностей мужского и дамскаго пола, которыя стрекочутъ, чирикаютъ и щебечутъ по верхамъ искусства, какъ воробьи по вершинкамъ деревъ; миловидныя мордашки съ матовымъ цвѣтомъ лица, наведеннымъ пудрой, утопающія въ углубленіи пушистыхъ горностаевыхъ воротниковъ; лукавыя, пронырливыя лица съ якобы военными усами; голоса, напряжнявшіеся въ умѣньѣ говорить обо всемъ только съ похвалой; лица, изборожденныя долгими годами ученыхъ трудовъ

Digitized by Google

или непрерывною погоней за остротами, за одобрительной улыбкой; мелькали мѣха, проносились струи дорогихъ духовъ. Всѣ окликали другъ друга, кланялись, обмѣнивались мнѣніемъ, которое уже составили или только еще должны были составить; и все это на глазахъ у немногихъ непосвященныхъ, которые потихоньку, съ оттѣнкомъ уваженія, называли другъ другу ихъ имена.

Повидимому, это зрѣлище особенно привлекало г-жу Шамбанъ. Войти самой въ составъ этого клана избранныхъ никогда ее не плѣняло. Волею судьбы, она преслѣдовала совершенно противоположныя цѣли, и цѣли болѣе простыя, человѣчныя, чувствительныя, къ которымъ, несмотря на совсѣмъ иное впечатлѣніе, она направляла всѣ свои поступки. Но присутствовать при болтовнѣ и пересудахъ, при ласковыхъ встрѣчахъ дружественныхъ группъ извѣстныхъ лицъ и знаменитостей, о которыхъ часто говорилось въ газетахъ, все это было для нея своего рода угощеніемъ, утѣхой для ея ума и зрѣнія, и это придавало ея маленькой фигуркѣ особенно внимательное и серьезное выраженіе. Вдругъ, повинуясь невольному порыву изумленія, она толкнула локтемъ г-жу Маркѐсъ:

— О, посмотрите на эту!—и взглядомъ указала на бѣдно одѣтую молодую дѣвушку, которая направлялась въ ихъ сторону.

Ея темно-зеленое драповое пальто, отороченное полоской куньяго мѣха, казалось еще болѣе потертымъ и выцвѣвшимъ, нежели ея тюлевая легкая шляпочка, покрытая пылью и приколотая на-криво къ прическѣ. Походка у нея была надменная, а выраженіе лица хмурое и заносчивое, какъ это бываетъ у женщинъ, удрученныхъ усталостью и умственнымъ трудомъ,—женщинъ гордыхъ отъ природы, или такихъ, на долю которыхъ выпали заботы, обыкновенно присущія мужчинамъ.

Она прошла мимо обѣихъ дамъ, смѣривъ ихъ почти враждебнымъ взглядомъ, и, подойдя къ сторожу, спросила внушительно:

— Пажò! Отецъ ужъ вышелъ?

Быстрымъ движеніемъ Пажò сдернулъ съ головы фуражку:

— Нѣтъ еще! Прикажете доложить, что вы...

— Благодарю васъ! Только вы ему скажите, что я буду ждать его тамъ у рѣшетки.

— Слушаю!—И сторожъ побѣжалъ открыть ей входную дверь.

— Знаете вы, кто это такая?—вернувшись, обратился онъ къ г-жѣ Шамбанъ, и голосъ его принялъ оттѣнокъ таинственности.—Нѣтъ? Это—барышня Тереза Рендаль, дочь нашего профессора Рендаля!

Digitized by Google

II.

На улицѣ, за дверью, Тереза принялась усердно шагать взадъ и впередъ, какъ настоящій караульный. Приподнявъ плечи, прижавъ руки къ бедрамъ, она грѣла ихъ въ своей плюшевой муфточкѣ; тонкая розовая полоска ея губъ блѣднѣла по мѣрѣ того, какъ Тереза безнадежно поглядывала, останавливаясь на одно мгновенье, лицомъ къ двери, за стекломъ которой обрисовывалась задумчивая физіономія главнаго сторожа.

На ходьбѣ Тереза продолжала думать о мученіи, которое ей предстоитъ сегодня вечеромъ, противъ ея воли, на балу у Сольвара. Она думала о томъ незнакомцѣ, котораго ей тамъ должны представить съ тѣмъ, чтобы онъ, въ случаѣ если ужъ такъ придется, могъ бы сдѣлаться ея мужемъ, т.-е. близкимъ ей человѣкомъ, который вдругъ получитъ право на ея поцѣлуи, на полное обладаніе ею... Что жъ? Еще одинъ получитъ отказъ,—девятый по счету... за послѣдній десятокъ лѣтъ!

„Пьеръ Берцéль, молодой ученый, надежда французской ассиріологіи,—писалъ про него Сольваръ.—Онъ католикъ, но это ему не мѣшаетъ быть свободомыслящимъ. Онъ небогатъ, но весьма почтеннаго происхожденія и впереди — блестящая будущность“...

— Берцѐль! Берцѐль!—повторяла она вполголоса это грубое сочетаніе звуковъ.—Онъ самъ-то, по всей вѣроятности, похожъ на того кругленькаго господина съ адвокатскимъ портфелемъ подъ мышкой?

Машинально Тереза остановилась, чтобы издали разсмотрѣть подробно прохожаго и, злобно поджавъ губы, провожала его недобрымъ взглядомъ. Затѣмъ, немного отвернувшись, раздвинула губы въ презрительную улыбку:

— Да! Нѣчто въ этомъ родѣ!..—повторила она, пожимая плечами. Она страдала; ей щемило сердце нѣчто такое же холодное, отталкивающее, какъ ледяной вѣтеръ, щипавшій ее за щеки.

Ей приходилъ на память тотъ, другой, трусливый, обманувшій ее женихъ, котораго она тогда упустила. Десять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, а ей все еще памятны его ласки, его горячіе объятія и поцѣлуи! Ну, кто бы могъ подумать, что онъ окажется такимъ лукавымъ,—этотъ кандидатъ исторіи, сладкорѣчивый льстецъ, южанинъ „Альваръ“—какъ онъ самъ выговаривалъ свое имя густымъ, глубокимъ, какъ жужжанье, голосомъ?

Digitized by Google

Терезѣ чудилось (до того еще живы были эти жгучія воспоминанія!), что она опять у себя, въ маленькой отцовской гостиной, смотритъ на его статную, классически-воинственную фигуру; его большіе каріе глаза, въ которыхъ, какъ у лошади, не видно бѣлковъ; его тонкіе черные усики, которые онъ крутилъ своими тонкими, острыми пальцами, какъ бронзированными отъ частаго куренья... Боже, какъ онъ ее любилъ цѣлую недѣлю, пока продолжалась ихъ помолвка!

Фигура у Терезы была плоская; ротъ маленькій, словно протянутый ниточкой, съ безкровными губами; лицо блѣдное, зеленоватое,—съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ, который пріобрѣтается вдали отъ солнца, въ книжной пыли, въ духотѣ библіотекъ или въ пареномъ воздухѣ аудиторій. Но изо всѣхъ этихъ недостатковъ, которые она сама знала тверже, чѣмъ другіе, и которыми втайнѣ глубоко огорчалась, Альбаръ, повидимому, не замѣчалъ ни одного; его въ ней поражали только ея привлекательныя стороны. Онъ поминутно восхищался ея блѣднымъ, тонко-очерченнымъ прямымъ носомъ, какъ у античныхъ статуй; любовался ея сѣрыми глазами, которые осѣняла черная бархатная полоска бровей, какъ у Минервы!—говаривалъ онъ; или еще восхищался тяжелыми изгибами ея темныхъ волосъ, которые ему хотѣлось бы распустить, чтобы, какъ въ волны, погрузить въ нихъ свое лицо...

И нѣжность этихъ выраженій какъ нельзя больше отвѣчала его безмѣрному умѣнью льстить. Онъ, то-и-дѣло, вдругъ страстно восклицалъ на своемъ нѣжномъ нарѣчіи: „О, Тереза! О, моя кошечка!“ произнося: „Thérésonn“ и „chato“... Онъ пѣлъ протяжные провансальскіе романсы, жалобные, какъ отдаленный звукъ охотничьихъ роговъ, а г-жа Рендаль,—сама южанка,—съ грѣхомъ пополамъ аккомпанировала ему на фортепіано, подтягивая иногда своимъ дребезжащимъ голосомъ. Оставаясь съ молодою дѣвушкой наединѣ, онъ становился у ея ногъ на колѣни, на голубой атласной скамеечкѣ, слушая, какъ она вслухъ мечтала о своемъ будущемъ житьѣ-бытьѣ; о томъ, какъ она будетъ работать и помогать ему сдѣлать блестящую карьеру. И вдругъ, онъ неожиданно, какъ хищникъ, набрасывался на нее, страстно восклицая: „О, Thérésonn“! Она чувствовала, какъ крѣпко сжимали ея станъ его сильныя руки, какъ прижимались къ ея губамъ его усы, отъ которыхъ пахло гвоздикой.

Однажды, поутру, Дастаракъ прислалъ письмо съ извиненіями, что ему понадобилось немедленно уѣхать, по семейнымъ дѣламъ, въ Сенъ-Годѣнъ, и потому является необходимость отложить свадьбу. Онъ чуть не плача—бѣдный юноша!—излагалъ въ письмѣ

Digitized by Google

свою досаду, свое горе. А недѣли три спустя, въ саду, въ Люксамбурѣ, куда Рендаль повелъ прогуляться, какъ послѣ болѣзни, свою едва оправляющуюся дочь,—они встрѣтили Альбара Дастарака,—наряднаго, сіяющаго, подъ руку съ какой-то хилой, костлявою дѣвицей. То была третья дочь профессора Госсина, который славился умѣньемъ доставать своимъ зятьямъ хорошія мѣста. Позади этой парочки выступалъ и самъ папаша.

— Пойдемъ прочь! Пойдемъ!—шепталъ дочери Рендаль, стараясь увлечь ее въ сторону.—Ну, да, они скоро женятся... Я самъ узналъ это только вчера. Надо думать, что выгодное мѣсто соблазнило нашего повѣсу... Пойдемъ, я тебѣ объясню...

Но Тереза не шевельнулась.

Она чуть не вскрикнула отъ боли, чуть не упала на мѣстѣ, посреди толпы, чуть не поддалась нервному припадку. Ужасное, унизительное воспоминаніе!

Ужасные, позорные дни провела она потомъ въ своей комнатѣ, самой себѣ клянясь, что впредь всю свою жизнь отдастъ наукѣ, какъ другія, напримѣръ, которыя на всю жизнь уходятъ въ монастырь. И въ то же время, несмотря на дальность разстоянія (ему, вопреки всѣмъ хлопотамъ и интригамъ тестя, пришлось прозябать гдѣ-то въ провинціальномъ лицеѣ), несмотря на годы, минувшіе съ тѣхъ поръ, несмотря ни на что, Тереза не могла забыть предателя и чародѣя Альбара.

У нея навсегда осталось такое представленіе, что она принадлежитъ ему, одному ему, своему нареченному супругу, и каждую попытку выдать ее за другого она невольно считала какъ бы посягательствомъ на его собственность. Ей чудилось тогда, что онъ вдругъ являлся передъ нею, какъ живой, невидимкой для другихъ, видимый только ей одной,—красивый своею дерзкою осанкой, и его надменныя губы, казалось ей, шептали вызывающимъ тономъ:—Полно, „ma chato"! Посмотри на меня, сравни! Куда имъ до меня!

И въ самомъ дѣлѣ: кто можетъ замѣнить такого красавца? Мыслимо ли упрекать его измѣной?...

Еще мигъ,—и новый претендентъ получалъ такой рѣшительный отказъ, что Рендаль не могъ ничего возразить и только жалобно замѣчалъ:

— Такъ ты рѣшительно несогласна?

И она повторяла свой отказъ такъ сухо, рѣзко, что отецъ былъ совсѣмъ ошеломленъ...

— Что, Тереза, кажется, мы давно готовы уходить?—прервалъ ея думы голосъ Рендаля.—Меня задержалъ журналистъ,

Digitized by Google

репортеръ, который интервьюировалъ меня по поводу Клеопатры, англичанъ въ Египтѣ и тому подобнаго! Тебя не слишкомъ брало нетерпѣніе?

Заслыша добродушный голосъ отца, Тереза вздрогнула, очнулась.

— Да, нѣтъ!—возразила она.—Я обсуждала кое-что, я на ходу работала...

— Ну, хорошо, хорошо; тѣмъ лучше!—и, взявъ ее подъ руку, какъ друга или товарища-коллегу, онъ скорымъ шагомъ направился къ бульвару Сенъ-Мишель.

Глядя на бодраго старика съ орденомъ почетнаго легіона и на молодую дѣвушку, похожую на учительницу, съ которой онъ такъ нѣжно бесѣдовалъ на ходу, прохожіе невольно улыбались своимъ собственнымъ мыслямъ, а если между ними встрѣчались студенты, которые знали своего профессора въ лицо, то они нарочно смотрѣли на него попристальнѣе, чтобы онъ оглянулся, или же поспѣшно снимали шапку, какъ бы въ порывѣ особаго уваженія.

Но профессоръ ничего не замѣчалъ. Все его вниманіе было поглощено отвѣтами Терезы на разспросы, которыми онъ ее осыпалъ:

— Довольна ты? Хорошо ли сошло? Не слишкомъ ли растянуто, нѣтъ? А ораторскіе пріемы? Какъ тебѣ кажется: ловко я далъ понять бездѣльникамъ и бездѣльницамъ, которые только мѣшаютъ мнѣ на лекціяхъ, что они могутъ отправляться куда имъ угодно?

— Ну, да; ну, да, конечно!—поддакивала дочь.—Единственно, въ чемъ тебя можно упрекнуть, это, пожалуй, въ нѣкоторой... чрезмѣрной строгости...

— Строгость никогда не лишнее съ такими франтами и франтихами... Въ Сорбоннѣ они еще туда и сюда; ну, а у насъ положительно не у мѣста... Намъ подавайте настоящихъ работниковъ, тружениковъ науки!..—и онъ пустился въ восторженныя, прочувствованныя разсужденія о цѣляхъ и значеніи для Франціи „Collége de France“. Въ ней—вся его вѣра, все его упованіе,—другихъ у него не было и нѣтъ!

— Ну, все равно! Больше они не сунутся ко мнѣ, я ихъ достаточно предупредилъ,—продолжалъ онъ, запыхавшись.—Впрочемъ, такой чрезмѣрный притокъ слушателей имѣетъ свои основанія: это одно изъ чудесъ *нашей* Клеопатры...

— О, ужъ и *нашей*?!—возразила Тереза.

— Да, да! Именно, нашей! Я настаиваю на своемъ!

Digitized by Google

И, повинуясь естественному влеченію говорить о себѣ, когда другіе натолкнутъ на это, Рендаль пустился подробно перебирать всѣ обстоятельства своего поразительнаго успѣха,—шумной извѣстности, возникшей какъ-то вдругъ, въ одинъ день; перечислялъ усердные отзывы газетъ и листковъ, которые одни наперерывъ передъ другими раздували его новоиспеченную славу; въ три недѣли его книга разошлась въ пяти тысячахъ экземпляровъ; съ утра до вечера—имъ однимъ полны газетныя статьи; его бомбардируютъ письмами и интервью, и горячѣе всѣхъ—запоздалые, которые въ пылу своихъ восхваленій ищутъ какъ бы повода къ своему оправданію; на него сыплются письма, просьбы подарить автографомъ, портретомъ... Словомъ, всѣ проявленія славы и извѣстности, которыми вѣнчаютъ иногда парижане своихъ избранныхъ; весь необузданный восторгъ, который невольно заставляетъ завистниковъ умолкнуть.

Но кому же онъ, Рендаль, былъ всѣмъ этимъ обязанъ? Кто, года три тому назадъ, первый подалъ ему мысль написать такую книгу? Кто натолкнулъ его избрать тэмой именно жизнь Клеопатры съ точки зрѣнія египетской національности, и почерпать свое вдохновеніе изъ туземныхъ документовъ, изъ воззрѣній египтянъ того времени? Кто разбиралъ и подготовлялъ матеріалы, кто переписывалъ папирусы и египетскія надписи, читалъ и перечитывалъ одну за другой всѣ его корректуры, за исключеніемъ только однѣхъ латинскихъ? Кто, наконецъ...

— Вотъ еще что!—воскликнулъ онъ, перебивая самъ себя.—Куда это ты меня завела?—и тонъ его рѣчи перешелъ съ ласково-хвалебнаго на болѣе суровый.

Тереза нѣжно улыбнулась:

— Видишь, отецъ, что значитъ преувеличивать! Все остальное ты всегда упускаешь изъ виду... Я веду тебя въ магазины „Bon Marché“, купить тебѣ перчатки къ вечеру...

— Ахъ, на балъ!—со вздохомъ замѣтилъ Рендаль, какъ будто уже предвкушая непріятность обычнаго съ ея стороны отказа жениху.—Ну, ужъ извини: я тебя брошу! Мнѣ надобно зайти провѣдать твоего дядю Кипріана, узнать, придетъ ли онъ сегодня обѣдать, и какъ онъ себя чувствуетъ съ своимъ ревматизмомъ?

Они ужъ подходили къ церкви Сенъ-Жермена и, остановившись въ толпѣ унылыхъ лицъ, тоскливо топтавшихся у конки, пожали другъ другу руки, какъ добрые товарищи.

— Ну, до свиданія, Тереза!

— До свиданія, отецъ!

Digitized by Google

Тереза пошла черезъ дорогу. Рендаль поджалъ подъ мышку свой кожаный свертокъ и своей лѣнивой походкой, словно подъ бременемъ своихъ тяжелыхъ думъ, пошелъ по направленію къ улицѣ Бонапарте.

III.

Кипріанъ Рендаль, приземистый сановникъ пятидесяти-пяти лѣтъ, жилъ въ шестомъ этажѣ стараго большого дома на углу улицы Вавенъ и д'Ассасъ. Изъ оконъ его квартирки, состоявшей изъ двухъ просторныхъ комнатъ, открывался видъ на сады Люксамбура.

Отъ природы раздражительный, не склонный къ подчиненію, онъ съ большимъ трудомъ держался на мѣстѣ въ департаментѣ торговли, куда его опредѣлилъ старшій братъ еще въ 1860 году. Кипріанъ родился какъ разъ въ то время, когда отецъ его, уволенный изъ университета за сообщничество съ Барбесомъ, перебивался кое-какъ уроками въ два франка. Можетъ быть, потому онъ и унаслѣдовалъ отъ отца склонность къ оппозиціи и недовольству.

Поочередно, Кипріанъ ненавидѣлъ всѣ оттѣнки государственнаго управленія, при которыхъ ему случалось служить: Имперію, Тьера, Шестнадцатое-Мая, оппортунизмъ; и, наконецъ, въ 1889 году, въ палаткѣ Буланже была заарестована его карточка, съ надписью на ней:

— Ура, генералъ! Впередъ! Весь народъ за васъ!

Въ ту пору ему предстояло назначеніе помощникомъ начальника отдѣленія. Вызванный тогда же къ министру, онъ явился съ улыбкой, съ готовностью благодарить за милость; и увольненіе его разбило на-голову, какъ неожиданное оскорбленіе, какъ пощечина, когда подставлено лицо для поцѣлуя. Онъ вернулся къ себѣ на службу, съ бѣшеными проклятіями и угрозами. Затѣмъ, сейчасъ же побѣжалъ заказать карточки съ надписью внизу: „Бывшій помощникъ начальника отдѣленія министерства торговли“, и одну изъ нихъ даже прибилъ на дверяхъ своей квартиры. Но на томъ и кончилась его месть. Чиновничья подкладка его характера не допустила его слишкомъ далеко шагнуть въ этомъ направленіи; онъ даже сжегъ всѣ остальныя карточки.

Старшій братъ его, вдобавокъ, выхлопоталъ, чтобъ ему дали пенсію въ три тысячи франковъ, а безъ нея ему дѣйствительно пришлось бы испытать самую безъисходную нужду. Онъ выждалъ время и началъ опять говорить свободно только послѣ того, какъ

Digitized by Google

ему уже оффиціально была назначена пенсія. Только тогда бурный потокъ его воззрѣній и дерзость его рѣчей разразились страшнѣйшимъ образомъ, какъ взрывчатыя вещества, долгое время остававшіяся подъ усиленнымъ давленіемъ. Тридцать лѣтъ сдержаннаго, насильственнаго молчанія, страха лишиться средствъ къ жизни и прогнѣвить начальствующихъ лицъ, вдругъ прорвались въ цѣлыхъ потокахъ, которые грозили никогда не изсякнуть.

Сначала онъ себѣ составилъ нѣкоторыя формулы враждебныхъ отношеній, опредѣлилъ нѣкоторые изъ принциповъ своего недовольства и рѣшилъ склониться въ сторону соціализма. Къ несчастью, онъ совершенно терялся въ вопросахъ капитала и вознагражденія; статистика ему надоѣла, а политическая экономія сбивала съ толку шаткостью своихъ системъ, которыя иногда подвергаются опроверженію на дѣлѣ. Простой буржуа въ своихъ вкусахъ, если не во мнѣніяхъ, онъ въ силу воспитанія, какъ и его братъ, сдѣлался невѣрующимъ. Ему нужны были вѣрованія болѣе человѣчныя; теоріи болѣе удобныя къ усвоенію; разсужденія, а не цифровыя данныя; непосредственныя чувства, а не выводы.

И мало-по-малу онъ самъ себѣ выработалъ убѣжденія, въ которыхъ онъ чувствовалъ себя удобно, какъ въ платьѣ, которое сшито по мѣркѣ. Убѣжденный, что онъ пострадалъ отъ несправедливости людской, онъ желалъ водворить справедливость. Покарать злыхъ, казнить или сослать воровъ, вернуть честность нравовъ, подавить безправіе—вотъ къ чему слѣдовало стремиться! Ну, а потомъ? Потомъ ужъ можно будетъ принять мѣры. Рендаль младшій—не изъ такихъ фанфароновъ-мечтателей, которые обѣщаютъ сломать и вновь возсоздать государственныя основы, какъ какую-нибудь палатку маркитанта. Онъ зналъ прекрасно силу традиціи, потребности семейнаго строя, неотъемлемую прелесть свободы. Нѣтъ, прежде чѣмъ все это предавать разрушенію, пусть очистятъ государство отъ проказы, которая его заражаетъ! При случаѣ дядя Кипріанъ не откажется помочь.

Онъ объявлялъ, что готовъ примкнуть къ товарищамъ, когда они всей гурьбой пойдутъ громить самыя жилища измѣнниковъ, евреевъ и сумасбродовъ, тройственный союзъ которыхъ сжималъ Францію, какъ вилками въ три зубца.

Это сравненіе было довольно мѣтко и онъ повторялъ его при случаѣ, когда говорилъ о необходимости разбить голову себѣ или другимъ.

Чтеніе оппонирующихъ органовъ печати, впрочемъ, ужъ достаточно подготовило его къ тому, чтобы фигурировать въ рядахъ

Digitized by Google

убѣжденныхъ поборниковъ справедливости, которыхъ смерть генерала оставила безъ предводителя, но не безъ надежды на успѣхъ.

Инстинктивно—дядя Кипріанъ примкнулъ къ недовольнымъ, къ памфлетистамъ, которые открыто нападаютъ въ печати на враговъ неповинныхъ или поддерживаютъ пострадавшихъ противъ обидчиковъ. И даже, постепенно, онъ открылъ въ себѣ всѣ стороны ненавистничества, часто весьма несходныя между собой, которыя разжигаютъ въ народѣ всѣ его вожаки. Вмѣстѣ съ Рошфоромъ, онъ открылъ у себя въ душѣ ненависть къ политикамъ; съ Полемъ Беромъ или его послѣдователями—ненависть къ попамъ и ханжамъ; съ Дрюмономъ — ненависть къ евреямъ. Онъ съ ненасытимой жадностью читалъ и перечитывалъ ихъ статьи, и это сказывалось въ его разговорѣ; онъ, то-и-дѣло, пересыпалъ рѣчь такими словами, какъ напримѣръ: денежный тузъ, откормленный панамецъ, сумасбродъ, ханжа. И всѣ эти клички звенѣли на общемъ фонѣ баса, которымъ гудѣло его горячее негодованіе.

Онъ надрывалъ душу своимъ роднымъ, когда пускался въ соціологическія разсужденія при постороннихъ.

Когда раздался звонокъ, Кипріанъ вскочилъ съ диванчика, крытаго зеленымъ репсомъ, на которомъ дремалъ лежа, и побѣжалъ отворять, опираясь рукою на бедро и прихрамывая немного.

Радостная улыбка отразилась у него на лицѣ при видѣ брата; оба поцѣловались по обыкновенію, и Кипріанъ воскликнулъ:

— Ну, какъ я радъ тебя видѣть! Поди, поди сюда: мнѣ какъ разъ надо кое-что тебѣ прочесть.

— А какъ твое здоровье? Лучше? Будешь у насъ обѣдать? —разспрашивалъ старшій, идя вслѣдъ за братомъ.

— Ну, да; конечно!

Они вошли въ комнату, исправлявшую должность гостиной.

— Садись и слушай! — ласково нажимая на плечо брата, чтобы усадить его, проговорилъ младшій, и принялся поспѣшно перерывать кучу журналовъ и газетъ, разбросанныхъ на диванѣ, раскрытыхъ, измятыхъ, залѣзавшихъ одна въ другую. Въ этихъ газетахъ была вся роскошь, которую позволялъ себѣ больной, когда ревматизмъ заставлялъ его сидѣть дома. Обыкновенно же, онъ ихъ читалъ только въ кофейняхъ или въ пивныхъ, и то двѣ-три, не больше, но непремѣнно изъ горяченькихъ, которыя жгли ему разсудокъ, какъ рюмочка коньяку, которая обжигаетъ горло.

Digitized by Google

— Вотъ такъ конфетка!—восклицалъ онъ, потрясая въ воздухѣ помятымъ листкомъ. — И мнѣ есть чѣмъ потѣшиться, а тебѣ—чѣмъ гордиться! Primo—то, что̀ меня потѣшаетъ...

И Кипріанъ побѣдоноснымъ тономъ принялся читать извѣстіе о предстоящемъ, будто бы, арестѣ нѣкоего сенатора, бывшаго министра и депутата, извѣстнаго своими шашнями и поблажками высшимъ банковскимъ дѣльцамъ, своими симпатіями къ клерикаламъ; при этомъ прибавлялось поздравленіе правительству, что оно рѣшилось дѣйствовать такъ энергично.

— Вотъ видишь! — въ заключеніе крикнулъ Кипріанъ.—Я не знаю, кто это такой; долго думалъ, прикидывалъ, но такъ и не могъ догадаться! А все-таки, признаюсь, это извѣстіе мнѣ скрасило весь день! Пора, давно пора намъ пообчистить всѣ наши отрепья! Еще одинъ кандидатъ въ Мазасъ: я на него кладу это клеймо!—И улыбаясь своей шуткѣ, онъ прибавилъ, положивъ обѣ руки на колѣни:—А? Какъ тебѣ кажется? Повидимому, всѣ эти пузыри готовы лопнуть!

Евсевій Рендаль замедлялъ свой отвѣтъ, соображая, что лучше споры и возраженія отложить до конца чтеній, и тогда уже возражать заразъ, чтобъ вышло короче. По привычкѣ имѣть дѣло съ грандіознымъ прошедшимъ, онъ на все смотрѣлъ сквозь его призму, и всѣ дѣла настоящаго казались ему искренно такими жалкими, ничтожными! И каждый разъ, что братъ вызывалъ его на разсужденія о политикѣ, онъ чувствовалъ себя какъ-то еще болѣе неловко, нежели съ любымъ полинезійцемъ, съ которымъ ему пришлось бы на туземномъ нарѣчіи обсуждать вопросъ объ индѣйскомъ „табу“. Поэтому, онъ избралъ уловку, къ которой обыкновенно прибѣгалъ въ подобныхъ случаяхъ, и притворно (но довольно спокойно) горячился:

— Ну, да, конечно! Очевидно! Мы живемъ въ такое тревожное время! Злоупотребленій было ужъ довольно! Взяточничество—это язва демократіи... самъ Полибій объ этомъ говоритъ...

— Ну, ужъ, оставь ты меня въ покоѣ со своимъ Полибіемъ! —перебилъ Кипріанъ, качая головой.—Лучше ужъ прямо говори, что нами управляютъ какіе-то crapules, отбросы... Это будетъ прямѣе и вѣрнѣе!—и, самъ устыдившись, что заворчалъ на своего знаменитаго брата, котораго уважалъ въ глубинѣ своей смятенной души, прибавилъ:—Ну, ну, не будемъ ссориться! Впрочемъ, ты самъ виноватъ: все это твои выспреннія размышленія. А вотъ этимъ я долженъ заслужить твое прощеніе: „Купите портретъ Евсевія Рендаля, героя дня, гордости семьи, свѣтила египтологіи, съ приложеніемъ исторіи его жизни отъ самыхъ от-

Digitized by Google

даленныхъ временъ до нашихъ дней"!—Тара-та-та, та-та-та-та! —съ шутливой торжественностью протрубилъ онъ, маршируя по комнатѣ и подавая брату газету.

Рендаль старшій взялъ ее и, держа поодаль, по случаю своей дальнозоркости, всматривался въ свое изображеніе. Да, какъ онони грубо, а можно узнать его крупныя черты, мясистый носъ и добродушное лицо съ бѣлой бородой,—лицо сенатора, по увѣренію дяди Киприана; а внизу, подъ портретомъ, красовалась его біографія, — сухой перечень, почти исключительно состоявшій изъ цифръ и заглавій его книгъ. Но и сухія цифры оживали въ его представленіи, и онъ не могъ удержаться отъ нервной, самодовольной улыбки, которой онъ самъ стыдился, словно чувствуя на своемъ краснѣющемъ лицѣ взоры цѣлой толпы. Впрочемъ, онъ только сдержанно проговорилъ:

— Очень похоже! Очень вѣрно! Благодарю... я возьму съ собой!

— Постой, постой, это еще не все!—остановилъ братъ, заставляя его снова сѣсть.—Вотъ тебѣ для разнобразія и непріятность: тебя ругаютъ въ газетѣ „Бичъ", дрянненькомъ листкѣ, который издаютъ сумасброды, а читаютъ всѣ высшіе слои еврейской аристократіи. Вотъ послушай этотъ кусочекъ!—и голосомъ насмѣшливымъ, но, однако, съ оттѣнкомъ раздраженія, дядя Киріанъ началъ такъ:

„Академическія разоблаченія: въ близкомъ будущемъ, въ академіи соберется коммиссія, на которую возложено присужденіе преміи Виталь-Жерберъ (15.000 фр.) за наилучшее сочиненіе по исторіи, появившееся въ текущемъ году. Одно изъ таковыхъ принадлежитъ перу профессора Евсевія Рендаля, автору „Жизни Клеопатры", — книги, вокругъ которой извѣстная пресса вотъ уже второй мѣсяцъ такъ много нашумѣла. Но въ средѣ академической у г. Рендаля есть серьезная оппозиція. Многіе считаютъ, что своимъ успѣхомъ его книга обязана порнографическимъ подробностямъ, которыхъ въ ней не мало, и которыя привлекли вниманіе особаго рода публики. Воздерживаясь отъ рѣшительнаго сужденія въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, мы однако не можемъ не замѣтить, что это одна изъ самыхъ безнравственныхъ вещей, какія когда-либо выходили изъ-подъ крова святилища науки. Несмотря на то, что г. Рендаль опирается на тотъ фактъ, что онъ приводитъ подлинные египетскіе памфлеты, положимъ, въ переводѣ на латинскій языкъ, но тѣмъ не менѣе, онъ все-таки выпустилъ въ свѣтъ цѣлую кучу подлинниковъ грязи. Намъ хорошо извѣстно, что исторія, какъ и историки, имѣетъ свои

Digitized by Google

обязательства; но г. Рендалю трудно будетъ намъ доказать необходимость изобразить Клеопатру въ видѣ развратницы, употребляющей площадныя слова или изощряющейся въ самыхъ утонченныхъ мерзостяхъ кутежа, какъ какой-нибудь Неронъ въ юбкѣ! Съ нашей точки зрѣнія, гг. „Безсмертнымъ“ предстоитъ выборъ среди совсѣмъ другого рода историческихъ произведеній, которыя затрогиваютъ болѣе обширные вопросы со стороны ихъ общественнаго и вообще высокаго значенія. Чтобы подтвердить наши воззрѣнія, имъ стоитъ только выбрать“!..

— Ну, что-жъ? Вѣдь очень гнусная натяжка!—воскликнулъ въ заключеніе Киприанъ, злобно комкая газету въ рукахъ. —Особаго значенія она имѣть не можетъ, такъ какъ ее читаютъ только наши „youpins“. Но, съ твоего позволенія, я хоть сейчасъ готовъ пойти выдрать за уши ханжу, который позволилъ себѣ...

Слушая чтеніе статьи, Рендаль старшій позеленѣлъ отъ душевной боли, но теперь движеніемъ руки хотѣлъ успокоить брата, хотя голосъ его и звучалъ нетвердо:

— Это безполезно!—пробормоталъ онъ.—Маленькія терніи большой извѣстности... И, наконецъ, я даже знаю, кто это написалъ или заставилъ написать... Это—Сольваръ, мой коллега и въ то же время конкуррентъ; ему хотѣлось бы, конечно, самому получить премію за своихъ „Вольноотпущенниковъ въ римской имперіи“. Я ему помѣшалъ, и онъ бросаетъ въ меня грязью... Классическій пріемъ! Мнѣ остается только пожалѣть бѣднягу и надъ нимъ смѣяться.

И въ самомъ дѣлѣ, Рендаль пытался на лицѣ своемъ изобразить улыбку презрѣнія, но незаслуженность упрека больно сдавила ему горло, и онъ скорѣе выплюнулъ, нежели прохрипѣлъ одно только слово:

— Порнографъ!?

Онъ перевелъ духъ немного и снова повторилъ:

— Порнографъ?!.. Нѣтъ, за всю мою трудовую жизнь никто не говорилъ мнѣ ничего болѣе обиднаго, а ужъ я ли не видывалъ на своемъ вѣку вдоволь зависти и злобы, мелкихъ интригъ и клеветы! О, еслибъ люди знали, какія подонки кроются за такъ-называемой чистой областью науки!.. Порнографъ!.. Ахъ они негодяи!.. Это я-то порнографъ, послѣ такой ученой каррьеры, какъ моя! Я, человѣкъ женившійся почти невиннымъ ребенкомъ, работающій, вотъ уже сорокъ лѣтъ, по двѣнадцати часовъ въ сутки! Видишь: я смѣюсь! Это можетъ быть только смѣшно, а не иначе!..

Digitized by Google

Дядя Кипріанъ молчалъ, чтобы дать ему нѣсколько уходиться, но затѣмъ подошелъ и пожалъ брату руку:

— Вотъ что я называю говорить! Въ тебѣ еще есть кровь Рендалей: тебя задѣли, и ты возмутился... Въ добрый часъ! Надѣюсь, когда ты увидишь этого господина...

— Сегодня вечеромъ!—перебилъ его братъ.

— Какъ? Почему сегодня?—спросилъ озадаченный Кипріанъ.

— Потому что у него балъ, и на этомъ балу намъ представятъ молодого ученаго, жениха для Терезы...

— А! Для моего *племянника?!* (онъ такъ называлъ Терезу по причинѣ ея мужскихъ манеръ). Гм! Ну, это все-таки настоящій поводъ! Только сдается мнѣ, что не захочетъ мой племянникъ знать этого вашего ученаго... Конечно, ты все-таки правъ, что сначала хочешь его посмотрѣть, только будь остороженъ... этотъ твой Сольваръ—порядочный...

— Будь покоенъ!—прервалъ его Рендаль, вставая.—Я буду на-сторожѣ. И, вдобавокъ, ты ошибаешься: внѣ своего честолюбія, Сольваръ вовсе не злой человѣкъ.

— Фью!—свиснулъ недовѣрчиво Кипріанъ.—Можетъ быть! Ну, до свиданія, въ семь часовъ!

IV.

На улицѣ ужъ зажигали фонари, когда Рендаль добрался до своей квартиры. Онъ наскоро переодѣлся, натянулъ на плечи тужурку и, сунувъ ноги въ мягкія войлочныя туфли, впотьмахъ направился въ свой рабочій кабинетъ.

Двѣ большихъ конторки, какъ въ отдѣленіи банка, наполняли собою почти всю комнату. За одной изъ нихъ, при свѣтѣ керосиновой лампы, абажуръ которой набрасывалъ темную тѣнь на бумагу и на лобъ Терезы, и на которомъ порой отражался ея свѣтъ, она работала.

— Ты уже за работой?!—воскликнулъ Рендаль и, захвативъ голову дочери въ обѣ руки, какъ ребенка, принялся цѣловать ее съ тою удвоенною эгоистическою нѣжностью, съ той потребностью чувствовать близость дорогого существа, которую человѣкъ ощущаетъ по отношенію къ своимъ близкимъ, когда онъ только-что испыталъ на себѣ злобу чужихъ.

Тереза съ улыбкой высвободилась изъ его объятій и тихонько сказала:

— Оставь, отецъ! Я держу корректуру твоей статьи для

Digitized by Google

„Обозрѣнія“, за нею придутъ въ половинѣ шестого. Видишь, какъ надо торопиться!

— Прекрасно! Повинуюсь,—проговорилъ Рендаль и, усѣвшись за другой конторкой, притянулъ къ себѣ поближе бумаги, на которыхъ сталъ дѣлать помѣтки.

Вокругъ вся комната была погружена въ потемки, за исключеніемъ узкихъ золотыхъ полосокъ, сверкавшихъ сквозь рѣдкую ткань занавѣсокъ, да большого желтаго круга, который колебался на потолкѣ, надъ лампой. Слышалось только довольно затрудненное дыханіе Рендаля, да трескъ кокса въ каминѣ, да изрѣдка одинокій, унылый звонокъ гдѣ-нибудь по сосѣдству.

— А скажи: гдѣ мать?—вдругъ встрепенулся профессоръ.—Она еще не вернулась?

— Нѣтъ; но, конечно, скоро придетъ... Впрочемъ, мнѣ кажется... собственно, я должна бы молчать, ну, да ужъ разъ заговорила, такъ куда ни шло! Мнѣ кажется, что я видѣла, какъ она входила въ церковь Сенъ-Жермена.

— Опять!—съ соболѣзнованіемъ качая головой, замѣтилъ Рендаль.—Съ утра это ужъ второй разъ!.. Просто, жалости достойно!

— Что-жъ дѣлать, если ей это доставляетъ спокойствіе и счастье?—возразила Тереза, улыбаясь.

Онъ самъ, атеистъ, не вѣрующій ни во что, кромѣ своей науки, развѣ не дѣлалъ все возможное, чтобы доставить ей, женѣ своей, и счастье, и покой? Она можетъ это все чистосердечно подтвердить, если еще не забыла. А между тѣмъ, ему жестоко было разочароваться!

Но кто же, глядя на m-lle Дежаньеръ, всегда веселую и хохотушку, почти ребенка, несмотря на свои двадцать лѣтъ, или на ея отца, марсельскаго адвоката, пріѣхавшаго попытать счастья въ Александріи, добраго малаго, прекраснаго исполнителя шансонетокъ,—кто могъ бы предположить, что душу молодой дѣвушки терзали тайные порывы чрезмѣрной набожности? Ахъ, да не все ли это равно для молодого мужа, который мечталъ излечить свою невѣсту? И съ самаго дня свадьбы, тамъ же въ Александріи, онъ началъ систематично отучать ее отъ ханжества; онъ уговаривалъ, онъ объяснялъ, доказывалъ... Она сначала, изъ любви къ нему, подчинялась его требованіямъ, пыталась преодолѣть свой суевѣрный страхъ. Но, мѣсяца три спустя, она упала передъ мужемъ на колѣни и умоляла его прекратить эту пытку, позволить ей ходить на исповѣдь опять,—и, видя, что ей это такъ прискорбно, онъ вынужденъ былъ уступить.

Digitized by Google

Бѣдную женщину терзали ужасы пытки, которые ей краснорѣчиво представляла въ дѣтствѣ ея старушка-няня, родомъ изъ Прованса. Это было нѣчто въ родѣ Данта въ юбкѣ, по вечерамъ стращавшаго дѣвочку картинами раскаленнаго пламени и мученій, которыми демоны истязаютъ грѣшниковъ, изнывающихъ въ вѣчномъ стенаніи. По мѣрѣ того, какъ изъ ребенка выростала дѣвушка, душа ея какъ-то съёживалась, сосредоточиваясь на мельчайшихъ проявленіяхъ того, что она считала грѣховнымъ и непростительнымъ. Ей казалось, что малѣйшій проступокъ ее душитъ и будитъ въ ней потребность бѣжать и каяться въ немъ на духу. И вотъ ужъ тридцать-третій годъ, какъ она замужемъ ведетъ такую жизнь: сама страдаетъ въ глубинѣ души отъ своихъ суевѣрныхъ страховъ и мучается за своихъ, въ боязни возбудить ихъ насмѣшки, но еще того больше подать поводъ къ ихъ проклятію въ грядущей жизни.

— Ея спокойствіе и счастье?—бормоталъ Рендаль, водя перомъ по бумагѣ.—Да! Еслибъ только у нея хватило духу поручить ихъ мнѣ!..

Звонокъ рѣзко прозвучалъ два раза.

— А, вотъ и мать!—замѣтилъ отецъ.—Интересно знать, что-то она намъ скажетъ?

Г-жа Рендаль вошла, одѣтая въ узкую черную драповую кофту, лоснившуюся на плечахъ. Задыхаясь отъ быстрой ходьбы, она пролепетала:

— Погодите!..—и, покрѣпче нажимая рукой свое усиленно бившееся сердце, пояснила:—я слишкомъ торопилась вверхъ по лѣстницѣ.

— Присядь и отдохни!—флегматично предложилъ ей мужъ.

— Нѣтъ, нѣтъ: готово! Мнѣ уже легче стало!

Она разстегнула пелеринку и подошла поцѣловать сначала мужа, а потомъ и дочь; щеки у нея были холодны, какъ ледъ, грудь глубоко подымалась.

— Откуда ты такъ поздно?—спросилъ Рендаль, не отрываясь отъ работы.

— Такъ поздно?—возразила она.—Совсѣмъ ужъ не такъ поздно: ну, четверть шестого, никакъ не позже! Я заходила къ Гербуа, заказать пирогъ. Вѣдь Кипріанъ обѣдаетъ у насъ?

— Да. Обѣдаетъ.

Она не посмѣла продолжать; ей уже становилось жутко, такъ какъ она невольно опять почти впала въ смертный грѣхъ обмана. Подойдя къ камину, она помѣшала пылавшіе уголья, поправила лампу, которая начинала коптить, и, не будучи въ силахъ

Digitized by Google

выдерживать дольше молчаніе, полное ироніи и даже, быть можетъ, подозрѣній, поспѣшила выйти.

Тереза обмѣнялась съ отцомъ многозначительной усмѣшкой:

— А? Видѣла ты ея пирогъ?—проговорилъ Рендаль, пожимая плечами, и дочь съ чувствомъ соболѣзнованія замѣтила въ отвѣтъ:

— Бѣдная мама! Такая она милая!

Приблизительно безъ четверти шесть, дядя Кипріанъ пошелъ къ себѣ въ кухню чистить, по обыкновенію, собственноручно свои сапоги. Онъ намѣревался зайти въ пивную Клапротъ, на улицѣ Вавѣнъ, и тамъ съ часокъ побесѣдовать со своимъ пріятелемъ Шлейфманомъ, потягивая вино для возбужденія аппетита. Лица, знавшія Кипріана за яраго антисемита, конечно, изумлялись его дружбѣ съ галичаниномъ-евреемъ; но когда его разспрашивали по этому поводу, дядя Кипріанъ не выказывалъ ни малѣйшаго смущенія и тотчасъ принимался искренно увѣрять, что этотъ Шлейфманъ—„самый добрый малый, какой только можетъ быть на свѣтѣ, и столько же антисемитъ, сколько и мы съ вами“!

Положимъ, это заявленіе было или преувеличено, или до нѣкоторой степени ошибочно. Если Шлейфманъ и былъ антисемитъ, то развѣ въ смыслѣ любви къ своему племени и народной гордости, и если могъ казаться антисемитомъ, то единственно въ такомъ же смыслѣ, какъ пророки Іеремія, Исаія или Амосъ. Въ дѣйствительности, рѣзкій, пророческій духъ осужденія жилъ въ душѣ его, но онъ только потому и проклиналъ своихъ соотечественниковъ, что они не выполняли назначенія, заповѣданнаго Богомъ Израилю, и полагали его въ удовлетвореніи мелкаго тщеславія, вмѣсто того, чтобы властвовать надъ міромъ силою своего ума. Народная гордость была даже причиной всѣхъ бѣдствій въ его жизни, полной приключеній.

Получивъ степень доктора философіи въ лембергскомъ университетѣ, онъ не замедлилъ промѣнять свою вѣру на вѣру всего міра, на соціализмъ. Онъ считалъ, что иниціаторами этой вѣры, какъ и всякой другой, были евреи. Карлъ Марксъ и Лассаль казались ему посланцами Іеговы на землѣ, для распространенія по всему міру новыхъ экономическихъ началъ будущаго. Для него ихъ книги были священнѣйшимъ закономъ, который и побудилъ его примкнуть къ главнѣйшимъ группамъ соціалистовъ и распространять пропаганду. Его рвенію, однако,

Digitized by Google

положили предѣлъ трехмѣсячное заключеніе и десятилѣтнее воспрещеніе въѣзда въ столицу.

Сидя въ тюрьмѣ, онъ имѣлъ время обдумать, гдѣ бы ему искать себѣ потомъ пристанища. Въ Австріи, въ Германіи слишкомъ былъ бы для него тяжелъ надзоръ со стороны полиціи, и потому выборъ его палъ на Францію, гдѣ онъ и поселился въ 1882 году. Какъ средство къ существованію, Шлейфманъ избралъ себѣ уроки нѣмецкаго языка, естественныхъ наукъ и философіи, и явился въ Парижъ уже снабженный рекомендательными письмами вѣнскихъ евреевъ къ ихъ роднымъ, жившимъ въ Парижѣ; въ скоромъ времени у него составилась настолько большая практика, что онъ достигъ даже нѣкоторой обезпеченности... Но не долго пришлось ему жить спокойно: онъ принялся приводить въ исполненіе свои планы: возстановленія благосостоянія еврейскаго народа. Они состояли въ томъ, чтобы богачи дѣлились съ меньшой братіей своимъ имуществомъ, оставляя себѣ единоличный капиталъ съ доходомъ въ 10.000 фр.—не больше!

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ своего благополучнаго водворенія на житье въ Парижѣ, Іоганнъ Шлейфманъ счелъ моментъ благопріятнымъ для начала своихъ дѣйствій въ этомъ направленіи, и принялся разъяснять свои теоріи родителямъ своихъ учениковъ; но не долго пришлось ему тѣшить себя пріятнымъ заблужденіемъ, что ему будутъ сочувствовать. Каждый дрожалъ за свое положеніе и не хотѣлъ идти въ разрѣзъ съ остальными, т.-е. собственно съ крупными финансистами, сердить которыхъ опасались даже сами раввины, умолявшіе его не приводить въ дѣйствіе своихъ стремленій. Одни отнеслись къ нему сухо, другіе насмѣшливо. Многіе перестали его приглашать заниматься съ дѣтьми; весьма немногіе соблаговолили обсуждать съ нимъ поднятый имъ же самимъ вопросъ. Единодушно всѣ отстаивали мнѣніе, что въ нѣмецкихъ или въ славянскихъ земляхъ антисемитическое направленіе еще можетъ привиться, но во „Франціи милой“, въ свободной Франціи,—нѣтъ, никогда!..

Словомъ, Іоганнъ Шлейфманъ очутился опять не при чемъ, но, не унывая, онъ рѣшился перетерпѣть тяжелое время и выждать, пока судьба не станетъ къ нему благосклоннѣе. Съ этой цѣлью онъ распродалъ свои книги, свою обстановку, чтобы на случай болѣзни, или тому подобнаго, не остаться безъ гроша, и засѣлъ въ одной единственной, но большой и свѣтлой комнатѣ шестого этажа, ждать у моря погоды. Такъ прошло три года, и онъ ужъ начиналъ отчаяваться въ дѣйствительности своихъ предсказаній, какъ вдругъ — они исполнились: на почвѣ

Digitized by Google

„Франціи милой“ взошелъ и расцвѣлъ антисемитизмъ изъ-подъ толстаго слоя злобы и зависти, неудачъ и чрезмѣрныхъ требованій. И съ каждымъ днемъ становился все пышнѣе и пышнѣе его обильный цвѣтъ.

Сначала это открытіе доставило Шлейфману тщеславную радость, но затѣмъ—огорченіе; и онъ сталъ слѣдить за его развитіемъ съ этимъ двоякимъ ощущеніемъ. Ничто его такъ не раздражало, какъ чтеніе отчетовъ о балахъ и раутахъ, которые давались богачами: онъ пылалъ негодованіемъ при мысли, какая масса денегъ непроизводительно тратилась на эти глупости, когда части ихъ было бы довольно, чтобы въ значительной степени помочь бѣднякамъ.

Приблизительно въ эту пору онъ познакомился въ пивной Клапрота съ Кипріаномъ Рендалемъ, который увидалъ въ Шлейфманѣ неизсякаемую руду любопытныхъ документовъ, а тотъ, въ свою очередь, открылъ въ лицѣ своего новаго пріятеля неоцѣненный образецъ ненавистниковъ его народа. Еврей-галичанинъ хотѣлъ обратить на путь истинный француза, убѣждая его въ непреложности воззрѣній Маркса, а Рендаль далъ себѣ клятву разубѣдить изгнанника въ его интернаціональныхъ воззрѣніяхъ. И, сверхъ того, естественнымъ звеномъ, которое связывало ихъ, являлась бѣдность; она своими узловатыми руками мѣситъ въ одно общее тѣсто, связываетъ въ одну общую семью всѣхъ бѣдняковъ и угнетенныхъ, дѣлая изъ нихъ равноправныхъ и *родныхъ* по духу, безъ разбора возраста и племени, или какихъ бы то ни было другихъ особенностей. За цѣлыхъ восемь лѣтъ, которыя они были знакомы, почти ни одного дня не проходило, чтобъ они не видались.

Наконецъ, дядя Кипріанъ совсѣмъ уже собрался уходить, какъ вдругъ на самомъ порогѣ наткнулся на Шлейфмана.

— Какъ? Это вы?!

— Да, это я!—своимъ носовымъ и протяжнымъ акцентомъ, явившимся въ силу привычки говорить по-еврейски, проговорилъ тотъ.—Я думалъ, что вы прихворнули; васъ не было вчера видно, и я забѣжалъ провѣдать...

— О, пустяки! маленькій ревматизмъ... Да войдите же, голубчикъ, цѣлую вѣчность намъ не приходилось толковать!..

Онъ заперъ дверь, и потянулъ за рукавъ своего друга.

— Ну, потолкуемъ; хорошо! Я, кстати, вамъ принесъ сюрпризъ, который обѣщалъ на-дняхъ. Вотъ вамъ: наслаждайтесь!— и онъ бросилъ на столъ нѣчто въ родѣ словаря въ рыженькой

Digitized by Google

обложкѣ, на которой черными буквами стояло: „Ежегодникъ французскихъ финансовъ“.

Пока Кипріанъ разглядывалъ эту книжонку, галичанинъ сидѣлъ полулежа на зелененькомъ репсовомъ диванѣ. Это былъ типъ азіатскаго еврея, съ лицомъ калмыка и калмыцкой желтизной; его мясистый носъ былъ слегка вздернутъ на концѣ, а ноздри широко раздуты; глаза маленькіе, желтоватаго оттѣнка, сверкали лукавствомъ. Борода и волосы, подернутые просѣдью, вились мелкими кудрями, какъ у барана; а на носу, для облегченія природной близорукости, красовались большія золотыя очки, —высшая степень изящества, по мнѣнію университетски-образованныхъ тевтоновъ.

— Что, братецъ? Каково? Именъ-то сколько, именъ: — еврейскихъ, мусульманскихъ, христіанскихъ... Имена всѣхъ временъ и народовъ! Да, этимъ господамъ принадлежатъ всѣ богатства страны; они подписываютъ то, что насъ обираетъ, какъ липку, или безпокоитъ... Одно изъ такихъ именъ на одной изъ подобныхъ бумагъ значитъ гораздо больше, чѣмъ цѣлый зарядъ динамита подъ домомъ. По его дудкѣ скачутъ и пляшутъ милліоны, какъ апельсины въ рукахъ искуснаго жонглера. Но, слава Богу, это не всегда такъ будетъ!

— Да вы — плутъ, Шлейфманъ! — пробормоталъ Рендаль-младшій, бросая на галичанина пытливый взглядъ, на минуту оторвавшійся отъ книги.—Знаемъ мы прекрасно всѣ ваши уловки: вамъ хочется меня воспламенить на почвѣ соціализма? Ну, ужъ нѣтъ, дудки! Сегодня на эту удочку рыбка не пойдетъ! Я стою за свободу, за собственность, за всѣ основы нашего дрянного общества, лишь бы только оно дѣйствовало честно. Да, да: непремѣнно! А не то—мы васъ прижмемъ къ стѣнѣ, господа биржевики!

Шлейфманъ возражалъ довольно мягко и, наконецъ, усѣлся рядомъ съ хозяиномъ дома, направляя его изысканія на страницахъ биржевого „Словаря“. Рендаль возбужденно рылся въ перечнѣ именъ, совѣтовъ администраціи, коммиссій и под-коммиссій, и прочихъ боевыхъ принадлежностей биржевой игры. Особенно же горячился Кипріанъ каждый разъ, какъ встрѣчалась еврейская фамилія, и голосъ его выражалъ отчаяніе человѣка, котораго, по меньшей мѣрѣ, грабятъ или душатъ.

— Еще одинъ! — воплемъ вырывалось у него.

— Да, кажется... Но... чѣмъ же я-то виноватъ?—печально поддакивалъ галичанинъ, и они такъ прилежно оба углублялись въ свое чтеніе, что, глядя на нихъ съ тыла, ихъ можно было

Digitized by Google

принять за прилежныхъ школьниковъ, разглядывающихъ книжку съ картинками, или какія-нибудь увлекательныя приключенія.

— Ахъ, кстати: вы, кажется, знаете весь Парижъ? — воскликнулъ вдругъ неожиданно Кипріанъ.—Знаете вы нѣкоего профессора Сольвара?

— Еще бы мнѣ его не знать! Понятно! Онъ помѣстилъ свои капиталы въ банкѣ Штуммервицъ, а я у нихъ въ семьѣ преподаю нѣмецкій языкъ, или, вѣрнѣе — помогаю изучать его, такъ какъ дѣти сами почти нѣмцы со стороны отцовскаго дѣдушки, который былъ родомъ изъ Кёльна. Господинъ не особенно безупречный, и даже не изъ набожныхъ. Какъ ученый— человѣкъ третьестепенный; ума—не выше средняго; писатель— анемичный и неискренній; интриганъ и прожорливый, — онъ съумѣлъ воспользоваться возможностью пролѣзть въ „Институтъ“ и запастись титуломъ „академика“, съ цѣлью проникнуть въ правительственныя засѣданія, коммиссіи и т. д. Наконецъ, можно справиться въ словарѣ (дядя Кипріанъ тотчасъ же справился): онъ фигурируетъ тамъ въ качествѣ члена трехъ дѣйствующихъ совѣтовъ, хоть и не изъ вѣскихъ. Что же касается его жены...

— Ханжа, конечно?

— Нѣтъ, только не ханжа; напротивъ,—распущенная. На этотъ разъ я знаю про нее многое, но не все: не знаю, напримѣръ, имени ея разнообразныхъ пріятелей; двоихъ, только двоихъ, можно назвать. Она тщеславна, накрашена, намазана чуть не съ головы до самыхъ пятъ; любитъ злословить; легко раздражается, вслѣдствіе болѣзни желудка.

Рендаль не могъ дольше выдержать: онъ вскочилъ и заторопился:

— Простите, Шлейфманъ: мнѣ пора къ брату обѣдать!— заговорилъ онъ, ласково кладя ему руку на плечо. — А братъ какъ разъ къ этому-то самому прощалыгѣ ѣдетъ сегодня на вечеръ. Очень радъ, что получилъ о немъ такія подробныя свѣдѣнія; право же, клянусь вамъ, очень радъ! Вы на меня не въ претензіи, что я бѣгу? Я только, только-что поспѣю! Ну, выйдемъ вмѣстѣ.

Внизу, на крыльцѣ, онъ второпяхъ простился и побѣжалъ къ брату изливать передъ нимъ все то неказистое, чего наслушался про его коллегу.

Digitized by Google

V.

Не безъ нѣкотораго смущенія встрѣтилъ Евсевій появленіе Кипріана: онъ предчувствовалъ, что не особенно пріятные должны выйти у нихъ споры, если всегда заносчивый и горячій Кипріанъ, вдобавокъ, еще находится сегодня въ *говорильномъ* настроеніи. Поэтому онъ довольно-сдержанно и холодно сказалъ ему:

— Я сейчасъ... вотъ, только кончу! Мои дамы—въ гостиной; хочешь, подожди меня тамъ...

Едва затворилась дверь за дядей Кипріаномъ, какъ Рендаль вздохнулъ свободнѣе и подумалъ, что прекрасно сдѣлалъ, такъ энергично съ самаго начала уклонившись отъ споровъ, которые онъ ненавидитъ.

За обѣдомъ это довольство еще болѣе усилилось. Дядя былъ очарователенъ со всѣми, подшучивалъ надъ „племянникомъ“ по поводу предстоявшаго новаго знакомства, называя ее „madame-племянникъ“, и даже объявлялъ торжественно рыженькой прислугѣ-брюнеткѣ, что и ея чередъ,—чортъ побери!—скоро настанетъ!

Тереза милостиво относилась къ этимъ довольно грубымъ шуткамъ, зная прекрасно, сколько истинной нѣжности таилось подъ корой его гнѣвныхъ вспышекъ и яростныхъ проклятій. Г-жа Рендаль, такъ та даже восхищалась въ душѣ своимъ деверемъ, тѣмъ болѣе, что онъ такъ горячо ненавидѣлъ евреевъ, въ которыхъ она привыкла видѣть исключительно племя, замучившее на землѣ Сына Божія. Ея кругленькое личико съ мягкими щеками вспыхнуло румянцемъ удовольствія, когда онъ похвалилъ ея пирожное, и до конца обѣда она не переставала одобрительно смѣяться при каждой его попыткѣ къ остроумію, хоть и не всегда его понимала. Мужъ, изъ вѣжливости, поддерживалъ ее улыбкой. Послѣ обѣда мужчины перешли въ кабинетъ Рендаля. Старшій устроился на диванѣ, и съ полузакрытыми глазами какъ бы дремалъ съ тѣмъ чувствомъ полнаго успокоенія, которое ощущаешь въ обществѣ вѣрнаго друга; его протянутыя ноги опирались на рѣшетку камина. Дядя Кипріанъ, напротивъ, ходилъ по комнатѣ, энергично попыхивая своей грубой трубкой изъ настоящаго вогезскаго черешневаго дерева. Онъ готовился сразить своего старшаго брата неожиданнымъ залпомъ картечи,—и, наконецъ, рѣшился.

— Нечего сказать, твой сегодняшній амфитріонъ — себѣ на умѣ, — выпалилъ онъ вдругъ, и дѣйствительно испугалъ брата. Тотъ вздрогнулъ и раздражительно произнесъ:

Digitized by Google

— Что? что такое?

— Ну, да, Сольваръ, чортъ побери! Миленькія я о немъ имѣю свѣдѣнія, нечего сказать! Есть ему чѣмъ похвалиться!— И, одинъ за другимъ, всѣ запасы выстрѣловъ, заготовленныхъ Шлейфманомъ, пошли въ употребленіе.

— Ты меня несказанно удивляешь! Признаюсь, Сольвара я немного знаю, и отношенія у насъ только служебныя; но мнѣ никогда еще не случалось слышать ничего такого... Твой пріятель, вѣрно, преувеличилъ...

Дядя Кипріанъ самоувѣренно улыбался,—повидимому, углубившись въ вытряхиваніе пепла изъ трубки.

— Ну, а скажи-ка мнѣ,—началъ онъ опять:—гдѣ живетъ этотъ твой Сольваръ?—Профессоръ задвигался на стулѣ, предвидя, какое важное значеніе будетъ имѣть его отвѣтъ, и попробовалъ увернуться.

— Ахъ, Боже мой, да я и не знаю хорошенько... Тереза тебѣ скажетъ, если хочешь: у нея пригласительный билетъ.

— Какъ это такъ,—ты не знаешь?—придирчиво подхватилъ братъ.—Вотъ еще новости, нечего сказать! Я допускаю, что ты могъ забыть нумеръ дома, но улицу-то, улицу вѣдь ты помнишь, а?

— Мнѣ кажется... если не ошибаюсь, онъ живетъ въ улицѣ Клебѣръ... да, да: въ улицѣ Клебѣръ!

— Ну, разумѣется!—побѣдоносно воскликнулъ Кипріанъ.—Я былъ готовъ даже побиться объ закладъ!—и тотчасъ же, найдя удобный случай еще разъ исповѣдать свою теорію „двухъ береговъ", въ громовомъ безпорядочномъ скопленіи трескучихъ фразъ и сравненій принялся ее излагать со своимъ обычнымъ жаромъ.

Правду сказать, онъ не одинъ былъ авторомъ этой теоріи. Она возникла изъ его бесѣдъ съ Шлейфманомъ, который подалъ мысль, а уже дядя Кипріанъ развилъ ее и украсилъ своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ. Въ силу того, что они оба ее мололи и перемалывали чуть не ежедневно, они перестали различать въ ней каждый свою долю, и потому, въ отсутствіе одного, другой спокойно приписывалъ себѣ одному всю славу творчества.

По ихъ мнѣнію, Парижъ состоялъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ городовъ, отличавшихся одинъ отъ другого какъ своимъ населеніемъ, такъ его нравами и обычаями. Сена служила какъ бы границей этихъ двухъ враждебныхъ лагерей; на одномъ берегу раскинулся достойный уваженія Сіонъ, на другомъ—грѣшная Гоморра.

Сіонъ—вѣнецъ добродѣтели, труда и чистыхъ упованій; его

Digitized by Google

населеніе—вмѣстилище скромности, трудолюбія,—свято хранитъ, несмотря на бѣдность и тяжелый трудъ, преданія старины, ея стремленія—ко всему честному, благопристойному. Его мужчины—чисты помыслами, женщины—безукоризненно цѣломудренны. Все наслѣдіе отцовъ, въ смыслѣ честности, самоотверженія, великодушія, передавалось и передается отцами своему потомству, изъ рода въ родъ, неподкупно, въ сторонѣ отъ позорныхъ примѣровъ того, что̀ творится за предѣлами этого дѣйствительно святого города.

Гоморра,—на правомъ берегу, всегда была вмѣстилищемъ грѣха, порочности, безчестія. Этотъ городъ—логовище пестрой орды разноплеменныхъ негодяевъ, которые втихомолку прокрались во Францію послѣ войны и пустили тамъ корни. Это порочная толпа кочевниковъ безъ принциповъ, безъ вѣры, безъ отечества; единственное связующее ее звено—жажда золота и грубыхъ наслажденій. Биржевая игра набила биткомъ ихъ сундуки, преступными ухищреніями куплена роскошь ихъ богатой обстановки. Женщины здѣсь стоютъ мужчинъ и не стѣсняясь занимаются адюльтеромъ, какъ ихъ мужья и братья—плутовствомъ. Цѣлые кварталы, и даже самые лучшіе, сдѣлались ихъ собственностью, ихъ мѣстопребываніемъ: Шалльо̀, Монсо̀, Мальзербъ, ле-Руль, преклоняются передъ законами и денежною властью этой новой Гоморры. Что̀ ни улица—то рядъ роскошнѣйшихъ домовъ, населенныхъ искателями приключеній, занятыхъ снизу до верху евреями. Семиты Франкфурта здѣсь водятъ дружбу съ авантюристами Новаго-Свѣта; сомнительной репутаціи американецъ якшается съ подозрительной личностью съ дальняго Востока. И вся страна подчиняется требованіямъ этой оравы безъ стыда, безъ совѣсти, отдающей свои приказанія на безобразно-искаверканномъ нарѣчіи. Правый берегъ, это—городъ, преданный проклятію!..

Изъ этихъ описаній дядя Кипріанъ создавалъ блестящіе эффекты и нескончаемыя рѣчи—и какъ бы мѣрило для опредѣленія достоинства людей. Жилъ ли человѣкъ на томъ или на этомъ берегу, нужды нѣтъ: все равно, дядя Кипріанъ находилъ, къ чему приплести свои разсужденія. Житель лѣваго берега тотчасъ же могъ поручиться, что ему будетъ симпатизировать этотъ грозный критикъ; житель праваго, наоборотъ, могъ разсчитывать на его подозрительность, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, что, убѣдившись въ его порядочности, онъ отдастъ ему справедливость, если увидитъ, что ошибся.

Какъ ни старался Евсевій Рендаль разбить или хотя бы

Digitized by Google

нѣсколько смягчить ярыя теоріи брата, тотъ не поддавался, потому что онѣ давали пищу его негодованію, его страстямъ, и отличались въ то же время крайней простотой. Въ тотъ вечеръ онъ особенно горячился и, топая, метался разъяренно по всей комнатѣ.

— Да, да!—кричалъ онъ брату.—Да, ты ничего не видишь и не знаешь! Живешь ты въ своихъ четырехъ стѣнахъ, зарывшись въ свои книги, и никогда не заглядывалъ дальше моста „Святыхъ-Отцовъ". Тебя обманываютъ, и ты даешься въ обманъ, какъ ребенокъ, какъ какой-нибудь „boy", какъ говоритъ Шлейфманъ. Да поди-жъ ты хоть разъ прогуляйся, куда я тебѣ укажу; потолкуй самъ, поразспроси—и самъ увидишь, что въ этихъ домахъ происходятъ страшнѣйшія мерзости.

Утомившись молчаніемъ, Рендаль попытался-было возразить:

— Однако, ты не можешь отрицать, что среди всѣхъ этихъ мерзостей есть и блестящія исключенія; напримѣръ, семьи благороднѣйшихъ аристократовъ, удалившіяся въ новые кварталы не ради какихъ-либо иныхъ цѣлей, а ради того только, чтобы отдохнуть отъ свѣтской суеты. Не можешь же ты утверждать, что эти люди...

— Нѣтъ, могу; могу! И буду утверждать!—кипятился дядя Кипріанъ; и тотчасъ же, какъ цѣлый рядъ пестрыхъ шутихъ, выпустилъ фейерверкомъ всѣ свои порывы негодованія, громя направо, налѣво, разнося всѣхъ, снимая со всѣхъ головы. Всѣмъ доставалось, по очереди, безпощадно: павшей аристократіи, евреямъ, биржевикамъ, патерамъ...

На минуту онъ пріостановился, но чувствуя, что молчаніе можетъ еще больше раздражить брата, продолжалъ ораторствовать, цитируя своихъ любимцевъ:

— Язва демократіи... неизбѣжное зло... Этотъ Рошфоръ—такая умница!.. Опытомъ дознано... И Дрюмонъ тоже... что̀ за краснорѣчивый умъ!.. Ужъ давно биржевики и финансисты... Шлейфманъ, безъ сомнѣнія, выдающагося ума человѣкъ... Необходимо слегка коснуться историческихъ данныхъ...

Дядя Кипріанъ инстинктивно понизилъ голосъ: въ комнату вошла Тереза; а мѣткихъ насмѣшекъ или возраженій своего *племянника* онъ больше всего опасался.

— Ну, чего вы? Пари держу, что ты опять поддразниваешь бѣднаго моего папа̀?—спросила она.

— А... гм! Нѣтъ нѣтъ; нисколько! Мы разговариваемъ, ну... и, понимаешь, немножко не бѣда погорячиться...

Тереза поглядѣла на него съ лукавою усмѣшкой.

Digitized by Google

— Да, дядя! Да, я вижу, что ты горячишься... даже ко мнѣ въ комнату слышно. Ну, отецъ, пора ѣхать: одиннадцать часовъ. Мама уже готова... Иди, скорѣй одѣнься...

Оставшись наединѣ съ дядей, она подошла къ зеркалу, чтобы поправить прическу, которую цвѣты немного примяли. Яркая бѣлизна гвоздики, которую она носила въ память Альбара, нѣсколько оживляла ей лицо, а кисейный розовый лифъ, вырѣзанный на груди, чуть-чуть, смягчалъ желтизну ея кожи.

Тереза взглянула на себя и невольно, по-дѣтски, сама себѣ улыбнулась: она удивлялась, что могла себѣ показаться такой интересной и даже почти хорошенькой. Въ ней, дѣйствительно, была та неуловимая искорка духовной красоты, которая загорается въ женщинѣ, когда она принарядится. Это—своеобразная, быстролетная прелесть, которая ступевывается или вовсе исчезаетъ въ соперничествѣ съ красавицами бала. Но дома, въ своихъ четырехъ стѣнахъ, она утѣшаетъ, она ободряетъ даже самыхъ некрасивыхъ. На минуту женщина думаетъ, что она миловидна и, пожалуй, даже красива, очень красива; она рѣшается ѣхать, идетъ смѣло.

— Ну, что, племянникъ?—ласково поглядывая на ея невинное кокетство передъ зеркаломъ, проговорилъ дядя.—Итакъ, мы отправляемся веселиться въ міръ веселящейся толпы?

— Еще бы, дядя!—со вздохомъ возразила Тереза.—Въ мірѣ этомъ такъ ужъ заведено, такъ было, есть и будетъ; пока будутъ люди на землѣ, всегда будетъ общество легкомысленныхъ людей, не признающихъ ничего, кромѣ веселья. Если не на томъ, такъ на этомъ берегу, но люди уже непремѣнно будутъ веселиться! Такъ ужъ полагается, и ничего ты съ этимъ не подѣлаешь!

Дядя Кипріанъ провелъ себѣ рукой по головѣ противъ шерсти, и его щетинистые волосы одинъ за другимъ выскользали изъ-подъ пальцевъ.

— Гм! Философствуй, философствуй, мой племянникъ! Впрочемъ, ты знаешь, намъ съ тобой вѣдь спорить невозможно: я боюсь, ты меня забьешь! Признаюсь, ты зачастую ставишь меня въ тупикъ!

Вошелъ Рендаль съ женою, укутанной въ свою длинную пелерину; на головѣ у нея высилась эгретка съ потертыми лиловыми перьями, уже помятыми и порѣдѣвшими, какъ истертая кисть.

— Ну, выйдемъ вмѣстѣ!—проговорилъ Рендаль старшій.

Всѣ вышли, усѣлись въ карету, нумеръ которой Бригитта подала профессору. Дядя Кипріанъ захлопнулъ дверцу. Карета тронулась.

Digitized by Google

— Въ добрый часъ! Желаю тебѣ веселиться, мой племянникъ!—и, повернувшись къ Бригиттѣ, онъ слегка ущипнулъ ее за щеку, прибавивъ:

— А тебѣ—спать покрѣпче и видѣть во снѣ жениха!

Поднявъ воротникъ, онъ взмахнулъ палкой и, продолжая махать ею, какъ смертоноснымъ орудіемъ, зашагалъ по направленію къ дому.

VI.

Балъ, который г-нъ и г-жа Леменьé де-Сольваръ давали въ честь помолвки своей племянницы съ гвардейскимъ офицеромъ де-Ламорнерé, 21-го гусарскаго полка, привлекъ особенно многочисленную публику, и въ самомъ дѣлѣ стоилъ особаго вниманія. Присутствіе военнаго элемента, литераторовъ, художниковъ, ученыхъ, высшей буржуазіи, банкировъ и свѣтскихъ людей—все это способствовало къ оправданію общаго мнѣнія, что балъ замѣчательно удался. Для этого хозяева дома, видимо, денегъ не щадили; одинъ открытый буфетъ, сверкавшій серебрянымъ приборомъ и разнообразіемъ утонченныхъ яствъ, чего стоилъ! Вездѣ—цвѣты; цвѣты группами, углами, цвѣты въ горшкахъ и въ корзинкахъ; цвѣты шпалерами, до половины оконъ.

Оркестръ цыганъ, въ живописныхъ костюмахъ, во время антрактовъ между танцами привлекалъ толпу, которая смотрѣла на нихъ, какъ на диво. Но вотъ они начинали играть... Отъ толпы отдѣлялась пара, другая—и вскорѣ блестящее зеркало паркета, отражавшаго люстры, исчезало подъ ногами пестрой толпы танцующихъ. Маменьки улыбались; старики-ученые, задумавшись, отбивали машинально тактъ ногою; молодыя женщины закидывали назадъ головку съ томною полу-улыбкой... Подъ впечатлѣніемъ страстныхъ звуковъ музыки, располагавшихъ нервныхъ людей къ задумчивости, всѣ на мгновеніе единодушно трепетали отъ восторга, сливаясь на мигъ въ одну общую, очарованную толпу.

Съ послѣднимъ аккордомъ это обаяніе исчезало. Группы танцующихъ распались; всякій возвращался къ своимъ и снова занималъ въ обществѣ свое обычное мѣсто; снова, между затихшими группами людей, которыхъ связывали разнородные интересы, какъ и посреди залы, разстилалось блестящее зеркало паркета.

Чтобы рискнуть появиться на немъ, смѣлости хватило лишь у немногихъ молодыхъ людей—завсегдатаевъ главнѣйшихъ клу-

Digitized by Google

бовъ, снизошедшихъ на усиленныя просьбы г-жи Сольваръ,—да еще у товарищей жениха, блестящихъ гвардейцевъ. Послѣдніе бродили въ антрактахъ по гостинымъ попарно, одной рукою поддерживая товарища подъ согнутый локоть, а другою покручивая свой лихой гусарскій усъ. Безцеремонно-критическимъ окомъ, какъ лошадей, оглядывали они дамъ, и такъ пресыщенно смотрѣли ихъ глаза, что они, казалось, нарочно съуживали ихъ, чтобъ соразмѣрить взглядъ свой съ ничтожностью окружавшаго ихъ мелочного люда, или, быть можетъ, просто страдали отъ постояннаго желанія чихнуть. Что же касается прочихъ слоевъ общества, собравшагося въ гостиныхъ, Сольвару такъ и не удалось слить ихъ во-едино. Буржуазія льнула къ представителямъ своихъ интересовъ; биржевики—къ своимъ; литераторы и артисты—также.

Маленькаго роста, лысый, съ раскосыми глазами, съ желтымъ лицомъ, обрамленнымъ короткими сѣдыми бакенбардами, Сольваръ улыбался, не переставая кланяться, стоя въ дверяхъ у входа въ залу, какъ-то подпрыгивая при этомъ на своихъ высокихъ каблукахъ, словно въ ожиданіи, что гости дадутъ ему на чаёкъ,—до того его способъ встрѣчать гостей и провожать ихъ льстивымъ привѣтствіемъ напоминалъ услужливость дворецкаго.

Когда появились Рендали, онъ, скользя по паркету, бросился къ нимъ на встрѣчу:

— А, любезный коллега! Какъ я радъ! Вѣдь послѣ вашего блестящаго успѣха мы еще не видались! Какой успѣхъ! Какой замѣчательный трудъ!

Онъ въ обѣ руки забралъ руку коллеги, кланялся съ дамами, и таинственно шепталъ на ухо Рендалю:

— А знаете, нашъ молодой ученый уже тутъ... Милѣйшій малый и навѣрное понравится... судьба! Fata volunt! Пожалуйте, пожалуйте сюда; сейчасъ вамъ покажу наше восьмое чудо свѣта...

По близости, въ первомъ и во второмъ ряду стульевъ оказалось нѣсколько свободныхъ мѣстъ; мужъ и жена Рендали сѣли во второмъ; Тереза съ двумя дочерьми одного изъ коллегъ ея отца—въ первомъ, впереди. Маленькія, худыя, онѣ оглядывали туалетъ молодой дѣвушки, которая подняла голову, заслыша надъ собой голосъ хозяина дома.

— Позвольте мнѣ, любезный другъ и дорогой учитель, представить вамъ одного изъ вашихъ молодыхъ коллегъ—Пьера Берцеля, имя котораго вамъ, конечно, уже извѣстно...

Оба ученые смущенно забормотали какія-то любезности другъ

Digitized by Google

другу, которыхъ, однако, не поняли ни тотъ, ни другой. Сольваръ проговорилъ затѣмъ:

— Г-нъ Пьеръ Берцель... M-lle Тереза Рендаль!

Молодой человѣкъ неуклюже поклонился и, прислушавшись къ вступленію въ вальсъ, счелъ своимъ долгомъ тотчасъ же прибавить:

— Позвольте просить васъ на туръ вальса?

Тереза сочувственно посмотрѣла на него.

— Благодарю; но я не танцую. Если хотите, вмѣсто вальса, какъ говорится—„поболтаемъ“?

Берцель пробормоталъ изъявленіе благодарности и, воспользовавшись отсутствіемъ тощихъ дѣвицъ, упорхнувшихъ танцовать, взялъ стулъ одной изъ нихъ и сѣлъ рядомъ съ Терезой. Она искусно свернула разговоръ на почву науки, и ихъ бесѣда мгновенно приняла самый оживленный характеръ.

Пьеръ Берцель былъ некрасивъ; съ узкой грудью, короткимъ носомъ и одутловатыми щеками, выдавшимися надъ жиденькой бородкой клочками, съ красноватыми отъ долгихъ трудовъ, надутыми вѣками. Но зато глаза его, глядѣвшіе изъ-за толстыхъ стеколъ pince-nez, сіяли добротой и мягкостью; зато въ разговорѣ голосъ его принималъ порой оттѣнки особенно гибкіе, ласковые и тонкіе, какъ у людей чуткаго ума, которые любятъ цѣнить каждое свое слово на вѣсъ золота. И по мѣрѣ того, какъ онъ увлекался разговоромъ, движенія его становились непринужденнѣе и тверже; руки его ужъ больше ему не мѣшали, а наоборотъ, помогали общему оживленію его умной рѣчи.

Вскорѣ и самъ профессоръ Рендаль придвинулся поближе изъ любопытства послушать и, наконецъ, принялъ участіе въ „болтовнѣ“ молодыхъ людей. Они спорили по поводу какой-то клинообразной надписи, недавно открытой въ Месопотаміи; Тереза защищала свое толкованіе ея и говорила такъ увѣренно, такъ учено, что поразила своего собесѣдника.

— Боже мой! Да ваша дочь сильнѣе меня!—въ отчаяніи воскликнулъ онъ, обращаясь къ профессору.—Она меня разбила въ пухъ и прахъ!

Рендаль подтвердилъ это мнѣніе своей улыбкой.

— Это ей не впервые... Знаете ли, напримѣръ, я самъ частенько...

Но вальсъ подходилъ къ концу, и сухопарыя дѣвицы, вернувшись къ своимъ мѣстамъ, согнали Берцеля.

— Вы позволите мнѣ, вмѣстѣ съ вашей мамà, провести васъ въ буфетъ?—предложилъ онъ.

Digitized by Google

— Съ удовольствіемъ. Мама, пойдемъ?

И всѣ трое вышли изъ залы.

Между тѣмъ, профессоръ все еще продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, не отрываясь отъ наблюденій за своими, которыхъ ему было прекрасно видно въ открытую дверь. Жена его стояла къ нему спиной и, склонившись надъ столомъ съ закусками, наскоро закусывала. Тереза опиралась спиной на бѣлыя мраморныя украшенія камина и, кушая съ ложечки какое-то розовое мороженое въ видѣ фруктовъ, весело смѣялась, перекидываясь словами съ Берцелемъ, какъ со старымъ другомъ, давно уже ей знакомымъ.

„О, еслибъ она согласилась! Еслибъ она приняла его предложеніе! Нѣтъ, нѣтъ, это было бы слишкомъ большое счастіе! А впрочемъ, почемъ знать"?..—и губы профессора то складывались въ улыбку умиленія, то въ горькую усмѣшку.

Между тѣмъ, къ нему спѣшили подойти его коллеги, осыпая его поздравленіями по поводу успѣха его „Клеопатры". Вокругъ собралась кучка его почитателей и заслонила ему дочь. Подошедшіе позже другихъ склоняли голову на бокъ и тянулись впередъ, стараясь уловить хоть одно слово знаменитаго профессора. Слышались отрывистыя его увѣренія:—Какъ вы добры!.. Право, я совершенно сконфуженъ...—Повѣрьте, что, со своей стороны, я... и т. д., въ которыхъ изощрялись, другъ передъ другомъ, окружавшіе знаменитость.

Однако, порывъ восторговъ постепенно проходилъ. Всѣ умолкли, прислушиваясь къ разсказамъ профессора о трудности его ученыхъ начинаній, о дняхъ его юности.

И вдругъ надъ слушателями раздался медоточивый голосъ хозяина дома, который руками раздвигалъ столпившихся гостей, пролагая дорогу дамѣ.

— Простите, господа... Простите!

Онъ велъ подъ-руку молодую женщину-брюнетку и остановился, дойдя, наконецъ, до Рендаля.

— Любезный другъ! Позвольте просить васъ помочь мнѣ исполнить горячее желаніе одной изъ поклонницъ вашего таланта—познакомиться съ вами. Профессоръ Евсевій Рендаль... г-жа Жоржъ Шамбанъ!

Рендаль всталъ и поклонился вновь прибывшей, держась одной рукой за спинку стула.

— Я счастливъ, что...

— Нѣтъ, позвольте, это—я, г. профессоръ!..—перебила его

Digitized by Google

молодая дама; и на мигъ они почувствовали взаимную неловкость, не зная, какъ начать разговоръ, несмотря на все свое желаніе.

Рендаль робко оглядывалъ хорошенькую брюнетку, птичью физіономію которой нѣсколько смягчали темно-каріе глаза съ поволокой. Волнистыя пряди ея черныхъ волосъ, свернутыхъ на затылкѣ въ греческую прическу, придавали ей какой-то необузданный и упрямый видъ.

Наконецъ, она рѣшилась заговорить, запинаясь и чувствуя въ своихъ словахъ отклоненіе отъ той точности, которую хотѣла имъ придать.

— Да, я—поклонница вашего ученаго труда... Прелестная книга, великій трудъ! Не могу вамъ выразить, до чего она меня очаровала... до чего показалась мнѣ интересной! Ахъ, какъ должно быть весело писать такія вещи! И слогъ какой милый, пріятный!..

— Ну, я долженъ васъ оставить!—перебилъ Сольваръ.—Вы меня извините... мои гости...—и онъ исчезъ, оставивъ ихъ вдвоемъ, такъ какъ мало-по-малу кучка почитателей Рендаля разошлась по сторонамъ.

Молча, взглядомъ, они рѣшили сѣсть и продолжать бесѣду. Но профессору стало немного жутко, когда онъ увидѣлъ, какъ близко касалось его голубое шолковое платье его собесѣдницы, и онъ машинально отодвинулся подальше. Прелестная брюнетка улыбалась и, повернувшись къ нему своимъ бюстомъ, выступавшимъ изъ открытаго лифа, засыпала похвалами новую знаменитость. Между тѣмъ, и безъ того застѣнчивый, профессоръ робѣлъ передъ ея откровеннымъ нарядомъ; стыдливо смущаясь, отвѣчая непослѣдовательно и неясно на ея многочисленные разспросы, онъ мысленно сравнивалъ ее съ одной изъ тѣхъ прелестныхъ, игривыхъ гречанокъ, которыми, какъ богиня нимфами, любила себя окружать Клеопатра, царица Египта.

Истощивъ весь запасъ своихъ восторговъ, она больше ужъ не знала, о чемъ и говорить; но вдругъ ея миловидная фигурка прояснилась и ноздри лукаво раздулись; она предложила профессору отгадать еще одну, послѣднюю причину, почему ее такъ заинтересовала его книга. Профессоръ дѣлалъ видъ, что ломаетъ себѣ голову; наконецъ, смиренно признался:

— Право, не знаю!

— Нѣтъ, вы додумайтесь!—фамильярно приказала г-жа Шамбанъ.

Но Рендаль думалъ о другомъ, глядя на нее:

„Да она презабавная; только глуповата“!

Digitized by Google

— Нѣтъ, рѣшительно не знаю! — прибавилъ онъ громко.

И г-жа Шамбанъ сдѣлала видъ, что рѣшилась, наконецъ, повѣдать ему свою тайну, которая была для нея, въ сущности, не что иное, какъ предлогъ для дальнѣйшаго знакомства, главная для него приманка. Она, видите ли, на будущую зиму строила планы поѣхать съ мужемъ въ Каиръ, посмотрѣть на Нилъ, Египетъ. Книга Рендаля подоспѣла кстати, въ ту самую минуту, когда она принялась изучать египетскія древности...

— Простите, что я помѣшалъ, но позвольте мнѣ просить васъ познакомить меня съ профессоромъ Рендалемъ!—послышался позади чей-то грудной голосъ.

— О, съ удовольствіемъ!—возразила молодая женщина.— Маркизъ де-Мёзъ,—одинъ изъ нашихъ лучшихъ друзей, ревностный почитатель вашего труда!

Маркизъ былъ статный, мощный старикъ, съ довольно тучнымъ животомъ,—типъ австрійскаго генерала, съ чисто-военными сѣдыми баками и усами крючкомъ. Глядя на такую картинную голову, невольно подумаешь, какъ бы ей пристала позолоченная треуголка съ перьями. Вслѣдствіе нервнаго удара въ 1882 г. у него осталось парализованнымъ лѣвое вѣко, неподвижно прикрывавшее почти вплотную его лѣвый глазъ; но этотъ недостатокъ лишь прибавлялъ ему сходства съ борцомъ Кустоццы.

Какъ водится, послѣ цѣлаго потока восхваленій, маркизъ перешелъ на личную почву, на тэму, которая собственно и служила поводомъ къ знакомству съ ученымъ. У маркиза была коллекція камей,—коллекція особенно рѣдкостная, драгоцѣнная! Это готовы подтвердить его просвѣщенные друзья-академики и коллекціонеры,—коллеги профессора Рендаля; онъ можетъ справиться, если ему угодно. Такъ вотъ, въ числѣ этихъ вещей была камея Клеопатры,—самая любопытная, самая цѣнная изо всѣхъ! Въ силу случайныхъ финансовыхъ неудачъ, пришлось ее продать; но маркизъ знаетъ лично купившаго ее биржевика-еврея и можетъ такъ устроить, чтобы профессоръ могъ ее посмотрѣть.

Профессоръ не торопился выражать согласіе, но и не отказывался. Бесѣда перешла на камеи, на нумизматику, о которой маркизъ имѣлъ кой-какія понятія. Г-жа Шамбанъ, выбитая изъ своей колеи, только изрѣдка вставляла подъ шумокъ свои щебечущіе возгласы: „какъ мило“!.. и „какая прелесть“!.. Ея супругъ, присоединившійся къ нимъ,—бѣлокурый малый, съ какимъ-то не то заспаннымъ, не то потрепаннымъ лицомъ, такъ же помогалъ имъ донимать профессора своей глупой болтовней, которую, впрочемъ, Рендаль сносилъ довольно терпѣливо; но подъ-конецъ онъ радъ

Digitized by Google

былъ, что его выручили жена и дочь, подошедшія вмѣстѣ съ Берцелемъ.

VII.

Опять начались представленія, опять полился потокъ восторженныхъ похвалъ со стороны г-жи Шамбанъ. Жена профессора что-то лепетала, словно въ чемъ-то извиняясь. Новая знакомая освѣдомилась у нея, когда она принимаетъ, и просила разрѣшенія ихъ навѣстить.

Разговоръ затихъ и возобновился только для того, чтобы не молчать. Говорили о пустякахъ: о балѣ, о цыганахъ, о танцующихъ...

Вдругъ г-жа Шамбанъ окликнула маркиза:

— Мнѣ надо бы вамъ кое-что шепнуть!.. Mesdames, вы разрѣшите?—и тотчасъ же, закрывшись вѣеромъ, но вполголоса, проговорила:—Вы бы сказали Жеральду—пригласить m-lle Рендаль; это было бы весьма мило съ его стороны.

— Вы думаете, что онъ согласится? Ну, все равно: рискнемъ! — и старикъ нетвердыми шагами направился въ залу, высоко поднимая голову, достойную фельдмаршала.

Его единственный зеленый глазъ намѣтилъ въ кучкѣ молодыхъ людей одного широкоплечаго брюнета, который стоялъ къ Терезѣ спиной. Но его затылокъ энергично шевелился, протестуя, въ то время, когда маркизъ держалъ брюнета за рукавъ и въ чемъ-то его убѣждалъ, повидимому требуя чего-то невозможнаго; затылокъ съ негодованіемъ отвергалъ это невозможное и многократно кивалъ головою. Вдругъ затылокъ пересталъ кивать, покоряясь; и его статный обладатель пошелъ по направленію къ нимъ, очутившись лицомъ къ Терезѣ. Она чуть не упала и, вся трепеща, прислонилась къ спинкѣ стула; сердце ея сжалось... Это былъ—Альбаръ! Почти Альбаръ... только не такой молодой, не такой простоватый по внѣшности: этотъ былъ изящнѣе, выше него по своей свѣтскости и модными манерамъ. Но все-таки это былъ онъ; это были его глаза, его черные усики съ дерзко закрученными кончиками; его привычка выпрямляться, покачиваясь на ногахъ, красивыхъ, изящно обутыхъ.

Тереза боялась его приближенія; всѣ же остальные,—вся зала, всѣ танцоры—перестали для нея существовать... Вотъ онъ ужъ близко, вотъ подходитъ... Маркизъ отодвинулся въ сторону и произнесъ:

— Позвольте вамъ представить сына моего, Жеральда де-Мёзъ!

Digitized by Google

— Позвольте васъ просить на вальсъ?—съ поклономъ, тотчасъ же подхватилъ молодой человѣкъ.

Тереза, какъ маленькая, смущенно пролепетала:

— Но я... Я не умѣю танцовать.

— О, это ничего не значитъ! Все зависитъ отъ кавалера.

Онъ обмѣнялся взглядомъ съ г-жей Шамбанъ полу-любезно, полу-насмѣшливо, и, словно на пари, прибавилъ:

— Не бойтесь: я вамъ ручаюсь, что съумѣете!

Тереза пристально взглянула на него, чтобы еще разъ насладиться дорогимъ ей сходствомъ; она не могла дольше противиться этому стремленію, и встала, говоря почти рѣзко:

— Хорошо, попробуемъ!

Жеральдъ обвилъ ея станъ рукою, и они понеслись, завертѣлись. Съ первыхъ шаговъ Тереза колебалась, ступала неувѣренно въ боязни ошибиться; но ея кавалеръ подхватилъ ее и, поднимая, какъ перышко, такъ что она почти не касалась пола, помчался въ толпу танцующихъ. Другія пары скользили мимо, задѣвая, но не толкая ее. Она закрыла глаза; волненіе, слезы подступали ей къ горлу... Онъ подумалъ, что она устала, и, останавливаясь, замѣтилъ:

— Ну, что же я вамъ говорилъ? Выходитъ вѣдь прекрасно!

Тереза утвердительно кивнула головой; губы ея поблѣднѣли отъ пріятнаго волненія.

— Танцовать—все равно, что плавать,—продолжалъ молодой человѣкъ, отечески-разсудительнымъ тономъ.—Въ танцы надобно бросаться очертя голову, какъ въ воду. Музыка васъ подхватитъ и, какъ волна, понесетъ впередъ. Надо только ей не сопротивляться...

Онъ продолжалъ развивать свою мысль, приводить сравненія, лишь бы не доводить до нелюбезнаго и невѣжливаго молчанія. Тереза ему отвѣчала неопредѣленными полусловами. Она ужъ начинала укорять себя въ томъ, что поддалась обаянію этого физически-привлекательнаго красавца. Ей становилось самой себя противно; и чтобы скрыть свою грусть, она пыталась остановить свое вниманіе на пестро-разодѣтомъ капельмейстерѣ цыганскаго оркестра, душевно сожалѣя, что она сама—не такое же безсмысленное животное, какъ тѣ, способное радоваться чему-то безъ причины, или повиноваться только своимъ внѣшнимъ чувствамъ, которымъ онъ слѣдовалъ даже въ музыкальномъ исполненіи...

Жеральдъ снова всталъ передъ нею и отвелъ руку въ сторону, готовясь обхватить ее за талію.

Digitized by Google

— Что-жъ, будемъ продолжать?

Тереза еще надѣялась, что у нея хватитъ духу отказаться, и съ усиліемъ пролепетала:

— Но вѣдь сейчасъ конецъ?..

— Тѣмъ болѣе надо воспользоваться... Ну, послѣдній туръ!

Онъ проговорилъ это безъ увлеченія и уже намѣчалъ глазами мѣсто, куда онъ ее отведетъ.

Ей стало страшно, что это именно такъ и будетъ; она ужъ себѣ представляла, какъ онъ ее усадитъ и откланяется, какъ она останется на весь остальной вечеръ безъ этихъ дивныхъ, вновь воскресшихъ ощущеній. И невольно она прильнула къ своему кавалеру, рѣшительно проговоря:

— Ну, хорошо: одинъ, послѣдній!

Они вернулись въ общую толпу танцующихъ. Чуть замѣтнымъ движеніемъ руки, вытянутой впередъ, Жеральдъ отбивалъ тактъ, и съ каждымъ плавнымъ поворотомъ Терезѣ казалось, что земля плыветъ у нея изъ-подъ ногъ. Она невольно крѣпче прижималась къ своему танцору, и прошлое вставало передъ ней, какъ живое. Послѣднимъ усиліемъ воли она хотѣла отрезвить себя, сдѣлаться опять той же, какъ обыкновенно:

— Довольно!—проговорила она.

— Что прикажете?—разсѣянно переспросилъ Жеральдъ.

Она уже умолкла; онъ больше не настаивалъ. Не подозрѣвая, какія душевныя муки терпитъ въ эту минуту его дама, онъ перекидывался съ товарищами насмѣшливыми взглядами, какъ бы призывая ихъ вниманіе на то, какую деревяшку, какую тумбу ему приходится ворочать.

„Нѣчего сказать, удачная выдумка отца и Зозе! И вдобавокъ, она мнѣ оттянула плечи, эта юная дѣва, и какъ еще впилась въ меня своими костлявыми руками! Прошу покорно! Это ужъ черезчуръ!..—и, чувствуя, что его дернули за руку, онъ нагнулся, чтобы заглянуть ей въ лицо, не собирается ли она еще хлопнуться? И въ самомъ дѣлѣ, онъ только успѣлъ во-время поддержать Терезу обѣими руками, чтобы она не „хлопнулась“.

Онъ поспѣшилъ отвести ее изъ залы въ прихожую и, примостивъ на скамейкѣ у стѣны, побѣжалъ предупредить родныхъ.

Въ одинъ мигъ Рендали, Шамбаны, Берцель и маркизъ вскочили и, вслѣдъ за Жеральдомъ, бросились къ Терезѣ.

Г-жа Шамбанъ вынула изъ кармана флакончикъ англійскихъ солей и, ставъ почти на колѣни, давала нюхать Терезѣ. Но Тереза, вся позеленѣвшая, была неподвижна какъ мертвецъ;

Digitized by Google

только изъ полуоткрытыхъ губъ ея чуть слышно вырывалось жалобное стенанье. Ей мочили голову водой,—но все безуспѣшно!

Тогда Сольваръ прямо, какъ стрѣла, прицѣлился и полетѣлъ въ группу медицинскихъ академиковъ и добылъ доктора, который внимательно выслушалъ больную.

— Она задыхается: надо ее расшнуровать, эту дѣвицу!— произнесъ онъ свой приговоръ.

Наконецъ, въ комнатѣ г-жи Сольваръ, куда ее перенесли, Тереза открыла глаза и съ ужасомъ замѣтила, что ея платье въ безпорядкѣ, лифъ разстегнутъ... Она узнала, что склонившаяся надъ нею дама—г-жа Шамбанъ, и увидала, что мать ея стоитъ и молится надъ ней, какъ надъ усопшей.

Тереза отвернулась къ стѣнкѣ и вспомнила все, что случилось. Вспомнила свой вальсъ, свои впечатлѣнія, свой обморокъ посреди залы, и вдругъ—зарыдала.

— Такъ, такъ; поплачьте хорошенько, — уговаривала ее г-жа Шамбанъ:—это вамъ успокоитъ нервы.

Эти пошлыя слова успокоенія только больше раздражили Терезу. Она вскочила и стала передъ зеркаломъ оправлять свое платье, застегиваться, избѣгая встрѣчаться въ зеркалѣ глазами съ матерью и г-жей Шамбанъ. Она злилась на себя, на свой ужасный видъ.

О, да! На нее полное право имѣютъ смотрѣть и смѣяться! Лицо у нея измятое, подъ глазами темные круги, какъ послѣ безсонной ночи. Полоски пота лоснились сквозь пудру на щекахъ, покрыли жирнымъ оттѣнкомъ ея носъ; пучокъ гвоздики упалъ съ головы и посреди прически образовалось углубленіе— черное, какъ глубокая рана, окаймленная черными волосами; края тюлевой оборки вокругъ вырѣза лифа отстали отъ груди и некрасиво оттопырились.

— Бѣдненькая! — рискнула прошептать г-жа Шамбанъ.— Ну, что: вамъ лучше?

— Гораздо лучше; благодарю васъ!—холодно отвѣтила молодая дѣвушка и, обращаясь къ матери, прибавила такимъ тономъ, въ которомъ слышалось приказаніе:—Поѣдемъ, мама!..

— Какъ тебѣ угодно! — согласилась мать, и онѣ вышли въ прихожую, гдѣ къ нимъ на встрѣчу бросился съ разспросами Жеральдъ, а въ подражаніе ему и Берцель. Но Тереза, будто невзначай, проскользнула въ сѣни; когда она вернулась подъ руку съ отцомъ, ихъ тамъ уже не было. Рендаль, самъ усталый, едва шелъ, но все-таки поддерживалъ дочь, ошеломленный происшедшимъ. Мать шла позади, словно какая-нибудь старушка-няня.

Digitized by Google

Сольваръ вышелъ ихъ провожать на площадку.

— Это все жара, проклятая жара виновата! — повторялъ онъ авторитетно и, перегнувшись за перила всѣмъ своимъ миніатюрнымъ тѣломъ, крикнулъ имъ во слѣдъ:—Завтра пришлю узнать о вашемъ здоровьѣ! Надѣюсь, ничего серьезнаго!

Въ каретѣ Рендаль сѣлъ на переднюю скамейку, чтобы дочери было удобнѣе сидѣть; но при каждомъ ухабѣ сваливался съ нея. Послѣ болѣе рѣзкаго толчка Тереза разсердилась и предложила:

— Вѣдь тебѣ, отецъ, очень неудобно. Сядь между нами!

— Да нѣтъ, нѣтъ; мнѣ прекрасно! Ну, а тебѣ-то лучше стало?

— Гораздо лучше; благодарю тебя!

Разговоръ оборвался; и опять всѣ трое задумчиво слѣдили за черными улицами и мелькавшими въ туманѣ желтыми огоньками фонарей. Въ полумракѣ кареты Рендаль различалъ профиль недовольнаго лица дочери, которая, повидимому, думала думы не изъ веселыхъ.

— Ну, что?—набравшись храбрости, проговорилъ онъ.

— То-есть, что же, папа?—переспросила дочь.

Онъ собрался съ духомъ и внятно произнесъ:

— Ну, какъ тебѣ показался этотъ молодой человѣкъ?

Тереза вздрогнула, но смѣло проговорила:

— Какой молодой человѣкъ?

— Ну, Пьеръ Берцель!

Тереза вздохнула съ облегченіемъ и, улыбаясь, твердо отвѣчала:

— Нѣтъ, отецъ, никогда!

— Но почему же? Онъ, кажется, понравился тебѣ?

— Поболтать съ нимъ пріятно, да; но — и только! Я за него не выйду, не хочу,—вотъ и все!—и, схвативъ отца за руку, она ласково подставила ему щеку для поцѣлуя.

Рендаль поцѣловалъ ее, бормоча себѣ подъ носъ:

— Ну, хорошо, какъ хочешь... Конечно, онъ не такой красавецъ, какъ тотъ, другой... — прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ лукавствомъ.—Ну, какъ тамъ зовутъ его, твоего кавалера? кажется, де-Мёзъ?

Тереза выпустила изъ своей руки руку отца и съ досадой въ голосѣ возразила:

— О, пожалуйста, отецъ, безъ параллелей! Берцель не нравится мнѣ, вотъ и все! Ну, я и отказываюсь отъ него. Надѣюсь, я совершеннолѣтняя?—Отецъ не настаивалъ больше. Сомнѣнья нѣтъ: этотъ модникъ и красавецъ, этотъ своего рода

Digitized by Google

великосвѣтскій Дастаракъ, совершенно уничтожилъ смиреннаго Берцеля своей могучей фигурой. Опять дѣло проиграно!

Рендаль погрузился въ свои досадливыя размышленія на эту тэму, подъ дребезжащій звукъ каретныхъ стеколъ. Тереза, откинувъ голову назадъ, казалось, задремала. Дремала также, повидимому, ея мать. Но на дѣлѣ она углубилась въ тщательный разборъ грѣховъ чревоугодія, въ которыхъ она сегодня провинилась. Искушеніе было слишкомъ сильно, жажда была слишкомъ велика, и она съ наслажденіемъ по нѣскольку разъ лакомилась замороженнымъ кофе и шампанскимъ, не считая многочисленныхъ пирожковъ и тому подобныхъ лакомствъ... И ею овладѣвало тревожное нетерпѣніе дождаться поскорѣй утра, чтобы въ тишинѣ храма Божія принести покаяніе.

VIII.

На другой день, въ четверть двѣнадцатаго, г-жа Шамбанъ кончала одѣваться, когда въ дверь постучались, и чья-то рука въ черномъ люстриновомъ рукавѣ просунула въ щелочку депешу.

— Давайте скорѣе!—приказала она, и горничная, которая застегивала ей юбку, бросилась взять телеграмму.

Оторвавъ пробитые дырочками края синяго листка, г-жа Шамбанъ жаднымъ взоромъ пробѣжала заполнявшія его строки.

„Вторникъ, 10 ч. утра.

„Милая моя крошка Зозе́, не знаю, о чемъ я думалъ, когда говорилъ тебѣ вчера на балу, что мы будемъ сегодня завтракать вмѣстѣ, у насъ дома! Еще недѣлю тому назадъ я приглашенъ на завтракъ къ Матѐ; счастье, что вспомнилъ вò-время. Но мы себя еще вознаградимъ за это. Прости мнѣ мою разсѣянность и до свиданія—въ четыре часа! Нàскоро шлетъ тебѣ свои поцѣлуи твой—„old“ G.“.

Она спокойно положила депешу на умывальникъ, потомъ изъ малиновой бархатной подушечки вынула пару булавокъ съ жемчугами и тщательно приколола большой кружевной бантъ своего галстуха. Но дальше у нея выносливости не хватило.

— Бросьте, Анна! Не надо! Принесите мнѣ мой розовый капотъ...

— Не изволите больше собираться?—воскликнула дѣвушка, притворяясь удивленной.

Г-жа Шамбанъ уже бросила корсажъ на стулъ и съ лихорадочной поспѣшностью разстегивала юбку.

Digitized by Google

— Нѣтъ!

— Завтракать будете дома? Прикажете позвать кухарку?

— Да... Нѣтъ... Скажите ей, пусть сама сдѣлаетъ мнѣ что-нибудь на завтракъ.

— Слушаю!

Анна принесла длинный шолковый пеньюаръ, украшенный розовыми атласными лентами. Г-жа Шамбанъ надѣла его и, завязывая ленты, приказала:

— Ну, а затѣмъ, ступайте!

Анна исчезла. Ея госпожа опустилась въ глубокое кресло, обтянутое кретономъ. Итакъ, имъ не придется вмѣстѣ завтракать сегодня! Жеральдъ ни на минуту не задумался оказать предпочтеніе этой... Матé! Но онъ вѣдь понималъ, какимъ ужаснымъ разочарованіемъ отзовется на ней его отказъ? Негодный!.. Она живо представляла себѣ его за столомъ съ супругами Матé; затѣмъ, когда послѣ кофе (все можетъ статься!) Матé, какъ настоящій дуралей, уйдетъ, оставляя ихъ съ глазу на-глазъ,—что тогда? Этого шелопая въ юбкѣ, графиню Матé, всѣ знаютъ прекрасно! Она не слыветъ ни неприступной крѣпостью, ни Капитоліемъ.

— О, мерзость!.. О, людская подлость!.. Да! Надо ему отомстить, надо унизить его и безъ сожалѣнія обмануть его съ кѣмъ-нибудь другимъ! Выбрать нетрудно: каждый изъ ея поклонниковъ почтетъ за счастье замѣнить Жеральда. Но кого выбрать? Ей противно было даже думать о нихъ въ сравненіи съ нимъ, и она грустно сама себѣ призналась:

— Впрочемъ, у меня все равно не хватило бы духу!..

Она упала въ кресло, и все ея тѣло страшно заныло, словно изнуренное продолжительной ходьбой. Протянувъ руку къ камину, она взяла и опять перечитала депешу, и каждое слово въ ней казалось теперь неотъемлемо наглымъ обманомъ и лганьемъ. Какъ онъ иногда можетъ быть злымъ и холоднымъ, и безжалостно-жестокимъ, этотъ Жеральдъ!.. И думалось ей, какое бы это было для нея облегченье, еслибъ подлѣ нея была материнскивнимательная подруга (только не Флора Пумсъ, не Роза Зильберштедтъ, не Жермена Маркéсъ!), участливая, добрая, которой можно бы во всемъ признаться и, не скрываясь передъ ней, поплакать, такая, наконецъ, которая бы поняла ее. Только на это неспособны ни ея пріятельница съ курсовъ Леванье, ни добродушная тетушка Панхіасъ. При одной только мысли о ихъ грубомъ сочувствіи или затаенномъ злорадствѣ, гордость Зозé глубоко возмущалась.

Digitized by Google

И она снова принялась рыдать.

Она чистосердечно чувствовала себя заброшенною, одинокой; даже въ религіи она не могла найти себѣ опоры: ее воспитывали внѣ всякихъ правилъ святой вѣры. Когда же на нее находила потребность въ молитвѣ, она повторяла одну единственную, странную молитву, которую тетя Панхіасъ заставляла ее читать ежедневно, отходя ко сну, стоя въ одной рубашонкѣ въ своей маленькой кроваткѣ:

„Да будетъ имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!.. Пошли, Господи, чтобы я была умницей, чтобъ я работала прилежно! Пошли, Господи, чтобъ мною были всѣ довольны: папа, тетя, дядя, и еще пошли, Господи, чтобы папа не проигрался завтра на биржѣ!.. Аминь".

Повторяя себѣ въ умѣ эти послѣднія слова, Зозé улыбнулась. Дѣйствительно, отецъ ея, покойный Музарки, человѣкъ довольно темнаго происхожденія, типъ ловкаго биржевика, который въ одинъ прекрасный день, еще никому неизвѣстный, пріѣхавъ изъ Алеппо, высадился въ Парижѣ и вскорѣ безъ всякихъ связей или протекцій занялъ на биржѣ одно изъ наиболѣе вліятельныхъ мѣстъ. Въ своей страсти къ игрѣ, онъ оправдывался желаніемъ довести свое состояніе до милліона, но не выдержалъ характера, слишкомъ скоро захотѣлъ нагнать свой капиталъ до этой цифры и потерпѣлъ крахъ! Но это его не остановило. Онъ исчезъ на короткое время, но затѣмъ потихоньку опять вошелъ въ прежнюю колею и, отплачивая понемногу своимъ кредиторамъ, опять сталъ идти въ гору. Но и вторично ему не повезло довести до конца свои намѣренія: опять съ нимъ случился крахъ... и такъ до шести разъ; послѣ чего онъ ужъ не въ силахъ былъ бороться со своимъ злымъ рокомъ и отошелъ въ вѣчность, однако, предварительно обезпечивъ свою дочь, которой въ воспитательницы онъ же далъ почти съ дѣтства нѣкую тетушку Панхіасъ, тоже неизвѣстно откуда родомъ. Наконецъ, когда молодой дѣвушкѣ надоѣла теткина опека, она съ перваго же знакомства согласилась выйти за Шамбана, довольно красиваго, изящнаго и привѣтливаго господина, который самъ былъ радъ удовольствоваться однимъ гражданскимъ бракомъ, какъ того желала невѣста. Музарки не досталъ ей метрическаго свидѣтельства, и это обстоятельство могло только оттянуть исполненіе церковнаго обряда. Въ тотъ же вечеръ, когда состоялся ихъ гражданскій бракъ, молодые водворились въ своемъ хорошенькомъ отелѣ на улицѣ Прони, свадебномъ подаркѣ отца новобрачной, получившей вдобавокъ приданое въ

Digitized by Google

100.000 фр., которое должно было помочь молодому инженеру устроить себѣ карьеру.

Но молодой инженеръ карьеры не устроилъ, а зато состояніе разстроилъ совершенно и заложилъ свой отель. Въ городѣ ходили слухи, что онъ живетъ игрой и разными другими неказистыми средствами, но на бюджетѣ жены его это не отражалось, и она этимъ вовсе не интересовалась, какъ не интересовалась и самимъ супругомъ.

Сначала Шамбанъ нравился ей, и она не думала больше ни о комъ другомъ, но затѣмъ ей стало случайно извѣстно, что ея Жоржъ ей измѣняетъ для недостойныхъ его женщинъ. Безъ слезъ, безъ трагически-отчаянныхъ возгласовъ Зозé повела тогда иной образъ жизни: она сама измѣнила мужу, ища въ своихъ увлеченіяхъ идеальнаго совершенства. Но ни ея названный кузенъ, Вассипуло, многообѣщавшій молодой биржевикъ, надоѣвшій ей мѣсяца три спустя, ни продавецъ картинъ Латуръ, грубый и обходившійся съ нею какъ съ послѣдней рабой, ни, наконецъ, такой же, какъ онъ—живописецъ Мутьé, не могли удовлетворить ея требованіямъ, и она, разочарованная въ надеждѣ встрѣтить себѣ друга по сердцу и найти полное счастье въ своей любви, вернулась къ мужу, который, благодаря ей, и самъ остепенился: онъ рѣже уходилъ изъ дому, былъ къ ней внимателенъ, даже подарилъ карету „по-мѣсячно“ и въ то же время понемногу выплачивалъ свои самые неотложные долги. Она даже почувствовала къ нему приливъ привязанности и хвастала этимъ передъ своими подругами.

Устроивъ свою жизнь опять по новому, Зозé набросилась на чтеніе, глотая (да, она именно такъ и говорила: „глотая“!) все безъ разбора, все, что̀ ни совѣтовалъ ей книгопродавецъ; она читала мемуары и романы, поэмы и описанія путешествій, ничего не запоминая, не имѣя времени пережевать и переварить. Она посѣщала лекціи, по воскресеньямъ ѣздила въ концерты и подъ музыку вспоминала о своихъ разочарованіяхъ... Однако, въ концѣ концовъ, и эти умственныя наслажденія пресытили ее, и она принялась опять, по старому, мечтать о существѣ, которое, будучи совершенствомъ, соблаговолило бы все-таки осчастливить ее своей лаской. О, какъ бы она полюбила этого героя, это совершенство! Какъ обезумѣвшая отъ восторга, мигомъ собралась бы съ нимъ бѣжать... ну, хоть на какой-нибудь англійскій островъ, гдѣ по цѣлымъ часамъ они будутъ простаивать рука съ рукой въ упоеніи отъ окрестной природы!

— Но гдѣ же онъ, гдѣ это совершенство?

Digitized by Google

Онъ медлилъ появиться; но, наконецъ, явился—и г-жа Шамбанъ тотчасъ же почувствовала, что онъ и есть тотъ самый, настоящій!

На скачкахъ въ Отейлѣ ей представили Жеральда де-Мёзъ, и съ той поры онъ сталъ съ нею и съ ея супругомъ неразлученъ. Положимъ, онъ не отвѣчалъ идеалу, въ который она въ мечтахъ своихъ вложила всѣ мыслимыя совершенства: онъ былъ брюнетъ, а не блондинъ; на взглядъ—самоувѣренный и смѣлый, а не меланхоликъ, какъ того желало ея досужее воображеніе, плодъ проглоченнаго множества романовъ... Но все равно, ничто бы не могло ее разубѣдить въ томъ, что Жеральдъ — ея герой; она чувствовала въ душѣ, что это онъ, тотъ самый, и на лицѣ ея свѣтилась счастливая улыбка, а сердце ликовало!

Но еще больше возросло бы ея ликованье, еслибъ она слышала восторженные отзывы о ней не только мужчинъ, но и дамъ, отдававшихъ прелестной незнакомкѣ справедливость, которую, впрочемъ, вполнѣ оправдывалъ прекрасный вкусъ красавца-Жеральда. Вспоминали, кстати, что вотъ уже третья недѣля, какъ онъ разошелся съ баронессою Мюссанъ; но это не мѣшало имъ, однако, съ затаеннымъ лукавствомъ, допрашивать баронессу, не знаетъ ли она, кто эта хорошенькая, подъ-руку съ Жеральдомъ? И баронесса отвѣчала насколько могла непринужденно, лишь бы соблюсти приличія.

Скачки кончились, и Шамбанъ собирались уѣзжать... Жеральдъ своимъ мягкимъ голосомъ имѣлъ дерзость чуть слышно ей шепнуть, не смущаясь присутствіемъ мужа:

— Когда увидимся?.. Почему не завтра?.. Я умоляю васъ, не откажите!

Однако, она ему отказала молча, тихонько качнувъ головою; она чувствовала, что необходимо выказывать ему, въ противоположность остальнымъ, настолько больше холодности, насколько онъ былъ достойнѣе ласки и любви. Этимъ путемъ она надѣялась, она была увѣрена, что сохранитъ себѣ прочную и горячую привязанность въ будущемъ. Лишь на четвертой недѣлѣ послѣ ихъ перваго знакомства, когда его уже начинало отталкивать ея невниманіе, она измѣнила своему пріему, но не раньше, чѣмъ узнала все, что его касалось—его жизнь, съ той минуты, когда онъ, въ порывѣ юношескаго недовольства, вышелъ въ отставку; его матеріальное и общественное положеніе, его дружбу съ великосвѣтскими людьми, его связи съ женщинами (изъ нихъ послѣдняя съ баронессой), его антипатію къ тому высшему свѣту, въ которомъ недостатокъ средствъ мѣшалъ ему фигурировать согласно его званію.

Digitized by Google

На этихъ данныхъ она построила свой образъ дѣйствій. Ей представлялось два исхода: или самой, черезъ его посредство, тянуться за великосвѣтской знатью и получить доступъ въ высшій кругъ общества; или же воспользоваться его непріязнью къ этому обществу и создать ему новую обстановку, новые интересы внѣ пустоты высшаго свѣта; устроить ему свой особый, уютный и веселый уголокъ, а главное, болѣе новый и непринужденный. Но въ первомъ случаѣ много пришлось бы преодолѣвать препятствій, много пускать въ ходъ хитростей и притворства; второй способъ былъ легче и оказался дѣйствительнѣе.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ г-жа Шамбанъ совершенно измѣнила свой образъ жизни; назначила дни и пріемы; стала приглашать на нихъ самыхъ милыхъ и любезныхъ изъ своихъ подругъ, товарищей Жеральда, литераторовъ и музыкантовъ, и даже, поборовъ свое къ нимъ отвращеніе,—художниковъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу, она привела свою мысль въ исполненіе, и Жеральдъ, очарованный, растроганный, безгранично-плѣненный, клялся ей въ вѣрности, въ неизмѣнности своего преданнаго чувства. Домашній очагъ Зозé сталъ его собственнымъ очагомъ; въ ея домѣ, въ ея обществѣ, онъ царилъ безраздѣльно, видя со стороны ея мужа и всѣхъ окружающихъ только привѣтъ и ласку. Г-жа Шамбанъ радовалась, что наконецъ ей удалось добиться чувства доблестнаго и взаимнаго, чувства романически-пылкаго и прекраснаго! Въ одинъ прекрасный день Жеральдъ привелъ въ свой тѣсный кружокъ своего отца—маркиза, и старикъ одинаково подчинился обаянію своей „невѣстки“, какъ онъ про себя называлъ Зозé. Ему нравилось часто бывать у нея, въ оживленномъ и веселомъ обществѣ хорошенькихъ женщинъ и за прекраснымъ столомъ.

Но, зато, сколько труда и хлопотъ, сколько тонкости и хитрыхъ соображеній приходилось ей все время прилагать къ тому, чтобъ ограждать своего друга и повелителя отъ корыстныхъ замысловъ хищницъ и держать себя въ его глазахъ внѣ всякой конкурренціи!..

IX.

Зозé глубоко вздохнула и машинально, въ задумчивости, смотрѣла на подернутую сладкой пѣнкой поверхность своего кофе. Ее заставилъ очнуться голосъ Анны.

— Прикажете подать одѣться?—спрашивала она.

Г-жа Шамбанъ вскочила.

Digitized by Google

— Который часъ?

— Ужъ скоро два.

Ну, все равно, не надо унывать! Скорѣй разсѣяться, не думать объ этомъ дрянномъ Ральдо, который ей въ эту минуту снова опротивѣлъ... Да, да, чистосердечно опротивѣлъ! Куда-нибудь поѣхать... но куда? Она перебирала въ умѣ своихъ знакомыхъ дамъ, портнихъ или модистокъ... Вдругъ она весело захлопала въ ладоши, какъ дитя...

— Ура! Ура! Я вчера обѣщала заѣхать къ Рендалямъ узнать о здоровьѣ... Кстати, это прелестный предлогъ, чтобы познакомиться съ самимъ профессоромъ, ввести его въ нашъ кругъ. И, наконецъ, вторникъ—пріемный день его жены!..

Десять минутъ спустя, она уже была совсѣмъ готова и ѣхала по направленію къ бульвару Сенъ-Жерменъ, убаюканная мѣрной трескою кареты.

Мимо мелькали высокіе дома, громадныя зданія, изрѣдка прерываемыя просвѣтомъ надъ болѣе низкою стѣной. Но за каменными громадами, внутри, чуялась кипучая жизнь, полная разнообразія и страстей. Зозé представилось, что тамъ, внутри, раскинулись тѣнистыя аллеи, въ которыхъ, можетъ быть, сокрыты цѣлые монастыри, населенные множествомъ монаховъ и монахинь. Въ порывѣ любопытства ей захотѣлось заглянуть туда, провѣрить впечатлѣніе...

Кучеру пришлось постучать въ окно, чтобы сообщить ей о пріѣздѣ. Зозé вышла изъ кареты и, по указанію болѣзненнаго вида женщины, отворившей дверь, пошла направо, къ квартирѣ Рендалей. Напротивъ, передъ нею, высилась стѣна сосѣдняго дома; направо, куда выходили окна ихъ квартиры, виднѣлись сады и пространство, усѣянное далеко впереди строеніями разныхъ величинъ. Изъ дверей, на которую ей указали, вырывался запахъ супа съ капустой.

Г-жа Шамбанъ позвонила; Бригитта отворила ей дверь и проводила въ гостиную. Тамъ сидѣла хозяйка дома въ черномъ шолковомъ платьѣ и занимала разговоромъ двухъ дамъ, одѣтыхъ по старомодному.

Г-жа Рендаль, при видѣ своей новой гостьи, на минуту запнулась; но, вглядѣвшись, тотчасъ же поспѣшила къ ней на встрѣчу.

— Я пришла узнать о здоровьѣ нашей милой больной,— начала гостья, усаживаясь въ кресло, крытое гранатнымъ бархатомъ, на которое ей указала г-жа Рендаль.

Digitized by Google

— О, Тереза совершенно здорова! Она занимается съ отцомъ и сейчасъ выйдетъ. Но какъ это любезно съ вашей стороны...

Г-жа Шамбанъ поблагодарила улыбкой.

Г-жа Будуа, одна изъ дамъ, жена профессора въ Сорбоннѣ, воскликнула:

— Ахъ, бѣдное дитя! Она была больна?

— Слава Богу, не больше какъ утомленіе, — возразила г-жа Рендаль. — Вчера на балу ей сдѣлалось дурно во время танцевъ.

Г-жа Лебе́ркъ, супруга знаменитаго профессора математики, освѣдомилась:

— Голова закружилась?

— Да, по всей вѣроятности,—отвѣчала г-жа Рендаль.

Г-жа Будуа подтвердила это предположеніе. Ея мужъ каждое лѣто на дачѣ ѣздитъ по морю въ рыбацкомъ челнокѣ; ну, а вотъ вальсировать онъ никогда не могъ: у него кружится голова. Г-жа Леберкъ, напротивъ, хоть ей и много приходилось ѣздить по водѣ, могла вальсировать сколько угодно.

Наступило молчаніе.

— Очень хорошенькій былъ этотъ вечеръ; не правда ли?— спросила г-жа Шамбанъ.

— О, восхитительный!—согласилась г-жа Рендаль.

Г-жа Будуа и г-жа Леберкъ потребовали болѣе подробныхъ описаній и получили ихъ. Но вдругъ, совершенно неожиданно, разговоръ свернулъ въ сторону.

Г-жа Будуа заговорила о празднествахъ и проповѣдяхъ наступающаго рождественскаго поста. Она предлагала г-жѣ Рендаль ходить на торжественныя вечерни въ церковь св. Іоанна, гдѣ величанія Рождеству Христову обѣщали быть особенно красивы.

Но г-жа Рендаль стояла скорѣе за церковь св. Стефана. Споръ разгарался. Г-жа Леберкъ, которая была не изъ богомольныхъ, молчала. Г-жа Шамбанъ, смущенная непонятными для нея тайнами ихъ своеобразной бесѣды, также молча, разглядывала черныя арабески, выдѣлявшіяся на красномъ фонѣ коврика, который вѣнкомъ окружалъ кресла.

Наконецъ, воспользовавшись минуткой передышки, она спросила:

— Не будетъ ли это неловко съ моей стороны, если я оторву отъ занятій—профессора и вашу дочь? Я съ такимъ удовольствіемъ поздоровалась бы съ ними!

— О, нѣтъ, напротивъ! Они будутъ такъ рады!.. — и г-жа Рендаль постучалась въ кабинетъ мужа.

Digitized by Google

— Кто тамъ?—проворчалъ голосъ профессора.

— Гости,—отвѣтила жена и отошла въ сторону, пропуская впередъ г-жу Шамбанъ.

На шумъ со своего мѣста приподнялась Тереза и одновременно съ нею отецъ. Губы молодой дѣвушки уже сложились въ недовольную складку, но она принудила себя улыбнуться.

— Какъ вы любезны!.. Не стоило безпокойства...

Отецъ присоединился къ ней въ изліяніи благодарности. Г-жа Рендаль извинилась и ушла къ своимъ другимъ гостямъ.

Какъ наканунѣ, на балу, профессоръ казался озадаченъ и смущенно лепеталъ:

— Пожалуйста, садитесь!

Зозé усѣлась и объявила:

— А у васъ тутъ превесело въ рабочемъ кабинетѣ!.. Сколько свѣта!

— Да, свѣта у насъ довольно,—согласился профессоръ.

— Вы занимаетесь, и я вамъ помѣшала?

— Самымъ неожиданнымъ и пріятнымъ образомъ, — возразилъ профессоръ и сдѣлалъ движеніе рукой въ знакъ привѣта.

— Ваши окна, кажется, выходятъ въ сады?

— Да; у насъ отсюда видъ на сады и на весь Парижъ,— замѣтилъ Рендаль.

И въ самомъ дѣлѣ, передъ Зозé, далеко внизу, залитый солнцемъ, которое разсѣяло туманъ, разстилался весь Парижъ, то-есть, говоря вѣрнѣе, „весь Парижъ“ Рендаля: Парижъ скромный и трудовой, Парижъ вѣрующихъ и смиренныхъ.

Далеко въ безпредѣльную даль тянулись волнообразныя линіи каменныхъ верхушекъ домовъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, иглы и колокольни соборовъ, особенно выдѣлялись. Справа—квадратная башня св. Іоанна, чудовищный куполъ Пантеона; тонкое остріе иглы Сорбонны. Слѣва — круглый, шарообразный куполъ зданія „Посольства“, а совсѣмъ съ краю— пирамида, подъ которой мотался крошечный безцвѣтный флагъ, —дворецъ Лувра. Въ промежуткахъ виднѣлась на небѣ неровная линія крышъ; на нихъ, будто опрокинутые штыки, торчали трубы. А въ глубинѣ, въ просвѣтѣ, можно было угадать еще улицы, еще парки—и Люксамбуръ, котораго почти не было видно.

Рендаль любезно указывалъ на все это, разъяснялъ. Гостья всѣмъ восхищалась: у нея все было „мило“, все „прелестно“!

— А вотъ и монастырскій садъ „Благовѣщенія“; вонъ двѣ монахини, наши сосѣдки, вышли прогуляться! — и онъ указалъ на садъ, сосѣдній съ домомъ.

Digitized by Google

Г-жа Шамбанъ нагнулась, чтобы ихъ разглядѣть.

Онѣ шли медленно одна за другой и покраснѣвшими отъ холода руками перебирали четки. Лица ихъ тонули въ глубинѣ большихъ головныхъ уборовъ, склоненныхъ къ землѣ. Одна изъ монахинь казалась моложе и худощавѣе; другая — полная, вѣроятно, была постарше. Ихъ неуклюжія, мясистыя таліи были перехвачены кушакомъ передника, который врѣзывался въ ихъ тѣло, не знавшее корсета.

Г-жа Шамбанъ молча смотрѣла на нихъ, но не рѣшилась спросить, зачѣмъ это онѣ на ходьбѣ перебираютъ четки?

— Ахъ, прелести какія! Ахъ, душки-муміи! — воскликнула она, вдругъ обративъ свое вниманіе на витрину, прикрѣпленную къ стѣнѣ. Въ ней, дѣйствительно, лежали въ рядъ миніатюрныя фигурки раскрашенныхъ мумій, съ черными, безобразными глазами и бровями, осѣнявшими курносый носъ.

Вдоль всего тѣла муміи были надписи. Нѣкоторыя „куклы“ держали руки крестомъ на груди; у другихъ изъ-подъ узкаго платья видны были только пальцы.

Рендаль любезно объяснялъ, что эти статуэтки ставились у древнихъ въ могилы, дабы помогать усопшему въ его трудахъ за гробомъ. На верхней полкѣ онъ назвалъ еще нѣсколько божествъ: Готора съ коровьей головой, Анубиса съ головой шакала, Гора съ головой ястреба, Озириса—бога преисподней, въ широкой тіарѣ, Туэрисы — ужаснѣйшаго идола съ головой гиппопотама и съ грудью женщины; это страшилище, будто бы, имѣло даръ спасать отъ заговора или вообще служить символомъ материнства. О каждомъ изъ нихъ знаменитый профессоръ говорилъ съ такой особой нѣжностью, какъ если бы онъ самъ родилъ ихъ на свѣтъ Божій. И въ самомъ дѣлѣ, не онъ ли ихъ творецъ, если его трудами они изъ нѣдръ земли вышли на свѣтъ Божій! Разноцвѣтные каменные жуки тоже принадлежали къ числу такихъ находокъ. Рядомъ съ ними, въ футлярѣ, два или три золотыхъ тяжелыхъ перстня, съ камешкомъ, гравированнымъ іероглифами. Нѣкогда, вѣроятно, они украшали желтые пальцы какого-нибудь великаго фараона...

— Тысячи три-четыре... пять тысячъ лѣтъ тому назадъ,— объяснялъ Рендаль на вопросъ гостьи.

— Не можетъ быть! А если я поѣду въ Египетъ, могу я тамъ откопать что-нибудь подобное?

— Отчего же! Пустыни кишатъ памятниками старины. Если только покопать хорошенько...

Digitized by Google

— Какъ это интересно!—задумчиво шептала молодая женщина.

У нея за спиной Тереза чуть не топала ногой отъ нетерпѣнья и вздрогнула, когда г-жа Шамбанъ проговорила:

— Прежде чѣмъ проститься съ вами, дорогой профессоръ, я попрошу васъ оказать мнѣ большую милость... Надѣюсь, вы свободны недѣли черезъ двѣ—12-го декабря?

— Право... не помню хорошенько... — замялся профессоръ, смущенный знаками, которые дѣлала ему дочь.

— Я была бы такъ счастлива, еслибъ вы согласились у насъ отобѣдать!—заключила г-жа Шамбанъ.

Рендаль поклонился.

— Гм!.. гм!.. Благодарю васъ... какъ г-жа Рендаль... надо ее спросить... Впрочемъ, мнѣ кажется, она никуда не отозвана въ этотъ день... Не правда ли?

— Да, да! Мы свободны! — грубо отрѣзала дочь, все время только о томъ и думавшая, какъ бы поскорѣе убралась эта особа и скорѣй отправилась бы къ своему возлюбленному франту, къ этому Жеральду, къ своему пріятелю!

Всѣ трое вернулись въ гостиную. Удивленная неожиданнымъ приглашеніемъ, г-жа Рендаль сразу согласилась и всей семьей пошла провожать гостью. Даже Тереза не отставала и, уходя, уже на лѣстницѣ, когда г-жа Шамбанъ оглянулась, чтобы кивнуть имъ на прощанье еще разъ, ей бросился въ глаза упорный взглядъ Терезы.

— Да, непріятный взглядъ! — разсуждала г-жа Шамбанъ, сидя одна въ каретѣ.—Взглядъ полный почти зависти или почти восторга! Такъ смотрятъ бѣдныя на богатыхъ дамъ во время разъѣзда у театра. Странная дѣвушка эта Тереза Рендаль!

Но вотъ карета переѣхала черезъ мостъ Согласія и покатилась по Елисейскимъ-Полямъ. При видѣ перваго же щеголя, который ей попался на пути, Зозé почувствовала, что она оживаетъ, возвращается какъ бы изъ чужихъ краевъ въ свою сферу, въ свой кварталъ, въ свой особый міръ.

Такое точно ощущеніе ей случилось испытать, когда она возвращалась изъ-за границы и уже въ предѣлахъ французской земли увидала на границѣ перваго таможеннаго чиновника-француза. Тогда, помнится, холодъ вдругъ пересталъ ей казаться страшнымъ, и вѣтеръ будто меньше сталъ рѣзать лицо...

Такъ и теперь, когда мимо ѣхали нарядные мужчины и дамы, развалясь въ своихъ экипажахъ, и прятали свое улыбающееся лицо въ пушистые мѣха воротниковъ, а дѣти весело бѣгали по буль-

Digitized by Google

варамъ, Зозé съ особымъ наслажденіемъ чувствовала себя опять среди своихъ, среди людей богатыхъ и зажиточныхъ, людей понимающихъ другъ друга.

Ее вывелъ изъ задумчивости звонъ часовъ на елисейской вышкѣ.

— Уже четыре!.. Опоздаю, непремѣнно опоздаю!—и несмотря на то, что карета приближалась къ цѣли, Зозé обѣими ногами подпихивала грѣлку, какъ бы помогая лошади.

Наконецъ, карета остановилась у скромнаго дома въ улицѣ д'Агессò, и Зозé, нà-скоро заплативъ извозчику, какъ сумасшедшая понеслась вверхъ по лѣстницѣ... Вошла....

Онъ дома, ждетъ ее!..

А. Б—г—.

Digitized by Google

МѢСЯЦЪ

ВЪ

ГЕЛЬСИНГФОРСѢ

Замѣтки туриста.

— Какіе холодные—эти шведы, и молчаливые, мрачные—эти финны!—слышалъ я не разъ по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ въ концѣ апрѣля. Время было дождливое, холодное; солнце рѣдко выглядывало изъ-за быстро мчавшихся сѣрыхъ тучъ; вѣтеръ качалъ голыя еще деревья и вырывалъ зонтики изъ рукъ прохожихъ.

Мрачно, сыро, неуютно! Гостинница, въ которой я остановился, напоминала собою гигантскій мрачный колодезь, гдѣ было тихо и печально.

Помню, я провелъ первые дни въ Гельсингфорсѣ непріятно: томящая тоска не прекращалась и давила словно кошмаръ.

И вдобавокъ—эти мрачные, угрюмые люди въ мрачномъ сѣромъ царствѣ гранита!

Я не слышалъ смѣха, не видѣлъ живой улыбки и думалъ—не покинуть ли мнѣ поскорѣе этотъ мрачный городъ?!

Но вотъ—проглянуло солнце, стихъ съ моря вѣтеръ, я перемѣнилъ квартиру, поселившись въ одной семьѣ, въ первомъ этажѣ. Мои окна выходили на широкій казарменный плацъ, за которымъ виднѣлись въ живописномъ безпорядкѣ разбросанныя гранитныя скалы; за ними — паркъ съ верхушками деревьевъ, среди которыхъ выступали остроконечные куски гранита. Край воды залива и красивые домики дачъ видны были тоже. Однимъ

Digitized by Google

словомъ, просторъ и пейзажъ, а не мокрыя холодныя стѣны, въ которыя упирались окна моего нумера.

Настроеніе духа перемѣнилось, успокоились нервы, и я сталъ наблюдать и знакомиться съ городомъ, привычками и условіями жизни болѣе хладнокровно и внимательно.

Послѣднее при наблюденіяхъ необходимо, и вотъ главнымъ образомъ почему: при знакомствѣ съ русскими, живущими въ Гельсингфорсѣ, вы услышите самыя разнорѣчивыя мнѣнія и о характерѣ туземцевъ, и объ общественныхъ условіяхъ. Одни хвалятъ, другіе бранятъ; какъ та, такъ и другая сторона, поступаютъ страстно, но мало убѣдительно.

Я рѣшилъ не слушать ни тѣхъ, ни другихъ. И, кажется, сдѣлалъ хорошо, взявъ себѣ переводчика для посѣщенія съ нимъ общественныхъ мѣстъ и собраній. Но прежде чѣмъ приступить къ сообщенію моихъ впечатлѣній, я обращу вниманіе читателей на русскихъ въ Гельсингфорсѣ. Элементъ военный, какъ вездѣ, держится особнякомъ, и русскіе офицеры не сходятся и почти незнакомы съ финскими (шведскими) офицерами, которые держатъ себя малодоступно. Это—здѣшняя аристократія. Другое дѣло —народъ. Тѣ, которые женились на шведкахъ—въ восторгѣ отъ всѣхъ мѣстныхъ условій жизни; тѣ же, которые имѣютъ русскихъ женъ и остались одинокими среди мѣстныхъ обывателей, остаются врагами и шведовъ, и финновъ, съ той только разницей, что къ финнамъ они относятся гораздо снисходительнѣе. Дѣйствительно, шведы—болѣе замкнутые люди, мало привѣтливы и негостепріимны. Точекъ сближенія русскихъ съ туземцами мало, потому что нѣтъ между русскими вполнѣ интеллигентныхъ элементовъ, чтобы сблизиться, а шведы не имѣютъ причинъ интересоваться русской культурой.

Изъ 2.500.000 человѣкъ на финскомъ языкѣ говорятъ 2.200.000, а на шведскомъ—только 300.000 человѣкъ. Финны представляютъ элементъ демократическій, а шведы—аристократическій, но еще больше—буржуазный.

Я познакомился съ однимъ профессоромъ здѣшняго университета и въ разговорѣ съ нимъ завелъ рѣчь о будущемъ финновъ. Я указалъ на самостоятельность послѣднихъ и на ихъ антипатію къ шведамъ.

— Ваша правда,—отвѣчалъ профессоръ,—недалеко то время, когда финны, быть можетъ, вытѣснятъ шведовъ, какъ пришлый элементъ... Но какая же финская культура?! Я не говорю объ общественныхъ порядкахъ: это—шведская конституція; но я говорю о бѣдности финской литературы, о малочисленности націи.

Digitized by Google

Знакомство съ литературой и постепенное сближеніе съ сильной націей для финновъ необходимо. Какія же это націи?.. Конечно, не шведская, а германская или русская, — ближе русская, уже внѣшнимъ образомъ связанная съ Финляндіей... Да, народа немного, хотя страна большая, равняется вмѣстѣ взятымъ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и Бельгіи (6.780 геогр. кв. миль). Подъ покровительствомъ сильной націи финскій народъ, крѣпкій, выносливый, долженъ развиваться... У него имѣются для этого всѣ данныя. Въ послѣднія 20—30 лѣтъ финны работали много и усиленно; они взяли отъ шведской культуры все, что возможно и что нужно. Финская и шведская партія, напр., въ университетѣ равны. Правда, шведы стоятъ во главѣ торговли, промышленности. Они—банковые, общественные дѣятели, ихъ постоянно въ городахъ выбираютъ депутатами въ сеймъ. Да!.. Но посмотрите, познакомьтесь сами съ нашими порядками...

Я сталъ знакомиться.

Городъ Гельсингфорсъ основанъ шведами еще въ 1550 г. Это былъ маленькій приморскій городокъ, кладбище котораго и сохранившаяся деревянная церковь находятся въ центрѣ настоящаго города. Теперь это нѣсколько оригинальный скверъ со старинными надгробными памятниками, гдѣ пестрыми кучками играютъ дѣти.

Съ 1863 г., Гельсингфорсъ становится столицей Финляндіи— и въ настоящее время имѣетъ 70.000 жителей. Городъ небольшой, но красивый и чрезвычайно опрятный. Чистота и порядокъ никогда не нарушаются, хотя не видно ни суеты, ни тѣхъ, кто этотъ порядокъ поддерживаетъ и сохраняетъ. Нашихъ традиціонныхъ дворниковъ съ длинными метлами и желѣзными коробками не видно на улицахъ, а между тѣмъ чисто и опрятно такъ, что можетъ быть спокоенъ самый строгій администраторъ. Упомяну кстати, что мостовыя и тротуары въ Гельсингфорсѣ превосходные, хотя первыя и изъ булыжника. Я не разъ видѣлъ, какъ послѣ базара очищалась торговая площадь, откуда только-что уѣхало нѣсколько сотенъ одноколокъ финновъ, и которую покинули городскіе торговцы и торговки. Черезъ часъ ничего не было: ни навоза, ни отбросовъ. Кто же это убираетъ? Женщины, и притомъ преимущественно пожилыя, и извозчики съ приспособленными къ одноколкамъ ящиками, въ которые быстро складывается весь соръ и увозится съ мѣста, а не прячется на дворахъ.

Хотя движеніе въ городѣ большое, но суеты и безпорядка нѣтъ. Извозчики и даже ломовые ѣдутъ быстро, пѣшеходы также

Digitized by Google

спѣшатъ. Все весьма чинно! И такъ изо дня въ день, какъ аккуратно поставленные часы, идетъ городская внѣшняя жизнь.

Въ постройкахъ зданій нѣтъ изящества, граціозности, но стиль выдержанный, довольно мрачный, напоминающій также выдержанныя, мрачныя физіономіи хозяевъ. Дома преимущественно каменные, многіе на гранитномъ фундаментѣ, четырехъ, пяти и даже шестиэтажные. Городъ ростетъ необыкновенно быстро. Подъ строенія отводятся мѣста на окраинахъ, на мѣстѣ деревянныхъ старыхъ домовъ въ центрѣ города воздвигаются многоэтажныя зданія. Потребность и спросъ на квартиры и магазины, въ особенности въ послѣдніе годы, чрезвычайные. Дѣло доходитъ до того, что часто весь домъ снимается и заключаются условія на помѣщенія по только-что утвержденному плану, когда еще не приступали къ постройкѣ фундамента. Общественныя зданія не болѣе изящны, но грандіозны. На сенатской площади, гдѣ возвышается лютеранскій соборъ, другъ противъ друга стоятъ совершенно одинаковыя зданія сената и университета; ихъ раздѣляетъ площадь, на которой воздвигнутъ очень красивый памятникъ имп. Александру II. Каждый годъ день открытія этого памятника празднуется особенно торжественно, памятникъ украшается цвѣтами, студенческіе хоры поютъ гимны и т. п. Другой, тоже красивый памятникъ высится на эспланадѣ, главномъ мѣстѣ прогулокъ жителей, не далеко отъ набережной залива—это памятникъ народному поэту Іоганну-Людвигу Рунебергу († 1877 г.). Памятникъ открытъ въ 1885 г. при особенно торжественной обстановкѣ. При погребеніи поэта присутствовали всѣ земскіе чины Финляндіи.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ, я присутствовалъ на похоронахъ одного сенатора. Массы народа! За гробомъ шли близкіе, затѣмъ войска, за ними студенты съ знаменами и, наконецъ, сотни экипажей съ провожатыми, и почти въ каждомъ экипажѣ зеленѣлъ вѣнокъ. Послѣ грома пушекъ, студенческихъ гимновъ, рѣчи пастора, послѣдовало возложеніе вѣнковъ на могилу, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ словъ или небольшой рѣчи. Церемонія продолжалась долго, пока на могилѣ не выросла пестро-зеленая гора изъ вѣнковъ и цвѣтовъ.

Я былъ удивленъ.

— Это что!! — сказалъ мнѣ мой переводчикъ.—Жаль, что вы не пріѣхали нѣсколько ранѣе, когда хоронили простого народнаго учителя. Вотъ были похороны!!. Куда торжественнѣе... и народа гораздо больше!..

Воображаю, какія похороны были устроены любимому на-

Digitized by Google

родному поэту Рунебергу, слѣды памяти о которомъ—повсюду въ Финляндіи: вездѣ въ паркахъ его бюсты, могила въ цвѣтахъ, его жилище стало общественнымъ достояніемъ и строго сохраняется въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ было въ день его смерти.

А у насъ? Пятигорскій домикъ Лермонтова купилъ казначей, ремонтировалъ, перестроилъ по своему вкусу и живетъ себѣ!.. Или у насъ много „этихъ самыхъ писателей и поэтовъ", что даже на кресты деревянные иногда нужно открывать подписку и „агитировать"?!

Рунебергъ былъ учителемъ и стоялъ близко къ народу. Я перевелъ (съ помощью переводчика) одно стихотвореніе подстрочно, какъ болѣе яркое по народническому его характеру:

Сынъ деревни.

Я лѣсъ рубилъ,
Пока хватало силъ,
И все рубилъ, рубилъ.
Топоръ былъ остръ,
Но я усталъ рубить —
Пришла пора!

Была рука крѣпка,
Теперь уже не то, —
Не такъ она сильна,
Упруга и вѣрна!..

Въ зиму студеную,
Исполненную бѣдъ,
Кора, вода—
Вотъ мой обѣдъ!..

О, какъ хотѣлъ бы я
Имѣть лишь хлѣбъ ржаной!
Тогда бъ была
Вкусна вода.

Мечтаю часто я,
Но нѣтъ! Не брошу я
Тѣ горы и поля,
Гдѣ выросъ я...

Не свѣтитъ солнце „тамъ",
Какъ свѣтитъ здѣсь,
И не таковъ восходъ,
Когда кругомъ домá.

Digitized by Google

Тамъ нѣтъ долинъ,
Гдѣ пестрые цвѣты
Качалъ бы вѣтеръ вольный...
Тамъ нѣтъ листвы,

И нѣтъ лѣсовъ дремучихъ,
Гигантскихъ сосенъ нѣтъ,
И нѣтъ рожка пастушки,—
Ни дня, ни ночи нѣтъ...

А здѣсь, подъ облаками,
Какой просторъ и ширь!
Свободными сынами
Господь насъ сотворилъ...

Народъ твой, Боже,
Въ молитвѣ простъ:
Онъ хлѣба проситъ —
Не откажи!..

Дѣйствительно, глухая борьба за существованіе ведется крестьянами въ Финляндіи, и они, тѣмъ не менѣе, привязаны къ своей суровой, но свободной странѣ.

Городъ Гельсингфорсъ, конечно, обращаетъ мало на это вниманія, и живетъ веселой, хотя и монотонно-размѣренной жизнью. Все въ Гельсингфорсѣ хорошо, прекрасно, но для насъ—какъ будто чопорно и холодно. Сѣверъ, что-ли, наложилъ на нихъ суровую печать. Тамъ, гдѣ-то въ далекихъ, сѣверныхъ деревняхъ, финнъ ѣстъ плохой хлѣбъ и кору, а здѣсь, въ Гельсингфорсѣ, не знаютъ, что̀ выбрать изъ лучшихъ заграничныхъ винъ.

По мѣрѣ того какъ культурное вліяніе шведовъ ослабѣваетъ, финны развиваются и не только становятся, но уже и стали самостоятельными; враждебныя отношенія между ними не прекращаются, но принимаютъ опредѣленный характеръ. Финны смотрятъ на шведовъ какъ на пришлый элементъ, а послѣдніе продолжаютъ относиться къ финнамъ какъ къ народу менѣе ихъ культурному и во всемъ обязанному шведамъ.

Въ городѣ имѣются четыре лютеранскихъ, двѣ православныхъ и одна католическая церковь. Грандіозенъ лютеранскій соборъ на Сенатской площади и замѣчательно красивая, въ чисто готическомъ стилѣ, церковь на Гэгбергской улицѣ. Очень красиво также зданіе студенческаго дома; впрочемъ, почти всѣ учебныя заведенія выдѣляются своей архитектурой.

Сенатъ и университетъ совершенно схожи между собою и словно два колосса стоятъ другъ противъ друга. Это по грандіозности первыя зданія въ Гельсингфорсѣ.

Digitized by Google

Я посѣтилъ между прочимъ домъ сейма, гдѣ собираются для совѣщаній представители трехъ сословій: горожане, духовенство и дворянство. Это недавно, лѣтъ шесть назадъ, за-ново выстроенное зданіе и по красотѣ принадлежитъ къ лучшимъ постройкамъ Гельсингфорса. Прекрасный вестибюль, широкая гранитная лѣстница, колонны, много и свѣта, и воздуха. Громадная эмблема Финляндіи (женщина, опершаяся на льва) составляетъ украшеніе внутренности этого зданія. Три почти одинаковыя большія комнаты съ каѳедрами напоминаютъ собою аудиторіи — это залы, гдѣ засѣдаютъ сословія.

Одно зало, самое малое, украшено фотографическими снимками группъ прежнихъ представителей духовенства. Въ каждомъ изъ этихъ залъ имѣются довольно просторные хоры, которые во время сеймовыхъ засѣданій постоянно бываютъ полны посторонней публикой.

„Рыцарскій“ домъ, неподалеку отъ сеймоваго—старинное, довольно мрачное зданіе мѣстнаго дворянства, гдѣ во время сейма и засѣдаетъ это сословіе. Взамѣнъ гранитныхъ лѣстницъ, здѣсь старый, почти черный паркетъ напоминаетъ о старинѣ. Не такъ свѣтло и уютно, какъ въ сеймовомъ домѣ. Въ огромномъ залѣ, гдѣ засѣдаетъ дворянство, по стѣнамъ развѣшаны многочисленные гербы дворянскихъ фамилій. Въ этомъ же домѣ огромныя двѣ картины, изображающія открытіе сеймовъ при императорахъ Александрѣ I и Александрѣ II. Проводникъ разсказывалъ мнѣ, что всѣ эти фигуры многочисленныхъ депутатовъ писаны съ нихъ лично или съ ихъ портретовъ. Я уже не упоминаю, что какъ то, такъ и другое зданіе освѣщается электричествомъ, которое очень распространено въ городѣ.

Кстати упомяну и объ университетѣ. Его аудиторіи одинаковы по вмѣстимости, свѣтлы и высоки. Мѣста не построены амфитеатромъ, и лавки и столы размѣщены по одной плоскости. Вестибюль университета и актовое зало украшены колоннами іоническаго и дорійскаго орденовъ. Библіотека помѣщается отдѣльно, такъ же, какъ и лабораторія. Замѣчательный порядокъ и чистота въ клиникахъ и вообще въ финляндскихъ больницахъ. Медицинское дѣло поставлено здѣсь широко и основательно, что̀ между прочимъ доказывается хотя бы и тѣмъ, что курсъ медицины студентами проходится въ теченіе чуть не десяти лѣтъ.

Прочія общественныя зданія построены прочно и красиво, между ними—изящное зданіе политехникума.

— У насъ нѣтъ дорогихъ техниковъ и инженеровъ, а тѣ, ко-

Digitized by Google

торые меньше берутъ и лучше строятъ, тѣ и считаются первыми,—говорилъ мнѣ финляндецъ.

Мѣстные русскіе подтвердили мнѣ это замѣчаніе.

— Что говорить, порядки „у нихъ“ на удивленье, лучше и не придумать, но народъ, народъ...

— Что народъ?.. — возражаю я.—Право, я ничего дурного не вижу... Народъ, какъ народъ!.. работящій, спокойный, разсудительный!.. я, право, не знаю...

— Поживите, такъ узнаете...

— Что узнаю?..

Да рѣшительно нечего узнать. Идутъ какія-то безтолковыя, сбивчивыя обвиненія финляндцевъ... Но въ чемъ?.. вы рѣшительно не поймете, кромѣ того, что „они“ насъ, русскихъ, не любятъ. Но, спрашивается, за что любить тѣхъ русскихъ, которые, живя въ Финляндіи и „служа“ у финляндцевъ, только ругаютъ послѣднихъ, не стѣсняясь оскорблять ихъ даже въ общественныхъ мѣстахъ?

Почему „эти люди“ требуютъ къ себѣ любви и уваженія, почему они здѣсь мнятъ себя представителями русскаго народа?!

Одинъ крестьянинъ-каменщикъ, привезенный подрядчикомъ сюда на работу, объяснилъ мнѣ дѣло проще. Иду я какъ-то въ концертъ. Былъ праздникъ. Смотрю, стоитъ настоящій русакъ, съ умнымъ, симпатичнымъ лицомъ. Стоитъ задумавшись. Мнѣ не хотѣлось упустить случая перекинуться съ нимъ двумя, тремя словами.

— Откуда?.. давно здѣсь?—спросилъ я.

— Недавно. На работу насъ привезли.

— Ну, что, нравится городъ?

— Городъ, точно, форменный, портовой, важный городъ... Невеликъ только, а городъ—что и говорить!.. Невеликъ, а почище Петербурга будетъ!.. Это вѣрно!.. Только народъ вотъ...

— Что народъ?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— Ничего не понимаетъ!.. Дѣло праздничное, выпить хочется, а не знаешь гдѣ?! Кабаковъ у нихъ, харчевенъ—нѣтъ... Спрашивалъ—не понимаютъ... Лопочутъ по-своему, а что? Богъ знаетъ. Вотъ и деньги есть, а ходишь такъ-себѣ.

Я показалъ моему соотечественнику скромный ресторанъ.

Въ Гельсингфорсѣ три театра и много превосходныхъ концертныхъ залъ: студенческій, зало пожарныхъ, зала при каждой гостинницѣ и проч.

Два театра, почти роскошныхъ, а третій—бѣдный, сѣренькій театръ, около биржи ломовыхъ извозчиковъ — это театръ фин-

Digitized by Google

скій; два же другіе—шведскій въ самомъ центрѣ города, и русскій (Александровскій)—близъ Сандвикенской гавани, на юго-западѣ. Всѣ театры получаютъ субсидіи и меньше всего финскій, но этотъ театръ привлекаетъ много народа; во время моего пребыванія въ немъ ставили съ большимъ успѣхомъ „Власть тьмы", Л. Толстого, и финны внимательно и съ интересомъ слѣдили за пьесой. Шла также пьеса Гоголя, „Ревизоръ".

Во главѣ финскаго театра стоитъ весьма образованное лицо, докторъ философіи Б. Этотъ директоръ положилъ много и труда, и денегъ на организацію финскаго театра. Шведскій театръ пробавляется главнымъ образомъ опереткой, да кромѣ того ставитъ кровавыя англійскія мелодрамы. Публика въ немъ принадлежитъ къ зажиточному классу горожанъ—шведовъ и военныхъ, между тѣмъ какъ въ финскомъ театрѣ преобладаетъ студенчество и рабочій элементъ. Да и цѣны въ послѣднемъ въ высшей степени доступныя, напр. первый рядъ партера стоитъ на наши деньги 60 коп.

Русскій театръ, ежегодно получающій 36.000 марокъ казенной субсидіи, до сихъ поръ не привлекалъ къ себѣ не только туземцевъ, но даже и русскихъ. Причиной служила очень плохая провинціальная труппа.

— Помилуйте!—говорили мнѣ русскіе.—Придешь въ театръ, а тамъ двадцать человѣкъ сидятъ!.. Тоска, скука!.. Лучше ужъ въ шведскій ходить... По крайней мѣрѣ, на людяхъ...

Нѣкоторые объясняли нерасположеніемъ финляндцевъ къ русскимъ ихъ пренебреженіе къ Александровскому театру; но когда московскій артистъ г. М., внѣ сезона, привезъ хорошую оперу, то театръ былъ переполненъ, и шведская и финская пресса въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывалась ежедневно о хорошо сформированной опытнымъ артистомъ труппѣ.

Театромъ управляетъ комендантъ города.

Несомнѣнно, такая солидная субсидія отпускается правительствомъ съ тѣмъ, чтобы поставить здѣсь русское искусство на ту высоту, до которой оно достигло въ настоящее время, и тѣмъ дать возможность наслаждаться эстетически не только русскимъ, но въ свою очередь привлекать въ театръ и финновъ.

Но дирекція русскаго театра—недостаточно умѣлая; то она ставитъ съ плохой труппой драмы, то пригласитъ сомнительную итальянскую оперу, и назначаетъ такія цѣны за мѣста, что финляндцы только пожимаютъ плечами. Вообще дѣло мастера боится, а въ Александровскомъ театрѣ что-то о мастерахъ не слыхать.

Digitized by Google

Все поставлено на казенную ногу, съ пресловутымъ смотрителемъ театра „изъ фельдфебелей".

Александровскій театръ, какъ зданіе, очень недуренъ, хотя внутри расположенъ далеко не соотвѣтственно: огромная сцена и маленькій зрительный залъ!

Въ Гельсингфорсѣ замѣчательно удобная и красивая гавань, въ которой во время навигаціи стоитъ всегда много пароходовъ, судовъ, большихъ и малыхъ, мѣстныхъ и заграничныхъ. Одни приходятъ, другіе уходятъ. Въ гавани кипитъ оживленная дѣятельность; но опять-таки при образцовомъ порядкѣ. Вы не услышите бранныхъ словъ и переканій: финны—прекрасные работники и превосходные моряки. На утлой лодкѣ подъ парусами они смѣло пускаются въ открытое море, и не только мужчины, но и женщины. Я нѣсколько разъ видѣлъ пріѣзжавшихъ со шхеръ однѣхъ только женщинъ, чтобы продать во время утренняго базара, можетъ быть, ими самими наловленную рыбу.

Вообще въ Финляндіи женщины самостоятельны, и не только женщины, но и дѣти. Крошечныя существа не знаютъ надъ собой надзора, за исключеніемъ дѣтей богатыхъ родителей. Продавщики и разносчики газетъ—тоже дѣти и очень аккуратные исполнители этого дѣла.

На набережной гавани выстроены прекрасныя каменныя зданія для склада товаровъ, привозимыхъ по морю; здѣсь же, въ десяти шагахъ отъ моря, проходитъ желѣзная дорога, огибающая кругомъ весь городъ и другую, Сѣверную гавань. Очень часто разгрузка производится съ парохода прямо въ вагоны, подающіеся для этого случая на набережную. Все приспособлено и все обдумано до мелочей. Въ гавани царствуетъ порядокъ: пароходы стоятъ въ одномъ мѣстѣ, парусныя суда—въ другомъ и, наконецъ, лодки—въ особо отведенной части.

Парусныя суда (собственно большого размѣра лодки, называемыя ялами) приходятъ издалека, нагруженныя съѣстными припасами: рыбой, ветчиной, картофелемъ, яйцами и проч. Финны живутъ на этихъ судахъ, пока не распродадутъ всего товара—и тогда въ обратный путь.

Я уже говорилъ, что финны—превосходные моряки, которыхъ весьма охотно берутъ на службу иностранцы. Они служатъ и въ Германіи, и въ Англіи, и въ Америкѣ. Плавать по Финскому заливу среди шхеръ и подводныхъ камней трудно; нужна не только опытность, но огромное вниманіе и хладнокровіе; иногда одинъ, два фута въ сторону и конецъ — судно разобьется въ дребезги.

Digitized by Google

У самой набережной находится большое каменное зданіе рынка. Войдите туда во внутрь, и вы будете удивлены, поражены чистотой и порядкомъ, которые тамъ найдете. Охотный рядъ въ Москвѣ и даже Сѣнная въ Петербургѣ покажутся тогда чѣмъ-то неприличнымъ. Вы идете рядами по чистому асфальтовому полу; направо и налѣво—торговцы въ особо устроенныхъ, довольно просторныхъ помѣщеніяхъ, за прилавками, на которыхъ выставленъ товаръ. Вы все видите и выбираете, что̀ вамъ нужно. Торговцы и торговки всѣ въ чистыхъ блузахъ и фартукахъ, и зимой, и лѣтомъ. Въ зданіи рынка имѣется рѣшительно все: зелень, мясо, рыба, фрукты, закуски, хлѣбъ и даже пирожное.

Почти у каждаго лавочника телефонъ, который чрезвычайно распространенъ въ городѣ. И не мудрено, потому что годовой абонементъ стоитъ 30 руб. (Подумайте, въ Москвѣ, Петербургѣ—250!). При этомъ можно говорить со всѣми городами Финляндіи. Телефоны здѣсь прекрасные.

Однимъ словомъ, въ Гельсингфорсѣ на каждомъ шагу убѣждаешься, что вѣдь можно же устроиться удобно, хорошо, устроиться такъ, что каждый можетъ пользоваться всѣми этими удобствами. Въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ на улицѣ ничто васъ не раздражаетъ; какое-то спокойствіе и порядокъ царятъ повсюду. Я серьезно совѣтовалъ бы нервнымъ людямъ хотя на нѣкоторое время пріѣзжать пожить въ Финляндіи, нашимъ же городскимъ хозяевамъ и представителямъ, а также администраторамъ—поучиться порядкамъ въ Гельсингфорсѣ. Право, недурно.

Возьмемъ хотя бы желѣзно-конную дорогу. Что̀ у насъ въ Москвѣ и Петербургѣ?.. Огромные, неуклюжіе вагоны, шумъ, гамъ, когда они ѣдутъ, пронзительные звонки и заморенныя, исхудалыя до костей лошади!.. Иной разъ изъ жалости даже и не сядешь въ вагонъ. А здѣсь?.. Одна сытая, откормленная лошадка спокойно тащитъ небольшой, но изящный и удобный вагонъ по узкоколейному пути.

Гельсингфорсъ—городъ неровный, улицы, что называется, съ горки на горку, но ничего! даже въ рѣдкихъ мѣстахъ припрягаютъ другую лошадь!.. А отчего?

— Оттого, что лошадей очень часто мѣняютъ и очень хорошо кормятъ,—пояснили мнѣ.

Гельсингфорская, даже желѣзноконная лошадь—лошадь сильная, красивая. Кучеръ и кондукторъ—нарядно одѣтые, постоянно въ перчаткахъ. Никакихъ контролеровъ не полагается, а дѣлается такъ: когда вы сѣли, то кондукторъ подноситъ кружку, куда вы должны положить 15 пенни (6 к.). Если вы дадите ему

Digitized by Google

какую-нибудь другую, болѣе или менѣе крупную монету, онъ возьметъ ее и молча вытащитъ изъ сумки аккуратно свернутую въ бумажку и заклеенную мелочь на сумму той монеты, которую вы дали ему. Остается разорвать конвертикъ, вынуть 15 п., положить ихъ въ кружку, а остальныя—себѣ въ карманъ.

Извозчики въ Гельсингфорсѣ превосходные, почти всѣ на резиновыхъ шинахъ; конецъ стоитъ 50 пенни (20 к.). Лошади-шведки—бойкія, быстрыя чрезвычайно. Въ Финляндіи шибкая ѣзда очень развита: по городу несутся не только обыкновенные, но и ломовые извозчики, лошади которыхъ нисколько не уступятъ первымъ: такія сытыя, бойкія и веселыя.

Финны любятъ животныхъ и умѣютъ съ ними обращаться. Рабочій или извозчикъ рѣдко ударитъ коня кнутомъ, а чтобы обременить излишнею тяжестью—никогда. Онъ лучше два раза съѣздитъ, но не положитъ лишняго пуда. Всѣ ломовые—на двуконныхъ, особо устроенныхъ телѣгахъ со стѣнками; извозчики всегда ѣздятъ стоя. Столкновеній и недоразумѣній между извозчиками никогда не бываетъ; впрочемъ, они составляютъ особую корпорацію. Экипажи стоятъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, одинъ за другимъ, но вы можете выбрать себѣ какого хотите извозчика. Предложенія въ родѣ того: „прокатайте рубликъ“, или: „не свезу ли для почина“, конечно, здѣсь не услышите. Лишнихъ словъ здѣсь не любятъ и не употребляютъ.

Почтовыя учрежденія обращаютъ на себя вниманіе. Служащіе мужчины и женщины аккуратны и вѣжливы; ненужныхъ формальностей и придирокъ въ финскомъ почтамтѣ не бываетъ. Я получалъ корреспонденцію „до востребованія“. Какъ-то мнѣ вручили денежную повѣстку и сейчасъ же указали на отдѣленіе, гдѣ выдаютъ деньги. Я подалъ повѣстку. „Паспортъ съ вами“?—спросилъ чиновникъ. Я подалъ ему документъ, на который онъ взглянулъ мелькомъ, и тотчасъ выдалъ деньги, попросивъ расписаться въ полученіи. Это мнѣ не стоило *ни копѣйки*. Меня никто не зналъ, пріѣхалъ я недавно, въ полиціи прописанъ не былъ, такъ какъ этого не полагается.

— У меня второй годъ живетъ прислуга,—говорила мнѣ одна здѣшняя русская,—никакого у нея нѣтъ документа... А я весь домъ и дѣтей на нее оставляю.

— И не боитесь, не случилось бы чего?..

— О, нѣтъ!.. здѣсь такая полиція, что живо найдетъ...

Мнѣ вспомнилась наша паспортная процедура, съ ея прописками, отмѣтками, переходными листками, и я подумалъ: „въ порядкѣ паспортъ, прописанъ, отмѣченъ, тогда хоть кради, уби-

Digitized by Google

вай—никто не отвѣчаетъ, кромѣ самого преступника, котораго съ *другимъ* паспортомъ еще и не найдешь. Здѣшняя полиція, напротивъ, знакомится не съ паспортными бланками и книжками, а съ людьми, проживающими въ ея участкахъ, и вслѣдствіе этого можетъ предупредить преступленіе и найти преступника непремѣнно.

Въ самомъ дѣлѣ, какая здѣсь выдержанная, спокойная полиція!.. Городовой смотритъ джентльменомъ: черный сюртукъ, желтые погоны и петлички, всегда чистые воротники и манжеты крахмальной рубахи и перчатки. Постоянно вѣжливый, предупредительный, онъ строго исполняетъ свои обязанности. Онъ все знаетъ, все можетъ вамъ объяснить, указать или направить.

Мнѣ приходилось здѣсь бывать при огромномъ скопленіи народа, и что же? порядокъ былъ образцовый; полицейскіе спокойно и тихо прохаживались среди народа, слѣдя за правильностью движенія. Ни одного слова, только изрѣдка поднимется рука въ бѣлой перчаткѣ—и только: это значитъ, спуталось движеніе, но минута—и оно снова возстановлено.

Торговля въ городѣ, повидимому, процвѣтаетъ. Множество хорошихъ магазиновъ, лавокъ, имѣется пассажъ. Шведы и финны любятъ хорошо одѣваться. Въ праздникъ каждый рабочій одѣтъ въ чистой, хорошо сшитой парѣ и крахмальной рубахѣ; рѣдко взамѣнъ послѣдней повязанъ шолковый платокъ. Работаютъ обыкновенно въ блузахъ, совершенно схожихъ съ блузами французскихъ рабочихъ, немного впрочемъ поплотнѣе.

Заработки здѣсь выше, нежели въ Россіи.

Я былъ на одномъ мыловаренномъ заводѣ. Во дворѣ ломовые извозчики нагружали товаръ и отвозили на пристань.

— Сколько платите за конецъ? — спросилъ я у инженера.

— Одну марку (40 к.), — отвѣчалъ онъ.

— Сколько концовъ съ нагрузкой и выгрузкой сдѣлаетъ одинъ извозчикъ въ день?

— Десять, не меньше...

Значитъ, заработокъ ломового извозчика въ день — 4 р.; работа весной, лѣтомъ и осенью—постоянная.

Вообще въ Гельсингфорсѣ заработная плата колеблется между $4^1/_2$ — 6 марками. Обыкновенно разсчетъ ведется по часамъ; каждый часъ 50 пенни (20 к.), что въ общей суммѣ составляетъ около 6 марокъ или 2 р. 50 к. на наши деньги. Такія деньги заработываютъ каменщики, маляры и проч., въ лѣтнее, разумѣется, время. Желѣзнодорожные рабочіе круглый годъ по-

Digitized by Google

лучаютъ по 38 пенни за часъ (нѣкоторые впрочемъ и 50 п.), что̀ составитъ въ среднемъ около 40 р. въ мѣсяцъ.

При сравнительной дешевизнѣ въ Гельсингфорсѣ на эти деньги жить семейству можно. Но у финляндскаго рабочаго потребности болѣе развиты, нежели у русскаго; никто изъ нихъ не можетъ, напр., обойтись безъ газеты, безъ того, чтобы въ праздникъ не зайти въ ресторанъ или поѣхать лѣтомъ на островокъ и на зеленомъ лугу провести день.

По пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ, я засталъ стачку рабочихъ (маляровъ, каменщиковъ и др.). Въ городѣ много говорили о стачкѣ. Рабочіе требовали или увеличенія заработной платы, или уменьшенія рабочихъ часовъ.

Городъ Гельсингфорсъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водой и живописными парками, прекрасно содержимыми, съ ресторанами, въ которыхъ играетъ музыка и ютится шансонетка. Я назову эти парки: Брунсъ-паркъ, откуда открывается превосходный видъ на море и на крѣпость Свеаборгъ; паркъ Кайсанеми, съ небольшими и граціозными озерами, и наконецъ паркъ Дюргордъ, при заливѣ, отличается отъ первыхъ множествомъ гранитныхъ скалъ, съ которыхъ виденъ весь городъ.

Хороши, тѣнисты и живописны эти окраины Гельсингфорса. Много, очень много народа здѣсь бываетъ по праздникамъ, да и въ будни посѣщаются эти парки охотно, особенно велосипедистами, которыхъ, къ слову сказать, въ городѣ насчитывается болѣе 2.000 мужчинъ и женщинъ.

Рано утромъ въ Дюргордѣ собрался митингъ рабочихъ. Я также отправился туда съ переводчикомъ. Когда мы пріѣхали и взошли на гранитныя, покрытыя мохомъ возвышенности, ораторы уже произносили рѣчи.

Я сталъ прислушиваться къ необыкновенно мягкому, тягучему языку финновъ. Ихъ языкъ оригинальный и очень древній, какъ и финско-югорское племя, теряющееся во мракѣ сѣдой старины.

Ораторъ говорилъ плавно и съ увлеченіемъ. Онъ былъ возбужденъ; потъ крупными каплями выступалъ на лбу, глаза его были потуплены, но при особенно сильныхъ выраженіяхъ онъ оглядывалъ толпу, молча, со вниманіемъ слушавшую говорившаго. Ораторъ говорилъ свободно, не затрудняясь въ выборѣ фразъ. Онъ говорилъ о тяжеломъ положеніи рабочаго, который послѣ 12-часового труда, придя домой въ семью, ожидающую его ужинать, не въ состояніи отъ переутомленія проглотить ложку щей. Снявъ свою мокрую отъ пота рубаху, онъ засыпаетъ тяжелымъ

Digitized by Google

сномъ. И такъ изо дня въ день! слабѣютъ силы рабочаго и вырождается его родъ.

Ораторъ указывалъ на необходимость сокращенія рабочаго времени.

Въ другомъ кружкѣ, неподалеку, говорилъ тоже высокій, уже сѣдой человѣкъ. И тамъ, и здѣсь, слушали со вниманіемъ. Въ сторонѣ кружокъ стачечниковъ нѣлъ финскія пѣсни. Ни шума, ни гама, ни толкотни. Все это происходило такъ обыкновенно, обыденно, что не привлекало особеннаго вниманія постороннихъ. На митингъ пришли только семьи рабочихъ, да внизу играли дѣти горожанъ подъ надзоромъ своихъ нянекъ. Даже полицейскихъ я не видѣлъ; по возвращеніи встрѣтилъ только одного полиціанта на своемъ посту вблизи происходившаго митинга.

По окончаніи рѣчей стали тѣ же ораторы собирать деньги для стачечниковъ. Въ снятыя съ головы шляпы сыпалась мягкая мѣдная и серебряная монета. Конечно, бѣдняки помогали такимъ же, какъ и они, людямъ. Крупныхъ пожертвованій не было.

Въ Финляндіи вошелъ въ плоть и кровь принципъ личной свободы и самостоятельности. Живи, какъ знаешь и какъ можешь, но не мѣшай также жить и другимъ.

Вообще, всѣ учрежденія въ Финляндіи находятся подъ строгимъ и неослабнымъ общественнымъ надзоромъ. Упущенія, произволъ по службѣ рѣдки и не могутъ никакъ оставаться въ секретѣ.

Я сдѣлалъ нѣкоторыя цифровыя выборки по финансовымъ статьямъ и по народному образованію; эти данныя, мнѣ кажется, помогутъ разобраться и уяснить, на чемъ, собственно, покоится благосостояніе Финляндіи.

Въ 1894 году доходы и расходы выражались такъ:

Доходы:	Расходы:
29.583.291 марка.	28.388.240 марокъ.

Финляндія ведетъ обширную торговлю не только съ Швеціей, но съ цѣлой Европой. Въ гельсингфорскую гавань заходятъ пароходы и суда всѣхъ націй.

Въ 1894 г. товарообмѣнъ достигалъ 275 милл. марокъ.

Сельскохозяйственная промышленность въ послѣднее время развивается быстро. Вниманіе на эту отрасль производства правительствомъ обращено особенное. Кромѣ существующаго высшаго сельскохозяйственнаго института, организованнаго по образцу парижскаго, съ теоретическимъ и практическимъ прохожденіемъ курса, имѣются два среднихъ, сельскохозяйственныхъ, для мужчинъ и женщинъ, училища; 12 финскихъ земледѣльческихъ школъ,

Digitized by Google

и кромѣ того 17 молочно-хозяйственныхъ школъ, съ двухъ- и трехъ-лѣтнимъ курсомъ.

Еще имѣются школы для кузнецовъ и конюховъ. Школы садоводства прекрасно привились въ Финляндіи и, вѣроятно, благодаря необычайной склонности и любви сѣверянъ къ зелени и цвѣтамъ; культура послѣднихъ превосходная, много магазиновъ, цвѣты очень недороги, спросъ на нихъ съ 1-го мая большой, и въ праздничное время вы рѣдко кого увидите изъ мужчинъ—я не говорю о дамахъ,—безъ цвѣтка, безъ розы или сирени въ петлицѣ одежды. Молодежь, студентки и студенты, увѣшиваетъ себя цѣлыми гирляндами. Но огородничество до сихъ поръ находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ русскихъ, крестьянъ ярославской губерніи, этихъ старинныхъ и искусныхъ огородниковъ.

Другой элементъ русскихъ—это продавцы мороженаго, крестьяне тверской губерніи, зашедшіе сюда года три назадъ и теперь монополизировавшіе этотъ промыселъ.

Дѣйствительно, молоко здѣсь дешевое, чрезвычайно густое и вкусное, а потому даетъ возможность выдѣлывать хорошее мороженое, которое русскіе продаютъ по 20 коп. стаканъ.

Въ настоящее время появились въ Гельсингфорсѣ, но совершенно случайно, русскіе каменщики. Эта случайность вызвана тою упорной, не сдававшейся на предпринимательскія условія, стачки, о которой я говорилъ выше. Хозяева и строители выписали изъ Россіи русскихъ рабочихъ, и выписали ихъ за сравнительно дешевую плату. Финляндскіе каменщики получали по 2 и по 2 р. 50 к. въ день, а русскимъ дали только по 1 р. 80 к. поденно. Впрочемъ, русскіе, конечно, работаютъ отъ подрядчика. Небольшое число нѣмцевъ и евреевъ тоже входитъ въ составъ населенія Гельсингфорса. Послѣдніе имѣютъ право жительства въ Финляндіи только въ томъ случаѣ, если они отправляли здѣсь воинскую повинность и затѣмъ получили отставку. Здѣшніе евреи-ремесленники—портные, сапожники и торговцы, но мелкіе. Евреи имѣютъ свою синагогу и кладбище.

Имѣющіе право жить въ Финляндіи евреи (а такихъ всего 80—100 семействъ на всю страну) поставлены почти въ невозможность имѣть семью, вѣрнѣе, взрослыхъ дѣтей, сыновей-работниковъ, которые на старости лѣтъ поддерживали бы и прокармливали своихъ родителей. Дѣло въ томъ, что еврей, родившійся и выросшій въ Финляндіи и по достиженіи 21 года поступившій въ военную службу, по окончаніи срока этой послѣдней, проживать на своей родинѣ (Финляндіи) болѣе не имѣетъ

Digitized by Google

законнаго права. Этотъ отставной солдатъ долженъ выбрать себѣ другое мѣстожительство; между тѣмъ, онъ привыкъ и выросъ въ такихъ условіяхъ, которыя гораздо легче дали бы ему и заработокъ, и вообще средства къ жизни, нежели въ незнакомой и чуждой ему обстановкѣ. Кромѣ того, еврейки, вышедшія замужъ за не-финляндскихъ евреевъ, тоже лишаются права даже временнаго пребыванія на своей родинѣ.

Изъ заводовъ и фабрикъ въ Финляндіи выдѣляются, по размѣрамъ производства, лѣсопильные и писчебумажные.

Здѣшній университетъ основанъ еще въ 1640 г., въ г. Або. Этотъ университетъ, съ богатѣйшей библіотекой, сгорѣлъ и въ 1832 г. былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ. Въ университетѣ четыре факультета: богословскій, философскій, юридическій и медицинскій. Порядки въ университетѣ—такіе же, какъ на Западѣ. Лекціи слушаютъ какъ мужчины, такъ и женщины; тѣ и другія носятъ небольшія, одинаковой формы фуражки, со значкомъ, черныя—зимой, и бѣлыя—лѣтомъ. Студентовъ насчитывается около 2.000 мужчинъ и болѣе 300 женщинъ. Студенчество живетъ тѣсной, корпоративной жизнью; вражда существуетъ только между шведами и финнами, которые другъ отъ друга держатся отдѣльно.

1-ое мая въ Гельсингфорсѣ празднуется особенно и притомъ студентами и студентками, хотя въ празднествахъ принимаетъ участіе весь городъ, но молодежь—на первомъ планѣ: праздникъ весны—это ихъ праздникъ, праздникъ юности и надеждъ.

Въ 8 часовъ утра мы стояли въ толпѣ разнаго рода передъ студенческимъ домомъ. Это красивое двухъ-этажное зданіе выстроено на студенческія средства и принадлежитъ и находится въ полномъ распоряженіи студентовъ. Въ домѣ есть прекрасное зало, гдѣ зимой артистами даются концерты, библіотека и комнаты для студенческихъ сходокъ и совѣщаній; въ этомъ же зданіи хранятся студенческія знамена, которыхъ два: одно шведское, другое финское.

Большая часть студентовъ находилась уже въ домѣ, толпилась на балконахъ, на крыльцѣ, гдѣ продавщица бойко вела торговлю цвѣтами и бутоньерками. Дѣйствительно, я не видѣлъ въ этотъ день ни одной студентки и ни одного студента безъ цвѣтовъ.

Прошло полчаса; толпа народа росла, студенты прибывали. Теперь ихъ бѣлыя фуражки ярко выдѣлялись на площади передъ зданіемъ. День былъ ясный, хотя далеко не теплый. Прошло еще минутъ пятнадцать, и толпа на балконѣ задвигалась, съ лѣстницы стали спускаться молодые люди и дѣвушки, нако-

Digitized by Google

нецъ показались красивыя, съ золотыми кистями знамена. Молодежь (мужчины) стала строиться рядами; одна часть со знаменемъ стала направо, другая—налѣво. Черезъ пять минутъ студенты съ пѣснями двинулись: шведы въ паркъ Кайсанеми, а финны—въ Дюргордъ.

Народъ раздѣлился тоже. Я послѣдовалъ за шведскими студентами. Въ паркѣ былъ ресторанъ, мѣста въ которомъ и около котораго были всѣ заняты. За столиками сидѣли разодѣтыя дамы и финскіе гвардейскіе офицеры. Несмотря на начавшій внезапно моросить мелкій дождь, все было весело и оживленно. На эстрадѣ, гдѣ въ обыкновенное время играетъ музыка, установлены были разные напитки, и студенческій шведскій хоръ занималъ все ея пространство.

Началось пѣніе. Шведы поютъ не особенно стройно, и къ тому шведскій языкъ (схожій отчасти съ англійскимъ) неудобенъ для пѣнія. Впрочемъ, сидящая и пирующая публика, повидимому, была очень довольна, выражая это громкими аплодисментами. Пѣніе продолжалось часа два или полтора, послѣ чего студенты покинули эстраду и смѣшались съ публикой.

Дождь пересталъ, проглянуло солнце и освѣтило веселое и уже подгулявшее общество. Все шло хорошо, но вдругъ за студенческимъ столомъ раздался шумный и рѣзкій возгласъ, еще и еще... какой-то сердитый, вызывающій крикъ! Я спросилъ: „что это такое“? Они кричатъ: „долой финновъ!“—отвѣтили мнѣ. Крики продолжались. Студенты-шведы, поднявъ бокалы съ пуншемъ или майскимъ медомъ, повторили враждебные возгласы.

Сидящее за столомъ приличное общество сочувственно смотрѣло на юношей и кивало головами...

Я пошелъ въ другой паркъ, въ Дюргордъ, гдѣ собрались студенты-финны.

— Вотъ посмотрите, что̀ будетъ вечеромъ въ Брунсъ-паркѣ,—проговорилъ мой путникъ дорогой.

— А что̀?—спросилъ я.

— Безобразія...

— Да почему?..—недоумѣвалъ я.

— Такъ уже принято здѣсь 1-го мая. Шведы не любятъ финновъ, которые платятъ имъ тѣмъ же.

Въ Дюргордѣ мы еще застали пѣніе. Здѣсь хоръ былъ многочисленнѣе и пѣніе стройнѣе, гармоничнѣе. Нѣкоторыя пѣсни удавались вполнѣ. Финскій языкъ, мягкій, тягучій, со множествомъ гласныхъ, чрезвычайно удобенъ для пѣнія, а финны—страстные любители пѣть. Чѣмъ я дольше слушалъ этотъ хоръ,

Digitized by Google

тѣмъ болѣе онъ мнѣ нравился. Наконецъ, одинъ молодой человѣкъ, студентъ, сильнымъ, пріятнымъ баритономъ запѣлъ соло. Его голосъ звучно несся по парку, печальные звуки трогали сердце, хотѣлось слушать артиста и понять душой его теплую и грустную пѣсню.

Я искренно апплодировалъ пѣвцу.

Разница въ музыкальномъ отношеніи между финнами и шведами огромная. Какъ я узналъ послѣ, даже отъ самихъ шведовъ, они рѣшительно не обладаютъ тонкимъ слухомъ. Для нихъ кто больше кричитъ и громче поетъ, тотъ и лучшій пѣвецъ и артистъ. Когда я бывалъ въ итальянской оперѣ (очень посѣщаемой шведами, какъ болѣе состоятельными), шведы горячо восторгались прямо невозможными, „кричащими“ пѣвцами и пѣвицами, а артисты съ тонкимъ музыкальнымъ пѣніемъ почти проходили незамѣтно. Это слишкомъ рѣзко бросалось въ глаза.

Студенты продолжали пѣть хоромъ. Я оглянулся и сталъ разсматривать публику. Разница съ тѣмъ обществомъ, которое я оставилъ, была большая. Здѣсь не было той нарядности и чопорности, которыя довольно рѣзко бросались въ глаза тамъ, въ томъ паркѣ. Повторяю, здѣсь было проще и бѣднѣе, но оживленнѣе и также многолюдно.

Я не замѣтилъ ни одного пьянаго, подгулявшаго студента. По этому случаю я выразилъ недоумѣніе.

— Финны народъ бѣдный и выпить хорошенько не могутъ,— сообщилъ мнѣ мой переводчикъ.

Я продолжалъ присматриваться. Среди публики были рабочіе, солдаты финскіе и очень много уличныхъ мальчиковъ. Финскіе студенты много отличаются по внѣшности отъ студентовъ-шведовъ. Теперь, когда они раздѣлились на двѣ партіи, эту разницу легко было замѣтить.

Шведы—большею частью высокіе, довольно стройные и красивые молодые люди, хорошо, даже съ шикомъ одѣтые. Это—люди болѣе или менѣе состоятельные.

Финны-студенты, напротивъ, смотрятъ некрасивыми, но коренастыми и сильными юношами, прилично и просто одѣтыми. Нужда и трудъ наложили на ихъ лица печать вдумчивости и заботы.

Конечно, я говорю вообще, но въ то же время совершенно увѣренъ, что какъ среди первыхъ навѣрное есть благородные молодые люди, сердца которыхъ бьются горячо на встрѣчу всему человѣческому, такъ и среди финновъ встрѣчаются мелкія и самолюбивыя души.

Digitized by Google

Вечеромъ я побывалъ въ Брунсъ-паркѣ, но дракъ между студентами не видѣлъ, да ихъ и не было. Вѣроятно, такія молодецки-національныя схватки относятся къ далекому прошлому.

Правда, небольшой кружокъ сильно подвыпившихъ студентовъ-шведовъ выкрикивалъ: „долой финновъ“! Да еще одинъ молодой, съ моноклемъ, студентъ срывалъ въ ресторанѣ объявленія на финскомъ языкѣ—и только. Студенты-финны, бывшіе здѣсь же въ ресторанѣ и на террасѣ, на все на это не обратили никакого вниманія...

Финляндское правительство обращаетъ огромное вниманіе на дѣло народнаго образованія, не жалѣетъ средствъ, чтобы доставить возможность каждому быть не только грамотнымъ, но даже и образованнымъ человѣкомъ.

Расходы—и, какъ увидитъ читатель, весьма солидные—правительство принимаетъ на себя. Въ университетѣ, въ школахъ высшихъ и низшихъ лекціи и обученіе—безплатныя.

По отчетамъ 1894 г., въ Гельсингфорсѣ на гимназію, лицей и городскія училища расходъ достигаетъ до 2.114.272 марокъ на учащихся 5.782 чел. Еще кромѣ того въ частныхъ училищахъ обучается 5.007 человѣкъ, на которыхъ ежегодно выдается казенной субсидіи 280.850 марокъ.

Въ низшихъ народныхъ училищахъ Финляндіи обучалось: мальчиковъ 10.948 и дѣвочекъ 10.760, а всего 21.705 чел., при чемъ на шведскомъ языкѣ обучалось 5.967 чел., а на финскомъ—15.705 чел.

Число учащихся въ высшихъ народныхъ школахъ таково: мальчиковъ 25.480, дѣвочекъ 20.176; итого: 45.656, а всего съ низшими: мальчиковъ 36.425 человѣкъ, дѣвочекъ 30.936. Всего же во всѣхъ народныхъ школахъ за 1894 г. обучалось 67.361 человѣкъ.

Чтобы наглядно показать развитіе народнаго образованія въ Финляндіи, я обращаю вниманіе на нижеслѣдующую таблицу:

Губерніи:	Число общинъ губерніи.	Имѣющихъ народныя училища.	Не имѣющихъ народныхъ училищъ.
Нюландская	38	38	—
Або-бьернеборгская.	121	107	14
Тавастгусская	48	47	1
Выборгская	49	48	1
С.-михельская.	26	25	1
Куопіоская	33	32	1
Вазаская	83	78	5
Улеаборгская	68	51	17
Итого . .	466	426	40

Digitized by Google

Такимъ образомъ, мы видимъ, что очень незначительный % общинъ не имѣетъ своихъ школъ. По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что нѣкоторыя общины (або-бьернеборгской, вазаской гг.), вслѣдствіе близости, пользуются одной школой. Улеаборгская же губернія—сѣверная и самая бѣдная.

Въ общемъ правительство расходуетъ на образованіе около четверти своего бюджета. Кромѣ означенныхъ учебныхъ заведеній, я не упоминалъ еще о политехническомъ институтѣ, о пяти промышленныхъ (профессіональныхъ) училищахъ и о мореходныхъ классахъ, а также о музыкальныхъ.

Нижеслѣдующій расходъ по народному образованію края на 1895—1896 гг. подтверждаетъ мои мысли. Среднее и высшее образованіе не входитъ совершенно въ этотъ бюджетъ, а также и профессіональныя заведенія. Его распредѣленіе таково:

На содержаніе городскихъ народныхъ училищъ	1.350.000	марокъ.
Содержаніе учителямъ и учительницамъ сельскихъ нар. учил. [1]).	3.084.000	„
Добавочное содержаніе учителямъ и учительницамъ сельскихъ народныхъ училищъ	364.000	„
На пенсіи учителямъ и учительницамъ сельскихъ нар. училищъ.	78.000	„
Пособіе пенсіонному фонду городскихъ нар. училищъ	66.300	„
На пособія больнымъ учителямъ и учительницамъ нар. училищъ.	30.000	„
На пособія для постройки зданій нар. училищъ	51.500	„
Дополнительные курсы при городскихъ училищахъ	45.000	„
Содержаніе учительницамъ рукодѣлія при сельскихъ народныхъ училищахъ	42.000	„
Итого . .	5.200.700	марокъ.

Если къ этому прибавить значительную цифру содержанія университета и другихъ учебныхъ заведеній съ ихъ ученымъ и административнымъ персоналомъ, то получится весьма почтенная цифра расхода, %, котораго къ общему бюджету будетъ относиться такъ, какъ я указалъ выше.

Не могу здѣсь кстати не остановиться на одной подробности, касающейся городскихъ школъ въ Гельсингфорсѣ.

Я уже говорилъ, что городскія школы устроены въ городѣ дѣйствительно великолѣпно, по всѣмъ правиламъ техники и гигіены. Комнаты свѣтлыя, просторныя, широкіе корридоры, чистота, порядокъ, отличныя залы для гимнастики и проч. Однимъ словомъ, даже снаружи школьныя зданія выдѣляются своимъ изяществомъ и красотой среди другихъ, хотя и богатыхъ построекъ частныхъ лицъ. Но такія школы немногочисленны, хотя и обширны.

Практическіе финляндцы прекрасно вышли изъ затрудненія и

[1]) Сельскіе учители получаютъ 500 р. жалованья въ годъ и послѣ 30 л.—пенсію.

Digitized by Google

приспособили эти школы для бо́льшаго числа учениковъ и учениць. Въ Гельсингфорсѣ дѣтей учатъ недолго, но толково, не затрудняя маленькую еще головку ребенка.

Въ такой школѣ обыкновенно бываетъ четыре смѣны преподаванія съ разными учениками и учителями. Распредѣлено такъ: отъ 8 до 10 часовъ—первая партія дѣтей; отъ 10 до 12—вторая; затѣмъ, болѣе взрослые—отъ 1 часу до 4 и отъ 4 до 7 вечера, когда занятія въ школѣ прекращаются. Гимнастическій залъ и другія помѣщенія всегда открыты, и дѣти послѣ уроковъ или до нихъ могутъ пребывать въ школѣ, которая такимъ образомъ весь день исполняетъ свою функцію.

Вообще, вниманіе со стороны правительства къ народному образованію—полное. Общество весьма сочувственно и дѣятельно относится къ этому. Въ послѣдніе годы въ Финляндіи стали открываться высшіе народные курсы (нѣчто въ родѣ народнаго университета), которыхъ въ настоящее время насчитывается уже семь. Одними студентами для этихъ курсовъ собрано 85.000 марокъ. Кромѣ того, всюду учреждаются народныя библіотеки, и всѣ охотно жертвуютъ и идутъ на встрѣчу полезной цѣли.

Въ Финляндіи много ученыхъ обществъ, тѣсно между собой сплоченныхъ; много и другихъ частныхъ учрежденій. Назову для примѣра учрежденное недавно въ Гельсингфорсѣ общество „Поселянинъ“, имѣющее цѣлью облегчать для неосѣдлаго населенія (пролетаріата) покупку и арендованіе земель.

Правительство, впрочемъ, тоже обратило на это вниманіе.

Въ виду того, что пролетаріатъ ростетъ, правительство рѣшило путемъ выдачи ссудъ образовывать изъ безземельныхъ батрачьи участки. Для такихъ участковъ на сѣверѣ и на востокѣ имѣются такъ-называемыя сверхмѣрныя казенныя земли, которыя въ настоящее время и заселяются желающими. На этотъ предметъ израсходовано уже до 150.000 марокъ, изъ которыхъ выдано 663 ссуды, въ 300 и болѣе марокъ каждому, и заселено 562 батрачьихъ участка. На этихъ участкахъ живутъ 2.353 чел. По этимъ ссудамъ процентовъ не взимается, и если по истеченіи 9 лѣтъ участокъ будетъ находиться въ исправности и на немъ заведено какое-нибудь хозяйство, то выданная поселенцу ссуда не подлежитъ возврату.

Вотъ какими путями Финляндія борется съ безземельнымъ населеніемъ.

Общественная жизнь въ Гельсингфорсѣ весьма развита и вмѣстѣ съ тѣмъ урегулирована въ подробностяхъ ежедневнаго существованія.

Digitized by Google

Общественная жизнь, конечно, выражается прежде всего въ литературѣ и въ ежедневныхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ Гельсингфорсѣ пять ежедневныхъ газетъ, изъ которыхъ двѣ („Nya Pressen“ и „Hufvudstadsbladet“) по величинѣ и содержанію въ текстѣ нисколько не уступятъ нашимъ большимъ политическимъ газетамъ, конечно за исключеніемъ объявленій; затѣмъ идутъ двѣ другія, тоже большія финскія газеты, и наконецъ вечерняя, сравнительно небольшая, но очень порядочная и толковая газета.

Еженедѣльныхъ журналовъ тоже пять. Это немало на городъ съ населеніемъ въ 70.000 чел. Въ Або (32.000 чел.) издается три газеты, и въ каждомъ самомъ маленькомъ городѣ Финляндіи имѣется хотя одна газета. Здѣшній рабочій не можетъ обойтись безъ газеты.

Какъ-то иду я со своимъ переводчикомъ, и онъ мнѣ показываетъ на идущаго на встрѣчу плотнаго, сильнаго человѣка, по обличью похожаго на простого рабочаго.—Это,—говоритъ онъ,—редакторъ газеты; вы не смотрите на его внѣшность; его газету читаютъ почти всѣ рабочіе, и ему нуженъ для этого матеріалъ, который, разумѣется, онъ не собираетъ по гостинымъ.

Всѣхъ типографій въ Финляндіи 76 (по справкамъ 1894 г.). Число книжныхъ магазиновъ — 124; библіотекъ для чтенія—21. Число всѣхъ періодическихъ изданій: финскихъ 87, а шведскихъ—72.

— Почему вы не торгуете русскими книгами?

— Потому что ихъ никогда не спрашиваютъ,—отвѣчалъ торговецъ. — Когда понадобится, всегда можно выписать одну, двѣ книги...

Мрачные, сосредоточенные сѣверяне любятъ пожить хорошо и весело. Зимой театры наполнены, въ нѣкоторыхъ ресторанахъ играетъ постоянно музыка или на приспособленной сценѣ выступаютъ пѣвицы, разсказчики и т. д.

Весной городъ принимаетъ особенно опрятный, веселящійся видъ и характеръ.

На короткой эспланадѣ—два большихъ ресторана, съ помѣстительными балконами и террасами, передъ которыми—масса столиковъ. Въ обоихъ ресторанахъ цѣлый день играетъ по военному оркестру музыки и вечеромъ рѣшительно трудно достать себѣ мѣсто. Мужчины и дамы, студенты и студентки и даже дѣти—всѣ возрасты сидятъ, пьютъ, ѣдятъ и наслаждаются звуками вальса и свѣжимъ, чистымъ вечернимъ воздухомъ.

Digitized by Google

Море близко. Видны пароходы, суда, а кругомъ цвѣты, молодая, только-что распустившаяся зелень.

Нигдѣ, рѣшительно нигдѣ нельзя такъ дешево и хорошо ѣсть и пить. Вина (заграничныя) обложены самой незначительной пошлиной, и вы можете имѣть за 1 р. (2 м. 65 п.) прекрасную мадеру, хересъ, портвейнъ, также французскія и итальянскія вина. Коньякъ (fine-champagne) стоитъ 4½ марки литръ, знаменитый шведскій пуншъ—2 марки (75 к.) бутылка. Портеръ, ликеры, шампанское—вдвое, если не болѣе, дешевле, чѣмъ въ Россіи.

Винныхъ магазиновъ множество; даже въ мелочныхъ лавкахъ вы можете достать пиво, вино, но отнюдь не коньякъ и не водку.

Послѣдніе напитки продаются только до 6 часовъ вечера, а затѣмъ вы не можете достать ихъ ни за какія деньги. Кромѣ того, въ Финляндіи водка не продается въ бутылкахъ, а самая мѣньшая мѣра—„канна“, съ небольшимъ 3 бутылки.

Въ воскресенье всѣ лавки и магазины бываютъ закрыты, и потому пищей и напитками каждый запасается съ субботы.

Вслѣдствіе дешевизны продуктовъ, цѣны въ ресторанахъ дешевыя, а для насъ, столичныхъ жителей, прямо поразительныя по дешевизнѣ. Обѣдъ въ самомъ лучшемъ ресторанѣ стоитъ 3 марки (1 р. 15 к.), и при этомъ можете пользоваться за ту же цѣну водкой и прекрасной разнообразной закуской. Это роскошный обѣдъ, а обыкновенный съ закуской и водкой стоитъ 2 и 1½ марки.

Но что замѣчательно оригинально и баснословно дешево въ Гельсингфорсѣ, такъ это „секса“ [1]). Въ каждомъ ресторанѣ стоитъ столъ, на которомъ разставлено до дюжины и болѣе закусокъ: икра, ветчина, сыръ, омары, разная маринованная рыба, и проч., и проч. Справа стола обыкновенно два теплыхъ блюда: котлеты и какая-нибудь рыба. По срединѣ стола возвышается большой мельхіоровый самоваръ, изъ котораго по разнымъ кранамъ текутъ водки: простая, тминная и др. Заплативъ 50 и 75 пенни (25—30 к.), вы можете ѣсть и пить сколько вамъ угодно, можете брать съ собой кушанье на тарелку, сѣсть за столъ и снова брать — однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока будете сыты. И это за 30 к.!..

Для жителя Гельсингфорса все приспособлено, чтобы онъ не сидѣлъ дома, а постоянно пользовался обществомъ, не стѣсняя

[1]) Водка съ закуской.

Digitized by Google

себя и другихъ. Дѣйствительно, визиты, хожденія по гостямъ, пріемы—здѣсь не приняты. Обыватели лѣтомъ весь день на улицахъ и паркахъ. Зимой—въ театрахъ и прекрасныхъ ресторанахъ.

Здѣсь даже семейные люди не обѣдаютъ или рѣдко обѣдаютъ дома.

Уличная жизнь развита вообще, а съ открытіемъ навигаціи въ особенности.

Въ Гельсингфорсѣ пьютъ много, но пьяныхъ попадается очень мало; совсѣмъ пьяные экземпляры очень рѣдки; нищихъ я въ теченіе мѣсяца не видѣлъ вовсе.

Впрочемъ пьянство здѣсь по законамъ карается довольно чувствительно, а именно: привезенный въ пьяномъ видѣ въ полицію субъектъ, по вытрезвленіи, приговаривается судомъ къ 50 маркамъ штрафа или, въ случаѣ несостоятельности, къ соотвѣтственному аресту.

Какъ-то я разговорился на сѣверной гавани съ финскимъ рабочимъ, объясняющимся хорошо по-русски, и онъ мнѣ сказалъ: „Да, мы пьемъ не мало, но чтобы напиться до безчувствія,—нѣтъ... этого со мной никогда не было!...

— Сколько часовъ у васъ работаютъ на заводѣ? — спросилъ я.

— 10 часовъ.

— Сколько заработываете?

— 45 марокъ въ недѣлю; я получаю по 45 пенни въ часъ.

Среднимъ числомъ, на наши деньги, этотъ заработокъ равняется 75 р. въ мѣсяцъ, и это простой рабочій, который очень жалѣлъ, что онъ мало учился; еслибы онъ умѣлъ чертить и вычислять, то онъ заработывалъ бы несравненно больше.

— Что у васъ на заводѣ всѣ грамотные?—спросилъ я.

— Всѣ до одного человѣка.

— И всѣ читаютъ газеты?

Онъ засмѣялся.

— Какъ же не читать, — проговорилъ рабочій, — всякому хочется знать, что дѣлается на свѣтѣ...

— Откуда вы научились по-русски?

— Я былъ въ кампаніи въ турецкой войнѣ, и раньше еще немного понималъ...

Это былъ отставной солдатъ финскаго гвардейскаго баталіона, геройски сражавшагося въ Турціи, и въ живыхъ на родину возвратилось мало.

Павшимъ героямъ поставленъ памятникъ во дворѣ финскихъ казармъ.

Digitized by Google

Пожарные составляютъ изъ вольныхъ командъ цѣлую корпорацію, имѣющую свои знамена и представителей. На праздникѣ св. Троицы мнѣ пришлось видѣть ихъ въ торжественномъ шествіи въ паркъ Дюргордъ, это любимое мѣсто простого народа.

Городская пожарная команда заслуживаетъ по своей организаціи полнаго вниманія. Благодаря любезности помощника брандмейстера, г. Ш., я въ подробностяхъ осмотрѣлъ главное депо.

Повсюду—чистота и порядокъ. Превосходныя теплыя конюшни, сытыя, бодрыя лошади, хорошо одѣтые и все молодые пожарные, просторныя помѣщенія, зало для гимнастики и наконецъ библіотека, состоящая изъ 500 книгъ на шведскомъ и около 300 книгъ на финскомъ языкахъ. Книги всѣ переплетены, занумерованы.

— На какія средства устроена эта библіотека?—спросилъ я.

— На деньги, которыя получаютъ пожарные отъ хозяевъ и страховыхъ обществъ за быстрое и энергичное тушеніе пожаровъ. Выдаютъ обыкновенно всей командѣ по сту марокъ и болѣе. Тогда они покупаютъ книги. Пожарные всѣ грамотные.

Дѣйствительно, когда мы вошли въ дежурную комнату, двое пожарныхъ, одѣтыхъ въ полную форму, сидѣли за столомъ съ книгами.

Пожарное дѣло устроено въ Гельсингфорсѣ по образцу города Майнца, подходящаго по величинѣ своей къ Гельсингфорсу.

Въ дежурной комнатѣ—телеграфъ, телефонъ и особаго рода аппаратъ. Городъ раздѣленъ на 32 участка, и когда гдѣ загорится, то по телефону или пожарному звонку сообщается мгновенно въ депо.

Сборы происходятъ въ теченіе одной минуты, такъ какъ все приспособлено до самой послѣдней мелочи. Заслуживаютъ полнаго вниманія экипажи и орудія противопожарные, напр. бочки легкія, аллюминіевыя. Такую пустую бочку человѣкъ поднимаетъ одной рукой.

Пожарные рукава приготовлены изъ бумажной массы, рукава пригнаны къ городскому водопроводу. Все организовано стройно и образцово. Пожарные заключаютъ контрактъ на три года, получаютъ все готовое, пищу, одежду и 25 марокъ ежемѣсячнаго содержанія, изъ которыхъ 10 марокъ поступаютъ въ кассу на храненіе, а 15 отдаются на руки. Такимъ образомъ, пожарный, по окончаніи срока службы, получаетъ довольно порядочную для него сумму сбереженій. Кромѣ того, эти сбереженія заставляютъ его не нарушать контракта.

Digitized by Google

Заслуживаютъ вниманія въ Гельсингфорсѣ его превосходныя бани. Вопреки почему-то у насъ распространенному мнѣнію, я долженъ сказать, что въ баняхъ мужчины отъ женщинъ моются отдѣльно; но что̀ дѣйствительно нѣсколько неудобно и оригинально, такъ это—женщины-банщицы.

Обстоятельство это объясняютъ сравнительной дороговизной труда рабочаго, который нѣкоторыя профессіи, напр. мести улицы, мыть въ баняхъ и т. п., предоставилъ прекрасному полу.

Впрочемъ, въ деревняхъ патріархальный способъ мыться вмѣстѣ еще сохранился и понынѣ, что̀ доказываетъ, что непосредственность и чистота нравовъ живутъ среди финновъ.

Финны, особенно тѣ, которые живутъ по деревнямъ и по островамъ (шхерамъ), отличаются безусловной честностью.

— Обойди всѣ тюрьмы Финляндіи,—говорилъ мнѣ гордо крестьянинъ одного маленькаго острова,—и ты ни одного изъ нашихъ не найдешь посаженнымъ за воровство. Убійцы есть, но воровъ нѣтъ...

Дѣйствительно, въ Финляндіи кражи рѣдки и очень строго наказываются.

Кто захочетъ поближе познакомиться съ симпатичнымъ финскимъ народомъ, тотъ пусть прочтетъ въ русскомъ переводѣ финскій народный эпосъ—„Пѣсни Калевалы“. Характерныя черты финновъ въ этихъ былинахъ обрисовываются рельефно: трудолюбіе, склонность къ семейному образу жизни — и пѣсня.

Финская народная поэзія чуждается войны и кровопролитія. Финскіе народные герои совершаютъ свои подвиги силой слова и пѣсни, но не мечомъ.

Финны—народъ, склонный къ дружбѣ, миру, народъ мягкій, хотя и замкнутый, но относитесь къ нему хорошо и сердечно, и онъ вамъ сторицей заплатитъ.

Много на Финляндію, я слышалъ прежде, сыпалось упрековъ. Не понимаю—почему. Нужно узнать народъ и познакомиться съ нимъ покороче.

У насъ говорятъ еще о страшной дороговизнѣ квартиръ въ Гельсингфорсѣ. Но посудите сами.

Я жилъ въ квартирѣ изъ четырехъ комнатъ, съ чистымъ, свѣтлымъ входомъ, съ сараями и проч. принадлежностями, и эта квартира стоила въ мѣсяцъ 50 марокъ, считая по курсу на наши деньги—менѣе 20 руб. въ мѣсяцъ; а такъ какъ русскіе чиновники и военные получаютъ золотомъ (т.-е. за 1 руб. 4 марки),

Digitized by Google

то имъ такая квартира обходится 12 руб. 50 коп. Да это баснословно дешево!..

Хорошо меблированная комната, съ прислугой, стоитъ 40 марокъ въ мѣсяцъ. Развѣ возможно дешевле, да еще въ такомъ красивомъ и удивительно благоустроенномъ городѣ?!..

Послѣ Гельсингфорса просто вспомнить страшно наши губернскіе города!..

Гельсингфорсъ оставилъ во мнѣ неизгладимое и прочное впечатлѣніе и увѣренность, что устроиться и жить хорошо—можно вездѣ, но только надо умѣть быть самостоятельнымъ въ общественныхъ дѣлахъ...

С. Васюковъ.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ

ЗА ГРАНИЦУ

ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Окончаніе.

III *).

Путешествіе Бориса Петровича Шереметева было непохоже на разсказанное нами путешествіе П. А. Толстого уже тѣмъ, что Шереметевъ былъ формальнымъ посланникомъ, хотя въ его путевой грамотѣ написано было, что ѣдетъ онъ „по его охотѣ въ Италію, въ Римъ и въ Венецію, для видѣнія тамошнихъ странъ и государствъ"; въ этой грамотѣ онъ названъ всѣмъ его чиномъ: „ближней нашъ бояринъ и намѣстникъ вятской", когда Толстой былъ названъ только по имени и отчеству, и фамилія была скрыта; описаніе путешествія Шереметева есть уже какъ бы оффиціальный статейный списокъ. Но было много общаго съ Толстымъ и другими путешественниками того времени въ самомъ отношеніи къ западному міру и его обычаямъ.

Статейный списокъ Шереметева носитъ еще всѣ отличительныя черты XVII-го вѣка. Всякое дѣло начиналось тогда съ молитвой и каждому оффиціальному документу предшествовало „богословіе", молитвенное призываніе Божіей милости или прославленіе всемогущества Божія, которое правитъ человѣческими

*) См. выше: сент., стр. 244.

Digitized by Google

дѣлами. Такъ нѣкогда начинали свои повѣствованія лѣтописцы XVII-го вѣка и такъ начинается статейный списокъ Шереметева.

„Лѣта отъ созданія міра 7205 (1697), іюня въ 22 день, на память святаго священномученика Евсевіа, Епископа Самосадскаго, за повелительнымъ указомъ пресвѣтлѣйшаго и превысочайшаго монарха и великодержавнѣйшаго премилостивѣйшаго нашего государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, его царскаго пресвѣтлаго величества, отъѣжжаю я, ближній бояринъ и намѣстникъ вятскій, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, ради видѣнія окрестныхъ странъ и государствъ и въ нихъ мореходныхъ, противу непріятелей креста Святаго, военныхъ поведеній, которыя обрѣтаются въ Италіи, даже до Рима и до Малтійскаго острова, гдѣ пребываютъ славные въ воинствѣ кавалеры.

„А въ свитѣ моей обрѣтается духовнаго чина малороссійскаго края іерей Іосифъ Прокопіевъ сынъ Пишковскій.

„Царедворецъ Герасимъ Головцынъ.

„Маршалокъ Алексѣй Курбатовъ и прочіе.

„И въ томъ моемъ належащемъ пути возлагаю несумнѣнное мое и твердое упованіе на милость всещедраго во Троицѣ славимаго Бога, да Тоя управитъ путь нашъ въ своей божеской волѣ: по Бозѣ же ввергаю себя и всѣхъ присутствующихъ мнѣ въ крѣпконадежную помощь и заступленіе ходатайственное непостыдныя всего рода христіянскаго надежды, пресвятыя Богоматери и въ молитвы всѣхъ святыхъ, изъ нихъ же избрахъ мнѣ, и всѣмъ въ пути моемъ присутствующимъ за особливаго патрона и опекуна и предводителя великаго божія пророка и Предтечу и Крестителя Господня Іоанна, о которомъ самъ Господь засвидѣтельствова пречистыми своими усты, яко не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя, и о которомъ речено пророкомъ отъ лица Бога Отца ко Богу Сыну: Се азъ посылаю Ангела моего предъ лицемъ Твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою. Да той плотный Ангелъ, великій Божій Предтеча, аще мы и недостойны есмы, обаче не оставитъ насъ во претрудномъ семъ пути нашемъ, но уготовитъ намъ той путь нашъ миренъ, безмятеженъ и во всемъ благополученъ; и якоже древле Моисея, съ нимъ же и весь родъ еврейскій изъ Египта въ землю обѣтованную, предводительствуя первый въ ангелѣхъ великій Божій Архистратигъ Михаилъ, во дни утѣшаше отъ зноя облакомъ прохлажденія; въ нощи же показоваше и просвѣщаше имъ путь столпомъ огненнымъ: тако да и нашъ патронъ и предводитель, первый честію во святыхъ, въ семъ претрудномъ и скорб-

Digitized by Google

номъ пути нашемъ, прохладитъ насъ отъ зноя всякихъ печалей и болѣзней прохлажденіемъ утѣшенія и исцѣленія, и будетъ намъ столпомъ крѣпости отъ лица вражія, и во здравіи всецѣлыхъ возвратитъ насъ во всякомъ благоденствіи въ домы наши: по возвращеніи же надѣемся, да и дѣло мое труднопріятое, молитвами своими устроитъ предъ высочайшимъ Господемъ Богомъ благоугодно, и премилостивѣйшему нашему великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству, потребно, въ его же великаго Божія пророка опеку и соблюденіе, всѣ мы по Бозѣ и его Богоматери предаемся, и во крѣпконадежное наше упованіе и мощи его святочудотворные при себѣ имѣемъ".

Дальше начинается самое описаніе путешествія:

„А чрезъ которыя мѣста и города державы великаго нашего государя и иныхъ странъ и государствъ путь нашъ належати будетъ, и гдѣ какое о мнѣ будетъ поведеніе, и то все писано будетъ въ семъ моемъ журналѣ". Но журналъ писанъ не самимъ Шереметевымъ, а кѣмъ-либо изъ его свиты, и о немъ говорится въ третьемъ лицѣ: бояринъ.

Выше мы упоминали, что, выѣхавъ изъ Москвы 22 іюня, Шереметевъ имѣлъ первый „станъ" не дальше какъ въ селѣ Коломенскомъ, въ семи верстахъ отъ Москвы, и стоялъ тамъ три дня „для провожанія родственниковъ и благодѣтелей". Выѣхавъ изъ Коломенскаго 25 іюня, въ тотъ день проѣхали только семь верстъ и затѣмъ идетъ запись день за день: переѣхали 35 верстъ, переѣхали 20 верстъ и т. п.; по дорогѣ встрѣчались собственныя вотчины, въ которыхъ Шереметевъ останавливался иногда по нѣскольку дней „за великими нуждами и управленіями". Онъ ѣхалъ на Рязань, Ефремовъ, Сѣвскъ, Глуховъ, Королевецъ, и отсюда журналъ начинаетъ считать не верстами, а милями. Затѣмъ, уже во второй половинѣ августа, Шереметевъ былъ въ Черниговѣ, „а оттуда по обѣту ѣздилъ бояринъ въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, и паки пріѣхалъ въ Черниговъ". Въ началѣ сентября онъ пріѣхалъ подъ городъ Чернобыль.

„Тутъ бояринъ увѣдомился подлинно отъ жителей тамошнихъ, что-де въ коронѣ польской и въ княжествѣ Литовскомъ содержится великая конфедерація и рокошъ между сенаторовъ и шляхтъ, которые со стороны королевскаго величества, и которые имѣли совѣтъ со стороны де-Конти, принца французскаго, желая ему быть королемъ польскимъ, и многіе-де между ими чинятся мятежи и убійства, только-де имѣютъ тѣ рокошане страхъ и опасеніе отъ войскъ его царскаго пресвѣтлаго величества; и говорили боярину тутошніе духовнаго чина жители,

Digitized by Google

чтобы бояринъ всячески старался ѣхать чрезъ страну польскаго владѣнія съ великимъ опасеніемъ, утаивая достоинство свое и имя, чтобъ отъ тѣхъ рокошанъ не пострадать чего зла.

„И бояринъ тутъ совѣтовавъ, постановилъ звати себя Романомъ ротмистромъ его царскаго пресвѣтлаго величества; а прочимъ при немъ будущимъ, которые царедворцы и дому его слуги взяты были для провожанія до Кракова, приказалъ называться равными товарищами, и ѣсть за однимъ столомъ.

„И съ того числа бояринъ изволилъ въ томъ пути принимать великія себѣ трудности; вездѣ своею особою былъ въ замкахъ, и въ пересылкахъ къ комендантамъ и къ губернаторамъ, для разговоровъ о вольномъ проѣздѣ".

Дѣйствительно, когда 19 сентября Шереметевъ былъ въ городѣ Олыкѣ, князя Радзивилла, то губернаторъ, жители и шляхта задержали путешественниковъ; они прослышали, что ѣдетъ не „равное товарищество", а бояринъ, и что между ними есть именно Шереметевъ, гетманъ войскъ царскаго величества, а царское войско стоитъ по границѣ, чтобы дѣйствовать противъ тѣхъ, которые держатъ сторону де-Конти. Шереметевъ разувѣрялъ ихъ, показывалъ другой пасъ и едва добился пропуска. „И многіе въ томъ городѣ понесъ бояринъ тягости; и всеконечно тутъ слышали, что хотѣли насъ всѣхъ ограбить, или перебить до смерти: но десница Божія учинить то ихъ не допустила, и многую бояринъ въ томъ городѣ издержалъ истрату, дарилъ многихъ, и кормилъ и поилъ капитана и солдатъ".

Другой пріемъ былъ путешественникамъ въ Замостьѣ, принадлежавшемъ вдовѣ подскарбія короннаго Мартына Замойскаго (между прочимъ, здѣсь была „церковь благочестивая чудотворца Николая"); здѣсь жила и сама панья подскарбина. Шереметевъ, сохраняя свое инкогнито, сдѣлалъ ей визитъ со всей свитой.

„Сентября въ 30 день ѣздили всѣ въ замокъ къ ея мосци паньѣ подскарбиной для визиты, и убравшися на конѣхъ, и ѣхали дворомъ къ самымъ палатамъ, и у крыльца слѣзли; тутъ встрѣчали дворовая шляхта, въ сѣняхъ встрѣчали шляхта же: экономъ подскарбиной и начальные люди; въ первой палатѣ встрѣтилъ сынъ ея мосци паньи подскарбиной панъ Замойской, и съ нимъ шляхта; другую палату прошли, въ третьей встрѣтилъ езуитъ духовникъ ея мосци паньи подскарбиной, въ четвертую пришли палату, и въ той палатѣ ея мосць панья подскарбина лежала на кроватѣ: сказали, что больна, и приняла всѣхъ зѣло любовно: спрашивала о здоровьѣ, и какъ ѣхали, и куда ѣдемъ, и какихъ чиновъ люди? И противъ того ей говорено,

Digitized by Google

что мы равное товарищество, и ѣдемъ для видѣнія окрестныхъ государствъ, и естьли годно будетъ, хотимъ служить при королевскомъ величествѣ: и потомъ изволила сама подносить венгерское вино, и мало постоявъ передъ нею, пошли изъ палать: а сынъ ея провожалъ изо всѣхъ палатъ въ сѣни, и хотѣлъ провожать съ лѣстницы, но за упрошеніемъ нашимъ вернулся.

„А какъ ѣхали на дворъ и со двора у воротъ и въ палатахъ стояли солдаты въ ружьѣ по обѣ стороны, одѣтые по-венгерски".

Ихъ просили и къ другому пану, который принималъ ихъ „зѣло любовно"; тамъ они „банкетовали" и съ дочерью его и съ иными паньями, которыя пришли изъ замка отъ паньи подскарбиной, танцовали часу до девятаго ночи". Затѣмъ этотъ панъ (Шидловскій) опять просилъ ихъ къ себѣ, но на тотъ день „отговорились для дня постнаго". Потомъ сдѣлалъ имъ визитъ сынъ паньи подскарбиной со многою шляхтою навѣдаться о здоровьѣ и звать на банкетъ, и въ тотъ же день панья присылала особо своего шляхтича съ тѣмъ же приглашеніемъ.

Описаніе банкета: „И октября 3-го числа еще звать насъ присылано; и убрався поѣхали всѣ на конѣхъ, а первымъ значился изъ насъ Алексѣй Курбатовъ по волѣ боярской для утаенія: и какъ въѣжжали въ замокъ, солдаты стояли по обѣ стороны въ строю многіе. Съ коней ссѣли у самыхъ палатъ, и тутъ встрѣтилъ ея паньи подскарбиной всего дому управитель экономъ, и съ нимъ многая шляхта знатная, а въ сѣняхъ встрѣтилъ самъ Замойской, и уклоняся привитавъ, просилъ до палатъ своихъ, и пришедъ въ палаты, поставя стулья сѣли, въ большомъ мѣстѣ противъ самаго Замойскаго сѣлъ Алексѣй Курбатовъ, Романъ же именованный (т.-е. самъ Шереметевъ) въ четвертыхъ: и подносили водку, и на тарелкахъ носили закушивать конфекты, и разговаривали съ нимъ Замойскимъ и съ двумя езуиты о теперешнемъ королѣ, о рокошанѣхъ, о московскихъ войскахъ и о всякихъ поведеніяхъ.

„И потомъ позвали до стола въ другую палату, и сѣли кругъ стола круглаго: въ кушаньѣ довольство было изрядное, и пили венгерское вино про государево здоровье, и царевича государя.

„Панья Замойстина сама высылала отъ себя съ виномъ, сказавъ, что она пила за здоровье государево, и во всемъ удовольствованіе было великое.

„Послѣ обѣда ходили до палатъ къ самой паньѣ подскарбиной; и встрѣтила насъ сама, вышедъ изъ покоевой своей палаты и привитала. Вшедъ же въ покоевую ея палату, благо-

Digitized by Google

дарствовали ей за принятіе насъ любовное, и всякое удовольствованіе, и сѣли на стулахъ; подносили намъ вино, причемъ и сама пила; спрашивала о московскихъ войскахъ, гдѣ обрѣтаются? и о иныхъ поведеніяхъ: и посидѣвъ поѣхали, а сынъ ея провожалъ насъ въ самые нижніе сѣни".

Однако, путешественниковъ и здѣсь „припознавали не заравное товарищество", боярину была многая трудность въ разговорахъ; одинъ день путешественники были заарестованы и только „по многимъ разговорамъ и пересылкамъ увѣрили". О Шереметевѣ прослышалъ нѣкій панъ Лащъ и пріѣзжалъ въ Замостье „съ тремя хоронгвами", т.-е. цѣлымъ отрядомъ, и думалъ по выѣздѣ изъ Замостья „всѣхъ погубить", о чемъ предостерегалъ боярина упомянутый Шидловскій. Дѣйствительно, путешественники потомъ въ одной корчмѣ „сидѣли въ осадѣ" отъ этого Лаща и освободились только по вмѣшательству паньи Замойской.

Отсюда они ѣхали благополучно на Краковъ. Здѣсь, въ дружественномъ мѣстѣ, инкогнито было не нужно, и для Шереметева по королевскому приказу приготовленъ былъ дворъ, т.-е. квартира (4-го ноября). На другой же день явился къ нему одинъ изъ приближенныхъ съ вопросомъ отъ короля, какъ онъ желаетъ представиться королю Августу—приватно или съ церемоніей. Шереметевъ пожелалъ представиться приватно и на слѣдующій день за нимъ пріѣхала королевская карета: „карета зѣло богато вызолочена вся, и рѣзьба высокая, а въ ней обито бархатомъ золотымъ и заложена шестью возниками въ гнѣдѣ чалы". Въ аудіенцъ-камерѣ, гдѣ король находился со всѣмъ его сенатомъ, Шереметевъ сталъ передъ королемъ и „поклоняся обыкновенно въ поясъ", говорилъ длинную рѣчь, гдѣ, послѣ полныхъ титуловъ царя русскаго и короля польскаго, онъ засвидѣтельствовалъ королю свое поклоненіе и доносилъ „о належащемъ сего моего пути поведеніи", т.-е. о причинахъ своего путешествія: онъ излагалъ свои военныя и посольскія службы и объяснилъ, что во время войнъ и побѣдъ надъ непріятелями св. Креста, онъ „имѣлъ за патроновъ и крѣпконадежныхъ помощниковъ Божіихъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, и далъ обѣщаніе ѣхать въ Римъ и поклониться честнымъ мощемъ ихъ верховныхъ апостоловъ". Отправившись въ путь, онъ услышалъ по дорогѣ о вѣнчаніи короля на престолъ польскаго королевства и, зная непоколебимую дружбу между великими государями, возжелалъ видѣть „преславную и мудрохрабрую особу его величества" и „предложить свое поклоненіе". Отъ имени короля отвѣчалъ ему

Digitized by Google

великій канцлеръ коронный, епископъ Перемышльскій, и потомъ „витались“ съ бояриномъ польскіе сенаторы. Черезъ нѣсколько дней король пожелалъ говорить съ бояриномъ частнымъ образомъ и бесѣдовалъ съ нимъ очень долго о военныхъ дѣлахъ, а передъ отъѣздомъ король еще разъ „явилъ милость зѣло склонную, говорилъ съ бояриномъ много тайно“. Тѣмъ временемъ Шереметевъ пересылалъ подарки королю и главнымъ вельможамъ конями въ дорогихъ уборахъ, соболями и т. п., отмѣчая ихъ цѣну, и самъ получалъ подарки отъ нихъ, наконецъ обмѣнялся прощальными визитами.

Въ концѣ ноября Шереметевъ выѣхалъ изъ Кракова на Вѣну, куда пріѣхалъ 10-го декабря. Подъ Вѣной онъ послалъ впередъ своего маршалка обвѣстить объ его пріѣздѣ и нанять квартиру. Не доѣзжая до Вѣны за полъ-мили, встрѣтилъ Шереметева переводчикъ съ каретою отъ императора, который желалъ „принять его честно. Аудіенція у императора была опять приватная, съ тѣмъ же перечисленіемъ титуловъ царскаго и цесарскаго, съ объясненіемъ „поведенія“ пути Шереметева: онъ хотѣлъ поклониться честнымъ мощамъ апостоловъ Петра и Павла, а кромѣ того „возжелалъ видѣти славно противъ непріятелей Креста святого воинствующихъ моремъ Малтійскихъ кавалеровъ, дабы, видѣвъ ихъ храброе отважное усе́рдіе, большую себѣ воспріяти къ воинской способности охоту“, и при этомъ царь соизволилъ послать съ нимъ къ императору Леополдусу любительную грамоту. И бояринъ поклонился цесарю „обыкновенно въ поясъ“. Императоръ подозвалъ римскаго государства подканцлера графа Цейля и „говорилъ ему тихо“, а подканцлеръ „стоялъ предъ цесарскимъ величествомъ, слушая той рѣчи на колѣнахъ, и выслушавъ всталъ, и отошедъ отъ трону цесарскаго сажени на двѣ, говорилъ боярину рѣчь“. Послѣ рѣчи посолъ и свита допущены были до цѣлованія цесарской руки. Потомъ была подобнымъ образомъ аудіенція у сына цесаря, римскаго и венгерскаго государствъ короля. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней боярину велѣно было присутствовать при публичномъ столѣ императора съ семействомъ, куда Шереметевъ ѣздилъ, „убравшися въ нѣмецкое платье“, и „стоялъ на особливомъ мѣстѣ при столѣ“. Кушанье и питье подавали фрейлины и придворныя дамы и при этомъ „цесарева (т.-е. императрица) изволила присылать къ боярину фрелинъ своихъ двухъ, которыя умѣютъ говорить по чехскому, чтобы онѣ съ бояриномъ разговаривали, и онѣ, пришедъ къ боярину, уклоняся говорили, что показался ли-де тебѣ сей цесарскаго величества чинъ? И бояринъ тотъ цесарскаго величества чинъ зѣло

Digitized by Google

хвалилъ, и подчивали тутъ боярина знатнѣйшіе министры всякимъ питьемъ". Потомъ принималъ его одинъ „римскій" вельможа „и веселилъ многими музыками"; обѣдалъ Шереметевъ у езуитскаго начальника патера Вольфа и т. д. Наконецъ, получилъ онъ грамоты цесаря къ папѣ, на островъ Мальту, къ цесарскому послу въ Римѣ, которыя всѣ приведены сполна въ статейномъ спискѣ; затѣмъ Шереметевъ „обсылалъ въ дарахъ" цесаря и цесарскихъ вельможъ, самъ получалъ дары, обмѣнялся прощальными визитами и выѣхалъ изъ Вѣны 6-го января. Далѣе, слѣдуетъ день за день обычный маршрутъ черезъ землю Стирскую и Каринтскую, и здѣсь въ горахъ путешественники попали передъ венеціанской границей въ страшную распутицу отъ великихъ снѣговъ: нужно было нанимать множество людей для расчистки дороги; бояринъ шелъ пѣшъ, рухлядь несли наемные люди, ночевать случалось въ деревнишкахъ, гдѣ нельзя было найти никакой пищи. Наконецъ горы кончились, и когда были не вдалекѣ отъ Венеціи, то „бояринъ поѣхалъ напередъ въ Венецію тайнымъ способомъ, чтобы видѣть въ Венеціи карнавалъ, собраніе всякихъ игръ" (31-го января). Возвратившись съ тайной поѣздки, онъ послалъ въ Венецію письмо къ жившимъ тамъ его братьямъ и въ тотъ же день пріѣзжали къ нему изъ Венеціи кн. Петръ Голицынъ, Михайло Матюшкинъ, Василій и Владиміръ Петровичи Шереметевы, его меньшіе братья, а на другой день онъ послалъ своего маршалка Курбатова съ оффиціальнымъ извѣщеніемъ о его пріѣздѣ, такъ какъ у Шереметева была царская грамота въ венеціанскому дожу.

Въ Венеціи, куда Шереметевъ пріѣхалъ 5 февраля, опять происходили оффиціальные визиты, обмѣнъ грамотъ и подарковъ, а именно: „февраля 27 дня отъ князя венеціанскаго и отъ всего сената привезли къ боярину, отдавая почесть, сосудовъ дорогихъ хрустальныхъ и сахаровъ ряженыхъ всякихъ и конфектовъ на стѣ осьмидесяти блюдахъ большихъ серебряныхъ, да винъ всякихъ разныхъ шестьдесятъ фляшъ скляночныхъ и свѣчъ восковыхъ всякихъ множество, а привозилъ то магистеръ ди камора республики: и бояринъ его дарилъ пару соболей, мѣхъ горностаевой, два мѣха бѣлыхъ, да пятьдесятъ червонныхъ: да которые приносили, тѣмъ всѣмъ сто червонныхъ".

Марта 3-го Шереметевъ выѣхалъ изъ Венеціи, взявши съ собой въ Римъ двухъ своихъ братьевъ. Они ѣхали черезъ Падую, о которой въ статейномъ спискѣ замѣчено, что это—„городъ великій и строеніе въ немъ старинное, и тутъ въ церквѣ лежатъ мощи римскаго святаго Антонія де Падуа, также имѣются въ

Digitized by Google

семъ городѣ и академіи докторскія преславныя"; потомъ Ровиго, Феррару („городъ есть великій"), Болонью („городъ зѣло великъ и церкви въ немъ и палаты преизрядныя, и школы учительныя великія"), Имолу, Фаэнзу, Римини, Пезаро, Синигалью и Лоретто, гдѣ остановились, чтобы осмотрѣть тамошнія достопримѣчательности. Въ этомъ городѣ „имѣется домъ Пресвятыя Богородицы, пренесенный ангелы; глаголютъ тотъ домъ быти тотъ, который былъ въ Назаретѣ, въ которомъ Пресвятѣй Богородицѣ отъ Архангела Гавріила было благовѣщеніе, и въ которомъ воспитала сына своего Господа нашего Іисуса Христа, въ которомъ же дому пренесеся и образъ Пресвятыя Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ, вырѣзанъ изъ дерева, и сосуды, чашечка и блюдечко, изъ которыхъ сама Пресвятая Богородица и Сынъ и Богъ Ея питался, глиняные; въ томъ дому окно, гдѣ было благовѣщеніе, и комель или труба, гдѣ Пресвятая Богородица огнь клала и варила ястіе: тотъ домъ палата каменная, стоитъ безъ фундамента четыреста лѣтъ, а стоитъ нынѣ въ великой церквѣ, и кругъ того дому снаружи обдѣлано вновь палатою изъ мармора, и по всему вырѣзаны притчи евангельскія и иныя весьма богато и искусно, и скарбъ въ той церквѣ Ея Пресвятыя Богородицы для дому Ея присланный отъ всѣхъ монарховъ и отъ великихъ знатнѣйшихъ особъ отъ каменьевъ алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ и иныхъ, также отъ золота, серебра и жемчугу превеликій и неисчетный; чаю, будетъ на нѣсколько милліоновъ".

Въ Римъ пріѣхали 21-го марта. Папа въ тотъ же день прислалъ къ Шереметеву своего „дворецкаго и боярина" спросить о здравіи и поздравствовать пріѣздомъ; тотъ же бояринъ долженъ былъ состоять при Шереметевѣ и служить ему. Начались опять визиты, а также осмотръ церковныхъ достопримѣчательностей въ сопровожденіи того же папежскаго дворецкаго. Шереметевъ, конечно, насмотрѣлся всякихъ рѣдкостей. Въ церкви апостоловъ Петра и Павла, гдѣ ихъ мощи почиваютъ, онъ слушалъ обѣдню; „по совершеніи же той обѣдни казали боярину копіе, которымъ на крестѣ прободенъ бысть Господь и Богъ нашъ; потомъ казали образъ Спасителевъ, которой самъ Господь Богъ вообразилъ на полотнѣ или платѣ, которой платъ поднесла ему утертися святая мученица Вероника подъ часъ вольнаго Его страданія и несенія Креста на Голгофу; напослѣди же казали великую часть древа Животворящаго Креста, и вся сія у нихъ зѣло въ великомъ благоговѣніи и почитаніи". И самая церковь вельми украшена мраморами разноцвѣтными и рѣзьбами предивными.

Digitized by Google

Другихъ чудесъ онъ насмотрѣлся въ церкви св. Іоанна Предтечи: здѣсь „сподобился видѣть кровь Спасителя нашего Бога въ сосудѣ весьма украшенномъ: сударь, иже бѣ на главѣ Христовѣ во гробѣ; лентіонъ, имъ же бѣ препоясанъ во время умовенія ногъ святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ; ризы часть Пресвятыя Богородицы; платъ, который Пресвятая Богородица носила на главѣ своей; главы святыхъ апостолъ Петра и Павла“ и т. д. Въ другой церкви онъ видѣлъ еще не мало удивительныхъ вещей: „...одежды святыхъ апостолъ Петра и Павла и Стефана архидіакона; тамъ же ризы сдѣланы отъ ангеловъ святому Петру апостолу; также въ крестѣ устроено и положено часть пупа Христова и часть обрѣзанія: еще часть башмаковъ Христовыхъ“, и пр.

Затѣмъ 27-го марта Шереметевъ имѣлъ аудіенцію у папы, при чемъ опять говорилъ рѣчь и представилъ царскія грамоты къ папѣ. Обѣ грамоты принялъ самъ папа, очень благосклонно отвѣчалъ на рѣчь боярина и въ концѣ (по переводу статейнаго списка) говорилъ такъ: „Нынѣ же пріемлю тебя со истиннымъ моимъ желаніемъ любительно и откровенно, и показую къ тебѣ престола моего снисходительство мало нѣчто не равное діадиму носящимъ, допущаю тебя до поцѣлованія руки моея“. „Бояринъ, выслушавъ рѣчь, цѣловалъ папину руку, а папа объемъ его поцѣловалъ въ голову, и зѣло принялъ любезно и весело“.

Слѣдовали далѣе взаимные подарки и визиты, при чемъ Шереметевъ „послалъ въ дарахъ къ папѣ одѣяло пластинчатое соболье, покрыто матеріею золотою, цѣною девять сотъ рублевъ, два изорбата серебряной да золотой, цѣна сто двадцать рублевъ, и пять сороковъ горностаевъ“. Черезъ нѣсколько дней папа прислалъ Шереметеву съ однимъ изъ своихъ епископовъ золотой крестъ съ рѣзьбой и финифтью, заключавшій въ себѣ частицу древа Креста Христова и въ свидѣтельство этого епископъ приложилъ свое письмо. „И бояринъ, принявъ той предрагій и неоцѣненный клейнотъ животворящій Крестъ Господень всерадостнымъ сердцемъ и душею, во многомъ веселіи и слезахъ, зѣло благодарствовалъ за толикую папина архипастырства неудобьплатимую милость, и вмѣнялъ себя пріятіемъ такова Божія превеликаго дара быти недостойна“.

Апрѣля 4-го Шереметевъ выѣхалъ изъ Рима въ Неаполь— „нанявъ семь колясокъ да два воза подъ рухлядь по осьми червонныхъ съ коляски, всего дано сто восемь червонныхъ“. Въ Неаполѣ онъ былъ 8-го, а 12-го поѣхали до Мальты моремъ, нанявши двѣ фелюки, на каждой по восьми гребцовъ и девятый

Digitized by Google

кормщикъ. Въ Неаполѣ предупреждали, что ѣхать надо съ великимъ береженіемъ отъ непріятельскихъ турецкихъ людей. По дорогѣ, въ Амальфи, онъ упоминаетъ о мощахъ св. апостола Андрея Первозваннаго, привезенныхъ изъ Константинополя нѣкоторымъ кардиналомъ тому лѣтъ четыреста: мощи лежатъ подъ престоломъ и изъ гроба того выходитъ мvро каплями,—„каноники тоя церкви дали боярину малой сосудъ, наполненный тѣмъ святымъ мvромъ".

Въ сторонѣ отъ ихъ дороги находился извѣстный волканъ Стромболи, о которомъ въ статейномъ спискѣ разсказывается: „Выѣхавъ изъ Тропеи посторонь въ море миль за 50 стоитъ гора, которая зовется Стромболій: кругъ ея 15 миль, а на верьху той горы непрестанно горитъ мили на двѣ кругомъ, и говорятъ, что тутъ жилище діаволомъ, и такъ они въ томъ увѣрены, что и намъ такъ сказывали, и многіе-де были такія причины, что многія фелюки съ людьми діаволами утаскиваемы бывали къ той горѣ, и потопляемы въ море, а нынѣ кто ѣдетъ мимо той горы, ставитъ кругъ фелюкъ многіе кресты, и тѣмъ-де спасаются: а пѣшіе-де люди къ той горѣ выходя изъ фелюкъ знаменавшеся крестнымъ знаменіемъ ходятъ, только-де за превеликимъ отъ огня шумомъ близко притти невозможно".

Въ Мессинѣ въ Катаніи они слышали о морскихъ нападеніяхъ турокъ изъ Триполя и Туниса, такъ что плаваніе было дѣйствительно не безопасно. Въ Сиракузахъ губернаторъ, который былъ родственникомъ мальтійскаго „грандъ-магистра", встрѣтилъ Шереметева съ большимъ почетомъ. Отправившись дальше, узнали, что не вдалекѣ стоитъ мальтійскій караванъ изъ семи галеръ, находившійся въ морѣ „ради военнаго промысла". Изъ каравана послали къ нимъ барку спросить, кто ѣдетъ, и когда на караванѣ узнали о боярынѣ, то мальтійскій генералъ Спинола выслалъ къ нему капитана въ своей баркѣ, украшенной рѣзьбой и золотомъ, и когда Шереметевъ пересѣлъ на эту барку съ своими братьями, то караванъ, всѣ семь галеръ, пошли на встрѣчу боярину устроившись по-воински, и когда боярынъ вступилъ на лѣстницу, спущенную съ генеральской галеры, то въ честь его выстрѣлили на галерѣ изъ пяти большихъ пушекъ. Привѣтствуя генерала, Шереметевъ объяснилъ ему цѣль путешествія, и что Богъ исполнилъ его желаніе" видѣти въ военномъ ополченіи его господина генерала и кавалеровъ Малтійскаго каравана, и въ особливое ставилъ себѣ въ томъ божеское милосердіе, что въ такой часъ къ нимъ благоволилъ Богъ ему пріѣхать, и быть подъ его генеральскою командою". Мальтійскій генералъ отвѣтилъ еще

Digitized by Google

съ бо́льшею любезностью, что они считаютъ за счастье видѣть на своемъ убогомъ каравапѣ знатную особу изъ далекой превеликой страны и отъ славнаго мудрохрабраго государя, видѣть его славнаго генералиссимуса: „и,—продолжалъ генералъ,—подъ командою моею тебѣ быть не достоитъ, но достоитъ быть намъ паче подъ твоею командою, яко у искуснаго многихъ войскъ вождя, что мы слышали о тебѣ многократно; и всю врученную мнѣ команду и меня самого вручаю милости твоей во управленіе, и прошу о томъ всеусердно управити насъ не погнушатися". И дѣйствительно, Шереметевъ никакъ не могъ отговориться отъ этой любезности и „малтійскій генералъ господинъ Спинола весь свой урядъ отдалъ ему боярину. И божіею непобѣдимою помощію, за предстательствомъ его Пресвятыя Богоматери и молитвами великаго пророка и Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, тотъ военный караванъ управленъ къ лучшей чести и къ славѣ преславнаго имени великаго и премилостивѣйшаго нашего государя".

Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ этого на галерахъ увидѣли четыре турецкихъ корабля; мальтійскія галеры погнались за ними, но тѣ успѣли убѣжать. Затѣмъ караванъ отправился въ Мальту и Шереметевъ прибылъ туда 2-го мая; здѣсь ему сдѣлана была самая торжественная встрѣча. Статейный списокъ подробно записываетъ, какъ мальтійскій грандъ-магистръ посылалъ къ Шереметеву своихъ кавалеровъ для привѣтствія, и какія при этомъ говорились рѣчи; какія назначены были палаты для него и его свиты; какъ магистръ просилъ Шереметева быть его гостемъ и ничего не покупать въ Мальтѣ для своего продовольствія; какъ присылалъ боярину кареты; какъ прислалъ къ нему собственнаго трубача, который долженъ былъ трубить во время его обѣдовъ и ужиновъ (этотъ трубачъ трубилъ во время стола у самого магистра) и т. д. Наконецъ, происходила торжественная аудіенція съ такимъ же церемоніаломъ, какъ прежде. Шереметевъ говорилъ длинную рѣчь съ подробнымъ царскимъ титуломъ, передалъ магистру царскую грамоту и грамоту римскаго цесаря; столь же торжественно отвѣчалъ магистръ. На аудіенцію Шереметевъ отправился пѣшкомъ, хотя за нимъ были присланы кареты. „А шли до двора его (грандъ-магистра) пѣшіе, для того что въ городѣ Малтѣ улицы весьма чисты, и лучшее обыкновеніе у кавалеровъ не ѣздить, а ходятъ всѣ и высокородные пѣши; и бояринъ въ каретахъ ѣхать не похотѣлъ; къ тому-жъ въ то время многіе кавалеры пришли къ боярину, такъ и для ихъ боярина пошелъ пѣшъ. А какъ шли улицами, то людей смотрѣло

Digitized by Google

множество". Шереметевъ подробно осматривалъ мальтійскія крѣпости и въ это время въ честь его производилась пальба изъ пушекъ и мелкаго ружья.

На 8-е мая Шереметева пригласили на большой праздникъ мальтійскаго ордена, память Іоанна Предтечи, и въ статейномъ спискѣ записано: „Маія 8 числа былъ бояринъ въ церквѣ святаго Іоанна Предтечи, въ которой того дня былъ грандъ-магистеръ, и всѣ кавалеры слушали литургію, и всѣ причащалися. А стоялъ грандъ-магистеръ въ той церквѣ на особливомъ устроенномъ мѣстѣ, подъ балдахиномъ, а боярину сдѣлано было особливое жъ мѣсто по правую сторону грандъ-магистра, и обито было коврами, а подъ колѣни положены были двѣ подушки золотыя бархатныя; а братья боярскіе стояли мало поодаль, отдѣлялся отъ всѣхъ кавалеровъ, и положены были имъ подушки бархатныя. По окончаніи литургіи выносили съ процессіею и пѣніемъ руку святаго великаго пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, и сподобилися всѣ ее цѣловать, та святая Предтечи рука по запястья, и видомъ мощи весьма преудивительны являются, какъ будто недавно умершаго человѣка. А выносили ту руку и цѣловали съ великимъ благоговѣніемъ многіе и со слезами и радостью. Показуютъ же руку всенародно годомъ не многажды".

По обычаю, бояринъ послалъ подарки и въ концѣ концовъ грандъ-магистеръ, пригласивъ боярина на банкетъ, сдѣлалъ ему торжественную встрѣчу, возложилъ на него драгоцѣнный мальтійскій кавалерскій крестъ, золотой съ алмазами, произнесъ соотвѣтственную рѣчь и вручилъ грамоты къ русскому царю и римскому императору. На банкетѣ, пришедши въ приготовленную палату, „сѣлъ грандъ-магистеръ подъ балдахиномъ, а боярина посадилъ въ стулѣ близь себя, а братьевъ его поодаль: въ кушаньѣ и въ питьѣ многое было удовольствіе и великолѣпность, также и въ конфектахъ; подъ часъ же того стола служили знатные кавалеры, а яствы носили покоевые знатныхъ отцовъ дѣти, человѣкъ съ двадцать, и ставили разомъ, перемѣняя яствы шесть разъ, и подъ часъ того стола въ оной палатѣ было премножество кавалеровъ: и грандъ-магистеръ подчивалъ боярина самъ, и говорилъ о многихъ военныхъ дѣлѣхъ и о войскахъ и о всякомъ военномъ россійскомъ поведеніи". На прощанье грандъ-магистеръ „привитался съ бояриномъ зѣло любовно, и трижды обнялся руками, и въ рамена поцѣловалъ, также и съ братьями боярскими привитался, потомъ пошли изъ палатъ, а старшіе кавалеры многіе провожали до воротъ, и зѣло любительно съ

Digitized by Google

бояриномъ витался, и называли его себѣ братомъ; и говорили, чтобъ боярину усердныя ихъ любви къ нему не положилъ въ забвеніи". Чтобы проводить Шереметева до Сициліи, послали съ нимъ двѣ галеры, и дѣйствительно за ними гнались турецкіе корабли.

Выѣхавъ изъ Мальты вечеромъ 9-го мая послѣ упомянутаго обѣда, 22-го онъ былъ въ Неаполѣ. На другой же день арцыбискупъ, папскій нунцій, пригласилъ боярина въ дѣвичій монастырь видѣть чудо съ кипѣніемъ крови св. Януарія во время литургіи: чудо начало совершаться по прочтеніи Евангелія и, видя его, „всѣ люди, находившіеся въ той церквѣ, въ великомъ были радованіи, и по обыкновенію латинскому били въ свои перси, премногіе же плакали"... „Боярин и съ нимъ бывшіе самовидцы онаго преславнаго чудеси".

Съ 25-го мая до 4-го іюня Шереметевъ сдѣлалъ поѣздку въ городъ Баръ, повидимому только для поклоненія мощамъ чудотворца Николая, и на этотъ разъ статейный списокъ вошелъ въ подробности объ этомъ посѣщеніи—приблизительно тѣ же, какія сообщаетъ Толстой. По возвращеніи въ Неаполь тотъ же арцыбискупъ прислалъ Шереметеву своего маршалка Патра (т.-е. патера) съ предложеніемъ осмотрѣть картезіанскій монастырь на превысокой горѣ надъ самымъ Неаполемъ: въ статейномъ спискѣ записано великолѣпіе постройки этого монастыря и строгость монашеской жизни картезіанцевъ.

Въ тотъ же день „звали боярина езуиты смотрѣть ихъ академію, въ которой учатъ письменнымъ всякимъ наукамъ и инымъ многимъ художествамъ. И боярин ѣздилъ, а какъ пріѣхали и вошли въ академію, тогожъ часа ректоръ оной академіи просилъ боярина сѣсть на особливо уготованномъ для боярина мѣстѣ, которое убрано было богато; по обѣ-жъ стороны боярина въ особливыхъ мѣстахъ посадили братьевъ боярскихъ, и въ то время премножество было людей въ оной академіи, между которыми были знатныя особы и ихъ дѣти неаполитанскаго государства, и сидѣли они поодаль въ другомъ порядкѣ отъ боярина; по прошенію же боярскому они перешли и сидѣли въ томъ же порядкѣ по обѣ стороны боярина: потомъ вышелъ изъ другой палаты одного знатнаго человѣка сынъ, и ставъ на высокомъ мѣстѣ, поздравлялъ боярина, говорилъ привѣтствіе по-латыни.

„Потомъ казали, какъ бивалися прежніе богатыри копьями и саблями, убравъ шесть человѣкъ въ латы: потомъ многіе знатныхъ отцовъ дѣти билися на рапирахъ, и выходили со знамены строемъ, и строй оказывали пѣхотной, и знамя уклоняли:

Digitized by Google

потомъ поставя изъ дерева сдѣланную лошадь, всякія волтижированія оказывали, садяся на ту лошадь и черезъ перескакивая, а наконецъ разные танцы и миноветы танцовали. Всему этому учатъ особливые мастеры, мірскіе люди, а не езуиты; на дворѣ же ѣздили на лошадяхъ, и показывали манежъ ученіе конное".

Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Неаполѣ Шереметевъ былъ свидѣтелемъ сильнаго изверженія Везувія, которое привело жителей въ великій ужасъ. Іюня 7-го онъ выѣхалъ въ Римъ, куда прибылъ 11-го, имѣлъ опять аудіенцію у папы, отъ котораго получилъ „благопріятственное снисхожденіе и милость", а также двѣ грамоты, къ римскому императору и къ русскому царю. Выѣхавши изъ Рима 15-го іюня, онъ на восьмой день былъ во Флоренціи, гдѣ, хотя не заявлялъ о себѣ оффиціально, былъ чрезвычайно любезно принятъ великимъ герцогомъ Козьмой III Медичисомъ. Далѣе, изъ Флоренціи на шестой день онъ пріѣхалъ въ Венецію. Здѣсь онъ прожилъ шесть недѣль, ожидая отвѣтовъ на свои письма къ посламъ, и отпустилъ въ Москву своего маршалка Курбатова, съ которымъ послалъ двухъ арапов, трехъ невольниковъ малороссійскихъ городовъ, выкупленныхъ въ Мальтѣ и въ Неаполѣ, и часть своего багажа. Потомъ безостановочно отправился въ Вѣну, здѣсь имѣлъ аудіенцію и былъ у руки императора и его сына, короля римскаго и венгерскаго, отъ котораго получилъ драгоцѣнную шпагу за его подвиги противъ враговъ св. креста. Выѣхавъ изъ Вѣны 11-го сентября, онъ прожилъ до первыхъ чиселъ ноября въ Силезіи, ожидая изъ Москвы своихъ людей „съ нужными потребами и деньгами", и наконецъ, на послѣднемъ пути былъ снова въ Замостьѣ, гдѣ старая знакомая, для которой вѣроятно раскрылось прежнее инкогнито, опять „приняла боярина весьма любовно съ великою честію и почтеніемъ". Здѣсь онъ за распутицей прожилъ двѣ недѣли. Далѣе, бояринъ былъ по обѣщанію своему въ Печерскомъ монастырѣ въ Кіевѣ и 10-го февраля 1699 пріѣхалъ въ Москву. Февраля 12-го онъ представился царю на банкетѣ у Лефорта, убравшись въ нѣмецкое платье и имѣя на себѣ мальтійскій крестъ. Отъ царя онъ получилъ „милость превысокую", царь поздравилъ его съ мальтійской кавалеріей, позволилъ ему всегда носить на себѣ этотъ крестъ и затѣмъ состоялся указъ, чтобы Шереметевъ писался въ своихъ титулахъ „малтійскимъ свидѣтельствованнымъ кавалеромъ".

Статейный списокъ оканчивается такъ: „Будучи онъ бояринъ Борисъ Петровичъ по волѣ великаго государя его царскаго пре-

Digitized by Google

свѣтлаго величества въ семъ вышеписанномъ пути, истратилъ кошту своего во всякія харчевыя и иныя нужныя потребы, въ наемъ постоялыхъ дворовъ и фурманскихъ подводъ и съ вышеозначенными дарами монархамъ, папѣ и прочимъ, всего по пріѣздъ свой къ Москвѣ двадцать тысячъ пять сотъ пятьдесятъ рублевъ: чиня то для высочайшей чести и прославленія преславнѣйшаго имени великаго государя, его царскаго пресвѣтлаго величества, и всего его самодержавнѣйшаго государства отъ окрестныхъ странъ и государствъ, въ преумноженіе же большія славы, и въ память своей Шереметевыхъ фамиліи".

Должно припомнить, что тогдашній рубль стоилъ около десяти нынѣшнихъ рублей.

Описаніе этого путешествія Шереметева, какъ видимъ, очень похоже на статейные списки нашихъ пословъ XVII вѣка. Это— дѣловая запись пути, со счетомъ дней, станцій и верстъ и, главное, съ подробнымъ описаніемъ того, что относилось къ самому дипломатическому порученію. Такъ это и въ статейномъ спискѣ Шереметева, гдѣ весьма обстоятельно приведены всѣ его оффиціальныя сношенія, аудіенціи, торжественныя рѣчи, грамоты, записаны дары монархамъ, вельможамъ и людямъ служащимъ. Только изрѣдка упоминается о достопримѣчательностяхъ видѣнныхъ странъ и городовъ, какъ это бывало прежде и въ статейныхъ спискахъ самыхъ пословъ. Наконецъ, описаніе дѣлалось кѣмъ-то изъ находившихся при немъ лицъ — маршалкомъ или „царедворцемъ", іереемъ и т. д.; самъ Шереметевъ былъ для этого слишкомъ важное лицо. Такимъ образомъ, статейный списокъ представляетъ не его личныя замѣчанія, а скорѣе именно общее впечатлѣніе и его, и цѣлой свиты. Несмотря на этотъ характеръ описанія, можно и здѣсь встрѣтить тѣ черты, какія мы находили въ путешествіи Толстого. Бояринъ былъ несомнѣнно совершенно русскій человѣкъ: во время путешествія ему было около сорока пяти лѣтъ (род. 1652), воспитался онъ еще въ старой школѣ, и хотя былъ приверженцемъ Петра и однимъ изъ славнѣйшихъ его сподвижниковъ, онъ оставался старинnымъ благочестивымъ человѣкомъ,—тѣмъ не менѣе онъ, какъ и Толстой, не питаетъ къ латинству старой московской ненависти. Судя по статейному списку, на него также производили впечатлѣніе и богатство католическихъ храмовъ, которое свидѣтельствовало о благочестіи, и та религіозная ревность, какую онъ видѣлъ въ монашескихъ орденахъ, филантропическихъ учрежденіяхъ, и онъ не мало не усумнился принять и крестъ отъ папы, и кавалерскій крестъ мальтійскаго ордена, который былъ католическій;

Digitized by Google

напротивъ, это послѣднее онъ счелъ себѣ за величайшую честь: съ мальтійскими рыцарями онъ былъ единодушенъ въ борьбѣ противъ враговъ христіанства. Шереметевъ мало, напримѣръ, гораздо меньше Толстого, интересовался „академіями", и это понятно: онъ былъ уже человѣкъ немолодой и слишкомъ былъ занятъ своими военными и придворными дѣлами.

IV.

Гораздо разнообразнѣе тѣ записи, какія сохранились отъ многочисленныхъ путешествій кн. Бориса Ивановича Куракина. Это былъ человѣкъ молодого поколѣнія (на четыре года моложе самого Петра), и двадцатилѣтнимъ юношей онъ отправленъ былъ за границу, въ Италію, въ той первой партіи стольниковъ и спальниковъ, которыхъ Петръ послалъ въ 1697 учиться навигацкимъ наукамъ. Куракинъ, кажется, не оставилъ описанія своего перваго путешествія — по крайней мѣрѣ этого описанія не находится въ изданныхъ донынѣ томахъ „Архива" его потомка, кн. Ѳ. А. Куракина; замѣтки о послѣдующихъ путешествіяхъ также довольно отрывочны,—но изъ совокупности оставшихся отъ него бумагъ, записокъ, писемъ, историческихъ статей, административныхъ соображеній, собирается не только значительный матеріалъ для его будущаго біографа, но и любопытныя черты, рисующія положеніе русскаго образованнаго, или, вѣрнѣе, начинающаго свое образованіе человѣка въ разгаръ Петровскихъ реформъ.

Обращаясь къ этому біографическому матеріалу, замѣтимъ предварительно, что записки Куракина написаны были гораздо позднѣе его перваго путешествія, и языкъ ихъ довольно странный. Живя долго за границей, узнавши много вещей и понятій, для которыхъ не существовало выраженія въ русскомъ языкѣ, онъ набрался множества иностранныхъ словъ, которыя безъ всякой церемоніи вставляетъ въ свою русскую рѣчь; а иногда, когда онъ хотѣлъ скрыть свою мысль отъ нежелательнаго посторонняго читателя, онъ писалъ цѣлыя фразы по-итальянски. Такимъ образомъ его изложеніе пересыпано словами польскими, латинскими, французскими и особенно итальянскими: къ этому послѣднему языку онъ, кажется, особенно привыкъ въ свое первое путешествіе. Такъ, задумавши въ 1705 году свою автобіографію, онъ дѣлаетъ на ней заглавіе: „Vita del principe Boris Koura-

Digitized by Google

kin". Но вообще и его русскій и итальянскій языкъ очень небреженъ.

Въ числѣ нападеній на реформу Петра не разъ говорилось и о томъ, что онъ испортилъ русскій языкъ, изуродовалъ его грубыми заимствованіями изъ языковъ иностранныхъ. При этихъ обвиненіяхъ не хотятъ понять простого обстоятельства. Петръ не думалъ о литературной красотѣ своихъ писаній, и никто его къ этому не приготовлялъ; онъ занятъ былъ практическимъ дѣломъ, и когда русскій языкъ, унаслѣдованный отъ старины, не давалъ возможности назвать множество новыхъ вещей, Петръ, а съ нимъ и его сотрудники, брали прямо тѣ иностранныя слова, которыя они узнавали въ собственной школѣ. Это вовсе не была прихоть или грубый филологическій вкусъ, а простая необходимость; прихотью могла быть названа только небольшая доля этихъ нововведеній, когда привыкшій къ иностраннымъ словамъ Петръ и свое имя писалъ Piter, и свою новую столицу назвалъ Петербургомъ. Это столь осуждаемое искаженіе русскаго языка сгладилось въ XVIII вѣкѣ довольно быстро и опять естественнымъ путемъ: большая масса этихъ иностранныхъ словъ не вошла въ литературное употребленіе или исчезла изъ него, когда русское общество освоилось съ новыми понятіями и подъ перомъ даровитыхъ писателей нашло для нихъ русское выраженіе,—таково было, напримѣръ, значеніе Ломоносова. Но другая доля иностранныхъ словъ осталась, и существуетъ въ русскомъ языкѣ до сихъ поръ. Въ этомъ опять не было никакого преступленія противъ русской народности: заимствованіе иностранныхъ словъ, какъ отраженіе различныхъ условій образованія, есть явленіе всеобщее и, напримѣръ, въ томъ же XVIII вѣкѣ нѣмецкій языкъ, обладавшій несравненно болѣе высокимъ развитіемъ литературы и науки, чѣмъ языкъ русскій, былъ переполненъ въ книгѣ и въ жизни словами латинскими и французскими.

До какой степени естественно и самъ собою происходилъ этотъ процессъ, можно видѣть изъ записокъ и писемъ Куракина. Это не былъ писатель, а чисто дѣловой человѣкъ; онъ дѣлалъ замѣтки для себя, писалъ, какъ думалъ и какъ, вѣроятно, говорилъ, и такимъ образомъ въ его языкѣ прямо отражалась сама реальная жизнь. Его положеніе было положеніе тогдашняго образованнаго человѣка, которому приходилось выражать понятія раньше незнакомыя въ средѣ русскаго общества, и онъ выражалъ ихъ такъ, какъ самъ съ ними знакомился: русскаго слова не было или оно имѣло другой, замѣтный для него оттѣнокъ, и онъ бралъ цѣликомъ иностранное слово, иногда прямо, напри-

Digitized by Google

мѣръ итальянское, иногда нѣсколько шероховато передѣланное на русскій ладъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него, видимо, нѣтъ никакого желанія щеголять этими иностранными словами. Въ этихъ безсознательныхъ пріемахъ въ особенности и сказывается историческая психологія.

Въ чрезвычайно любопытной автобіографіи Куракина, доведенной имъ до 1710 года, можно наглядно видѣть, какъ оригинально складывалась въ тѣ времена жизнь русскаго человѣка, захваченнаго процессомъ реформы.

Автобіографія начинается такъ:

„Vita del principe Boris Koribut-Kourakin del familii de polionia et litoania.

„Присужденъ былъ совѣстію своею всегда описать то вышеявленное, токмо не получилъ часу того за случаями, бываючи всегда въ нѣкоторыхъ забавахъ суетныхъ, о которыхъ ниже въ сей публичной житности моей покажетъ.

„Не долженствовалъ бы тѣмъ себѣ придать глорію, какъ тамъ будетъ показано, особливо такъ разумѣю, что и за лѣностью моею. А сихъ часовъ, на то описаніе моего живота, понудила болѣзнь моя въ бытность мою въ Карзбатѣ, гдѣ лечился отъ болѣзни своей цынготной, въ которомъ мѣстѣ жилъ мѣсяцъ, ниже какихъ забавъ могъ видѣть, токмо всегда заставалъ въ медицынѣ, и притомъ вмѣсто забавъ иныхъ и провожаючи бытность ту безскучно, то описалъ и желаемое свое получилъ“ [1]).

Кн. Куракинъ принадлежалъ къ самому высшему кругу русскаго боярства и оказался, конечно, въ числѣ тѣхъ людей, изъ которыхъ Петръ желалъ воспитать своихъ сотрудниковъ. Кн. Борисъ Ивановичъ родился въ 1676 году. Понятно, что его родители были еще вполнѣ люди стараго вѣка, и годы дѣтства и отрочества Бориса Куракина проходили по стародавнему порядку. Крестнымъ отцомъ и матерью его были царь Ѳедоръ Алексѣевичъ и сестра его, царевна Екатерина Алексѣевна; его мать умерла черезъ нѣсколько недѣль послѣ его рожденія. „При томъ случаѣ,—пишетъ Куракинъ,—по крещенію имѣлъ счастіе не малое, какъ бы сподѣвался быть фаворитомъ, токмо не допустила его смерть, понеже царя Ѳедора Алексѣевича до

[1]) Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ встрѣчается уже нѣсколько польскихъ выраженій. Въ „Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина“ подобныя выраженія объясняются обыкновенно по Бѣлорусскому словарю Носовича; но это прямо польскія слова. Такимъ же образомъ можно встрѣтить польскія слова въ запискахъ Толстого и даже въ статейномъ спискѣ Шереметева.

Digitized by Google

году не стало. И отъ того времени въ возрастѣ младенчества всегда имѣлъ счастіе отъ всѣхъ людей, сподѣваючись во мнѣ нѣкотораго впредь состоянія добраго; токмо всегда заставалъ въ болѣзнехъ". Еще въ дѣтствѣ онъ былъ не однажды „рѣзанъ"; шести лѣтъ съ нимъ случилось такое несчастіе: „упалъ на скаку съ иноходца, который мнѣ данъ былъ съ конюшни государевой. Съ которой спадчи, а одна нога въ стремени завязла; и таскала, ажъ пока сама стала, и такъ всю спину ободрала, ажъ тотъ убой мнѣ не пришелъ къ самой смерти". И впослѣдствіи онъ бывалъ очень болѣзненъ: страдалъ лихорадками, меленхоліей", какой-то болѣзнію, которую называетъ цынготной; отъ послѣдней онъ и лечился въ „Карзбатѣ". Ему шелъ восьмой годъ, когда умеръ его отецъ, и онъ остался на попеченіи мачихи (которая вскорѣ также умерла) и особливо родной бабушки, княгини Одоевской: „могу объ ней описать, что оная жена была великаго ума и набожная, и въ остимѣ [1]) отъ всѣхъ". Съ этого времени, когда ему было восемь лѣтъ, началась его придворная служба: „того жъ года,—пишетъ онъ,—пожалованъ я въ спальники къ царю Петру Алексѣевичу, и началъ того года учиться грамотѣ по-славянски". Въ слѣдующемъ году, когда ему шелъ девятый годъ, онъ „окончилъ грамотѣ учиться". И съ тѣхъ поръ въ запискахъ не говорится больше ни о какомъ ученіи. Онъ записываетъ потомъ женитьбу Петра на Лопухиной, первый и второй крымскій походъ, стрѣлецкій бунтъ, рожденіе царевича Алексѣя Петровича и т. д. Пятнадцати лѣтъ онъ уже „сговорилъ жениться на дочери Ѳедора Абрамовича Лопухина", и лѣтомъ была свадьба въ Преображенскомъ: его жена, Ксенія Ѳедоровна, была сестра царицы Евдокіи. Въ томъ же году была потѣха подъ Семеновскимъ, „а я былъ въ ту пору въ рейтарахъ въ ротѣ генерала Гордона". На своемъ восемнадцатомъ году онъ упоминаетъ о вторичной поѣздкѣ Петра къ Архангельску: „а я въ ту пору былъ въ градусѣ со спальниками, а не съ начальными людьми" (т.-е. вѣроятно, не съ начальными военными людьми, офицерами). На девятнадцатомъ году была объявлена „публично" война съ туркомъ. Весною войска двинулись въ походъ водою по Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ до Царицына, „и въ тотъ походъ я пошелъ въ Семеновскомъ полку, въ первой ротѣ, прапорщикомъ, а написанъ прежде того только за два мѣсяца". Походъ былъ трудный, осада тягостная, самъ Куракинъ бывалъ въ бою въ большой опасности. Азовъ не былъ взятъ; по дорогѣ

[1]) Estime.

Digitized by Google

въ Москву умеръ его старшій братъ, который былъ поручикомъ; самъ кн. Борисъ вынесъ на пути горячку. Въ слѣдующемъ году былъ второй Азовскій походъ и Куракинъ былъ поручикомъ. Азовъ былъ взятъ „на окортъ“, т.-е. на „аккордъ“, капитуляцію.

По окончаніи Азовскаго похода, въ ноябрѣ, кн. Борисъ получилъ великую болѣзнь: „имѣлъ гипохондрію и меленхолію“; „также и въ затылкѣ самой мозгъ мнѣ тѣснило и великую мнѣ во всемъ слабость и тощету придавало, такъ было, что чуть живъ ходилъ“. Его лечили, метали руду и только послѣ сталъ его лечить Спиридонъ грекъ и „отъ той меленхоліи получилъ свободу“; но осталась другая болѣзнь, отъ которой онъ лечился потомъ за границей.

Въ это время произошла посылка за границу.

„И генваря мѣсяца (1697), обѣ комнаты спальники выбраны на двѣ партіи: одна въ Голландію, а другая въ Италію. Сказано ѣхать для наукъ навтичныхъ, въ тѣхъ же и мнѣ. И ту зиму сбирались...

„И марта мѣсяца, съ первыхъ чиселъ, поѣхали съ Москвы въ Италію; а путь свой имѣли на Смоленскъ съ Литвою, на Могилевъ, на Минскъ, на Варшаву, на Ченстоховъ, на Слезію и на Муравію, на Ульмуцъ, на Вѣну, столицу цесарскую и чрезъ горы въ Венецію. А подъемъ мнѣ тотъ сталъ 1.500 червонныхъ, а червонный купилъ по 40 алт. и съ алтыномъ и съ полугривною; и такъ кладу на деньги 1.900 рублевъ. А проѣзду нашего до Венеціи было: мартъ, апрѣль, май и въ іюнѣ пріѣхали“.

По пріѣздѣ въ Венецію онъ опять заболѣлъ: „припала лихорадка, которая тримала [1]) больше пяти недѣль, и потомъ свободился отъ дохтура Александра грека, который живетъ въ Венеціи“.

Путешественнику, который былъ уже давно женатъ, сдѣлать два азовскіе похода, и у котораго во время пребыванія въ Венеціи родился въ Москвѣ сынъ, было только двадцать одинъ годъ.

О своемъ пребываніи въ Италіи онъ разсказываетъ немного.

„И сентября въ послѣднихъ числахъ, поѣхали на кораблѣ по морю, и были въ Далмаціи и доѣхали до Рагужи. Изъ Рагужи въ филюгѣ поѣхали презъ [2]) гольфу венецкую въ Баръградъ, гдѣ мощи чудотворца Николая, и имѣли въ томъ проѣздѣ

[1]) Въ Архивѣ „кн. Ѳ. А. Куракина это слово объясняется такъ: „tremolare— дрожать, трепать“, но это вовсе не итальянское слово, а польское: trzymać, т.-е. держать.

[2]) Чрезъ; польское przez.

Digitized by Google

великій страхъ, и такъ были въ страхѣ, ажъ не потонули. И за противностію вѣтровъ, отъѣхавъ отъ Рагужи съ тридцать верстъ, стояли 12 дней, и такъ пришли до такой трудности, что чуть было что̀ стало ѣсть. И бывъ въ Барѣ у чудотворцовыхъ мощей, потомъ были въ Неаполѣ и въ Римѣ, и возвратившись въ Венецію, жили до другого лѣта. И на лѣто опять были на морѣ. И возвратясь въ осень, мѣсяца октября, изъ Венеціи, поѣхали къ Москвѣ презъ Вѣну и на Краковъ, а съ Кракова на Кіевъ, и въ Кіевѣ сподобились видѣть мощи чудотворцевъ печерскихъ.

„И въ бытность свою тамъ учился наукъ математическихъ, и выучился: аретьметики, гіометріи теорики—5 книгъ Евклидеса, гіометріи практики, тригонометріи, пляны, острономіи часть до навтики, навтики, механики, фортофикаціи офеньсивы и дифенсивы. И во свидѣтельство всѣхъ тѣхъ моихъ наукъ, отъ мастера и за венецкаго князя рукою и печатью, (получилъ) свидѣтельствованный листъ. И также нѣкоторую часть въ разговорѣ, и читать и писать италинскаго языку научась, доволенъ“.

По возвращеніи его въ Москву, на третій день умерла его жена. Проживъ въ Москвѣ четыре недѣли, онъ долженъ былъ ѣхать въ Воронежъ на экзаменъ. „И пріѣхавъ на Воронежъ, свидѣтельствовали въ наукахъ навтичныхъ, и при томъ свидѣтельствѣ нѣкоторое счастье я себѣ видѣлъ отъ его величества, и отъ всѣхъ не такъ сталъ быть пріемъ, какъ прежде того, о чемъ выше явилъ“ (прежде, по его болѣзненности считали его глупымъ). „И отъ нѣкоторыхъ происходить стало слово о мнѣ доброе... И изъ Воронежа всѣхъ по свидѣтельству отпустили; а мнѣ и Василью Толочанову велѣно ѣхать подъ Азовъ въ керченскій походъ“.

Этотъ керченскій походъ, моремъ изъ Азова, имѣлъ цѣлью сопровождать нашего посла Украинцева, который отправлялся въ Царьградъ, „а въ томъ морскомъ походѣ былъ я за валентира на галерѣ шаутбейнагта“.

Вслѣдъ затѣмъ Куракинъ женился во второй разъ, на княжнѣ Урусовой; въ Семеновскомъ полку записанъ сначала поручикомъ, потомъ вскорѣ капитаномъ и пошелъ въ походъ подъ Нарву. Послѣ нарвскаго пораженія вернулся въ Москву.

Среди автобіографическихъ замѣтокъ кн. Куракинъ помѣщаетъ извѣстія о разныхъ мѣрахъ правительства, мало впрочемъ входя въ подробности о томъ, какъ петровскія нововведенія были принимаемы въ обществѣ. Около 1697 года онъ записываетъ: „Того года начались отъ людей боярскихъ и отъ другихъ многіе

Digitized by Google

доводы, и многіе стали сказывать за собою государево слово, которыя дѣла тѣ были вѣдомы въ Преображенскомъ, подъ судомъ его милости кн. Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго". Черезъ годъ онъ пишетъ: „Того жъ года состоялся указъ носить платье венгерское, и потомъ, спустя съ полгода, состоялся указъ носить всѣмъ платье, мужское и женское, нѣмецкое. И для того были выбраны по воротамъ цѣловальники, чтобъ смотрѣть того, и съ противниковъ указу брали пошлину деньгами, и также платье рѣзали и драли. Однакожъ чрезъ три года насилу уставились". Въ томъ же году онъ сообщаетъ о томъ Алексѣѣ Курбатовѣ, котораго мы видѣли маршалкомъ въ путешествіи боярина Шереметева. „Того года начались прибыли. Первая выдана человѣкомъ боярскимъ Бориса Шереметева Алексѣемъ Курбатовымъ, который нынѣ во дьякахъ и реентомъ въ бурмиской палатѣ, или въ ратушѣ, а прежде того сидѣлъ въ оружейной палатѣ, который вымыслилъ на Ивановской площади продавать бумагу за розными величествомъ гербами, и всякія приказныя письма между челобитчиковъ и крѣпости писать, какъ о томъ показано въ указѣ. И съ того сбора сбиралося во всемъ государствѣ съ той бумаги тысячъ по 300. И съ того числа почели умножаться прибыли". Далѣе, читаемъ: „И того года въ Москвѣ ночью ворота стали запирать часъ ночи, а отпирать за часъ до свѣту, а также и въ набатъ бить всегда непремѣнно за часъ до свѣту, а съ вечера часъ ночи, а не такъ какъ старый обычай былъ: въ малыя ночи—часъ ночи, а въ большія—два часа ночи. А будетъ, кто ночью похочетъ пройти, съ человѣка и съ лошади—по копѣйкѣ". Во время нарвскаго похода князь имѣлъ „великое несчастье": „какъ перебрались за рѣку, и въ ту пору за нѣкоторой лѣсъ, взятой на дрова, заповѣдной, знакомца моего Мещерскаго били кнутомъ, да двухъ поваровъ, и себѣ видѣлъ великій афронтъ, и сидѣлъ за арестомъ сутки".

Начало Сѣверной войны повлекло цѣлый рядъ мѣръ военныхъ и финансовыхъ.

„Того года царедворцевъ всѣхъ смотрѣли и взяли, которые молодые, къ пѣхотнымъ полкамъ въ офицеры, и всѣхъ лучшихъ фамилей тутъ написали.

„Того же года кн. Никита Репнинъ посланъ въ Казань и во весь низъ набирать вольницу въ солдаты, также и датошныхъ, которые начаты брать и на Москвѣ, съ пятидесяти дворовъ—человѣкъ...

„Того года въ зимѣ брали датошныхъ съ пятидесяти дворовъ человѣкъ, дворовыхъ людей, а не крестьянъ. И сказано всякому

Digitized by Google

чину воля: кто хочетъ въ солдаты идти, коли хочетъ, тогда поди, и многіе изъ домовъ шли.

„Тогожъ года у всѣхъ монастырей отписаны вотчины и всякіе доходы, кромѣ того, что отъ церкви въ монастырской приказъ, которой подъ судомъ Ивана Мусина-Пушкина. А чернецамъ велѣно давать равную часть всѣмъ, какъ архимандриту, такъ и простымъ, денегъ и хлѣба и иной пищи. А той казны все сбиралось тысячъ по сту и по двѣсти государю, за расходами монастырскими.

„Того года начали брать запросной хлѣбъ, и брали по вся годы, какъ службы были".

По смерти патріарха Адріана онъ отмѣчаетъ, что вмѣсто него назначенъ править соборную церковь Яворскій, „родомъ полякъ".

Въ 1702: „Того года были во всю Европу патенты напечатаны за позволеніемъ его величества, объявляя всѣмъ народамъ христіанскимъ, коеждой ни есть вѣры, какъ офицерамъ для службы и всякому шляхетству, такъ и всѣмъ чинамъ и даже до купцовъ и ремесленниковъ, кто похочетъ быть въ государство московское въ службу, а другихъ для промысловъ жить — свободно ѣхать и выѣхать вольность такъ, и какъ и въ другихъ въ окрестныхъ. И коея ни будь вѣры для себя похотятъ строить костелы и кирки, будетъ позволено. А офицерамъ, которые будутъ въ службѣ, нѣкоторыми пунктами съ удовольствомъ объявлено.

„Въ семъ году по указу со всего государства велѣно взять четвертую часть отъ вѣсу колоколовъ отъ всѣхъ церквей и монастырей, гдѣ собрано было многое число тысячъ мѣди, отъ которой учинено, чаю, съ триста пушекъ и со сто мортировъ всякихъ рукъ, и еще въ остаткѣ не малое число. И того года заказано большихъ колоколовъ лить и безъ указу ни малыхъ; отъ того времени и колокольный рядъ запустѣлъ.

„Того года вольно почали отпущать въ европскія государства для науки.

„Того-жъ года начаты шлюзы дѣлать въ Торжковскомъ уѣздѣ, чтобъ изъ Волги Тверцою вверхъ, а изъ Тверцы во Мсту, а Мстою въ Новгородъ и въ самое море Балтійское. Тотъ проходъ учиненъ водою въ море Балтійское отъ моря Каспійскаго и отъ моря Каспійскаго въ море Балтійское. Дѣлали съ четыре года; работниковъ по 20,000.

„Того года кликали въ матросы молодыхъ ребятъ, и набрано съ 3,000 человѣкъ.

Digitized by Google

„Того года завели школы латинскія, которые мастеры взяты ченцы (чернецы) изъ Кіева.

„Того года часы перемѣнены на Москвѣ ходить по астрономецки, 12 съ половины дня и до полуночи, также и часы игрательные на церкви того года поставлены на Чистомъ Прудѣ.

„Того года флотъ морской вступилъ въ море Балтійское".

Въ это же время онъ отмѣчаетъ появленіе первыхъ иностранныхъ титуловъ: „Князь Меншиковъ учиненъ дукомъ Ингріею, суверепомъ во своемъ владѣтельствѣ. Головкинъ Гаврило отъ цесаря учиненъ графомъ и дипломату взялъ". Онъ отмѣчаетъ тогда же, что Борисъ Петровичъ Шереметевъ „первое сталъ писаться фельдмаршалъ въ нашемъ государствѣ и первой малтійской кавалеръ".

Онъ записываетъ и событія другого рода: „Того года былъ одинъ дьячекъ или-бы писецъ, Талицкой звался, которой сдѣлалъ пасквиль или книгу поносную его величеству и государству, и хотѣлъ напечатать. И сказывали про него, что гораздо человѣкъ былъ уменъ и читатель книгъ. И въ то время, по нѣкоторомъ долгомъ времени держатъ и четвертованъ... Въ томъ же году ему согласникъ былъ архіерей тамбовской, и съ того санъ архіерейской сняли и послали въ заключеніе; а снимали всѣмъ соборомъ. И на то мѣсто инаго архіерея не поставили, а отдали тое епархію — воронежскому". Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ, что когда въ дѣлѣ Талицкаго „приличенъ былъ vescovo di tambovia", его велѣно было взять къ суду и къ розыску въ Преображенское, — „однакожь всѣмъ коллежіемъ духовнымъ того учинить воспретили; для чего былъ соборъ по прошенію царскаго величества, чтобъ санъ съ онаго снять, токмо оное не учинилось; и его величество на остатокъ просилъ, чтобъ того епископа подъ запрещеніе послать, и посланъ въ одинъ монастырь".

Наконецъ кн. Куракинъ еще разъ отправился въ походъ. Когда флотъ морской выступилъ въ Балтійское море, онъ въ чинѣ маіора участвовалъ во взятіи Шлюссельбурга; потомъ жилъ въ Москвѣ, снова болѣлъ меланхоліей, весной пошелъ опять подъ Шлюссельбургъ, участвовалъ во взятіи Нотебурга: „и по взятіи того города на окортъ, начали дѣлать Санктъ-Петербургъ, и того же лѣта, къ осени, сдѣлали, и сдѣлавъ, тутъ оставя гарнизонъ, а сами всѣ пошли къ Москвѣ" (1703).

Въ 1704 онъ былъ снова въ походѣ, участвовалъ въ приступѣ подъ Нарву „и въ ту пору былъ приступъ, въ самой полдень, и взяли городъ однѣми шпагами въ три четверти часа. И

Digitized by Google

передъ тѣмъ приступомъ исповѣдывался и причастился Святыхъ Тайнъ, въ которой заповѣди отъ отца духовнаго долженствовалъ бы всегда памятовать и исполнять; и нынѣ Господа Бога прошу въ томъ застать воздержаніи и заповѣди исполнить. И въ ту пору видѣлъ нѣкоторое не малое себѣ счастіе, хотя и при смертномъ часу былъ, и отъ его Величества нѣкоторую аморъ видѣлъ, также и отъ губернатора".

Въ 1704 онъ опять отмѣчаетъ разныя нововведенія.

„Того года начали монеты дѣлать: рублевики, полтинники, полуполтинники, гривенники, полугривенники, алтынники, также копѣйки мѣдныя и деньги мѣдныя.

„Того года начались школы математическія и другихъ наукъ и артей [1]), какъ шляпы дѣлать, сукна, кожи на лосинную стать, штукаторныя фигуры изъ гипса, архитектурою палаты строить.

„Того года начата играть комедія нѣмецкая, и комедіанты были привезены изъ Гамбурха.

„Того года въ канцеляріи посольской какъ въ титлахъ государевыхъ, такъ и въ другихъ премѣнность учинилась, также и арма [2]) съ прибавкою учинена, при которой начали крестъ святаго Андрея ставить.

„Того года матросы посланы въ Галандію учиться, гдѣ оттуль ѣздили въ Индію, въ Турки, въ Остъ-Индію и въ другія государства по всему свѣту разсѣяны были.

„Того года торговые корабли отъ города государства россійскаго начали ходить, и изъ тѣхъ два взяты въ полонъ отъ француза, о чемъ было прошено отъ Андрея Матвѣева объ отдачѣ, токмо того не учинилося.

„Того года заведены школы разныхъ языковъ учиться, и просто назвать академія, и кавалерскихъ наукъ на лошадяхъ, и на шпагахъ, и бандирѣ, и музыкѣ, инженерству".

Въ тѣ же годы онъ записывалъ, что велѣно табакъ публично продавать; что „указъ былъ записанъ: будетъ кто станетъ деньги въ землю хоронить, а кто про то доведетъ и деньги вынетъ, и тѣхъ денегъ доводчику—треть, а достальныя на государя"; что „отданы на откупъ: карты, тавлеи, шахматы, юла, кости и всякія игры денежныя, чтобъ не явя тѣхъ инструментовъ, и не заклеймя, и не заплатя пошлину, не играли; а заплатя пошлину, вольно играть" и т. д.

Въ 1705 году онъ отправился въ польскій походъ, но по

[1]) Итальянское: arti, искусства.

[2]) Гербы.

Digitized by Google

болѣзни былъ отпущенъ за границу для леченія или, какъ онъ пишетъ, „получилъ указъ ѣхать за море“, хотя ѣхалъ изъ Вильны въ Карлсбадъ; впрочемъ по военному времени онъ проѣхалъ на Кёнигсбергъ и оттуда моремъ на Кольбергъ и затѣмъ на Берлинъ. Описаніе этого путешествія по обычаю весьма обстоятельное: пересчитываются версты или мили, указывается „пропорція съ деньгами“ (талеръ — 8 гривенъ и т. д.), цѣна харча, есть ли въ городѣ фортеца, какая марканція (торговля), какое строеніе, „обычай почты отходить“ и т. д. Заѣхавши въ Берлинъ, онъ пересчитываетъ всю королевскую фамилію: „Короля зовутъ Фридрихъ (40 лѣтъ). Фридрихъ Филіемъ (Вильгельмъ), кронпринцъ 17 лѣтъ; маркграфъ Филиппъ, братъ королевской — генералъ-фельдцейхмейстеръ, женатъ. Маркграфъ Альбертъ, братъ его, мальтійскаго ордена мейстеръ — женатъ. Маркграфъ Христьянъ-Людвигъ, чинъ его думгеръ—холостъ“. О королѣ онъ замѣчаетъ: „король прусской при дворѣ обходится во всемъ какъ французской“. Въ Дрезденѣ записываетъ имена саксонскихъ министровъ. Въ половинѣ сентября попалъ онъ наконецъ въ Карлсбадъ. „Карзбатъ называется деревня, а не городъ, въ которомъ уживаютъ теплицы, водъ горячихъ сидѣть и пить и лѣчиться отъ разныхъ болѣзней“, и онъ подробно описываетъ карлсбадскія воды и способы леченія. Кончивъ леченіе въ Карлсбадѣ, онъ поѣхалъ на Лейпцигъ.

„Городъ Лейпцихъ короля польскаго [1]), въ которомъ обрѣтается славная академія въ Германіи или, больше молвить, между лютеры. И бываетъ тысячъ по три и больше студентовъ. Тутъ же великая марканція и бываетъ въ годъ 3 феры или три ярманки, на которыхъ купечество славное живетъ со всей части Европы, какъ на прикладъ: изъ Франціи, изъ Голландіи, изъ Италіи и изъ другихъ, и также бываетъ съѣздъ великой кавалерамъ... И на той ярманкѣ бываютъ великіе векселя во всю Европу и въ Индію, кому нужда брать куды денегъ, и другая ярманка ей подобная во всей Германіи — Франкфуртъ... А кромѣ тѣхъ бытностей, городъ на кавалеровъ жить — скушной гораздо; только жъ знатныхъ персонъ учатся гораздо много, не такъ чтобъ княжьскихъ или другихъ подобныхъ, только персонъ шляхетныхъ; также и книгъ нѣмецкаго языка иныхъ нѣтъ такихъ нигдѣ, какъ тутъ, и такъ по-нѣмецки нигдѣ не говорятъ хорошо и справедливо (!), какъ въ Лейпцихѣ. А людьми наполненъ купеческими чужеземцами“...

---

[1]) Когда королемъ польскимъ былъ король саксонскій.

Digitized by Google

„Галля — городъ не меньше Лейпциха, только строеньемъ хуже, короля прусскаго, — въ которомъ академія наукъ. Сказываютъ, будто нынѣ лучше Лейпциха стала, только, какъ я могъ видѣть, сподѣваюсь [1]), не такъ, для того, что студентовъ и половины нѣтъ предъ Лейпцихомъ; только жъ всѣ тѣ академіи славны въ тѣхъ мѣстахъ однемъ—способны люторскаго закону, а наилучшія академіи въ имперіи или просто въ Германіи—въ Прагѣ, и наукъ всѣхъ больше, и справедливѣе“...

Дальше онъ ѣхалъ въ Голландію — черезъ среднюю Германію и рейнскія провинціи. Въ Везелѣ, по его словамъ, люди трехъ „релій“, т.-е. религій: римляне, лютори и риформаты, и—„уже обычай нѣкоторой многой голанской и чистота, жинъ [2]) нѣмецкій къ тому склоненъ“. Въѣхавъ въ Голландію, онъ замѣтилъ, что „уже во всемъ отмѣна сдѣлалась, и великая въ пищѣ дороговизна, и народъ не пріемливъ, гораздо только ласковы къ деньгамъ... къ форестерамъ [3]) грабительны“...

Онъ довольно подробно описываетъ Амстердамъ, хотя въ самомъ началѣ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „...Однако жъ много писать не буду, что многихъ бытность здѣсь была [4]) и нынѣ есть, и сами видѣли, а и напредъ сами будутъ видѣть, а не видимые (не видѣвшіе) отъ тѣхъ слышать: для того, нынѣшнихъ временъ обычай имѣютъ, *каждой желаетъ свету видѣть*, то пишу не всѣмъ посполито персонамъ, — тѣмъ, которымъ принадлежитъ, какъ принцамъ, графамъ и каждому шляхетству“.

Онъ описываетъ, между прочимъ, политическіе и торговые порядки Голландіи. Въ Амстердамѣ „купечество великое, которое въ Европѣ больше всѣхъ считается, и народъ все живетъ торговый и вельми богатый“. Но для иностранцевъ гораздо пріятнѣе жить въ Гагѣ, которая, по его словамъ, есть „какъ бы село знаменитое и мѣсто столичное“, какъ во Франціи „Версалисъ“: „и лучшей плезиръ фористеромъ въ Голландіи—въ Гагѣ, неже въ Амстрадамѣ“. А въ Гагѣ „видѣлъ множественно каретъ кавалеровъ и всякихъ персонъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ — выѣзжаютъ въ каретахъ на окуръ, по вся дни, до обѣда и послѣ обѣда, и ѣздятъ до сумерокъ, а потомъ разъѣзжаются на осамлеи или на балъ, или кому куда угодно. И въ каретахъ богатство великое“...

---

[1]) Надѣюсь, думаю; польское: spodziewać się.

[2]) Французское: gens.

[3]) Иностранцамъ; итальянское: forestiere.

[4]) Т.-е. что многіе изъ русскихъ людей здѣсь бывали.

Digitized by Google

Этой свѣтской жизни въ Гагѣ онъ посвящаетъ особое исчисленіе плезировъ:

„Плезиръ гажской:

„Первое: какъ перемѣняются пополудне 3 часа квардія конная и пѣхота карауловъ. Другое: въ каретахъ ѣздятъ; всѣ съѣзжаючися кругомъ устроеннаго такого мѣста по праздникамъ до обѣда въ одиннадцатомъ часу, и послѣ обѣда въ четыре, и на вечеръ самый—и тутъ ѣзда, кавалеры другъ другу поклонъ отдаютъ; въ уборахъ лакеи. Другое на вечеръ на осамлеи кумпаніями, такъ что съ кѣмъ согласенъ, тѣ съ тѣми и осамлеи дѣлаютъ во всю недѣлю, разобравъ дни, кромѣ воскресенья или великаго праздника; гдѣ съѣзжаются въ восьмомъ часу пополудня, и сидятъ даже до полуночи и часъ за полночь; въ тѣ осамлеи вольно и незнаемому притти и видѣть; токмо тѣ осамлеи дѣлаютъ подъ именемъ не господъ того дому — подъ именемъ госпожъ—на прикладъ—дамы той-то именемъ, а ежели бъ кто, хотя и честная мужская персона, а не имѣетъ въ домѣ своемъ женской персоны, жены или дочери, или какой свойственницы, не можетъ дѣлать осамлеи — развѣ балъ, а по нашему пиръ или обѣдъ".

Третья, четвертая, пятая и шестая забава—поѣздки на морской берегъ и загородныя прогулки. Затѣмъ:

„Седьмое—ученіе на лошадяхъ и на шпагахъ, и танцовать.

„Осьмое—схотбище поутру и ввечеру въ кофейные дома, въ которыхъ и (въ) карты играютъ.

„Девятое—друзьямъ своимъ визиту отдавать.

„Десятое—въ керхи и въ римскіе костелы музыки слушать.

„А въ Амстрадамѣ забавы въ кофейные домы и на биржу, и по полямъ ходить также для своихъ забавъ.

„Тутошные жители имѣютъ колежеи или собранія своей кумпаніи, которые, собравшись, сами играютъ на инструментахъ разныхъ, и воспѣваютъ по вечерамъ, только постороннимъ тутъ входу нѣтъ, развѣ кто въ ту кампанію по призыву.

„И въ обоихъ тѣхъ мѣстахъ публичная забава: комедія и опера.

„А больше другихъ забавъ всѣхъ предъ другими провинціями, какъ Италіею, также и другими лишены".

Но кн. Куракинъ насмотрѣлся здѣсь и другихъ любопытныхъ вещей—торговыхъ и филантропическихъ учрежденій, замѣчательныхъ сооруженій, какъ амстердамскіе доки и т. п. Подивился онъ ратушѣ: „ратуша гораздо хороша; сподѣваюся, что нигдѣ такой нѣтъ, и внутри вся нарѣзана алебастромъ, и изъ але-

Digitized by Google

бастра штуки вырѣзаны, и одна штука вырѣзана, которая огорожена балясами, гдѣ вырѣзана скрипка и другія фигуры, работы гораздо хорошей". Онъ видѣлъ и амстердамскую биржу. „Биржъ или такая сдѣлана площадь, гдѣ сходятся торговые люди каждаго дня своей повинности для торговыхъ дѣлъ, договариваться и тутъ имѣютъ всегда сводъ или соединѣніе торговъ и такъ бываетъ всегда людей много, что на всей той площади люди ходятъ съ великою тѣснотою. Не сподѣваюся—нигдѣ такого сходбища торговаго—какъ тутъ, и бываютъ часа три или два".

Много замѣчательныхъ вещей видѣлъ онъ въ Роттердамѣ; между прочимъ: „А та аустерія, гдѣ я стоялъ, при площади той, гдѣ стоитъ, сдѣланъ мужикъ вылитой, мѣдной, съ книгою, на знакъ тому, которой былъ человѣкъ гораздо ученой, и часто людей училъ, и тому на знакъ то сдѣлано". Этотъ мѣдный мужикъ съ книгою былъ, вѣроятно, Эразмъ Роттердамскій.

Въ Лейденѣ онъ былъ пораженъ анатомическимъ театромъ: „дохтуръ въ академіи лейденской, и профессоръ медицины и анатоміи Быдло [1]), дядя нашему дохтуру Быдлѣ. Человѣкъ старъ, лѣтъ съ пятьдесятъ и больше". Кн. Борисъ присутствовалъ на анатомической лекціи: тотъ дохтуръ, „собравъ всѣхъ студентовъ той науки" (они, конечно, сами пришли на лекцію), дѣлалъ „анатомію надъ однимъ человѣкомъ мужескаго полу", началъ „разнимать" тѣло и „оказовать жилы отъ рукъ и до ногъ, какъ и куды дѣйствуютъ. И при томъ оказованьѣ на всякое мѣсто тамъ студентамъ толкъ даетъ, и даетъ всѣмъ осматривать и руками ощуповать; а то все тѣло было въ спиртусахъ налито для того, чтобъ духу не было смраднаго; и тутъ видѣлъ, какъ кожа человѣческая вельми толста, подобно бычачьей кожѣ, и самъ всѣ тѣ нужныя мѣста образовалъ и оказовалъ тотъ профессоръ Быдло, которой въ томъ своемъ дѣлѣ вельми славенъ". Далѣе: „Въ томъ же дому у того профессора Быдло видѣлъ палату одну, въ которой ниже могъ гдѣ такихъ вещей видѣть натуральныхъ въ спиртахъ и бальзаматы. Бальзаматы видѣлъ всѣхъ внутреннихъ членовъ человѣка, какъ мужскихъ половъ, такъ и женскихъ: руки и ноги, внутренне, какъ составы и жилы, безъ костей, обальзамованы и прибиты на доски, также и желудокъ, и сердце, и легкое, и ту перепонку, въ которой сердце лежитъ, и глаза вынетые, и всѣ внутреннія жилы и кости, и составы, такъ вельми дивная вещь, что нигдѣ могъ такой диковинки ви-

[1]) Онъ назывался Бидлоо.

Digitized by Google

дѣть, то сподѣваюсь, гдѣ-бъ такъ было въ другомъ мѣстѣ того лутче было въ тѣ вещѣхъ сдѣлано и собрано, развѣ въ тужъ мѣру".

Изъ Голландіи онъ хотѣлъ ѣхать въ Англію, размѣнялъ денегъ, взялъ вексель на „гинесъ" и „пунтъ штерленкъ", но поѣздка не состоялась; онъ остался еще долго въ Голландіи и въ 1707 черезъ Германію, и отъ Кенигсберга черезъ Литву на Гродно и Черниговъ, вернулся въ октябрѣ въ Москву. Черезъ три дня онъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ до царскаго величества,—„и по пріѣздѣ порядочную пріемность видѣлъ, токмо уже потомъ пріемнѣе былъ". На Рождество онъ долженъ былъ опять ѣхать черезъ Кіевъ въ Жолкву, гдѣ былъ зимній станъ русской арміи. Здѣсь онъ опять получилъ великую милость царскаго величества, жилъ здѣсь три недѣли и вскорѣ былъ отправленъ въ Римъ „къ папежскому двору министромъ безъ всякаго характеру, только въ грамотѣ креденціальной написано: комнатный господинъ и полуполковникъ отъ гвардіи". Въ Римъ онъ пріѣхалъ 1-го апрѣля 1708.

Это было начало новыхъ путешествій. Они описаны у Куракина весьма отрывочно и неровно, и мы возьмемъ изъ нихъ только нѣсколько подробностей. Изъ Россіи онъ ѣхалъ на Краковъ, на Вѣну, на Венецію, на Болонью, на Флоренцію, гдѣ „былъ въ томъ проѣздѣ у грандука, отдавалъ визиту, гдѣ былъ принятъ съ великимъ почтеніемъ отъ него самого; и что имѣлъ съ нимъ разговору, то писано въ описаніи книги дѣлъ римскихъ. А стоялъ и съ нимъ говорилъ въ шляпахъ; и потомъ имѣлъ великіе ригалы [1]) винъ и цукровъ, какъ обыкновенно всѣмъ князьямъ отъ крови такъ чинятъ".

Въ своей автобіографіи онъ пишетъ дальше: „Теперь буду описывать римскую свою бытность, которую похвально напишу, что никогда никто московской націи въ пріемности такого гонору и порядкомъ не былъ принятъ, гдѣ во всѣхъ церемоніяхъ такъ установилъ, какъ къ чести царскаго величества, такъ и къ своей персонѣ, какъ и другихъ прочихъ министровъ европскихъ и князей отъ санкви принимаютъ.

„И бывъ на авдіенціи, цѣловалъ у папы ногу, также и на всѣхъ авдіенціяхъ ногу цѣловалъ; и потомъ кардиналамъ отдавалъ визиты, гдѣ и мнѣ всѣ оные отдали визиты, всѣхъ съ восемьнадцать человѣкъ. И потомъ имѣлъ ригалы цукорами и другими галантеріями; и о всемъ томъ пространно писалъ въ опи-

[1]) Итальянское regalare — угощать.

Digitized by Google

саніи моей книги: Віажу италіанскаго, также и дѣлъ римскихъ". И дальше онъ замѣчаетъ: „Не хочу много трудить читающаго сего моего описанія о бытностяхъ своихъ въ Италіи, какъ въ Римѣ, такъ и въ Венеціи. Истинно похвалюсь, что націи московской никто чести и славы прежде моего бытія не принесъ. Правда, что себѣ разоренье въ иждивеніи томъ понесъ, однако-жъ въ честь и славу государства россійскаго и патріи имени своего дому Caributoff Kurakina, князей наслѣдственныхъ литовскихъ. Къ сему жъ объявлю, особливую пріемность и любовь въ чужихъ отъ всѣхъ имѣлъ, нежели въ своихъ краяхъ".

Въ итальянскомъ Віажѣ всего больше онъ разсказываетъ о дипломатическихъ и свѣтскихъ обычаяхъ, о пріемахъ у папы и кардиналовъ, о визитахъ принцамъ и кавалерамъ, о „жентиломахъ", какъ надо къ нимъ относиться и какъ они должны себя держать, въ какихъ каретахъ и какимъ порядкомъ ѣздятъ лица разныхъ сословій. Напримѣръ:

„Преже должно послать лакея, знающаго, спросить: ежели антикамора [1]) у его преимущества отворена, на то спросятъ—кто есть; потомъ скажетъ—отъ кого пришолъ; и потомъ, ежели часъ скажетъ,—антикамора отворена,—и тогда должно ѣхать. Когда пріѣдешь, то повинно тому кардиналу выслать своихъ жентиломовъ [2]) всѣхъ, что есть, встрѣтить у кареты, или на первой лѣстницѣ. И потомъ, встрѣтя, поклонясь, и пойдутъ напредь ажъ до самой каморы авдіенціи. А кардиналъ встрѣтитъ у дверей послѣдней антикаморы, увидѣвъ шедши изъ спальной. А ежели кого ниже почтитъ, то встрѣчаетъ въ другой антикаморѣ, и потомъ онъ возметъ правую руку, идетъ напредь, а у всякихъ дверей останавливается и почитаетъ, чтобъ напредь идти; только никто напредь не ходитъ, для того, что имъ отдается почтеніе, какъ королевское.

„И вошедъ въ камору авдіенціи, самъ сядетъ, взявъ правую руку, а тебя посадитъ противъ себя, т.-е. лѣвая рука, и что должное говорятъ. А всѣ въ ту пору уступятъ и завѣсы затворятъ, а жентиломины [3]) всегда стоятъ у дверей въ послѣдней антикаморѣ. И потомъ отъѣзжать будетъ, то, отдавъ поклонъ, и устониться, и онъ пойдетъ напредь, взявъ правую руку. А напредь его отнюдь ходить никому не надобно, что есть въ томъ имъ афронтъ".

---

[1]) Итал. anticamera, antichambre.

[2]) Gentiluomo.

[3]) Gentiluomini.

Digitized by Google

Или: „Пришедъ въ камору авдіенціи, смотрѣть, чтобъ садиться обоимъ вмѣстѣ, и сѣдши, надѣнетъ ежели онъ шапку, то и тебѣ повинно шляпу надѣть, и говорить ему рѣчь, къ слову, для его почтенія приподнимаючи шляпу, а потомъ, снявъ, и сидя разговаривать такъ, токмо-жъ рукавицъ никто не имѣетъ, и всегда при кардиналахъ бываютъ безъ рукавицъ. И потомъ вставъ, отходитъ съ такимъ же порядкомъ, давъ ему правую руку, и провожаетъ въ салъ до крыльца и, отдавъ поклонъ, не останавливается и не дожидается, чтобъ отдать поклонъ; а жентиломины повинны проводить до того-жъ мѣста, гдѣ встрѣтили, а другіе для почести—и до кареты".

„А когда придешь въ камору авдіенціи — смотрѣть должно, какъ поставлены кресла. Ежели тѣ кресла кардинальскія поставлены при самой стѣнѣ и прямо, а кресла для приходящаго напротивъ его и поодаль,—то гораздо значитъ низко ведетъ, а ежели кресла отставлены отъ стѣны, и также другія близко его напротивъ,—то повыше честь. А ежели кресла отъ стѣны поставлены на правую руку на бокъ, а приходящаго также съ лѣвой руки противъ его на кость[1]),—то должную честь отдаетъ. А ежели креслы на лѣвой рукѣ кардинальскіе на кости, а приходящаго на правой рукѣ на кость, и чуть не поровнявшись съ нимъ,—то значитъ, что тому великую честь отдаетъ".

Или: „Жентилому, бывъ при персонѣ княжеской, всегда должно почтеніе имѣть, и также напротивъ и его въ респектѣ имѣть. Есть разной обычай, какъ имъ ѣздить въ каретѣ и ежели публично, или инкогнито.

„Въ Римѣ теперь, въ сей своей бытности, о томъ покажемъ. Когда ѣздитъ въ Римѣ въ каретѣ, должно его сажать напротивъ себя въ каретѣ, а не съ собою, поровень, для чего будетъ гораздо подозрительно. И ежели кто будетъ другой съ тобою сидѣть посторонній, того должно посадить по лѣвую руку. А ежели баронъ или знатной шляхтичъ, или маркезъ, или конта, того должно посадить по правую руку. А когда бываешь въ чужой каретѣ званъ сѣсть, и господарь той кареты будетъ просить, чтобъ жентилому сѣсть съ тобою по лѣвую руку, тогда садятся по лѣвую руку свой жентиломъ, а самъ господарь той кареты сядетъ напротивъ, а ежели того жентилома своего не посадишь вмѣстѣ по лѣвую руку, а посадишь напротивъ съ тѣмъ господаремъ кареты вмѣстѣ, то ему афронтъ учинишь, какъ бы

[1]) Такъ въ „Архивѣ" I, стр. 184; должно быть: на-кось, т.-е. наискось.

Digitized by Google

онъ ему ровной, тому твоему жентилому, и повиненъ, будто-бы, то чинить, а не для своей воли и кортезій“ [1]) и т. д.

Изъ описанія римскихъ обычаевъ приводимъ перечисленіе римскихъ свѣтскихъ развлеченій.

„Всѣхъ дивертиментовъ [2]) въ Римѣ:

„Кранавалъ въ Римѣ только одна остатнея недѣля: по Курсу [3]) ѣздить въ машкарахъ и въ розныхъ одеждахъ. Лошадей по Курсу пускаютъ скакать...

„Конверсеціони каждаго дни.

„Өестини, или по-французски балы, гдѣ танцуютъ, въ домехъ принцовъ и другихъ персонъ.

„Серенады, то-есть музыка съ пѣвчими, на подобіе оперы, только-что не въ театрумѣ—въ каморахъ...

„Весною не имѣютъ никакихъ забавъ, токмо по святой Пасхѣ разъѣзжаются по деревнямъ и живутъ ажъ до самаго Петрова дни, а къ Петрову дню съѣзжаются въ Римъ. А въ деревни разъѣзжаются на Фришкаты (Фраскати), въ Тиволи, Каштельново, въ Женъ Сано (Дженцано), Альбани.

„А по Петровѣ дни начинаютъ ѣздить по вечерамъ по пляцу гишпанскому. И всегда всѣ кавалеры и дамъ съѣхавшихъ говорятъ, и дамы стоятъ въ каретахъ, которыя не хотятъ ѣздить по пляцу, а кавалеры, выходя изъ стерчовъ, изъ кареть, ходятъ по пляцу и говорятъ подходя къ каретамъ съ дамами и также ринфрешками [4]) потчиваютъ. И потомъ разъѣзжаются въ полтора часа или прежде по домамъ.

„Также имѣютъ конверсеціони и серенады, то-есть, въ стерчахъ сидятъ съ музыкою и съ дамами въ такихъ нарошныхъ безъ покрышекъ въ большихъ каретахъ, и въ которыхъ сидятъ персонъ по 8 и больше, и поютъ, ѣздя играютъ и ринфрешки даютъ,—то называется серенада и то дѣлается въ ночи“... „И въ мѣсяцѣ іюлѣ и августѣ есть обычай такой въ Римѣ, что съѣзжаются принципы между собою и споруются поэтичными виршами, также и по знатнымъ улицамъ многіе на виршахъ поэтическихъ говорятъ и отвѣтство другъ другу даютъ, на которые споры многіе съѣзжаются и сходятся и слушаютъ, а то всегда бываетъ въ ночи.

„Въ великой постъ бываютъ ораторіи, которыхъ на свѣтѣ такъ другихъ подобныхъ не можно быть. Ораторіи, то-есть, сло-

[1]) Итальян. cortesia, courtoisie, вѣжливость.

[2]) Итальян. divertimento, забава, развлеченіе.

[3]) Улица Корсо.

[4]) Rinfresco—прохладительные напитки и фрукты.

Digitized by Google

женіе что съ виршеми на Страсти Христовы, и то поютъ и съ музикою, подобіемъ тѣхъ, какъ бы опера, только она духовная и дѣлается въ церквахъ. Какъ и въ нашу бытность была въ церквѣ à Sant Filipo Neri, подъ протекціею кардинала Памфилія. Потомъ наибольше всѣхъ дѣлаетъ и славную съ великимъ коштомъ кардиналъ Оттобоней. Такъ можно молвить, такой огромной музикѣ и кампазиціи и такихъ инструментовъ на свѣтѣ лучше не можно быть, а наипаче какія дикія были выходки на трубахъ, что внезапу многую затменность даютъ человѣку.

„Партикулярныя забавы ѣздить смотрѣть антикита [1]), фабрикъ, церквей, полацъ, садовъ, какъ наиславной садъ Бургезинъ у самыхъ Попольскихъ воротъ, которому коштуетъ, чтобъ все было чисто и съ починками въ годъ 6,000 шкудовъ римскихъ".

Въ Римѣ онъ прожилъ слишкомъ полгода—до конца октября 1707 г. И затѣмъ онъ пишетъ въ автобіографіи:

„И по возвращеніи изъ Рима, пріѣхалъ до Венеціи, гдѣ жилъ по генварь десятое число 1708 г. въ великихъ роскошахъ и въ весельѣ. И нашедъ старыхъ друзей, Францишку Морузину (Morozini) и прочихъ, великія отъ нихъ пріязни получилъ и былъ (отъ) одного при отъѣздѣ даренъ двумя шкатулами флоренскими.

„И въ ту свою бытность былъ инаморатъ [2]) (въ) славную хорошествомъ одною читадинку, называлася signora Francescha Rota, которую имѣлъ за медресу во всю ту свою бытность. И такъ былъ inamorato, что не могъ ни часу безъ нея быть, которая коштовала мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1000 червонныхъ. И разстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ amor не можетъ выдти и, чаю, не выдетъ. И взялъ на меморію ея персону, и обѣщалъ къ ней опять возвратиться, и въ намѣреніи всякими мѣрами искать того случая, чтобъ въ Венецію, на нѣсколько время, возвратиться жить.

„Въ ту свою бытность двѣ не малыя причины видѣлъ съ маркеземъ Палавичинымъ и Spioven'іемъ, жентиломомъ венецкимъ, близко было duellio съ мною"...

Замѣтимъ наконецъ, что въ 1707 онъ записываетъ въ своей автобіографіи: „Сего лѣта дѣтей своихъ посадилъ учиться грамотѣ нѣмецкаго языка, которому мастеру плата была со всѣмъ со сто рублевъ". А затѣмъ въ 1708 онъ пишетъ: „Сего года сынъ мой, князь Александръ, началъ по-латыни учиться, а дочь —по-французски и танцовать". Этотъ сынъ его, кн. Александръ

[1]) Antichità, древности.

[2]) Innamorato, влюбленъ.

Digitized by Google

Борисовичъ (род. 1697), былъ уже съ 1722 года при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ камеръ-юнкеромъ и легаціонсъ-ратомъ.

Мы не будемъ слѣдить дальше за путешествіями кн. Бориса Куракина. Достаточно приведенныхъ подробностей, чтобы составить понятіе о складѣ жизни человѣка Петровскихъ временъ, который дома переживалъ политическія волненія этой критической поры нашей исторіи, видѣлъ наступавшія преобразованія, принялъ немалую долю въ военныхъ событіяхъ того времени, наконецъ личнымъ опытомъ знакомился, хотя до извѣстной степени, съ европейскими науками и особливо свѣтскими обычаями, наконецъ долго жилъ въ Европѣ, какъ частное лицо или какъ дипломатъ.

Первое путешествіе, конечно, особенно любопытное по первымъ впечатлѣніямъ европейской жизни на молодого русскаго боярина, описано имъ слишкомъ кратко; но и въ дальнѣйшихъ разсказахъ кн. Куракина мы можемъ наблюдать то же развитіе впечатлѣній, о которомъ говорили по поводу путешествій Толстого. Общая картина та же самая. Отправлялся въ Европу молодой человѣкъ, воспитанный по старинному, приверженный къ своимъ обычаямъ, благочестивый, и повидимому совершенно неопытный относительно того, что онъ долженъ былъ встрѣтить за границей. Тѣ поражающія впечатлѣнія, какія мы видѣли у Толстого, безъ сомнѣнія, повторились и здѣсь. Во-первыхъ, приходилось видѣть разныя религіи, и особенно въ католицизмѣ, издавна враждебномъ и ненавистномъ, надо было признать большую степень благочестія и христіанскаго подвижничества, и между прочимъ признать католическія чудеса. Потомъ раскрывалось большое разнообразіе политическихъ формъ, и за ними нерѣдко надо было признать разумное практическое значеніе. Далѣе, путешественникъ видѣлъ передъ собой новый міръ науки и искусства. Это былъ міръ ранѣе совсѣмъ невѣдомый: наши путешественники относятся обыкновенно съ большимъ почтеніемъ къ этимъ ученымъ „академіямъ“, хотя, очевидно, имѣютъ весьма смутное представленіе объ ихъ содержаніи, и это содержаніе становится понятно лишь въ какомъ-либо наглядномъ проявленіи знанія,—какъ кн. Борисъ былъ пораженъ анатомической лекціей дохтура Быдла. Но укрѣплялось соображеніе, что въ европейскихъ академіяхъ хранится высокая наука, пока еще очень мало понятная, но несомнѣнно авторитетная. Въ искусствахъ путешественниковъ неизмѣнно поражаетъ внѣшній эффектъ, какъ, напримѣръ, въ архитектурѣ и орнаментѣ;

Digitized by Google

далѣе, ихъ приводитъ въ изумленіе искусство техническое, какъ, напримѣръ, всѣ изумлялись часамъ съ фигурами, изумлялись искуснымъ фонтанамъ и т. п. Но идейное содержаніе искусства было имъ на первый разъ совершенно непонятно: античная статуя представляется Толстому идоломъ; статуя знаменитаго человѣка въ Роттердамѣ есть для князя Бориса мѣдный мужикъ; для Толстого какая-нибудь античная красавица есть мраморная дѣвка, и т. п. Живопись нѣсколько понятнѣе: Толстой съ одобреніемъ говоритъ о „высокихъ итальянскихъ письмахъ“, и не разъ удивляется, что на картинахъ люди какъ живые, но у Толстого лишь изрѣдка, а у кн. Куракина совсѣмъ нѣтъ упоминанія о пейзажѣ, — въ Неаполь они въѣзжали точно въ Кострому. Далѣе, музыка почти не вразумительна. Толстой слышитъ только громъ отъ оркестра; у кн. Куракина музыка производитъ „затменность“. Искусство поэтическое, литература, для нихъ совсѣмъ не существуетъ. Наконецъ, передъ нашими путешественниками раскрывалась разнообразная картина иностранныхъ обычаевъ и нравовъ, и къ этому предмету они обыкновенно относятся съ большимъ интересомъ. Очевидно, многіе обычаи имъ нравятся и особенно съ своей общественной стороны. Толстой видимо съ одобреніемъ отмѣчаетъ, что женскій полъ не ставитъ себѣ „въ зазоръ“ появляться въ обществѣ, на прогулкахъ, или сидѣть за прилавкомъ. Путешественниковъ очень интересовали формы общежитія и свѣтскихъ отношеній; Толстой съ видимымъ удовольствіемъ разсказываетъ объ удовольствіяхъ высшаго круга въ Неаполѣ; кн. Куракинъ подробно перечисляетъ „плезиры“ въ Гагѣ, „дивертименты“ въ Римѣ; Лейпцигъ, по его словамъ, „для кавалеровъ городъ скушной“ и т. п. Кн. Куракинъ до того вошелъ во вкусъ свѣтско-дипломатическаго церемоніала, что, какъ мы видѣли, описываетъ его до мельчайшихъ подробностей.

Это было первое знакомство съ европейской жизнью. Какъ западное знаніе и обычаи увлекали Петра, который сталъ пересаживать ихъ въ Россію — сколько было можно, задумывалъ и заводилъ цыфирныя и навигацкія школы, академію и кунсткамеру, фейерверкъ и ассамблею, такъ тоже непосредственное вліяніе европейской жизни оказывалось и на этихъ первыхъ путешественникахъ. И какъ у Петра подобныя нововведенія являлись прямо подъ ихъ иностранными именами, такъ и разсказы нашихъ путешественниковъ пересыпаны иностранными словами, которыя при томъ употребляются не только для данной минуты и даннаго предмета, но получаютъ видъ постояннаго термина, усвоеннаго слова: начиналось прочное заимствованіе иностран-

Digitized by Google

ныхъ словъ. Русскіе люди однако сказались: иностранныя слова обыкновенно болѣе или менѣе изуродованы. Самъ Петръ, долго бывши въ Амстердамѣ, все-таки называлъ его Амстрадамъ,— точно также и князь Куракинъ; и вообще иностранныя слова или такъ или иначе прилаживаются къ русскому произношенію, или остаются въ своемъ сыромъ видѣ, какъ „антикитà“ „фестини“, „антикаморы“, „жентиломины“, и т. п. У кн. Куракина русскихъ словъ недоставало и для предметовъ, и для понятій; онъ не умѣлъ назвать по-русски „артей“. Онъ употребилъ итальянское слово и тогда, когда разсказывалъ, какъ онъ влюбился, и прямо по-итальянски назвалъ дуэль, которая однажды ему предстояла.

Вліяніе путешествій оказалось тотчасъ на обученіи дѣтей кн. Куракина. Съ малыхъ лѣтъ онъ „посадилъ“ ихъ учиться иностраннымъ языкамъ и танцамъ.

V.

Разсказанныя нами путешествія были самыя обстоятельныя изъ тѣхъ, какія до сихъ поръ извѣстны. Мы упомянемъ лишь вкратцѣ о другихъ путешествіяхъ того времени, потому что по существу онѣ не представляютъ новыхъ особенностей и въ нихъ повторяются тѣ же черты, какія видѣли мы въ путешествіяхъ Толстого и Куракина и въ статейномъ спискѣ Шереметева. Иногда эти черты являются еще въ преувеличенномъ, даже карикатурномъ видѣ.

Таково, напримѣръ, то путешествіе неизвѣстнаго, странствовавшаго въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697-1698 годахъ, которое издано было еще въ 1788 и принято было за путешествіе самого царя: „Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 1698 годахъ“. Что это не было путешествіе царя, явно уже изъ того, что Петръ Великій вовсе не былъ въ Италіи. Это путешествіе или „Журналъ“ было довольно распространено въ рукописяхъ и нѣсколько разъ издано. Это опять запись городовъ, какіе проѣхалъ путешественникъ: всего чаще, одно перечисленіе, но при главныхъ городахъ съ отмѣткой о видѣнныхъ достопримѣчательностяхъ,—никакихъ свѣдѣній о земляхъ, объ особенностяхъ природы, о государственныхъ формахъ, бытѣ и нравахъ. Отмѣтки достопримѣчательныхъ вещей, обращавшихъ на себя вниманіе путешественника, поражаютъ своею

Digitized by Google

первобытностью. Удивляться приходилось многому, но для путешественника было безразлично, видитъ ли онъ передъ собою явленіе природы, или опытъ научнаго знанія, или церковную святыню, или балаганный фокусъ. Изъ Москвы путешественникъ отправился черезъ Новгородъ въ Нарву и оттуда моремъ въ Любекъ. Здѣсь начинаются предметы удивленія. „Въ Любекѣ видѣлъ въ церкви престолъ изъ мрамора рѣзанъ зѣло изрядно и органы, которыхъ одна труба шестнадцать аршинъ“... „Въ Амстердамѣ былъ въ домѣ, гдѣ собраны златыя и серебряныя руды, и какъ родятся алмазы, изумруды, яхонты, корольки и всякіе камни и морскія всякія вещи“... „Тутъ же видѣлъ слона великаго, на которомъ арапъ, и игралъ на немъ и трубилъ по-прусски и по-цезарски, и стрѣлялъ изъ пушки, и многія вещи дѣлалъ: имѣетъ быть съ собакою, которая непрестанно при томъ была. На ярмаркѣ видѣлъ метальниковъ, который черезъ трехъ человѣкъ перескоча, на лету обернется головою внизъ и встанетъ на ногахъ. Видѣлъ у доктора анатоміи кости, жилы, мозгъ человѣческій, тѣла младенческія, и какъ зачинается во чревѣ и родится; видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки“... „Во Амстердамѣ жъ видѣлъ мужика безрукаго, который дѣлалъ предивныя вещи: въ карты игралъ, изъ пищали стрѣлялъ и набивалъ, самъ у себя бороду брилъ; ляжетъ на столъ и выскочитъ ногами... съ шпагами станетъ танцовать; въ стѣну бросилъ шпагою зѣло прытко; писалъ ногою“.

Въ Гагѣ онъ былъ въ одно время съ русскимъ посольствомъ и участвовалъ въ церемоніяхъ; но впечатлѣнія ограничиваются тѣмъ, сколько было каретъ и лошадей, пажей и лакеевъ, и въ какихъ они были кафтанахъ; какъ иностранные послы были съ визитами въ русскомъ посольствѣ: посолъ бранденбургскій въ четырехъ каретахъ о шести коняхъ, посолъ англійскій въ девяти каретахъ, пять о шести коняхъ, а четыре кареты о четырехъ коняхъ и т. п. Въ Гагѣ „Францъ Яковличъ (Лефортъ) ѣздилъ въ сады въ своей каретѣ, которая дана 1.800 червонныхъ, восемь лошадей было, шлеи бархатныя вызолочены; я сидѣлъ съ нимъ въ каретѣ; еще было три кареты о шести коняхъ, въ которыхъ дворяне наши сидѣли“... „У цесарскаго посла былъ я одинъ: палата оббита полосатыми матеріями, другая шпалерами изрядными, третья оббита бархатомъ краснымъ и по швамъ все кружева золотыя, самыя изрядныя, зѣло богато. Гишпанскій посолъ былъ въ 26 каретахъ о 6 коняхъ“. Далѣе, описаніе „тріумфа“ въ Амстердамѣ, т.-е. фейерверка по случаю заключенія мира; видѣлъ совершеніе казни и потомъ анатомированіе

Digitized by Google

казненнаго; „тутъ же тотъ профессоръ изъ того разрѣзаннаго человѣка сдѣлалъ нѣкоторую часть его тѣла живу“ (?)... „Зажигательное стекло видѣлъ, чрезъ которое можно растопить серебро и желѣзо; тѣмъ же стекломъ топили камень самый крѣпкій... „ефимокъ растопится какъ можно Отче нашъ проговорить“... „Въ Амстердамѣ жъ былъ и видѣлъ главу человѣческую, сдѣлану деревянную, которая говоритъ человѣческимъ голосомъ; заводятъ ее какъ часы и, заведя, молвятъ какое слово, она такожде молвитъ“, и тутъ же рядомъ: „всѣхъ церквей въ Амстердамѣ разныхъ вѣръ пятнадцать“. Далѣе: „въ Амстердамѣ жъ былъ у человѣка, у котораго собраны разныя деньги древнихъ кесарей и тѣ сребренницы тутъ же, на которыхъ Христосъ отъ Іуды проданъ: вѣсомъ будетъ противъ восьми копеекъ русскихъ, а печать на одной сторонѣ персоны человѣческія, а на другой имя и подпись надъ персоною изрядные. У того жъ человѣка смотрѣлъ комедію: куклы скакали и танцовали зѣло изрядно“... „Во Амстердамѣ жъ видѣлъ бабу, которая ходитъ по улицамъ и играетъ на скрипицѣ; передъ нею ходятъ три собаки; какъ заиграетъ на скрипкѣ, а онѣ передъ нею танцуютъ на заднихъ ногахъ“.

„Въ Роттердамѣ церковь большую смотрѣли и тутъ же видѣли славнаго человѣка ученаго персону, изъ мѣди вылита; подобно человѣку, и книга мѣдная въ рукахъ, и какъ двѣнадцать ударитъ, то перекинетъ листъ; а имя ему—Эразмусъ“.

Далѣе, въ одномъ и томъ же параграфѣ онъ разсказываетъ: „Въ Амстердамѣ былъ на дворѣ, гдѣ травили быковъ собаками; при мнѣ затравили троихъ, а два устояли и многихъ собакъ побили до смерти“... „Въ Амстердамѣ жъ былъ, гдѣ собираются дважды на недѣлю ученые люди и диспутуются промежъ собою о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ. Въ Амстердамѣ жъ видѣлъ рыбу, у которой пила на носу, величиною та рыба съ небольшую бѣлугу“...

Изъ Голландіи онъ проѣхалъ въ Италію. Опускаемъ разныя диковины, которыя видѣлъ онъ въ нѣмецкихъ городахъ; отмѣтимъ только какъ онъ былъ въ іезуитскомъ монастырѣ въ Инспрукѣ и видѣлъ библіотеку: „зѣло великій монастырь; библіотека сажень пяти вдоль; всѣ стѣны сплошь наполнены книгами разными; всѣмъ подѣланы шкафы безъ дверей; ярлыки висятъ надъ всякою шкафою подписаны, какія въ той шкафѣ книги; посерединѣ стоитъ столъ и инструменты лежатъ зѣло изрядно убраны“.

Тирольскія горы привели путешественника въ ужасъ. Наконецъ, онъ попалъ въ Венецію и начинаетъ прямо: „Въ Ве-

Digitized by Google

неціи былъ въ церкви, которая сдѣлана вся изъ мрамора бѣлаго; образъ Пресвятыя Богородицы высѣченъ изъ бѣлаго жъ мрамора, держитъ младенца, предивной работы; надъ нею сдѣлано изъ стекла, подобно какъ солнце сіяетъ. Тутъ былъ въ монастырѣ и слышалъ музыку, какой николиже не слыхалъ во всей Европіи: пѣли дѣвки, на органахъ и на всѣхъ инструментахъ играли онѣ же". Потомъ онъ видѣлъ процессію вѣнчанія дожа съ моремъ, которую описалъ обычнымъ дубовымъ образомъ. Потомъ подъ рядъ: „въ то время у нихъ носили машкоры лучшіе люди и жены и дѣвицы всѣ, чтобъ невозможно другъ друга знать. Тутъ же видѣлъ птицу строфокамила, съ небольшую лошадь. Въ Венеціи былъ въ монастырѣ у святаго Георгія: церковь великая, внутри все строено изъ мрамора бѣлаго".

Въ Венеціи онъ насмотрѣлся, конечно, и церковныхъ святынь: „Въ соборной церкви св. ев. Марка млеко Пресвятыя Богородицы въ скляницѣ, власы Пресвятыя Богородицы русые; тутъ же въ церкви гвоздь, которымъ прибито было тѣло на крестѣ Спасителя Бога нашего; терноваго вѣнца часть; часть столпа, у котораго Творца нашего бичевали; риза Пресвятыя Богородицы; евангеліе св. Марка; камень тотъ, изъ котораго въ пустынѣ Моисей воду источилъ", и т. д. А въ слѣдующемъ параграфѣ читаемъ: „Въ Венеціи на площади мужикъ дѣлалъ: два гвоздя желѣзные въ носъ забилъ и на тѣхъ гвоздяхъ на веревкѣ молотовъ поднимаетъ одиннадцать; онъ же каменья ѣлъ и воды выпилъ ушатъ большой; еще привязывалъ къ волосамъ камень пудъ шести и носилъ".

Изъ Венеціи онъ отправился черезъ Феррару и Болонью во Флоренцію и затѣмъ въ Римъ. Здѣсь онъ видалъ въ разныхъ церквахъ великія святыни, напримѣръ: „въ церкви былъ у Пресвятыя Богородицы, что евангелистъ Лука писалъ; тутъ млеко Пресвятыя Богородицы, риза Спасителева, которая была во время распятія, красная; крестъ животворяща древа въ четверть аршина; въ церкви Іоанна Предтечи видѣлъ столъ, на которомъ сотворилъ Христосъ со учениками тайную вечерю... Тутъ же ковчегъ Завѣта Господня; столпъ каменный, у котораго Спасителя бичевали; жезлъ Ааронов, жезлъ Моисеевъ—оба пестрые; тюрьму видѣлъ, въ которой сидѣлъ апостолъ Петръ: земляная, окна вверхъ; желѣза, которыми былъ онъ связанъ, тутъ же". Былъ въ саду у князя Бургеза, и во Фраскати (Врашкатахъ) былъ у другого князя, Панфилія, и обѣдалъ у него и наглядѣлся удивительныхъ фонтановъ, описаніе которыхъ мы видѣли выше у Толстого. Между прочимъ, „мужикъ каменный великій лежитъ и

Digitized by Google

въ рукахъ держитъ флейту, и какъ пустятъ воду, а онъ заиграетъ на флейтахъ безмѣрно хорошо"... „Еще сдѣлана палата тутъ же нанизу, въ той палатѣ фонтана великая: гора каменная великая, и изъ горы воды текутъ, а на горѣ девять дѣвокъ лежатъ, у всякой флейта въ рукахъ, за горою органы великіе, не видать ихъ; какъ пустятъ воду, всѣ дѣвки заиграютъ на флейтахъ, и органы заиграютъ; и то мѣсто славное во всемъ Римѣ".

Изъ Рима путешественникъ отправился въ Ливорно и оттуда моремъ въ Геную: здѣсь былъ въ саду у князя: „построенъ у самаго моря; фонтаны превеликіе: три лошади, на нихъ мужикъ стоитъ, у середней лошади изъ языка вода течетъ, а у тѣхъ изъ ноздрей; кругомъ тѣхъ лошадей ребятки маленькіе изъ мрамора высѣчены сидятъ и воду пьютъ" и т. д. Далѣе, путешественникъ ѣхалъ черезъ Миланъ, гдѣ „въ церкви былъ зѣло великой", Мантую, Верону, Падую,—здѣсь „былъ въ академіи, гдѣ учатся великихъ наукъ". Затѣмъ вернулся въ Венецію; здѣсь онъ описываетъ несовсѣмъ вразумительно какой-то венеціанскій праздникъ; былъ на церковномъ праздникѣ въ дѣвичьемъ монастырѣ: „музыка играла на всѣхъ инструментахъ разныхъ, а пѣли черницы; тутъ же двѣ дѣвки пѣли похвалу Пресвятыя Богородицы такъ, что вся Венеція удивилась, и мы не слыхали во всей Италіи такого пѣнія". Былъ на ученомъ торжествѣ: „Въ Венеціи, въ греческой церкви, конклюзія была: ученика одного свидѣтельствовали нашей вѣры греческой, достоинъ ли философа. Мѣсто было сдѣлано великое, оббито камкою красною, поставлено противъ церковныхъ дверей; сидѣлъ тутъ ученикъ, близко его сидѣлъ владыко греческой церкви, противъ владыки прокураторамъ мѣсто, около сѣли 10 человѣкъ духовнаго чина римлянъ, лучшіе ученые люди; у всѣхъ въ рукахъ печатные листы, о чемъ свидѣтельствованъ будетъ тотъ ученикъ, и многіе изъ тѣхъ ученыхъ людей съ тѣмъ ученикомъ диспутовалися, всѣмъ отвѣтъ давалъ". Затѣмъ у одного сенатора смотрѣлъ „зѣло натуральныхъ много вещей дивныхъ"; въ особомъ параграфѣ замѣчено: „у него жъ видѣлъ змѣю о двухъ головахъ, курицу видѣлъ о четырехъ ногахъ; у него жъ видѣлъ василиска, который умертвить человѣка зрѣніемъ можетъ". Потомъ, „въ Венеціи смотрѣлъ, какъ травятъ быковъ собаками" и пр.; „въ Венеціи наказаніе было одному человѣку за кражу"... Слѣдующій параграфъ: „Во градѣ Назаретѣ церковь была Пресвятыя Богородицы; въ той церкви домъ Богородицы, гдѣ благовѣстилъ архангелъ Гавріилъ Дѣвѣ о воплощеніи Сына Божія; тотъ домъ принесенъ изъ Назарета и поставленъ въ

Digitized by Google

церкви, и сосуды тѣ, изъ которыхъ питала Сына своего Пресвятая Богородица".

Въ обратный путь путешественникъ отправился опять на Амстердамъ. Здѣсь записаны только города, которые были по дорогѣ, и цѣна проѣзда; одна замѣтка посвящена Франкфурту: „Обѣдали въ Франкфуртѣ, заплатилъ по ефимку отъ персоны, а ѣсть было: салатъ, гусь жаркой, три курицы въ расолѣ, потрохъ гусиный, оладьи пряженыя, капуста съ масломъ, дрозды жаркіе да фруктовъ блюдо; и ужиналъ и ночевалъ, заплатили по червонному отъ персоны.

Еще одинъ дневникъ неизвѣстнаго, до сихъ поръ, кажется, не изданный, былъ описанъ въ книгѣ Пекарскаго и, по его предположенію, принадлежалъ одному изъ Нарышкиныхъ [1]). Этотъ дневникъ, по словамъ Пекарскаго, не содержитъ никакихъ замѣчательныхъ свѣдѣній, но любопытенъ въ томъ отношеніи, что писавшій его русскій принадлежитъ уже къ свѣтскимъ людямъ, посѣщалъ въ городахъ театры, бывалъ на балахъ, дѣлалъ визиты знатнымъ и т. д. Онъ говорилъ по-французски, но не зналъ правилъ этого языка: на дневникѣ надпись: „Cette livre appertien A. M... comancé à ecriг 1714". Всѣ замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: „Въ Генуѣ, 21-го февраля, пошли мы на балъ къ князю Doris и были тамъ до одного часа послѣ полуночи, гдѣ братецъ танцовалъ, а я не танцовалъ за тѣмъ, что братцу не угодно было. 22-го, во вторникъ къ вечеру, въ 7 часовъ пошли мы съ Васильемъ Михайловичемъ на балъ, который сдѣлали нѣкоторые молодые люди, и были тамъ до 12 часовъ, и пошли мы и всѣ, которые ни были на балѣ, ужинать, а послѣ ужина пошли мы на другой балъ, который дѣлали 40 дамъ и, бывши тамъ съ часъ, пошли опять на прежній балъ. Часовъ въ 5 послѣ полуночи всѣ разошлись, и мы также пошли—конецъ карнавалу". Съ октября 1716 г. по январь 1717 г. записано о пребываніи въ Туринѣ, Ліонѣ, Орлеанѣ и Нантѣ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ путешественникъ записываетъ свои пріѣзды ко двору, посѣщенія знатныхъ лицъ, посланниковъ: напр., „31-го октября, въ среду по утру пріѣхалъ къ намъ S-r Conte Schilenga Ecuie de Majesté royale, потомъ пріѣхалъ M-r l'abbé de Marcenas; погодя пріѣхалъ M-r le marquis de Coral, и посидя немного Conte Schilenga и abbé Marcenas поѣхали прочь, а мы

---

[1]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Спб. 1862, т. I, стр. 152—154.

Digitized by Google

съ marquis de Coral поѣхали къ princesse de Victoire, которая въ роднѣ князю Евгенію и князю Carignane. Сія княжна живетъ въ монастырѣ женскомъ La visitation. Поговоря мы съ нею, поѣхали ко двору и говорили симъ утромъ у Majesté royale, потомъ когда les filles d'honeure пошли къ себѣ, поѣхали и мы домой. Время симъ утромъ худое, пасморное". Въ дневникѣ замѣтки прерываются въ октябрѣ 1717 г., когда путешественникъ прибылъ въ Парижъ. Потомъ идутъ счеты издержкамъ на домъ, карету и т. д. [1])

Еще одинъ путешественникъ, отъ котораго остались, впрочемъ, еще не изданныя записки, былъ графъ Андрей Матвѣевъ (1666—1728), сынъ знаменитаго Артамона. Существуютъ черновыя записки объ его поѣздкѣ въ Парижъ, въ 1705, изъ которыхъ до сихъ поръ извѣстны только отрывки. Матвѣевъ былъ непохожъ на тѣхъ путешественниковъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. Еще въ домѣ отца онъ получилъ заботливое воспитаніе: онъ зналъ иностранные языки, перевелъ съ латинскаго книгу Баронія и, живши за границей, считался человѣкомъ образованнымъ. Онъ еще съ 1699 года былъ полномочнымъ посломъ при голландскихъ Статахъ и въ 1705 ѣздилъ во Францію для заключенія торговаго договора, который, однако, не состоялся. Такимъ образомъ къ этому времени онъ былъ уже знакомъ съ европейскими обычаями; но Парижъ былъ столицей европейскаго просвѣщенія, отсюда шло законодательство въ придворныхъ и свѣтскихъ нравахъ и модахъ,—если не всегда тогдашніе русскіе путешественники замѣчали законодательства Франціи въ литературѣ. Матвѣевъ очень зналъ, что образецъ наилучшаго вкуса находится именно здѣсь, и Парижъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

Начало его разсказа похоже на старинный статейный списокъ. „По указу высокодержавнѣйшаго его царскаго величества, и по наказу изъ государственной посольской канцеляріи, за приписью тайнаго секретаря г. Петра Шафирова, его жъ высокопомянутаго величества посолъ, ближній окольничій и намѣстникъ ярославской Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ, по объявленіи того же времени высокомочнымъ господамъ Статамъ генеральнымъ (т.-е. правительству тогдашней голландской республики) о своемъ отъѣздѣ во Францію, путь свой предпріялъ изъ Гравенгаги инкогнито съ посольствомъ въ Парижъ къ королю христіан-

[1]) Мы цитировали по изданію „Отечественныхъ Записокъ" 1846.

Digitized by Google

нѣйшему, съ своею фамиліею, сентября въ 5 день 1705 году. Съ нимъ посломъ при томъ посольствѣ былъ одинъ только секретарій—Петръ Ларіоновъ. Посольскаго дому было: одинъ человѣкъ пажъ, и всякаго чину 9 человѣкъ. Посольская карета о шести возникахъ вороныхъ, другая карета о четырехъ темносѣрыхъ, одна кошевая телѣга о 3-хъ лошадяхъ. Тѣ всѣ лошади были великія голландскія. Люди посольскіе имѣли дорожную леберею, или платье, суконное, дикаго цвѣту" и т. д. Далѣе, по обычаю, описываются мѣста, черезъ которыя проѣзжалъ Матвѣевъ, отмѣчаются „достойное почтеніе и учтивости", какія бывали ему оказаны, перечисляются замѣчательныя церкви, монастыри, въ особенности упоминаются укрѣпленія въ городахъ и т. д. Но какъ человѣкъ довольно просвѣщенный, Матвѣевъ умѣетъ уже болѣе отчетливо разсказать о тѣхъ достопримѣчательностяхъ, какія онъ видѣлъ. Такъ онъ пишетъ объ Антверпенѣ:

„Въ томъ же городѣ преблагословенныя Маріи, св. Богородицы кляшторъ или монастырь великій; внутри весь различными мраморными архитектурами съ обѣихъ сторонъ попремногу украшенъ. Наверху хоры съ балясами мраморными, которыя изъ Италіи, изъ города Геневы (Генуя), нарочно привезены туда. Письмо живописи все въ церквахъ подъ алтарями и на потолкахъ самая преславная древняго вѣку живописцевъ, особливо же хваленыхъ вѣку того Рубенса и Ванъ Дейка". Въ монастырѣ Матвѣеву „все объявляли съ высокимъ почитаніемъ" и вводили въ двѣ библіотеки: „въ одну генеральную, въ 4-хъ камерахъ, гдѣ находятся многія тысячи книгъ разныхъ языковъ, съ раздѣленіемъ — въ одной книги восточныхъ и западныхъ св. отецъ; въ другой историческихъ всѣхъ авторовъ латинскихъ; въ третьей богословія; въ 4 камерѣ всякихъ языковъ книги различныя, всѣ съ подписаніемъ яснымъ и съ пумерами на всякой изъ тѣхъ книгъ. Другую библіотеку казали, гдѣ они сходятся повседневно для всегдашняго чтенія книгъ, и того жъ времени восточныхъ и западныхъ св. отецъ житія помѣсячно, наченши съ января, счиняли они на латинскомъ языкѣ и уже по май мѣсяцъ тогда на свѣтъ выдали". Онъ разумѣлъ знаменитые Acta Sanctorum антверпенскихъ Болландистовъ.

Описаніе городовъ по своему складу напоминаетъ прежнихъ путешественниковъ, но Матвѣевъ описываетъ гораздо болѣе отчетливо и знаетъ, о чемъ говоритъ. Такъ въ Гентѣ на площади онъ видѣлъ: „на великомъ пирамиду, или столбѣ, довольной величины стоитъ подобіе Карола V, цесаря римскаго, въ коронѣ и съ скипетромъ, съ его прямого изваяно лица (какъ слышится),

Digitized by Google

мѣдное, вызолочено на красно. Тотъ цесарь родился, по описанію историковъ достовѣрныхъ, въ семъ же городѣ и крещенъ въ катедральной или соборной церквѣ 1500 году февраля 25 дня. Онъ родился на принцевомъ гофѣ въ малой самой каморѣ, которая донынѣ невредима стоитъ, украшена изрядными рѣчьми всѣхъ въ его цесарскую жизнь славныхъ бывшихъ побѣдъ и дѣлъ. Въ той же каморѣ написано подъ камнемъ латинскими литерами, что въ день св. Матвея въ малой же каморѣ рожденъ Каролъ пятый". Здѣсь онъ былъ также въ одномъ женскомъ монастырѣ: „Во время вечерни монахини съ органами пѣли, и *сладости голосовъ* ихъ описать невозможно".

Въѣзжая во Францію, Матвѣевъ замѣтилъ бѣдность крестьянскаго населенія: „поселянство отъ поборовъ королевскихъ изнуренное"; тѣмъ не менѣе Франція произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе. Описывая свое представленіе Людовику XIV, Матвѣевъ излагаетъ вкратцѣ его жизнеописаніе, исчисляетъ лицъ королевской фамиліи, знатнѣйшихъ лицъ двора и аристократіи и т. д. Въ главѣ „о шляхетствѣ или благородіи королевства французскаго" онъ разсматриваетъ различные классы французскаго дворянства и между прочимъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе обычая майората „все шляхетство николи ни мірскаго, ни духовнаго правленія не отпадаетъ". Бытъ и нравы французской аристократіи видимо ему чрезвычайно нравились. Онъ разсказываетъ:

„У тѣхъ всѣхъ фамилій изрядное поведеніе обходится всегда по всей Франціи непремѣнно, что всякая изъ нихъ въ своихъ дворѣхъ имѣетъ либерею, или на людяхъ порядочныхъ (по-французски называются лакеи) изъ суконъ разныхъ цвѣтовъ платье, какой чей гербъ содержитъ въ себѣ поле, а иные изъ того, какое есть. Также дѣлаютъ пасаменты или галупы широкіе разныхъ цвѣтовъ шелковые или гарусные, которыми то платье обшиваютъ по образцамъ разнымъ... По тѣмъ либереямъ, или людскому платью, всегда знатно есть раздѣленіе фамилій и до кого тѣ цвѣты людемъ принадлежатъ.

„Никоторое государство, какъ Франція, не имѣетъ такого многаго числа и изрядства въ Европѣ каретъ и убору богатаго на лошадяхъ и работою и внутреннею и внѣшнею, богато учрежденною въ каретахъ....

„Принцы и дюки Франціи высокихъ фамилій имѣютъ въ домѣхъ своихъ балдахины и, кромѣ ихъ, того употреблять никто не можетъ. Уборства вельможность въ домѣхъ великихъ и посредственныхъ высокошляхетныхъ особъ и у самаго парижскаго

Digitized by Google

купечества—многоцѣнные тапеты (tapis) или живописныя подобія тканныхъ ковровъ, великихъ мѣръ въ три аршина зеркала многоцѣнныя, живописныя картины дивныхъ художествъ, шкафы, шкатулы, часы и паникадилы изъ самого точенаго свѣтлаго хрусталя... превосходятъ всѣ страны европейскія... изваянныя мѣдныя подобія человѣческія, какъ бы живыя водятся...

„Чистота столовъ и уборства порядокъ въ ѣствахъ, вкусъ сладостей ихъ и богатство сервизовъ, или посуды серебряной... не примѣнна ни которымъ народамъ“...

Матвѣевъ слѣдующимъ образомъ понимаетъ отношенія королевской власти къ вельможамъ и къ самому управленію. „Въ томъ государствѣ лучшее всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть: въ тому жъ король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанесть обиду. Всякой изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилованій не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по *праву народному*, не указомъ королевскимъ, конфискаціи, или описи, пожитки его подлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ и въ народныя дѣла не вмѣшиваются и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ. Къ сему же всѣ вельможи дачами отъ короля самого довольствованы годовыми. Смертный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него“.

Но въ особенности поразили Матвѣева особенности французскаго общежитія, тѣ свѣтскіе нравы, которые,—въ извѣстной грубоватой формѣ,—стали вскорѣ потомъ прививаться и у насъ, и которые еще раньше распространялись изъ Франціи въ другихъ странахъ западной Европы.

„О обученіи вельможескихъ дѣтей. Всей Франціи высокихъ фамилій дѣти, отъ самыхъ юностныхъ ногтей имѣютъ воспитаніе зѣло изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особливо же въ математикѣ, географіи, геометріи, ариѳметикѣ, въ воинскихъ обученіяхъ и конной ѣздѣ, на что имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ великія академіи, и потомъ въ танцахъ и пѣніи и разныхъ музыкахъ.

Digitized by Google

„Особливо же женской полъ высокородныхъ фамилій—изрядствомъ голосовъ, и игрою музыкъ на всякихъ разныхъ инструментахъ, и открытостью любительныхъ своихъ и добронравныхъ поступокъ, особливо же ко иностраннымъ, — превосходитъ всѣ европейскіе народы.

„По истинѣ съ несказаннымъ удивленіемъ достойно упоминать, что ни едина особа и мужеска и женска пола изъ благородныхъ фамилій французскихъ найтися не можетъ, которая бы вышеобъявленныхъ обученій по своему честному воспитанію не обучена была. Больше же всего тотъ порядокъ въ семъ народѣ хваленъ есть, что дѣти ихъ никакой косности, ни *ожесточенія* отъ своихъ родителей, ни отъ учителей не имѣютъ, но отъ добраго и остраго наказанія словеснаго, паче, нежели отъ *побоевъ*, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются, и безъ всякой трудности вышеобъявленнымъ своимъ обучаются наукамъ.

„Ни самый женскій полъ во Франціи никакого зазору отнюдь не имѣетъ во всѣхъ честныхъ обращаться поведеніяхъ съ мужескимъ поломъ, какъ бы самые мужи, со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ и учтивостью. Особенно же высокихъ фамилій дамы между собою повседневно съѣзжаются и, имѣя музыки, сами на нихъ играютъ беззазорно и поютъ, куда свободно не токмо особъ чинныхъ изъ господъ французовъ, но и изъ иностранныхъ свободно есть пріѣздъ съ ними веселиться, что онѣ за честь еще и за увеселеніе вмѣняютъ.

„Въ то же время, какъ вышепомянутый посолъ былъ, въ обычай вошло поведеніе, что самые принцы и принцессы королевской крови, именно его королевская высокость дюкъ де-Орлеанъ, и мадамъ принцесса дю-Мейнъ и иные, оперу и комедію сами въ своихъ особахъ отправляли въ своихъ дворахъ при собраніи только своихъ ближнихъ и при надворныхъ людѣхъ своего дома.

„Также и высокихъ фамилій господа и госпожи въ домѣхъ своихъ, дѣлая театры, тоже чинили для обученія лучшаго и беззазорнаго себѣ пѣнія, музыки и танцевъ, особливо же для изряднаго изрѣченія языка французскаго, имѣя при себѣ молодыхъ мужеска и женска полу дѣтей, изъ чего они благовременный и полезный случай себѣ получаютъ по всякому искусству своему изъ такой изрядной свободы.

„У всѣхъ принцессъ крови королевской, а именно: у мадамъ де-Конде, де-Конти, дю-Мейнъ дюшессы, и потомъ у иныхъ принцессъ и дюшессъ: де-Бульонъ, де-Люксенбургъ, де-Шатильонъ и у прочихъ мадамъ марешаль Франціи бываютъ собранія (какъ по-французски называются ассанбле), въ которыя честнымъ изъ

Digitized by Google

значительныхъ, какъ изъ французовъ, такъ и изъ иностранныхъ, особамъ входить не возбранено, безъ всякаго *расположенія въ мѣстѣхъ*, гдѣ и самые послы („и принцы", приписано съ боку) и прочіе министры чужестранные николи не встерегаются *мѣстъ* и всѣ въ одномъ обществѣ обращаются: ни встрѣчь, ни проводовъ тамъ никому не бываетъ.

„Въ тѣ собранія бываетъ музыка и танцы и игры въ карты, которыя у дамъ французскихъ зѣло любятся и въ обычай вошли непрерванно"... И онъ подробно описываетъ препровожденіе времени на балахъ. Это, вѣроятно, первое описаніе бала на русскомъ языкѣ, и описаніе довольно отчетливое.

Таковы были путешествія за границу той поры, когда Петръ посылалъ волей и неволей молодыхъ людей боярскихъ родовъ за границу учиться военной и морской наукѣ и когда въ этомъ молодомъ поколѣніи началъ появляться и собственный интересъ къ европейской жизни. Приведенные примѣры [1]) достаточно указываютъ, какъ въ этихъ путешествіяхъ отражался историческій процессъ, который переживало тогда русское общество. Всѣ эти путешественники еще стоятъ одной ногой въ московской старинѣ: они еще говорятъ языкомъ этой старины, у нихъ невольно сказываются ея привычки и понятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ европейская жизнь видимо ихъ поражаетъ богатствомъ своей культуры. На первый разъ они только удивляются ей, но еще многаго не понимаютъ, какъ, напримѣръ, не понимаютъ произведеній искусства и содержанія науки. Тотъ неизвѣстный путешественникъ, который странствовалъ изъ Амстердама въ Италію, высказываетъ это отношеніе къ европейской жизни наиболѣе первобытнымъ образомъ: мы упоминали, что его любопытство одинаково поражается и замѣчательнымъ произведеніемъ художества или техническаго искусства и балаганнымъ фокусомъ, и рѣдкостью или уродствомъ изъ кунстъ-камеры,—все это только невиданный курьезъ. Но нѣкоторая степень образованія, болѣе долгое пребываніе въ Европѣ мало-по-малу развивали и сознательное пониманіе европейской жизни и просвѣщенія. До науки было еще далеко, но путешественники уже начинаютъ отно-

[1]) Кромѣ названныхъ путешествій укажемъ еще помѣщенные въ книгѣ Пекарскаго письма русскихъ людей изъ-за границы (I, стр. 155, 230 и дал.), изслѣдованіе г. Шмурло: „П. В. Постниковъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи". Юрьевъ 1894 (Постниковъ былъ первый русскій докторъ медицины, учившійся въ Падуѣ въ 1692—94 годахъ), и др.

Digitized by Google

ситься ко многому болѣе или менѣе сознательно, напримѣръ, къ политическимъ формамъ иноземныхъ государствъ и особливо къ формамъ общественной жизни. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не однажды можно замѣтить, что путешественнику припоминаются московскіе обычаи и предпочтеніе оказывается не въ ихъ пользу. Въ концѣ концовъ, долго оставаясь за границей, люди этого перваго поколѣнія входили наконецъ вполнѣ во вкусъ европейскаго общежитія, напримѣръ какъ кн. Куракинъ и Матвѣевъ: являлся первый инстинктъ общественной жизни. Матвѣевъ понимаетъ уже и ученый трудъ и умѣлъ оцѣнить антверпенскихъ іезуитовъ.

Это первое знакомство съ Европой не обходилось, конечно, безъ своихъ странностей. Иногда путешественники не умѣли понять явленій европейской жизни, потому что не видали ничего подобнаго дома; очень часто они не находили русскихъ словъ для обозначенія этихъ явленій и въ ихъ писаніяхъ возникалъ самъ собой тотъ странный макароническій языкъ, какимъ отличался въ особенности кн. Куракинъ, и который вообще господствовалъ въ Петровское время.

Но все это были зачатки; въ слѣдующемъ поколѣніи, которое выростало подъ вліяніемъ новыхъ настроеній, возникаетъ уже сознательное уваженіе къ европейской наукѣ. Между прочимъ сама собою зарождается мысль о построеніи русской исторіи и русской литературы—у Татищева и Ломоносова. Если бы мы хотѣли прослѣдить историческую постепенность въ развитіи понятій о русской исторіи, то еще ранѣе Татищева и ранѣе автора „Ядра русской исторіи“ можно было бы найти первые проблески новаго пониманія вопроса въ историческихъ замѣткахъ кн. Куракина.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

НАКАНУНѢ УВЯДАНЬЯ.

1.

Обвѣялъ утренникъ суровый
Своимъ дыханіемъ цвѣты,—
Межъ темной зеленью дубовой
Мелькнули желтые листы.

Цвѣтущій лугъ ужъ дважды скошенъ
И обмелѣла глубь озеръ,—
Но такъ сіяющъ и роскошенъ
Природы царственный уборъ;

Такъ ослѣпительны въ ней краски,
Такая жизни полнота,
Такая прелесть тихой ласки
Въ ея улыбкѣ разлита;

И наканунѣ разрушенья
Такъ обаятеленъ расцвѣтъ—
Какъ будто смерти дуновенья
Надъ нею не было и нѣтъ!

Digitized by Google

2.

Какъ прежде, ясенъ блескъ лазури,
Она прозрачно глубокà;
Лишь тамъ, предвѣстниками бури,
Вдали клубятся облака.

Въ лучахъ заката рдѣютъ клёны
И гроздья красныя рябинъ,
И улыбаются піоны
Изъ темной зелени куртинъ.

Въ разгаръ ликующаго лѣта
Природа, дивно молода,
Такого пышнаго расцвѣта
Не достигала никогда.

И подъ угрозою ненастья,
На пиръ послѣдній убранà—
Изъ кубка жизни, кубка счастья
Еще полнѣе пьетъ она.

3.

Блеклые листья, дрожа, осыпаются съ вѣтокъ,
Землю вокругъ устилая шуршащимъ ковромъ;
Всюду—узоръ паутины серебряныхъ сѣтокъ;
Небо раскинулось блѣднымъ шатромъ.

Смолкли съ зарею призывы пастушьей свирѣли;
Вѣетъ тоской отъ безмолвныхъ покинутыхъ гнѣздъ;
Гроздья рябины все ярче въ саду заалѣли;
Ярче ночами сіяніе звѣздъ.

Легкая мгла, какъ куренья подъ сводомъ молеленъ,
Къ небу клубится и таетъ въ его высотѣ;
Листъ уцѣлѣвшій попрежнему ярокъ и зеленъ,
Нѣтъ только жизни въ его красотѣ.

Digitized by Google

Все такъ прекрасно,—но странной красой увяданья,
Все говоритъ о покоѣ, о тихомъ концѣ...
Въ блѣдной лазури осенняго солнца сіянье—
Словно улыбка на блѣдномъ прекрасномъ лицѣ.

ОСЕННІЯ СЛЕЗЫ.

Осенніе вихри и грозы
Смѣнились холоднымъ дождемъ;
Осеннія частыя слезы
Струятся на землю ручьемъ.

И это—не ливень весенній,
Шумящій въ лѣсу молодомъ,
Сбивающій завязь сиреней
И сохнущій съ первымъ лучомъ;

Не дождь благотворный, обильно
Пролившійся вдругъ на поля,
Когда изнывала безсильно
Отъ лѣтняго зноя земля.

Уныло поникнувъ вѣтвями,
Шумитъ растревоженный боръ;
Осенними плачетъ слезами
Небесъ омраченныхъ просторъ.

Какъ сумракъ и смерть—неизбѣжны,
Струятся онѣ сквозь туманъ;
Какъ старость—онѣ безнадежны,
Печальны—какъ счастья обманъ.

О. Михайлова.

Digitized by Google

КАРЛЪ МАРКСЪ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Окончаніе.

III *).

Положеніе русскихъ послѣдователей Маркса оказывается по истинѣ оригинальнымъ. Западно-европейскіе марксисты имѣютъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленныя практическія цѣли, ради которыхъ стоитъ иногда жертвовать логикою и здравымъ смысломъ; они пользуются quasi-научною діалектикою, какъ орудіемъ для укрѣпленія извѣстныхъ идей въ головахъ заинтересованныхъ лицъ; они обращаются къ существующему рабочему классу, представляющему уже издавна крупную общественную силу; они могутъ обѣщать владычество пролетаріату, который еще въ сороковыхъ годахъ сознательно боролся за свои права съ промышленною буржуазіею. Но съ кѣмъ и во имя чего борются наши поклонники Маркса? Они сами не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, чего хотятъ и къ чему стремятся; они являются лишь жертвами наивной вѣры въ науку. Принимая за чистую монету всѣ теоретическіе софизмы учителя, они безцѣльно мучаются надъ выдуманными вопросами и не замѣчаютъ реальныхъ условій и потребностей живой дѣйствительности. Они добросовѣстно стараются,

*) См. выше: сентябрь, стр. 288 и слѣд.

Digitized by Google

въ угоду теоріи, представлять себѣ вещи навыворотъ и выдавать явныя несообразности за безспорныя истины. Въ этомъ отношеніи нѣтъ существенной разницы между прямолинейными марксистами и такъ-называемыми народниками-марксистами; и тѣ, и другіе посвящаютъ свои силы усердной погонѣ за призраками.

Наиболѣе типичнымъ послѣдователемъ Маркса въ нашей экономической литературѣ слѣдуетъ признать г. Николая —она. Онъ переноситъ идеи учителя на русскую почву съ спокойнымъ сознаніемъ ихъ непогрѣшимости; онъ подражаетъ Марксу даже въ мелочахъ, въ самой манерѣ изложенія и въ способѣ полемики съ противниками. Его статья о нашемъ пореформенномъ народномъ хозяйствѣ, помѣщенная въ „Словѣ“ за 1880 годъ, надѣлала въ свое время много шуму; она заслуживаетъ вниманія, какъ любопытный образчикъ экономическаго изслѣдованія „по Марксу“. Обиліе фактическихъ данныхъ и несомнѣнное искусство анализа соединяются здѣсь съ явною произвольностью основныхъ положеній и выводовъ; нѣкоторыя стороны нашей дѣйствительности характеризуются мѣткими чертами, а въ общемъ рисуется картина совершенно фантастическая. Г. Николай —онъ предположилъ, что прежде у насъ господствовало доброе экономическое начало, санкціонированное крестьянской реформой, и что затѣмъ на встрѣчу ему выступило съ Запада злое начало, въ видѣ капиталистическаго способа производства, которому по недоразумѣнію помогло государство устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и кредитныхъ учрежденій. Злой иноземный врагъ, капитализмъ, ворвался въ мирную общинную жизнь нашего сельскаго и городского населенія; онъ подкапывается подъ народное благополучіе, истощаетъ силы крестьянства и готовитъ ему печальную судьбу — вырожденіе. Изъ этого слѣдуетъ, что надо или отказаться отъ развитія фабрично-заводской промышленности, или возвратить ее на путь общиннаго или артельнаго крестьянскаго промысла. „Принципъ манифеста (19-го февраля 1861 года),—говоритъ г. Николай —онъ,—надѣленіе крестьянъ землею или, выражаясь шире, доставленіе самимъ производителямъ орудій труда, для наибольшаго развитія производительности, а слѣдовательно для развитія условій, наиболѣе обезпечивающихъ экономическій ростъ всего народа,—принципъ этотъ стоялъ въ безусловномъ противорѣчіи съ принципомъ, на которомъ зиждется хозяйственный строй западно-европейскихъ государствъ. Крымская война заставила Россію сблизиться съ западной Европою, а слѣдовательно, съ ея хозяйственными условіями; въ результатѣ у насъ явилась борьба двухъ хозяйственныхъ принци-

Digitized by Google

повъ... Итакъ, передъ нами съ одной стороны принципъ производства, при которомъ орудіе труда принадлежитъ самимъ производителямъ, — мало того, принадлежитъ производителямъ въ большинствѣ случаевъ на общественномъ, общинномъ началѣ; съ другой стороны—принципъ капиталистическій, основанный не только на безусловномъ отдѣленіи производителя отъ владѣнія орудіями производства, но на индивидуальномъ пользованіи силами, порожденными общественными отношеніями. Развитіе одного все болѣе и болѣе сближаетъ производителя съ произведеннымъ продуктомъ; развитіе второго, какъ разъ наоборотъ, все болѣе и болѣе отдаляетъ продуктъ отъ производителя. Словомъ, одинъ принципъ совершенно исключаетъ другой. Какъ мы видѣли, манифестъ 19-го февраля придерживается перваго принципа, такъ какъ въ немъ видитъ залогъ развитія. Казалось, что для капиталистическаго принципа у насъ нѣтъ и мѣста. Но это только такъ казалось. Въ дѣйствительности онъ тотчасъ же по провозглашеніи законодателемъ перваго принципа вступилъ съ нимъ въ борьбу"... Авторъ думаетъ увѣрить читателя, что, во-первыхъ, крестьянская реформа упразднила все частное землевладѣніе и оставила только мелкое крестьянское, или общинное; что она регулировала не только крестьянскій бытъ, но и всѣ вообще отрасли промышленности, и установила или подтвердила общинный принципъ не только для части земледѣльческаго населенія, но и для городского промышленнаго класса; во-вторыхъ, что нигдѣ въ Европѣ не существуетъ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, при которомъ „орудіе труда (земля) принадлежитъ самимъ производителямъ"; въ-третьихъ, что мелкая крестьянская собственность или община въ земледѣліи исключаетъ возможность капитализма въ промышленныхъ предпріятіяхъ; и, наконецъ, въ-четвертыхъ, что въ моментъ изданія манифеста 19-го февраля у насъ не было капиталистической промышленности, не было частныхъ фабрикъ и заводовъ, и повидимому даже не было мѣста для капиталистическаго принципа; повсюду царилъ общинный духъ, или вѣрнѣе принципъ принадлежности орудій труда самимъ работникамъ. Различіе между рабочими и хозяевами не было извѣстно счастливому русскому народу; по крайней мѣрѣ оно не играло замѣтной роли въ экономическомъ бытѣ страны. Рабочіе были въ то же время хозяевами въ мастерскихъ, въ промышленныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, и этотъ порядокъ вещей, освященный будто бы крестьянской реформой, подвергся систематическимъ нападеніямъ со стороны пришедшаго извнѣ капитализма.

Digitized by Google

Вліяніе новой формы производства, — замѣчаетъ авторъ,— отразилось уже въ самомъ Положеніи 19-го февраля, особенно въ статьяхъ, касающихся горнозаводскихъ рабочихъ; „статьи эти идутъ въ разрѣзъ съ основнымъ направленіемъ Положенія, надѣляя горнозаводскихъ рабочихъ только одной десятиной земли, и не узаконяя выкупа самого орудія производства — завода". Сравненіе земли съ заводомъ весьма характерно въ данномъ случаѣ. Горные заводы никогда не принадлежали рабочимъ, не находились въ ихъ владѣніи и пользованіи, устроены и дѣйствовали подъ управленіемъ техниковъ-спеціалистовъ и чиновниковъ, для которыхъ рабочіе были лишь служебною и безправною силою,—тогда какъ назначенные къ выкупу поземельные участки состояли въ дѣйствительномъ владѣніи крестьянъ, искони принадлежали имъ фактически и обработывались ими на общинномъ или подворномъ правѣ. Горные заводы созданы опредѣленными частными лицами или казною, а земля дана отъ природы; горнозаводскіе рабочіе въ томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ ихъ застала реформа, были всего менѣе подготовлены къ управленію заводомъ и къ поддержанію его на извѣстномъ уровнѣ техники, а крестьяне всегда самостоятельно справлялись съ землею, какъ прирожденные земледѣльцы. Очевидно, между правомъ крестьянъ на землю и отношеніями горнозаводскихъ рабочихъ къ заводамъ нѣтъ абсолютно ничего общаго. Горный заводъ могъ быть приравненъ къ крестьянской землѣ только потому, что къ этимъ различнымъ предметамъ примѣнено одно и то же, въ сущности совершенно неподходящее выраженіе — „орудіе производства".

Г. Николай —онъ не пытается даже доказывать свои основныя положенія; онъ выставляетъ ихъ, какъ аксіомы, и строитъ на нихъ, какъ на твердомъ фундаментѣ, свою дальнѣйшую аргументацію. Онъ употребилъ при этомъ обычный методъ Маркса: разнородныя вещи смѣшаны имъ въ одну кучу, подъ прикрытіемъ двусмысленной терминологіи; то, что относится лишь къ земельной общинѣ и къ мелкимъ крестьянскимъ промысламъ, распространено на всю промышленность вообще, а понятіе капиталистическаго производства или хозяйства оставлено въ туманѣ, такъ что оно одинаково можетъ означать или систему, основанную на наймѣ рабочихъ капиталистами, или только крупную фабрично-заводскую промышленность, или вообще денежное хозяйство, въ отличіе отъ натуральнаго. Марксъ, какъ мы видѣли, не придерживается своего собственнаго теоретическаго опредѣленія капитализма и смѣшиваетъ его на дѣлѣ съ новѣйшею крупною промышленностью, разсчитанною на обширные внѣшніе

Digitized by Google

рынки; онъ беретъ часть за цѣлое, одну изъ формъ — за сущность, причемъ доходитъ до абсурднаго утвержденія, что капитализмъ возникъ въ Европѣ только въ XVI вѣкѣ. Г. Николай —онъ также отбрасываетъ въ сторону теоретическое опредѣленіе капитализма и придаетъ ему на дѣлѣ другой смыслъ, отождествляя его съ денежнымъ хозяйствомъ, которое господствуетъ и при мелкихъ формахъ капиталистическаго производства. Денежное хозяйство дѣйствительно получило у насъ широкое развитіе въ народѣ только послѣ отмѣны крѣпостного права, и потому можно было сказать съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ правдоподобія, что „капиталистическій принципъ" выступилъ у насъ на сцену сравнительно недавно. Но денежное хозяйство и капиталистическій способъ производства — далеко не одно и то же: крестьяне-общинники гонятся за деньгами и продаютъ даже необходимые для себя продукты, чтобы уплатить подати, и тѣмъ не менѣе имъ совершенно чуждъ капиталистическій способъ производства. Г. Николай —онъ пускается въ разсужденія о разлагающемъ дѣйствіи денежнаго хозяйства на крестьянскую массу, и дѣлаетъ выводъ о пагубности капиталистической системы производства; такимъ образомъ, благодаря смѣшенію двухъ различныхъ понятій, достигается результатъ, намѣченный заранѣе. Новый зловредный принципъ проявляетъ свою силу при помощи желѣзныхъ дорогъ, которыя устроены у насъ будто бы раньше времени; желѣзныя дороги и банки, по мнѣнію автора, должны служить цѣлямъ крупной промышленности, и не имѣютъ законнаго raison d'être, пока послѣдняя не развилась въ достаточной мѣрѣ. „Съ развитіемъ на западѣ, главнымъ образомъ въ Англіи, фабричнаго производства въ обширныхъ размѣрахъ (при чемъ ростъ физическихъ наукъ и ихъ приложенія къ производству играли не послѣднюю роль), — поясняетъ г. Николай —онъ,— количество произведенныхъ товаровъ далеко опередило мѣстныя потребности, что̀ вызвало развитіе перевозочныхъ средствъ. Другими словами, желѣзныя дороги, гигантскіе пароходы и др. явились слѣдствіемъ развитія обращенія товаровъ, отправившихся за поисками потребителей". Сначала фабриканты производили избыточныя массы товаровъ, а потомъ ожидали устройства новыхъ путей сообщенія для сбыта этихъ товаровъ на болѣе отдаленные рынки. Такъ выворачиваются факты на изнанку въ изложеніи г. Николая —она. У насъ, „въ противоположность западно-европейской практикѣ", развитіе желѣзныхъ дорогъ не было вызвано массовымъ ростомъ фабрично-заводскаго производства; у насъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ стояли (по крайней

Digitized by Google

мѣрѣ въ принципѣ) на первомъ планѣ не торгово-промышленные, а болѣе общіе и настоятельные интересы, государственные и культурные, — и въ этомъ была наша ошибка съ точки зрѣнія г. Николая —она, для котораго желѣзныя дороги суть только результаты и принадлежности капиталистическаго строя. Капиталистическое хозяйство, по словамъ автора, „пользуется государственными средствами, этою сосредоточенною и организованною силою, для того, чтобы явиться на свѣтъ"; т.-е. нѣчто, не существовавшее до крестьянской реформы, обладало однако такимъ могуществомъ, что могло заставить служить себѣ государство. Положеніе 19-го февраля „было лебединою пѣснью стараго процесса производства; послѣ него не было ни одного законодательнаго акта, имѣющаго цѣлью развитіе крестьянъ, какъ производителей: вся послѣдующая государственно-хозяйственная дѣятельность была направлена въ совершенно-противоположную сторону". Крестьянское „Положеніе", „вмѣсто того, чтобы стать по мысли законодателя началомъ началъ, становится началомъ конца". Что наша экономическая политика со времени реформы 19-го февраля была бо̀льшею частью ошибочна и слишкомъ мало принимала въ соображеніе жизненные интересы народной массы, — это не подлежитъ сомнѣнію; но этотъ общій фактъ, зависящій отъ обычныхъ свойствъ бюрократическаго режима, не находится, конечно, ни въ какой связи съ ходомъ промышленной эволюціи по Марксу.

Г. Николай —онъ усматриваетъ причину экономическаго кризиса въ „крайнемъ развитіи капиталистическихъ отношеній и главнымъ образомъ капиталистическихъ условій процесса обращенія" (т.-е. въ развитіи желѣзныхъ дорогъ и кредита); поэтому,— замѣчаетъ онъ,—„необходимо сойти съ того пути, который стремится къ развитію обмѣна, торговли и пр., и направить всѣ силы на развитіе успѣшности труда производителей при свободномъ владѣніи ими орудіями труда, въ чемъ „Положеніе" совершенно справедливо видитъ „залогъ домашняго благополучія и блага общественнаго" [1]). Надо ли для этого упразднить желѣзныя дороги и банки, отказаться отъ сближенія съ Европою и замкнуться въ первобытныхъ формахъ натуральнаго хозяйства? Если иначе нельзя улучшить положеніе крестьянства, то судьба послѣдняго рѣшена безповоротно: вопросъ поставленъ такъ, что другого отвѣта не можетъ быть, кромѣ отрицательнаго. Возвра-

[1]) „Слово", 1880, октябрь, стр. 77—142: „Очерки нашего по-реформенаго общественнаго хозяйства".

Digitized by Google

титься вспять къ патріархальнымъ условіямъ жизни и къ старинным домашнимъ способамъ производства—не во власти государства, и предложеніе сойти съ пути капиталистическаго денежнаго хозяйства не имѣетъ вообще разумнаго смысла. Правительство могло бы кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ крупной промышленности, но отъ этого не измѣнятся общественныя и техническія условія, способствующія развитію капитализма; спросъ на фабрично-заводскія издѣлія не уменьшится, а напротивъ, сильно увеличится въ странѣ вслѣдствіе большей доступности цѣнъ, послѣ отмѣны покровительственной системы; промышленность приняла бы болѣе цѣлесообразное направленіе, развилась бы шире и глубже, а государственныя мѣры для охраны рабочихъ отъ эксплуатаціи составили бы единственную форму обязательнаго протекціонизма, какая вызывается и оправдывается современными условіями экономическаго быта. Правильный ростъ промышленности, безъ искусственныхъ и вредныхъ подпорокъ, обезпечивалъ бы распространеніе лучшихъ земледѣльческихъ орудій въ крестьянской массѣ и слѣдовательно содѣйствовалъ бы „развитію успѣшности труда производителей при свободномъ владѣніи ими орудіями труда“. Фабрично-заводская промышленность сама по себѣ не находится ни въ какомъ антагонизмѣ съ крестьянскимъ землевладѣніемъ; напротивъ, она прямо и косвенно вліяетъ на возвышеніе земледѣльческой производительности, облегчаетъ переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства и доставляетъ разные побочные заработки крестьянамъ и сельскимъ обществамъ. Антагонизмъ обнаруживается только при одностороннемъ поощреніи крупныхъ промышленныхъ предпріятій, пріобрѣтающихъ вслѣдствіе того хищническій, спекулятивный характеръ; все дѣло такимъ образомъ въ экономической политикѣ государства и въ степени ея соотвѣтствія народнымъ интересамъ. Капиталистическій принципъ не можетъ быть уничтоженъ законодательными мѣрами, но условія и способы его проявленія зависятъ отъ законовъ и отъ государственной власти. Если же капитализмъ съ денежнымъ хозяйствомъ и желѣзными дорогами есть непримиримый врагъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ утверждаетъ г. Николай—онъ, то ничто уже не поможетъ крестьянству, и всякія заботы объ общинѣ будутъ напрасны. Выражать надежду на то, что наши бѣдныя крестьянскія общины, едва справляющіяся съ своими непосредственными земледѣльческими задачами, одолѣютъ еще крупную промышленность и возьмутъ ее въ свои руки, — какъ фантазируетъ г. Николай —онъ въ своихъ позднѣйшихъ „очеркахъ“, — значитъ насмѣхаться надъ

Digitized by Google

здравымъ смысломъ публики. Съ точки зрѣнія автора, никакія облегченія и реформы не спасутъ крестьянства, пока существуетъ и развивается капитализмъ; остается, слѣдовательно, одно изъ двухъ: или махнуть рукою на всѣ крестьянскія невзгоды, какъ на неизбѣжныя принадлежности „капиталистической стадіи развитія", или предаться мечтаніямъ о борьбѣ противъ всей промышленности страны, для доставленія торжества сельскимъ общинамъ надъ денежнымъ хозяйствомъ, желѣзными дорогами и прочими аттрибутами современной капиталистической культуры. И въ томъ и въ другомъ случаѣ заранѣе обрекаются на безплодіе всѣ порывы народолюбія въ нашемъ обществѣ.

Въ нѣсколько иномъ духѣ разсуждаетъ г. В. В., проникнутый болѣе твердою вѣрою въ общину, чѣмъ въ Маркса. Онъ отыскиваетъ „законъ экономическаго развитія Россіи" подъ вліяніемъ искренняго убѣжденія, что каждая страна должна развиваться по особой исторической формулѣ, освѣщающей обывателямъ путь въ ихъ практической дѣятельности. Намъ необходимо прежде всего узнать, подъ какимъ научно-историческимъ закономъ живемъ мы, ибо „безъ знанія этого закона невозможна систематическая и успѣшная общественная дѣятельность, а господствующія у насъ представленія о ближайшемъ будущемъ Россіи врядъ ли могутъ быть названы закономъ и врядъ ли способны дать практическому міросозерцанію прочную основу". Г-нъ В. В. различаетъ по данному вопросу три направленія въ литературѣ, и любопытно, что всѣ эти три направленія исходятъ отъ Маркса. Одно направленіе считаетъ, что у насъ непремѣнно должно господствовать капиталистическое производство и что бороться съ наступающимъ порядкомъ вещей излишне, такъ какъ „онъ явится вооруженный непобѣдимыми естественными соціологическими законами". Другое направленіе вѣритъ въ жизненную силу общины и артелей и въ будущее торжество ихъ надъ капитализмомъ, но не объясняетъ и не можетъ объяснить многочисленныхъ явленій и фактовъ, противорѣчащихъ такому оптимизму. Третье направленіе предвидитъ неминуемую побѣду капитализма, но въ то же время совѣтуетъ бороться съ нимъ во имя народныхъ интересовъ. Г-нъ В. В. съ своей стороны создаетъ четвертое направленіе, устраняющее недостатки послѣднихъ двухъ анти-капиталистическихъ направленій; онъ доказываетъ, что капиталистическое производство не имѣетъ почвы въ Россіи, что всѣ принимаемыя мѣры для его насажденія способны только разрушить благосостояніе народа, но не привести его на высшую степень промышленнаго развитія, и что замѣчаемыя у насъ неблаго-

Digitized by Google

пріятныя явленія въ бытѣ сельскихъ общинъ составляютъ лишь результатъ неудачнаго вмѣшательства правящихъ классовъ въ народную экономическую жизнь, вслѣдствіе чего интеллигенція въ своей борьбѣ съ капитализмомъ имѣетъ полные шансы успѣха. Приходится воевать не противъ „неумолимыхъ законовъ промышленнаго прогресса", а противъ неправильной экономической политики, которая можетъ и должна быть измѣнена. Говоря о невозможности развитія у насъ капиталистическаго производства, г. В. В. имѣетъ въ виду крупное машинное производство, разсчитанное на внѣшніе рынки; онъ допускаетъ, что „капитализмъ въ широкомъ смыслѣ слова",—въ смыслѣ различныхъ способовъ эксплуатаціи народа денежными людьми,—можетъ „заполонить страну", что рядомъ съ упроченіемъ мелкой промышленности будетъ идти развитіе кулачества, разрушеніе общины и т. п. Принимая термины: „капиталистическій" и крупно-промышленный—за синонимы, г. В. В. значительно облегчаетъ свою задачу; онъ не берется и не могъ бы взяться доказать, что капиталистическое производство въ менѣе крупныхъ его формахъ, приспособленныхъ къ потребностямъ внутренняго рынка, не можетъ у насъ развиваться и крѣпнуть. Для г. В. В. Россія продолжаетъ оставаться „некапиталистическою страною", несмотря на безспорное процвѣтаніе въ ней капитализма въ худшихъ его проявленіяхъ. Авторъ книги о судьбахъ русскаго капитализма ожидаетъ отъ правительства, что оно устроитъ постепенное преобразованіе капиталистическихъ фабрично-заводскихъ предпріятій въ артельныя, и что для этой цѣли оно приметъ ихъ предварительно въ свое казенное завѣдываніе, по мѣрѣ возможности [1]).

Во всѣхъ работахъ г. В. В. отражается угнетающее вліяніе доктрины Маркса; его преслѣдуетъ, какъ кошмаръ, теорія безпощаднаго, всепоглощающаго развитія крупнаго капиталистическаго производства, ведущаго къ обезземеленію крестьянъ, къ уничтоженію мелкихъ народныхъ промысловъ и къ „обобществленію труда" (т.-е., проще говоря, къ сосредоточенію бездомныхъ пролетаріевъ въ фабричныхъ центрахъ) для подготовки новой промышленной организаціи. Жалкое положеніе наемныхъ рабочихъ служитъ будто бы переходною стадіею или подготовительною школою для превращенія ихъ въ хозяевъ, и эта мысль Маркса, построенная на игрѣ словомъ „обобществленіе", пред-

[1]) Судьбы капитализма въ Россіи, Спб., 1882, стр. 65—6 (о механическихъ заводахъ) и др.

Digitized by Google

ставляется какъ бы историческимъ оправданіемъ капитализма. Рабочіе организуются подъ руководствомъ капитала для того, чтобы впослѣдствіи свергнуть его иго и сдѣлаться самостоятельными участниками предпріятій;—но многія поколѣнія рабочихъ бѣдствовали и гибли, не дождавшись результатовъ „обобществленія“, и эти мнимые результаты долго еще заставятъ себя ждать, чтобы въ концѣ концовъ оказаться напрасной иллюзіею. Г-нъ В. В., повидимому, не сомнѣвается, что „научное“ пророчество Маркса сбудется въ силу законовъ „промышленной эволюціи“; марксисты всѣхъ направленій и оттѣнковъ говорятъ объ этомъ, какъ о положительномъ фактѣ, особенность котораго заключается только въ томъ, что онъ нигдѣ и никогда не наблюдался. Печальная перспектива грозитъ нашему народу: чтобы оправдать предсказаніе Маркса, относящееся собственно къ англійскимъ и французскимъ рабочимъ, русское крестьянство должно еще выработать изъ себя рабочій пролетаріатъ для будущаго „обобществленія труда“, которое доставитъ ему возможность побѣды надъ капитализмомъ. До чего должна доходить вѣра въ непогрѣшимость доктрины, чтобы обсуждать подобную безсмыслицу въ экономической литературѣ! А между тѣмъ на борьбу съ этимъ страшнымъ фантомомъ тратились лучшія силы нашихъ народниковъ-марксистовъ. Вполнѣ естественно было задаться вопросомъ: зачѣмъ намъ этотъ долгій и мучительный процессъ капиталистическаго „обобществленія труда“, когда у насъ есть готовыя формы этого обобществленія въ общинѣ и артели? Община и артель сдѣлались орудіями, при помощи которыхъ отстаивалось право русскаго народа жить и развиваться не по формулѣ Маркса; надо было доказывать живучесть и прочность нашихъ общинныхъ и артельныхъ обычаевъ, способность ихъ приноровляться къ новымъ экономическимъ условіямъ и къ современнымъ требованіямъ техники. Однимъ изъ передовыхъ и неутомимыхъ работниковъ въ этомъ направленіи былъ г. В. В. Но какъ бы хороша ни была община въ своей земледѣльческой сферѣ, она не уясняетъ путей промышленнаго развитія; самыя удачныя и симпатичныя артельныя начинанія едва ли могутъ повліять на общій капиталистическій характеръ промышленности. А главное—тотъ мнимо научный выводъ Маркса, который толкнулъ всю нашу экономическую публицистику на доктринерскую борьбу съ призраками, остается только бездоказательнымъ, ничѣмъ не обоснованнымъ предположеніемъ.

Идея о замѣнѣ личнаго начала коллективнымъ, въ области промышленной предпріимчивости, противорѣчитъ всему ходу чело-

Digitized by Google

вѣческой исторіи; безполезно скрывать отъ себя тотъ общій фактъ, что коллективность, гдѣ она существуетъ, служитъ обыкновенно лишь прикрытіемъ для индивидуальной воли и энергіи отдѣльныхъ лицъ. Никакая толпа сама по себѣ не достигнетъ опредѣленныхъ цѣлей; толпѣ нужны руководители, вожаки, безъ которыхъ она безсильна. Рабочая партія, стоящая за коллективный принципъ, повсюду подчиняется отдѣльнымъ личностямъ; нѣмецкая соціаль-демократія получила свои руководящія идеи отъ Лассаля и Маркса, а затѣмъ пошла покорно за Бебелемъ и Либкнехтомъ, какъ за диктаторами рабочаго движенія. Коллективность сплошь и рядомъ переходитъ въ индивидуальное господство, и судьбы ея зависятъ въ концѣ концовъ отъ добродѣтелей распоряжающихся лицъ; а добродѣтель—шаткое основаніе для соціальной реформы. Въ экономической области труднѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, разсчитывать на искорененіе эгоизма; всякіе промышленные успѣхи, изобрѣтенія и усовершенствованія создаются личностями, а не толпой, и потому личности всегда будутъ господствовать, хотя бы и подъ фирмой коллективности. Нѣтъ ничего произвольнѣе и нелѣпѣе того взгляда, что наша поземельная община можетъ служить образцомъ и основою для всей вообще промышленной жизни, или что наши рабочія артели призваны вытѣснить капитализмъ въ крупныхъ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ. Земледѣльческій бытъ имѣетъ свои особыя условія, представляющія благопріятную почву для общинныхъ порядковъ; община держится не только на хозяйственныхъ интересахъ мелкаго землевладѣнія и земледѣлія, но и на традиціонной солидарности обывателей отдѣльныхъ селеній, на фактахъ наслѣдственнаго сожительства и сосѣдства. Община имѣетъ свой ограниченный кругъ дѣйствій; она не выходитъ изъ тѣсныхъ границъ крестьянскихъ надѣловъ; она не мѣшаетъ крестьянамъ пріобрѣтать землю на сторонѣ, заниматься торговлею и промышленностью, переходить въ разрядъ капиталистовъ и предпринимателей. Община даетъ только элементарное земельное обезпеченіе многомилліонному земледѣльческому населенію; въ этомъ смыслѣ она безусловно необходима для прочнаго экономическаго существованія и развитія страны. Но земледѣліе имѣетъ мало общаго съ промышленностью въ собственномъ смыслѣ; то, что̀ свойственно земледѣльческому быту, совершенно не годится для промышленной дѣятельности, и упорное нежеланіе видѣть эти принципіальныя различія, коренящіяся въ природѣ вещей, есть одинъ изъ важнѣйшихъ теоретическихъ грѣховъ нашихъ послѣдователей Маркса. Замѣтимъ еще, что коллективный прин-

Digitized by Google

ципъ въ общинномъ землевладѣніи касается именно владѣнія, а не хозяйства; каждый крестьянинъ-общинникъ обработываетъ свой надѣлъ самостоятельно, пользуется и распоряжается своими продуктами на правахъ частной собственности, тогда какъ коллективное начало въ промышленности предполагаетъ совмѣстную хозяйственную дѣятельность и раздѣлъ продуктовъ между участниками. Кооперативные союзы рабочихъ могутъ имѣть примѣненіе въ извѣстныхъ отрасляхъ производства; но они никогда не овладѣютъ всею промышленностью, и повсюду, гдѣ играетъ роль личный починъ, изобрѣтательность или ловкость, право индивидуальности сохранитъ свою полную силу. Если же гдѣ-либо суждено рабочему классу организовать производство на новыхъ началахъ, то онъ достигнетъ этого, конечно, не въ силу „объективнаго хода матеріальнаго историческаго процесса", какъ выражаются марксисты, а исключительно благодаря собственнымъ сознательнымъ усиліямъ, при содѣйствіи передовыхъ общественныхъ элементовъ. Въ каждой странѣ рабочіе добьются лишь того, чего въ состояніи будутъ добиться или что согласится сдѣлать для нихъ государственная власть; степень важности достигнутыхъ перемѣнъ будетъ всецѣло зависѣть отъ фактическаго положенія рабочихъ данной національности, отъ ихъ качествъ и способовъ дѣйствія, въ связи съ особенностями общественнаго и правительственнаго строя. Французы могутъ, напр., повторить опытъ національныхъ мастерскихъ; но ихъ примѣру не послѣдуютъ англичане потому, что не пожелаютъ, нѣмцы—потому, что имѣютъ слишкомъ сильное правительство, опирающееся на просвѣщенные средніе и высшіе классы общества, а рабочіе другихъ странъ, поставленные въ болѣе тяжелыя условія существованія, будутъ прозябать во тьмѣ и топить свое „обобществленіе" въ спиртныхъ напиткахъ. Какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого общая схема промышленной эволюціи, такъ долго волновавшая марксистовъ-народниковъ?

Народничество, это по существу симпатичнѣйшее общественное или, вѣрнѣе, умственное движеніе, осталось совершенно безплоднымъ для нашей дѣйствительной жизни, вслѣдствіе своего теоретическаго подчиненія авторитету Маркса. Вѣра въ ложную науку породила неустанные отвлеченные споры, отъ исхода которыхъ зависѣла какъ будто экономическая будущность Россіи; защита общины получила крайне односторонній, доктринерскій оттѣнокъ, и всякое указаніе на недостатки существующихъ общинныхъ порядковъ или даже на фактическій упадокъ общиннаго землевладѣнія представлялось чѣмъ-то предосудительнымъ, въ

Digitized by Google

виду необходимости воевать съ капитализмомъ. Безконечная возня съ формулами промышленной эволюціи отвлекала умы отъ явленій дѣйствительности или побуждала смотрѣть на нихъ сквозь розовые очки, съ точки зрѣнія будущихъ фазисовъ развитія. Какой-то странный, непонятный оптимизмъ упорно держался въ экономической литературѣ, несмотря на краснорѣчивые, все болѣе усиливающіеся признаки коренного ухудшенія народнаго быта. Ни одинъ изъ жгучихъ практическихъ вопросовъ народнаго хозяйства не былъ поднятъ и разработанъ съ цѣлью указанія необходимыхъ законодательныхъ мѣръ для пользы крестьянства. Если дѣлались нападки на экономическую политику, то преимущественно за капитализмъ; правительству давались нелѣпые совѣты — сойти съ пути денежнаго хозяйства и капиталистическаго производства, но никто не предлагалъ позаботиться объ участи нашихъ существующихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, чтобы обезпечить имъ по крайней мѣрѣ ничтожную долю и ихъ участія въ выгодахъ покровительственной системы. Непомѣрный протекціонизмъ искусственно повышаетъ доходы многихъ фабрикъ и заводовъ до 25% и даже до 40% съ капитала, а рабочіе, занятые въ богатѣйшихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, получаютъ нищенскую плату, живутъ не лучше животныхъ и имѣютъ видъ какихъ-то несчастныхъ оборванцевъ или бродягъ. Протекціонисты хлопотали о гарантіяхъ для предпринимателей-капиталистовъ, а забыли о рабочихъ; эту ошибку было легко поправить, но некому было указать на нее и настаивать на ея устраненіи. Поземельныя права и отношенія до сихъ поръ регулируются устарѣлыми законами, унаслѣдованными отъ крѣпостного права; крестьянство подпало подъ дѣйствіе законовъ, не имѣвшихъ вовсе въ виду существованія наиболѣе многочисленнаго нынѣ класса свободныхъ сельскихъ обывателей; обширныя лѣсныя пространства оставлены въ безконтрольномъ распоряженіи частныхъ лицъ, вопреки насущнымъ интересамъ государственнаго и народнаго хозяйства. Эти важные пробѣлы и недосмотры не обращали на себя вниманія людей, обсуждавшихъ экономическое положеніе Россіи „по Марксу“; быть можетъ, законодательныя погрѣшности не занимали ихъ потому, что для марксистовъ законодательство есть только продуктъ экономическихъ отношеній и, слѣдовательно, не подлежитъ передѣлкѣ безъ предварительной перемѣны этихъ экономическихъ отношеній, такъ что, напр., частные лѣса могутъ быть взяты въ казну только послѣ того, какъ они будутъ вырублены безъ остатка, съ превращеніемъ значительной части страны въ пустыню. Уже много лѣтъ работаетъ

Digitized by Google

спеціальная коммиссія для составленія новаго гражданскаго уложенія, которое установитъ окончательныя нормы для всѣхъ имущественныхъ и въ томъ числѣ поземельныхъ правъ народа;— заинтересовалась ли наша народолюбивая публицистика выработанными уже проектами отдѣльныхъ частей этого уложенія и внесла ли что-нибудь въ разработку ихъ? Можно сказать положительно, что вся реальная практическая жизнь Россіи за послѣднее двадцатилѣтіе проскользнула мимо нашихъ народниковъ-марксистовъ, хотя многіе изъ нихъ основательно изучали народное хозяйство и пріобрѣли извѣстность своими экономическими и статистическими изслѣдованіями. Теорія, поработившая умы, держала ихъ какъ бы въ заколдованномъ кругѣ и парализовала способность къ трезвой самостоятельной оцѣнкѣ наблюдаемыхъ явленій и къ практической постановкѣ порождаемыхъ ими вопросовъ.

Самодовольное отрицаніе „капиталистическаго принципа“ для Россіи въ то самое время, когда не только народныя силы, но и природныя богатства страны безпрепятственно истощаются во имя фактическихъ, ничѣмъ не ограниченныхъ правъ капитала,— не можетъ быть названо заслугою. Однако, такое принципіальное отрицаніе капитализма у насъ настолько въ ходу, что рѣшимость нѣкоторыхъ молодыхъ экономистовъ выступить въ защиту культурной роли капитала и признать завоеванное имъ издавна положеніе—показалась необычайно смѣлою. Появленіе книжки г. П. Струве три года тому назадъ было истолковано въ одномъ серьезномъ журналѣ какъ симптомъ „раскола въ нашей интеллигенціи“. Въ сущности, г. Струве стоитъ на той же теоретической точкѣ зрѣнія, какъ и его противники; онъ также приписываетъ доктринѣ Маркса „огромное [1]) значеніе для пониманія экономическаго развитія Россіи“, но дѣлаетъ при этомъ другіе выводы. Онъ полагаетъ, что промышленный капитализмъ есть прежде всего культурная сила, что онъ вноситъ болѣе совершенныя формы быта и хозяйства, что онъ долженъ неизбѣжно подорвать основы нашей общины и обезземелить часть нашего крестьянства. Г. Струве рѣшительно отвергаетъ идеалы народниковъ, связанные съ общиною и артелью, такъ какъ они противорѣчатъ теоріи Маркса и „не имѣютъ корней въ экономической эволюціи“. „Всѣ выводы относительно будущаго, сдѣланные Марксомъ изъ капиталистическаго процесса, — говоритъ

[1]) Въ предыдущей статьѣ (сентябрь, стр. 306) напечатано по ошибкѣ: „прочное“. Исправимъ кстати и другую ошибку, на той же страницѣ, въ примѣчаніи;— вмѣсто: „г. Б. Ратнеръ“, слѣдуетъ читать: „г. М. Б. Ратнеръ“.

Digitized by Google

онъ,—теряютъ всякій смыслъ и всякое обаяніе съ того момента, что экономическая самостоятельность производителя признается за идеалъ. Общественная форма труда можетъ вырости только на почвѣ отрицанія такой экономической самостоятельности" [1]). Другими словами, надо отрицать экономическую самостоятельность работника только потому, что она лишаетъ всякаго смысла и всякаго обаянія заманчивые выводы Маркса относительно будущаго; надо пожертвовать реальнымъ настоящимъ — притомъ не своимъ, а чужимъ, — чтобы не портить себѣ впечатлѣнія отъ формулы, дающей матеріалъ для пріятныхъ мечтаній о будущемъ. Авторъ съ легкимъ сердцемъ возвѣщаетъ эти истины; онъ не пытается представить какія-либо доказательства въ подтвержденіе того, что земельное обезпеченіе крестьянства несовмѣстимо съ промышленнымъ прогрессомъ; онъ упускаетъ изъ виду, что можно пожертвовать нѣкоторыми сторонами промышленнаго прогресса ради сохраненія экономической самостоятельности народной массы. Своеобразная защита капитализма въ разсужденіяхъ г. Струве не могла способствовать уясненію спорныхъ понятій; она только обострила полемику, вращающуюся по прежнему около имени Маркса.

Поклоненіе Марксу, выражающееся у г. Струве въ довольно умѣренныхъ формахъ, доходитъ до какого-то безпредметнаго, болѣзненнаго неистовства въ книгѣ его единомышленника, г. Бельтова. Разъясняя будто бы философско-историческія воззрѣнія „учителя", онъ превозноситъ каждую его мысль, какъ геніальнѣйшее открытіе, и ставитъ Маркса на ряду не только съ Дарвиномъ, но и съ Коперникомъ. Всѣ, писавшіе у насъ о Марксѣ (кромѣ г. Струве), подвергаются со стороны г. Бельтова не критикѣ, а глумленію и ругательствамъ, причемъ основной мотивъ его раздраженія остается непонятнымъ, какъ непонятна и руководящая идея его собственнаго трактата [2]).

---

[1]) Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1894, стр. 168 и др.

[2]) Приведемъ два образчика разсужденій г. Бельтова. Марксъ сравнился съ Коперникомъ, сдѣлавъ геніальное открытіе, выраженное въ слѣдующихъ словахъ: „между тѣмъ какъ человѣкъ для поддержанія своего существованія воздѣйствуетъ на природу внѣ его, онъ измѣняетъ свою собственную природу". Г. Бельтовъ удостовѣряетъ, что, „по своей великой важности для науки, это открытіе можетъ быть смѣло поставлено на ряду съ открытіемъ Коперника и вообще на ряду съ величайшими, плодотворнѣйшими научными открытіями". Въ другомъ мѣстѣ, по поводу сравненія Маркса съ Дарвиномъ, г. Бельтовъ говоритъ: „Буржуазные писатели, ссылаясь на Дарвина, въ дѣйствительности рекомендовали своимъ читателямъ не научные пріемы Дарвина, а только звѣрскіе инстинкты тѣхъ животныхъ, о которыхъ у Дар-

Digitized by Google

Дойдя до своего апогея въ книгѣ г. Бельтова, культъ Маркса обнаруживаетъ свои истинныя черты, не имѣющія ничего общаго съ интересами научной правды. Когда подчиненіе авторитету приводитъ людей къ добровольному отказу отъ права критики и къ возведенію всякаго слова „учителя“ на степень непреложнаго закона, то мы имѣемъ предъ собою одинъ изъ наиболѣе тягостныхъ видовъ пресмыкательства — умственное пресмыкательство, которому не должно быть мѣста въ литературѣ.

Пора наконецъ вспомнить, что Марксъ, какъ ученый теоретикъ, есть только одинъ изъ многихъ выдающихся представителей политической или вѣрнѣе промышленной экономіи въ томъ видѣ, какъ она выработалась въ Англіи, и что сама политическая экономія далеко еще не можетъ считаться наукою въ истинномъ смыслѣ этого слова. Пора отрѣшиться отъ заблужденія, что отвлеченныя экономическія теоріи, хотя бы самыя авторитетныя, могутъ избавить насъ отъ необходимости самостоятельно обсуждать сложные вопросы нашего народнаго хозяйства съ точки зрѣнія практическихъ нуждъ и потребностей большинства населенія. Вліяніе Маркса было у насъ чисто отрицательное, разслабляющее; оно тяготѣло надъ нами безплодно, внесло безпочвенную схоластику въ область насущныхъ экономическихъ интересовъ и поддерживало какую-то безнадежную слѣпоту ко всему, что происходило и дѣлалось вокругъ насъ. Трезвая, свободная критика должна наконецъ вступить въ свои права; она должна уничтожить кошмаръ, который напрасно поднималъ многихъ хорошихъ людей на борьбу съ вѣтряными мельницами.

Говорить о Марксѣ въ русской литературѣ и не сказать ничего о русскомъ переводѣ его „Капитала“—значило бы обойти молчаніемъ одну изъ любопытныхъ особенностей нашихъ усердныхъ распространителей и оберегателей славы Маркса. Въ предисловіи переводчика къ третьему тому заявлено, какъ фактъ, что книга о капиталѣ стала „основаніемъ всей современной теоретической политической экономіи“. Для провѣрки этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ заявленія достаточно привести категорическія слова одного изъ лучшихъ знатоковъ современной политической экономіи, профессора Луйо Брентано: „Теорія цѣн-

---

вина шла рѣчь. Марксъ сходится съ Дарвиномъ; буржуазные писатели сходятся съ звѣрями и скотами, которыхъ изучалъ Дарвинъ“. См. „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“. Спб., 1895, стр. 159—160, и 231—2, прим.

Digitized by Google

ности Маркса (служащая основою всей теоретической части „Капитала“) не имѣетъ въ настоящее время *никакихъ послѣдователей* въ научныхъ кругахъ“ [1]). Очевидно, русскій переводчикъ Маркса сдѣлалъ неправильный общій выводъ изъ своего личнаго мнѣнія, основаннаго на незнакомствѣ съ экономическою литературою. Но, въ качествѣ переводчика, онъ можетъ по крайней мѣрѣ считать себя хорошимъ знатокомъ подлиннаго текста трехъ томовъ „Капитала“, и на этомъ основаніи онъ съ нѣкоторымъ подобіемъ права претендуетъ на истинное и полное пониманіе доктрины. О русскихъ критикахъ Маркса онъ отзывается съ большимъ высокомѣріемъ и пренебреженіемъ. „И среди русскихъ критиковъ,—говоритъ онъ,—попадаются такіе, которые берутся за разборъ „Капитала“, не только не потрудившись вникнуть въ его содержаніе, но даже не удосужившись прочесть разбираемое. Отъ этого и „критика“ ихъ оказывается настолько нелѣпою и asinine, что всякій, имѣющій хоть малѣйшее представленіе о классической политической экономіи въ современномъ ея видѣ, сгоритъ со стыда (!), если вздумаетъ публично обратить вниманіе на нее“. Сильнѣе не могъ бы выразиться и самъ Марксъ. Этотъ необычайный апломбъ способенъ смутить наивнаго читателя; но кто удосужится сличить съ текстомъ нѣкоторыя нелѣпости, встрѣчаемыя въ русскомъ переводѣ, тотъ легко убѣдится, что презрительное высокомѣріе совершенно не къ лицу переводчику.

На страницѣ 314-й мы читаемъ: „Само капиталистическое производство привело къ тому что трудъ веденія предпріятія, совершенно отдѣленный отъ владѣнія капиталомъ, заключается въ томъ, чтобы *обѣгать улицы*“. Что это значитъ? Какимъ образомъ завѣдываніе крупнымъ предпріятіемъ можетъ заключаться въ бѣганіи по улицамъ? Читатели будутъ тщетно ломать себѣ голову надъ этимъ загадочнымъ мѣстомъ, удивляясь непостижимому глубокомыслію автора. Между тѣмъ авторство въ этомъ случаѣ принадлежитъ не автору „Капитала“, а его переводчику. Въ нѣмецкомъ текстѣ сказано: „само капиталистическое производство привело къ тому, что трудъ управленія, вполнѣ отдѣленный отъ капитала, какъ собственности, бѣгаетъ по улицѣ“ (т.-е. что лицъ, способныхъ быть управляющими, можно найти сколько угодно) [2]). Значитъ, трудъ управленія вовсе не заключается въ „обѣганіи улицъ“, такъ какъ подобное занятіе, если оно нужно

[1]) Ср. нашу статью въ „Вѣстникѣ Европы“, 1896, мартъ, стр. 303.

[2]) T. III, ч. I, стр. 373: „Die kapitalistische Produktion selbst hat es dahin gebracht, dass die Arbeit der Oberleitung, ganz getrennt vom Kapitaleigenthum, auf der Strasse herumläuft“.

Digitized by Google

для дѣла, выполняется разсыльными и агентами; а спеціалисты по управленію, ищущіе мѣстъ, „бѣгаютъ по улицамъ“.

Далѣе (стр. 317), мы встрѣчаемъ главу: „*отчуждаемость* капиталистическихъ отношеній въ видѣ капитала, приносящаго проценты“. Что̀ это за „отчуждаемость“ и откуда она взялась здѣсь? Увы, съ переводчикомъ опять случилось несчастье: онъ смѣшалъ слово „Veräusserlichung“ (проявленіе во внѣ, обнаруженіе) съ „Veräusserung“ (отчужденіе).

Отмѣтимъ еще нѣсколько странныхъ мѣстъ въ русскомъ переводѣ III-го тома „Капитала“. На стр. 11: „Въ предѣлахъ общественнаго строя, подчиняющагося капиталистическому производству, есть не капиталистическій производитель, который подчиняется капиталистическимъ представленіямъ“. Въ текстѣ (п. I, стр. 14) нѣтъ этой безсмыслицы, а сказано другое: „въ общественномъ порядкѣ, находящемся подъ владычествомъ капиталистическаго производства, даже и не-капиталистическій производитель подчиняется капиталистическимъ представленіямъ“. На стр. 19: „Въ дѣйствительности, прибыль есть форма проявленія прибавочной стоимости и должна еще быть выведена при помощи анализа изъ послѣдней“. Въ подлинникѣ, стр. 19, наоборотъ: „...и послѣдняя должна еще быть извлечена изъ первой“. На стр. 22: „...помощью ея (рабочей платы) не *выжимается* большаго количества труда“; въ нѣмецкомъ текстѣ, стр. 26: „...*выражаетъ* собою не увеличенное количество...“ (drückt... aus). На стр. 269: „простой „складчикъ“ товаровъ“, а въ оригиналѣ: „только „издатель“ (Verleger) товаровъ“. На стр. 504, поставлено слово „закладчики“, вмѣсто „ломбардцы“ (Lombarden, въ смыслѣ итальянцевъ, а не нынѣшнихъ ломбардовъ). На стр. 615: „...всѣ противники Рикардо, которые оспариваютъ опредѣленіе стоимости исключительно трудомъ, придаютъ напротивъ того значеніе дифференціальной рентѣ, возникающей изъ различія качества почвъ, причемъ принимаютъ, что стоимость опредѣляется природой, а не трудомъ; но въ то же время сами же признаютъ это опредѣленіе, придавая значеніе положенію даннаго участка земли, а также, и еще въ бо̀льшей степени, проценту на капиталъ, вложенный при обработкѣ въ землю“. Добраться до какого-нибудь смысла въ этой тирадѣ невозможно. Въ подлинникѣ значится: „всѣ тѣ противники Рикардо, которые оспариваютъ опредѣленіе цѣнности исключительно трудомъ, выставляютъ на видъ по отношенію къ возникающей изъ почвенныхъ различій дифференціальной рентѣ (gegenüber der aus Bodenunterschieden hervorgehenden Differentialrente geltend machen), что здѣсь

Digitized by Google

природа вмѣсто труда становится опредѣлительницею цѣнности; но въ то же время приписываютъ это опредѣленіе (т.-е. опредѣляющую силу, источникъ цѣнности) мѣстоположенію (участковъ), или также, и еще въ бо̀льшей мѣрѣ, проценту на капиталъ, вложенный въ землю при ея обработкѣ" (ч. II, стр. 279). На стр. 674: „...на первый взглядъ весьма таинственная общественная форма, одинъ изъ факторовъ исторически-создавшагося общественнаго процесса производства"; въ подлинникѣ, ч. II, стр. 350: „...весьма мистическая, общественная *форма одного изъ факторовъ* исторически-выработаннаго (сфабрикованнаго) общественнаго производственнаго процесса".

Послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ, выбранныхъ нами на удачу, мы можемъ лишь отъ души пожалѣть читателей, старающихся обогатить свой умъ изученіемъ третьяго тома „Капитала" въ русскомъ переводѣ и вынужденныхъ отыскивать глубокій смыслъ въ нелѣпостяхъ, подобныхъ приведеннымъ выше. И авторъ этихъ нелѣпостей, повидимому плохо понимающій нѣмецкій текстъ Маркса, является еще въ роли присяжнаго истолкователя и защитника его ученія передъ довѣрчивою русскою публикою...

Л. Слонимскій.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1897.

Общій характеръ отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній на вопросы, относящіеся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. — Составъ волостныхъ сходовъ.—Необходимость расширенія круга лицъ, платящихъ мірскіе сборы.— Быстрый ростъ этихъ сборовъ. — Всесословная волость и „попечители“ надъ крестьянскими сходами. — Губернскія продовольственныя совѣщанія. — Обязательные земскіе и городскіе расходы.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, поступилъ въ продажу, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. Онъ обнимаетъ собою три большихъ тома, изученіе которыхъ въ значительной степени затруднено способомъ ихъ составленія. Отвѣты губернскихъ совѣщаній на каждый отдѣльный вопросъ не сгруппированы по ихъ содержанію, а приведены въ сыромъ видѣ, одинъ за другимъ, быть можетъ—съ нѣкоторыми сокращеніями, но безъ всякой систематизаціи. Отсюда, съ одной стороны, масса повтореній, съ другой—полнѣйшее отсутствіе наглядности. Способствуетъ этому, иногда, изложеніе самихъ вопросовъ, нѣсколько разъ возвращающихся къ одному и тому же предмету (напр., расширеніе круга лицъ, платящихъ мірскіе сборы, затронуто какъ въ 42-мъ, такъ и въ 43-мъ вопросѣ, различіе между постоянными и непостоянными мірскими сборами—какъ въ 40-мъ, такъ и въ 44-мъ), или, наоборотъ, соединяющихъ предметы, о которыхъ удобнѣе было бы говорить отдѣльно (напр., вопросъ 31-й касается какъ фактическаго вліянія закона о семейныхъ раздѣлахъ, такъ и измѣненій, которымъ онъ можетъ или долженъ быть подвергнутъ). Чтобы уяснить себѣ сущность мнѣній, высказанныхъ совѣщаніями, необходимо, такимъ образомъ, совершить надъ ними новую работу, которая съ гораздо бо̀льшимъ удобствомъ могла бы быть выполнена составителями свода. Это, конечно, недостатокъ сравнительно неважный и

Digitized by Google

легко устранимый; гораздо серьезнѣе другой, коренящійся въ внутреннемъ свойствѣ отвѣтовъ. Меньше всего они богаты именно тѣмъ, въ чемъ должна была состоять ихъ главная сила: точными фактическими указаніями. Отвѣты совѣщаній, сплошь и рядомъ, вовсе не мотивированы—или обоснованы лишь общими соображеніями. Между тѣмъ, составъ губернскихъ совѣщаній, односторонній, часто настроенный въ заранѣе опредѣленномъ смыслѣ, вовсе не таковъ, чтобы достаточно было ознакомиться съ окончательнымъ ихъ выводомъ; несравненно важнѣе было бы знать, *какъ* и *почему* они пришли къ этому выводу. Само собою разумѣется, что наше замѣчаніе примѣнимо не ко всѣмъ совѣщаніямъ, или примѣнимо къ нимъ не въ одинаковой мѣрѣ; если нѣкоторыя совѣщанія (напр., с.-петербургское, владимірское, воронежское, костромское, полтавское) почти всегда отличаются лаконизмомъ, то другія (напр., рязанское, смоленское, нижегородское) даютъ иногда весьма обстоятельные отвѣты. Тѣмъ не менѣе мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что *въ общемъ* заключенія совѣщаній представляютъ мало драгоцѣннаго матеріала и отнюдь не могутъ замѣнить собою изслѣдованій, разспросовъ и обсужденій, организованныхъ на иныхъ началахъ, съ бо̀льшими шансами и гарантіями успѣха [1]). Съ особенною ясностью это обнаруживается въ отвѣтахъ на тѣ вопросы, которые всего слабѣе подчеркнуты, всего короче формулированы въ министерской программѣ, хотя бы они имѣли, на самомъ дѣлѣ, первостепенное значеніе. Сюда относится, напримѣръ, вопросъ семнадцатый: слѣдуетъ ли ввести какія-либо измѣненія въ дѣйствующія постановленія о волостныхъ сходахъ—единственный, относящійся спеціально къ устройству волости [2]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это устройство—одинъ изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ мѣстнаго управленія. Задуманная и введенная въ жизнь при условіяхъ, давно и существенно измѣнившихся, крестьянская волость представляется въ настоящее время явнымъ анахронизмомъ и требуетъ не мелкихъ починокъ, даже не капитальнаго ремонта, а замѣны другимъ учрежденіемъ, болѣе цѣлесообразнымъ. Между тѣмъ, громадное большинство совѣщаній находитъ возможнымъ остаться при существующихъ постановленіяхъ о волостныхъ сходахъ или высказывается за ничтожныя къ нимъ поправки, болѣе похожія иногда на ухудшеніе, чѣмъ на улучшеніе. Предлагается, напримѣръ, не только уменьшить число членовъ схода, но и ввести штрафъ за не-

[1]) Вовсе не напечатаны въ сводѣ—заключенія губернскихъ совѣщаній московскаго и кіевскаго, безъ объясненія причинъ этого пробѣла. По многимъ вопросамъ нѣтъ также заключеній харьковскаго губ. совѣщанія.

[2]) Въ вопросѣ пятомъ о волостныхъ сходахъ говорится на ряду съ сельскими, и отвѣты на этотъ вопросъ почти всецѣло касаются сельскихъ сходовъ.

Digitized by Google

явку на сходъ (гродненское, курское, черниговское губ. совѣщанія); предоставить волостнымъ старшинамъ, какъ предсѣдателямъ сходовъ, временно устранять нарушителей порядка отъ участія въ сходѣ (минское губ. совѣщаніе); ограничить собранія схода тремя въ годъ (уфимское губ. совѣщаніе). По мнѣнію витебскаго губ. совѣщанія, надлежитъ установить, чтобы въ выборные на волостной сходъ избирались исключительно домохозяева, „пользующіеся въ обществѣ особымъ уваженіемъ". Такъ какъ внѣшнихъ признаковъ уваженія опредѣлить нельзя, то подобное правило или осталось бы мертвою буквой, или повело бы къ усиленію начальственнаго давленія на выборы, подъ предлогомъ устраненія лицъ, недостойныхъ „уваженія". Уфимское губ. совѣщаніе, исходя изъ той же основной мысли, какъ и витебское, прямо рекомендуетъ *настоятельное требованіе* земскаго начальника, чтобы выборные на волостной сходъ были *лучшими домохозяевами*. Вятское губ. совѣщаніе выражается не столь рѣшительно: оно только признаетъ *желательнымъ*, чтобы выборные на волостной сходъ принадлежали къ числу лицъ, „извѣстныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ". Для выраженія *желаній* въ законѣ не должно быть мѣста, въ особенности когда идетъ рѣчь о наименѣе самостоятельномъ классѣ населенія: въ глазахъ крестьянъ авторитетное „желаніе" слишкомъ часто равносильно приказу... Только три совѣщанія (изъ числа *сорока-четырехъ*) намѣтили въ отвѣтахъ на вопросъ о волостныхъ сходахъ преобразованіе болѣе серьезнаго характера: *рязанское* губ. совѣщаніе предложило допустить къ участію на волостномъ сходѣ крестьянъ, владѣющихъ купчею землею; *саратовское*—мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, имѣющихъ постоянное жительство въ селеніяхъ; *смоленское*—владѣльцевъ облагаемой мірскимъ сборомъ внѣ-надѣльной земли [1]). Въ основаніи этихъ трехъ мнѣній лежитъ, очевидно, все болѣе и болѣе сознаваемая несправедливость порядка, при которомъ плательщиками мірскихъ сборовъ являются одни только мѣстные крестьяне. Мы разсмотримъ ихъ, поэтому, въ связи съ заключеніями, касающимися распространенія сферы дѣйствія мірскихъ сборовъ и составляющими одну изъ самыхъ интересныхъ частей сборника, именно вслѣдствіе ближайшаго отношенія ихъ къ вопросу о всесословной волости. Заключенія эти изложены преимущественно въ отвѣтахъ на вопросы сорокъ-второй („слѣдуетъ ли точнѣе опредѣлять кругъ лицъ, привлекаемыхъ къ платежу мірскихъ сборовъ") и сорокъ-третій („какія основанія слѣдуетъ принять для привлеченія къ платежу мірскихъ сборовъ проживающихъ въ селе-

[1]) Аналогичныя мнѣнія выражены, въ отвѣтахъ на другой вопросъ (о мірскихъ сборахъ), еще семью губ. совѣщаніями (см. ниже).

Digitized by Google

ніяхъ постороннихъ лицъ и какими признаками слѣдуетъ руководствоваться при опредѣленіи категоріи лицъ, подлежащихъ привлеченію къ платежу мірскихъ сборовъ"?), но отчасти, вслѣдствіе указанной нами несистематичности—и въ отвѣтахъ на вопросы сороковой (о недостаткахъ порядка взиманія мірскихъ сборовъ) и сорокъ-первый (о болѣе точномъ опредѣленіи условій обложенія мірскими сборами).

Безусловно консервативными, въ вопросѣ о распространеніи круга плательщиковъ мірскихъ сборовъ, являются сравнительно немногія губернскія совѣщанія—виленское, гродненское, калужское, ковенское, костромское, полтавское, симбирское, тамбовское; къ нимъ примыкаетъ тверской губернаторъ, въ особомъ мнѣніи, приложенномъ къ заключенію тверского совѣщанія. Общая мысль защитниковъ statu quo состоитъ въ томъ, что мірскіе сборы должны сохранить *сословный* характеръ; платить ихъ должны только *крестьяне*, а также, по мнѣнію нѣкоторыхъ совѣщаній, арендаторы крестьянской земли (гродн. губ. совѣщаніе) или не-крестьяне, владѣющіе надѣльными участками (виленское, ковенское и тамбовское губ. совѣщанія). Нѣкоторыя совѣщанія—костромское, полтавское, тамбовское, симбирское—отвергаютъ даже обложеніе принадлежащей крестьянамъ внѣ-надѣльной земли, допускаемое совѣщаніями виленскимъ, гродненскимъ, калужскимъ и ковенскимъ. Мотивы консервативныхъ мнѣній бо́льшею частью очень коротки и крайне неубѣдительны. Такъ напр., полта́вское совѣщаніе считаетъ обложеніе внѣ-надѣльныхъ имуществъ „опаснымъ, въ виду возможности злоупотребленій"—какъ будто противъ злоупотребленій, безъ которыхъ не обходится ни одно дѣло, нельзя принять соотвѣтствующихъ мѣръ; костромское совѣщаніе, опасаясь, подобно полтавскому, несоразмѣрнаго отягощенія внѣ-надѣльной земли, возражаетъ противъ привлеченія постороннихъ лицъ къ платежу мірскихъ сборовъ, установляемыхъ безъ ихъ участія—и упускаетъ изъ виду, что съ расширеніемъ круга плательщиковъ мірскихъ сборовъ можетъ и долженъ быть измѣненъ порядокъ ихъ установленія. Болѣе обстоятельную мотивировку своего мнѣнія даетъ только симбирское совѣщаніе. По его словамъ, „начало взаимнаго разсчета между членами государства и сословными группами не можетъ быть положено въ основаніе организаціи управленія и обложенія. Всѣ сословія и группы ихъ несутъ возлагаемыя на нихъ повинности по устройству управленія, какъ повинность, установленную закономъ, и всѣ пользуются сими управленіями, какъ правительственными органами. Поэтому, казалось бы, не представляется никакихъ основаній къ обложенію мірскими сборами лицъ, не приписанныхъ къ обществу". Разсуждая такимъ образомъ, совѣщаніе забываетъ, что правительственные органы, именно

Digitized by Google

потому, что они *правительственные*, не должны быть содержимы на счетъ одного сословія. Конечно, пока законъ не измѣненъ, онъ подлежитъ исполненію, и крестьяне не въ правѣ отказываться отъ платежа части мірскихъ сборовъ, какъ служащихъ, между прочимъ, интересамъ другихъ сословій; но вѣдь вопросъ идетъ теперь не объ исполненіи закона, а объ *измѣненіи* его, согласно съ требованіями справедливости. Игнорировать эти требованія, какъ это дѣлаетъ симбирское совѣщаніе, не значитъ еще ихъ опровергнуть. Освобожденіе внѣ-надѣльныхъ земель отъ мірскихъ сборовъ симбирское совѣщаніе оправдываетъ различіемъ въ политико-экономическомъ значеніи надѣльныхъ и частныхъ земель: „первыя представляютъ обезпеченіе быта и повинностей крестьянъ, вторыя — капиталъ, земельную собственность, пріобрѣтенную на сбереженія. Назначеніе надѣльной земли заключается въ томъ, чтобы дать возможность крестьянину—при помощи обработки ея личнымъ трудомъ, который составляетъ характерную черту и основу его быта,—вести и поддерживать домохозяйство, частныя же земли должны давать извѣстный % на затраченный капиталъ, ренту". Эти разсужденія могли бы имѣть силу только въ такомъ случаѣ, еслибы можно было доказать одно изъ двухъ: или —что частныя, купленныя земли, *назначеніе* (!) которыхъ давать ренту, вообще должны быть свободны отъ налоговъ, или—что мірской сборъ не составляетъ налога, а есть нѣчто иное, существенно отъ него отличное. За первое изъ этихъ положеній не высказалось бы, конечно, и симбирское совѣщаніе, но и второе, въ сущности, не менѣе несостоятельно. Мірской сборъ—насколько онъ идетъ на покрытіе расходовъ по мѣстному управленію—соединяетъ въ себѣ всѣ признаки налога: онъ вызывается соображеніями государственной пользы, устанавливается обязательно и взыскивается принудительно, а слѣдовательно и въ распредѣленіи его нѣтъ причины отступать отъ общихъ началъ податной сйстемы. Частно-владѣльческія земли должны быть привлечены къ обложенію мірскимъ сборомъ (въ вышеуказанныхъ предѣлахъ) на томъ же основаніи, на какомъ онѣ облагаются государственнымъ поземельнымъ налогомъ и земскимъ сборомъ... И какъ характерна аргументація симбирскаго совѣщанія! Изъ того, что крестьянинъ обработываетъ надѣльную землю личнымъ трудомъ и несетъ повинности на ней лежащія (въ томъ числѣ выкупной платежъ, самый обременительный изъ всѣхъ), выводится заключеніе, что на нее же —или на личный трудъ крестьянина—должна упадать всецѣло и тяжесть мірскихъ сборовъ! Изъ того, что частная земля куплена на сбереженія (что̀, какъ извѣстно, можно сказать далеко не о всякой покупкѣ)—другими словами, изъ того, что ея владѣлецъ не принадлежитъ къ числу людей, живущихъ исключительно или преимущественно

Digitized by Google

своимъ трудомъ,—выводится заключеніе, что она должна оставаться свободной отъ налога, идущаго, между прочимъ, на пользу ея владѣльца... Вполнѣ послѣдовательнымъ совѣщаніе, впрочемъ, не остается: оно предлагаетъ привлечь къ платежу мірского сбора крестьянъ, приписанныхъ къ обществу безъ надѣленія землею, если у нихъ есть собственная земля въ предѣлахъ волости. Значитъ, можно взыскивать мірской сборъ и съ такой земли, которая „должна давать ренту"?

Вторая, самая обширная группа совѣщаній высказывается за привлеченіе къ участію въ мірскихъ сборахъ всѣхъ подвѣдомственныхъ крестьянскому суду и управленію или, какъ выражаются иныя совѣщанія, вообще лицъ податныхъ сословій или податного сословія. Къ этой группѣ принадлежатъ двадцать-три совѣщанія — бессарабское, витебское, владимірское, казанское, курское, минское, новгородское, олонецкое, орловское, пензенское, пермское, подольское, псковское, рязанское, самарское, с.-петербургское, саратовское, смоленское, тверское, тульское, херсонское, черниговское, ярославское. Подвѣдомственными крестьянскому суду и управленію статья VIII-ая мнѣнія государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнаго 12-го іюля 1889 г., на которую ссылаются весьма многія совѣщанія, признаетъ мѣщанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, *имѣющихъ постоянное жительство въ селеніяхъ*. Требуется ли это послѣднее условіе, съ точки зрѣнія совѣщаній, и для привлеченія къ платежу мірскихъ сборовъ? На этотъ вопросъ большинство вышепоименованныхъ совѣщаній отвѣчаетъ утвердительно, иныя—прямо, иныя—косвенно, ограничиваясь указаніемъ на ст. VIII закона 12-го іюля 1889 г. Весьма можетъ быть, однако, что въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло иногда только съ недомолвкой, обусловливаемой краткостью или неточностью отвѣта; не даромъ же именно тѣ совѣщанія, мнѣніе которыхъ мотивировано обстоятельно и подробно, приходятъ, бо́льшею частью, къ заключенію о необходимости обложить *имущество*, хотя бы его владѣлецъ и не проживалъ въ данной мѣстности. Бессарабское совѣщаніе, находя нужнымъ обложить мірскимъ сборомъ не только имущество, но и трудъ, допускаетъ двойное обложеніе плательщика живущаго не тамъ, гдѣ находится его имущество: лично—въ мѣстѣ его жительства, и по имуществу—въ мѣстѣ нахожденія послѣдняго. Совѣщанія орловское и херсонское облагаютъ владѣльцевъ земли, не живущихъ въ селеніяхъ, только *волостными* сборами. Совѣщанія владимірское, смоленское и тульское предлагаютъ такое же ограниченіе по отношенію ко всѣмъ внѣ-надѣльнымъ землямъ. Другія совѣщанія признаютъ справедливымъ установить различіе между мірскими сборами по ихъ *назначенію*. Пензенское совѣщаніе, напримѣръ, полагаетъ, что не-крестьяне должны платить только тѣ мірскіе сборы, которые предназначаются на содержа-

Digitized by Google

ніе волостной и сельской администраціи и на обезпеченіе общественной безопасности (наемъ караульныхъ, сотскихъ и десятскихъ, содержаніе пожарнаго обоза и т. п.). Нижегородское совѣщаніе отступаетъ, при этомъ, даже отъ сословнаго начала: обусловливая платежъ волостныхъ сборовъ подвѣдомственностью крестьянскому управленію, оно привлекаетъ къ платежу сельскихъ сборовъ, предметъ которыхъ— „благоустройство въ селеніяхъ", всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ осѣдлость (землю или строеніе) въ чертѣ селенія, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Совѣщаніе это образуетъ собою, такимъ образомъ, переходъ къ той группѣ, которая ставитъ вопросъ о мірскихъ сборахъ не исключительно на почву *подвѣдомственности крестьянскому суду и управленію*. Сюда же принадлежитъ, повидимому (говоримъ: „повидимому", вслѣдствіе крайне сжатой и неопредѣленной формулировки заключенія), и уфимское совѣщаніе, предлагающее привлечь къ обложенію мірскими сборами *„всѣхъ* живущихъ въ предѣлахъ сельскаго общества и имѣющихъ тамъ какое-либо занятіе, напр. торговлю, или ремесло, или занимающихся хозяйствомъ на землѣ, нанятой у общества". Астраханское совѣщаніе также считаетъ необходимымъ взимать мірскіе сборы со всѣхъ „постороннихъ лицъ", имѣющихъ въ селеніи дома, промышленныя и торговыя предпріятія и т. п. Оренбургское совѣщаніе стоитъ за обложеніе не только мѣщанъ, но и *купцовъ*, хотя послѣдніе и не подвѣдомственны крестьянскому суду и управленію. Совѣщанія воронежское и таврическое идутъ немного дальше, допуская свободу отъ мірскихъ сборовъ только для дворянъ и православнаго духовенства,- т.-е. привлекая къ нимъ какъ купцовъ, такъ и потомственныхъ гражданъ и вообще разночинцевъ. Еще шагъ впередъ дѣлаетъ вологодское совѣщаніе, привлекая къ платежу мірскихъ сборовъ всѣхъ тѣхъ, чья земля „находится въ общемъ и черезполосномъ пользованіи съ крестьянами"; исключаются изъ числа плательщиковъ только дворяне, „имѣющіе въ своемъ владѣніи обособленную землю". Могилевское совѣщаніе, признавая, что „должностныя лица волостного правленія часто обременены требованіями другихъ учрежденій, касающимися не одного крестьянскаго сословія", находитъ, что „слѣдовало бы отнести нѣкоторую часть расхода по содержанію этихъ лицъ на общій земскій сборъ". Волынское совѣщаніе прямо предлагаетъ „привлечь землевладѣльцевъ неподатного сословія къ уплатѣ мірского сбора на содержаніе сельской почты и волостныхъ должностныхъ лицъ". Итакъ, въ третью, переходную группу входятъ всего девять совѣщаній—астраханское, вологодское, волынское, воронежское, могилевское, нижегородское, оренбургское, таврическое и уфимское.

Послѣднюю, четвертую группу составляютъ тѣ три совѣщанія

Digitized by Google

(архангельское, вятское, екатеринославское), которыя вовсе не стоятъ на сословной почвѣ. Относительно архангельскаго совѣщанія, какъ видно и изъ его заключенія, это объясняется отсутствіемъ въ архангельской губерніи „помѣщиковъ", т.-е. помѣстныхъ дворянъ Ихъ мало и въ вятской губерніи, но не на этомъ основано мнѣніе вятскаго совѣщанія: оно находитъ, что всякое недвижимое имущество, кому бы оно ни принадлежало, „пользуется покровительствомъ волостныхъ и сельскихъ общественныхъ управленій" и, слѣдовательно, должно подлежать обложенію мірскими сборами, покрывающими расходы по содержанію волостного и сельскаго управленія (исключеніе допускается совѣщаніемъ лишь для церковной земли, но не для казенной и удѣльной). Изъ этой же основной мысли исходитъ и екатеринославское совѣщаніе, указывая на то, что волостное правленіе давно перестало быть учрежденіемъ исключительно крестьянскимъ,—къ волостному суду обращаются не одни крестьяне и услугами сельскихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ пользуются лица всѣхъ сословій. Въ виду этого, по словамъ совѣщанія, „крайне желательно привлечь къ платежу мірскихъ сборовъ *если не всѣхъ лицъ*", то хотя бы тѣхъ изъ нихъ, которыя подходятъ подъ дѣйствіе ст. VIII закона 12 іюля 1889 г. Этой оговоркой не измѣняется смыслъ заключенія: совѣщаніе, очевидно, признаетъ справедливымъ и возможнымъ распространеніе мірскихъ сборовъ на всѣ сословія, сомнѣваясь только въ томъ, что оно будетъ допущено въ настоящую минуту. Точки зрѣнія, восторжествовавшей въ екатеринославской губерніи, держится меньшинство нѣсколькихъ другихъ совѣщаній. Нѣкоторые уѣздные съѣзды самарской губерніи высказались за привлеченіе къ участію въ содержаніи волостного управленія и суда всѣхъ безъ изъятія землевладѣльцевъ волости, въ томъ числѣ казну, удѣлъ и дворянъ, такъ какъ имъ всѣмъ приходится пользоваться услугами волостныхъ учрежденій. Съ этимъ согласилось, въ принципѣ, и самарское совѣщаніе, затрудняясь стать на сторону предлагаемой мѣры только потому, что она требовала бы допущенія всѣхъ землевладѣльцевъ къ участію въ волостныхъ сходахъ—а въ задачу совѣщаній не входитъ обсужденіе вопросовъ, затрогивающихъ другія сословія. Въ пользу обложенія мірскими сборами всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ различія сословій, подалъ также голосъ одинъ изъ уѣздныхъ съѣздовъ тамбовской губерніи. Въ заключеніяхъ совѣщаній, стоящихъ на сословной почвѣ, объясненіе причинъ, по которымъ высшія сословія не должны быть привлекаемы къ платежу мірскихъ сборовъ, встрѣчается весьма рѣдко: главная изъ нихъ—существующее уже обложеніе дворянства, духовенства и купечества особыми сословными сборами или повинностями (см., напр., заключенія совѣщаній воронежскаго и смоленскаго).

Digitized by Google

Отвѣчая на вопросъ, какими мѣрами можно обезпечить вновь привлекаемыхъ плательщиковъ мірскихъ сборовъ отъ неправильнаго обложенія сходами, значительное большинство совѣщаній (допускающихъ то или другое расширеніе круга плательщиковъ) ограничивается указаніемъ на надзоръ начальства и на право обжалованія приговоровъ; только девять [1]) совѣщаній (гродненское, екатеринославское, нижегородское, саратовское, смоленское, таврическое, тверское, черниговское и ярославское) высказываются за включеніе въ составъ сходовъ всѣхъ лицъ, вновь привлекаемыхъ къ платежу мірскихъ сборовъ. Вятское совѣщаніе предлагаетъ установить, чтобы мірскіе сборы съ „постороннихъ лицъ" состояли въ томъ же процентномъ отношеніи къ ихъ земскимъ сборамъ, въ какомъ состоятъ къ послѣднимъ мірскіе сборы самихъ крестьянъ. Волынское совѣщаніе находитъ, что размѣръ мірского сбора съ внѣ-надѣльной земли долженъ измѣняться сообразно съ количествомъ земли: при 100 десятинахъ, или менѣе, онъ долженъ составлять половину мірского сбора съ тяглаго надѣла, при 100—500 десятинахъ — равняться этому сбору, при бо̀льшемъ числѣ десятинъ — превосходить его, не болѣе чѣмъ втрое. Курское совѣщаніе ограничиваетъ платежъ „постороннихъ лицъ" максимальной цифрой мірского сбора съ одного крестьянскаго надѣла. По мнѣнію ярославскаго совѣщанія, мірское обложеніе „постороннихъ лицъ" (и внѣ-надѣльныхъ крестьянскихъ земель) не должно превышать земскаго. Псковское совѣщаніе, проектируя обращеніе мірского сбора съ крестьянъ въ подесятинный, полагаетъ, что съ „постороннихъ лицъ", а также съ внѣ-надѣльной крестьянской земли, мірской сборъ долженъ составлять одну десятую часть надѣльнаго подесятиннаго.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, отвѣты губернскихъ совѣщаній на вопросы, относящіеся къ мірскимъ сборамъ. Они свидѣтельствуютъ, прежде всего, о полнѣйшей неудовлетворительности дѣйствующаго порядка. Фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе этого вывода представлено мало [2]), но онѣ едва ли и необходимы, до такой степени

[1]) Къ нимъ нужно прибавить еще одно (рязанское), высказавшееся въ томъ же смыслѣ въ отвѣтѣ своемъ на вопросъ объ измѣненіи постановленій о волостныхъ сходахъ (см. выше).

[2]) По удостовѣренію самарскаго совѣщанія, въ бугурусланскомъ уѣздѣ есть волости, въ которыхъ почти половина населенія числится мѣщанами, и вся тяжесть мірскихъ сборовъ упадаетъ на другую половину. Изъ заключенія смоленскаго совѣщанія мы узнаемъ, что въ одной волости, перешедшей на подесятинное обложеніе, крестьяне, владѣющіе внѣ-надѣльною землею, допущены къ участію въ волостномъ сходѣ: болѣе крупные собственники (имѣющіе не менѣе 120 дес.)—лично, а остальные — черезъ посредство уполномоченныхъ; примѣнительно къ земскому положенію.

Digitized by Google

самый фактъ безспоренъ. Если большинство совѣщаній остановилось на подъ-дорогѣ и высказалось только за частичное расширеніе круга плательщиковъ мірскихъ сборовъ, то не объясняется ли это, главнымъ образомъ, редакціею вопросовъ, поставленныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ? Хотя въ сорокъ-второмъ вопросѣ и говорится вообще объ опредѣленіи круга лицъ, привлекаемыхъ къ платежу мірскихъ сборовъ, но вопросъ сорокъ-третій съуживаетъ этотъ кругъ, прибавляя къ выраженію: *постороннія лица*—два эпитета: *проживающія въ селеніяхъ* и *подвѣдомственныя сельскому и волостному управленію*. Основываясь на этомъ, многія совѣщанія могли считать неудобнымъ дальнѣйшее расширеніе обязанности платежа мірскихъ сборовъ. Къ тому же убѣжденію могла привести ихъ и редакція вопросовъ о волостномъ управленіи, не допускающая, повидимому, коренного преобразованія волости, обращенія ея изъ крестьянской въ всесословную. Если, не смотря на это, нѣсколько совѣщаній нашли необходимымъ высказаться, въ той или другой мѣрѣ и формѣ, за обложеніе мірскими сборами не только „податныхъ“, но и „неподатныхъ“ или привилегированныхъ сословій, то отсюда нельзя не заключить, что мысль о такой реформѣ носится въ воздухѣ, вытекаетъ сама собою изъ условій современной сельской жизни. И дѣйствительно, обособленность крестьянъ, имѣвшая послѣдствіемъ обособленность крестьянскаго управленія, давно отошла въ прошедшее; не только волостныя учрежденія, но въ значительной степени и сельскія давно пріобрѣли общегосударственный характеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ перестали существовать тѣ основанія, въ силу которыхъ расходъ на содержаніе крестьянскаго управленія должны были нести одни крестьяне. Почему недостаточно привлечь къ участію въ этомъ расходѣ однихъ только „средняго рода людей“, подвѣдомственныхъ, съ 1889 г., крестьянскому суду и управленію — это мы объяснили подробно еще четыре года тому назадъ [1]). Несостоятельность системы, построенной на признакѣ „подвѣдомственности“, доказывается какъ нельзя лучше уже тѣмъ, что громадное большинство совѣщаній—и въ томъ числѣ многія изъ самыхъ „консервативныхъ“ — признаютъ нужнымъ *обложеніе земель*, хотя бы ихъ владѣльцы и не проживали въ предѣлахъ селенія или волости и, слѣдовательно, не были подвѣдомственны мѣстнымъ крестьянскимъ властямъ. Какъ только мірскимъ сборомъ будетъ обложена земля мѣщанина или крестьянина, живущаго въ другомъ уѣздѣ или другой губерніи, несправедливость освобожденія отъ мірского сбора рядомъ лежащей земли купца или дворянина (въ особенности если онъ самъ живетъ въ имѣніи) сдѣлается черезчуръ очевидной,

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1893 г.

Digitized by Google

и за одной реформой непремѣнно должна будетъ послѣдовать другая... Что уплата дворяниномъ—дворянскаго сбора, купцомъ—сбора на содержаніе купеческой управы не составляютъ препятствія къ обложенію ихъ земель мірскими сборами, это едва ли требуетъ поясненія: сословные сборы не имѣютъ государственнаго характера и оплачиваютъ особыя удобства, предоставляемыя членамъ даннаго сословія. Изъ того, что дворянинъ платитъ на содержаніе дворянскихъ пансіоновъ, пріютовъ или богаделенъ, еще не вытекаетъ для него право не участвовать въ платежѣ жалованья волостному старшинѣ или сельскому старостѣ, какъ низшимъ агентамъ административной власти, услугами которыхъ онъ пользуется наравнѣ съ крестьянами. Необходимо только установить различіе между различными категоріями мірскихъ сборовъ: нѣкоторыя изъ нихъ касаются одинаково всѣхъ жителей или землевладѣльцевъ данной мѣстности, другія — только крестьянъ-общественниковъ, третьи — какъ крестьянъ-общественниковъ, такъ и другихъ обитателей *селенія*. На это различіе обратили вниманіе далеко не всѣ губернскія совѣщанія; многія изъ нихъ не развязываютъ, а разрубаютъ гордіевъ узелъ, прямо, безъ всякихъ оговорокъ, приравнивая къ мѣстнымъ крестьянамъ всѣхъ остальныхъ лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому суду и управленію, между тѣмъ какъ этотъ признакъ вовсе не свидѣтельствуетъ объ общности *всѣхъ* потребностей, удовлетворяемыхъ мірскими сборами. Далеко не всегда удачны и ограниченія въ платежѣ мірскихъ сборовъ, предлагаемыя нѣкоторыми губернскими совѣщаніями. Такъ напримѣръ, нѣтъ никакого правильнаго основанія освобождать землевладѣльцевъ, не живущихъ на мѣстѣ, или всѣхъ вообще владѣльцевъ внѣ-надѣльной земли, отъ уплаты *всѣхъ* сельскихъ сборовъ; какъ тѣ, такъ и другіе, несомнѣнно пользуются услугами сельскихъ старостъ и десятскихъ [1]) и должны, слѣдовательно, нести долю расходовъ по ихъ содержанію. Какіе именно мірскіе сборы, волостные и сельскіе, надлежало бы возложить на всѣ сословія — объ этомъ мы въ свое время говорили подробно [2]); теперь намъ остается только дополнить сказанное тогда указаніемъ на болѣе свѣжія свѣденія о размѣрѣ мірскихъ расходовъ.

Расходы на содержаніе волостной администраціи и волостного суда, на содержаніе общественныхъ волостныхъ зданій, на канцелярскія принадлежности и на разъѣздныхъ лошадей составляли въ 1881 г. 12.301.690 руб., т.-е. гораздо болѣе $^3/_4$ общей суммы всѣхъ волост-

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что пользуются услугами должностныхъ лицъ не только тѣ, кто непосредственно къ нимъ обращается, но и вообще всѣ граждане, ограждаемые властью въ своемъ личномъ спокойствіи и въ свободномъ пользованіи имуществомъ.

[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1893 г.

Digitized by Google

ныхъ расходовъ (14.776.329 руб.); соотвѣтствующіе сельскіе расходы простирались до 7.741.000 руб., составляя нѣсколько менѣе половины всѣхъ сельскихъ расходовъ (17.409.362 рубля); обѣ цифры вмѣстѣ взятыя нѣсколько превышали 20 милліоновъ рублей, составляя почти $^2/_3$ общей суммы мірскихъ расходовъ (32.185.691 руб.). Десять лѣтъ спустя, въ 1891 г. [1]), общая сумма мірскихъ расходовъ, увеличившаяся почти въ полтора раза, дошла до 45.016.796 руб. (въ томъ числѣ 19.866.502 руб. волостныхъ расходовъ); волостные расходы вышеупомянутыхъ категорій составили 15.538.617 руб., сельскіе — 8.659.832 руб., а всего 24.198.449 руб., или около 54% общей суммы мірскихъ расходовъ. Новое изслѣдованіе, обнимающее собою періодъ времени съ 1892 по 1894 г., обнаружило дальнѣйшее колоссальное увеличеніе цифры мірскихъ сборовъ: въ 1894 г. она превысила 61 милл. руб.! Объясняется это, главнымъ образомъ, введеніемъ судебно-административной реформы, повлекшей за собою быстрый ростъ расходовъ на крестьянское управленіе, т.-е. именно тѣхъ, въ которыхъ всего болѣе заинтересованы землевладѣльцы и сельскіе жители всѣхъ сословій. Въ пермской губерніи, напримѣръ, изъ 268 тыс. рублей, составляющихъ разницу между мірскими расходами за 1893 и за 1894 г., на народное образованіе пошло всего 5%, на продовольственную часть — $2^1/_2$%, на улучшеніе дорогъ — $2^1/_2$%; расходы на медицину даже сократились, ровно настолько, насколько увеличилась ассигновка на содержаніе сотскихъ и десятскихъ. Три четверти добавочной суммы поглощены расходами на крестьянское управленіе и судъ, на постройку и содержаніе домовъ волостныхъ и сельскихъ правленій, на канцелярскіе расходы и на наемъ прислуги. По разсчету „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 236), уже въ 1892 г. мірскіе денежные сборы составляли, въ среднемъ, одну пятую часть всѣхъ прямыхъ налоговъ, платимыхъ крестьянами, а земскій сборъ — только одну седьмую. Погубернскія цифры мірскихъ расходовъ нерѣдко мало уступаютъ суммѣ земскихъ расходовъ, а иногда даже превышаютъ ее. Все это вмѣстѣ взятое показываетъ съ полною ясностью, какимъ громаднымъ облегченіемъ для крестьянъ было бы переложеніе части мірскихъ сборовъ на всѣ другія сословія — а всякое облегченіе народной массы представляетъ собою чистый выигрышъ для государства.

При нормальныхъ условіяхъ государственной жизни, привлеченіе не-крестьянъ къ платежу мірскихъ сборовъ, въ какихъ бы предѣлахъ и на какихъ бы основаніяхъ оно бы ни состоялось, должно было бы

[1]) Къ этому году относится изданіе центральнаго статист. комитета м-ва внутр. дѣлъ, озаглавленное: „Мірскіе расходы и доходы крестьянъ за 1891 г. въ 50 губ. Европейской Россіи“ („Временникъ“ Центр. Стат. Ком. № 38, 1895).

Digitized by Google

привести къ преобразованію учрежденій, отъ которыхъ зависитъ въ настоящее время мірское обложеніе. Мы всегда видѣли въ несправедливомъ распредѣленіи мірскихъ сборовъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ въ пользу устройства всесословной волости, и, наоборотъ, въ этомъ устройствѣ—лучшую гарантію правильной организаціи мѣстнаго обложенія [1]); но это не мѣшало и не мѣшаетъ намъ находить, что, въ крайнемъ случаѣ, расширеніе круга лицъ, подлежащихъ платежу мірскихъ сборовъ, возможно и безъ перехода къ всесословной волости. Ошибаются, конечно, тѣ губернскія совѣщанія, по мнѣнію которыхъ интересы плательщиковъ не-крестьянъ были бы достаточно обезпечены правомъ обжалованія общественныхъ приговоровъ; но вполнѣ осуществимо установленіе такихъ основаній обложенія, которыя не допускали бы произвольнаго облегченія однѣхъ категорій плательщиковъ въ ущербъ другимъ [2]).

Само собою разумѣется однако, что съ точки зрѣнія обложенія, какъ и со всякой другой, удобства, сопряженныя съ мелкой самоуправляющейся территоріальной единицей, никакими суррогатами вполнѣ замѣнены быть не могутъ. Рано или поздно вопросъ о созданіи всесословной волости непремѣнно долженъ вновь выдвинуться на первый планъ. Весьма любопытно, поэтому, ознакомиться съ возраженіями противъ нея, идущими отъ *крестьянина* (см. письмо къ издателю „Москов. Вѣдомостей“ въ № 189 этой газеты). Хотя этотъ крестьянинъ пишетъ литературнымъ языкомъ, употребляетъ словечки, излюбленныя извѣстными органами печати, признаетъ, что при крѣпостномъ правѣ забота о благосостояніи крестьянъ была въ собственныхъ интересахъ помѣщика, и, наконецъ, трогательно принимаетъ къ сердцу „авторитетъ“ дворянъ, тѣмъ не менѣе мы готовы признать, что онъ не вполнѣ порвалъ связь съ крестьянствомъ: иначе онъ не сталъ бы говорить, на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, за отмѣну „позорящаго крестьянъ“ тѣлеснаго наказанія и за пролитіе въ народъ, черезъ школы и сельскія библіотеки, возможно бо̀льшей массы „свѣта просвѣщенія“. Искренность его, поэтому, мы оспаривать не станемъ и разсмотримъ его доводы „по существу“. Они сводятся къ тому, что въ всесословной волости, вслѣдствіе недостатка помѣщиковъ-дворянъ (которыхъ, будто бы, не болѣе 1—3 на волость), господство заберутъ въ свои руки *разночинцы*, „являющіеся въ роли кабатчиковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, ссужающіе деньги подъ обработку земли“,

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 12 „Вѣстн. Европы“ за 1893 г.

[2]) См., напр., вышеприведенныя мнѣнія совѣщаній вятскаго, волынскаго, курскаго, псковскаго, ярославскаго. Внутреннее достоинство ихъ весьма различно, но у нихъ есть одна общая черта: стремленіе создать прочныя и точныя основы мірского обложенія, примѣнимыя ко всѣмъ группамъ плательщиковъ.

Digitized by Google

другими словами—„Кровопійцы Колупаевичи сыновья Разуваевы“. Что въ нѣкоторыхъ волостяхъ помѣщиковъ-дворянъ нѣтъ вовсе или очень мало—это несомнѣнно; но едва ли онѣ составляютъ большинство, особенно въ центральныхъ, черноземныхъ губерніяхъ. Не на однихъ дворянъ, притомъ, и даже не главнымъ образомъ на дворянъ разсчитываютъ сторонники всесословной волости, полагая, что уровень ея волостного схода будетъ значительно выше, чѣмъ уровень схода въ теперешней крестьянской волости. Почти вездѣ есть врачи, учителя, управляющіе, арендаторы, получившіе образованіе и могущіе съ пользой послужить общему дѣлу. Совершенно ошибочно, далѣе, относить кабатчиковъ и сельскихъ ростовщиковъ исключительно или хотя бы преимущественно къ группѣ сельскихъ „разночинцевъ“; они выходятъ, сплошь и рядомъ, изъ среды мѣстныхъ крестьянъ, и на болѣе разнообразномъ, по своему составу, сходѣ побѣда ихъ будетъ, сравнительно съ настоящимъ, скорѣе затруднена, чѣмъ облегчена. Все сказанное нами до сихъ поръ относится къ всесословной волости, соединяющей въ себѣ характеръ хозяйственный съ административнымъ; но учрежденіе *такой* всесословной волости мы считаемъ и невѣроятнымъ, и нежелательнымъ, пока остаются въ полной силѣ узаконенія 1889 года (т.-е. положеніе о земскихъ начальникахъ и все съ нимъ связанное). Всесословная волость *теперь* можетъ быть только хозяйственною единицей, избранники которой не нуждались бы въ *власти* надъ избирателями; отношеніе ихъ къ населенію было бы аналогично съ отношеніемъ къ нему органовъ земскаго самоуправленія... Когда, въ 1881 г., въ земскихъ собраніяхъ почти повсемѣстно былъ поднятъ вопросъ о всесословной волости, намъ пришлось наблюдать, въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ, быструю перемѣну въ настроеніи гласныхъ отъ крестьянъ: сначала они отнеслись къ всесословной волости крайне недовѣрчиво, усматривая въ ней нѣчто въ родѣ скрытаго возвращенія къ крѣпостному праву—но когда для нихъ стало ясно предполагаемое ея устройство, устраняющее возможность гнета одного сословія надъ другими, они всѣ какъ одинъ человѣкъ примкнули къ ея защитникамъ. Намъ думается, что такая же перемѣна произошла бы и въ мнѣніяхъ крестьянина, пишущаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, еслибы онъ ближе ознакомился съ вопросомъ и посмотрѣлъ на него не черезъ очки газетныхъ „охранителей“.

И въ „охранительной“ печати, впрочемъ, крестьянинъ, выступившій противникомъ всесословной волости, могъ бы найти опроверженіе своихъ ошибочныхъ предпосылокъ. Не дальше, какъ за двѣ недѣли до напечатанія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ вышеупомянутаго письма, въ той же газетѣ (№№ 172 и 173) появилась статья, озаглавленная: „Упорядоченіе волостныхъ сходовъ“. Авторъ ея, возставая про-

Digitized by Google

тивъ многочисленнаго состава волостныхъ сходовъ, говоритъ о „всѣмъ извѣстной экономической зависимости большинства сельскихъ обывателей отъ *сельскихъ кулаковъ*“ (членовъ схода, т.-е. *мѣстныхъ крестьянъ*); онъ признаетъ, что, присутствуя на сходѣ, дворяне, „обладающіе въ бо̀льшей степени чѣмъ крестьяне, и чувствомъ законности, и способностью пониманія различныхъ законоположеній“, могутъ оберечь членовъ схода какъ отъ „увлеченій, преслѣдуемыхъ закономъ“, такъ и отъ „вліянія сельскихъ кулаковъ“. Усмотрѣвъ, такимъ образомъ, изъ словъ уважаемой имъ газеты, что кулаками бываютъ не одни только разночинцы“, и что присутствіе на сходѣ интеллигентныхъ людей не безполезно именно какъ средство борьбы противъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, крестьянинъ, пишущій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, могъ бы убѣдиться еще въ одномъ: что опасны для крестьянъ не сторонники всесословной волости, построенной на началахъ равноправности и справедливости, а ея „консервативные“ противники. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ предлагаетъ авторъ только-что цитированной нами статьи для упорядоченія волостныхъ — и сельскихъ — сходовъ? Присутствіе и тамъ, и тутъ *попечителей волостныхъ сельскихъ общинъ*, изъ числа дворянъ, живущихъ въ предѣлахъ волости или сельскаго общества. „Разумѣется, — продолжаетъ авторъ — попечителямъ изъ дворянъ должна быть предоставлена опредѣленная власть на сходахъ, право прекращенія обсужденій по предметамъ не подлежащимъ вѣденію схода, право протеста противъ рѣшеній явно несправедливыхъ и вредныхъ для самихъ обывателей, право созыва и распущенія сходовъ и предложенія имъ на обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые касаются интересовъ исключительно однихъ обывателей общинъ“. Отъ дальнѣйшаго развитія своей мысли авторъ воздерживается потому, что вопросъ о „подчиненіи общественнаго строя жизни институту попечителей“ „не можетъ быть разрѣшенъ отдѣльно отъ вопроса о реорганизаціи дворянскаго сословія“. Этими послѣдними словами приподнятъ край завѣсы и безъ того, впрочемъ, довольно прозрачной. Институтъ волостныхъ попечителей надъ волостями и сельскими обществами проектируется, очевидно, не въ интересахъ крестьянъ, а въ интересахъ самихъ дворянъ, какъ одинъ изъ способовъ возвращенія имъ господства надъ крестьянами. Во что обратилось бы, при существованіи такого „института“, крестьянское самоуправленіе—это не требуетъ поясненій...

По распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, въ каждой изъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, учреждены при губернаторѣ, для объединенія мѣропріятій по продовольственному дѣлу, особыя

Digitized by Google

совѣщанія изъ представителей земства и администраціи. Опытъ 1891—92 гг. удостовѣряетъ, что такія совѣщанія могутъ быть не безполезны, но только при благопріятныхъ условіяхъ—при соединеніи энергіи съ уваженіемъ къ чужому праву, при отсутствіи личныхъ пререканій и столкновеній. Подобная комбинація условій встрѣчается далеко не всегда—и вотъ почему, быть можетъ, дѣйствительно хорошую память оставила по себѣ, въ лѣтописи послѣднихъ голодныхъ годовъ, только одна нижегородская губернская продовольственная коммиссія. Какъ бы то ни было, *совѣщаніе* по продовольственному дѣлу, созванное властью министра, не можетъ, очевидно, ни упразднить дѣятельность мѣстъ и лицъ, призванныхъ, *по закону*, къ завѣдыванію народнымъ продовольствіемъ, ни подчинить ее себѣ на правахъ высшей, рѣшающей инстанціи. Совершенно понятно, поэтому, пожеланіе „Русскихъ Вѣдомостей“, чтобы „продовольственныя совѣщанія были твердо поставлены въ рамки совѣщательныхъ органовъ при губернаторахъ“. Съ перваго взгляда такое пожеланіе можетъ даже показаться излишнимъ: вѣдь по самому смыслу слово: *совѣщаніе* —должно быть не чѣмъ инымъ, какъ именно *совѣщательнымъ* органомъ. Къ сожалѣнію, у насъ, сплошь и рядомъ, бываетъ необходимо установлять или возстановлять смыслъ самыхъ ясныхъ понятій. Мы видѣли уже въ предыдущемъ обозрѣніи, что усилія „охранительной“ печати направлены къ *фактическому* изъятію продовольственнаго дѣла изъ рукъ земства, а затѣмъ и къ юридическому, на основаніи новаго закона, переходу продовольственной части въ вѣденіе администраціи. Въ губернскихъ продовольственныхъ совѣщаніяхъ органы этой печати поспѣшили усмотрѣть средство къ достиженію желанной цѣли. Не предлагая прямо, en toutes lettres, устранить земство отъ пользованія предоставленными ему правами и исполненія возложенныхъ на него обязанностей, они рекомендуютъ администраціи „работать за двоихъ“, т.-е. замѣнить собою, de facto, земскія учрежденія, никогда, будто бы, „продовольственнымъ дѣломъ не занимавшіяся и заниматься почти не желающія“ (!). „Русскія Вѣдомости“ выразили надежду, что земство, въ отведенной ему закономъ сферѣ дѣйствій, „будетъ ограждено отъ вмѣшательства другихъ учрежденій“; „Московскія Вѣдомости“ полагаютъ, что разсчитывать на такое ограждение, значило бы, со стороны земства, предъявлять „безцеремонную претензію“ на распоряженіе запасами и суммами, собранными помимо всякаго участія земства [1]). Въ избыткѣ усердія реакціонная газета

[1]) Если въ пополненіи натуральныхъ хлѣбныхъ запасовъ и взысканіи долговъ продовольственнымъ капиталамъ главную роль играютъ органы администраціи, то это объясняется очень просто: никакими мѣрами взысканія и принужденія земство не располагало и не располагаетъ и, слѣдовательно, не отвѣчаетъ ни за неисправность запасныхъ магазиновъ, ни за накопленіе продовольственныхъ недоимокъ.

Digitized by Google

упускаетъ изъ виду, что отстаиванье законными путями своего законнаго права даже у насъ разсматривалось и разсматривается до сихъ поръ не какъ „безцеремонная претензія“, а какъ вполнѣ нормальное „притязаніе“, въ томъ смыслѣ, какой даетъ этому слову юридическая наука... Достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что при раздачѣ продовольственныхъ пособій, какъ и во всѣхъ остальныхъ дѣйствіяхъ своихъ по продовольственной части, земство не выйдетъ ни за черту закона, ни за предѣлы благоразумія, служитъ административный контроль, о которомъ говорится и въ статьѣ „Русскихъ Вѣдомостей“. Попытку остаться на почвѣ закона „Московскія Вѣдомости“ дѣлаютъ только тогда, когда стараются провести различіе между пособіями, оказываемыми изъ продовольственныхъ капиталовъ (губернскихъ и имперскаго), и пособіями, оказываемыми изъ средствъ государственнаго казначейства; послѣднія, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, не подходятъ подъ дѣйствіе продовольственнаго устава, какъ вовсе не предусмотрѣнныя нашимъ законодательствомъ. Мы думаемъ, наоборотъ, что именно вслѣдствіе отсутствія особыхъ правилъ о порядкѣ выдачи ссудъ изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства, она не можетъ быть регулируема ничѣмъ другимъ, кромѣ постановленій продовольственнаго устава. Весьма возможно, впрочемъ, что вопросъ, возбуждаемый „Московскими Вѣдомостями“, въ нынѣшнемъ году не получитъ практическаго значенія; при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ достаточными окажутся, можетъ быть, капиталы губернскіе и имперскій.

Мы имѣли уже случай упоминать о ходатайствахъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, направленныхъ къ освобожденію земствъ и городовъ отъ обязательныхъ расходовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Судя по газетнымъ свѣденіямъ, можно разсчитывать, по крайней мѣрѣ отчасти, на успѣхъ этихъ ходатайствъ. На первое время имѣется въ виду освободить города отъ расходовъ на освѣщеніе и отопленіе тюремъ и отъ нѣкоторыхъ расходовъ по содержанію полиціи. Нужно надѣяться, что дѣло, начатое закономъ 1-го іюня 1895 г., не остановится на этомъ второмъ шагѣ и будетъ приведено къ логическому концу. Подводная повинность [1]), напримѣръ, такъ тяжело ложащаяся на земскіе бюджеты, или постойная повинность, не менѣе обременительная для городовъ, ничѣмъ существенно не отличаются отъ расходовъ на содержаніе мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій, сложенныхъ съ земства, или

[1]) За исключеніемъ той ея части, которая обусловливается разъѣздами членовъ земскихъ управъ, земскихъ врачей, ветеринаровъ и другихъ агентовъ земскаго управленія.

Digitized by Google

отъ расходовъ на отопленіе и освѣщеніе тюремъ, которые предполагается сложить съ городовъ. Разъѣзды чиновниковъ всего естественнѣе оплачивать изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и ихъ жалованье; помѣщеніе войскъ — изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и ихъ содержаніе. Существующее теперь различіе въ способѣ покрытія расходовъ, по своей природѣ совершенно однородныхъ, образовалось подъ вліяніемъ условій, давно потерявшихъ всякую силу — а между тѣмъ, оно тормазитъ самостоятельное развитіе земскаго и городского хозяйства, стѣсняетъ его въ осуществленіи задачъ, составляющихъ главное призваніе самоуправленія.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1897.

Военныя празднества и политическія манифестаціи въ Венгріи. — Предварительный мирный договоръ между Турціей и Греціей.—Внутреннія дѣла въ Австріи и министерство графа Бадени.—Политическія дуэли. — Рабочее движеніе въ Англіи.—Волненія въ Индіи и судебные процессы противъ индійскихъ газетъ.

Военные маневры въ Венгріи и посѣщеніе ея столицы германскимъ императоромъ превратились, съ одной стороны, въ обычную политическую манифестацію въ пользу общаго мира, а съ другой—получили значеніе спеціально-мадьярскихъ внутреннихъ событій, чрезвычайно важныхъ съ точки зрѣнія венгерскаго патріотизма. Большіе военные маневры давно уже заняли свое опредѣленное мѣсто въ политической жизни государствъ; они служатъ суррогатомъ войны для вліятельнаго военнаго класса, удовлетворяютъ полководцевъ или кандидатовъ въ полководцы подобіемъ крупныхъ сраженій, создаютъ военную практику въ мирное время и позволяютъ народамъ наслаждаться миромъ безъ ущерба для военнаго искусства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе выступаетъ предъ нами другая характерная черта этихъ военныхъ упражненій: они постепенно пріобрѣтаютъ международный оттѣнокъ, способствуютъ взаимному сближенію выдающихся представителей иностранныхъ армій и поддерживаютъ такимъ образомъ мирныя чувства даже въ военной средѣ. То, что̀ должно было служить способомъ провѣрки боевой готовности страны и косвенною угрозою возможнымъ врагамъ, сдѣлалось также орудіемъ мира и дружбы. Маневры становятся особымъ видомъ празднествъ, на которыя приглашаются иностранные офицеры и иногда монархи или члены царствующихъ фамилій. Корреспонденты нѣмецкихъ газетъ съ удовольствіемъ отмѣчали то обстоятельство, что три начальника главнаго штаба, австрійскій, германскій и русскій, генералы Бекъ, Шлифенъ и Обручевъ, находились вмѣстѣ и дружески обсуждали различные инциденты происходившихъ маневровъ. Вильгельмъ II присутствовалъ на маневрахъ, какъ союзникъ императора Франца-Іосифа; военный союзъ между Германіею и Австро-Венгріею могъ быть направленъ только противъ Россіи, и упражненія австрійскихъ войскъ должны были показать боевую готовность ихъ на случай военныхъ дѣйствій противъ русской арміи;—между тѣмъ начальникъ штаба русской арміи былъ тутъ же въ качествѣ приглашеннаго почетнаго гостя, и мысль о военныхъ

Digitized by Google

приготовленіяхъ противъ Россіи совершенно отсутствовала въ торжествахъ, сопровождавшихъ маневры. Мѣстечко Тотисъ, съ великолѣпнымъ замкомъ графовъ Эстергази, съ паркомъ и озеромъ, оживилось и украсилось; замокъ былъ предоставленъ въ распоряженіе императора Франца-Іосифа, и только внѣшнее подобіе лагерной жизни и дѣятельности напоминало собравшимся жителямъ, что праздникъ долженъ изображать собою одинъ изъ моментовъ войны. „Кёльнская газета“ приводитъ слова, сказанныя Вильгельмомъ II хозяйкѣ замка въ Тотисѣ, графинѣ Эстергази: „Маневры вытѣснили васъ изъ этого рая,—но такова уже война“ (so geht's im Kriege). Иллюзія—что „такъ бываетъ на войнѣ“, предполагаетъ значительную долю военнаго воображенія, не свойственнаго обыкновеннымъ смертнымъ; въ дѣйствительности, все кругомъ противорѣчило этой иллюзіи,—начиная съ того, что сама графиня Эстергази, въ изящной амазонкѣ, слѣдила за движеніями войскъ и нѣкоторымъ образомъ участвовала лично въ маневрахъ. По окончаніи маневровъ, на придворномъ банкетѣ въ Будапештѣ, 21 сентября (нов. ст.), австрійскій монархъ привѣтствовалъ Вильгельма II, какъ „неуклоннаго союзника въ великомъ дѣлѣ мира, которому да будутъ всегда посвящены наши лучшія силы“, а германскій императоръ въ своей отвѣтной рѣчи заявилъ, что, благодаря мудрости Франца-Іосифа, „стоитъ крѣпко и неизмѣнно союзъ, заключенный для блага народовъ, и Европа такъ долго сохраняла миръ и будетъ сохранять его и впредь“. Окруживъ себя на короткое время обстановкою войны и фиктивныхъ военныхъ дѣйствій, оба императора и ихъ приближенные ни въ чемъ не измѣнили своихъ обычныхъ мирныхъ стремленій, понятій и интересовъ; маневры дали имъ поводъ говорить о прочности мира. Войска повсюду производятъ пріятное впечатлѣніе на парадахъ и маневрахъ; они красиво движутся большими внушительными массами, идутъ въ аттаку, отступаютъ точь-въ-точь какъ на батальныхъ картинахъ старыхъ живописцевъ,—и нѣтъ уже надобности ожидать войны, чтобы испытать извѣстныя патріотическія ощущенія. Нѣтъ ничего легче въ наше время, какъ поднять національный духъ и возбудить патріотическія чувства; для этого не нужно ни рискованныхъ внѣшнихъ предпріятій, ни серьезныхъ международныхъ замѣшательствъ и событій, а достаточно нѣсколькихъ теплыхъ словъ, застольныхъ рѣчей или тостовъ, какъ могъ въ этомъ еще разъ убѣдиться Вильгельмъ II во время своего пребыванія въ Пештѣ. Императоръ Францъ-Іосифъ, между прочимъ, выразился въ своемъ привѣтствіи на банкетѣ, что ему доставляетъ особенное удовольствіе принимать высокаго гостя въ своей венгерской столицѣ и резиденціи; Вильгельмъ II съ своей стороны превознесъ мадьяръ, ихъ историческое прошлое, ихъ великихъ національныхъ героевъ, упомянулъ о не-

Digitized by Google

давнемъ празднованіи тысячелѣтія венгерскаго государства, торжественно подтвердилъ право Венгріи на равное мѣсто среди великихъ культурныхъ народовъ и закончилъ провозглашеніемъ многолѣтія „королю“ по-венгерски. Эти слова вызвали неописанную радость въ мадьярахъ, дали богатую пищу ихъ національной гордости и сразу сдѣлали имя Вильгельма II популярнѣйшимъ въ странѣ; даже внутренніе раздоры партій были на время забыты, и положеніе министерства Банфи отчасти укрѣпилось. Вообще застольныя рѣчи составляютъ въ наше время излюбленную форму важныхъ политическихъ манифестацій; это наиболѣе доступная категорія событій, обсуждаемыхъ въ газетной публицистикѣ. Если нѣсколькими словами можно обрадовать и привлечь къ себѣ цѣлый такой народъ, какъ венгерскій, то задачи внѣшней политики существенно облегчаются, и общій миръ можетъ быть поддерживаемъ самыми легкими средствами, какія находятся въ распоряженіи правителей. Стоитъ Вильгельму II при какомъ-нибудь случаѣ отозваться сочувственно о Франціи, и франко-германскія отношенія замѣтно поправятся; хорошая, публично-сказанная фраза есть тоже политическое орудіе, и иногда болѣе важное и дѣйствительное, чѣмъ кабинетные пріемы дипломатіи прежняго типа.

Среди газетнаго шума, вызваннаго такими событіями, какъ спичъ Вильгельма II въ Будапештѣ, прошло почти незамѣченнымъ извѣстіе о подписаніи въ Константинополѣ предварительнаго мирнаго трактата между Греціею и Турціею. Продолжительныя и упорныя усилія европейской дипломатіи увѣнчались, какъ будто, успѣхомъ; проектъ договора подписанъ 18 сентября и вслѣдъ затѣмъ обнародованъ для общаго свѣдѣнія. Въ текстъ одобренныхъ нынѣ условій мира включены постановленія, которыя были предложены лондонскимъ кабинетомъ и въ свое время вызывали горячія нападенія на Англію въ значительной части западно-европейской печати. Во-первыхъ, назначается международная коммиссія изъ представителей великихъ державъ для принятія необходимыхъ мѣръ съ цѣлью обезпеченія исправной уплаты военнаго вознагражденія со стороны Греціи, безъ ущерба для прежнихъ ея кредиторовъ. Собираніе и употребленіе доходовъ, достаточныхъ для платежей по старымъ и новымъ займамъ, подлежатъ безусловному контролю этой коммиссіи;—обязанности послѣдней будутъ въ точности опредѣлены особымъ закономъ, который долженъ быть представленъ греческому парламенту правительствомъ, съ одобренія державъ. Во-вторыхъ, очищеніе Ѳессаліи турецкими войсками будетъ произведено въ теченіе мѣсяца послѣ того, какъ державы признаютъ исполненными всѣ условія, предписанныя для открытія дѣйствій международной коммиссіи, и когда будетъ уже назначенъ срокъ выпуска новаго займа для уплаты контрибуціи. Опредѣленіе окончательной

Digitized by Google

пограничной черты въ подробностяхъ предоставлено делегатамъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, при участіи военныхъ представителей великихъ державъ; разграничительная коммиссія должна собраться въ теченіе двухъ недѣль со дня подписанія договора. Въ мирный трактатъ будутъ включены постановленія объ обмѣнѣ военноплѣнныхъ, объ амнистіи, о свободномъ выселеніи жителей уступленныхъ территорій, и о вознагражденіи частныхъ лицъ за потери, причиненныя греческими войсками; особые переговоры должны быть начаты въ Константинополѣ относительно заключенія конвенцій о выдачѣ преступниковъ, о мѣрахъ противъ разбойничества на границѣ, о консульскихъ правахъ и о лицахъ спорныхъ національностей. Широкія полномочія международной финансовой коммиссіи установлены державами преимущественно по настойчивому требованію Англіи и Германіи, въ интересахъ кредиторовъ Греціи по прежнимъ займамъ; кабинеты желали вообще избѣгнуть оффиціальной опеки надъ государственнымъ хозяйствомъ Греціи, но должны были допустить принудительный контроль въ этой области, такъ какъ греческое правительство не пользуется довѣріемъ въ финансовомъ мірѣ и не могло бы заключить никакого новаго займа помимо участія великихъ державъ. Зато пунктъ относительно скорѣйшаго очищенія Ѳессаліи безусловно благопріятенъ для Греціи; онъ также включенъ въ договоръ по настоянію Англіи и обставляетъ хоть нѣкоторыми гарантіями крайне трудную и щекотливую процедуру, которую континентальная дипломатія готова была оставить всецѣло въ рукахъ Порты. Представители кабинетовъ, сохраняющихъ дружественныя отношенія съ Турціею, считали неудобнымъ выставлять какія-либо опредѣленныя требованія насчетъ занятыхъ турками провинцій, опасаясь задѣть самолюбіе султана и обидѣть Порту. Постановлено было только, что освобожденіе Ѳессаліи должно совершиться постепенно, по мѣрѣ періодическихъ уплатъ въ счетъ контрибуціи, и лордъ Сольсбери оказалъ большую услугу Греціи, предложивъ назначить точный и возможно краткій срокъ для прекращенія турецкой оккупаціи. Еслибы Ѳессалія служила залогомъ, обезпечивающимъ исправные денежные взносы со стороны Греціи, то она могла бы еще долго пребывать подъ турецкимъ владычествомъ, и денежные взносы поступали бы очень туго; но, выдѣливъ извѣстные источники греческихъ доходовъ для удовлетворенія Турціи, можно было разрѣшить вопросъ объ оккупаціи вполнѣ самостоятельно и потребовать скорѣйшаго очищенія греческой территоріи для избѣжанія опасныхъ затрудненій въ будущемъ. Англію не останавливала дипломатическая щепетильность, которою руководствовались другіе кабинеты; она не стѣснялась нарушать формальное общее согласіе своими особыми проектами, рискуя навлечь на себя всевозможныя наре-

Digitized by Google

канія, и въ концѣ концовъ она съумѣла добиться принятія своихъ предложеній. Нарушенное согласіе возстановлялось уже на основѣ англійскихъ проектовъ, которые оказывались вполнѣ разумными и цѣлесообразными. „Коварная" роль лондонскаго кабинета въ восточной политикѣ сводилась лишь къ усиліямъ внести требованія опредѣленности и здраваго смысла въ ту безцвѣтную и вялую дипломатическую игру, которая велась въ Константинополѣ. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, предварительный греко-турецкій мирный трактатъ есть отчасти плодъ смѣлой тактики Англіи. Подробности мирныхъ условій между Турціею и Греціею мало занимаютъ теперь общественное мнѣніе, потому что миръ уже фактически существуетъ и едва ли будетъ скоро нарушенъ на востокѣ; но всякая неясность положенія въ сферѣ восточныхъ дѣлъ оставляетъ матеріалъ для кризисовъ и конфликтовъ, которые полезно предвидѣть и, насколько возможно, предотвратить.

Австрійскій парламентъ собрался 23 (11) сентября при крайне запутанныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Министерство графа Бадени, располагающее большинствомъ въ палатѣ депутатовъ, осуждено однако на безсиліе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, составные элементы этого большинства находятся между собою въ скрытомъ разладѣ и не особенно довѣряютъ самому правительству, такъ что послѣднее не можетъ опираться на нихъ съ полною основательностью; и во-вторыхъ, оппозиція нѣмецкой партіи противъ кабинета до того разгорячила страсти, что нѣтъ уже почвы для компромисса. Духъ непримиримой вражды и злобы господствуетъ въ лагерѣ нѣмецко-австрійскихъ патріотовъ, отъ имени которыхъ рѣзче всѣхъ выступаетъ безцеремонный депутатъ Шенереръ. Наиболѣе вліятельная и распространенная часть австрійской журналистики возстаетъ противъ графа Бадени, какъ представителя польско-чешскихъ или вообще федеративныхъ стремленій, какъ союзника клерикаловъ и реакціонеровъ, какъ приверженца крутыхъ административныхъ мѣръ при охранѣ общественнаго порядка и спокойствія. Глава министерства съ одной стороны отстаиваетъ хорошій принципъ равноправности національностей, а съ другой—нарушаетъ основы законности произвольными распоряженіями, обостряющими борьбу; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣйствуетъ неудачно въ парламентѣ, не умѣетъ устраивать нужныя соглашенія и сдѣлки, и не обнаруживаетъ вообще искусства и талантовъ государственнаго человѣка. Лѣтомъ онъ преждевременно закрылъ сессію (2 іюня нов. ст.), чтобы не имѣть дѣла съ назойливыми противниками; но рано или поздно пришлось бы возобновить засѣданія, а раздраженіе, долго не имѣвшее выхода, накоплялось сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Digitized by Google

День перваго парламентскаго собранія послѣ четырехмѣсячнаго почти перерыва оказался именно такимъ, какимъ можно было его ожидать. Маленькая группа изъ пяти человѣкъ, составляющая такъ называемую фракцію Шенерера, приготовила правительству достойную встрѣчу; она поставила себѣ цѣлью помѣшать во что бы то ни стало занятіямъ палаты и перекричать ораторовъ большинства. Эти крайніе изъ крайнихъ суть только нѣмецкіе націоналисты; они подняли громкій шумъ при вступленіи графа Бадени въ палату и привѣтствовали его какъ „объединителя нѣмецкаго народа", какъ виновника большей сплоченности разрозненныхъ нѣмецкихъ партій и элементовъ. Одинъ изъ пяти „шенереріанцевъ", депутатъ Вольфъ, видимо тѣснился впередъ, чтобы бросить въ лицо министру свои обычныя грубости; министра окружили стѣною сочувствующіе ему депутаты, и онъ могъ наконецъ объявить объ открытіи парламентскихъ занятій. Сессія открыта безъ тронной рѣчи, и это отступленіе отъ установившагося законнаго порядка вызываетъ оживленные протесты. Но графъ Бадени не имѣлъ матеріала для тронной рѣчи и не желалъ притомъ давать поводъ къ преніямъ объ отвѣтномъ адресѣ, такъ какъ при этихъ преніяхъ могла бы обнаружиться шаткость связей, соединяющихъ различныя группы большинства. Оппозиція воспользовалась неправильностью дѣйствій министерства для рѣшительнаго натиска; депутатъ Грегоричъ указалъ на странную охранительную мѣру, принятую на эту сессію въ палатѣ, — на назначеніе новыхъ шестнадцати служителей изъ числа переодѣтыхъ полицейскихъ чиновниковъ. Предсѣдательствовавшій по старшинству лѣтъ архимандритъ Пуканъ ничего не могъ отвѣтить на недоумѣніе и вопросъ Грегорича. Возгласы противъ министерства усилились; депутатъ Вольфъ закричалъ министру: „графъ Бадени, это польская продѣлка, плутовство"! Начинаются выборы президента; оппозиціонныя партіи воздерживаются отъ подачи голосовъ, и только 212 членовъ изъ присутствующихъ 425 участвуютъ въ голосованіи. Выбранъ д-ръ Катрейнъ изъ Тироля, нѣмецкій клерикалъ, какъ было рѣшено заранѣе. Нѣмцы волнуются по поводу того, что нѣмецъ по происхожденію взялся быть представителемъ анти-нѣмецкаго большинства; депутатъ Шенереръ и его свита заглушаютъ голосъ новаго президента, провозглашаютъ его измѣнникомъ, достойнымъ лишь презрѣнія. Шумныя скандальныя сцены продолжались до конца; позднѣе въ Вѣнѣ узнали, что засѣданіе имѣло по крайней мѣрѣ одинъ интересный результатъ—дуэль графа Бадени съ депутатомъ Вольфомъ. Министръ не вынесъ оскорбленій и счелъ своимъ долгомъ потребовать оскорбителя къ барьеру, для чего предварительно испросилъ разрѣшеніе императора. Дуэль состоялась на пистолетахъ; Вольфъ прострѣлилъ руку Бадени.

Digitized by Google

Дуэль и тяжелая рана доставили министру популярность, которой онъ не могъ достигнуть своею политическою дѣятельностью. Графъ Бадени поступилъ просто какъ человѣкъ изъ общества, и этимъ завоевалъ себѣ общественныя симпатіи; но едва ли его поступокъ можетъ быть оправданъ съ точки зрѣнія политической практики. Что выигралъ и что доказалъ министръ своею дуэлью? Убѣдилъ ли онъ своихъ противниковъ, что нѣтъ ничего предосудительнаго въ помѣщеніи полицейскихъ чиновниковъ въ палатѣ депутатовъ подъ видомъ служителей? Или онъ вовсе не дѣлалъ подобнаго распоряженія и былъ напрасно оклеветанъ оппозиціей? Тогда, конечно, онъ долженъ былъ бы прежде всего опровергнуть обвиненіе, заявить, что самый фактъ выдуманъ, и что, слѣдовательно, и дѣлаемые изъ него выводы не имѣютъ основанія. Не сдѣлавъ такого заявленія, онъ ничего не доказалъ и своимъ единоборствомъ съ Вольфомъ. Всякій общественный дѣятель—и тѣмъ болѣе министръ—постоянно подвергается критикѣ и нападкамъ извѣстной части общества и печати, если только право свободной критики вообще признается и примѣняется въ странѣ. Критика, какъ бы рѣзка она ни была, остается критикою, пока касается общественной дѣятельности лица; она выходитъ изъ своей области только тогда, когда затрогиваетъ личную интимную жизнь человѣка. Политическія дуэли вообще не имѣютъ никакого разумнаго смысла. Депутатъ Шенереръ осыпаетъ всевозможными обвиненіями графа Бадени, какъ врага австро-нѣмецкой идеи; онъ критикуетъ и осмѣиваетъ каждый его шагъ, какъ министра, и имѣетъ на это право, какъ откровенный противникъ, обладающій правомъ голоса въ парламентѣ. Другіе въ свою очередь не стѣсняются ругать и высмѣивать Шенерера, какъ представителя устарѣлыхъ нѣмецкихъ притязаній въ Австріи. Различныя партіи полемизируютъ между собою, каждая отстаиваетъ свою точку зрѣнія, прибѣгая иногда къ рѣзкостямъ, и неужели эти естественные, постоянно повторяющіеся споры могли бы разрѣшаться единоборствомъ? У общественныхъ дѣятелей и министровъ не хватило бы времени для личныхъ счетовъ съ возражателями, еслибы пререканія по поводу общественныхъ дѣлъ давали матеріалъ для дуэлей. Каждый изъ англійскихъ министровъ рисковалъ бы десятки разъ стоять у барьера или имѣть безконечные судебные процессы, еслибы принималъ нападки на общественную дѣятельность какъ личное оскорбленіе; равнодушіе къ злобѣ противниковъ и чисто дѣловое отношеніе къ самой ядовитой полемикѣ вырабатывается въ Англіи подъ вліяніемъ особаго чувства свободы, свойственнаго только англо-саксонской расѣ. Чего не говорили о Гладстонѣ враги его въ продолженіе его долгой жизни? Покойный лордъ Черчилль, во время министерства Гладстона, публично выражался о премьерѣ, какъ о

Digitized by Google

безсмысленномъ, выжившемъ изъ ума старикѣ; тѣмъ не менѣе Гладстонъ, какъ ни въ чемъ не бывало, хвалилъ таланты Черчилля и предсказывалъ ему большую будущность. Ругательства не задѣвали Гладстона, потому что они касались его какъ общественнаго и политическаго дѣятеля, подлежащаго критикѣ всѣхъ и каждаго, а тонъ критики зависитъ уже отъ воспитанія и нравовъ отдѣльныхъ лицъ. Еще меньше смысла имѣетъ дуэль, когда къ ней обращаются для рѣшенія вопроса, не имѣющаго никакой связи ни съ личною честью, ни съ общественною дѣятельностью спорящихъ—когда дѣло идетъ о принципахъ и фактахъ, допускающихъ разумную провѣрку. Такова была недавняя дуэль герцога Орлеанскаго съ графомъ Туринскимъ изъ-за сужденій о дѣйствіяхъ итальянскихъ офицеровъ въ Абиссиніи. Герцогъ Генрихъ Орлеанскій высказывалъ въ „Figaro“ свои мнѣнія на основаніи собранныхъ свѣдѣній и впечатлѣній, подобно всякому автору-путешественнику; выдающіеся представители итальянской арміи усмотрѣли въ его отзывахъ оскорбленіе своей военной чести, и, къ сожалѣнію, авторъ согласился стать на эту странную точку зрѣнія. Графъ Туринскій взялся защитить итальянскую армію отъ оскорбленій—и защитилъ, нанеся рану герцогу Орлеанскому. Въ дѣйствительности, графъ Туринскій своимъ успѣшнымъ поединкомъ не опровергъ ни одной буквы изъ того, что напечатано было въ „Figaro“ объ итальянскихъ офицерахъ, и притомъ онъ вообще не имѣлъ ни малѣйшаго основанія считать себя лично оскорбленнымъ вслѣдствіе сообщенія обидныхъ свѣдѣній о малознакомыхъ или неизвѣстныхъ ему лицахъ, пребывавшихъ въ Абиссиніи; единственное, что онъ могъ сдѣлать и чего не сдѣлалъ,—это потребовать обстоятельной провѣрки фактовъ на мѣстѣ и обнародовать полученные результаты для возстановленія истины, чѣмъ устранялось бы все ошибочное и одностороннее, что было въ отзывахъ герцога Орлеанскаго. Теперь же факты остались безъ опроверженія и провѣрки; свѣдѣнія объ итальянскихъ офицерахъ въ Абиссиніи ни въ чемъ не исправлены и не дополнены, и только племянникъ итальянскаго короля показалъ, что умѣетъ владѣть шпагою, хотя это обстоятельство не имѣло никакого отношенія къ предмету спора. Точно такъ же и графъ Бадени напрасно взялся за оружіе; онъ не только не обуздалъ противниковъ, но самъ потерпѣлъ пораженіе, а группа Шенерера будетъ пуще прежняго поносить его за желаніе поставить чеховъ рядомъ съ нѣмцами или выше ихъ. Графу Бадени пришлось бы выдержать сотни дуэлей, еслибы онъ вздумалъ и впредь поступать по той же системѣ, какъ въ исторіи съ депутатомъ Вольфомъ; въ томъ же положеніи находился бы всякій политическій или общественный дѣятель. Конечно, популярность оживляется или даже создается при помощи рыцарскихъ по-

Digitized by Google

ступковъ и рѣшеній; но политика запутывается еще больше или становится прямо невозможною. Стоитъ только себѣ представить, что было бы на свѣтѣ, еслибы повсюду министры грозили членамъ оппозиціи пистолетами или шпагами, и еслибы путешественники подвергались опасности получать вызовы на единоборство отъ всѣхъ племенъ и народовъ, о которыхъ имъ случалось бы печатать неблагопріятныя замѣчанія! Какой-нибудь Шенереръ или Вольфъ, шумныя выходки котораго не имѣютъ теперь никакого значенія, держалъ бы правительство въ своей власти, вызывая по очереди всѣхъ министровъ на дуэль; а путешественники, чтобы не навлечь на себя нападеній подражателей графа Туринскаго, должны были бы тщательно избѣгать критическихъ отзывовъ о чужихъ національностяхъ и племенахъ.

Въ Англіи продолжается уже больше трехъ мѣсяцевъ грандіозная борьба между сильнѣйшими изъ рабочихъ союзовъ и синдикатомъ хозяевъ механическихъ и строительныхъ заводовъ по поводу восьмичасовой нормы рабочаго дня. Рабочіе требовали сокращенія обязательнаго дневного труда на одинъ часъ, съ тѣмъ чтобы счетъ сверхурочной работы начинался съ окончаніемъ восьмичасового рабочаго дня; многіе заводчики признали это требованіе справедливымъ, но вліятельная „федерація хозяевъ“ механическихъ заводовъ отвергла всякую мысль о сокращеніи работы и предприняла рѣшительный походъ противъ членовъ рабочихъ союзовъ. Соединенное общество строительныхъ рабочихъ и механиковъ, обладающее огромными денежными средствами, приняло вызовъ федераціи, и движеніе сразу охватило десятки тысячъ лицъ. Хозяева отказываютъ рабочимъ, принадлежащимъ къ числу членовъ союза; рабочіе въ свою очередь прекращаютъ работы тамъ, гдѣ хозяева не принимаютъ восьмичасовой нормы. Свободныхъ рабочихъ числилось въ половинѣ сентября около 57 тысячъ человѣкъ; на содержаніе ихъ выдается *еженедѣльно* свыше 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. до 300 тысячъ рублей; въ субботу, 18 сентября, состоялась десятая недѣльная выдача въ такомъ размѣрѣ изъ фондовъ соединеннаго общества строительныхъ рабочихъ, и слѣдовательно всего израсходовано до этого срока около 3 милліоновъ рублей на наши деньги. Другіе рабочіе союзы помогаютъ названному обществу своими субсидіями по мѣрѣ возможности: движеніе разростается все болѣе и болѣе: новыя фирмы присоединяются къ федераціи хозяевъ, и борьба ведется съ замѣчательнымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Федерація хозяевъ не обнаруживаетъ склонности къ уступкамъ, хотя подвергается колоссальнымъ потерямъ, вслѣдствіе прекращенія или сокращенія производства, и рискуетъ

Digitized by Google

даже потерять нѣкоторые заграничные рынки, которыми готовятся завладѣть нѣмецкіе предприниматели; упрямство хозяевъ объясняется, повидимому, желаніемъ и надеждою сломить могущество рабочихъ союзовъ, разоривъ ихъ матеріально; нѣкоторые союзы уже теперь доведены до полной несостоятельности, а крупные хозяева-капиталисты могутъ еще долго держаться. Хозяева хотятъ во что бы то ни стало поставить на своемъ; они жертвуютъ ближайшими матеріальными выгодами ради подтвержденія своего преимущества предъ рабочими. Значительная часть печати, даже консервативной, высказывается противъ промышленныхъ хозяевъ; упорство ихъ признается недостаточно мотивированнымъ и слишкомъ рѣзко противорѣчащимъ общественному и народному интересу. Одинъ изъ крупныхъ заводчиковъ, Маттернъ, предложилъ своимъ товарищамъ по федераціи вступить въ соглашеніе съ рабочими, но его проектъ не былъ принятъ. Въ дѣло начинаетъ весьма скромно вмѣшиваться правительство въ лицѣ своихъ спеціальныхъ органовъ, и можно думать, что будетъ достигнутъ какой-нибудь опредѣленный компромиссъ безъ ущерба для рабочаго класса.

Гдѣ рабочіе союзы могутъ дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствуютъ въ Англіи, имѣя предъ собою ясно поставленныя практическія и достижимыя цѣли, тамъ усилія и жертвы рабочаго движенія не пропадаютъ напрасно. Члены рабочихъ союзовъ борются съ хозяевами на равныхъ правахъ; они считаются въ жизни такими же гражданами, какъ и капиталисты, и въ Англіи не существуетъ вообще той отчужденности между рабочимъ и остальнымъ обществомъ, какъ во Франціи или Германіи. Происходитъ это отчасти отъ того, что рабочимъ чуждо доктринерство, рисующее имъ впереди обѣтованную землю и побуждающее ихъ смотрѣть на буржуазію какъ на особую породу людей; англійскіе рабочіе меньше отдаются фантазіямъ, и зато добиваются болѣе существенныхъ уступокъ на практикѣ. Примѣромъ разумной трезвости взглядовъ и дѣйствій можетъ служить дѣятельность послѣдняго конгресса рабочихъ союзовъ, засѣдавшаго недавно въ Бирмингамѣ. На съѣздъ явилось до четырехсотъ делегатовъ, представлявшихъ около 1¼ милліона трэдъ-уніонистовъ. Мѣстный лордъ-мэръ привѣтствовалъ собравшихся членовъ конгресса. Въ первый же день делегаты, въ числѣ до тысячи человѣкъ, включая и дамъ, были приглашены графинею Варвикъ въ замокъ на „garden party“; рабочіе отправились въ спеціальныхъ поѣздахъ и, по прибытіи въ замокъ. были встрѣчены графомъ Варвикомъ и лордомъ Брукомъ, которые выразили лишь сожалѣніе, что графиня, по нездоровью, не можетъ также присутствовать. На другой день вечеромъ делегаты и ихъ жены были приняты лордомъ-мэромъ и его супругою въ зданіи городского совѣта.

Digitized by Google

Изъ рѣшеній конгресса слѣдуетъ упомянуть о резолюціи въ пользу восьмичасового рабочаго дня, о ходатайствѣ предъ парламентомъ относительно запрещенія работы малолѣтнимъ на фабрикахъ и заводахъ до 15-лѣтняго возраста и недопущенія какой бы то ни было ночной работы до 18 лѣтъ. Предметомъ обсужденія была, конечно, и борьба между хозяевами и рабочими въ области механическихъ и строительныхъ заводовъ; указывались способы помочь рабочимъ-механикамъ изъ средствъ другихъ рабочихъ обществъ, но никакого сомнѣнія въ законности и необходимости принятыхъ мѣръ не выражалось на конгрессѣ. Англійскіе рабочіе проникнуты спокойнымъ сознаніемъ своего права, и это твердое сознаніе даетъ имъ энергію и выдержку, безъ которыхъ ничего реальнаго не достигается въ жизни.

Въ пограничныхъ областяхъ, отдѣляющихъ британскую Индію отъ Афганистана, вспыхнули возстанія, истинный смыслъ которыхъ не совсѣмъ ясенъ. Имѣютъ ли эти волненія чисто-мѣстный, случайный характеръ, или же находятся въ связи съ общимъ настроеніемъ въ сосѣднихъ земляхъ Индіи? Не поддерживаются ли замѣшательства извнѣ афганскимъ эмиромъ и эмиссарами турецкаго султана? Пока несомнѣнно одно, что возставшія племена принадлежатъ къ мусульманскому населенію, и что справиться съ ними чрезвычайно трудно, вслѣдствіе малой доступности этихъ мѣстъ для англійскихъ войскъ, и особенно для англійской артиллеріи. Кровопролитныя стычки и битвы около горныхъ проходовъ и фортовъ повторяются въ послѣднее время все чаще, и хотя нельзя предвидѣть прочный успѣхъ возставшихъ, они во всякомъ случаѣ могутъ причинить еще много вреда англичанамъ.

Многіе признаки свидѣтельствуютъ о сильномъ броженіи умовъ въ самой Индіи, въ ея британскихъ владѣніяхъ; индійская печать заговорила смѣлымъ патріотическимъ тономъ, требуя серьезныхъ реформъ въ разныхъ отрасляхъ жизни и администраціи. Наши газеты также сообщаютъ иногда о суровомъ англійскомъ гнетѣ, который терпятъ индусы, и о жестокихъ преслѣдованіяхъ, выпадающихъ на долю туземныхъ патріотовъ. Но, къ удивленію, о такихъ преслѣдованіяхъ мы всегда находимъ точныя сообщенія въ самихъ англійскихъ газетахъ; между прочимъ, въ лондонскомъ „Times“ напечатанъ подробный отчетъ о судебномъ процессѣ противъ издателя одной индійской газеты въ Пунѣ. Мы узнаёмъ изъ этого отчета, что въ газетѣ „Kesari“ помѣщались статьи, взывающія къ возстанію, возбуждающія вражду и ненависть къ британскому правительству, и что законъ дозволяетъ свободную критику правительственныхъ дѣйствій и правительственной политики, но запрещаетъ взывать къ бунту. Процессъ разбирался въ Бомбеѣ

Digitized by Google

обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ, при участіи присяжныхъ, изъ которыхъ половина состоитъ изъ туземцевъ, а половина — изъ европейцевъ. Обвиняемый имѣлъ оффиціальнаго защитника; генеральный адвокатъ поддерживалъ и излагалъ доводы въ пользу обвиненія; судъ выслушалъ свидѣтелей и экспертовъ, разобралъ доводы за и противъ, высказывалъ публично свои соображенія, и послѣ нѣсколькихъ продолжительныхъ засѣданій присяжные признали подсудимаго виновнымъ, вслѣдствіе чего судъ приговорилъ его къ 18-мѣсячному тюремному заключенію. Такъ поступаетъ остъ-индское правительство съ явно враждебными ему органами печати, при помощи публичнаго судебнаго разбирательства, съ участіемъ суда присяжныхъ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1897.

— Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1894 годъ. Спб. 1897.
— Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, нынѣ принадлежащихъ Импер. Публичной Библіотекѣ. Составилъ И. А. Бычковъ. Спб. 1897.

За послѣдніе годы мы привыкли находить въ годовыхъ Отчетахъ Импер. Публичной Библіотеки, кромѣ обычныхъ свѣдѣній объ ея дѣятельности, также болѣе или менѣе обширныя приложенія, гдѣ помѣщались извлеченія изъ вновь пріобрѣтенныхъ рукописей и различные библіографическіе матеріалы. На этотъ разъ приложенія особенно обширны и дѣлаютъ Отчетъ за 1894 годъ книгой, въ высшей степени интересной для людей, изучающихъ старую русскую письменность. Главную часть этихъ приложеній составляетъ обширный каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, вышедшій также въ видѣ особой книги. Въ разборѣ предъидущаго Отчета Библіотеки мы упоминали, что это собраніе было пріобрѣтено Библіотекой въ 1893 году; по обширности собранія, описаніе его не могло войти въ Отчетъ того года и должно было появиться позднѣе. Мы находимъ его теперь въ видѣ подробнаго описанія 98 рукописей съ приложеніями (всего 359 страницъ). Въ предисловіи къ каталогу, составленному И. А. Бычковымъ, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о самомъ собраніи и о содержаніи каталога.

„Собирать рукописи Ѳ. И. Буслаевъ началъ съ пятидесятыхъ годовъ и продолжалъ обогащать свое собраніе до конца восьмидесятыхъ годовъ. Общее число рукописей собранія Ѳ. И. Буслаева доходило до 150 нумеровъ. Въ Имп. Публичную Библіотеку оно поступило не въ полномъ составѣ; всѣхъ рукописей пріобрѣтено Библіотекою девяносто восемь, относящихся къ XV—XIX вв. Объясняется это тѣмъ, что нѣсколько рукописей Ѳедоръ Ивановичъ пожертвовалъ въ 1883—1885 годахъ Московскому Публичному Музею для составленія собранія въ

Digitized by Google

память покойнаго хранителя отдѣленія рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ Алексѣя Егоровича Викторова; нѣкоторыя же изъ имѣвшихся въ собраніи рукописей впослѣдствіи были промѣнены на новыя, причемъ иногда за одну цѣнную рукопись было отдаваемо нѣсколько рукописей меньшаго значенія.

„Собраніе рукописей Ѳ. И. Буслаева давно пользовалось извѣстностью у лицъ, занимающихся исторіею нашей древней литературы и искусства. Со многими рукописями этого драгоцѣннаго собранія познакомилъ самъ владѣлецъ въ своихъ трудахъ; не отказывалъ онъ предоставлять свои рукописи для пользованія и другихъ изслѣдователей и издателей памятниковъ нашей древней письменности; поэтому представляется излишнимъ входить здѣсь въ оцѣнку значенія этого собранія.

„Находящееся въ собраніи значительное число лицевыхъ рукописей, въ настоящее время рѣдко встрѣчающихся въ продажѣ, представляетъ особое значеніе для изслѣдователей нашего древняго искусства. О нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей были сообщены свѣдѣнія въ трудахъ самого Ѳ. И. Буслаева. Не признавая себя спеціалистомъ по этой части, я не входилъ въ настоящемъ трудѣ въ опредѣленіе достоинства и описаніе миніатюръ рукописей.

„Предлагаемый каталогъ даетъ достаточно полныя свѣдѣнія о рукописяхъ настоящаго собранія для того, чтобы изслѣдователи въ состояніи были знать, что̀ именно они могутъ въ нихъ найти. Въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой находящійся въ рукописяхъ памятникъ былъ изданъ именно по данному списку или если о той или другой рукописи были напечатаны какія-либо свѣдѣнія или замѣтки, я считалъ не безполезнымъ дѣлать соотвѣтствующія указанія. Когда находилъ нужнымъ, дѣлалъ я и другія библіографическія указанія, но не во всѣхъ случаяхъ, такъ какъ не задавался цѣлью дать обстоятельное „описаніе“ рукописей настоящаго собранія.

„Къ каталогу присоединены четыре приложенія. Въ первыхъ двухъ напечатаны найденное въ одномъ прологѣ собранія Ѳ. И. Буслаева неизвѣстное поученіе ростовскаго епископа Іоанна, жившаго въ XIV вѣкѣ, и автобіографическія записки преподобнаго Мартирія Зеленецкаго, въ полномъ видѣ доселѣ еще не изданныя. Въ третьемъ приложеніи помѣщенъ перечень находившихся въ собраніи Ѳ. И. Буслаева рукописей, которыя не поступили въ Имп. Публичную Библіотеку; рукописи, пожертвованныя Ѳ. И. Буслаевымъ Московскому Публичному Музею и описанныя въ „Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ“ за 1883-1885 годы, въ этомъ перечнѣ не показаны. Этотъ перечень извлеченъ изъ рукописнаго охраннаго инвентаря рукописей Ѳ. И. Буслаева, по которому онѣ были при-

Digitized by Google

няты Библіотекою. Наконецъ, въ четвертомъ приложеніи напечатанъ составленный помощникомъ библіотекаря рукописнаго отдѣленія А. Т. Кайдаловымъ списокъ русскихъ гравированныхъ изданій, поступившихъ въ Библіотеку съ рукописями собранія Ѳ. И. Буслаева".

Такимъ образомъ „Каталогъ" получаетъ значеніе и для самой исторіи работъ Буслаева по старой русской письменности. Цѣлый составъ собранія имѣетъ тѣснѣйшую связь съ этими работами. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ Буслаевъ больше чѣмъ кто-нибудь трудился надъ раскрытіемъ народно-поэтическаго и книжно-поэтическаго матеріала старой русской письменности: онъ впервые сдѣлалъ достояніемъ историко-литературнаго изслѣдованія ту обширную область древнихъ сказаній, житій, легендъ, повѣстей и т. д., которая до тѣхъ поръ едва привлекала вниманіе, и въ которой онъ съ увлеченіемъ отыскивалъ и находилъ связь съ народно-поэтическими представленіями и съ самыми памятниками народной поэзіи. Собраніе его рукописей и заключалось по преимуществу изъ памятниковъ этого рода; другой отдѣлъ собранія составляли такъ-называемыя лицевыя рукописи, которыя доставляли матеріалъ для другихъ любимыхъ изслѣдованій Ѳ. И. Буслаева, посвященныхъ древнему русскому искусству. Потеря зрѣнія прервала его неутомимые труды по изученію нашей письменной древности, но его собранія, къ счастію ставшія достояніемъ Публичной Библіотеки и Московскаго Музея, дадутъ еще обильную жатву для новаго поколѣнія изслѣдователей. Каталогъ, вышедшій въ свѣтъ по кончинѣ Ѳ. И. Буслаева, является своего рода некрологомъ, заключающимъ любопытнѣйшія указанія для исторіи его научнаго труда.

Кромѣ этого каталога, нынѣшній отчетъ представляетъ еще нѣсколько любопытныхъ данныхъ по русской старинѣ и литературѣ.

Таково, напримѣръ, указаніе на одинъ сборникъ второй половины XVI и начала XVII вѣка, гдѣ находится чрезвычайно интересная лѣтописная запись изъ второй половины XII вѣка, имѣющая повидимому неожиданное отношеніе къ извѣстной характерной былинѣ о сорока каликахъ со каликою. А именно, подъ 1163 годомъ записано, что въ этомъ году изъ великаго Новгорода отъ святой Софіи ходило сорокъ мужъ каликъ ко граду Іерусалиму ко Гробу Господню: они цѣловали гробъ Господень и рады были, и пошли, взявши благословеніе у патріарха и святыя мощи, и пришедши въ Новгородъ, роздали по церквамъ святыя мощи и дары, „а собѣ во вѣки славы укупиша. И святый владыка Иванъ и весь соборъ священничьскій благословиша ихъ всѣхъ 40 мужь. И поидоша по градомъ съ великою радостію, славящи Бога" и т. д. По городамъ они опять раздавали святыя мощи и дары. Исторія продолжается въ 1329 году. Въ это время князь Иванъ Да-

Digitized by Google

ниловичъ ходилъ въ Новгородъ на миру, и когда онъ стоялъ въ Торжкѣ, то къ нему пришли на пиръ притворяне св. Спаса, двѣнадцать мужей и принесли съ собой чашу; и двѣнадцать мужей воскликнули: „Богъ дай многа лѣта великому князю Ивану Даниловичю всея Руси. Напой, накорми нищихъ своихъ". Великій князь спросилъ бояръ и старыхъ мужей новоторжскихъ, что это за люди? И новоторжскіе мужи сказали ему: „То, господине, мужи святаго Спаса притворяне; а ту чашу даша имъ 40 мужъ калици, изъ Ерусалима пришедше". Великій князь посмотрѣлъ у нихъ „въ чашу", поставилъ ее на темя свое и сказалъ: „Что, брате, возмете у мене въ сію чашю вклада?" И притворяне отвѣчали: „Чимъ, господине, насъ пожалуешь, то возмемъ". И князь великій далъ имъ вклада гривну новую и кромѣ того сказалъ: „А ходите ко мнѣ во всякую недѣлю и емлите у мене двѣ чаши пива, а третюю меду. Также ходите къ намѣстникомъ моимъ и къ посадникомъ, и по бракомъ, а емлите собѣ по три чаши пива", и т. д.

Запись оригинальна и по формѣ, и по содержанію. Разсказъ о чашѣ, принесенной 40 каликами во второй половинѣ XII вѣка и предложенной 12 мужами „притворянами" великому князю Ивану Даниловичу въ первой половинѣ XIV столѣтія, свидѣтельствуетъ о прочности преданія о старыхъ каликахъ, и самая запись представляется эпическимъ сказаніемъ, разложеннымъ на разные годы лѣтописи. Легко является предположеніе, что въ этихъ лѣтописныхъ отмѣткахъ находится отголосокъ древняго сказанія, изъ котораго впослѣдствіи могла развиться извѣстная былина.

Изъ другихъ пріобрѣтеній Публичной Библіотеки, указанныхъ въ Отчетѣ, замѣтимъ два французскія письма Карамзина къ Вольцогену, нѣсколько автографовъ Гоголя, письма матери Гоголя, наконецъ большое собраніе писемъ И. С. Тургенева (230) къ его управляющему Н. А. Кишинскому. Эти письма заняты чисто дѣловыми вопросами, но въ Отчетѣ извлечено изъ нихъ нѣсколько подробностей, рисующихъ самый характеръ Тургенева, напримѣръ его благотворительность.—А. П.

.— Юго-западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по оффиціальнымъ источникамъ генеральнаго штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. Кіевъ, 1897.

Книга г. Толмачева составляетъ начало труда, посвященнаго статистическому описанію юго-западнаго края; въ ближайшемъ будущемъ авторъ обѣщаетъ второй томъ, заключающій подольскую губернію, а затѣмъ описаніе кіевской и волынской губерній. Въ концѣ пяти-

Digitized by Google

десятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, былъ составленъ офицерами генеральнаго штаба цѣлый рядъ описаній губерній съ военно-статистической точки зрѣнія, описаній нерѣдко весьма обстоятельныхъ и, по объему программы, выходившихъ за предѣлы чисто военной статистики, такъ что изъ этихъ книгъ составилась значительная литература, любопытная не въ одномъ военно-статистическомъ отношеніи. Подобную широкую рамку поставилъ для своихъ изслѣдованій и г. Толмачевъ. Матеріалами для его книги послужили работы офицеровъ генеральнаго штаба; провѣренныя ими на мѣстѣ свѣдѣнія, которыя раньше получены были отъ волостей; матеріалы, находящіеся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ; наконецъ, печатные источники, которые сполна перечислены въ предисловіи. Программа изслѣдованій весьма обширна, и во-первыхъ, обнимаетъ географическое положеніе края: пространство, общій характеръ края, орографію, орошеніе (болота, озера, подробное описаніе рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ); лѣса; геологическій очеркъ: почва, минеральныя богатства; подробное описаніе климата. Обширный отдѣлъ посвященъ народонаселенію: его плотность, составъ населенія по поламъ, религіямъ, племенамъ, подданствамъ; движеніе населенія, размѣщеніе, санитарное состояніе, города. Далѣе, свѣдѣнія бытовыя: землевладѣніе; сельское хозяйство; фабрично-заводская промышленность; кустарная промышленность; ремесла и промыслы; торговля; пути сообщенія. Далѣе: образованіе, подача врачебной помощи и нѣкоторыя свѣдѣнія по административному устройству края. Въ приложеніяхъ, какъ и въ текстѣ, множество статистическихъ таблицъ по различнымъ отношеніямъ физическихъ условій края и народнаго быта.

Понятно, въ какой мѣрѣ важны подобныя описанія, которыя на основаніи точныхъ цифровыхъ данныхъ изображаютъ положеніе края; и достаточно взглянуть на массу цифръ и детальныхъ подробностей, чтобы оцѣнить заслугу автора, переработавшаго этотъ обширный матеріалъ. Книга, для которой, по словамъ автора, на первомъ планѣ послужили работы офицеровъ генеральнаго штаба, представляетъ самый серьезный интересъ не для однихъ военныхъ читателей, но для всѣхъ, кто искалъ бы ближайшаго знакомства съ разными областями нашего обширнаго отечества. Здѣсь для одной области юго-западнаго края затронуты разные вопросы, которые волнуютъ современное общество: вопросы землевладѣнія и экономической жизни населенія, вопросъ племенной, вѣроисповѣдный, вопросъ народнаго образованія и т. д. Край, описываемый въ настоящей книгѣ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представляетъ оригинальныя и сложныя бытовыя черты: напримѣръ, въ немъ живетъ нѣсколько весьма рѣзко обособленныхъ племенъ (какъ великороссы, малороссы, поляки, нѣмцы, евреи и пр.) и господ-

Digitized by Google

ствуетъ нѣсколько рѣзко обособленныхъ и иногда чрезвычайно враждебныхъ другъ другу религій (православные, католики, протестанты, раскольники и въ числѣ ихъ особенно штундисты, евреи).

Напримѣръ, о раскольникахъ г. Толмачевъ замѣчаетъ, что общая численность ихъ въ описываемомъ районѣ простирается до 12 съ половиной тысячъ, хотя по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ консисторіяхъ, ихъ считается всего 4.354 человѣка.

О штундизмѣ авторъ по мѣстнымъ свѣдѣніямъ (впрочемъ руководясь главнымъ образомъ книгой священника Стрѣльбицкаго: „Краткій очеркъ штундизма и сводъ текстовъ, направленныхъ къ его обличенію". Одесса, 1895) сообщаетъ слѣдующее:

„Штундизмъ появился въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія, въ эпоху *наибольшаго развитія нѣмецкой колонизаціи* въ южномъ и юго-западномъ краяхъ.

„Наиболѣе достовѣрная причина возникновенія этого вида раскола, какъ можно думать,—*стремленіе къ германизаціи русскаго народа*.

„Полевыя работы и нахожденіе въ услуженіи крестьянъ у болѣе богатыхъ нѣмцевъ способствовали этой пропагандѣ.

„Живя одною жизнью со своими хозяевами, русскіе *не могли не видѣть ихъ превосходства;* полная *готовность* нѣмцевъ растолковать прочитанное, постоянныя бесѣды о дѣлахъ вѣры, въ чемъ *такъ невѣжественны* наши крестьяне, недостатки, слабости и нерадѣніе нашего духовенства, дававшіе обильную пищу для глумленія,— способствовали укрѣпленію мнѣнія въ превосходствѣ колонистовъ и подчиненію ихъ вліянію.

„Пошатнувъ вѣру въ пастырей, нетрудно было пошатнуть и основы православія. Тихо и незамѣтно подвигалось впередъ дѣло пропаганды, понемногу подготовлялись учителя изъ русскихъ.

„Первыми главными органами пропаганды были широко распространенныя въ протестантскихъ приходахъ братства, штунде",—и авторъ называетъ имена первыхъ обнаруженныхъ пропагандистовъ нѣмцевъ и ихъ русскихъ учениковъ.

„И духовенство наше, и власти просмотрѣли нарождающуюся *грозную ересь*, а когда замѣтили — *пламя* уже слишкомъ разлилось и потушить его было трудно... Гдѣ именно возникъ расколъ — указать невозможно, но обнаружился онъ въ херсонской губерніи, одесскаго уѣзда, въ д. Основѣ, или въ 7 вер. отъ этой деревни — въ кол. Рорбахъ. Отсюда понемногу штунда распространилась по всей херсонской губерніи". Отсюда она проникла и въ кіевскую губернію, между прочимъ черезъ одного крестьянина, высланнаго изъ херсонской губерніи на родину за распространеніе штундизма. Эти двѣ губерніи, по словамъ автора, составляютъ теперь два центра распространенія

Digitized by Google

штунды, которая успѣла уже охватить двѣнадцать губерній, а именно нѣсколько губерній юго-западныхъ и южныхъ, а также петербургскую и Область войска Донского. Авторъ продолжаетъ:

„Первые процессы штундистовъ окончились ихъ оправданіемъ: обстоятельство это сильно способствовало распространенію штунды, такъ какъ укрѣпило въ народѣ увѣренность, что само правительство покровительствуетъ новому ученію; не безслѣдно прошли и сочувственные отзывы прессы, старавшейся находить среди штундистовъ однѣ хорошія стороны... Не малое значеніе имѣли, да и понынѣ имѣютъ, книгоноши, особенно великобританскаго библейскаго братства, разносящіе, какъ то выяснилось судебными процессами, брошюры и книжки, составленныя въ духѣ штундизма.

„Штундизмъ—ученіе не только религіозное, но и политическое. Соблазняя простой народъ, учителя-нѣмцы увѣряли его, что рѣшено весь западъ Россіи отдать нѣмцамъ, за что русскіе получатъ Царьградъ. Нелѣпость эта сильно привилась въ народѣ: штундистъ, выведенный изъ себя преслѣдованіемъ, грозитъ, что „найдутся добрые люди, которые пожалѣютъ ихъ и защитятъ, какъ Россія пожалѣла своихъ братьевъ—славянъ“. Среди штундистовъ царятъ мысли о свободѣ и равенствѣ; даже отецъ, обращаясь къ сыну, называетъ его „братомъ“.

„При пожарѣ или другомъ какомъ-либо несчастьи — помогаютъ другъ другу; равнымъ образомъ дается денежная помощь (часто до 300 руб. въ годъ) при обращеніи въ штунду. Настоящій штундистъ отвергаетъ суды, присягу, войско, не признаетъ властей, говоря: „Одинъ пастырь душъ—Іисусъ Христосъ“; нерѣдко были случаи вооруженнаго сопротивленія властямъ. Благодаря такому міровоззрѣнію штундистовъ, секта эта въ текущемъ году оффиціально признана вредною“.

„Особенную ненависть,— продолжаетъ авторъ,— питаютъ штундисты къ православнымъ: семья, гдѣ нѣкоторые члены — послѣдователи этого ученія, является настоящимъ адомъ и обречена на неминуемое распаденіе. Село, гдѣ есть штундисты, распадается на два враждебныхъ лагеря; возникаютъ такія усобицы, что требуется вмѣшательство властей; сами крестьяне настолько стали понимать весь вредъ штундизма, что были неоднократно случаи составленія приговоровъ объ выселеніи послѣдователей этого ученія.

„Не вдаваясь въ подробности вѣроученія штундистовъ, скажемъ только, что оно чрезвычайно схоже съ протестантизмомъ (особенно съ баптизмомъ): иконы отрицаются совершенно (переходъ изъ православія сопровождается поношеніемъ иконъ, изъ которыхъ дѣлаютъ лопаты, накрываютъ ими крынки съ молокомъ и проч.); св. Крестъ

Digitized by Google

презирается, считается позорнымъ орудіемъ казни; признается только Новый Завѣтъ, а св. преданіемъ пользуются только тогда, когда оно бываетъ нужно для доказательствъ (напр.: къ отрицанію иконъ). Для спасенія—признается достаточно одной вѣры (безъ добрыхъ дѣлъ), но каждому вѣрующему вмѣняется въ непремѣнную обязанность пропаганда ученія. Таинства не признаются" и пр.

Авторъ отвергаетъ и то, что нерѣдко говорилось о нравственной жизни штундистовъ. „Какъ оказывается по послѣднимъ тщательнымъ изслѣдованіямъ, въ нравственномъ отношеніи штундисты нисколько не выдѣляются изъ остальной среды, даже положительныя качества—трезвость и грамотность—требуются и соблюдаются настолько, насколько это необходимо для успѣха пропаганды; когда движеніе въ какой-либо мѣстности затихаетъ, ослабляются и эти положительныя качества".

Собственное заключеніе автора таково:

„Какъ уже сказано, штунда признана вреднымъ ученіемъ, но это врядъ ли поможетъ дѣлу, такъ какъ секта станетъ тайною и бороться съ нею будетъ еще труднѣе. Наиболѣе радикальными мѣрами борьбы слѣдуетъ признать: *возможно широкое распространеніе образованія въ народѣ*, учрежденіе библіотекъ, обществъ трезвости, распространеніе брошюръ противо-сектантскаго содержанія, а главное—подборъ соотвѣтствующихъ священниковъ въ мѣстахъ, зараженныхъ штундой. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ священникъ держитъ въ рукахъ (?) своихъ прихожанъ, штундисты являются какъ исключенія, и вотъ причина, почему новое ученіе почти не имѣло никакого успѣха среди католиковъ. Такъ какъ штундисты упрекаютъ священниковъ въ любостяжаніи, а послѣдніе волей-неволей вынуждены брать со своихъ прихожанъ, необходимо поставить священниковъ внѣ всякой матеріальной зависимости отъ своей паствы" (стр. 164 и далѣе).

Этотъ небольшой эпизодъ изъ жизни юго-западнаго края затрогиваетъ весьма серьезные вопросы—вѣроисповѣдный, образовательный, даже политическій. Авторъ говоритъ о „грозной ереси" и о „пламени", говоритъ о томъ, что духовенство и власти „просмотрѣли" эту надвигающуюся опасность. Дѣйствительно, на глазахъ у духовенства возникало „протестантство", и на глазахъ властей предпринималась „германизація русскаго народа"! Какими же средствами достигалось то и другое? Самъ авторъ указываетъ очень простое бытовое явленіе, которое служило къ возникновенію ереси. Русскіе рабочіе, живя у нѣмецкихъ хозяевъ, „не могли не видѣть ихъ превосходство", затѣмъ бесѣды о дѣлахъ вѣры и всегдашняя „готовность" нѣмцевъ „растолковать прочитанное"; далѣе, невѣжество крестьянъ, „слабости и нерадѣніе духовенства"—таковы первыя и простыя при-

Digitized by Google

чины возникновенія штунды. Когда въ первый разъ возникало это недовѣріе къ домашнимъ пастырямъ, оно подъ вліяніемъ каждодневныхъ опытовъ легко могло развиться въ ту ненависть, о которой говоритъ г. Толмачевъ, особливо когда въ противодѣйствіе этому недовѣрію было выставлено не убѣжденіе и равносильная проповѣдь, а жалоба къ свѣтской власти и принужденіе. Люди простодушные въ отвлеченныхъ предметахъ, мало развитые, какъ большинство крестьянства, разъ въ нихъ затронута мысль и возбуждено чувство мѣры, легко дѣлаются фанатиками. Такъ это случилось и здѣсь. Авторъ совершенно правъ, когда думаетъ, что наиболѣе радикальнымъ средствомъ для борьбы со штундой должно быть на первомъ планѣ возможно широкое распространеніе образованія въ народѣ и затѣмъ улучшеніе состава мѣстнаго духовенства. Извѣстно, однако, въ какомъ состояніи было и до сей поры находится состояніе народнаго образованія. Народная школа едва существуетъ; какое-либо расширеніе ея программы встрѣчаетъ величайшія затрудненія, и даже среди общества являются мнимо-патріотическіе публицисты, которые утверждаютъ, что школа должна оставаться элементарной или даже ея вовсе не нужно, потому что „невѣжественнымъ народомъ легче управлять“. Эта невѣжественная фраза была напечатана недавно на русскомъ языкѣ. О недостаткахъ сельскаго духовенства было говорено давно. Въ результатѣ получается штунда съ убѣжденіемъ въ превосходствѣ нѣмцевъ и съ ненавистью къ православнымъ. Чтобы получился такой результатъ, достаточно было русскимъ (или малорусскимъ) людямъ близко встрѣтиться съ грамотными и благочестивыми нѣмецкими колонистами! Авторъ сообщаетъ, что штунда имѣетъ мало успѣха тамъ, гдѣ священникъ „держитъ въ рукахъ“ своихъ прихожанъ, и приводитъ въ примѣръ, что штунда не имѣла никакого успѣха среди католиковъ; но „держать въ рукахъ“ можно только авторитетомъ религіознаго убѣжденія, а также и образованія.

Авторъ дѣлаетъ косвенный упрекъ „прессѣ“, что она старалась находить въ штундѣ однѣ хорошія стороны. Къ сожалѣнію, въ этомъ, какъ и во множествѣ другихъ вопросовъ, наша пресса имѣетъ очень мало значенія. Противъ штунды двинуто было столько обличеній и принято столько судебныхъ и административныхъ мѣропріятій, что пресса вѣроятно желала только, чтобы вопросъ былъ поставленъ безпристрастно, хотя бы въ родѣ того, какъ ставитъ его теперь г. Толмачевъ; чтобы по крайней мѣрѣ было правдиво выяснено, въ чемъ заключаются дѣйствительныя причины возникновенія штунды; чтобы не была взвалена на одну темную крестьянскую толпу вина ненормальнаго явленія.

Мы нисколько не сомнѣваемся въ точности показаній, являющихся

Digitized by Google

въ столь серьезномъ трудѣ; но то, что говоритъ авторъ о политической сторонѣ штундизма, почти невѣроятно. Въ предѣлахъ Россійской имперіи, не вдалекѣ отъ важнаго административнаго пункта, какъ кіевское генералъ-губернаторство, предпринимается германизація русскаго народа и достигаетъ такого успѣха, что въ народѣ распространяется увѣренность, что западъ Россіи рѣшено отдать нѣмцамъ, и надежда, что нѣмцы заступятся за преслѣдованіе штундистовъ! Авторъ прибавляетъ даже, что „подражаніе и почитаніе нѣмцевъ доходятъ до того, что многіе малороссы брѣютъ усы и бороду, носятъ нѣмецкую одежду, въ избахъ ихъ можно найти портреты нѣмецкаго императора и Бисмарка". Невольно вспоминается, что такой результатъ получается послѣ того, какъ принимались усиленныя мѣры къ уничтоженію малорусскаго патріотизма, какой представляло собою украинофильство: вмѣсто малорусскаго патріотизма является у малороссовъ патріотизмъ нѣмецкій! Недавно читали мы газетныя корреспонденціи, что самый Кіевъ все больше становится городомъ еврейскимъ.

Въ томъ же объясненіи штунды авторъ дѣлаетъ замѣчаніе, что штунда стала ослабѣвать „съ прекращеніемъ колонизаціи края нѣмцами". Число нѣмцевъ въ томъ краѣ, который описывается г. Толмачевымъ и который занимаетъ лишь нѣсколько уѣздовъ волынской и кіевской губерніи, на пространствѣ сравнительно небольшомъ, представляетъ цифру до 80 тысячъ. Откуда же взялись эти нѣмцы? Начало колонизаціи относится къ концу прошлаго вѣка: это были немногочисленные меннониты изъ Голландіи; и до шестидесятыхъ годовъ нашего столѣтія притокъ нѣмцевъ былъ незначителенъ, но съ этихъ поръ начинается „массовое движеніе", которое въ цѣломъ привело въ юго-западный край цѣлыя сотни тысячъ нѣмецкихъ колонистовъ, преимущественно изъ тѣхъ, которые жили прежде въ царствѣ польскомъ, а также и прямо изъ Германіи. Авторъ не хочетъ вдаваться въ исторію этой колонизаціи, но во всякомъ случаѣ она должна была совершаться съ вѣдома высшей мѣстной администраціи. Описаніе быта этихъ нѣмецкихъ колоній представляетъ нѣкоторыя черты по истинѣ поразительныя. Напримѣръ.

„Переселившись изъ Германіи, нѣмцы не хотѣли признавать порядковъ той страны, гдѣ они поселились; каждая колонія представляла изъ себя часть Германіи; это было полное завоеваніе страны мирнымъ путемъ, причемъ каждый годъ нѣмцы постоянно двигались къ востоку, отвоевывали для своей родины все новыя и новыя мѣста". „Каждый нѣмецъ былъ хищникомъ въ душѣ: занявъ участокъ онъ стремился въ возможно короткій срокъ взять изъ земли все, что она можетъ дать, а затѣмъ передать ее новымъ выходцамъ. Эта неустой-

Digitized by Google

чивость, истощая землю, въ то же время заставляла смотрѣть колониста на себя, какъ на временнаго жителя...

„Проживъ 30—50 лѣтъ въ Россіи, отбывъ даже воинскую повинность, нѣмцы и понынѣ еще не знаютъ русскаго языка, стараясь скорѣе забыть и то немногое, что было ими пріобрѣтено на военной службѣ. Числясь русскими подданными, они остались нѣмцами... ...Связь съ родиной поддерживается весьма тщательно, путемъ корреспонденціи, полученіемъ книгъ, газетъ, сношеній съ консулами, причемъ нерѣдко игнорируются распоряженія нашихъ властей, лишь бы исполнить требованія, предъявленныя черезъ консула изъ-за границы. Все это можетъ доставить не мало хлопотъ въ военное время, особенно принявъ во вниманіе, что почти у каждаго есть ружье или даже винтовка, которая держится ими яко бы для охоты... Наконецъ, среди ихъ есть много состоящихъ въ резервѣ германской арміи, ландштурмѣ... Не такъ давно еще, по свидѣтельству очевидцевъ, нѣмцы собирались и устроивали строевыя ученья; и теперь еще у нихъ есть свои условные знаки, свистки и т. п., на которые они быстро собираются въ указанномъ мѣстѣ". Такимъ образомъ на всякій случай готова была нѣмецкая военная колонія.

Въ бытовомъ отношеніи авторъ сообщаетъ также весьма неблагопріятныя свѣдѣнія. Правда, занимая нетронутыя земли, нѣмцы полагали не мало труда на ея обработку, расчищали лѣсъ, осушали болота; но, получивъ богатый урожай на новыхъ мѣстахъ, перепродавали свои участки и шли дальше. При этомъ для украшенія перехода участковъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и для избѣжанія скучныхъ формальностей, употреблялся слѣдующій пріемъ: арендаторъ-колонистъ продаетъ свое право на аренду участка вмѣстѣ съ своимъ паспортомъ (въ такихъ случаяхъ паспортъ какъ бы прикрѣпляется къ участку, во избѣжаніе проволочекъ времени на выполненіе всѣхъ формальностей при передачѣ аренды), а самъ покупаетъ паспортъ у того, кому продалъ свой участокъ".

Но затѣмъ „нѣмцы нисколько не способствовали поднятію культуры; относясь свысока къ мѣстному населенію, живя совершенно замкнутой жизнью, способствовавъ увеличенію арендной платы земли и тѣмъ возбудивъ ненависть крестьянъ, жестоко расправляясь съ послѣдними и съ принадлежащимъ крестьянамъ скотомъ за потравы,— они въ самое короткое время вооружили противъ себя аборигеновъ страны, хорошо сознававшихъ то привилегированное положеніе, въ которомъ находились пришельцы.

Большинство преступленій, совершенныхъ колонистами, сходило для нихъ безнаказанно, ибо въ случаѣ бѣды виновный укрывался за границу; даже оставаясь на мѣстѣ, при отсутствіи какого бы то ни

Digitized by Google

было надзора за колоніями, въ виду враждебнаго отношенія нѣмцевъ къ мѣстнымъ властямъ и укрывательства своими же,—преступникъ могъ быть увѣреннымъ въ своей безопасности".

Какъ мы сказали, это устройство нѣмецкихъ колоній, сохранявшихъ военныя связи съ Германіей и, по словамъ автора, предпринимавшихъ „германизацію русскаго народа", придумано было высшей мѣстной администраціей въ шестидесятыхъ годахъ. Съ тѣхъ поръ и до новѣйшаго времени численность нѣмецкихъ колонистовъ все возрастала, и только въ самое послѣднее время, законами 1887 и 1895, колонизація была пріостановлена: землевладѣніе и аренды были ограничены, приняты мѣры къ введенію русской школы и т. п. (стр. 210 и далѣе). Все это дѣло за прежнее время представляетъ какую-то загадку: привлекались нѣмецкіе колонисты, имѣвшіе въ виду „германизацію" русскаго народа, представлявшіе собою небольшой военный лагерь и породившіе среди русскаго населенія „грозную ересь,—а въ то же время несчастные аборигены отправлялись въ Уссурійскій край...

Дальше авторъ дѣлаетъ замѣчаніе о колонистахъ чешскихъ, которыхъ въ описываемой области не болѣе четырехъ тысячъ. „Живутъ они разбросанно, селясь преимущественно въ прежде образовавшихся русскихъ деревняхъ, принимая въ большинствѣ случаевъ православіе и не чуждаясь русскаго населенія (смѣшанные браки нерѣдки); будучи интеллигентнѣе крестьянъ, обладая высшей культурой, чехи принесли несравненно больше пользы странѣ, чѣмъ нѣмцы: имъ преимущественно обязано населеніе культурой хмеля, они же способствовали мѣстами улучшенію обработки земли. Тѣмъ не менѣе и у нихъ нерѣдки случаи столкновенія съ крестьянами, главнымъ образомъ благодаря неуваженію послѣдними права собственности.

„Живя гдѣ-нибудь въ большомъ числѣ, чехи всегда организуютъ общественныя собранія, выписываютъ газеты, журналы, слѣдя за тѣмъ, что дѣлается на ихъ родинѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ кажется, положиться на чеховъ въ военное время можно вполнѣ, особенно въ виду ихъ ненависти ко всему нѣмецкому".—Т.

— И. И. Янжулъ. Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ. Спб., 1897. Стр. XIII+368.

Въ видѣ эпиграфа къ этому изслѣдованію поставленъ авторомъ въ заголовкѣ англійскій афоризмъ: „если знаніе—не сила, то оно указываетъ путь къ силѣ". Множество интересныхъ фактовъ и наблюденій, собранныхъ въ книгѣ проф. И. И. Янжула, служитъ нагляд-

Digitized by Google

нымъ подтвержденіемъ и освѣщеніемъ той старой истины, что знаніе есть первое необходимое условіе успѣха во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. При современныхъ условіяхъ промышленности и торговли каждый шагъ впередъ въ развитіи производства и въ расширеніи сбыта товаровъ завоевывается знаніемъ, и пальма первенства въ промышленномъ соперничествѣ всегда достается наиболѣе знающимъ. Наши промышленники-фабриканты сплошь и рядомъ выпускаютъ изъ рукъ свои естественные рынки, какъ, напр., восточные и средне-азіатскіе, только потому, что не знаютъ ихъ потребностей и особенностей и не слѣдятъ за ними; иностранцы легко завладѣваютъ полемъ дѣйствія даже тамъ, гдѣ всѣ преимущества—на нашей сторонѣ, и это происходитъ единственно лишь вслѣдствіе непониманія, невѣжества и косности нашихъ торгово-промышленныхъ дѣльцовъ. Высокія покровительственныя пошлины еще болѣе закрѣпляютъ и поддерживаютъ этотъ рутинный характеръ нашей промышленности, поощряютъ въ ней элементы неподвижности и застоя; парализуютъ или дѣлаютъ излишнимъ тотъ духъ смѣлой иниціативы, предпріимчивости и энергіи, который составляетъ отличительную черту промышленной жизни передовыхъ культурныхъ націй. Забота о скорой, обезпеченной наживѣ посредствомъ непомѣрно повышенныхъ цѣнъ, съ обязательнымъ устраненіемъ иностранной конкурренціи, лежитъ до сихъ поръ въ основѣ русской промышленной дѣятельности и кладетъ на нее отпечатокъ азіатскаго хищничества; этими свойствами заражены у насъ даже такія отрасли производства, которыя достигли значительнаго техническаго совершенства и могли бы отлично процвѣтать безъ взиманія особой дани съ потребителей, какъ, напр., наше сахарное дѣло и наши резиновыя мануфактуры, доставляющія хозяевамъ-капиталистамъ чуть ли не 50 процентовъ барыша на счетъ населенія. Протекціонизмъ создаетъ стремленіе къ монополіямъ и къ организованнымъ стачкамъ хозяевъ, т.-е. къ систематическому походу на карманы потребителей для увеличенія незаконныхъ дивидендовъ и доходовъ капиталистовъ-предпринимателей, внѣ всякихъ интересовъ производства, какъ это мы видимъ въ упомянутыхъ двухъ отрасляхъ нашей промышленности—въ сахарномъ дѣлѣ и въ резиновыхъ мануфактурахъ. Въ этихъ хищническихъ комбинаціяхъ принимаютъ усиленное участіе иностранцы; они переносятъ свои капиталы въ Россію и извлекаютъ огромныя выгоды изъ нашей покровительственной системы, предназначенной будто бы усилить и поддержать русскую національную производительность. Невѣжество отечественнаго промышленнаго класса находитъ такимъ образомъ твердый оплотъ въ экономической политикѣ, и всѣ усилія правительства насадить у

Digitized by Google

насъ торгово-промышленныя техническія знанія обречены пока на безплодіе.

Книга проф. И. И. Янжула наглядно показываетъ намъ, какого рода средства употребляются повсюду на Западѣ для достиженія промышленныхъ успѣховъ и для улучшенія шансовъ борьбы съ иностранною конкурренціею; на первомъ планѣ стоитъ повсюду знаніе рынка и приспособленіе къ нему,—не говоря уже о техническихъ знаніяхъ, неразрывно связанныхъ съ самымъ производствомъ возможно лучшихъ и доступныхъ по цѣнѣ товаровъ. Такъ какъ Германія занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ по степени распространенія образованія въ народѣ, по количеству и разнообразію своихъ общихъ и профессіональныхъ школъ, то она легче всего завоевываетъ и закрѣпляетъ за собою иностранные рынки; нѣмецкое трудолюбіе, нѣмецкая честность, богатство техническихъ знаній и средствъ, обезпечиваютъ германской промышленности во многихъ случаяхъ первенство даже предъ англійскою, послужившею для нея образцомъ. Промышленные интересы нѣмцевъ охраняются этимъ способомъ гораздо вѣрнѣе и прочнѣе, чѣмъ какими бы то ни было пошлинами и субсидіями; въ результатѣ, какъ видно изъ сообщаемыхъ И. И. Янжуломъ фактическихъ данныхъ, Германія оставила позади Англію въ развитіи своихъ производительныхъ силъ и удачно соперничаетъ съ англичанами въ предѣлахъ ихъ собственной страны. Германскій вывозъ, составлявшій въ 1880 году 2.976 милліоновъ марокъ, выросъ черезъ пятнадцать лѣтъ, къ 1895 году, до 3.424 милліоновъ; германскій торговый флотъ, представлявшій собою въ 1871 году менѣе 82 тысячъ тоннъ, увеличился до 893.046 тоннъ, сообразно росту торговой потребности, и слѣдовательно выросъ за этотъ періодъ времени въ 11 разъ. Періодическія промышленныя выставки, международныя и національныя, сильно способствовали улучшенію и расширенію разныхъ отдѣловъ производства и особенно увеличенію отпускной торговли; промышленные торговые музеи, составляющіе нѣчто въ родѣ постоянныхъ выставокъ для спеціально-промышленныхъ цѣлей, для ознакомленія съ потребностями рынковъ и съ образцами наиболѣе ходкихъ товаровъ, получили большое значеніе въ промышленномъ мірѣ, на ряду съ экспортными союзами и справочными бюро, о которыхъ впервые собраны подробныя свѣдѣнія въ изслѣдованіи проф. И. И. Янжула. Литературы по этому предмету почти не существуетъ; торговые музеи большею частью даже недоступны для иностранцевъ, и автору стоило большого труда добиться осмотра этихъ учрежденій, въ качествѣ ученаго экономиста-профессора, чуждаго практическихъ цѣлей. Такимъ образомъ книга проф. Янжула составлена цѣликомъ по первоисточникамъ, по личнымъ

Digitized by Google

наблюденіямъ и по мало доступнымъ отчетамъ и матеріаламъ, что придаетъ этому труду особенную цѣнность.

— М. Шиппель. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Петра Струве. Спб., 1897. Стр. XIII+102. Ц. 50 коп.

Въ книжкѣ Шиппеля излагаются обычные доводы въ пользу золотой валюты, съ точки зрѣнія нѣмецкихъ промышленныхъ интересовъ, и вся новѣйшая исторія денежной системы въ Германіи и въ другихъ странахъ представлена авторомъ въ видѣ фактической полемики съ такъ называемыми биметаллистами, сторонниками признанія законной роли серебра въ монетномъ обращеніи. Шиппель относится къ серебру съ крайнимъ пренебреженіемъ, отзывается о немъ какъ о ненужномъ грузѣ, отъ котораго каждый хочетъ будто бы избавиться, и считаетъ весьма печальнымъ положеніе странъ, въ которыхъ „помимо необходимой серебряной *размѣнной* монеты должны обращаться еще значительныя количества нежелательнаго ни для кого (!), но не находящаго нигдѣ сбыта (sic!) и потому не устранимаго, *банковаго* серебра (франковъ, талеровъ, долларовъ, голландскихъ гульденовъ)“ (стр. 20). Авторъ смотритъ на серебро чуть ли не какъ на бумагу и говоритъ даже о „серебряныхъ бумажныхъ деньгахъ“, которыя при своемъ излишествѣ могутъ „вносить тревогу въ оборотъ“ (стр. 25), наравнѣ съ настоящими, ничего не стоющими бумажками.

Германія ввела у себя золотую монетную единицу и въ принципѣ отказалась отъ употребленія полноцѣннаго серебра на равныхъ правахъ съ золотомъ; но на практикѣ она не могла разстаться съ своими старыми серебряными талерами, хотя успѣла сбыть огромное количество ихъ въ обмѣнъ на золото на монетныхъ дворахъ въ Парижѣ и Брюсселѣ, до прекращенія свободной чеканки серебра въ странахъ „латинскаго (монетнаго) союза“. Такъ какъ Франція не отреклась отъ серебра и продолжаетъ пользоваться имъ въ своемъ денежномъ обращеніи въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ Германія, то, по теоріи Шиппеля, французы должны находиться въ худшемъ положеніи, чѣмъ нѣмцы, и никакъ не могутъ сравниться съ англичанами, относительно прочности и надежности монетныхъ оборотовъ; но, не имѣя возможности утверждать и доказывать, что французская денежная система дѣйствуетъ въ самомъ дѣлѣ хуже германской и англійской, авторъ наивнѣйшимъ образомъ предостерегаетъ Францію отъ будущихъ затрудненій и неудобствъ, которыхъ не видно и слѣда въ настоящемъ. Германская валютная реформа, говоритъ Шиппель, осталась въ послѣдній моментъ незавершенною. „Германія

Digitized by Google

и по сію пору имѣетъ еще приблизительно на 400 милліоновъ марокъ старыхъ талеровъ, которые слѣдовало бы по положенному въ основаніе реформы плану совершенно изъять. Она не только сохранила эти талеры, но даже оставила за ними, въ противоположность отчеканеннымъ въ достаточномъ количествѣ имперскимъ серебрянымъ монетамъ, законную платежную силу въ неограниченныхъ размѣрахъ. Они не представляютъ собою ни серебряной размѣнной монеты, пріемъ которой въ платежи обязателенъ только до 20 марокъ, ни золота, которое только одно получило право обращенія въ качествѣ полноцѣнныхъ денегъ страны" (стр. 9). Но все-таки Германія „находится еще въ сравнительно болѣе благопріятномъ положеніи. Не даромъ ей удалось еще во-время сбыть значительную часть унаслѣдованнаго ею серебрянаго груза. Другія государства, хотя и могли закрыть свои границы противъ угрожающаго новаго прилива серебра, но ихъ старые запасы серебра продолжаютъ давить ихъ по прежнему полною своею тяжестью". А именно, „Франція находится въ обладаніи по крайней мѣрѣ трехъ милліардовъ франковъ серебряныхъ денегъ своего чекана. У Бельгіи ихъ около 400 милл. на шеѣ (!)", и т. д. (стр. 13). Если Германія не можетъ быть довольна своимъ „хромающимъ" золотымъ обращеніемъ, то Франція совсѣмъ несчастна со своими милліардами серебра „на шеѣ". Тѣмъ не менѣе авторъ, какъ нѣмецкій патріотъ, горячо оспариваетъ возможность вредныхъ послѣдствій „серебрянаго груза" для Германіи и отрицаетъ необходимость заботъ объ увеличеніи цѣнности этого груза путемъ международныхъ мѣръ относительно серебра, какъ матеріала для денегъ; онъ предвидитъ опасности только для Франціи. „Несомнѣнно, — разсуждаетъ Шиппель, — банковое серебро, обладающее неограниченною платежною силою, на-ряду съ размѣнной монетой не служитъ украшеніемъ золотого обращенія. Но при какихъ условіяхъ въ будущемъ можетъ Германія опасаться, что талеры не будутъ больше обмѣниваться на золото и слѣдовательно не будутъ равноцѣнны тремъ маркамъ золота? Со времени валютной реформы Германія пережила хорошія и худыя времена, а развѣ имперскій банкъ хотя бы на одинъ моментъ испытывалъ затрудненія при размѣнѣ своихъ билетовъ на золото? Развѣ нѣмецкіе банки были когда-либо вынуждены для производства платежей за границу извлекать золото изъ оборота съ помощью преміи и сбывать серебро съ потерею на лажъ? Развѣ талеръ опускался когда-либо хотя бы на одинъ пфенигъ ниже своей номинальной стоимости и приближался къ своей металлической цѣнности? Развѣ германскій вексельный курсъ на важнѣйшіе иностранные рынки, главнымъ образомъ на Лондонъ, обнаруживалъ когда-либо какія-либо другія движенія, кромѣ тѣхъ, которыя по вышеуказаннымъ причинамъ *неизбѣжны* между двумя странами съ

Digitized by Google

золотою валютою? Но чего не случилось до сихъ поръ, то еще менѣе вѣроятно въ будущемъ, такъ какъ наши запасы серебра не только не увеличились, но даже сократились, золото же Германія постоянно вновь чеканила". Значитъ, въ дѣйствительности, вопреки теоріи автора, большія массы серебра въ монетѣ вовсе не представляются зломъ, а скорѣе, быть можетъ, напротивъ, обезпечиваютъ правильность и устойчивость денежнаго обращенія. На случай войны—продолжаетъ авторъ, —всѣ государства въ одинаковой мѣрѣ должны будутъ считаться съ неудобствами обладанія крупнымъ „серебрянымъ грузомъ", и „навѣрное вѣроятные противники Германіи пострадаютъ отъ этого гораздо больше ея. Безъ всякаго сомнѣнія, *Франціи* съ ея тремя милліардами франковъ банковаго серебра *въ случаѣ нужды придется гораздо тяжелѣе, чѣмъ Германіи*, съ ея 400 милліонами марокъ" (серебра). Смѣшно даже читать такія предсказанія относительно Франціи послѣ ея блестящаго опыта съ пятимилліардною военною контрибуціею и послѣ неоднократныхъ примѣровъ обращенія англійскаго банка къ французскому за ссудами золота въ моменты кризиса на денежномъ рынкѣ. Даже самый заурядный нѣмецкій патріотъ не могъ бы серьезно думать, что въ Германіи окажется больше свободныхъ запасовъ золота, чѣмъ во Франціи, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, а Шиппель увѣряетъ, что такъ будетъ „безъ всякаго сомнѣнія". Авторъ почему-то твердо убѣжденъ, что Франція жаждетъ только случая избавиться отъ своего серебра; поэтому онъ изъ патріотизма возстаетъ противъ участія Германіи въ какихъ-либо мѣрахъ въ пользу биметаллизма, такъ какъ подобныя мѣры позволятъ французамъ сбыть свои серебряные запасы въ обмѣнъ на золото. Германія „освободитъ этимъ милліарды французскаго серебра; ихъ можно будетъ тогда, какъ теперь золото, превратить въ деньги на любомъ монетномъ дворѣ въ мірѣ; они пріобрѣтутъ международную платежную силу; соотвѣтственно увеличенію своей международной платежной силы, они увеличатъ финансовую способность Франціи къ сопротивленію". „Еслибъ мы были шовинистами,—говоритъ далѣе Шиппель,—то мы бы сказали: наши національные интересы требуютъ того, чтобы мы, противодѣйствуя всякимъ биметаллистическимъ затѣямъ, удержали колоссальные запасы французскаго серебра въ состояніи ихъ нынѣшней неподвижности и безсилія (!). Во всякомъ случаѣ *нашей* (нѣмецкой) валютѣ, какъ въ мирное время, такъ и въ случаѣ войны остатки стараго серебра грозятъ наименьшею опасностью" (стр. 25). Авторъ забываетъ, что и раньше, при господствѣ биметаллизма, до прекращенія свободнаго пріема серебра на парижскій монетный дворъ для чеканки полноцѣнной монеты и для обмѣна на золото, Франція не обнаруживала ни малѣйшихъ попытокъ замѣнить свое серебро зо-

Digitized by Google

лотомъ и позднѣе также не предпринимала ничего подобнаго, хотя имѣла съ тѣхъ поръ тысячи случаевъ сбыть свое серебро съ большою для себя выгодою, напр. въ отдаленныхъ восточныхъ странахъ съ серебряною валютою. Шиппель приписываетъ французамъ какія-то фантастическія желанія, о которыхъ они и понятія и не имѣютъ, и затѣмъ боится, что Германія поможетъ осуществленію этихъ небывалыхъ желаній; очевидно, онъ совершенно не понимаетъ необходимой роли полноцѣннаго серебра во внутреннихъ денежныхъ оборотахъ населенія, въ массѣ ежедневныхъ сдѣлокъ на мелкія суммы. Ему кажется, что Франція можетъ когда угодно вынуть изъ оборота свои милліарды серебра и пустить на всемірный рынокъ для обмѣна на золото; эта наивность просто поразительна со стороны писателя, претендующаго на пониманіе денежнаго вопроса.

Переводчикъ книжки Шиппеля, г. П. Струве, находитъ ее весьма убѣдительною и полезною для русской публики; она является, по его мнѣнію, „прекраснымъ отвѣтомъ“ на доводы нашихъ отечественныхъ противниковъ золотой валюты. Г. Струве въ своемъ предисловіи также воюетъ противъ „биметаллистовъ“, поражая ихъ краткими теоретическими разсужденіями о деньгахъ, заимствованными у Маркса и его послѣдователей; онъ заранѣе рѣшилъ, что „раціональная валютная реформа осуществима въ Россіи только въ одной формѣ—перехода къ золотому обращенію“, и что „серебряная программа (какая ?) въ Россіи не осуществима“, — ибо такіе нѣмецкіе авторитеты, какъ Шиппель и его единомышленники, не признаютъ другой валюты, кромѣ золотой, а самъ Марксъ, устами Энгельса, объявилъ биметаллизмъ безсмыслицей и идіотствомъ (Blödsinn). Г. Струве какъ бы оправдываетъ свою точку зрѣнія совершенно вѣрнымъ замѣчаніемъ, которое онъ почему-то примѣняетъ только къ нашимъ биметаллистамъ: наши ученые публицисты, приверженцы золотой валюты, дѣйствительно „цѣликомъ живутъ на умственный счетъ своихъ западноевропейскихъ собратьевъ; — въ ихъ арсеналѣ нѣтъ ничего своего, и въ общественномъ отношеніи они также родные братья большинства своихъ западныхъ единомышленниковъ“.—Л. С.

Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Архангельскій, А. С. — Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ. Каз. 1897. Стр. 106.

Бёмъ-Баверкъ, проф.—Теорія Карла Маркса и ея критика. Разрѣшенный авторомъ переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ *П. И. Георгіевскаго*, ордин. проф. Имп. Спб. Унив. Спб. 1897. Стр. 127. Ц. 80 к.

Digitized by Google

Бѣлоконскій, Н. П. — Народное начальное образованіе въ Курской губ. Курскъ. 1897. Стр. 489. Ц. 1 р. 50 к.

Вахтеровъ, В.—Народныя чтенія. Спб. 1897. Стр. 209. Ц. 1 р.

Вавинскій, Н.—Къ вопросу о нуждахъ духовно-академическаго образованія. Спб. 1897. Стр. 24.

Ветеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XIV—XVII. Башуцкій-Библіотека. Спб. 1897. Стр. 145—336. Ц. по 40 к.

Верещагинъ, С. — Въ часы раздумья. Стихотворенія. Спб. 1897. Стр. 80. Ц. 80 коп.

Ветнекъ, Евг. — Краткій очеркъ миѳологіи грековъ и римлянъ. Для старшихъ классовъ гимназій. Ревель. 1897. Стр. VIII+116. Ц. 60 к.

Волковъ, М. М., и *Демицкій*, С. Н.—Патогенезъ подвижной почки. Экспериментально-анатомическія изслѣдованія внутрибрюшного равновѣсія. Съ приложеніемъ атласа. Спб. 1897. Стр. 621. Ц. 6 р.

Гаршинъ, Всев.—Первая книжка разсказовъ. Изд. 8-е. Спб. 1897. Стр. 205. Ц. 1 рубль.

Гаспари, Адольфъ.—Исторія итальянской литературы. Томъ II-й. Итальянская литература эпохи Возрожденія. Переводъ К. Бальмонта. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1897. 580 и LXXXIV стр. Ц. 3 р.

Гейсманъ, полковн. ген. шт. — Гдѣ должно искать подготовки Пруссіи къ ея успѣхамъ въ 1866, 1870—71 гг.? Спб. 1897. Стр. 86.

Генкель, А.—Школьный ботаническій Атласъ. Вып. 1: Морфологія растеній. 14 стѣнныхъ таблицъ, съ объяснительнымъ текстомъ. Ц. 4 р.

Гёте, Вольфгангъ. — Фаустъ, трагедія. Перев. Н. П. Маклецовой. Сарат. 97. Стр. 166. Ц. 1 р.

Гогебашвили, Як.—Правда о Тифлисѣ. Тифл. 97. Стр. 32. Ц. 20 к.

Городня, В. П. — Питомица въ деревнѣ. Жизнь несчастно-рожденныхъ дѣтей, отданныхъ въ воспитательные дома. Комед. въ 3 д. Спб. 1897. Стр. 55. Ц. 50 коп.

Грантъ-Аллень. — Жизнь растеній. Популярныя бесѣды. Перев. съ англ. Д. Н. Прянишниковымъ. Съ 51 рис. въ текстѣ. М. 97. Стр. 230. Ц. 60 к.

——— Бесѣды о растеніяхъ и ихъ жизни. Перев. П. Фрейберга. М. 97. Стр. 188. Ц. 80 коп.

Гребнеръ, В.—Практика 4-го департамента и 2-го общаго собранія Правит. Сената по торговымъ дѣламъ. 1896—1897 г. Спб. 1897. Стр. 77.

Добровольскій, И. — Справочная книга для православнаго духовенства. Спб. 1897. Стр. 256. Ц. 1 р.

Ивановъ, Д. В.—Основныя черты оро-геологическаго строенія хребта Сихота-Алина. Хабаровскъ. 97. Стр. 94.

Ивановъ, Е. Э., д-ръ мед.—Ривьера и южный берегъ Крыма, ихъ лечебныя мѣста и средства. Спб. 1897. Стр. 130. Ц. 1 р.

Кази-Бекъ, Юр.—Всего по немногу. Очерки и разсказы. М. 97. Стр. 252. Ц. 1 р. 25 к.

Корженовскій, Б.—По Востоку. Путевые очерки и картины, въ 3 частяхъ, съ 117 иллюстр. М., 97. Стр. 423. Ц. 2 р. 75 к.

Лависсъ, Э. и *Рамбо*, А. — Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. III: Образованіе большихъ государствъ. 1270 — 1492 гг. Перев. В. Невѣдомскаго. М. 97. Стр. 993. Ц. 3 р.

Лессингъ, Г. Э. — Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе. Перев.

Digitized by Google

съ нѣм. Виктора Крылова, съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библіографическимъ указателемъ. Съ 35 рис. и 11 эстампами. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1897. Стр. 402. Ц. 6 р.

——— Натанъ-Мудрецъ. Драматическая поэма, въ переводѣ В. С. Лихачева. Съ 34 иллюстраціями. Изд. Г. Гоппе. Спб. 1897. Стр. 130.

Лубенцовъ, А. Г. — Хамкенская и Пхіенанская провинціи Кореи. Хабаровскъ. 97. Стр. 297.

Марстонъ, Анни.—Великая замкнутая страна. Тибетъ. Перев. П. Фрейберга. Съ 15 рис. въ текстѣ. М. 1896. Стр. 51. Ц. 50 к.

Мендельсонъ, д-ръ А.—Полюстрово, какъ курортъ, и его лечебныя средства. Спб. 1897. Стр. 23.

Миллъ, Д. С.—Система логики силлогистической и индуктивной. Изложеніе принциповъ очевидности въ связи съ методами научнаго изслѣдованія. Перев. съ англ. п.-р. В. Н. Ивановскаго. Кн. 1-я: Имена и предложенія. М. 1897. Стр. 119. Ц. 6-ти книгъ—3 руб.

Моревъ, Д. Д. — Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами. Изд. 5-е. Спб. 1897. Стр. 332. Ц. 2 р.

——— Руководство политической экономіи. Изд. 4-е. Спб. 1897. Стр. 315. Цѣна 2 рубля.

Неймайръ, проф. М.—Исторія земли. Вып. 3—10. Перев. п. р. А. А. Иностранцева. Спб. 1897. Стр. 280. Ц. за всѣ 30 вып. по подп. 11 р. Пересылка и доставка 1 р. 80 к. Отд. вып. 50 к.

Осадчій, Т.—Образованные земледѣльцы въ южной Руси. Общественно-экономическій этюдъ.

Острогорскій, Ал-ѣй Н.—Образованіе и воспитаніе. Спб. 1897. Стр. 120. Цѣна 50 коп.

Острогорскій, М. — Учебникъ Русской исторіи. Элементарный курсъ съ рис., картами, табл. и вопросами для повторенія для III кл. гимназій и реальныхъ училищъ. 2-е изд. Спб. 1897.

Петражицкій, Л. — Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы и значеніе добросовѣстности для гражданскаго законодательства, съ точекъ зрѣнія догмы и политики гражданскаго права. Спб. 1897. Стр. 370. Ц. 8 р.

Пташицкій, С. Л.—Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянской литературахъ. 1. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній (Gesta Romanorum). Спб. 1897. Стр. 101.

Рубисовъ, К. Н. — Основныя данныя практической алкоолометріи и ихъ примѣненіе. По научнымъ изслѣдованіямъ удѣльныхъ вѣсовъ раствора спирта Д. И. Менделѣева. Спб. 1897. Стр. 87. Ц. 2 р. съ перес.

Савенковъ, Ив. — Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ. М 1897. Стр. 87 in 4°.

Семоловскій, д-ръ А. — Руководство къ разведенію сѣмянъ и улучшенію воздѣлываемыхъ растеній. Спб. 1897. Стр. 200, съ 25 рис. Ц. 75 к.

Сильницкій, А. П.—Поѣздка въ Камчатку и на р. Анадыръ. Хабаровскъ. 1897. Стр. 79.

Субботинъ, П. А. — Общедоступное руководство для изученія торговаго счетоводства по двойной итальянской системѣ. Спб. 1896. Стр. 121. Ц. 80 к.

Тимофеевъ, А. Г.—Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Спб. 1897. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

——— Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ. Практическое руководство. Спб. 1897. Стр. 162. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, гр. А. К.—Полное собраніе стихотвореній. Т. II. Спб. 1897. Стр. 326. Ц. за 2 т. 3 р.

Шакиръ-паша.—Солнечное лѣтосчисленіе въ мусульманскомъ мірѣ. Переводъ съ турецк. Мамедъ-аги Шахтатинскаго. М. 1897. Стр. 173.

Шерръ, І.—Всеобщая исторія литературы. Перев. п. р. П. И. Вейнберга. Вып. XX и XXI. Стр. 449—512.

Шиманскій, Ф. С.—Статистическій обзоръ Саратовской губерніи и отчетъ Губернскаго Статистическаго Комитета за 1896 г.

Шиппель, Максъ.—Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Перев. съ нѣм., п. р. С. Булгакова. М. 1897. Стр. 135. Ц. 50 к.

Шмоллеръ, Густавъ.—Наука о народномъ хозяйствѣ въ предметѣ и методѣ. Переводъ Е. Котляревской. М. 1897. Стр. 112.

Юровскій, Н.—Идеалистъ. Ром. въ 3 ч. М. 1897. Стр. 291. Ц. 1 р. 25 к.

Ярошевская, М. Т.—Первоначальная географія съ картинами. Содержаніе: Краткое описаніе Россіи и свѣдѣнія изъ математической, физической и всеобщей географіи. М. 1897. Стр. 176. Ц. 80 к.

Фейгинъ, Ф.—Руководство для фельдшеровъ, фельдшерицъ, сестеръ милосердія, сидѣлокъ, носильщиковъ и для каждой семьи, къ уходу за больными, ранеными, умалишенными, родильницами, новорожденными, и къ поданію первой помощи въ случаяхъ, угрожающихъ жизни опасностью. Изданіе 3. Спб. 1897. Стр. 244, съ рис. Ц. 1 р.

Bagnicki, D.—Pétersbourg-Varsovie. Aperçu sur les chances de l'entente entre la nation russe et la nationalité polonaise. St.-P. 1897. Стр. 66. Ц. 1 р.

— Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историч. Общ. при Имп. Спб. Унив., п. р. Н. И. Карѣева. Т. IX. Спб. 1897. Стр. 210. Ц. 2 р.

— Записки и статьи о введеніи земскихъ учрежденій въ Тифлисской губерніи. Вып. 1. Тифлисъ. 1897. Стр. 78. Ц. 25 к.

Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности (1865—1897). Спб. 1897. Стр. 398.

——— дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 г.). Спб. 1897. Стр. 339+VI.

— Шпіонство при Наполеонѣ I. Карлъ Шульмейстеръ. Перевелъ съ франц. В. Клембовскій. Спб. 1897. Стр. 119. Ц. 1 р.

Digitized by Google

ЗАМѢТКА.

Недвижимая собственность въ Россіи и ея современная судьба. — Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи, п. р. А. Е. Рейнбота. Вып. I. 1896. С.-Петербургъ.

Вопросъ о движеніи землевладѣнія въ настоящее время является однимъ изъ жгучихъ у насъ въ Россіи, а потому нельзя не привѣтствовать появленія по этому предмету „Матеріаловъ", составленныхъ по порученію министра финансовъ, подъ редакціей А. Е. Рейнбота. Мысль изданія явилась въ 1895 г., когда обсуждался въ государственномъ совѣтѣ проектъ новаго устава крестьянскаго поземельнаго банка, и когда оказалось, что по данному вопросу въ распоряженіи совѣта не имѣется достаточнаго количества фактическихъ данныхъ.

Матеріаломъ для этого сборника послужили свѣдѣнія о переходахъ недвижимыхъ имуществъ по купчимъ крѣпостямъ и по данным на имущества, продаваемыя съ публичныхъ торговъ и публикуемыя въ сенатскихъ объявленіяхъ (отдѣлъ III, оглашеніе о переходѣ имущества). Въ вып. I вошли свѣдѣнія о движеніи землевладѣнія по 45 губерніямъ Европейской Россіи (исключая губерній прибалтійскихъ, польскихъ, архангельской, астраханской и Кавказа), оглашенныя сенатомъ въ 1893 году. Въ разработку вошли 34.443 сдѣлки;—несмотря на краткость разсматриваемаго періода (всего одного года), собранный въ вып. I матеріалъ настолько значителенъ, что на основаніи его можно сдѣлать (да и сдѣлано отчасти самимъ составителемъ выпуска) нѣкоторые выводы. Такъ, оказывается, что изъ 3.504.233 десятинъ, перемѣнившихъ въ 1893 году своихъ владѣльцевъ, 2.091.412 десятинъ, или около 60%, отчуждено отъ дворянъ, причемъ за тотъ же годъ пріобрѣтено ими же 1.104.411 десятинъ (31%), слѣдовательно—площадь дворянскаго землевладѣнія сократилась въ одинъ годъ на одинъ милліонъ десятинъ (987.001 дес.). — Выражая сдѣлки эти въ деньгахъ, мы увидимъ, что въ 1893 году дворянами продано земли на 87 милліоновъ рублей, куплено же ими на 46 милліоновъ, слѣдовательно, за отошедшій отъ дворянъ милліонъ десятинъ сословіе это получило деньгами 41 милліонъ рублей.—Всѣ другія сословія, а также юридическія лица, въ разсматриваемый періодъ, увеличили свой земельный запасъ; исключеніе составляютъ иностранцы и лица, званіе и сословіе которыхъ не опредѣлено,—эти послѣднія двѣ группы вла-

Digitized by Google

дѣльцевъ утратили земли болѣе, чѣмъ пріобрѣли, а именно: иностранцы на 114 тысячъ, а вторыя—на 38 тысячъ десятинъ. Болѣе всего увеличили свои земельныя владѣнія: купцы—на 233.102 десятины, почетные граждане—117.610, мѣщане—66.890 и сельскія сословія—на 535.467 десятинъ, такъ что послѣднія пріобрѣли болѣе 54% утраченной дворянами земли. Изъ сельскихъ сословій увеличили свое землевладѣніе:

Крестьяне-личные собственники—на	155.452	десятины.
Крестьянскія товарищества . . „	290.891	„
Крестьянскія общества . . . . „	40.408	„
Нижніе воинскіе чины . . . . „	5,440	„
Казаки, колонисты и т. п. . . „	43.296	„

При сличеніи данныхъ о количествѣ купленной и проданной земли тѣмъ или другимъ сословіемъ бросается въ глаза фактъ, что крестьянскія товарищества особенно крѣпко держатся земли; въ 1893 г. ими куплено 331.517, а продано всего 40.626 десятинъ, т.-е. куплено въ 8 разъ болѣе, чѣмъ продано—фактъ, не замѣчаемый ни въ одной изъ другихъ сословныхъ группъ; такъ, напримѣръ, сельскія общества купили 63.535, продали 23.127 дес., т.-е. куплено втрое болѣе, чѣмъ продано.

Главнѣйшій, почти единственный, земельный фондъ, за счетъ котораго ростетъ землевладѣніе различныхъ сословій, состоитъ изъ земель, утрачиваемыхъ дворянами. При этомъ замѣчается, что дворяне утрачиваютъ землю преимущественно крупными участками, и, наоборотъ, среди другихъ сословій замѣчается ростъ болѣе крупнаго землевладѣнія; такъ:

Размѣръ участковъ.	Убыль (—) или прибыль (+) землевладѣнія:				
Дес.	Дворянъ.	Купцовъ.	Поч. гр.	Крестьянъ личн. соб.	Товариществъ.
	Д е с я т и н ы.				
до 25	— 33.496	— 2.434	— 158	+ 16.171	+ 13.238
25— 100	— 92.843	— 3.440	— 467	+ 27.143	+ 54.081
100— 500	— 272.371	+ 16.517	+ 1.924	+ 62.321	+ 120.559
500—1.000	— 165.606	+ 41,756	+ 1.068	+ 21.789	+ 50.954
св. 1.000	— 422.685	+ 180.703	+ 115.243	+ 28.028	+ 52.059
Всего	— 987,001	+ 233.102	+ 117.610	+ 155.452	+ 290.891

При этомъ не безъинтересно замѣтить, что наше купечество хотя и скупаетъ землю, но далеко не въ значительномъ количествѣ,—если принять въ соображеніе выгоды, получаемыя этимъ сословіемъ отъ коммерческихъ предпріятій. Такъ, въ 1893 г., когда годовая прибыль торговыхъ предпріятій (не считая акціонерныхъ) достигла 300 милліоновъ рублей (судя по даннымъ, служащимъ основаніемъ для раз-

Digitized by Google

верстки раскладочнаго сбора), земельный фондъ этого сословія, считая на деньги, возросъ всего на 6 милліоновъ рублей, слѣдовательно на увеличеніе землевладѣнія купечество истратило не болѣе 2% чистыхъ доходовъ, полученныхъ имъ отъ торгово-промышленныхъ предпріятій. Очевидно,—земля, по своей доходности, не представляетъ въ настоящее время приманки для помѣщенія купеческихъ капиталовъ.

Приведенныя данныя относятся до всей Россіи вообще, но въ общемъ выводы эти дѣйствительны и для отдѣльныхъ частей нашего отечества—для губерній и даже для большинства уѣздовъ.

Конечно, опытъ разработки данныхъ одного года не даетъ еще права судить о характерѣ того процесса, который совершается въ предѣлахъ нашего землевладѣнія, но и приведенные примѣры уже свидѣтельствуютъ, что „въ распредѣленіи землевладѣнія въ Россіи между сословіями происходятъ на всемъ почти ея протяженіи медленныя, но весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ измѣненія, которыя, если обстоятельства не измѣнятся, должны привести въ неособенно далекомъ будущемъ къ существенно иному распредѣленію землевладѣнія между различными сословіями и классами населенія, чѣмъ то, которое имѣетъ мѣсто въ настоящее время". Затѣмъ, вышеприведенныя данныя „свидѣтельствуютъ о томъ, что существующее распредѣленіе землевладѣнія лишено устойчивости, и что происходящія въ немъ измѣненія характеризуются тремя главными чертами: сокращеніемъ площади дворянскаго землевладѣнія, слабымъ развитіемъ землевладѣнія сельскихъ обществъ и весьма замѣтнымъ расширеніемъ землевладѣнія особаго класса лицъ, который образуется преимущественно изъ лицъ торговаго сословія и такихъ крестьянъ, которые по своему экономическому уровню рѣзко отличаются отъ рядовыхъ крестьянъ-пахарей". Таковы выводы, къ которымъ пришелъ составитель сборника.

Первый выпускъ состоитъ изъ небольшого предисловія (въ 4 стр.) и таблицъ—385 страницъ большого формата. Таблицы раздѣлены на двѣ части: первая (24 стр.) заключаетъ въ себѣ общіе и погубернскіе итоги, а вторая (361 стр.)—болѣе подробную группировку данныхъ по губерніямъ и отдѣльнымъ уѣздамъ. Признаки, по которымъ сгруппированъ матеріалъ, слѣдующіе: число продажъ, количество продажной земли, продажная сумма, размѣръ продажъ и сословіе продавцовъ и покупателей. Такимъ образомъ, по книгѣ г. Рейнбота можно достаточно детально прослѣдить различныя особенности, характеризующія движеніе нашего землевладѣнія. Кромѣ указанныхъ выше общихъ выводовъ, для характеристики изданія приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Изъ таблицъ, на стр. 2—5, можно вывести средніе размѣры отчуждаемыхъ участковъ и среднюю стоимость 1 десятины какъ при по-

Digitized by Google

купкѣ, такъ и при продажѣ земель тѣмъ или другимъ сословіемъ. При этомъ если прослѣдить эти среднія въ предѣлахъ одного сословія, то окажется, что, напримѣръ, дворяне отчуждаютъ отъ себя болѣе мелкіе участки (въ 191 дес.), а пріобрѣтаютъ сравнительно крупные—въ среднемъ по 337 дес.; такъ что дворянское землевладѣніе, сокращаясь въ общемъ результатѣ, въ предѣлахъ своего сословія, путемъ купли и продажи концентрируется; при этомъ средняя стоимость земель, какъ отчуждаемыхъ (41 р.), такъ и пріобрѣтаемыхъ (42 р.), остается почти та же. Въ отношеніи къ размѣрамъ отчуждаемыхъ участковъ замѣченное явленіе усматривается и среди другихъ сословій: каждое изъ нихъ въ среднемъ пріобрѣтаетъ болѣе крупные участки, нежели продаетъ. Разсматривая же среднія цѣны, по которымъ отчуждается земля тѣмъ или другимъ сословіемъ, видимъ, что большинство сословій продаетъ болѣе цѣнные участки, сравнительно съ покупаемыми; исключеніе составляютъ крестьяне и вообще поселяне (казаки, колонисты и пр.), т.-е. лица, лично прилагающія свой трудъ къ землѣ. Оба эти вывода ясно видны изъ слѣдующей, составленной нами, выводной таблички:

	Размѣры отчуждаемыхъ участковъ при		Стоимость 1 десятины при	
Сословія:	покупкѣ	продажѣ	покупкѣ	продажѣ
Дворяне	191 дес.	337 дес.	41 р.	42 р.
Почетные граждане . . .	298 „	576 „	36 „	22 „
Купцы.	189 „	329 „	37 „	33 „
Мѣщане	32 „	58 „	52 „	40 „
Поселяне:				
Крестьяне собствен. . .	19 „	31 „	36 „	43 „
Крестьянск. товарищ. . .	37 „	83 „	42 „	41 „
„ общества. . .	48 „	148 „	43 „	30 „
Казаки, колонисты и др. .	34 „	38 „	47 „	64 „

Изъ таблицъ, на стр. 6—7, видимъ, что $^3/_5$ всего количества земли, поступающей въ продажу, черпается изъ землевладѣнія дворянъ—и только $^2/_5$—изъ земель другихъ сословій. При этомъ можно прослѣдить—какое количество остается въ предѣлахъ каждаго сословія, и какое переходитъ во владѣніе лицъ другихъ сословій, и какихъ именно. Такъ, изъ 2.091.412 десятинъ, отчужденныхъ отъ дворянъ, перешло: къ дворянамъ 754.343 дес., къ крестьянамъ—384.335 дес., къ купцамъ—282.954 десят., къ почетнымъ гражданамъ — 221.532 десятины; остальная земля распредѣлилась между другими сословіями и учрежденіями. Изъ 153.114 дес., отчуждаемыхъ отъ почетныхъ гражданъ, перешло въ руки купцовъ 58.751 дес., дворянъ — 26.115 дес., крестьянъ—19.029 дес., почетныхъ гражданъ — 14.874; изъ 295.420 дес. отчуждаемой отъ купцовъ, перешло къ купцамъ же 87.652 дес., къ дворянамъ—68.139 дес., къ крестьянамъ—65.561, къ казакамъ—27.984 дес.;

Digitized by Google

изъ 249.575 десятинъ крестьянской земли отошло къ крестьянамъ же 135.218 дес., къ дворянамъ—24.369 дес., къ купцамъ—21.535 дес.; изъ 110.241 дес., отчуждаемыхъ отъ казаковъ, колонистовъ и т. под. поселянъ, осталось въ предѣлахъ того же сословія 46.272 дес., перешло къ крестьянамъ 20.467 дес. и т. д. Изъ приведенныхъ данныхъ невольно напрашивается выводъ, что каждое сословіе, если и отчуждаетъ отъ себя землю, то стремится прежде всего удержать ее въ своей средѣ и затѣмъ уже продаетъ ее въ руки другихъ сословій, при чемъ главный контингентъ покупателей является изъ среды дворянъ, купцовъ и крестьянъ. Это вѣрно, если принимать во вниманіе количество продаваемой земли; если же обратиться къ числу сдѣлокъ, то большее число участковъ покупаютъ крестьяне, затѣмъ казаки, колонисты и другіе; наконецъ, разсматривая по затраченнымъ на покупку земли средствамъ—дворяне, крестьяне, купцы и проч.

Изъ погубернскихъ таблицъ можно прослѣдить колебанія сдѣланныхъ нами выводовъ по отдѣльнымъ частямъ Россіи, и кромѣ того подмѣтить много другихъ весьма важныхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, изъ сопоставленія таблицъ на стр. 10—11 съ таблицами на стр. 16—17 видимъ: изъ 45 губерній Европейской Россіи въ 41 замѣчается (для 1893 г.) убыль землевладѣнія дворянъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ количество проданной земли превышаетъ купленную вдвое и болѣе число разъ; въ 4 же губерніяхъ, наоборотъ, количество купленной дворянами земли больше проданнаго тѣмъ же сословіемъ. Правда, перевѣсъ этотъ незначителенъ, но все-таки онъ свидѣтельствуетъ если не о развитіи въ этихъ мѣстностяхъ дворянскаго землевладѣнія, то по крайней мѣрѣ о нѣкоторой устойчивости его, а именно, для даннаго (1893) года; губерніи эти слѣдующія:

	Продано:	Куплено:	Увеличеніе влад.
Губерніи:			
Ковенская	11.730 дес.	12.119 дес.	389 дес.
Пензенская	14.975 „	15.287 „	312 „
Бессарабская	10.017 „	10.862 „	845 „
Оренбургская	59.695 „	83.524 „	23.829 „

Землевладѣніе почетныхъ гражданъ въ общемъ увеличилось, но увеличеніе это произошло за счетъ семи крупныхъ покупокъ въ пермской губерніи (179 тыс. дес.), тогда какъ въ общемъ замѣчается скорѣе сокращеніе землевладѣнія этого сословія по всей Россіи, исключая нѣкоторыхъ центральныхъ губерній черноземной полосы (орловской, саратовской, тамбовской и тульской). Землевладѣніе купцовъ ростетъ почти повсюду; то же можно сказать и относительно крестьянъ; въ средѣ послѣднихъ сокращеніе землевладѣнія замѣтно въ губерніяхъ: нижегородской (особенно личнаго), курской, волынской и самарской

Digitized by Google

(общественнаго владѣнія).—Дальнѣйшія погубернскія таблицы состоятъ изъ распредѣленія данныхъ о числѣ сдѣлокъ, о количествѣ проданныхъ земель и стоимости ихъ по размѣрамъ отчуждаемыхъ участковъ, такъ что онѣ даютъ возможность судить, въ какихъ частяхъ Россіи и какихъ размѣровъ участки поступаютъ на рынокъ.

Во второй части данныя о продажахъ сгруппированы по каждой губерніи въ слѣдующія четыре таблицы: 1) распредѣленіе числа продажъ, пространство проданной земли и общей стоимости имѣній по сословіямъ продавцовъ и размѣрамъ проданныхъ владѣній; 2) та же группировка по сословіямъ покупателей; 3) распредѣленіе числа продажъ, пространства проданной земли и стоимости имѣній по сословіямъ продавцовъ и покупателей, и, наконецъ, 4) распредѣленіе тѣхъ же данныхъ по уѣздамъ и размѣрамъ отчужденныхъ владѣній.

Можно, конечно, многаго еще пожелать въ выборѣ той или другой комбинаціи группировокъ; такъ, напримѣръ, въ поуѣздныхъ таблицахъ на нашъ взглядъ большій интересъ представляла бы группировка по сословіямъ продавцовъ и покупателей, нежели по размѣрамъ участковъ, какъ сдѣлано въ работѣ г. Рейнбота и т. п. Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить еще одну особенность изданнаго 1-го вып. матеріаловъ: въ немъ нѣтъ выводныхъ данныхъ, такъ что онъ представляетъ собою огромный, извѣстнымъ образомъ сгруппированный, но совершенно сырой матеріалъ и всѣ выкладки предоставляется дѣлать читателю самому.

Все приведенное нами можетъ служить только нѣкоторой, далеко не полной характеристикой 1-го выпуска матеріаловъ; такъ, можно бы было прослѣдить еще среднюю стоимость проданной въ 1893 году земли по такимъ сравнительно мелкимъ единицамъ, какъ уѣзды; прослѣдить движеніе землевладѣнія въ средѣ одного и того же сословія по отдѣльнымъ губерніямъ,—гдѣ, въ какихъ уѣздахъ, поступаютъ на рынокъ участки болѣе мелкіе, и гдѣ, наоборотъ, болѣе крупные, и т. п.

Какъ мы слышали, начатая работа не ограничится опытомъ 1893 года, а будетъ проведена за всѣ годы существованія въ Россіи нотаріата, и что данныя за нѣкоторые годы уже составлены, сгруппированы и скоро выйдутъ изъ печати. Весьма желательно, чтобы работа эта была доведена до конца. Желательно также, чтобы былъ составленъ сводный сборникъ за все время существованія нотаріата, снабженный нѣкоторыми и выводными данными. Подобный сборникъ много поспособствовалъ бы къ уясненію того процесса, который совершается въ средѣ русскаго землевладѣнія—въ пореформенное время.

Д. Рихтеръ.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Edmond Biré. Nouvelles Causeries historiques et littéraires. Lyon, 1897. Стр. 398.

Эдмонъ Бире — большой знатокъ французскаго романтизма. Нѣсколько томовъ его критическихъ очерковъ посвящены литературнымъ дѣятелямъ начала вѣка и заключаютъ въ себѣ много новыхъ, характерныхъ подробностей, рисующихъ людей и общее настроеніе эпохи. Викторъ Гюго, за которымъ утвердилась традиціонная слава главы романтизма, составляетъ главный предметъ изслѣдованій Бире, и онъ обнародовалъ много интересныхъ данныхъ о жизни поэта во время его изгнанія. Въ новыхъ, недавно вышедшихъ очеркахъ Бире, онъ, не останавливаясь на созидателяхъ романтизма,—такъ какъ Шатобріану, Ламартину, Мишлé и другимъ громкимъ именамъ начала вѣка посвящены были, на ряду съ Викторомъ Гюго, прежніе томы,—ограничивается менѣе видными и въ значительной степени забытыми романтиками, въ родѣ Александра Дюваля и т. п., а также типичными явленіями романтической поры, распрями разныхъ литературныхъ направленій и лагерей, и т. д.

Всѣ эти мелкія подробности давно законченнаго литературнаго движенія представляютъ особенный интересъ. Нельзя говорить о возрожденіи романтизма въ наши дни,—въ литературѣ начала вѣка было слишкомъ много наивной риторики страстей, которая уже невозможна для поколѣнія, прошедшаго черезъ строгую дисциплину позитивизма. Но есть несомнѣнно интимная связь между нашей современностью, съ ея реакціей противъ излишествъ реализма и натурализма, съ ея склонностью къ отвлеченному въ искусствѣ—и между романтизмомъ начала вѣка, объявившимъ войну вольтеріанству и искавшимъ освобожденія отъ ига будничной жизни въ свободѣ страстей, а что эта „свобода страстей“ есть тоже рабство, только еще болѣе безвыходное,—романтики не понимали. Связь эта становится несомнѣнной при параллельномъ изученіи начала и конца вѣка. Все, что̀ Бире, разбирая разныя историческія и историко-литературныя произведенія, говоритъ, напр., о борьбѣ тогдашняго „духа времени“ съ традиціями XVIII вѣка, напоминаетъ современные протесты противъ условности отживающихъ литературныхъ жанровъ.

Digitized by Google

Особенно интересна обставленная массой историческихъ документовъ статья Бире́ о положеніи Французской Академіи въ эпоху революціи. Академическія традиціи были, конечно, враждебны нарождавшемуся романтизму—и разрушительная сила революціи, порвавшая всѣ традиціи въ области литературы, такъ же какъ и въ области общественной жизни, сослужила службу „новой литературѣ“ начала XIX вѣка. Академія, неизмѣнная хранительница литературныхъ традицій, утратила въ значительной степени свой авторитетъ,—республиканскому правительству она казалась опаснымъ переживаніемъ тиранніи и, какъ видно изъ очерка Бире́, ей грозила серьезная опасность полнаго распаденія. Критикъ описываетъ преслѣдованіе Французской Академіи республиканцами, измѣну самыхъ видныхъ членовъ и оффиціальное закрытіе академіи въ августѣ 1793 года. Она была возстановлена только 12 лѣтъ спустя, въ 1805 году, во время консульства Наполеона; но пережитая борьба, преслѣдованіе и казнь нѣсколькихъ членовъ—измѣнили весь характеръ академіи, лишивъ ее литературнаго господства, которымъ она пользовалась въ XVIII вѣкѣ; романтизмъ имѣлъ много противниковъ среди членовъ возобновленной академіи, но могъ оказать въ свою очередь вліяніе на нее и провести въ члены ея своихъ главнѣйшихъ представителей. Кризисъ, прервавшій на короткое время дѣятельность Французской Академіи, имѣлъ бо́льшее вліяніе на весь ея строй, сломивъ неподвижность традицій.

Дѣятели революціи видѣли въ академіи политическаго врага, защитницу королевскаго дома и противницу демократическихъ принциповъ. Въ числѣ нападокъ на академію, какъ на излишнюю роскошь, обращаютъ на себя вниманіе слова Марата въ „Ami du peuple“: „Имѣетъ ли смыслъ,—пишетъ онъ,—заставлять тысячу бѣдныхъ землепашцевъ умирать съ голода для того, чтобы содержать въ роскоши сорокъ тунеядцевъ, единственная цѣль которыхъ—болтовня и единственное занятіе—развлеченіе“?... Академія кажется ему „звѣринцемъ, въ которомъ собираютъ дорогой цѣной, какъ рѣдкихъ животныхъ, знаменитыхъ шарлатановъ и педантовъ“. — Но гораздо чувствительнѣе этихъ грубыхъ нападокъ демагога, врага всякой древней культуры, были нападенія самихъ же членовъ академіи, перешедшихъ на сторону ея враговъ. Однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ академіи былъ Мирабо́; онъ поручилъ академику Шамфору составить обвинительную рѣчь противъ академіи. Шамфоръ исполнилъ эту задачу съ необычайной злобой сектанта и коварствомъ ренегата—и памфлетъ его привелъ въ восторгъ Мирабо, который хотѣлъ прочесть его съ трибуны и потребовать уничтоженія ненавистнаго ему литературнаго гнѣзда. Но скоропостижная смерть Мирабо остановила его планы. Нѣсколько недѣль спустя, Шамфоръ издалъ свой памфлетъ, подъ за-

Digitized by Google

главіемъ: „Объ академіи, рѣчь, которую Мирабо долженъ былъ прочесть національному собранію".

На вопросъ: что̀ такое академія?—Шамфоръ отвѣчаетъ въ своемъ памфлетѣ, что это—„корпорація, созданная деспотомъ для того, чтобы увѣковѣчить рабство народовъ; собраніе придворныхъ льстецовъ и писателей, показывающихъ примѣръ самой низкой лести, до которой могутъ дойти люди,—общество людей, гдѣ проявляется во всемъ своемъ уродствѣ борьба мелкихъ интересовъ и соревнованій, комичная игра тщеславія между литературой, знатью и рясами" (entre lettrés, titrés, mitrés). Всѣ работы академіи, словарь, рѣчи вступительныя и похвальныя, распредѣленіе наградъ и т. д., онъ объявляетъ пустыми, ничтожными и не приносящими никому пользы.

Нашлись, конечно, у академіи свои защитники: Лагарпъ, Сюаръ и въ особенности знаменитый полемистъ аббатъ Морлé, не остались въ долгу передъ Шамфоромъ и изобличили личный мстительный характеръ памфлета, заказаннаго Мирабо. Но эта борьба пошатнула авторитетъ, которымъ академія пользовалась во времена Вольтера. Весь же этотъ эпизодъ временнаго закрытія академіи представляетъ большой интересъ для пониманія соотношеній политической и культурной жизни Франціи. Возобновляя его въ нашей памяти съ новыми подробностями, Бирé вводитъ читателей въ идейный міръ XIX вѣка, начавшійся рѣзкимъ разрывомъ съ недавнимъ прошлымъ.

Отживавшему вольтеріанству, имѣвшему еще сторонниковъ въ эпоху романтизма, Бирé посвящаетъ очеркъ: „Un Voltairien de 1824", гдѣ описывается пестрая литературная дѣятельность, и еще болѣе пестрая жизнь Жуи, извѣстнаго водевилиста, либреттиста и сатирическаго писателя временъ имперіи и реставраціи. Жуи (Jouy), или, по своему настоящему имени, Викторъ-Жозефъ Этьеннъ—рѣзко выраженный типъ вольтеріанца, всецѣло живущаго головой, скептика и насмѣшника, которому даже нѣтъ охоты заглянуть въ глубь явленій, благо поверхность ихъ представляетъ достаточный матеріалъ для изощренія остроумія. Жизнь Жуи была крайне романтична и представляла рѣзкую противоположность съ трезво-сатирическимъ тономъ его писаній. Военная карьера завлекла его въ глубь Индіи, гдѣ онъ испыталъ цѣлый рядъ приключеній, спасалъ сжигаемую съ трупомъ мужа индійскую вдову, чуть не утонулъ, вырывая любимую дѣвушку изъ рукъ жрецовъ; потомъ во время революціи ѣздилъ по Франціи съ военными порученіями правительства, и въ то же время рисовался своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ Робеспьеру, попадалъ изъ-за своей дерзости въ самыя опасныя положенія, во время войны съ Англіей былъ въ тюрьмѣ,—и всегда, среди всѣхъ приключеній, видѣлъ въ жизни только матеріалъ для развлеченія и игры. Мѣткій умъ связанъ былъ

Digitized by Google

у него съ большой сухостью сердца; въ этомъ отношеніи очень характеренъ разсказъ о немъ, передаваемый Бире со словъ генерала Тьебо, брата жены Жуи. Тьебо разсказываетъ, что Жуи сталъ утверждать однажды, что можетъ плакать по желанію, и если ему дадутъ какую-нибудь книгу, то онъ заплачетъ, не дочитавъ ея до конца. „Посмотримъ,—сказала его жена, непріятно пораженная такимъ признаніемъ въ неискренности, — посмотримъ, сможете ли вы заплакать, читая названія двѣнадцати мѣсяцевъ". Онъ принимаетъ вызовъ, беретъ календарь, который ему подаютъ, — календарь 93-го года, — становится серьезнымъ и принимается читать. Съ каждымъ словомъ, которое онъ произноситъ съ промежутками, въ немъ обнаруживается все бо̀льшее волненіе. Произнося „іюнь", онъ неровно дышетъ; „іюль"— онъ, очевидно, разстроенъ; „августъ" — голосъ измѣняетъ ему; „сентябрь"—онъ рыдаетъ; когда же ему приходится произнести „октябрь" —онъ уже плачетъ горькими слезами.—Бѣдная женщина была испугана и возмущена этой сценой, открывшей ей въ истинномъ свѣтѣ ея мужа.

Въ литературѣ Жуи, согласно своей натурѣ, сталъ приверженцемъ Вольтера, подражалъ ему въ театральныхъ пьесахъ, всячески проявлялъ свое преклоненіе передъ философіей Вольтера и его геніемъ— и самъ сводилъ все отношеніе къ жизни и пониманіе ея къ вышучиванію внѣшнихъ проявленій жизни. Пьесы Жуи—водевили, оперетты, комедіи—имѣли въ свое время большой успѣхъ; но какъ только Жуи вздумалъ писать трагедію изъ индійской жизни, пользуясь своими личными воспоминаніями, онъ оказался несостоятельнымъ. Ни одинъ лучъ индійскаго солнца не проходитъ черезъ его пьесу „Tippo Saëb",— онъ слишкомъ усвоилъ себѣ условный колоритъ вольтеровскихъ трагедій. Но извѣстность Жуи основана главнымъ образомъ не на его пьесахъ для театра, а на сатирическомъ изданіи: „L'Hermite de la Chaussée d'Antin", гдѣ—на подобіе Адиссоновскаго „Spectator" въ Англіи—Жуи рисовалъ нравы современнаго ему французскаго общества. Какъ историческій матеріалъ, листки „Hermite'a" имѣютъ постоянный интересъ. Бире справедливо замѣчаетъ, что интересъ „Hermite'a" заключается въ значительной степени въ томъ, о чемъ онъ не говоритъ. Онъ началъ выходить въ 1811 году и длился до 1814 года. Въ это время происходили войны съ Россіей и Германіей, когда катастрофы потрясали страну—а „Отшельникъ" ни о чемъ не подозрѣваетъ. Читая его, кажется, что Франція была внѣ исторіи за эти три года. Въ февралѣ и мартѣ 1814 года, въ то время когда пруссаки, австрійцы и русскіе были уже въ Шампани и близки къ Парижу, Жуи пишетъ о „нѣкоторыхъ модныхъ порокахъ", о „мостѣ Pont des Arts", „мастерской живописца" и т. п. — Читая на разстояніи многихъ десятилѣтій эти остроумныя описанія внѣшней суетной жизни,

Digitized by Google

которая не прерывается „среди грохота пушекъ", мы яснѣе чувствуемъ полноту жизни, неизмѣнное сліяніе великаго и мелкаго въ каждый данный моментъ жизни народовъ.

Въ книгѣ Бире обращаютъ также на себя вниманіе очерки, посвященные нѣсколькимъ полузабытымъ писателямъ временъ имперіи и реставраціи, какъ, напр., драматургъ Александръ Дюваль, въ свое время вызывавшій безконечные восторги. Онъ поставилъ на различныхъ сценахъ сорокъ-три пьесы, и успѣхъ многихъ изъ нихъ доходилъ, по свидѣтельству современниковъ и самого Дюваля, „до безумія". А между тѣмъ, когда одна изъ знаменитѣйшихъ его комедій, Les Héritiers", возобновлена была въ прошломъ году въ „Comédie Française", она вызвала единодушные протесты критики, возмущенной отсутствіемъ литературности стиля и банальностью содержанія. Успѣхъ Дюваля, какъ видно по отзывамъ его современниковъ, основанъ былъ главнымъ образомъ на проповѣди нравственности и рыцарскихъ чувствъ, на прославленіи чести, патріотизма и семейныхъ добродѣтелей; тирады о добрѣ и злѣ во вкусѣ римскихъ моралистовъ приходились по вкусу обществу, подражавшему внѣшнимъ формамъ императорскаго Рима.

Любопытныя свѣдѣнія Бире сообщаетъ еще объ одномъ, чрезвычайно извѣстномъ во время консульства и имперіи вплоть до второй имперіи драматургѣ — Коцебу. По необычайной плодовитости, Коцебу сравнивали съ Гансомъ Саксомъ. Пьесы его относятся къ самымъ разнообразнымъ жанрамъ, и изъ нихъ выдѣляются своими достоинствами: „Mort de Rolla"—романтическая драма, „Misanthrope et Repentir", „Enfant de l'Amour"—буржуазная драма, „Octave et l'Ange Gardien"—историческая драма. Но истинная оригинальность Коцебу сказалась болѣе всего въ комедіи, всѣ разновидности которой онъ культивировалъ, начиная отъ комедіи характеровъ и до „фарсовъ для пищеваренія", какъ онъ самъ называлъ нѣкоторыя изъ своихъ легкихъ произведеній. Въ Германіи Коцебу называли нѣмецкимъ Мольеромъ, и даже во Франціи, столь чуждой обыкновенно всего иностраннаго, пьесы Коцебу имѣли большой и долгій успѣхъ. Бире напоминаетъ подробности пестрой жизни Коцебу, его жизнь въ Россіи, административную дѣятельность въ Эстляндіи и странную ссылку въ Сибирь въ 1800 году. Коцебу возвращался тогда изъ Веймара въ Россію, въ Ревель, гдѣ у жены его были помѣстья. Но это было послѣ указа императора Павла I (въ 1796 г.), запрещавшаго обратный въѣздъ въ Россію всѣмъ оставлявшимъ ее. Когда Коцебу пріѣхалъ на русскую границу, его арестовали и отправили въ Тобольскъ. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ Коцебу въ г. Курганѣ, гдѣ въ то время былъ одинъ только каменный домъ среди лачугъ, не были слишкомъ тягостными. Онъ даже поставилъ тамъ на сцену двѣ комедіи. Вскорѣ

Digitized by Google

Коцебу былъ возвращенъ на свободу по личному декрету императора, получилъ въ подарокъ большое помѣстье и сталъ нѣкоторымъ образомъ persona grata при дворѣ. Коцебу сохранилъ хорошія отношенія и съ императоромъ Александромъ I, былъ его литературнымъ корреспондентомъ — и даже поплатился жизнью за свою „преданность". Нѣмецкая молодежь не безъ основанія видѣла въ Коцебу одного изъ виновниковъ реакціи въ Германіи.

II.

Catulle Mendès. L'art au théatre. Paris, 1897. Стр. 350.

Катюлль Мендесъ—одно изъ громкихъ именъ въ современной французской поэзіи. У этого нынѣ пожилого поэта образовались двѣ очень различныя извѣстности: онъ—одинъ изъ самыхъ ревностныхъ „париасьеновъ", принадлежавшій къ числу „impassibles" съ самаго основанія „Parnasse Contemporain". Цѣлый рядъ поэтическихъ сборниковъ свидѣтельствуетъ о высотѣ его поэтическихъ настроеній и о совершенствѣ стиха. Всю свою жизнь онъ безкорыстно и искренно любилъ поэзію и красоту. Въ этомъ—основа его писательской натуры, въ этомъ и его оправданіе, когда, въ поискахъ за красотой, онъ сбивался на менѣе чистые пути, что̀ и привело его тоже къ громкой извѣстности у читателей бульварныхъ листковъ и любителей гривуазныхъ разсказовъ и сказокъ. Чтобы судить Катюлля Мендеса, нужно прочесть его юношескую книжку: „Légende du Parnasse Contemporain", гдѣ онъ разсказываетъ исторію парнасской школы. Рѣдко приходится встрѣчать на страницахъ историко-литературнаго очерка такое опьяненіе красотой, такую вѣру въ искусство, какъ въ высшій смыслъ жизни, такую искренность въ отношеніи къ другимъ, идущимъ тѣми же путями, поэтамъ. Всѣ личныя отношенія къ товарищамъ по „Парнасу" окрашиваются у него общностью поэтическихъ идеаловъ, и всякое влеченіе къ красотѣ онъ умѣетъ подмѣтить и понять даже тогда, когда исполненіе не равняется намѣреніямъ.

Любовь къ красотѣ и совершенство художественной техники не покидаетъ Мендеса и во второй области его творчества,—въ сказкахъ и разсказахъ, низменныхъ по сюжетамъ и настроеніямъ, но тѣмъ не менѣе истинно художественныхъ, полныхъ фантазіи и чисто французской радости жизни, избытка веселости и остроумія и той особой легкости, которая замѣняетъ для французовъ истинную свободу въ жизни.

Около года тому назадъ, К. Мендесъ вступилъ на новое литера-

Digitized by Google

турное поприще,—онъ сдѣлался драматическимъ критикомъ. Театръ занимаетъ во французскомъ искусствѣ такое выдающееся мѣсто, что всякій литературный критикъ тѣмъ самымъ становится театральнымъ критикомъ. Вполнѣ естественно, что поэтъ, выработавшій среди своего многолѣтняго творчества весьма опредѣленное эстетическое міросозерцаніе, захотѣлъ не только отражать его въ оригинальныхъ произведеніяхъ, но также изложить свои идеи въ искусствѣ и разобраться въ различныхъ направленіяхъ современной французской литературы. Всѣ эти направленія концентрируются, какъ въ фокусѣ, въ драматическомъ искусствѣ, и, разбирая новыя пьесы, какъ серьезныя, такъ и самыя мелкія, какъ оригинальныя, такъ и изрѣдка попадающія на французскую сцену иностранныя, поэтъ, превратившійся въ критика, имѣетъ возможность затрогивать всѣ спорные вопросы современнаго искусства.

Театральныя хроники Мендеса возбудили большой интересъ при первомъ своемъ появленіи въ газетѣ „Journal“, и теперь, собранныя въ отдѣльный томикъ, подъ заглавіемъ: „L'art au Théatre“, выдѣляются въ общей массѣ сборниковъ подобнаго рода. Благодаря обилію общихъ идей и сильному стилю Мендеса, заставляющему слушать его, даже когда съ нимъ нельзя согласиться, книга эта представляетъ цѣльное критическое сочиненіе, и на-ряду съ „Légende du Parnasse Contemporain“ сохранитъ интересъ, даже когда самыя пьесы, о которыхъ онъ говоритъ, давно будутъ забыты.

Два вопроса, которые затрогиваетъ Мендесъ въ своей книгѣ, представляютъ особенный интересъ уже потому, что о нихъ очень много и часто говорятъ во Франціи, и все-таки послѣдняго слова никто о нихъ не сказалъ. Первый изъ этихъ вопросовъ заключается въ томъ: должно ли искусство руководиться мнѣніями исключительно развитого меньшинства, или голосомъ толпы? Мендесъ—приверженецъ мнѣнія большинства, т.-е., въ вопросахъ театра—большой публики. „Публика, „le grand publique“,—говоритъ онъ,—т.-е. свѣтскіе люди, буржуа, народъ, вообще толпа, въ высшей степени чувствительна, повѣрьте, къ красотѣ. Инстинктъ замѣняетъ у нея утонченность высшей интеллигенціи. То, что послѣдняя понимаетъ, толпа чувствуетъ, не всегда понимая. Если же ей случается иногда отнестись сначала съ изумленіемъ къ великому произведенію и даже смѣяться надъ новымъ геніемъ или надъ обособленнымъ талантомъ, то вина не въ ней, а въ ея плохихъ совѣтчикахъ. Еслибы она была предоставлена самой себѣ, она сейчасъ же почувствовала бы великолѣпіе или новизну великаго произведенія. Поэты, романисты, драматурги, художники, музыканты и скульпторы, не презирайте мнѣнія большинства, а довѣряйте ему. Толпа состоитъ, конечно, изъ массы посредственныхъ

Digitized by Google

умовъ и даже мелкихъ душъ, но въ своемъ единеніи она наивно послушна голосу искусства. Несмотря на пошлость сужденій, которыя часто слышатся передъ картинами, все-таки окончательная и справедливая оцѣнка великихъ современныхъ художниковъ опредѣляется посѣтителями выставокъ въ дни уменьшенной платы за входъ. Ихъ оцѣнка гораздо прочнѣе, чѣмъ мнѣніе всякихъ жюри и присяжной критики, какъ реакціонной, такъ и революціонной. Стылясь того, что она такъ долго мирилась,—потому что ее къ этому принуждали,—съ репертуаромъ Скриба и подобныхъ ему авторовъ, публика нашихъ дней рѣшительно отвернулась отъ него, несмотря на воззванія фельетонистовъ, пережившихъ смерть этого театра; она безповоротно отрѣшилась отъ него,—потому что, еслибы Скрибъ могъ еще собирать деньги, почему бы его не играли?—и вернулась къ драмамъ Гюго, къ комедіямъ Мюссé, несмотря на пожиманія плечами и дерзкія насмѣшки новаторовъ, которые, одѣваясь, впрочемъ, по модѣ 1830 года (комичное противорѣчіе!), считаютъ эти шедѣвры романтическими отрепьями. Публика проста и поэтому инстинктивно справедлива и способна ко всѣмъ благороднымъ эмоціямъ. Нѣтъ бо̀льшихъ враговъ великаго искусства, чѣмъ бульварные кружки, предубѣжденныя мелкія самолюбія, скептики, люди съ репутаціей тонкихъ умовъ и глупцы на самомъ дѣлѣ. Агора̀—народное собраніе—лучшій судья, чѣмъ эти ареопаги, и парижская толпа выше того, что̀ называется „весь Парижъ“.

Это отношеніе къ мнѣнію большинства очень любопытно со стороны поэта, котораго долго причисляли самого къ аристократамъ въ литературѣ, къ поэтамъ меньшинства. Но относительно драматическаго искусства, онъ, быть можетъ, правъ. Оно обращено къ массѣ и поэтому должно воспитать массу такъ, чтобы она понимала и самыя высокія его вдохновенія. Замѣтимъ, что Мендесъ говоритъ не о мнѣніяхъ толпы, а объ инстинктѣ массъ, о какомъ-то чувствѣ красоты, которое таится въ душѣ и пробуждается отъ соприкосновенія съ аналогичными проявленіями того же инстинкта въ другихъ. Этотъ безсознательный инстинктъ недостаточно силенъ, чтобы безошибочно проявляться при чтеніи наединѣ поэтическаго произведенія, и поэтому книга требуетъ исключительной подготовки читателя въ томъ случаѣ, если она возвышается надъ уровнемъ общепризнаннаго и привычнаго. Но въ театрѣ, передъ живымъ словомъ, раздающимся со сцены, происходитъ коллективный трудъ раскрывающихся къ воспринятію искусства умовъ, и культурная толпа является достойнымъ судьей всякаго драматическаго произведенія, какъ бы оно ни было новымъ и необычайнымъ. Мендесъ совершенно правъ, признавая судъ такого рода большинства рѣшающимъ и исходя изъ него въ своихъ собственныхъ сужденіяхъ о драматическихъ произведеніяхъ. Конечно,

Digitized by Google

правъ онъ еще потому, что говоритъ о французской публикѣ, самой культурной въ Европѣ. Можно отрицать всякія другія качества у французской толпы такъ же, какъ и у отдѣльныхъ французскихъ писателей и дѣятелей; быть можетъ, нѣтъ въ нихъ глубины и неожиданной высоты духа, которыя составляютъ обаяніе иныхъ народныхъ массъ, но въ нихъ есть исключительная эстетическая чуткость, воспитанная долгими вѣками культуры.

Другой вопросъ, къ которому Мендесу часто приходится возвращаться, заключается въ отношеніи его къ иностраннымъ литературамъ. Въ послѣднее время во Франціи стало прививаться искусство другихъ странъ. Два театра спеціально посвящены ознакомленію Франціи съ лучшими произведеніями иностранныхъ писателей: „Théatre Libre", основанный талантливымъ актеромъ Антуанемъ, и смѣнившій его театръ „Oeuvre", во главѣ котораго сталъ предпріимчивый молодой актеръ Люнье-Поэ. Мендесъ—большой сторонникъ „Théatre Libre" и признаетъ его воспитательное значеніе. Нужно было бороться противъ рутины и пережевываній на французской сценѣ. Нужно было дать возможность молодымъ французскимъ драматургамъ идти по новымъ путямъ, пренебрегать обычными условностями и создавать театръ внѣ узкихъ традиціонныхъ правилъ. Примѣръ иностранныхъ драматурговъ, обновившихъ современную драму въ остальной Европѣ, былъ чрезвычайно полезнымъ примѣромъ. Пьесы Толстого, Ибсена, Гауптмана, представленныя на сценахъ обоихъ театровъ, сослужили несомнѣнную службу современной французской драмѣ. Мендесъ это вполнѣ признаетъ и одобряетъ попытки обоихъ директоровъ, несмотря на то, что большинство иностранныхъ пьесъ, въ особенности драмы Ибсена, не находятъ въ немъ ни сочувствія, ни пониманія. Но въ обиліи иностранныхъ пьесъ, которыя стали появляться на французской сценѣ, Мендесъ видитъ опасность и постоянно указываетъ на нее. У него есть своеобразная теорія о соотношеніи французскаго театра и иностраннаго. Теорія эта чрезвычайно шовинистская и, какъ все тенденціозное, фальшива. Онъ чрезвычайно хорошо знаетъ французскую драму всѣхъ временъ, въ особенности же французскую драму середины вѣка, и ему кажется, что въ идейномъ отношеніи она не можетъ быть превзойдена. Поэтому все новое, создаваемое теперь въ Германіи и Норвегіи, ему кажется прямымъ оттолоскомъ театра Алекс. Дюма и Ожьé. Онъ не видитъ разницы между идейными замыслами Ибсена, захватывающими общечеловѣческія струны, и тенденціозными пьесами Дюма-сына, направленными противъ разныхъ параграфовъ французскихъ законовъ. Не понимаетъ онъ также поэзіи образовъ, созданныхъ угрюмой фантазіей норвежскаго драматурга, и видитъ въ нихъ лишь неловкую попытку замаскировать повтореніе

Digitized by Google

нравственныхъ теорій Дюма. Какъ ни относиться къ творчеству Ибсена, во всякомъ случаѣ, ни одинъ европейскій критикъ не станетъ обвинять его въ отсутствіи оригинальности и не сравнитъ его общественныхъ теорій съ отживающими тирадами Дюма.

Не признавая самыхъ высокихъ представителей иностранной драмы, Мендесъ тѣмъ болѣе возмущается тѣмъ, что во французскихъ театрахъ ставятся второстепенныя произведенія иностранной литературы. Онъ боится этого нашествія чужой литературы и сводитъ всѣ нападки на нее къ тому, что всѣ иностранные драматурги подражаютъ французамъ, и что, ставя ихъ на французской сценѣ, французы повторяютъ себя — только въ болѣе блѣдномъ и искаженномъ видѣ. Интересную хронику на эту тэму представляетъ разборъ трагедіи: „Balladine“ Словацкаго, гдѣ Мендесъ искренно говоритъ о своемъ непониманіи и нежеланіи понимать все иностранное, и о томъ, что оно совершенно не нужно для Франціи, и что воспитательная роль иностранной литературы заключается только въ томъ, чтобы придать бо́льшую смѣлость новаторамъ среди французовъ. По существу же, все иностранное и недостаточно оригинально, и все-таки безнадежно чуждо. Протестуя противъ сѣверныхъ вліяній въ литературѣ, Мендесъ повторяетъ извѣстное выраженіе: ex Oriente lux, нѣсколько измѣняя его: „c'est du Nord que nous viennent maintenant—les tenèbres“,—говоритъ онъ.—Какъ необычайно характерно это отношеніе всѣхъ французскихъ критиковъ, а въ томъ числѣ и Мендеса, къ вліянію извнѣ, которому они, однако, роковымъ образомъ поддаются! Быть можетъ, въ этомъ упрямомъ стремленіи къ замкнутости — сила французской культуры и источникъ совершенства, котораго она достигла въ развитіи формъ. Эта сознательная замкнутость идетъ параллельно съ безсознательнымъ воспріятіемъ всего, что̀ достойно быть воспринято въ другихъ странахъ, и это единеніе давало до сихъ поръ самые лучшіе результаты для Франціи.

Въ книжкѣ Мендеса есть много чисто-парижскаго. Оно сказывается въ его разносторонности, въ томъ, что оперетка и фарсъ его такъ же интересуютъ, какъ глубокая трагедія, и наводятъ его на мысли, касающіяся сущности французской жизни. Онъ радуется всему, что̀ отражаетъ жизнерадостность и жизнеспособность, и искренно и сильно возмущается всѣмъ, нарушающимъ здоровое теченіе жизни, всякимъ вмѣшательствомъ интеллектуальныхъ тонкостей въ жизненныя отношенія. Психологическія изощренія новыхъ драматурговъ въ области любви ему кажутся чудовищными, и онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы противопоставить изломанности слабаго и больного, по его мнѣнію, поколѣнія „здоровую любовь предковъ“; хроники о нѣсколькихъ пьесахъ на тэму любви: „Amants“, Доннэ, „Ténailles“,

Digitized by Google

Эрвье, и нѣсколько др. довольно любопытны въ этомъ отношеніи и вызываютъ улыбку своимъ слишкомъ уже непосредственнымъ взглядомъ на вопросы чувства и на женщинъ.

III.

Gustave Larroumet. Petits portraits et notes d'art. Paris. 1897. Стр. 326.

Гюставъ Ларрумé—бывшій директоръ Beaux-Arts—одинъ изъ немногихъ литературныхъ критиковъ во Франціи, занимающихся также изящными искусствами. Его отзывы о новыхъ французскихъ живописцахъ и скульпторахъ заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія, что онъ соединяетъ техническія знанія въ искусствѣ съ выдающимся общимъ образованіемъ. Въ новомъ сборникѣ Ларрумé интереснѣе всего замѣтки о художникахъ, не только новыхъ, но и старыхъ. О нѣкоторыхъ живописцахъ XVII и XVIII вѣковъ Ларрумé говоритъ по поводу сюжетовъ ихъ картинъ, т.-е. главнымъ образомъ по поводу моделей старинныхъ французскихъ портретовъ. Ларрумé правъ, считая портретную живопись наиболѣе соотвѣтствующей національному генію Франціи. „Въ портретахъ,—говоритъ онъ,—полнѣе всего воплощаются національныя качества, наблюденіе внѣшней жизни и духовная проницательность, также какъ и склонность къ точности и искренность въ исканіяхъ художественной правды". Французское искусство, одинаково открытое какъ итальянскому, такъ и фламандскому вліянію, болѣе проникло вторымъ. Идеалистическая живопись Италіи проникла во Францію въ эпоху своего высшаго развитія—послѣ похода Карла VIII; Франція стала второй родиной Возрожденія и даже, какъ извѣстно, пріютила у себя величайшаго выразителя итальянскаго искусства—Леонардо-да-Винчи. Но по своимъ настроеніямъ французскіе художники остались чужды итальянскому „ренессансу"; ихъ не влекло къ себѣ мистическое искусство флорентинцевъ, также какъ отвлеченная религіозная живопись другихъ итальянскихъ школъ, родственныхъ флорентійскимъ. Гораздо ближе по духу оказалось французамъ жизнерадостное фламандское искусство,—и классическая пора наступила для французской живописи уже въ XVII вѣкѣ, когда въ ней укореняется реализмъ, и наблюденіе жизненныхъ явленій, крупныхъ и мелкихъ, становится главнымъ содержаніемъ картинъ.

Оба рода реалистическаго искусства—жанръ и портретная живопись—имѣютъ во Франціи выдающихся представителей, и Ларрумé занимается въ своей книгѣ нѣкоторыми изъ нихъ. Онъ вполнѣ справедливо ставитъ выше портретистовъ, потому что въ изученіи отдѣль-

Digitized by Google

ныхъ человѣческихъ лицъ обнаруживается большее проникновеніе въ душевный міръ, чѣмъ въ изображеніи внѣшнихъ событій, дѣйствующихъ на зрителя главнымъ образомъ своей анекдотической стороной. Говоря о Ришельё, Ларрумé говоритъ, что сильная личность кардинала встрѣчала больше сочувствія у живописцевъ и скульпторовъ, чѣмъ у романистовъ и поэтовъ, и описываетъ бюстъ Варрена, могильную статую Жирардона и знаменитый портретъ Филиппа де-Шампэня. Въ этомъ послѣднемъ художникѣ сочетались серьезность настроенія съ любовью къ жизненной правдѣ и съ увлеченіемъ красками и формами, при чемъ строгость нравственнаго склада его натуры укладывала его воображеніе въ строгія рамки. Это сочетаніе реализма съ дисциплинированной волей дѣлаетъ Шампэня типичнымъ представителемъ классической французской живописи, несмотря на его фламандское происхожденіе. Тонкость и чувство мѣры—его главныя достоинства, сказавшіяся въ портретѣ Ришельё, и онъ завѣщалъ ихъ своему ученику Риго (Rigault). Тѣ же традиціи въ портретной живописи видны въ портретистахъ XVIII вѣка, Ларгильерѣ и Латурѣ, и въ художникахъ, рисовавшихъ м-мъ Рекамьé. Ларрумé вспоминаетъ отзывы разныхъ современниковъ, которые видѣли въ этой женщинѣ идеальный типъ „grande coquette“—сознающей свою красоту и преисполненной желанія привязать къ себѣ всѣхъ, оставаясь сама свободной въ своихъ чувствахъ. М-мъ Рекамьé сама болѣе чѣмъ кто-либо другой понимала свою красоту и, какъ разсказываетъ Ларрумé со словъ современниковъ, принимала поклоненіе себѣ какъ нѣчто не могущее не быть. Говорятъ, что маленькіе савойяры оборачивались ей во слѣдъ, и ей это казалось столь естественнымъ, что когда они не оборачивались болѣе, она поняла, что „все кончено“. Черты лица знаменитой красавицы сохранены для потомства въ портретахъ Давида и Жерара. Въ нихъ отпечатлѣлся идеалъ эпохи, искавшей красоту въ линіяхъ и краскахъ и лишенной той одухотворенности, которая составляетъ обаяніе итальянской живописи эпохи Возрожденія.

Говоря о жанровой живописи, Ларрумé превозноситъ собранныя въ Луврѣ картины Шардена и излагаетъ свой взглядъ на значеніе картинъ, воспроизводящихъ мелкія черты будничной жизни. Послѣ торжественности эпохи Людовика XIV въ искусствѣ замѣчается обратное стремленіе къ реальному изображенію народныхъ массъ. Когда Ватто сталъ брать сюжеты изъ итальянскихъ комедій, и изъ самыхъ незамысловатыхъ сценъ создавалъ поэтическія, близкія жизни идилліи, онъ по-своему подготовлялъ возвращеніе къ изображенію простой жизни и обыденныхъ людей. Послѣ Ватто Шарденъ—лучшій представитель новаго, такъ сказать, всенароднаго искусства, которое удалило на второй планъ миѳологію и историческіе сюжеты. Послѣ Грёза, ко-

Digitized by Google

торый дѣлаетъ высокія чувства доступными людямъ скромныхъ житейскихъ сферъ, начинается преобладаніе демократизма въ искусствѣ. Шарденъ, вкладывающій въ свои „сцены изъ семейнаго быта“ добродушное, здоровое веселье и трезвую разсудительность,—носитель того же чисто французскаго буржуазнаго духа (еще не опошленнаго, какъ въ наши дни), какой сказался въ излюбленныхъ герояхъ Мольера. Послѣ Шардена жизнь среднихъ круговъ становится неизсякаемымъ источникомъ для французскихъ художниковъ-реалистовъ. Измѣнившіеся нравы и идеи направили впослѣдствіи живопись на болѣе высокія и отвлеченныя тэмы. Но все-таки, послѣ Давида и Делакруа, изображеніе интимной жизни не только въ буржуазіи, но и у крестьянъ опять взяло верхъ. Въ ближайшее къ намъ время Миллэ вернулся къ сюжетамъ Шардена, но, перенося ихъ въ широкую жизнь среди природы, поднялъ ихъ до высоты символовъ. Реализмъ Шардена онъ освѣтилъ лучомъ идеализма, мелкія подробности жизни онъ согрѣлъ поэзіей и поднялъ ихъ на высоту событій духовнаго міра.

Оглянувшись на прошлое французской живописи, Ларрумé переходитъ къ настоящему и говоритъ о мастерахъ новой школы—о портретистѣ Бонна, о Бенжаменѣ Констанѣ, скульпторѣ Родэнѣ и другихъ. Онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ представителей новѣйшихъ теченій въ искусствѣ и даже лишь вскользь упоминаетъ о Пювисъ-де-Шаваннѣ — престарѣломъ вождѣ молодыхъ художниковъ. Это исключительное вниманіе къ признаннымъ академическимъ мастерамъ современной живописи объясняется, впрочемъ, совершенно просто: Ларрумé въ художественной критикѣ—представитель традиціоннаго „esprit français“, которому соотвѣтствуетъ уравновѣшенное творчество портретистовъ и живописующихъ яркій Востокъ художниковъ. Но оригинальныя попытки внести въ живопись новыя идеи и настроенія, сдѣлать ее носительницей отвлеченныхъ замысловъ, идутъ въ разрѣзъ съ основнымъ требованіемъ опредѣленности, ясности и жизненности, руководящихъ эстетическимъ чутьемъ французовъ. Ларрумé приходится, впрочемъ, говорить объ одномъ художникѣ, который нарушаетъ общій характеръ традиціоннаго искусства литературностью своихъ замысловъ. Это—скульпторъ Родэнъ, надѣлавшій столько шума своей новой статуей Виктора Гюго на послѣдней выставкѣ. Родэнъ отличается тѣмъ, что замыслы его переступаютъ исполненіе, такъ что статуи его большей частью—незаконченные этюды, прекрасные именно своей эскизностью, сквозь которую видна мощная фантазія и глубина замысла. Въ особенности эта незаконченность, связанная съ продуманностью и твердостью замысла, проявляется въ послѣдней статуѣ Виктора Гюго. Поэтъ представленъ сидящимъ у моря; онъ наклонилъ голову и держитъ руку возлѣ уха, какъ бы прислушиваясь къ звуку волнъ,—и от-

Digitized by Google

туда уже поднимается его собственная пѣснь въ видѣ фантастическаго женскаго образа—генія морскихъ водъ. За спиной поэта поднимается другая фигура русалки, едва еще, впрочемъ, намѣченная въ выставленномъ эскизѣ. Быть можетъ, въ готовомъ видѣ статуя утратитъ теперешнюю красоту и силу и станетъ болѣе узкой въ своей установленной формѣ. Но творческій полетъ художника выступаетъ въ эскизѣ съ необычайной силой, каковы бы ни были его исполнительныя способности. Ларрумé, говоря о прежнихъ работахъ Родэна, отрицаетъ его идейность и считаетъ ее скорѣе навязанной скульптору его литературными поклонниками. Талантъ Родэна онъ видитъ въ смѣлости исполненія, широтѣ и оригинальности композицій, и усматриваетъ отпечатокъ геніальности на его произведеніяхъ, не желая признать, что геніальность эта относится скорѣе къ замысламъ, чѣмъ къ исполненію.—З. В.

Digitized by Google

НЕКРОЛОГЪ.

Николай Александровичъ Варгунинъ.

11-го сентября совершено было погребеніе тѣла Николая Александровича Варгунина (сконч. 8-го сентября) на кладбищѣ церкви Спаса Преображенія, за Фарфоровымъ заводомъ, на Невѣ, въ 12 верстахъ отъ Петербурга. Собралась масса окрестнаго народа и явилось около 40 депутацій, принявшихъ участіе въ печальной процессіи; все это ясно говорило о томъ, что въ лицѣ покойнаго общество утратило дѣятеля, какихъ мало, и притомъ—на поприщѣ, особенно цѣнимомъ и важномъ въ наше время—на поприщѣ народнаго образованія и просвѣщенія. Покойный вовсе не былъ педагогомъ, и полученное имъ образованіе нисколько не подготовило его къ той дѣятельности, которой онъ впослѣдствіи посвятилъ всего себя; но онъ полюбилъ эту дѣятельность, и такая любовь замѣнила ему спеціальную подготовку, а случай открылъ путь къ тому, что̀ современемъ превратилось въ немъ въ страсть и составило задачу всей его жизни.

Окончивъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ, въ 1866 г. (родился 3-го апрѣля 1850 г.), Н. А. посвятилъ затѣмъ еще одинъ годъ на подготовленіе къ дополнительному экзамену изъ латинскаго языка, для поступленія въ спб. университетъ, выдержалъ экзаменъ—и въ 1871 г. окончилъ курсъ кандидатомъ по административному отдѣленію юридическаго факультета. Самые первые годы онъ посвятилъ свою дѣятельность той мѣстности, среди которой ему пришлось и покончить свои дни. Еще въ 1875 г. онъ былъ избранъ въ члены фарфоровскаго приходскаго попечительства; вскорѣ ему была поручена постройка каменнаго дома, гдѣ онъ открылъ первое училище, а впослѣдствіи учредилъ воскресныя школы, и при этомъ, въ теченіе десяти лѣтъ, пожертвовалъ на учебное дѣло свыше 24 т. рублей. Въ 1888 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ фарфоровскаго общества, а въ 1896 г., въ память совершившагося 25-лѣтія его полезной и неутомимой дѣятельности, какъ попечителя, его портретъ былъ помѣщенъ въ залѣ засѣданій попечительства.

Безъ сомнѣнія, та среда, которою былъ окруженъ Н. А. въ мѣстности, наполненной фабриками и заводами, навела его на мысль о необходимости позаботиться и о житейской обстановкѣ взрослыхъ, оставившихъ школу за собою или вовсе не видавшихъ школы, такъ какъ въ

Digitized by Google

эпоху ихъ дѣтства мало вообще думали о необходимости народнаго образованія. И вотъ Н. А. является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ иниціаторовъ извѣстнаго нынѣ „Невскаго общества народныхъ развлеченій". Это общество было открыто 27-го октября 1891 г., и привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время ежегодно болѣе 100.000 посѣтителей. Н. А. успѣлъ собрать до 90.000 рублей на предположенную имъ постройку обширнаго зданія для народныхъ развлеченій, съ чайною, гимнастическимъ и концертнымъ заломъ и зрительнымъ заломъ на 1.600 человѣкъ. Но ему не суждено было увидѣть осуществленіе его мысли: именно, 8-го сентября, въ день его кончины, была назначена закладка этого зданія народныхъ развлеченій...

Параллельно съ тѣмъ, шла, одно время, дѣятельность Н. А. на другомъ общественномъ поприщѣ, но главный предметъ его и здѣсь оставался тотъ же—народное образованіе. Двѣнадцать лѣтъ (1881—1893 г.) онъ состоялъ гласнымъ спб. городской думы, и столько же лѣтъ былъ въ составѣ коммиссіи по народному образованію, какъ членъ ея, а съ 1890 г., какъ замѣститель предсѣдателя коммиссіи; въ то же время онъ завѣдывалъ, съ 1887 г., безплатной городской читальней А. С. Пушкина. Замѣчательно то, что послѣднимъ актомъ дѣятельности Н. А. Варгунина въ городскомъ общественномъ управленіи былъ составленный имъ, въ 1893 г., докладъ въ городскую думу „О раціональномъ устройствѣ увеселеній для народа" [1]). Но разсмотрѣніе этого доклада не могло состояться въ присутствіи его автора: въ засѣданіи городской думы, 7-го января 1894 г., совершенно неожиданно для всѣхъ прочтено было его заявленіе, на имя городского головы, отъ 22-го декабря 1893 г., о сложеніи имъ съ себя званія гласнаго и объ отказѣ отъ всѣхъ городскихъ должностей, на которыя дума почтила его своимъ избраніемъ—„по многочисленности его занятій". Собраніе думы отказалось принять такое заявленіе, въ виду той пользы, которую Н. А. приносилъ городу, относясь съ любовью, знаніемъ дѣла и энергіею ко всякому общественному вопросу, и постановило: просить Н. А. не отказываться отъ званія гласнаго и отъ занимаемыхъ имъ городскихъ должностей. Но, вѣроятно, Н. А. не могъ уступить просьбѣ собранія. а такимъ образомъ и коммиссія по народному образованію лишилась одного изъ дѣятельнѣйшихъ и ревностныхъ своихъ сотрудниковъ.

Съ того времени, дѣятельность Н. А. на его любимомъ поприщѣ не прекратилась однако, и только еще болѣе сосредоточилась на той мѣстности, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ началъ трудиться еще въ 70-хъ годахъ,—и не одно городское общественное управленіе оцѣнило заслуги Н. А.,—въ 1895 г. онъ былъ награжденъ золотою медалью Имп.

[1]) Напечатанъ въ „Изв. Город. Думы", 1893 г., № 8, стр. 922.

Digitized by Google

Вольнымъ экономическимъ обществомъ за выдающіеся его труды по народному образованію.

При первомъ извѣстіи о смерти Н. А., городская дума, не ограничиваясь обычными выраженіями соболѣзнованія, поручила городской управѣ войти съ докладомъ объ особомъ способѣ чествованія памяти покойнаго; вышеупомянутый послѣдній докладъ Н. А. въ городскую думу можетъ послужить управѣ къ наилучшему выбору такого способа, а именно: предложить болѣе полное осуществленіе плана, составленнаго покойнымъ для организаціи народныхъ развлеченій, въ большемъ соотвѣтствіи съ дѣйствительною потребностью въ нихъ.—С.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1897.

Нежелательные отголоски радостныхъ событій.—„Единеніе“ или „сліяніе“? — Полемическіе пріемы особаго сорта и „допросъ съ пристрастіемъ“. — Еще о памятникѣ Мицкевичу и о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ. — Богословскій факультетъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ).—Общество грамотности и начало его дѣятельности.

Есть люди, которымъ дано особое искусство портить хорошее настроеніе, мѣшать развитію и укрѣпленію добрыхъ чувствъ, поднимать со дна души все злобное и мелкое, омрачать свѣтлыя минуты довѣрія и надежды. Что такимъ искусствомъ обладаютъ и нѣкоторые органы печати — въ этомъ можно было убѣдиться еще разъ по поводу недавнихъ варшавскихъ празднествъ. И въ ожиданіи ихъ, и въ самый ихъ разгаръ, и послѣ ихъ окончанія, на страницахъ извѣстныхъ газетъ не переставали звучать старыя пѣсни узкаго, черствaго націонализма, приспособленныя, въ деталяхъ, къ особенностямъ даннаго момента. Такимъ приспособленіемъ служитъ, прежде всего, повторяемый на разные лады коварный вопросъ: „почему не достигаетъ нашего слуха братскій привѣтъ съ Вислы? почему не слышно увѣреній въ братскихъ чувствахъ „польскаго общества къ обществу русскому“?.. „Въ то время“ — читаемъ мы въ той же газетѣ нѣсколько дней спустя,—„какъ поляки готовы, быть можетъ, уступить правительству, перестать противодѣйствовать органамъ власти, измѣняютъ ли они свои чувства къ русскому народу“? Еще нѣсколькими днями позже мѣсто вопроса занимаетъ уже отрицательный отвѣтъ: такъ какъ „лойяльными“ поляки согласны сдѣлаться только „подъ условіемъ реставраціи царства польскаго“, то „становится яснымъ, почему польскія газеты, привѣтствуя Царя, замалчиваютъ русскій народъ и не протягиваютъ ему съ привѣтомъ братской руки“. Все это постепенное crescendo заканчивается, по обычаю, крикливой нотой, констатирующей наличность „нольской интриги“. Не въ правѣ ли мы были назвать коварнымъ пріемъ, отъ кажущейся тоски по братскомъ привѣтѣ столь быстро приводящій къ укорамъ, менѣе всего совмѣстимымъ съ братскими чувствами? Кто дѣйствительно желаетъ любви, тотъ не вымогаетъ громкихъ и публичныхъ ея доказательствъ, не требуетъ ея съ насиліемъ и угрозами; онъ старается заслужить ее и беретъ на себя иниціативу ея выраженія, въ особенности если на его сторонѣ сила и всѣ другія внѣшнія преимущества. Откуда, притомъ, могутъ

Digitized by Google

взяться у польскаго общества братскія чувства къ русскому? Они мало знаютъ другъ друга, мало и рѣдко приходятъ въ соприкосновеніе одно съ другимъ; русскіе, ex officio имѣющіе дѣло съ поляками, меньше всего, быть можетъ, расположены къ нимъ и меньше всего располагаютъ ихъ къ себѣ—и, слѣдовательно, меньше всего способны играть роль въ русско-польскомъ сближеніи. „Братскій привѣтъ“ поляковъ, обращенный къ русскимъ, былъ бы, въ настоящую минуту, пустой фразой, лишенной всякаго внутренняго значенія. Симпатія въ международныхъ сношеніяхъ не рождается внезапно; она зрѣетъ медленно, очень медленно, на почвѣ взаимнаго уваженія и взаимной справедливости—и отодвигается въ непроглядную даль будущаго, если между обѣими народностями нѣтъ духовнаго родства (Affinität, Wahlverwandtschaft). Отсюда не слѣдуетъ, чтобы для племенъ, „не сошедшихся характерами“, не было мѣста въ одномъ государственномъ организмѣ. Баварецъ, напримѣръ, и теперь столь же мало сочувствуетъ бранденбургцу, какъ во времена франкфуртскаго сейма, и однако отлично уживается съ нимъ въ германской имперіи; немногимъ ближе другъ къ другу нормандецъ и гасконецъ, сознающіе себя, однако, не только членами одного государства, но и сыновьями одного народа. Понуждать или побуждать поляковъ къ братолюбивымъ демонстраціямъ нѣтъ, такимъ образомъ, ни возможности, ни надобности—и отсутствіе подобныхъ демонстрацій свидѣтельствуетъ не о польскомъ лицемѣріи, а наоборотъ, о польской искренности. Менѣе всего, конечно, „допросъ съ пристрастіемъ“ насчетъ „братскихъ чувствъ“ приличенъ со стороны тѣхъ органовъ печати, которые нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду дѣлали все зависѣвшее отъ нихъ для поддержанія и обостренія разлада между русскими и поляками, да и теперь съ худо скрываемымъ неудовольствіемъ относятся ко всему тому, что̀ можетъ вести къ смягченію этого разлада.

Комментируя слова Высочайшаго рескрипта (на имя варшавскаго генералъ-губернатора) о „неразрывномъ единеніи государственномъ“, въ которомъ польское населеніе должно находиться со всѣми „вѣрноподданными русской державы“, „Московскія Вѣдомости“ (№ 240), рекомендуютъ полякамъ такое *сліяніе* съ Россіей, при которомъ слово *полякъ* будетъ для русскаго однозначительно съ словомъ „провансалецъ“ или „бретонецъ“—для француза. На мѣсто одного понятія подставляется здѣсь другое, далеко не тождественное. Если въ химіи *сліяніе* означаетъ потерю особенностей, присущихъ каждому изъ сливающихся элементовъ, и замѣну ихъ новыми свойствами новаго цѣлаго, то въ политикѣ оно равносильно обезличенію слабѣйшаго, поглощенію его сильнѣйшимъ. Наоборотъ, при *единеніи* и слабѣйшій сохраняетъ свои отличительныя черты, подчиняя ихъ только нѣкото-

Digitized by Google

рымъ общимъ цѣлямъ. *Единеніе* возможно между народами, имѣющими различное, во многомъ даже противоположное прошедшее — *сліяніе* возможно только между племенами, еще не развившимися до степени народа, или между *народомъ* и *племенемъ*, т.-е. между организмами различныхъ порядковъ, изъ которыхъ высшій ассимилируетъ себѣ низшіе. Между поляками и провансальцами, или бретонцами, существуетъ, съ этой точки зрѣнія, глубокое различіе: послѣдніе никогда не были *народомъ*, какимъ были и продолжаютъ быть поляки. Провансальская литература, какъ и бретонская, давно перестала существовать въ качествѣ самостоятельнаго цѣлаго; провансальцы, какъ и бретонцы, говорятъ на своемъ нарѣчіи, но поэты и мыслители, выходящіе изъ ихъ среды, пишутъ по-французски; своей особой исторіи ни Провансъ, ни Бретань, уже нѣсколько вѣковъ не имѣютъ. Государственная исторія Польши прекратилась сравнительно недавно: польская литература, богатая въ прошедшемъ, продолжаетъ процвѣтать и въ настоящемъ; польскій языкъ, примѣняемый одинаково и въ домашнемъ быту, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, не имѣетъ ничего общаго съ нарѣчіемъ. Все это устраняетъ возможность *сліянія*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ московская газета, и проповѣдь сближенія, выставляющая неосуществимыя условія, обращается, на самомъ дѣлѣ, въ проповѣдь дальнѣйшей розни.

Насколько искренни примирительныя чувства, аффишируемыя реакціонною печатью—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по „полемическимъ“ пріемамъ, которые она пускаетъ въ ходъ противъ петербургской (польской) газеты „Край“. Въ дѣятельности „Края“ выискиваются „крайне вредныя“ и „самыя вредныя“ стороны: съ помощью корреспондентовъ, содержимыхъ ею во всѣхъ когда-либо бывшихъ подъ главенствомъ Польши областяхъ, польская газета постоянно поддерживаетъ, будто бы, связь между этими областями; она имѣетъ, далѣе, своихъ агентовъ (отчасти—поляковъ, отчасти—русскихъ) почти во всѣхъ редакціяхъ петербургскихъ газетъ, черезъ которыхъ проводитъ въ русскую печать изготовляемыя въ редакціи „Края“ статьи и замѣтки о польскихъ дѣлахъ. Первое обвиненіе просто смѣшно: оно сводится, въ сущности, къ тому, что газета дѣлаетъ свое газетное дѣло. Изданіе ежедневнаго органа печати немыслимо безъ корреспондентовъ — и столь же естественно единомысліе ихъ съ редакціей, а слѣдовательно и между собою. Второе обвиненіе имѣло бы какой-нибудь смыслъ только тогда, еслибы редакціи *почти всѣхъ* петербургскихъ газетъ не имѣли никакого собственнаго мнѣнія о польскомъ вопросѣ и помѣщали у себя машинально все доставляемое имъ со стороны, разъ что оно касается Польши или поляковъ. Само собою разумѣется, что нѣчто подобное возможно развѣ въ видѣ исключенія—и даже въ этомъ

Digitized by Google

видѣ не вполнѣ вѣроятно. Кто бы ни *написалъ* статью, *напечатана* она можетъ быть только тогда, если она согласна съ общимъ духомъ и направленіемъ газеты. Самый фактъ, лежащій въ основаніи обвиненія, болѣе чѣмъ сомнителенъ; мы повѣримъ ему только тогда, когда онъ будетъ подтвержденъ прямыми указаніями на газеты, лица и статьи, и указанія эти останутся неопровергнутыми. Не въ обычаяхъ нашей печати „внушенныя“ или „подсказанныя“ статьи, идущія изъ одного источника и бьющія въ одну точку. Весьма можетъ быть, что редакція „Края“, зная, какъ мало распространено въ русскомъ обществѣ и среди дѣятелей русской печати знаніе польскаго языка, присылаетъ иногда въ русскія газеты и журналы переводы статей, на которыя ей хотѣлось бы обратить вниманіе русской публики; но это дѣлается, конечно, только à titre de renseignement, т.-е. сообщаемыя статьи разсматриваются обѣими сторонами только какъ фактическій матеріалъ, изъ котораго можно сдѣлать любое употребленіе—или не сдѣлать никакого... Еще знаменательнѣе допросъ, производимый „Московскими Вѣдомостями“ по отношенію къ „Краю“. Программа польской газеты состоитъ въ признаніи національной, этнографической и культурной самобытности польскаго племени, съ вытекающими отсюда послѣдствіями; поляки должны быть уравнены въ правахъ съ правами всѣхъ подданныхъ государства; царству польскому должны быть дарованы учрежденія, которыми пользуются внутреннія губерніи. Приведя эту программу, московская газета нѣсколькими строками дальше превращаетъ ее въ *требованіе всего, кромѣ политической независимости* — требованіе, исполненіемъ котораго обусловлена лойяльность поляковъ. „Такъ, стало быть“—восклицаетъ газета,—„пока поляки не уравнены въ правахъ съ русскими, они не лойяльны? Вотъ вопросъ вполнѣ естественный и своевременный, и этого вопроса никто *Краю* не задалъ“. Еще бы! Спеціальность постановки такихъ вопросовъ принадлежитъ, въ нашей печати, исключительно „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онѣ пытались принудить своихъ русскихъ противниковъ къ публичному засвидѣтельствованію благонамѣренности, довольно ясно намекая на объясненіе, которое, въ такихъ случаяхъ, можетъ и должно быть дано молчанію; теперь онѣ уготовляютъ аналогичную западню для польской прессы—но она опять захлопнется надъ ними самими, обнаруживъ въ полномъ блескѣ всю безцеремонность и вмѣстѣ съ тѣмъ всю тщету ихъ инквизиторіальныхъ замашекъ. Вопросъ, столь же *не*-своевременный, сколько и *не*-естественный, останется безъ отвѣта, прибавивъ еще одну яркую черту къ характеристикѣ вопрошающаго... Иронически называя „скромнымъ“ желаніе поляковъ быть уравненными въ правахъ съ остальными подданными русскаго государя, московская газета упускаетъ

Digitized by Google

изъ виду, что безъ равенства правъ немыслимо какъ *единеніе*, такъ и *сліяніе* различныхъ частей государства. Чѣмъ больше положеніе одной изъ нихъ отличается, къ худшему, отъ положенія остальныхъ, тѣмъ труднѣе для нея отрѣшиться отъ особенностей, вызвавшихъ, когда-то, извѣстную сумму правоограниченій. Сближенію — внутреннему, а не механическому — должно *предшествовать* устраненіе условій, поддерживающихъ дѣйствіе центробѣжныхъ силъ.

Усиливаясь доказать, что никакой *новой эры* для польскаго вопроса не наступило, что все въ положеніи привислянскихъ и западныхъ губерній остается, должно остаться и останется по старому, реакціонная печать руководствуется не столько тѣмъ, что она видитъ, сколько тѣмъ, что она хочетъ видѣть. Быть можетъ, выраженіе: *новая эра* слишкомъ громко для перемѣнъ, уже совершившихся и могущихъ совершиться въ ближайшемъ будущемъ—но самая наличность перемѣнъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на слѣдующій фактъ, сообщенный на дняхъ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что Государь Императоръ, въ 25-й день іюня сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) обязательное и принудительное посѣщеніе въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства учениками-иновѣрцами православнаго богослуженія по табельнымъ днямъ повсемѣстно прекратить, и 2) общую для всѣхъ учениковъ-христіанъ предклассную молитву въ тѣхъ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, гдѣ имѣется значительное число иновѣрцевъ, замѣнить отдѣльною молитвою по исповѣданіямъ, сообразно правиламъ каждаго исповѣданія. Эта высоко-гуманная мѣра полагаетъ конецъ порядку вещей, крайне тяжело отзывавшемуся на католическомъ юношествѣ нашего запада. Припомнимъ замѣчательное письмо попечительницы (русской и православной) женскаго пансіона въ гор. Шавляхъ, перепечатанное (хотя и не цѣликомъ) изъ одной мало доступной книги въ русскомъ консервативномъ журналѣ („Русскомъ Вѣстникѣ“); припомнимъ другіе аналогичные факты, ярко иллюстрирующіе значеніе „принудительнаго“ присутствія иновѣрцевъ при православномъ богослуженіи или молитвѣ [1])!.. Наша „охранительная“ печать старалась оправдать и отстоять это принужденіе, но усилія ея, къ счастію, оказались тщетными, и требованія, столь же отяготительныя для католиковъ, сколько безполезныя для православной церкви, отошли въ прошедшее.

Какъ и слѣдовало ожидать, реакціонная печать продолжаетъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, вести агитацію противъ памят-

[1]) См. Общественную Хронику въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1896 г.

Digitized by Google

ника Мицкевичу. Въ послѣдней варшавской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей", посвященной этому предмету, указывается на то, что сборъ на памятникъ на цѣлыхъ тридцать тысячъ превысилъ максимальную цифру (200 тысячъ), разрѣшенную правительствомъ, что въ проектѣ, представленномъ на утвержденіе властей, памятникъ Мицкевичу оказывается на цѣлую сажень выше памятника покорителю Варшавы, князю Паскевичу; что скверъ, гдѣ предполагается поставить памятникъ, носитъ, въ честь великаго князя Константина Николаевича, названіе Константиновскаго, хотя это и отрицаетъ варшавскій магистратъ... Когда мы читали всѣ эти мелкія, жалкія выходки, намъ пришелъ на память слѣдующій фактъ, сообщаемый въ книгѣ г. Вѣтринскаго (Чешихина): „Т. Н. Грановскій и его время" (стр. 198). На обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ, въ 1844 г., въ честь Грановскаго, съ участіемъ обѣихъ, только-что сформировавшихся, но уже враждебныхъ другъ другу литературныхъ партій—западнической и славянофильской,—Хомяковъ предложилъ тостъ за „великаго отсутствующаго славянскаго поэта", котораго тогда неудобно было называть по имени, т.-е. за Мицкевича. Никакихъ возраженій, повидимому, этотъ тостъ не встрѣтилъ и былъ выпитъ участниками обѣда „молча и стоя". Какой это былъ бы урокъ для нынѣшнихъ московскихъ „агитаторовъ", еслибы только они были способны понимать подобные уроки! Какая пропасть отдѣляетъ современныхъ „охранителей" отъ первыхъ славянофиловъ, даже отъ славянофильствующихъ „патріотовъ" въ родѣ Погодина и Шевырева (также присутствовавшихъ на обѣдѣ)!.. Замѣтимъ, что въ то время Мицкевичъ былъ еще живъ и занималъ каѳедру въ Collège de France, и все-таки лучшіе изъ тогдашнихъ русскихъ видѣли въ немъ не политическаго противника, а „великаго славянскаго поэта". Тѣмъ нормальнѣе была бы такая точка зрѣнія теперь, когда публицистическая дѣятельность Мицкевича давно забыта и его имя окружено только лучами поэтической славы. Этимъ, очевидно, руководствовалось и правительство, разрѣшая постановку памятника Мицкевичу въ Варшавѣ—но этого никакъ не хотятъ понять наши злобствующіе ультра-націоналисты. Безсильные помѣшать хорошему дѣлу въ принципѣ, они изо всѣхъ силъ стараются испортить его въ деталяхъ.

Тѣ самые органы печати, которые никакъ не могутъ примириться съ мыслью о памятникѣ Мицкевича, продолжаютъ настаивать на скорѣйшемъ замѣщеніи должности виленскаго генералъ-губернатора, вакантной со времени смерти генерала Оржевскаго. Въ подтвержденіе опасности, сопряженной съ отсутствіемъ генералъ-губернатора, приводятся два факта, свидѣтельствующіе, будто бы, о „явномъ наступленіи польской клики на русское общество". *Первый фактъ*—избра-

Digitized by Google

ніе въ виленскую городскую думу 77% поляковъ и только 9% русскихъ, между тѣмъ какъ въ массѣ виленскаго населенія русскіе составляютъ 18%, поляки—31%. Чтобы правильно оцѣнить значеніе этихъ цифръ, необходимо было бы знать относительное число поляковъ и русскихъ не въ средѣ всего виленскаго населенія, а между домовладѣльцами и купцами, т.-е. *городскими избирателями*. Весьма вѣроятно, что здѣсь процентъ русскихъ значительно меньше 18, такъ какъ въ Вильнѣ русскихъ особенно много между чиновниками, военнослужащими и рабочими, не имѣющими права участвовать въ городскихъ выборахъ. Мнимое „наступленіе польской клики" сводится такимъ образомъ, быть можетъ, къ давно извѣстному недостатку дѣйствующей въ городахъ избирательной системы. То же самое слѣдуетъ сказать и о Ковнѣ, гдѣ изъ числа сорока гласныхъ только *двое* русскихъ. Допустимъ, однако, что преобладанію поляковъ между гласными въ Вильнѣ и Ковнѣ способствовало, отчасти, соглашеніе между поляками-избирателями: какимъ образомъ могъ бы предупредить его генералъ-губернаторъ? Вѣдь въ совѣщаніяхъ между избирателями, если они не имѣютъ характера публичныхъ собраній, нѣтъ ничего противозаконнаго, ничего вызывающаго или оправдывающаго вмѣшательство власти; не предоставлено генералъ-губернатору и право кассаціи выборовъ, давшихъ перевѣсъ не-русскимъ передъ русскими. *Второй фактъ*—отказъ виленской городской думы отвести участокъ городской земли подъ амбулаторію, устройство которой, въ память императора Александра III-го, было задумано супругой генерала Оржевскаго еще при его жизни. *Самъ по себѣ* этотъ отказъ не доказываетъ еще рѣшительно ничего: нужно знать его *мотивы*, а о нихъ московская газета судитъ лишь по городскимъ слухамъ, объясняющимъ рѣшеніе думы „чисто польско-политиканскими соображеніями". Весьма можетъ быть, что дума вовсе не имѣла въ виду отклонять всякое участіе города въ устройствѣ амбулаторіи, но не считала возможнымъ отвести подъ нее именно *данный* участокъ земли, предназначенный городомъ для какихъ-либо иныхъ цѣлей; возможны и другія причины отказа, чуждыя всякаго политиканства. Во всякомъ случаѣ городъ—хозяинъ своей земли, и принудить его къ безвозмездному отчужденію того или другого ея участка не могъ бы и генералъ-губернаторъ... Въ концѣ концовъ земля подъ амбулаторію была уступлена городомъ, вслѣдствіе „энергичнаго вмѣшательства" попечителя учебнаго округа. Такъ какъ попечитель учебнаго округа не имѣетъ ни оффиціальнаго отношенія къ городскимъ лечебнымъ заведеніямъ, ни оффиціальной власти надъ городскимъ самоуправленіемъ, то „энергичное вмѣшательство" его можно понимать только въ смыслѣ увѣщаній, совѣтовъ, разъясненій—и если дума уступила *такому* вмѣшательству, то это

Digitized by Google

значитъ, что у нея не было никакого parti pris противъ амбулаторіи. Если же, паче чаянія, *вмѣшательство*, въ данномъ случаѣ, было похоже на *воздѣйствіе*, то его быстрый успѣхъ доказываетъ возможность осуществлять административныя предначертанія и безъ чрезвычайныхъ генералъ-губернаторскихъ полномочій...

Если вѣрить юрьевской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей", въ юрьевскомъ (дерптскомъ) университетѣ возникъ недавно любопытный вопросъ, возбуждающій оживленную полемику и между профессорами, и въ мѣстной прессѣ. Онъ касается учрежденія на богословскомъ (лютеранскомъ) факультетѣ, при каѳедрѣ практическаго богословія, двухъ новыхъ профессуръ, изъ которыхъ одна была бы посвящена преподаванію предметовъ этой каѳедры на эстонскомъ, другая — на латышскомъ языкѣ. Мотивируется это нерасположеніемъ эстовъ и латышей къ пасторамъ нѣмецкаго происхожденія, или „нѣмецкаго направленія", порожденнаго „строго-нѣмецкимъ духомъ юрьевскаго богословскаго факультета и полнымъ его равнодушіемъ къ національно-религіознымъ потребностямъ латышей и эстовъ". Юрьевскій богословскій факультетъ состоитъ въ настоящее время изъ пяти профессоровъ — четырехъ нѣмцевъ и одного славянина. Нѣмцы всѣ высказались противъ практикуемой мѣры; славянинъ — за нее. Въ мнѣніи большинства корреспондентъ московской газеты усматриваетъ не что иное, какъ желаніе отстоять „послѣдній бастіонъ воинствующаго германизма" въ прибалтійскомъ краѣ—лютеранско-нѣмецкую церковь. Намъ кажется, что вопросъ рѣшается не такъ просто. Увеличеніе пасторовъ-латышей и эстовъ, не порвавшихъ связи съ своей народностью и принимающихъ близко къ сердцу ея потребности и интересы, представляется, безспорно, весьма желательнымъ; но едва ли цѣлесообразно намѣчаемое для этого средство. Всѣ студенты юрьевскаго богословскаго факультета, къ какой бы національности они ни принадлежали, хорошо знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ; иначе они не могли бы слушать лекціи, которыя почти всѣ читаются на нѣмецкомъ языкѣ. Чтеніе практическаго богословія по-латышски и поэстонски не вызывается, слѣдовательно, необходимостью сдѣлать его болѣе доступнымъ для латышей и эстовъ. Не измѣнился бы, отъ перемѣны языка, и самый характеръ преподаванія, въ значительной степени предопредѣляемый содержаніемъ предмета. Получилась бы лишь та несообразность, что, при крайне незначительномъ общемъ числѣ каѳедръ (пять — для цѣлаго факультета!), одна изъ нихъ имѣла бы трехъ представителей, читающихъ, въ сущности, одно и то же, только

Digitized by Google

на разныхъ языкахъ. Профессора-нѣмцы, ходатайствовавшіе недавно объ увеличеніи числа *каѳедръ* на богословскомъ факультетѣ, нисколько не впали въ противорѣчіе съ самими собою, возражая противъ увеличенія числа *профессоровъ*. Между тѣмъ и другимъ существуетъ, очевидно, большое различіе: расширеніе преподаванія гораздо важнѣе, чѣмъ его разноязычность. Обнѣмеченнымъ можетъ, притомъ, оказаться и эстъ или латышъ, читающій на эстонскомъ или латышскомъ языкѣ. Вмѣсто того, чтобы вводить трехъязычное преподаваніе одного и того же предмета, гораздо правильнѣе было бы, увеличивъ число предметовъ, а слѣдовательно и каѳедръ, замѣстить новыя каѳедры по преимуществу лицами эстонскаго или латышскаго происхожденія (конечно—не уступающими, по своему научному цензу, кандидатамъ изъ среды нѣмцевъ) и разрѣшить имъ чтеніе лекцій на ихъ природномъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы привлекать на богословскій факультетъ, путемъ особыхъ стипендій, возможно бо̀льшее число эстовъ и латышей. Сближеніе пасторовъ съ прихожанами было бы достигнуто, этимъ путемъ, гораздно вѣрнѣе, чѣмъ учрежденіемъ трехъ каѳедръ по одному и тому же предмету, которое почти неизбѣжно сдѣлалось бы источникомъ соперничества и разлада.

Прошло уже болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ с.-петербургскій комитетъ грамотности, переименованный, вмѣстѣ съ московскимъ, въ *общество* грамотности, получилъ новое устройство, радикально отличное отъ прежняго [1]). Какъ только состоялась эта перемѣна, многіе члены комитета вышли изъ его состава; въ послѣднее общее собраніе, созванное старымъ совѣтомъ комитета для выбора должностныхъ лицъ общества, явилось (14 апрѣля 1896 г.) не болѣе 30, 40 человѣкъ, да и они отказались приступить къ выборамъ, пока не будетъ разрѣшенъ вопросъ объ измѣненіи устава общества. Съ тѣхъ поръ въ газетахъ появлялись только сообщенія о назначеніи предсѣдателемъ общества сначала одного лица, потомъ, за отъѣздомъ его изъ Петербурга—другого. Лѣтомъ нынѣшняго года новый предсѣдатель общества разослалъ всѣмъ бывшимъ членамъ комитета приглашеніе увѣдомить, желаютъ ли они принимать участіе въ дѣятельности общества (членами котораго они считаются на основаніи устава). Одинъ изъ членовъ комитета, г. Панкратьевъ, какъ видно изъ письма, напечатаннаго имъ въ „Сынѣ Отечества“, призналъ нужнымъ получить предварительно свѣденія о томъ, что̀ сдѣлало и дѣлаетъ обще-

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 5 „Вѣстн. Европы“, 1896 г.

Digitized by Google

ство, и обратился къ предсѣдателю съ просьбою о присылкѣ ему отчета за время существованія общества. По словамъ г. Панкратьева, нѣкоторые изъ бывшихъ членовъ комитета грамотности отговаривали его отъ этого, указывая на общеизвѣстный фактъ бездѣйствія общества; но письмо было послано, и отъ предсѣдателя общества былъ полученъ отвѣтъ, что „отчета о дѣятельности общества еще составляемо не было". „Отсутствіе отчета и даже попытокъ къ его составленію" — замѣчаетъ по этому поводу г. Панкратьевъ—„можетъ навести пессимистически настроенныхъ людей на мысль, что и никакихъ дѣлъ въ обществѣ еще начинаемо не было. Къ участію въ какой же дѣятельности приглашаетъ предсѣдатель новаго общества бывшихъ членовъ комитета грамотности? Въ настоящее время, когда правленіе спб. общества грамотности, просуществовавшаго полтора года безъ шума и слѣда, работаетъ надъ выясненіемъ числа своихъ членовъ, скорѣйшее составленіе отчета особенно желательно, въ цѣляхъ привлеченія къ обществу наибольшаго числа лицъ". Соглашаясь съ г. Панкратьевымъ, мы невольно сомнѣваемся въ томъ, чтобы общество, такъ долго не начинавшее дѣйствовать, могло оказаться особенно энергичнымъ, да и когда оно приступитъ къ работѣ: обстоятельства, при которыхъ оно учреждено, едва ли скоро перестанутъ тормазить его движеніе. Какъ бы то ни было, теперь болѣе чѣмъ когда-либо нельзя не пожалѣть о судьбѣ, постигшей комитетъ грамотности. Его трудамъ былъ положенъ конецъ именно въ то время, когда они достигли высшаго напряженія. Послѣдніе его годы были ознаменованы цѣлымъ рядомъ новыхъ предпріятій, много давшихъ и еще болѣе обѣщавшихъ для дѣла народнаго образованія; достаточно напомнить хотя бы организацію народныхъ читаленъ, послужившую исходной точкой для дальнѣйшей работы въ томъ же направленіи, особенно со стороны земскихъ собраній и городскихъ думъ. Остановка въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ значеніе не только отсрочки, но и помѣхи; окончаніе прерваннаго труда не только замедляется, но перестаетъ иногда быть возможнымъ, по меньшей мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Разсѣять силы, сплотившіяся для общей работы, очень легко, но собрать ихъ вновь до крайности трудно.

Чѣмъ менѣе благопріятны условія для дѣятельности столичныхъ обществъ грамотности, тѣмъ болѣе желательно широкое, по возможности, развитіе провинціальныхъ обществъ, менѣе стѣсненныхъ въ своей предпріимчивости. Большое оживленіе замѣчается въ послѣднее время въ кіевскомъ обществѣ грамотности. По предложенію одного изъ своихъ членовъ, С. В. Кульженко, оно рѣшило приступить къ изданію, по возможно дешевой цѣнѣ, книгъ для народа, какъ литера-

Digitized by Google

турныхъ, такъ и научнаго характера, по русской исторіи, естествовѣденію, географіи, медицинѣ, сельскому хозяйству и общественно-юридическимъ наукамъ. Собственно издательство принялъ на себя С. В. Кульженко, а для редактированія рукописей и одобренія ихъ къ печати образована обществомъ особая коммиссія. Съ просьбою объ участіи въ составленіи книгъ общество обратилось къ извѣстнымъ писателямъ—и нужно надѣяться, что его призывъ будетъ ими услышанъ...

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Спб. Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ".

Общество „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" при основаніи своемъ поставило себѣ задачею устраивать народныя чтенія и доставлять нуждающимся возможность читать, безъ всякой съ ихъ стороны затраты, книги, журналы и газеты.

Общество полагало, что удовлетвореніе потребности въ чтеніи есть одна изъ самыхъ главныхъ и серьезныхъ обязанностей, лежащихъ на интеллигенціи. Рецидивъ безграмотности, встрѣчающійся и по настоящее время, ясно показываетъ, какъ мало еще сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Вслѣдствіе этого, Правленіе Общества обратило особое вниманіе на организацію и развитіе безплатныхъ библіотекъ въ мѣстностяхъ, всего болѣе нуждающихся въ чтеніи.

Частые запросы со стороны частныхъ лицъ и учрежденій побудили Правленіе пойти на встрѣчу отдѣльнымъ попыткамъ и, выдѣливъ изъ своей среды особый органъ—„библіотечную коммиссію", возложить на него обязанность, помимо организаціи библіотекъ Общества, оказывать, по мѣрѣ возможности, содѣйствіе и частнымъ начинаніямъ.

Настоящимъ заявленіемъ Правленіе Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что библіотечная коммиссія принимаетъ на себя устройство народныхъ библіотекъ, закупку и разсылку книгъ въ провинцію по выработанному ею каталогу, приходитъ на помощь совѣтомъ по устройству библіотекъ и вообще содѣйствуетъ всѣмъ начинаніямъ этого рода.

Библіотечная коммиссія въ теченіе минувшаго года устроила двѣ безплатныя библіотеки и подготовила къ открытію еще двѣ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ не далъ возможности расширить кругъ дѣятельности коммиссіи, но Правленіе Общества „Помощь въ чтеніи" полагаетъ, что интеллигентное общество придетъ на помощь народному образованію и поддержитъ безплатныя библіотеки своимъ содѣйствіемъ.

Пожертвованія на существующія библіотеки и вновь открываемыя, а также средства (отъ 250 руб.) для устройства библіотекъ частныхъ

Digitized by Google

лицъ и учрежденій принимаются въ Правленіи (С.-Петербургъ, Фонтанка, № 18, кв. 18), съ обозначеніемъ: „въ библіотечную коммиссію"; справки же и совѣты по дѣламъ библіотекъ даются предсѣдателемъ коммиссіи (М. Д. Орѣховъ, Екатерингофскій пр., № 31, кв. 21) письменно или—по вторникамъ и субботамъ, отъ 6 до 8 ч. вечера—лично, и секретаремъ коммиссіи (д-ръ Мандельбергъ, В. Е., Садовая, № 88, кв. 15), по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 4 до 6 час. вечера.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ 1897.

Книга девятая.—Сентябрь.

стр.

Экзотики.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая: I-XIX.—ГР. ЕВГ. В. САЛЬЯСА 5

Женскіе медицинскіе колледжи въ Англіи и С. Америкѣ.—Изъ поѣздки зимою 1895-1896 г.—IV-VI.—Окончаніе.—О. Л. 88

Къ свѣту.—Разсказъ арестанта.—Съ галицко-русскаго.—ИВ. ФРАНКА . . . 104

Судьба Пушкина.—ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА 131

Гласъ народа.—„Vox populi". Roman von Konrad Telmann.—XXI-XXVIII.—Окончаніе.—А. Б—г—. 157

Реформаціонное движеніе въ Китаѣ.—I.—II. ПОПОВА 206

Путешествія за границу временъ Петра Великаго.—I-II.—А. Н. ПЫПИНА . . 244

Карлъ Марксъ въ русской литературѣ.—II.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 288

Стихотворенія.—I. Kennst du das Meer.—II. Изъ осеннихъ мелодій.—В. САВОДНИКЪ 308

Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Новое обостреніе продовольственнаго вопроса.—Легенды и дѣйствительность.—Мнимая *негосударственность* земства.—Попытка реабилитаціи „лукояновцевъ".—Распространеніе области дѣйствій фабричнаго законодательства.—Сверхъ-урочныя работы по закону 2-го іюня.—Инструкціи и правила, предусмотрѣнныя этимъ закономъ.—Новыя законодательныя мѣры 313

Первыя частныя желѣзныя дороги въ Россіи.—По личнымъ воспоминаніямъ.—И. К. 336

Иностранное Обозрѣніе.—Новое международное положеніе и франко-русскій союзъ.—Упадокъ германской гегемоніи и возможныя французскія иллюзіи.—Политическія дѣла въ Англіи.—Смерть испанскаго министра-президента Кановаса-дель-Кастильо 350

Новые золотые пріиски въ С.-Америкѣ.—Письмо изъ Калифорніи.—П. А. ТВЕРСКОГО 363

Литературное Обозрѣніе.—Имп. Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Т. II.—Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Т. I.—Русскій сѣверъ, А. П. Энгельгардта.—Изданіе Историч. Общества при Имп. Москов. Университетѣ. Годъ I.—Т.—Новыя книги и брошюры 371

Новости Иностранной Литературы.—I. G. Deschamps, La Vie et les Livres, sér. 4.—II. H. Bérenger. La Proie.—III. Ad. Brisson, Portraits intimes, sér. 3.—З. В. 388

Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ.—Некрологъ.—А. Н. ПЫПИНА 405

Изъ Общественной Хроники.—Неудобство неумѣренныхъ восторговъ.—Катковъ, изображаемый какъ „Прометей", „Титанъ" и „Пророкъ", какъ спаситель и просвѣтитель Россіи.—Полное собраніе передовыхъ статей Каткова.—Одинъ изъ эпигоновъ славянофильства.—Раздвоющійся писатель.—Невѣроятная программа.—Первыя извѣстія о торжественномъ въѣздѣ Ихъ Величествъ въ г. Варшаву 411

Извѣщеніе.—Отъ С.-Петербургскаго Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" 428

Библіографическій Листокъ.—Письма Иннокентія, митрополита московскаго и коломенскаго, кн. 1, собран. Ив. Барсуковымъ.—Что нужно для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи? Д. П. Малютина.—Султанъ и державы, Мальколь Макъ-Колль.

Объявленія.—I-XVI стр.

Digitized by Google

Книга десятая. — Октябрь.

стр.

Экзо́тики.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть вторая: I-X.—ГР. ЕВГ. В. САЛЬЯСА 429
Реформаціонное движеніе въ Китаѣ.—II-VII.—П. ПОПОВА. 474
Стихотворенія.—„Я озаренъ осеннею улыбкой"...—ВЛАД. СОЛОВЬЕВА . . . 514
На Босфорѣ, въ 1735 г.—АЛЕКСАНДРА КОЧУБИНСКАГО 515
Маленькій Іоганнесъ.—De kleine Johannes, Fred. van Eeden.—I-IV.—Съ голланд. перев. Е. Н. ПОЛОВЦОВОЙ 550
Второй годъ попечительствъ въ Москвѣ.—В. И. ГЕРЬЕ. 584
Два берега.—Les deux Rives, roman par Fern. Vandérem.—I-IX.—А. Б—г—. 613
Мѣсяцъ въ Гельсингфорсѣ.—Замѣтки туриста.—С. ВАСЮКОВА. 664
Путешествія за границу временъ Петра Великаго.—III.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА 692
Стихотворенія.—Наканунѣ увяданія.—Осеннія слезы.—О. Н. МИХАЙЛОВОЙ . 742
Карлъ Марксъ въ русской литературѣ.—III. — Окончаніе. — Л. З. СЛОНИМСКАГО 745
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Общій характеръ отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній на вопросы, относящіеся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. — Составъ волостныхъ сходовъ. — Необходимость расширенія круга лицъ, платящихъ мірскіе сборы.—Быстрый ростъ этихъ сборовъ.—Всесословная волость и „попечители" надъ крестьянскими сходами. — Губернскія продовольственныя совѣщанія.—Обязательные земскіе и городскіе расходы 764
Иностранное Обозрѣніе.—Военныя празднества и политическія манифестаціи въ Венгріи.—Предварительный мирный договоръ между Турціей и Греціей. Внутреннія дѣла въ Австріи и министерство графа Бадени.—Политическія дуэли.—Рабочее движеніе въ Англіи.—Волненія въ Индіи и судебные процессы противъ индійскихъ газетъ 782
Литературное Обозрѣніе.—Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1894 г.—Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, состав. И. А. Бычковъ.—А. П.—Юго-западный край, статистич. обозрѣніе, состав. И. Н. Толмачевъ.—Т.—Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія, И. И. Янжула.—Денежное обращеніе и его общественное значеніе, М. Шиппеля, перев. П. Струве.—Л. С.—Новыя книги и брошюры 794
Замѣтка.—Недвижимая собственность въ Россіи и ея современная судьба.—Матеріалы по статистикѣ землевладѣнія въ Россіи, п. р. А. Рейнбота, вып. 1.—Д. РИХТЕРА 815
Новости Иностранной Литературы.—I. Ed. Byré, Nouvelles causeries historiques et littéraires.—II. C. Mendès, L'art au théatre.—III. C. Larroumet, Petits portraits et notes d'art.—З. В. 821
Некрологъ.—Николай Александровичъ Варгунинъ.—С. 835
Изъ Общественной Хроники.—Нежелательные отголоски радостныхъ событій.—„Единеніе" или „сліяніе"?—Полемическіе пріемы особаго сорта и „допросъ съ пристрастіемъ".—Еще о памятникѣ Мицкевичу и о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ. — Богословскій факультетъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ).—Общество грамотности и начало его дѣятельности. 838
Извѣщеніе.—Отъ С.-Петербургскаго Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ". 849
Библіографическій Листокъ.—Натанъ Мудрый, Лессинга, въ перев. В. Крылова. —Народныя чтенія, В. Вахтерова. — Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Н. В. Бржескаго. — Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка, Я. Канторовича.—Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V, С. А. Венгерова.
Объявленія. — I-IV; I-XVI стр.

Digitized by Google

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ЛИСТОКЪ.

Натанъ Мудрый, драматическое стихотворенiе Г. Э. Лессинга. Перев. съ нѣм. Виктора Крылова, съ историко-литер. очеркомъ, примѣчанiями къ переводу и библiографич. указателемъ. Съ 35 рис. и 11 эстампами. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1897. Стр. 402.

Лессингъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ писателей XVIII вѣка; его имя стало извѣстнымъ и у насъ, благодаря переводу одного изъ его произведенiй, сдѣланному Карамзинымъ, а именно: „Эмилiя Галотти". Но самое замѣчательное изъ его произведенiй, „Натанъ Мудрый" (1778 г.), давно переведенное на всѣ главнѣйшiе европейскiе языки, могло явиться въ русскомъ переводѣ В. А. Крылова девяносто лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ оригинала („Вѣстникъ Европы", окт. и нояб. 1868 г.), и затѣмъ было издано отдѣльной книгой въ 1875 г., давно уже разошедшейся въ продажѣ. Новое, роскошное изданiе того же перевода выходитъ теперь не только тщательно пересмотрѣннымъ, но и значительно дополненнымъ; иллюстрацiи, украшающiя изданiе, превосходно выполнены и не ограничиваются тѣмъ, что сдѣлано въ этомъ отношенiи лучшими нѣмецкими изданiями Лессинга, но къ этому присоединены изображенiя главныхъ лицъ драмы изъ разныхъ эпохъ постановки ея на сценѣ и картинъ Бендемана къ „Натану", хранящихся въ Каульбаховскомъ музеѣ въ Мюнхенѣ.

Народныя чтенiя, В. Вахтерова. Спб. 97. Стр. 209. Ц. 1 р.

Настоящее изданiе можно признать лучшимъ руководствомъ для всѣхъ тѣхъ, кто пожелалъ бы принять участiе въ организацiи такого въ высшей степени полезнаго учрежденiя, какъ чтенiя для народа, но не имѣлъ бы свѣдѣнiй о тѣхъ условiяхъ, при которыхъ возможно осуществленiе самого дѣла и его дальнѣйшее веденiе на практикѣ. „Съ изданiемъ закона 11 октября 1894 г.,—говоритъ авторъ,—каждый глухой уѣздный городъ, каждое село, каждая деревня, каждая школа и волостное правленiе, каждый учитель, попечитель и пр., имѣютъ уже два пути исходатайствовать разрѣшенiе на устройство народныхъ чтенiй": епархiальная власть и министерство народнаго просвѣщенiя. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что первый путь достаточно облегченъ, такъ какъ духовныя чтенiя не требуютъ разрѣшенiя св. синода; между тѣмъ, другой путь вынуждаетъ „каждый глухой уѣздный городъ, каждое село", на всемъ пространствѣ Россiи, ожидать разрѣшенiя министра народнаго просвѣщенiя, которому предоставлено, „по предварительному каждый разъ соглашенiю съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и съ оберъ-прокуроромъ св. синода, разрѣшать народныя чтенiя въ уѣздныхъ городахъ и селенiяхъ". Такимъ образомъ, можетъ случиться,—а въ газетахъ уже и приводились такiе случаи,—что разрѣшенiе не заставало просителя въ живыхъ. Нельзя потому не пожелать и для другого пути такой же децентрализацiи, какая допущена для перваго изъ нихъ; въ результатѣ могло бы получиться значительное облегченiе для инициаторовъ такого важнаго и полезнаго дѣла, какъ повсемѣстное распространенiе народныхъ чтенiй.

Н. Бржескiй. Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Спб., 1897. Стр. III+427. Ц. 4 р.

Давно уже и много разъ выяснялась въ нашей печати совершенная невозможность существующихъ у насъ способовъ взиманiя податей съ крестьянъ, и тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ вопросъ о податной реформѣ не выходитъ изъ круга теоретическихъ разсужденiй. Податная задолженность сельскихъ обществъ возрастаетъ непрерывно со времени крестьянской реформы, несмотря на пониженiе платежей и отмѣну нѣкоторыхъ налоговъ; населенiе очень часто разоряется налогами, которые сами по себѣ не могутъ считаться обременительными, и причины этого печальнаго факта хорошо извѣстны всѣмъ. Устарѣлые прiемы собиранiя и взысканiя податей при круговой отвѣтственности сельскихъ обществъ представляютъ у насъ одинъ изъ постоянныхъ источниковъ народнаго обѣднѣнiя, и на эту аномалiю краснорѣчиво указывалъ, между прочимъ, нынѣшнiй министръ земледѣлiя А. С. Ермоловъ въ своей книгѣ о неурожаѣ 1891 г. Г. Бржескiй вновь ставитъ тотъ же вопросъ о недостаткахъ нашей податной системы; изслѣдованiе его посвящено разъясненiю того, „въ какой мѣрѣ развитiе и современное положенiе недоимочности сельскихъ обществъ обусловливается именно несовершенствомъ узаконенiй о взиманiи съ крестьянъ окладныхъ сборовъ и взысканiи недоимокъ".

Я. Канторовичъ. Процессы противъ животныхъ въ среднiе вѣка. Спб., 1897. Стр. 58. Ц. 20 коп.

Брошюра г. Канторовича сообщаетъ любопытныя подробности объ одномъ изъ странныхъ и загадочныхъ явленiй западно-европейской культурной исторiи прежняго времени—о судебномъ преслѣдованiи животныхъ, съ участiемъ прокуроровъ и защитниковъ, съ вызовомъ обвиняемыхъ къ суду и съ соблюденiемъ всѣхъ обычныхъ формальностей судебнаго производства. Процессы противъ свиней, коровъ, саранчи и т. п. происходили еще въ XVIII вѣкѣ въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ, представляя какъ бы наглядное свидѣтельство того, до какихъ абсурдовъ доводитъ узкiй схоластическiй формализмъ, поддерживаемый традицiей.

Венгеровъ, С. А. — Критико-бiографическiй Словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. V. Спб. 1897. Стр. 468. Ц. 2 р. 50 к. Всѣ пять томовъ — 15 руб.

Начиная съ пятаго тома, составитель Словаря отступилъ отъ прежней системы изданiя въ общемъ алфавитномъ порядкѣ, причемъ добытый матерiалъ осуждался на неопредѣленное время ожидать очереди своей буквы. Зато, при каждомъ новомъ томѣ, какъ и при нынѣшнемъ, прилагается алфавитный указатель ко всѣмъ предъидущимъ томамъ. Въ настоящемъ выпускѣ встрѣчаются, между прочимъ, довольно объемистые очерки, при именахъ слѣдующихъ лицъ: Бодуэнъ-де-Куртенэ, [illegible] В., Болтинъ, Веневитиновъ(?), Бредихинъ, Буслаевъ, Дружининъ и мн. др.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1898 Г.

(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ государ. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и первую четверть 1898 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google